

HISTORIA ROSSICA

Даниэль Бовуа

Гордиев узел Российской империи:

Власть, шляхта
и народ на
Правобережной
Украине (1793–1914)

Daniel Beauvois

Pouvoir russe et noblesse
polonaise en Ukraine: 1793–1830

Paris: CNRS Éditions

2003

Le noble, le serf et le revizor:
la noblesse polonaise entre le tsarisme
et les masses ukrainiennes, 1831–1863

Paris: Éditions des Archives contemporaines

1985

La bataille de la terre
en Ukraine, 1863–1914:
les Polonais et les conflits
socioethniques

Lille: Presses universitaires de Lille

1993

Даниэль Бовуа

Гордиев узел
Российской
империи:

ВЛАСТЬ, ШЛЯХТА И НАРОД
НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ
(1793–1914)

Новое
Литературное
Обозрение

2 0 1 1

HISTORIA
ROSSICA

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

На протяжении более года работы над текстом книги «Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793—1914)» Даниэль Бовуа оказывал неоценимую поддержку, консультировал и скрупулезно переписал и предоставил приводимые в работе цитаты из источников на русском языке. Перевод цитат из польских источников был осуществлен напрямую с польского языка. Следует также сказать, что все названия частей, глав и подглав обсуждались с автором, зачастую предлагавшим совершенно новые оригинальные названия. Кроме того, профессор Бовуа дополнял и редактировал уже существующий текст. По сравнению с предыдущими изданиями в третьей части книги появилась еще одна глава, посвященная вопросам религии и образования.

Огромным подспорьем в работе оказались материалы, выложенные на сайтах «Восточная литература. Средневековые источники Востока и Запада» (<http://www.vostlit.info/>); «Изборник» (<http://litopys.org.ua/>); Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (<http://feb-web.ru/>); Некоммерческая электронная библиотека «ImWerden» (<http://imwerden.de/>); «Российский мемуарий» (<http://fershal.narod.ru/>); «Военная литература» (<http://militera.lib.ru/>); «Проект Растко» (<http://www.rastko.rs/>); «История гражданского права России» (<http://civil-law.narod.ru/>); «Исторический факультет МГУ» (<http://www.hist.msu.ru/>); «Вологодская областная университетская научная библиотека» (<http://www.booksite.ru/>); «Кіровоградська універсальна наукова бібліотека» (<http://library.kr.ua/>); «Замки і храми України» (<http://www.castles.com.ua/>); «Згуртаваньне Беларускай Шляхты» (<http://www.nobility.by/>); «Еврейский Петербург» (<http://www.jew.spb.ru/>); «Slavic Research Center» (<http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/>); а также <http://historik.ru/>; <http://yanko.lib.ru/>; <http://index.lenin.ru/>; <http://bibliotekar.ru/>; <http://vivovoco.rsl.ru/>.

Хотелось бы выразить благодарность за оказанную помощь и консультации Ирине Адельгейм, Хенрику Дуле, Маргарите Корзо и Андрию Портнову.

Мария Крисань

ВВЕДЕНИЕ*

Сегодняшний российский читатель привык смотреть на Украину как на «потерянную» часть Советского Союза или Российской империи. Однако этой двусторонней российско-украинской перспективы отнюдь не достаточно, чтобы понять дореволюционные отношения. Век тому назад не столько украинский народ обвинялся в «предательстве», несмотря на «отпадение» Мазепы или Петлюры, сколько поляки с их вездесущей «интригой». Царская власть долгое время видела в самом украинофильстве происки поляков. Именно о необходимости постоянной борьбы с ними думал М.Н. Катков, когда писал: «Болит у нас в Киеве, а лечить придется Москву».

Данная книга предлагает трехстороннюю перспективу. Мне представляется чрезвычайно важным подчеркнуть, что если в религиозном смысле идея Московского государства как преемника Киевской Руси зародилась довольно рано (XV в.), способствуя в будущем созданию «воображаемого отечества» русских, то в политическом и действительном смысле большая часть Украины на правом берегу Днепра вошла в состав Российской империи только в 1793 г. в результате второго раздела Речи Посполитой.

Хотя в оправдание этого воссоединения Екатерина II говорила о «единоплеменниках» россиян, она и ее наследники не считали преобладавшее на этих землях крестьянское население достойным гражданских прав. Зато давний хозяин этих земель — шляхта представляла собой свободную группу, с которой нельзя было не считаться. Вплоть до 1917 г. проблема Правобережной Украины, как и всех западных окраин Российской империи, оставалась неизменной. Царские власти не могли решить, что сделать — смириться с культурным, экономическим и общественным преобладанием поляков или побороться с ним, а может быть, даже вовсе уничтожить?

Книга показывает, сколь масштабными были усилия царских властей по интеграции этих новых земель, каковы были успехи этой политики, а

* Специально для русского издания Даниэль Бовуа написал введение на русском языке. (Прим. пер.)

также значительные трудности, не позволившие вплоть до 1917 г. целиком достигнуть этой желанной цели.

Моя позиция как французского автора не могла быть националистической, она наднациональна. Меня в первую очередь интересовало постоянное столкновение трех идентичностей: российской, украинской и польской и сопоставление источников, исходящих от этих трех сторон. Для полноты исторического образа следовало бы добавить и еврейскую сторону. Ведь евреев на Украине было куда больше, чем поляков. К сожалению, мое славистическое образование сузило доступный мне круг источников, с которыми следовало бы работать при изучении этой группы. Таким образом, мое исследование носит только трехсторонний характер, однако, на мой взгляд, в этом и заключается его оригинальность.

Исследование касается не всей Украины, а ее части, находившейся между тремя реками: Днестром, Днестром и Бугом. О Левобережной (Восточной) Украине и о Галиции, входившей в состав Габсбургской империи, мы будем говорить только мимоходом. Предмет книги — обширная территория, равная площади Швейцарии и Португалии, вместе взятых. Известное в настоящее время ее название — Правобережная Украина — на протяжении изучаемого периода никогда не употреблялось. В составе Речи Посполитой эта территория состояла из трех воеводств. Существовавшие между ними границы с незначительными изменениями сохранились после присоединения к Российской империи. Воеводства стали называться губерниями — Киевской, Волынской и Подольской. Весь регион до 1831 г. административно никак не выделялся и в официальных текстах наравне с Литвой и Белоруссией определялся как «польские губернии». После первого Польского восстания 1830—1831 гг., чтобы хотя бы формально стереть воспоминание о происхождении этих губерний, их стали именовать «западными». С этого времени они напрямую находились в ведении Комитета западных губерний в Петербурге (до 1848 г.), в который входили сменявшие друг друга министры, причем интересующий нас регион воспринимался отдельно и назывался Юго-Западным краем; остальные же земли бывшей Речи Посполитой стали именовать Северо-Западным краем. Каждый край, сохраняя деление на губернии, в которых губернаторы отныне назывались гражданскими губернаторами, подчинялся своему генерал-губернатору. Эта структура сохранилась до 1917 г.

Земли, о которых пойдет речь, сегодня принадлежат к «ближнему зарубежью» и, как все утраченные части давних империй в мире, вызывают у некоторых русских боль от вырванной с кровью части тела. Все бывшие империи испытывают одинаковые чувства, особенно те их граждане, которые были лично связаны с землями, где им было хорошо и о проблемах которых они не хотели знать. Англичанам и французам было знакомо, а

иногда знакомо и сейчас это чувство потери. Французские колонизаторы (слава богу, их уже не так много) придумали для определения этого ощущения слово «ностальгерия». И у поляков, которые были связаны с Украиной с XIV в., такая ностальгия сегодня еще очень жива.

Чаще всего все эти чувства и идеализированные связи выразались в лживой историографии XIX—XX вв., в которой постепенно складывались националистические мифы. Эти мифы еще ярче выразались в литературе и искусстве метрополий.

Очень долго в России не было настоящей независимой истории. Читаящая публика должна была довольствоваться карамзинской схемой, которая почти без изменения повторялась в школах и университетах. Свободной истории не было, потому что с давних времен власть боялась как огня доступа историков к архивам. 7 сентября 1861 г. Н.И. Костомаров писал А.С. Норову, члену Академии наук (незадолго до этого бывшему министром народного просвещения), о непонятных трудностях с доступом к источникам в архивах: «Здесь неисчерпаемая бездна приказных дел, относящихся исключительно к внутренней жизни. Глаза разбегаются при взгляде на одни заглавия в каталоге. Сколько неизданных, почти нетронутых сокровищ! Нельзя жаловаться на бедность нашей истории... Следует сожалеть о том, как мы ленивы. По крайней мере, хоть теперь довольно скрывать наши источники под 12-ю замками. А они здесь укрываются от дерзких взоров, словно средневековая магия. Как не пожалеть, глядя на наши глупости? Зачем содержать этот архив?»

Не только в XIX, но и в XX веке хранящиеся в архивах материалы, взрывоопасные по своей силе, вызывали страх, в результате сформировался стереотипный образ: Россия покровительствует Украине и противостоит «лукавым козням» поляков (исключение составляет видение Украины в живописи, например знаменитые казаки Репина).

Припомним только несколько образцов этого эмоционального подхода, в котором формировались разного рода предубеждения. Панегирики по заказу двора были, конечно, частым явлением. Сразу после второго раздела Польши В.П. Петров выражал восторг по этому поводу в оде «На присоединение польских областей к России» (1793). Уже в 1817 г. началось литературное использование фигуры украинского гетмана XVIII в. как безусловного союзника России. Перу писателя-декабриста Ф.Н. Глинки принадлежит историческая повесть «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» (1817—1819). Как Н.И. Костомаров ни старался в своей обширной монографии 1857 г. доказать, что Хмельницкий больше стремился к самостоятельному освобождению Украины от польской власти, чем к сближению с Россией, образ великого союзника был нужен Петербургу. Поэтому, чтобы в конце концов изжить этот спор,

в 1888 г. в Киеве, на самом видном месте, был поставлен памятник этому герою.

Как известно, больше всех способствовал созданию мифологического образа Украины у россиян Н.В. Гоголь. Уже в «Страшной мести» (1829—1832) ненависть направлена на пьяных поляков, которые беспощадно издеваются на постоялом дворе над православными. Немало русских и сегодня готовы поверить в то, что отношения, описанные в «Тарасе Бульбе» (1835—1842), отражают действительность, тем более что уже давно эта повесть включена в школьный курс литературы. Можно ли понять Андрия, сына Тараса, предающего казаков во имя своей любви к дочери польского вельможи, тогда как его брат Остап, истерзанный теми же поляками, умирает ради русской Украины?

Общественное мнение формировалось целым рядом литературных «патриотических» картин. После восстания 1830—1831 гг. не только А.С. Пушкин заклеил «клеветников России», но и такие писатели второго ряда, как В.И. Даль (псевдоним Казак Луганский), описывая восстание в Каменец-Подольском («Подольянка», 1839), подчеркивали безумие этой попытки. В том же году А.С. Хомяков в поэме «Киев» приписывал все зло католицизму на Волыни и в Подолии. Повторная волна подобных произведений приходится на начало второго восстания 1863—1864 гг. В романе «Марево» В.П. Ключникова (1864) молодая Нина влюблена в польского графа, но автор умело показывает, как она не поддается польской интриге на Украине. В.В. Крестовский тогда же разоблачает намерения поляков, стремящихся вернуть Ягеллонов на берег Днепра («Нет, не в пылу пожаров мир и счастье...», 1863 г.). А.А. Майков, автор стихотворения «Западная Русь», описывает страдания православных под гнетом католицизма (1863). Этот дискурс отрицания, безусловно действенный для возбуждения страшных подозрений, но отнюдь не помогающий трезвой рефлексии, а тем более научному поиску истины, продолжается до конца XIX в., примером чему может служить рассказ А.И. Куприна «Славянская душа» (1894) — о развороте поляков на Украине.

Единственное исключение в этом литературном хоре — В.Г. Короленко, мать которого была полькой. В одном из его ранних рассказов можно найти лично пережитое свидетельство краха небогатых шляхтичей в Волынской губернии («В дурном обществе», 1885), а повесть «Слепой музыкант» (1886) даже с положительной стороны представляет эту мелкую шляхту, сжившуюся с Украиной, как честную и трудолюбивую. Только Короленко сумел совместить литературный вымысел с неподвзятым наблюдением повседневной жизни на Украине (очерк «Парадокс», 1894). В советское время тема «польских панов» на Украине стала совершенным табу — как в истории, так и в литературе.

Параллельно этому с польской стороны в эпоху романтизма получило развитие также оторванное от серьезного исторического анализа восхваление польского присутствия на Украине. От поэтической «украинской школы» с Б. Залеским и С. Гошинским во главе вплоть до известной трилогии Х. Сенкевича развернулась галерея прекрасных героев и красочных эпизодов, столь же дорогих сердцам польских читателей, как Тарас Бульба — сердцам российских. Благодаря эмигрантам эти легендарные образы распространились даже по Западной Европе. Сложно подсчитать, сколько по всему миру в музеях хранится картин со сценами из жизни Мазепы. Даже Виктор Гюго посвятил ему поэму. Известны музыкальные произведения на эту тему. Среди выдающихся поэтов польского романтизма Ю. Словацкий, сын Украины, особенно выделяется своим мифологическим творчеством. Его образ Вернигоры, символа вечной мудрости Украины, повторялся впоследствии и в картинах Я. Матейко, и в произведениях С. Высяпанского. В конце XIX — начале XX в. все большее распространение получили исторические романы и полотна (живопись Ю. Хельмонского, Л. Вычулковского и др.), придающие Правобережной Украине все более мифологический облик.

Но все это ничто по сравнению с тем, что произошло после того, как Октябрьская революция и война 1920 г. окончательно изгнали последних поляков из этого региона. Сначала появилась масса воспоминаний изгнанных помещиков и обитателей сожженных прекрасных дворцов и усадеб. Однако после Второй мировой войны в течение более сорока лет советского «покровительства» эта тема находилась под запретом как в Польше, так и в самом СССР.

Именно это вынужденное молчание вызвало чувство фрустрации, которое вспыхнуло в период гласности и получило дальнейшее развитие после 1989 г. Как бывает после долгого замалчивания, о временах жизни на Правобережной Украине стали говорить с восторгом, преувеличивая многое в прошлом, превращая его все более и более в миф. Вся Польша стала идеализировать свои давние «восточные окраины» — «кресы». Богато иллюстрированные сборники со старыми фотографиями появились в печати, забытые дневники и воспоминания вышли из семейных архивов, появилась целая «украинная» литература, специальные журналы и т.п. Рассекреченная тема снова позволяла полякам говорить о том, что и они когда-то владели этой частью Украины, что они там чувствовали себя как дома. Словом, невзирая на то что обстановка резко изменилась, что все это слишком явно могло напоминать украинцам «кичливого ляха», целые серии книг и публикаций широкой волной хлынули в книжные магазины, не говоря уже о псевдонаучных сессиях в университетах, о новых «восточ-

ных» исследовательских центрах. Надо сказать, что в Польше до сих пор «украинология» бьет ключом.

Каким же образом я, французский историк, не обращая внимания на эту двойную мифологию, о которой сначала даже не подозревал, мог заинтересоваться этими трехсторонними отношениями и заполнить зияющий пробел в историографии? Ответ на этот вопрос требует краткого взгляда в прошлое — на мою жизнь и на извилистую историю написания предлагаемой вниманию читателя книги.

Все началось, когда, будучи учителем в начальной школе Северной Франции, я так увлекся русским языком, что каждый вечер с помощью самоучителя стал страстно его изучать. Два года спустя — это было в 1960-м — я осмелел до того, что поступил в Лилльский университет и стал русистом. Я с восторгом открыл Москву и Ленинград, куда сначала приехал по стипендии на месяц. Затем я провел целый год в МГУ им. М.В. Ломоносова с целью повышения квалификации. По возвращении во Францию я нашел самоотверженную помощницу в лице русской эмигрантки Ольги Христофоровны Воеводской (урожденной Матеевой), вдовы белого офицера. Ей я обязан очень многим. Благодаря ее многочисленным урокам (которые она давала бесплатно) я стал учителем русского языка в лицее города Лилля (с 1965 по 1969 г.). Тогда же я задумал поехать в качестве преподавателя в Москву и обратился с запросом в МИД Франции, но вместо Москвы меня послали в Варшаву, где я стал директором французского центра: во внимание было принято то, что я немного владел польским языком. Сперва я говорил с сильным русским акцентом, но после трех прожитых там лет мой русский немного ухудшился, а польский взял верх. Все эти годы я старался определить тему моей докторской диссертации, и мне показалось, что знание двух славянских языков особенно способствует выбору промежуточного сюжета. Я обратил внимание на отсутствие исследований о западных окраинах Российской империи при Александре I. Виленский университет в ту эпоху управлял всеми учебными заведениями, а Виленский учебный округ охватывал все «польские губернии».

В 1970-е гг. практически никому из западных исследователей не удавалось работать в советских архивах — они были закрыты для ученых из «капиталистических стран». Я все-таки подал заявку в АН СССР через Национальный центр научных исследований Франции (CNRS), и после нескольких отказов меня все-таки приняли в 1974 г. Этот первый опыт работы в архивах Москвы и Вильнюса дал мне многое. Понял я и то, что без хитрости ничего не получишь. Давняя, еще царских времен мания сокрытия информации в советское время удвоилась. За каждый документ нужно было бороться с хранителями этих сокровищ. Однако не было не-

достатка в любезных коллегах, готовых помочь. С благодарностью я вспоминаю помощь, оказанную мне В.А. Дьяковым и И.С. Миллером.

В 1977 г. вышла моя двухтомная работа по истории Виленского учебного округа. Ее польский перевод появился только в 1991 г. В России до сих пор она практически неизвестна, тем более что французский язык уже давно не является приоритетным.

Так я стал «украиноведом». Это произошло задолго до начала 1990-х гг., когда появилось много работ в этой области. Мне, обнаружившему такое ценное, нетронутое поле для исследований, захотелось глубже изучить хотя бы его часть. Я остановил свой выбор на юго-западных губерниях. В 1982 г. мне вновь удалось получить исследовательскую стипендию для работы в архивах, теперь уже в Ленинграде и Киеве. Хотя в течение 15 лет я возглавлял Отделение польской филологии в Лилле, моя научная работа была всегда сконцентрирована в русско-украинских архивах. Мне тогда казалось, что самой важной эпохой для понимания отношений на Правобережной Украине был период с 1831 по 1863 г. Именно поэтому мои новые поиски начались с реформ Д.Г. Бибикова. В 1985 г. вышла моя книга «*Le Noble, le Serf et le Revizor. La Noblesse polonaise entre le tsarisme et les masses ukrainiennes, 1831—1863*», показывающая украинский народ зажатым между польскими помещиками и российской властью.

После ее выхода у меня зародилась идея написания трилогии, охватывающей целый XIX век. Ее реализации помог большой успех, который эта первая «украинско-польско-русская» книга на польском языке имела в Париже у известного издателя журнала «Kultura» Ежи Гедройца. После перекрестного сопоставления множества книг и изданных источников я решил в 1991 г. приступить к продолжению предыдущей книги и снова обратился к киевским и петербургским архивам. Уже начиналась новая политическая эра, не было уже прежней замкнутости страны и архивов. Доступ к фондам и описям не требовал больше борьбы с бюрократией. В 1993 г. вышел плод этих штудий под названием «*La Bataille de la terre en Ukraine, 1863—1914. Les Polonais et les conflits socio-ethniques*». Украинский перевод первой книги вышел в Киеве в 1996 г., а второй — в 1998 г. В России между тем также начали интересоваться этой темой. Я познакомился со многими российскими исследователями во время научной сессии в Каменец-Подольском в мае 1992 г. Они пригласили меня в Москву в 1996 г., где я смог ознакомить со своими работами российскую аудиторию. Мой доклад, посвященный второй «украинской» книге, появился в сборнике «Россия—Украина: история взаимоотношений» (Москва, 1997).

Мои работы укрепили мои научные позиции во Франции. В 1994 г. меня избрали на единственную в моей стране кафедру истории славян в Сорбонне (университет Париж—1). Мне тогда показалось, что у моего де-

рева не было корней и что следовало направить внимание на исследование истоков трехсторонних отношений, т.е. на период, непосредственно последовавший за присоединением польских земель в 1793 г. к России.

Профессор Е.В. Анисимов пригласил меня в Петербург, и в 2001 г. я мог изучать документы РГИА, тогда еще размещавшегося на Английской набережной. Так было завершено исследование, легшее в основу данной большой книги.

Эта третья часть трилогии, озаглавленная «*Pouvoir russe et noblesse polonaise en Ukraine 1793—1830*», была напечатана в 2003 г. издательством CNRS с помощью профессора В. Береловича, возглавляющего серию «Русские миры — государства, общества, нации». Польские коллеги первыми подумали об общем издании всех трех книг. На Украине же была издана отдельно еще не выходящая, третья, часть. Книга была встречена в Польше благосклонно, получила премии, хотя многим она не понравилась, как это и бывает с беспристрастными работами.

Благодаря усилиям, терпению, прекрасному стилю моей русской переводчицы Марии Крисань, благосклонности редактора Михаила Долбилова и пониманию важности этой темы издательством «НЛО» книга теперь в руках российского читателя. Моя мечта сбылась. Знаю, что мой взгляд постороннего может показаться непривычным. Возможно, именно этим он и будет полезен.

Несмотря на чрезвычайно интересные работы, появившиеся в течение последнего двадцатилетия, а также возрождение свободной истории, позволившей открыть глаза на окраинную тематику, мои многолетние исследования не потеряли актуальности. Историки нового поколения очень помогли мне пересмотреть некоторые мои выводы. По мере того как моя книга переводилась с французского на польский и на украинский, а затем на русский язык, я не прекращал поправлять и дополнять свой текст. Поэтому можно сказать, что настоящее издание на русском языке — самое полное и точное из всех.

В то же время надо сказать, что в большей части появившейся литературы использован иной, чем у меня, подход. Каждая национальная группа, о которой здесь идет речь, несмотря ни на что, все еще тянется к своим давним темам, доказывает «свою» правоту или же интересуется отдельными, частными вопросами. Более подробную информацию читатель найдет в сносках. Мне хотелось бы отдать дань уважения самым выдающимся исследователям, хотя я не всегда согласен с ними. В украинской историографии ближе всего к области моих интересов стоят книги Н.Н. Яковенко о шляхте. Хотя и посвященные более раннему периоду, ее работы оказали очень сильное влияние на мои размышления. Другие украинские историки уже пошли немного дальше меня. В.С. Шандра на-

писала в 1999 г. интересную работу о киевских генерал-губернаторах с 1832 по 1914 г. М.В. Бармак издал в 2007 г. по-украински книгу о формировании правительственных учреждений Российской империи на Правобережной Украине (конец XVIII — первая половина XIX в.). Правда, на мой взгляд, эти исследования придают слишком большое значение праву, законам, принимают на веру эффективность законодателей. Создается впечатление, что в империи всегда побеждала воля властей к интеграции. Слишком мало внимания уделяется сопротивлению, неудачам, поражениям. Анализу нормативных текстов (особенно Полного собрания законов) отводится слишком много места в этих работах. Меньше говорится о том, как эти законы приводились в действие на местах. Ведь в конечном счете именно беспомощность и бессилие низшей администрации завели в тупик все эти интеграционные устремления центральной власти.

Как будет видно, я широко использовал польские исследования и источники, однако не так уж много польских историков согласны со мной или оказали влияние на меня. Я очень высоко ценю Ежи Едлицкого за его критический анализ шляхетской ментальности и его тонкое знание польского общества в целом. Также следует упомянуть Лешека Заштовта, которого я считаю своим последователем в области истории школьного дела в середине XIX в. Крупные же работы Т. Эпштейна, Д. Шпопера, М. Устицкого, несмотря на их очень серьезную документальную базу, слишком очевидно вписываются в то «ностальгическое» течение, о котором я говорил выше. Ностальгия поляков по «кресам» мне чужда.

Российские историки после 1991 г. также стали поднимать совершенно новые темы. В украинских исследованиях это — изучение административной системы царской империи, которое привлекло внимание Н.П. Ерошкина (несколько переизданий его известной монографии), и исследование роли генерал-губернаторов и губернаторов (Л.М. Лысенко, 2001). Следует назвать также Л.Е. Горизонтова, который посвятил свою книгу 1999 г. парадоксам имперской политики, показав всю сложность отношений между Петербургом и Варшавой в XIX в. Издал он и ряд статей, где польский вопрос освещается совсем по-новому; правда, западные губернии не находятся в центре его внимания.

Самый оригинальный поворот в российской историографии последних лет связан с грандиозным успехом «империологии». В этом движении принимают участие и американские сторонники крупномасштабных, смелых и несколько головокружительных проектов. Среди империологов видим даже японца Кимитаку Мацузато. Многие из них связаны с редакцией журнала «Ab Imperio». С определенной долей упрощения можно сказать, что после краха Советского Союза эти историки испытывают тоску по величию империи и, проводя сравнительный анализ, стремятся дока-

зать, что для истории каждой империи свойственны мрачные стороны. С их точки зрения, это извиняет многое.

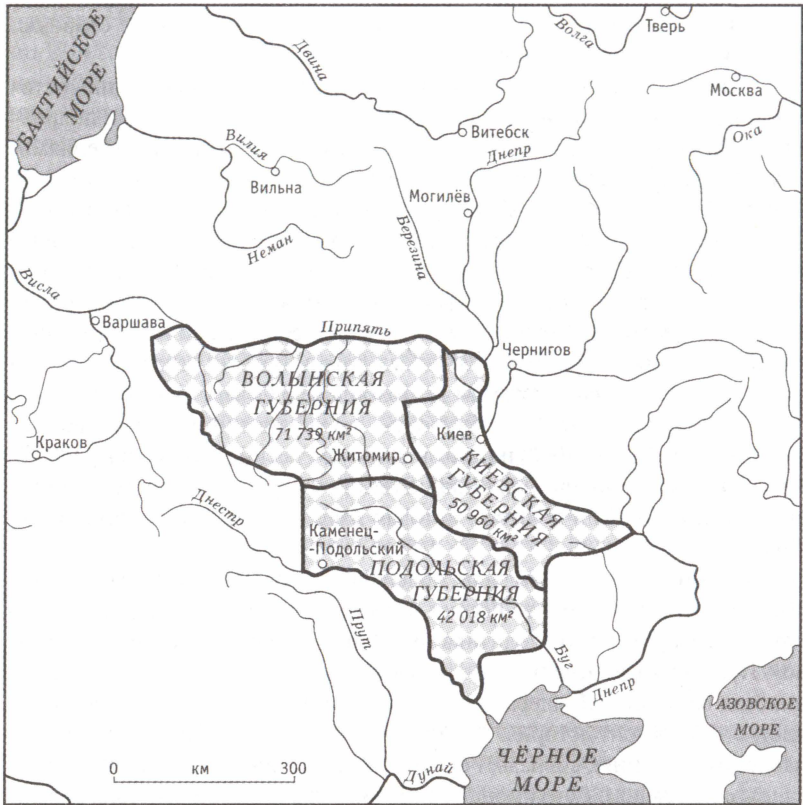
Главное для меня состоит в том, что этот подход привел группу историков к тому, чтобы обратиться к исследованию окраин России и подробно описать отношения, складывавшиеся между центром и перифериями, создавая, таким образом, новый тип нарратива. Некоторые, однако, идут слишком далеко в желании найти оправдание репрессивной политике в Литве и Белоруссии после 1863 г. А.А. Комзолова, например, в своей книге 2005 г. пытается опровергнуть мнение о том, что виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев желал подавить самобытность местных народностей. Вообще же следует отметить, что в понимании российской историографией национальных вопросов в западных губерниях был сделан солидный шаг вперед благодаря работам М.Д. Долбилова о Северо-Западном крае и в еще большей степени А.И. Миллера — по украинскому вопросу во второй половине XIX в. (2000) и национализму в Российской империи (2006). Под редакцией этих авторов была написана и издана политическая история западных окраин в XIX в., которая надолго останется незаменимой (2006).

Неважно, что у А. Миллера подспудно не раз проявляется желание убедить читателя в том, что Россия «отнюдь не была той империей зла», о которой говорят, и что «политика империи выглядит совсем не так мрачно». Пусть каждый несет бремя прошлого как может. Превосходная источниковая база книг Миллера — свидетельство тому, что он отлично понимает, в чем состоит история. Именно в этом мы близки. Все, что читатель найдет в моей книге, совпадает с определением «новой истории империи», данным Миллером: «Это именно та сложная ткань взаимодействия имперских властей и местных сообществ, которую нужно стремиться воссоздать во всей ее полноте».

Результат сорокалетних исследований французского историка становится доступен новому, открытому поколению российских историков.

И последнее — эта книга не увидела бы свет без самопожертвования моей жены Терезы, которая вместе со мной в 1963 г. написала в МГУ дипломную работу о греческих колониях Северного Причерноморья... Я рад тому, что благодаря настоящему переводу мы продолжаем наш русский путь.

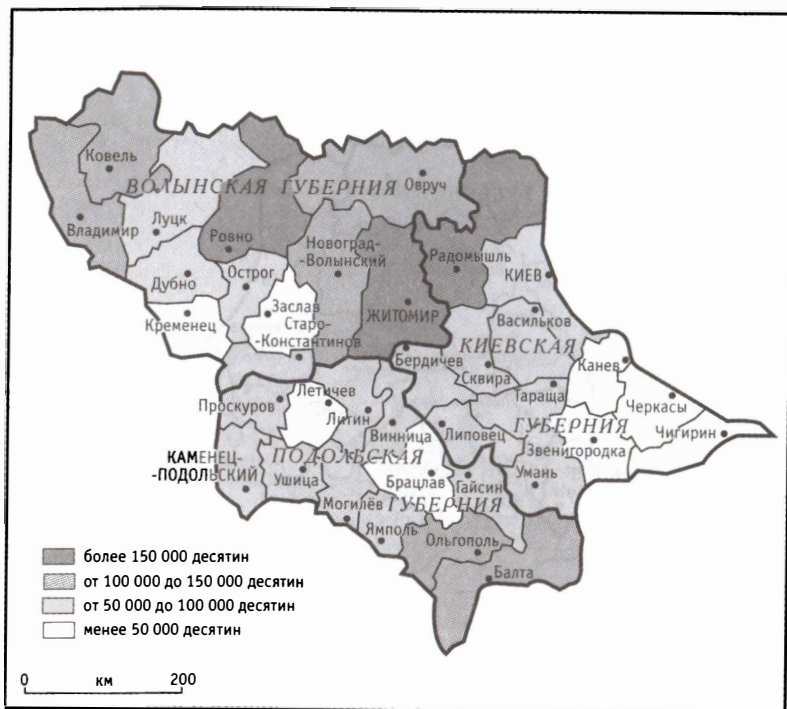
Париж, август 2010

Карта 1. Три губернии Правобережной Украины в Российской империи

Карта 2. Административная карта юго-западных губерний. Уезды и их центры

Карта 3. Распределение польского дворянского землевладения по уездам на 1890 г.

ЧАСТЬ I

1793—1830 ГОДЫ

Глава 1

О СТОЯЩИХ И НЕ СТОЯЩИХ ВНИМАНИЯ ПУТЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Историческая правда» — явление преходящее, шаткое, зависимое от обстоятельств, а потому во вводной главе необходимо пояснить, какие, несмотря на всю их заманчивость, пути исследования были отвергнуты, а какие — стали определяющими для всей работы.

СОБЛАЗН КРАСИВЫХ ИСТОРИЙ ОБ ИНТЕГРАЦИИ И АССИМИЛЯЦИИ

Зачастую до сих пор приходится сталкиваться с выводами о принципиальной открытости Российской империи для иностранцев и ее готовности к их якобы постепенной интеграции и ассимиляции. Основу таких убеждений составляют примеры привлечения отдельных представителей «чуждой» аристократии или местных элит в административные структуры империи или в ее высшее общество. Подобные выводы лежат в основе концепции «многонациональной империи», когда не учитывается существование вдали от столиц, царского двора, а также центральной власти, не замечаются менее заметные группы населения. Надо сказать, что с целью представления в лучшем свете царского и советского империализма, как в российской историографии до 1917 г., так и в позднейшей, воспеваемой «дружбу народов», делался упор на российское гостеприимство и открытость. Более того, примеры прибалтийских баронов, грузинских князей, татарских мурз и др., ставших частью российской элиты, призваны были служить, и служат, не только объединяющей россиян идее «всеобъемлющей любви», так близкой еще в XIX в. панслависту Тютчеву, но и выдвинутому Солженицыным лозунгу «двести лет вместе», с помощью которого тот пытается вновь в начале XXI в. объединить евреев и русских.

Процесс интеграции польской аристократии, хотя и принято подчеркивать ее прозападные (бонапартистские, позднее пронаполеоновские) настроения, также может быть на руку сторонникам вышеописанной концепции. Прежде всего это касается той польской аристократии, которая к

моменту разделов Речи Посполитой была связана с интересующим нас регионом — Правобережной Украиной, т.е. практически с половиной присоединенных к России территорий. Местечко Тарговица, давшее название польской шляхетской конфедерации 1792 г., которая по замыслу Петербурга стала поводом для второго раздела, а через три года привела к окончательному исчезновению Речи Посполитой, находится, что знаменательно, в этой же части Украины. Именно здесь три крупнейших польских магната, о которых в дальнейшем пойдет речь, перешли на службу к Екатерине II. Как известно, Россия, начиная с конца XVII в., постепенно стала оказывать все большее влияние на внутреннюю политику Речи Посполитой. В XVIII ст. в Польше трижды избирались короли, которым покровительствовала Россия и ради избрания которых она шла на вооруженную интервенцию. Двое из них, Август II и Август III, из саксонской династии были избраны в 1697 и 1734 гг., а Станислав Август Понятовский — в 1764 г. Что уж говорить в этой связи о военных кампаниях против Станислава Лешинского, дважды избранного при поддержке Франции в 1704 и 1734 гг. и дважды низложенного. Однако все это было бы немыслимо без значительной поддержки со стороны магнатов Речи Посполитой, в которой пророссийская котерия контролировала положение дел¹.

В середине XVIII в. пророссийскую котерию возглавила «Фамилия» — могущественный род Чарторыйских*, поместья которых находились на Украине. Местечко Чарторыйск, ставшее колыбелью рода, находилось в волинских землях. После первого раздела Польши Адам Казимир Чарторыйский вместе с королем Станиславом Августом Понятовским пытался придать видимость автономного существования польскому правительству. Однако во время восстания 1794 г. под руководством Т. Костюшко он предпочел укрыться в Вене, позаботившись о сохранении своих обширных владений на Украине, где был генеральным старостой подольских земель². Единственной возможностью сохранить от конфискации Екатериной II владения, насчитывавшие 194 местечка и села, оказалось выслать в знак преклонения перед победительницей двух сыновей в качестве заложников в Петербург. Это решение привело к тому, что молодые князья, прежде всего Адам Ежи (1770—1861) и Константин (1773—1860), сделали поразительную карьеру при царском дворе. Этот пример удачной интеграции истории, предпочитающие обращать внимание скорее на исключительные явления, а не на общий социальный контекст, могут принять за символ полной открытости империи. Князь Адам Ежи, близкий друг великого князя Александра, любовник его жены Елизаветы, стал министром

* Другие варианты записи фамилии в русской транслитерации: Чарторыские, Чарторижские, Чарторыжские. (*Прим. пер.*)

иностранных дел Российской империи в 1804 г. и сохранил крайне близкие дружеские отношения с царем, несмотря на некоторое охлаждение, произошедшее в 1812 г. Кроме того, он был сенатором, членом Государственного совета, попечителем Виленского учебного округа, а в 1815 г. — одним из основоположников и важных фигур Царства Польского. Его пути с Россией окончательно разошлись лишь в 1831 г., когда он эмигрировал в Париж³.

Ни одному поляку не удалось достичь в царской России подобного уровня. Несчастный Станислав Август Понятовский после низложения, возможно вспомнив о временах своего романа с будущей царицей Екатериной II, приехал доживать свой век (ум. в 1798 г.) в Петербург, где остановился в пожалованном ему Павлом I Мраморном дворце. Однако это жалкое 11-месячное существование можно рассматривать как проявление привязанности к России разве что в плане горькой иронии истории⁴. Оплатить все долги короля могла лишь Россия, сперва вознесшая его на престол, а затем низвергшая.

Крупнейшие магнаты Украины быстрее и лучше других поняли, откуда ветер дует. Станислав Щенсны Потоцкий, владелец пышной резиденции в Тульчине, чей портрет — в латах (!) кисти И.Б. Лампи Старшего хранится в Лувре, смог ценой подписания Тарговицкой конфедерации и оказания содействия Екатерине II при разделах Речи Посполитой сохранить свои несметные владения, насчитывавшие 312 местечек и сел, а к 1805 г. создать один из лучших в Центральной и Восточной Европе садово-парковых ансамблей, названный Софиевка, в честь его третьей жены Софии де Витте. Жизнь и удивительная судьба Потоцкого — наиболее типичный пример безболезненного превращения гражданина Речи Посполитой, в которой существовала выборная монархия, в подданного Российского государства с установившейся абсолютной монархической властью. Хотя фигура Потоцкого уже привлекала внимание историков, исследователи еще не раз будут обращаться к ней в будущем⁵.

Не меньшим состоянием обладал еще один участник Тарговицкой конфедерации — Франтишек Ксаверий Браницкий. В середине XVIII в. при дворе в Петербурге он участвовал в похождениях будущего польского короля, потом, выступая на стороне России, он командовал малочисленными отрядами того же короля против барских конфедератов в 1768—1772 гг. Затем, отвернувшись от него, Браницкий стал частым гостем при дворе Екатерины II, где раскрывал перед царицей со всей широтой души — «по-сарматски» — суть так называемой природной склонности Варшавы к «деспотии». Прежде чем вырыть могилу польской независимости, он позаботился о приумножении своих богатств, женившись в 1781 г. на Александре Васильевне Энгельгардт, принадлежавшей к одному из самых бо-

гатых семейств империи. В ее честь он также разбил парк «Александрия» неподалеку от столицы своего небольшого «удельного княжества» — Белой Церкви. Согласно ходившим сплетням, его жена была первой среди внебрачных детей — плодов любовных утех Екатерины II. Это, несомненно, дает повод для размышлений о существовавших семейных и матримониальных стратегиях, как принято «ученым образом» называть альковные тайны. Сущность менталитета этого магната выражена в совете, который он дал юным братьям Чарторыйским, собиравшимся с визитом в Царское Село и не знавшим, как этикетом предписано целовать руку Екатерине II. Итак, согласно «Мемуарам князя Адама Чарторыйского», изданным на французском языке в Париже, Браницкий сказал: «Целуйте туда, куда пожелает, лишь бы вернула вам поместья»⁶.

Третьим ответственным за создание пророссийского вооруженного союза в Тарговице был Северин Жевуский. Несмотря на то что его жизненный путь завершился в австрийской Галиции в 1811 г., он был одним из тех богатейших польских магнатов в украинских землях, кто отдал душу и тело служению России. Правда, во времена Барской конфедерации его по приказу Н.В. Репнина арестовали и сослали в Калугу, но при поддержке Ф.К. Браницкого в 1775 г. он вновь завоевал милость Екатерины II. Ему довелось возглавлять аристократическую фронду, а в период Великого (Четырехлетнего) сейма 1788—1792 гг. резко критиковать идею введения наследственной монархии. В его лице императрица обрела решительного врага Конституции 3 мая 1791 г., устанавливавшей принцип наследования и являвшейся, по мнению Екатерины, воплощением французского якобинства. Среди украинских поместий Жевуского французам известно имение Верховня, которое досталось в наследство его дочери Эвелине, в будущем жене Вацлава Ганского, а затем Оноре де Бальзака, которое последний называл «маленьким Версалем». Сама Эвелина, ее сестра (в замужестве Собанская, тайный агент царской полиции и любовница Мицкевича), а также их брат Хенрик Жевуский (прекрасный писатель, известный своими ультраконсервативными взглядами) так афишировали свое восхищение российским самодержавием, что это повлияло на восторженную оценку царизма Бальзаком.

Беглый перечень польских аристократов на Украине, связанных с Россией в период второго и третьего разделов Речи Посполитой (1792 и 1795 гг.), можно с легкостью продолжить, обратившись к работе Людвика Базылева⁷, где предлагается заглянуть за первые деревья, скрывающие глубину леса, которую мы как раз постараемся раскрыть. Представление в этой книге нескольких «ярких фигур», выбранных в качестве примера среди 1200 поляков, более или менее постоянно проживавших в столице

империи около 1820 г. наряду с другими 35 тыс. иностранцев (23 600 немцев, 4000 французов и 2360 шведов), свидетельствует о том, что подобный фрагментарный подход не дает возможности описать феномен интеграции целиком, хотя бы потому, что этот процесс необязательно связан с пребыванием в Петербурге. Скорее стоит сразу и *a contrario* заметить, что такое незначительное число подвергшихся интеграции в Петербурге свидетельствует о тех невероятных трудностях, которые испытает империя, желающая включить в свои властные структуры: министерства, администрацию, армию, несколько сотен тысяч поляков в присоединенных украинских землях Речи Посполитой. А потому продолжим знакомство с аристократией, которая спешно демонстрировала свою привязанность новой российской власти, широко раскрывшей свои объятия.

Уже во время безнадежных для польской стороны военных действий апреля—мая 1793 г. между временно расположенными на Украине малочисленными польскими отрядами и российской армией среди высшего польского командования наблюдались случаи перехода на сторону неприятеля. Генерал Стефан Любовидзкий, действовавший в Сквирском повете на Киевщине, призвал священника и приказал своим солдатам присягнуть на распятии в верности императрице России, за что в награду получил орден и 20 тыс. дукатов. Антоний Злотницкий, комендант Каменец-Подольского, сдал известную своей неприступностью крепость без единого выстрела⁸.

В середине 1793 г. Любовидзкого при объезде войск сопровождал молодой офицер Северин Букар. Одновременно с этим по приказу российского генерала Кречетникова они заезжали к отдельным крупным землевладельцам Украины с целью уговорить их выслать в Петербург делегацию с прошением о сохранении за ними поместий. Этот юноша, чьи владения располагались в Янушполе Житомирского повета, за год до того сражался на стороне Костюшко, но в связи с новыми обстоятельствами по совету отца примкнул к Любовидзкому. Подобным образом поступали многие офицеры и аристократы, присягнувшие на верность Плутону Зубову, юному фавориту Екатерины II (вскоре мы увидим его в новой роли), самой императрице, ее сыну Павлу и внукам Александру и Константину⁹.

Среди когорты новых подданных, готовых на любые реверансы в сторону власти ради сохранения своих владений, князь Антоний Станислав Четвертинский* стоит особняком. Он возложил к царскому трону печатный экземпляр генеалогического древа, свидетельствующего о происхождении его рода со времен Киевской Руси, поскольку видел себя в качестве наследника княжества Св. Владимира и полагал, что многочисленные про-

* Известен также в русской традиции как Святополк-Четвертинский. (Прим. пер.)

явления преданности, подкрепленные российскими субсидиями, получаемыми им с 1773 г., являются достаточным основанием для подобного рода притязаний. Хотя теория «триединого русского народа» еще ждала будущих теоретиков славянофилов, странной кажется неосведомленность Четвертинского о том, что Россия завладела духовным наследием Киевской Руси уже в XVI ст.

В полный голос сформулированная московским митрополитом Макарием (умершим в 1563 г.) идея о перенесении высшей духовной православной власти из Киева в Суздаль и Владимир, а затем в Москву уже проросла во времена Ивана Калиты, в первой половине XIV в. Она стала потом синонимом политической гегемонии Москвы над всеми землями *Slaviae Orthodoxae* и интегральной частью российской имперской идеи как Ивана IV, так и Петра I. Концепция о единстве Великой, Малой и Белой Руси получила сильнейшую поддержку в 1674 г., когда в типографии Киево-Печерской лавры был издан «Синописис, или Краткое описание о начале русского народа» Иннокентия Гизеля, выдержавший около 30 изданий до конца XVIII в.¹⁰ Разве не Киев упоминался на втором месте после Москвы в перечне титулов Екатерины II и в преамбулах к ее указам? Разве название «Россия» не вытеснило полностью «Русь», как это не раз бывало у предшественников Екатерины? Разве известной «Жалованной грамотой дворянству» 1785 г., к которой мы еще не раз будем обращаться, не объявлялось уже будто бы о присоединении Правобережной Украины с Киевской губернией к империи еще до того, как это стало окончательным фактом, поскольку этот известный документ открывается словами: «Божиею поспешествующею милостию, Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская, Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская и т.д.»¹¹?

После второго раздела Польши у князя Четвертинского, верного слуги Екатерины II, возникло опрометчивое желание поселиться в Варшаве. Однако он не успел вволю насладиться новым титулом статского советника Российской империи, будучи повешен «взбунтовавшейся чернью» во время восстания Костюшко. Интеграция же его семьи, сбежавшей поспешно в Петербург, может служить примером милостей, которыми императрица осыпала преданных ей людей и влияние которых в данном случае имело более устойчивый характер, чем тех, что ниспали на князя А. Чарторыйского. Если вдове Четвертинского императрица пожаловала имение с 1,5 тыс. крепостных душ в Гродненской губернии, то перед его сыном Борисом (какое прекрасное православное имя!) была открыта военная карьера, дочерей же ждали не только выгодные партии. Их красота, которую не могли не отметить мемуаристы того времени, привлекла внимание высокопоставленных ценителей еще тогда, когда сестры были фрейлина-

ми императрицы. Младшая дочь Четвертинского, Мария, родившаяся в 1789 г., стала женой камергера Дмитрия Нарышкина, богатого землевладельца, имения которого насчитывали 25 тыс. душ, и достаточно быстро понравилась юному Александру, который в то время еще не был царем. Их связь с небольшими перерывами длилась до 1825 г., т.е. до самой смерти императора. Нельзя исключить, что эти взаимоотношения были одной из причин проявления симпатий Александра I к Польше. Об этой связи прекрасно знали в свете, у них родилось три дочери и сын. Правда, относительно одной из дочерей ходили слухи, что ее отцом был польский офицер Ожаровский, который, бросив Костюшко, перешел на царскую службу, став в 1826 г. генералом, а в 1841 г. — сенатором¹².

Любители изучения семейных связей и матримониальных стратегий наверняка заметят, что семья Нарышкиных имела особый интерес к польским владениям на Украине. Например, имения Франтишека Ксаверия Любомирского, даже после продажи одного из самых крупных (Смилы) Потемкину в 1784 г., с целью заслужить милость России перед предстоящим третьим разделом, были настолько привлекательны, что его третьей женой стала одна из Нарышкиных. Их сын Константин был генерал-лейтенантом в царской армии и мужем графини Толстой.

Многие польские аристократы с Украины были охотно приняты в России, чему способствовал не только престиж их родовых фамилий, но и их состояния. Станислав Понятовский, племянник последнего короля и сын великого литовского подскарбия, продав в 1795 г. замок в Грохово во Владимирском повете на Волыни, отправился с дядей в Петербург всего лишь в одной карете, куда прибыл 10 марта 1797 г. и был встречен с большими почестями самим Павлом I. Через месяц в Москву на коронацию императора приехало несколько десятков польских шляхтичей, чтобы в ожидании императорской ласки продемонстрировать свою лояльность и преданность. Гроховский дворец — это один из ярчайших символов польско-российского взаимодействия. В качестве приданого девицы Еловицкой он перешел к графу Валериану Стройновскому — сенатору и тайному советнику и был превращен в одну из роскошнейших резиденций Украины. Дворцовая галерея с коллекцией древностей Помпеи, парк, разбитый в английском стиле, казалось, указывали на то, что разделы Речи Посполитой не повлияли на положение дел. Владелец имения заявил о себе в 1808 г., в период мнимого примирения с Наполеоном, проповедуя идеи замены барщины оброком в сочинении «О условиях помещиков с крестьянами». В целом происходившее слияние части польской аристократии с российской могло создать впечатление готовности России без особых проблем и потрясений приоткрыться навстречу западному *bonne société*

(благородному обществу). В дальнейшем мы убедимся в том, что эту иллюзию разделяли во влиятельнейших кругах Волыни.

Поведение Павла I, который, согласно Немцевичу, после восхождения на престол освободил до 20 тыс. польских плененных солдат, сражавшихся на стороне Костюшко, да и самого руководителя восстания; угрызения совести Александра I из-за разделов его бабкой Речи Посполитой — примеры, дающие понимание того, что интеграция части польской аристократии с российской была подготовлена существовавшими уже ранее тесными связями. Это изысканное общество объединял дух семейственности и чувство цивилизационной общности. Стиль жизни этой части общества сочетал утонченность с консерватизмом, роскошь с космополитизмом. Национальная идентичность не имела еще того значения, которое она приобретет в последующие десятилетия. Характерно, что наиболее заметным польским литературным произведением этого времени стала написанная в 1805 г. поэма «Софиевка» Станислава Трембецкого, в прошлом чуть ли не придворного поэта Станислава Августа. Трембецкий, произведенный Павлом I в статские советники, с соответствующим содержанием, поселился в Тульчине, украинском имении Щ. Потоцкого. Эта неоклассическая, написанная под влиянием Ж. Делиля поэма — гимн садово-парковому искусству. Переполненное популярными в высшем свете античными аллегориями сочинение отражало действительность самого парка, в котором были собраны привезенные из Италии греческие скульптуры, разбиты цветники и устроены водопады с ручьями. Софиевка создавала иллюзию рая на земле, где можно было забыть о политике, реалиях жизни, несмотря на окружавшие ее украинские села и близость Умани, где в 1768 г. произошло массовое избиение евреев и поляков, подобного которому не было до ужасов XX в. Воспетая в поэме Трембецким утопия уходила от реальности, позволяла аристократии жить иллюзиями, закрывать глаза на происходящие социальные перемены и забывать о том, что все чаще приходилось вызывать русские войска для умирения крестьян.

Поскольку история высшего слоя польской шляхты на Украине еще не стала предметом отдельного исследования, обратимся к другим трем персонажам, жизненный путь которых свидетельствует об умении аристократии приспособливаться к переменам в политической жизни. Все трое принимали участие в работе Великого сейма, который, казалось, должен был способствовать возрождению Речи Посполитой. Однако при первых же тревожных сигналах 1792 г. они, по примеру упоминаемых выше аристократов, перешли на сторону России. Если об эволюции взглядов, представляемых первыми двумя героями, пока известно немного, то о третьем собрано достаточно материалов, позволяющих дать более полную харак-

теристику, и потому обратимся к нему в последнюю очередь. Итак, в первом случае речь идет о графе Юзефе Августе Иллинском (1766—1844). После второго раздела он не принимал активного участия в польской политической жизни, осел в Петербурге и сблизился с Павлом еще до его восшествия на престол. Получив чин камергера в Гатчине в октябре 1796 г., он занимался выплатой долгов будущего царя. Бывал частым гостем Павла, и именно ему великий князь поручил проверить достоверность слухов о смерти матери. С этого момента его карьера была решена — он был произведен в сенаторы. Живя за счет доходов от имения в волынском Романове, он во времена правления Павла I славился крайне пышным образом жизни в столице. После смерти императора он удалился в свое имение, где в 1810 г., по совету Жозефа де Местра, основал иезуитскую коллегию с целью борьбы со светским и польским влиянием в образовании, укреплению которого способствовала поддерживаемая князем А. Чарторыйским школьная система, и в первую очередь — уже ставший известным Кременецкий лицей на Волыни. Однако вскоре на коллегию в Романове, в которой учился брат Эвелины Ганской, написавший панегирик в честь ее основателя, стали поступать многочисленные доносы министру духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыну, и в 1820 г. она была закрыта вследствие изгнания из России иезуитов. Несмотря на это, граф до конца жизни остался убежденным сторонником царской власти¹³.

Два других героя — это братья Ян и Северин Потоцкие. Младший, Северин (1762—1829), хоть и считался польским патриотом, в 1793 г. поселился в Петербурге, где так же быстро, как и Иллинский, стал сенатором. Вместе с последним он прославился призывами самым суровым образом обходиться с теми поляками из новообразованных губерний, которые пытались попасть в созданные Наполеоном Бонапартом польские легионы. В 1802—1803 гг., после выступления в Сенате против проекта министра юстиции Г.Р. Державина, намеревавшегося заставить дворян служить, он пользовался огромной популярностью среди российского дворянства: в его честь писались оды, устанавливались бюсты. Стоит ли говорить, что в лице Державина он нашёл себе смертельного врага. Будучи на протяжении 1805—1817 гг. попечителем Харьковского учебного округа, он принимал активное участие в создании Харьковского университета. В 1809—1810 гг. он пользовался особой милостью Александра I, приглашавшего его несколько раз в месяц к себе разделить трапезу. Кроме того, Северин Потоцкий способствовал развитию торговли в Одессе, недалеко от которой им была построена резиденция Севериновка. Его сын, Леон, был послом России в Португалии, Швеции и Неаполе. Ванда, одна из его четырех дочерей, вышла замуж за графа А. Велёпольского, на которого Россия опи-

ралась в Царстве Польском* до восстания 1863 г. Северин Потоцкий умер в Москве, в должности тайного советника¹⁴.

Старший брат Северина, Ян Потоцкий** (1761—1815), широко известный писатель, автор знаменитого романа «Рукопись, найденная в Сарагосе», родился и умер на Украине. Он вызывает наш интерес именно потому, что эволюция его политических взглядов была характерна для исследуемой нами группы аристократов. Кроме того, будучи человеком тонкого ума, писавшим исключительно по-французски, он на теоретическом уровне обосновывал свой постепенный переход на пророссийские позиции. В 1788 г. им финансировалось варшавское франкоязычное издание *Journal hebdomadaire de la diète*, в котором освещались вопросы разработки будущей Конституции 3 мая. Через два года он оставил газету на попечение редактора и отправился через Париж и Испанию со своего рода дипломатической миссией в Марокко, страну, вступившую в союз с Турцией против России. Его контакты с Мирабо, Лафайетом и другими членами умеренного крыла первого Якобинского клуба, которых вскоре назовут фельянами, служат убедительным свидетельством тому, что Ян Потоцкий, решительный сторонник революции, связывал ее с либерально-аристократическим направлением, далеким от социального радикализма, а тем более — от кровавых переворотов.

Вернувшись в феврале 1792 г. в Варшаву, Потоцкий еще какое-то время возлагал надежды на провозглашенную за год до этого Конституцию 3 мая. Однако вскоре, исходя из принципов *Realpolitik*, он принял во внимание очевидную враждебную позицию Екатерины II к реформам в Речи Посполитой. Поскольку Конституцией предусматривалась ликвидация института свободных выборов короля, он вместе с братом посчитал уместным выдвинуть в сейме кандидатуру великого князя Константина в качестве законного наследника польской короны. Среди многочисленных Потоцких, которые в это время играли важные политические или дипломатические роли (только в сейме их было семеро), лишь Игнацы Потоцкий, наиболее приближенный к королю Станиславу Августу, поддержал выдвинутую Яном кандидатуру. Однако, как известно, его двоюродный брат, Щенсны, поступил иначе, провозгласив вместе с другими сторонниками России Тарговицкую конфедерацию. По примеру короля, который практически без сопротивления смирился со вторым разделом Речи Посполитой, когда Правобережная Украина была занята российской армией, граф Ян Потоцкий не воспринимал разделы в сугубо черном свете. Его письмо, написанное королю в июле 1792 г., пронизано покорностью судьбе

* Известно также под названием Королевства Польского. (Прим. пер.)

** Вошел в российский дискурс также под именем Ивана Осиповича Потоцкого. (Прим. пер.)

и эгоизмом, характерным для многих людей его круга: «Вашему Величеству не стоит слишком переживать из-за потери государственных владений, поскольку Вам удалось сохранить хотя бы частные». Отметим, что в ходе российской оккупации, к которой мы еще вернемся, под охрану брались имения крупных землевладельцев, подписавших верноподданнические акты. Во время восстания Костюшко Потоцкий приятно проводил время во дворце своей тещи Любомирской в Ланьцуте, а затем при прусском дворе, где ставились его одноактные пьесы — *Recueil de Parades*. В одном из писем этого времени он вполне однозначно заявлял: «Никто из нас, здраво поразмыслив, не присоединится к тем, кто вооружает селян».

Становится понятно, каким образом аристократия создавала себе алиби, объяснявшее смену польского гражданства на российское подданство, а кроме того — маскирующее собственные интересы и космополитическую индифферентность. Этот образованный слой все в меньшей степени отождествлял себя с идеями французского универсализма: если Французская революция нарушила представления аристократии о мировом порядке, то Бонапарт извратил саму суть революции. Подобно Фихте, подменившему идеи универсального общества идеями германского мира, Потоцкий одним из первых заключил, что славянский мир может играть не меньшую роль благодаря ведущей силе — России. Польское славянофильство явно опережало российское. В 1796 г. Потоцкий посвятил свое новое произведение *Mémoire sur un nouveau Peryple du Pont Euxin etc.** Екатерине II. В том же году в другой работе, изданной в Брауншвейге, он не без лести писал, что русские — это единственные истинные славяне. Естественно, так же как и многие другие новообращенные, он прибыл на коронацию Павла I в Москву, откуда затем сразу отправился на Кавказ.

Ян Потоцкий желал выступить в качестве историографа завоевания Армении Валерианом Зубовым, но по приказу Павла I эта кампания была прекращена. Однако Потоцкий, следуя идеям К.Ф. Вольнея о том, что каждый внимательный путешественник может быть полезен при завоеваниях, провел около года (с мая 1797 по апрель 1798 г.) среди чеченцев и других кавказских народов. Следуя идеям французских теоретиков колонизации, таких как Г.Т. Рейналь и Д. де Прадт, он намеревался, узнав их обычаи, облегчить их захват Россией. Его отчет о поездке переполнен замечаниями, обосновывающими долг человека эпохи Просвещения распространять «плоды цивилизации» среди диких горцев. Уже тогда он вынашивал теорию «округления границ», которую вскоре представил в Петербурге, возможно не осознавая, что его презрительное отношение к

* Изд. на рус. яз.: *Потоцкий Я.* Записка о новом перипле Понта Евксинского, составленная графом Иваном Потоцким // Археолого-нумизматический сборник. СПб., 1850. С. 11—77. (Прим. пер.)

кавказским народам ничем не отличалось от отношения Екатерины II к Речи Посполитой.

Его второй брак в 1799 г. на Констанции, дочери Ш. Потоцкого (получил в приданом 16 сел с 4296 крестьянами), еще сильнее связал его с польскими олигархами, близкими российской власти. Тем временем А. Чарторыйский, движущая сила этого клана и двоюродный брат покойной первой жены Потоцкого, нашел ему место в Министерстве иностранных дел и вызвал в столицу. В 1802 г. Ян Потоцкий посвятил свой труд *Histoire primitive des peuples de la Russie...* Александру I, в котором подчеркивал мощь новой славянской империи под скипетром великого внука Екатерины, за что был произведен в чин тайного советника. После чего он отправился в путешествие по Европе в поисках лучших образцов градостроительного развития для Одессы и для создания школ восточных языков, «гордый тем, что путешествует от имени России и имеет право ее представлять».

В декабре 1804 г. Ян Потоцкий, назначенный Александром в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, объявил Чарторыйскому, что начинает трудиться над «Азиатской системой» — подобием программы будущих завоеваний России (работал над ней до 1807 г.). Если вначале его советами воспользовались частично: в 1805 г. был взят Карабах, в 1806 г. усилиями П.Д. Цицианова — Баку, то по пути завоеваний через Сибирь в сторону Индии и Китая, очерченному в этой работе, Россия двигалась на протяжении всего XIX в. В 1806 г. Потоцкий лично участвовал в посольстве графа Ю.А. Головкина в Пекин. И хотя экспедиция закончилась в Улан-Баторе, она дала возможность Потоцкому переработать свой «Азиатский план». Обосновывая необходимость захвата Афганистана, ключа к Китаю и Индии, он предлагал осуществить это ценой циничнейших провокаций, поставив идеи Просвещения на службу интересам государства.

Его упомогаемые планы были несколько приостановлены в связи с поражением России при Аустерлице, после которого Чарторыйский потерял должность министра иностранных дел, а Александр начал с растущим недоверием относиться к полякам, чьи взоры обернулись в сторону Княжества Варшавского. После заключения Тильзитского мира Ян Потоцкий надеялся, что будет вновь проявлен интерес к его азиатским планам теперь уже под франко-русской эгидой. В 1808 г. он познакомил со своим проектом эмиссара Наполеона, однако нараставший конфликт между двумя императорами не позволил ему вдохновить русских на завоевание Кабула, захват Пенджаба и преграждение пути англичанам к Кантону. Потоцкий продолжал развивать свои идеи в сочинении *Considerations sur la Russie Asiatique*, удалившись в свои украинские владения до 1815 г., когда он решил покончить жизнь самоубийством¹⁵.

Приведенные яркие примеры интеграции польской и российской аристократии в дальнейшем будут оставлены нами в стороне, поскольку изучение этого явления не является целью исследования. Мы увидели лишь часть явления, по сути своей более сложного и массового, изучение которого не должно замыкаться в рамках исторических анекдотов из жизни отдельных персонажей. В данном случае требуется обращение к более серьезной методологической базе с привлечением большего числа источников, что, к сожалению, не является отличительной особенностью существующей по этой теме литературы.

Такая необходимость назрела также потому, что в России сосуществуют как «оптимистическое» видение, о котором шла речь выше, так и целиком противоположная ему точка зрения о польской шляхте, занимавшей крайне враждебную позицию в отношении России. Такой подход в двух словах можно определить как полонофобию, отъявленную враждебность ко всему польскому, которая на протяжении уже двух или даже трех столетий не дает покоя части общественной мысли в России. Грустным примером такого подхода является статья, вышедшая в 2002 г. из-под пера главного редактора печатного органа Союза писателей, известного своим антисемитизмом и ксенофобией¹⁶. Этот путь исследования также не стоит нашего внимания.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН

Необходимо сразу отметить, что в данной работе общая информация по отдельным аспектам жизни Украины будет даваться выборочно, что обусловлено спецификой исследования. Приведем некоторые данные, характеризующие социально-экономическое развитие Правобережной Украины в начале XIX в.

Данные о численности населения базируются главным образом на касавшейся всей империи подушной переписи 1795 г., составление которой хоть и могло бы желать лучшего, однако ей можно доверять в большей степени, чем последующей переписи 1811 г. Согласно этим данным и на основании дополнительной информации из неопубликованных ежегодных губернаторских отчетов (хотя данные не совпадают по отдельным годам), население обоих полов составляло:

в Волынской губернии:	1 073 459	(по данным 1805 г.)
в Подольской губернии:	1 138 868	(по данным 1806 г.)
в Киевской губернии:	1 110 224	(по данным 1810 г.)
общее кол-во:	3 322 551	(в 1805—1810 гг.)

На протяжении последующих 25 лет в связи с интенсивным естественным приростом общее количество населения увеличилось почти на миллион. В дальнейшем мы увидим, что интересующая нас группа поляков составляла 7—8% от общего числа основной массы населения, а именно — украинских крепостных и незначительной части государственных крестьян (последние остаются за рамками нашего анализа). Например, на Волыни в 1815 г. на 487 325 душ крепостных только мужского пола (единицей переписи была т.н. «ревизская душа») насчитывалось всего 12 186 казенных крестьян, зачастую нанимавшихся на работы к помещикам.

Разнообразие пейзажа в полном смысле этого слова обуславливалось появлением малочисленных и бедных церковных построек, не соответствующих количеству духовного сословия и верующих. Большая часть крестьян были православными, их число увеличилось особенно в результате решительного наступления России на униатство, начатого после второго раздела Речи Посполитой. Несмотря на это, губернаторы ежегодно докладывали, что, за исключением нескольких крупных монастырей, остальные деревянные православные церкви находятся в плачевном состоянии, в то время как в каждом польском поместье имеется содержащийся в хорошем состоянии римско-католический костел. В упоминаемом выше рапорте по Волыни приводятся данные по духовенству за 1815 г., согласно которым православных священников было 6652, униатских — 1583, римско-католических — 1507, а лютеранских пасторов — 3. Отметим, что религиозные конфликты на территории Правобережной Украины в этот период, несомненно, заслуживают отдельного исследования.

Количество евреев было несколько большее, чем поляков. Губернаторы крайне негативно высказывались об их численности в селах, особенно в период целой череды их переселений в города в конце 1807 г., следовавших за переписью еврейского населения на основании «Положения об устройстве евреев» от 9 декабря 1804 г. Эта переселенческая акция, рассчитанная на 1809—1810 гг., была приостановлена 29 декабря 1808 г., однако враждебное отношение к евреям со стороны поляков, русских и украинцев сохранилось. Хотя специальные правила и ограничения, более суровые по сравнению с предпринимаемыми в отношении поляков, казалось бы, сделали жизнь еврейской общины менее приметной, о ее присутствии следует постоянно помнить.

Путешественника из Западной Европы в то время удивляло почти полное отсутствие следов урбанизации на изучаемых нами землях. После присоединения к России, Правобережная Украина была разделена на три губернии по двенадцать уездов в каждой. Уездные органы власти расположились в местечках, называемых с этого момента городами, в большинстве своем заслуживающими именоваться в западном смысле слова того вре-

мени — всего лишь селами. Благодаря расположению в них полицейской управы, суда и почтовой конторы, проведению время от времени шумных и людных ярмарок, эти городки постепенно начинали развиваться. Однако ни один из них не пережил расцвета, подобного тому, который пришелся на долю Киева во второй половине XIX в. Свидетельством тому являются данные по «городским» жителям Киевской губернии за 1806 г. и Подольской за 1813 г. (охватывают только мужское население):

Киевская губерния		Подольская губерния	
Киев	6712	Каменец-Подольский	3884
Васильков	1829	Проскуров	956
Радомысль	835	Летичев	1669
Сквира	1122	Литин	1149
Тараша	898	Винница	3177
Звенигородка	1011	Брашлав	711
Черкасы	1936	Гайсин	811
Чигирин	932	Балта	1518
Богуслав	2146	Ольгополь	472
Махновка	1224	Ямполь	1883
Липовцы	1566	Могилев-Подольский	3119
Умань	2465	Ушица	553
Всего:	22 676	Всего:	19 902

В 1815 г. «городское» население Волыни насчитывало 28 836 лиц мужского пола, из которых к мещанскому сословию относилось 17 844 иудейского вероисповедания и 5358 христиан, к купеческому — 140 и 44 соответственно, а к ремесленному — 3547 и 1903. Евреи и христиане имели своих представителей в городских магистратах.

Как видно из приведенных данных, Киев — жемчужина в перечне титулов Екатерины II и единственный город Правобережной Украины, присоединенный к России еще в 1686 г., — не выделялся на общем фоне по количеству населения и мог бы разделить судьбу стертого с лица земли Галича — еще одного центра средневековой Украины. Как только Киев стал наиболее важным из административных центров трех новых губерний, присоединенных к Российской империи, его губернаторы старались повысить престиж города (кроме губернатора Киевской губернии, здесь же с 1796 по 1832 г. располагалась резиденция военного губернатора, а после 1832 г. — генерал-губернатора, отвечавшего за всю Правобережную Украину). Однако основной бедой Киева, как и других городов с деревянной застройкой, были частые пожары — 9 июля 1811 г. огнем был уничтожен целый район — Подол. Киев, несомненно, отличался от других городов

тем, что был крупнейшим православным центром, здесь располагалась Духовная академия, сюда в Софию Киевскую и Печерский монастырь стекались толпы паломников. Кроме того, сюда же ежегодно съезжались польские землевладельцы на контрактную ярмарку, которая была также поводом для светских встреч. В эти дни население города удваивалось, половину его составляли польские помещики. Согласно данным полиции, в 1811 г. в Киев прибыло 2737 шляхтичей и 416 купцов в сопровождении 3745 слуг и членов семьи, всего 7098 человек, каждый из которых уплатил достаточно высокий сбор яюза проезд через городскую заставу. Однако с западноевропейскими городами по своим размерам столица Украины сравнялась лишь в конце XIX в. (175 тыс. жителей в 1886 г. и 294 тыс. в 1909 г.).

К местному колориту следует добавить существование находящихся в частном владении и полностью подчинявшихся своим владельцам городов. Например, в Киевской губернии у российских властей не было иного выхода, кроме как сделать центрами уездов принадлежащие Потоцким Умань, Махновку и Липовцы и находящийся в собственности Браницких Богуслав.

В ситуации неразвитости городов экономика практически полностью была ориентирована на сельское хозяйство, главным образом на производство зерновых — источник богатства местных помещиков. В среднем, в зависимости от года, каждая губерния Правобережной Украины производила от 3,5 до 4 млн четвертей зерна (мера объема сыпучих тел, равная 209,9 литра). Статистика не учитывала зерна, собранного крестьянами на своих наделах. Крепостным часто приходилось в обмен на барщину брать зерно у помещика. Традиционно зерно и лес чаще всего отправлялись в сторону Данцига или в австрийскую Галицию, хотя постепенно, вместе с развитием Одессы осваивалось черноморское направление. Во время Континентальной блокады получили развитие и ранее существовавшие в этом регионе винокуренное и пивоваренное производства. В 1807 г. на Киевщине насчитывалось в частных владениях 551 винокуренный завод и 11 пивоваренных. Разведением скота и коней занимались только в поместьях. Даже после 1850 г., в период оживления промышленного развития, эта часть Украины сохранила аграрный характер, а потому не стоит удивляться тому, что в интересующий нас период в «городах» было слабо развито ремесло. В зависимости от желания и инициативы помещиков существовали малочисленные стеклодувные, металлообрабатывающие, кирпичные, кожевенные, ткацкие мануфактуры, мастерские колесников, шляпные и др. производства.

Итак, приносящая доход лишь крупным землевладельцам «житница России» — это спящее царство, над которым даже при незначительных

неурожаях нависает угроза голода, в котором суеверия и религия главенствуют над просвещением, а грамота среди христиан была доступна лишь шляхетским детям. Течение крепостной жизни нарушали отдельные крестьянские бунты, о которых еще пойдет речь в последующих главах. Нищее крестьянство искало виноватых в своих бедах среди тех, на кого ему указывали помещики, а именно среди евреев или даже цыган, которых власти неустанно ловили и переселяли.

Каждый из затронутых вопросов так или иначе освещался в литературе и в будущем, несомненно, будет предметом многочисленных исследований. Для нас они представляют ценность лишь в качестве общего фона, поскольку нас интересует, кем были поляки, считавшие себя хозяевами этого края, и откуда появилась на Украине столь многочисленная шляхта?

Однако прежде чем перейти к изучению вставших перед Российской империей проблем, связанных с интеграцией поляков после разделов Речи Посполитой, необходимо осветить состояние исследований по этому вопросу.

СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ О ШЛЯХТЕ

После публикации моих работ о польской шляхте на Украине в 1831—1863 и 1863—1914 гг. возникла необходимость расширения исследований¹⁷. Наибольшее недоумение и споры у специалистов вызывала крайне высокая численность шляхты на Правобережной Украине в XIX в., имевшей в большинстве своем (речь идет даже не о десятках, а о сотнях тысяч людей) крайне низкий социальный статус. Существование столь многочисленной группы безземельной шляхты было нехарактерно для социальной структуры Российской империи и стало одной из проблем, с которой царским властям так и не удалось справиться до 1917 г. Эта тема требовала отдельного исследования, которое бы позволило углубиться в историю и понять, каким образом эта проблема воспринималась и анализировалась хотя бы с того момента, как Правобережная Украина попала в сферу ответственности Петербурга, т.е. с 1793—1795 гг.

Однако прежде чем перейти к сути проблемы и изучить две (польскую и российскую) столь мало совместимые социальные концепции, необходимо, на наш взгляд, обратиться к еще более отдаленному прошлому, к чему призывает сентенция Марка Блока, ставшая эпиграфом фундаментальной работы Ежи Едлицкого «Родовой герб и социальные барьеры». Блок отмечает: «Суть дворянских проблем, рассматриваемых даже в современном контексте, не может быть раскрыта без постоянного обращения к прошлому»¹⁸. Именно так мы и поступим.

Это путешествие в прошлое позволит представить «состояние исследований», подчеркнуть сложность поставленной задачи, обнаружить поразительные пробелы, существующие в историографии по вопросу о шляхетском сословии. Вскоре мы убедимся в том, что установление точной численности шляхты и определение степени социальной нагрузки, несомой самой низшей прослойкой рыцарского сословия, — дело невозможное. Практически во всех российских исследованиях, касающихся интересующей нас территории, а именно Киевщины, Брацлавщины (Подолье) и Волыни, в период с XV по XVIII в., этот вопрос обходится стороной. Более того, зачастую ставится знак равенства между руськими* и русскими и не делается каких-либо уточнений относительно этого региона. Подобная ситуация сложилась и в польской историографии, где многочисленные исследования посвящены центральным землям Речи Посполитой, в то время как о Правобережной Украине известно мало. Правда, в украинской историографии последних лет этот вопрос получает постепенное освещение. Тем не менее практически ни одна работа, посвященная польской шляхте до разделов Речи Посполитой, не сообщает точных данных о ее численности. Более углубленные исследования касаются той ее части, которой мы не занимаемся и где развитие шло по иному пути. Эти работы посвящены высшему слою шляхты — магнатам и крупным землевладельцам, игравшим важную политическую роль. В лучшем случае историки, ничего не говоря о пропорциональном соотношении, указывают на существование крупной, средней и мелкой шляхты. Последняя же никогда не становилась предметом отдельного научного исследования.

В наиболее ценной работе по истории шляхты Правобережной Украины представлены лишь фрагментарные, хоть и весьма правдоподобные в том, что относится к периоду до XV в., гипотезы¹⁹. Они касаются бывших бояр, преданных слуг последних руських князей, сохранивших, особенно на низшем уровне, внутреннюю иерархию, по своей форме напоминавшую структуру дружины Киевского княжества. Пережив монголо-татарское нашествие, они к моменту перехода под крыло Великого князя Литовского были в той или иной степени крупными или мелкими землевладельцами. Вслед за Натальей Яковенко следует сказать, что на сохранение следов существования этой группы еще в конце XIX в. указывал Грушевский; на территории бывшего Киевского княжества в первое время после присо-

* Исторические термины «руськие», «руський» (в приспособленной к современной русской орфографии форме) выбраны как наиболее точный в данном контексте эквивалент французских терминов «ruthènes», «ruthène». Подробнее о проблеме терминологии см.: Мозер М. О «простой мове» // Этнокультурные и этноязыковые контакты на территории Великого княжества Литовского. Материалы международной научной конференции. М., 2006. С. 113; *Idem*. Что такое «простая мова»? // *Studia Slavica Hung.* 2002. №47. С. 224. (Прим. пер.)

единения к Литве еще существовал 71 город-крепость; кроме того, сохранились следы Галицко-Волынского княжества на Волыни. Яковенко подчеркивает, что в эту главным образом воинскую группу входили также слуги, у каждого из которых должен был быть конь и, возможно (неизвестно наверняка), земельный надел. Вскоре эти люди, от мала до велика, стали именовать себя, на западный манер, шляхтой. Польское слово *szlachcic* (шляхтич, дворянин) происходит от ставшего в конце XIV в. крайне популярным в Польше чешского понятия — *šlechtic*, сходного с немецким выражением *geschlecht*, подчеркивающим благородное происхождение — *bene natus*.

Постепенно на Правобережной Украине рос интерес ко всему, что шло из центральных земель Речи Посполитой, однако проходивший вплоть до конца XVII в. процесс колонизации столкнулся с сопротивлением, главным образом в среде мелкой шляхты (которую никак нельзя назвать малой, поскольку ее численность, хотя и не поддается точному установлению, была огромной)²⁰.

Эволюция шляхетского сословия Польши, уже к концу XIV в. пользовавшегося на региональном уровне определенной автономией, что нашло в скором времени выражение в создании сеймиков, привело к формированию модели, крайне привлекательной для элит Великого княжества Литовского (ВКЛ), т.е. в том числе и Украины. Символично, что 47 великих родов ВКЛ уже во время подписания унии в Городло в 1413 г. были «приняты в круг своих» Речи Посполитой благодаря переходу в католическую веру. В 1432 г. князем Сигизмундом (Жигимонтом) Кейстutowичем это право было закреплено за «всеми князьями, шляхтичами и боярами Руси» независимо от их вероисповедания. Однако нечеткая формулировка способствовала со временем формированию образа идеального внутреннего единства, основанного на принципе шляхетского братства. И хотя этот принцип касался лишь наиболее состоятельной шляхты, умевшей писать и читать, польские, литовские и украинские историки из века в век вплоть до наших дней продолжают экстраполировать его на всю шляхту.

Начиная с 1989 г., т.е. с момента краха коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе, новая польская историческая школа стала утверждать идею единства, гражданского равенства и шляхетского парламентаризма, представляемых в качестве неоспоримых достоинств политической нации Польши, ставшей после Люблинской унии 1569 г. нацией «Речи Посполитой Двух Народов». Эта нешляхетская концепция была разработана прежде всего двумя историками из Люблина: Е. Ключовским и А.С. Каминским²¹. Первый обратил внимание на очевидные сходные моменты в эволюции высшего сословия Венгрии и Польши: в обеих

странах еще в XIV в. рыцарско-шляхетское сословие стремилось к объединению (*communitas*) с властными представителями этих стран. В Венгрии образовывались комитаты (*universitas*), в которых при каждом правителе небольшой области состояли представители рыцарства. Венгерское дворянство постепенно получало все большую автономию, избирая собственных судей (*indices nobilium*) среди «среднего дворянства» (его границы до сих пор сложно определить), а в 1517 г. Стефан (Иштван) Вербоци окончательно определил автономный статус дворянства*. В Польше аналогичный процесс, согласно традиционному видению большинства историков, привел к формированию знаменитой «шляхетской демократии»²². В конце XV в. представители сеймиков уже собирались на общегосударственном уровне, постепенно создав сейм, что было закреплено Нишавским статутом 1454 г. Одновременно с этим Королевский совет получил статус сената. Таким образом, в этой части Европы достаточно рано (в 1493 г.) была создана двухпалатная система, ставшая в скором времени отличительной чертой Речи Посполитой. Развитие государственности в Польше пошло по пути, отличному от других держав, постепенно превращавшихся в сильные централизованные монархии. В 1505 г. сейм навязал королю принцип, названный по первым словам «*Nihil novi...*» («ничего нового»). С этого времени король не мог принять ни одного решения без одобрения обеих палат. Таковым было рождение «политической нации», которой на протяжении XVI в. удалось полностью вытеснить мешанство из политической сферы жизни и закрепить крестьян.

Недостатки в этом подходе видны, даже если абстрагироваться от неточностей языка, связанных с поиском (насколько это возможно) аналогов существования «гражданского общества» или образцов демократии по образцу XX—XXI вв. в системе, где власть принадлежит достаточно многочисленной группе, пусть даже лидерство в ней принадлежало крупной шляхте.

Понятие *communitas*, лежащее в основе данного подхода, т.е. идея всеобщего и солидарного участия рыцарского сословия в осуществлении власти, идея безусловного представительства всего шляхетского сословия на сеймиках и сеймах, представляется по сути своей идеалом, далеким от реальности. Ни в одной исторической работе, ни в одном документе не приводятся факты, дающие возможность количественно подтвердить действительное участие в этой т.н. демократии. Историки не ставили четко вопросы о воздержании от голосования, лишении права голоса или частичном использовании гражданских прав ни в эпоху функционирования этой

* Речь идет о Трехкнижии Вербоци (Трехчастный свод обычного права Венгерского королевства) *Tripartitum opus iuris consuetudinarii incliti Regni Hungariae* (1517 г.). (*Прим. пер.*)

системы, т.е. до 1795 г. (кроме периода 1788—1791 гг.), ни, за небольшими исключениями, позднее. Мы полностью осознаем, что затрагиваем одну из догм польской историографии, бросаем тень на образ страны, которая первой воплотила в жизнь демократические идеалы, однако этот вопрос стоит того, чтобы его задать. Данная работа не представит на него полного ответа, но, возможно, будет способствовать его рассмотрению.

На землях Правобережной Украины, которая до 1569 г. входила в состав ВКЛ, процесс формирования принципов функционирования шляхетских институтов несколько отставал по сравнению с центральными землями Речи Посполитой. И хотя в битве с тевтонскими рыцарями при Грюнвальде (1410 г.) хоругви русской²³ шляхты прекрасно проявили себя наравне с польской кавалерией, нет сомнений в том, что во времена Витовта, союзника двоюродного брата Владислава-Ягайлы, отношения между великим князем и его дружиной строились по вертикали. Система понятий «преддемократического» равенства *communitas* станет привлекательной позже среди русской шляхты.

В последнее десятилетие появилось две статьи, несколько проливающие свет на историю мелкой шляхты на Белой Руси в XV—XVI вв.²⁴ Однако, несмотря на всю ценность представленного материала, в них не дается ответа на вопрос о социальном статусе мелкой шляхты. Из них следует, что великий князь Александр и Сигизмунд I Старый были готовы присоединить эту категорию свободных воинов к шляхте, однако в результате передела земли магнатами эти воины так и остались среди непривилегированных категорий. Можно предположить, что на Украине, в приграничной зоне, подобной белорусской, опасность татарских набегов вынуждала держать большее количество путных слуг и панцирных бояр. В любом случае в первом из трех Литовских статутов 1529 г. эти категории людей, сохранявшие личную свободу, приравнены к крестьянам (разделы XI, XII и XIII)²⁵. На какие привилегии могла рассчитывать эта группа в случае войны или призыва в ряды посполитого рушения (всеобщее шляхетское ополчение)? Проблема маргинализации этой многочисленной части шляхты так же стара, на наш взгляд, как и само понятие шляхты.

Знакомство с упомянутым Первым Литовским статутом дает возможность определить положение шляхты в ВКЛ, т.е. в том числе и на Украине. Несомненно, в этот период средняя шляхта не ограничивала власть великого князя настолько, насколько была ограничена власть короля (с 1386 г. он был фактически и великим князем) принципом *Nihil novi* и т.н. Статутами Лаского 1506 г. В Литовских статутах подчеркивается авторитет господара (так именовался великий князь) и целостность территории ВКЛ, что свидетельствует о сохранении в 1529 г. сильной централизованной власти.

В Первом Литовском статуте определение «шляхта» охватывало всю знать, хотя, как отмечает Ю. Бардах, многозначность его использования показывает, что процесс формирования шляхетского сословия еще не достиг уровня коронных земель Речи Посполитой. Особого внимания заслуживают несколько параграфов из третьего раздела Статута 1529 г., поскольку в них зафиксирована переходная стадия от статуса шляхтича к статусу простолюдина. Хотя в тексте официальной кодификации виленские юристы признали необходимым подчеркнуть существовавшие барьеры между двумя группами, не указывая на критерии этой классификации (можно предположить, что этим критерием было уже тогда владение землей), все-таки существовавшая граница была еще весьма подвижной. В §10 третьего раздела отмечается, что «теж не шляхту над шляхту не маем повышати, але усю шляхту маем заховати у их почтивости». Однако это предписание представляется относительным в свете последующих 11—13 параграфов, посвященных представлению доказательств шляхетства. Необходимость представления доказательств своего происхождения еще во времена рождения шляхетского сословия свидетельствует о том, что уже тогда это было предметом споров. Именно это явление и будет нас в наибольшей степени интересовать на протяжении всего исследования. Следует также отметить, что легкость, с которой проходила эта процедура (достаточно было представить двух свидетелей), говорит о том, что попасть в ряды шляхты было не слишком сложно²⁶. К сожалению, узнать больше о численности и характере этой группы представляется невозможным.

Даже работы лучших специалистов в области изучения шляхты не могут послужить подспорьем в наших поисках. К примеру, материалы франко-польского коллоквиума, проходившего в Люблине в 1975 г., не содержат какой-либо информации о Правобережной Украине. Внимание исследователей было сосредоточено лишь на магнатерии²⁷. А. Вычанский разработал крайне интересную шкалу собственности 947 землевладельцев Краковского воеводства в XVI в., однако не раскрыл проблемы, заявленной в названии статьи: «Анализ структуры польской шляхты в XVI—XVII вв.: методологические замечания», ограничившись тем, что отметил неадекватность традиционного деления по сравнению с существовавшей стратификацией общества. В опубликованной четверть века спустя более амбициозной работе автор вновь обратил внимание на недостаток данных о численности шляхты²⁸. В случае Литвы он опирается на данные, представленные в незадолго до того опубликованной работе²⁹ и утверждает, что в 1528 г. в ВКЛ насчитывалось 2 714 000 жителей, из которых 105 600, т.е. 3,9%, составляла шляхта (мещанство — 6,8%). На этом основании он утверждает: «Впрочем, в последнее время тезис о существовании крайне большого количества мелкой и бедной шляхты в давней Речи

Посполитой вызывает у историков все большие сомнения». Стоит отметить, что в англоязычном сборнике, посвященном польской шляхте (правда, ВКЛ в нем не освещается), не менее известный историк А. Мончак писал, что общее количество шляхты в XVI в. достигало 8% от всего населения³⁰.

В. Двожачек, автор одной из статей уже упомянутого сборника материалов Люблинского коллоквиума 1975 г.³¹, подчеркнул, что путных бояр в ВКЛ было значительно больше, чем мелкой шляхты в польских коронных землях, что говорит о необходимости соблюдения осторожности при оценке ее количества, а также ее однородности. Чем больше появлялось привилегий у землевладельцев и чем сильнее происходило укрепление их правового статуса (т.е. шло расширение гарантирующего практически полную неприкосновенность принципа *Habeas Corpus*, оспорить который можно было лишь в суде, в т.ч. шляхетском), тем сильнее укреплялась власть шляхты над зависимыми от нее крестьянами, тем чаще шляхта освобождалась от прямых и косвенных налогов, тем чаще в местные, государственные, а также церковные органы власти привлекались представители этого сословия и тем в большей степени подобные привилегии и «свободы» становились привлекательными для соседей с востока, и так уже связанных с Польшей династическими связями. Именно со стремлением получить подобные привилегии можно связать столь быструю — с середины XVI до середины XVII в. — полонизацию шляхты ВКЛ. Важно принять во внимание также появление в это время, в связи с необходимостью защиты восточных и юго-восточных границ, большого количества людей, чей статус не был до конца ясен и которым с течением времени удалось превратиться в служилую шляхту.

Во времена, когда запись «доказательств» принадлежности к шляхетскому сословию велась с переменным успехом, гербовники практически не существовали, и ничто еще не было предрешено. Случаи пожалования шляхетства королем (до 1601 г. это было возможно без одобрения сейма) были крайне редки, как и примеры пожалования шляхетского звания иностранцу (индигенат). Как подчеркивает знаток геральдики В. Двожачек, для большинства людей вольных с неопределенным статусом, о которых упоминает Литовский статут 1529 г., проще было выдумать шляхетское происхождение от названия деревни, тем более что в этот период в установлении шляхетских гербов царил хаос. В первой половине XVII в. первый разоблачитель самозваного шляхетства зафиксировал множество примеров родов, узурпировавших шляхетство. Им был Валериан Неканда Трепка, составивший *Liber generationis plebeanorum*, вскоре получивший название *Liber chatorum* — «Книга хамов»³², в которой давался перечень 2 500 случаев сомнительного шляхетства. По мнению Двожачека, который

одним из первых обратился к судебным актам (земских судов — по гражданским вопросам, городских — по криминальным делам, подкоморских — по межевым спорам) польской Коронной канцелярии и канцелярии Великого княжества (по меньшей мере тем, которые были известны до 1975 г.), подобные подозрения возникали достаточно часто. Обвиненный в результате доноса (*vituperatio*) должен был опровергнуть клевету (*expurgatio*) на основании двух свидетельств истинных шляхтичей, данных под присягой. В случае положительного исхода суд выдавал документ, подтверждавший шляхетское происхождение его обладателя. Это привело, по мнению исследователя, к созданию традиции регистрации генеалогических документов в судах³³. Кроме того, он отмечает, что начиная с XVI в. появилась практика регистрации (в особенности в городах и местечках) многочисленных *nobiles ac famates* — мнимых шляхтичей, которые не имели ничего общего с несением рыцарской службы, не владели землей, а жили за счет городских занятий. Он признает, что установить их количество ему не удалось.

Эти тенденции углубляются и крепнут с усилением западного влияния в ВКЛ, а именно — с кодификацией законодательства согласно нормам римского права, что находит отражение во Втором Литовском статуте (1566 г.); с распространением латыни в письменной культуре; с модой на фиктивные генеалогии, восходящие ко времени Древнего Рима, и в конечном счете — с полонизацией общественной жизни. На сегодняшний день на основании известных шестидесяти списков Второго Литовского статута (как и первый, он сохранился лишь в рукописном виде)³⁴ можно говорить о том, что статус шляхты в коронных землях Польши и на Украине был настолько схож, что через три года украинская шляхта во время знаменитой Люблинской унии 1569 г. выступила с инициативой присоединения, но не на федеративной основе, как это было сделано в случае ВКЛ, а на основании полной инкорпорации, правда, при условии сохранения региональной правовой специфики, определяемой Статутом. Именуясь с этого времени Волынским статутом, он служил основой гражданско-правовых и имущественных отношений в этих землях даже после их аннексии Российской империей, вплоть до 1840 г. Принятый в 1588 г., более разработанный Третий Литовский статут уже не касался украинских земель, вошедших в состав коронных земель Речи Посполитой. Однако Третий статут использовался на Украине в качестве дополнительного, на него ссылались в коронных землях Речи Посполитой, из него были сделаны заимствования при создании Соборного уложения царя Алексея Михайловича 1649 г., особенно в том, что касалось русского дворянства³⁵.

Чем совершеннее становилось законодательство, на развитие которого оказывали влияние идеи гуманизма, представленные в т.ч. в работе Анд-

жея Фрыча Моджевского *De Republica emendanda*, тем очевиднее становилось, что происходит монополизация власти в руках землевладельческой шляхты, постепенно превращавшейся в отдельную касту. Восхваляя античные идеалы и цитируя Цицерона, она не забывала совершенствовать законы, блюдушие завещания и наследства, защищавшие ее от возможных абсолютистских притязаний короля и великого князя и укреплявшие ее власть и изоляцию. И даже если после Второго Литовского статута сеймики собирались регулярно, никто так и не установил, сколько же в Речи Посполитой насчитывалось «граждан», обладавших правом голоса, и на основании каких критериев они голосовали.

Практически вся польская историография с готовностью подчеркивает действительно самобытное и позитивное значение «республиканского», «гражданского» и «демократического» дискурса, значительная поддержка которому была оказана в 1573 г. с принятием Генриховых артикулов, т.е. правовой гарантии религиозных свобод в Речи Посполитой, которые должен был подписать впервые избранный король Генрих Валуа. Как уже говорилось, прославление этой системы польскими историками достигло апогея после 1989 г.³⁶ Все-таки необходимо отделить высокие идеалы горстки гуманистов от существовавших в действительности «золотых шляхетских вольностей», снимая покровы с проявленного самодурства. Вопреки тому, что пишет А.С. Каминский, следует сказать, что разница между закрепощением крестьян в России и Польше была незначительной: принципы были различны, но повседневные условия — схожи. Наибольшее сомнение вызывают в работе этого автора выражения «широкие массы» и «многочисленные шляхетские толпы». Это понятие превращается в полную фикцию, когда речь в особенности заходит о сложившихся после 1574 г. условиях, введения свободных выборов на основе принципа *viritem*, предусматривающего личное присутствие каждого шляхтича в Варшаве. В свое время подобная иллюзия могла играть позитивную роль, однако, используемая историками в XXI в. для представления широты «гражданского общества», звучит проблематично³⁷. Выборное поле, находившееся в предместье Варшавы — на Воле, не было греческой агорой. Ян Замойский апеллировал ко временам Рима и подчеркивал равенство всех граждан, однако шляхту — носителя идеалов единства и солидарности, которую Каминский изображает жемчужиной политической европейской культуры, раздирали внутренние противоречия. В 1566 г. Вторым Литовским статутом безземельную шляхту — «голоту», в особенности занимавшуюся торговлей, лишили права участия в сеймиках.

В прекрасной статье, посвященной польской литературе на латыни, раскрывающей шляхетские ценности Речи Посполитой, М.А. Яницкий недавно показал, что, несмотря на то что изначально был распространен

термин «шляхетские массы», голос подавала лишь средняя шляхта — «посессоры» (землевладельцы). Именно она расширяла мнимые принципы равенства и свобод на все сословие, на самом деле подчеркивая свое значение в глазах магнатов и короля. Правда, в 1569 г. Станислав Ожеховский завлекал литвинов, нахваливая всю прелесть этих принципов и утверждая, что «весь народ и вся масса польского рыцарства включается в это слово “шляхта”»*. Однако ни у одного автора XV или XVI в. нельзя найти доказательств участия «всей» этой «массы» в «общественной» жизни³⁸.

Похоже, что типичные ошибки историков обусловлены тем, что они принимают без соответствующего анализа язык изучаемой эпохи, а также склонны преувеличивать роль политической основы системы и использовать понятия, которые способствуют завышению этой роли: *populus, vulgus, multitudo, tium* (нол. простонародье), *gmin* (нол. чернь), *pospółstwo* (нол. плебс), *lud* (нол. народ). На самом деле Анджей Максимилиан Фредро** в середине XVII в. упоминает лишь о малых и крупных собственниках, не указывая их количество, которое, впрочем, не могло быть значительным. Численность безземельной шляхты остается неизвестной, хотя, несомненно, эта величина служит своего рода алиби для использования настолько экстраполированных терминов³⁹.

Новаторство книги Натальи Яковенко состоит в том, что она первой среди историков посвятила целую главу мелкой шляхте, численность которой была достаточно значимой. Впрочем, в согласии с существующей традицией, автор в первую очередь сосредоточилась на изучении крупных аристократических родов на Украине в XVI и XVII вв. (Заславских, Збараских, Вишневецких, Корецких, Острожских, Четвертинских, Чарторыйских, Сангушко и т.д.), а также средних землевладельцев⁴⁰. Уже сама постановка проблемы подрывает идею существования «шляхетского народа» в качестве единой и братской общности — прототипа идеальной демократии — или, по крайней мере, в значительной степени сужает это понятие. Как указывает Яковенко, первые документально подтвержденные случаи выключения мелкопоместной шляхты (загродовая шляхта) из шляхетского сословия относятся к 1545 г. Именно этим годом датирована жалоба на князя Федора Сангушко, который во Владимирском повете на Волыни «старшим прошал, а младших обирал», а некоторых — «за невольников» считал. Захват наделов и попытки заставить отрабатывать барщину были частым явлением в Овруцком повете, где в селениях («околицах») была

* Перевод сеймовой декларации Ст. Ожеховского дается по: История южных и западных славян. Т. I: Средние века и Новое время / Ред. Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева. М., 2001. С. 199. (Прим. пер.)

** В русской традиции известен также как Андрей Максимилиан Фредро, польский публицист и государственный деятель. (Прим. пер.)

высокая концентрация мелкопоместной шляхты, бывших путных бояр, которым землю дал князь Владимир Ольгердович (1363—1394), нуждавшийся в вестовых и гонцах для поддержки контактов с Золотой Ордой. Этим людям, по мнению Н.В. Довнар-Запольского⁴¹, признали шляхтой во время реформ, предшествующих принятию Статута 1566 г. Через три века мы вновь вернемся к этой категории, поскольку эти шляхтичи станут объектом нападков богатых соседей, в том числе за то, что, несмотря на поголовное обращение в католицизм, сохранили православную веру. В 1605—1617 гг. эта панцирная шляхта участвовала в серии судебных процессов, показавших неясность ее статуса. Владельцы Овруцкого замка: сперва Вишневецкий, а затем Павел Рудзкий* — пытались заставить эту шляхту работать в своих имениях и платить десятину. Несмотря на признание за этой прослойкой в 1570 г. сразу после Люблинской унии шляхетских привилегий, гродский суд в Киеве постановил удовлетворить требование собственников замка, однако после апелляции в Коронный суд в Люблине правота истцов была признана: их освободили от работ, признанных барщиной, в обязанности же им вменялось участие во всеобщем шляхетском ополчении. Уточнить положение этой группы нам помогут свидетельства француза, а именно Гийома Левассера де Боплана, который в 1630-е гг. на территории Правобережной Украины поступил на продлившуюся семнадцать лет службу к польским королям. Он составил первые карты этого региона и построил укрепления для борьбы с татарскими набегами. Его описание Украины, изданное в 1660 г. в Руане, является одним из ценнейших исторических памятников: «...за исключением земель, принадлежащих короне (не наследственных, как те, что названы выше), где имеются определенные, зависящие от нее [короны] села, которые король отдал боярам. Это — особое сословие, ниже, чем дворяне, но выше, чем мешане, которым король дает владения, переходящие к их потомкам с обязательством отбывать военную службу на свои средства каждый раз, когда этого потребует великий гетман, выполняя все, что им прикажут, на пользу государства. Среди этих людей, хотя по сравнению с основной массой населения и зажиточных, большинство довольно бедно»⁴².

Хотя еще историки XIX в. обращали внимание на исключительный статус шляхетских сел⁴³, лишь Н. Яковенко впервые привела примеры пренебрежительного отношения магнатов к «шляхетской братии» (*bracia szlachta*). Так, в 1654 г. луцкий староста Иероним Харленский грозил наказать околичную шляхту палками, припоминая, что к подобным мерам уже обращался его винницкий коллега. Таким образом, достаточно рано

* Передача фамилии кириллицей может быть также следующей: Рутский, Руцкий, Рудский. (Прим. пер.)

было положено начало вражде, обусловленной не столько русско-польским культурным конфликтом, сколько внутренним польским социальным конфликтом, не ослабевавшим до тех пор, пока существовала сама шляхта. Ненависть одних естественным образом вызывала ответную реакцию других: в 1654 г. Януш Радзивилл получал анонимные письма с угрозой перерезать ему горло. Писали их те, кого в своем гербовнике Бартош Папроцкий уже в 1575 г. называл «panowie sobie» («сами себе господа»), т.е. шляхетский плебс, у которого не было ни слуг, ни крепостных, а лишь руки для работы. У «гербовой голоты» не было средств, чтобы, как раньше, лишь только разойдутся вести о созыве шляхетского ополчения, являться «конно а збройно», как того требовали Литовские статуты 1529 и 1566 гг. Она превратилась в легкую добычу для магнатов, стремившихся под видом братской опеки если и не превратить ее в крепостных, то хотя бы заставить платить аренду за землю, что вскоре стало общей практикой для всех безземельных.

Прежде чем перейти к тому, что Яковенко сообщает о безземельной шляхте, обратимся к приводимым ею красноречивым цифрам: в преддверии восстания Б. Хмельницкого в Киевском воеводстве малоземельной шляхты было 76% от общего числа землевладельцев, а принадлежавшая ей земля составляла всего 11% земельного фонда. На Волини она составляла 71%, ей принадлежало всего 6% земли. В Брацлавском воеводстве (Подолье) в собственности 64% мелких землевладельцев находилось 3% земли. На протяжении XVII в. на этой территории формированию крупной земельной собственности способствовало появление польских аристократических родов: Фирлеев, Замоиских, Собеских, Любомирских, Конецпольских, Потоцких, Браницких, под влиянием которых на этих землях крепла идея сарматизма, а миф Киевской Руси, подхваченный Москвой, терял популярность. Небольшой части мелкой шляхты, получившей образование в православных монастырях и иезуитских коллегиях, переживавших расцвет, удалось занять места в органах правосудия и администрации. Штат судебных писцов пополнялся главным образом за счет мелкой шляхты. Именно эти люди, знавшие русский, латынь и польский, являвшиеся основой протоинтеллигенции, были нужны в Запорожском войске, в королевских и литовских хоругвях, в частных магнатских армиях и казацких войсках. Именно к ним был адресован универсал казацкого полковника К. Выговского, который в 1658 г. обращался к турово-пинской шляхте со словами: «Панам шляхте как высшего, так и низшего сословия». Если для узаконивания идеи демократии, хоть и фиктивной, могло использоваться понятие «шляхетские массы», то нет никакого сомнения в том, что в данном обращении прежде всего делался упор на то большинство, которое уже к «шляхетскому народу» практически не принадлежало. Это, впрочем,

подтверждается двузначной пословицей, которую зачастую приводят в качестве подтверждения социального равенства рыцарского сословия: «szlachcic na zagrodzie równy wojewodzie» (шляхтич на своем наделе равен воеводе).

В несправедливости этой пословицы мы убедимся при рассмотрении положения безземельной шляхты, что будет являться одним из основных предметов анализа данной работы. Неточность данных, к сожалению, в этом случае еще больше. Скорее всего, в XVIII в. этих людей относили к чиншевой или служилой шляхте. Именно она, как пишет Яковенко, прислуживала, согласно устной договоренности или письменному контракту, в подаренных королем сказочно богатых замках старост, а также в имениях князей, магнатов и средней шляхты. Эта люмпенизированная (по словам Яковенко), лишенная политических прав шляхта, единственной собственностью которой зачастую была лишь сабля, вызывала удивление де Боплана, нередко прибегавшего к ее услугам: «Вообще польское дворянство довольно богато, как было сказано выше, но в Мазовии, где оно очень многочисленно и составляет шестую часть проживающего там населения, оно живет не в таком уж и достатке. Отсюда следует, что значительная его часть занимается земледелием и не считает для себя унижительным ходить за плугом или идти на службу в дворяне, в свиту самых крупных вельмож — занятия более почетное, чем служить в кучерах, что вынуждены делать самые неспособные из них. Двое из таковых служили у меня кучерами в течение ряда лет, которые я провел в этом краю, занимая должность старшего капитана артиллерии и королевского инженера, хотя они и были шляхтичами из хорошего рода»⁴⁴.

Более детальные исследования этой категории шляхты проводились лишь в случае белорусских земель, где она не была столь многочисленна⁴⁵. Яковенко упоминает о двух представителях мелкой житомирской шляхты, которые в 1602 г. заявляли, что «чести» своей не потеряли, хоть временно и занимались торговлей; также приводит пример о неких «людях военных», записанных в 1552 г. среди мешан, а к XVIII в. уже имевших герб и село. Подобное перетекание из одного сословия в другое показывает, насколько зыбкой была граница между шляхтой и простолюдинами, как в случае мелкопоместной шляхты, так и в случае превращения шляхтичей в казацких канцеляристов или даже писарей на Левобережной Украине, где этот процесс шел полным ходом. Наиболее ярким примером существовавших противоречий между мелкой и крупной шляхтой является конфликт Богдана Хмельницкого, жителя Чигирина на юге Киевского воеводства, с могущественным Конецпольским.

Начиная с 1594 г. на сеймах обсуждалась необходимость уточнять в инвентарях — описях владений, где в т.ч. указывалось поголовье скота и

количество подданных, — обязанности «челяди», о которой в скором времени будет с удивлением писать Боплан. Эти «служилые люди», как их называли в то время, видимо, не всегда исполняли возложенные на них обязанности, более того, их количество не только не уменьшалось, но постоянно росло, правда, причины этого роста пока историками не раскрыты. Постоянный приток новых крупных землевладельцев, а также необходимость управления переделенными землями автохтонных родов привели к появлению многочисленных замковых комплексов, являвшихся одновременно центрами экономической жизни и крепостями. В частные полки, в будущем зачастую напоминающие опереточные армии, привлекались многочисленные добровольцы. Кроме того, поскольку владельцы не могли положиться на склонное к бунтам и православное крестьянство, управление имениями требовало большего количества надежных работников. Чувство превосходства, которое давала служба у связанных с культурой Речи Посполитой польских или полонизированных магнатов, усиливалось еще и тем, что к полонизированным или польского происхождения придворным и слугам относились при дворах вельмож как к людям вольным. Эта ситуация напоминает процесс, происходивший на тех же землях двумя веками ранее, во времена Сигизмунда III Вазы (1587—1632), когда в трех воеводствах Правобережной Украины началась раздача небольших земельных наделов тем, кто имел лошадь. Правда, эти люди должны были служить не столько во время созыва шляхетского ополчения, сколько на пользу местных магнатам. И хотя эта служба не называлась барщиной, в их обязанности входила доставка леса для строительства и обслуживание имений. Военная обязанность — по первому зову господина являться верхом — была прозаично заменена чиншем. У этого слова тот же латинский корень, что у французского слова *seins*. Пикардийцы, не имевшие ничего общего со шляхтой, достаточно долго взимали *seinsive* за аренду земли со своих *seinsiers*. На Украине же чиншевики от крепостных крестьян отличал статус личной свободы и принадлежность к шляхте, правда, несмотря на то что феодальные обязанности мелкой шляхты в отношении господ были небольшими, земельные наделы все же принадлежали магнатам, от которых в огромной степени зависела эта шляхта.

Жаль, что единственное исследование, посвященное процессу увеличения рыцарского сословия (это торжественное определение звучит в данном контексте несколько иронично), касается периода до середины XVII в., а его результаты не стали широко известны⁴⁶. Благодаря этой работе мы знаем, что во времена Владислава IV Вазы (1632—1648) произошло увеличение числа зависимой шляхты, однако данные по ней для конца XVII — XVIII в. отсутствуют. По мнению Яковенко, в 1640 г. количество шляхты обоих полов равнялось 9540 человек в Подолье, 14 100 на Киев-

щине и 14 880 на Волыни, что составляло 2—2.7% от общего числа населения Правобережной Украины, которое, по общим оценкам, составляло 1 700 тыс. жителей. Согласно приводимым Тадеушом Чацким* данным, в 1804 г. в Волынской губернии проживало 38 452 шляхты мужского пола, при общей численности населения обоих полов 553 200 человек, т.е. 80 000 шляхты обоих полов на 1 100 000 жителей обоих полов, т.е. 7,2% всего населения. Цифры и пропорции в остальных двух губерниях выглядят подобным образом: в 1804 г. в Киевской губернии проживало 43 597 шляхты мужского пола, т.е. примерно 87 000 обоих полов. Точные данные по Подольской губернии отсутствуют, но можно без особого риска заложить, что в среднем шляхта обоих полов в каждой из губерний составляла 80 тыс., т.е. 240 тыс. человек от 3 400 000 общего числа населения, что дает 7%⁴⁷. На протяжении всего XVIII в. в Речи Посполитой наблюдался значительный естественный прирост, равнявшийся, согласно Геровскому, 1% в год, следовало бы ожидать прироста местной шляхты в границах 5%; 2% составила пришлая шляхта⁴⁸.

При нынешнем состоянии исследований сложно судить об этническом соотношении слоев шляхты в XIX в., что и станет предметом нашей работы.

Есть и другие темы, требующие изучения: жизнь польской и полонизированной шляхты на Украине во время оккупации Правобережья турками в 1672—1699 гг., затем во время серьезных волнений, спровоцированных казаками Семеном Палием и Самойлом Самусем, а также во время тридцатилетнего периода военных интервенций России против Станислава Лещинского, пытавшегося удержаться на польском троне. На основании нескольких возмущенных замечаний польских историков о предательстве национальных интересов (какой анахронизм!) можно предположить, что рост чиншевой шляхты на Украине продолжался. Александр Брюкнер (1856—1939) писал о сотнях тысяч польских крестьян, отправившихся на Украину и украинизировавшихся под влиянием процветавшего в то время униатства⁴⁹. Связано ли это явление с ростом числа безземельной шляхты? Вопрос остается открытым, хотя сложно понять, почему такой известный историк, как Януш Тазбир, использует Брюкнера для разжигания польского антагонизма в отношении восточных соседей. Вначале он цитирует Брюкнера: «Там, где польское государство побеждало, укрепляя свое международное значение [...], культура теряла: этот элемент, изначально столь далекий от культуры, размывался, что имело неблагоприятные последствия для польского интеллектуального наследия», а затем в той же статье, целью которой, судя по названию, было прославление «поли-

* Известен также как Фаддей Феликсович Чацкий. (Прим. пер.)

этнических традиций Речи Посполитой», Тазбир добавляет: «Нет сомнения в том, что восточные окраинные земли Речи Посполитой тормозили процесс культурного объединения Польши». Это мнение в значительной степени расходится с образом гармоничной и многокультурной Речи Посполитой — «надежного убежища всех народов», над которыми, как пишет Тазбир, используя образ поэта эпохи барокко С. Витковского, «белый орел распростер свои крылья»⁵⁰.

Отставим эти размышления в стороне, поскольку они являются следствием незнания того, как в действительности шел процесс численного увеличения шляхты, который, несмотря ни на что, не мог привести к ослаблению «польской национальной первоосновы». Вслед за Н. Яковенко констатируем главный для нашего будущего анализа факт: отчетливая разница в статусе бывших «военных людей» и землевладельцев, у которых они находились в феодальной зависимости, прослеживается с самого начала рождения шляхты, а к концу XVII в. она становится подобна пропасти. Бесконечная преданность «панам», к чему обязывала мелкую шляхту идеология шляхетской солидарности, была закреплена Литовским статутом 1566 г., в котором предусматривалось тяжелое наказание для бунтовщиков, поднимающих руку против своего господина или нарушивших феодальные связи. Эта верность, переходящая в зависимость, со временем приобрела более банальные формы и выразалась в составлении контрактов, получении в аренду земельных наделов, продолжавших оставаться сеньориальной собственностью, либо в несении обычной службы. Существовавшая зависимость в еще большей степени подчеркивала всю двусмысленность братского шляхетского идеала. Найденные А. Прохаской на рубеже XIX—XX вв. контракты должны были обратить внимание историков на патерналистское отношение Богуслава Радзивилла к шляхетскому плебсу, который он в 1662 г. взял под свою опеку в Слуцком и Копыльском княжествах. По всей видимости, там господствовала особая шляхетская солидарность (*komituwa*), если на гравюрах того времени находим карикатурное изображение «верного слуги» в виде осла в шляхетском кунтуше, стоящего на задних ногах в наморднике, протягивающего человеческую руку в сторону господина, сидящего на троне среди наполненных золотом сундуков. На заднем плане изображены все работы, какие в имении выполняют осла, а надпись на гравюре гласит: «Слушай и молчи»⁵¹. В следующем веке «верный слуга» уже не будет исполнять роль послушного осла, несмотря на то что многие землевладельцы будут стараться спихнуть его еще ниже по социальной лестнице. Правда, кое-кто будет продолжать культивировать идею солидарности.

Нет сомнения в том, что сарматская модель с показной идеей шляхетского равенства, гарантирующая действительную власть и гражданство

лишь магнатам и богатой прослойке, находящимся в вечной оппозиции к королю, становилась все более привлекательной для соседей. Заднепровская казацкая старшина боролась (даже после Переяславского договора 1654 г.) за получение шляхетских привилегий и уравнивание в привилегиях с польской шляхтой, но ослепленный католическим фанатизмом сейм так и не осознал политической пользы такого решения. В этом состоит еще один довод в пользу того, чтобы дистанцироваться от реабилитации идеи сарматизма, за которую ратует А.С. Каминский. Стремление сослаться на риторику сеймовых ораторов, восхвалять мнимые права «поветовых граждан», «общее благо», гордость и честь страны, в которой был придуман «локальный республиканизм», где якобы с уважением относились к «шляхетским массам», означает отсутствие знания о внутренней иерархии шляхты и классификации в ее рядах⁵². Стоит обратить внимание на то, что само понятие «шляхта» считалось престижным в Московском государстве. В последней трети XVII в. в русский язык из польского вошло слово *шляхетство* в значении принадлежности к высшим кругам. Оно задержалось в русском лексиконе надолго, пережив эпоху Петра I, и использовалось в качестве синонима слов *дворянство* и *знатность*. В записках А.Т. Болотова, написанных в начале XIX в., а касающихся середины XVIII, оно даже встречается чаще, чем дворянство. А. Берелович показывает, насколько, несмотря на общность терминов, русское дворянство изначально отличалось от польской шляхты. Это была очень небольшая группа, насчитывавшая в 1630 г. 3000 человек и выросшая к 1680 г. до 6500. В ее обязанности входило служить царю, беспрекословно исполняя его волю. Через два века потомкам этих служилых людей предстоит столкнуться с совсем иной закваски людьми из новоприсоединенных земель Речи Посполитой⁵³. Естественно, что Россия на протяжении XVIII в. не интересовалась точным количеством польской шляхты, однако стала присматриваться к проблеме активной и пассивной гражданской позиции: царские дипломаты и чиновники достаточно быстро сориентировались в том, что идеи сарматизма можно использовать в качестве инструмента для манипулирования польской шляхтой. На протяжении полувека, а именно с 1704 г., времени создания Сандомирской конфедерации, с помощью которой Петр I смог укрепить позиции своего протезе Августа II, и до 1767 г., когда была организована Слуцкая конфедерация, которая, по замыслу Екатерины II, должна была вызвать в Европе возмущение отсутствием толерантности в Польше и укрепить позиции Станислава Августа, прекрасно видно, как умело Россия разыгрывает шляхетскую карту. Политика России в защиту «кардинальных прав» (*liberum veto*, свободные выборы монарха, право неповиновения королю), проводившаяся до 1792 г. с целью денонсирования Конституции 3 мая и проведения окончательных разделов Речи Посполи-

той, является шедевром манипулирования антимонархическими настроениями и симулирования защиты прав беднейшего польского шляхетского большинства. Этот важный вопрос, требующий изучения в рамках внешней политики, стал в 1793—1795 гг. частью политики внутренней, изменив ее цели.

Чтобы понять масштаб проблем, которые шляхта Украины доставила России после разделов Речи Посполитой, необходимо проследить, как внутреннее деление шляхты, на которое мы уже обращали внимание, становилось все более явным в XVIII в., а также обратиться к дискуссиям между глашатаями шляхетского равенства и сторонниками лишения шляхетской «голоты» прав. Эта внутripольская борьба мнений требует серьезного анализа, на основании которого можно будет выдвинуть тезис о том, что еще задолго до предпринятых Россией после разделов мер польская шляхта сама провела грань между землевладельцами и безземельными, что частично привело к делению ее на две обособленные группы.

В многочисленных польских работах, посвященных сейму и сеймикам⁵⁴, особенно за предыдущие периоды, дается скудная информация по интересующей нас проблеме. За этой недосказанностью скрывается очевидная монополия высшей и средней шляхты, которая сама назначала кандидатов и выбирала депутатов на сейм, поветовых судей, а также судей Коронного суда; лишь она владела землей; сама раздавала себе многочисленные почетные титулы, так популярные в эпоху сарматизма; лишь она одна пользовалась налоговыми льготами и составляла т.н. *lauda* (постановления сеймиков земель, поветов, воеводств) для своих представителей в Варшаве. Редкие сохранившиеся данные о присутствии шляхты на сеймиках со всей очевидностью подтверждают, что общее избирательное право, которое так любят восхвалять, никогда не существовало в действительности.

В работе, посвященной мазовецкой шляхте, Иоланта Хоиньска-Мика (один из лучших специалистов по шляхте в XVII в.) отмечает, что явка среди землевладельцев в эпоху династии Ваза не достигала даже 1%. В ожидании более высокой явки приходилось откладывать заседания сейма. В таком случае, что можно сказать о «шляхетских массах»? В другой работе, опубликованной в 2002 г., автор аккуратно подходит к этой проблеме: «В литературе можно встретить мнение, что те, кто не владел недвижимым имуществом (*niefposesjonaci*), не могли оказывать влияние на ход заседаний...» Впрочем, автором указывается на две сложности, а именно отсутствие точных данных о количестве людей с правом голоса и отсутствие возможности точно установить, сколько на самом деле человек принимало участие в работе сеймиков⁵⁵. Несомненно прав Войчех Кригсайзен, когда пишет, что «тон на сеймиках задавала зажиточная и оседлая шлях-

та... Вопрос об участии безземельной шляхты в публичной жизни требует отдельного исследования...». А. Павинский установил, что в 1733 г. на Куявах в голосовании принимало участие 374 человека, а в 1764 г. — 700 человек. В том же году таким же было количество шляхты, принявшей участие в сеймике в Галиче. Ежи Михальский упоминает, что в 1788 г., в период максимальной избирательной активности в Подолье, благодаря призывам Чарторыйских, в Каменец-Подольский на выборы прибыло от «4000 до 5000» избирателей, и, хотя по сравнению с общим количеством шляхты эти цифры невелики, они значительно превосходят количество избираемых.

Приведенные выше данные заставляют пересмотреть устоявшиеся представления, формированию которых способствовали настроенные против магнатов депутаты (а также отдельные работы историков), о том, что на выборы свозилась «масса» безземельной шляхты, которую магнаты поили, кормили и одаривали взамен за ее голоса. Писателем Хенриком Жевуским подобные сцены красочно представлены в произведении «Воспоминания Соплицы», однако, хотя подобные случаи и бывали⁵⁶, они носили исключительный характер. Можно даже серьезно задуматься над тем, не распространялись ли подобные стереотипные представления специально с целью отвлечь внимание от реального количества участников сеймиков, как своего рода алиби для — если воспользоваться названием книги К. де Рюльера, написанной по заказу Людовика XVI, — «анархии в Польше». Действительно, зачем магнатам были нужны на сеймах и сеймиках шляхетские «массы», если у них было право *liberum veto*, позволявшее с помощью одного лишь голоса распустить собрание или отклонить решение?

Вместо того чтобы рассматривать существование шляхетского плембса, в т.ч. и его правовое положение, исключительно в связи с магнатскими кланами, представляется более важным рассмотреть его во взаимодействии с остальной землевладельческой шляхтой. Подобный анализ даст возможность расширить наши представления о происходящих в XVIII в. изменениях в области мышления и понять, почему для России в конце того же века стало полной неожиданностью столкновение с польской шляхтой с точки зрения ее специфики, отличий и количества.

Дискуссия между сторонниками сохранения шляхетского братства и приверженцами идеи официального лишения шляхетского плембса гражданских прав продолжалась на теоретическом уровне до середины XVIII в., а затем нашла воплощение в конкретных действиях. Станислав Гераклий Любомирский, маршалок сейма, поборник идей идеального сарматизма, воплощения идеалов неостоицизма, издал в 1699 г. работу — *De vanitate consiliorum* («О тщетности советов»), в которой восхвалял шляхетские

добродетели, обосновывая их цитатами из Сенеки, Тацита, Плутарха, Тита Ливия и Юста Липсия. Однако, как следует уже из самого названия, похвала содержала и предупреждение шляхетским высокомерию и пренебрежению к публичному благу. Характерно, что с этого времени реформаторы, выступавшие от имени средней шляхты, видели основной источник несчастий Речи Посполитой в избытке прав, которыми было наделено безземельное шляхетское большинство, принимавшее, как уже отмечалось, минимальное участие в гражданской и политической жизни. Козлом отпущения стал осел, о котором речь шла выше, не желавший, чтобы его понизили до уровня крепостных и лакеев. Уже в 1717 г. Станислав Дуни-Карвицкий, блестящий юрист, выразитель идей зажиточной шляхты, которая к этому времени объявила сперва о создании Сандомирской, а затем и Тарговицкой конфедераций, высказывался в своем трактате об обустройстве Речи Посполитой — *De ordinanda Republica seu de corrigendis defectibus in statu Reipublicae Poloniae* — за введение постоянного сейма, отмену *liberum veto*, введение имущественного ценза на выборах на основании декларации о доходах и за создание на этой основе новых избирательных списков в каждом повете. В такой форме впервые нашел выражение принцип деления на активных и пассивных граждан, который был юридически закреплен в 1791 г. Проект Дунина-Карвицкого предусматривал *expressis verbis** отстранение шляхетской «голоты» от участия в сеймиках. В 1744 г., еще за 20 лет до окончания правления Саксонской династии в Польше, отец будущего короля Станислава Августа Понятовского также предусматривал проведение аналогичной реформы сейма и сеймиков, выступая за то, чтобы шляхту представляли лишь землевладельцы. Член католического ордена пиаров (пиаристов), один из выразителей идей Просвещения в Польше, Станислав Конарский в трактате «О действительном способе советов» (1760—1763) также высказывался за предоставление избирательного права лишь «истинным шляхтичам», т.е. землевладельцам. Отметим, что тем не менее сторонники сарматских идеалов, а среди них низложенный король Станислав Лешинский, автор работы «Глас вольный, вольность защищающий» (1749), отстаивали идеи непоколебимого шляхетского братства и более того — убедили в несравненной высоте польской «демократии» Ж.-Ж. Руссо, о чем последний писал в «Соображениях об образе правления в Польше» (1771).

В 1764 г. во время избрания, не обошедшегося без демонстрации русских штыков, Станислава Августа на престол в Варшаве собралось лишь 5584 шляхтича. Депутаты из коронных земель представляли 36 сеймиков, а из ВКЛ — 24 сеймика, т.е. от каждого сеймика в среднем было выслано

* С полной отчетливостью (*лат.*). (*Прим. пер.*)

93 депутата. Совершенно ясно, что «широкие шляхетские массы» не были представлены соответствующим образом. Вплоть до падения Речи Посполитой идея равного представительства использовалась лишь как риторический прием. Последний король, который принимал участие во времена своего предшественника в сеймиковых ритуалах и был избран депутатом, писал в изданных на французском языке мемуарах о том отвращении, которое он испытывал к той шляхте, состояние которой позволяло ей принимать участие в выборах. Истинным испытанием для этого изысканного шеголя в парике и шелковых чулках было раз в два года отправляться улаживать своих неотесанных, а иногда и неграмотных братьев, «делать вид, что ты без ума от их простецких шуток, а что еще хуже — постоянно обниматься с этими грязными и запаршивевшими особами»⁵⁷. Если припомнить, что судейские должности, которые в теории были выборными, а на практике превращались в пожизненные синекуры для избранных семей, гарантировавшие им полное самоуправство при решении конфликтов с крепостными и клановую солидарность при решении споров между землевладельцами, то можно себе представить, в какой степени шляхетская демократия была фикцией.

Выше нами уже упоминалось, что за стремлением лишить неимущую шляхту права голоса, которым она фактически никогда не пользовалась, скрывались и другие мотивы. Одним из них было желание усилить экономическую эксплуатацию чиншевой шляхты, которая была в каждом имении, а не только в магнатских. В 1766 г. в королевских владениях была создана Комиссия по пересмотру привилегий и дарственных околичной шляхты, подвластной государственному казначейству. Комиссия приняла решение не менять условий обложения, установленных еще до 1569 г., но в будущем провести переоценку на основании действительной стоимости имений. Разница в подходе к чиншевой шляхте была, по всей видимости, следствием отношения к недавно осевшим людям (об их наплыве уже упоминалось) как к сомнительной шляхте. Тогда же Комиссией был увеличен чинш. И. Рышликова, изучавшая этот вопрос на материалах периода 1766—1793 гг. по Беларуси, в т.ч. представленных в *Volumina legum**, показала, насколько тяжело это повышение воспринималось чиншевиками⁵⁸. Ревизорами проводилась оценка имений, составлялись новые инвентарные записи, чиншевая шляхта теперь должна была платить, кроме денежного налога на землю, еще и налоги за содержание шинка, с соли и т.п.

Ясно видно, что увеличение повинностей чиншевиков и усиливающееся стремление к элиминированию их из сеймиков — взаимосвязанные

* Свод законов Королевства Польского и Великого княжества Литовского 1347—1780 гг. (Прим. пер.)

явления. В 1766 г. большинство сеймиков Речи Посполитой выступило с инициативой проведения закона, согласно которому вся полнота гражданских прав принадлежала бы лишь землевладельцам. Ежи Едлицкий, скрупулезно изучив эту проблему, приводит однозначные примеры принимаемых в этом направлении усилий со стороны «граждан-землевладельцев» многих воеводств, прежде всего Серадзкого и Люблинского, а также Брацлавского (на Украине)⁵⁹. В Люблине наиболее радикально подошли к решению этого вопроса и даже требовали ликвидировать пассивные гражданские права. В инструкциях участникам сеймиков прямо указывалось, что к шляхте, внесенной в инвентари, относились как к предметам и исключали их из рыцарского сословия: «...они сами и их потомки признаются раз и навсегда *pro imparibus**». Однако в те времена редко кто отваживался открыто отказаться от братской солидарности, которую большинство считало священной, уходящей корнями в средневековую, а то и античную традицию, а потому неприкосновенной. Неприкосновенной, хотя все в большей степени модифицируемой. В Брацлаве, резиденции рода Чарторыйских, от которого с этого времени будет во многом зависеть судьба страны, сеймиком было выдвинуто пожелание — которое в дальнейшем после присоединения к России будет звучать постоянно, — чтобы все его депутаты, «от сенаторов до возных (приказных в суде) и других граждан», представляли соответствующие генеалогические документы. Однако полное отсутствие систематического ведения генеалогических реестров не давало возможности осуществить это требование⁶⁰, кроме того, «сеймовой конституцией» (так назывались все постановления сейма), в которой зафиксировано это требование, не уточнялась дальнейшая судьба изгнанных из рыцарского сословия.

Планы ограничить шляхту до круга землевладельцев были сорваны Россией на Чрезвычайном сейме в 1767 г., когда Петербург счел необходимым свести на нет какие-либо попытки реформ (прежде всего в его задачу входило связать руки королю, используя религиозный предлог) и в очередной раз выступил в защиту кардинальных прав. Однако данная тенденция к ограничению прав сохранилась и зачастую выражалась в силовых конфликтах, которые, как нам предстоит увидеть, повторялись в XIX в. Например, в уже упоминаемом Овруцком повете, где была значительная группа околичной шляхты, ревностно отстаивавшей свой статус, староста Згурский не нашел иного способа заставить этих людей исполнять новые повинности, как организовать карательные экспедиции. Встретив сопротивление, он приказал жечь дома и бросать в огонь чиншевиков, чтобы узнать, истинные ли они шляхтичи⁶¹. Занявшая после первого раз-

* Неравными (лат.). (Прим. пер.)

дела Речи Посполитой восточную часть Белоруссии, Россия также не стремилась сохранить шляхетский статус этой прослойки. Указом от 13 сентября 1772 г., как пишет И. Рыхликова, предписывалось представить доказательства шляхетского происхождения в губернские центры. Однако попытка упорядочить шляхетское сословие согласно российским законам не имела успеха из-за отсутствия органов, которые подобные доказательства могли предоставить. В шляхетских же судах подобные «доказательства» раздавались направо и налево либо под влиянием минутного настроения лиц, вызвавших подозрение, записывали крестьянами. Подобные решения можно было обжаловать. Бывали случаи заклётой вражды, когда, например, чиншевую шляхту сажали в яму, нещадно избивали за участие в сеймиках⁶².

Отношения между сторонниками шляхетского равенства и поборниками идеи превращения шляхетского сословия в элитарную группу землевладельцев обострились перед разделами, а после падения польско-литовского государства спор так и не был разрешен. Достаточно точно можно определить позиции по этому вопросу, благодаря его широкому обсуждению во время Великого сейма 1788—1792 гг.

Ежи Едлицкому удалось обнаружить жалобу на имя короля (в это время он находился под присмотром контролируемого Петербургом Постоянного совета), которая была подана 24 семьями овруцких чиншевиков в 1775 г.: «У многих из нас отобрали имущество, нажитое потом и кровью за всю жизнь; часть изгнали из стародавних земель и усадеб, которые с незапамятных времен передавались нашими предками по наследству; более того, часть лишили заслуженного кровью и мужеством наших предков шляхетского герба; а еще часть свободных людей обратили с презрением в прислугу»⁶³. Жалоба была написана против местного старосты, Яна Стецкого. Необходимо отметить, что в данном случае речь не шла о лишении права голоса, а о конфискации домов и земель, лишении личной свободы, т.е. элементарных прав человека, которые исторически считаются присущими шляхетскому сословию. Историки, которые считают, что создание богатого класса землевладельцев, единственного наделенного гражданскими правами, привело бы к «прогрессу», придерживаются взглядов реформаторов того времени, однако выбор «хорошего» решения связан с вопросом соотношения политики и морали, а также морали и истории.

Избежать этой ловушки Едлицкому не удалось. Вся его книга посвящена истории предпринимаемых со стороны лагеря реформаторов усилий, направленных на т.н. «модернизацию» общества. Автор верно подметил, что кроме упоминаемых проектов реформ существовал также отвергнутый сеймом в 1780 г. Кодекс Замойского, согласно которому право голоса имели землевладельцы, а на замещение должностей могли претендовать кан-

дидаты с годовым доходом не менее 6 тыс. злотых⁶⁴. Вскоре, а именно с 1788 г., это направление получило серьезную поддержку со стороны просвещенных людей, которым были близки идеи западного Просвещения, а также экономические теории, в которых физиократическое учение уступало принципам экономического либерализма, восхвалявшего «буржуазное» стремление к прибыли. В поддержку формирования землевладельческой элиты выступал Гуго Коллонтай (Екатерина II достаточно строго — и ошибочно — назовет его опасным «польским якобинцем»), изложивший в известном сочинении «Несколько писем анонима» (1788—1789) свои взгляды на формирование землевладельческой элиты. Он предлагал предоставлять право голоса на сеймиках владельцам хотя бы 7,5 влук (135 га), что, по справедливому замечанию Э. Ростворовского, превратило бы сеймики в «клубы помещиков»⁶⁵, чем они, впрочем, и стали при царском режиме. Эта мера была сродни избирательному цензу, введенному во времена французской Реставрации.

Правда, в 1790 г. Коллонтай склонялся к признанию гражданских прав мелкопоместных владельцев, вместе с тем именно он стал основным вдохновителем широкой дискуссии вокруг увязывания понятия шляхетства с владением земель, что в скором времени нашло отражение в названии второй главы Конституции 3 мая (*Szlachta-Ziemianie* — *Землевладельческая шляхта*). Он также стал инициатором проходивших с декабря 1789 г. по 24 марта 1791 г. дебатов о судьбе, согласно его определению, «плебейского свободного люда», ставшего объектом «Закона о сеймиках» от 24 марта 1791 г., увенчавшего деятельность лагеря реформаторов в этой области. Парадоксально, но в защиту плебса и свобод безземельной шляхетской бедноты выступили магнаты, которые в большей степени, чем принято считать, осознавали свою моральную ответственность, хотя и не были единственными «сюзеренами» чиншевой шляхты. В развивавшейся ситуации общими для магнатов оказались космополитические взгляды, стремление сохранить латифундии и связи с Россией, что, по мнению патриотически настроенных потомков и историков в Польше, свидетельствует об отсутствии у них умения предвидеть, но так ли это?

Даже в работе Едлицкого удивляет неприязнь к обнищавшей шляхте, «приговоренной к вымиранию», к единственной причине сеймиковой неразберихи, к единственному орудью магнатского произвола и манипулирования, в то время как реализация постулатов землевладельческой шляхты привела бы Речь Посполитую к расцвету и счастью, основанным на добродетелях, восхищение которыми придало выводам историка лирическую окраску⁶⁶. Подобная позиция крайне близка основному принципу современного либерализма, согласно которому бедные всегда могут стать богатыми, но не принимается во внимание как минимум один фактор,

способный уберечь от деклассирования. Этим фактором является школа. В дальнейшем мы уделим внимание ее огромному значению: при царском режиме она стала единственным спасением этой группы от деградации и способствовала ее превращению в интеллигенцию. Уже в 1773 г. Комиссия национального просвещения, которой были основаны 74 средние школы, в т.ч. многие на Украине, подготовила почву — согласно определению Геровского — для «просвещенных сарматов»⁶⁷. Появление сети школ сулило иное направление социальной эволюции, чем то, которое было предусмотрено Конституцией 3 мая.

Условные права группы свободных с незапамятных времен людей, которую, несмотря на огромные усилия России, так и не удалось уничтожить на протяжении всего XIX в., впервые были официально урезаны незадолго до падения Речи Посполитой (о чем историография нередко умалчивает), во время короткого периода действия Конституции 3 мая, признававшей землевладельческую шляхту «первым сословием народа», наделенным гражданскими правами. Едлицким прекрасно представлены дебаты по этому вопросу во время работы Великого сейма⁶⁸, хотя сделанные им выводы несколько туманны. 17 декабря 1789 г. Депутация по определению формы Правительства проанализировала проект И. Потоцкого о предоставлении права голоса для избрания депутатов лишь землевладельцам. Дискуссии о размере владения и возможности и необходимости допустить к голосованию фольварочную шляхту не прекращались до тех пор, пока проект не опубликовали и не разослали на рассмотрение сеймиков в августе 1790 г. Права сеймиков оговаривались в 46 параграфах второго раздела. Двенадцатым параграфом права голоса лишалась вся безземельная шляхта, каким-либо образом зависимая от землевладельцев. Как уже отмечалось, этот текст был принят в Варшаве 24 марта 1791 г. благодаря большому количеству отсутствовавших — 101 голосом против 64. Отныне гражданином считался лишь тот, кто владел землей в своей отчизне. Мнения историков в оценке этого закона расходятся. Одни считают, что мы имеем дело с наследием феодализма, другие говорят, что он был предвестником капитализма и способствовал аккумуляции доходов. Возможно и то и другое.

Согласно принятому закону правом «одного места и одного голоса на поветовых сеймиках» обладали шляхтичи-землевладельцы, платившие налог в казну, вместе с проживавшими с ними взрослыми сыновьями (от 18 лет) и их братьями; залогодержатели, державшие заставленные поместья (*zastawnicy*) и платившие не менее 100 злотых церковной десятины (*ofiara dziesiątego grosza*); шляхта, имевшая землю в пожизненном владении, платившая ту же десятину; а также служавшие в армии землевладельцы. В праве голоса было отказано всем, кто не вошел в группу землевладель-

цев согласно указанным критериям, а также шляхте, имевшей договорное или наследственное право пользования чужой частной землей, т.е. тем, кто платил чинш или выполнял другие повинности за предоставленный надел, шляхте, державшей землю в майоратах (*ordynacje*), несовершеннолетним и имевшим судимости.

Принятие Конституции 3 мая небольшой группой присутствовавших было подобно перевороту⁶⁹ и обусловило непрочный характер реформ, что нашло подтверждение уже в следующем году. Анализ текста Конституции показывает, насколько ее авторы опасались последствий собственного решения. Разделом «Землевладельческая шляхта» подтверждались шляхетские привилегии, иммунитет и исключительные права, предоставленные со времен Казимира Великого до Сигизмунда Августа, последнего из Ягеллонов, признавались равенство всех шляхтичей в отношении получения должностей и оказания услуг отечеству, личная неприкосновенность и права собственности земельной и движимой, поскольку они являются «истинными узами, объединяющими общество, зеницей гражданских свобод»⁷⁰. Одним словом, «клуб собственников» в свою пользу обернул идеи равенства и великого шляхетского братства, сохранив их видимость. Миф *communitas* лопнул как мыльный пузырь, однако память о шляхетском братстве не давала успокоиться совести одних, а других ввергала в гнев.

В Конституции не было четко сказано об исключении безземельных из шляхетского сословия. Риск был слишком высок. Как увидим, эти опасения были обоснованными. Этот вопрос частично был поднят лишь в шестом разделе «Сейм или законодательная власть»: «Торжественно гарантируем принятый настоящим сеймом Закон о сеймиках в качестве важнейшего принципа гражданской свободы». Таким образом, без упоминания о лишении права голоса Конституция отсылала к приложению, которое стирало в пыль миф о шляхетском равенстве⁷¹.

Логичным продолжением сепарации должно было стать отделение гражданского зерна от шляхетских плевел. Однако проведению подобно-го «апартеида» (это определение Едлицкого, считающего данную операцию неизбежной и полезной) помешали военные действия, которые привели ко второму разделу Речи Посполитой. Тем не менее даже имевшие место попытки свидетельствуют о решительности, с которой одни действовали, а другие реагировали. Впервые в истории Речи Посполитой сейм принял решение о проведении переписи шляхты согласно критериям, установленным Законом о сеймиках. Речь шла о создании еще до созыва сеймиков в феврале 1792 г. на уровне воеводств реестров землевладельцев (*Księgi Ziemiańskie*). Скрсе всего, перепись не удалось провести на всей территории Речи Посполитой. Эммануилу Ростворовскому удалось найти лишь образец такого реестра, разработанный в Кракове. Он жалел, что

другие документы не сохранились⁷². Тем не менее Тадеуш Чацкий, который был в 1786—1792 гг. подскарбием, дает точную цифру — 38 814 землевладельцев в Коронных землях (т.е. в Польше и на Правобережной Украине), что говорит о том, что все-таки общую перепись «граждан» удалось провести. В другой посмертной публикации Чацкого приводится общее количество шляхты обоих полов вместе с безземельными в Коронных землях — 300 тысяч⁷³. На наш взгляд, эти данные сильно занижены, если принять во внимание, что в 1800 г. на Украине было 240 тыс. шляхты. Ближе к истине историк Тадеуш Корзон, который в конце XIX в. оценивал польскую шляхту XVIII в. более чем в полмиллиона⁷⁴. Несомненно то, что «Закон о сеймиках» своей целью преследовал сокращение числа шляхты до количества сравнимого с ее количеством в других европейских странах. Можно ли этим оправдать молчание, которым до сих пор обходятся серьезные последствия такого типа «модернизации»?

Значительная численность этой группы в еще большей степени указывает на весь цинизм тезиса, который вначале произносился реформаторской группой «патриотов» на Великом сейме, а затем был подхвачен историками. А именно что «человек, который ничем не владеет в отчизне, лишен отчизны». Несмотря на весь свой космополитизм, некоторые магнаты прекрасно понимали, что превращение шляхетских масс (в данном случае использование этого понятия уместно) в апатридов социально небезопасно. Магнаты выступили в защиту деклассированной шляхты не потому, что им нравилось свозить фурами на сеймики пьяную, готовую к драке бедноту, как это в сатирической форме представил в своем произведении Жевуский в XIX в. Как уже говорилось, безземельная шляхта никогда не была нужна магнатам в качестве средства политического давления. Магнаты, как и молчаливое большинство средней шляхты, отсутствовавшей на сеймах, понимали, насколько им необходимы чиншевики в имениях и насколько необходимо поддерживать с ними видимость согласия — не ради условных феодальных традиций, но как залог сохранения порядка. Особенно на Украине, где господствовали бунтовские настроения среди относящихся к иной культуре православных подданных. Через несколько десятков лет шляхетский плебс будет восприниматься ими как опасный пролетариат. Сохранившиеся в материалах Великого сейма выступления в защиту элементарных прав вольных людей лишены фальшивой коннотации. Примером тому могут служить красноречивые выступления Леонарда Олизара, обвинявшего сильных мира сего в корыстолюбии, продажности другим могущественным державам и в проявлении эгоизма к братьям-шляхтичам: «Если поспешное возведение в шляхетское сословие нешляхты и мещан порицается в Речи Посполитой, то насколько позорным должно быть, когда без исключения и перепроверки убогую шлях-

ту гурьбой производят в несословное состояние, лишают свободы, в крестьянское сословие впихивают». Валериан Стройновский, волынский депутат, который в будущем будет выступать в защиту крепостных, утверждал, что шляхтич-чиншевик может проявить себя как истинный гражданин, что подтвердил Антоний Суходольский, показав, что безземельная шляхта первая записывалась в национальную кавалерию, когда страна стояла перед угрозой войны⁷⁵. В то же время деклассированные чиншевики не всегда нуждались в высокопоставленных защитниках. Кое-кто из них, хотя еще и немногие, умели за себя постоять, свидетельством чему фрагменты из обширной «Жалобы убогой подольской шляхты в Сейм», поданной 82 шляхтичами в первой половине 1792 г. Просители заявляют, что

готовы действовать по приказу и знаку, данному Яснейшей Речью Посполитой, но на что способны они, зарытые в пепле рабства? [...] Остается им скитаться по родной стране без средств к существованию, идти в имения других помещиков, а от этих панов большие обиды терпеть и сносить, принуждаются они (кроме оплаты чинша) к выполнению работ и дорожных повинностей, к перевозке писем или к службе в казачьей охране их резиденций. И хотя они все это исполняют, паны, как только есть возможность, заменяют их крестьянами, лишают их всего добра, шляхтича терпеть не могут, за подлейшее сословие его считают...

Обращаемся к вам с плачем, Яснейший Сейм Речи Посполитой, смилуйся над своей братией обедневшей, дай ей протекцию, не позволяй ей пасть, не позволяй ее уничтожить, и она станет сильнейшей опорой отчизны... Пусть благоволит обратить внимание Яснейший Сейм, как много шляхты-поляков из-за своеволия панов потеряло собственность, рассеялось по разным иноземным странам; от этого отчизне идет большой ущерб, а когда они узнают о милосердии для шляхты, с радостью вернутся в отчизну свою и вместе с нами, получив милосердие, за Яснейшего Монарха и Яснейшую Речь Посполитую будут Господа молить, отдадут свою жизнь и прольют кровь. Такого милосердия вся Польша, а особенно Подольское воеводство просят⁷⁶.

Надежды были тщетны, так как король под давлением России и Тарговицкой конфедерации был вынужден смириться со вторым разделом Речи Посполитой, так дорогой той шляхте, которая, судя по содержанию жалобы, не забыла о традиции панцирных рыцарей. Однако в данной жалобе заложен и иной смысл. Чиншевики, которым приходилось играть роль казаков, сами описали свое положение, поскольку ходили в школу, основанную Комиссией национального просвещения, которая придала новое значение слову «отчизна». Возможно, что за двадцать лет до этого

они принимали участие в последнем шляхетском ополчении, т.е. в антироссийской Барской конфедерации. Крайне важно, что свою жалобу они направили не магнату, а тем, от кого зависели и кого винили в своих бедах, — землевладельцам, которые, не дожидаясь «Закона о сеймиках», предприняли попытку к полному деклассированию чиншевой шляхты. Вскоре нам предстоит убедиться, что деклассирование было вызвано причинами экономического характера и не было связано с правом голоса. Богатая шляхта (не магнаты) выгнала чиншевиков с земельных наделов, ввела барщину и обрекла их на крайне нестабильную жизнь.

Основная ошибка этих людей заключалась в том, что они обратились к сейму, в то время как именно им был принят закон, официально лишивший их гражданских прав.

Неизвестно, как был оценен «Закон о сеймиках» в других частях Украины, хотя нельзя исключить, что его восприняли так же, как и в Польше (а именно в Бельске-Тыкоцине), т.е. как огромную несправедливость и стремление сравнять обедневшую шляхту с крестьянами. Землевладельцы даже опасались возможных бунтов. Эти опасения переданы в письме депутата сейма Трояновского к Коллонтаю от 4 марта 1792 г.: «Дошли до меня известия о кружащих по нашей Бельской земле агитаторах, подстрекающих шляхту слухами о лишении ее свободы, что приказано ее переписать в реестры, как описывают крестьян в инвентарях...» Недовольство усиливалось еще и тем, что не было нейтрального органа власти, способного отделить бывших граждан от истинных граждан, которых необходимо было записать в шляхетский реестр. Помещики сами вели записи в реестрах. Естественно, как сообщал автор письма, количество лишенных гражданства вызывало возмущение. Так, в Бельском повете из 15 тыс. шляхтичей лишь около 500 было внесено в реестр. Подобная ситуация могла быть везде⁷⁷.

С целью избежать опасного противостояния, М.Ф. Карп, депутат от Жмуди, крупный литовский землевладелец и филантроп, заботившийся о крепостных, предложил решение, которое могло бы сохранить иллюзию единства рыцарского сословия. Его проект предусматривал создание двухуровневых сеймиков: безземельная шляхта должна была бы принимать участие в сеймиках на приходском уровне, а землевладельческая — на поветовом. Идея не была поддержана. Коллонтай, чувствовавший возможность появления «шляхетского рокоша» (шляхетского антикоролевского мятежа), — термин передает размах явления — предлагал в работе «Последнее предостережение» провести парцелляцию королевских земель в староствах, правда, не для того, чтобы наделить землей безземельную шляхту, а чтобы увеличить владения малоземельной шляхты и тем самым

укрепить класс землевладельцев. Парцеллярные земли предполагалось отдать в аренду. Однако и эта идея не нашла поддержки у законодателей. *Volumina legum* конца 1791 г. содержит «Закон о передаче в вечное пользование королевских земель», предполагавший ее продажу в форме парцелл собственникам, «обладавшим средствами для их возделывания», т.е. достаточно состоятельным⁷⁸.

Итак, в канун распада Речи Посполитой для «гербовой голоты» не было предусмотрено никакой легальной структуры, определявшей ее статус. Очевидно, если бы Польша не прекратила своего существования, то ликвидировала бы этот пережиток давних веков значительно быстрее, чем Россия, которой так и не удалось справиться со шляхетским плебсом на протяжении более ста лет. В дальнейшем мы увидим, что с момента установления царского режима на Правобережной Украине процесс элиминирования этой группы замедлился. После разделов некоторые вновь обратились к идее солидарности братьев-шляхтичей, наполнив ее новым содержанием — идеей национального спасения, которой в будущем предстоит переродиться в национальную идею в ее современном значении.

Необходимо помнить, что нет оснований для утверждений, столь близких в постсоветской Польше почитателям «шляхетского народа» и «идеалов гражданского общества», что в Речи Посполитой впервые в Европе было установлено гражданское равенство. Действительно в XVI в. были попытки ввести принцип «шляхетской демократии», однако можно сказать, что ему суждено было стать лишь мифом.

¹ *Fabre J.* Stanislas-Auguste Poniatowski et l'Europe des Lumières, Strasbourg, 1952; rééd. Paris, 1984. На тему интеграции Российской империей польских элит аннексированных земель (тема, к которой в дальнейшем мы будем еще не раз обращаться) см.: Западные окраины Российской империи / Ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2006. С. 76—78.

² Волна конфискаций польских поместий и их раздача российским сановникам вызвала огромные опасения. При Павле I волна конфискаций спала. Примеры подобных конфискаций приводятся в работе Ю.К. Будаковой. (См.: *Будакова Ю.К.* Основні аспекти земельної політики Катерини II і Павла I на території Правобережної України // Сангушківські читання / Ред. В.Г. Берковський. Львів, 2004. С. 191—201). При этом следует помнить, что сохранность поместий польских магнатов, по крайней мере с 1769 г., зависела от присутствия российской армии, которая участвовала в военных действиях то на Кавказе, то на Дунае и во многом нуждалась. Проявление симпатий со стороны польских магнатов к России видно на таких примерах, как переориентирование торговли с Правобережной Украины на Черное море (Херсонский торговый морской порт был построен в 1778 г.), или в обеспечении и содержании царских войск на местах (например, в Полонном под Житомиром). Об этом убедительно пишет Джон ЛеДонн. См.: *LeDonne J.P.* Geo-

politics, Logistics and Grain: Russia's Ambitions in the Black Sea Basin 1737—1834 // *The International History Review*. 2006. March. Vol. XXVIII. P. 9—16.

³ *Mémoires du prince Adam Czartoryski et Correspondance avec Alexandre 1er*. Vol. 1—2. Paris, 1887. См. также: *Handelsman M. Adam Czartoryski*. Т. 1—2. Warszawa, 1948; *Pezda J. Ludzie i pieniądze*. Finanse w działalności Adama Jerzego Czartoryskiego i jego obozu na emigracji w latach 1831—1848. Kraków, 2003, прежде всего С. 19—37.

⁴ *Mémoires du roi Stanislas-Auguste Poniatowski*. Vol. 1. Saint-Petersbourg, 1914; Vol. 2. Petrograd, 1924. Король красочно и с ностальгией пишет о своей связи с изменявшей Петру III женой и о том, как ему удалось сохранить нежные чувства к Екатерине II, несмотря на все ее позднейшие интриги.

⁵ Кроме прекрасной статьи Э. Ростворовского, написанной с привлечением подробной библиографии в Польском биографическом словаре (*Polski Słownik Biograficzny (PSB)*), стоит обратить внимание на эссе Е. Лойка: *Łojek J. Dzieje pięknej Bitynki. Opowieść o życiu Zofii Wittowej-Potockiej*. 3-е wyd. Warszawa, 1975; *Idem. Potomkowie Szczęsnego, dzieje fortuny Potockich z Tulczyzna*. Lublin, 1983.

⁶ См.: в PSB статью Х. Мостицкого, в которой приводится множество скандальных сплетен о Браницком. Ее следует сравнить с крайне сдержанной статьей в Русском биографическом словаре. Т. III. СПб., 1908. С. 328—331.

⁷ *Bazyłow L. Polacy w Petersburgu*. Wrocław, 1984. См. о периоде 1780—1830 гг. С. 26—76. Изд. на рус. яз.: *Базылев Л. Поляки в Петербурге*. СПб., 2003. (*Прим. пер.*)

⁸ *Mościcki H. Dzieje porozbiorowe Litwy i Rusi*. Т. 1: 1772—1800. Wilno, 1913. S. 115.

⁹ *Pamiętniki Seweryna Bukara*. Dresden, 1871. Цит. по: *Mościcki H. Dzieje porozbiorowe*. S. 40. Такой массовый переход на сторону России зачастую не нравился царским сановникам, понимавшим, что передел конфискованной земельной собственности уже не будет отличаться той щедростью, какую довелось испытать после первого раздела 1772 г. См. издания Русского исторического общества (РИО) в XIX в., прежде всего письма Тутолмина, Безбородко, Репнина. На тему сдачи без боя польских генералов см.: *Смолий В.А. Возз'єднання Правобережної України з Росією*. Київ, 1978. С. 134—152.

¹⁰ *Самарин А.Ю. Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII — XVIII в.)*. М., 1998. С. 58. Как подчеркивают авторы «Западных окраин Российской империи», «“Синописис” сыграл ключевую роль в формировании Русского Исторического Нарратива». См.: *Западные окраины*. С. 61.

¹¹ Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства, 21 апреля 1785 г. // *Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ)*. Т. 22. Серия 1. № 16187.

¹² См.: статьи в PSB.

¹³ *Mościcki H. Dzieje porozbiorowe*. S. 425; *Bazyłow L. Polacy*. S. 54, 55.

¹⁴ Кроме статьи в PSB см.: *Janowski L. Uniwersytet Charkowski w początkach swego istnienia 1805—1820*. Kraków, 1911.

¹⁵ Полная библиография как собственных работ Я. Потоцкого, так и посвященных ему представлена в специальном номере литературного журнала *Europe*. 2001. Mars. См.: *Beauvois D. Les sinuosités politiques du comte Jean Potocki // Europe*. 2001. Mars. P. 26—45; а также: *Rosset F., Triaire D. Jean Potocki, Biographie*. Paris, 2004. Более широкий анализ ситуаций, в которых приходилось приспосабливаться к захватническим системам, представлен в: *Czubaty J. Zasada «dwóch sumień»*. Normy

postępowania i granice kompromisu politycznego Polaków w sytuacjach wyboru (1795—1815). Warszawa, 2005. Умеренные взгляды по этой теме можно найти в статьях Д. Пичугина и В. Кудрявцева, посвященных освещению в российской историографии стереотипа поляка в России. См.: Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan. / Red. A. de Lazari. Warszawa, 2006. S. 339—410; 411—440.

¹⁶ Куняев С. Шляхта и мы // Наш современник. 2002, № 5. С. 82—135. В этом памфлете слово «шляхта» служит лишь для карикатурного представления истории российско-польских отношений. Кроме того, что в этой статье приводятся все известные крайне негативные стереотипы о поляках, ее переполняет раздражение по поводу сближения Польши и Евросоюза.

¹⁷ Beauvois D. Le Noble, le Serf et le Revizor. La Noblesse polonaise entre le tsarisme et les masses ukrainiennes, 1831—1863. Paris, 1985; *Idem*. La Bataille de la terre en Ukraine, 1863—1914. Les Polonais et les conflits socio-ethniques. Lille, 1993. Перевод на польский язык: Beauvois D. Polacy na Ukrainie 1831—1863. Szlachta polska na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie / Przekł. z franc. E.K. Rutkowski. Paryż, 1987; *Idem*. Walka o ziemię. Szlachta polska na Ukrainie prawobrzeżnej pomiędzy caratem i ludem ukraińskim 1863—1914 / Przekł. z franc. K. Rutkowski. Sejny, 1996. Перевод на украинский язык: Бовуа Д. Шляхтич, кріпак і ревізор. Польська шляхта між царизмом та українськими масами (1831—1863) / Пер. з франц. З. Борисяк. Київ, 1996; *Idem.*: Битва за землю в Україні, 1863—1914. Поляки в соціо-етнічних конфліктах / Пер. з франц. З. Борисяк. Київ, 1998.

¹⁸ Jedlicki J. Klejnot i bariery społeczne. Warszawa, 1968. S. 5.

¹⁹ Яковенко Н. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. Київ, 1993. С. 27—35.

²⁰ История существования до XIX в. мелкой шляхты, не подвергшейся ассимиляции в польскую культуру и остававшейся православной, прежде всего на Волыни, лучше всего представлена украинско-польским историком В. Липинским. См. его работы: *Lipiński W.* Szlachta na Ukrainie. Udział jej w życiu narodu ukraińskiego na tle jego dziejów. Kraków, 1909; *Липинський В.* Листи до братів-хліборобів. Вiдeнь, 1926. Автор этих работ порывает с традицией представления истории украинского народа как истории простолюдинов, основоположником которой является В. Антонович.

²¹ Historia Europy Środkowo-Wschodniej. T. 1—2 / Red. J. Kłoczowski. Lublin, 2000 (в особенности т. 1, s. 130—133, 159); *Kamiński A.S.* Historia Rzeczypospolitej wielu narodów 1505—1795. Lublin, 2000. Правда, появлению такого видения способствовала история идей. Особого внимания заслуживают работы выдающегося историка А. Валицкого, а по XVII в — Э. Опалинского. См.: *Walicki A.* The Enlightenment and the Birth of Modern Nationhood. Polish Political Thought from Noble Republicanism to Tadeusz Kościuszko / Transl. E. Harris. Notre-Dame, 1989; *Opaliński E.* Kultura polityczna szlachty polskiej. Warszawa, 1995.

²² Основные постулаты этой концепции были сформулированы в 1918 г. Г. Грынвасером в краткой синтетической работе: *Grynwaser H.* Demokracja szlachecka 1795—1831, переизданной в: Pisma Wrocław, 1951. Т. 1. S. 173—227. См. также: Historia Polski / Red. A. Gieysztor. Warszawa, 1972. S. 193 и др., а также другие работы, написанные Я. Тазбиром и Э. Ростворовским, посвященные «шляхетской демократии». В позднейших и более подробных исследованиях, к сожалению, не

ставится вопрос о присутствии или отсутствии шляхты на сеймиках, что не дает возможности принимать как само собой разумеющееся понятия «шляхетского народа» или «шляхетской нации», а также участие «шляхетских масс» в выборах. См.: *Lityński A. Sejmiki ziemskie 1764—1793, dzieje reformy. Katowice, 1988; Kriegseisen W. Sejmiki Rzeczypospolitej szlacheckiej w XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1991.* Это делает проблематичным какие-либо обобщения относительно более позднего периода, хотя такие попытки и делаются. См.: *Spółeczeństwo obywatelskie i jego reprezentacja 1493—1993 / Red. J. Bardach, W. Sudnik. Warszawa, 1995.*

²³ А не русской, как считал великий князь Николай Николаевич в 1914 г. согласно существовавшему в Российской империи анахроничному видению истории.

²⁴ *Rychlikowa I. Bojarzy pancerni na pograniczu moskiewskim w XVI—XIX w. // Przegląd Wschodni. 1994. Т. III. Zesz. 2 (11). S. 411—449. Варонін В. Полацкія пунтныя слугі ва ўрадавай палітыцы ВКЛ (XV — сярэдзіна XVI ст.) // Беларускі Гістарычны Агляд. 2000. Т. 7 (13). С. 305—325.*

²⁵ *Bardach J. Statuty litewskie a prawo rzymskie. Warszawa, 1999. S. 19.* Все три версии Статутов ВКЛ представлены в серии: *Łacina w Polsce. 1999. Zesz. 7—9. S. 9—165.*

²⁶ *Pirmasis Lietuvos Statutas. Т. 1—2 / Red. S. Lazutka, I. Valikonytė, E. Gudavičius. Vilnius, 1991* (издание подготовлено в трех языковых версиях: русской, латинской, польской); *Bardach J. Statuty litewskie. S. 21.*

²⁷ *Acta Poloniae Historica 1977. Vol. XXXVI (на фр. языке). P. 5—176.*

²⁸ *Wyczański A. Szlachta polska w XVI w. Warszawa, 2001.*

²⁹ *Łowmiański H. Zaludnienie państwa litewskiego w wieku XVI. Poznań, 1999, цит. по: Wyczański A. Szlachta polska S. 16.*

³⁰ *Mączak A. The Structure of Power in the Commonwealth of the 16th and 17th Centuries // A Republic of Nobles / Ed. J.K. Fedorowicz. Cambridge, 1982. P. 108—134.*

³¹ *Dzorzaczek W. La mobilité sociale de la noblesse polonaise aux XVI et XVII siècle // Acta Poloniae Historica 1977. Vol. XXXVI. P. 147—161.*

³² Первое издание: *Trepka N.W. Liber generationis plebeorum («Liber Chamorum»). Wrocław, 1963.*

³³ *Dzorzaczek W. La mobilité sociale. P. 158—159.*

³⁴ Этот фундаментальный текст, который был известен И. Даниловичу (*Danilowicz I. Opisanie bibliograficzne dotąd znanych egzemplarzy Statutu litewskiego» // Dziennik Wileński. 1823*) лишь по трем русским спискам, по двум латинским и пятнадцати польским, в настоящее время известен в 20 русских списках и 40 латинских и польских. См.: *Яковенко Н. Шляхетська правосвідомість у дзеркалі обігу правничої літератури на Волині і Наддніпрянщині // Яковенко Н. Паралельний світ. Київ, 2002, С. 80—105.*

³⁵ Третий Статут трижды был издан на русском языке в 1588, 1592 и 1594 гг., а затем опубликован по-польски в 1614 г., выдержав после этого семь переизданий в 1623, 1648, 1693, 1744, 1786, 1819 и 1854 гг. См.: *Тумаш В. Тры выданні Трэцяга Статуту Вялікага Княства Літоўскага // Тумаш В. Выбраныя працы / Ред. Г. Сагановіч. Мінск, 2002. С. 121—138; Владимірський-Буданов М.Ф. Отношения между Литовским статутом и Уложением царя Алексея Михайловича // Сборник государственных знаний. Т. 4. СПб., 1877. С. 3—38; Граф Шмелев. Об источниках Соборного Уложения 1649 г. // Журнал министерства народного просвещения. 1900.*

№ 10. С. 375—387; *Berelovitch A.* La Hiérarchie des égaux: la Noblesse russe d'ancien régime (XVI—XVII s.). Paris, 2001.

³⁶ Начиная с 1970 г. Я. Тазбир представляет Польшу как «страну без костров», в качестве примера достойного подражания в Европе. С тех пор представление национальной духовности приобрело большие масштабы. Ср. с его последней книгой, изданной на французском языке. *Tazbir J.* La Culture polonaise des XVIe et XVIIe s. dans le contexte européen. Rome, 2001, в особенности вызывающую удивление главу под названием «Традиции многоэтничной Республики», С. 53—68. В самых последних работах молодых посткоммунистических историков делаются дальнейшие шаги к восхвалению роли сеймиков XVI—XVII вв., благодаря которым шляхта превратилась в объект политической жизни Речи Посполитой, представляя публично свои требования по вопросам местного и общегосударственного уровня. В диссертации 2004 г., посвященной сеймикам на Волыни и Украине 1569—1648 гг., Кароль Мазур с легкостью решает вопрос о слабом участии шляхты в сеймиках: «Это беда большинства демократий мира... Система опиралась на принцип свободы. Никого из шляхетского братства не заставляли принимать регулярное участие в ней... Ведь известно, что демократия требует постоянной активной ответственности, а на это способна лишь элита». Работа опубликована в 2006 г. См.: *Mazur K.* W stronę integracji z Koroną: sejmiiki Wołynia i Ukrainy w latach 1569—1648. Warszawa, 2006. Сомнения относительно господствующего в польской историографии канона представлены мной в статьях: *Demokracji szlacheckiej nie było. Rozmowa z Danielem Beauvois // Gazeta Wyborcza* 28.01.2006. S. 12—13; *Nowoczesne manipulowanie sarmatyzmem: czy szlachcic na zagrodzie był obywatelem? // Przegląd Polityczny*. 2008, № 87. S. 82—90.

³⁷ *Kamiński A.S.* Historia Rzeczypospolitej. S. 17—33, 61—68.

³⁸ *Janicki M.A.* Wolność i równość w języku prawo-politycznym oraz ideologii szlachty polskiej (od XIV do początku XVII w.) // *Łacina jako język elit.* / Red. J. Ахер, K. Tomaszuk, M. Janicki. Warszawa, 2004. S. 73—107.

³⁹ См.: *Głębińska E. J.* Pojęcia «populis» i «libertas» w politycznych traktatach Andrzeja Maksymiliana Fredry // *Ibidem*. S. 109—120.

⁴⁰ *Яковенко Н.* Українська шляхта. С. 220—256. Статус и процесс полонизации средней шляхты и магнатов в XVII в. стали предметом прекрасного исследования: *Chyńczewska-Hennel T.* Świadomość narodowa szlachty ukraińskiej i Kozaczyzny od schyłku XVI do połowy XVII w. Warszawa, 1985. Им подтверждаются выводы, сделанные нашим предшественником Антуаном Мартеlem (*Martel A.* La Langue polonaise dans les pays ruthènes / Préface A. Mazon. Lille, 1938). О сложности и противоречивости процесса ассимиляции в XVI—XVII вв. см. также: *Sygnal F.E.* Between Poland and the Ukraine: The Dilemma of Adam Kysil. 1600—1653. Cambridge, 1985; *Jobert A.* De Luther à Mohyla, la Pologne dans la crise de la chrétienté, 1517—1646. Paris, 1974.

⁴¹ *Довнар-Запольский Н.В.* Украинские староства в первой половине XVI в. Киев, 1908. С. 42.

⁴² Description d'Ukraine (sic!) qui sont plusieurs provinces du royaume de Pologne contenues depuis la Moscovie jusques aux limites de la Transylvanie, par le sieur de Beauplan. Rouen, 1660. P. 99. Издание на рус. яз.: *Боплан Гийом Левассер де.* Описание Украины / Пер. с фр. З.П. Борисюк. Ред. А.Л. Хорошкевич, Е.Н. Юшенко. М., 2004. С. 347.

⁴³ Антонович В.Б. Содержание актов об околичной шляхте // Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов (Архив ЮЗР). Киев, 1867. Ч. 4. Т. 1. С. 1—62; Antoni J. (*Rolle*). Dzieje szlachty okolicznej w Owrumckim powiecie // Biblioteka Warszawska 1881. Т. 2. S. 19—39, 183—200, 352—367.

⁴⁴ Боплан Гийом Левассер де. Описание Украины. С. 347—349.

⁴⁵ Sienkiewicz W. Ziemiańskie zależności w Wielkim Księstwie Litewskim od połowy XVI do połowy XVIII w. Doktorat w Instytucie Historii UW. Warszawa, 1982. О разной степени зависимости мелкопоместной подляской шляхты до разделов Речи Посполитой см. работы: Majewski W. Granice uzależnienia szlachty od magnaterii w XVII—XVIII w. // Drobna szlachta podlaska w XVI—XIX wieku. Materiały sympozjum w Hoinach Majera (26—27 maja 1989 roku) / Red. S.K. Kuczyński. Białystok, 1991. S. 113—127; Rudnicki P. Drobna szlachta podlaska w wojskach radziwiłowskich w XVII wieku // Ibidem; Wojtasik J. Drobna szlachta podlaska w wojsku Rzeczypospolitej i w powstaniach narodowych // Ibidem.

⁴⁶ Litwin H. Napływ szlachty polskiej na Ukrainę w latach 1569—1648, диссертация в Институте истории ПАН, 1987, опубликована лишь в 2000 г. в Варшаве. В этой работе проблема безземельной шляхты тоже рассматривается мельком, а основное внимание уделяется шляхетским землевладельцам с целью доказать незначительность внешнего притока шляхты и тем самым показать несостоятельность идеи польской экспансии в этом регионе.

⁴⁷ Оценки Н. Яковенко (Українська шляхта. С. 263—265), по правде говоря, приблизительны и гипотетичны, но других данных нет. Данные за 1804 г. были представлены Т. Чацким А.Е. Чарторыйскому в письме от 24 февраля 1805 г. в связи с возникшими проблемами в школьном образовании в Киевской губернии и на Волыни (Biblioteka Czartoryjskich, Kraków. Rękopis 3446 — List od 8 marca 1804 г.). Те же данные по Волыни приводятся в издании: «Hugona Kołłątaja korespondencja listowna z Tadeuszem Czackim» (Wyd. F. Kojasiewicz. Т. II. Kraków, 1884. S. 261), где общее количество жителей оценивается для трех губерний в 3 500 000 человек (с. 388). Относительно того, насколько можно доверять приводимым Т. Чацким данным, см.: Rostworowski E. Ilu było w Rzeczypospolitej obywateli szlachty? // Kwartalnik Historyczny. 1988. Т. XCIV. Nr 3. S. 14. Этот историк считает, что Чацкому можно верить, поскольку в период с 1786 по 1792 г. он был коронным подскарбием (королевским казначеем). Даже если эти данные и могут вызывать вопросы, порядок величины в основном правильный, к этой теме мы еще вернемся.

⁴⁸ На тему демографической динамики и процентного соотношения шляхты см.: Gierowski J.A. The Polish-Lithuanian Commonwealth in the XVIIIth Century. Kraków, 1996; в частности, главу, посвященную формированию новой структуры шляхты от 191 стр.

⁴⁹ Bruckner A. Kultura, piśmiennictwo, folklor / Red. W. Berbelicki, T. Ulewicz. Warszawa, 1974. S. 200.

⁵⁰ Tazbir J. La Culture polonaise. P. 64. Тезис о том, что Польша многое потеряла в результате приобретения больших территорий, появляется еще в XIX в. в работах историков Краковской школы, Ю. Шуйского и М. Бобжинского. См.: Historia Europy Środkowo-Wschodniej. Т. 2 / Red. J. Kłoczowski. Lublin, 2000. S. 81.

⁵¹ Яковенко Н. Українська шляхта. С. 255. Гравюра датируется 1655 г. и уже на протяжении многих лет публикуется в польских учебниках истории. Документы

А. Прохаска были опубликованы в приложениях к работам: *Prochaska A.* Przyczynki krytyczne do dziejów Unii. Kraków, 1896; *Idem.* Lenna i maństwa na Rusi i na Podolu. Kraków, 1901.

⁵² Подобная сарматская мегаломания характерна для всей работы Каминского «*Historia Rzeczypospolitej wielu narodów...*», см. прежде всего С. 83—126.

⁵³ Данные приводятся по: *Berelowitch A.* La Hiérarchie des égaux. P. 160—161. Из статьи Марка Раева следует, что в первой половине XVIII в. русский язык пополнился значительным количеством заимствований из польского языка. Несмотря на это, представления о чести продолжали отличаться. См.: *Raeff M.* La noblesse et le discours politique sous le règne de Pierre le Grand // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1993. Vol. 34 (1—2). (Noblesse, état et société en Russie, XVIe — début du XIXe siècle / Réd. W. Berelowitch). P. 33—46.

⁵⁴ Отметим некоторые из них: *Pawiński A.* Dzieje Ziemi Kujawskiej oraz Akta historyczne do nich służące. T. 1. Rządy sejmikowe w epoce królów elekcyjnych 1572—1795. Warszawa, 1888 (wznow. Warszawa, 1978); *Gierowski J.A.* Sejmik generalny Księstwa Mazowieckiego na tle ustroju sejmikowego Mazowsza. Wrocław, 1948; *Michalski J.* Les diétines polonaises au XVIIIe siècle // *Acta Poloniae Historica* 1965. T. XII. P. 87—107; *Olszewski H.* Sejm Rzeczypospolitej epoki oligarchii, 1652—1763: prawo, praktyka, teoria, programy. Poznań, 1966; *Grodzicki S.* Les devoirs et les droits politiques de la noblesse polonaise // *Acta Poloniae Historica* 1977. T. XXXVI; *Kersten A.* Les magnats, élue de la société nobiliaire // *Ibidem*; *Bardach J.* Les députés à la diète en Pologne d'ancien régime // *Ibidem*. 1979. T. XXXIX; *Kriegseisen W.* Sejmiki. Перечень возможных видов зависимости безземельной шляхты от магнатов, а также соответствующая библиография даны в: *Stroynowski A.* Pozycja społeczna drobnej szlachty Wielkiego Księstwa Litewskiego w końcu XVIII w. // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Seria 1.* 1976. Zesz. 4. S. 97—108. Новейшие работы также не повлияли существенным образом на общий уровень знаний. См.: *Malec J.* Walka szlachty litewskiej o zachowanie III Statutu w drugiej połowie XVIII w. // *Czasopismo Prawno-Historyczne.* 1992. T. XLIV. Zesz. 1—2. S. 65—72; *Zakrzewski A.* Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego epoki stanisławowskiej do 1788 r. Zmiany w ustroju i funkcjonowaniu // *Ziemie Północne Rzeczypospolitej Polsko-Litewskiej w dobie rozbiorowej 1772—1815* / Red. M. Biskupa. Warszawa-Toruń, 1996. Бессилие в реализации права голоса и в участии шляхетских масс в выборах представлено в работах Бенона Дымка и Мазура. См.: *Dymek B.* Z dziejów szlachty mazowieckiej (dziedzictwo kulturowe i stereotyp). Kielce, 2005; *Mazur K.* W stronę.

⁵⁵ *Choińska-Mika J.* Sejmiki mazowieckie w dobie Wazów. Warszawa, 1998; *Idem.* Między społeczeństwem szlacheckim a władzą. Warszawa, 2002.

⁵⁶ *Matuszewicz M.* Pamiętniki / Red. A. Pawiński. Warszawa, 1876. Мнение о многочисленной шляхетской черни, послушной воле продавшихся России магнатов, стало, как писал в 1791 г. А. Вавжешкий, крайне распространенным после открытия Чрезвычайного сейма в октябре 1767 г., на котором под давлением русского посла Репнина было решено отказаться от проведения реформ и восстановлен принцип *liberum veto*. Но это — легенда. Начиная с Барской конфедерации 1768 г., где свои позиции продемонстрировала бедная шляхта, известно, что она была далека от идеи сближения с Россией и ее позиция не зависела исключительно от позиции магнатов. См.: *Rostworowski E.* Ilu było. S. 23.

⁵⁷ Mémoires du roi Stanislas-Auguste Poniatowski. Saint-Pétersbourg, 1914. Vol. I. P. 59—60.

⁵⁸ *Rychlikowa I.* Tatarzy litewscy 1764—1831 szlachta? // *Kwartalnik Historyczny*. 1990. № 3—4. S. 92—94. Исследовательница также приводит примеры, относящиеся к 1754 г., когда «шляхетская мелюзга» боролась в Можарах возле Овруча с Михалом Радзивиллом, желавшим лишить ее шляхетства. Конец истории был положен проведением казней через повешение и сажание на кол. Останки жертв отдавались на растерзание диких зверей, а надписи на могильных камнях сбивались.

⁵⁹ *Jedlicki J.* Klejnot. S. 86 (Брашлавское воеводство); 89, 146 (Люблинское); 143 (Серадзкое).

⁶⁰ Отсутствие в Речи Посполитой центрального контролирующего органа, занимавшегося учетом шляхты, наподобие Герольдии в России, многие исследователи пытались объяснить неприкосновенностью и сакральным характером этого сословия, любой контроль в отношении которого мог быть воспринят как профанация и оскорбление достоинства. См.: *Zajczkowski A.* Główne elementy kultury szlacheckiej w Polsce. Ideologia a struktury społeczne. Wrocław, 1961; *Grodzicki S.* Obywatelstwo w szlacheckiej Rzeczypospolitej. Kraków, 1963; *Bardach J.* O ujęciu socjologicznym struktury społecznej i ideologii szlachty polskiej // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. 1963. T. XV. № 2. S. 159—178.

⁶¹ Архив ЮЗР. 1867. Ч. 4. Т. 1. С. 412.

⁶² И. Рышликова обратила мое внимание на конфликты внутри шляхетского сословия в полемической статье: *Rychlikowa I.* Deklasacja drobnej szlachty polskiej w Cesarstwie Rosyjskim. Spór o «Pułapkę na szlachtę» Daniela Beauvois // *Przegląd Historyczny*. 1988. T. 79. Z. 1. S. 121—147. К этой же проблеме автор обратилась на материале по Беларуси в статье, полной интереснейших параллелей: *Sarat wobec polskiej szlachty na ziemiach zabranych w latach 1772—1831* // *Kwartalnik Historyczny*. 1991. № 3. S. 51—83.

⁶³ *Jedlicki J.* Klejnot. S. 158.

⁶⁴ *Ibidem*. S. 148.

⁶⁵ *Rostworowski E.* Ilu było. S. 36.

⁶⁶ *Jedlicki J.* Klejnot. S. 147, 169, 182.

⁶⁷ *Gierowski J.A.* The Polish-Lithuanian Commonwealth. P. 199—207.

⁶⁸ *Jedlicki J.* Klejnot. S. 149—155.

⁶⁹ *Beauvois D.* Histoire de la Pologne. Paris, 1995. P. 174—178; *Idem.* La Pologne. Histoire, Société, Culture. Paris, 2004. P. 190—194.

⁷⁰ Конституция 3 мая з року 1791. S. 7.

⁷¹ *Ibidem*. S. 15.

⁷² Wzór czyli schema na księgę ziemiańską miejscową i sejmиковą, цит. по: *Rostworowski E.* Ilu było. S. 17.

⁷³ *Czacki T.* O litewskich i polskich prawach. T. 1. Warszawa, 1800. S. 265. См. также: *Dzieła Tadeusza Czackiego* / Oprac. E. Raczynski // *Statystyka Polski*. T. III. Poznań, 1845. S. 4. Цит. по: *Rostworowski E.* Ilu było. S. 14.

⁷⁴ Возможно, что наиболее точные данные приводятся Геровским, который пишет, что в конце XVIII в. в преддверии двух последних разделов в Речи Посполитой проживало 8 800 тыс. человек, 10% которых относилось к шляхте, т.е. речь идет о примерно 700—800 тыс. человек. См.: *Gierowski J.A.* The Polish-Lithuanian

Commonwealth. P. 191. Тем более удивительно, что до сих пор не получило оценки деклассирование столь значительной группы Великим сеймом. В последней работе, посвященной истории польских институтов власти (*Kallas M. Historia ustroju Polski X—XX w. 3-e wyd. Warszawa, 1999. S. 145—149*), не упоминается об этом аспекте Закона о сеймиках. Аналогичным образом обходится молчанием роль Великого сейма по этому вопросу в работе Сикорской-Кулеши: *Sikorska-Kulesza J. Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX w. Warszawa, 1995*. По ее мнению, деклассирование было следствием российского гнета. Периоду же 1795—1830 гг. автор посвятила всего 16 страниц (С. 9—25), что представляется несерьезным.

⁷⁵ Выступления Леонарда Олизара цитируются Едлицким (*Klejnot. S. 155, 177*) по изданию: *Materiały do dziejów Sejmu Czteroletniego / Red. J. Wołyński, J. Michalski, E. Rostworowski. T. III. Wrocław, 1969. S. 476—479, 487—488*. Мнение Стройновского представлено в: *Journal de la Diète confédérée de deux nations. Varsovie, 1789—1791, 24 janvier 1791*; подобные мнения Т. Блендовского и С. Жевуского см.: *Ibidem. P. 161*.

⁷⁶ *Skarga ubogiej szlachty podolskiej do Stanów // Materiały do dziejów. S. 159*. Обратим внимание на способы использования чиншевиков подольскими помещиками. «Придворных казаков» держали для престижа, так как это делали в магнатских имениях. Особо отличались отряды казаков у Потоцких в Тульчине и Умани на Киевщине, где в середине XVIII в. из крестьян был сформирован отдельный полк, который регулярно маршировал под барабанный бой и звуки труб. Подобное чванство было и причиной Уманской резни 1768 г. Обратим также внимание на то, что помещики предпочитали крепостных крестьян сварливой мелкой шляхте, однако известны и противоположные случаи. См.: *Храбан Г. Ю. Спалах гніву народного: антифеодальне народно-визвольне повстання на Правобережній Україні у 1768—1769 рр. Київ, 1989*.

⁷⁷ Письмо Ф. Трояновского к Г. Коллонтаю и проект М.Ф. Карпа цитируются по работе Ростворовского (*Rostworowski E. Ilu było. S. 17—19*).

⁷⁸ *Volumina legum. IX. S. 428*, о проекте Г. Коллонтая см.: *Jedlicki J. Klejnot. S. 180—181*.

Глава 2 КАК ПОСТУПИТЬ С ТАКОГО РОДА ЛЮДЬМИ?

Последствия разделов Речи Посполитой

Аннексия Правобережной Украины, части Белоруссии (оставшейся в составе Речи Посполитой после первого раздела 1772 г.), а также этнической Литвы, т.е. территории в 240 тыс. км², Российской империей была предусмотрена Петербургской конвенцией, заключенной между Россией и Пруссией* 23 января 1793 г. и ратифицированной под давлением российского посла Гродненским сеймом 17 августа 1793 г.

Начиная с этого времени, еще за два года до окончательного исчезновения Речи Посполитой, польская (или полонизированная — разница была уже незаметна) шляхта Украины стала источником проблем для Российской империи.

Восьмью годами ранее Екатерина II определила положение и роль немногочисленного в процентном соотношении ко всему населению империи и по сравнению со шляхтой Речи Посполитой русского дворянства в знаменитой «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» от 21 апреля 1785 г.¹ Петровская же «Табель о рангах», устанавливавшая четкую иерархию всех чинов, сохранялась лишь формально: обязанность служить в высших органах власти и армии с этого времени зачастую будет сводиться к минимуму или вовсе игнорироваться. Екатерина быстро отошла от просветительских идей начала своего правления, когда в 1767 г. ею была создана Уложенная комиссия, в которую с совещательным правом голоса были приглашены: 161 дворянский депутат, 208 — городских, 79 — крестьянских, 88 — казацких депутатов, а также представители меньшинств. В 1775 г. она провела Губернскую реформу, согласно которой управление губерниями и уездами возлагалось на дворянство, окончательно ставшее опорой самодержавия. Огромные привилегии, данные Жалованной грамотой 1785 г. российскому дворянству, не слишком отличались — конечно, за исключением законодательной час-

* 12 января 1793 г. по старому стилю. (Прим. пер.)

ти — от тех привилегий, которыми пользовалась польская шляхта, принимавшая участие в сеймиках и сеймах. Однако дух служения самодержцу наполнял иным смыслом положение этого элитного сословия, призванного быть послушным исполнителем воли суверена. В первых 36 статьях Жалованной грамоты дается перечисление личных привилегий (прежде всего речь идет о наследственном владении поместьями), в 35 последующих оговариваются правила работы уездных и губернских дворянских собраний. В следующих 13 статьях говорится о недопустимости отсутствия достаточных доказательств дворянского происхождения. Введение списков дворянских родов и дворянских родословных книг давало возможность проверки предоставляемых доказательств, а именно гражданского состояния, места пребывания и служебного положения. В Петербурге при Сенате было создано ведавшее делами о дворянских родах центральное учреждение — Герольдия — высшая инстанция, отвечавшая за сохранность дворянских книг и разрешение споров².

Проблемы, возникшие в результате территориальной аннексии земель, называемых до 1831 г. не иначе как «бывшие польские земли» или «польские губернии», были связаны главным образом с определением судьбы шляхетского сословия, значительно превосходившего по численности российское дворянство. Несмотря на то что прежние Подольское, Волынское и Киевское воеводства стали именовать юго-западными губерниями, сознание их польской принадлежности, как отмечал Михаил Левченко в 1861 г., было живо в простонародье Новороссии, называвшем «Польшею» целое Правобережье³. Судьба более пассивного крестьянства на этих территориях была решена достаточно быстро, в особенности благодаря религиозной политике. Решение же вопроса о польской шляхте, которое мы будем изучать во всех трех губерниях Правобережной Украины, может служить иллюстрацией противоречивости и бессилия политики царской администрации⁴.

За 120 лет российская власть так и не смогла окончательно решить — исключить безземельную «голоту» из шляхетского сословия или наделить ее особым статусом. Столько же времени ушло на размышления относительно землевладельческой шляхты: способах ее интеграции и реорганизации согласно российскому образцу⁵. Эти две основные проблемы будут определяющими для первой части нашего исследования, касающейся периода с 1793 по 1831 г. Необходимо понять, как этой социальной группе удалось без шума до 1831 г. достичь удивительного *аджорнаменто**, разви-

* Аджорнаменто (*итал. aggiornamento* — обновление) — термин, означающий приспособление к актуальным условиям; синонимичен терминам «адаптация» и «аккомодация». См.: Католическая энциклопедия. Т. 1. М., 2002. (*Прим. пер.*)

тие которого, впрочем, будет в значительной степени ограничено после подавления Польского восстания 1830—1831 гг. В российской, польской и украинской историографии эта проблематика остается *terra incognita*⁶. С российской стороны лишь князь Н.К. Имеретинский предпринял попытку осветить успехи русификации в обширной статье, написанной к столетию «воссоединения этих издревле русских областей». Он, правда, перенес дату второго раздела на более раннее число — 8 декабря 1792 г., но зато его работа основана на волынских архивах. Более того, на нее стоит обратить внимание из-за нескольких приводимых им, хотя и хаотично, документов, а также поскольку в ней представлено видение проблемы глазами высокого сановника конца XIX в. По его мнению, продолжительная борьба Российской империи с пособниками «полонизма» напоминала «борьбу пигмеев с гигантом». Вступительная часть статьи 1893 г. заканчивается словами: «Твердое сознание об исконной принадлежности древнерусских областей Волыни, Подолии и Киевской земли к России до того укоренилось во всех слоях русского общества, что в настоящее время, по исполнению столетнего юбилея воссоединения, его можно считать бесповоротно решенным вопросом». Спустя столетие князь подчеркивал сложность в соотношении двух концепций знатности, возникшие во время аннексий, однако делал это с националистических позиций, которые в эпоху Екатерины II еще не были доминирующими. «Стоит вникнуть в смысл изречений и понятий, выраженных в грамоте и достойных русского дворянства, — писал Имеретинский, — а потом сравнить и сопоставить их с изречениями, которые проявлялись тайно или явно в польском шляхетстве западных губерний. Какое резкое противоречие, какая вопиющая аномалия. Русское дворянство помнит о непреклонной верности своих предков престолу и России и о подражании им в трудах на распространение, объединение и славу русского отечества. Напротив, польское шляхетство, воспитанное в понятиях, почерпнутых из гербовника иезуита Несецкого, забыло о верности древних православных предков своих к России, и под влиянием католицизма, наследовало вражду к русскому отечеству и мысль о его умалении, разъединении и отчуждении русских областей в пользу Польши, когда-то насильственно их оторвавшей»⁷.

О конфронтации этих двух точек зрения в 1876 г. мельком упоминает С.А. Корф⁸, а в 1971 г. историки-демографы В.М. Кабузан и С.М. Троицкий⁹, которые на основании в значительной степени неполных данных переписи 1795 г. установили, что к этому времени 66,2% привилегированного сословия империи проживало в новоприсоединенных губерниях. Данная перепись оказалась неполной, поскольку проводилась генералом Тутолиным еще в мае, тогда как конвенция о третьем разделе была подписана лишь 24 октября 1795 г. (после второго раздела 1793 г. в состав

Российской империи Волынь и Подолье еще не вошли полностью). Кроме того, она проводилась спешно в условиях военной оккупации, что не способствовало точности, перепись основывалась на заявлениях шляхетских (само собой разумеется, польских) комиссий, которые не особенно старались доставлять информацию о крепостных крестьянах и чиншевой шляхте в отдельных поместьях. Общее количество переписанной шляхты во всех губерниях, созданных на землях Литвы, Белоруссии и Украины, составило лишь 250 970 душ мужского пола, из которых всего 135 330 относилось к трем украинским губерниям. В дальнейшем мы убедимся в том, что их численность была значительно выше. На эти данные опираются в своих работах две польские исследовательницы, занимавшиеся изучением процесса деклассирования в Белоруссии¹⁰, а также российский историк, который рассматривал данную проблему на примере середины XIX в., правда, без учета Украины¹¹.

По правде говоря, экспансионистская политика Российской империи привела к тому, что проблема интеграции, существовавшая постоянно, не была для нее чем-то из ряда вон выходящим. К этому времени уже можно говорить об интеграции курляндских немцев, запорожского казачества и татар. Правда, элиты в каждом из этих случаев были малочисленны и в значительно большей степени поддавались ассимиляции.

Интеграция украинского крестьянства, как уже отмечалось, не вызвала трудностей. Антишляхетские волнения на Волыни в 1789 г. оказались на руку России, которая в 1794—1795 гг. проводила на новоприсоединенных территориях акцию по обращению в православие крестьян, ставших, по крайней мере к XVIII в., грекокатоликами¹². Религиозный контекст обеспечил безболезненное проведение аннексии. Естественно никто не пытался объяснить украинским крепостным, что они потомки смердов Владимира Красное Солнышко. Общность религии была более весомым аргументом. В том, что касается существовавшей некоторой путаницы с понятиями «Русь» и «Россия», то она была в скором времени преодолена благодаря Карамзину и его последователям. отождествление Руси с Россией стало топомосом российской, а затем и советской историографии. При посредничестве русских историков-эмигрантов данное видение превратилось в господствующее во всем мире, что вызывает на сегодняшний день немалые сложности при представлении истоков украинской нации. Один из наиболее влиятельных и издаваемых на английском и французском языках авторов, историк русского происхождения Н. В. Рязановский, характеризует разделение Речи Посполитой как «практически не имеющие прецедента среди достижений дипломатии и военного дела». Апеллируя к авторитету «русских историков», он подчеркивает, что, «по их мнению, принципиальное отличие в действиях России по сравнению с Пруссией и Австрией состоит

в том, что в результате трех разделов Польши Россия вернула себе свои давние земли, относящиеся к Киевской Руси, населенные, главным образом, православными украинцами и белорусами, в то время как обе германские империи захватили земли, по своему характеру этнически и исторически польские. Россия же выступила в качестве освободительницы...»¹³. Подобная совершенно фальшивая оценка давалась и в советской украинской историографии: «Объединение Правобережной Украины с остальной частью украинских земель в рамках Российского государства способствовало развитию производственных сил, укреплению экономических и культурных связей между этими землями, сыграло огромную роль в формировании украинского народа, а также способствовало укреплению братских отношений между русским и украинским народами»¹⁴.

Вопрос же о вездесущих поляках на Украине был значительно сложнее. Екатерина II заявила, что не потерпит на оставшемся после второго раздела Польши клочке земли (существовать которому было отведено судьбой еще два года) никаких решений Великого сейма, а в особенности Конституции 3 мая, принятой грозными якобинцами; «кардинальные права», которыми императрице удавалось на протяжении 30 лет умело манипулировать, должны были остаться нерушимы во имя блага шляхетского народа и Тарговицкой конфедерации, однако, несмотря на это, она в скором времени поняла, что ей удастся воспользоваться на захваченных территориях и результатами работы Четырехлетнего сейма.

Условием участия в сеймиках, подтвержденным в Варшаве в 1791 г., было наличие поместья, что в принципе мало отличалось от предписаний статьи 62 «Жалованной грамоты» 1785 г., где говорилось, что дворянским собранием не может быть избран на выборные должности дворянин моложе 25 лет, «котораго доход с деревень ниже ста рублей составляет», а также 63-й статьи, лишавшей беспоместного дворянина на собрании права голоса. Очевидная близость позиций могла лишь способствовать быстрой адаптации в царскую систему богатых землевладельцев с захваченных земель. Впрочем, мы уже видели, в какой спешке магнаты отправились на поклон в Петербург. Екатерина II сперва пригрозила в манифесте от 27 марта 1793 г. конфискацией имений, заняться которой было поручено генералу Кречетникову, командующему оккупационными войсками, но затем 27 сентября 1793 г. она издала новый указ, в котором, не обращая пока внимания на проблему расслоения польской шляхты, гарантировала ей все права российского дворянства и признавала, что данное законом Речи Посполитой право собственности на имения останется неизменным¹⁵. Через год, 20 октября 1794 г., императрица повторила, что земли вместе с крепостными, на ней проживающими, останутся в полной собственности шляхты. Возможно, она пошла на этот шаг с целью привлечь

ния на свою сторону тех, кто рассчитывал на успех восстания Т. Костюшко, заключенного в тюрьму 10 октября 1794 г. Может быть, хотела дать понять, что польским землевладельцам не осталось ничего другого, как смириться с положением дел после третьего раздела, осуществленного вместе с Пруссией и Австрией. 14 декабря того же года она еще раз подтвердила, что шляхта, а речь шла, естественно, лишь о землевладельцах, будет пользоваться всеми правами и привилегиями российского дворянства¹⁶. К их судьбе мы еще вернемся.

НАМЕРЕНИЯ »ЧИСТКИ РЯДОВ«

Каким же было отношение Екатерины II к безземельному большинству польской шляхты?

Долгий период вмешательства России в польскую внутреннюю политику, когда ради борьбы с королем Станиславом Августом и сторонниками реформ она не без успеха оказывала поддержку сторонникам золотых вольностей и защищала «кардинальные права», подошел к концу. В скором времени оказалось, что основной принцип «шляхетской демократии» — принцип равенства между беднейшей шляхтой и той, которой повезло гораздо больше, — раздражает царицу в еще большей степени, чем группу «патриотов» Четырехлетнего сейма.

Крайне правдоподобно, что, поживи Екатерина II немногим дольше, и шляхетский вопрос был бы решен радикальным образом. У такого подхода, как нам предстоит увидеть, были свои сторонники на протяжении многих десятилетий. Впрочем, как это, так и другие решения и намерения по организации этой группы так и не были в первой трети XIX в. воплощены в жизнь. Однако, как уже говорилось, свою цель мы видим в представлении задуманного. Именно история неосуществленных проектов позволит глубже понять эволюцию в отношении к шляхте после 1831 г. и дальнейшее развитие этого отношения вплоть до 1914 г. И эта сопровождавшаяся проявлениями упорства, ожесточения и сомнений история не менее увлекательна, чем процесс подготовки и принятия реформ.

Отправной точкой для нас станет анализ планируемых экстремальных решений, которые могут показаться ужасными лишь тем, кто не до конца знаком с историей Российской империи, и не знает, что массовые переселения и депортации отнюдь не были из ряда вон выходящим явлением. Как известно, русских крепостных продавали и переселяли, что не вызывало особого возмущения, если не считать протестов нескольких противников крепостничества, таких как Радишев. Подозрительными считались категории населения, сохранявшие мобильность, что не давало возможности полного контроля над ними (например, цыгане, евреи, старообрядцы

и свободные крестьяне), а потому разрабатывались проекты по социотехническому манипулированию с целью ограничения их перемещения, прикрепления к земле и обеспечения контроля постоянно.

Первый проект по переселению шляхты в южные степи, предложенный Платоном Zubовым, в конце XIX в. обнаружен польским историком¹⁷, не знавшим деталей дела и решившим, что данное начинание было воплощено в жизнь. На протяжении XX в. многими не слишком добросовестными польскими историками повторялась данная информация, которая воспринималась как абсолютно правдивая даже такими известными историками, как Х. Мосьщицкий¹⁸ и Т. Перковский¹⁹, и даже крайне ответственный в своих суждениях С. Кеневич, не ознакомившись с документом, утверждал, что Zubов собирался включить польскую шляхту в российскую армию и ассимилировать ее с малороссийскими казаками²⁰. Крайне уважаемые польские авторы ограничивались краткими и, к сожалению, несерьезными упоминаниями. Например, М. Кукель, характеризуя в своих работах, написанных в межвоенный период, ситуацию в аннексированных Россией землях, писал: «По проекту Zubова из Херсонской и Екатеринославской губерний были выселены тысячи мелких шляхтичей». При этом историк не указал ни даты, ни источника, на который ссылался. В свою очередь, Ю.А. Геровский в работе уже середины 80-х гг. XX в. утверждал, что «мелкая шляхта потеряла большую часть своих родовых прав и как малонадежный элемент массово переселялась в глубь России»²¹.

Подобным образом, дав волю фантазии, С. Гродзиский и М. Згурняк не обременили себя цитированием и перепроверкой источников²². Несомненно, эрудированному исследователю И. Рыхlikовой был известен цитируемый ею, хоть без указания источника, проект Zubова²³, однако в диссертации своей ученицы Сикорской-Кулеша она пропустила крайне наивный и неадекватный комментарий. В заслугу последней следует сказать, что она была первой, кто обратил внимание на то, что проект Zubова был одобрен указом Екатерины II 5 июня 1796 г. и всего лишь внесен в Полное собрание законов Российской империи²⁴. Однако более чем удивляет ее интерпретация данного текста. Например, неубедительно звучит ее предположение о том, что Zubов мог ознакомиться с положением безземельной шляхты, став новым владельцем конфискованной Шавельской экономии*. Кроме того, Сикорска-Кулеша поверила в общую доброжелательную и сочувственную к положению мелкой шляхты риторику, к которой российская администрация зачастую прибегала, чтобы скрыть крайне бесчеловечные решения. Абсолютно противоположно содержанию

* Королевское поместье в Шавлях в ВКЛ — современный Шяуляй в Литовской Республике. (Прим. ред.)

указа и ее мнение о том, что российское государство в данном случае в первый и последний раз выступило в качестве опекуна и защитника мелкой шляхты, признав ее достоинство и происхождение²⁵!

Подобного рода неточности и искажения требуют от нас проведения более детального исследования и анализа.

Платон Александрович Зубов был последним и наиболее влиятельным фаворитом Екатерины II и одним из наиболее зловещих персонажей российской истории. После многочисленных других любовников и немного опередив своего 18-летнего брата Валериана, он оказался в постели к тому времени уже 60-летней императрицы в 1789 г., будучи 22 лет от роду. Оба корнета вошли в круг «учеников», скрасивших старость царицы. Завидовавший брату, Платон добился назначения его в 1796 г. в качестве главнокомандующего войсками, отправлявшимися на Кавказ. Валериан проявил рвение и был готов дойти хоть до Индии, однако Павел I отозвал его в 1797 г. Платон оставался хозяином положения до смерти своей покровительницы — 6 ноября 1796 г.* Он потерял влияние лишь после того, как в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. его вместе с Паленом и Беннигсеном застигли в спальне Павла I.

В Мраморном дворце в Петербурге хранится удачный портрет Платона Зубова кисти Лампи Старшего. Он изображен в темно-гранатовом бархатном костюме, его высокая фигура тонка и женоподобна, лицо бледное, вытянутое, а взгляд полон презрения. Один из современников писал о нем: «По мере утраты государыней ее силы, деятельности, гения, он приобрел могущество, богатства. Каждое утро многочисленные толпы льстецов осаждали его двери, наполняли прихожую и приемную. Старые генералы, вельможи не стыдились ласкать ничтожных его лакеев. Видали часто, как эти лакеи толчками разгоняли генералов и офицеров, коих толпа теснилась у дверей, мешала их запереть. Развалясь в креслах, в самом непристойном неглиже, засунув мизинец в нос, с глазами, бесцельно устремленными в потолок, этот молодой человек, с лицом холодным и надутым, едва удаивал обращать внимание на окружающих его. Он забавлялся чудачествами своей обезьяны, которая скакала по головам подлых льстецов, или разговаривал со своим шутком; а в это время старцы, под началом у которых он служил сержантом, — Долгорукие, Голицыны, Салтыковы — и все остальные ожидали, чтобы он низвел свои взоры, чтобы опять приникнуть к его стопам»²⁶.

Подобное униженное желание высшей российской знати угодить фавориту царицы было неизбежным ритуалом, хотя некоторые исполняли его, скрипя зубами. Вот что писал граф Ростопчин послу в Лондоне графу

* 17 ноября 1796 г. по новому стилю. (Прим. пер.)

Воронцову: «Граф Зубов здесь — все. Нет иной воли, кроме его собственной. Его власть обширнее той, какую пользовался князь Потемкин. Он все также нерадив и неспособен, как и прежде, хотя Императрица говорит всем и каждому, что это величайший гений, какого когда-либо произвела Россия, что один Бог свидетель его усердия и трудов и что единственно он присоединил к России Курляндию и Польские области»²⁷.

Хорошим примером суесловия, благодаря которому Зубов приобрел репутацию большого знатока польского вопроса, являются «Предложения П. Зубова о необходимых мероприятиях на землях Польши присоединенных к Российской Империи» от 27 июля 1795 г. На 20 листах, заполненных каллиграфическим почерком, он восхвалял качество и количество пахотных земель юга России и радужные перспективы развития торговли после создания новых портов на Черном море, открывающих прекрасные рынки сбыта товара с обширных территорий, отобранных у Польши. Этот текст переполнен лестью к императрице, восхвалением собственного желания служить во благо ей и процветания родины. Мельком упоминается о желании, которое вскоре будет представлено более широко в следующем рассматриваемом нами проекте, а именно переселить огромное количество подданных, лишенных такой возможности, что, по его мнению, не менее важно, как и забота о здоровье общества. Единственное конкретное предложение в этом высокопарном сочинении касается создания гарантированных резервных запасов зерна для армии. Ради этого Зубов даже допускал возможность введения запрета на экспорт зерна польскими помещиками. Другими словами, России было важно как можно быстрее наложить руку на зерно Украины²⁸.

Все же вера Екатерины II в компетентность этого 29-летнего мужчины, который за полгода до ее кончины представил столь убедительный план решения проблемы польской шляхты, не была до конца безосновательной. Однако источником этой компетентности не было полученное им поместье в ВКЛ. Если с 1793 г. Зубова начали считать знатоком в том, что касалось Польши, Турции и Персии, то это благодаря тому, что он умел прислушаться к мнению специалистов, с которыми по роду службы имел дело. Ведь кроме альковных дел на него были возложены функции главнокомандующего артиллерией и наместника трех Новороссийских губерний — Екатеринославской, Вознесенской и Таврической, т.е. соседних с аннексированной в 1793 г. Правобережной Украиной.

В июле 1796 г., после вручения плана царице, Зубов был назначен главнокомандующим русским флота на Черном море. Устройство этой все еще степной, малозаселенной, но крайне важной в стратегическом плане зоны было невозможно без советов со стороны поляков. Князя Чарторыйские, недавно прибывшие в Петербург в качестве заложников

ради спасения своих имений, были слишком молоды для этих целей. Однако князь Адам в своих воспоминаниях сообщил, что будущий подольский миллионер Комар и будущий генерал Порадовский были крайне близки с П. Зубовым, чем и объясняется умение ориентироваться в сложившейся ситуации царского фаворита²⁹. Ему довелось столкнуться с польским вопросом при исполнении служебных обязанностей в Новороссийских губерниях. О поляках шла речь в указе о реорганизации казачьих отрядов в связи с установлением новых границ, что, в частности, было вызвано расположением в приграничной зоне огромных имений, выкупленных у польского князя Любомирского. Была в нем упомянута и чиншевая шляхта — «особый род людей, [которые] претендуют на другие земли». Этот указ, опубликованный в один день с указом, касавшимся всей чиншевой шляхты (5 июня 1796 г.), показывает, что Зубов тесно — и это довольно странно — объединял казачий вопрос с вопросом безземельной шляхты и с заселением южных губерний³⁰.

За два дня до императорского указа от 3 июня 1796 г., исполнение которого было возложено на Зубова, им были представлены Екатерине II в форме записки размышления по этому вопросу. Тот факт, что она хранится в одном из архивных фондов вместе с несколькими другими проектами по переселению польской шляхты, означает, что ее содержание было известно высокопоставленным чиновникам, и она была предметом соотнесения каждый раз, когда этот вопрос вновь возникал³¹.

Платон Зубов посчитал уместным объяснить самодержице, в чем заключалась особенность категории чиншевой шляхты, до сих пор русскому обществу неизвестной. И хотя он был прекрасно осведомлен об экономическом и материальном положении этих людей, его выводы, как нам предстоит увидеть, носили весьма иллюзорный характер: «...между народом обитающим в областях присоединенных от речи посполитой польской к Империи Российской есть род жителей именуемых *чиншевая шляхта* [курсив мой. — Д.Б.]...» Не найдя эквивалента в русском языке, Зубов таким образом русифицировал польское определение *szlachta czynszowa*. В оправдание предлагаемых действий он обращал внимание на эксплуатацию, жертвами которой становились эти люди, которые живут на чужой земле и, «не имея никакой собственной недвижимости, а будучи порабощены из давних времен тамошними вельможами», платили чинш, т.е. оброк, в размере от 25 до 30 рублей серебром с плуга и выполняли разные работы и услуги по распоряжению владельцев имений. Поскольку ранее эта шляхта голосовала на сеймиках (мы уже знаем, чего стоит этот миф), то могла влиять на процесс принятия решений, а потому помещики добивались ее расположения. Но теперь, зачастую бунтарские, сеймики потеряли, согласно Зубову, какой-либо смысл, а потому, бедневшая на глазах, эта груп-

па шляхты нуждалась в защите. Как пишет Зубов: «Ибо владельцы земель, не имея больше причины их ласкать без сомнения еще большей ценой заставят их платить за земли, которые они обрабатывают [это замечание не было лишено смысла. — Д.Б.] и какие бы ни были принимаемы от правительства меры к удержанию прав их, но если они останутся по-прежнему на землях владельцев, всегда будут открывать случаи, где сие найдут способы утеснять их и делать им разные неудовольствия...»

Подобные великодушные размышления кажутся достойными человека эпохи Просвещения. Кроме того, Зубовым частично представлена картина эксплуатации, жертвами которой становилась безземельная шляхта. Однако, как бы он ни провозглашал себя ее защитником, борцом за ее благополучие, ему не удалось в вводной части скрыть истинных целей, а именно: отобрав эту рабочую силу у польских помещиков, использовать ее в интересах Российского государства. Зубов не принял во внимание две существенные преграды, которые так и не удалось преодолеть Российской империи на протяжении целого столетия: идеи шляхетского братства и равенства, несмотря на экономическую эксплуатацию, продолжали иметь вес. К тому же эта шляхта, по-своему происхождению частично русская, была крепко привязана к родной земле, а потому надежды царского фаворита на легкое достижение ее согласия переселиться были напрасными.

Зубову так хотелось убедить любовницу в осуществлении своих замыслов, что он прибегает к преувеличениям: «Они еще при бывшем польском правлении, негодую крайне на высокие подати платимые ими владельцам за наем земли приносили бывшему екатеринославскому губернатору Каховскому неоднократные просьбы о позволении им селиться на свободных землях оной губернии и некоторые из них даже не требовали никакого от казны пособия, а потому нет сомнения, чтобы они не согласились с радостью исполнить сие самое ныне, если благоугодно будет Вашему Императорскому Величеству вместо их настоящих жилищ, где они терпят изнурение и огорчения, пожаловать им свободные и изобильные земли». Естественно, губернатором этой обетованной земли был Зубов.

В это время Зубову еще не было достоверно известно, сколько чиншевой шляхты проживает на Украине, но он точно знал, что много. Имея какие-то представления о казаках, осевших на Черноморском побережье (поверхностные, поскольку в основном он проводил время в столице), Зубов допустил в своем проекте одну нелепость. Он приписал шляхте огромную тягу к оружию, а потому посчитал, что она с радостью вольется в ряды солдат-землепашцев в Вознесенской губернии (Вознесенск — местечко на реке Буг к югу от Умани и Ольвиополя, в будущей Херсонской губернии) и в окрестностях Екатеринослава, где чиншевики могли бы превратиться в землепашцев-скотоводов — «по образу наших однодворцев»

(к этой мысли вернуться через 40 лет, правда, не в Новороссийских землях). По мнению Зубова, польская шляхта мужественно защищала бы свою собственность, а также свою новую родину. Некоторые могли бы согласно духу уже готовых проектов вступить в казацкие отряды, как, к примеру, шляхта из бывших имений князя Любомирского, или поселиться на свободных землях Вознесенской губернии, насчитывавшей миллион десятин и способной вместить 100 тыс. душ...

Данный проект, каким бы иллюзорным он ни был, с тем же размахом и с учетом тех же деталей в следующий раз возродится в столь же безумных планах 1831—1834 гг., а предполагаемая депортация вновь будет представлена как благо и милость. В будущем тоталитарные системы XX в. и развитие железнодорожной сети превратят в реальность идеи массовых депортаций, которыми бредила Северная Семирамида, читая плод размышлений своего любовника.

Зубов также писал, что со временем большинство этих благодетельствованных колонистов потянутся в Мариупольский уезд, расположенный на берегу Азовского моря, и в Новомосковский уезд в Таврии у устья Днепра в районе Мелитополя и что все они получают помощь, детали которой он подробно изложил в семи пунктах.

1. В уездах Вознесенской и Херсонской губерний имелось более 65 565 десятин свободной плодородной земли. Шляхта должна была там найти достаточно камыша и соломы на крыши своих жилищ. Расстояние при переезде не должно было быть слишком большим. Строительное дерево имеется в изобилии по берегам реки Кодыми. Вдоль нее можно расположить 2000 дымов, еще 2000 в Херсонской губернии, из которых 200 оставить в окрестностях Вознесенска.

2. Между крепостями Александрия и Петровск, расстояние между которыми в 150 верст, в Екатеринославской губернии и вдоль рек Таврической земли плодородной земли и воды имеется в изобилии. Поселив там 800 семей, можно было бы обеспечить защиту пути между Днепром и Азовским морем. Развитие этих земель должно было идти быстро. В случае необходимости солдаты-хлебопашцы могут нести службу на линии Кубань—Таврия. Хозяйственный инвентарь и домашняя утварь уже привезены по Днепру в Херсон из Белоруссии. Каждая семья должна была получить 30 десятин земли с правом последующего наследования без уплаты земельного налога: «Таковая отдача им земли в вечное владение побудит охотнее и прочих из сего шляхетства переселиться с чужих земель, за обрабатывание коих платят ныне подати, и сделаться владельцами своей собственности». Как видно из следующего пункта, обещание щедрых наделов было вызвано незнанием о господствующей в польской Украине традиции индивидуализма.

3. Ссуду размером в 30 рублей собирались обещать первым 4 тыс. прибывшим, ее должны были получить как имеющие землю, так и не имеющие, все вместе, на основе круговой поруки. В этом нашла проявление исконная русская мечта о взаимном присмотре, характерном для крестьянского мира — общины; после 1830 г. она вновь возродится в проектах министра П.Д. Киселева по реорганизации этой группы шляхты. Мечта эта заключалась в достижении солидарной ответственности за полученную ссуду «всего общества, из чего и та может последовать польза, что все и каждый из переселенцев один за другим будет иметь присмотр». Предполагалось, что ссуда должна быть возвращена в течение четырех лет, что в целом составило бы 120 тыс. рублей, к этому необходимо было бы добавить еще 200 тыс. в том случае, если бы правительство взяло на себя оплату строительства домов из расчета по 50 рублей на каждый. Расходы на строительство также подлежали возвращению.

4. Естественно, к переселенцам следовало относиться с определенной долей осторожности: в одном поселении, по расчетам Зубова, не должно было быть более 50 домов с переселенцами, и они не должны были контактировать с уже существующими поселениями.

5. С учетом возникновения военной необходимости нужно было предусмотреть формирование полков, куда должны были набирать добровольцев, поощряя их специальными указами.

6. Колонистам необходимо было гарантировать свободное и беспрепятственное соблюдение церковных обрядов «для лучшего привлечения их как на сие земли, так и для вкоренения в сердцах их благодарности, доверенности и любви к правлению зиждущему благосостояние их и потомства, не благоугодно ли будет повелеть, Всемилостивейшая Государыня, для каждых 200 семейств из доходов вверенных мне губерний соорудить храм божий и по сношению моему с Епископом Католицким определить попов того исповедания в верности и благомысли испытанных».

7. Кроме того, следовало этим семьям позволить продать или привезти с собой все, что им принадлежало в прежнем месте проживания, и назначить ответственных, в обязанности которых входило бы следить, чтобы владельцы имений, в которых эти семьи проживают, не препятствовали им, чтобы таким образом «все пользовались силой закона Вашего Императорского Величества». Зубов, очевидно, понимал, что отъезд чиншеви́ков привел бы к разрыву соглашений на честном слове с богатыми землевладельцами, а это могло бы привести к протестам со стороны последних.

Екатерине II подобные рассуждения, естественно, пришлись по вкусу, и она поручила выполнение проекта его автору, считая подобные планы крайне полезными для этого типа людей и соответствующими сложившейся ситуации, о чем и было сказано в «Именном указе, данном Екатерин-

скому, Вознесенскому и Таврическому Генерал-губернатору князю Зубову. О переселении в сии губернии на казенные земли чиншевой шляхты с помещичьих земель в присоединенных от Польши губерниях».

Несмотря на общую формулировку названия указа, сделанные императрицей поправки ограничивали эту операцию до уровня эксперимента. Используя в заключительном варианте указа первый пункт проекта, Екатерина приказывала для начала ограничиться немедленным переселением 4 тыс. дымов на берег реки Кодыми под Вознесенск, а также в несколько отдельных мест под Херсоном, Екатеринославом и в Таврии. Этот эксперимент должен был финансироваться Зубовым из бюджета его губерний. Указ не исключал возможности дальнейшего развития операции, если желающих будет больше.

Ничего не известно о возможной реализации проекта, который в большей степени поражал своими намерениями, нежели размахом. Даже если и была начата его реализация, от него достаточно быстро отказались. Спустя четыре месяца после смерти Екатерины II и через десять месяцев после подписания ее указа генеральный прокурор Сената объявил крайне лаконичный по форме приказ Павла I: «Его Императорское Величество высочайше повелеть соизволил: переселение чиншевой шляхты из губерний от Польши приобретенных в бывшую Вознесенскую губернию оставить»³². И так проект, которому суждено было остаться на бумаге, стал источником легенды. Однако в оправдание историков, распространявших эту легенду, нужно сказать, что идея уменьшения растущей численности шляхты с помощью подобных чисток будет продолжать будоражить чиновничьи умы, в чем нам предстоит убедиться на основании многочисленных архивных материалов, извлеченных из забвения.

Так, в 1800 г. новороссийский вице-губернатор, статский советник Неверовский, в свою очередь, обратился в ведомство государственных имуществ с просьбой о переселении чиншевой шляхты из Киевщины и Подолья в доверенную ему губернию, выдвигая те же, что и Зубов, аргументы. Согласно министру внутренних дел В.П. Кочубею, в 1806 г. Неверовский писал, «что из числа находящейся в тех губерниях чиншевой шляхты, некоторые входят с прошениями в Новороссийскую казенную палату о причислении их по бедности и неимению собственных своих земель, тамошней губернии в казенные поселяне, и что число оной простирается там до 20 000 душ»³³.

В своем прошении от 1800 г. Неверовский предлагал поселить эту шляхту недалеко от собственных родных мест, в Ольвиопольском уезде на левом берегу Буга, выделив по 15 десятин пахотной земли из расчета на одну душу мужского пола, а также освободив на десять лет от налогов — с последующим установлением налога по 5 копеек за десятину вместо тяже-

лого оброка. Однако оценка (в дальнейшем мы увидим, что очень приближительная) количества соответствующих шляхтичей, сделанная ведомством государственных имуществ, показала, что в соответствующих губерниях насчитывается 162 577 лиц обоего пола — тогда как переехать согласились всего 17 добровольцев из Киевщины и 14 из Подолья, что поставило под полное сомнение готовность к переселению.

Кроме того, Сенат в рамках другой переписи, целью которой было административное решение шляхетского вопроса, к чему мы в дальнейшем еще вернемся, насчитал 218 025 безземельных шляхтичей мужского пола на всех присоединенных бывших польских землях и 25 сентября 1800 г. дал им срок в два года для представления свидетельств шляхетского происхождения, по истечении которого, в случае непредставления доказательств, их должны были отнести к податной категории. Властям следовало лишь дожидаться окончания данного срока.

Незадолго до его завершения, 11 августа 1802 г., Винценты* Новосельский, поляк на царской службе, добился, благодаря своему званию титулярного советника и, возможно, нужным знакомствам, аудиенции у Александра I по вопросу о проекте создания шляхетской колонии в местечке Терновка близ Николаева, где сохранились отдельные каменные здания и старая турецкая мечеть. Император поручил Новосильцову, члену Негласного комитета своих «молодых друзей», представить данный проект для оценки ведомством государственных имуществ³⁴.

Оригинальность данной инициативы заключалась в том, что была предложена поляком, желавшим, видимо, сыграть не последнюю роль в ее осуществлении. В его проекте вновь объяснялось, что чиншевые шляхтичи — убогие потомки шляхетской «голоты» — живут в частных владениях и платят своеобразный оброк в том же размере, какой вносят мужики в казенных имениях. Потребность повторения этого объяснения свидетельствует, что в глазах российских властей эта категория продолжала оставаться абсолютной аномалией. Упоминание же при каждом случае об убогом положении чиншевиков должно было скрыть за благотворительными намерениями истинную потребность в новых поселенцах. «Сверх того еще требуемы от них многие услуги не редко бывают оными помещиками утесняемы, — писал автор проекта, — а по бедности своей принуждены сносить все то, что бы с ними ни случилось».

По утверждению Новосельского, по всей империи должно было найтись по меньшей мере 50 тыс. таких семей, он предлагал (подобные попытки уже предпринимались) осуществить их перепись с помощью предводителей дворянства в западных губерниях. Он обманывался так же, как и

* В XIX в. это польское имя передавалось русским аналогом — Викентий. (Прим. пер.)

другие, полагая, «что многие охотно согласятся переселиться». Автору проекта едва удалось скрыть свои истинные намерения — он советовал императору для проведения данной операции создать должность попечителя и назначить на нее человека, которому бы эти люди доверяли и который мог бы защитить их, помогая удовлетворять их нужды, и имел бы решающий голос при наделении земель, которое бы велось в полном согласии с губернатором и казначейством. В его обязанности также входило бы информирование заинтересованных лиц о том, что монарх, сжалившись над их бедностью, нехваткой земли и тяжестью налогов, соизволил предоставить им возможность получить в наследственную собственность в отведенном месте землю, обратившись к попечителю, ответственному за создание шляхетских колоний, и заверил их, что, согласно «Жалованной грамоте дворянству», им не придется платить подушной подати. Они должны были получить брошюры с правилами поведения, а также следить за тем, чтобы владельцы имений (вновь то же опасение), где они проживают, не чинили преград к их переселению. В противоположном случае належало дать суровый приказ гражданским губернаторам, т.е. обратиться за помощью к полиции или войску. Новосельский надеялся, что подобное предложение привлечет многих.

Из ответа ведомства государственных имуществ Н.Н. Новосильцову от 23 января 1803 г.³⁵ абсолютно понятно, что там было известно о возраставшем влиянии на царя Комитета «молодых друзей», а в особенности князя Адама Ежи Чарторыйского, который, как шляхетские магнаты времен независимой Польши, выступал в защиту целостности шляхетского сословия. Новосильцову из ведомства сообщили, что проект Новосельского, как и предыдущий проект Неверовского, «недовольно им обдуман и без основания». В ведомстве быстро сориентировались, что автор проекта, хоть и не предлагая этого прямо, очевидно, видел себя в роли организатора и руководителя всей операции. Не без основания было высказано сомнение, что люди, рассеянные небольшими группами по восьми губерниям (по всей присоединенной территории), разделенные между собой несколькими тысячами верст, доверятся и будут повиноваться частному лицу, вверив ему свою судьбу. Решение о выборе территории под поселения должен был принимать, по мнению ведомства, человек знающий и авторитетный, в то время как на предложенных Новосельским землях ощущалась нехватка воды. Более того, эти земли уже были переданы болгарским колонистам, над которыми начальствовал главнокомандующий Дунайской армией³⁶. Вероятнее всего, автор проекта, по мнению ведомства, был аферистом, желавшим заполучить казенные земли и привезти туда рабочую силу, которую он предполагал эксплуатировать так же, как это делали обличаемые им землевладельцы. Несмотря на выраженное сожаление об

упускаемых возможных поступлениях в казну в связи с переселением, тем не менее признавалось, что немногочисленные попытки принудительного переселения всегда проваливались, вызывая лишь сетование и жалобы (очевидно, речь шла об авторитарно принятых решениях министра юстиции Г.Р. Державина от 8 августа 1802 г., к которым мы еще обратимся). Если же среди шляхетских семейств найдутся желающие, они могут по согласованию с властями выбрать себе землю. Выступать с такого рода инициативами должны были гражданские губернаторы, которые должны были сориентироваться, где можно найти подобную шляхту и не будет ли оказано сопротивление со стороны землевладельцев. «Сомнительно однакож, — говорилось в заключительной части, — чтобы нашлось к сему охотников», а поскольку шляхетский вопрос находился в ведении иного ведомства, окончательное решение оставлялось за Новосильцовым.

Тем временем напряженность в ближайшем окружении Александра I возрастала из-за конфликтности Г.Р. Державина, старого придворного поэта Екатерины II, который беспрестанно писал помпезные и многословные оды в ее честь и которого новый царь на короткое время сделал министром юстиции. Царские советники, однако, старались проявлять большую сдержанность (за исключением В.П. Кочубея). Еще при Павле I во время поездки по аннексированным польским землям Державин осознал размах еврейского и шляхетского вопросов, эти две категории населения были слабо представлены в империи до разделов Речи Посполитой. Державин сразу же их люто возненавидел. Проблемы, связанные с этими категориями населения, проявились сразу после первого раздела 1772 г. в белорусских землях, в районе Витебска и Могилева³⁷, но лишь после окончательного раздела Речи Посполитой, когда численность обеих групп резко выросла, старый пиит несравненной Фелицы двинулся в атаку против присутствия в сельских местностях, которые раньше принадлежали полякам, «жидов» (Державин иначе евреев не называл), вводящих в соблазн крестьян. Еще до убийства Павла I он подал в Сенат «Мнение о евреях»*, которое легло в основу деятельности особого Комитета по благоустройству евреев, учрежденного 9 ноября 1802 г. Александром I, в состав которого входили В.А. Зубов, В.П. Кочубей, А.Е. Чарторыйский и С. Потоцкий³⁸, также рассматривавшего возможность переселения евреев. Запланированное согласно Положению о евреях от 9 декабря 1804 г. принудительное перемещение евреев из сельской местности в города частично было осуществлено лишь в 1807 г. Царское правительство было вынуждено изменить подход к этой акции в связи с получившим большую огласку собра-

* Полное название: Мнение сенатора Державина об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного обузданием корыстных промыслов Евреев о их преобразовании и о прочем. (Прим. пер.)

нием представителей еврейских общин, созданным Наполеоном в Париже. После предоставления Французской революцией 1791 г. гражданских прав евреям во Франции, Наполеон стремился к организации их религии, и с этой целью после двухлетнего, с 1806 по 1808 г., периода консультаций был создан Великий Синедрион.

Прямая связь, которую Державин проводил между обеими проблемами, и его одинаковое отношение к этим двум социальным группам, которые не вменялись в рамки официальной классификации, будут рассмотрены нами в дальнейшем. Шляхта, писал бывший министр в 1812 г., работая над мемуарами, «не менее жидовского важное дело»³⁹. И пренебрежительно объяснял, что это за сорт людей, именующих себя шляхтичами: их количество, по его мнению, во всей Польше наберется, может быть, не один миллион, а в российской части — до 500 тысяч. Согласно устоявшимся стереотипным представлениям, он показывает шляхтичей как подопечных магнатов, нуждавшихся в шляхте во время сеймов, а далее подчеркивает, что его терпению настал конец, когда в одном из конфискованных белорусских имений, полученном генералом Е. П. Ермоловым и вскоре им проданном, отдельные шляхтичи стали писать жалобы на нового владельца, переселившего их в другое свое имение под Херсоном, «не имея нужды в такой сволочи»⁴⁰.

Тогда Державин (он пишет о себе в третьем лице и называет себя по фамилии), «собрав о всем нужные к делу сему справки и узнав, что покойная Императрица имела намерение выселить тех дворян и шляхту [он также был знаком с планом Зубова. — *Д. Б.*] по политическим видам [этот нюанс он добавляет от себя. — *Д. Б.*], на порожня земли в полуденных своих губерниях», составил проект о переселении этих «праздных людей» в Херсонскую, Астраханскую и Саратовскую губернии, а также в район Уфы и Симбирска, но «очистить» польские частные имения и прекратить тем самым споры с этой шляхтой, лишив «польских вельмож» (Державин разделял странное убеждение, что чиншевая шляхта проживала только в магнатских имениях) «своевольного народа», готового «на всякие неистовства и возмущения». Державин видел в этом и удачную возможность для заселения приграничных территорий империи и укрепления ее границ, дав им возможность «доказывать свое дворянство» службой в пограничных формированиях, «словом, такое полезное дело из шляхты сделать, которое бы в нынешнее время уже оказало свои плоды, и польские вельможи изменники не могли бы из сей шляхты формировать новых полков для Бонапарта».

Но как можно было ожидать успешного осуществления проекта? Александр I доверил его выполнение «Еврейскому комитету», состоявшему по большей части из «польских вельмож», таких как А. Е. Чарторыйский и С. Потоцкий. Впоследствии обер-прокурор Сената Д. О. Баранов расска-

звал Державину, что сразу после его отстранения от должности министра юстиции в 1803 г. (вопреки ожиданию, Александр I достаточно быстро охладел к другу своей бабки) Чарторыйский, ознакомившись с докладной запиской о шляхте и с проектом соответствующего указа, бросил их в пылающий камин, откуда Баранов успел выхватить лишь отдельные куски. Копии этого проекта утеряны.

Идея проведения чистки регулярно посещала умы людей самого разного социального положения. Не стоит слишком большого значения придавать и проекту поляков — Гороховского и Яворского, которые 6 августа 1806 г. сумели благодаря некоему поручику Вольскому подать петицию самому Кочубею, берясь собственными силами переселить свыше 400 чиншевиков, «желавших» отправиться в Херсонскую губернию. Для этого, по мнению этой троицы, надо было издать приказ, «пригласив» еще тысячу семей, желающих соревноваться в возделывании земли и служении государству. Однако для подобных предложений час еще не пробил. Зная об имевшихся прецедентах, министр не дал петиции хода⁴¹.

В 1807—1808 гг., когда размышления о способе организации чиншевой шляхты приобретали, возможно, наиболее широкую и либеральную форму, о чем еще пойдет речь, среди многочисленных текстов — свидетельство обширной дискуссии — один написан с особой грубостью, достойной яростнейших «чистильщиков». Его автор — военный министр Аракчеев. После двух лет опалы при Павле I «гатчинский капрал» вновь почувствовал себя крайне уверенно при дворе Александра I. Его заносчивость и фанфаронство артиллериста пришлись особенно по вкусу после поражения в битве при Аустерлице, после которой Кутузова отправили на должность киевского военного губернатора. Аракчеев вернул царю веру в армию, которая пошатнулась после проигранных Наполеону битв, и мог позволить себе выступать против достаточно прогрессивных для того времени идей, в частности тех, которые начал развивать М.М. Сперанский.

В обширном собрании разнообразных предложений, сделанных Комитетом по устройству евреев, в будущем преобразованном в Комитет по устройству шляхты, и поступавших на дальнейшее рассмотрение Государственного совета, позиция Аракчеева выделяется особым пренебрежением к этой категории людей, принципиально отличающихся от русского дворянства и готовых терпеть «состояние... можно сказать униженное и предпочитающие в служение в рабстве пользе Государственной». С позиции солдафона он рассуждает о том, заметили ли соответствующие власти их низкий уровень проявления рвения во время мобилизации предыдущих лет, или сколь многочисленной была шляхетская милиция в Киевской губернии, где чиншевиков заставили наравне с государственными крестьянами и крепостными выставлять такое же количество рекрутов.

По мнению министра, было лишь два способа привлечения этих людей на службу — деньги, что практиковалось во время набора солдат из крестьян, или просто царский приказ. Он не видел необходимости заблаговременно обращаться по этому вопросу к губернаторам, как того хотел Государственный совет, по его мнению, это было бы лишь потерей времени, а кроме того, вызвало бы ненужные слухи. Подобные облавы должны были проводиться втайне.

Аракчеев считал необходимым произвести немедленное переселение шляхты (его не интересовали ни количественные данные, ни методы) на пустующие земли и наложить запрет на ее наем помещиками, поскольку это «неприлично дворянскому классу». Понятно, что после недавнего внедрения знаменитых крестьянских военных поселений введение военного положения воспринималось им как единственное средство удержания переселенцев. По мнению Аракчеева, постоянное несение военной службы было единственным способом, который заставит шляхту покориться. Переселение должно было быть проведено в течение года. Те, кто имел в собственности земельный надел (мелкопоместная шляхта зачастую с целью увеличения дохода была вынуждена служить у крупных землевладельцев), могли остаться на месте лишь с одним сыном, остальные же сыновья должны были покинуть отчий дом с остальными депортируемыми. Для начала каждый из них должен был получить звание солдата и 20 рублей, что не было бы обременительно для государственной казны, из которой и так выдавалась подобная сумма для поощрения рекрутов. Министр настаивал на том, чтобы свободные земли выделяли лишь на исконно русской территории, а не в «польских» губерниях⁴².

Как видно, проектов экстремистских решений было предостаточно, однако ни один из них не дошел до этапа реализации. Тем не менее они представляются крайне важными для понимания позиций наиболее радикального крыла царской администрации. До конца царствования Александра I сторонники проведения тотальной чистки вроде бы больше не проявлялись, однако с началом царствования Николая I, в частности в период с 1827 по 1829 г., когда была создана комиссия из трех чиновников высокого ранга (о ней еще пойдет речь), которой вновь было поручено решить проблему статуса шляхты, именно тогда в очередной раз вернулся и призрак депортации. В основе его появления лежал холодный расчет, и это тогда, когда со времени последнего раздела Польши минуло более 30 лет, воцарился мир, а царская администрация более или менее свыклась с существованием давних польских шляхетских структур и не подозревала о возможности Польского восстания в Варшаве и вероятности его распространения на Украину. Это был период, когда безумные идеи Зубова вновь

взяли верх, хотя реализовать их сумел лишь Сталин в конце 1930-х гг., депортировав поляков (преимущественно в Казахстан).

Последний проект по переселению, который был создан еще до начала Польского восстания 1830—1831 гг. и последовавших после него репрессий, возник в одном из петербургских кабинетов под контролем Николая I, которому не терпелось как можно быстрее разделаться с этой не укладывавшейся в существовавшую структуру общества группой. Его автором был член новой комиссии, представитель Военного министерства полковник С.П. Юренев. Его название звучит следующим образом: «О водворении не имеющей постоянного жительства шляхты на землях, расположенных в Новороссийском крае». Выражение «не имеющей постоянного жительства» должно было подчеркнуть и драматизировать тот факт, что шляхта, не имевшая собственной земли, не была связана с каким-либо конкретным местом, что являлось условием *sine qua non** принадлежности к шляхетскому сословию. Проект предусматривал проведение операции согласно общепринятым правилам заселения, т.е. предоставляемая земля должна была стать наследственной, а переселенцам для устройства давалась бы ссуда и т.п. Однако этот проект не был утвержден, поскольку ожидаемые «выгоды» были ниже предусмотренных затрат, а запланированные права и свободы превышали права, «сему классу людей предоставленные»⁴³.

Фундаментальное значение имеет установление связи между этими ранними проектами и невероятным всплеском ненависти в период с 1831 по 1836 г., на волне которой вновь обратились к прежним идеям, развив их и укрепив. Именно это дает возможность констатировать, что репрессии 1830-х гг. не были спонтанной и непосредственной реакцией, напротив, в их основе лежали более ранние наработки.

Новые планы по депортации будут рассмотрены нами во второй части книги.

Следует еще раз сказать, что все эти суровые угрозы так и остались в рамках напрасной риторики. Несостоятельность власти заставить исполнять принятые ею же законы — вот истинное лицо царского режима, сильного лишь на словах, который, в конце концов, оставлял, как нам предстоит увидеть в главе, посвященной развитию образования, значительную свободу действий тем, кому угрожал, для почти автономной самоорганизации: ведь от берегов Невы до излучины Днестра был не один день пути...

Перейдем к рассмотрению того, как царский режим пытался придать польской шляхте статус, сравнимый с российским дворянством.

* Необходимое условие (лат.). (Прим. пер.)

ТРИ ВОЗМОЖНЫХ ПУТИ РЕШЕНИЯ
СТАТУСА БЕЗЗЕМЕЛЬНОЙ ШЛЯХТЫ:
ПАВЕЛ I, ДЕРЖАВИН, ЧАРТОРЫЙСКИЙ

Избежать ужаса уничтожения отнюдь не означало для безземельной шляхты (как я сам раньше считал и писал⁴⁴), что ее жизнь в первой трети XIX в. была подобна идиллии, которую оберегали от вмешательства царских властей (судя по польской литературе) крупные землевладельцы, тогда как Петербург вообще якобы забыл о существовании шляхетской «голоты». Действительно, в большинстве своем русское чиновничество примирилось с существованием столь нетипичной для социальной структуры империи группы, однако тех, кто задумывался над возможным извлечением пользы из ее существования, было значительно больше, чем до сих пор было принято считать, впрочем, этой проблемы историки практически не касались. Министерство финансов видело в чиншевиках потенциальных налогоплательщиков; Военное министерство размышляло, как бы среди этой шляхты набрать рекрутов, а то и офицеров, и одновременно оградить ее от возможности укрывать дезертиров и подозрительных лиц; Министерство юстиции постоянно возмущала роль, какую эта шляхта продолжала играть в земских и даже гродских судах; Министерство внутренних дел и полиция также интересовались ею, не мог не уделить ей внимания и Сенат, который, несмотря на свою занятость, во все вникал. Парадоксально, хотя, может, и логично, что лишь Герольдия крайне редко обращала внимание на эту группу, что свидетельствует о ее маргинальном положении в дворянско-шляхетском сословии.

До 1800 г., несмотря на то что некоторыми чиновниками высокого ранга осознавалась значительная численность этой группы, царской администрации в целом было сложно дать четкую ее характеристику и определить ее количество. В этот период мелкая шляхта проявляла себя, протестуя небольшими группами против злоупотреблений, жертвой которых она становилась в польских имениях, или — если имения были конфискованы — против попыток заставить ее платить оброк наравне с государственными крестьянами. Первыми проявили к ней интерес казенные палаты, губернские отделения Министерства финансов как к новому источнику прибыли, появившемуся после присоединения аннексированных территорий. Уже 11 июля 1789 г. Екатериной II был издан указ, касающийся Белоруссии и других земель, отошедших к России после первого раздела Речи Посполитой 1772 г. Чиншевая шляхта была отнесена к податной категории населения и записана в подушный оклад. Этим указом Екатерина II позволяла им представлять в Сенат данные о количестве душ в их владении и бумаги, подтверждающие шляхетство⁴⁵. Четырьмя годами ранее «Жалованная гра-

мота дворянству» определила число доказательств «неопровергаемого благородства» в двадцать одно. В Грамоте шла речь о подтвержденных гербах, указах на дачу земель или деревень, патентах на чины, свидетельствах о получении звания обер-офицера и т.д. — требование подобных документов от чиншевой шляхты выглядело как издевательство.

Та же проблема, как заметил Зубов, после второго разделения Речи Посполитой проявилась в четырех украинских уездах, которые сперва были приписаны к Новороссии, а затем в результате административной реформы вошли в состав Киевской губернии. В Звенигородском, Уманском, Черкасском и Чигиринском уездах были огромнейшие земельные владения, такие как Смела (Черкасский уезд), проданное Потемкину в 1784 г. и выкупленное казной после его смерти в 1791 г., или не уступавшие им имения Станислава Потоцкого, а также различные конфискованные и контролируемые государством земли и т.п. Более того, Новороссийская казенная палата беспокоилась неясностью статуса 9833 шляхтичей-чиншевиков, проживавших в этих имениях, а во время переписи 1795 г.⁴⁶ причисленных к крестьянству, поскольку, как отмечалось выше, в указах от 27 марта и 27 сентября в 1793 г. Екатерина II не проявила интереса к судьбе этой категории населения. В тот момент было важно гарантировать собственность крупным землевладельцам после того, как они присягнут на верность. Необходимо было также позаботиться о контроле над крестьянами этих губерний, которые, как отмечалось в манифесте М.Н. Кречетникова, «некогда сущим Ее [Российской империи. — Д.Б.] достоянием бывшие и единоплеменниками Ее населенные, созданные и православной христианской верой просвещенные и по сие время оную исповедающие, подтверждены были». Именно эту веру Екатерина II и защищала от безбожных польских мятежников, призвавших себе на помощь Французскую революцию. А потому, как писал Зубов, царице не хватило времени задуматься над этой разновидностью людей. Указ от 3 мая 1795 г. генералу Т.И. Тутолмину был более четким и давал следующее разъяснение: «Всем дворянам, которые временно имеют владение по надачам, закладам, арендам и договорам на землях помещичьих и казенных живущим дозволить просить дворянское общество о принятии и вписании в дворянскую книгу, дабы каждый мог пользоваться правами дворянству присвоенным»⁴⁷. Вероятнее всего, этот указ не был широко известен и практически не коснулся чиншевой шляхты, поскольку в большинстве случаев ею традиционно заключались устные соглашения с владельцами, не признающие никакой собственности. Выражение «дозволить просить» о внесении в реестр наверняка могло быть вообще непонятно шляхте (если она вообще этот указ прочитала), поскольку «неопровергаемое благородство» воспринималось ею как само собой разумеющееся и не требующее доказательств.

Второй указ Тутолмину от 17 мая 1795 г. касался в основном землевладельцев — единственных, с царской точки зрения, истинных дворян. Пунктом 3 определялись условия участия в дворянских выборах (мы к этому еще вернемся), хотя в нем и содержался намек (первый сигнал к признанию) на шляхту, проживавшую отдельными селами в околицах (отсюда ее название — околичная), и на шляхту, арендующую землю (чиншевую). В то время российские власти не представляли себе истинных масштабов этого феномена, а при прочтении упомянутого указа могло создаться впечатление о признании возможности внести всех чиншевиков в дворянские книги при условии представления ими соответствующих доказательств, причем считалось несомненным, что подобными доказательствами шляхта располагала. К началу 1797 г. казенными палатами констатировалось, что фискальные органы бывшей Речи Посполитой не относили эту шляхту к категории налогоплательщиков, «а потому и взыскания с них никаких податей доселе не было»⁴⁸. Первые сомнения возникли уже в 1796 г., когда стали известны результаты переписи 1795 г. в присоединенных губерниях, а некоторые случаи отнесения к той или иной категории были оспорены. Все началось с чиншевиков одного из самых известных поляков — с чем, несомненно, связана и быстрая реакция царских властей — Станислава Понятовского, племянника низложенного с престола польского короля, который, как мы помним, прибыл с дядей в Петербург в одной карете. Как только на его имения в Литве и на Украине был наложен секвестр (запрет на пользование), Понятовский мигом примчался из Рима в Петербург задабривать Екатерину, а при Павле I он занимал важное положение в его окружении⁴⁹. Во время переписи в одном из его имений под Богуславом 214 чиншевиков, а также 175 женщин и девиц были приравнены к податному населению, что сразу вызвало жалобу. Казенная палата 24 июня 1796 г. обратилась в Дирекцию государственных счетов Министерства финансов с запросом о том, можно ли считать их свободными, на что 24 октября 1796 г. получила двусмысленный ответ. Министерство финансов сравнило эту группу со староверами и запорожскими казаками и признало, что эти поляки-шляхтичи, которые могли переходить из одного имения в другое и проживать там определенное время на основе найма, были в новоприсоединенных губерниях отнесены к крестьянам, т.е. на них была возложена семигривенная подушная подать, однако казенные палаты, не имея неопровержимых доказательств относительно того, свободны эти люди или нет, как и относительно того, принадлежат ли они землевладельцам, не могли требовать от них «избрания рода жизни», тем не менее, поскольку между ними могли находиться лица подозрительные, их не стоило оставлять «в несвойственном их породе состоянии»⁵⁰.

6 (17) ноября 1796 г. императрица скончалась от инсульта; ее сын, которому не терпелось разрушить то, что сделала мать, 4 декабря (еще и месяца не прошло со дня ее смерти) издал указ «О возведении в дворянское достоинство», который, как вскоре окажется, было невозможно претворить в жизнь. Павел I провозгласил, что введение в дворянское достоинство и выдача соответствующих грамот «единственно зависит от самодержавной власти Богом нам дарованной», т.е. собирался лично проверять благородное происхождение каждого обратившегося. На решение судьбы 9833 чиншевиков из прежних имений Любомирского или 389 из имений Понятовского данный указ никакого влияния не имел. Оказавшийся в неловкой ситуации Сенат рекомендовал 24 января 1797 г. соответствующим казенным палатам в дальнейшем требовать от спорной группы шляхты временной уплаты таких же налогов, что и от жителей казенных земель, и стал обсуждать установление срока предоставления доказательств принадлежности к дворянству⁵¹.

Однако на этом основании нельзя говорить, как это делает И. Рыликова, что данная группа шляхты была официально выделена в отдельную категорию (т.н. *szlachta skazkowa*) для внесения в ревизские сказки. Внесение шляхты в сказки, т.е. в число податного населения, было временным и могло быть аннулировано после подтверждения этой группой благородного происхождения. Кроме того, это затронуло лишь незначительную часть шляхты, так как включение в податную категорию зависело от прихотей чиновников, которые осуществляли перепись в 1795 г.⁵²

Указ от 19 марта 1797 г., в котором Павел I предлагал шляхте выслать необходимые бумаги в Герольдию⁵³, скорее всего, не дошел до нее, и поэтому 11 октября 1797 г. глава Департамента уделов А.Б. Куракин обратился в 1-й департамент Сената с настоятельной просьбой как можно быстрее решить проблему «вольных людей» в уже упомянутом имении С. Понятовского, который, по всей видимости, лично хлопотал о его скором решении. Насколько неприемлемым казалось существование этой небольшой группы (до установления ее реального количества было еще далеко), видно из указов, которые Сенат подал на подпись императору 26 октября и 11 ноября 1797 г. В них говорилось о потребности довести до сознания жителей «возвращенных губерний», что в Российской империи «непреренно каковой-либо известной род состояния» у каждого должен быть. Другими словами, существование вне официально установленных сословных рамок исключалось⁵⁴.

Шляхта из имений Понятовского на предложение выбрать «род состояния» отреагировала 7 мая 1798 г. на волне общего растущего возмущения, связанного с отнесением ее к податной категории в 1795 г. Киевский гражданский губернатор В.И. Милашевич сообщил в Сенат о многочисленных

жалобах, поступающих от заинтересованных лиц, с заверениями о получении подтверждения своего благородного происхождения от князя Понятовского, который, подобно магнатам времен Великого сейма, таким образом проявил солидарность с убогой «братией». Авторы жалоб все как один повторяли, что они «вольной породы люди» и относятся к «числу вольноживущих». Они обижались на предложение выбрать «род состояния» и по-своему интерпретировали указ Екатерины II о подтверждении шляхетства. Они уверяли, как сообщал Милашевич, что «они никому партикулярно во владение по силе Высочайших узаконений не подлежат». Поэтому вместе со своими свидетелями (существовавший польский обычай при рассмотрении дел о подтверждении шляхетства в местных судах отводил решающую роль свидетелям), почувствовав поддержку князя, не колеблясь, обвиняли российские власти в попытках превратить их в крепостных, а также в преследовании. Они настаивали на том, что Понятовский позволил им жить на своих землях столько, сколько они захотят, или покинуть их по собственному желанию. Со своей стороны князь протянул им руку помощи и просил освободить их от уплаты налога. Правительство же само удивилось тому, что эта проблема, представленная в июне 1796 г. в Сенате, до сих пор не была решена. По предложению министра финансов первых пожаловавшихся объявили свободными, приравняв к староведам⁵⁵. Описание данной категории шляхты чиновникам представлялось заданием столь же трудным, как и классификация казаков и евреев!

Однако другие случаи противоречили принципу солидарности между землевладельцем и безземельной шляхтой. 92 председателя семей села Бушинка под Ямполем в Подолье, вольные люди, платившие только чинш, подали 7 апреля 1798 г. в уездный земский суд жалобу на графа С. Дунина, который, по их утверждению, издевался над ними и хотел их закрепить. Согласно письменным соглашениям с предыдущими владельцами, сперва с князем Франтишеком Ксаверием Любомирским, а затем с графом Станиславом Ворцелем, они имели право свободного перемещения и выбора работодателя. Предыдущие владельцы, писали они по-польски, придерживались предусмотренных обязательств, однако после покупки Дуниным имения вместе с их селом их стали призывать на дополнительные работы и заставлять платить до тех пор не существующие налоги, которые ранее возлагались лишь на крепостных. Дунин запретил им выезжать из села и угрожал в случае неповиновения. Он превратил их в крепостных, заставлял отрабатывать барщину и немилосердно избивал. Все их бумаги были конфискованы⁵⁶. И хотя решение суда нам неизвестно, вполне вероятно, что жалоба осталась без ответа, поскольку шляхетское правосудие было — в чем нам еще предстоит убедиться — заведомо предвзятым.

Конфликты этого времени между землевладельцами и чиншевиками напоминали случаи вражды, характерные для XVIII в., к усилению которых привело принятие «Закона о сеймиках», служившего дополнением к Конституции 3 мая. Тому подтверждением могут служить споры, разгоревшиеся в 1798 г. и длившиеся до 1802 г. в имениях одного из богатейших землевладельцев, Щ. Потоцкого. В отличие от С. Понятовского, этому лидеру Тарговицкой конфедерации чувства шляхетской солидарности не были близки, а тот факт, что он полностью продался России, не помешал ему воспользоваться идеями «патриотов» Великого сейма и «либеральным» образом защищать свои интересы. В период с 1796 по 1805 г. барщина у него была заменена оброком. И хотя потомки Потоцкого вернулись к прежнему порядку, «прогрессивность» взглядов этого человека, к которому польские историки относятся неблагосклонно, заслуживает внимания. Одним из последствий его «прогрессивного» подхода было увеличение чинша для безземельной шляхты.

Узнав об отказе шляхты из селений Рубань и Рыжин подчиниться, Щенсны Потоцкий отправил туда своего эконома Цандера согнать чиншевиков с земли, а если бы те оказали ему сопротивление, то разрушить их дома с помощью местных крестьян, использовав русько-польский конфликт. 19 семей было заковано и вывезено на телегах за пределы уезда. Эта картина, как видим, далека от представленного в произведении «Воспоминания Соплицы», где подвоенную магнатами веселую шляхту везут на возах на сеймик. Общий для Уманского и Звенигородского уездов суд, рассмотрев жалобы пострадавших жителей, постановил, что шляхты, которой некуда деться, получает «право» разойтись по разным семьям; в сущности, это значило, что суд принял как свершившийся факт разрушения домов. Потоцкому же рекомендовал в будущем избегать подобных крайностей. Впрочем, разве можно было противостоять его воле?⁵⁷

Представляется, что известия о подобных делах, похороненных под кипой бумаг местных судов и свидетельствующих о надломе шляхетской солидарности, не доходили до Петербурга, где никаких решений относительно судьбы чиншевой шляхты не принималось. 22 апреля 1799 г. Новороссийская казенная палата, которая тогда еще отвечала за сбор налогов в присоединенных к Киевской губернии уездах, жаловалась Сенату на отсутствие решения по этому вопросу. Правовая проблема была осложнена просьбой двух шляхтичей из принадлежавшего Браницким села Краснополь, которые были настолько сбиты с толку, что просили причислить их к государственным крестьянам. Сенат, наверняка с оттенком иронии в отношении Павла I, ответил, что согласно указу от 4 декабря 1796 г. такое решение «единственно зависит от самодержавной власти Богом императору дарованной»⁵⁸.

Фискальные органы власти были обеспокоены происходившим на этих землях, в частности, и потому, что значительная часть имений на Волыни, в Подоле и на Киевщине при Речи Посполитой были староствами, т.е. донативными (пожалованными) королевскими землями, а потому должны были вновь стать казенными. За исключением конфискованных, значительной частью огромных староств продолжали владеть прежние польские ялюбенефицианты. Один из советников, Котлубицкий*, подсчитал, что, если бы эти земли контролировало государство, они ежегодно приносили бы казне свыше двух миллионов прибыли. В шестом пункте записки, поданной им по этому поводу в Сенат, упоминалось о существовании селений мелкопоместной шляхты и безземельной шляхты, которая, по подсчетам Котлубицкого, могла достигать 100 тыс. душ мужского пола. По его мнению, этих людей, принимая во внимание то, как унижительно они эксплуатировались экономами в упомянутых имениях, будет несложно превратить в государственных крестьян. Среди шляхты можно было бы, по его мнению, проводить и рекрутский набор. Подобные мысли были близки и Зубову, хотя в данном случае речи о переселении не было. Котлубицкий предлагал Сенату создать комиссию по превращению староств в казенные земли. Имеретинский, изучавший проект, сомневался в том, что он мог быть реализован, поскольку в созданные на местах комиссии входили уездные маршалки (предводители дворянства) польской шляхты, которым ассистировали землемеры, взяточничество которых было общеизвестно. Фискальным властям пришлось умерить свои аппетиты⁵⁹.

Год 1800-й продемонстрировал растущий интерес в Российской империи к определению статуса шляхты, однако принятым мерам недоставало последовательности. Поляки из окружения Павла I и в Сенате постарались поставить под сомнение предложения Котлубицкого и предложили 19 марта 1800 г. царю подписать указ, который по своему содержанию напоминал кардинальные права шляхты и боярства (в русском понимании это слова), в нем подчеркивалась идея равенства всех членов рыцарского сословия и приводился длинный перечень всех сеймовых «конституций», которыми на протяжении истории Речи Посполитой этот принцип подтверждался. В проекте указа перечислялись привилегии 1374, 1463, 1690, 1699, 1768 гг., а также замечалось, что на основании всех перечисленных конституций шляхта и бояре не должны быть ограничены в своих привилегиях⁶⁰.

Впрочем, вскоре вновь появилась проблема шляхты, которую официально отнесли к податной категории, в этот раз в Белоруссии, где двое мужчин по фамилии Позняк и Лешек, признанные шляхтичами в Могилевской губернии во время проверки 1792 г., проведенной согласно «За-

* В русской традиции Кутлубицкий (Котлубицкий) Николай Осипович. (Прим. пер.)

кону о сеймиках», беспрестанно подавали жалобы от имени 1096 семей, оказавшихся в подобной ситуации. Сенат издал 9 апреля 1800 г. решительный указ, в котором высказывалось удивление незнанием процедуры истцами: сначала они должны были выслать доказательства принадлежности к привилегированному сословию в Герольдию, а затем ожидать получения подтверждения от самого царя, пока же вопрос находится на рассмотрении, они не должны были засыпать административные органы жалобами. Кроме того, в указе предъявлялось требование ко всем губернаторам присоединенных губерний срочно ознакомиться с данной процедурой, если до сих пор этого не произошло⁶¹. Очевидно, никто не замечал, что данный указ противоречил предыдущему царскому указу. Деклассированная шляхта должна была на неопределенное время смириться со своим положением.

С целью положить конец этой неопределенной ситуации (никто еще не знал, что она затянется на десятки лет) Сенат провозгласил один за другим сразу два указа — 13 и 15 июня 1800 г. Первый давал 9833 чиншевику, положенным в подушный оклад на казенных землях Киевской и Подольской губерний, два года для предоставления доказательств принадлежности к привилегированному сословию, а через день был издан еще один указ, которым на всякий случай такая возможность без указания, какого числа людей это касается, распространялась на чиншевую и околичную шляхту всех прежних польских губерний⁶².

2 июля 1800 г. П.Х. Оболянинов, фаворит Павла I, генерал-прокурор Сената, а потому отвечавший за Герольдию, во избежание путаницы при записи в сословия представил своим коллегам очень подробный отчет с несколькими дополнениями, в которых уточнялась процедура регистрации шляхтичей в новых губерниях. Все шляхетские собрания, отмечалось в отчете, должны прислать копии своих книг с перечнем представленных каждой семьей доказательств принадлежности к благородному сословию. Уездные маршалки (при Павле I их еще не называли в обязательном порядке предводителями) должны были информировать Герольдию о каждом рождении мальчика, указав имена обоих родителей и подав копию записи в местной метрической книге. В них должны были быть поданы данные о месте проживания и количестве деревень, находящихся в собственности. Эта информация должна была передаваться через гражданских губернаторов, которые со своей стороны обязаны были следить за высылкой этих данных в начале каждого года. К отчету должны были прилагаться следующие документы: схематическое начертанное генеалогическое древо и заполненный формуляр декларации, включавший 6 рубрик:

1. имя, степень родства, служебное положение;
2. гражданское состояние: женатый, вдовец, одиночка, количество детей, количество лет службы;
3. количество деревень и душ, находящихся во владении;
4. номер записи новорожденных в генеалогиях;
5. дата внесения герба в гербовник;
6. был ли уже отказ Герольдии?

Все эти уточнения были отражены в указе от 25 августа 1800 г., в котором подчеркивалось, что сугубо русских губерний, в которых принадлежность к дворянству уже подтверждалась, он не касается⁶³.

Следует сразу сказать, что данная процедура, которую землевладельцы проходили с неохотой, чиншевая шляхта вообще не могла соблюсти. Маршалки шляхты не начали ее проводить, чтобы не привлекать внимания российских властей к большому числу лиц без бумаг (как правило, они регистрировали лишь тех, кто протестовал против отнесения их к податным сословиям), и представляется, что Герольдия, постепенно осознававшая степень замешательства в бывших польских губерниях, старалась ее не увеличивать. Лишь в 1840-х гг. Д.Г. Бибиков взялся за решение этой проблемы, используя совершенно иные методы.

Большой том *in folio* в кожаном переплете, где зарегистрированы все подтверждения принадлежности к дворянству, выданные Герольдией до 1841 г., не содержит до 1812 г. ни одной записи о получении подобного подтверждения шляхтой из трех губерний Правобережной Украины. Количество выданных подтверждений в последующие годы распределяется следующим образом: 1813 — 1, 1816 — 1, 1817 — 2, 1818 — 3, 1819 — 5, 1820 — 7, 1821 — 22, 1822 — 24; далее их количество с каждым годом постепенно увеличивается, однако остается на удивление малым (1826 — 83). Это показывает, насколько мизерную роль играла Герольдия в жизни шляхты аннексированных территорий. В ее реестры, похоже, занесены лишь те подтверждения, которые выдавались по запросу административных органов или армии с целью установления класса, согласно знаменитой «Табели о рангах»; т.е. это означает, что вопреки закону многих принимали в армию или на службу без проверки происхождения. В дальнейшем мы убедимся в том, что и в школах зачастую не требовали представления свидетельств о происхождении⁶⁴.

Когда в начале июля 1800 г. Оболянинов попробовал в упомянутом отчете обстоятельно напомнить об утвержденной Грамотой 1785 г. процедуре, он, вероятно, был далек от понимания того, насколько многочисленную группу людей это затронет; размах проблемы стал известен незадолго до объявления указа от 25 августа того же года.

20 июля 1800 г. главный казначей Министерства финансов проинформировал Сенат о том, что, по его подсчетам, в восьми губерниях, образованных на территории бывшей Речи Посполитой, проживают 218 025 лиц мужского пола, относящихся к чиншевой шляхте. Эта цифра, как увидим, была не окончательной и в значительной степени заниженной по сравнению с реальной, она появилась в результате проведения казенными палатами первого обобщенного подсчета, но произвела настолько сильное впечатление, что еще несколько лет подряд ее будут машинально повторять. По мнению казначея, следовало как можно быстрее провести мероприятия по проверке принадлежности к шляхетскому сословию и отнесению большей части этой группы к податному населению.

В общей статистике по бывшим польским губерниям имеются следующие данные по трем губерниям Правобережья (данные несколько отличаются в зависимости от губернии, в частности по Волыни приводятся более подробные данные, которых нет по остальным двум губерниям)⁶⁵:

Киевская губерния	родовая шляхта	511
	фольварочная шляхта	1181
	чиншевая шляхта	40 373
	Всего	42 065
Волынская губерния	родовая шляхта	2455
	фольварочная шляхта	2225
	чиншевая и околичная шляхта	27 349
	служилая шляхта	6275
	бояре	8
	солтысы	103
	татарская шляхта	33
	Всего	38 448
Подольская губерния	владельцы имения	4654
	чиншевая шляхта	46 099
	Всего	50 753

В целом здесь проживало 131 266 шляхтичей мужского пола, количество лиц обоего пола достигало примерно 262 500.

Крайне интересным представляется подбор определений, употребленных в данной статистике. К категории фольварочной шляхты отнесены в целом зажиточные шляхтичи, которые обрабатывали землю более богатых владельцев, бравшие ее в аренду по рыночной цене или зачастую под залог. В Подолье не делали разницы между такого типа арендаторами и настоящими владельцами, их всех относили к зажиточной шляхте, к земле-владельцам. Однако важно отметить, что из вышеприведенной таблицы

следует, что количество арендаторов или фольварочной шляхты на Волыни практически не отличалось от количества полноправных землевладельцев, в то время как на Киевщине количество фольварочной шляхты в два раза превосходило количество родовой шляхты.

Присутствие на Волыни сотни солтысов — это свидетельство привязанности к традиции, к временам, когда колонисты селились на землях сеньоров. Солтысами в это время были старосты деревень мелкопоместной шляхты, которые в прошлом выполняли роль посредников между сеньором и колонистами, это звание передавалось от отца к сыну⁶⁶. В свою очередь данные, о восьми боярах — это последнее свидетельство еще более ранней традиции: за двести лет до этого большинство чиншевиков назвали бы себя боярами. Служилая шляхта — это группа придворных слуг, известная уже в XVII в., упоминания о ней есть и у Боплана. Татарская шляхта — это немногочисленная группа, о которой многое стало известно благодаря уже упоминаемым работам И. Рыхликовой. На Волыни при подсчетах была допущена ошибка. Нельзя было считать вместе и чиншевую, и околичную шляхту. У околичной шляхты был свой небольшой надел, т.е. ее следовало отнести к категории собственников, хоть и крайне мелких. Однако этот факт не влияет на выводы, которые можно сделать на основании статистики Министерства финансов: на Правобережной Украине проживало 60,19% из 218 025 чиншевой шляхты, попавшей под перепись на всем Западе империи, т.е. значительно больше, чем в Литве и Белоруссии вместе. По данным того времени, эта безземельная шляхта географически распределялась в следующих пропорциях: Киевщина — 40 373 чиншевика, Волынь — 27 349 чиншевиков и 6275 служилой шляхты, Подолье — 46 099 чиншевиков, т.е. в целом 121 096 душ мужского пола.

При сопоставлении этого количества с общей численностью шляхты в трех украинских губерниях — 131 266 душ мужского пола — получается, что 92,25% шляхты были безземельными. Таким образом, общее количество чиншевой шляхты обоего пола, даже при учете, что идентификация всей безземельной шляхты была далека от совершенства в связи с различными способами сокрытия (землевладельцы не декларировали своих чиншевиков, или отдельные села не фигурировали в русских списках), могло достигать в 1800 г. около 242 000 человек⁶⁷.

Эти первые статистические подсчеты с фискальной точки зрения не принесли какой-либо пользы, поскольку согласно указу от 15 июня 1800 г. всем предоставлялась двухгодичная отсрочка для предоставления доказательств своего шляхетского происхождения и лишь в случае отсутствия таковых производилась запись в податное сословие. Однако подобная отсрочка никоим образом не могла удовлетворить минского прокурора, чей

отчет Оболянинов передал в Сенат, где отмечалось, что казенные палаты данной губернии требуют немедленного внесения шляхты в староствах в ревизские сказки как крестьян, чтобы ее можно было приписать к какому-то одному месту и контролировать⁶⁸. Некоторые землевладельцы на Украине были в неменьшей степени заинтересованы в контроле над чиншевой шляхтой — ценной рабочей силой, чья свобода перемещения нередко вела к выездам и вступлению в легионы Домбровского, созданные под покровительством Наполеона. Маршалок киевской шляхты Ф. Козловский дошел даже до того, что осмелился вручить гражданскому губернатору А. Теплову просьбу о приостановке указа от 15 июня. Губернатор принял ее и по опрометчивости передал в Петербург, что стоило ему потери должности, а маршалку непродолжительного ареста. Однако масштаб проблемы, как представляется, привлек внимание царских властей. Киевский военный генерал-губернатор Фенш* провел тайное расследование при участии двух специально присланных сенаторов П.П. Митусова и Торбеева. Затем в Сенате состоялась обширная дискуссия, в результате которой дошло до столкновения двух противоположных позиций. Польский граф Ильинский, один из самых богатых волынских землевладельцев, выразил мнение, совпавшее с позицией маршалка киевской шляхты, заявив о том, «чтобы переход чиншевой шляхты с настоящих их мест, где они по люстрациям или по ревизиям записаны, впредь до точного доказательства ими своего дворянства воздержать». Август Ильинский**, рьяный неофит царизма, верил, что таким образом добьется решения приписать к земле весь подозрительный элемент.

Однако окончательное решение отвечало воле Павла I (в конечном итоге известно о его милостивых жестах к Костюшке и польским пленным), поскольку в августе 1800 г. большинство сенаторов высказалось за более снисходительное отношение к этой группе. М.Н. Муравьев, И.Н. Неклюев, О.П. Козодавлев и граф А.С. Строганов действительно считали, что шляхта из прежних польских губерний «не должна подлежать никакой перемене в своих преимуществах, то и не следует чиншевую шляхту стеснять в ее правах и свободах, запрещением перехода с одного места в другое по ее желанию и выгодам, а потому и оставить оную в настоящем положении впредь до воследования высочайшего о ней генерального положения»⁶⁹.

Идея о генеральном положении была озвучена впервые. Ее ждало большое будущее, однако Павлу I не суждено было претворить ее в жизнь: 11 марта 1801 г. он был убит.

* Известен как Андрей Семенович Фенш (Fenshaw) из англ. аристократии. (Прим. пер.)

** Известен как Август Иванович Ильинский (Илинский). (Прим. пер.)

Это потрясение не могло способствовать ни согласованности, ни преемственности политики, контуры которой едва были очерчены. Противоположные взгляды на решение этой проблемы проявились вновь уже в 1802 г. Итак, с одной стороны, государственный казначей, сенатор Васильев, 25 апреля 1802 г. освободил от подушной подати группу из 2572 шляхтичей из конфискованных частных имений в Киевской губернии, о которых шла речь в двух обширных отчетах казенной палаты в столицу от 4 июня и 23 ноября 1800 г. С другой стороны, 4 декабря 1802 г. киевский гражданский губернатор П.П. Панкратьев убеждал министра внутренних дел в необходимости заставить чиншевую шляхту платить налоги в пользу государства, что должно было побудить ее к узакониванию своего положения⁷⁰.

Желание привязать этот уж больно подвижный элемент к какому-то одному месту и контролировать его разделяли и литовские поляки, как, например, маршалок виленской шляхты Чиж, которому не понравилось, что чиншевики, оставив предоставленную ему часть староства в Десне под Минском, отправились на Запад (записываться в Легионы). Оболянинов, место которого в скором времени займет А.А. Беклешев, не скрывал в Сенате желая удовлетворить просьбу Чижа и, не ожидая завершения двухгодичного срока, заканчивавшегося в 1800 г., внести всех этих людей в ревизские сказки⁷¹.

Так или иначе, но согласно указу от 15 июня 1800 г., которым отводилось два года на определение положения, начались первые официальные проверки шляхетских титулов. Даже краткий анализ метода проведения этой проверки наводит на мысль, что она должна была завершиться провалом, — не исключено, что этот провал был задуман теми, кто ее и осуществлял. На Воляни, где землевладельцы вели себя так, будто сам факт перехода под российское господство почти ничего не изменил в их жизни (они продолжали собираться на сеймики, куда съезжались исключительно крупные землевладельцы), было решено, как отмечает князь Имеретинский (он, как известно, изучал книги этой губернии в 1893 г.), подтвердить сперва лишь те титулы, которые не вызывали сомнений, хотя это и выходило за рамки указа. Минул год, прежде чем комиссия, созданная 20 октября 1801 г. в составе предводителей дворянства Ольшевского из Новогрудского уезда и Вильги из Ковельского уезда, поняла, что не располагает перечнем титулов всех шляхтичей. Вслед за этим губернский предводитель С. Ворцель, сменивший К. Мёнчинского*, приказал распространить обращение (неизвестно как и к какому количеству лиц) о том, чтобы шляхта представляла подтверждения благородного происхождения уездным

* Возможная запись фамилии: Миончинский. (Прим. пер.)

предводителям. Согласно уставу, включавшему десять пунктов, ревизионная комиссия должна была заседать ежедневно с 8 до 13 часов. Дубенский предводитель отвечал за открытие соответствующих новых книг. Предусматривалась уплата взносов для нужд канцелярии. Комиссия была уполномочена выдавать удостоверение на бумаге со штампом стоимостью 30 копеек. Действительность дворянского титула подтверждалась 12 подписями. Однако из-за опасений о возможных обвинениях в протекции подобных удостоверений выдавалось немного, чаще всего их получали богатые землевладельцы. Эта операция обошла стороной уж больно проблематичную безземельную шляхту, и в результате через два года было подтверждено благородное происхождение всего лишь 4703 семей, т.е. не прибавилось новых данных по сравнению с фискальной переписью 1800 г. о количестве наследственных землевладельцев⁷². О цели проверки позабыли, а землевладельцам даже удалось сделать вид, будто они позабыли о количестве нуждавшихся в подтверждении титулов, которое превышало в десять раз получивших свидетельство.

В двух других украинских губерниях была занята менее снобистская позиция. Здесь не делали вид, что безземельной шляхты не существует, однако проверка была проведена несистематически, а ее результаты были неубедительны. На Киевщине после года работы подобной комиссии при дворянском собрании поляк, предводитель дворянства Ф. Козловский, действовавший под постоянным и пристальным контролем военного генерал-губернатора А. Н. Фенша, составил вместе с ним и выслал в Петербург своего рода признание в собственном бессилии; оно было рассмотрено молодым графом В. П. Кочубеем, которого незадолго до этого, 18 сентября 1802 г., Александр I назначил министром внутренних дел. Оба сановника писали, что в губернии проживает свыше 40 тыс. представителей чиншевой шляхты. Данная группа лиц оказалась в рамках Российской империи недавно вместе с новоприсоединенными землями, а до того судьба была к ней немилосердна, на ее долю выпали серьезные испытания, в т.ч. ей пришлось пережить ужас татарских набегов, многие акты собственности и другие юридические документы были утеряны, сгорели или хранятся у родственников, проживающих в австрийской и прусской частях прежней Речи Посполитой, куда заинтересованные лица по своей бедности поехать не могут. Поэтому комиссия не сможет завершить свой труд в течение двух установленных лет. Данные оправдания превратятся в прецедент и в будущем будут часто приводиться. Итак, Кочубей изложил их молодому царю, который, очевидно, ничего не понял, на полях отчета имеется запись: «Государь Император повелеть соизволил поспешить разрешение его в правительствующем Сенате». 17 декабря 1802 г. Сенат заслушал этот отчет, а 12 января 1803 г. постановил, что сложность задачи на

Киевщине (до конца апреля в Сенат не поступало сообщений из Подолья, а в Волынских землях, как мы уже могли заметить, предпочитали делать вид, что и не слышали о проблеме) требует продления срока еще на год. Сенат потребовал представления дополнительного доклада о выполненной работе, о количестве выданных свидетельств и рассмотренных делах. Это постановление 13 марта 1803 г. было выслано в Киев, а также другим гражданским губернаторам, которые в начале апреля сообщили о его получении.

Подольский гражданский губернатор выслал свой доклад последним, 29 апреля 1803 г.; он был в той же степени малосодержателен, как и доклады его коллег из двух других губерний. В нем отмечалось, что до января ревизионная комиссия рассмотрела 4078 дел — как и на Волыни — это более или менее отвечало количеству не вызывающих сомнений титулов шляхтичей-землевладельцев. Однако в то же время комиссией заявлялось, что для рассмотрения осталось еще 4783 дела, цифра крайне заниженная, поскольку в действительности там проживало количество шляхты в десять раз больше, о котором умолчали⁷³.

Министр юстиции Державин успел, прежде чем Александр I отстранил его от должности, воодушевить Сенат на издание 26 марта 1803 г. указа в духе пожеланий Оболянинова, согласно которому все, кто не мог в указанный срок представить доказательство благородного происхождения, должны были выслать бумаги в Сенат. Решение абсурдное, поскольку проблемы с проверкой были предопределены именно отсутствием надлежащих документов. Указ свидетельствует о том, что в столице продолжало отсутствовать ясное понимание проблемы, а ее масштабы очевидно недооценивались. Второй же пункт указа поразил представителей группы, поддерживавшей либеральные идеи молодого царя, и заставил перейти в контрнаступление.

В этот указ, разосланный по всем казначействам, приятелям Державина удалось внести запрет, о котором мечтали сторонники невольничества и враги шляхетского братства наподобие графа Августа Илинского, который полагал, что необходимо «переход чиншевой шляхты с настоящих их мест, где они по люстрациям или по ревизиям записаны, впредь до точного доказательства своего дворянства, воздержать». Другими словами, документ предусматривал полное прикрепление убогой шляхты к земле⁷⁴, что, конечно, уступало по силе действия планам по переселению, о которых уже была речь.

Были предприняты одновременные активные действия как сверху, так и снизу, призванные отдалить опасность.

В верхних эшелонах власти действовала та же, что и в августе 1800 г., небольшая группа сенаторов, чье знание проблемы и давнего польского

законодательства пополнилось новыми данными, которые касались не только обязательств и шляхетских привилегий, закрепленных польскими конституциями, но и Литовского статута. То, что основным законодательным органом Российской империи это принималось во внимание, имело крайне важное значение, поскольку свидетельствовало, что сам факт присоединения к империи не означал — по крайней мере, в глазах нескольких влиятельных лиц — полного подчинения российской правовой системе, а требовал постепенной, а не принудительной адаптации старой системы к новой. С апреля по август 1803 г. основные сторонники такой политики поочередно в письменной форме выразили свое несогласие с решением от 26 марта. Первым взялся за перо граф А.С. Строганов, затем пришел черед сенатора и тайного советника И.Н. Неклюева, который подготовил документальную исчерпывающую справку, с целью приостановки наметившегося хода дел. Им были тщательным образом переведены 1, 2, 5 и 10-я статьи третьей главы Литовского статута. Возможно, что инициатором контрнаступления был князь А.Е. Чарторыйский, который подготовил также фрагменты конституций 1374, 1457, 1463, 1699 и 1768 гг., гарантировавших сохранение шляхетских привилегий, признанных 12 апреля 1800 г. самим Павлом I. В свете представленного Неклюев делал вывод о невозможности наложения запрета на свободу перемещения чиншевиков, поскольку это означало бы их прикрепление к земле. Его замечания были приложены к протоколам Сената. В июне подобную мысль выразил сенатор О.П. Козодавлев, в августе она была поддержана сенатором М.Н. Муравьевым⁷⁵. Чарторыйский в скором времени, 24 января 1804 г., должен был стать министром иностранных дел, а потому не стоило ему отказывать. Согласно данным биографа, Чарторыйский очень хлопотал перед своим другом Александром I о возвращении ссыльных поляков из Сибири, об отмене секвестров и возвращении конфискованных имений и даже пытался склонить царя к ходатайствам за рубежом (например, по вопросу об освобождении Гуго Коллонтая из австрийской тюрьмы в Шпилберке)⁷⁶. Следует напомнить, что именно им было многое сделано для того, чтобы не допустить реализации драконовских планов Державина по депортации шляхты.

Представляется, что реакцией снизу на действия Чарторыйского стали высылаемые в Петербург дворянскими предводителями прошения, в которых они пытались доказать, что даже после продления срока осуществление проверки титулов невозможно. Киевский предводитель Ф. Козловский, а также гражданский губернатор в 1802—1810 гг. П.П. Панкратьев первыми обратили внимание на итоги уже выполненной работы и на то, что еще надлежало сделать. Ими была выслана в Петербург следующая таблица:

Уезды	Кол-во душ по переписи 1795 г. и дополнительным сведениям о безземельной шляхте	Кол-во дел, принятых с 1800 г. по 1 января 1803 г.	Проверенная шляхта	Дополнительный запрос	Отказы	Не рассмотрены	Не поданы заявления на рассмотрение дел
Киевский	676	528	383	141	1	3	148
Радомысльский	2795	1603	1257	284		62	1192
Сквирский	4671	2008	180	226		1602	2663
Васильковский	6937	3393	250	153		2990	3544
Махновский	7964	2449	290	152		2007	5515
Липовецкий	4096	2396	392	194		1810	1700
Тарашанский	7022	3440	280	75		3085	3582
Уманский	3166	1900	126	146	4	1624	1266
Звенигородский	2477	1755	89	64	3	1599	722
Богуславский	2040	1060	130	—		930	980
Чигиринский	771	706	106	8		592	65
Черкасский	982	672	162	—		510	310
Итого	43 597	21 910	3645	1443	8	16 814	21 687

На основании этой таблицы ее авторы пришли к выводу, что за отведенные полгода проверку закончить невозможно⁷⁷. Панкратьев, выслав таблицу 17 июня 1803 г., повел себя менее агрессивно, выступая за превращение этой шляхты в полезную правительству, т.е. за отнесение к податным сословиям. Он продемонстрировал сочувствие и даже выступил в роли защитника, заявив: «Все сие обстоятельства налагают на меня долг ходатайствовать у Вашего Сиятельства о покровительстве и защите сего бедного и немалочисленного состояния...» Министр внутренних дел согласился изложить Сенату все «исторические» аргументы предводителя Козловского. Речь шла прежде всего об опустошительных татарских набегах, которые привели к тому, что уже нескольким поколениям нужно по вопросу о доказательстве своего благородного происхождения полагаться на свидетельство соседей (по двое со стороны отца и матери). Так делалось по утверждению Козловского не раз в 1347, 1502, 1601 и в другие годы, восстание же Б. Хмельницкого привело к еще большим потерям. Именно

поэтому Конституцией 1654 г. была утверждена упрощенная процедура освидетельствования, а в 1658 г. была предоставлена отсрочка на 5–6 лет для сбора доказательств. Бунт черного люда, т.е. Уманская резня 1768 г., привел к непоправимым потерям. Завершая этот длинный перечень катастроф, Козловский попытался объяснить крайней бедностью причину, почему той половине шляхты, которая даже не подала заявление на рассмотрение своих дел, было так сложно найти доказательства⁷⁸.

На Волыни к проверке подлинности происхождения отнеслись спустя рукава, и предводитель Ворцель воздержался от представления подробной таблицы о работе ревизионной комиссии. Не входя в детали, он заявил, что из 38 452 шляхтичей губернии 22 058 имели время «легитимироваться» (неизвестно, что имелось в виду под словом «легитимировать», которое в польском языке означает и «признать», и «проверить»), а еще 16 394 ожидало рассмотрения. Ворцель умело ввернул, что выслать просьбу о новой отсрочке на год ему посоветовал граф Тадеуш Чацкий, один из ближайших друзей князя Чарторыйского. Сам Чацкий, предводитель шляхты Луцкого уезда, объясняя отсутствие у шляхты необходимых бумаг, также сослался на бедствия и напасти — мол, у сотни семей документы пропали во время городского пожара. Стоит обратить внимание на форму, а также на общую тональность этого письма из Волыни. Впервые в официальном делопроизводстве текст написан на двух языках: левый столбик — по-русски, правый — по-польски, что является ярким свидетельством как амбиций, так и иллюзий, царивших в среде шляхетской элиты. Все сплелось воедино: и смелость использования языка, не имевшего государственного статуса, и обращение с нижайшей просьбой к царю Александру I. Всемиловнейшего монарха коленопреклоненно просили пересмотреть решение Сената от 26 марта. Ворцель, обращаясь к Кочубею, хотя и подчеркивал, что каждый указ Сената являлся для волынской шляхты нерушимым законом, но смел надеяться, что император, как отец родной, милостиво отнесется к просьбе каждого своего подданного, поскольку все указы его свидетельствуют о внимательном и благосклонном отношении к делам, касающимся благоденствия его подданных. Ворцель не сомневался в том, что министр внутренних дел получит от царя нужную отсрочку⁷⁹.

Вполне вероятно, что тогда же волынский вице-губернатор польский граф Грохольский*, который был направлен в помощь губернатору Г.С. Решетову, решил отвлечь внимание правительства от столь непростой задачи по идентификации шляхты и имитировать активную деятельность, начав поиск «вольных людей», т.е. освобожденных от барщины крестьян, которых было предостаточно в Курляндии и Литве, но не в

* Известен как Николай Мартинович (Мартынович) Грохольский. (Прим. пер.)

Волынских землях. Судя по толщине отчетов, высланных по этому вопросу с октября 1803 г. по август 1804 г., можно сказать, что работа по сбору информации по чиншевикам и «вольным людям» кипела. В соответствии с указом Тутолмина 1795 г. этих крестьян пытались выявить и заставить выбрать место для поселения. Подробные объяснения, касавшиеся частично тех, кто служил при дворах у богатых помещиков, показывают, что этих людей использовали точь-в-точь как безземельную шляхту, но их было всего 11 тыс. Скорее всего, в данном случае речь шла о количестве сбежавших для вступления в армию Наполеона, а это никак не могло не волновать царскую администрацию. Сенатор Ф.А. Голубцов получил поручение подать просьбу на имя царя о специальной проверке статуса этих людей (решение о ней было подготовлено и одобрено в августе). Волынская казенная палата повелела «распубликовать на российском и польском диалектах, дабы здешние обитатели удобнее вразуметь могли на какой конец и в каком существе имеет производить вольным людям ревизия». Был установлен срок до 1 декабря, «чтобы на будущий год статья вольных людей была уже очищена», а вопрос о налогах соответствующим образом упорядочен. Сам же текст был настолько неясен и запутан, в нем приводились столь разные способы записи, что никто не рискнул бы ни объяснить, ни применять это распоряжение. Документ, в котором перечислялись виды наказаний для скрывавшихся беглецов, а также образец формуляра ни на кого не производили впечатления, даже если и распространялись методично по глухим украинским селам, грозя наказанием тем, кто скрывался, и беглецам. Как в дальнейшем будет показано, это было время, когда уже получила развитие и окрепла школьная сеть под руководством Министерства народного просвещения, предназначенная и для шляхты. А потому не стоило нарушать царившие тишину и спокойствие и подчеркивать проблему дезертирства. Поиски постепенно сошли на нет. Через 11 лет, 17 сентября 1815 г., в Сенат поступило сообщение объемом в два небольших листа, в котором говорилось, что объект процедуры поиска беглецов исчерпан в результате амнистии от 30 августа 1814 г.⁸⁰ Даже Гоголь не придумал бы лучше. Что ж, ревизоров еще ждали лучшие времена, а «заблудшие души» продолжали оставаться столь же таинственными, как и многочисленными.

Поскольку в конце 1803 г. виленский предводитель дворянства присоединился к голосам своих коллег из Волыни и Киевщины, прося отсрочить проверку шляхетских титулов, Кочубей 13 февраля 1804 г. попросил Сенат рассмотреть эти просьбы. Согласно распоряжению императора это было сделано 14 апреля 1804 г., а 28 июля 1804 г. новым указом, разосланным во все прежние польские губернии, окончательный срок переносился на 1 января 1806 г.⁸¹

Первые годы царствования Александра I были отмечены снисходительным отношением к проведению проверки польской шляхты, что было следствием вмешательства отдельных государственных деятелей, какое-то время близких к императору. Между тем в марте—мае 1804 г. на Киевщине развернулись события, которые показали, насколько продолжали сохранять свою активность сторонники силовых решений, в частности князь П.В. Лопухин, сменивший Державина на посту министра юстиции. С 1799 г. ему принадлежало в Богуславском (впоследствии Черкасском) уезде большое, в несколько сел имение, в том числе и Корсунь (здесь впоследствии часто бывал Тарас Шевченко), где проживало около 800 душ мужского пола, незаконно отнесенных к крестьянам во время переписи 1795 г. и с тех пор постоянно выступавших с протестами. Военный губернатор А.П. Тормасов к этому времени уже многократно обращался к местной шляхетской полиции, которая проявила полную беспомощность, пытаясь обезвредить зачинщика Антония Сохачевского, объявившего себя шляхтичем и убеждавшего подобных себе, что для них было бы выгоднее, если бы их записали в мещанское сословие, а не в крестьянское. В марте Сохачевский обвинил в преследованиях капитана Лаврова, эконома Лопухина, а Лавров, в свою очередь, обвинил Сохачевского и его товарищей в непослушании. Тормасов выслал к ним трех судей из земского суда вместе с уездным председателем дворянства, несмотря на проявленное недоверие мятежников к этому суду. Однако жители Корсуня не только не отказались от своих требований, но заняли еще более воинственную позицию. Тогда военный губернатор прибегнул к средству, которое в XIX в. станет крайне распространенным, — он вызвал сотню донских казаков и передал их под командование статского советника и начальника киевской полиции Ергольского, предоставив ему полную свободу действий. Ергольский собрал глав всех семей и зачитал им указ о даровании имения Лопухину вместе со всем «инвентарем» (чтобы не сказать — поголовьем), т.е. проживавшими там людьми. Однако желавших стать подданными министра не оказалось. Тогда с каждым была проведена отдельная беседа, но, несмотря на уговоры забыть «бредовые идеи о вольностях», никто не уступал, ссылаясь на давние привилегии, подтвержденные Станиславом Августом в 1792 г., т.е. после проверки и принятия «Закона о сеймиках». Бумаги же, по которым чиншевая шляхта была превращена в наследственную собственность русского князя, бунтовщиков также не убедили. Двадцать шесть мятежников было отправлено с казачьим конвоем в Васильковский и Богуславский суды, дабы выбить дурь из их голов. Уже известный нам гражданский губернатор, тайный советник Панкратьев, сперва решил распределить непокорных по другим селам имения среди украинских крестьян. Однако в конце отчета от 30 мая 1804 г. на имя министра Тормасов

отмечал, что подобное расселение сложно осуществить, а потому пока под стражей казаков арестанты отправлены на принудительные работы⁸². Отсутствующие в этом докладе подробности о завершении дела находим в годовом отчете Панкратьева, где уточняется, какими именно методами Ергольский попробовал заставить их забыть «бредовые идеи»: каждого десятого в его присутствии били публично кнутами, за проведение наказания отвечал богуславский исправник Баранов. Ергольский получил за это благодарность от царя, а 26 мятежников в конце концов были высланы на поселение в Сибирь⁸³.

Несмотря на такое силовое решение проблемы, которое Тормасов и Лопухин провели чуть ли не «по-семейному», шляхта и в дальнейшем слабо поддавалась контролю и, по крайней мере теоретически могла свободно перемещаться. Панкратьев вынужден был 9 марта 1805 г. признать, что ревизионные комиссии работают крайне медленно, и смог лишь выслать приблизительный перечень 160 семей своей губернии, чье благородное происхождение было подтверждено. В свою очередь, 26 октября 1805 г. Александр I приказал вновь рассмотреть этот острый вопрос. Чарторыйский, став сенатором, за месяц до Аустерлицкой катастрофы, находился на вершине своего влияния. Сенат, принимая во внимание власть, сосредоточившуюся в руках друга царя, предоставил по предложению министра финансов на решение этого вопроса двухгодичную отсрочку до 1 января 1808 г.⁸⁴

ВЕРШИНА БЛАГИХ НАМЕРЕНИЙ ВЛАСТЕЙ

Царивший застой и сохранявшееся спокойствие были нарушены подошедшим к границам Российской империи Наполеоном.

1806 год прошел без осязаемых подвижек в решении шляхетского вопроса. Можно отметить лишь рассмотрение Сенатом 10 марта 1806 г. доклада генерала Тормасова, сетовавшего на то, что обнищавшие шляхтичи, еще недавно солдаты или пленные, возвращаясь в его губернию, не имеют постоянного места жительства, не платят податей и не избирают «никакого рода жизни». Кочубей издал очередной указ о проведении переписи этого рода «вольных людей» во всех западных губерниях⁸⁵. Скорее всего, речь шла о возвращении оказавшихся не у дел бывших легионеров Бонапарта.

В январе 1807 г. Наполеон учредил Правящий совет в Варшаве. После двух побед Наполеона над Россией в сражениях под Илавой и Фридрихсборгом 25 июня состоялась встреча двух императоров в Тильзите и был заключен мир. Одним из его результатов стало создание 27 июля Княжества Варшавского и конституционного правительства. Отныне Россия грани-

чила со страной с конституционным строем. До конца 1810 г. в отношениях между двумя императорами был период мнимой дружбы. В сложившейся ситуации возникла необходимость создать видимость того, что полякам в России живется не хуже, чем их собратьям в Княжестве Варшавском. Чарторыйский хотя и потерял должность министра иностранных дел, но еще мог быть полезен в решении польских дел.

Наполеоновские власти сразу после того, как оказались на польских землях, заинтересовались состоянием общества. В одном из двух отчетов Пьера Парандье, высланных на имя Талейрана в январе 1807 г., этот бывший агент Станислава Августа дает крайне подробное описание безземельной шляхты. Внимания заслуживает то, что автор подчеркивает повышение уровня образованности этой группы благодаря тридцатилетней работе Комиссии национального просвещения. Наиболее светлые умы в Российской империи также могли прийти к подобным выводам, тем более что в России вопрос о судьбе безземельной шляхты стоял более остро, чем в Княжестве Варшавском.

Итак, Парандье сообщал, что

среди безземельной шляхты, не имеющей т.н. благодетеля, встречаются настолько бедные люди, что невозможно их отличить от крестьян в староствах. Единственным их отличием является то, что именуют их шляхтой. Встречаются деревни в пятьдесят, а то и сто дымов полностью заселенные такой шляхтой. У каждой семьи есть несколько морг земли, дом, а также общинный луг. Они не слишком разборчивы в происхождении партнеров и женятся на крестьянках из соседних деревень, на которых распространяют свои привилегии. Никто не хочет им в этом мешать [...]

К этой бедной шляхте относится и чиншевая шляхта. Южная часть бывшей Речи Посполитой, т.н. волынское, подольское и брашлавское воеводства [Парандье выходил за пределы Княжества Варшавского! — *Д.Б.*], заселена почти исключительно такой шляхтой. Там много и крупных землевладельцев. Однако долгие беспорядки в этих воеводствах повлияли на состояние их имений. Когда-то чиншевая шляхта обрабатывала несколько морг земли взамен за несение нескольких необременительных повинностей, но главным образом должна была отдавать голоса за своих магнатов или их людей на сеймиках. Магнаты, отправляясь на сеймики вместе со всеми своими арендаторами и другими людьми из своей партии, имевшими право голоса, и сохраняли влияние в воеводских сеймиках. С целью предотвратить данные злоупотребления [пример того, насколько глубоко укоренился этот фальшивый миф. — *Д.Б.*] сейм 1791 г. наделил правом голоса лишь землевладельческую шляхту.

Как правило, мелкая, т.е. бедная, шляхта полностью посвящает себя возделыванию земли и сельскому хозяйству. Ее обычаи так же просты, как и ее быт. Она отличается гостеприимством, доблестью, бескорыстием, мало знает о том, что происходит в свете. Ее радует и заботит лишь то, что происходит на ее полях и в сельском хозяйстве. Еще до того, как она попала под иностранное иго, ее интересовали события в столице. Ее кругозор ограничивался изучением права, истории страны, чтением античных авторов. Эта сельская шляхта любила военные сборы и собирала оружие, которое с благоговением передавала по наследству детям. Комиссия просвещения, созданная двадцать пять лет тому назад на руинах иезуитской системы, внесла решающий вклад в распространение просвещения. Создание курсов и специальных наград за лучшие учебники способствовало развитию образования и проявлению любви к нему. Те, кто знал Польшу и язык давних сеймов, были крайне удивлены, слыша во время работы сейма 1791 г., как молодые люди, впервые покинувшие свой дом, умели красноречиво, умно и достойно выступать. Последние усилия против поработителей их родины служат примером их энергии и мужества...⁸⁶

Подобным образом работа прежнего Комитета по благоустройству евреев, который отныне должен был заняться чиншевой шляхтой, была проникнута вышеупомянутыми идеями. Деятельность Комитета и внимание, с которым за его работой следили высшие государственные инстанции России с середины 1807 г. до первых месяцев 1809 г., свидетельствуют о временном проявлении желания решить эту проблему гуманным образом, несмотря на то что противоположных точек зрения было в избытке. Изменение взглядов на решение этой проблемы на протяжении упомянутого периода можно проследить, познакомившись с ценным журналом, в котором отображена деятельность Комитета вплоть до передачи его в ведение М.М. Сперанского. В нем приводится разработанный проект по предоставлению земли чиншевикам и протоколы его обсуждения по распоряжению императора в Сенате и Государственном совете, а также мнения министров и губернаторов.

Состав Комитета, занимавшегося чиншевой шляхтой, был изменен в результате новых назначений министров. В дневнике встречаются подписи графа Н.П. Румянцева — нового министра иностранных дел со времени подписания Тильзитского договора (после князя А.Е. Чарторыйского и барона А.Я. Будберга), министра юстиции князя П.В. Лопухина, министра внутренних дел графа В.П. Кочубея, которого вскоре сменил князь А.Б. Куракин, неизменного царского советника графа Н.Н. Новосильцова и двух поляков, которые рьяно трудились над организацией школьной системы в «польских губерниях»: князя А.Е. Чарторыйского, попечителя

Виленского округа, т.е. всех присоединенных литовско-украинских губерний, и графа Т. Чацкого, чье присутствие в Комитете, хотя и было абсолютно логичным, совершенно неизвестно историкам.

Чацкий, который, как уже отмечалось, в 1786 г. был королевским казначеем и соответственно членом Финансовой комиссии Речи Посполитой, уже тогда имел представление о численности шляхты в коронных землях. Во время последнего раздела Речи Посполитой он чуть было не потерял одно из своих имений. Из-за его «якобинских» взглядов Екатерина II подарила принадлежавшее ему Брусиловское староство (оно охватывало 11 деревень, расположенных в 60 верстах от Киева) графу И.Е. Ферзену, победившему Костюшко, однако тот по-рыцарски отказался от подарка. Подобные чувства не были знакомы Тутолмину, который, невзирая на визит вежливости Чацкого к П. Зубову, завладел Брусиловом. Впрочем, назло Тутолмину, Павел I в конечном счете вернул имение Чацкому после того, как тот вместе с группой поляков принял участие в его коронации в 1797 г. в Москве. С 1803 г. Тадеуш Чацкий со всей страстью окупился в дело организации польской школьной системы в трех губерниях Правобережной Украины: он основал знаменитую гимназию в Кременце (в будущем — Кременецкий лицей), также принимал крайне активное участие в культурной и общественной жизни украинских губерний. Будучи маршалком луцкой шляхты, именно он надоумил Ворцеля написать прошение царю от Волыни, причем, именно здесь на Волыни ему нравилось бывать больше всего, особенно в принадлежавшем ему имении в Порыцке, где его, как и в прежние времена, звали новогрудским старостой. До сих пор считалось, что пребывание графа в Петербурге в 1807 г. было вынужденным, чем-то вроде домашнего ареста, и связано с его симпатиями к Наполеону. Кутузов, новый (после Торماسова) киевский военный губернатор, который после Аустерлица попал в немилость, действительно выслал Чацкого в Харьков, а оттуда под охраной отправил в Петербург⁸⁷. Похоже, однако, что друга Чарторыйского, который прибыл в Петербург как подозреваемый, встретили как специалиста, чьи знания могли быть успешно использованы. В 1800 г. он прославился как автор работы «О литовских и польских законах, их духе, источниках и т.д.», в 1805 г. написал «Исследование о евреях», перевод которого Коллонтай поручил Малавскому⁸⁸, поэтому его присутствие в Комитете по благоустройству евреев и шляхты было не только оправдано, но и объясняет изменения в направлении его работы.

В начале 1807 г. работа Комитета над правами шляхты оживилась в связи с настоятельными требованиями министра финансов графа А.И. Васильева, которому не терпелось получить указ Сената. Новосильцов обратился к Кочубею с просьбой созвать Комитет и найти выход из тупика⁸⁹.

Сановники, используя отсрочку до 1808 г., в первую очередь подвели итоги всех предварительных мероприятий. Продолжая исходить из того, что в девяти присоединенных губерниях проживает не более 218 тыс. душ мужского пола, как было заявлено в 1800 г., они пришли к выводу, что завершить проверку в установленный срок невозможно; при этом сослались на аргументы, представленные волынским и киевским предводителями. Среди прочего отмечалось, что выбран неподходящий момент для слишком явных действий. Члены Комитета решили, что проверку должны пройти 190 тыс. душ мужского пола, у этих людей не следовало вызывать беспокойства об их дальнейшей судьбе, поскольку это будет воспринято ими как угроза для своего прежнего существования. Подобное беспокойство таило в себе, естественно, политический подтекст: отмена крепостного права, признание свободы народа, внедрение Кодекса Наполеона в Княжестве Варшавском вынуждали Россию вновь, как при Екатерине II, разыграть карту вольностей — шляхетских вольностей, добавив к ним, как увидим, долю экономического либерализма.

Некоторые польские предводители дворянства, осознав таившуюся в сложившейся ситуации опасность и стремясь избежать беспорядков (поляки в Комитете умело сыграли на страхе), согласились подтвердить многим шляхетское происхождение на основании простых свидетельств третьих лиц. В Комитете прежде всего шло обсуждение целесообразности генеральной проверки, поскольку несколько подозрительных случаев было обнаружено лишь в конфискованных государством староставах, которые в конечном итоге были немногочисленными. В целом же шляхта всегда была и должна была оставаться шляхтой, поскольку ее благородное происхождение было подтверждено сразу после перехода в состав Российской империи. Чарторыйский и Чацкий подчеркивали, что из-за нескольких упомянутых одиночных случаев было бы несправедливо требовать полной проверки. Они настаивали на том, что чиншевиков всегда признавали шляхтичами, и этот факт не подлежал обсуждению, поскольку его невозможно было доказать. Проведение же генеральной проверки было делом сложным и дорогостоящим как для государства, так и для проверяемых.

Окончательная рекомендация звучала однозначно. Нужна не дополнительная отсрочка, а прекращение придинок. Это было наиболее великодушное предложение за весь период рассмотрения шляхетского вопроса. Впрочем, оно и останется таковым на протяжении всего XIX в. Даже после отмены в 1861 г. крепостного права в России польские помещики отказывались предоставлять своим чиншевикам землю, как это предлагалось царским правительством. Чарторыйский же утверждал, что в дворянские книги должна быть записана вся шляхта и не следует принимать во внимание сомнения или подозрения отдельных землевладельцев относи-

тельно благородного происхождения чиншевиков (подобным образом в XVIII в. польские магнаты обманывались относительно намерений средней шляхты). Два польских аристократа возродили в начале XIX в. дух давней шляхетской солидарности и хотели привлечь к этому своих российских коллег. Можно представить, какой была реакция П.В. Лопухина, решившего с помощью силы проблему в Корсуне, о чем шла речь выше. Однако Лопухин смолчал: возможно, из-за стыда, а возможно, поневоле, так как приходилось принимать во внимание обстоятельства: Наполеон стоял у границ Российского государства.

Защитники чиншевой шляхты пошли на несколько мелких уступок. Например, они согласились на переселение чиншевиков на казенные земли, но в пределах губерний их проживания — они, конечно, прекрасно знали, что на Правобережье таких земель не было. Не исключалась возможность переселения чиншевиков в Новороссию, но лишь из числа добровольцев. Они знали, что мало кто из чиншевиков захочет бросить родную землю, к которой шляхта была привязана сильнее, чем крестьяне. А если все-таки добровольцы найдутся, их следовало освободить от военной службы (за исключением обязанности защищать «свои собственные границы», которые, конечно, не совпадали с границами Российской империи) и от подушного и земельного налогов.

Комитет, прежде чем дать рекомендацию Сенату «к прекращению бесполезных разысканий о происхождении чиншевой шляхты», представил предложение в духе зарождавшегося экономического либерализма. В масштабах империи, вслед за самыми ранними проектами аграрной реформы, его можно и в самом деле поставить вровень с освобождением крестьян в Курляндии или заменой барщины оброком в отдельных местностях. Это предложение в какой-то степени напоминало проект, над которым в это время, как окажется напрасно, трудился Чарторыйский, стремясь улучшить судьбу крестьян, приписанных к Виленскому университету⁹⁰. Проект, прилагавшийся к указу (так и оставшийся неопубликованным), был новаторским для польских землевладельцев, поскольку должен был заполнить лакуны, существовавшие в Конституции 3 мая 1791 г., в которой не было ни слова об урегулировании социально-экономического положения мелкой шляхты после лишения ее гражданских прав. В отличие от проектов, содержавшихся в работе «О условиях помещиков с крестьянами», написанной крупным землевладельцем и просветителем Валерианом Стройновским (книга была опубликована в том же 1808 г.), или в предложениях М.Ф. Карпа, проект Комитета⁹¹ не предусматривал освобождения крестьян-подданных; он признавал и подтверждал основные вольности, присущие рыцарскому сословию с момента его появления, которых большая часть землевладельцев хотела лишить чиншевиков. Если бы

этот проект был реализован, он привел бы к созданию категории мелких польских свободных фермеров, чьи права были бы закреплены в письменной форме, включая право на аренду. Значительным изъяном этого проекта было то, что не уточнялся размер платы за аренду, которую землевладельцы, конечно, захотели бы сделать значительно выше по сравнению с традиционным чиншем, что наверняка вызвало бы недовольство со стороны заинтересованных лиц. Кроме того, проект предусматривал полное урегулирование жизни чиншевиков: в нем определялся размер пахотных площадей, пастбища, сада и даже тип усадьбы. Обмер земли возлагался на землевладельца, который также мог предоставлять ссуды или на время освобождать арендатора от внесения оплаты. Размер аренды должен был быть определен раз и навсегда, а владельцу запрещалось требовать с арендатора чего-либо еще, включая отработки. Арендатору гарантировалось право на выпас скота, устройство пастбищ и осуществление иной хозяйственной деятельности, кроме того, разрешалось варить легкое пиво для личного потребления. Арендный договор распространялся после смерти отца на его сыновей и составлялся на срок от 10 до 50 лет, что в значительной степени гарантировало стабильность. Чиншевики, со своей стороны, должны были старательно обрабатывать землю, вести строительство согласно определенному порядку. Они не имели права изготовлять и продавать алкоголь, а также рубить деревья в барских лесах, кроме разрешенных мест. Они должны были создавать запасы зерна на случай неурожая или реквизиции. Арендатор не имел права требовать большего, чем было предусмотрено договором, должен был согласиться на посредничество помещика в рассмотрении конфликтов с соседями, а в последней инстанции — с решением земского суда. В случае выявленных нарушений аренда могла быть прервана.

Из протоколов обсуждения проекта членами Комитета видно, насколько сдержанно подходили к нему русские и насколько пытались настоять на своем поляки, которых время от времени поддерживал Новосильцов. В частности, он соглашался с необходимостью освободить шляхту от военной службы, за исключением неуточненных крайних случаев, определенных правительством, тогда как его коллеги Лопухин и Румянцев занимали значительно более критическую позицию. Первый вообще неблагоприятно отнесся к приостановке проверки и выступал за предоставление двух-трех лет для ее окончательного завершения: «Дело сие без сомнения продлится на весьма долгое время и представления от сих людей притязаний на дворянство никогда не прекратятся». Румянцев же был принципиально против и сформулировал общие представления о природе русской знати в целом. Он высказывался против этого проекта, поскольку считал, что:

1. Дворянское состояние и так достаточно многочисленно в России, а после принятия этого решения оно увеличится еще на несколько десятков тысяч (что явно выходило за пределы представлений об этом слое в России).

2. Проект создал бы дополнительные трудности в плане должного обеспечения шляхты государственной службой, на которую и так сложно сейчас устроиться, на что часто жаловалось русское дворянство.

3. В конечном итоге, зачем изменять статус этой группы? «Не может быть неудобства оставить ее в оном еще по крайней мере до тех пор пока будут изысканы благонадежнейшие средства сделать ее полезной обществу». Далее, возвращаясь к давней мечте, которую никак не удавалось осуществить, Румянцев пишет о решении вопроса о шляхте с «водворением ее в незаселенных местах или иначе, на что и надлежит предварительно обратить особенное внимание»⁹².

В ответ князь Чарторыйский и граф Новосильцов, тогда еще близкие друзья, выдвинули несколько шаткие, хотя с виду и убедительные аргументы. Тезис об избыточном количестве дворянства был для них неприемлем: «Сословие сие не преумножится новыми дворянами но только дворянами покойной Государыней Императрицей и покойным Императором дворянами признанными и таковыми от всех признаваемыми. Для прекращения всех существующих недоумений подтверждено будет сие их преимущество, коего лишить их ни с которой стороны не могло бы быть угодно».

Князь Чарторыйский мог вести себя столь решительно, поскольку знал, что мир с французами, т.е. и с поляками из Княжества Варшавского, вынуждал к определенным шагам в интересах поляков в России, чьи взоры, полные зависти, были обращены в сторону Варшавы. Звезда же Сперанского тогда только взошла и озарила небосклон. Петербургские салоны были очарованы новым послом Наполеона маркизом А.-Л. де Коленкуром и забыли грубость Р. Савари. Поговаривали о совместной франко-русской кампании против англичан в Индии. Все это очень не нравилось защитникам погруженной в себя и обособленной России, в частности военному министру Аракчееву, которого Александр держал для противовеса франкофилам и космополитам, однако теперь царь не мог себе позволить вызывать недовольство поляков. В ожидании дополнительной оценки проекта Государственным советом (21 января 1808 г. проект был передан тайному советнику И.А. Вейдемейеру), Сенат заслушал указ царя от 6 марта, в котором признавалось отсутствие возможности получения необходимых доказательств от шляхтичей «польских губерний», а также продлевался срок «до дальнейшего впредь распоряжения»⁹³. Чарторыйскому удалось добиться значительного успеха, но меньшего, чем он ожидал.

12 марта 1808 г. М.И. Комбурлей, волынский гражданский губернатор (в период с июня 1806 г. по конец 1815 г.), еще до получения нового указа выслал новому министру внутренних дел А.Б. Куракину план антинаполеоновских мер, в котором пытался совместить позицию Аракчеева с польскими тенденциями. Поскольку в его губернии насчитывалось более 30 тыс. польской чиншевой шляхты мужского пола (вновь данные 1800 г.; он подает ее категории по-польски: околичная, служилая и чиншевая), то лучшим решением этой проблемы, по его мнению, было бы формирование из нее полков по образу казацких — подобная милитаризация (в духе прежних планов Зубова) не могла не понравиться военному министру, склонному, как мы видели, к контролю за всеми «нестабильными» слоями. Впрочем, он писал, что «для возбуждения охоты к службе считаем нужным полкам сим дать какие либо польские названия как то: Польская гвардия, Народная кавалерия, шляхетский Легион, и проч.». Заинтересовавшись этой идеей, император предложил 20 апреля 1808 г. обсудить ее в Комитете и приобщить к проекту; а Аракчееву царь разрешил немедленно приступить, в очередной раз, к переписи всех мужчин в возрасте от 17 до 35 лет, которые принадлежали к шляхте во всех присоединенных губерниях. Указ был передан Куракину 8 июля 1808 г. с указанием, чтобы его исполнение было возложено на сельскую и городскую полицию, а в целях обеспечения мобилизации и последующей выучки полков попавшие под перепись шляхтичи не должны были менять местожительство.

Противоречие было налицо. Куракин ответил через 2-й департамент Сената, что не только окончательное решение о статусе шляхты до сих пор не принято в Государственном совете, который продолжает рассмотрение доклада прежнего Комитета по благоустройству евреев, но и указом Сената от 9 марта 1808 г. не определен окончательный срок, что вроде бы дает основания к тому, что вся польская шляхта будет признана⁹⁴. Военному министру ничего не оставалось, как немедленно обратиться в Государственный совет с целью противопоставления своей позиции взглядам министров, входившим в упомянутый Комитет. Его позиция была нами уже представлена ранее в связи с обсуждением проектов переселения. Видно, с каким упорством генерал противоборствовал господствующей в это время либеральной атмосфере. Желая, чтобы его выступление в Государственном совете выглядело более убедительным, он привел с собой своего приятеля, генерала М.М. Филозофова, прежнего главнокомандующего войсками в Белоруссии при Павле I, и представил его в качестве эксперта. В дневнике заседаний Совета сохранились выступления обоих⁹⁵.

Филозофов напомнил, что еще при Павле I муфтий вручил ему в Минске петицию от татар, просивших сформировать из них отдельный полк, как это было раньше при польских королях. Павел I такое разреши-

ние дал. Однако оказалось, что их недостаточно, и полк попробовали дополнить из обнищавшей польской шляхты⁹⁶. Поскольку последних отнесли к чиншевой шляхте, а 19 марта 1800 г. царь признал их шляхетское происхождение, то возможность вступить в армию даже в качестве унтер-офицера, а не простого солдата уже никого не привлекала. Как и Аракчеев, генерал не жалел слов, переживая из-за деградации этой группы, которая, «равно как и Татары [поставлена] в рабское служителей и крестьянское положение», что претит их происхождению. Генерал якобы из лучших чувств и исключительно ради их же блага предлагал привлечь чиншевиков в армию, «чтоб им было постоянное приличное состояние и утверждено, открыт и ознаменован был путь в поприще соучастия и службы настоящему их отечеству». Он, естественно, поддержал Аракчеева, советуя поселить чиншевиков, как и татар, на пустынных землях, несомненно согласовав это с губернаторами территорий, пригодных для заселения. «Сим образом, — подчеркивал он, — многочисленное дворянство более поощрится к службе, присовокупится к России, более утвердится и будет большой опорой в благонадежности [обманчивые надежды. — Д.Б.] при случаях буде бы какие мятежи в Польском крае предстать могли, да и ей самой вся польза и полезность к тому отнята будет».

Подобная резкая критика со стороны военных не была уместной за полтора месяца до идилической встречи в Эрфурте, где Александр и Наполеон в чрезвычайно трогательных выражениях будут заверять друг друга в дружественных чувствах, однако вскоре тон данной критики вновь станет актуален. Философов не понимал сельских традиций чиншевиков и считал, что люди, которые называют себя шляхтичами, стремятся, подобно русским дворянам, к военной службе. Завершая свою речь, он выразил надежду, что большая часть шляхты добровольно заявит о своем желании вступить в армию. Следовательно, можно было бы с легкостью сформировать 10 полков легкой кавалерии. Об их польских названиях Философов не обмолвился уже ни словом. Зато добавил, что если бы не хватило добровольцев, то в войско следует взять каждого двадцатого.

Министр юстиции П.В. Лопухин и государственный казначей Ф.А. Голубцов не скрывали, что разделяют эти взгляды. Однако Государственный совет не осмелился открыто одобрить ни предложений Аракчеева о проведении депортаций, ни столь желаемой Комбурлеем или Философовым мобилизации. В конечном итоге Совет пришел к выводу, что, хотя несомненно военная служба была бы полезной, однако разные образы жизни, местные условия, численный состав такой группы и т.п. склоняют к тому, чтобы обратиться за подобными проектами к губернаторам, а главное — не проводить перепись, поскольку она «произвела бы разные толки, беспокойство и тревогу», что в данный момент совсем нежелательно.

Уже на следующий день, 28 июля 1808 г., Вейдемейер на всякий случай поинтересовался у Голубцова о количестве и местоположении пусто-порожных земель в «польских губерниях», но поскольку ответа не получил, дело, которое началось в 1807 г., было передано 11 января 1809 г. становившемуся все более влиятельным М.М. Сперанскому, чтобы император сам принял решение по этому затруднительному вопросу⁹⁷.

Намерение административно решить проблему социального статуса безземельной шляхты было заблокировано «до дальнейшего впредь распоряжения», как оказалось, до 1815 г., поскольку любые вопросы, связанные с чем-либо польским, неминуемо могли повлиять на исход торга относительно будущей судьбы Польши, который в это время вели Наполеон и Александр.

Александр I, деля вид, что оказывает помощь своему союзнику Наполеону, направил войска в Галицию, сразу после того, как Австрия в конце марта 1809 г. перешла границу Княжества Варшавского. Однако затем удачное наступление на австрийцев армии Княжества под командованием князя Юзефа Понятовского, а в особенности вызванное им польское восстание в Галиции напугали царя (и небезосновательно), он опасался распространения революционных тенденций на «польские губернии» Правобережной Украины. Именно этим можно объяснить выжидательную позицию российских властей при решении одного из немногочисленных дел о чиншевой шляхте, которое в тот момент находилось на рассмотрении.

Дело касалось 30 подольских семей, проживавших в очередном конфискованном в результате разделов имении, принадлежавшем некоему Хмельницкому и переданном семье графа Безбородко. Как это часто бывало, новые владельцы отнесли к чиншевикам как к крепостным. Принять решение по этому вопросу было столь же сложно, как и в предыдущих случаях. Поэтому дело передавалось из низшей инстанции в вышестоящую, пока не прошло все ступени власти в Подольской губернии и не было передано в 3-й департамент Сената, а затем — на его общее заседание, откуда генерал-рекветмейстером оно было отослано в Министерство внутренних дел, которое, в свою очередь, направило его в Государственный совет, возложивший решение этого вопроса на Сперанского⁹⁸.

Шляхтичи села Черниловка, защищаясь от деклассирования, представили привилегию от 1558 г., дарованную их предкам И. Галузину (обратим внимание на русскую форму фамилии) и Люциану Черниловскому (фамилия от названия данного села) и их детям, однако в настоящем документе не было четко сказано, что село предоставляется в наследственное владение, в результате чего и возник спор между шляхтой и братом генерала Екатерины II, наследником пожалованного царицей имения.

Управляющий имением, который должен был вести судебный процесс, сообщал, что местные шляхтичи «делают разные беспокойства насильственными своими поступками, а потому и просил о выводе их оттуда в другие жилища». Приняв эти доводы во внимание, земский суд (который, как во времена Речи Посполитой, продолжал оставаться шляхетским и польским) объявил им о готовящемся переезде, однако, «несмотря на неоднократные подтверждения», сообщалось, что они «не хотят никуда переходить по одному только упрямству». Суд уточнял, что «вся оседлость их заключается в одних только их избах, в коих они живут и имеют малое количество хлеба и скота».

Подольский гражданский губернатор в 1801—1808 гг. В.И. Чевкин, ввиду нехватки у этих семей средств для проживания, обдумывал возможность их переселения на свободные казенные земли в своей губернии, но таковых не нашел. Затем он пришел к выводу, что исполнение судебного решения приведет эти семьи к полному обнищанию, и им не останется ничего другого, как просить милостыню или искать прибежища за рубежом — отсюда было совсем недалеко до границ Княжества Варшавского. Поэтому Чевкин обратился к министру Куракину с просьбой оставить на месте как тех, кто уже приговорен к депортации, так и тех, кто может оказаться в такой ситуации в будущем. Министр внутренних дел, помня о том, что работы над указом о статусе чиншевиков ведутся, решил, что их действительно можно оставить на месте, однако, чтобы и владелец «не совсем остался без выгод», чиншевики должны платить ему чинш деньгами или зерном согласно договору и под контролем государства. Как видим, новые российские владельцы подаренных имений переняли все существовавшие у своих польских предшественников феодальные традиции, что нашло отражение даже в сфере языка: выражение *по ленному праву* соответствует польскому *prawem lennym*. Губернатор добавлял, что после этого их следует убедить в дальнейшем ограничить свои требования: «они должны отдалиться от чинимых ими поступков, наводящих беспокойства в имении помещика». Царь данное решение одобрил, а губернатор должен был воплотить его в жизнь.

Примечательно, что Государственный совет, которому был передан указ для принятия во внимание при выработке общего подхода к чиншевой шляхте, не сделал на его основании никаких выводов. Он ограничился лишь внесением 27 июля 1808 г. записи в журнал о том, что дискуссия по этому вопросу уже проводилась полтора года тому назад и что ведется работа над общим регламентом. «С приведением положения сего, — подытоживали Н. Румянцев, А. Строганов, П. Лопухин и др. (Чарторыйский был в Варшаве, а Чацкий на Воляни), — в надлежащее действие — и Чер-

ниловские шляхтичи получают приличное состоянию их образование и устройство».

Подобные намерения быстро реализоваться никак не могли. Весной 1810 г. Чарторыйский был увлечен в значительной степени более важными и далеко идущими планами, касавшимися присоединения захваченных Россией земель к Княжеству Варшавскому, разработки конституции, а также создания Царства Польского под российским скипетром. В марте 1811 г. пять русских дивизий, стянутых из Придунайских княжеств, объявились в Волынской и Подольской губерниях, вызвав беспокойство у французов. Сперанский, возложивший на себя титанический труд модернизации российского общества, был занят решением неотложных проблем, в том числе вел борьбу с лагерем консерваторов. Аракчеев демонстративно подал в отставку, тем самым дав понять, что не согласен с существовавшей «профранцузской» ориентацией. Н.М. Карамзин 11 марта 1811 г. передал царю через великую княгиню Екатерину Павловну свою знаменитую «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Подходил к концу период мечтаний о реформах, и близился закат блистательной карьеры Сперанского. «Самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья», — писал Карамзин.

Старый Державин, в 1812 г. работая над мемуарами, задыхался от ненависти к преемникам, особенно к Сперанскому. Своего преемника в Министерстве юстиции П. Лопухина, а также В. Зубова (членов Комитета по делам шляхты) он обвинил в саботаже проекта — его проекта, — потому что, мол, они сами владеют подаренными именьями, где села и местечки населены «разного рода шляхтою и жидами», истинные же сыны отчизны, по его мнению, хорошо понимали, как Сперанский «урегулировал» еврейский и шляхетский вопросы. Иуда продал Христа за 30 серебряников, а за сколько же они продали Россию? Державин обвинял Сперанского даже в продажности евреям⁹⁹.

Опираясь на такого рода аргументы, враги реформатора восприняли его падение как первую победу над «французским духом». Интересно отметить, что тенденция представления вместе шляхты и евреев как определенной темной силы, действующей во вред России, проявилась и в указе от 17 августа 1810 г., который передавал обе эти группы в ведение Министерства внутренних дел¹⁰⁰. В 1811 г. состоялась новая перепись населения, которая показала, что на Киевщине — единственная губерния, где процесс деклассирования горячо поддерживался, — оказалось значительно больше шляхты «голоты», чем по данным дополнительного списка 1803 г. Проявление излишнего усердия было вызвано желанием увеличить податное население, к чему дополнительным толчком послужило вмешательство

губернского правления, которое обязало дворянские комиссии, на которые был возложен учет, составить два списка: один с указанием тех, кто попал в перепись 1795 г., а второй с указанием новых лиц, обнаруженных после этой даты; полиция хотела знать, откуда эти лица прибыли и как здесь очутились. Когда солдаты и подозреваемые в шпионаже лица переходили из одной части прежней Польши в другую, выглядело полностью обоснованным вмешательство царских властей в дела польских предводителей дворянства, номинально пользовавшихся неприкосновенностью. Однако полиция хотела сразу убить двух зайцев: она обвиняла шляхту в сокрытии данных и сама же подавала фальшивые цифры.

В 1811 г. в Киевской губернии насчитывалось всего лишь 36 520 шляхтичей мужского пола, охваченных переписью 1795 г. В список «обнаруженных впоследствии» было внесено 4524 чиншевика и 7883 служилой шляхты, с разным местом пребывания, т.е. в целом 12 407 душ мужского пола, именовавших себя шляхтичами. Второй список был подан в полицию в 1812 г., однако, судя по докладу гражданского губернатора за 1815 г., мобилизованные на войну сотрудники смогли заняться им лишь в 1814 г.¹⁰¹ На протяжении двух лет в архивных материалах отсутствуют сведения по интересующему нас вопросу. Лишь с датой 15 ноября 1812 г. находим просьбу А.Н. Оленина в 1-й департамент Сената и в Государственный совет о том, чтобы лиц, не получивших подтверждения благородного происхождения (ранее летом 1795 г. отнесенных к податной категории), заставить платить налоги, а также набирать среди них рекрутов. Солдат действительно совершенно не хватало¹⁰², однако в ноябре 1812 г. было достаточно и других забот: после взятия Наполеоном Москвы русская армия готовилась к контрнаступлению. Исследователями остро ощущается нехватка информации о позиции мелкой шляхты на Украине во время русской кампании Наполеона. Скорее всего, профранцузские настроения здесь не были столь сильны, как в Литве. В регионе находилось 46 тыс. солдат 3-й Резервной Обсервационной (затем — 3-й Западной) армии генерала А.П. Торماسова, которая преимущественно была расквартирована в Луцке. М.И. Кутузов опять был в милости и прославился благодаря блестяще проведенному Тарутинскому маневру. И Аракчеев также вновь пользовался симпатией со стороны Александра I. Едва в 1813 г. Великая армия была изгнана за пределы империи, как полиция вновь принялась за дело по проверке имевшихся в ее распоряжении списков за 1811—1812 гг. в Киевской губернии.

Александр I, несмотря на то что какое-то время был вне общества Чарторыйского, в Париж отправился все-таки вместе с ним, а потому верхушка польской шляхты не теряла надежд, что князю посчастливится реализовать свои идеи 1810 г. об объединении «польских губерний» с Кня-

жеством Варшавским. Из письма 24 марта 1815 г. графа П. Потоцкого, предводителя дворянства Киевской губернии, к министру полиции С.К. Вязмитинову (Потоцкий еще не знал, что четырьмя днями ранее Наполеон вновь оказался в Париже) видно, насколько живым оставалось представление о польской шляхетской солидарности и насколько крупная шляхта осознавала необходимость ее сохранения. Потоцкий не побоялся открыто заклеить царскую полицию за ее отношение к чиншевикам, в особенности же Киевское губернское правление, которое заставляло шляхтичей-чиншевиков приезжать специально в Киев, чтобы лично подать необходимые бумаги для доказательства своего происхождения. Он категорически настаивал на том, что проведение проверки титулов является исключительной прерогативой местного благородного собрания согласно Жалованной грамоте 1785 г. Чиншевики жаловались ему, что полиция самовольно утверждала, что представленных ими доказательств недостаточно. В этом письме дается понять, что полицейские проверки были определенной формой давления и проводились под предлогом сверки результатов переписи 1811 г. для выявления попрошаек, бродяг и дезертиров, которые якобы скрывались среди шляхты. Полиция обвиняла в мягкосердечности земские и городские суды. Предводитель дворянства соответственно протестовал против намерений царской полиции вмешиваться в жизнь этих людей и просил: «...не тревожить и беспокоить бедную чиншевую шляхту жительствующую в поместьях владельческих и старостинских имениях, не принуждать ее к представлению доказательств о дворянстве в губернское правление, до которого рассмотрения, как я выше сего объяснил, сие не относится [...], не принуждать их с немалыми издержками сопряженными с поездками [...], ибо сие было бы вопреки именному высочайшему в 6 день марта 1808 г. состоявшему[ся] указу». Подобное напоминание могло быть несколько неосторожным. Сам факт отсутствия окончательного срока завершения проверок не помешал вновь привести в движение административную машину. Возможно, на это повлиял и заключительный вопрос, заданный Потоцким в несколько высокомерной манере, почему, если были новые указы, ему о них неизвестно?

Видимо, чтобы окончательно разозлить царских сановников, Потоцкий приложил еще и копию письма более дерзкого содержания, направленного накануне в киевскую полицию, где приводилось значительно больше деталей. Вновь шла речь о деле шляхты из местечка Корсунь в имении князя Лопухина, которая бунтовала еще в 1804 г. В частности, двое чиншевиков жаловались на то, что они были вызваны в Киев, из-за чего были вынуждены надолго оставить свои хозяйства, потратить значительные суммы денег, а местному суду, предварительно признавшему их документы достоверными, был сделан выговор. Другие жители Корсуни были

поставлены перед выбором либо идти служить, либо готовиться к переселению, тогда как их статус такого отношения к ним не допускал. Потоцкий указывал на неуместное рвение местного городничего Оробоева в этом деле и спрашивал, на каком основании он смел нарушить существующие принципы сословной организации и шляхетские традиции¹⁰³.

Это дело привело в волнение министерства, киевского гражданского губернатора и киевскую полицию. 11 апреля 1815 г. прокурор обратился непосредственно к новому министру юстиции Д.П. Трошинскому с отчетом, в котором выразил возмущение по поводу шляхтичей-пришельцев из северо-западных провинций, которые хотели записаться как шляхта Киевской губернии, чтобы избежать уплаты налогов и службы в армии. Три дня спустя еще большее возмущение вызвало письмо губернатора в Сенат, переданное 10 мая также Трошинскому. Губернатор писал: «...между здешним народом найдено людей польской нации под именем чиншевой и околичной шляхты», — он их представлял как своевольную группу мошенников. Далее тон письма становится еще более враждебным: без документов, не принадлежат к известным сословиям, не платят налогов, не дают рекрутов, и все это было представлено губернатором как явление из ряда вон выходящее. Видимо, из столицы не последовало немедленного ответа, поскольку 17 мая губернатор просил о разрешении и предоставлении средств для проведения проверки этих странных пришельцев, появление которых стало следствием происходящих перемен. Поскольку 18 февраля Сенат поручил ему переписать юношей призывного возраста, созданные с этой целью уездные комиссии посчитали нужным фиксировать случаи, когда «из разных мест неизвестного состояния люди, кои уклоняются от платежа государственных податей проживают под видом чиншевой шляхты». Наметившиеся тенденции начинали приобретать устойчивый характер. Поэтому губернатор попросил упомянутые комиссии проверить подозреваемых и разобраться с ними до конца года¹⁰⁴.

Министр полиции Вязмитинов, со своей стороны, просил киевского губернатора дать объяснение в связи с жалобой предводителя дворянства. Губернатор, пересказав всю историю от момента «выявления» в 1795 г. 40 057 «лиц [мужчин] польской нации» (данные в очередной раз изменены), которых называют чиншевой или околичной шляхтой (вновь та же путаница), подает подробные сведения о ее непостижимом появлении среди истинных, хоть и обедневших шляхтичей, которые жили, платили оброк или выполняли какие-то повинности в отношении помещиков, — эти люди затесались сюда из «простых классов», а далее следовало вновь перечисление того, от чего они уклонялись, по мнению губернатора. Он причислил к ним 43 беглеца из Литвы, о которых 10 мая 1809 г. уже сообщал минский губернатор, «вольных людей» без надела земли, «слуг [оче-

видно, украинцев. — Д.Б.], которые выучили польский», беженцев из Галиции и Княжества и даже русских дезертиров, сменивших фамилии. Ситуация еще более усложнилась после проведения упомянутой выше «проверки» результатов переписи 1811 г.¹⁰⁵

Министр полиции не хотел, чтобы «скандал» разгорался и 22 июля 1815 г. ограничился коротким ответом, что полицейскими комиссиями «не было допущено каких-либо притеснений или злоупотреблений» относительно этих людей. Он хорошо понимал, что порядок в деревне в значительной мере зависит от шляхетской полиции, поэтому стремился избежать провокаций¹⁰⁶. Зато министр финансов Д.А. Гурьев воспользовался случаем, чтобы напомнить, что вопрос о статусе чиншевиков остается нерешенным после провозглашения императорского указа от 6 марта 1808 г., отложившего «до дальнейшего впредь распоряжения» окончательный срок представления неопровержимых доказательств происхождения.

Представленные в раздутой форме налоговые потери вновь привели к большому скандалу. Гурьев воспользовался аргументом, к которому часто прибегали еще до 1808 г., о ненормальности исключительного положения, в котором оказались «польские губернии», где лица, которые должны доказать свое происхождение, оставлены в покое, тогда как в других частях империи они автоматически были бы отнесены к податному сословию и восстановлены в правах лишь после представления достоверных доказательств своего происхождения. Тем временем, эти лица, как подчеркивал министр, который не входил в детали, составляли в западной части империи свыше 200 тыс. душ мужского пола. К тому же среди них объявился подозрительный элемент, о котором писал киевский губернатор; министр с растущим раздражением перешел к перечислению приводимых губернатором примеров, добавляя, что 12 407 подозрительных лиц, появившихся после 1795 г., было установлено лишь благодаря стараниям ревизоров Киевской губернии. Эти якобы новые шляхтичи, по словам Гурьева, который к этому времени уже говорил повышенным тоном, абсолютно не способны объяснить, кто они такие и откуда происходят, у них нет никаких документов. И очевидно не зная историю, министр добавлял, что они не могут происходить с Украины, потому что разговаривают по-польски, а там, как всем известно, крестьяне разговаривают на малороссийском наречии. Кроме того, завершил он, они католики, следовательно, должны были откуда-то туда приехать¹⁰⁷.

В подобной послевоенной истерии — впоследствии лишь Сталин отличится большей подозрительностью ко всем, кто вернется с войны, — возобновилась охота на фальшивых шляхтичей. Приводимые выше аргументы, которые скорее напоминали рассуждения блаженных, легли в основу указа от 20 января 1816 г., в котором слово в слово повторялось мне-

ние Гурьева, воспользовавшегося подсказкой киевского губернатора. Этот указ устанавливал «разбор» подозрительных лиц, обнаруженных в 1814 г. после пересмотра переписи 1811 г.¹⁰⁸

Сенат предложил комиссиям, которые уточняли ревизские сказки (списки обложенных налогом), т.е. местным дворянским собраниям, провести данный «разбор» и выслать доклады в полицию и казенные палаты, чтобы затем передать их в Министерство финансов. Использование в указе формулировки «старая шляхта» свидетельствует о смехотворно низком уровне знаний новых кадров, появившихся в результате смены практически всех министерских постов. По их мнению, понятие «старая шляхта» включало в себя группу лиц, подтвердивших свое происхождение в 1795 г., которых следовало отличить от «новой», *a priori* подозрительной. Естественно, это не означало, что «старая» шляхта была надежней «новой». Однако данная ревизия свидетельствовала об осознании необходимости проведения в присоединенных губерниях учета всех, о ком забыли¹⁰⁹.

ПОДГОТОВКА ДЕКЛАССИРОВАНИЯ ЕЩЕ ДО НАЧАЛА ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ

Хотя Александр I, отныне конституционный монарх Царства Польского, проявлял благосклонное отношение к полякам: дважды в 1816 и 1817 гг. бывал в Варшаве, отправляясь туда через Киев; произнес в 1818 г. знаменитую речь на французском языке в Польском сейме, в которой повторил свои обещания о присоединении к Царству Польскому литовско-русских земель, до самой смерти он так и не сделал окончательного выбора: придерживаться ли либеральных позиций или пойти по пути удовлетворения требованиям великороссийского самодержавного лагеря. Определенной уступкой консерваторам в 1816 г. стало выделение царем 60 тыс. рублей на издание первых восьми томов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Зато в 1819 г. он попросил Новосильцова организовать перевод с латыни текста унии между Королевством Польским и ВКЛ, тем самым, возможно, дав волю своим либеральным настроениям. Это вызвало незамедлительную реакцию того же Карамзина, выразившего свое отношение к решению польского вопроса в «Мнении русского гражданина». В эпоху Александра I не терял своего влияния и А.А. Аракчеев, которого обуревали безумные планы по созданию военных колоний с целью обеспечения тщательного контроля над русским крестьянством, что имело отголосок и в «польских губерниях» — в Белоруссии подобные колонии были созданы уже в 1810 г. В свою очередь, великий князь Константин, брат императора, внес значительный вклад в милитаризацию в павловском духе жизни как в Царстве Польском, так и в «польских губерниях».

Что же касается неопределенного статуса большей части шляхты, то он никаких особых изменений не претерпел. Вплоть до 1825 г. российские чиновники пытались добиться выполнения указа 1816 г. В свою очередь, первые годы царствования Николая I характеризовались новой волной организационной активности. Несмотря на то что шляхта не проявляла малейших признаков бунта или неудовлетворенности, царская администрация начала подготовку к новой процедуре ее чистки, которая будет произведена еще до Ноябрьского восстания.

Через год после публикации указа о новом «разборе», в конце февраля 1817 г. гражданские власти Волынской и Подольской губерний донесли Сенату о достаточно вялом ходе этой акции и заверили, что следят за ее проведением и постараются ее ускорить. Однако требование, выраженное в приложении к указу от 12 февраля 1816 г. о необходимости завершения проверки до 15 августа, так и повисло в воздухе. Как полиция, так и губернаторы, чья активность зависела от доброй воли предводителей дворянства, вслед за ними все как один твердили, что средств не хватает, и извинялись за молчание с момента выхода указа. На основании переписки можно утверждать, что выявление вероятных бродяг и дезертиров, о которых шла речь в указе от 20 января 1816 г., переплеталось с общей проверкой чиншевой шляхты. Указ был правильно воспринят как возвращение к осуществлению угрожавшей существованию шляхты политики, приостановленной в 1808 г. Однако теперь уже нельзя было рассчитывать на влияние А.Е. Чарторыйского. В Подольской и Волынской губерниях полиция, состоявшая еще из поляков, утверждала, что нет возможности выявления всех мелких шляхтичей, пашущих, сеющих, молотящих и т.п., а также проведения очередного сравнения списков переписи 1795 г. с данными 1811 г. Каждым губернским правлением подчеркивалась инертность уездных дворянских собраний, подозреваемых в попустительстве, которые были далеки от того, чтобы реагировать на все возраставшие требования Министерства финансов, и, невзирая на напоминания, лукавили, делая вид, что не понимают, чего от них ожидают¹¹⁰.

В письмах Д.А. Гурьева от 16 апреля 1817 г. гражданским губернаторам и их подчиненным выражалось нетерпеливое требование о скорейшем завершении «проверки чиншевой шляхты». Министр прибегнул к обобщающей формулировке. Он не видел сложности в том, чтобы взять данные переписи 1795 г. и через комиссии, на которых была возложена перепись 1811 г., с легкостью установить списки тех, кто там отсутствует. Лиц, доказавших свое благородное происхождение, следовало оставить в покое, а остальных отнести к сельскому или городскому сословию. В этом, по мнению министра, не было ничего сложного, поскольку результаты переписи 1811 г. были давно известны. Что это — проявление мнимой наивнос-

ти или коварная ирония, а может быть, благое пожелание? В любом случае, это был очередной бюрократический нонсенс¹¹¹. Сенат, в который Гурьев обратился с просьбой потребовать от гражданских губернаторов списки, ознакомившись с докладом коллежского советника Станислава Павловского, подольского губернатора в 1815—1822 гг. (вероятно, поляка), констатировал, что дела не подвигаются, и его начало лихорадить. Павловский подал данные о количестве новой шляхты, объявившейся в 1811 г. (от 150 до 1000 лиц в зависимости от уезда), однако этот документ при ближайшем рассмотрении не произвел впечатления составленного надлежащим образом. Павловский обратился с просьбой об отсрочке для установления истинного происхождения этих людей, после чего каждый из них должен был выбрать свой «род жизни», т.е. социальный статус¹¹². Поскольку в представленном через несколько дней (7 августа 1817 г.) объяснении подольской полиции по поводу существовавшей неразберихи давался уклончивый ответ, 23 августа 1817 г. министр финансов получил от Сената императорский указ, в котором выражалось подчеркнутое неудовольствие относительно возникшей ситуации¹¹³. Следовало покончить с этим как можно быстрее.

Гурьева никоим образом не удовлетворил доклад волынской полиции от 27 ноября 1817 г. о «завершении» подсчетов. Общее количество шляхтичей этой губернии, которое в 1800 г. достигало 38 448 мужчин, даже сократилось до 37 698. В 1800 г. в эти данные включалось 27 349 лиц чиншевой и околичной шляхты, поскольку ошибочно считалось, что эти две категории идентичны. Зато в 1817 г. было установлено, что 5817 лиц принадлежат к околичной шляхте, т.е. являются владельцами земельного надела без крепостных, в результате чего количество чиншевой шляхты уменьшилось до 23 368. Тогда где же искать всех «новых», включая мифических дезертиров, нищих и бродяг, которых чиновникам так хотелось изловить? О служилой шляхте уже и не вспоминалось, видимо, об этом расследовании позабыли¹¹⁴.

Возможно, что запущенность в делах была спровоцирована Житомирским дворянским собранием, в котором главенствовал граф Филипп Плятер, человек «сарматского» склада, видевший себя в качестве духовного наследника и продолжателя дела Тадеуша Чацкого (скончавшегося в 1813 г.), который склонял богатую землевладельческую шляхту к яркой манифестации своих стремлений к независимости. Вполне вероятно, что именно бойкотирование распоряжений Петербурга побудило правительство впервые вмешаться в жизнь дворянского собрания и впервые отменить принятое им решение. 24 мая 1818 г. Сенат приказал Волынскому дворянскому собранию изъять из своих книг «всех признанных в дворянстве по одним свидетельствам частных лиц, ревизским сказкам и метрикам»¹¹⁵.

Эти драконовские меры, вероятно, не были применены, по крайней мере нами не было найдено тому подтверждения. Возможно, что Филипп Плятер (который как раз был назначен вице-губернатором) сумел этому помешать. Если бы все-таки дошло до их применения, это могло бы иметь серьезные последствия, подобные чисткам 30-х гг., а в особенности 1840 г. Некоторые историки, путая решение с его реализацией, — что случается не так уж и редко, — и в отношении этого периода указывают на раннее проведение массового деклассирования безземельной шляхты¹¹⁶. Действительно в это время можно заметить определенные шаги, свидетельствующие о выражении недовольствия волынской шляхтой. Ведение книг и записей актов дворянского собрания было переведено на русский язык, что говорит о том, что именно в этот конкретный момент шляхте дали понять предписываемое ей место, однако это ни в коей мере не уменьшило стремлений элиты к автономии. В следующей главе нам предстоит увидеть, что именно в этот период волынскими «гражданами» делаются крайне смелые обращения к царю по другим вопросам, касавшимся общественной жизни¹¹⁷.

В последний период царствования Александра I с каждым годом возрастало недовольство царских властей инертностью и противодействием польских дворянских собраний, что опосредствованно свидетельствует о том, что в своем большинстве землевладельческая шляхта пока не стремилась отмежеваться от своих обездоленных братьев. Несомненно, в данный период проявление польской солидарности носило новый патриотический аспект: связываемые с Наполеоном надежды ушли в небытие, чувство сословного единства начало превращаться в осознание национального единства. Впрочем, вскоре мы убедимся в том, что данный патриотизм имел определенные рамки. Это единство оставалось по сути своей явлением хрупким — дав трещину в 1791 г., оно так и не было до конца восстановлено.

Вопрос о бедной шляхте встал во всех «польских губерниях». Летом 1819 г. белорусский губернатор, — скорее всего, потому, что в числовом выражении в его регионе масштабы этой проблемы были меньшими (всего 13 777 шляхтичей-чиншевиков в Могилевской губернии), а также поскольку эксперименты по милитаризации этой группы шляхты Филозофова в 1787 г. и Аракчеева в 1810 г. определили направление проведения деклассирования, а именно действий без какого-либо зазрения совести, — внес предложение, перед которым после 1831 г. открывалось большое будущее. Суть предложения заключалась в том, чтобы шляхту, имевшую земельный надел (речь шла об околичной и зародовой шляхте), отнести к категории однодворцев, существовавшей в России с 1719 г., а тех, кто не имел «оседлости», т.е., как мы знаем, подпадал под катего-

рию лиц «без постоянного места жительства», следовало перевести на военные поселения, которые в это время множились как грибы после дождя. Однако этого не произошло¹¹⁸.

На Правобережной Украине киевская полиция продолжала воодушевленно трудиться. После проверки 1814 г., приведшей к очередному замешательству в связи с поисками «чужих» и «подозрительных» в списках 1811 г., она ожидала, что волынские и подольские коллеги последуют ее примеру. Полиция полагала, что можно продвинуться в решении поставленной задачи гораздо дальше, поскольку целые кипы дел все еще были не пересмотренными. Прокурор в обход губернатора выслал 5 октября 1819 г. новому министру юстиции князю Д.И. Лобанову-Ростовскому письмо с резкими обвинениями в адрес координатора акции чиновника Горошенского, на которого возложил вину за медлительное проведение проверки. 27 октября министр обратился к Сенату с горькими упреками относительно нерадивого исполнения указа от 20 января 1816 г., приводя его содержание, он призывал сенаторов «принять строжайшие принудительные меры к немедленному исполнению означенного указа»¹¹⁹.

Более того, министр заручился поддержкой самого императора, который 20 февраля 1820 г., в свою очередь, рекомендовал Сенату потребовать исполнения указа 1816 г. Данная рекомендация свидетельствует о том, что речь уже не шла о вопросе, по своему характеру второстепенном, связанном с розыском бродяг и шпионов. Суть указа 1816 г. хорошо отображена в его новом названии: «Указ о разборе чиншевой шляхты». Киевская полиция попала в собственные сети, поскольку теперь также должна была объяснять, почему к этому времени не завершила проверки статуса всей шляхетской «голоты» в своей губернии. Киевские чиновники долго и путано оправдывались, указывая на то, что им пришлось столкнуться с огромными трудностями при проведении надлежащей проверки, а также с пассивным сопротивлением польских дворянских собраний, убежденных в исключительности своих привилегий. Чиновники упоминали сомнительные случаи, которые они хотели лично проверить, говорилось также о сложностях при установлении происхождения чиншевиков, однако вновь давались заверения о необходимости ведения этой колоссальной работы. Они пришли к мысли, что надобно разворошить муравейник с опережением в двадцать лет. Но эту роль возьмет на себя Д.Г. Бибилов в 1840 г. Пока же, невзирая на трудности в решении шляхетского вопроса, в Петербурге так и не смогли понять, насколько оказалась унижена безземельная шляхта: их интересовало лишь сохранение принятых внешних признаков дворянского сословия, укрепление дворянского звания как такового. Иными словами, власти надеялись на урегулирование проблемы в будущем административным путем¹²⁰.

Взаимные обвинения множились. Сенат вновь 9 сентября 1820 г. выслал длинный выговор местной полиции, упрекая ее в инертности. В этом тексте, разосланном лишь 22 ноября, перечислялись все трудности, с которыми довелось столкнуться при организации работы дворянских комиссий, напоминая о наказаниях в виде штрафов, которые предполагалось налагать на чиновников, которых упрекали в небрежности при подготовке докладов, заключавшейся в случаях двойной, а иногда тройной регистрации, приведении данных, из которых нельзя было сделать никаких выводов, одним словом — это был взрыв гнева, обнаживший всю слабость и неразбериху, господствовавшие в царской администрации. А в заключении, как можно было ожидать, следовали угрозы в адрес членов губернского правления о начале против них дела, которое якобы будет передано в Министерство юстиции¹²¹.

В некоторых губерниях, например Виленской, хитрость и дерзость дворянских предводителей в демонстрации солидарности с убогими братьями приобретала формы невысказанные на Украине. Например, указом от 27 августа 1820 г. с сентября того же года давалось освобождение от проведения проверки благородного происхождения, благодаря чему Виленское дворянское собрание оставило безземельную шляхту в покое вплоть до 1827 г. Лишь тогда министр внутренних дел обратил внимание на ловкое истолкование данного указа, который всего лишь запрещал тем, кто не внесен в списки, принимать участие в выборах в дворянское собрание (к этой проблеме мы еще вернемся в следующей главе); в свою очередь, виленский предводитель дворянства сделал вид, что понял его как разрешение на полное прекращение проверок. Пришлось 31 декабря 1827 г. издать новый указ с целью разъяснить это недоразумение¹²².

Интересно, что именно киевская полиция, которая инициировала скандал в 1815 г., продолжала оставаться объектом упреков Петербурга вплоть до смерти Александра I, тогда как, судя по архивным материалам, волынская и подольская полиция, невзирая на абсолютную бездеятельность, не получила ни малейшего упрека. Ожесточенное отношение к Киеву можно объяснить крайним рвением местной полиции, которая оказалась единственной отвечавшей на обращения, хотя тем самым усугубила свое положение. Так, в письме, адресованном непосредственно министру юстиции от 25 мая 1821 г., киевский начальник полиции был вынужден признать, что предпринятые поиски никаких результатов не принесли. Его чувство вины по поводу того, что он не смог исполнить предписаний указа 1816 г. и найти таинственную и враждебную группу, являвшуюся продуктом его собственного бюрократического рвения, нарастает с каждой страницей письма, свидетельствуя о болезненной растерянности. Что могло быть еще более подозрительным для царского режима, чем аноним-

ность и отсутствие предписанной идентификации? Министр Лобанов-Ростовский, осознававший, что данной ему властью может внушить чувство страха, не колеблясь усилил в чиновнике комплекс вины. Через месяц, 29 июня 1821 г., он попросил Сенат сделать выговор этому несчастному полицмейстеру, а также предпринять шаги по наказанию нерадивых лиц в виду «важности сего дела заключающего в себе казенный интерес» (заставить платить налоги для него значило намного больше, чем охота за привидениями)¹²³.

В том же 1821 г. еще трижды производился обмен подобного рода письмами, от уровня бюрократизма которого голова может пойти кругом, но, к счастью для шляхты, за исключением крайне редких случаев, ей об этом ничего не было известно. 21 июля Сенатом был выслан по просьбе министра выговор с требованием предоставить дополнительные объяснения (что можно было еще выяснять?) и покончить со всем этим делом «в кратчайшие сроки», в заключение следовали угрозы общего характера. В ответ 13 августа Губернское правление сообщало, что в четырех уездах — Уманском, Радомысльском, Черкасском и Чигиринском — проверка завершена, а для ускорения работы привлечено еще три новых сотрудника. Через полгода после начала этого дела в журнале заседаний не слишком требовательного Сената с удовлетворением констатировалось, что в скором времени проверка будет окончена, о других же губерниях забыто¹²⁴.

Привлеченные к решению проблемы дополнительные ревизоры, видимо, сумели проявить особую бездеятельность, поскольку 22 апреля 1822 г. киевскому полицмейстеру пришлось признать, что охота за «чужаками» продолжается. 26 мая 1822 г. потерявший терпение Лобанов-Ростовский информировал Сенат о том, что уже в пятый раз предъявлял требование завершить «разбор» и задавался вопросом о том, когда же наконец будут предприняты действенные меры по обузданию этой обленившейся полиции. Оставалось одно — обратиться к наместнику Бога на земле, и об этом деле вновь было доложено Его Императорскому Величеству, который постановил, что Сенат в конечном итоге должен занять более суровую позицию. 11 августа 1822 г. Сенатом была подготовлена историческая справка по всему делу. Писцы заточили перья и, переписав на семи листах историю вопроса, разослали ее 18 августа, в конце документа была сделана приписка «найстрожайше и в последний раз», подчеркивавшая необходимость окончательно закрыть этот вопрос. Киевскому полицмейстеру пригрозили, что в случае, если приказ не будет выполнен, его отправят по этапу. Сенат задавался вопросом о том, почему, черт возьми, распоряжение с конца августа 1821 г. так и осталось мертвой буквой?¹²⁵

Проглотив горькую пилюлю, полиция 17 октября принялась объяснять, что ею выявлено множество ошибок, что недостает квалифицирован-

ных кадров и что кроме этой задачи у нее масса других дел, а также что она делает все возможное. Подготовленные документы вскоре сравнят с материалами 1795 г., а результаты незамедлительно перешлют¹²⁶.

Если читателю не близка вся глубина комичности данной переписки, что ж, тогда ему представился удобный случай задуматься над эффективностью работы царской администрации. Данный пример позволяет понять одну из основных причин сохранения на протяжении 30 лет после проведения разделов Речи Посполитой давнего образа жизни шляхты, а также осознать медленное течение времени, о котором в нашу эпоху скоростей напрочь забыто.

Чем же завершилось это дело? Поскольку 28 ноября 1822 г. Киевское губернское правление послало лишь отчет с сообщением о частичном представлении данных (их так и не прибавилось), император, поставленный об этом в известность, потребовал от Сената сурового наказания. 20 декабря 1822 г. было произведено 8 обширных листов, полных повторов и предостережений: охота на чужаков, дезертиров и бродяг продолжилась. Очередной указ, целью которого было запугать, издали 28 мая 1823 г.¹²⁷

Наконец, запуганная и затравленная, киевская полиция представила результаты своих «поисков». Правда, нельзя исключить, что все эти промедления, которые в конечном итоге высшей властью воспринимались как проявление наглости, были следствием взяток, полученных полицией от дворянского собрания, но проверить это невозможно. Всего в губернии было обнаружено 16 126 подозрительных лиц мужского пола. Разделив их по уездам, им приписали самые немислимые причины, по которым они подпали под подозрение. Герольдии же предлагалось провести проверку большинства из них, что было удобным способом умыть руки. В заключение сообщалось, что 624 лица было признано шляхтичами без каких-либо проблем; а 6988 лиц, благородное происхождение которых не было признано в 1795 г. и они были отнесены к податным сословиям (скорее всего, это люди из староства, о чьих протестах сразу после разделов мы уже писали), представили доказательства после указа 1816 г. Поскольку этих доказательств было недостаточно, они должны были и впредь платить подати. 1 476 лиц не подали каких-либо документов, среди них были возные (яюприказные в суде), судебные исполнители, землемеры, а также лица, проживавшие по праву коллокации (это выражение, видимо, вошло в русский язык той эпохи из польского языка и указывало на существование в селах, где проживала шляхта, традиции отдавать в аренду часть надела). 1832 человека вообще не откликнулись на вызов уездной дворянской комиссии. 2 076 мужчин были «неизвестного состояния люди под именем шляхты пребывающие в разных поветах». В отчет были внесены также

122 иностранца, 135 евреев, выдававших себя за шляхтичей, 13 незаконно-рожденных детей и несколько других странных групп.

При таком замешательстве полностью выполнить требование властей о проведении исключений и перегруппировки этих лиц было делом выполнимым. Естественно, Киевская казенная палата незамедлительно обратилась в Сенат с пожеланием, чтобы те, кого отнесли к податным сословиям, начали эти налоги платить; вполне вероятно, что 6988 лиц, которых польским дворянским комиссиям и русской полиции не удалось спасти, другого выхода уже не имели. Мелкая шляхта, проживавшая в давних староствах, деклассированная в 1795 г. и неоднократно бунтовавшая, которую рьяно защищал в 1815 г. предводитель дворянства П. Потоцкий, скорее всего, была отнесена к разряду государственных крестьян. В том, что касалось других, то их судьбу должно было определять и в дальнейшем... губернное правление: именно оно должно было решить, к какой категории их отнести, что гарантировало небыстрое решение. Впрочем, вскоре всякие упоминания о них исчезают из документов¹²⁸.

Однако около 7000 лиц мужского пола было отказано в признании благородного происхождения: это было первое решительное деклассирование, осуществленное царским правительством. Впрочем, огромное количество чиншевой шляхты, проживавшей в частных имениях Киевской губернии, и вся остальная шляхта из двух других губерний не стали объектом ни одной проверки. Время от времени рефреном повторялось, что во всех присоединенных губерниях шляхта насчитывает 218 тыс. лиц мужского пола. Однако правильнее согласиться с князем Н.Н. Хованским, белорусским генерал-губернатором (Витебской, Могилевской и Смоленской губерний), который в 1823 г. признал, что не имеет ни малейшего представления о точном количестве шляхты, поскольку достоверно неизвестно, сколько лиц даже не пыталось доказать благородность своего происхождения. Это сводит на нет все предпринятые попытки и усилия историков представить точные данные на основании свидетельств того времени¹²⁹.

Царствование Александра I завершалось в атмосфере непрекращавшейся враждебности, которая с каждым разом все дальше отодвигала былые проекты по интеграции шляхты и наделении ее землей, которые в 1808 г. под давлением Чарторыйского и Чацкого были одобрены Комитетом по благоустройству евреев. В последнем указе царя от 24 февраля 1825 г., адресованном Сенату по предложению Комитета министров, вновь видим странное объединение двух подозрительных групп — евреев и шляхты, которые постоянно не удавалось вписать в существовавшие рамки классификации общества. Натуральные повинности во имя общественного блага в каждой губернии, в частности гужевые перевозки и пешая барщина (без лошади), выполнялись по постановлению местных земских су-

дов (подтверждено указом от 28 февраля 1821 г.) исключительно крепостными или государственными крестьянами, а финансировались из взимаемых с них денежных взносов и сборов. Это были так называемые земские повинности. Указом 1825 г. фискальные обязательства были распространены на еврейские кагалы, шляхту и крестьян из церковных владений (католическая и униатская церкви владели большим количеством земель на Украине, чем православная церковь, которая хотя и имела статус «господствующего» исповедания, но была бедной). Данное решение, принятое на уровне императора и министерств, означало для шляхты начало конца привилегий, свойственных рыцарскому сословию. Это было неожиданным покушением на иллюзию, которой жил шляхетский мир, и более того, крайне заметным шагом на пути ассимиляции мелкой шляхты с крестьянством¹³⁰.

Примерно через год после восшествия на престол Николай I с охотой принялся и за это дело. 25 апреля 1824 г. Александр (скончался в ноябре 1825 г.) поручил ведение всех дел по шляхетскому вопросу в прежних польских губерниях единственному органу: 3-му отделению 5-го департамента Сената. Именно там был подготовлен именной императорский указ от 29 октября 1826 г. В нем говорилось, что со времени присоединения прежних польских губерний к России шляхта имела достаточно времени, чтобы собрать доказательства своего благородного происхождения и зарегистрироваться. Лицам, которые до этого времени не представили доказательства, в большом количестве заселявшим вышеуказанные губернии, «которые под предлогом мнимого дворянства ни в службу не вступают, ни податей в Казну не платят, ни в общественных повинностях не участвуют, но ведут род жизни низкого состояния, простолюдинам свойственный», было предоставлено еще два года для представления необходимых бумаг. Полиция и предводители дворянства должны были немедленно довести это до сведения шляхты. На гражданских губернаторов была возложена обязанность проследить за тем, чтобы все надлежащие документы были представлены в дворянские собрания. После завершения указанного срока лица, чье благородное происхождение не подтвердится, должны были быть отнесены к роду «вольных людей» и платить как общегосударственные, так и местные налоги, сохранив за собой право представить в будущем доказательства своего благородного происхождения. В указе заключалось, что таким образом они будут присоединены к категории, приносящей пользу государству. После окончания указанного срока лишь подтвердившая свое происхождение шляхта будет подлежать дворянскому суду¹³¹.

Необходимо обратить внимание на то, что текст данного указа содержит два новшества. Прежде всего в нем говорится об официальном характере проверки вообще всей шляхты, тогда как до сих пор всегда искали

каких-то совсем немногочисленных подозрительных людей, замеченных в 1814 г. Кроме того, в нем также впервые под подозрение попадали все *a priori*. С этого времени уничижительное определение «именующийся шляхтичем» будет звучать достаточно часто. С целью возможности немедленной идентификации подтвержденных шляхтичей Совет министров утвердил в том же году предложение подольского губернатора о введении специальных внутренних паспортов, где отмечались бы сведения о состоянии землевладения и ранге или чине его владельца. Рядом с категорией «владелец имения» или «конторщик» (административный или технический служащий крупного имения) в паспорте фигурировали данные о чине и внесении записи в дворянские книги. Возможно, подобные документы не успели полностью ввести¹³², однако все сильнее ощущалась потребность в отделении «истинной» шляхты от «фальшивой».

В середине 1827 г. уездные дворянские предводители Киевской губернии должны были подчиниться требованиям, в основу которых легли распоряжения 1814—1824 гг., и представить составленные в 1795 г. списки шляхтичей, т.е. сведения тридцатидвухлетней давности, разделив их согласно следующим категориям¹³³: 1) шляхта, чье происхождение подтверждено губернским собранием; 2) шляхта, которую просили представить дополнительные документы; 3) шляхта, чьи документы не были приняты Герольдией; 4) шляхта, чье происхождение не было подтверждено Герольдией; 5) шляхтичи, которых отнесли к податным сословиям.

Возможно, чтение этого огромного перечня побудило Государственный совет уже 28 февраля 1828 г., т.е. не ожидая завершения двухгодичного срока, определенного в конце октября 1826 г., выразить мнение по поводу важных злоупотреблений, «какие были открыты по предмету возведения в дворянское достоинство лиц, не имеющих на то права», злоупотреблений, которые, как подчеркивалось министрами, продолжали иметь место. Государственный совет предусматривал создание при Сенате специального комитета с целью проведения ревизии всех личных и семейных документов, а также выработки процедуры проверки благородного происхождения на будущее. Это предложение было одобрено Николаем I в тот же день. Настало время, когда идеи чистки шляхетских рядов начали воплощаться в жизнь: чиншевая шляхта попала под прямой прицел. Впрочем, тогда никто не представлял, сколь сложной окажется эта задача. Это неведение в еще большей степени проявилось в дополнительном указе от 5 марта 1828 г., согласно которому предполагалось ввести еще и дополнительный контроль со стороны Герольдии¹³⁴. Этот институт власти, до сих пор занимавшийся исключительно делами аристократии, не был подготовлен к решению столь масштабной операции.

Как ни странно, но единственным, кто на тот момент выступил с умеренной точкой зрения, был министр финансов Е.Ф. Канкрин*, который практически отказался от так давно ожидаемых налоговых поступлений с 200 тыс. душ из присоединенных губерний. Он прекрасно понимал, что на начальном этапе войны с Турцией было бы политически недальновидно вызывать недовольство в украинских губерниях, на которые и без того лег груз содержания армии. В длинной записке Сенату от 16 марта 1828 г. он имел смелость напомнить, что поскольку все прежние комитеты не смогли в случае шляхты отделить зерен от плевел, то «отыскание неправильно живущих между шляхтой другого звания людей и обращение шляхты не имеющей доказательства на дворянство в подушный оклад составило бы дело затруднительное, бесконечное и потревожило бы напрасно означенные губернии». Канкрин подчеркивал, что «даже несправедливое лишение своего звания той шляхты, которая не имеет точных доказательств, но пользуется сем званием несколько столетий, могло бы вести к неповиновению».

Удивительнейшая прозорливость за два года до восстания 1830 г. Министр добавлял, что с целью успокоения ситуации следует ликвидировать комиссию, сохранить за этой группой ее родовое название — оседлая шляхта, а также определения околичная и чиншевая шляхта, не нарушать ее свободу переезда в другие села и города, где ее будут называть «городской шляхтой». Канкрин высказывал мнение, что этих людей можно заставить нести военную службу, но только не более восьми лет и не подвергая телесным наказаниям. Околичная шляхта, обладавшая земельным наделом, должна была бы платить специальный налог — но не подушный, а подымный, как «вольные люди» в Литве, которые платили по 7 руб. 30 коп.

Мало кто был готов пойти на подобные шаги к примирению. Министр внутренних дел враждебно воспринял предложение Канкринина, начальник 1-го департамента Сената Вельдбрехт не хотел об этом и слышать. На тот момент власть была полностью увлечена созданием шляхетских военных поселений в Белоруссии. Настало время проведения жесткой политики¹³⁵.

Впрочем, отношение Канкринина к Белоруссии, где давно свирепствовал Аракчеев, а конфискованные в пользу государства имения давали возможность проводить радикальные эксперименты, было менее снисходительным. Он не прислушался к советам Н. Новосильцова, который в 1826 г. уговаривал его проводить более сдержанную политику, дабы избежать окончательного закрепощения чиншевиков в государственных име-

* Егор Францевич Канкрин (Georg von Kankrin), государственный деятель и писатель немецкого происхождения. (Прим. пер.)

ниях. Достаточно острая полемика, возникшая между этими двумя сановниками, по данному вопросу ясно дает понять, какой дух господствовал во владениях этого типа, которых было значительно больше, чем на Украине. Как это часто случалось, русские сановники, которым достались эти имения (речь идет о прежней Слонимской экономии), генералы И.Ф. Паскевич и М.Ф. Влодек, а также тайный советник Я.А. Дружинин пользовались услугами польских управляющих. В случае спора Новосильцова и Канкрин речь шла об имении, которым управлял статский советник Пусловский. Именно он обратился к великому князю Константину, который был также командиром отдельного Литовского корпуса, с просьбой разрешить проведение в принудительной форме отработки барщины в счет имевшихся недоимок по уплате чинша. Пусловский с легкостью проводил параллели между задолженностями чиншевой шляхты и оброком, который платили крестьяне в казенных имениях, более того, не побоялся уподобить чиншевиков крестьянам. Используя лексику, достойную защитника рабовладельческого строя, он доказывал Константину, что крайнее обнищание, на которое ссылаются чиншевики, всего лишь предлог, их необходимо заставить трудиться: «...что это не токмо не противно общему узаконению, но напротив того, откроет еще для самой казны ту пользу, что крестьяне привыкнут к выполнению своей обязанности и истребится лень их к работе [...]. Владелец казенного имения не имеет никаких других средств к принуждению упрямого крестьянина, который, зная, что владелец сам собой не вправе заставить его за недоимку к работе, нимало не обязывается тем, чтобы исполнить люстрационную повинность». В ответ на это Новосильцов, который в то время (апрель 1826 г.) стремился укрепить свои позиции в Литве, подчеркивал, что касательно аграрных отношений в казенных имениях было проведено четкое разграничение между чиншем и оброком 28 мая 1806 г. Он открыто подозревал Пусловского в злоупотреблениях и требовал проведения расследования. Размер чинша ему казался завышенным, и он не допускал возможности объяснять просрочки в платежах лишь ленью. Однако Канкрин посчитал аргумент о лени существенным и лишь посоветовал Пусловскому избегать злоупотреблений. В последующие годы этот подход был распространен на казенные имения Волынской и Подольской губерний¹³⁶. Таким образом, статус шляхтича постепенно исчезал, непосредственно заинтересованная сторона не могла протестовать, поскольку вскоре Сенат во исполнение императорских указов от 26 октября и 30 ноября 1828 г, а также 25 января 1829 г. единогласно принял постановление о военной организации всей шляхты Белоруссии. 18 декабря 1829 г. министр юстиции А.А. Долгоруков представил Сенату печатную версию регламента военной службы¹³⁷.

Именно в такой атмосфере у русских чиновников возросли аппетиты, и они решили одним махом урегулировать проблему шляхетской «гололоты» во всех присоединенных губерниях, включая частные имения. Вновь, как и в 1808 г., но совершенно в ином духе они обратились к идее поручить специальной комиссии разработку положения об общем статусе. 11 июня 1829 г. А.А. Долгоруков представил Сенату основные предложения по проекту, на котором Николай I собственноручно написал: «Заняться без отлагательства и представить не позднее декабря месяца»¹³⁸. После одобрения Сенатом князь А. Голицын от имени Государственного совета 22 июня 1829 г. издал приказ о создании упомянутой комиссии. Отныне решение дела приобрело неизвестный до той поры ускоренный характер.

После посещения Подольской губернии в начале 1829 г., а также встречи с предводителем дворянства графом Каролом Пшездецким, Николай I осознал масштабность проблемы и в дальнейшем уже не был склонен к проявлению снисхождения. 21 августа Государственный совет избрал трех членов комиссии, которые должны были собрать документацию и разработать проект. В нее вошли представитель Главного штаба полковник С.П. Юренев (уже упоминавшийся нами при обсуждении проектов о переселении), чиновник по «специальным поручениям» Министерства внутренних дел, статский советник Жуковский и вице-директор по налогам Министерства финансов Энгольм. С 28 августа эти чиновники должны были информировать Сенат о ходе работы. Ими была поднята невероятная кутерьма из-за поиска нужных документов, но надо признать, что, несмотря на полное незнакомство с положением дел в начале, за несколько месяцев они смогли представить взвешенную концепцию, хотя все еще во многом иллюзорную.

По приказу Николая I члены комиссии должны были еженедельно подавать доклад Сенату. Времена многолетних отсрочек для представления доказательств происхождения ушли в небытие. С целью осуществления контроля и согласованности работы комиссии Сенат предложил императору поставить во главе нее человека, хорошо осведомленного благодаря частым контактам с этой группой лиц, а именно министра внутренних дел. Николай написал собственноручно: «Согласен. Немедля кончить»¹³⁹.

Документация, собранная этими тремя членами комиссии, удивила их самих. Прежде всего поразило то, что люди, которые называли себя шляхтичами, платили чинш (варьировавшийся в зависимости от места, качества обрабатываемой земли и т.п.), что данная повинность была зафиксирована в поместных инвентарях или в контрактах с землевладельцами или управляющими, что чинш иногда платили управляющему, или землевладельцу, или — в казенных имениях — казенным палатам, но больше всего удивило то, что это были абсолютно свободные люди.

Члены комиссии решили пересмотреть выводы Комитета по благоустройству евреев, поднять все законы, выслать запросы губернаторам по представлению ими своего мнения, а если те будут медлить — поторопить их; провести проверку в архивах всех министерств и дать отчет о работе председателю комиссии: несмотря на существовавшие пробелы 15 октября 1829 г., в общей форме документ был представлен. Было обещано, что вскоре он будет наполнен конкретным содержанием.

И действительно, через неделю была подготовлена первая часть о «повинностях сего сословия», а в черновом варианте вторая — об объединении этих людей в общества в зависимости от численности по уездам (эти общества должны были сохранить определенную внутреннюю автономию, имели право избирать своих представителей и иметь собственное судопроизводство). Все предыдущие законы, давнишние планы о переселении, различные доклады были перечитаны, прокомментированы, а также сделаны из них выдержки. Переписчики работали не покладая рук, и согласно желанию Николая I в предусмотренное время, 13 сентября 1829 г., министр внутренних дел представил Сенату обширный проект «Положение о шляхте», который, как полагали, должен был помочь решить все проблемы¹⁴⁰.

КАК БЫ ВСЕ ОБЕРНУЛОСЬ, НЕ БУДЬ НОЯБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ?

Вопрос о том, как сложилась бы судьба шляхты, если бы довольно значительная ее часть не приняла участия в Ноябрьском восстании 1830—1831 гг., стоит задать не из праздного интереса. Сама его постановка дает возможность подвести итог анализу менявшейся на протяжении тридцати лет политики царских властей в отношении шляхты; понять суть и жизненность вводимых новым «Положением о шляхте» норм, найти отличие или сходство между ожидаемыми переменами и теми, которые наступили в результате жестких репрессий после Ноябрьского восстания в западных губерниях, с того времени уже крайне редко именуемых «бывшими польскими».

В подготовленном комиссией тексте вновь в наибольшей степени удивляет столичный, т.е. бюрократический, оторванный от реальности подход. Проект Положения делился на две части и 149 параграфов. Невзирая на мнимую обеспокоенность чиновников положением шляхты, в нем подспудно были заложены подсказки об употреблении более жестких мер, к каковым обратятся после 1831 г.; но в то же время это было исключительно кабинетное творение, настолько расплывчатое, что возможность его реализации представлялась весьма сомнительной. Содержа-

ние проекта, известное лишь узкому кругу лиц, по сути своей было крайне характерным для представлений, царивших в петербургских кабинетах, тогда как умонастроения поляков должны были бы склонить чиновников к большей осторожности. Положение было типичным продуктом чиновничьей среды, видевшей в чиншевиках асоциальный элемент, а потому стремившейся нивелировать специфику беспоместной шляхты, более того, уравнивая ее с крестьянами, сохранив несколько приметных черт во избежание нежелательных разговоров. Зачастую ожесточенное рвение в этом проекте уравнивается беспомощностью. Глубина спекулятивной и идеологизированной по своему характеру работы станет очевидна после сравнительного анализа содержания Положения и мнений трех губернаторов Правобережной Украины, которые, как всегда, пришли с опозданием, хотя свидетельствовали о намного более остром понимании действительного положения дел.

В 95 параграфах первой части Положения¹⁴¹ представлены различные разряды польской шляхты или, точнее, те из них, которые были выделены согласно видению чиновников. Если в ст. 4 давалось верное определение чиншевой шляхты, то ст. 5, где шла речь об околичной шляхте, производит впечатление сборной солянки: сюда впихнули, к примеру, мелких владельцев с неподтвержденным происхождением, пожизненных владельцев, а также залогодержателей и земельных пользователей, державших наделы на основании устной договоренности или в вечном пользовании. Это свидетельствует о том, что законодатели имели смутные представления об исторических корнях и значении существовавших различий внутри этой группы. Многочисленные статьи Положения, посвященные «истинной» шляхте, естественно, не содержат какого-либо недопонимания ее статуса, поскольку сразу после разделов она была уравнена в правах с русским дворянством. В том, что касалось условий несения государственной службы, изложенных с 20 по 31-ю статью, прекрасно видно, как власти выдавали желаемое за действительное: огромное количество шляхты, для которой был характерен изолированный сельский образ жизни, не имело ни возможности, ни желания «служить» по русскому образцу.

Среди пространных рассуждений ст. 32 делалась попытка преодолеть преграду, о которую спотыкались все, кто обращался к идее ассимиляции шляхты со времен разделов Речи Посполитой, а именно показать: кто эти шляхтичи; каковы критерии принадлежности к этой общности; кем они должны быть признаны и, опять-таки, в какой срок. И не предполагалось, что еще немало воды утечет, пока будет дан окончательный ответ на эти вопросы. Никто в то время не мог предположить, что в 1839 г. появится некий Д. Г. Бибииков и наведет порядок. Пока удовлетворились лишь утверждением, что лишь те, чье происхождение было подтверждено уездным

или губернским дворянским собранием, могли сохранить за собой это право до последующего утверждения Герольдией. Как видно, предпринималась попытка осуществления более серьезного контроля со стороны государства за священными и незыблемыми до этого времени решениями местных дворянских собраний. Однако разразившиеся в 1831 г. громы и молнии лишь подтвердили, что проведение подобной проверки в Петербурге было невозможно вплоть до 1839 г. Впрочем, в 1829 г. казалось, что достаточно поверить в саму возможность такой проверки. Ухудшение положения состояло в том, что лиц, не подтвердивших своего происхождения (внимательно следили за тем, чтобы лишний раз не упоминать об их количестве), согласно ст. 32 следовало немедленно идентифицировать, чтобы данное им право, как сообщалось, «не могло продолжиться на долгое время. Возлагается на обязанность тех мест от коих утверждение означенных шляхт в дворянском достоинстве зависит, оканчивать дело без малейшего отлагательства». Впрочем, особенно ничего нового по сравнению с тем, что предполагалось предпринять на протяжении последних тридцати лет, не вводилось. Хотя в ст. 145 нам предстоит обнаружить подобие угрызения совести.

Предложение о проведении переселения, вновь представленное полковником Юреневым, как нам уже известно, принято не было. В статьях 39—44 говорилось (при этом не обольщались насчет результатов) о возможности добровольного выезда в свободные казенные земли. Зато представитель Министерства финансов сумел упомянуть в ст. 48—50 о подымном налоге (он назван польским словом «*ofiaga*»*), который должна была платить шляхта, а также о ее обязанности выполнять общественные работы, о которых было заявлено в предыдущие годы, т.е. речь шла об участии в обеспечении перевозок и снабжении войска провиантом. Обширные пассажи в ст. 60—79 были посвящены рекрутскому набору, который отныне становился обязательным, правда срок службы был значительно меньше, чем для крестьян, кроме того, предусматривалось, что шляхта будет служить на Украине, в полках с польскими названиями. Об этих благих намерениях, естественно, после 1831 г. забудут.

Во второй части Положения¹⁴² еще больше места было отведено представлению мер по решению судьбы польской шляхты, которые будут воплощены в жизнь после поражения Польского восстания. Речь идет о превращении всей шляхты в «однородцев западных губерний». В этой части нашла отражение существовавшая в России жесткая социальная иерархическая система, правда без крайностей, присущих аракчеевской политике в Белоруссии. В то же время во второй части предпринималась попытка

* Пожертвование (польск.). (Прим. пер.)

расшевелить социально инертную шляхетскую среду, вернуть шляхте на самых низких ступенях общества ту политическую и административную роль, которая, пусть и теоретически, принадлежала ей в Речи Посполитой. В этом признании возможности наделить шляхту скромной, но реальной ролью в управлении угадываются более ранние намерения некоторых чиновников высокого ранга, отвечавших за систему образования. Однако данный шаг был сделан слишком поздно: заинтересованная сторона была решительно не готова к такой роли, а через год подобная роль станет неприемлемой и для самих властей, которые займут ярко выраженную антипольскую позицию.

В ст. 96—116 проекта Положения, среди прочего, шла речь о том, что в 1837 г. предложит министр государственных имуществ П.Д. Киселев по организации однодворцев — прежней шляхты. Три комиссара, не имевшие никаких представлений о пропорциональном соотношении шляхты, решили разделить ее на три общности: чиншевую, околичную и городскую. Эти образования, создаваемые наподобие крестьянской общины, должны были сформировать губернаторы, а контролировать — казенные палаты. В них должно было входить от 600 до 1500 душ, или от 200 до 500 дымов, в городах немного меньше — от 150 до 400 душ, или от 50 до 150 дымов. Бюрократическая природа проявилась во всей своей красе в такого рода спекуляциях. Действительное состояние общественных связей на Украине не давало оснований для создания подобного рода общин, однако в столице были увлечены строительством воображаемого общества. Каждой общиной раз в три года должно было избираться «шляхетское правление» во главе с войтом (по образу старост у русских крестьян) его заместителем и секретарем. Результаты выборов (остатки шляхетской автономии) должны были утверждаться казенной палатой. Предусматривалось годовое вознаграждение в размере 200—250 руб. ассигнациями для войта и 300—400 — для секретаря, а также должна была бы выдаваться печать. Бумага и счетные книги (книги учета доходов и расходов — вот что главное) должны были предоставляться казенными палатами. Этим трем представителям общины отводилась немалая роль, в их ведении должны были находиться: охрана порядка, хозяйственное руководство, объявление официальных текстов, опека над обездоленными, выдача внутренних паспортов, суд первой инстанции, контроль за побегими крепостных крестьян, забота о сохранении добрых обычаев, отчетность перед полицией, а также рекрутский набор и сбор налогов. Таковой согласно бюрократическому видению была утопическая картина по приспособливанию шляхты к условиям империи. Добавленная *in extremis** ст. 145 обязывала всех, кого

* в конце (лат.). (Прим. пер.)

это касалось, самим в течение года с момента провозглашения Положения записаться в общины.

Весь 1830 год прошел в рассмотрении этого проекта по отдельности и совместно разными департаментами Сената; его вновь отослали в Министерство внутренних дел для консультаций с графами А.И. Чернышевым и Е.Ф. Канкриним, возглавлявшими Военное министерство и Министерство финансов, которые непосредственно были заинтересованы в его проведении, а затем во все то время, что шло Польское восстание, работа над проектом была остановлена, потом же и вовсе от него отказались в связи с новым поворотом в решении шляхетского вопроса после объявления знаменитого указа от 19 октября 1831 г., посвященного организации однодворцев и граждан. 14 ноября 1832 г. Сенат признал, что комиссия свою миссию выполнила, 14 апреля 1834 г. это было подтверждено Министерством внутренних дел...¹⁴³

Перейдем к сравнению прожектерского видения решения шляхетского вопроса в столице с тем, как воспринимали бедную шляхту в канун Ноябрьского восстания три губернатора Правобережной Украины. Прежде всего отметим, что единственным сторонником Положения был киевский губернатор В.С. Катеринич, по своему происхождению русский. Он первым послал ответ на запрос комиссии 31 октября 1829 г. Два других губернатора, поляки, отреагировали позднее. Граф Миколай Грохольский из Подольской губернии отправил письма 27 ноября 1829 г. Отчет вольнского губернатора Михала Бутовта-Анджейковича* пришел лишь 19 февраля 1830 г. Представленная ими информация не вошла в готовящийся в спешке проект, причиной тому было не только то, что отчеты пришли с запозданием, но и то, что они содержали скудные данные, а кроме того, два последних были проникнуты протестным духом¹⁴⁴.

В том, что касается представления данных по каждой категории шляхты (последняя перепись, которая проводилась в 1811 г.), то лишь киевский губернатор сделал попытку привести их в виде таблицы, которая с виду кажется достоверной, а потому заслуживает нашего внимания (данные приводятся по шляхте мужского пола):

Уезды	Сельские чиншевики	Городские чиншевики		Околичные	Всего
		государственные	частные		
Киевский	535	164	—	—	699
Васильковский	4159	9	—	—	4168
Богуславский	1438	—	93	—	1531
Радомысльский	1766	40	—	780	2586

* В русской традиции — Михаил Фаддеевич Бутовт-Анджейкович. (Прим. пер.)

Звенигородский	2365	92	—	—	2457
Сквирский	5929	239	—	—	6168
Тарашанский	5944	82	—	—	6026
Липовецкий	3763	—	171	—	3934
Махновский	6565	—	—	—	6565
Уманский	2425	—	100	—	2525
Чигиринский	832	—	—	—	832
Черкасский	625	29	—	—	654
Всего	36 346	655	364	780	38 145

Эти данные, как всегда, зависели от того, что было представлено польскими предводителями дворянства. Их нельзя считать точными, поскольку в интересах землевладельцев цифры были занижены. Общее количество шляхты снизилось по сравнению с 1795—1800 гг. (38 145 против 40 373), но могло быть еще ниже, если бы из данных были исключены 7000 деклассированных в 1823 г.; похоже, однако, что о них здесь речь не идет. Наоборот, представленные цифры должны были быть гораздо выше за счет демографического прироста. Коротко говоря, эти данные неточны, хотя дают какое-то представление об этой группе. Отчет Бутовта-Анджейковича по Волини был еще менее достоверным: не представив росписи по уездам или категориям, он сообщал, что в его губернии шляхта составляет всего 19 728 душ мужского пола, тогда как по данным 1795 г. там было 33 624 шляхтича, включая дворовых слуг. Грохольский же вообще не представил данных по Подольской губернии. Нехватка достоверной статистики станет причиной огромных трудностей, с которыми предстоит столкнуться тем, кто будет проводить политику общего деклассирования и чистки после 1831 г.

Однако в этих ответах содержится и определенная интересная информация. Например, в Киевской губернии пропорциональный состав городских чиншевиков выглядел следующим образом: 1019 шляхтичей проживало в 400 домах принадлежавших государству местечек и в 150 домах частных местечек. Кроме того, узнаем, что в Житомире, губернском центре Волинской губернии, было 240 домов, где проживал 1041 безземельный шляхтич. Однако на основании этих цифр невозможно определить численность городской безземельной шляхты. Из подольского отчета следует, что в этой губернии не было ни одной околицы, и, сравнив с данными из соседних двух губерний, можно сделать вывод о том, что на Украине было небольшое количество шляхетских сел. На Волини (Овруцкий уезд) их было больше, чем на Киевщине (780 душ мужского пола в Радомыльском уезде). Согласно данным волинского губернатора, 19 728 внесенных в перепись шляхтичей проживало в 6576 дымах, распределявших-

ся следующим образом: 1852 дыма — околичная шляхта (около трети) и 4724 дыма — чиншевая шляхта.

Не будем больше задерживаться на данных, которыми сложно воспользоваться, в завершение этой главы стоит проанализировать то, как губернаторы оценивали проект Положения от 13 декабря 1829 г. По мнению Катеринича, киевского губернатора, ничто не вызывает интереса. Будучи русским, он не видел оснований для сохранения той категории населения, которая не платила государству налогов, никогда не служила, а к тому же не смогла представить доказательства своего происхождения. Он был верен духу указа от 20 января 1816 г., в котором подчеркивалась необходимость избавления от беглецов и чужаков, прятавшихся среди этой и без того подозрительной группы. В 1831 г. подозрительность властей превратится в дьяволизацию.

Оба губернатора-поляка, занимавшие высокие должности, пытались спасти существовавшее шляхетское братство, не допустить разрыва с существовавшим традиционным устоем жизни, который удалось сберечь на протяжении 35 лет, а потому продемонстрировали солидарность, к которой в 1791 г. призывали шляхту магнаты.

Бутовт-Анджейкович из Волыни был достаточно лаконичен, но не скрывал, что осуществляемого полицией контроля вполне достаточно, поскольку и так никто не имел права свободы передвижения без «письменного вида» (внутреннего паспорта). В завершение он подчеркивал, что в том, что касалось гражданской жизни, «никакого нового устройства» не надобно. Он не видел необходимости в смене статуса чиншевой шляхты. Ведь и так ее жизнь была подобна крестьянской. Она была свободна. Он не мог понять, почему следовало ей, а в особенности наиболее обнищавшей шляхте, запретить свободу перемещения. Ведь на это ее толкала бедность. Трудно было запретить шляхте, по его мнению, выбрать место, в котором она хотела бы отправиться.

Подобное благосклонное отношение к шляхте не устраивало царских бюрократов.

Граф Миколай Грохольский, несколько полонизмов в донесении которого были исправлены карандашом министерского чиновника, с большим пафосом и убеждением объяснял, почему все крупные землевладельцы стремились задержать у себя на службе как можно больше поляков среди все более враждебно относящихся к ним украинских крепостных. Он не скрывал, что представил ответ позднее из-за предостережений со стороны отдельных уездных предводителей дворянства. Они предчувствовали, что подобный запрос не сулит им ничего доброго. Видимо, новость о возможном проведении деклассирования дошла и сюда.

Граф-губернатор пытался убедить Петербург в важности сохранения мифа о благородном происхождении «голоты». Все они, по его словам, вели род из давней польской шляхты, получившей титулы благодаря подвигам и службе своих предков польским королям, предоставившим им эти привилегии. Все они — наследники защитников пограничья бывшей Речи Посполитой от постоянных набегов татар и турок. Разорившиеся и обнищавшие, они иногда не имели даже средств, чтобы послать детей в школу. А потому, объяснял Грохольский, они превратились в простых чиншевиков-земледельцев и были вынуждены поселиться на землях более богатых шляхтичей, построить там дом и платить им чинш.

Губернатор также подчеркивал, что такую шляхту можно встретить везде, во всех частных имениях, во всех староставах, казенных имениях, в нескольких сотнях городов, на принадлежавших католической церкви землях и на землях Комиссии национального просвещения (ранее ими владели иезуиты, а с 1773 г. с доходов от этих земель финансировалась создаваемая школьная система). В зависимости от принадлежности земель чинш собирали с учетом возделываемой площади Казна или арендаторы, землевладельцы, ксендзы, монахи или лица, распоряжавшиеся имениями Фонда образования.

Невысокий размер чинша, о котором пишет губернатор-поляк, свидетельствует о существовании заниженной ставки, в основе которой лежала шляхетская братская солидарность. Однако в то же время существовавшая градация чиншевой шляхты, крайне близкая к категориям украинских крепостных, косвенно указывает на частые попытки землевладельцев или повысить чинш, или закрепить чиншевиков.

Подольский губернатор подразделяет беспоместную шляхту на пеших земледельцев (безлошадных), а затем на тех, в чьей собственности была одна, две или три лошади. Безлошадным чиншевикам выделялось по десятине пахотной и пастбищной земли. Тем, у кого была лошадь, доставалось в два раза больше земли, с двумя лошадьми можно было получить по три десятины земли и т.д. Размер чинша зависел от площади и устанавливался в рублях ассигнациями, чья стоимость была значительно ниже рублей серебром (в то время 1 рубль ассигнациями приблизительно был равен четверти серебряного рубля).

Пешая чиншевая шляхта платила годовой чинш в размере 10—15 руб., однолошадная — 15—25 руб., двулошадная — 25—35 руб., трехлошадная — 35—50 руб., четырехлошадная — 50—70 руб. Встречалась настолько обедневшая шляхта, что ей выделялась лишь халупа с огородом, таких шляхтичей называли халупники: они платили чинш в размере 6—8 руб. в год; встречались и такие, кто жил при чиншевиках или халупниках, которые выделяли им камору и называли каморниками: они платили половину

от чинша халупников. Размер чинша, указанный волынским губернатором (8—12 руб. ассигнациями за пахотные земли и 2—3 за лачугу с огородом), скорее всего, был таким же и в Подольской губернии.

Грохольский пытался таким образом показать бескорыстность владельцев латифундий, но в то же время подчеркивал пользу от такого рода шляхты: она принимала солдат на постой, из нее можно было набрать стражу для охраны приднестровского пограничья; она могла занимать отдельные должности в судах первой инстанции (в следующей главе мы убедимся, что этот факт обеспокоил царские власти) или быть возными. Поскольку это были лично свободные люди, их дети могли ходить в школу, некоторым из них удавалось стать юристами, священниками или управляющими. Нами еще будет затронута тема школы как средства продвижения по социальной лестнице.

По утверждению графа Грохольского, чиншевая шляхта никогда не подвергалась телесным наказаниям, следовательно, пользовалась «теми преимуществами и правами, какие предоставлены дворянскому сословию, не участвуя только в дворянских выборах как беспоместные». Достойная удивления по своей смелости защита убогой шляхты в 1829 г. губернатором, прекрасно знавшим, что обращается к комиссии, созданной для уничтожения того, что им защищается, полна воодушевления. Признавая отсутствие возможности установить численность этой шляхты, губернатор предлагал, чтобы вместо приведения устаревших данных провести силами уездных комиссий новую перепись и, наконец, получить точные данные о подтвержденной местными собраниями численности шляхты, которая либо не располагала документами, либо не представила их для проверки. Губернатор не отрицал возможности отнесения отдельных шляхтичей, не представивших документов, к мещанскому или крестьянскому сословию, но при условии сохранения их свобод. Как достойный представитель крупных землевладельцев, он выступал за то, чтобы возложить контроль за чиншевой шляхтой на помещиков, которые выдавали бы свидетельства о месте жительства или выезде, в других же случаях поставить ее в зависимость от уездных предводителей дворянства, единственных возможных арбитров в ее конфликтах с владельцами имений.

В основе прежнего порядка, по крайней мере теоретически, наивысшей ценностью начиная с XVI в. лежала свобода, позволившая некоторым, согласно правам, предоставленным императором (реформирование в конце XVIII в. системы школьного образования и его развитие после разделов на протяжении 30 лет), получить образование. Именно эта идея привела губернатора к выводу, подобному выводу волынского коллеги: «следует оставить шляхту сию при ее преимуществах». Заступничество за шляхту графа-губернатора имело продолжение — в будущем он окажет помощь

польским повстанцам, за что его отстранят от должности и сошлют под надзор полиции в Бендеры¹⁴⁵.

Остается лишь удивляться, что приведенные нами примеры вынужденного единения царских чиновников и польских крупных землевладельцев были найдены в документах, долгие годы пролежавших на полках архива в Петербурге и по разным причинам недоступных исследователям. Важно подчеркнуть, что эти данные были полностью вычеркнуты из исторического сознания.

Это тридцатилетие попыток столь же активных, как и неэффективных, по решению шляхетского вопроса, но одновременно невероятно ярко представляющих умонастроения участников данного процесса, подготовило своего рода западню, в которую было уготовано попасться шляхте в 1830—1840-е гг. Правда, стоит отметить, что хоть она и была удачно расставлена, но оказалась недейственной вплоть до 1914 г. Русское дворянство, несмотря на то что в его составе было множество мелких помещиков, было далеко от понимания совсем беспоместной польской шляхты. Именно поэтому эти два отличных друг от друга вида одного и того же сословия не могли сблизиться между собой: возможен был лишь полный отказ в существовании чиншевой польской шляхте.

Теперь же обратимся к судьбе тех, с кем Россия связывала свои политические надежды.

¹ См.: глава 1, сноска 11.

² Среди основных работ, посвященных дворянству того времени, отметим: *Анфимов А.Н., Макаров И.Ф.* Новые данные о землевладении Европейской России // История СССР. 1974. № 1. С. 82—89; *Блосфельдт Г.Е.* Сборник законов о российском дворянстве. СПб., 1901; *Blum J.* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, 1961; *Confino M.* Domaines et seigneurs russes vers la fin du XVIIIe siècle. Paris, 1963; *Idem.* Histoire et psychologie: à propos de la noblesse russe au XVIIIe siècle // Annales: Économies, Sociétés, Civilisations. 1967. № 22. P. 1163—1205; *Dukes P.* Catherine the Great and the Russian Nobility. Cambridge, 1967; *Евреинов Г.А.* Прошлое и настоящее русского дворянства. СПб., 1898; *Jones R.E.* The Emancipation of the Russian Nobility, 1762—1785. Princeton, 1973; *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963; *Кабузан В.М., Троицкий С.М.* Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782—1858 гг. // История СССР. 1971. № 4. С. 158—169; *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие 1762—1855. СПб., 1876; *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia: the Eighteenth-Century Nobility. New York, 1966; *Романович-Словатинский А.* Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912; *Савелов Л.М.* Библиографический указатель по истории генеалогии и родословной дворянства. М., 1904; *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974. Ни одна из этих работ не проливает свет на интересующую нас

проблему. Можно обратиться, особенно в том, что касается вопроса определения дворянской принадлежности других народов, к материалам франко-русского коллуквиума, изданным под редакцией Береловича. См.: *Noblesse, état et société*.

³ *Левченко М.М.* Места жительства и местные названия русинов в настоящее время // Основа. 1861. № 1. С. 265.

⁴ *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 44.

⁵ Вопрос об интеграции польской шляхты в австрийской аннексированной части польских земель был решен достаточно быстро. См.: *Ślusarek K.* *Drobna szlachta w Galicji 1772—1848*. Kraków, 1994. Уже в 1775 г. польская аристократия была отделена от мелкой шляхты, лишенной в 1773 г. собственных судов. Легитимация шляхетских титулов была завершена к 1817 г. Следует подчеркнуть, что австрийская часть Подолия была по социальной структуре шляхты (с преобладанием безземельных чиншевиков) крайне близка российской части Правобережной Украины.

⁶ Украинские, российские и польские исследования, касающиеся нашей проблематики, ограничены марксистским подходом, получившим дальнейшее расширение в послесталинский период: *Баранович А.* Магнатское хозяйство на юге Волыни в XVIII в. М., 1955; *Приходько Е.С.* Социально-экономическое развитие поместного хозяйства на Правобережной Украине второй половины XVIII в. Киев, 1961; *Маркина В.О.* Магнатское поместье Правобережной Украины второй половины XVIII в. Киев, 1961; *Serczyk W.* *Gospodarstwo magnackie w województwie podolskim w drugiej połowie XVIII w.* Wrocław, 1965. В не так давно изданном справочнике, содержащем список фамилий шляхетских семей, деклассированных комиссией Бибикова в 1840—1845 гг., вступительная статья посвящена анализу ситуации в 1793—1830 гг. См.: *Лисенко С., Чернецький Є.* Правобережна шляхта: кінець XVIII — перша половина XIX ст. Біла Церква, 2002. С. 14—37.

⁷ *Имеретинский Н.К.* Дворянство Волынской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. 1893. Август. С. 343—368; 1894. Апрель. С. 326—372. (Переводчик русской версии книги обратила мое внимание на то, что, согласно имеющимся данным, истинным автором этой статьи был историк В.Б. Антонович. Это указывает на близость украинофильства Антоновича к теории триединого русского народа. См.: *Ульяновский В.* Син України (Володимир Антонович: громадянин, учений, людина) // Антонович В. Моя сповідь. Вибрані історичні та публіцистичні твори. Київ, 1995. С. 66.) Из упоминаемого Имеретинским гербовника Каспера Несецкого, изданного в четырех томах в 1728—1743 гг. под названием «Когона польска» (перездан с дополнениями в 1839—1846 гг.), сложно было вынести «понятия» о самом шляхетстве. К тому же он не является полным, в нем перечислены лишь основные польские роды (без учета ВКЛ). Интересующая нас проблема освещена в краткой, написанной на русском языке в юридическом стиле брошюре XIX в. См.: *Незабытовский В.* Замечания по вопросу о чиншевом владении в Западных губерниях. Киев, 1883.

⁸ *Корф С.А.* Дворянство и его сословное. С. 135—151.

⁹ *Кабузан В.М., Троицкий С.М.* Изменения в численности. С. 164—165.

¹⁰ *Rychlikowa I.* Carat wobec polskiej szlachty na ziemiach zabranych w latach 1772—1831 // *Kwartalnik Historyczny*. 1991. № 3. S. 59; *Sikorska-Kulesza J.* Deklasacja drobnej szlachty.

¹¹ *Неупокоев В.И.* Преобразование беспоместной шляхты в Литве в податное сословие однодворцев и граждан (вторая треть XIX в.) // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. Т. VI. М., 1974. С. 3—22.

¹² *Смолий В.А.* Возз'єднання Правобережної України. С. 158. В этой работе приводятся многочисленные подробности религиозной политики и военной кампании в период аннексии этих земель. В то же время эта книга является ярким примером прославления империалистических идей и сравнима с такими работами как: *Соловьев С.* История падения Польши. М., 1865; *Иловайский Д.* Гродненский сейм 1793 г.: Последний сейм Речи Посполитой. М., 1870; *Кареев Н.* Польские реформы XVIII в. СПб., 1890; *Костомаров Н.* Последние годы Речи Посполитой. Исторические монографии и исследования. Т. 17—18. СПб., 1886 (первое изд.: Вестник Европы. 1869); *Липранди А.П.* (псевд. *А. Вольнец*). «Отторженная возвратих». Падение Польши и воссоединение Западнорусского края. СПб., 1893; *Idem.* Польша и польский вопрос. СПб., 1901. Английский историк Р.Г. Лорд обошел стороной проблемы интеграции населения в двух обширных исследованиях, посвященных дипломатическим последствиям разделов Речи Посполитой: *Lord R.H.* The Second Partition of Poland. A Study in Diplomatic History. Cambridge, London, 1915; *Idem.* The Third Partition of Poland // Slavonic and East European Review. 1924—1925. Vol. III. Подобным подходом отличается и работа Стегния. См.: *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002.

¹³ *Riazanovsky N.V.* Histoire de la Russie. Des Origines à 1984. Trad. de l'anglais A. Berelowitch. Paris, 1987. P. 297.

¹⁴ Селянський рух на Україні. Середина XVIII — перша чверть XIX ст. Збірник документів і матеріалів / Упоряд. Г.В. Болотова, М.І. Бутич, Л.З. Гісцова, Н.С. Грабова, О.А. Купчинський, Г.С. Сергійчук, В.В. Страшко, Н.М. Яковенко. Київ, 1978. С. 401, № 88. Подобными цитатами переполнена книга В.А. Смолия, например: «Объединение Правобережной Украины с Россией было логичным завершением патриотической борьбы рабочего класса [sic! — *Д.Б.*] против социального, национального и религиозного гнета, а также проявлением исторической справедливости» (*Смолий В.А.* Возз'єднання Правобережної України. С. 154).

¹⁵ ПСЗ. Т. 23. № 17108.

¹⁶ Ibidem. № 17264 и 17327.

¹⁷ *Korzon T.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794). Т. 1. Kraków, 1882.

¹⁸ *Mościcki H.* Wyszalenie szlachty polskiej przez rząd rosyjski // Wschód Polski. 1921. № 1. Расширенная версия: *Idem.* Pod berłem carów, Warszawa, 1924.

¹⁹ *Perkowski T.* Legitymacje szlachty polskiej w prowincjach zabranych przez Rosję // Miesięcznik Heraldyczny. 1938. Z. 5. T. XVIII. S. 61—76.

²⁰ *Kieniewicz S.* Historia Polski. Т. II. Cz. 2. Warszawa, 1958. S. 41.

²¹ *Kukiel M.* Dzieje Polski porobiorowej 1795—1921. 3 wyd. Paryż, 1983. S. 49. *Gierowski J.A.* Historia Polski 1764—1864. Warszawa, 1984. S. 123.

²² *Grodziski S.* Schyłek stanu szlacheckiego na ziemiach polskich // Społeczeństwo polskie XVIII i XIX w. / Red. J. Leskiewiczowa Warszawa, 1987. S. 95—108. После предствления в нескольких местах неверной информации, например, что деклассирование шляхты было обусловлено слишком высокой ценой записи в Герольдии или что деклассированные были вынуждены платить подушную подать, Станислав

Гродзиский без каких-либо доказательств пишет о переселении шляхты в «российско-турецкую пограничную зону». Марьян Згурняк заявляет, что после разделов «определенная часть шляхты была депортирована в глубь России». См.: *Zgórniak M. Podstawy społeczne powstania 1830—1831 na Litwie, Białorusi i Ukrainie // Struktury, ruchy, ideologie XVIII—XIX w. / Red. H. Kozłowska-Sabatowska Warszawa, 1986. S. 90.*

²³ *Rychlikowa I. Tatarzy litewscy. S. 110.*

²⁴ ПСЗ. Серия I. Т. 23. № 17469.

²⁵ *Sikorska-Kulesza J. Deklasacja drobnej szlachty. S. 15.*

²⁶ *Анисимов Е. Женщины на российском престоле. СПб., 1997. С. 396.*

²⁷ *Ростопчин Ф.П. Воронцову С.Р. 20 июля 1795 г. Цит. по: Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., 1999. С. 300. Об активном участии братьев Зубовых в убийстве Павла I в 1801 г. см.: Цветков С. Александр I (1777—1825). М., 1999. С. 137—141, 146—147; им во многом повторяются данные, содержащиеся в монографии Шильдера. См.: Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. I—IV. СПб., 1895—1898.*

²⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 43. Д. 392.

²⁹ О карьере П. Зубова см.: *LeDonne J.P. Frontier Governors General 1772—1825. II. The Southern Frontier // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2000. № 48. P. 170—171. О его польских контактах см.: Bazylow L. Polacy. S. 57—58.*

³⁰ Указ о реорганизации казачьих полков опубликован перед указом о шляхте. См.: ПСЗ. Т. 23. № 17468. Речь шла о полках, сформированных предыдущим всемогущественным фаворитом Г.А. Потемкиным, который в 1787 г. купил у Любомирского огромные имения на правом берегу Днепра, а затем к своему титулу князя Таврического в январе 1790 г. прибавил титул Великого Гетмана Императорских Екатеринославских и Черноморских казачьих войск, надеясь спровоцировать последних на борьбу против поляков и таким образом вписать себя в анналы экспансии на юг, т.е. в историю реализации «Греческого плана» Екатерины. См.: *Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 145—150. Преемственность в титулах и обязанностях Потемкина и Зубова очевидна.*

³¹ РГИА. Ф. 1285. Оп. 1. Д. 7. Л. 15—31 — Зубов П.А. Екатерине II. Копия. Возможно, что Е.И. Дружинина этого плана не видела. См.: *Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959.*

³² ПСЗ. Серия I. Т. 24. № 17872. 7 марта 1797 г. В приказе речь идет о «бывшей» губернии, поскольку незадолго до этого административное деление юга Российской империи было изменено.

³³ РГИА. Ф. 1285. Оп. 1. Д. 78. Л. 2.

³⁴ *Ibidem. Д. 7. Л. 1—14.*

³⁵ *Ibidem. Л. 22—25. Копия была передана Новосильцову 27 января 1803 г. См.: Ibidem. Л. 26—31.*

³⁶ Для ускорения эмиграции была создана при Главном штабе Дунайской армии Канцелярия по гражданским вопросам во главе со статским советником А.Я. Коронелли. Кроме того, Александром I было приказано главнокомандующему Дунайской армией ген. М. Кутузову проводить агитацию среди болгар об их заселении в Новороссийском крае. См.: *Гарабедян А., Комсалова Р. Переселение бол-*

гар и сербов в Россию во время Петра Великого и его наследников // Сеоба Срба у Руско царство половином 18. века. Нови Сад, 2005. С. 159.

³⁷ *Kappeler A.* La Russie, empire multiethnique / Trad. de l'allemand G. Imart. Paris, 1994. P. 90—91. Русское издание: *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. Пер. с нем. С. Червоная. М., 1996. (Прим. пер.)

³⁸ *Державин Г.Р.* Сочинения / С объясн. примеч. Я. Грота. Т. 6. (Переписка. (1794—1816) и «Записки»). СПб., 1876. С. 760.

³⁹ *Ibidem.* С. 764—765.

⁴⁰ Алексей Миллер не упоминает об антисемитизме Державина в главе «Империя Романовых и евреи». См.: *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М, 2006. С. 100—104. Тем не менее эта тема представлена в книге, в которой он выступает в качестве одного из авторов и редакторов. См.: Западныя окраины. С. 307. Подробный анализ размышлений Державина по этой теме представлен в: *Клиер Дж.Д.* Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772—1825 гг. М.; Иерусалим, 2000. С. 166—194.

⁴¹ РГИА. Ф. 1285. Оп. 1. Д. 78. Л. 1.

⁴² РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 517. Л. 91—94 — Резюме для Государственного совета. *Ibidem.* Д. 320. Л. 1 — Выписка из заседаний Совета от 27 июля 1808 г.

⁴³ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Это очень большое и интересное дело, полностью посвященное шляхте, объемом в 700 плохо упорядоченных листов. Проект Юренева представлен на л. 631. Можно лишь сожалеть, что ни один из проанализированных выше проектов не упомянут в работе А. Григорянца (*Grigorianz A.* Les Damnés de la Russie: le déplacement de populations comme méthode de gouvernement. Paris, 2002), где о депортации поляков идет речь лишь на С. 37—45. Впрочем, в этой книге анализируются сюжеты, связанные с нашей темой.

⁴⁴ *Beauvois D.* Le Noble, le Serf et le Revizor. P. 99.

⁴⁵ *Имеретинский Н.К.* Дворянство Волынской губернии... Август 1893. С. 348.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Т. 1. Л. 7—16 — Извлечение о количестве шляхты мужского пола в имениях, управляемых государством в этих уездах.

⁴⁷ *Ibidem.* Ф. 1347. Оп. 64. Д. 497. Л. 7 — Особый указ Екатерины II генералу Тутолмину.

⁴⁸ *Ibidem.* Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Л. 3 — Доклад Сенату от 26 февраля 1797 г.

⁴⁹ *Poniatowski St.* Pamiętniki synowca Stanisława Augusta / Przeł. i wyd. J. Łojek. Warszawa, 1979.

⁵⁰ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 294. Л. 153—159 — О населении Киевской губернии.

⁵¹ *Ibidem.* Д. 246. Т. 1. Л. 1—4.

⁵² *Rychlikowa I.* Tatarzy litewscy. S. 105, 110.

⁵³ *Имеретинский Н.К.* Дворянство Волынской губернии... Август 1893. С. 349.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Л. 173—174 — Доклад Сенату от 26 февраля 1797 г.

⁵⁵ *Ibidem.* Л. 154—159.

⁵⁶ Селяньський рух. С. 291—292 (в этом издании жалоба дается в переводе с польского языка на украинский, судебное решение отсутствует).

⁵⁷ Центральний державний архів Українний архів України у м. Києві (ЦДАУК). Ф. 533. Оп. 1. Спр. 61. Арк. 37—38. Цит. по: *Кривошея І.І., Кривошея В.В.* Дворянство

Уманщини в кінці XVIII — першій третині XIX ст. // Уманщина в етнополітичній історії України (кінець XVIII — перша третина XIX ст.). Київ, 1998. С. 68—69.

⁵⁸ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Л. 17 — Новороссийская казенная палата Сенату от 22 апреля 1799 г.; Л. 1—2 — Ответ Сената от 20 июня 1799 г.

⁵⁹ *Имеретинский Н.К.* Дворянство Волынской губернии... Август 1893. С. 351.

⁶⁰ *Ibidem.* С. 352.

⁶¹ ПСЗ. Т. 26. № 19375.

⁶² РГИА. Ф. 1347. Оп. 64. Д. 497. Т. 7 — Записка по делу о чиншевой шляхте, находящейся в присоединенных от Польши губерниях. Лишь В.И. Неупокоев дает точную дату — 15 июня. И. Рыхликова, И. Сикорска-Кулеша и С. Лысенко повторяют ошибку Имеретинского, который называет 25 сентября; возможно, что это дата получения указа в губерниях.

⁶³ Подготовительные материалы и напечатанный текст указа: РГИА. Ф. 1341. Оп. 61. Д. 289; ПСЗ. Т. 26. № 19531.

⁶⁴ *Ibidem.* Ф. 1343. Оп. 41. Д. 607 — Список фамилиям и лицам, утвержденным окончательно в дворянском достоинстве с 1725 по 1841 год. Недостает данных о количестве польских шляхтичей из присоединенных губерний, бывших на службе. Подобные сведения не приводятся и в работе В. Цабана. См.: *Caban W.* *Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej 1831—1873.* Warszawa, 2001. Возможно, исследование, которое автор настоящей книги собирается провести совместно с Л. Горизонтовым, посвященное польским генералам XIX в. в России, даст более четкую картину.

⁶⁵ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Л. 28—29. Эти цифры приводятся по переписи 1795 г. Они практически совпадают с цифрами В.М. Кабузана и С.М. Троицкого: «Изменения в численности», С. 164 (38 488 душ мужского пола на Волыни, 51 584 — в Подолье, лишь по Киевщине данные у этих авторов немного более высокие: 45 300). Такое количество дворян сложно представить в других районах Российской империи. А. Романович-Словатинский («Дворянство в России») подчеркивает, что дворяне превышали 1% население лишь в Петербургской, Смоленской и Херсонской губерниях. В других местностях их было меньше. Если за основу в трех украинских губерниях взять 3 320 000 жителей в 1805—1815 гг. (см. главу 1), то 262 500 шляхтичей обоего пола (и всех категорий) будут составлять 7,9% население. Впрочем, в демографии той эпохи ничего нет определенного. В годовом докладе за 1815 г. волынский губернатор, поляк Б. Гижицкий, подает 44 657 шляхтичей при населении 541 946 душ мужского пола, что составляет 8,24% (см.: ЦДІАУК. Ф. 1409. Оп. 1. Спр. 1844). (Бартоломей Гижицкий известен как Варфаломей Каетанович Гижицкий. (*Прим. пер.*)).

⁶⁶ *Góralski Z.* *Encyklopedia urzędów i godności w dawnej Polsce.* Warszawa, 2000. S. 143—144.

⁶⁷ В 1988 г. И. Рыхликова привела значительно более скромные данные, полемизируя с приводимыми в моей работе данными за 1840—1850-е гг. См.: *Rychlikowa I.* *Deklasacja S.146*), эти данные подтверждаются и Романом Юрковским. См.: *Jurkowski R.* *Ziemiaństwo polskie Kresów Północno-Wschodnich 1864—1904. Działalność społeczno-gospodarcza.* Warszawa, 2001. S. 35—36, а также сноски № 3 и 32. Зная, что в 1810 г. общее количество населения в трех губерниях составило 3,32 млн, а согласно переписи 1834 г. достигло 5,15 млн, нет основания по-

лагать, что польского населения демографический бум в 35,4% не коснулся. Представляется логичным предположение, что произошло его увеличение с 262 500 до более 350 000 человек.

⁶⁸ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Л. 7 — П.Х. Оболянинов в Сенат 19 августа 1800 г.

⁶⁹ Ibidem. Ф. 1347. Оп. 64. Д. 497. Л. 8.

⁷⁰ Ibidem. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 294. Л. 175—202 — Отчеты Киевской казенной палаты от 4 июня и 23 ноября 1800 г.; уведомление о получении ею 14 мая 1802 г. решения об освобождении ее от налогов государственным казначеем 25 апреля; Ibidem. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 56. Л. 37 — Рекомендательное письмо противоположно-го содержания от гражданского губернатора Панкратьева от 4 декабря 1802 г., содержащее также в его общем докладе за 1804 г.

⁷¹ Ibidem. Ф. 1347. Оп. 64. Д. 497. Л. 13 — От 28 июля 1802 г.

⁷² *Имертинский Н.К.* Дворянство Волынской губернии... Август 1893. С. 355—356 (приводятся примеры представленных свидетельств). Подобным образом выглядела ситуация и в Подолье. См.: *Лисенко С., Чернецкий С.* Правобережна шляхта. С. 27.

⁷³ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Л. 62 — Отчет Козловского и Фенша; Л. 64—66 — О годичной отсрочке Сенатом 12 января — 6 апреля 1803 г.; Л. 69 — Отчет из Подолии от 29 апреля 1803 г.; ЦДИАУК. Ф. 533. Оп. 1. Спр. 383. Арк. 5 — Подтверждение получения в Киеве.

⁷⁴ РГИА. Ф. 1347. Оп. 64. Д. 497. Л. 16 — Указ Сената от 26 апреля 1803 г.; Л. 7—25 — «Записка по делу о чиншевой шляхте находящейся в присоединенных от Польши губерниях».

⁷⁵ Ibidem. Л. 18 — Письмо А.С. Строганова от 17 апреля 1803 г.; Л. 23, 24, 25а — Записка И.Н. Неклюева от 11 июня 1803 г., в приложении перевод на русский язык фрагментов Литовского статута; Л. 19 — Письмо О.П. Козодавлева от 22 июня 1803 г.; Л. 20 — Письмо М.Н. Муравьева от 17 августа 1803 г.

Речь идет о Михаиле Никитиче Муравьеве (1757—1807). (*Прим. ред.*)

⁷⁶ *Handelsman M. Adam Czartoryski. T. I. Warszawa, 1948. S. 59; Skowronek J.* Antynapoleońskie koncepcje Czartoryskiego. Warszawa, 1969. S. 191.

⁷⁷ Через два с половиной года после публикации данных Казенными палатами в 1800 г. количество безземельной шляхты (мужского пола) этой губернии выросло с 40 373 до 43 597. Такая разница в данных была вызвана наличием чиншевой шляхты, о которой «забыли» во время переписи 1795 г. и которую «нашли» после решения о проверке от 1 декабря 1799 г. Киевская казенная палата подала 23 июля 1801 г. первый дополнительный список на 3476 лиц, присоединив к нему еще 185 имен. См.: РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Л. 53; Л. 121. — Мнение Панкратьева от 18 июня 1803 г.

⁷⁸ Ibidem. — Доклад В. Кочубея для Сената, 16 сентября 1803 г., согласно копии, представленной в письме Козловского от 1 мая.

⁷⁹ Ibidem. Л. 115—116 — Ворцель Кочубею, 5 января 1804 г.

⁸⁰ Ibidem. Д. 402. Л. 1—2 — Доклад Грохольского в Сенате «О проведении новой ревизии вольных людей в Волынской губернии» от 13 октября 1803 г.; Л. 3—5 — Доклад Ф.О. Голубцова царю от 18 ноября 1803 г.; Л. 6—10 — Одобрение царя от 22 марта 1804 г.; Л. 15 — Опубликованные директивы от 13 апреля 1804 г.; Л. 16—

18 — Распространение двуязычной версии, 5 августа 1804 г.; Л. 24 — Поступившие заявления за 1815 г.

⁸¹ Ibidem. Д. 346. Л. 112 — Прошение из Вильны; Л. 114 — Обращение В. Кочубей в Сенат от 13 февраля 1804 г.; Л. 127—135 — Рассмотрение просьбы в Сенате и указ от 27 июля 1804 г.

⁸² ЦДІАУК. Ф. 533. Оп. 1. Спр. 288. Арк. 72—73. Цит. по: Селяньский рух. С. 299—302.

⁸³ РГИА. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 56. Л. 9 — Доклад киевского гражданского губернатора Панкратьева за 1804 г. В настоящее время г. Корсунь носит название Корсунь-Шевченковский. В этом же годовом докладе, как и в письме к министру внутренних дел от 4 декабря 1802 г., Панкратьев подчеркивает, что не понимает, почему в ожидании подтверждения дворянства не обложить всю чиншевую шляхту налогом, что ни в коей мере не помешало бы ей иметь право служить государству. См.: Ibidem. Л. 37.

⁸⁴ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Л. 155 — Письмо Панкратьева от 9 марта 1805 г.; Л. 166—168 — Отсрочка до 1 января 1808 г.

⁸⁵ Ibidem. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 27. Л. 1—14 — Доклад Тормасова от 10 марта 1806 г.; обсуждение от 11 мая и указ от 27 ноября 1806 г.

⁸⁶ Archives du Ministère des Affaires Etrangères, Paris. C.P. Pologne 324/C.P. Pologne MD 34.

⁸⁷ *Chmielowski P. Tadeusz Czacki. Jego życie i działalność wychowawcza* Petersburg, 1898. По вопросу о спорах Чацкого с Тутолминым и возвращении ему Брусилова Павлом I см.: РГИА. Ф. 1374. Оп. 4. Д. 266. Л. 3—22. На тему изменения отношения к Чацкому со стороны царских властей, которым было важно лишь удалить с Вольни наиболее активных граждан, а также о проявлении подчеркнутой вежливости со стороны царя см.: *Przybylski R. Krzemieniec. Opowieść o rozsądku zwyciężonych*. Warszawa, 2003. S. 82—86.

⁸⁸ Hugona Końcążaja korespondencya listowna.. Т. III. S. 347—382. (Вместе с двумя первыми главами по истории евреев.) Вопреки тому, что пишет Л. Базылев (*Bazyłow L. Polacy*. S. 68—69). Тадеуша Чацкого не вызвали в Комитет, в который якобы входили Кочубей, Лопухин и Новосильцов, он сам заседал в нем вместе с ними!

⁸⁹ РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 517. Л. 2—16 — Журнал заседаний Комитета от 22 августа 1807 г., в будущем еще обратимся к его содержанию.

⁹⁰ *Beauvois D. Lumières et Société en Europe de l'Est: l'Université de Vilna et les écoles polonaises de l'Empire russe 1803—1832*. Т.1. Paris, 1977. P. 129—130.

⁹¹ РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 517. Л. 30—40 — Проект условий на отдачу шляхте земель в арендное содержание.

⁹² Ibidem. Л. 44.

⁹³ РГИА. Оп. 1. Д. 346. Л. 178 — До дальнейшего впредь распоряжения. Окончательная дата не была установлена, однако от самой идеи проверки не отказались. См.: ПСЗ. Т. 30. № 22873.

⁹⁴ РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 517. Л. 46—56 — Проект Комбурля, ответ Куракина, предложение Аракчеева и реакция Куракина.

⁹⁵ Ibidem. Д. 320. Л. 1—5, записи от 27 июня 1808 г.; Д. 517. Л. 77—83, 84—90 — Развернутый текст.

⁹⁶ О попытке создания полка из татар и шляхты в Пинске приводятся данные в: ПСЗ. Т. XXIV. № 17903. Апрель 1797 г.

⁹⁷ РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 517. Л. 95—96.

⁹⁸ *Ibidem*. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 30. Л. 390—393 — Протоколы заседаний Государственного совета от 22 ноября 1809 г.

⁹⁹ *Державин Г.Р.* Сочинения. Т. 6. С. 766. Записка Карамзина, как подчеркивается Ю.С. Пивоваровым в предисловии к ее новому изданию, оказала решительное влияние на смену курса российской политики, на ее антифранцузский и антизападный характер. См.: *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Примечания Ю.С. Пивоварова. М., 1991; а также: *Pipes R.* Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia Cambridge (Mass.), 1959; *Лотман Ю.М.* Карамзин. СПб., 1997; *Martin A.M.* Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997. О закате влияния Сперанского и усилившейся роли А.Н. Оленина и Кочубея см.: *Зуев Н.И.* Комитет министров России в первой половине XIX в. Дис. ... канд. юр. наук. М., 2002; *Морозов А.В.* Государственный совет в структуре государственной власти Российской империи (первая половина XIX в.). Дис. ... канд. юр. наук. СПб., 2001.

¹⁰⁰ ПСЗ. Т. XXXI. № 24326. На этот факт также обращают внимание авторы: *Лисенко С., Чернецкий Е.* Правобережна шляхта. С. 32.

¹⁰¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 159. Л. 59 — Отчет киевского губернатора министерству полиции С.К. Вязмитинову от 23 июня 1815 г.

¹⁰² *Ibidem*. Ф. 1151. Оп. 1. Д. 104. Л. 1—10. В короткой записке, прилагавшейся к просьбе, приводились примеры из русских губерний, где эта процедура была уже введена давно. Однако лишь 6 мая 1814 г. черновик написанного в этом духе указа был послан министру юстиции.

¹⁰³ *Ibidem*. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 159. Л. 1—2 — Письма киевского предводителя дворянства Потоцкого в Киевское губернское правление от 23 марта 1815 г. и С.К. Вязмитинову от 24 марта 1815 г.

¹⁰⁴ *Ibidem*. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Л. 205—209 — Киевский прокурор министру юстиции, 11 апреля 1815 г.; Л. 195—203 — Киевский губернатор в Сенат, 14 апреля; Л. 204 — Письмо передано министру юстиции 10 мая; Л. 93 — прошение губернатора об обеспечении средств, 17 мая 1815 г.

¹⁰⁵ *Ibidem*. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 159. Л. 5—9 — Просьба Вязмитинова от 21 мая 1815 г. и ответ губернатора от 23 июня.

¹⁰⁶ *Ibidem*. Л. 10. В соседнем Княжестве Варшавском также разгорались споры между властью и землевладельцами относительно статуса безземельной шляхты, и нельзя сказать, чтобы чувствовалось влияние Гражданского кодекса Наполеона. В крестьянской анкете 1814 г. богатая шляхта высказалась за лишение своих бедных братьев всех вольностей. См.: *Stankiewicz Z.* Szlachta — ziemianie w świetle ankiety włościańskiej 1814 г. // *Ziemiaństwo polskie 1795—1945* / Red. J. Leskiewiczowa Warszawa, 1985. S. 117.

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Л. 223—227 — Отчет Д.А. Гурьева для представления в Сенате, 18 сентября 1815 г.

¹⁰⁸ *Ibidem*. Л. 233—234 — Опубликованный текст указа «О учинении по Польским губерниям разбора неизвестным людям, вписавшимся при 6-й ревизии в класс старой шляхты» от 20 января 1816 г. Опубликован в: ПСЗ. Т. 33. № 26108.

¹⁰⁹ А. Романович-Словатинский рассматривал этот вопрос как проблему «узурпаторов» особого вида. См.: *Романович-Словатинский А.* Дворянство в России. С. 110—113. В.И. Неупокоев в решении этого вопроса справедливо отмечает следствие финансовых проблем России после войны. См.: *Неупокоев В.И.* Преобразование беспоместной шляхты. Ожесточенность Гурьева можно частично объяснить поиском возможностей любой ценой ввести новые налоги, поскольку инфляция ассигнаций и различные другие монетарные проблемы совпали с экономическим кризисом.

¹¹⁰ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Л. 271—276 — Доклад Волынского губернского правления Сенату от 27 февраля 1817 г.; Л. 290—293 — Доклад Подольского губернского правления; Л. 258 — Доклады губернаторов этих двух губерний.

¹¹¹ *Ibidem.* Л. 247—250.

¹¹² РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 648а. Л. 35—50 — Доклад подольского губернатора С. Павловского перед Сенатом от 12 мая 1817 г. Он находится среди других отчетов из Гродно, Витебска и т.п., поскольку указ касался всех «прежних польских губерний».

¹¹³ *Ibidem.* Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Л. 267—270 — Объяснение подольской полиции от 7 августа 1817 г.; Л. 257 и ПСЗ. Т. 34 № 27014 — Печатный текст указа от 23 августа 1817 г. «О предписании гражданским губернаторам и губернским правлениям о немедленном окончании разбора чиншевой шляхты».

¹¹⁴ *Ibidem.* Л. 311—318 — Доклад Волынского губернского правления в Сенат, 27 ноября 1817 г. По сравнению с отчетом за 1800 г. здесь имеются некоторые отличия. В 1800 г. называлось 2455 наследственных землевладельцев и 2225 наследственных пользователей, в 1817 г. эти категории были разделены. Это дало 2045 полноправных землевладельцев и 421 получивших землю в пожизненное владение. Наследственные пользователи также были разделены: 820 «нормальных» (?) и 684 «традиционных» (?), 127 на казенных землях и 155 бывших военных. Все это производит впечатление окончательной путаницы в делах.

¹¹⁵ ЦДІАУК. Ф. 481. Оп. 1. Спр. 1. Арк. 3. Цит. по: *Лисенко С., Чернецкий С.* Правобережна шляхта. С. 34.

¹¹⁶ Т. Корзон, цитируя указ 1818 г., заявлял, не приводя каких-либо тому доказательств, об исключении из шляхетского сословия 60 тыс. в 1810—1830 гг. (См.: *Korzon T.* *Węwnętrzne dzieje Polski.* Т. 1. S. 130—135). Подобным образом поступил и А. Зайончковский (См.: *Zajęczkowski A.* *Szlachta polska. Kultura i struktura.* Warszawa, 1993. S. 103—104). В.И. Неупокоев приводит значительные цифры, но они являются результатом работы Комитета Западных губерний, т.е. эти данные касаются уже периода после 1831 г. (См.: *Неупокоев В.И.* Преобразование беспоместной шляхты. С. 6). Подобный повтор содержится и в работе: *Sikorska-Kulesza J.* *Deklasacja drobnej szlachty.* S. 16—17.

¹¹⁷ О переходе на русский язык в ведении дел упоминает Имеретинский (См.: *Имеретинский Н.К.* Дворянство Волынской губернии... Август 1893. С. 360). С. Лысенко и Е. Чернецкий разделяют нашу осторожность в этом вопросе (См.: *Лисенко С., Чернецкий С.* Правобережна шляхта. С. 34).

¹¹⁸ См.: *Rychlikowa I.* *Carat wobec polskiej szlachty.* S. 79—83, и два крайне ценных комментария в сносках 102 и 103 с подробной библиографией по теме однодворцев и военных поселений Аракчеева.

¹¹⁹ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Т. 1. Л. 326.

¹²⁰ Ibidem. Л. 345—348 — Доклад Киевского губернского правления Сенату от 14 марта 1820 г.

¹²¹ Ibidem. Л. 349—357 — Выговор Сената киевской полиции от 9 сентября 1820 г.

¹²² ПСЗ. 2-я серия. Т. 2 (1827). № 1674.

¹²³ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Т. 1. Л. 359 — Киевская полиция министру юстиции 25 мая 1821; Л. 358 — Министр юстиции в Сенат 20 июня в 1821 г.

¹²⁴ Ibidem. Л. 360—363 — Обращение Сената к киевской полиции от 21 июля 1821 г.; Л. 364—365 — Ответ от 13 августа; Л. 366—368 — Запись в журнале заседаний Сената от 21 декабря 1821 г.

¹²⁵ Ibidem. Л. 369—377.

¹²⁶ Ibidem. Л. 378—380.

¹²⁷ Ibidem. Л. 381—389, и указ от 23 мая 1823 г.; Державний архів Київської області (ДАКО). Ф. 1. Оп. 295. Спр. 7570. Арк. 3. Цит. по: *Лисенко С., Чернецький Ф.* Правобережна шляхта. С. 34.

¹²⁸ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Т. 1. Л. 390—403 — Доклад киевской полиции с приведением данных от 18 сентября 1823 г.; Л. 410 — Письмо Киевской казенной палаты в Сенат от 27 октября 1823 г.

¹²⁹ Ср. выводы в статье: *Rychlikowa I.* Carat wobec polskiej szlachty. S. 83. Генерал-губернатор Н. Н. Хованский считал отсутствие уверенности в данных прекрасным основанием для высылки всей белорусской шляхты в военные поселения Аракчеева. В этом состоит смысл его доклада от 22 февраля 1824 г., который был представлен на общем собрании Сената 27 февраля того же года. Такое решительное предложение показалось настолько интересным, что Сенат не раз возвращался к нему — вплоть до 1828 г. См.: РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Т. 1. Л. 411.

¹³⁰ ПСЗ. Серия I. Т. 40. № 30258. Естественно встает вопрос о том, насколько данное решение было претворено в жизнь. Шляхетская честь была задета настолько, что протестная волна могла парализовать его приведение в исполнение, о чем пишет Сикорская-Кулеша. (См.: *Sikorska-Kulesza J.* Deklasacja drobnej szlachty. S. 23). Она не объясняет, в чем именно проявлялись протесты. Она считает, что речь шла о намерении принудить шляхтичей к физическому выполнению работ. Между тем чиншевая шляхта была лишь обложена налогом. Согласно докладом губернаторов на протяжении трех лет, с 1827 по 1829 г., беспоместная шляхта платила 2 руб. 20 коп. ассигнациями с души за земские повинности и 2 руб. 28 коп. ассигнациями с души на содержание дворянского собрания (от сохранения фискального братства никто не отказывался!) и уездных судов. В 1830 г. эти выплаты были сокращены до 1 руб. 60 коп. и 1 руб. 15 коп. ассигнациями соответственно. На Волыни земские повинности начали взимать в 1829 г. в размере 4 руб. 50 коп. ассигнациями с околичной шляхты и 2 руб. 98 коп. (тоже ассигнациями, т.е. сравнительно немного) с чиншевой шляхты. На Подолии до 1830 г. такие налоги вовсе не платили. См.: РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 648а. Л. 377—380, 428—436, 440—454.

¹³¹ Ibidem. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Л. 464—465 — «Указ относительно именующихся шляхтичами без представления об их шляхетстве досточтимых доказательств». Министр внутренних дел передал этот указ в органы местной полиции 5 января 1827 г. (Ibidem. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 102. Л. 92). Подобная проблема могла

возникнуть и в Центральной России, хотя в значительно меньшем масштабе. 1 ноября 1825 г. генерал А.Д. Балашов, генерал-губернатор Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний, обратился с запросом о зачислении в армию 1700 русских дворян, потерявших свои документы. Колебания министра внутренних дел и Государственного совета свидетельствуют, что они не знали, к какому рангу их приписать и к какой социальной категории отнести. См.: *Ibidem*. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 423.

¹³² О предложении подольского губернатора и его одобрении см.: *Шандра В.С.* Адміністративні установи Правобережної України кінця XVIII — початку ХХ ст. в російському законодавстві: джерелознавчий аналітичний огляд. Київ, 1998. С. 35. Цит. по: *Лисенко С., Чернецький Є.* Правобережна шляхта. С. 36.

¹³³ ДАКО. Ф. 1. Оп. 295. Спр. 7570. Цит. по: *Лисенко С., Чернецький Ф.* Правобережна шляхта. С. 36.

¹³⁴ О двух указах по организации Комитета и необходимости одобрения его решений Герольдией см.: *Имеретинский Н.К.* Дворянство Волынской губернии. Август 1893. С. 362—363.

¹³⁵ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Л. 471—486 — Записка министра финансов от 16 марта 1828 г.; Л. 552 — Отказ I департамента Сената от сентября 1828 г. Отнесение шляхты к податным сословиям имело бы смысл, если бы она могла эти подати платить. Однако два указа свидетельствуют, что степень нищеты некоторых из тех, кто согласился записаться в мешане или в казенные крестьяне, была такой, что эти категории населения отказывались их принять. В отдельных случаях с целью помочь этой шляхте Казна приняла решение об освобождении ее от налога на пять лет. См.: ПСЗ, Серия II. Т. 4. № 2149. 11 июля 1828 г. Выслушав доклад министра юстиции Д.В. Дашкова, император одобрил распространение «помощи» на всех мелких шляхтичей (жалоба поступила с Волины), которые окажутся в подобной ситуации в результате отсутствия возможности предоставления доказательств своего происхождения. См.: *Ibidem*. Т. 5 (1). № 3663. 14 мая 1830 г.

¹³⁶ РГИА. Ф. 379. Оп. 3. Д. 887. Л. 1—2 — «О дозволении содержателям казенных имений по присоединенным от Польши губерниям, обращать крестьян, платящих чинш или оброк, к заработованию оного». Передано Константином 3 апреля 1826 г. в ответ на просьбу Пусловского от 20 марта; Л. 5—16 — Комментарии Новосильцова за апрель 1826 г.

¹³⁷ *Ibidem*. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Л. 552—562 — Указы с октября — по ноябрь 1828 г., опубликованный военный регламент от 25 января в 1829 г. Как ни странно, но о переводе шляхты в категорию государственных крестьян нет ни одного упоминания в литературе, в т.ч. в работе Н.М. Дружинина. См.: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М.; Л., 1946.

¹³⁸ Непокоев и Лысенко с Чернецким ошибочно указали дату 22 апреля 1829 г., сжато резюмировав акцию, о которой еще пойдет речь. См.: *Непокоев В.И.* Преобразование беспоместной шляхты. С. 6—7; *Лисенко С., Чернецький Є.* Правобережна шляхта. С. 37). РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Л. 603—627 — Доклад министра юстиции с пометкой царя от 11 июня 1829 г.

¹³⁹ ПСЗ. Серия II. Т. 4. № 3151. 10 сентября 1829 г.

¹⁴⁰ См.: РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 648а. Л. 79 — Начало работы Комиссии; Л. 83 и следующие — Обращения в административные органы; Представление в хроно-

логическом порядке основных законов в двух версиях: Записка о шляхте (Л. 212—303) и Краткая выписка из узаконений относящихся к шляхте (Л. 304—340); Л. 143—211 — Текст проекта «Положения о шляхте».

¹⁴¹ Ibidem. — О разделении шляхты на разряды, о правах и повинностях сего сословия.

¹⁴² Ibidem. — Об устройстве шляхты, управлении оной, о обязанностях, надзоре и ответственности.

¹⁴³ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 346. Л. 633—665 — Отчеты Сенату от 20 января 1830 г.; Л. 647—665 — Различная переписка перед ликвидацией. Среди замечаний, высказанных в связи с проектом Положения от 13 декабря 1829 г., одно из самых либеральных принадлежит надворному советнику Сумцову, рекомендовавшему способствовать доступу бедной шляхты к образованию, чтоб подтолкнуть ее к повышению в чинах. Великолепная идея, высказанная в преддверии закрытия Виленского университета. Ibidem. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 648а. Л. 381—386.

¹⁴⁴ Ibidem. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 648 а. Л. 428—436 — Отчет Киевской губернии; Л. 455—457 и 377—380 — Отчет Волынской губернии; Л. 440—454 — Отчет Подольской губернии.

¹⁴⁵ *Cieszelski T. Ród Grocholskich i jego archiwa // Pamiętnik Kijowski. T. VIII. 2006. S. 233—247. Краткая биография губернатора представлена на стр. 235, о его дворце в с. Стрижавка под Винницей см. стр. 238.*

Глава 3

ПОЛЬСКИЕ ПОМЕЩИКИ ПОД ОКОМ ПЕТЕРБУРГА

Хотелось бы, не претендуя на описание всех сторон жизни польских землевладельцев на Украине, рассмотреть то, что уцелело от их внутренней самоорганизации — знаменитой шляхетской вольности, являвшейся одной из форм демократии в предыдущие столетия. Вместе с тем крайне важным является изучение методов и результатов царского контроля над этой группой, что дает возможность определения уровня эффективности работы царской администрации и степени солидарности и единства, существовавшей внутри самой империи. В первой главе уже оговаривалось то, какой фикцией стали демократия и шляхетское братство в период Четырехлетнего сейма. Кроме того, частично было показано, что само понятие дворянства, основанное в русском понимании на владении поместьем, не слишком отличалось от понимания сути шляхетства реформаторской группой «патриотов» Речи Посполитой в 1791 г. Как могли польские помещики смириться с потерей права решающего голоса и законодательной власти на сеймиках и с фактом ликвидации сейма? Неужели достаточной компенсацией стало несколько царских указов (речь идет об указе от 27 сентября 1793 г., гарантировавшем неприкосновенность имений, и указах от 20 октября и 14 декабря 1794 г., согласно которым польским землевладельцам предоставлялись такие же привилегии, как и русским дворянам, включая власть над крепостными)? В новых условиях сеймики стали именоваться сперва шляхетскими, а затем дворянскими собраниями. Привело ли изменение названия к изменению значения этой организации? Было ли суждено этим собраниям превратиться в исполнительные органы царской административной системы? Достаточно ли было польским землевладельцам того, что екатерининская Жалованная грамота 1785 г. сохраняла за собраниями судебные полномочия, а за шляхтой — традиционные титулы, засвидетельствованные в гербовниках?

В этой главе основное внимание будет уделено двум тесно связанным между собой аспектам шляхетской жизни, а именно выборам, имевшим принципиальное значение для внутренней иерархии шляхты, прежде всего в судебных органах власти, и деятельности собраний, определявших весь круг возможного проявления активности шляхты. Анализ того, каким об-

разом происходившие изменения комментировались, воспринимались, направлялись как заинтересованной стороной, так и различными властными органами, даст нам возможность оценить позицию царского правительства и предложить новый взгляд на историю постепенного закручивания гаек центральной властью в изучаемых губерниях, где всё — за исключением веры крестьян — было ей чуждо.

В основу деятельности польских сеймиков легло стремление сохранить преемственность судебной системы, т.е. прежде всего сохранение существовавших порядков в деревне, в т.ч. барщины. Российским властям не составило труда назначить военного губернатора в Киеве и разместить армию для устрашения поляков. Куда сложнее было обеспечить порядок и покой: и хотя в губернии правления трех губернских городов — Киев, Каменец-Подольский и Житомир — назначали по большей части чиновников из центра, однако на местах с этой задачей могли справиться лишь польские органы власти, существовавшие здесь долгие столетия. Необходимо помнить, что на Украине сеймики собирались регулярно со времени принятия в 1566 г. Второго Литовского статута. События же недавнего прошлого (конца XVIII в.) показали, насколько важной была способность быстро подавлять крестьянские бунты. Как раз в канун второго раздела Польши Комиссия гражданского и военного порядка, созданная Великим сеймом 23 февраля 1789 г., доказала эффективность шляхетских институтов власти в условиях ослабленной военной мощи Речи Посполитой. На Волыни начались крестьянские волнения, получившие название Волынской тревоги 1789 г., причиной которых стало ошибочное понимание реформаторских намерений Четырехлетнего сейма. Сына Ивана Гонты, одного из руководителей Колиивщины — восстания гайдамаков 1768 г., заподозрили в том, что он по примеру отца устроит резню шляхты и евреев. Шляхта восстановила порядок в Луцке, в результате чего было вынесено 30 смертных приговоров, а также арестовано несколько сотен бунтовщиков, хотя оснований для столь сурового решения было намного меньше, чем в 1768 г.

ОТ СЕЙМИКОВ К ПЕРВЫМ ШЛЯХЕТСКИМ СОБРАНИЯМ

Во время военных операций под руководством М.Н. Кречетникова и Т.И. Тутолмина царское войско могло выступать как защитник крестьян, однако после смерти Екатерины II Павел I пришел к выводу, что сохранению гарантированных польской шляхте его матерью привилегий должно сопутствовать возобновление местной судебной-административной системы как части упомянутых привилегий. Отныне император должен был давать губернаторам разрешение на созыв губернских шляхетских собра-

ний, которые, в свою очередь, могли избирать судей сроком на три года. Содержание двух указов, изданных по этому поводу 6 февраля 1797 г.¹, и способ их выполнения свидетельствуют, что толкование российского законодательства (Жалованная грамота дворянству 1785 г.) и польского права (Литовский статут 1566 г.) давало основания для различных интерпретаций.

Первый указ предусматривал избрание трех или четырех шляхтичей на главные судебные должности, что не отвечало ни количеству, предусмотренному Жалованной грамотой (статьи 41 и 42), ни существовавшим на Украине традициям, где судей было намного больше, но Павел I, желая подчеркнуть, кто хозяин, настаивал на необходимости «представления нам на утверждение, кого мы достойным тех мест за благо признаем».

Во втором указе разрешалось сохранение польских наименований должностей: маршал (в действительности маршалок) вместо предводителя и хорунжий (по-польски — *chorąży*, знаменосец) — вместо кандидата (заместителя) предводителя. Согласно «Табели о рангах» первая должность соответствовала V классу, а вторая — VII. В дальнейшем мы убедимся в том, что на притяжении последующих 30 лет одним из наиболее хлопотных вопросов станет интеграция польских должностей в российскую систему согласно «Табели о рангах».

Как бы там ни было, а первые шляхетские выборы состоялись при Павле I, подробные же отчеты волынского и подольского губернаторов дают возможность для нескольких существенных замечаний². Сопоставление этих отчетов с данными главного казначейства Министерства финансов от 20 июля 1800 г., основанных на переписи 1795 г. (см. предыдущую главу), позволяет дать по сравнению с Э. Ростворовским более точную оценку как относительно количества «граждан», так и сути данного «гражданства»³.

Хотя при переписи 1795 г. в том, что касается определения «землевладелец», не было дано четких и одинаковых для всех губерний указаний, однако достоверно известно, что поветовые маршалки, предоставлявшие эти сведения, исходили из количества крепостных душ, не уделяя при этом особого внимания размеру поместий. Околичная шляхта, которая сама обрабатывала свои наделы, отождествлялась (по крайней мере, на Волыни) с чиншевиками, т.е. ее относили к беспоместной и не включали в списки. Поскольку в Жалованной грамоте не давалось четкого определения размеров поместий, были переписаны все от самых небольших до самых крупных поместий. Более того, это было сделано в духе польской переписи 1791—1792 гг., так как в список были включены самые различные владельцы: арендаторы, пожизненные владельцы и залогодержатели, которых было немало на территориях многочисленных латифундий. К примеру, в

Киевской губернии несколько магнатов владело даже целыми уездами. В этой губернии землевладельцы в строгом смысле слова не составляли даже трети тех, кто жил за счет земли. До того как в первые годы царствования Александра I были сделаны некоторые уточнения и введены ограничения, все они относились к «гражданам» (*obywatelstwo**), т.е. к тем, кто пользовался активным или пассивным избирательным правом на шляхетских (дворянских) собраниях, которые еще долго будут называть губернскими сеймиками.

Пользующаяся избирательным правом шляхта распределялась следующим образом:

	Киевская губерния	Волынская губерния	Подольская губерния
Родовая шляхта	511	2455	Представлены как «владельцы земель и сел»
Арендаторы	1181	2225	
Итого	1692	4680	4654

Соответственно на Правобережной Украине проживало 11 026 «землевладельцев», которые выслали своих представителей на объявленные Павлом I выборы в Каменец-Подольском (16—21 апреля 1797 г.) и Житомире (1—5 мая 1797 г.). Протоколы из Киевской губернии не сохранились — возможно, что там из-за недостаточного количества землевладельцев было невозможно провести нормальные губернские выборы.

Из сравнительного анализа данных по переписи и обоих отчетов следует, что явка была низкой. При почти одинаковой численности землевладельцев на Волини и в Подолье в губернские центры прибыло лишь по 260 избирателей (цифра приблизительная, поскольку в зависимости от дня голосования число выборщиков менялось). 260 избирателей из Подольской губернии составляли 5,5% землевладельческой шляхты. К сожалению, неизвестно, каким образом они были избраны и в какой степени были поддержаны на местах. Неизвестно также, проводился ли какой-то их отбор, или это были самовыдвиженцы—; последнее свидетельствовало бы о низком уровне гражданского сознания 94,5% отсутствующих на губернских выборах. Косвенный ответ на этот вопрос мы получим в дальнейшем при анализе регламента проведения выборов от 3 мая 1805 г. Отсутствуют данные и о количестве выборщиков на первом этапе, однако вполне вероятно, что, собственно, эта небольшая группа и составляла «клуб землевладельцев», о котором мечтали польские авторы Закона о сеймиках 1791 г., в чем обнаруживается его неожиданное сходство с Жалованной грамотой дворянству.

* *Obywatelstwo* (польск.) — 1) гражданство; 2) землевладельцы, помещики. (Прим. пер.).

В то же время пример из Подольской губернии свидетельствует о том, что выборы не проходили в соответствии с Жалованной грамотой и царскими указами об их созыве. Отчет подольского вице-губернатора Арсеньева, русского по происхождению, раскрывает перед нами тайну урн: количество голосов, отданных за каждого из избранных уездных маршалков. Голосовали шарами: белый шар означал «за», черный — «против».

Согласно ожиданиям первые подольские маршалки в большинстве своем были представителями самых известных семейств этой губернии. Были избраны:

Каменец-Подольский уезд	Петр Стадницкий
Ушицкий уезд	Юзеф Витославский
Проскуровский уезд	Михал Пшездзецкий*
Летичевский уезд	Шимон Быковский
Литинский уезд	Михал Орловский
Винницкий уезд	Чеслав Ярошинский
Брацлавский уезд	Ян Швейковский
Гайсинский уезд	Антоний Ярошинский
Ямпольский уезд	Юзеф Потоцкий
Могилевский уезд	Каetan Урусский
Балтский уезд	Михал Венцкий
Ольгопольский уезд	Фортунат Михаловский

Несколько маршалков, которых в российских документах того времени именовали маршалами, не побоялись сообщить в Петербург свои давние польские титулы и должности, которые выглядели несколько устаревшими: Быковский назвал себя Звенигородским хорунжим, Орловский — ротмистром бывшей национальной кавалерии, Потоцкий — галицким старостой, Урусский — подольским чесником, Михаловский — поручиком бывшей национальной кавалерии, Венцкий — камергером польского двора. Эти двенадцать уездных выборщиков, желавших сохранить в новых условиях свой прежний статус, избрали губернского маршалка, находившегося уже два года в этой должности, — графа Теодора Потоцкого.

Затем 260 выборщиков избрали друг друга на судебные должности (выборы проводились раз в три года), которые гарантировали полную власть землевладельческой шляхты над общественной и сельской жизнью вплоть до 1831 г. Учитывая количество раздаваемых должностей, практически каждому досталось место на уездном или губернском уровне.

* *Przeździecki* — возможная транскрипция фамилии Пшездзецкий, Пшездзецкий, Пшездешский, Пржездзецкий, Пржездешский. (*Прим. пер.*)

Самыми престижными были должности четырех главных руководителей первого и второго департаментов земских (по гражданским делам) и гродских (по криминальным делам) судов, сохранившие свои прежние польские названия. В каждом департаменте кроме руководителя было еще по трое помощников — подсудков. В принципе на все остальные должности назначалась родовая шляхта (наследственные землевладельцы), но поскольку на каждый уезд приходилось по 15 мест (в целом 180), в нескольких случаях удалось оказаться при должности и некоторым арендаторам, а в Ушицком уезде секретарем был чиншевик. В каждом уезде было по три суда, польские названия которых сохранились в русском языке: подкоморский, земский и гродский. Подкоморский суд регистрировал все акты поземельной собственности и нотариальные акты, а также рассматривал споры о праве собственности. Во главе него стоял подкоморий, которому помогал коморник (землемер). В состав земского суда входили судья, два заседателя и секретарь, как уже отмечалось, он отвечал за решение гражданских споров. Давний гродский суд был заменен полицейским участком, во главе которого стоял исправник, у него в подчинении находилось три следователя — заседателя, в данном случае польские названия должностей не сохранились. Все они, включая возных, получали должность благодаря своему происхождению, компетентность же в юридических вопросах, вероятно, была делом практики.

Мнимое шляхетское правосудие разьедало кумовство, помноженное на коррупцию, которое не раз клеймилось в произведениях польских авторов со времен эпохи Возрождения (Миколай Рей, Севастьян Кленович) и до конца XVIII в. (Адам Нарушевич, Енджей Китович). Однако существовавшая система была настолько значительной частью жизни шляхты, что еще было рановато для нанесения прямого удара по ней, подобного тому, который произвела Австрия на отошедшей к ней части земель бывшей Речи Посполитой. Многочисленность шляхты на Украине и в Литве политически усложняла для России проведение реформы, аналогичной австрийской в Галиции. Павел I, который решил вознаградить послушных поляков, 14 октября 1799 г. сделал должность шляхетского маршалка пожизненной, однако в мае 1802 г. Александр I возобновил ее выборность⁴. После 1820 г., в чем нам предстоит убедиться, в отдельных случаях одни и те же губернские предводители шляхты будут переизбираться на протяжении десятков лет.

Невзирая на существовавшие злоупотребления и архаичность, польские дворянские собрания сохранились примерно до 1860 г., причиной тому была неспособность царских властей обеспечить украинские губернии нужным количеством чиновников. Собрания, чью работу власти пытались корректировать, были нужны Петербургу для обеспечения сбора

налогов и проведения рекрутских наборов. Итак, маршалки, подкомории с подсудками поддерживали чиновников, это взаимодействие гарантировало существование крепостничества еще долгие годы. О судебной реформе в Петербурге начали вести робкие разговоры лишь после 1831 г. До этого времени лишь несколько малозначительных поправок нарушило незыблемость местного самоуправления. Возможно, именно такое положение дел обусловило то, что в русском языке одним из синонимов слова «обыватель» (созвучного польскому слову *obywatel* (гражданин)) стало «филлистер» — человек с узким кругозором, живущий исключительно мелкими личными интересами, а синонимом чванливого высокомерия, заносчивости стало польское слово латинского происхождения *honor* (честь), в русском варианте звучащее как «гонор».

Принципы раздачи судебных должностей в первые после присоединения к Российской империи годы также дают повод задуматься над тем, насколько по сравнению с землевладельцами, остающимися вне всякого подозрения, в действительности шляхетскими привилегиями пользовались посессоры и арендаторы. 19 октября 1798 г. Павел I решил ликвидировать суды в Васильковском, Черкасском и Уманском уездах Киевской губернии, мотивируя это нехваткой достаточного количества шляхтичей для их формирования. Судебная власть над первым перешла к Богуславскому уезду, над вторым — к Чигиринскому и над третьим — к Звенигородскому. Затем в ноябре 1800 г. гражданским губернатором В.И. Красно-Милашевичем было продолжено сокращение судов, и к 6 сентября 1804 г. в Киевской губернии лишь семь уездов из двенадцати имели полный судебный аппарат: подкоморский суд и двухступенчатый (верхний и нижний) земский суд⁵.

Официальная причина — недостаточное количество шляхтичей — выглядит несколько надуманной: даже если взять под сомнение данные переписи и учесть, что в Киевской губернии было втрое меньше землевладельцев, чем в Волынской и Подольской, они все-таки составляли 1692 лица, а такого количества должно было хватить для полной комплектации уездных судов. Правда, в 1797 г. Уманский уезд целиком (речь идет о 117 селах с примерно 60 тыс. крестьян обоего пола) принадлежал Щ. Потоцкому. Сложно себе представить, чтобы такого магната интересовали проблемы правосудия на низшем уровне. Его владения не ограничивались лишь этим уездом: в целом ему принадлежали 312 сел. Не столь богатым был его кузен Петр Потоцкий, впрочем, как и Чарторийские, владевшие 194 селами, Браницкие, Вороницы, Любомирские, Жевуские или Оссолинские⁶. Тем не менее предположение, что из 511 фигурирующих в переписи наследственных землевладельцев никто не выразил желания заседать в суде или возглавить шляхетское собрание, кажется сомнительным; удив-

ляет и то, что эти функции не были перепоручены кому-то из 1181 арендатора, зафиксированного в переписи по Киевской губернии. Следует ли из этого сделать вывод, что при Павле I крупные землевладельцы этой губернии восприняли указ Екатерины II от 3 мая 1795 г., где в 3-м пункте шла речь лишь о владении землей, а не о ее аренде, буквально? Или, скорее, можно предположить, что отсутствие органов правосудия в пяти уездах окончательно развязывало магнатам руки и полностью отвечало их желаниям?

В любом случае такое положение дел не могло сохраняться долгое время: мало того что в судах накапливались залежи крестьянских жалоб, негде было регистрировать земельные сделки шляхтичей. И хотя наверняка подкупленный военный губернатор, которому поручили провести в Киевской губернии перепись, в 1804 г. утверждал, что в губернии проживают всего 401 наследственный землевладелец и 426 арендаторов, т.е. в целом 827 «граждан» (лишь половина из приведенных в переписи 1795 г.), Сенат постановил, а император утвердил решение о возобновлении деятельности пяти судов и их организации в Богуславе, Чигирине, Липовце, Махновке и Умани.

Вопреки повсеместной для Российской империи практике, согласно которой судьями становились местные жители, указ предписывал провести выборы из числа «граждан» соседних уездов, а если это невозможно, назначить русских чиновников из губернского правления, что было все-таки нежелательно, «особливо по тамошним обрядам судопроизводства, основанным на прежних их правах» (т.е. речь шла о применении права согласно Литовскому статуту, тогда еще малоизвестному властям).

Украинский историк И. Кривошея отмечает, что и в самом деле до 1809 г. маршалки Уманского уезда земельных владений в нем не имели, а впоследствии, после смерти в 1805 г. Щ. Потоцкого, его огромное имение было раздроблено между множеством потомков. Значительная часть его владений была выставлена на продажу, и таким образом появились многочисленные новые владельцы средней руки (зачастую прежние арендаторы). Эта «демагнатизация» дала возможность организовать выборы, поскольку с этого времени количество шляхтичей стало достаточным⁸.

Александр I, как уже говорилось, в начале своего правления принял энергично приводить в соответствие основные принципы существования польской шляхты с принципами организации российского дворянства, однако постепенно пришел к выводу о существовавших между этими группами принципиальных отличиях. В мае 1802 г. он упразднил пожизненное пребывание маршалков в должности, что дало повод А. Чарторыйскому полагать, что в скором времени все существовавшие проблемы будут решены⁹. Действительно, в опубликованном 19 мая 1802 г. Учреждении о

губерниях, новой редакции Учреждения 1775 г., много места было уделено выборам и функциям, возлагаемым на дворянство, однако, поскольку это был текст общего характера, в скором времени его оказалось недостаточно, и губернаторы начали его корректировать. Указ был критически воспринят и наиболее независимыми членами польских дворянских собраний, которые, едва лишь политический климат стал более благоприятным, выступили с инициативами, в значительной степени отличными по своему характеру от принятого в среде русского дворянства повиновения. Например, сразу после провозглашения указа от 19 мая полномочный представитель волынской шляхты, князь Каликст Понинский, обратился с просьбой, чтобы на должности, на которые было невозможно найти кандидатов из помещиков (скорее всего, речь шла о второстепенных должностях, которые не интересовали богатую шляхту, а не о нехватке вероятных кандидатов), позволили назначать чиншевиков, на что через месяц получил временное разрешение¹⁰.

Подобные поправки никак не могли способствовать унификации традиций, характерных для русского дворянства и польской шляхты. Ход выборов в Подольской губернии, которые согласно указу от 19 мая начались 25 августа 1802 г., во многом свидетельствует о том, что «граждане»-шляхта продолжали по старинке считать дворянские собрания-сеймики поводом для шумихи, драк и демонстрации «золотых вольностей». Военный губернатор А.Г. Розенберг, на которого был возложен надзор за ходом работы собрания, и гражданский губернатор В.И. Чевкин были более чем удивлены увиденным, о чем и сообщили в Петербург.

Их рапорты дают возможность реконструировать небольшой скандал в стиле давних традиций «шляхетской демократии», а одновременно с этим увидеть первые попытки вмешательства со стороны российского чиновничества в дела этой замкнутой среды¹¹. Согласно рассказу Розенберга, в назначенное время множество шляхтичей (т.е. 200—300 человек) съехалось в Каменец-Подольский, дав тем самым понять, как высоко они ценили оказанную им честь. После традиционной церемонии принесения присяги в большом зале благородного собрания губернатор Чевкин обратился к ним с речью, в которой заверил их в расположении к ним монарха и призвал выбрать среди равных себе предводителя — человека достойного, заслуженного и опытного, а кроме того, всем сердцем готового служить правде, поскольку именно ему они веряли не только свои дела, но и судьбу. Ходом дискуссии и голосованием руководил Ю. Витославский, однако в скором времени военный губернатор убедился в том, что процедура выборов не отвечала установленным правилам и что во многих уездах количество «чиновников» (автор рапорта заменил этим словом, очевидно, непонятное ему польское слово *posei* — депутат), не располагавших какой-либо

собственностью, было крайне велико. Вновь видим уже упомянутую проблему — зажиточная шляхта неприязненно относилась к служебным обязанностям. Подобное положение дел, по мнению Розенберга, противоречило как положениям Жалованной грамоты, так и указу от 19 мая 1802 г., поэтому после безрезультатного напоминания главе собрания о регламенте он не колеблясь обратился к губернскому прокурору и городничему с просьбой провести проверку, что, несомненно, явно противоречило неприкосновенности депутатов и шляхетской автономии, а потому оказалось нереальным. Недовольство и беспорядок достигли пика, когда в зале заседаний и в городе начали распространяться памфлеты на некоторых членов собрания, что свидетельствовало о формировании партий, а это уже было абсолютно неприемлемо для самодержавия. Военный губернатор поручил коменданту знаменитой Каменецкой крепости Гану и В.И. Чевкину найти авторов и издателей этих постыдных и незаконных произведений (которые, естественно, не прошли царской цензуры, находящейся на тот момент еще на стадии формирования). Напрасный труд. Важные лица, в адрес которых были направлены памфлеты, покинули выборы.

Следствием бурных выборов стало то, что гражданскому губернатору Чевкину согласно ст. 39 Жалованной грамоты предложили две кандидатуры на пост маршалка. Чевкин считал, что один из них — землевладелец Людвик Рациборский, который никогда не занимал никаких должностей даже на уровне уезда, а большая часть отданных за него голосов внушала сомнения, — не отвечает необходимым критериям. Губернатор отдал предпочтение Каетану Пешинскому, который, по крайней мере с 1797 г., был хорунжим в своем Летичевском уезде, а затем с 1800 г. — уездным предводителем. Таким образом, вроде бы требования российских властей к «службе» были соблюдены. Губернатор заверял, что в своем выборе руководствовался исключительно уважением к воле императора и закону.

Считая свое задание выполненным, военный губернатор Розенберг отбыл по делам в Одессу. И тем самым совершил ошибку, поскольку понятия не имел о принципах функционирования «шляхетской демократии». Он не успел проехать и 35 верст, как получил письмо от Чевкина, высланное 7 сентября 1802 г., с сообщением, что Пешинский отказался от должности маршалка, поскольку не чувствовал себя в состоянии исполнять возложенные на него обязанности. К письму прилагалась петиция членов дворянского собрания, написанная на польском и русском языках, в которой объяснялось, что отказ Пешинского предопределен состоянием его здоровья и нехваткой опыта. Шляхта просила утвердить в должности Рациборского, получившего большинство голосов, а именно 125. Уже 8 сентября теми же лицами — уездными маршалками и только что избранными судьями было составлено на польском языке обращение к императору,

в котором объяснялось, что набравшего всего 100 голосов Пешинского выдвинули только потому, что по закону следовало предлагать двух кандидатов, и что он, кроме того, находится под полицейским надзором. «То, что маршалком губернии был утвержден тот, кто менее отвечал пожеланиям общества, вызывало неудовлетворительную реакцию», — писали протестовавшие, добавив несколько льстивых фраз о чувстве справедливости императора.

Методы, как видим, не были слишком деликатными, однако решение царского представителя обжалованию не подлежало. Как раз тогда, когда Розенберг получил письмо Чевкина и петицию, прибыл новый посольный с письмом от Пешинского, в котором тот сообщал, что никогда ни от чего не отказывался, напротив — с благодарностью принимает оказанную ему честь. Чевкин также получил подобное послание. Поддержка со стороны царских властей дала Пешинскому возможность выиграть выборы без учета мнения большинства своих «сограждан».

В объяснениях, представленных обоими царскими чиновниками в конце декабря министру юстиции Г.Р. Державину, подчеркивалось, что поддержанный ими маршалок старательно исполнял возложенные на него обязанности. Кроме того, были даны заверения, что он не находился под полицейским надзором. Он лишь получил напоминание о внесении оплаты за уборку места, где происходило дворянское собрание в 1801 г. Вопрос был закрыт, а того, кто не хотел поддержать голосования, самого лишили права голоса.

Суть интриги, по мнению обоих российских чиновников, состояла в том, что предыдущий маршалок Витославский, вдохновитель написания петиции к Александру I, был шурином Рацборского. Это предположение представляется правдоподобным. Данный пример хорошо иллюстрирует значение кумовства в жизни шляхты, как, впрочем, и манипулирования голосами нескольких безземельных шляхтичей при слабом участии в выборах. Ведь контроль над судебной властью давал возможность слежения за ходом всех земельных сделок, а также контроль над аграрными отношениями.

Представление о роли шляхты в империи не предполагало беспокойства о сохранении влияния на местном уровне, а также превосходства помещиков. Это становится еще более понятным, если принять во внимание, что императорский указ Сенату от 4 февраля 1803 г., уточнявший роль Герольдии, не вызвал практически никакого отклика на Украине¹². Этот высший орган по делам привилегированного сословия, управляемый герольдмейстером и двумя ассессорами, одновременно подчинявшийся министру юстиции и генерал-прокурору Сената, был, как мы уже убедились, хотя в то время это могло быть еще не настолько очевидно, абсолютно

непригодным для проверки шляхетских титулов в присоединенных губерниях. Подписывая указ, царь ошибочно полагал, что можно полностью добиться того, чтобы принимались лишь исключительно достоверные свидетельства о шляхетском происхождении, этого идеала на Украине не удавалось достичь. Одно из положений указа свидетельствует о бездне, разделявшей помещиков юго-западных и центральных губерний Российской империи. Указом определялась процедура назначения на государственные должности, получения высоких должностей в царской администрации, а также напоминалось, что кандидаты на такие должности должны быть внесены в списки, представляемые в Герольдию раз в три года; кандидаты должны были выдвигаться дворянскими собраниями, в т.ч. должна была делаться отметка о предпочитаемом месте службы. Далее прилагался список должностей, на которые можно было таким образом выдвигать людей.

Случалось, хотя и крайне редко, что некоторые польские аристократы с Украины назначались на высокие должности: в 1818 г. Филипп Плятер* стал волынским вице-губернатором, в 1820-х гг. Б. Гижицкий и М. Грохольский были даже назначены губернаторами, хотя очень сомнительно, что они смогли подняться так высоко благодаря описанной избирательной процедуре: связи при дворе были фактором значительно более действенным. В целом же, за несколькими исключениями, помещики на Украине не выражали желания получить чин таким образом.

Н.К. Имеретинский, изучавший в 1893 г. волынское дворянство, не только удивлялся, но и возмущался, найдя подтверждение о государственной службе в Герольдии лишь для двух лиц с 1803 по 1818 г., по одному лицу в 1818, 1819 и 1820 гг., ни одного в 1821 и 1822 гг., для двух в 1823 г.; незначительный рост наблюдался в более поздний период: от одного до десяти лиц в 1824—1830 гг.¹³

Очевидно, чтобы избежать последствий бесконтрольных действий судей, избранных способом, описанным выше, император указом от 19 июля 1804 г. устанавливал, что в дальнейшем четыре представителя шляхты/дворянства — заседатели уездных судов — будут исполнять возложенные на них обязанности не в качестве почетных, как ранее, а за незначительное официальное вознаграждение, предусмотренное в бюджете Министерством финансов в размере 200 рублей ассигнациями в год, и будут подчиняться Министерству внутренних дел. Вместе с тем не было сказано ни слова о соответствии этой должности существовавшему перечню гражданских чинов в Табели о рангах — видимо, причина крылась в том, что эта выборная должность, включавшая в себя «феодалные» традиции, воспри-

* Известен как Филипп Антонович Плятер. (Прим. пер.)

нималась властями как временная и переходная. Этот гибрид по своей сути был слабо интегрирован в бюрократическую машину империи¹⁴. За исполнение остальных судебных функций, как мы в дальнейшем убедимся, продолжали платить вознаграждение из дворянских взносов.

УКАЗ О ВЫБОРАХ 1805 ГОДА И ВИДИМОСТЬ ДИАЛОГА

Централизованное государство не могло быть довольно судопроизводством, зависимым от местных кланов и класса землевладельцев, четко определить границы которого не удавалось, поэтому в 1805—1808 гг. власти предприняли несколько попыток навести порядок.

Наступление на действующую систему правосудия начал киевский гражданский губернатор П.П. Панкратьев, а Сенат подготовил несколько уточнений относительно проведения выборов.

Среди очень подробных и ценных губернаторских отчетов внимание привлекает отчет Панкратьева за 1804 г., прочитанный тщательным образом (как свидетельствуют собственноручные отметки карандашом) министром внутренних дел В.П. Кочубеем. В нем представлена критика находившейся в руках польской шляхты судебной системы, что говорит о том, что достаточно рано царская администрация начала воспринимать ее как ахиллесову пяту польской шляхты на Украине. Однако пока в этом направлении власти действовали медленно и осторожно. Основы польского правосудия, определенные Литовским статутом, будут полностью уничтожены в период 1831—1840 гг.

С момента своего назначения Панкратьев обращал внимание на существовавшие несоответствия в традиционном правосудии и на отсутствие возможности у властей напрямую иметь дело с крестьянами без посредничества польских структур, в том числе и «неблагомыслящих экономов по поместьям». Обстоятельно обосновав свою жалобу министру внутренних дел 4 декабря 1802 г., он повторил ее в отчете за 1804 г.¹⁵ Губернатор уже тогда выступал за реорганизацию системы судопроизводства, которой недоставало средств, персонала, а главное, как отмечал губернатор, она была абсолютно неконтролируемой. Кассационную жалобу на решение этих судов можно было подать только в Сенат, но никто не осмеливался туда обращаться. Следовало, по мнению губернатора, создать губернский апелляционный суд. Это предложение было оставлено без внимания. Зато было внимательно воспринято все, что губернатор сообщал об уездной полиции. Избранные шляхтичи, по его утверждению, не могли успешно справляться с возложенными на них обязанностями, поскольку в большинстве своем были мелкими землевладельцами, получавшими мизерную добавку к своим доходам из взносов, которые шляхта платила в казну (получая на-

лог на земские повинности, государство выступало лишь посредником). Земский исправник (глава нижнего земского суда — сельской полиции) получал всего 250 рублей ассигнациями в год, а его заседатели — по 200 рублей. Из этой суммы оплачивались нанимаемые служебное помещение и квартира, дневные и ночные поездки по приказам и делам следствия на своих или нанятых лошадях, при этом командировочные не предусматривались. Губернатор сообщал о необходимости увеличения размера жалования и обеспечения их большим штатом секретарей и переписчиков, которым также следовало повысить выплаты. Последним платили от 30 до 70 рублей в год, а потому на эти низкооплачиваемые должности соглашалась обычно лишь чиншевая шляхта. Затем Панкратьев переходит к своей основной идее. Он не намеревался отменить принцип выборности для судебных органов и соглашался с тем, чтобы помощников исправника и в дальнейшем определяло дворянское собрание «для соблюдения в точности священного закона», о чем он наверняка не раз слышал от местной шляхты, «чтобы всяк своими судился». Зато избрание исправника, по его мнению, к «святым» принципам не относилось. Он должен был, по мнению губернатора, стоять выше интересов отдельных групп и олицетворять Закон, «но он, завися выбором от самих помещиков, может ли быть так взыскателем, чтобы не опасаться, что вперед ни к чему его не выберут? Почему и весьма нужно, чтобы земский исправник был зависим от определения губернского начальства», т.е. решения губернатора приравнивались к закону. «А всего бы лучше, — писал далее прямо губернатор, хотя и знал, что бюджет Министерства юстиции такого не позволит, — если бы определено было поветовым судам жалование, а всякие акцизы по правам польским собираемые были запрещены». Однако еще нескоро настанет время для проведения столь серьезной реформы.

И, наконец, Панкратьев обращал внимание на то, что крестьяне были поставлены в полную зависимость от поляков, т.е. на то, что российские власти постепенно осознали лишь на протяжении XIX в. Его наблюдения обуславливаются не столько гуманными соображениями, сколько прежде всего недостатком средств в распоряжении шляхетского судопроизводства для выполнения репрессивных приговоров в случае беспорядков или, что еще более важно, для принуждения крестьян к внесению налоговых недоимок. Существовавшая система полностью исключала возможность осуществления российской властью контроля над крестьянской жизнью.

Закрытость жизни украинских (а также белорусских и литовских) сел крайне раздражала Панкратьева уже в 1804 г. Он сетовал на то, что польские шляхтичи обычно назначают среди своих украинских крепостных сотников и десятских для помощи местной полиции, однако именно это делает ее полностью бессильной. «Сотник, — писал Панкратьев, — не

имеет силы и не смеет противу своего помещика или его эконома и слова сказать». Вот почему существовала, по его мнению, неотложная потребность в создании государственной полиции на селе, поскольку как можно верить в справедливость судов первой инстанции и их приговоры, когда исправник приказывает сотнику одно, а помещик или его эконом — совсем другое? Действительно последнее слово всегда оставалось за помещиком, поскольку он в любой момент мог подвергнуть телесному наказанию сотника лишь за попытку выразить несогласие, тогда как исправник не имел права никого и пальцем тронуть, поскольку предпочитал быть в согласии с теми, кто его избрал.

Из всех замечаний Панкратьева было принято лишь предложение о назначении исправника. Хотя волынская шляхта в 1816 г. сможет обойти даже это решение, общее направление было определено. В отчете за 1805 г. Панкратьев благодарил Кочубея за то, что тот сумел добиться принятия данного решения от царя. Он также выражал надежду на лучшее исполнение закона в случае уменьшения местных прерогатив шляхты, а также вновь просил повысить жалованье исправникам, более того, писал о необходимости повышения данного гражданского чина в Табели о рангах по образцу военных¹⁶.

В тексте императорского указа Сенату от 3 марта 1805 г. о назначении исправников отмечалось, что кандидатуры на эти должности будут предлагаться гражданскими губернаторами и утверждаться Сенатом. Отбор должен был вестись «среди компетентных лиц» по мнению губернаторов, которые могли их с этих должностей отзывать. Кроме того, в указе бегло говорилось о проблемах, связанных с набором полицейских в центральных губерниях, что опосредствованно свидетельствует о том, что на Украине эти функции брали на себя по большей части местные поляки, что противоречило традициям братской шляхетской солидарности — они становились служащими царской администрации. Отметим, что со временем на эту службу все чаще будут идти чиншевики¹⁷.

В тот же день, когда было принято решение об исключении права выбора исправников из компетенции шляхетских собраний, был провозглашен другой указ более общего характера, который четко и ясно определял процедуру проведения выборов и функции дворянских собраний в «польских губерниях»¹⁸. Текст указа состоял из четырех частей, делившихся на двенадцать параграфов, касавшихся права голосования, права избрания, особых правил для этих губерний и прерогатив предводителей дворянства. В этом тексте была сделана попытка объединить российское, польское право и Литовский статут, следствием чего стало изобилие двусмысленностей, а также наличие противоречащих друг другу определений, что дава-

ло возможность различного толкования, к чему часто прибегали в последующие годы.

Право голоса имели владельцы имений, чей доход составлял по меньшей мере 150 рублей. Однако само определение, чем является поместье, оказалось делом значительно более сложным. Наименее спорным было понятие наследственного имения. В польском понимании такое имение охватывало также земли в условном владении, под ипотечным залогом или переданные в пожизненное пользование. В поместье же согласно российскому праву должны были проживать «люди, которые принадлежат владельцу» (крепостные) или «по условиям на землях их водворенные и в хлебопашестве упражняющиеся» (чиншевая шляхта). Такие селения должны были состоять по крайней мере из восьми дымов. Пока еще не было речи о том, что последует после 1831 г. — ни о минимальной площади, ни о минимальном заселении. В отличие от Жалованной грамоты и предписаний для центральных губерний вводился принцип, согласно которому доход в 150 рублей приравнивался к владению 25 мужскими душами. Восемь дымов было взято из Литовского статута, который вызывал все больший интерес у царских законодателей и воспринимался как определенное продолжение существовавших традиций. Фактически упомянутые предписания уточняли и подтверждали принадлежность к «гражданам» — или, по крайней мере, к той общности, которая еще сохранила какие-то гражданские права, — незначительному меньшинству *bene nati et possessionati**, которое по численности более или менее отвечало русскому дворянству. В этой части указа также отмечалось, что принимать участие в выборах могут шляхтичи, достигшие 18 лет и заплатившие государственный налог. В случае если имущество отца и сыновей не было разделено, то минимальное количество дымов умножалось на количество сыновей.

Вторая часть, посвященная праву избрания, была краткой. Выборную должность могли занять шляхтичи с 23 лет, тогда как дворяне, согласно ст. 62 Жалованной грамоты, должны были достичь 25 лет. Видимо, это решение было вызвано нежеланием крупной землевладельческой шляхты занимать низшие судебные должности.

Третья часть, в которой была представлена процедура предварительного отбора с целью не допустить к голосованию шляхтичей, чьи имения не отвечали выдвинутым требованиям, называлась «Защита прав шляхты, которая отличается от существующей в других губерниях империи». Защита, т.е. отбор, возлагалась на уездных предводителей шляхты, государство стремилось скрупулезно контролировать количество и качество участников выборов. До начала выборов каждый уездный предводитель должен

* Благородный по рождению с земельной собственностью (лат.). (Прим. пер.)

был подготовить реестр — шнуровую книгу — с перечнем тех, кому разрешалось голосовать согласно приведенным выше критериям. Губернские предводители шляхты передавали гражданским губернаторам списки, составленные по образцу, полученному из Министерства внутренних дел, при этом оставляя у себя копию для фиксации всех изменений (владение землей, место жительства и т.п.), происходящих в период между выборами. Предводители дворянства несли судебную ответственность за внесение ошибочной записи. Губернатор, хотя и не имел права, что было понятно, вмешиваться в ход выборов, но мог лично сделать или приказать представить выписку из шнуровых книг, чтобы следить за надлежащим порядком, а предводители шляхты не могли ему в этом отказать при условии, что такая выписка делалась на месте. Вероятно, данной процедурой подтверждалась существовавшая и не зафиксированная письменно практика, когда лишь небольшая группа землевладельцев, чьи генеалогические бумаги были в идеальном порядке, могла участвовать в губернских выборах. Это означало, что они не были никем делегированы, не являлись депутатами, а были некими реликтами предыдущей эпохи, которые в изучаемый период становились членами клуба для избранных. В свою очередь, уездные сеймики, теряя основания для существования, превращались в ничтожные локальные собрания, с которыми все меньше считались. В уездных городах еще продолжали существовать приемные предводителей шляхты, однако это были не имевшие особой власти филиалы губернских собраний; в них уже не собиралась шляхта, не избирались депутаты, а вместе с этим исчез и сам «шляхетский народ», способный поддержать давние «демократические» иллюзии. О безземельной шляхте эти органы вспоминали лишь тогда, когда возникала необходимость заполнения наименее интересных вакантных должностей, что в принципе запрещалось законом.

В четвертой части указа, в которой определялись прерогативы предводителей шляхты, прямо делалась отсылка на Жалованную грамоту 1785 г. и Учреждение о губерниях от 19 мая 1802 г. Губернский предводитель дворянства возглавлял выборы, уездные предводители несли ответственность за составление списков, кассу дворянского собрания, а также за распределение земских повинностей¹⁹.

Впрочем, в случае законодательства Российской империи следует различать окончательное решение проблемы на бумаге с помощью указа от реальной жизни, которая зачастую оказывалась совсем иной. Подтверждением тому являлась якобы упорядоченная согласно указу от 3 мая 1805 г. общественная жизнь польских помещиков западной части империи. Значительная масса чиншевой шляхты, не владевшей землей (о которой шла речь в предыдущей главе), не желала так легко согласиться со своим исключением из числа «граждан». В свою очередь, губернаторы не желали

мириться с тем, чтобы судьба украинских крепостных зависела исключительно от шляхетских собраний. Сами же члены собраний лишь ждали благоприятного политического момента, чтобы заявить во всеуслышание о неоспоримости своего привилегированного положения. С переменным успехом все эти три силы будут проявлять себя на протяжении двух лет с 1806 по 1808 г.

Безземельная шляхта еще долго, хотя и в небольшом количестве, будет претендовать на участие в выборах, поскольку будет рассчитывать занять, как уже отмечалось, низшие малооплачиваемые судебные должности, которыми пренебрегала землевладельческая шляхта. Киевский гражданский губернатор Панкратьев, вместо того чтобы объяснить, что отныне закон не предусматривает для безземельной шляхты каких-либо «гражданских» исключительных прав, воспользовался ситуацией и создал черную кассу, в которую каждый шляхтич, не имевший ни земли, ни крепостных и обращавшийся с просьбой о признании его «гражданских прав», должен был внести определенную сумму за рассмотрение дела.

Подобная идея обогащения могла бы принести ее автору немало денег, если бы заинтересованные лица, возмущенные тем, что на их приверженности к идее шляхетского братства зарабатывают, не послали жалобу на имя министра внутренних дел, который 4 июля 1806 г. передал дело на рассмотрение в Сенат. Губернатор сознался в том, что собрал «только» 2599 рублей, и был вынужден передать их в Казну, обобранная же чиншевая шляхта осталась ни с чем. Данная история служит примером, с одной стороны, неуважительного отношения к Закону, а с другой — чиновничьего корыстолюбия²⁰.

Хотя согласно указу от 3 марта 1805 г. шляхетская «голота» лишалась избирательных прав, волынский вице-губернатор, исполнявший обязанности губернатора до назначения М.И. Комбурля в начале 1806 г., считал возможным надавить на шляхетское собрание, чтобы оно позволило безземельным шляхтичам занять выборные должности судебных заседателей (К. Понинский, как уже отмечалось, добился такого согласия в 1802 г.). Эта проблема, очевидно, была общей для присоединенных территорий, поскольку гродненским губернатором была подана подобная просьба. Сенат в ряде писем от 16 апреля, 7 июня и 20 июля 1806 г. высказался против каких-либо исключений, подчеркнув, что во всех судах первой инстанции все должности с высшей до самой низшей — возного могут занимать лишь те лица, чей благородный статус был официально подтвержден. В связи с этим в указе 1805 г. еще раз (далее это будет повторяться чаще) в качестве доказательства приводились нормы: раздел IV, ст. 8, и раздел IX, ст. 16 Литовского статута 1566 г., «коими повелено: возных избирать из дворян честных и в повете поместье имеющих». Авторитет давнего права

не произвел надлежащего впечатления на шляхту. И хотя 11 октября 1807 г. Сенат еще раз повторил, что уездные предводители шляхты несут перед Законом ответственность за все неправомерные действия, должности заседателей в судах первой инстанции продолжали зачастую занимать безземельные шляхтичи. Наиболее вопиющим с этой точки зрения примером был случай с выборами в 1808 г. в Пинском уезде Минской губернии. В связи с нарушениями при избрании на выборные должности началось расследование, которое привело к тому, что 11 июня 1811 г. Сенат постановил, что в будущем в подобной ситуации выборы будут признаваться недействительными и проводиться вновь²¹.

Непреклонный киевский губернатор, о чьей позиции и, в частности, попытке установить правительственный контроль над выборами в шляхетских собраниях шла речь выше, действовал в направлении, полностью противоположном позиции его волынского коллеги.

По мнению Панкратьева, введение назначения исправников, которого он добился в 1805 г., должно было стать лишь первой ласточкой будущих преобразований. В отчете за 1808 г. он писал: «...напротив того заседатели в нижние земские суды избираются от дворянства через каждые три года. Но сколько для удержания сей земской полиции, а наипаче в здешнем крае, в лучшем порядке, столько и потому что тут помещики достаточные, которые ни из чего не хотят быть в заседательских должностях, выбираются же в оные из самых мелких шляхтичей, или по здешнему, из чиншевой шляхты, такие, которые или мало сведущи или и вовсе не имеют к тому никаких способностей и на которых никак нельзя положиться... весьма нужно, чтобы в заседатели в нижние земские суды определяемы были от Правительства»²².

Автор этих строк уже тогда, хотя его идея будет реализована лишь после 1831 г., считал, что всю сельскую полицию следовало бы вывести из-под польского влияния. Напомним, что даже в подчиненной ему Киевской губернии, где контроль со стороны государства был наиболее жестким, указ от 3 мая 1805 г. не выполнялся, а безземельная шляхта допускалась к выборам для того, чтобы заполнить должности заседателей. На этом примере хорошо видно, как формировались взаимоотношения между землевладельцами и крестьянами. Хотя шляхетская «голота» была официально отрезана от рыцарского сословия, часть ее продолжала оставаться важной составляющей сельского уклада жизни, необходимой для поддержания порядка. Этот отрывок из отчета Панкратьева был отдельно скопирован для рассмотрения на заседании Сената 11 июля 1809 г., а на полях документа министр внутренних дел записал: «Для надлежащего исполнения». Однако в следующем году Панкратьев умер, в то же время и развитие политических событий не способствовало проведению такого рода реформ.

Как мы видели в предыдущей главе, период 1807—1809 гг. — «вершина благих намерений властей» в отношении польской шляхты, — намерений, вызванных к жизни сближением с Наполеоном, — был неблагоприятен для воплощения проектов людей типа Аракчеева, Филозофова или Панкратьева. Эти годы стали для землевладельческой шляхты, в особенности волынской, проявлявшей наибольшую активность и беспокоящейся о своих привилегиях, временем пьянящих иллюзий и даже надежд на возвращение власти.

Волынское дворянское собрание, во главе которого стоял граф Станислав Ворцель, сенатор и тайный советник при петербургском дворе, отец будущего руководителя Польского демократического общества в Париже, в 1806 г. предприняло робкую попытку обратиться с просьбой об отмене указа от 1 июля 1803 г., который ликвидировал все арендные договоры в имениях, находившихся в вечном пользовании и полученных еще от королей Речи Посполитой, а также освобожденных от каких-либо обязательств. Имения в вечном пользовании были подобны дарственной — договор заключался на срок от 18 до 99 лет. Указ 1803 г., который лишал прибылей с этих имений их владельцев, в сущности стал дополнением к указу от 7 февраля 1801 г., в котором определялись условия получения конфискованных земель частными лицами.

Согласно процедуре, разработанной сенатором графом Августом Илинским, приближенным Павла I, контракты на получение таких имений заключались лишь на 12 лет, плата за три первых года взималась вперед, и хотя не было ограничений по эксплуатации подданных и земель (запрещалось лишь сдавать внаем корчмы евреям), цена, которую должны были платить держатели, и быстрая ротация бравших у них землю внаем приводили к тому, что эти имения становились менее привлекательными, а прежние держатели на этом теряли достаточно много²³.

Сам князь Адам Чарторыйский пытался инициировать возвращение этих имений лицам, которые получили их в наследство еще до разделов Польши (подобным образом, как уже говорилось, он ходатайствовал о возвращении ссыльных поляков из Сибири, предпринимал усилия по сохранению статуса безземельной шляхты). Он даже подал в Государственный совет записку «О ленных и эмфитеутичных имениях по польским губерниям»²⁴, в которой решительно поддержал графа Ворцеля. Князь предлагал создать комиссию для решения этой проблемы, но Строганову и Кочубею дело показалось слишком запутанным, и они свели его на нет.

Вскоре эти скромные земельные требования показали богатой шляхте на Украине не отвечающими времени, непростительно робкими: она понимала, что окончательный срок проверки шляхетских титулов откла-

дывается, а кроме того, предчувствовала изменение в отношении к себе в связи со скорым созданием Княжества Варшавского.

5 августа 1808 г., после нескольких спонтанных собраний волынских землевладельцев, предводитель шляхты Ворцель настолько осмелел, что подал министру внутренних дел длинное прошение на имя Александра I в связи с проводимыми выборами, написанное *recto* на русском и *verso** на польском языках. Авторы прошения хотели получить твердое подтверждение своей региональной автономии, и именно так это прошение и было воспринято его адресатами в Петербурге²⁵. Две другие губернии не просили о такой степени свободы, однако волынские «граждане» определенным образом высказывались также и от их имени. Граф Тадеуш Чацкий, уже год как обласканный царем, был, скорее всего, одним из активнейших инициаторов прошения. То, что Житомирское дворянское собрание выступило от имени всех «граждан», повторив в своем прошении даже пафосный стиль давних сеймиков, объясняется во многом тем, что не так далеко от Житомира, в Княжестве Варшавском, союзник Александра I Наполеон способствовал возрождению польской государственности, хотя, с другой стороны, в самом факте представления подобного прошения не было ничего противоречащего российским законам. Согласно ст. 46 Жалованной грамоты 1785 г., дворянские собрания принимали во внимание предложения от генерал-губернатора или губернатора, а в ответ «чинили по случаю или пристойные ответы или соглашения, сходственные как узаконениям, так и общему добру»; в ст. 47 отмечалось, что им дозволяется подавать генерал-губернатору или губернатору предложения «по поводу собственных потребностей о своих общественных нуждах и пользах». С предложениями «на основании узаконений», как уточняла ст. 48, можно было обращаться даже в Сенат или к императору, хоть в ст. 49 уже звучала угроза штрафа в 200 рублей в случае принятия «положений», «противных законам».

В данном случае в представленном прошении губернатору была допущена определенная правовая нерадивость, к чему мы еще обратимся, и хотя не все предложения были приняты, в столице их не восприняли как противоречащие дворянским прерогативам. Они даже вызвали дискуссию. В первый раз за 15 лет между властью и представителями польской шляхты дело дошло до обмена мнениями, что свидетельствовало об изменении атмосферы в Петербурге (великороссийские стремления «добрых сыновей отечества» к наведению строгого порядка были несколько ограничены) и о желании «граждан» принимать участие в местном самоуправлении (к перспективе государственной службы шляхта относилась достаточно прохладно). В двенадцати пунктах прошения шляхта изложила не только свои ам-

* На лицевой и оборотной стороне страницы (лат.). (Прим. пер.)

биции, но интересные рассуждения относительно собственной миссии, дающие историку возможность изучения менталитета этой группы. Шляхта также стремилась продемонстрировать свою лояльность, а одновременно с этим напомнить об активной, по ее мнению, роли, которую играли ее предки в прежней Речи Посполитой, а также хотела избавиться от бесплодной рутины, которой сопровождалась назначения в судебные органы.

Прошение начиналось с верноподданнических слов в адрес нового императора от имени всех «граждан». Общая тональность данного документа была проникнута таким желанием угодить, что загадочный русский сфинкс должен был невольно улыбнуться, читая о том, что граждане Волынской губернии, проникнутые глубочайшим чувством безграничной благодарности, которое в них вызывает привязанность к самому ласковому из монархов, Александру I, царствовавшему во имя их блага и радости, и которого во всей Европе именуют не иначе как Северным Титом*. Тот же эффект могла вызвать нижайшая просьба позволить соорудить в зале Житомирского благородного собрания мраморный бюст с надписью: «Александр I — Северный Тит».

После такого вступления шли конкретные просьбы. В связи с тем что наступало время приведения в исполнение царского указа, изданного в начале царствования Александра I, согласно которому право голоса в дворянском собрании мог иметь дворянин, состоящий на государственной службе, польские шляхтичи, напуганные так же, как и русское дворянство, проявленной в этой связи решительностью М. М. Сперанского, писали, что в прежних польских губерниях таких людей очень мало, и просили, чтобы польские должности и звания — прежде всего, как мы видели, в судопроизводстве — были отражены в Табели о рангах. В этом направлении, подчеркивали они, до сих пор ничего не делалось. Авторы прошения делали вид, будто не знают, что польские должности и звания признавались в значительной степени за лицами, чье благородное происхождение бывало не всегда определенным, и что это могло бы подорвать целостность дворянского сословия империи. Они не хотели понять, что их стремление к интеграции всей шляхты каждый раз наталкивалось на эту преграду. Они что-то слышали об угрозах киевского губернатора относительно отмены выборности судей и местных заседателей, но не осознавали, что, прося сохранить прежний способ производства выборов, они тем самым попадали в неизбежное и безвыходное противоречие с уже существующим правом.

Еще более смелым и одновременно легкомысленным оказался третий пункт данного прошения. Волынские землевладельцы на основании мно-

* Сравнение Александра I с Титом Флавием Веспасианом было характерно для этого времени. примером чему является отрывок из оды Н. П. Николаева, приводимый Л. Н. Толстым в «Войне и мире»: Славь тако Александра век / И охраняй нам Тита на престоле... (Прим. пер.)

гочисленных примеров указывали на то, что униатские приходские священники чинят препятствия колаторам²⁶, жалуясь на них в высшие церковные инстанции, из которых жалобы передавались в государственные органы для подтверждения правоты священников. В связи с этим «граждане» не без наивности просили, чтобы духовенство направляло свои жалобы в органы действующего правосудия, официально признанного законом, т.е. в шляхетские суды.

Фактически этот краткий абзац указывал на скрытую «битву за души», которая велась на селе за духовное и материальное господство над крестьянством. Эта тема на сегодняшний день практически не изучена, хотя заслуживает отдельной монографии. Значительное сокращение православных верующих на Правобережной Украине на протяжении XVIII в. в связи с переходом в унию — известный и достаточно хорошо, но поверхностно описанный факт²⁷. Униатство не было глубоко прочувствовано и полностью воспринято крестьянством, именно этим объясняется его быстрое и масштабное возвращение в православие после присоединения украинских земель к Российской империи. Многие грекокатолические священники крестьянского происхождения легко поддались «деуниатизации», которая активно проводилась Россией и православным духовенством после 1793 г. Некоторые униаты продержались дольше, кое-где вплоть до времени общего принудительного возвращения в лоно православной церкви в 1839 г. Это были главным образом монахи-базилиане или униатские священники польского происхождения (на 1797 г. таких было 35 на 80 приходов Уманского уезда; 12 происходили из землевладельческих семей, а 23 — из мелкой шляхты). Униатские священники, перешедшие в православие, часто конфликтовали с польскими шляхтичами, в имениях которых располагались их приходы. Деды и прадеды этой шляхты, способствуя утверждению грекокатолической церкви, давали дарственные на земли униатским приходам, а их потомки не испытывали ни малейшего желания оставлять эти земли за православными священниками, служившими в этих приходах и уводящими украинских крепостных из-под польского влияния. Когда православные священники теряли надел, который считали своим, это приводило к напряженности, а иногда и к открытому проявлению ненависти. Священники жаловались царским чиновникам на плохое обращение со стороны польской шляхты²⁸. Можно понять желание шляхты, чтобы именно шляхетские суды рассматривали подобные дела по-своему, удивляет лишь, что авторы прошения не догадывались, что Петербург не преминет воспользоваться возможностью решить этот вопрос в духе Панкратьева.

Деять последующих просьб были довольно сумбурными, за исключением одной, также тесно связанной с защитой и расширением привиле-

гий. Российская империя могла бы привлечь аристократию на свою сторону, обеспечив ей уровень престижа, равнозначный тому, которым она обладала в Речи Посполитой, — и в связи с этим в пункте 4-м шла речь об уравнивании польских и российских должностей и наград. Самые богатые землевладельцы не боялись демонстрировать пренебрежение к исполнению заседательских функций в низших земских судах. Авторы прошения открыто заявляли, что требование владеть 25 душами или 8 дымами представлялось им завышенным, и вновь верноподданнически просили разрешить занимать эти должности безземельным шляхтичам, чье происхождение будет подтверждаться «оседлыми помещиками». Обращаясь с такой просьбой, они не осознавали, что такая позиция может пойти на пользу тем, кто хотел бы передать упомянутые должности государственным чиновникам (пункт 5). Достаточно частые постойи российских войск в дворянских имениях создавали неудобства и наносили ущерб, поэтому «граждане» просили о его возмещении (пункт 6). Пункт 7 был якобы продиктован гуманными соображениями, однако не исключено, что в основе его лежали экономические интересы: авторы писали, что в тех случаях, когда призванные для несения двадцатипятилетней военной службы крестьяне-рекруты погибают, сведения об этом не поступают на места, а их вдовы не могут второй раз выйти замуж, из-за чего уменьшается количество населения в регионе. Поскольку военным властям было известно, из какого уезда происходили солдаты, авторы обращения просили регулярно посылать сообщения об их кончине.

В восьмом пункте авторы вновь возвращаются к теме судопроизводства с целью затормозить попытки контроля со стороны государства в связи с назначением государственных чиновников, вероятно исправников, и просят, чтобы этим чиновникам было отказано в праве принимать решения в судах во время рассмотрения дел «граждан», поскольку вся юриспруденция была основана на польском праве. Видимо, политическая атмосфера 1808 г. способствовала дерзкому поведению польской шляхты, ни во что не ставящей российские власти.

Далее высказывалось несколько пожеланий об уменьшении участия польской шляхты в общественных расходах, а также о сокращении запасов зерна, предназначенного для крестьян, к чему польских землевладельцев обязывал указ 1807 г. «Граждане» утверждали, что неурожай и военные действия помешали им в этом. Они просили растянуть планируемые поставки на три года, т.е. уменьшить количество зерна втрое. Кроме того, они обращались с просьбой о списании долгов дворянских собраний казенным палатам, а также о возможности контроля за распределением земских повинностей, которые шляхта должна была платить в казенные палаты (пункты 9—11). Прощение завершала дополнительная просьба относительно

ведения судопроизводства, которое являлось стержнем и единственным реальным признаком административного престижа шляхты, хотя, несомненно, обременительным для нее. В связи с тем, что избирательные мандаты были действительными три года, на это время, как писали «граждане», избранным в состав губернского суда приходилось забрасывать свои домашние дела и нести в связи с публичной службой большие расходы в Житомире. Избрание двух представителей вместо одного для председательствования на судебных сессиях давало бы возможность, по мнению авторов, распределить обязанности на двоих.

Не меньший интерес представляет то, каким образом данные пожелания были восприняты в Петербурге. Сначала возникла проблема с представлением документа, которое свидетельствовало о возникшем недопонимании между шляхетским собранием и волынским губернатором М.И. Комбурлеем. Последний, не заметив улучшения отношения в столице к «польским губерниям», поступил в духе киевского коллеги. Он подверг прошение цензуре, ограничив количество просьб до четырех, а именно о соответствии давних польских должностей Табели о рангах, о праве избрания на должности безземельной шляхты, о возмещении за постой войска и об информировании солдатских вдов. Впрочем, недоверчивые «граждане» предусмотрели такой ход событий и послали один экземпляр непосредственно в Петербург, а Комбурлею отдали текст, в который «забыли» внести деликатные пункты 3 и 8. Губернатор узнал обо всем, однако уже от министра внутренних дел Алексея Куракина, который, заметив эти расхождения, поинтересовался, в чем дело²⁹.

Новоизбранный предводитель волынского дворянства Алоизий Гостинский получил два ответа на прошение: первый — краткий от Комбурлея, второй — с задержкой, но более полный — от Куракина³⁰. Посчитав просьбы «не соответствующими установленному порядку», гражданский губернатор сначала прокомментировал пункт, касавшийся православных священников, которого не было в высланном ему прошении, чтобы показать, что его не так просто обмануть. Он, в частности, подчеркивал, что «помещики не могут и не должны обижаться следствиями, производимыми по просьбам священников», поскольку те имеют право на защиту, как и все другие; кроме того, согласно указу об организации губернии, церковные земли подлежат тому же праву, что и государственные. Затем он ответил лишь на заслуживающие ответа, по его мнению, пункты. В том, что касалось создания зерновых запасов, то срок и без того дважды переносился, поэтому губернатор не видел оснований для очередной отсрочки, тем более что урожаи двух последних лет были очень хорошими. «Граждане», по мнению губернатора, должны были осознавать, что в случае необходимости сами смогут воспользоваться этими запасами. Он не мог понять без-

различного отношения шляхты к общественному благу. Кроме того, им не было обнаружено никаких долгов землевладельцев государственной казне, подлежащих упразднению. Уездных предводителей, по его мнению, всегда информировали о способе исполнения местных повинностей. Идея же распределить обязанности председателя суда между двумя лицами, чтобы они могли заниматься и личными делами, противоречила Закону и духу дворянства. Губернатор подчеркивал, что столь почетная обязанность свидетельствует об общем доверии, а потому он не видел причин, почему от нее следовало уклоняться. В заключении губернатор высказывал глубокое удивление в связи с недоверием к государственным чиновникам. Они были необходимы, по его мнению, для того, чтобы контролировать соблюдение законов, «ибо люди по поручительству помещиков не могут иметь, — он этого не скрывал, — надлежащего о сих должностях доверия».

В отличие от резкого ответа волынского губернатора, министр юстиции после консультаций с военным министром и министром финансов и по согласованию с императором (а это был заключительный этап «медового месяца» Александра и Наполеона, поэтому к полякам еще относились учтиво) дал примерно такой же отрицательный ответ, хотя и сделал вид, что готов к диалогу с волынской шляхтой.

Лишь по двум пунктам прошения ответ можно считать удовлетворительным, хотя он был дан таким образом, чтобы сделать вид, что на принятие этих решений Волынское дворянское собрание никакого влияния не оказало. В первом случае речь шла об обязательном информировании солдатских вдов о смерти их мужей. Аракчеев нашел указ Сената за 1781 г., который обязывал к этому военные власти, на что и сослались в указе от 27 апреля 1809 г.³¹ Была также удовлетворена просьба о возмещении убытков, причиняемых войском во время постоя: военные власти должны были выдавать помещикам расписки о нанесенном ущербе. Во всем остальном Александр I признал правоту своего гражданского губернатора, более того, даже подчеркнул, что желание сократить длительность мандата не делает чести дворянину: «...всякий дворянин с признательностью и удовольствием обязан исправлять службу дворянством на него возлагаемую и доказывающую общее к нему доверие сего сословия». Царь, конечно, не остановился на отличиях и преимуществах «службы», связанной с действующей в империи иерархией чинов, однако Куракин пообещал, что Сенат займется поиском соответствий между чинами и дворянскими обязанностями. И хотя вопрос так никогда и не был решен, ответ был дан в любезной форме.

Кроме того, в ответе министерства в очередной раз содержался отказ в избрании лиц, не располагавших подтверждением своего благородного происхождения, на низшие полицейские должности, и это мотивировалось тем, что предоставление шляхте права подтверждать дворянское происхож-

дение окажет вредное влияние на правосудие: такие судьи и заседатели будут зависеть от тех, кто подтвердит их принадлежность к шляхте. Неужели Куракину не было известно о случаях нарушения закона 1805 г. в ряде уездов? Как и Комбурлей, но значительно спокойнее министр призывал шляхту не обижаться на жалобы православного духовенства, которые отвечали законам Российской империи, — власти и впредь были намерены укреплять православие среди местных крестьян.

Ни один из министров, а тем более сам Александр I, не посчитал уместным установление в Житомире бюста «Северного Тита», однако у волынян создалось впечатление диалога с властью, что способствовало поддержанию иллюзий насчет шляхетских «вольностей». Это найдет свое проявление еще и в будущем, по крайней мере среди наиболее пророссийски настроенной шляхты. Не следует забывать о разнородном составе шляхты, о чем шла речь в начале главы. Проанализированная нами позиция была присуща лишь двум-трем сотням шляхтичей. Они принимали участие в губернских собраниях, идентифицировались с дворянским сословием, но составляли лишь 1/20 землевладельцев. О взглядах остальных 19/20 нам известно немного. В дальнейшем мы убедимся, что среди них было немало тех, кто возлагал надежды на Наполеона.

АНТИФРАНЦУЗСКАЯ РЕАКЦИЯ И ВОЛНА КОНФИСКАЦИЙ

В окружении Александра I хватало и тех, кто негативно воспринимал сближение с Францией и не одобрял проявления даже незначительной снисходительности к полякам в присоединенных губерниях. Министр полиции А.Д. Балашов, министр финансов Д.А. Гурьев, императрица Мария Федоровна, историк Н.М. Карамзин, французские эмигранты, иезуиты из окружения Жозефа де Местра — все они раздували ненависть к М.М. Сперанскому. Историки представляют поведение Александра I в тот период как двойственное — император еще не оставил попыток сохранить союз с Наполеоном. Однако они отмечают, что, когда в начале весны 1809 г. эрцгерцог Фердинанд Карл Иосиф фон Габсбург д'Эсте напал на Княжество Варшавское, армия, которую Александр I послал в Галицию якобы для поддержки Наполеона, бездействовала. Некоторые даже подчеркивают, что эта армия должна была скорее служить барьером и не допустить, чтобы успешные действия во время австро-французской войны 1809 г. Юзефа Понятовского против австрийских войск в Галиции (в скором времени присоединенной к Княжеству Варшавскому) не переросли в польское восстание, которое бы распространилось на украинские губернии Российской империи. Даже если такое объяснение верно, оно не является исчерпывающим. Анализ официальной позиции России в отноше-

нии землевладельческой шляхты на Украине показывает, что антифранцузские настроения были значительно сильнее, чем до сих пор было принято считать, и что они проявились задолго до агрессии Наполеона в 1812 г. Друзья уже превратились во врагов.

Казалось бы, предоставление польской шляхтой с Украины военной помощи полякам в Галиции должно было восприниматься правительством как поддержка российской интервенции в Австрию, а потому не могло вызывать осуждения. Однако тех, кто осмелился на такой шаг, считали изменниками и сурово наказывали. Список польских имений, конфискованных государством за то, что они были «покинуты» их владельцами, — очень длинный. Его начали вести в 1809 г. и дополняли вплоть до 1813 г. Конфискации были зафиксированы в обширном томе, насчитывающем 400 страниц и составленном Министерством финансов³²; он содержит также переписку, которая не оставляет никаких сомнений относительно острой ненависти, проявляемой царской администрацией, опасавшейся воссоздания Польского государства и потери захваченных Екатериной II земель.

Первым в начале июня 1809 г. поднял тревогу подольский гражданский губернатор (занимал эту должность в 1808—1812 гг.) И.Г. Литвинов, когда узнал об отсутствии шляхтичей Кицкого и Сераковского в их имениях. Всем было известно, куда они уехали. Губернатор П.М. Литвинов послал недвусмысленное предостережение дворянскому предводителю, в котором заявил, что «никто без строгого взыскания не останется». В такой ситуации было бы крайне желательным наличие полиции, непосредственно подчинявшейся государственным органам. Александр I лично смотрел рапорт Литвинова и приказал в случае возвращения этих шляхтичей применить к ним закон со всей строгостью. Однако к этому времени губернатор уже успел конфисковать их имения. Царь, обеспокоенный размахом явления, 28 июня 1809 г., отбросив видимость диалога, демонстрируемую годом ранее, занял ярко выраженную антипольскую позицию, потребовав от Комитета министров составления списка всех землевладельцев, покинувших свои имения³³. Комендант Каменецкой крепости генерал-майор Ган, который отвечал за военную безопасность Подольской губернии, сообщил 2 июля военному министру А.А. Аракчееву, что около 30 всадников, вероятно шляхтичей, перешли границу в направлении Галиции, применив огнестрельное оружие.

Император был возмущен и немедленно приказал всех, кто будет пойман при переходе через границу, ссылая в Сибирь простыми солдатами. Но как было выполнить такой приказ? 17 июля 1809 г. А.П. Ермолов, командовавший войсками, стоявшими в Волынской губернии, ревностно доносил Аракчееву, что изображение орлов на французском гербе, кото-

рый с недавних пор висит в Бродах на пограничном переходе из Галиции в Волынскую губернию вблизи Кременца, оказывает сильное влияние на умонастроение «граждан» этой губернии. Он уточнял, что границу в этом месте переходят не крестьяне, а шляхтичи из имения Часновка (следовательно, чиншевики) и что такие случаи не являются единичными. Вся эта шляхетская беднота и многие помещики служили, по его словам, в войске Юзефа Понятовского. Ермолов сетовал на бездеятельность гражданского губернатора Комбурлея и хотел воспрепятствовать беглецам спокойно вернуться домой после подписания мира. Он настаивал на том, чтобы министр внутренних дел заставил гражданских губернаторов предпринять соответствующие меры. В своем дневнике он писал: «Для обуздания своевольных дана мне власть захватываемых при переходе через границу, невзирая на лица, отсылать в Киев для препровождения далее в Оренбург и Сибирь. Я решился приказать тех из переходящих через границу, которые будут вооружены и в больших партиях, наказывать оружием, и начальство довольно было моею решительностью. Я употреблял строгие весьма меры, но не было сосланных»³⁴.

Аракчеев поспешил ответить на призыв Ермолова и попросил Комитет министров выслать подкрепление, чтобы не допустить перехода шляхты в Галицию, которая в тот момент была под властью Наполеона. Речь шла о том, чтобы помешать перемещению шляхты, владевшей или не владевшей землей (последние встречались гораздо чаще, чем это следует из официальных документов). Три полка донских казаков, которые стояли в Бресте, были переброшены стеречь границу в Радзивилове напротив Брод³⁵.

Комбурлей, не желая отстать, выслал Куракину подобный отчет о надеждах, разбуженных среди шляхты его губернии слухами о мире между Францией и Австрией, который приведет к присоединению к Княжеству Варшавскому аннексированных Австрией у Польши земель. Губернатор не скрывал опасений, что в ближайшее время Наполеон мог воплотить в жизнь идею восстановления Польши. Об этом практически открыто велись разговоры в шляхетских имениях, а контакты, несмотря на существование границы между разделенными польскими землями, не прекращались. С целью продемонстрировать строгость Комбурлей предлагал дать несколько примеров, которые могли бы остудить энтузиазм «граждан». Поскольку основные подозрения падали на некоторых волынян, в том числе графов Ф. Чацкого и М. Ходкевича, а также на К. Князевича*, знаменитого бригадного генерала легионов Наполеона, то Комбурлей писал, «что одна примерная строгость над одним или несколькими могла бы остано-

* Известен также как Карл-Отто Иванович Княжевич и Шарль Князевич. (Прим. пер.)

вить вредные предприятия тех людей». Выслушав эти доводы, Комитет министров признал необходимым опубликовать текст с угрозой конфискации имений всех, кто участвовал бы в заговорах, перешел бы через границу или примкнул к вооруженным отрядам. Через два дня эта угроза была распространена на детей беглецов и членов их семей, которые присматривали за имениями. Наконец 24 августа 1809 г. все эти угрозы были отражены в царском указе Сенату, в котором кроме упоминаний о конфискации имений у помещиков содержалась угроза отдавать чиншевиков в рекруты простыми солдатами или отправлять на принудительные работы³⁶.

Однако огромный и неповоротливый механизм имперской машины не позволил исполнить эти угрозы в короткий срок. Когда подольский губернатор отправился с инспекцией на места, замешавший его вице-губернатор написал Ф.А. Голубцову, директору Казначейства в Министерстве финансов, что, обнаружив у графа В. Потоцкого в Балтском уезде оружие и польское обмундирование, он распорядился наложить секвестр на его земли. Усердный царский слуга уже мечтал о проведении торгов, на которых эти огромные имения можно было бы отдать в аренду и тем самым обогатить Казну; он, правда, предполагал, что могут возникнуть проблемы с многочисленными держателями, уже заключившими соглашения с Потоцким; кроме того, согласно указу от 24 декабря 1807 г. можно было устраивать торги лишь через три года, срока, необходимого для принятия дел по управлению имениями. Подольская казенная палата не располагала достаточным количеством сотрудников, которые могли бы заняться столь обширным имением. Что уж в таком случае говорить о других конфискациях? Чиновник ждал распоряжений.

Комбурлей столкнулся с подобными проблемами на Волыни. Он предложил Комитету министров не отдавать в аренду конфискованные земли, а немедленно заняться их продажей во избежание неудобного переходного управления и упадка хозяйства. Впрочем, в конце сентября 1809 г. министры так и не знали точного количества имений, находящихся в распоряжении Казны. Комитет министров посчитал продажу преждевременной, а кроме того, не до конца было ясно, кому продавать. Покупателями могли вновь стать лишь поляки. У министров были также сомнения и другого порядка — следовало предусмотреть, что часть помещиков может быть оправдана, и тогда наложенный секвестр пришлось бы снять. В связи с этим временное управление имениями следовало поручить казенным палатам — местным органам Министерства финансов. О возможных новых денежных поступлениях в Казну уже не было ни слова³⁷. В тот момент никому не пришло в голову, что административной машине не удастся переварить все трофеи и что в результате изменившейся конъюнктуры все закончится амнистией 1814 г.

Комбурлей, ни перед чем не останавливаясь, приказал советнику губернского правления, волынскому прокурору и секретарю взяться за составление реестра захваченных имений, а Комитет министров со своей стороны представил 13 октября основные правила составления списков. Александр I, возможно, немного встревоженный данными мерами, которые не могли не усилить возмущения поляков, добавил к перечню правил предостережение, заключавшееся в установлении срока возвращения для беглецов, по истечении которого их имущество действительно могло быть конфисковано. Ситуация усугублялась еще и тем, что, по сообщению И.Г. Литвинова, в Подольской губернии среди беглых числились в основном юноши, чьи родители утверждали, что им ничего не было известно о намерении сыновей и что они никоим образом не одобряли их действий. Кроме того, в армии Княжества Варшавского служила часть шляхты, поступившая туда на службу в мирное время, а потому ей было сложно что-либо вменить в вину, и она продолжала получать прибыль со своих подольских имений «во вред России». Послушный воле императора Комитет министров предоставил беглецам полугодовую отсрочку. О возможности возвращения без потери имущества было объявлено в русской и зарубежной прессе³⁸.

Постепенно нарастали трудности, связанные с управлением конфискованными имениями. С одной стороны, на подробное описание крупных имений — например, Августина Тшечецкого* в Подольской губернии — уходило много времени, а с другой — пришлось столкнуться с множеством протестовавших, имевших на эти имения определенные права, — например, предводитель дворянства Ушицкого уезда Ксаверий Стадницкий пожаловался самому Ф.А. Голубцову, что одолжил беглецу денег под залог большей части его земель и не может нести незаслуженного наказания. Весь 1810 год прошел в решении чрезвычайно запутанных земельных и финансовых вопросов тех лиц, которых власти решили наказать, а также в сборе претензий по долгам и залогам в связи с конфискацией имений. К примеру, в обширном и путаном отчете описанию положения дел с имением графа Тарновского из Кременецкого уезда Волынской губернии было посвящено целых восемь листов³⁹.

В целом за период с мая по декабрь 1810 г. казенные палаты трех украинских губерний послали министру финансов Д.А. Гурьеву списки шляхтичей, которые не вернулись и на чьи имения следовало наложить секвестр. Все это время Александр I делал вид, будто находится в хороших отношениях с Наполеоном, поздравил его с женитьбой на Марии Луизе, а в то же время не дал ходу «слишком французскому» проекту граждан-

* Возможная транскрипция фамилии — Третьцкий и Трещецкий. (Прим. пер.)

ского кодекса Сперанского и наказывал польскую шляхту, поверившую в возможность присоединения к Княжеству Варшавскому. В Киевской губернии, расположенной вдали от границы, таких было немного: здесь лишь два имения подле жали конфискации — А. Бежинского и Ф. Запольского. Подольские казенные палаты хотели наложить руку на десять имений, а именно: Августина Тшечецкого, Юзефа Дверницкого, Юзефа Лескевича, Клеменса Роговского, Юстина Модзелевского, Петра Поповского, Михала Березовского, Михала Прокоповича и двух крупных владельцев: Яна и Кароля Сераковских. Правда, в случае 43 отправившихся в армию Княжества Варшавского безземельных шляхтичей забирать было нечего. Ожидали информации по делу князя Миколая Сапеги и прежнего каменецкого предводителя дворянства Швейковского.

Больше всего конфискаций было в Волынской губернии: 44 помещика и 35 простых «шляхтича» (речь шла о чиншевиках, которых все чаще стали называть просто шляхтой). Количество последних, скорее всего, занижено, поскольку с точки зрения казенной палаты их число не имело никакого значения. Помещиков представляли по уездам, в которых были расположены их владения. В Кременецком уезде не вернулись граф Тарновский, Каетан Собешанский и житель Дубно — Хрущ. Дальше шли уезды: Староконстантиновский (Эразм Тшебинский*, сыновья Каетана Данилевича, Юзеф Петшиковский**, Казимир Квятковский, Каетан Телешинский); Новоград-Волынский (сыновья Избицкого, Кароля Прушинского, двое сыновей Малиновской и безымянный помещик); Заславский (граф Владзимеж Потоцкий, Каетан Минушевский); Острожский (сыновья Т. Сарнацкого); Ровенский (Алоизий Прушинский, Антоний Поструцкий, Миколай Ворцель, Адам Бежинский, Петр Чарнак); Луцкий (сын Вильчинского, Завадзкий, Яворский, а также бывший полковник польской армии Кольберг); Ковельский (Каетан Чарнецкий); Владимирский (трое сыновей Видзяча, Адам Стецкий и Блендовский); Овруцкий (Антоний Прушинский, Феликс Тшечяк и бывший полковник Понагловский); Житомирский (двое сыновей Закшевского***, сыновья И. Плятера, Тележинского, Рышковского, Абрамовича и сами помещики: Соколовский, Пеньковский, Антоний Петровский, Рогозинский, Жабокрыцкий, Литвинский)⁴⁰.

Относительно установленного нами общего количества — свыше 9 тыс. землевладельцев и арендаторов в Волынской и Подольской губерниях — следует сказать, что количество известных участников войны в Га-

* Возможная транскрипция фамилии — Требинский. (Прим. пер.)

** Возможная транскрипция фамилии — Петриковский. (Прим. пер.)

*** Возможная транскрипция фамилии — Закревский. (Прим. пер.)

лиции было достаточно ограниченным, как, впрочем, и количество участвовавших в шляхетских собраниях. Проявление активной политической позиции не было массовым как в пользу Наполеона, так и Александра I. Хорошо было бы найти способ распознавания пассивных симпатий...

Естественно, в таких условиях привычное течение жизни шляхты было нарушено. Докладывая Комитету министров о беспорядках в Волынском и Подольском дворянских собраниях в 1809 г., министр внутренних дел А.Б. Куракин пытался не отмечать патриотического подъема среди помещиков, обращаясь к старому аргументу — это «анархия», спровоцированная «шляхетской толпой», которой манипулируют «партии». Сознательно обходя молчанием низкую явку на выборы и ограничения, навязанные российским законодательством, он прибегает к уже устаревшему клише, заявляя, что «порочный состав самого сословия дворянского, где первейший помещик имел равную свободу избрания, равный голос с так называемым шляхтичем; между тем, как под сим именем всегда почти был человек без всякого понятия о чести, без собственности и часто наемщик какой-либо партии. Нужно было очистить сословие дворянское от сей толпы, к буйствам обыкшей, и изгладить тем все, что могло оставаться похожего на безобразия бывших в Польше диетин [сеймиков — в тексте дается транслитерация французского слова. — Д.Б.] — сих народных скопищ, где воля нескольких партий, раздравших государство, знаменовалась и поддерживалась криком их наемников»⁴¹.

Такое карикатурное, устаревшее и стереотипное видение отношений внутри шляхетского сословия давало основу для введения ограничений в свободе слова и выражении национальных чувств участников шляхетских собраний, чему способствовало и то, что в Литве, где проявление польских патриотических чувств было значительно более ярким по сравнению с украинскими губерниями, заседания дворянских собраний сопровождались подобного рода беспорядками. Литовский историк Тамара Байрашаскайте обнаружила архивное дело о возмущениях шляхты Тельшевского уезда за 1809 г., где речь идет о распространении печатных листовок, в которых разоблачались деспотизм и злоупотребления местного предводителя дворянства Яна Хризостома Пилсудского, а также указывалось на его пренебрежительное отношение к лишенной права голоса шляхте, т.е. чиншевикам. Местная полиция конфисковала листовки, а их автора, Ежи Яковича, отдали под суд⁴². Подобный протест был бы немыслим, если бы не обнадеживающее территориальное расширение Княжества Варшавского. В Подольской же губернии выборы в известной степени были балаганом, однако преувеличенная и противоречивая реакция на них властей указывает на степень общей предубежденности и нервозности царской администрации, что следует и из записки Куракина⁴³.

Официальные отчеты не раскрывают, почему во время выборов 1809 г. в Каменец-Подольском царская полиция, которая обычно следила за их ходом, арестовала пятерых помещиков. Можно, впрочем, допустить, что обмен оскорблениями превзошел допустимое для изложения на бумаге. Полицмейстер Равич лишь сообщил вице-губернатору об аресте графа Стадницкого и помещиков Модзелевского, Вильчека, Голинского и Мархоцкого, потому что трое первых «в дворянском собрании произвели шум и оказали ему разные обиды», а двое остальных вмешались в то, что их не касалось. Это неясное дело по сути своей напоминает бурю в стакане воды, хотя не исключено, что во время ссоры было сказано многое и о политике и Княжестве Варшавском. Но в Российской империи не шутили с дворянским достоинством: дело было передано на рассмотрение Сената, который достаточно логично рассудил, что сообщение Равича не является достаточно обоснованным и что он вмешался в выборы, являющиеся неприкосновенной привилегией дворянства. Сенат осудил лишь поведение Голинского, который, как уроженец Каменец-Подольского, не должен был вмешиваться в дела Ушицы. Он также осудил И. Мархоцкого, известного своей вспльчивостью, за то, что в споре с маршалком графом Стадницким тот заявил, что «на его тонкое пение он может ответить басом». Произнесенные им слова, по мнению сенаторов, «неприличны ни званию его, ни месту, где присутствовал». Дело на этом должно было бы завершиться, тем более что Сенат прибавил, что «виновники» и так достаточно наказаны, поэтому на следующих выборах им следует напомнить, «что подобные поступки в благоустроенном обществе терпимы быть не могут и никогда не останутся без строгого по законам взыскания». В конечном итоге Равича, подчинявшегося губернатору, больше не потревожили. Отметим, что Игнацы Мархоцкий (1749—1827), которого поэт Юлиуш Словацкий называл «королем Ладавы» и «графом Редуксом», — прекрасный пример человека, объединявшего в себе сарматскую оригинальность с духом Просвещения. Он отменил крепостное право в своем имении, включавшем местечко Миньковцы и несколько сел, и провозгласил его независимым королевством или республикой. Им ежегодно устраивались для крестьян патриархальные дожинки (праздник урожая), во время которых те должны были чтить богиню плодородия и урожая. Этот обряд сохранялся в данной местности до 1881 г., когда православная церковь приняла окончательное решение о его отмене. Сын И. Мархоцкого — Кароль (1794—1881), несмотря на то что он был сослан после восстания 1831 г. на десять лет, сохранял добрые отношения с генерал-губернатором Д.Г. Бибиковым.

Итак, как видим, на тот момент Сенатом не были приняты во внимание достойные пера Н.В. Гоголя страх и трепет, которые польская шляхта

вызывала в приближенных к трону кругах Петербурга. Однако уже через год, 11 сентября 1810 г., т.е. в период охлаждения отношений с Наполеоном, Александр I, увидев решение Сената, наоборот, стал требовать признать виновными всех перечисленных шляхтичей, а министру юстиции П.В. Лопухину было приказано подготовить для Комитета министров дополнительный отчет таким образом, чтобы лишить права голоса на три года всех участников инцидента. Министры, естественно, поспешили исполнить волю царя и подготовили соответствующий указ⁴⁴.

Подобные мелочи не имели бы особого значения, если бы на поверку не оказались тревожными признаками усиливавшегося крайнего недоверия и неприязни к прежним польским губерниям.

Атмосфера враждебности накалялась, и, казалось, нужен был лишь удобный момент для ее проявления — подобно тому как в случае с Куракиным, пугавшим «польской анархией», которая должна была наступить из-за саботажа дворянских собраний «фальшивыми шляхтичами». В этом ключе следует рассматривать и тайное указание министра полиции А.Д. Балашова от 27 октября 1810 г. подольскому губернатору И.Г. Литвинову обратиться особое внимание на указ от 3 марта 1805 г. и на то, чтобы «места получали действительные помещики, а не подставные лица, известные впрочем по своей неблагонадежности»⁴⁵. На ситуацию несомненно оказывал непосредственное влияние уровень напряженности в отношениях с Наполеоном. Волна новых конфискаций начала 1813 г. должна была приобрести еще больший размах по сравнению с 1809 г., хотя еще не все связанные с проведением предыдущей конфискации трудности были преодолены. Во время наступления французов летом 1812 г. часть польских помещиков и чиншевой шляхты с Украины присоединилась к Великой армии. Правда, таковых оказалось значительно меньше, чем в Литве или Белоруссии. До декабря 1812 г. никому и в голову не приходило провести их подсчет, однако после успехов русской армии царь вспомнил о прежней политике, хотя вместе с тем к нему пришло и понимание того, что губернии, присоединенные к России его бабкой, требуют особого, осторожного, подхода. Было также принято во внимание относительное спокойствие, царившее на Правобережной Украине во время войны с Наполеоном. И хотя Х.Б. Марэ назначил на должность комиссара южных провинций Тадеуша Мостовского, это не изменило занятую польскими землевладельцами выжидательную позицию. Российские войска без труда дали отпор вооруженному выступлению Антония Амилькара Коссинского, который попытался перейти Буг и занять Волинь. А когда ненадежный союзник Наполеона князь Карл Филипп Шварценберг все-таки вошел в эту губернию, то большая часть граждан спряталась у родственников и друзей в Подолье. Даже подозреваемый в сильных наполеоновских симпатиях Та-

деуш Чацкий предпочел провести время до конца октября вблизи Кременца у Ксаверия Мальчевского, а затем 2 января 1813 г. поспешил вновь открыть волынскую гимназию. Такое поведение могло быть расценено как проявление лояльности. В день своего рождения, 12 декабря 1812 г., перед балом, который Кутузов устроил в честь царя в своем доме в Вильне, Александр I подписал условную амнистию, вызвавшую неудовольствие генерала, который предпочел бы немедленно отдать своим офицерам польские имения.

Александр I под влиянием представлений о высших обязанностях власти и определенного мистицизма, который все более занимал его, решил дать шанс тем, кто захотел бы им воспользоваться. Зная о порожденных Наполеоном чуть ли не всеобщих надеждах, царь попробовал обернуть их в свою пользу. Свое выступление он начал достаточно риторически со слов благодарности всем тем, кто остался ему верен, а затем принялся метать громы и молнии против «тех, кто пристали еще прежде нашествия на их земли к стране чуждого для них пришельца, и подъявля вместе с ним оружие против Нас, восхотели лучше быть постыдными его рабами, нежели Нашими верноподданными. Сих последних долженствовал бы наказать меч правосудия... Но уступая вопиющему в Нас гласу милосердия и жалости, объявляем Наше всемилостивейшее общее и частное прощение...». Эта милость оказалась временной: те, кто покинул имения и присоединились к врагу, получили два месяца для возвращения, после чего объявлялась конфискация.

Формулировка «бывшие польские губернии», которую император по привычке использовал в начале документа, в конце была решительно в духе Екатерины II отброшена: «Надеемся, что сие Наше чадолюбивое прощение приведет в чистосердечное раскаяние виновных, и всем вообще областей сих жителям докажем, что они, *яко народ издревле единоплеменный и единоплеменный с Россиянами, нигде и никогда не могут быть толико щастливы и безопасны, как в совершенном во едино тело слиянии с могущественной и великодушной Россией*»⁴⁶.

Уже в следующем месяце, не ожидая окончания срока, Подольская казенная палата, в небезосновательном расчете на то, что наиболее активные участники и самые богатые так быстро не вернуться, приготовилась к значительным поступлениям в государственную казну. Поскольку князь Иероним Сангушко умер, а его сын Эустахий исчез сразу после появления французов, представители казенной палаты предложили Гурьеву принять власть над 15 990 крепостными Сангушко, разбросанными по разным имениям, которые находились в управлении влиятельных уполномоченных наподобие Маньковского. Сразу после завершения срока казенные палаты развернули такую бурную деятельность по захвату имений, что

Министерство финансов даже выдало специальное распоряжение о порядке конфискации и управления имениями⁴⁷.

Акция, которая началась в Литве, потребовала невероятных усилий со стороны бюрократического аппарата. Конфискационные комиссии сеяли ужас среди дворян-родителей, чьи сыновья пошли за Наполеоном. Количество прошений, ожесточенность царской администрации и масштабы крючкотворства значительно превосходили уровень 1772, 1793, 1795 и 1809 гг. Конфискаторов переполняла радость от составляемых списков и увеличения объема дел; в свою очередь, вернувшиеся позже установленного срока, чьи имения были уже конфискованы, искали поддержку у высоких должностных лиц; все это способствовало расцвету взяточничества⁴⁸. После двух месяцев Комбурлей обратился с просьбой о создании конфискационной комиссии Волынской губернии, вопрос был рассмотрен Комитетом министров 10 марта и 23 мая 1813 г.

Однако возникли непредвиденные сложности. Александр I, который в конце января 1813 г. уже находился в Варшаве, возобновил, хоть и безоговорочно, отношения с Адамом Ежи Чарторыйским. Князь, согласно ожиданиям его соотечественников, предложил царю воссоздать Польшу, присоединив к ней все западные губернии, и поставить во главе ее великого князя Константина Павловича. Александру I был нужен польский князь, чьи имения были на Украине и чьи убеждения и интересы можно было бы использовать, чтобы хоть как-то примирить поляков в связи с потерей Княжества Варшавского. «Чтобы достигнуть этого, — заявил император, — необходимо, чтобы вы и ваши соотечественники содействовали мне. Нужно, чтобы вы сами помогли мне примирить русских с моими планами и чтобы вы оправдали всем известное мое расположение к полякам и ко всему, что относится к их любимым идеям... Имейте некоторое доверие ко мне, к моему характеру, к моим убеждениям, и надежды ваши не будут более обмануты». Даже если эти слова и предсказывали создание в 1815 г. будущего Царства Польского, Александр I не намеревался ни поручать чего-либо своему брату, ни тем более отрывать от Российской империи присоединенные его бабкой губернии: «По мере того, как будут выясняться результаты военных действий, вы будете видеть, до какой степени дороги мне интересы вашего отечества, и насколько я верен моим прежним идеям. Что касается до форм правления, то вам известно, что я всегда отдавал предпочтение формам либеральным... Я должен предупредить вас однако же и, притом, самым решительным образом, что мысль о моем брате Михаиле не может быть допущена. Не забывайте, что Литва, Подолия, Волынь считают себя до сих пор областями русскими и что никакая логика в мире не убедит Россию, чтобы они могли быть под владичеством иного государя, кроме того, который царствует в ней»⁴⁹.

В связи с этим важно стало не наказывать изменников, которые пошли за узурпатором, корсиканским чудовищем и Антихристом, а заручиться их доверием. И вот уже новый подольский губернатор Арман-Эммануэль-Шарль Сен-При*, который будет исполнять свои обязанности до 1815 г., в доверительном письме от 9 февраля 1814 г. к министру финансов обращал внимание правительства на проблему, которая редко затрагивалась, но впоследствии сыграла фундаментальную роль в укреплении фиктивного единства с «единоплеменным» народом — украинскими крестьянами.

Арман-Эммануэль-Шарль был одним из трех сыновей бывшего посла Франции в Константинополе и министра Людовика XVI. Все трое эмигрировали в Россию. В 1800 г. Арман-Эммануэль женился на княжне С.А. Голицыной. Он пользовался солидной поддержкой при дворе. Он служил председателем коммерческого суда в Одессе при Ришелье в 1808 г., а в 1810 г. стал гражданским губернатором этого города. Через год после приезда в Каменец-Подольский, в 1813 г., он имел возможность наблюдать волнение среди шляхты и задумался о его возможных более глубоких последствиях, о чем и сообщил в письме к Гурьеву. Он не скрывал, что лучше было бы, если бы указ о лишении помещиков всех их прав после конфискации имений получил как можно меньшую огласку, поскольку он даже «если не будет служить поводом к возмущению крестьян, то по крайней мере возродит в них впечатление, могущее иметь невыгодные последствия... Никогда нельзя ручаться, чтобы они не обнаружили совершенного неповиновения ко всякому владельцу после того, когда назовут их казенными крестьянами. Сие одно уже может нанести правительству неприятные затруднения и может умножить такие побегы, коих оно не будет в состоянии удержать»⁵⁰. Сама возможность волнений среди крепостных, почувствовавших себя вольными, должна была произвести на Петербург сильное впечатление. Кто лучше польских помещиков умел держать крестьян в повиновении? Неожиданно конфискации стали выглядеть не такими уж и прибыльными для государства. Тем более что в Париже Александр I рассыпался в любезностях перед поляками, говорил комплименты командирам наполеоновских легионов, генералам Яну Домбровскому и Михалу Соколицкому и полковнику Юзефу Шимановскому, более того, восхищался их стремлением к свободе. Он позволил войскам Княжества Варшавского вернуться в Варшаву под командованием великого князя Константина Павловича. Царь даже встретился с Костюшко, который жил в окрестностях Парижа. Его снисходительность и милосердие способствовали росту его престижа среди европейских дворов и вызывали благодар-

* Он же Карл Францевич Сен-При. (Прим. пер.)

ность польских подданных империи, которой, как ему было известно, не удалось «переварить» конфискованные польские имения.

30 августа 1814 г. был провозглашен императорский манифест об общей амнистии — «даровано всем самовольно отлучившимся за границу прощение и повелено взятые у них под секвестр имения возвратить»⁵¹.

Так завершился период чрезвычайной напряженности между царским правительством и польскими землевладельцами Украины и Литвы, начало которому было положено в 1809 г. Конфискации же оказались экономически невыгодным, социально опасным и политически рискованным предприятием, но отказ от них дал императору повод продемонстрировать великодушие.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ 1815 ГОДА: СТРОГОСТИ В ПОДОЛЬЕ И ВЕЛИКОДУШИЕ НА ВОЛЫНИ

Впечатление слабости и непоследовательности в действиях царских властей возникает не только при рассмотрении предпринимаемых инициатив в отношении польской шляхты на протяжении какого-то промежутка времени, но и в географическом плане. Сложно понять, почему к граничащим друг с другом Подольской и Волынской губерниям было разное отношение. Едва лишь наступил мир, как в Подолье возобновились преследования, зато на Волыни вернулись к своеобразному диалогу в установленной законом форме в связи с возвращением имущества нескольким первоначальным владельцам.

Очевидно, Арман-Эммануэль-Шарль Сен-При редко бывал в Каме-нец-Подольском, поэтому контроль над выборами в Подольской губернии в 1814 г. взялся с запалом осуществлять вице-губернатор Станислав Павловский. Он так придирчиво провел проверку и обнаружил столько нарушений закона от 3 марта 1805 г., что в 1815 г. был назначен на должность губернатора этой губернии и занимал ее вплоть до 1822 г. На такого чиновника государство могло положиться⁵².

Его расследование было основано не только на собственных находках, но и на удивительно большом количестве доносов самой шляхты. Павловский в соответствии с законом начал расследование с проверки списка шляхтичей, допущенных к выборам, где незаконно фигурировали, например, братья, которые сослались на один и тот же доход в 150 рублей, или отец и сыновья, таким же образом декларировавшие свой доход. Многие указывали на владение восьмью дымами, которых в действительности у них не было. Вопреки закону некоторые владельцы заложенных имений не указывали даты завершения ипотеки. В списке встречались и несовершеннолетние. Кое-кто не сообщил о приобретении земельной собствен-

ности в соседнем уезде, чтобы не платить налога. Большое количество имений было внесено в список без указания их местонахождения. В генеалогических книгах фигурировали, по сообщению многочисленных доносчиков, лица, не имевшие права голоса. Действуя в соответствии с законом, Павловский приказал сделать выдержки из этих книг и затребовал объяснений от заместителя каменецкого губернского предводителя шляхты Людвика Рачиборовского, который смог дать объяснение далеко не по всем пунктам.

Тогда вице-губернатор не побоялся превысить свои полномочия и занялся регулированием структуры шляхетского сословия. Он получил поддержку от командующего подольскими войсками генерала Бахметьева. Тот по его просьбе изъял из списков шляхты 11 семей в Летичевском, столько же в Литинском, шесть в Гайсинском и три семьи в Балтском уездах. Павловский считал необходимым создать комиссию для пересмотра всех книг с целью лучшего выявления виновников. Его начинания на 25 лет опередили подход Бибикова: шляхту, чье происхождение было подтверждено лишь на локальном уровне, он воспринимал как чиншевую. Князь Юзеф Четвертинский, избранный губернским предводителем шляхты, продержался на этом посту лишь год, поскольку Петербург, приняв во внимание все приводимые «ужасы», признал выборы 1815 г. недействительными.

Однако наибольший интерес вызывают усобицы, царившие в уже и без того узком мирке шляхты с правом голоса. Эта избранная шляхта была готова вынести сор из избы, требуя от имперских чиновников неперемного вмешательства. Как ни парадоксально, но, несмотря на общее нежелание занимать низшие судебные должности и молчаливое согласие относительно избрания на них безземельных шляхтичей, доносы писались именно на чиншевиков. Возможно, это объясняется тем, что среди 200—300 избирателей существовала группа наиболее категорически настроенных и близких царскому правительству представителей землевладельцев.

Если еще можно понять князя Абамелика, который не был поляком и донес на балтского уездного предводителя шляхты Чарномского за то, что тот внес в список избирателей шляхту-голоту, а истинных шляхтичей, как указывал Абамелкин, вычеркнул, потому что они не были его приятелями, то как объяснить полное отсутствие шляхетской солидарности в Литинском уезде, где возник заговор против уездного предводителя шляхты Завроцкого, в котором участвовали такие помещики, как М. Липский, С. Радзейовский, граф Каспер Орловский и десятки других, покинувшие собрание в тот момент, когда маршалок предложил избрать безземельных шляхтичей? Правда, что в Могилев-Подольском уезде должность, на которую выдвигали чиншевика, не относилась к разряду второстепенных,

речь шла о главе подкоморского суда? Князь Фридерик Любомирский, Феликс Бохенский и Леон Чайковский обратились к губернатору с протестом, заявив что «межевой суд по важности своей требует отличных дворян, пользующихся общей доверенностью». Стоит задуматься над тем, что скрывается за подобными доносами помещиков на безземельную шляхту, которую все-таки несмотря ни на что избрали; возможно, мы имеем дело с началом осознания того, что при назначении на должность следует руководствоваться критериями компетентности и образованности претендентов, а не господствующим до этого времени отбором согласно происхождению. Если это предположение верно, то защитники «отличных дворян» являли собой цвет консерватизма. В Ушицком уезде Станислав Стемповский и еще несколько лиц обжаловали избрание писарем Казимежа Ястшембского*, обвинив его в том, что он якобы ради избрания подделал акт покупки земли в селе Калувка. В доносах ни разу не говорилось о личных качествах избранного, которого хотели лишиться должности, ни о причинах, по которым за него голосовало большинство. Возможно, велась борьба между теми, кто выступал за признание верховенства образования и их противниками?

Вполне вероятно и то, что такой раскол внутри шляхетского собрания отражает недавнюю вражду между сторонниками Наполеона и Александра I. Почему в Ушицком уезде крупный помещик Юзеф Вележинский так настаивал на том, чтобы сообщить царским властям, что подкоморий Павел Липинский не представил доказательств благородного происхождения, а потому его нельзя было утвердить в должности, на которую он был избран? Кто объяснит, что именно подтолкнуло таких аристократов, как Еловицкий или Михал Собанский из Гайсинского уезда (в котором суд был общим и для Ольгопольского уезда из-за нехватки достаточного количества подтвердивших свое происхождение шляхтичей — с этой проблемой мы уже сталкивались в Киевской губернии), обратиться к вице-губернатору с просьбой признать недействительным избрание двух несчастных подсудков Каспера Прохоцкого и Тадеуша Чарнецкого под постоянно повторявшимся предлогом отсутствия у них земельной собственности? Оба крупных помещика подчеркивали, что во время прошлых выборов они уже доносили на этих людей, из чего можно сделать вывод о существовании большинства, их избравшего.

В конечном итоге эту лавину доносов, подобную «посполитому рушению», можно объяснить проявлением верноподданнической угодливости шляхты, которая чувствовала в отношении себя крайнюю подозритель-

* Известны следующие транскрипции фамилии Jastrzębski: Ястржембский, Ястжембский, Ястрембский, Ястржебский, Ястжебский и Ястребский. (Прим. пер.)

ность царских властей и пошла на такие меры ради того, чтобы после потрясений 1812 г. доказать свою преданность законам империи, веря, что только так она сможет защитить свое право принадлежности к элите. В Ямпольском уезде помещик Матеуш Добжанский донес на выбранного подкоморским судьей Северина Ярошинского, так как тот не достиг еще совершеннолетия, а также на судью Маевского, не имевшего за душой никакого состояния. Почти все доноски просили о создании специальных комиссий для проверки бумаг, т.е. они больше не доверяли шляхетским собраниям в их традиционной форме и склонялись к признанию критериев оценки принадлежности к дворянству, существовавших в Российской империи. Этот раскол шляхты крайне важен. В то же время нужно принимать во внимание его относительность: ведь речь идет лишь о настроениях среди меньшинства — шляхты с правом голоса, настроенной легитимистски и добивавшейся сохранения своего исключительного положения⁵³.

Эта волна доносов была словно благословение для вице-губернатора, умело ею воспользовавшегося (хоть Сен-При также был ультрароялистом, но во всех тонкостях российско-польских отношений разобраться не мог). Вице-губернатор составил в виде таблицы список всех подозреваемых, в общей сложности 214 лиц, оказавшихся в выборных списках вопреки указу от 3 марта 1805 г. Затем он расписал их по уездам, тщательно образом указав фамилии, имена, количество голосов за и против, полученных на последних выборах, а также причины, по которым их избрание следует признать недействительным. Он отослал таблицу и отчет в Сенат, а сам, не дожидаясь реакции, продолжил ковать железо, пока горячо. Исполнение должностных обязанностей всеми подозреваемыми было приостановлено, их должности временно замещали те, кого избирали на предыдущих выборах (как будто их избрание прошло без сучка без задоринки), а новый губернский предводитель шляхты и председатель земского суда, к которым присоединился начальник государственной полиции, советник Короленко, возглавили чрезвычайную комиссию с целью проверки шляхетских реестров⁵⁴.

Отдельная комиссия была создана по Литинскому уезду, который вице-губернатор представил как пример особого беспорядка. Ему очень хотелось доказать, что здесь, где располагалось одно из крупных имений князя Адама Ежи Чарторыйского — Старая Синява — с 7571 крепостным, дела шли куда бы лучше, если бы князь время от времени заглядывал в свое имение вместо того, чтобы сидеть в Варшаве или носиться по всей Европе и только получать с имения доход. Литинская комиссия поставила себе целью доказать, что значительная часть земель, считавшихся условными владениями, в действительности была продана или что там, напротив,

множились фальшивые дарственные, что немало операций с недвижимостью никогда не декларировалось для уплаты налога, а во многих неразделенных имениях все совладельцы заявляли в качестве своей собственности одних и тех же крестьян как доказательство своей принадлежности к шляхте. Проверялись налоговые книги и бумаги, представленные в казенные палаты с целью установления достоверности дохода в 150 рублей (необходимый минимум для получения права голоса). Иными словами, в масштабе этого уезда была осуществлена проверка земельных собственников, подобная той, которую Бибиков будет проводить в 1839 г. по всей шляхте во всех трех губерниях⁵⁵.

Одновременно с этим подобный отчет для Сената подготовил и генерал А.Н. Бахметьев. В нем подчеркивалась необходимость проведения тщательного расследования в Балтском уезде, доверив его «благонадежным чиновникам». Бахметьев обращал внимание на незначительное количество шляхты, подтвердившей свое происхождение, в списке тех, кто получал право голоса, и напомнил, что на всех предыдущих выборах голосовали шляхтичи, получившие право голоса вопреки указу от 3 марта 1805 г. Значительное место в отчете генерал отводил описанию коварства «полу-дворян», которые, «желая воспользоваться должностями, изыскивали средства к внесению себя в дворянские книги под разными предлогами», и приводил примеры используемых ими уловок. Одни договаривались с богатыми помещиками о фиктивной продаже земли и получении восьми дымов, хотя бы в вечное пользование. По мнению генерала, такие бумаги были недействительны. Другие заявляли, что одолжили деньги и пользовались ипотекой, которая якобы случайно состояла из восьми дымов, или хвастались вымысленными дарственными. «Хотя впрочем совершенно известно, — заключал генерал, — что дворяне сии, в самом деле ни имения не купили, ни сумм под заклад не давали, ни пожизненных записей не получили, но произошло всё сие на одной только бумаге по согласию с помещиками». Поскольку представленные генералом факты носили, скорее всего, достоверный характер, это делает правдоподобной гипотезу о существовании шляхетской солидарности не только между крупными и мелкими помещиками, но и даже между помещиками и безземельной шляхтой. Предлагая провести в Литинском и Балтском уездах перевыборы, генерал не имел иллюзий относительно других уездов и считал, что эти два примера являются основанием для того, чтобы в остальных уездах оставить на выборных должностях тех, кто был избран на предыдущих выборах.

8 марта 1815 г., после консультации с императором 11 февраля 1815 г., Сенат подтвердил повсеместную отмену выборов 1814 г. в Подольской губернии и оставил на выборных должностях тех, кто получил голоса на выборах 1811 г., приказав провести переизбрание в Балтском уезде. Новый

министр внутренних дел Осип Козодавлев обратился 15 марта в Сенат с предложением провести такие же перевыборы и в Литинском уезде, представив также обширный анализ законодательного обоснования выборов.

Он уточнил, что на должностях, полученных в результате выборов 1811 г., могут быть оставлены лишь те лица, избрание которых полностью соответствует закону, а в ответе Бахметьеву он добавил, что в случае недостатка шляхтичей для исполнения судебных функций можно привлечь людей из губернского правления, а если и в этом случае людей будет не хватать, то следует обратиться к чиновникам Герольдии⁵⁶. И хотя дело не дошло до непосредственного привлечения петербургских чиновников для участия в «автономном» шляхетском управлении, эта угроза сыграла свою роль и подготовила почву для будущих действий.

Дальнейшего хода это дело не получило и в ноябре 1815 г. было отложено. Однако подольские выборы еще долгое время будут оставаться, как мы еще увидим, предметом особого внимания властей.

В связи с этим делом стоит также вспомнить еще об одном эпизоде. В сентябре 1815 г., согласно сообщению командующего подольскими войсками, мелкие шляхтичи попытались отстоять те скромные места, которые они получили на выборах в Литинском уезде. Многие из них не имели никакого представления о российских законах и заявляли о законности своего избрания. Они соглашались, что не имеют достаточного количества земли, но утверждали, что платят налог со 150 рублей дохода. Больше всего удивляет их убежденность в том, что они «служат» — при том, что они не понимали, какой смысл вкладывался в это слово государственными органами. Некоторые писали, что во время войны несли службу на местах или за рубежом, не уточняя, на чьей стороне! Для них служба ассоциировалась с выполнением поручений или небольших хозяйственных обязанностей, именно этим была заполнена их жизнь, связанная с крупными помещичьими имениями. Они говорили, что принимали участие — видимо, в качестве экономов или управляющих — в наборе рекрутов, поставляли скот для армии и т.п. Находясь в растерянности, они обвиняли авторов доносов, которые фактически вытеснили их из шляхетского сословия. Вину, к примеру, нового предводителя Шенявского, который полностью зависел от крупного землевладельца Липского, или члена ревизионной комиссии Бжозовского, который был свояком графа Орловского⁵⁷... И это действительно была правда; таким образом, польская аристократия пыталась предстать перед царской властью в качестве истинных защитников «настоящей» шляхты.

В Волынской губернии в окружении губернатора и сенатора М.И. Комбурля также с большим недоверием относились к польской шляхте, шляхетским собраниям и судам, однако это не имело каких-либо

последствий, поскольку Комбурлей и его заместитель О.Д. Хрушев, который оказался замешанным в крупном деле о взяточничестве, были вынуждены оставить занимаемые должности в конце 1815 г. После этого в губернии какое-то время был период безвластия, которым не преминула воспользоваться местная шляхта, чтобы заявить о себе во всеуслышание. Сначала губернию недолго возглавлял Сен-При, затем ее временно доверили двум полякам: председателю 2-го департамента Житомирского суда Домбровскому и генералу Станиславу Потоцкому, потом — сенатору Ф.Ф. Сиверсу, который прибыл туда для проведения расследования, и, наконец, в период с 13 апреля 1816 г. по 1824 г. Волынь в первый раз возглавил губернатор-поляк, граф Б. Гижицкий, тесно связанный с царской властью: он имел звание генерал-майора российской армии и был зятем богатого помещика графа Илинского, губернского предводителя шляхты в 1816—1817 гг., в свое время дружившего с Павлом I. Если добавить к этому, что после смерти в 1813 г. графа Т. Чацкого его место инспектора школ Правобережной Украины занял беспокойный граф Филипп Плятер, то мы сможем почувствовать разницу в положении между Волынью и Подолем и понять милость Петербурга к верхушке волынской шляхты.

Это неожиданное выдвижение на должности поляков, которому способствовала общая благоприятная атмосфера и общая амнистия 30 августа 1814 г., заставило негодовать сторонников «истинно русской» политики. Такие друзья Комбурлея, как графиня Старожилова, даже тайком расспрашивали путешественников о состоянии умов и хотели узнать подробности об отставке Комбурлея, причину которой они видели в польском заговоре. Статский советник Опытов охотно подтверждал эти предположения в письме из Вены, написанном в июле 1818 г., т.е. как раз тогда, когда русское консервативное общество было шокировано речью императора в Варшаве, где вновь шла речь об объединении «прежних польских губерний» с Царством Польским. Свидетельства этого путешественника интересны тем, что они во многом откровеннее официальных отчетов представляют стереотипы, подпитывавшие определенное общественное мнение, выразителями которого были, к примеру, Шишков и Карамзин, мнение по сути своей националистическое (даже если на тот момент такого понятия еще не существовало)⁵⁸. Опытов рассказывает в письме, что по дороге в Вену он останавливался в Бердичеве, Житомире, Дубне и Радзивилове, «чтобы, разведав о бывшей на Волини в 1815 и 1816 годах революции, доставить Вам обстоятельное сведение, каким образом сей моральный переворот обратился на пагубу толикого числа невинных людей, а в том числе и Ваших родственников». Автор письма углубляется в историю, чтобы показать, что Волынь всегда была краем изменников: это в Овруц-

кой земле убили князя Олега, в Кременце Лжедмитрий I принял монашеский постриг, а затем при поддержке польских бояр «взбунтовался против нашей Отчизны»; в Остроге же сохранилась церковь, где он вступил в брак с Мариной Мнишек. В Новограде и Староконстантинове, сообщал далее Опытов, польские землевладельцы доверили православные храмы «жидам». Во время гайдамацкого бунта в Житомире в 1768 г. было убито 10 тыс. крестьян, «грекороссийского исповедания единоверцев наших», а в Луцке и Владимире «при последнем издыхании Польши» комитеты повстанцев уничтожали разносчиков газет, торговцев и православных священников. Автор письма указывал на то, как вели себя местные жители во время войн в 1798, 1799, 1806, 1807, 1809 и 1812 гг. и какое количество своих детей они послали в Княжество Варшавское «единственно для поднятия оружия противу Русских». Автор письма подчеркивает, что нет ни одной семьи, где не оплакивали бы или не носили траур по детям, братьям или родственникам, «погибшим в сражениях противу России», а после амнистии беглецы, не зная стыда, возвращались к своим семьям, готовые совершить новые преступления...

Далее автор письма пытался доказать, что со времени присоединения польских территорий все действующие губернаторы были заражены республиканским духом и ненавистью ко всему русскому. Обвинения посыпались на головы Кречетникова, Тутолмина, Шереметьева и ряды последующих губернаторов, тогда как «в Житомире балы и вечеринки, а по деревням от мужиков плач и вопль». Опытов напрямую указывал имена нескольких помещиков, в том числе А. Стецкого, который позволил умереть голодной смертью десяткам крестьян. Особое же внимание он обращал на действовавших представителей губернской власти: Б. Гижицкого, который отличился тем, что запряг православного священника в плуг, и Г. Илинского, устраивавшего попойки в своем замке в Романове. Эти сплетни, повторяемые на протяжении 10—15 лет, свидетельствовали об особой ненависти, которую питали к полякам друзья Комбурлея и все те, кто не мог понять причин милостивого отношения верховной власти к Волины в тот период.

Действительно, подобное отношение вызывает удивление, особенно в сравнении с тем количеством придирок к выборам, которые в это же время сыпались на Подольское дворянское собрание. Обнадеженное знаками милости, Волинское шляхетское собрание обратилось с новым прошением. Возможно, к этому его подтолкнули открытость, с которой Комитет министров принял его первое обращение в августе 1808 г. (в котором предлагалось, как мы помним, установить бюст «Северному Титу»), или занятая в 1811—1814 гг. губернским предводителем шляхты Вашлавом Ганским антинаполеоновская позиция, или прямые контакты Филиппа Пля-

тера с министром народного просвещения А.К. Разумовским, или, что наиболее вероятно, связи при дворе генерала Бартоломея Гижицкого, который дважды в 1814—1816 гг. избирался губернским предводителем дворянства. Так или иначе, но, в отличие от Подольской губернии, Волынская сумела избежать скрупулезной проверки. Новое прошение было значительно длиннее предыдущего и включало уже 23 пункта.

Министры и в этот раз, хотя и отбросив определенную часть шляхетских требований, не отказались от серьезного их рассмотрения, т.е. вновь состоялся своеобразный диалог между властью и шляхетским миром Волыни. Рассмотрение состоялось по специальному поручению царя⁵⁹ и завершилось несколькими положительными для шляхты решениями.

Как и в 1808 г., значительное число просьб касалось экономических вопросов. Экспорт зерна в Австрию, приостановленный во время войны, был вновь возобновлен. Ускоренно велся ремонт дорог. Выгодные заказы по снабжению армии объявлялись лишь в губернских центрах, что, по мнению шляхты, было крайне выгодно для евреев, которые узнавали о них раньше других. Теперь же объявления о них должны были публиковаться в каждом уезде (впрочем, министр финансов отказался от предложения шляхты по самостоятельной организации поставок, так как они находились под контролем казенных палат). Просьба об отмене расквартирования войск в имениях, а офицеров по усадьбам была отклонена, были лишь выведены полевые госпитали, устроенные в отдельных имениях во время войны. Ряд пунктов касался укрепления власти шляхты в городских административных органах, которые регулировались собственным правом, и избрания членов магистрата. Эта просьба была отклонена, как и просьба набирать рекрутов по городам: в последнем случае, скорее всего, шляхта хотела таким образом сократить число рекрутов, набираемых из крепостных крестьян. В итоге власти пошли на несколько новых уступок шляхте (например, шляхетскому собранию было разрешено назначать почтмейстера и учреждать конную почту), было несколько расширено ее влияние на публичную жизнь. Наиболее ярким проявлением благосклонного отношения к волынской шляхте стало удовлетворение ее просьбы об отмене назначения исправников властями (губернаторами и министрами). Выше указывалось, каким образом Панкратьеву удалось этого добиться в 1805 г. Очевидно, С.К. Вязмитинов наконец понял, что найти в каждом уезде полицейских, полностью преданных правительству, пока еще было невозможно. К этому вопросу вернуться лишь после 1831 г. По просьбе шляхтичей этих чиновников вновь стали избирать на шляхетских собраниях согласно положению, предусмотренному в Учреждении о губерниях от 19 мая 1802 г. Никто не заметил (или сделал вид), что шла речь о молчаливом поощрении к избранию еще большего числа безземельных или ма-

лоземельных шляхтичей, поскольку только они соглашались брать на себя исполнение этих функций. Как видим, разница в положении дел в Волинской и Подольской губерниях была поразительной.

Тем временем объявленный в связи с этим указ от 10 февраля 1816 г. был адресован ко всем «прежним польским» губерниям и объяснял нововведение тем, что «определяемые Правительством в должности земских исправников чиновники не имеют достаточных сведений об образе судопроизводства и особых правах тамошнему краю присвоенных». Одновременно с этим количество заседателей (полицейских), которое во время войны в приграничных губерниях выросло, было уменьшено до предвоенного состояния. Таким образом, шляхтой было потеряно несколько должностей, однако факт восстановления выборности местной полиции губернскими шляхетскими собраниями был значительной победой шляхетского духа⁶⁰.

Подобной подчеркнутой доброжелательностью к шляхте упомянутых губерний будет проникнут и проект указа, составленного, очевидно, под влиянием брата Александра I — Константина. Брат императора пытался заручиться поддержкой шляхты тех губерний, на которые распространялась его военная юрисдикция. В подготовке этого текста, очевидно, принимали участие и польские советники⁶¹. В одном архивном деле объединены и весьма либеральная Конституция, которой император заменил Конституцию Княжества Варшавского, и основанный на Литовском статуте документ, автор которого пытается доказать, что русская традиция военной службы основывается непосредственно на традиции Великого княжества Литовского. В проекте указа делалось обращение от имени Александра I непосредственно к шляхтичам присоединенных губерний, чья выдающаяся роль благодаря их военным успехам и гражданской службе составляет опору престола и отчизны. Иначе говоря, указ, как и Жалованная грамота 1785 г., ставил шляхту вровень с русскими дворянами. О недавнем неповиновении было забыто!

В тексте читаем: «Дворяне в присоединенных от Польши к Российской Империи губерниях всегда почитаемы были Нами и нашими предками в равном и таковом же отношении». Далее говорилось об освобождении шляхты от телесных наказаний, а также о собственном судопроизводстве, возможности обратиться к Сенату и в другие органы власти, в которых шляхта «находит во всяком месте способы обличить клевету и спасти невинность». Царь гарантировал их безопасность и сохранность ее собственности. «Однако с сожалением видим, — говорилось далее в проекте указа, — что великая часть их, особенно бедных по тамошним губерниям не довольно чувствуют свое звание толикими преимуществами украшенное и долженствующее обратить их на путь приличную их происхождению.

Некоторые не хотят пользоваться щедротами Нашими, излиянными для пользы народного просвещения; многие же без недвижимой собственности не имеют усердия занимать общественных должностей, по сему теряют время и способности свои во вредной праздности, которую должно признавать источником разного рода преступлений толико несвойственных дворянскому званию». Упрек в нежелании служить звучит парадоксально, поскольку шляхту постоянно отстраняли от должностей, но здесь он, вероятно, должен был послужить предлогом для принятия последующего решения с целью заживить и больше не бередить эту рану. Таким решением стало проведение новой переписи в сочетании с проверкой, принципы которой опирались на ряд статей Литовского статута, Коронного статута, польских и литовских сеймовых конституций, заглавия которых даже подавались по-польски с указанием дат и страниц.

Ответственность за проведение этой операции возлагалась — удивительное доверие! — на выборных в уезде лиц: предводителя шляхты и его заместителя (хорунжего), судью и двух канцеляристов, а также избранного секретаря. Далее в проекте указа сообщалось: «Мы надеемся, что эти чиновники [описка или действительное незнание того, в чем состоит разница между выборной шляхетской должностью и назначением на должность? — Д.Б.], занимающиеся оною, имея в предмете добродетель и честь возведшие их на степень доверия обратий их, коими избраны на толико почетные места, исполнять в совершенной точности таковую Нашу волю».

Согласно Литовскому статуту, освобождавшему шляхтича от необходимости несения службы за пределами своего воеводства, в проекте указа их горячо поощряли к службе в родной губернии. Кроме того, мы видим здесь и побуждение шляхты к образованию на польском языке (редкий случай в официальных документах того времени). Это дает основание предположить, что в подготовке текста принимали участие поляки, которые поддерживали идею просвещения собратьев по сословию и хорошо знали Литовский статут, — например, Б. Анастасевич* в Петербурге или К. Контрим в Вильне. В проекте указа говорилось: «Предполагать должно, что ежели Мы старались распространить просвещение до такой степени, что каждый не только малыми издержками может усовершенствоваться в науках приличных дворянскому званию, но сверх того бедные без всяких попечений родителей воспитывающиеся на великом казенном иждивении, то каждый дворянин, имея средства, Правительством ему предоставленные, стараться будет воспитывать своих детей до совершения восемнадцатилетнего возраста, дабы таким образом сделать их способными к пользе Отечества».

* Базилий Анастасевич известен как Василий Григорьевич Анастасевич. (Прим. пер.)

Мы еще вернемся в следующей главе к этим столь щедрым обещаниям, но уже сейчас можем отметить, что для образованных шляхтичей автор проекта видел возможность трудоустройства лишь в системе образования, что не могло отвечать интересам всех. В действительности предполагалось, что большая части шляхты не будет учиться, а, подобно аракчеевским крестьянам, служить в армии. Хотя и не предусматривалось, что, как в случае крепостных, придется служить 25 лет, но подчеркивалось, что, в соответствии с доблестным духом традиций Литовского статута, следует посвятить себя службе в кавалерии лишь на десять лет, с 18 до 28, «подражая ревности своих предков». Какое прекрасное и несметное войско получил бы Константин!

Составители проекта указа, очевидно, зашли слишком далеко в восхвалении польского рыцарского сословия и прославлении его традиций. Как раз тогда, когда Гурьев развернул, как было показано в предыдущей главе, кампанию по поиску подозрительных лиц, проникнувших через границу во время войны, подобный порыв мог лишь вызывать недовольство «истинных россиян». Авторы проекта, высланного царю, выражали уверенность в том, что шляхта отнесется с радостью к возможности исполнения «любимого и свойственного дворянскому званию военного ремесла», далее ими перечислялись преимущества, которые будут предоставлены шляхетскому сословию. В каждой губернии предполагалось создать конный полк с одноименным названием (Виленский, Подольский и т.п.), который делился бы на шесть эскадронов, носящих названия уездов, и возглавлялся бы знатными поляками. Первыми должны были принимать тех, кто прибудет верхом и при полной экипировке. Была предусмотрена возможность производить замену из расчета два солдата за одного шляхтича. Солдат можно было бы набирать среди крепостных или безземельной шляхты, в случае их гибели на их место брали бы новых. Раненым полагалась бы пенсия, даже если они не отслужили десять лет. После десятилетней службы они смогли бы получить звание поручика, быть награждены медалями и получить по 24 десятины земли (неизвестно откуда взятой), или по 250 рублей.

И хотя эти идеи могут казаться наивными и трудными в исполнении, их цель состояла в интеграции польской шляхты в Российскую империю. Авторы проекта полагали, что их идеи отвечали пожеланиям на местах, учитывая похвальные отзывы о прошлых шляхетских традициях, т.е. они вроде бы шли навстречу полякам, правда, таким, какими их себе представляли русские. Эти предложения перекликались и с дружелюбными жестами Александра I в 1815—1819 гг.: он дважды заехал в Киев по дороге в Варшаву в 1816 и 1817 гг., гостил у Браницких в Белой Церкви; произнес свою знаменитую речь на Первом сейме Царства Польского ранней весной

1818 г. в Варшаве (именно тогда прозвучали обещания объединить западные губернии империи с Царством Польским). После выступления на сейме царь приказал Н.Н. Новосильцову подготовить для России конституцию, которая должна была называться Государственной уставной грамотой и напоминать Конституцию Царства Польского. Узнав, что французский секретарь Новосильцова А. Дешан ее написал, а П. Вяземский уже перевел на русский язык и подал проект императору летом 1819 г., консерваторы обеспокоились. Когда же для окончательного редактирования Новосильцову поручили перевести с латыни отдельные отрывки из нескольких польско-литовских соглашений за 1419 и 1551 гг., предшествующих заключению Люблинской унии 1569 г., Карамзин, как и в 1809 г., отважился выступить против позиции царя. В императорском кабинете в Царском Селе он прочитал написанный им текст «Мнение русского гражданина», который должен был положить конец упомянутым выше проектам: «Можете ли Вы, Ваше Величество, со спокойной совестью отобрать у нас Белоруссию, Литву, Волынь, Подолию — собственность России, признанную еще до Вашего царствования?» — спрашивал официальный историограф. «Скажут ли, что она [Екатерина II. — Д.Б.] бесправно поделила Польшу? Но Вы, Ваше Величество, поступили бы еще более бесправно, вознамерившись искупить ее несправедливость разделом самой России. Мы взяли Польшу мечом — вот наше право! Ведь все государство благодаря ему и существуют, ибо все они возникли из захватов. Польша — законная русская собственность. Нет старых прав собственности в политике, иначе пришлось бы нам восстановить Царство Казанское и Астраханское, Новгородскую республику, Великое княжество Рязанское и так далее. Все или ничего»⁶².

НЕДОВЕРИЕ ВЛАСТЕЙ К ПОЛЬСКОЙ ПОЛИЦИИ НА СЕЛЕ

В изучаемый нами период царские власти так и не предложили никакой серьезной программы по интеграции шляхты. Жизнь шляхетского сословия в присоединенных губерниях шла своим чередом, и лишь мелкие уступки или незначительное ущемление автономии со стороны центральных властей вносили в нее определенное разнообразие. На обширном пространстве трех губерний, казалось бы законно принадлежащих России, продолжало сохраняться, хоть и в несколько урезанной форме, польское административное управление, которое петербургским властям так и не удалось себе подчинить. Суть проблем оставалась прежней и заключалась в избыточном по сравнению с остальной частью империи количестве дворянства. Именно это лежало в основе сомнений относительно «подлинности» данной группы. Кроме того, политические и общегосударственные

интересы препятствовали интеграции этой группы путем включения ее в систему государственной службы согласно Табели о рангах. В силу этих обстоятельств польская избирательная система, несмотря на становящееся все более очевидным ее несоответствие административной системе России, продолжала работать.

В потоке переписки между всеми действующими лицами этой сложной игры приводилось множество примеров постоянных препон и ограничений. Так, первый губернатор Волыни польского происхождения, получивший назначение в апреле 1816 г., Гижицкий, уже в следующем году констатировал нехватку служащих в канцелярии, что, по его мнению, было парадоксальным, учитывая множество обедневшей шляхты, которая успешно могла бы справиться с этими обязанностями. Решить вопрос о назначении на эти государственные должности мог лишь Сенат. Поэтому губернатор обратился к нему с просьбой позволить использовать служащих из других «присутственных мест», которыми могли быть лишь шляхтичи, избранные в суды дворянскими собраниями. Отдавать своих судей, подсудков или приказных (возных) в губернскую канцелярию суды, конечно, не захотели, однако заверили, что найдут людей, службу которых нужно будет оплачивать. Сенат дал на это согласие 8 марта 1817 г., правда не до конца понимая, о чем идет речь. Вязмитинов также выразил свое согласие 31 марта 1817 г., ожидая создания новых бюджетных должностей.

Некоторые шляхтичи решили, что настало время получить какой-нибудь чин в российской административной системе, однако Гижицкий нашел иной способ оплаты их службы: он ввел специальный налог, взимаемый с каждого уездного дворянского собрания по 300 рублей, а с губернского — 1000 рублей. Поскольку налог платили не очень охотно, Гижицкий пошел на превышение своих полномочий, сделав предложение, от которого польская шляхта не смогла отказаться: под угрозой обнародования всех государственных недоимок он заставил уездных предводителей шляхты собраться у него и добился уплаты налога. В конечном счете собрания, на которые приглашались в качестве дополнительного «аргумента» исправники и заседатели из каждого уезда, окончательно возмутили шляхту, в связи с чем волынский предводитель Ледуховский обратился с протестом к министру внутренних дел. Комитет министров заслушал это «скандальное дело» 24 октября 1821 г., а 29 октября постановил сделать губернатору выговор.

И хотя должность губернатора в данном случае занимал чиновник польского происхождения, это ни на что не повлияло, и ставшие уже традиционными споры разгорелись вновь. Ледуховский настаивал на том, что был глубоко оскорблен губернатором и что эти странные собрания противоречили ст. 36 Жалованной грамоты, согласно которой собрания проходи-

ли раз в три года с целью проведения выборов. Он указывал также на то, что вынужденные переезды производятся за счет заинтересованных лиц и что любые поборы к выгоде канцелярии губернатора незаконны. Когда Кочубей стал расспрашивать Гижицкого о реальном положении дел, тот вновь попытался предстать в роли защитника интересов государства, однако его аргументы не были приняты. Вся эта неприятная и нескончаемая бюрократическая война была типичным результатом социально-административного паралича, разбившего «прежние польские губернии». Несомненно, расходы на жалованье для губернских секретарей должны были идти из государственного бюджета, но зачем было обещать создать должности для польской безземельной шляхты? Из журнала Комитета министров, который в октябре 1821 г. собирался дважды, чтобы всерьез заняться решением этого спора, узнаем, что месяцем раньше Комитет дал ответ на аналогичное обращение Курского дворянского собрания по поводу интеграции в иерархию чинов избранных дворян, которые выполняли свои функции бесплатно. Просьба была удовлетворена, в трех строчках говорилось о том, что избранные дворяне могли пользоваться чином 9-го класса в течение трех лет действия мандата. Курская губерния не относилась к новоприобретенным, и в этом заключалась вся разница в решении вопроса⁶³.

В конечном итоге волянский губернатор добился определенных результатов, хоть и балансируя на грани дозволенного. Он укрепил уездную полицию, которая формировалась, как и в случае исправников, из польской шляхты, в большинстве своем «голоты», однако избираемой землевладельцами. В январе 1822 г. он докладывал министру внутренних дел, что из-за близости его губернии к границе здесь рассматривается гораздо больше гражданских и уголовных дел, а потому четырех полицейских (заседателей), избираемых в каждом уезде шляхетскими собраниями и состоявших с 1804 г. на государственном жалованье, недостаточно. Губернатор, в частности, просил в связи с делами о контрабанде выделить еще по два заседателя на каждый уезд. Поскольку Министерство финансов оставалось глухо к его просьбе (такое решение предусматривало бы присвоение им чина согласно Табели о рангах), губернатор предложил избирать их на шляхетских собраниях, к своей просьбе он также добавил некоторые подробности о преследовании беглецов и попрошаек. Граф Кочубей дал согласие на такое решение и назначил шестерым избранным в уездах заседателям по 200 рублей жалованья в год. В очередной раз проявилось несоответствие между желанием исключить безземельную шляхту из публичной жизни и необходимостью использовать ее из-за нехватки чиновников непольского происхождения⁶⁴.

Недостаток людей в полиции, и в шляхетских судах в особенности, давал о себе знать в пока еще не очень многочисленных случаях (их ста-

нет больше) массовых крестьянских бунтов. Однако уже тогда наметилась тенденция к определенному взаимопониманию между миром землевладельцев и царской властью, которая в будущем усилится. Так, Уманский земский суд сообщил киевскому губернатору 26 мая 1817 г. о бунте 1016 крепостных села Подвысокое, находящегося во владении Текли Потоцкой, одной из наследниц могущественного Щ. Потоцкого. Крестьяне взбунтовались в ответ на весть об аресте нескольких односельчан. Для их умирения было вызвано войско, арестовавшее 140 человек, однако это не остановило крестьян. В 1825 г. опять пришлось прибегнуть к помощи армии; 60 крестьян было выслано в Киев и прилюдно высечено, двое отправлено на каторгу. Через год, в июне 1826 г., село вновь было занято военными, так как местная полиция оказалась бессильной. Под суд был отдан 91 крестьянин, 59 высечено, 22 посажено в тюрьму (в которой шестеро скончалось), два сослано на каторгу. Сенат одобрил эти приговоры 28 июля 1826 г.⁶⁵

Подобным образом Комитет министров не мог не одобрить 1 июня 1818 г. введение войска в село Степань Ровенского уезда Волынской губернии, принадлежавшее бывшему предводителю шляхты, тайному советнику Ворцелю. Исправник, который подал рапорт незадолго до этого, мог быть лишь выбран Житомирским дворянским собранием при губернаторе Гижищком. В ежегодном отчете за 1818 г. тот же польский сановник сообщал и о других бунтах в Чарторыйске Луцкого уезда, в имении Почея*, где беспорядки уже имели место в 1814 г., а также в селе Кирилровка Житомирского уезда, где местная полиция не смогла подавить бунт, спровоцированный злоупотреблениями помещика Можковского⁶⁶.

В 1820-х гг. украинские крестьяне делали попытки — пока, как правило, безрезультатные — искать правду скорее у русских, чем у поляков. Настанет время, когда первые станут смотреть на защиту крестьян как на действенное средство вытеснения вторых. Крестьяне занимали подобную позицию, прежде всего там — что естественно, — где их владельцем являлось государство, которое, кстати, вынуждено было оставлять польских экономов и смотрителей в имениях, конфискованных или купленных во времена Екатерины II. Значительное присутствие польской шляхты в имениях, созданных на основе бывших староств, привело к тому, что там, как и везде, судопроизводство осуществляли шляхетские собрания и суды. Жалоба крестьян 28 деревень из околиц Звенигородки министру юстиции от 6 сентября 1819 г. на их «владельцев», польских шляхтичей Чишевского и Кулещя, осталась без ответа, несмотря на злоупотребления управляющих, начиная с 1810 г.: завышенные налоги, принудительное выполне-

* В кириллической транскрипции фамилия также передается как Потий. (Прим. пер.)

ние работ в свою пользу, захват крестьянских наделов для себя или своих родственников, избиение и физические расправы, запрет пользоваться лесом, подкуп исправника и других ответственных лиц. Последние хватали наиболее активных и грамотных крестьян и требовали от них обещания, что те никогда не будут составлять жалобы. Подобную ситуацию описали и крестьяне из села Вишневка, части Летичевского староства в Подольской губернии, которое принадлежало коллежскому советнику Дордету (возможно, он был французским эмигрантом). В 1818 г. по его приказу был арестован, избит, а затем на год заточен в тюрьму крестьянин, пытавшийся подать жалобу царю, когда тот проезжал через Подольскую губернию. Однако крестьяне от своей затеи не отказались и в 1820 г. попробовали подать петицию проезжавшим сенаторам, однако их перехватил Стшелецкий, конторщик Дордета, и приказал заковать в кандалы. В мае 1823 г. они обо всем рассказали в третьей жалобе великому князю Константину, сетуя на абсолютное отсутствие защиты в мире, где полиция создана в угоду помещикам, а те «не чувствуют никакой власти над собой». Крестьяне недоумевали, почему убитый троих человек Стшелецкий не был наказан уездным судом⁶⁷.

Этого им так и не объяснили. Зато шляхетские собрания располагали множеством возможностей, чтобы напрямую обратиться к царю и доказать, что именно они являются опорой самодержавия, преданными слугами царской власти, даже если их в чем-то и подозревали. Это прекрасно понимали и помещики Киевской губернии. В 1821 г. Министерство финансов проявило пристальный интерес к тому, на что тратились средства из кассы собрания, и намеревалось поручить проверку счетов специальной комиссии. По мнению графа Густава Олизара, который сменил графа Петра Потоцкого на должности губернского предводителя шляхты, в сложившейся ситуации эффективной могла бы оказаться публикация и рассылка всем помещикам губернии декларации, полной горячих и высокопарных слов, которая могла бы также произвести впечатление и на власть. В тексте декларации, напечатанном по-русски на голубой бумаге, а по-польски — на белой формате 20×30 см, шла речь о почетной обязанности дворянского предводителя разъяснять своим «соотечественникам» назначение денег в кассе. В действительности из написанного в характерном для сеймиков риторическом стиле текста ничего не следовало, если не считать упоминания о том, что в 1821 г. 24 шляхтича заплатили налоги согласно имевшейся у них собственности за признание их принадлежности к шляхте и запись в родословные книги. Отметим незначительное количество записанных. Налог составлял от 5 до 100 рублей с семьи, сумма накопленных за предыдущие годы средств составляла небольшой капитал в 42 480 рублей ассигнациями, вложение которых приносило прибыль в

2548 рублей ассигнациями годовых. Этого хватало для содержания помещения дворянского собрания, а также дюжины секретарей, архивистов и прислуги. В этом скудном отчете приводился один неожиданный факт. По словам Олизара, наибольшую часть суммы, размер которой неизвестен, составляли добровольные взносы на сооружение в Киеве католического храма Провидения Господня во славу милостивого монарха. Пламенное обращение предводителя дворянства Олизара предназначалось скорее для демонстрации бесконечной преданности шляхты монархии. Он писал, что был бы счастлив оправдать почетное доверие, которым одарили его сограждане, и подчеркивал, что идея строительства костела возымеет действие на тех, кто ранее с осторожностью и недоверием относился к благотворительности. Однако начатое в 1817 г. строительство затянулось, и католический собор во славу Александру I был открыт в православном Киеве лишь в 1842 г.⁶⁸

Потребность в утверждении своих позиций крупными землевладельцами, неспособность шляхетских избранников самостоятельно обеспечить выполнение барщины, нехватка служащих в губернских канцеляриях — все это свидетельствовало о парадоксальности сложившейся ситуации в недостаточно контролируемом Россией регионе.

Царская администрация, жестко ограниченная указом 1805 г. о выборах и не настроенная поощрять широкую интеграцию шляхты, которая превосходила по численности русское дворянство, в чиновничью систему, не могла предложить в этом регионе перспективу карьеры даже тем помещикам, которые этого хотели, не говоря уже о безземельной шляхте.

Этот однобокий подход, поддерживающий элитарную систему, являлся препятствием даже в том случае, когда лояльный польский аристократ становился губернатором. Мы уже видели, насколько ограничены были возможности Гижицкого на Волыни. В начале 1820-х гг. подобная ситуация возникла и в Подольской губернии. В 1822 г. граф Миколай Грохольский был назначен временно, а через год утвержден на должности губернатора, которую занимал до 1831 г. Его основным собеседником был предводитель дворянства этой губернии, граф Константы Пшездзецкий*, придворный камергер, кавалер ордена Святой Анны второй степени, кавалер медали «В память отечественной войны 1812 года»**, владелец 4538 ревизских душ; его стаж в пребывании на посту предводителя шляхты можно сравнить на Украине лишь с продолжительностью мандата его киевского коллеги: Пшездзецкий был предводителем дворянства с 1820 по

* В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона значится как Константин Пржездзецкий. (*Прим. пер.*)

** В названии медали слово «отечественной» было написано со строчной буквы. (*Прим. пер.*)

1850 г., тогда как граф Хенрик Тышкевич* — с 1826 по 1854 г. Эти трое поляков не обладали большей свободой действий, чем их русские коллеги и соседи. Тот факт, что оба — как волынский губернатор, так и подольский — были польского происхождения и довольно долго находились у власти, все же не позволяет согласиться с А. Миллером, согласно которому «до восстания 1830—1831 годов империя Романовых стремилась опираться здесь на местные элиты и непрямые формы правления»⁶⁹. В Киевской губернии ни разу не был назначен губернатор польского происхождения, в то же время в Подольской с 1797 по 1822 г. было восемь, а в Волынской с 1797 по 1831 г. — двенадцать губернаторов непольского происхождения (кроме русских также назначались губернаторы французского, английского и немецкого происхождения).

Единственная уступка, которой Грохольскому удалось добиться 12 ноября 1827 г., была той же, что и уступка, сделанная в 1822 г. Волынской губернии, а именно увеличение количества должностей в полиции и уездных судах. Грохольский, так же как и волынский губернатор, ссылаясь на чрезмерное количество дел по контрабанде, необходимость контроля за корчмами, а также на уйму судебных процессов, часть которых, как он утверждал, передавалась третьим лицам из-за избыточной загруженности непосредственных исполнителей. Он добился дополнительных должностей от великого князя Константина, чью роль в полиции и войске этого края подтвердил еще Александр I во время своего пребывания в Варшаве⁷⁰. Но, как и в остальных юго-западных губерниях, уступки относительно расширения административного потенциала требовали значительной доли лицемерия. Нельзя было не знать, что эти должности займут лица, которых запрещено избирать. Это решение очень напоминало ситуацию, характерную для всей империи, где разночинцы служили на должностях, которых гнушалась высшая знать.

Сохранение лицемерной позиции при решении этого вопроса было характерно и для начала правления Николая I, которому, как известно, сначала пришлось решать более неотложные государственные дела. Поэтому какое-то время дворянские собрания в связи с выборами продолжали проверку, что было занятием в равной степени как напрасным, так и показательным. Можно вспомнить придирчивые расследования, проведенные в Подольской губернии после выборов 1797, 1802, 1809, 1814 гг. Чиновники не жалели чернил и в случае выборов 1823 г. Похоже на то, что Каменецкое губернское правление хотело сделать сюрприз своему новому руководителю М. Грохольскому и предводителю дворянства Пшездзецкому, или, возможно, Грохольский имел что-то против Пшездзецкого. Так

* Известен как Генрих Юзефович (Георгиевич) Тышкевич. (Прим. пер.)

или иначе, но полиция вновь обнаружила еще 177 шляхтичей, т.е. больше половины от общего числа депутатов, чье избрание было объявлено сомнительным. Такого результата полиция добилась, найдя 26 сентября 1823 г. указ Сената от 9 декабря 1815 г., согласно которому амнистия, провозглашенная 30 июня 1814 г., не касалась тех претендентов на выборные должности, против которых велся судебный процесс. Чиновники приложили невероятные усилия, чтобы доказать, что все упомянутые 177 депутатов находились под следствием. Обвинения были совсем разного порядка: преследование крестьян, отказ предоставить людей для сопровождения лошадей к границе, отказ сдать рекрутов по требованию предводителя дворянства, укрывание беглецов, попытки удушения, по всей видимости, в драке, разного характера кражи и, достаточно часто, отсутствие доказательств благородного происхождения (75 случаев).

Вершиной абсурда было то, что дело, тянувшееся свыше трех лет, превысило срок действия мандатов избранных шляхтичей. Сенат потребовал представить дополнительные объяснения лишь 26 июня 1825 г., а министр внутренних дел В.С. Ланской представил свое мнение Сенату лишь 22 декабря 1828 г. Он отнесся снисходительно к большей части обвинений, иногда довольно странно сформулированных: преследование крепостных-беглецов на австрийской территории; игра в карты на деньги; встреча с обвиняемыми в колдовстве женщинами; вырубка деревьев в казенных лесах и т.п. Избрание неподтвержденных шляхтичей было сурово осуждено, как и выборы зачинщиков драк и лиц, подделавших документы. Непонятно только, ради чего издавался императорский указ, который министр передал Сенату для исполнения 28 февраля 1829 г. Исполнять уже было нечего, срок полномочий шляхтичей на выборных должностях подходил к концу⁷¹.

Остатки шляхетской автономии накануне 1830 года

Общей проблемой для всей империи были как трудности с комплектацией кадров на гражданской службе, так и негативное отношение аристократии к необходимости нести гражданскую службу. В связи с этим В.С. Ланской принял решение провести крупное расследование. 12 ноября 1827 г. всем губернаторам в империи был разослан печатный циркуляр с требованием в связи с дворянскими выборами 1829 г. отправить в Петербург «списки о числе дворян, кои по роду и количеству состоящей во владении их недвижимой собственности имеют право подавать голоса и вообще участвовать в дворянских выборах, с означением в тех списках и числа душ у каждого состоящих, равно о числе дворян присутствовавших на трех последних выборах»⁷².

Несмотря на то что от присланной кипы бумаг властям не было особой пользы, в ней содержатся важные для историка данные о положении землевладельческой шляхты накануне Польского восстания 1830 г.

Только Киевская губерния выслала перечень шляхты, имевшей право голоса, с указанием действительного числа голосовавших в 1820, 1823 и 1826 гг. Подольская губерния такого списка не дала, были названы лишь количество действительных участников всех трех выборов и перечень избирателей за 1826 г. Сведения из Волынской губернии были не упорядочены; в них приводится достоверное количество избирателей лишь за 1823 и 1826 гг., данные же об их имущественном состоянии полны серьезных пробелов. Все полученные сведения объединены нами в следующей таблице.

	Губернии		
	Киевская	Подольская	Волынская
Кол-во землевладельцев (помещики и держатели) 1797 г.	1692	4654	4680
Кол-во участников выборов 1820 г.	273	668	?
	1823 г.	327	585
	1826 г.	281	675
Кол-во лиц с правом голоса 1828 г.	606	?	?

Из-за нехватки данных за период между 1797 и 1820 г. пришлось обратиться к сведениям 1797 г. с целью дать приблизительную оценку общего количества имений, принадлежавших помещикам, переданных во временное владение или заложенных и прочих. И хотя подобное сравнение достаточно условно, оно все-таки представляет интерес. Прежде всего бросается в глаза то, что после указа 1805 г., обязавшего составлять списки шляхты с правом голоса, прошло свыше 20 лет, однако две губернии из трех не были в состоянии их представить. 606 лиц, получивших разрешение голосовать, выданное в Киевской губернии, составляют всего 35,81% от общего количества вероятных землевладельцев и менее половины тех, кто в действительности принимал участие в выборах. В свою очередь, согласно данным за 1826 г., налицо был 281 избиратель, т.е. не больше 16,6% землевладельцев, а это означает, что 83,4% не принимало участия в голосовании. Это свидетельствует о таком же ограниченном уровне «гражданской деятельности» шляхты, как и на момент разделов Речи Посполитой. Правда, в Волынской и Подольской губерниях по сравнению с 1797 г. количество принимавших участие в «сеймиках»/дворянских собраниях удвоилось (260 избирателей), однако продолжало оставаться незначительным относительно вероятного количества помещиков: 675 избирателей в По-

долье в 1826 г. составляли 14,5% (при 85,5% отсутствующих), а 892 избирателя на Волыни в 1823 г. — 19,05% землевладельцев (при 80,95% отсутствующих). Уровень участия в дворянских собраниях везде был низким. Официальное объяснение, содержащееся в сопроводительных письмах предводителей шляхты и губернаторов, например Киевской губернии, было следующим: многие шляхтичи до этого времени все еще не были внесены в родословные книги, а потому их не могли внести в списки лиц с правом голоса, в то же время отсутствие данных о количестве крепостных у тех или иных шляхтичей было связано с тем, что они не прошли регистрацию ни в казенных палатах, ни в шляхетских собраниях. В Подольской губернии выражали сожаление в связи с тем, что к сокращению количества шляхты, которая могла бы принять участие в голосовании, вело обязательное требование состоять на государственной службе, а также что лиц, проживавших по праву совместного владения, лишили права голоса. Все это, по мнению авторов документов, приводило к тому, что избирали немало сыновей из бедных семей, чтобы помочь им выжить. Как нам уже известно, эта благотворительность носила мнимый характер. В отчете из Волынской губернии зачастую «забывали» указать количество крепостных, принадлежавших шляхтичу, а если какие-то пометки и делались при небольших землевладениях, то, как правило, указывалось количество дымов, что давало возможность снизить обязательный порог в 25 душ или даже в 8 дымов.

Данные по мелким владельцам (менее сотни крепостных мужского пола, этот ценз будет установлен после 1831 г.) говорят о том, что их было немало во всех трех губерниях, чем и объясняется упорное нежелание крупной шляхты исполнять менее престижные выборные функции. В Киевской губернии на 606 избирателей приходилось 113 мелких владельцев, 54 из которых имели от 50 до 100 душ, а 59 — всего от 25 до 50 душ. Судя по данным из двух других губерний, их реальное участие в выборах должно было быть большим по сравнению с крупными землевладельцами. Наиболее ярко это видно на примере Подольской губернии, где к 675 избирателям в 1826 г. было без колебаний и вопреки закону причислено 88 шляхтичей, которым принадлежало менее 25 душ; 90 лиц, у которых было от 25 до 50 душ, и 70, владевших от 50 до 100 душ. В данной губернии было 248 владельцев, в чьей собственности находилось менее 100 душ мужского пола, т.е. больше трети избирателей (вероятно, избранных) принадлежало к мелким или к очень мелким помещикам⁷³, которые после 1831 г. будут лишены «гражданских» прав.

Географически распределение избирателей в 1826 г. было следующим:

Подольская губерния		Волынская губерния	
Уезды	Кол-во участников выборов	Уезды	Кол-во участников выборов
Каменец-Подольский	122	Житомирский	116
Ушицкий	54	Овруцкий	83
Проскуровский	77	Новоград-Волынский	58
Летичевский	59	Острожский	85
Литинский	57	Ровенский	59
Винницкий	48	Владимирский	66
Брацлавский	28	Ковельский	54
Ямпольский	77	Кременецкий	92
Гайсинский	40	Луцкий	104 (по состоянию на 1823 г.)
Ольгопольский	28	Дубненский	53
Балтский	34	Староконстантиновский	60
Могилевский	51	Заславский	32
Всего	675	Всего	862

Тот факт, что сведения об избранных на должности с этого времени старательно проверялись и высылались в Министерство внутренних дел, говорит о том, что лишь в крайне редких случаях ставился знак равенства между выборными и коронными должностями. И хотя, к примеру, К. Пшездзецкий, который на протяжении трех десятилетий был предводителем дворянства и грудь которого была увешана наградами, любил вспоминать, что с 29 июля по 21 сентября 1826 г. он исполнял обязанности камергера при дворе во время подготовки и проведения торжеств по случаю коронации Николая I в Москве, за что был удостоен чина статского советника, но при этом председателю главного суда Фабиану Липинскому, награжденному орденом Св. Анны 3-й степени и Св. Владимира 4-й степени, не было дано чина по Табели о рангах. Среди трех судебных заседателей двое были титулярными советниками. В дворянском собрании было еще несколько коллежских и губернских секретарей, а также в уездах иногда встречались коллежские регистраторы. Многие избранные, не имевшие чинов, выполняли, как уже отмечалось, функции, которые соответствовали официальному понятию о службе, — занимались поставкой рекрутов, лошадей и скота для армии в 1812 г., проводили профилактические мероприятия во время эпидемий, отвечали за межевание казенных земель. Но, по-видимому, они не считали себя состоящими на государственной службе. Судьи указывали в таких списках лишь их род занятий, при этом некоторые из них несли государственную службу в качестве уездных исправников⁷⁴.

Землевладельческая шляхетская элита, как и безземельная шляхта, почти вовсе не привлекалась к несению гражданской службы в империи и одновременно с этим избегала выборных должностей на местах. Она жила в своем замкнутом пространстве, заботясь лишь о собственных имениях. Во время поездки по Подольской губернии весной 1829 г. император был удивлен этим аномальным положением дел и добровольной маргинализацией шляхетского сословия. Он выразил пожелание, чтобы все молодые шляхтичи продолжали военные традиции и шли служить в армию. Соответствующее высочайшее распоряжение было сообщено начальником III Отделения А.Х. Бенкендорфом управляющему Министерством юстиции А.А. Долгорукову 19 августа 1828 г. Впрочем, за это ратовали и Аракчеев в 1808 г., и брат императора Константин в 1815 г. Вскоре Николай I во многом благодаря своему окружению понял, что, поскольку местные условия отличались от положения дел в остальной империи, его пожелание осуществить в данном случае будет куда сложнее.

Подольский предводитель шляхты граф К. Пшездзецкий объяснил министру юстиции, что все родословные книги губернии были составлены специальной комиссией губернского собрания; он считал в порядке вещей то, что отныне молодые шляхтичи, чье происхождение было подтверждено собранием и утверждено им лично, могли поступать на военную и гражданскую службу, однако сожалел, что его прекрасные тома с позолотой, которые его губерния, как и Волынь, выслала в Петербург, не были признаны Герольдией. Он указывал на то, что юноши постепенно «лишаются охоты» служить из-за трудностей, чинимых Герольдией, и затяжного рассмотрения дел. Бенкендорф доложил об этом императору. Это случилось как раз тогда, когда межминистерская комиссия, созданная для подготовки проекта положения о шляхте, пришла к выводу, что ей, возможно, удастся определить положение безземельной шляхты, а одновременно нарастало раздражение по поводу этой многочисленной шляхты, с которой царской бюрократии не удавалось справиться (см. предыдущую главу). Николай собственноручно пометил на записке Бенкендорфа: «Сперва родословная книга должна быть проверена, а потом не будет затруднения принимать дворян в службу по одному аттестату предводителя»⁷⁵.

Переплетенный в один том в 1841 г. огромный перечень всех дворянских родов, подтвержденных Герольдией, начиная с 1725 г., включал в себя лишь по несколько польских фамилий с Правобережной Украины на каждый год. Решение Николая I, который не мог не знать об этом применении крайних ограничений к польской шляхте и, несомненно, его одобрял, не оставляло шляхте иного выбора (по крайней мере, наиболее горячим головам), кроме как принять участие в восстании.

В задачи нашего исследования не входит анализ политических идей, рождавшихся главным образом в Варшаве, зачастую антагонистических по отношению к России, которые способствовали началу восстания, оказавшему серьезное влияние на положение трех губерний. Однако в завершение этой главы необходимо указать на то, что власти вернулись бы к обсуждению проблемы интеграции польской шляхты независимо от того, произошло бы восстание или нет. Как мы уже могли убедиться, на протяжении 35 лет после разделов Речи Посполитой ахиллесовой пятой польского шляхетского сообщества было то, что оно продолжало всецело контролировать крестьянский мир благодаря своей судебной власти и таким образом лишило правительство прямого влияния на украинский народ. Постепенно царская власть поняла, что следует ликвидировать эту монополию, и это приведет в 1840 г. к упразднению Литовского статута.

Очередные примеры существовавшего антагонизма между польскими помещиками и их крепостными привели царскую администрацию к мысли о пользе, которую она могла извлечь из этих конфликтов. В 1825 г. Сенат обязал волынского губернатора М. Бутовта-Анджейковича предоставить информацию о вынесенном им приговоре в связи с непродолжительными беспорядками в селе Чарторийск (колыбели знаменитого рода Чарторийских) вблизи Луцка, принадлежащем известному своей жестокостью Почою. Во время принудительного набора рекрутов (о необходимом количестве солдат владельцы узнавали от предводителя шляхты, подобныеборы давали возможность избавиться от наиболее строптивых крепостных) эконом Щербицкий закрыл, как это обычно делал, троих крестьян, определенных в солдаты, однако жители села решили этому воспротивиться, схватили дубинки, сломали сопротивлявшемуся Щербицкому руку, после чего ворвались к управляющему с требованием освободить трех рекрутов. Губернатор, конечно, не мог одобрить действий крепостных: одиннадцать получили по 60 розог, остальные — по 15—30, пятеро, кроме этого, отсидели по шесть недель в тюрьме. Этот приговор был вынесен чрезвычайным уголовным судом, т.к. шляхетский суд, рассматривавший данное дело, оказался под подозрением. Как сообщал Сенату губернатор, заседатель Эйсмонт собрал показания лишь панов, никто из Луцкого шляхетского суда не затребовал никаких дополнительных сведений, дело даже не было зарегистрировано в журнале. В результате приведения весомых доказательств изъянов шляхетского «правосудия» Эйсмонту пришлось заплатить 10 рублей штрафа, членам суда — по 20 рублей, а подсудку, который подписал отчет, — 25 рублей. В свою очередь, Сенат пытался показать хорошую осведомленность в том, что касалось давних местных законов, и одновременно заложил основу для извлечения пользы из подобных дел в

скором времени, дополнил решение губернатора еще несколькими штрафами в соответствии с требованиями Литовского статута⁷⁶.

Вскоре подобный случай произошел в Киевской губернии: губернатор В.С. Катеринич не отважился признать правоту крестьян села Германувка, которые когда-то принадлежали староству, а затем государство продало их вместе с имением польскому владельцу по фамилии Проскура. Переход из казенного владения, где требовалось платить лишь оброк, в частное привел к большему закрепощению. Это вызывало протест крестьян, зафиксированный в письменном виде одним безземельным шляхтичем. Киевский суд, приняв жалобу, приговорил бунтовщиков к розгам и высылке в Сибирь, даже не побеспокоив экономов Житковского и Орловского, которые сознались в применении силы. Когда шестерых крепостных под конвоем пятнадцати солдат привели из Киева в родное село, толпа крестьян попробовала их отбить. Исправник, потеряв контроль над ситуацией, вызвал на подмогу военный отряд из Чернигова, который навел порядок с помощью штыков. Между тем 116 крестьян окружили здание шляхетского уездного суда. Село успокоилось лишь после прибытия дополнительных воинских подразделений и расквартирования их по крестьянским избам. Только тогда властям удалось наконец вбить крестьянам в голову, что отныне они принадлежат не казне, а частному лицу. Министр внутренних дел В.С. Ланской подтвердил 25 июля 1825 г. отправку шестерых бунтовщиков в Сибирь, одновременно с этим он приказал помещику и его экономам ни при каких условиях не увеличивать барщину, предусмотренную инвентарем⁷⁷.

Если бы польские помещики не навлекли на себя нареканий за подобные злоупотребления, то, возможно, через десять лет Бибикову не пришлось бы в голову под предлогом корректировки сложившейся ситуации практически полностью разрушить существовавшую шляхетскую систему власти во всех трех губерниях. Однако следует признать, что как паны на Украине, так и баре в России во многом понимали барщину одинаково. Вот что писал подольский губернатор поляк М. Грохольский Александру I в годовом отчете за 1823 г.:

...крестьяне находятся в весьма бедном состоянии. Хотя причины таковой бедности могут быть различны, но по всем вероятностям главная и основная причина есть нерадение и испорченность нравов, проистекшие в начале своем от бедственного состояния сего Края во время бывших набегов Крымских Татар, производивших ужасное опустошение и грабительства. Сверх сего переход от одного правительства к другому, влияние феодальной системы, и наконец в позднейшие времена неблагоприятные управления не-

которых частных владельцев и злоупотребления оных. Таковые обстоятельства, ослабив душевную силу народа, имели необходимым наследствием развращение его нравственности, которая в описываемом Краю находится в самом худом состоянии.

О простолюдинах Подольской губернии решительно можно сказать, что они совершенно не в силах исполнить что-либо требуемое от приложения умственных способностей. Несмотря на бедность и нужду в необходимых потребностях, они любят роскошь и вообще преданы пьянству и праздности.

Поскольку здесь много Евреев [в другой части отчета Грохольский сообщал, что на 1 084 812 жителей губернии приходится 112 тысяч евреев. — *Д.Б.*], то сей хитрой и пронырливой народ, пользуясь прочными наклонностями крестьян, лишает их последних средств к поправлению нравов и улучшению их состояния.

К тому же вообще можно заметить, что некоторые помещики не соблюдают справедливости в уравнении собственных выгод с выгодами их крестьян, допуская Евреев, содержащих винные и мельничные откупа, делать различные им притеснения, отделяя крестьянам земли менее плодородные, и т.п.

В особенности же терпят деревни, отдаваемые помещиками на посессию или аренды, а более еще те, которые доставляются временным владельцам за долги в силу литовских прав.

Благотворное влияние нынешнего правительства, посредством принимаемых мер к облегчению помещичьих крестьян, как то: назначение срочного времени производству работ, запрещение таковых в праздничные дни и т.п. бесомненно улучшит их состояние во всех отношениях.

Далее Грохольский переходил в своих рассуждениях к аморальному, на его взгляд, поведению евреев. Задуматься над тем, насколько этична занимаемая им самим позиция, у него не было повода⁷⁸.

Еще более красноречива переписка 1830 г. того же Грохольского с царским советником по польским вопросам Н.Н. Новосильцовым. Поводом для нее стала жалоба великому князю Константину от Адама Титуса Пусловского, поляка, который арендовал казенное имение в Литве (в предыдущей главе об этой жалобе уже шла речь). Пусловский просил разрешения заставить крестьян, которые не могли выплачивать оброк, отбывать барщину. Константин не видел никаких препятствий к внедрению барщины в казенных имениях и даже попросил Новосильцова распространить эту меру на все «польские присоединенные губернии» (название сохранялось до 1830 г.).

Сенатор, очевидно, нашел это предложение опасным, поэтому, информируя о нем подольского губернатора М. Грохольского, он напоминал о том, что это решение должно применяться при условии точного соблюдения инвентарных записей и только к тем крестьянам, которые не будут в состоянии заплатить. Столь решительная защита крестьян Новосильцовым несомненно заслуживает внимания, однако в связи с нашей темой значительно интереснее ответ графа Грохольского.

В начале письма губернатор отмечал, что подобная просьба лишена основания в случае Подольской губернии, поскольку здесь не сохранилось ни одного казенного поместья. Староство Побереже, конфискованное Екатериной II у Любомирских, было продано и на тот момент находилось в частной собственности у других польских помещиков. Грохольский благодарил Бога за то, что барщина отрабатывается везде: ведь подольские земли обширны и плодородны. Губернатор, несомненно, выражал мнение всех землевладельцев, никогда не задумывавшихся над тем, чтобы заменить барщину оброком (по всей видимости, Грохольскому ничего не было известно о просветительских планах Чарторыйского, разрабатываемых им еще до 1815 г.). Подобная замена была бы невыгодна экономически и вредна для общества, поскольку повлекла бы «за собой упадок в хлебопашестве и повод к лениности народа, который и без того весьма мало склонен к трудолюбию и обретая способы к содержанию себя другими оборотами, более похожими на промышленность, чем на занятия, свойственные землевладельцу». Далее граф, иронизируя, писал, что ни для кого не секрет, что все подольские крестьяне были бы рады вносить денежный оброк, «лишь бы освободиться от господской работы и выиграть более времени к праздности», но это бы привело к упадку сельского хозяйства — основного источника «народного» благосостояния, а подобный упадок «произвел бы испорченность нравов, всегда сопутствующую праздности».

От подобных речей Новосильцов должен был бы воспрянуть духом, однако в своем осторожном ответе Константину в июле 1830 г. он не упоминает о восхвалении польскими помещиками барщины⁷⁹.

В свою очередь, другие представители власти осознали, как можно обратить против самих польских помещиков их крепостнические пристрастия. Мы знаем, что начиная с 1810 г. киевский губернатор Панкратьев развивал мысль о крепостных, страдающих от несправедливого отношения к ним местного шляхетского правосудия. Несмотря на несколько крестьянских волнений, к его идеям не прислушивались до тех пор, пока в 1827 г. Николай I не потребовал от всех военных губернаторов выслать ему отчет о проведенных инспекциях. Киевский военный губернатор генерал-лейтенант П.Ф. Желтухин не жалел сил — его отчет императору от 8 ноября 1827 г. переполняет гнев, который нельзя объяснить, к примеру, Польским

восстанием, до которого еще оставалось достаточно времени⁸⁰. Впрочем, ревизор не был снисходителен и к царской администрации. Он писал, что кругом видны следы беспорядка и упущений.

Оставив в стороне упреки в адрес городской администрации и гражданского губернатора И.Г. Ковалева, которого сменил в феврале 1828 г. В.С. Катеринич, обратим внимание на две наиболее интересные для нашего исследования идеи, высказанные в отчете, которые будут воплощены в 1831 г. Это реформа судебной системы и русификация администрации. Желтухин был крайне удивлен увиденным в главном Киевском суде, где лежали кипы нерассмотренных дел и куда уездные суды, предупрежденные о его приезде, в панической спешке выслали на утверждение свои дела. Он встретил лишь двух добросовестных исправников: в Умани и Черкассах; остальные, по его утверждению, были отъявленными взяточниками, о чем свидетельствовали бесчисленные как явные, так и анонимные жалобы, которые ему везде подавались. Наибольшее число жалоб касалось заседателей уездных судов, которых сам губернатор также уличил в некомпетентности: они по несколько раз рассматривали одни и те же дела, брали материалы дел домой, не вели никаких протоколов и ни перед кем и ни в чем не отчитывались. «Большая часть заседателей, — писал военный губернатор, — выбирается по видам богатых помещиков без надлежащих сведений и опытности, и потому в действиях своих они не столько стараются об исполнении своих обязанностей, сколько о выгодах помещиков, заводя и прекращая по их желаниям дела к утеснению крестьян и к обременению присутственных мест».

Произвол, царивший в уездных судах, о котором было доложено царю, как оказывается, был отмечен задолго до расследования Бибикова 1838 г. Желтухин возмущался тем, что попытки навести порядок в журнале заседаний относились к июлю—августу 1827 г., т.е. ко времени, когда стало известно о его приезде в качестве ревизора. На протяжении двух месяцев он получил свыше 400 разнообразных жалоб и просьб (нами уже указывалось на склонность к доносам в Подольской губернии). По его мнению, следовало заменить по меньшей мере две сотни лиц, т.е. практически столько, сколько было избрано — но кем? Ревизор привел в качестве примера несколько крайних случаев — заседателя Киевского земского суда Вишетравку, который устроил в своем доме тайную камеру для допроса арестованных, а также радомысльского исправника Добровольского, который получил от евреев взятку в 2 тыс. рублей, не говоря уже о войтах Радомысля и Сквиры, которые жестоко избили своих подчиненных. Подводя итог сложившейся ситуации, Желтухин писал в отдельном письме на имя министра внутренних дел (им вновь стал В. Кочубей):

...нельзя надеяться от заседателей земских судов беспристрастного и точного исполнения их обязанностей доколе чиновники сии будут определяемы не по способностям и достоинствам, а по личным видам помещиков, а по сему я нахожу необходимым для пользы службы и для блага жителей распространить на Киевскую губернию правила, введенные по высочайшему повелению в Польских губерниях [стоит обратить внимание на это обособление. — Д.Б.] об определении половинного числа заседателей от короны. Я полагаю, что если мера сия признана необходимой в губерниях польских, то тем еще необходимее она для губернии Киевской, где крестьяне из Малороссиян [интересно, что Желтухин был склонен считать, что крестьяне Подольской и Волынской губерний принадлежат к другой национальности. — Д.Б.], а помещики Поляки, где между этими двумя сословиями существует всегдашняя ненависть, чинимая и разностью религии, и разорительным способом управления через отдачу в комиссию, и где наконец разоренный поселянин не может найти себе защиты у земского чиновника, совершенно зависящего от помещиков.

Как видим, направление предпринятой в тридцатых годах XIX в. атаки определено достаточно четко.

В отчете киевского военного губернатора был также поставлен вопрос, положивший начало процессу, который был значительно важнее для будущего Правобережной Украины, — вопрос о языке. Интересно, что в своих рассуждениях о необходимости русификации администрации губернатор опирался на Литовский статут. В связи с этим позволим себе на некоторое время уклониться от темы. Уже неоднократно констатировалось, что за тридцать лет, прошедших с последнего раздела Речи Посполитой, чиновники успели ближе познакомиться с этим правовым сводом. На сегодняшний день хорошо известно (версии Литовского устава 1529, 1566 и 1588 гг. стали предметом многочисленных научных исследований), что оригиналы всех трех кодексов были написаны официальным т.н. канцелярским языком ВКЛ, представляющим собой ранний вариант белорусского языка, а распространялись в переводе на польский язык и латынь⁸¹. На Украине к началу XVIII в. оставалась действующей вторая версия Литовского статута 1566 г., известная под названием Волынского статута. В настоящее время известно около двадцати списков на руськом языке (кроме 40 на польском и латыни), который скорее напоминает украинский, а не белорусский язык. Этот язык использовали депутаты прежних Киевского, Брацлавского и Волынского воеводств, на этом же языке составлялись инструкции, которые они получили от своих избирателей. Возглавляемый Патрицией Гримстед коллектив ученых впервые опубликовал в 2002 г. в Киеве корпус регестров т.н. «Руськой», или Волынской, метри-

ки, т.е. «Руськой» серии Коронной метрики, куда записывались официальные копии исходящих документов польской Коронной канцелярии для украинских земель за период с 1569 по 1673 г. Вполне очевидно, что это иной язык, чем русский, на котором говорили в Российском государстве; это — книжный вариант украинского или белорусского языка, употреблявшийся в восточных воеводствах Речи Посполитой. Когда в 1698 г. сейм запретил использование этого языка в официальных актах (фактически это произошло гораздо раньше), польский и латинский языки настолько утвердились, что на востоке Речи Посполитой перепечатывался лишь польский вариант Литовского статута (в версии 1588 г.), а об оригинальной версии на русском языке практически забыли.

Интересно, что после первого раздела Речи Посполитой в России, где Литовский статут был известен давно (к нему обращались еще во времена Алексея Михайловича), похоже, тоже забыли о существовании оригинальной версии: например, когда были присоединены Витебщина и Могилевщина, то с целью знакомства с правом, действовавшим на территории ВКЛ, был сделан приблизительный перевод с польского издания 1744 г., полный неточностей и ошибок⁸². Благодаря трудам комиссии кодификации законов, которую создали в начале царствования Александра I⁸³ и под эгидой которой работала группа, сравнивавшая польско-литовское и российское право, во главе с доктором Адамом Повстанским*, его помощник (а кроме того, неутомимый секретарь Чарторыйского) Василий Анастасевич в 1811 г. сделал полный перевод Литовского статута на русский язык, который был опубликован в двух томах на двух языках, русском и польском. Перевод был сделан с последнего польского издания 1786 г. Третьего Литовского статута 1588 г. За этот труд Б. Анастасевич получил благодарность от царя. И хотя каждая статья была прокомментирована по-русски (и был сделан указатель на русском языке), издание было малоприсгодно для использования в местных судах из-за специфической терминологии. Поэтому в «прежних польских губерниях» пользовались учебником, изданным и переизданным на русском языке в 1808 и 1810 гг. еще одним членом комиссии, Бучинским⁸⁴. В 1816 г. известный филолог Самуил Богумил Линде лично вручил Александру I подробное исследование, посвященное Статуту и опубликованное в Варшаве. Основным центром изучения этого памятника европейского права стал Виленский университет: в 1819 г. здесь был вновь переиздан Статут, правда, только на польском языке. Это побудило в 1821 г. председателя Государственного совета П.В. Лопухина возобновить работу по кодификации законов империи, прекращенную в 1812 г., когда М.М. Сперанский попал в немилость. Лопухин начал вести

* Известен как Адам Казимирович Повстанский. (Прим. пер.)

переписку с Линде, который, в свою очередь, поддерживал тесные связи с Анастасевичем, постоянно жившим в Петербурге, все они общались с профессорами права Виленского университета, занимавшимися сравнением разных списков Статута. В мае 1822 г. в Вильне была создана при поддержке канцлера Н.П. Румянцева комиссия по подготовке нового трехтомного издания во главе с Яном Зноско и секретарем Казимиром Контримом*, в ее состав входили также И. Лелевель, И. Данилович** и И. Лобойко***. И хотя работа комиссии была практически уже завершена, ее пришлось приостановить из-за политического процесса филوماتов и филаретов 1823—1824 гг. Центр подготовки был перенесен в Петербург, где в 1828 г. во II Отделении личной императорской канцелярии императора Сперанский взялся за составление Полного собрания законов Российской империи. Ф. Малевский, сын бывшего ректора Виленского университета, привлек для работы в комиссии своего преподавателя, лучшего тогдашнего знатока Статута И. Даниловича, которого в то время немало печатали в немецких университетских городах. Это произошло в начале 1830 г. Оставалось десять лет до того, как Николай I запретит любые ссылки на этот кодекс законов.

Цель вышеприведенных объяснений заключается в том, чтобы подчеркнуть, что в тот момент, а именно в ноябре 1827 г., когда киевский военный губернатор ссылался на Литовский статут, «оправдывая» свое предложение о русификации, ни одного переиздания Статута на оригинальном языке не было. Неужели П.Ф. Желтухин не знал о существовании оригинальной версии Статута или не понимал, что язык, на котором Статут был написан, отличался от русского? Можно допустить, что появление переводов Статута с польского языка на русский ввело его в заблуждение. Однако более достоверной версией представляется то, что Желтухин с помощью умелого использования лингвистических тонкостей пытался найти аргументы для присвоения культурного наследия этого региона. Ревизор переживал, что практически во всех административных и судебных органах, даже в Васильковском и Киевском уездах, где согласно указу от 14 декабря 1797 г. следовало использовать русский язык, господствовал польский, «от сего происходит, — добавлял он, — величайшее затруднение для жителей, которые вообще малороссияне». Он был убежден в том, что украинский язык ближе к русскому, чем к польскому. Далее он указывал на то, что это проблема не только двух упомянутых уездов, она существует и в Черкасском, Чигиринском и Звенигородском уездах, где кроме поляков

* Известен как Контрим Казимир Осипович и Контримас Казимерас. (Прим. пер.)

** Известен как Данилович Игнатий Николаевич. (Прим. пер.)

*** Известен как Лобойко Иван Николаевич. (Прим. пер.)

жили малороссы и русские. В делопроизводстве русский язык постоянно смешивался с польским. Служащие знали русский язык плохо либо вовсе им не владели. В Богуславском уездном суде один судья говорил лишь по-русски, в то время как второй — только по-польски, и друг друга они совсем не понимали.

Губернатор привел «исторический» аргумент из Литовского статута: «Законами польскими Всемиловнейше предоставленными сему краю повелено: Литовского Статута раздела 4-го, артикулом 37-м в § 1-м “Судья и писарь должны быть знающие в языке русском”, а по 2-му § 1-го пункта того же раздела “писарь земский должен писать все бумаги, выписи и позовы по-русски, слогом и буквами русскими, а не на ином каком языке и не иным слогом”». Сознательно или нет, Желтухин смог убедить царя и Комитет министров, где его отчет читали и обсуждали, в необходимости именно таких действий, хотя это обосновывалось ошибочным прочтением Статута. В оригинале шла речь об очень важной для XVI в. проблеме — поддержке местного языка, вытесняемого из официальной сферы польским. Похожее звучание «русский» и «русский» давало возможность с легкостью заявить, что уже в XVI в. законодатели Великого княжества Литовского были обеспокоены сохранением языка Московской Руси.

Далее военный губернатор добавил и фальшивый с исторической точки зрения аргумент. Он убежденно писал, что когда русские жители (в его понимании малороссы) этого края зависели от Польши, то дела велись на их языке (губернатор делал вид или действительно не знал, что с 1698 г. на сеймиках и в судах использовался только польский язык), а далее восклицал, что теперь, когда эти земли уже принадлежат России, судопроизводство велось по-польски. Опираясь на свои ложно построенные выводы, он спрашивал, нельзя ли было бы исключить польский язык отовсюду или, по крайней мере, из Черкасского, Чигиринского и Звенигородского уездных судов. Кроме того, любая переписка с гражданскими властями должна была бы вестись по-русски в обязательном порядке, а судам русский язык следовало, по его мнению, настоятельно рекомендовать.

Необходимо было также обязать шляхту избирать лиц, владевших русским языком, а также склонять ее к его употреблению. Это, по мнению губернатора, следовало сделать одним из условий избрания на должность. Согласно указу от 14 декабря 1797 г. в Васильковском и Киевском уездах уже давно надлежало вести инвентари и реестры на русском языке в соответствии с образцами, разосланными губернским правлением, и осуществляться это должно было регулярно.

В конце отчета Желтухин обращается к изъяснам в тех областях общественной жизни, которые напрямую зависели от шляхетских собраний. Согласно российским законам дворянские собрания должны были выде-

лять отдельные суммы на опекунские советы для содержания вдов и сирот в губерниях или в имениях. Дворянские опеки должны были отчитываться перед правительством на основании тщательным образом фиксированных расходов в особых книгах. До этого времени проверок не проводилось, а предводители шляхты в этом вопросе чаще всего действовали в интересах родственников или членов своих партий. С целью ограничения шляхетской автономии губернатор предложил отменить указ от 28 февраля 1817 г., согласно которому уездные предводители шляхты могли выбирать секретарей по собственному усмотрению вместо протоколистов, которые во всей империи назначались министром юстиции. Правда, губернатор не уточнил, откуда можно было бы их взять.

Министр юстиции А.А. Долгоруков сообщил 22 ноября 1827 г. управляющему Собственной императорской канцелярией статс-секретарю Н.Н. Муравьеву, что последнего предложения он не принимает, а применительно к остальной части обратился к Сенату с просьбой внедрить в упомянутых уездах русский язык «согласно Литовскому Статуту». В данном случае уже видна полная лингвистическая подмена, поскольку министр говорил об «употреблении российского языка». Тогда же министр внутренних дел объявил, что со своей стороны представит в Государственный совет проект о назначении половины заседателей в Киевской губернии.

Подобно текстам киевского гражданского губернатора Панкратьева, написанным до 1810 г., данные лингвистические манипуляции составляют свидетельство, которое не позволяет нам согласиться с мнением А. Миллера об отсутствии репрессивной языковой политики до 1830 г. Впрочем, в следующей главе мы еще столкнемся и с другими подобными примерами⁸⁵.

Таким образом, отчет Желтухина сыграл решающую роль в разработке значительно более суровых мер, которые будут предприняты после Польского восстания. Но даже в это время упразднение польского права могло проходить лишь поэтапно, хотя общий принцип был выражен спустя 35 лет после аннексии этих территорий в печатном указе императора Николая I от 27 августа 1828 г. Прецедентом стало принятое решение о наказании укрывателей беглых крепостных. Поскольку Литовский статут такого случая не предусматривал, Долгоруков передал отчет Желтухина Комитету министров, а тот, по согласованию с императором, попросил Сенат расширить применение предложения киевского губернатора. Николай I намеревался с 11 июля 1828 г. распространить все российские законы не только на Киевскую губернию, но и на все губернии, где действовал Литовский статут⁸⁶. В следующей главе мы увидим, что киевский военный губернатор добился от царя и решения о русификации школ Киевской губернии за две недели до Ноябрьского восстания 1830 г.

Подводя итог тридцатипятилетнему периоду жизни польской шляхты, архаическое обаяние которой передают «Пан Тадеуш» А. Мицкевича или, в несколько карикатурной форме, «Воспоминания Соплицы» Х. Жевуского, мы можем заключить, что на протяжении 1797—1830 гг. более десяти тысяч польских землевладельцев на Украине действительно практически не заметили перемен и жили согласно устоявшимся еще во времена их предков моделям. Но наше исследование дает возможность показать и относительность изоляции шляхты. Налицо также стремление царских властей, хотя и лишенное зачастую последовательности и формализованное, однако постоянное и упорное, определить, взять под контроль и уменьшить количество непослушных землевладельцев. Понятно, что до 1830 г. лишь очень незначительная группа — несколько сотен — те, кто принимал участие в единственно возможной форме публичной жизни — шляхетских собраниях и занимал выборные должности в судах, — стала объектом пристального внимания Петербурга. Полагаем, что нам удалось показать то, каким образом за три с небольшим десятилетия шумный польский сеймик превратился в шестеренку российской административной машины.

Сравнение настроений в России в период с 1827 по 1830 г. с настроениями после 1832 г. даст возможность констатировать, что восстание стало лишь одним из факторов, ухудшивших ситуацию. Развязка и так была очевидна.

¹ ПСЗ-І. Т. 24. № 17789, 17790. 6 февраля 1797 г.

² РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 453. Л. 28—35 — Отчет подольского вице-губернатора Арсеньева на имя князя А.Б. Куракина, генерального прокурора Сената, 22 апреля 1797 г.; Л. 64—70 — Отчет волынского прокурора на имя князя А.Б. Куракина, 6 мая 1797 г.

³ Эммануэль Ростворовский, соглашаясь с позицией Леонида Житковича, считал, что для данного периода нельзя определить количество землевладельческой шляхты. См.: *Rostworowski E. Ilu było. S. 24—25; Żytkowicz L. Rządy Repnina na Litwie w latach 1794—1797. Wilno, 1938. S. 169—170, 394, 398.*

⁴ *Bairašauskaitė T. O litewskich marszałkach gubernialnych i powiatowych: (do 1863 r.) // Przegląd Wschodni. 1997. T. IV. Z. 2 (14). S. 427—441.* Закшевский указывает на то, что данная должность не существовала в коронных землях Речи Посполитой (см.: *Zakrzewski A. Marszałek powiatowy Wielkiego Księstwa Litewskiego marszałkiem sejmikowym (XVI—XVIII w.) // Parlament, prawo, ludzie. Studia ofiarowane profesorowi Juliuszowi Bardachowi w sześćdziesięciolecie pracy twórczej. Warszawa, 1996. S. 356—361*). Однако следует отметить, что, несмотря на присоединение украинских земель к коронным, на Украине этот институт власти, которому дается точное определение в Третьем Литовском статуте, сохранился.

⁵ Об истории этих сокращений идет речь в указе от 6 сентября 1804 г.: ПСЗ-І. Т. 28. № 21440.

⁶ Об огромном имущественном превосходстве магнатов над остальной шляхтой в этом регионе и избирательных проблемах см.: *Кривошея І.І., Кривошея В.В.* Дворянство Уманщины. С. 38, 57.

⁷ ПСЗ. Т. 28. № 21440.

⁸ *Кривошея І.І., Кривошея В.В.* Дворянство Уманщины. С. 57—65.

⁹ В письме к отцу князь писал: «Надеюсь, что возможно в скором времени в связи с выборами будет определен статус польских провинций». См.: Biblioteka Czartoryskich, Kraków. Sygnatura 6340 — List A.J. Czartoryskiego do A.K. Czartoryskiego od 7 maja 1802 г.

¹⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 113. Л. 66—67 — Указ царя в Сенат, июнь 1802 г.

¹¹ Ibidem. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 114. Л. 1—22.

¹² ПСЗ-І. Т. 27. № 20608 — О правилах для единообразного и успешнейшего течения дел по Герольдии.

¹³ *Имеретинский Н.К.* Дворянство Волынской губернии... Август 1893. С. 362.

¹⁴ Об официальном вознаграждении для четырех заседателей упоминается в адресе Волынского губернского правления в Сенат за 1822 г. См.: РГИА. Ф. 286. Оп. 3. Д. 208. Л. 1—8.

¹⁵ Ibidem. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 56 — Отчеты киевского гражданского губернатора за 1804—1810 гг. Л. 30—36 — Фрагмент о судебной власти.

¹⁶ Ibidem. Л. 108 — Отчет за 1805 г. (от 15 февраля 1806 г.).

¹⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 113. Л. 68—69 — Текст указа за подписью Александра І. После 1831 г. констатировалось, что на эти должности набирались чаще всего люди православного происхождения из безземельной шляхты.

¹⁸ ПСЗ-І. Т. 28. № 21646 — О порядке дворянских выборов в губерниях от Польши присоединенных. 3 марта 1805 г.

¹⁹ Этот же текст с короткими комментариями хранится в: РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 443. Нам не удалось найти списка шляхтичей, которым было разрешено принять участие в выборах, которые как раз должны были состояться; по всей видимости, он может храниться в местном архиве. Т. Байрашаускайте упоминает один список за 1811 г., сохранившийся в Литве (См.: *Bairšauskaitė T.* O litewskich marszałkach. S. 429). Далее будет прокомментирован список за 1827 г., который удалось найти.

²⁰ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 56. Л. 145 — Отчет киевского губернатора за 1806 г. (15 февраля 1807 г.).

²¹ Ibidem. Ф. 1341. Оп. 15. Д. 594. О нарушении указа от 3 мая 1805 г. будет вестись речь и в случае подобного нарушения в 1814 г. в Подолии, которое нами еще будет рассмотрено.

²² Ibidem. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 56. Л. 291 — Отчет киевского губернатора за 1808 г. 3 февраля 1809 г.

²³ Ibidem. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 361. Л. 210 — Об аренде казенных имений в Западном крае и в Курляндии. Дело содержит ряд материалов о правилах предоставления имений, о предоставлении предложений, порядке торгов и т.п., в том числе образец договора между казенной палатой и держателем. Отводимые русским староства, как правило, всегда передавались в аренду, а то и продавались полякам.

²⁴ Ibidem. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 27. Л. 415—420 — О ленных и эмфитеутичных имениях по польским губерниям. Записка прилагалась к журналу заседаний Государственного Совета за 1806 г. после протокола о ходе заседания по этому вопросу (Л. 408—414).

²⁵ Ibidem. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 20. Л. 1—11 — О прошениях дворян о местном управлении, С. Ворцель, предводитель дворянства министру внутренних дел. 5 августа 1808 г.

²⁶ В тексте используется это польское слово латинского происхождения. Речь идет о лице, внесшем средства на сооружение костела, или его потомке, являющемся владельцем имения, в котором находилась приходская церковь. Священника в такой храм можно было назначать лишь с согласия владельца поместья.

²⁷ *Коялович М.* История воссоединения западнорусских униатов старых времен. СПб., 1873; *Kotbuk W.* Kościoły wschodnie w Rzeczypospolitej około 1772 roku. Struktury administracyjne. Lublin, 1998; *Litak S.* Kościół łaciński w Rzeczypospolitej około 1772 roku. Struktury administracyjne, Lublin 1996; *Radwan M.* Kościół katolicki w archiwach Departamentu Wyznań Obcych rosyjskiego MSW. Repertorium. Lublin, 2001; *Radwan M.* Kościół greckokatolicki w zaborze rosyjskim około 1803 roku. Lublin, 2003; *Radwan M.* Archiwa diecezji łucko-żytomierskiej. Repertorium. Lublin, 2003.

²⁸ *Кривошея И.И., Кривошея В.В.* Дворянство Уманщины. С. 70—73 (приводится несколько примеров, проясняющих ситуацию). См. также: *Смолий В.А.* Возз'єднання Правобережної України. С. 84.

²⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 20. Л. 12 — О передаче М.И. Комбурлеем министру иностранных дел прошения, ограниченного четырьмя пунктами от 15 августа 1808 г.; Л. 15 — Просьба А.Б. Куракина к М.И. Комбурлею о предоставлении объяснений от 15 сентября 1808 г.

³⁰ Ibidem. Л. 16—21 — Ответ М.И. Комбурлея А. Гостинскому и А.Б. Куракину от 30 сентября 1808 г.; Л. 42—46 — Ответ А.Б. Куракина А. Гостинскому от 16 февраля 1809 г.

³¹ Ibidem. Л. 59—60 — Царский указ был напечатан и разослан во все полки; Л. 62—63 — Аналогичный приказ военного министра А.А. Аракчеева всем губернаторам империи.

³² Ibidem. Ф. 379. Оп. 3. Д. 104 — Департамент государственных имуществ Министерства финансов «О конфискованных имениях у людей разного звания самовольно отлучившихся за границу из губерний возвращенных от прежде бывшей Польши и о составлении правил об управлении таковыми имениями». Эти свидетельства антипатии России к Наполеону не попали на глаза ни Рачинскому (*Rachinski A.* Napoléon et Alexandre Ier: la guerre des idées / Préf. J. Tulard. Paris, 2002), кстати, хорошему знатоку этого периода, ни Троицкому (*Троицкий Н.А.* Александр I и Наполеон. М., 1994). Другое объяснение этим отношениям дает В. Адауров (*Адауров В.В.* Галицькі українці у концепціях польської політики Франції та Австрії. 1805—1812 // Україна і минуле. 1996. № 9. С. 38—60; *Адауров В.В.* «Наполеоніда» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку ХІХ століття. Львів, 2007). В сущности, вспышка антинаполеоновских и антипольских настроений в 1809 г. означала возвращение на первый план консерваторов, таких как Г.Р. Державин, А.С. Шишков. Ф.В. Ростопчин и др., которое активизировалось в 1806—1807 гг. в

связи с привлечением внимания к сюжетам, связанным с окончанием Смутного времени, — ополчением Минина и Пожарского, изгнавших поляков из Москвы в 1612 г., и возникшей идеей о сооружении им памятника на Красной площади в Москве (конкурс был объявлен в 1807 г., памятник работы И. Мартоса был воздвигнут в 1818 г.). Именно эта группа консерваторов вдохновила царский манифест к российскому дворянству от 30 ноября 1806 г., созывавший ополчение против французов. См.: *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... С. 159—186.

³³ РГИА. Ф. 379. Оп. 3. Д. 104. Л. 53—60 — Отрывок из журнала Комитета министров от 9 июля 1809 г. о конфискации имений беглецов.

³⁴ РГИА. Ф. 379. Оп. 3. Д. 104. Л. 57—59 — Ган и Ермолов Аракчееву, 2 и 17 июля 1809 г. Побег в Княжество Варшавское беспокоили царскую администрацию с 1806 г. Ионна Жуброва вспоминала, что уже тогда литевский предводитель дворянства Каминский раздавал на Волыни прокламации в поддержку Наполеона. См.: *Dał nam przykład Bonaparte: wspomnienia i relacje żołnierzy polskich 1796—1815 / Oprac. R. Bielecki, A. T. Tyszka T.2. Kraków, 1984. S. 8—13.* Однако таких рьяных сторонников было немного. В своих секретных письмах к Л.-Н. Даву Гуго Коллонтай писал, что слишком смелые общественные реформы в Княжестве Варшавском (отмена барщины, гражданский кодекс и т.п.) пугали шляхту. См. также: *Записки А.П. Ермолова. 1798—1826 гг. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. М., 1991. С. 115.*

³⁵ РГИА. Ф. 379. Оп. 3. Д. 104. Л. 56 — Записка Аракчеева в Комитет министров от 4 августа 1809 г.

³⁶ *Ibidem.* Л. 60—62 — Отрывок из журнала Комитета министров от 18 августа 1809 г.; Л. 6—63 — Отрывок из журнала Комитета министров от 20 августа 1809 г.; Л. 66 — Текст указа от 24 августа 1809 г.

³⁷ *Ibidem.* Л. 1 — подольский вице-губернатор Голубцову, 25 августа 1809 г.; Л. 64 — Волынский губернатор в Комитет министров, 29 сентября 1809 г.

³⁸ *Ibidem.* Л. 4 — Письмо секретаря Комитета министров Молчанова (с выдержкой из журнала Комитета от 13 октября и решением императора от 30 ноября 1809 г.), на имя государственного казначея Ф.А. Голубцова, 7 декабря 1809 г.; Л. 65 — Отчет подольского губернатора П.М. Литвинова, 27 октября 1809 г.

³⁹ *Ibidem.* Л. 41—53 — Описание имения А. Тшечецкого, 31 октября 1809 г.; Л. 8—9 — Протест К. Стадницкого, 20 декабря 1809 г.; Л. 73—80 — Отчет по Волынской губернии.

⁴⁰ *Ibidem.* Л. 69—111 — Отчеты казенных палат трех губерний Д.А. Гурьеву, май—декабрь 1810 г. Необходимо отметить, что в литовских губерниях конфискации носили более массовый характер. Данные по ним фигурируют в том же деле.

⁴¹ *Романович-Словатинский А.* Дворянство в России. С. 485.

⁴² *Bairauskaite T.* O litewskich marszałkach. S. 430.

⁴³ Описание этих выборов существует в двух очень близких вариантах: РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 30 (протоколы заседаний Государственного Совета за 1809 г.). Л. 364—365 — О дворянах, осужденных за беспорядки и буйство при дворянских выборах в Каменец-Подольском, 1 ноября 1809 г.; см. также: *Ibidem.* Ф. 1147. Оп. 1. Д. 587. Л. 3—4.

⁴⁴ *Ibidem.* Ф. 1151. Оп. 1. Д. 121. Л. 1—2 — 28 июля, 10 и 24 сентября 1810 г.

⁴⁵ *Ibidem.* Ф. 1341. Оп. 15. Д. 594. Л. 26—29.

⁴⁶ Ibidem. Ф. 379. Оп. 3. Д. 104. Л. 146—147 (курсив мой. — Д.Б.).

⁴⁷ Ibidem. Л. 137 — Письмо Подольской казенной палаты министру финансов Д.А. Гурьеву от 24 января 1813 г.; Л. 162—171 — Правила для конфискации имений и для управления оными в двух частях и 22 параграфах.

⁴⁸ Ibidem. Л. 172—413 — Отчеты и статистические данные по всем присоединенным губерниям.

⁴⁹ Ibidem. Л. 387 — Отчет Комитета министров от 10 марта 1813; ответ Александра I А. Чарторыйскому, январь 1813 г. Цит. по: *Цветков С. Александр I. С. 347—348.*

⁵⁰ РГИА. Ф. 379. Оп. 3. Д. 104. Л. 387 — Письмо А.-Э.-Ш. Сен-При к Д.А. Гурьеву от 9 февраля 1814 г.

⁵¹ Ibidem. Л. 395.

⁵² РГИА. Ф. 1341. Оп. 15. Д. 594. Л. 44—55 — О дворянских выборах Подольской губернии 1814 г.; отчет вице-губернатора С. Павловского Сенату, 7 октября 1814 г.

⁵³ Ibidem. Л. 44, 55.

⁵⁴ Ibidem. Л. 56—63 — Обобщающая таблица.

⁵⁵ Ibidem. Л. 65—94 — Список дворян Литинского уезда и их права быть внешними в книгу избирателей.

⁵⁶ Ibidem. Л. 26—29 — Указ Сената подольскому губернатору от 8 марта 1815 г.; Л. 18—23 — Доклад министра внутренних дел для Сената от 15 марта 1815 г.; Л. 109—119 — Новый указ Сената подольскому губернатору от 10 мая 1815 г.

⁵⁷ Ibidem. Л. 131—145 — Отчет военного губернатора Сенату от 29 сентября 1815 г.

⁵⁸ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 344. Л. 1—4 — Письмо статского советника Опытова графине Старожиловой, июль 1818 г., неоконченная копия, коллекция И.И. Кушневского.

⁵⁹ Ibidem. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 113. Л. 1—56 — Копия журнала заседаний Комитета министров, посвященного рассмотрению 23 пунктов обращения от 4 и 7 декабря 1815 г.

⁶⁰ Ibidem. Л. 59 — Разъяснения С.К. Вязмитинова от 10 февраля 1816 г.; Л. 64 — Проект указа об исправниках и заседателях по губерниям от Польши присоединенным от 10 февраля 1816 г.

⁶¹ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 317. Л. 1—41 — Проекты о польском дворянстве за 1815 г., документы не подписаны. К проекту императорского указа (Л. 1—11) приложена Выдержка из польских законов о военной службе дворян (Л. 18—38) и Принципы Конституции Царства Польского, подписанные в 1815 г. Александром I, В.С. Ланским, А. Чарторыйским, Н.Н. Новосильцовым, Т. Вавжецким, Ф. Любецким-Друцким (Друцким-Любецким) и Ю. Шанявским (Л. 40—41).

⁶² *Карамзин Н.М.* Мнение русского гражданина // Старина и новизна. Кн. 2. СПб., 1898. С. 14—15.

⁶³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 260. Л. 504—511 — Обращения министра внутренних дел В.П. Кочубея в Комитет министров 24 и 29 октября 1821 г.; Л. 138—140 — Он же с обращением к Курскому дворянскому собранию 20 сентября 1821 г.

⁶⁴ Ibidem. Ф. 1286. Оп. 3. Д. 208. Л. 1—10 — Вольнский губернатор министру внутренних дел, 4 января и 31 августа 1822 г.; ответ министра и согласие, 11 октября 1822 г.; подтверждение Александром I, 27 января 1823 г.

⁶⁵ *Гуржій І.О.* Борьба крестьян и работников Украины против феодально-крепостнического гнета (з 80-х годов XVIII ст. до 1861 г.). Киев, 1958. С. 95—96; Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. Сб. док. / Ред. С.Н. Валка. М., 1961. С. 453—458, 734—738, 816, док. 155.

⁶⁶ Селяньський рух на Україні. С. 322—324, 328—329, 333.

⁶⁷ *Ibidem.* С. 346—348, 368.

⁶⁸ РГИА. Ф. 899. Оп. 1. Д. 1266 — Обращение Густава Олизара, январь 1822 г.

⁶⁹ *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. С. 83.

⁷⁰ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 107. Л. 1—109 — Отчет губернатора Грохольского за 1828 г. от 1 мая 1829 г., в особенности л. 6—9.

⁷¹ *Ibidem.* Ф. 1286. Оп. 4. Д. 800. Л. 1—24 — О рассмотрении рапорта Подольского губернского правления о дворянах, состоящих под судом.

⁷² *Ibidem.* Д. 603 (в трех томах, пронумерованных по алфавиту — А, Б, В) — О доставлении сведения о дворянах, имеющих право участвовать в дворянских выборах. Л. 386—494 — Отчет по Киевской губернии (том Б); Л. 162—193 — Отчет по Подольской губернии (том В); Л. 428—700 — Отчет по Волынской губернии (том В). Лучше всего отредактирован отчет из Киевской губернии. В волынский отчет включено три длинных перечня имен за 1820, 1823 и 1826 гг. без каких-либо уточнений, он фактически бесполезен для нас. Столь серьезная перепись, которая должна была охватить всю империю, дает возможность увидеть, что в «многонациональной империи» отношение к тем или иным группам нерусской знати было разным. Во время выборов в Таврии серьезные проблемы возникли со списками татарских мурз, зато грузинским аристократам уже в 1827 г. были предоставлены все права русского дворянства без требования отбывать службу. См.: ПСЗ-III. Т. 2. № 921 и свидетельства принадлежности к дворянству в Курляндии, не ранее 1654 г., принятые 18 ноября 1830 г. (*Ibidem.* Т. 4. № 4104).

⁷³ Эти подсчеты основаны на упомянутых отчетах. Следует также отметить, что подтверждение принадлежности к шляхте, которое тогда вроде бы немного ускорило, не влияло на участие в дворянских собраниях, особенно в Волынской губернии, где было достаточно шляхтичей, не имевших крепостных, которые жили на своих наделах, в частности овруцкая околичная шляхта, но, несмотря на это, были внесены в родословные книги. Имеретинский пишет, что видел в Житомире 33 тома, переплетенные ин-фолио с позолотой, копии которых были представлены губернатору и Герольдии в 1828 г., где содержалось подтверждение для 7518 семей. (См.: *Имеретинский Н.К.* Дворянство Волынской губернии. С. 364—365). После 1831 г. все это будет пересмотрено, но даже к моменту «окончательной» подготовки эти реестры не имели никакой ценности в глазах Петербурга. О реакции Николая I см. далее.

⁷⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 575. Т. А-Б — Список избранных Подольским дворянским собранием в 1826—1829 гг. и личные данные по каждому из них.

⁷⁵ *Ibidem.* Оп. 5. Д. 648а. Л. 329. Этот документ о проверке шляхтичей, которыми Подольское собрание представило как «истинных», хранится в объемистом деле о деятельности комиссии за 1829 г. по решению вопроса о безземельной шляхте — пример существовавшего общего недоверия к собственности польских шляхтичей вне зависимости от степени ее зажиточности. Резолюция Николая I: ПСЗ-III. Т. 4. № 3092 (помечена задним числом 13 августа 1829 г.).

⁷⁶ Селяньский рух на Україні. — Рапорт с Волини от 27 мая 1825 г.

⁷⁷ Крестьянское движение в России. С. 746—747 (№ 186).

⁷⁸ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 4234. Л. 9. В польских воспоминаниях этого времени подчеркивалось исключительно милосердное отношение помещиков к крепостным, особенно в периоды голода. См.: *Biędowska z Dziatyńskich H. Pamiątka przeszłości: wspomnienia z lat 1794—1832* / Oprac. K. Kostenicz, Z. Makowiecka Warszawa, 1960. S. 385.

⁷⁹ Ibidem. Ф. 379. Оп. 3. Д. 887. Л. 1—64 (особенно л. 19—25) — Письмо Н.Н. Новосильцова к подольскому гражданскому губернатору М. Грохольскому от 27 января 1830 г.; Л. 23—30 — Ответ М. Грохольского от 17 февраля 1830 г.; Л. 58—64 — Отчет Н.Н. Новосильцова великому князю Константину от 10 июля 1830 г.

⁸⁰ Ibidem. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4997. Л. 1—14 — Отчет киевского военного губернатора Николаю I о проведении общей инспекции от 8 ноября 1827 г. Проведение инспектирования было связано с общим укреплением полиции. См.: Граф А.Х. Бенкендорф о России 1827—1830 гг. (Ежегодные отчеты III отделения и корпуса жандармов) // Красный архив. 1929. Т. 6 (37).

⁸¹ Обширная библиография по этому вопросу представлена в статье Н. Яковенко и книге Ю. Бардаха. См.: *Яковенко Н. Шляхетська правосвідомість*. С. 70—105; *Bardach J. Statuty litewskie*. S. 5—159, где указаны основные издания статутов. См. также сноски № 25, 34, 35 в гл. 1 наст. изд. и статью В. Кулисевича: *Kulisiewicz W. Trzeci Statut litewski w dobie porozbiorowej* // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. 1992. Т. 44. Z. 1—2. S. 73—89.

⁸² На это издание часто давались ссылки в Собрании малороссийских прав (см.: Собрание малороссийских прав 1807 г. / Сост. К.А. Вислобоков, А.П. Ткач, И.Б. Усенко, В.А. Чехович. Київ, 1993). К.А. Вислобоков указывает на то, что из 488 статей гражданского кодекса 1807 г., предназначенного в том числе и для Левобережной Украины, 258 статей были взяты из Литовского статута.

⁸³ Несомненно важную роль в создании упомянутой комиссии сыграл А. Чарторыйский, который занимался поиском специалистов для нее с сентября 1801 г. Отец писал ему из своего дворца в Пулавах 16 октября 1801 г.: «В одном из своих писем Вы сообщали о проекте, в котором можно было бы заняться разработкой Гражданского кодекса для прежних польских губерний, которые сегодня присоединены к Российской империи...» Как прежний подольский староста, князь Адам Казимир Чарторыйский мог посоветовать сыну нужных людей, но лучший, кого он мог рекомендовать, Иероним Стройновский, не смог за это взяться, поскольку стал ректором Виленского университета. Князь также писал: «Наилучшим для губерний, которые перешли под покровительство российского императора, было бы решение царя предоставить всем инкорпорированным губерниям, т.е. Литве с Минском, Волини, Подолью и Украине [под Украиной здесь имелась в виду Киевщина. — Д.Б.], в качестве закона — Литовский статут, очистив его от новых дополнений, внесенных после их присоединения, и от предписаний, которые устарели в результате смягчения нравов...» (Biblioteka Czartoryskich, Kraków. Rękopis 3446. S. 145—147. Ориг. на франц.).

⁸⁴ Ручной словарь или краткое содержание польских и литовских законов. Это краткое изложение, крайне нужное при составлении судебных протоколов, предназначенных для высылки в Петербург, было также переведено на польский. Сло-

варь был устроен по тематическому принципу и упорядочен согласно латинскому алфавиту, что создавало трудности для русских при его использовании. Впервые был опубликован без указания имени автора Гроллом в 1783 г. Эти сведения взяты мной из замечательного труда Р. Волошинского. См.: *Wołoszyński R.W. Polsko-gosyjskie związki w naukach społecznych 1801—1830. Warszawa, 1974* (на стр. 417—425 говорится о том, насколько в России были знакомы с Литовским статутом). См. также: *Нольде А.Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. Вып. 1: Попытка кодификации литовско-польского права. СПб., 1906.*

⁸⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4997. Л. 14—16 — Письмо министра юстиции в Государственный совет от 22 ноября 1827 г. и министра внутренних дел в Государственный совет от 27 ноября 1827 г.; *Миллер А. Империя Романовых и национализм. С. 82—85.*

⁸⁶ 21 октября 1829 г. Сенат вновь напрасно попытался заменить нотариусов и писарей, выбранных шляхетскими собраниями. Однако реорганизация *à la russe* началась лишь в 1832 г. Этапы этого процесса отражены в обширном деле: РГИА. Ф. 1341. Оп. 33. Д. 881. Л. 1—508. Мнения губернских предводителей, губернаторов и судей по поводу принципа выборности на уездные должности представлены в изданной в 1826 г. брошюре (л. 481—508) и в опубликованном 27 августа 1828 г. указе о распространении российских законов; 11 июля 1828 г. он был утвержден Николаем I (л. 156).

Глава 4

ГОРЕ ОТ УМА НА УКРАИНЕ

Одной из основных проблем на западе империи до 1831 г. было признание на официальном уровне как в украинских, так и в литовских землях доминирования польского языка и польской культуры в учебных заведениях. Это постепенно поставило царские власти перед крайне важным вопросом: можно ли допустить в этих губерниях появление более многочисленной интеллигенции, чем в коренной России? Как защитить привилегии дворянства, не давая в то же время шляхте возможности превратиться в интеллигенцию?

Безземельная шляхта, о которой шла речь в гл. 2, воспринималась Петербургом как нечто амебоподобное, чему следовало придать определенную форму. В свою очередь, землевладельческая шляхта, рассмотренная нами в предыдущей главе, имела в представлении имперских властей более четкие рамки, однако, как мы убедились, возможность проявления инициативы с ее стороны также была ограничена. Несмотря на существование определенного диалога с Волынским шляхетским собранием, а также роль отдельных польских губернаторов, необходимо признать, что в целом на протяжении всего периода с 1793 по 1830 г. шляхта на Украине была скорее объектом манипулирования со стороны российских властей и не выступала в качестве политически активного субъекта.

Налицо необходимость переосмысления как просветительских начинаний раннего периода правления Александра I, как и того, каким образом они были восприняты и воплощены в жизнь в «польских губерниях». Несмотря на существовавшую достаточно жесткую сословную иерархию, в сознании элит российского общества наметился определенный перелом: все большее признание начало получать образование — правда, данная тенденция не распространялась на податное население, как того желал Петр I, когда создавал Табель о рангах. Тем не менее это своеобразное *aggiornamento* привело к тому, что в первую очередь в дворянах стала цениться образованность, а не происхождение.

Эта тревожившая русских дворян идея, претворением которой в жизнь с августа 1809 г. занимался М. М. Сперанский, ни в коей мере не была плодом личных пристрастий этого государственного деятеля. Речь шла о

реализации просветительских принципов, разработанных Г. Стройновским по поручению А. Чарторыйского, которые были представлены 4 октября 1802 г. на рассмотрение Негласного комитета в форме докладной записки «О принципах образования в Российской империи». Этот документ был составлен под сильным влиянием польского Просвещения, основные принципы которого с 1773 г. разрабатывались Комиссией национального просвещения¹.

Еще более выразительное звучание эта идея получила в положении «Об устройстве училищ». Это положение было утверждено императором 24 января 1803 г., оно касалось предварительных правил народного просвещения. Существовавшая Комиссия об училищах была переименована в Главное правление училищ, а империя была разделена на шесть крупных учебных округов, из которых Виленский округ был вверен в попечение князя Адама Ежи Чарторыйского. Этот округ охватывал все «бывшие польские губернии», включая белорусские земли, захваченные в результате первого раздела Речи Посполитой в 1772 г., а южная его часть включала Правобережную Украину. Статьей 24 Положения предусматривалось, что «ни в какой губернии, спустя пять лет по устройении в округе... никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище»². Поскольку Устав университетов был утвержден в мае 1803 г., то представляется полностью логичным тот факт, что уровнем подготовки чиновников станут интересоваться через пять лет. Принципы создания университетов, которые должны были стать во главе государственного школьного образования, предвещали большие перемены. Однако прежде чем убедиться в том, оказались ли эти перемены в социальном плане такими же глубокими, как предусматривалось, необходимо понять, каким образом идеи Просвещения воспринимались на региональном уровне, который является предметом нашего исследования.

ШЛЯХЕТСКАЯ НАЦИЯ, ПОЛЬСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ, РОССИЙСКОЕ ПОДДАНСТВО

Граф Тадеуш Чацкий вплоть до смерти в феврале 1813 г. был *spiritus movens** образовательных дел в Волынской, Подольской и Киевской губерниях. На этих страницах уже говорилось о его деятельности в Петербурге в Комитете по устройству евреев, впоследствии преобразованном в Комитет по устройству шляхты, а также на Волыни, где он принимал самое активное участие в работе шляхетского собрания. После создания Вилен-

* Движущий дух (лат.). (Прим. пер.)

ского учебного округа князь Адам Ежи Чарторыйский обратился к нему с просьбой стать школьным инспектором трех губерний. Граф принял предложение. Необходимо подчеркнуть, что проявленное с его стороны меценатство и бескорыстное служение делу польского культурного присутствия на Украине в значительной степени превосходило круг возложенных на него служебных обязанностей, однако полностью отвечало его убеждениям и стилю жизни³. Основной целью деятельности Чацкого было предотвратить русификацию и сохранить полонизированный облик Украины. Поляки непременно должны отдать должное деятельности Тадеуша Чацкого, хотя и не в стиле Р. Пшибыльского, ура-патриотические дифирамбы которого часто не соответствуют истине и не учитывают выводов, сделанных мною в работе, опубликованной по-французски в 1977 г., а по-польски в 1991 г.⁴

На взгляды Тадеуша Чацкого серьезное влияние оказали как древние традиции его рода, так и французские энциклопедисты. В 1784 г. он познакомился при дворе польского короля с такими историками, как Ян Баптист Альбертранди и Адам Станислав Нарушевич. В том же году его избрали в состав Минералогической комиссии, которая вела разведку залежей руды вдоль берегов Днестра. Он занимался статистикой, как уже отмечалось, писал работы о евреях и литовском праве. Любитель старинных книг, интересовавшийся всем и вся, он в 1801 г. был избран членом Общества любителей наук, с существованием которого в Варшаве (аннексированной в 1795 г. Пруссией) мирились прусские власти. Однако с еще большим воодушевлением он посвятил себя делу развития польской культуры на Украине после открытия Виленского университета. Чацкий подчинялся ректору этого университета, которым сперва был И. Стройновский, а с 1807 г. известный астроном Ян Снядецкий, с которым Чацкий практически постоянно конфликтовал. Польский граф из Волынской губернии, где в Порышке располагалось его родовое имение, Чацкий никогда не был сторонником монархического правления, тяжело переносил власть российского царя, французскому императору давал лишь пустые обещания и не считал возможным подчиняться ученому педанту, ректору университета в далеких литовских землях, к которым он относился с определенной долей презрения. Чацкий находился под сильным влиянием Гуго Коллонтая (которого к тому времени уже освободили из австрийской тюрьмы в Шпилберке) и советовался с ним во всем (их переписка о проведении культурно-образовательной политики охватывает четыре тома). Однако по-настоящему Чацкий признавал единственный авторитет — попечителя князя Чарторыйского, который изредка в письмах журил его за несколько «сарматскую» строптивость.

Восхищаясь щедрыми подарками князей Демидовых Московскому университету, Чацкий видел себя в аналогичной роли на Украине. Им двигало и желание пощеголять в стиле ушедшей эпохи польского барокко («хоть все заложи, а себя покажи»). Благодаря помощи Чарторийского, который обратился к католическим епископам с просьбой поддержать Чацкого, в 1805 г. с большой помпой в виленской прессе он представил очень подробный и обстоятельный отчет на основании проведенной в 1804 г. инспекции всех польских школ, оставшихся на украинских землях после разделов Речи Посполитой⁵. Его обращение напрямую ко всем предводителям шляхты трех губерний с просьбой всячески ему помогать, а также его письма к католическим и униатским епископам, пропитанные воинствующим просветительским духом, свидетельствуют о его стремлении к узурпации власти⁶. В вырисовывающемся видении им национального образования идея «нации», как и в бывшей Речи Посполитой, охватывала лишь шляхту, т.е. школьное образование не предназначалось для всех сословий, как к тому времени предусматривалось предлагаемыми в Петербурге новыми принципами развития образования. Эксперимент по претворению их в жизнь (к сожалению, прерванный) будет предпринят в Виленском университете. Впрочем, хотя эти принципы не были реализованы и в других частях империи, в «польских губерниях» значительный количественный перевес шляхтичей, чье происхождение зачастую вызывало сомнения, способствовал тому, что здесь было гораздо больше учеников, чем где-либо еще в России. Такое положение дел полностью отвечало пожеланиям графа Т. Чацкого, прилагавшего все усилия для организации учебы в своих трех губерниях. Особо не считаясь ни с Петербургом, ни с Вильной, он заботился лишь о поддержке своих инициатив со стороны крупных родов, таких как Мнишеки, Радзивиллы, Плятеры, Олизары. Полнота власти, которой обладал Чацкий, позволила им оказывать через него серьезное влияние в регионе не только в экономическом, но и в социальном плане.

Основная идея Чацкого заключалась в том, чтобы, не обращая особого внимания на достаточно скромные бюджетные средства, выделяемые Петербургом на все средние учебные заведения империи (четырёхлетние уездные школы и шестилетние гимназии), воспользоваться финансовой помощью крупных польских землевладельцев. В связи с этим он считал себя вправе вникать в содержание и организацию учебного процесса на Правобережной Украине. По его мнению, идеальным решением школьного вопроса могло бы стать массовое меценатство польских помещиков, которые согласились бы на предоставление возможности обучения детям бедной шляхты. В то же время он отрицательно относился к практике назначения из Вильны преподавателей и спускаемой сверху общей учебной

программе. Следует сказать, что к 1803 г. на Правобережной Украине сохранилось пять средних польских школ, в прошлом иезуитских, а с 1773 г. находившихся в ведении Ягеллонского университета в Кракове. В Волынской губернии такие школы были в Житомире, Луцке и Кременце, в Подольской губернии — в Виннице и Каменец-Подольском. Эти школы смогли сохранить свой академический характер, перейдя под управление Виленского учебного округа. Значительно больше было религиозных школ, которые также должны были вести обучение по виленским учебным программам. В Волынской губернии, в Межириче и Дубровице, было две школы католического монашеского ордена пиаров. В Олыке была одна кармелитская школа. Ближайшая к Волынской губернии протестантская (реформатская) школа была в Слуцке Минской губернии. Школ униатского Базилианского ордена было больше, что свидетельствует об интенсивной деятельности униатов в этом регионе на протяжении XVII—XVIII вв.: их школы были в Подольской губернии в Овруче, Владимире и Любаре на Волыни, в Киевской губернии — в Баре, в Каневе и Умани. Однако, несмотря на прилагавшиеся Чацким усилия, произошло незначительное увеличение количества школ. При его жизни только кармелиты открыли в 1811 г. школу в Бердичеве на Волыни. Немногочисленные же меценаты появились уже после его смерти. В 1815 г. вдова Щ. Потоцкого Зоя Потоцкая возобновила деятельность семейного фонда в Немирове Подольской губернии. Сам князь А. Чарторыйский в 1819 г. открыл две школы в своих имениях: в Меджибоже в Подолье и в Клевани на Волыни. Последней в 1822 г. Сапегами была открыта школа в Теофильполе на юге Волынской губернии⁷.

Эти семнадцать или восемнадцать (в зависимости от периода) школ на Украине составляли почти треть всех учебных заведений Виленского округа, т.е. целого Западного края. Однако с самого начала Тадеуш Чацкий расположил эти школы не так, как этого желали в Вильне, где планировали открытие нескольких уездных школ и гимназий во всех губернских центрах (а именно в Житомире, Каменец-Подольском и Киеве). Поскольку Чацкий создавал учебные заведения исходя из национальных, социальных и идеологических принципов (проект, надо признать, уникальный в Российской империи), во многих уездах школ не было. Киев оставался без гимназии до 1810 г. (причины этого будут рассмотрены), в Каменец-Подольском она так и не появилась, в Подольской губернии одна гимназия была основана принудительно лишь в 1814 г. в местечке Винница. Расхождения с требованиями сверху были следствием проводимой Чацким политики. Он хотел сосредоточить все финансовые средства в своих руках, шел даже на конфискацию всего, по его мнению, необходимого, например монастырских библиотек из небольших школ. Кроме того, он орга-

низовывал сбор даров среди «граждан» (как польские помещики называли себя), чтобы за счет независимых средств обеспечить единственную Волинскую гимназию, которую он решил разместить не в губернском центре, а неподалеку от своей резиденции — в бывшем Кременецком иезуитском монастыре вблизи австрийской границы, надеясь, как сам говорил, привлечь туда учеников из Тернополя и всей Галиции⁸.

Решение Чацкого создать гимназию в городке, который был расположен ближе всего к западным рубежам Российской империи, имело глубокий политический смысл. Речь шла о создании центра польской культуры — единственного во всей «польской Украине». Действительно, именно таким Кременец стал и оставался вплоть до 1831 г. Следует сказать, что Коллонтай настойчиво подчеркивал, что по Гадячскому договору 1658 г., подписанному с гетманом И. Выговским, предусматривалось создание Речи Посполитой Трех Народов, т.е. превращение Украины (Руси) в отдельную политическую единицу, которая существовала бы наравне с коронными землями и Великим княжеством Литовским и имела бы собственную академию. Именно стремлением к воплощению этой идеи региональной автономии (конечно, при умолчании о том, что главенствующую роль в ней должны были играть украинцы) можно объяснить действия Чацкого, на сепаратистский характер которых обратили внимание в Вильне гораздо раньше, чем в Петербурге.

Чарторыйский тщетно пытался убедить Чацкого придерживаться выделенных министерством бюджетных средств. Ему также не удалось доказать, что в гимназии не следует вводить курс астрономии, что обучение гувернанток и акушерок, хоть и является делом важным, но не входит в задачи гимназии и что подготовкой фельдшеров должны заниматься уже имеющиеся университеты. Однако Чацкий практически и не скрывал того, что его политика свершившихся фактов направлена на создание в будущем университета. Именно это стало причиной быстрого ухудшения его отношений с Виленским университетом. Двум первым ректорам стоило немалых усилий терпеть его чудачества и неповиновение⁹. Но граф продолжал трудиться над воплощением своей идеи. В конце 1803 г. наследники Станислава Августа выставили на продажу сохранившуюся в Варшаве библиотеку короля, насчитывавшую 15 680 томов, а также королевский кабинет естественной истории с коллекцией медалей. Все это было куплено Чацким и в витринах из красного дерева с золотыми монограммами короля передано в 1810 г. в распоряжение преподавателей и учеников старших классов Кременецкой гимназии. Одним из первых с этими коллекциями познакомился будущий польский историк Иоахим Лелевель. Впоследствии, после Ноябрьского восстания, богатейшие, регулярно пополнявши-

еся коллекции были конфискованы Николаем I и переданы новоучрежденному Киевскому университету.

Об исключительности Кременецкой гимназии свидетельствует также коллекция произведений искусства: в школьной галерее можно было любоваться полотнами Рафаэля, Рубенса и Гвидо Рени, которые помещик Джевицкий, участник Итальянского похода Наполеона, привез из Италии. Имелась там и коллекция гравюр, подаренных Станиславом Косткой Потоцким, одним из активных деятелей в бывшем Польском сейме. Поддерживаемое аристократией учебное заведение, призванное воспитать истинную шляхетскую элиту, не могло не иметь парка. На подаренном Сапегой участке земли был разбит ботанический сад для подготовки будущих агрономов. В 1834 г. он был полностью выкорчеван и перевезен в Киев.

Кроме того, в гимназии были минералогический, химический, физический и зоологический кабинеты со всеми экспонатами и доступным на то время оборудованием для проведения опытов. Можно себе представить, насколько огромное впечатление Кременецкая гимназия производила на весь край. Возможно, что на всю эту деятельность власти закрыли бы глаза, если бы Чацкий не ввел в гимназии отдельную учебную программу, противоположную духу остальных учебных заведений, подчинявшихся Виленскому университету. Желая угодить светским вкусам шляхтичей, на чье благосклонное отношение Чацкий рассчитывал, он отвел в программе значительную часть времени на танцы, верховую езду, фехтование. В десятилетнем курсе обучения первые четыре года почти полностью были посвящены изучению иностранных языков. Эта программа копировала домашнее образование, получаемое во дворцах и усадьбах, когда ребенка учили прежде всего быть «европейцем», т.е. говорить на французском, немецком, латинском и итальянском языках. Ректоры Стройновский, а за ним Снядецкий напрасно протестовали, указывая на то, что подобное обучение будет способствовать воспитанию космополитов-марионеток. Чацкий злоупотреблял благосклонностью старого министра Завадовского в Петербурге. Благодаря ходатайству последнего 28 июля 1805 г. сам Александр I закрепил за Кременецкой гимназией особый статус. Даже и Чацкий был удивлен таким поворотом и называл это удавшейся дерзостью, о чем с гордостью писал Коллонтаю¹⁰. Возможно, ему не стоило так громко торжествовать: вскоре неопровержимый успех Кременецкой гимназии, методика графа и его симпатии к Наполеону вызвали подозрение у киевского военного губернатора, которым в 1806—1809 гг. был не кто иной, как генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов. Император отправил его в Киев после Аустерлицкого поражения, а затем перевел на аналогичную должность в Вильну, на которой Кутузов будет оставаться вплоть до 1812 г. — года воздаяния.

По правде говоря, у царских властей были все основания косо глядеть на невероятное рвение Чацкого, стремившегося вернуть польской аристократии, по крайней мере на местном уровне, монополию на культурное доминирование. Единственным городом на Правобережной Украине, который находился под контролем России с конца XVII в., был Киев. В то время его скорее можно было назвать местечком, чем городом. Окруженный со всех сторон крупными имениями, принадлежавшими полякам, Киев виделся российским элитам центром православных и древнерусских традиций. Коллонтай, который во всем, что касалось Кременецкой гимназии, поддерживал Чацкого, настаивал на необходимости борьбы за души украинских крестьян. Впрочем, у царских властей были аналогичные планы относительно Киевской губернии, имевш ей большое символическое значение для всей империи. В отчете за 1804 г. Чацкий указал, что наряду с 43 597 шляхтичами мужского пола в Киевской губернии проживает пол-миллиона душ крепостных. Коллонтай настоятельно советовал графу в случае создания приходских школ не вводить в них обучение на русском языке. Следовало внедрять язык господ: «Русский язык я бы не давал в приходской школе, простонародью этому языку не надобно учиться, он его знает настолько, что сможет объясниться с коренным русским. Если же давать книги учителям и люду на этом языке, то мы не сможем понимать ни люда, ни учителей, не поймем мы и этих книг, а речь идет о скором просвещении и скором восстановлении сельского хозяйства; кроме того, к чему это приведет, если люда нас, а мы люда понимать не будем?»¹¹

В скором времени власти поставили вопрос об отсутствии в Киеве русской гимназии. Чарторыйский, в то время российский министр иностранных дел, хотел, как попечитель, дать пример безоблачного сотрудничества, а потому посоветовал Чацкому достичь взаимопонимания по вопросу о русском языке с гражданским губернатором Панкратьевым или с министром Завадовским, который в июне 1805 г. как раз был проездом в Киеве¹². Одновременно с этим, не зная о предпринятых шагах попечителя, 159 польских помещиков на съезде шляхты Киевской губернии подписали обращение к властям об учреждении в Киеве польской гимназии (2 сентября 1805 г.).

Чацкий же не искал путей к взаимопониманию. Он опасался, что огромную Киево-Могилянскую академию, где фактически готовили священников для всей империи (в 1805 г. в ней насчитывалось 1146 семинаристов), превратят в университет, разрушив тем самым его волынские планы. В крайнем случае, он мог бы согласиться возродить неподалеку от давней столицы православия прежнюю уездную школу в Радомысле, но при условии, что она будет польской. И хотя (изменения наступят лишь после 1834 г.) министр просвещения настаивал лишь на символическом откры-

тии гимназии с русским языком в Киеве, Чацкий не уступал до 1812 г., ссылаясь на то, что во всей Киевской губернии насчитывается всего 189 русских чиновников. Он жаловался князю Чарторыйскому: «Кто же тогда, если придерживаться пропорции, имеет право на обучение на родном языке? [...] Мы имеем право надеяться, что наш язык не погибнет [...]. Киев — это старинный русский город, который тянется на многие версты [...], часть за Днестром принадлежит к [учебному] округу в Харькове, но большая западная часть принадлежит Польше». Ставка в игре была слишком велика для православных¹³.

Осознавая, что на тот момент Киев не имел ярко выраженного русского характера, а был лишь духовным центром, царские власти несколько лет колебались, решая, как повести себя в отношении Чацкого. Завадовский не знал, что делать с упомянутой гимназией: прикрепить ли ее к Киево-Могилянской академии или к кадетскому корпусу, который должны были в скором времени открыть. В 1807—1808 гг., когда Наполеон подошел к границе Российской империи, Кутузов попытался отослать беспокойного инспектора в столицу, однако это лишь способствовало укреплению позиций последнего. Сразу после возвращения на Украину в январе 1808 г. Чацкий организовал петицию от шляхты Киевской губернии с просьбой объединить свой школьный бюджет с бюджетом Кременца — города, достаточно удаленного от Киева.

Чтобы оправдать это объединение, заведение должно было называться «гимназией двух губерний», элита же шляхетского собрания — граф С. Жевуский, Ф. Плятер, В. Ганский, Ю. Понятовский, Ю. Бутковский, Можковский и Закшевский подписали вместе с волынским предводителем шляхты, сенатором М. Ворцелем, и самим Т. Чацким достаточно фантастическое обещание внести в фонд учебного заведения по одному рублю с крепостной души, что составило бы сумму в 450 438 рублей (22 521 руб. годового процентного дохода)¹⁴.

Более реалистичной оказалась позиция ректора Виленского университета Я. Снядцкого, который попытался напомнить, что, согласно принятой должностной иерархии, только он имеет право принимать решения, касающиеся организации учебного процесса. Тем не менее, стараясь найти компромисс, он предложил А. Чарторыйскому назначить директора Киевской гимназии еще до ее создания. Возможный кандидат на эту должность, обрусевший поляк Мышковский, мог бы удовлетворить обе стороны¹⁵. Однако Чацкий продолжал утверждать, что в Киеве нет помещения, в котором можно было бы разместить гимназию, если не считать (это звучало действительно провокационно) резиденции губернатора П.П. Панкратьева. Чарторыйский, чувствуя, что конфликт начинает обостряться, послал с инспекцией польского аристократа, чье влияние было значитель-

но сильнее влияния Чацкого, графа Людвика Плятера, который поддался уговорам и 13 июня 1809 г. написал Чарторыйскому о необходимости открыть в Киеве русскую гимназию, где польский язык преподавался бы как иностранный. В ответ многочисленной польской шляхте Киевской губернии пришлось бы под давлением Чацкого отправить детей в Кременецкую гимназию, если бы на тот момент не была наконец открыта гимназия в Подолье¹⁶.

Вступление в должность министра народного просвещения графа А.К. Разумовского положило конец отсрочкам в решении вопроса о русской гимназии в Киеве. Таковая была открыта 9 октября 1811 г. Она получила особый статус — находилась под непосредственным контролем министерства. Гимназия оставалась крайне малочисленной (в 1816 г. было всего 83 ученика), поскольку польская шляхта не желала отправлять туда своих детей. Однако в данном случае речь шла прежде всего о символическом значении этого учебного заведения. Чарторыйский, на которого в Петербурге уже стали смотреть косо, мог дать министру лишь последний бой ради чести. Он писал Разумовскому по-французски: «В Киевской губернии только сам город и его уезд населяют жители русского происхождения, тогда как в других уездах прежних польских губерний живут лишь подданные этой национальности [крепостные, по мнению князя, могли принадлежать лишь к той нации, к которой принадлежали их владельцы. — Д.Б.]. [...] Поскольку Его Величество наделил своих польских подданных такими же привилегиями, которыми пользуются немецкие подданные, то есть возможностью использования в судах и в школах родного языка, то кажется несправедливым лишить их этого права в Киевской губернии, которая является частью восьми прежних польских губерний». Во избежание упреков в недостатке польского патриотизма Чарторыйский извинился перед Чацким: «Я с сожалением узнал о том, в каком виде была создана Киевская гимназия. Дело бы имело иной поворот, будь я в Петербурге. Посылаю Вам копию письма, с которым я обратился к министру. Граждане Киевской губернии могут быть уверены, что я не сидел сложа руки, а по мере своих возможностей пытался исправить сложившуюся ситуацию, исходя из справедливости и истинной пользы для края»¹⁷.

Чацкий был вынужден, несмотря на то что это противоречило его взглядам, открыть 30 января 1812 г. это учебное заведение. Правда, несомненным реваншем для него стала произнесенная им речь о культурной роли поляков в объединении двух славянских ветвей. Впрочем, сразу после этого он отказался курировать школьное образование в Киевской губернии. Чарторыйский порекомендовал это занятие графу Адаму Жевускому. Последнему понадобилось несколько лет, чтобы добиться открытия в

Киевской губернии двух польских уездных школ в Радомысле и Махновке. Это произошло лишь после того, как не только Киев, но и вся Киевская губерния были окончательно выведены из-под власти Виленского учебного округа и его попечителя Чарторыйского, столь тесно связанного с прошлым этих земель и польской идеей. Согласно указу от 23 сентября 1818 г. под предлогом их же «блага» все школы Киевской губернии были переведены в ведение Харьковского университета, что не обошлось без протестов со стороны Чарторыйского. Впрочем, вероятнее всего, эти меры министра А.К. Разумовского, а затем его преемника А.Н. Голицына были реакцией на рост влияния польского образования в Кременце и, в частности, на пропольские инициативы преемника Чацкого после 1813 г., графа Филиппа Плятера. Одной из последних, к примеру, было сделанное Плятером в августе 1813 г. предложение министру просвещения о направлении на учебу в польские школы православных священников, дабы избавить их от присущей им косности и невежества¹⁸.

Как уже говорилось, в Киевской губернии действовало всего две польских школы, в Умани (448 учеников по состоянию на 1816 г. и 660 в 1830 г.) и Каневе (165 в 1816 г. и 200 в 1830 г.). Обе школы находились в ведении базилиан. Кроме Киевской губернии этот орден, все сильнее раздражавший царские власти, играл важную роль в деле образования в Волынской и Подольской губерниях, за исключением Кременца. Базилианский орден был очень тесно связан с шляхтой, в его владении находилось около 30 монастырей (бывших православных), располагавших крупной земельной собственностью. Униаты-базилиане олицетворяли гегемонию Рима и Польши над православным духовенством, которое было значительно беднее, а также над столь же нищим греко-униатским (грекокатолическим) белым духовенством. Еще со времен Екатерины II Базилианский орден стал предметом особенного внимания российских властей, стремившихся вернуть униатов в лоно православной церкви¹⁹.

Указом от 17 мая 1804 г. объявлялось о конфискации всех принадлежащих Базилианскому ордену монастырей, не ведших образовательной деятельности, с целью улучшения материального положения более многочисленного светского духовенства. Однако Чарторыйскому и Чацкому удалось приостановить реализацию этого указа, подав контрпроект, согласно которому все монастыри обязывались участвовать в финансировании школ. Кременец получал, таким образом, возможность для изыскания дополнительных средств. Согласно замыслу Чацкого, у гимназии было бы право семинарского обучения базилианских послушников, которые затем должны были на протяжении 15 лет преподавать в базилианских школах. Однако, когда царь уже собирался утвердить это представление, грекокато-

лический митрополит Иракий Лисовский выступил с заявлением о том, что подобная инициатива будет способствовать усилению католического влияния в базилианских школах. Лишь 2 октября 1810 г., после шквала записок и отчетов, Александр I утвердил базилианские школы в прежнем статусе, давая при этом понять, что в любую минуту им может быть принято решение о конфискации «непригодных» монастырей в пользу грекокатолического белого или православного духовенства. Постепенное распространение православной религии приобретало неожиданный социальный оттенок: православные и униатские приходские священники, люди неблагородного происхождения или выходцы из безземельной шляхты, стали представлять угрозу для позиций польской аристократии и богатых землевладельцев, с которыми были тесно связаны базилиане. Нередко бывали случаи, когда католики становились базилианами с целью сохранения крупной униатской собственности в польских землях. В обширной записке от 24 апреля 1822 г. Чарторыйский, нахваливая педагогический энтузиазм базилианских монахов, объяснял Голицыну, что орден готов превратить в гимназии свои коллегии в Овруче, Любаре и Умани, а также школы в литовских землях.

Однако попечитель на тот момент уже не имел прежнего влияния — наступало время политики «истинного русского» А.С. Шишкова. Доходы многочисленных базилианских монастырей Украины — в Жидычине, Дубне, Дермани и др. — передавались белому духовенству; в свою очередь, «польско-латинское» господство в сфере образования стало объектом постоянных нападков. Если в Литве с подобным доминированием царские власти еще мирились, то на Украине считали, что вопросы образования не должны находиться в компетенции не только попечителя, но и Виленского университета. Было найдено достаточно причин, чтобы перевести волынские и подольские школы под контроль Харьковского университета, который уже с 1818 г. курировал школьное образование в Киевской губернии. Жена одного русского чиновника в Волынской губернии, чьих двух сыновей исключили из Житомирской гимназии из-за отсутствия школьной формы, подала в 1820 г. жалобу, заявив, что детей на самом деле исключили из-за их русского происхождения. Кроме того, она подчеркивала, что дети в гимназии были лишены возможности получить наставление в основах православной веры. Начиная со следующего года министр просвещения обязал все католические и униатские школы к привлечению православных священников²⁰. Когда же в 1824 г. политический процесс над виленскими студентами выявил несколько подозрительных контактов с украинскими школами, Харьков попробовал добиться того, чтобы во всех волыньских и подольских школах была введена русская дирекция. Однако подобная деполонизация начнется лишь после 1831 г.²¹

Как видим, в очередной раз Киевская губерния стала полигоном деполонизации без огня, еще до того как Польское восстание 1830 г. дало повод для проведения повсеместной деполонизации огнем и мечом.

Инициатором упомянутых выше изменений был киевский военный губернатор, знакомый нам по предыдущей главе, П.Ф. Желтухин, который ничтоже сумняшеся утверждал, что еще Литовский статут требовал ведения делопроизводства на русском языке. Всего за две недели до восстания, 15 ноября 1830 г., он написал князю К.А. Ливену, в то время министру народного просвещения, что, несмотря на требования Харьковского университета, базилиане продолжают в Умани и Каневе вести преподавание исключительно на польском языке, и среди сотен их учеников не найти того, кто говорил бы по-русски. Как и ранее, он просил обязать шляхту употреблять русский язык на собраниях, в судах и в официальной переписке. В ответ на это письмо он получил от Николая I приказ полностью ликвидировать обучение на польском языке в школах Киевской губернии. Как видим, перед нами очередной пример языковых репрессий, начатых еще до Ноябрьского восстания. Статс-секретарь Н.Н. Муравьев сообщил о царской воле министру Ливену, а тот, в свою очередь, представил собственный проект на рассмотрение императору 10 декабря 1830 г. Опасаясь протестов со стороны 22 преподавателей, в том числе 15 монахов-базилиан, он предлагал перевести их в школы, относящиеся к Виленскому учебному округу, поскольку в противном случае они лишились бы своих мест; вменить же в вину им было нечего. В том, что касалось учеников, министр считал, что следовало бы постепенно сокращать количество часов преподавания на польском языке, приглашая русских преподавателей из Харькова, или же закрыть эти школы²². Восстание, начавшееся 29 ноября 1830 г. и набравшее силу в 1831 г., делало, по мнению царских властей, необходимым не только подобные меры в Киевской губернии, но и распространение их на все «польские губернии».

Пятнадцатью годами ранее Чацкий, который не мог не знать о намерениях киевского гражданского губернатора Панкратьева, предчувствовал, что в своей попытке утвердиться российская культура будет оказывать сильное давление на польскую. Глядя с этой точки зрения на деятельность Чацкого по созданию собственной гимназии в Кременце, можно понять причину, которая заставляла его с таким рвением отдаваться этой работе. В то же время крайне важно понять, каким образом его инициативы были восприняты землевладельцами. Ответ на этот вопрос даст более точную картину о состоянии настроений в этом сословии.

С целью сохранения столь близкой ему шляхетской автономии Чацкий хотел доказать, что участие всех «граждан» в общественных делах, касающихся образования согласно духу Просвещения, существенно превзой-

дет все, что могло быть предложено шляхте царскими властями, более того, превзойдет скудное воображение жалких преподавателей, не имевших ни малейшего представления о престиже благородного происхождения.

В связи с вопросом о финансировании Кременецкого лицея необходимо более внимательно изучить, насколько реалистичны были надежды Чацкого на пожертвования от собратьев-шляхтичей. По его мнению, крупные землевладельцы уже в силу своего положения должны были стремиться продемонстрировать жизненную силу польского присутствия на этих землях. Они должны были отчислять определенные суммы со своих доходов на содержание Кременецкой гимназии, знаменитого учебного заведения, достойного польской шляхетской традиции.

Поскольку первые подсчеты показали необходимость выделения на содержание гимназии сумм, в четыре раза превосходивших бюджет, предусмотренный для гимназий в других городах, Чацкий позаботился о поддержке со стороны шляхетских собраний всех уездов и губерний, тем самым обеспечив себе свободу действий: «Все подарки, сделанные в интересах гимназии, находятся в моем распоряжении, чтобы мои руки не были связаны [...], все это делается на средства, которые не принадлежат Императору, я сам распоряжаюсь этими суммами, а потому могу иметь право избрать ректором того, кого хочу»²³.

Однако сумма взносов не отвечала ожиданиям. Сохранились списки дарителей. В списке Владимирского уезда, составленном в конце 1804 г., значатся 73 фамилии, среди которых 63 лица дали всего от 100 до 500 польских злотых (злотый в то время был в десять раз дешевле рубля), восемь человек внесли от 500 до 1000 злотых, а шестеро — более тысячи. Среди самых щедрых дарителей были известные магнаты — М. Мнишек, А. Ходкевич, А. Чарторыйский, А. Стецкий, Э. Сангушко²⁴. Дарственные, гарантированные земельной собственностью, были специально зарегистрированы земским судом. Несмотря на то что на открытии гимназии Т. Чацкий заявил о сумме ежегодного дохода в 15 420 рублей, вскоре появились сомнения насчет чувства «гражданской ответственности» землевладельцев. Попечитель Чарторыйский обратил внимание на то, что значительная часть взносов была обременена ипотекой или касалась имущества, отнесенного ранее на счет других школ. Он безуспешно пытался получить от Чацкого юридические доказательства происхождения дарственных записей. Последнего возмущала сама мысль о том, что можно усомниться в честном слове шляхтича-«гражданина»²⁵. Ректор Виленского университета Я. Снядецкий неустанно указывал Чарторыйскому на показуху и «невероятный беспорядок в финансах Кременца»: некоторые учителя не получали жалованья, сам же Чацкий оказался должником²⁶.

Пренебрежительное отношение аристократии к преподавателям проявилось с еще большей очевидностью, когда 21 декабря 1807 г. Виленский университет решил создать две комиссии (одну в Литве, другую в трех украинских губерниях) для проведения инвентаризации бывших иезуитских владений, которые в 1773 г. были переданы Комиссией национального просвещения в аренду под 4% годовых в пользу учебных заведений. Предполагалось, что эти деньги будут направляться на создание Образовательного фонда Комиссии. В этом деле царил полная неразбериха — часть земель была незаконно присвоена другими владельцами, а аренда зачастую не выплачивалась. Многие землевладельцы по прошествии почти 40 лет считали упомянутые имения своими и не хотели ворошить прошлое, тем более что сейм 1788 г. разрешил продажу этих земель. Граф Чацкий по договоренности с «гражданами» напрасно пытался убедить Чарторыйского в необходимости пресечь виленское начинание. Он без устали писал письма, в которых заявлял, что «каждому народу свойственно переживать моменты, когда жадность граждан становится правомочной. У нас, к примеру, 1505, 1569, 1666 годы являются тому подтверждением. История раскусит людей. Закон сохранит ее деяния. Не стоит начинать войну за собственность. Разве будут любить нас дети, чьи отцы и матери будут нас проклинать?»²⁷

Чацкого все-таки заставили создать комиссию. Он лично возглавил ее, окружив себя богатыми землевладельцами Ф. Олизаром, В. Борейко, М. Собанским и А. Ходкевичем, от которых нельзя было ожидать рвения в ревизии землевладения. Более того, после смерти Чацкого в новой политической ситуации члены комиссии превратили ее в центр поддержки местных шляхетских идеалов. Виленскому университету так и не удалось добиться от Волынской комиссии данных о долгах и недоимках. Ректор Снядецкий напрасно изливал свой праведный гнев в письмах к Чарторыйскому, указывая на то, что Чацкий все время лавировал, боясь гнева местных землевладельцев и ставя спокойствие нескольких помещичьих семей выше общественного блага, за которое сам же ратовал. Ректор достаточно быстро понял цель подобного поведения: члены комиссии, которые практически не оказывали влияния на шляхетские собрания, имея доступ ко всем арендным договорам, заключенным еще до требования о проведении ревизии бывших иезуитских земель, воспользовались случаем, чтобы сохранить собственные имения. Получив свободу рук, они под видом поиска долгов были вправе прекратить судебные преследования, которые могли запятнать рыцарскую честь. Впрочем, разве не сама землевладельческая шляхта олицетворяла собой правосудие?²⁸

Именно нехваткой средств можно объяснить причину, по которой Чацкий решил за счет остальных учебных заведений Волыни и двух других

губерний развивать дорогую его сердцу Кременецкую гимназию. В несколько более выгодном положении по сравнению с Киевской губернией оказалась Подольская: здесь было больше школ, хотя при жизни Чацкого так и не было открыто ни одной гимназии. Многие школы находились в церковном ведении, и граф, не колеблясь, пользовался выделяемыми на них церковными средствами. Базилиане, чувствуя угрозу, платили безропотно. Здания школ в губернских центрах, Каменец-Подольском и Житомире, были практически разрушены, выделяемые на них средства уходили в Кременец. Евреи, которые сами содержали свои хедеры, также должны были вносить определенные суммы в счет польской гимназии, в которой никто из них никогда не учился. 15 октября 1810 г. кагалы Владимира, Любомля, Дубно, Ковеля, Острога, Степани, Кременца, Бара, Ляховиц, Олыки и Ровно обязались ежегодно платить значительные суммы на протяжении 1813—1827 гг. Некоторые выплаты достигали 40 тыс. злотых²⁹.

Проявление подобной активности произвело сильное впечатление на министра Завадовского. После приезда Чацкого в Петербург 31 августа 1807 г. он утвердил подготовленный инспектором устав приходских школ, согласно которому предполагалось развитие народного образования в духе воззрений Г. Коллонтая. Однако в действительности эти школы предназначались для начального обучения детей безземельной шляхты. В свою очередь, утверждение устава дало возможность получения для Волынской гимназии средств из доходов Кременецкого староства, предоставленного государством, т.е. дало гимназии статус землевладельца с правом владения крепостными крестьянами³⁰. Процесс создания самих приходских школ далеко не соответствовал оптимистическим ожиданиям Чацкого. 5 октября 1810 г. он послал министру А.К. Разумовскому рапорт, подготовленный членами уже упомянутой Волынской комиссии. Согласно уставу, приходские школы финансировались исключительно за счет благотворительных пожертвований. К рапорту прилагался список из 89 школ Волынской губернии. Внимательное знакомство с таблицами показало, что в 32 случаях имелось примечание «еще не существует» с указанием необходимой, но еще не внесенной суммы. В аналогичной таблице по Подольской губернии из перечисленных 52 школ существовало в действительности лишь 11. Остальные школы планировалось открыть в начале 1812 г.³¹

Подводя итог развитию школьного образования в период неутомимой деятельности Т. Чацкого и признавая огромные успехи Кременецкой гимназии (о которой еще пойдет речь), следует сказать, что именно благодаря Чацкому польская национальная и шляхетская идея на Украине достигла своего апогея. В то же время необходимо признать, что в случае Чацкого мы имеем дело с определенным свойством патриотизмом, который отвечал тону петиции 1808 г. Волынского шляхетского собрания к царю, проана-

лизированной нами в предыдущей главе. Свидетельством тому — скупые взносы в образовательный фонд, отказ от ревизии бывших иезуитских владений, а также повсеместная барщина, которую в 1809 г. Чарторыйский пытался отменить³², — все это лишний раз указывает на то, что шляхта главным образом стремилась к жесточайшей эксплуатации своих крепостных и извлечению прибыли из имений. Этому сопутствовала также ее убежденность в собственном превосходстве над русскими.

Во время войны с Наполеоном неожиданно появился новый самозванный инспектор, который переместил центр политического тяготения землевладельческой шляхты, сумев очень быстро убедить ее в преимуществах, которые могут ниспасть на нее, обрати она свои взоры к русской идее.

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ УКРАИНЫ И ШЛЯХЕТСКИЙ ПАТЕРНАЛИЗМ

В Петербурге все большее влияние стали приобретать мнения «истинных русских». Провозглашенные в 1802—1803 гг. просветительские идеи ушли в небытие, как только стало ясно, что их воплощение Сперанским может быть опасным для самого дворянства. Карамзин, который в начале царствования Александра I с энтузиазмом приветствовал рождение новой школьной системы, в 1811 г. в «Записке о древней и новой России» присоединился к консерваторам и заявил о необходимости покончить с энциклопедизмом: «Доселе в самых просвещенных государствах требовалось от чиновников только необходимого для их службы знания: науки инженерной — от инженера, законоведения — от судьи и проч. У нас председатель Гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский — свойство кислорода и всех газов. Вице-губернатор — пифагорову фигуру, надзиратель в доме сумасшедших — римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками»³³. Подобное проявление иронии в отношении просветительских идей объясняется страхом перед возможным подъемом в России разночинцев, которых подозревали в распространении ужасного французского духа. После того как в апреле 1810 г. министром народного просвещения стал А.К. Разумовский, полностью находившийся под влиянием обскурантистских идей Жозефа де де Местра, который буквально засыпал его своими текстами³⁴, уже в августе 1810 г. был основан Царскосельский лицей. С открытием этого элитарного учебного заведения для дворян намечился существенный перелом в образовательной системе, основы которой были заложены в 1803 г.

Через год, 26 августа 1811 г., министр внес очередную поправку в оригинальную концепцию автономного мира ученых и преподавателей, вернув зажиточной шляхте возможность интересоваться деятельностью школ. Речь шла о том, чтобы, согласно идее Местра, не оставлять преподавания

в руках «педантов из коллегийумов». Разумовский указывал на якобы царящее в мелких городах предвзятое мнение о тех, кто не умел делать ничего, кроме как преподавать, и был известен лишь в научных кругах. По его мнению, директора школ, не занимающие высоких чинов и не имеющие земельной собственности, редко пользовались уважением, что вредило школам. Если бы, напротив, директора школ назначались из числа землевладельцев, это вернуло бы доверие дворян к этим учреждениям, а общественность благосклоннее бы отнеслась к учебе. Однако такое решение привело бы к тому, что большая часть директоров потеряла бы занимаемые должности. Именно поэтому было решено дополнительно избирать почетных директоров, которые бы отвечали перечисленным критериям³⁵. Такое явное пренебрежение к ученому сообществу в России (в шляхетской среде Украины такое отношение было известно и ранее) противоречит мнению Алена Безансона, который считает, что интеллигент, в русском значении этого слова, пользовался уважением, поскольку был явлением редким³⁶. Еще в 1804 г. Виленский университет отверг предложение Т. Чацкого об участии предводителей шляхты в школьной жизни (а именно об их присутствии во время ежегодных экзаменов во всех уездных школах). Теоретически в «польских губерниях», по сравнению с остальной частью империи, не было необходимости в подобной патерналистской опеке помещиков над школами, поскольку кроме нескольких иностранцев все преподаватели (500—600 человек) уездных школ и гимназий Виленского учебного округа были по своему происхождению шляхтичами. Как правило, они принадлежали к бедной шляхте, однако сам факт их происхождения должен был в достаточной степени гарантировать то, что обучение велось ими в духе шляхетской солидарности и добродетели. Патерналистские устремления в очередной раз указывают на существовавшую разьединенность шляхетского сословия. О шляхетском происхождении «педагогического состава» было забыто, преподаватели же воспринимались крупной шляхтой как отдельная небольшая группа, живущая по собственным законам. Половина этой группы состояла из монахов (среди которых наиболее обеспеченными, как мы видели, были базилиане), другая половина (около 100 учителей во всех трех губерниях) в условиях отсутствия на Украине разночинцев могла показаться необычной. Эта малочисленная группа представляла собой зачаток шляхетской интеллигенции. В своем стремлении вернуть былой блеск шляхетской идее она обратилась к совершенно новому, а потому не поддающемуся контролю оружию — знанию и оплачиваемой профессиональной компетентности.

Беспокойство волынской шляхты, а также властей, вызванное появлением этой небольшой группы, было ловко использовано графом Филиппом Плятером, который, несмотря на еще большую, чем у Чацкого, при-

верженность барочному, бесшабашному, стилю поведения, настолько сумел угодить властям, что на протяжении 1818—1824 гг. оставался в должности вице-губернатора этой губернии.

После смерти Чацкого в феврале 1813 г. Плятер не стал акцентировать роль Кременецкой гимназии в качестве оплота польской культуры, однако приложил все усилия для того, чтобы она стала восприниматься как социально важное явление, идеальный образовательный центр для людей благородного происхождения в противовес серости и ограниченности университетского мира. Через пять лет Кременецкая гимназия приобрела статус лицея, т.е. была приравнена к Царскосельскому лицей и предназначалась для обучения главным образом польской аристократии на Украине.

Подобное отличие со стороны властей свидетельствовало о решительности действий волынской землевладельческой элиты, лучшие представители которой входили в дворянское собрание и образовательную комиссию. В начале войны с Наполеоном эта группа воспользовалась временной опалой попечителя Чарторыйского, чтобы наладить непосредственные контакты с Петербургом, что выглядело вполне естественно, поскольку в конце июня 1812 г. французы оккупировали Вильну. Еще при жизни Чацкого Плятер посчитал возможным проинформировать Разумовского о предусмотренных местной шляхтой планах по эвакуации гимназии. Приняв это во внимание, министр разрешил молодому графу обращаться к нему, как он писал, «droitement» — напрямую (переписка велась по-французски), что дало основания Плятеру надеяться на удачную карьеру в будущем. После смерти Чацкого он при поддержке «сограждан» не колеблясь предложил себя на должность инспектора — в противовес предложенной Чарторыйским кандидатуре князя Дмитрия Четвертинского из Подольской губернии³⁷.

Хотя официально Плятер не был утвержден в должности инспектора трех губерний, однако он и в дальнейшем пользовался поддержкой министра Разумовского в оказании давления на Чарторыйского, для которого становилось все более очевидным, что возвращение на должность попечителя Виленского учебного округа потребует от него отказа от исповедуемых им до 1812 г. идей. В условиях создания Священного союза все большее влияние на Чарторыйского с 1815 г. начали оказывать волынские консерваторы, которые предпочли идеи Ж. де Местра просветительским идеям и планам Комиссии национального просвещения.

Шляхетские покровители просвещения решили не откладывать в долгий ящик открытия гимназии в Подольской губернии. И хотя в 1812 г. им вновь удалось найти причину для отклонения кандидатуры директора, предложенной из Вильны для Винницкой гимназии, в 1814 г. они согласились на кандидатуру пиара Мачеёвского. Он был известен тем, что ради

женитьбы снял с себя монашеский обет, а затем, бросив жену, вернулся в монастырь. Во время войны с Наполеоном ему удалось заручиться поддержкой русских в Белостоке. Открытие гимназии положило конец монополии Кременца как единственной польской гимназии на Украине и значительно облегчило диалог с Петербургом. Отныне шляхта могла заботиться о защите и расширении своих привилегий, якобы узурпируемых «ученым сословием».

В идеале было желательно если не ликвидировать, то максимально ограничить деятельность местной Комиссии образования с целью прекращения пересмотра статуса прежних иезуитских имений. Об этом сразу после смерти Чацкого Плятер и сообщил Чарторыйскому в письме от 11 февраля 1813 г., предлагая сократить состав Комиссии до трех членов и трех секретарей, сделав эти должности пожизненными, и предписать им заниматься не проверкой взятых ранее обязательств, а распределением получаемых средств, административным надзором за преподавательским составом и школьными программами, — до этого времени это было прерогативой директоров школ (например, в Кременце верным исполнителем пожеланий Виленского университета был директор Счиборский*). Кроме того, Плятер настаивал на контроле за средствами специальной комиссии землевладельцев, куда, обратим внимание на формулировку, «избирались бы граждане, не только компетентные, но и владеющие поместьем, защищающим их добродетели». Будучи владельцем 1600 крепостных душ, Плятер посчитал себя достаточно добропорядочным для членства в этой комиссии. Кроме себя он предложил также кандидатуры графов Жевуского и Мошинского³⁸.

Несмотря на то что Плятер не был утвержден в должности инспектора, 20 августа 1813 г. он выслал Разумовскому длинный отчет о состоянии школьного образования, который был насквозь пропитан прежним духом золотых шляхетских вольностей. В нем были высказаны предложения о перемещении и награждении преподавателей, о проведении обязательного обучения православных священников в польских школах (эта неудачная идея уже высказывалась ранее и на этот раз серьезно расстроила министра), о возвращении к проекту превращения Кременецкой гимназии в университет. Последняя идея станет основой всей деятельности Плятера³⁹. Для достижения этой цели необходимо было предпринять ряд шагов. Их несколько примитивный и ритуальный характер не должен заслонить от нас ни серьезность делаемой ставки в игре за сохранение культурного доминирования, ни тот факт, что волынские помещики, которые вскоре подадут на имя царя вторую обширную петицию (см. предыдущую главу),

* Возможная транскрипция фамилии — Счиборский. (Прим. пер.)

видели в этом возможность реализации своих амбиций, ограничиваемых царскими властями.

Одна из навязчивых идей аристократии заключалась в убеждении, что тот, кто дает деньги, тот и волен поступать, как ему вздумается. Мысль же о труде во имя всеобщего блага не была распространена в этих кругах. Несмотря на то что, согласно школьному уставу 1803 г., касса Кременецкой гимназии доверялась под личную ответственность ее директору Счиборскому и хранилась под двумя замками, ключи от которых должны были находиться у двух учителей, Филипп Плятер в марте 1814 г. просто-напросто конфисковал ее и передал Волынской образовательной комиссии, избранной из числа «граждан».

Таким образом, директор Кременецкой гимназии превратился в исполнителя воли местных помещиков. Бурные протесты со стороны Яна Снядецкого из Вильны в связи с произошедшим переворотом ни к чему не привели. Впрочем, Снядецкий, давший согласие занять пост министра просвещения во Временном правительстве Наполеона в Литве, особого влияния уже не имел, его дни на занимаемой должности были сочтены. «Дух приверженности к собственной группе всегда был слабым местом ученого сословия, опыт веков и свидетельства истории подтверждают эту грустную истину и указывают на потребность создания комитетов, согласно обширному проекту, который я имел честь вручить Вашему Сиятельству в 1813 г.», — писал Плятер министру Разумовскому⁴⁰. «Комитеты», о которых шла речь в этом «обширном проекте», вскоре назовут «наблюдательными советами».

Заметив в 1814 г., что позиция Чарторыйского вновь упрочилась, Плятер стал часто обращаться к нему в связи с проектом, сообщая, что собирается публично защищать его в Петербурге, а также на шляхетском сеймике (он продолжал так называть дворянское собрание)⁴¹. Торжественный стиль речей секретаря Волынской комиссии Ф. Рудзского на этом собрании — свидетельство тому, насколько интенсивно в Житомире использовали негативный образ «ученых», угрожавших стабильности общества: «Суровое поляки несут наказание за то, что Правительство края безразлично к общественному образованию и полностью отдало его в руки преподающих. Это сообщество свыше двух веков держит его в своих руках, используя его лишь как средство для собственного развития и вовсе не ради общих потребностей и пользы всего народа [речь идет о шляхетской нации. — Д.Б.]»⁴².

15 ноября 1814 г. Плятер сообщил Чарторыйскому, что министр заверил его в скором создании университета в Кременце и пригласил разработать проект. Он прибавил, что опасается зависти со стороны Вильны и ожидает возвращения Александра I из Парижа. Этот проект, полный ам-

бициозных планов, в начале 1815 г. был представлен Разумовскому⁴³. В нем шла речь о превращении Волынской гимназии не в университет, как планировалось ранее, а в Кременецкий лицей. Такое решение в большей степени отвечало пожеланиям министра и его друга Ж. де Местра о высшем образовании элиты в закрытых учебных заведениях. Подтверждением ответственности таких мероприятий стало создание Нежинского лицея графа А. Безбородко на Левобережной Украине и Одесского лицея герцога де Ришелье.

Для достижения своей цели Плятеру еще пришлось вести долгие споры с Виленским университетом и оказывать давление на Чарторыйского. Используемые для достижения цели методы в полной мере представляют характерные черты шляхетской ментальности. Директор гимназии Счиборский, обнаружив «дыру» в бюджете в 12 тыс. рублей ассигнациями, осмелился послать в Вильну критические замечания о прежнем и нынешнем состоянии финансов Комиссии по всем трем губерниям. Разгневанный Плятер направил Разумовскому письмо с просьбой сделать выговор этому наглецу, посягнувшему на святое, не знавшему, что счета — это не барское дело, а слово «гражданин» является достаточным залогом доброй славы в Кременце. Кроме того, Плятер добавил, что все это — следствие заговора учителей и что директором манипулируют трое братьев Яковских, «терроризирующих ученое сословие». Плятер считал, что именно ему следовало поручить подготовку бюджета, а в конце добавил, что «Иосиф II вполне справедливо заметил, что предпочитает командовать четырьмя армиями, чем двумя учеными»⁴⁴.

Чарторыйский, все еще не утвержденный на должности попечителя (это произойдет после прихода в министерство Голицына), в конечном итоге был поражен активной деятельностью волынских «граждан». В декабре 1815 г., не имея никаких полномочий, кроме поддержки шляхетского собрания, Плятер заявил учащимся и преподавателям Кременца, что отправляется со своим грандиозным проектом в Варшаву, чтобы убедить в его целесообразности князя Чарторыйского. Своим «заместителем» он назначил графа Р. Стецкого, а с собой взял преподавателя Лучинского, приятеля графа Яна Потоцкого, писателя-эрудита, который всеми фибрами души ненавидел Виленский университет. Плятер успел перед отъездом произнести панегирик в честь дворян, членов Волынской комиссии, и заявил, что будет просить Петербург представить их к награждению крестом Владимира третьей степени или Анны второй степени. В ответ на просьбу министр ответил, что предпочел бы для начала увидеть ясные счета.

Ясности, а точнее, укрытия имевшихся злоупотреблений можно было достичь, лишь отдалив от управления педагогов. Профессор Малевский, которого направили из Вильны в мае 1816 г. изучить состояние волынских

школ, был глубоко удивлен увиденным — на губернском шляхетском собрании «граждане» собирались голосовать за распределение фондов, за их официальное изъятие из подчинения представителя университетского опекунского совета и за снижение процента отчислений на образовательные цели из бывших иезуитских имений.

Защитники духа Просвещения, которые еще оставались в Виленском университете, выступили против возвращения к анахронической системе управления, «которая привела к гибели страны», и против «возвращения к прежней польской анархии», однако их уже некому было слушать — Чарторыйский встал на путь, указанный Священным союзом⁴⁵.

Куратор действительно согласился принять 23 сентября 1816 г. в Варшаве делегацию волынских шляхтичей в составе Плятера, Яблоновского, Стецкого и Феликса Чацкого. Делегация пыталась убедить князя в том, что работа законодательной комиссии близится к завершению и что теперь ее следует заменить губернскими «наблюдательными советами», т.е. шляхетскими выборными органами по управлению школами, но при этом не раскрывать полностью сути их деятельности, чтобы не вызвать протестов со стороны преподавателей. В начале 1817 г. секретарь комиссии Рудзкий, желая создать у Чарторыйского более благоприятное впечатление перед тем, как тот лично на месте проверит условия превращения Кременецкой гимназии в лицей (это название тогда впервые было использовано Рудзким), подготовил и выслал ему несколько докладных записок, в которых давал разъяснение относительно того, на каких условиях шляхта собиралась приватизировать это среднее учебное заведение. Делами прежнего Фонда национального просвещения могли отныне интересоваться лишь казенные палаты, т.е. государство, деятельность же Кременецкого лицея теперь должна была находиться в ведении выборных наблюдательных советов. Подчеркивалось, что не стоит и невозможно более заниматься поиском следов прежних иезуитских владений, поскольку все незаконные присвоения подпадают под действие права давности. Одновременно с этим был представлен проект, не менее масштабный, чем во времена Чацкого, а в сущности, фантастический для городка, где не было мощеных улиц. Планировалось расширить библиотеку, обустроить разные лаборатории, построить больницу, ветеринарный институт, механическую мастерскую, новый манеж и конюшни, пансионат, уездную школу, уже давно планируемую школу гувернанток, создать кафедры архитектуры, акушерства, хирургии, тригонометрии и астрономии⁴⁶.

В 1817 г. Чарторыйский, приехав в Вильну, объявил о создании дирекции школ в составе четырех профессоров. Однако поездка его несколько разочаровала, он убедился в обоснованности критики со стороны шляхты с Украины. В апреле 1818 г., после Варшавского сейма, который стал одно-

временно вершиной и концом несбыточных обещаний Александра I об объединении Царства Польского с «польскими» губерниями империи и на котором Чарторыйскому удалось сказать царю несколько слов о намерении создать в Кременце лицей⁴⁷, князь сразу же уехал на родную Украину. Он провел там все лето 1818 г., после того как сочетался браком в возрасте 47 лет с восемнадцатилетней Анной Сапегой. Решив лично ознакомиться с состоянием школьного образования, Чарторыйский посетил не только несколько уездных, но даже приходские школы в Луцке, Ворончине, Любаре, Волосовке, Махновке, Житомире и Виннице, оставив в журналах трех губерний замечания о методике преподавания, предметах, которые следует развить, и т. п., а также заехал в Меджибож, чтобы посетить учрежденную им в одном из своих дворцов уездную школу, однако застал там только учителей, ученики были на каникулах⁴⁸. Путешествие князя Адама сопровождалось светскими встречами, все известные семьи спешили предстать перед человеком, которого еще было принято считать близким другом царя. По всей видимости, внимание местных помещиков очень льстило князю, о чем он не преминул сообщить своему старому отцу: «Много граждан собралось здесь. [...] Кроме того, князь Евстахий [Сангушко. — Д.Б.], кое-кто из уездных маршалков и даже губернатор генерал Гижицкий провели здесь несколько дней. Это собрание дало нам случай организовать многочисленные балы, на которых моя жена много танцевала»⁴⁹.

Длительное пребывание Чарторыйского на Украине сыграло решающую роль в подготовке превращения Кременецкой гимназии в элитарное заведение согласно пожеланиям землевладельческой шляхты и в духе требований Петербурга. Впоследствии, уже в эмиграции, выпускники лицея, ежегодно с 1837 г. собиравшиеся на т.н. Кременецкие вечера (*Biesiada Krzemieniecka*) в одном из изысканных парижских ресторанов, будут постоянно подчеркивать исключительность и элитарность Кременецкого лицея, а также вспоминать известных кременчан, таких как Юзеф Джевецкий, участник восстания Т. Костюшко, или командующий Придунайским легионом Кароль Князевич, избранный предводителем шляхты Кременецкого уезда. Эту апологетическую традицию в 2003 г. продолжил Рышард Пшибыльский, издав упоминаемую нами ранее книгу.

Князь принял решение, несмотря на протесты Виленского университета, об увольнении упрямого директора Счиборского, а также других неговорчивых преподавателей и осуществил давнюю мечту Разумовского, создав в 1811 г. институт почетных директоров, и нашел идеального директора для лицея. Им стал крупный волынский землевладелец и известнейший поэт и драматург польского классицизма Алоизий Фелинский, автор гимна в честь годовщины провозглашения Царства Польского Александром I. Этот гимн лег в основу знаменитой песни «*Boże coś Polskę*» (Боже,

храни Польшу). Фелинский, как и Ян Потоцкий, будучи знатоком литературы и искусства, в то же время располагал крупным состоянием, что делало его идеальным кандидатом на должность директора с точки зрения польских помещиков, желавших контролировать школьное образование. У него не было ученой степени, но для Европы, где вновь на троны возводили королей, для России, где царил Аракчеев, и для Волынской губернии с Филиппом Плятером во главе это было скорее преимуществом, чем изъяном. Чарторыйский безуспешно пытался убедить профессоров Виленского университета в том, что благодаря такому человеку к должности директора лицея будут относиться с большим уважением, чем если ее займет скромный университетский ученый⁵⁰.

Итак, все было готово к преобразованиям, отвечавшим духу шляхетской элиты: 4(16) декабря 1818 г. Александр I подписал указ о создании Кременецкого лицея, в котором говорилось, что подписанный царем акт от 29 июля 1805 г. относительно гимназий в Волынской губернии не принес ожидаемых результатов и что Волынская, Киевская и Подольская губернии находятся в удалении от Вильны и в обязательном порядке нуждаются в учебном заведении высшего типа, которое могло бы, хотя бы частично, заменить университет для дворянской молодежи. В связи с этим было приказано переименовать гимназию в лицей и как можно скорее заняться претворением в жизнь этого распоряжения на основании подготовленного устава и фондов, выделенных на образование⁵¹.

Претворение в жизнь, как оказалось, требовало времени. Удалось изменить лишь название, а устав лицея, подвергшийся серьезному редактированию, по разным причинам так и не был утвержден. Одной из основных причин было отсутствие на месте попечителя Чарторыйского. Считая вопрос решенным, он уехал на два года показывать молодой жене Европу. В свою очередь, профессура Виленского университета приступила к контратаке. В Российской империи между тем начинался период реакции (в 1818 г. Киевская губерния была выведена из-под опеки Виленского университета), и властям становилось все более понятно, что инициатива волынской шляхты, хоть и подчеркивающей свой аристократизм, все-таки является поддержкой польской идеи. Кроме того, вскоре после своего назначения Фелинский умер, что глубоко огорчило Чарторыйского. Когда же князь вернулся, было уже слишком поздно.

Проект устава лицея действительно был направлен против зарождавшейся и немногочисленной интеллигенции. Чарторыйский, который когда-то был ярым поборником идей Просвещения, теперь поддерживал предложения Рудзкого. Лицей был полностью передан в ведение попечителя, связь с Виленским университетом ограничивалась ежегодными отчетами «для сведения». Поскольку средства поступали только от одного

мещената, контроль, и не только в финансовой сфере, за функционированием лицея, как и предусматривалось, был возложен на попечительский совет, трех членов которого должны были избирать на дворянском собрании. Таким образом, грубо нарушались принципы работы собраний, определенные Жалованной грамотой Екатерины II, не говоря уже о нарушении принципов народного просвещения, провозглашенных в 1803 г. Совет в уезде должен был возглавлять почетный директор (Джевецкий), а также два духовных лица, определяемых луцким и каменецким католическими епископами. Тем самым был положен конец светским тенденциям в образовании, унаследованным от польской Комиссии национального просвещения 1773 г. Избираемые на трехлетний срок, члены комиссии должны были собираться четыре раза в год для одобрения решений о приглашении, назначений и освобождения от должности преподавателей, кроме того, они могли вносить изменения в программы и перечень дисциплин. Преподаватели лишались инициативы и превращались лишь в исполнителей, которые получают плату и слушаются приказов своих щедрых добродетелей⁵².

Министр А. Н. Голицын представил достаточно много дополнительных замечаний по этому проекту. Это было связано с наступившим периодом крайних ограничений в распределении рангов и чинов (о чем еще пойдет речь). Власти не могли смириться с мыслью, что Кременецкий лицей будет сам присваивать степень студента или кандидата, так как опасались перепроизводства носителей чинов, связанных с этими академическими степенями. Голицын также не мог согласиться с давним желанием лицея самому, без помощи из центра, заниматься цензурой публикаций на Украине, кроме того, он хотел довести до конца расследование дел по присвоению бывших иезуитских владений.

Борьба, которую вели как окружение Филиппа Плятера, так и сам Чарторыйский до 1824 г., т.е. до момента, когда волынские и подольские учебные заведения официально были переподчинены Харьковскому университету, положив тем самым конец культурным амбициям поляков, лишь указала на существование тупиковой ситуации, возникшей в результате столкновения двух сил: с одной стороны, силы незыблемого сословного общества, привыкшего подчиняться приказам, и новой силы, в основе которой лежало знание.

В 1821—1822 гг. авторы волынских проектов с помощью Рудзкого, неутомимо писавшего письма то попечителю, то министру просвещения, пытались преодолеть отрицательное отношение Вильны к предпринимательским инициативам. Обвиняемые Вильной в увекочечении польской анархии, активнейшие члены Житомирского дворянского собрания, напротив, представляли себя в роли достойных наследников Комиссии националь-

ного просвещения 1773 г. В обширных обращениях они доказывали, что действовали точно так же, как и их предки, которые заботились о сохранении свободы шляхетского сословия и бескорыстные «гражданские» чувства которых польское правительство так и не оценило. Рьяное выставление себя в роли единственных защитников гражданских добродетелей было своего рода защитой, которая, как оказалось, предвосхищала пока еще малозаметную, но уже предвидимую угрозу со стороны воспитанников школ, которые, проникшись мировоззрением своих учителей, станут действительно угрожать в 1823—1824 гг. существовавшей системе, в основе которой лежало благородство происхождения.

В это время «граждане» еще продолжали считать, что только они могут сохранять и развивать единственную оставленную в их распоряжении сферу управления — образование. В ответ на просьбу Голицына от 12 января 1821 г. представить наконец план решения вопроса о прежних иезуитских имениях волынские комиссары 4 ноября 1821 г. выступили с защитной петицией, в которой выразили *nec plus ultra* аристократический тезис об обязательном контроле за образованием. В качестве необходимого условия для предотвращения тревожного развития «духа корпоративности» среди представителей университетов авторы документа настаивали на том, чтобы признать любые притязания утратившими силу за истечением срока давности и подтвердить права нынешних владельцев. Подписавшие это обращение заявляли, что не понимают, почему им запрещается вмешиваться в учебный процесс, тогда как всеми царскими министрами просвещения этот принцип отстаивался. Правда, у «граждан» не было дипломов, но разве они не были всесторонне образованы? Профессура, стремящаяся стать отдельной кастой, по мнению «граждан», отличалась спесью и высокомерием. Вместо того чтобы во главе кафедр поставить профессоров из числа честных дворян, Виленский университет предпочел «заполнить их заурыдными лицами, но зато избранными среди своих [...]», правительство, беспокоящееся о нуждах края, должно осознать необходимость поручить специальным органам контроль за учреждениями, занимающимися преподаванием и воспитанием. Поскольку местные дворянские институты сохранили свои прерогативы в судах и старательно [?! — Д.Б.] их исполняют, то представляется ненормальным то, чтобы Министерство народного просвещения было лишено их помощи». Далее в документе проявилось пренебрежительное отношение к «ученым»: «В нынешней ситуации единственным в южных губерниях исполнителем всего, что касается образования, является университет; он действует через своих членов, которые одновременно занимаются также контролем, то есть он является и судьей, и ответчиком [...]. Практически невозможно, чтобы такой орган, в который входят лица, занятые исключительно научными теория-

ми, и в результате этой особенности неспособный детально разобраться в потребностях края, мог приспособить образовательную систему к общественной жизни и точно оценивать результаты собственной деятельности».

Отвергавшее идею карьеры на основании заслуг, польское благородное сословие на Украине было крайне далеко от понимания мятежных настроений, охвативших шляхетскую молодежь Вильны, которая, подобно оппозиционным движениям в Европе, создавала тайные союзы и общества (правда, в процентном отношении в них состояла небольшая группа учеников и студентов). Единственное, о чем мечтала земледельческая шляхта — это возможность выделения шляхетской элиты в отдельную группу в рамках Российской империи; она обольщалась надеждой, что Петербург позволит ей подобную изоляцию. Стремясь контролировать воспитание подрастающих поколений, «граждане» надеялись не только сохранить свои помещичьи привилегии и судебную власть, но и считали, что принимают участие в политической борьбе Священного союза против революционной гидры: «Подобное взаимовыгодное сотрудничество могло бы предотвратить возникновение ситуации, которая в настоящее время сложилась в Европе, везде, где Отцы Семейств и Граждане лишены какого-либо влияния»⁵³.

Виленский университет, проинформированный о претензиях волынской земледельческой шляхты (министр просвещения не без удовольствия наблюдал за нараставшим конфликтом между Вильной и Кременцом, которым он не преминул воспользоваться, хотя и совсем в ином, чем хотела шляхта, ключе), дал резкий ответ, поставив под сомнение дух «гражданства» помещиков. Профессора Виленского университета представили педагогическое сообщество не как вредное исключение в сословном обществе, а как истинного учителя народа (в этом случае речь шла не только о шляхте) и смело отвергли идею верховенства шляхты⁵⁴.

Если бы попечитель Чарторыйский присутствовал во время этой теоретической дискуссии, имевшей огромное значение, он, скорее всего, принял бы сторону шляхты, судя по тому, что, отправляясь в 1819 г. в длительное путешествие, он оставил почетным директорам рекомендации, свидетельствующие о его новом убеждении в необходимости привлечения помещиков к обучению, как в материальном, так и воспитательном и педагогическом плане. Отказ Чарторыйского от просветительских идеалов в данном случае проявился с наибольшей очевидностью. Он писал, что прежде всего следует заботиться о том, чтобы школы, центры науки и гражданского духа, стали также центрами религиозности и хороших обычаев. Следовало, по его мнению, поддерживать тесные связи с местным духовенством. Кроме того, князь, который раньше был ярым поборником идей Просвещения,

заявлял, что морального юношу всегда необходимо ставить выше хорошего ученика. Он высказывался за то, чтобы воздвигнуть плотину перед волной деморализации, с которой в то же время боролись царские власти. Обычные директора и преподаватели казались ему слишком неблагонадежными для того, чтобы доверить им искоренение зла, тогда как почетные директора, о добродетели которых можно было судить по их состояниям, должны были стать защитниками не только веры, но и социальной стабильности. А в этом нуждался не только Кременецкий лицей, но и другие школы, куда чиншевая шляхта зачастую посылала своих сыновей. Чарторыйский писал, что к основным причинам смуты в крае следует отнести неразумное стремление выбиться в люди и пренебрежение детей к социальному статусу родителей, что, к сожалению, было характерно для всей польской молодежи (необходимо подчеркнуть, что на тот момент еще не было раскрыто ни одного тайного общества ни в школах, ни в университете). Хорошее воспитание дается дома под присмотром родителей. Но насколько может быть воспитан ребенок, если его учат презирать положение родителей, их способ мышления и поведения? Чарторыйский, не видя необходимости перечислять досадные последствия таких настроений, подчеркивал, что почетные директора сами смогут решить, насколько важно, чтобы, изучая необходимые предметы, ученики не почувствовали недовольства своим положением, чтобы они утвердились в мысли, что тот, кто поднимется выше данных ему возможностей, тем самым уготовит себе тяжелое и тревожное будущее. Учеба же должна была, по его мнению, прежде всего готовить к надлежащему исполнению отведенной каждому сословию роли и обязанностям, которые ему присущи⁵⁵.

Видение образовательной системы польской землевладельческой шляхтой Украины совпадало с эволюцией образовательных идей во всей империи. Отметим, что директивы Чарторыйского совпадали с образовательной политикой Голицына и предсказывали формулу А.С. Шишкова 1824 г., считавшего, что «науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет». Тем не менее польская шляхта на Украине и в Литве отныне уже не могла сохранить автономию в области культуры, которой до этого времени пользовалась, поскольку национальный фактор в новых условиях становился препятствием. В 1824 г. Чарторыйский предпринял последнюю попытку добиться утверждения устава лицея для Кременецкой гимназии, но, несмотря на то что он указывал на царящее спокойствие среди учеников гимназии по сравнению с политическими волнениями в других заведениях учебного округа (особенно в Вильне), попытка оказалась безуспешной⁵⁶. Чарторыйский был от-

странен от исполнения обязанностей попечителя Виленского учебного округа, а контроль над всеми польскими учебными заведениями Украины был передан Харькову. Они продолжали пока оставаться польскими, а после 1830 г. полностью подверглись русификации.

Тем не менее необходимо отметить огромную роль развития сети школ в изучаемом регионе. Протоинтеллигенция, которую так готовно поддерживали до 1815 г., а затем столько же усердно подавляли на протяжении 1820-х гг., продолжала свое развитие, начиная серьезно угрожать старым сословным структурам. Когда в 1828 г. С.Г. Строганов задумал еще в большей степени приобщить дворянство к контролю за школами империи, Сперанский, который вновь был в милости и, более того, стал опорой режима Николая I, в красноречивой форме предостерег от подобных шагов. Он указал на то, что дворянство, несомненно, может во многом оказаться полезным, но при условии исключения из этого процесса Дерптского и Виленского учебных округов в связи с характером существующих там институций и «чрезмерной» склонностью жителей соответствующих губерний к образованию⁵⁷.

ШЛЯХЕТСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ: ОКНО В ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО ИЛИ ТУПИК?

Итак, чрезмерная склонность к образованию становилась тревожным фактом, нарушавшим культурное, социальное и столь хрупкое национальное равновесие в Российской империи. Власти не могли этого не замечать.

По состоянию на 1809 г. в пяти учебных округах (Петербургском, Московском, Харьковском, Казанском и Виленском) в 32 гимназиях училось 2838 учеников, из которых почти половина, а именно 1305, проживала в Виленском учебном округе. В 126 уездных школах насчитывалось 12 839 учеников, из них больше половины, а именно 7322, находилось в ведении Виленского университета. В 1824 г. относительный вес «польских губерний» снизился, однако в их начальных и средних школах обучалось 22 720 человек, что составляло 30,2% от всех учащихся империи и почти вдвое превышало количество учеников в наиболее (из всех остальных) крупном Харьковском учебном округе (12 660 учащихся)⁵⁸.

Среди польских средних учебных заведений школы на Правобережной Украине отличались своими размерами. Начиная с 1810 г. Кременецкая гимназия, впоследствии лицей, стала самым крупным учебным заведением Виленского учебного округа. До присоединения к Харьковскому учебному округу количество учащихся с 1805 по 1822 г. возрастало следующим образом:

1805 — 280
1806 — 422
1807 — 434
1808 — 404
1809 — 413
1810 — 612
1811 — 693
1817 — 519
1818 — 545
1819 — 567
1820 — 630
1821 — 678
1822 — 685

Три из пяти крупнейших польских учебных заведений находились на Правобережной Украине: гимназия в Виннице и школы базилиан в Баре и Любари (к ним следует отнести также переданную в 1818 г. в ведение Харьковского учебного округа школу в Умани, где польский язык преподавался до 1830 г.), в которых в зависимости от года обучалось от 400 до 500 детей. Уездная школа Межирича в 1822 г. насчитывала от 300 до 400 учеников, в других учащихся было гораздо меньше. В Житомире, Луцке, Теофильполе, Владимире, Каменце, Меджибоже училось по 100—200 учеников, а в Клевани, Домбровице и Олыке — менее ста. Общее количество учеников в польских учебных заведениях Правобережной Украины выглядело следующим образом:

Губерния	1803	1808	1816	1822
Волынская	1571	1978	2070	2673
Подольская	1621	1397	1728	1461
Киевская	605	762	569	—
Всего	3797	4137	4367	4134 (примерно 4700 вместе с Киевской губернией)

Среди всех восьми «польских губерний» Волынская занимала второе место по количеству учащихся (20,5%), на Подольскую губернию приходилось всего 10%. Иной была ситуация в Виленской губернии, ставшей на протяжении 1803—1831 гг. крупнейшим учебным центром Российской империи (1808 г. — 300, 1824 г. — 900, 1830 г. — 1300 учащихся), намного опережавшим Московский и Дерптский учебные округа. Однако среди студентов здесь было немного выходцев с Правобережной Украины —

например, в 1822/23 учебном году на 825 виленских студентов приходилось лишь 6,66% выходцев из Волынской губернии, 3,51% — из Подольской и 2,06% — из Киевской.

Не вдаваясь в подробный анализ содержания учебных программ, стоит все же отметить, что чрезмерная склонность к образованию, на которую обратил внимание Сперанский, свидетельствовала о том, что дети и их родители питали доверие к учебным заведениям и связывали большие надежды с образованием. Подготовка преподавателей и качество учебных программ в целом не вызывали нареканий со стороны аристократов-наставников Кременецкого лицея. Распространенное, хотя и общее понимание идей Просвещения способствовало тому, что в школе видели источник знаний и культуры, необходимых как в повседневной жизни, так и для сохранения собственной идентичности. Несмотря на достаточно поверхностное, «сарматское» восприятие идей Просвещения, в этих землях существовало, особенно среди бедной шляхты, понимание того, что школа обеспечивает социализацию и прививает идеалы, к укреплению которых регион стремился уже более полувека. Хотя планы преподавания прикладных дисциплин остались нереализованными, профессиональная подготовка даже в университете находилась на начальном этапе (медицина, педагогика, богословие), но, несмотря на отмеченные нами трудности, дирекция учебных заведений, подчинявшихся Виленскому учебному округу, вела централизованную подготовку учеников и разрабатывала методики преподавания. Именно эти настроения при благоприятных условиях могли бы повлиять на создание протоинтеллигенции. Впрочем, после 1831 г. некоторые из выпускников станут уже в эмиграции инженерами, врачами, техническими специалистами в разных отраслях, литераторами. Преподавание права, крайне необходимого в условиях модернизации общества, велось в средних учебных заведениях по учебнику Г. Стройновского, излагавшего принципы гражданского воспитания, основанные на «естественном праве». Однако в обществе, где понимание законодательства носило риторический, а не практический характер, а все юридические и судебные должности распределялись по праву рождения, содержание преподаваемого предмета противоречило как устоявшейся польской шляхетской практике, так и российской сословной структуре. Подобным же образом лекции профессора экономики Кременецкого лицея Хоинского, автора учебника, написанного под влиянием А. Смита, Ж.Б. Сэя и Л.Г. Жакоба, готовили учеников хотя бы к теоретическому усвоению мысли об отмене барщины в помещичьем хозяйстве. На занятиях проповедовались идеалы, глубоко отличавшиеся от принятых в семьях учеников. Из стен учебных заведений Правобережной Украины вышли польские поэты Северин Гошинский, закончивший школу в Умани, Юлиуш Словацкий, сын профес-

сора Кременецкой гимназии, которому удалось выразить весь трагизм взаимоотношений польских помещиков и украинских крепостных.

Обратимся вновь к положению дел на Правобережной Украине. Почти все учащиеся учебных заведений Правобережной Украины происходили из землевладельческой или чиншевой шляхты, что было заметным отличием от других школ Российской империи. Здесь не были знакомы со становящейся все более серьезной для российского дворянства проблемой разночинства. Статистические данные за 1826 г. отражают реальную картину происходившей в великорусских гимназиях экспансии разночинцев, в то время как в Виленском учебном округе случаи приема на учебу детей разночинцев были единичны. В учебных заведениях Петербургского, Московского, Харьковского, Казанского и Дерптского учебных округов из 4309 учеников 1691 — это сыновья дворян, включая придворных сановников, остальные были детьми чиновников, купцов, мещан, ремесленников, солдат, православных священников, свободных крестьян и даже нескольких крепостных. В Виленском учебном округе шляхтичей насчитывалось 1952 на 2224 гимназиста. Среди немногочисленных простолюдинов здесь были преимущественно мещане (121 ученик), сыновья священников, скорее всего униатских (65 учеников), и крестьяне (85 учеников), скорее литовские, чем украинские⁵⁹.

Из приведенных данных видно, что у учащихся на территории Виленского учебного округа не было причины опасаться первых шагов, предпринятых в 1811 г. А.К. Разумовским с целью сохранения прежних социальных структур. Согласно § 14 Акта об основании университета (1803 г.) студенты дворянского происхождения, которые только поступили в университет, причислялись к 14-му чину; кандидат на степень магистра равнялся 12-му классу, магистр — девятому, а доктор — восьмому классу. Указом от 11 ноября 1811 г. студенты из податных сословий освобождались от своего статуса только после завершения университетского курса (без указания срока учебы). Как отмечалось в указе, это должно было предотвратить запись на обучение лиц, которые хотели бы избежать подушного оклада и жить «в лени»⁶⁰. После 11 марта 1814 г. борьба с плебейством становится интенсивнее. Разумовский решил отказать в предоставлении звания студента выходцам из податных сословий. Отныне их надлежало считать «вольными слушателями», следовательно, они не получали степени, соответствующей тому или иному рангу. Начиная с этого времени от поступающего в университет требовали в обязательном порядке подтверждения дворянского звания⁶¹.

Ректор Виленского университета Ян Снядецкий выступил с решительным протестом. Он писал: «Подобное распоряжение сократит класс образованных людей [*gens de lettres* — во французском оригинале письма; не-

обходимо отметить, что Снядецкий выделяет эту группу людей. — Д.Б.] и поставит его наравне с низшим классом обитателей края. Университет был вынужден распространить данный указ, который остудит рвение к науке среди учащихся губернии. Отказ от данного закона, который принят, похоже, лишь только для того, чтобы навредить распространению просвещения, и который из-за этого полностью противоречит добродетельным намерениям императора, представляется в высшей степени необходимым»⁶².

В письме к А. Чарторыйскому ректор указывал на то, что положения закона противоречат провозглашенным в 1803 г. принципам: «Всеобщее образование не может быть монополией одного сословия жителей. Человек, который добивается звания благодаря своим знаниям, не может быть внесен в ревизские сказки, поскольку в них не включается даже тот, кто имеет самый низший чин...» Назвав Разумовского «наихудшим врагом человечества», Снядецкий подчеркивал, что страна лишится образованных и талантливых людей, если не будет их искать среди всех слоев населения. Богатые люди, по его мнению, не всегда склонны к учебе, ревизские сказки же несли смерть человечеству и просвещению⁶³.

Снядецкий, конечно, знал, что большинство студентов в его обширном округе принадлежат, как уже отмечалось, к шляхте. Можно ли считать, что его возмущение на самом деле было лишь связано с желанием пойти на принцип? Без сомнения, нет: этот образованный человек, действительно искренне защищая принцип открытости образования для простолюдинов, в то же время понимал, какие последствия может повлечь за собой для учащихся «польских губерний» требование подтверждения своего происхождения.

Массовая дискриминация тех, кого царские чиновники пытались пока еще безуспешно лишить дворянского звания, могла бы разрушить систему школьного и университетского образования в западных губерниях. С точки зрения социальной структуры Российской империи польская чиншевая шляхта представляла такую же опасность, как и разночинцы.

Сохранение права чиншевой шляхты посылать своих сыновей на обучение, возможно, является примером наиболее продолжительного проявления шляхетской солидарности. Именно наличие образования коренным образом отличало беспоместную шляхту от других сословий и в определенной степени способствовало поддержанию ее былого статуса. Вплоть до конца XIX в. количество «худородных шляхтичей» в этих краях приводило царскую власть в ступор: большинство из них закончило учебные заведения еще до Ноябрьского восстания.

В факультетских журналах Виленского университета обращает на себя внимание отсутствие записи о социальном происхождении студентов. Графа для записи о подтверждении благородного происхождения с 1814 г.

вплоть до 1823—1824 г. обычно не заполнялась, а если и была заполнена, то содержала информацию о выдаче свидетельства о происхождении предводителем дворянства одного из уездов. Сложно сказать, насколько данные свидетельства были достоверны. Иногда встречается запись о необходимости представить подтверждение происхождения, но, очевидно, никто никогда не представлял таких документов. В 1820/21 учебном году лишь 75 студентов из 651 представили требуемые документы. Но даже впоследствии, после 1824 г., вопрос о достоверности этих документов, тогда уже представляемых значительно чаще, остается открытым.

Исходя из того, что нам известно о стремлении предводителей шляхетских собраний Волыни ограничить доступ к образованию кругом избранных и оказать давление на «класс образованных людей», представляется очевидным, что Кременецкая гимназия, называемая впоследствии лицеем, отличалась избранностью состава учащихся по сравнению с другими учебными заведениями. Впрочем, условием превращения гимназии в лицей была ее «элитарная чистота», о которой заботились как Голицын, так и Чарторыйский. В 1817 г. последний выразил удивление в связи с тем, что среди 519 учащихся лицея было пятеро юношей из податных сословий. Директору Счиборскому пришлось оправдываться и предъявить доказательства того, что сам городничий освободил этих мещанских детей от подушной подати, благодаря чему они получили право поступления в Кременецкий лицей⁶⁴.

Зато в остальных школах Украины, вне всякого сомнения, учились дети обедневшей или безземельной шляхты, которые надеялись благодаря образованию выбиться в люди. В подробном отчете за 1824 г., составленном попечителем К. Монюшко, отмечено, что выходцев из простонародья среди учеников местных школ гораздо меньше, чем в Литве, зато сыновей обедневшей шляхты много, причем зачастую они приезжают на учебу из очень отдаленных уездов. Указание их мест жительства косвенно свидетельствует о том, как они хотели учиться: из Киевской губернии, в которой практически не было польских школ, не считая нескольких базилианских в Приднепровье, шляхта посылала своих сыновей в ближайшие школы в Подольской губернии, в Немиров, где они составляли 1/6 от всего количества учеников, в Винницу, где на 505 учащихся 134 были из Киевской губернии. Близость учебных заведений была дополнительным фактором, способствующим интересу к учебе: 185 винницких учеников были из того же уезда, 45 приехало из Ямполья, 39 — из Литина, 26 — из Балты. Крупная школа базилиан в Баре также привлекала учеников из разных мест, однако налицо превосходящее количество детей шляхты. Базилиане в Баре приняли в 1808 г. лишь трех детей нешляхетского происхождения, кармелиты в Бердичеве в 1814 г. — лишь двух. Инспектор Подчашин-

ский в 1826 г. насчитал 11 учащихся нешляхетского происхождения в Теофильполе, а Монюшко в 1824 г. удалось найти лишь одного такого среди 505 учеников в Виннице.

Монюшко оказался единственным, кто попытался установить расслоение среди учеников шляхетского происхождения: его список — полтысячи юных шляхтичей Винницкой гимназии — можно использовать в качестве образцовой модели для фиксации соотношения между разными слоями шляхты. Он выделяет по меньшей мере сотню сыновей полноправной шляхты-помещиков и немногим больше сотни сыновей арендаторов. Триста учеников, т.е. 3/5, были детьми безземельной шляхты, слуг, наемных работников в крупных поместьях, называемых «земской службой», и чиншевых земледельцев⁶⁵.

Поскольку царские власти так и не смогли подсчитать и отделить «истинных шляхтичей» от «выдававших себя за шляхту», было ясно, что попытка Разумовского обеспечить доступ к учебе только избранной шляхте была обречена на провал.

Властями был придуман целый ряд преград с целью не допустить это большинство, происходившее из безземельной шляхты, на гражданскую или военную службу, несмотря на то что лишь небольшая часть этой шляхты действительно мечтала о подобной карьере. Этот путь интеграции, официально провозглашенный в основополагающем акте 1803 г., был также закрыт для университетских профессоров, которые до 1815 г. неоднократно пытались добиться официального приравнивания их степеней к определенным чинам Табели о рангах⁶⁶. После 1815 г. продвижение по карьерной лестнице в силу заслуг стало еще более проблематичным, поскольку дворянство опасалось растущего влияния разночинцев, а также слишком большого количества сомнительных шляхтичей в «польских губерниях». В 1816 г. министр внутренних дел О.П. Козодавлев клеймил титуломанию, считая, что она вредит целостности дворянского сословия. Его записка «Об излишней привязанности гражданских чиновников к чинам и о мерах предотвращения зла, из нее вытекающего»⁶⁷ пересматривала введенные за сто лет до этого Петром I принципы продвижения по службе. С целью дать понять, что образование в будущем не будет рассматриваться в качестве основания для карьерного роста, в 1819 г. министр народного просвещения Голицын внедрил сугубо ограничительную систему утверждения университетских степеней, оставляя за собой право проверки их количества, дабы оно не было «избыточным». Присуждение в 1821 г. Виленским университетом 32 степеней кандидата рассматривалось им как излишняя щедрость⁶⁸.

Еще до того, как в 1824 г. Новосильцова назначили попечителем, Чарторыйский, который уже к тому времени распорядился провести чистку

программ и учебников согласно новым тенденциям, охватившим Россию и Европу, навязал Виленскому университету устав для школ и гимназий, который будет воплощен в жизнь его преемником. В этом тексте отбрасывались идеи универсализма образования. Основной недостаток существовавшей системы, писал Чарторыйский (который сам же эту систему внедрил двадцатью годами ранее), заключался в том, что она была направлена на продолжение учебы в университете. При этом тех, кто продолжал образование, было немного, а основная масса учащихся получала багаж неприменимых на практике знаний. По его мнению, следовало задуматься, для каких социальных слоев предназначено такое образование. Первая статья его регламента звучит следующим образом: «Все без исключения учебные заведения должны иметь четко определенную цель и область деятельности, за рамки которых они не могут переступать. Только придерживаясь подобных принципов, школы могут принести пользу, которой от них ожидает заботливое и внимательное правительство». Согласно ст. 2 школы следовало поделить на степени «согласно имеющемуся разнообразию классов, на которые делится общество, в соответствии с особенными занятиями, свойственными каждому из них». Устанавливалась следующая градация:

1) Класс крестьян и ремесленников.

2) Люди определенных занятий, или те, кто заняты искусством или ремеслом, которые требуют специальных знаний и длительной практики, к этому классу следует также отнести общинную шляхту, столь многочисленную в польских губерниях. [Как видим, изменение в способе мышления человека, который инспирировал в 1808 г. создание Комитета по делам шляхты в Петербурге, поразительно. — Д.Б.]

3) Те, кто имеют средства дать своим детям лучшее воспитание и подготовить их или для полезной государственной службы, или к занятиям, которые приносят пользу обществу⁶⁹.

Таким образом, начиная с 1824/25 учебного года уездные школы стали предназначаться (без возможности дальнейшего продвижения) для сыновей безземельной шляхты, которая теряла последний признак свободы — теоретическую возможность карьеры. Предназначенные для элиты гимназии стали готовить учащихся к поступлению в университет. 19 августа 1827 г. Николай I распространил эту систему на всю империю.

«Регламент» полностью отвечал духу своего времени, тем более что в Государственном совете как раз завершилась обширная дискуссия по предложению министра финансов Канкрин, которого беспокоила проблема отсутствия в России третьего сословия и который принадлежал к тем не-

многим, кто понимал необходимость создания социальной атмосферы, где заслуги значили бы больше для карьеры, чем сословное происхождение. Это было начало процесса, которое впоследствии приведет к появлению в Российской империи звания «почетный гражданин». В 1826 г. Канкрин называл таких «новых людей» просто «гражданами» и предлагал предоставлять им это звание, как и в случае дворянства, пожизненно или с правом передачи по наследству. Все члены Государственного совета выступили против такого нововведения, усмотрев в нем покушение на привилегии дворянства и существовавшую сословную систему. Основную мысль сформулировал генерал-адъютант князь Васильчиков, который дал определенное понятие дворянства. Он не решился усомниться в введенной Петром I системе чинов, которая не исключала возможности возведения простолюдина в дворянство за заслуги. Идею Канкрин Васильчиков расценил как опасное новшество. Он разделял высказанное еще в 1816 г. мнение Козодавлева об угрозе, которую несла «излишняя привязанность к рангам».

Князь, в частности, писал: «Нельзя совершенно отнять у “граждан” возможности приобретать действительное дворянство, однако полезно бы на черте, разделяющей сии два сословия, воздвигнуть такие трудности, которые могли бы побеждать только отличные таланты и необыкновенные подвиги»⁷⁰. Он, естественно, не вдавался в анализ дворянских привилегий, которые были для него самоочевидны, и добавлял: «Я желал бы, чтоб... обращено было внимание вообще на зло ныне существующее и состоящее в том, что у нас действительное дворянство, быв присвоено и чинам, слишком легко приобретается». Продвижение по социальной лестнице такого рода людей было незначительным, однако Васильчиков, так же как и волынская шляхта в своих отношениях с университетской профессурой, спешил бить тревогу.

Князь развивал свою идею, утверждая, что желает добра заслуженным людям, которые принесут больше пользы, оставаясь в прежнем сословии. Предоставление же им возможности стать дворянами (о чем, собственно, в предложении Канкрин не было речи) «исторгает из общества лучших его членов, которые могли бы поддерживать и украшать свое общество». Это «отвлекает человека от тех необходимых для государства занятий, к коим он был предназначен по своему рождению и к коим, так сказать, наследовал нужные способы», «выводит человека из того звания в кругу коего образовались его понятия, к коему приспособлен самым образом жизни и воспитания и следовательно в коем он полезен; и переводит его в другое состояние, где он не имея ни тех навыков, ни тех свойств, ни того образования, которые состоянию сему необходимы для самого исполнения лежащим в нем обязанностей, делается членом не только бесполезным, но даже вредным, унижая его достоинство».

Поскольку само понятие «действительного дворянства» не предусматривало возможности пополнения сословия извне, Васильчиков указывал на то, что нововведения Петра I привели к некоему хаосу: «Примеры всех просвещенных государств показывают, что потомственное дворянство есть такое достоинство, которое принадлежит исключительно известному сословию людей, никаким общим для всех сословий способом не приобретается и что служба доставляет чины, но чины приносят токмо личные преимущества и не дают прав действительного дворянства». Князь указывал на то, что «чем определительнее проведена черта, отличающая одно от других, тем более они процветают». Петр I, несомненно, уделял большое внимание системе чинов. Однако тогда дворянство было не таким многочисленным и не считало службу «непрерывной для себя обязанностью». В настоящее время количество дворянства увеличилось, и у государства имеется достаточно чиновников. Васильчиков указывал на то, что одновременно с этим темп продвижения по службе значительно ускорился. Ежегодно появляется несколько тысяч новых «мелкопоместных помещиков». Поэтому «действительное дворянство» должно предоставляться «исключительно по монаршей милости. Тогда одна отличная заслуга и одно достоинство будет умножать число сочленов сего высшего в Государстве сословия». По его мнению, следовало перестать считать чин прапорщика достоянием для получения дворянства, для которого теперь следовало дослужиться до звания майора. В гражданской службе следовало признать необходимым порогом чины, соответствующие «чинам генералитетским», а не чин коллежского ассессора.

Министр юстиции и его коллеги согласились с тем⁷¹, что слишком многие получают дворянство через чины и что этому злу следует положить конец, однако они не посмели высказаться против заложенных Петром I в 1722 г. священных принципов, предусматривавших возможность карьерного роста для верных слуг царя, даже если те происходили из низов. Члены Государственного совета признали также правильность мнения Канкринина в том, что «отнять надежду в достижении службой дворянства значило бы ослабить лучшую пружину, и при том нередко людей с отличными достоинствами [...] подавлять в ничтожестве без всякой для Государства пользы». Этот двусмысленный пассаж сопровождался столькими оговорками, что практически полностью совпадал с предыдущей мыслью.

Высокопоставленные должностные лица империи напомнили, что получение наследственного дворянства — дело нелегкое. Еще Екатерина II значительно затруднила доступ к нему указом от 16 декабря 1790 г. Министр юстиции Лобанов-Ростовский отмечал, что Александр I попробовал остановить процесс неконтролируемого увеличения чинов указом, подготовленным Сперанским, который, «к сожалению», не был претворен в

жизнь. Лобанов-Ростовский усматривал причину «избыточного» получения дворянства в слишком щедрой раздаче отличий и орденов, в связи с чем советовал в первую очередь сократить милости такого рода, а также усложнить процедуру продвижения по службе от 13-го к 8-му классу. Более «экономное» награждение орденами Святой Анны и Святого Владимира позволило бы ничего не менять в Табели о рангах и таким образом не давало повода для сплетен и неуместных толкований.

Дискуссия в высших кругах в начале правления Николая I дает представление о степени косности социальных структур, что уже констатировалось в каждой из глав нашего исследования. Эта система не давала надежды на карьеру ни разночинцам, ни безземельной шляхте из западных областей империи; этот класс еще относительно свободных людей теперь был, несомненно, в еще большей степени обречен на маргинализацию.

Исключительность этой территории Российской империи состояла не только в плотности образовательных учреждений и количестве учащихся, но и в степени социальной напряженности, закончившейся взрывом в 1831 г.

Незначительному количеству учеников, которым удалось поступить в университет, и еще меньшему числу его выпускников, получивших конкретную профессию, следует противопоставить массу разочарованных «полуинтеллигентов», которые были достаточно образованны, чтобы почувствовать безнадежность своего положения, — людей, которых можно отнести к одному из проявлений специфики «многонациональной империи», не располагавшей потенциалом для интеграции различных культур.

Зачем шляхетским сыновьям, зажатым в тиски сословной системы, было заканчивать учебу, если они понимали, что это ни к чему не приведет? На примере гимназии в Виннице, о которой уже шла речь, видно, как постепенно отбивалась охота к знаниям. Получившие дома начальное образование мальчики охотно посещали первые три класса гимназии, но затем на протяжении последующих трех лет их количество неуклонно уменьшалось, и едва один из двадцати проходил учебный курс до конца. Инспектор К. Монюшко в 1824 г. зафиксировал следующие данные о количестве учащихся по классам:

1-й год	2-й год	3-й год	4-й год	5-й год	6-й год
130	104	105	81	45	22

Понятно, что десятилетняя программа, которую ввели в Кременецкой гимназии, а затем продолжили в Кременецком лицее, была адресована для совсем иной публики, однако уменьшение количества учащихся было при- сущее старшим классам всех учебных заведений. В только что упомянутом

отчете Монюшко среди прочего отмечено, что из 1500 учеников, которые на протяжении 1814—1824 гг. учились в Винницкой гимназии, аттестат зрелости получили 127 лиц, из которых лишь 39 продолжило образование в Виленском университете.

Кроме тех немногих, кто, возможно, переломил в себе отвращение к службе в царской армии или к должностям по врачебной части, чем занимались остальные без аттестата или с аттестатом в кармане? У них было немного возможностей сделать карьеру, разве что они могли занять должность писаря в уездном суде или шляхетском собрании. Многие становились домашними учителями или счетоводами, управляющими или экономами в крупных имениях. Однако они не могли повлиять на эволюцию нерушимой социальной структуры, в основе которой лежал принцип благородного происхождения.

Невысокая репутация польской шляхты, о которой говорится в некоторых воспоминаниях⁷², жалкий духовный уровень судебных писарей, жестокое отношение к крепостным, поведение «гербовой службы», а именно экономов и управляющих, которые в меру сил и способностей угождали землевладельцам (как будет показано в следующей части), — все это были последствия горечи и деморализации. Какая-то часть шляхты избрала для себя обреченное на поражение восстание, предпочитая погибнуть или эмигрировать. Однако подавляющее большинство шляхты Правобережной Украины со своим багажом ненужных знаний еще сильнее, чем остальная часть Российской империи, прочувствовало идеи, высказанные в «Горе от ума» Грибоедова.

В 1852 г. генерал царской жандармерии в Белоруссии А.А. Куцинский, в очередной раз подводя общие итоги, отмечал, что высшая шляхта не разделяет демократических идей. Она полностью осознает, что ей лучше всего находиться под защитой сильного правительства. Все зло идет от мелкой шляхты, от этого племени адвокатов, экономов, писарей и других разночинцев (отметим, что уподобление мелкой шляхты разночинцам уже окончательно утвердилось к тому времени). Нельзя не отметить парадоксальности этого сопоставления. Генерал отмечал, что западные губернии отличались общей склонностью к образованию. Подобную оценку давал и Сперанский в 1828 г. По мнению Куцинского, это приводило к тому, что на каждом шагу можно встретить образованного голодранца. Более того, он отмечает, что количество образованных, а то и вовсе ученых, которые хвастают происхождением своих предков, в этом крае неустанно растет⁷³.

В известной степени эти шляхтичи, хотя и в иной социальной пропорции, превратились в своего рода «лишних людей», и история их, как нам предстоит увидеть, обратилась позже в трагедию.

¹ *Truchim St. Współpraca polsko-rosyjska nad organizacją szkolnictwa rosyjskiego w początkach XIX wieku. Łódź, 1960.* В этой работе показано, насколько значительными были заимствования из польских текстов в основополагающих для российской университетской и школьной системы в 1802—1804 гг. документов, о чем, как правило, нет ни слова в российской историографии, не говоря уже о незнакомстве российских исследователей с моими работами о школьном и университетском образовании на западных окраинах Российской империи. См., например, одну из последних работ по этой теме: *Кукушкина Г.В. Политика правительства России в области высшего образования в первой четверти XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.*

² *Truchim St. Współpraca polsko-rosyjska* S. 129—133; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1802—1825. СПб., 1864. Т. 1. С. 13—21.

³ Чацкому была предоставлена полная свобода действий вплоть до апреля 1810 г. — окончания пребывания П.В. Завадовского на посту министра народного просвещения. Завадовский происходил из старшинского казачьего рода, родился в 1738 г., воспитывался в Орше в иезуитской школе, откуда вынес знание польского языка, а затем продолжил обучение уже в православной Киевской духовной академии.

⁴ Речь идет о работе, посвященной истории Виленского университета и польской школе в 1803—1832 гг. Французское издание: *Beauvois D. Lumières et Société en Europe de l'Est*; польское издание: *Beauvois D. Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-guskich 1803—1832 / Przeł.* L. Kania T. 1—2. Rzym; Lublin, 1991. Переиздание: Wrocław, 2010. Книга Пшибыльского вышла в 2003 г.: *Przybylski R. Krzemieniec.*

⁵ В Библиотеке Академии наук Литвы в Вильнюсе сохранился журнал *Dziennik Wileński* с отчетом Т. Чацкого. См.: *Lietuvos mokslų akademijos biblioteka Fondas 9. Serija 1048.*

⁶ Письма Т. Чацкого к римским и грекокатолическим епископам Луцка и Каменца-Подольского и к провинциалу ордена Базилиан от 8 августа (Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Sygnatura 3446), а также к предводителям шляхты от 15 августа 1803 г. (Biblioteka Narodowa w Warszawie. Sygnatura III 3296).

⁷ *Beauvois D. Lumières et Société.* Т. 2. Cartes. P. 557, 689, и таблица на С. 689 о количестве учеников. Таблицу о состоянии школьного образования на 1789 г. см.: *Киевская старина.* 1888. Т. 23. С. 101.

⁸ Подольская шляхта была недовольна сложившейся ситуацией. Чарторийскому пришлось даже оправдывать Чацкого перед предводителем шляхты Пешинским, но убедить того так и не удалось. См.: *Biblioteka Narodowa w Warszawie. Sygnatura III 3296* — Письмо от 11 октября 1803 г.

⁹ О существовавших разногласиях можно судить по переписке Чарторийского с ректорами и самим Чацким (см. предыдущее прим.), а также по переписке Чацкого с Коллонтаем. См.: *Hugona Kołtataja korespondencya* Т. 2. S. 218 (письма от 8 января и 19 февраля 1804 г.); Т. 3. S. 1—47 (замечания со стороны властей Виленского университета и ответы Чацкого).

¹⁰ *Ibidem.* Т. 3. S. 234. Письмо от 14 сентября 1805 г.

¹¹ *Ibidem.* Т. 2. S. 334. Письмо от 1 февраля 1804 г.

¹² *Chmielowski P. Tadeusz Czacki. Jego życie.* S. 99—100.

¹³ Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Sygnatura 6387 — Письма Т. Чацкого к А. Чарторыйскому от 29 января и 24 февраля 1805 г. Когда после 1596 г. Польша попробовала обратиться всех православных в унию (грекокатоличество), очагом сопротивления стала школа православного Киевского Богоявленского братства, созданная в 1615 г. Впоследствии, когда в 1632 г. православная церковь вновь была легализована, митрополит Петр Могила создал в Киеве Киево-Братскую коллегию, которая после его смерти стала называться Киево-Могилянской, а с 1694 г. благодаря гетману И. Мазепе она получила звание академии, которое было подтверждено Петром I в 1701 г. О проблеме гуманитарного влияния этого учебного заведения, его открытости к Западу, а также об оттоке его воспитанников в Великокоросию в XVIII в. и сохранении лишь теологического направления см.: *Joukovsky A. L'Académie de Kiev, lieu de formation de Skovoroda // Skovoroda philosophe ukrainien: Colloque tenu le 18 janvier 1973 à l'Institut d'études Slaves de Paris à l'occasion de la naissance de Skovoroda Paris, 1976. P. 17—31; Серебrenников В.Н.* Киевская академия с половины XVIII века до преобразования ее в 1819 году. Киев, 1897.

¹⁴ Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Sygnatura 6387 — Петиция с письмом Т. Чацкого к князю куратору А. Чарторыйскому от 28 января 1808 г. Деятельность каждого из этих крупных землевладельцев заслуживает особого исследования, подобного тому, которое провела Э. Орман о Юзефе Понятовском (1762—1845), одном из первых промышленников Киевской губернии. См.: *Orman E. Pułkownika Józefa Poniątownskiego życie codzienne w Tahańcy // Rocznik Biblioteki Naukowej PAU i PAN w Krakowie. R. XLVIII. 2003. S. 291—319.* Чацкому удалось за очень короткий срок разрекламировать свою гимназию, создав о ней мнение как об элитарном заведении, на что обращает внимание А. Шмыт. См.: *Szmyt A. Rola dworów i rezydencji szlacheckich Krzemieńca i okolic w życiu kulturalnym i towarzyskim Wołynia w latach 1805—1831 // Pamiętnik Kijowski. T. VIII. 2006. S. 147—162.*

¹⁵ Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Sygnatura 6396 — Письмо Ю. Снядецкого к А. Чарторыйскому от 30 ноября 1808 г.

¹⁶ Ibidem. Sygnatura 5448.

¹⁷ Ibidem. Sygnatura 6395 — Письмо А. Чарторыйского к А.К. Разумовскому от 17/29 ноября 1811 г., на франц.; Ibidem. Sygnatura 6387 — Письмо А. Чарторыйского к Т. Чацкому от 5 апреля 1812 г.

¹⁸ О реакции А. Чарторыйского на переподчинение школ см.: Ibidem. Sygnatura 2993. Письма А. Чарторыйского ректору Малевскому в Вильне от 18 февраля, 29 марта, 2 ноября 1818 г. Об инициативе Плятера в связи с обучением священников и ответ А.К. Разумовского см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 254.

¹⁹ *Beauvois D. Les Lumières au carrefour de l'orthodoxie et du catholicisme: le cas des uniates au début du XIX siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1979. № 1. P. 429—441.*

²⁰ Отчеты по этому делу, одним из авторов которых был Вацлав Ганский, см.: РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 539.

²¹ Отдельное исследование заслуживает период, когда польские школы на Украине, в особенности Кременецкий лицей, находились в ведении Харьковского университета (вплоть до основания в 1834 г. Киевского университета). Материалы за период 1819—1834, касающиеся этого вопроса, хранятся в ЦДАУК. Ф. 710 (598 дел). Историк из Ольштына А. Шмыт готовит книгу по этой теме.

²² Дело о ликвидации польских школ в Киевской губернии охватывает период с 15 ноября 1830 г. по 13 января 1831 г. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 185.

²³ Hugona Koñątaja korespondencya listowna T. 2. S. 232 (письмо от 12 сентября 1803 г.). Слово «ректор» означает здесь директора Волынской гимназии.

²⁴ Biblioteka Szartoryskich w Krakowie. Sygnatura 6387 — Список, направленный во Владимирский уездный суд, 23 ноября 1804 г.

²⁵ Ibidem. Sygnatura 3446 — Письмо Т. Чацкого к А. Чарторыйскому, 26 июля 1804 г.

²⁶ Ibidem. Sygnatura 6396 — Письмо Ю. Снядешского к А. Чарторыйскому, 9 мая 1810 г.

²⁷ Ibidem. Sygnatura 6387 — Письмо Т. Чацкого к А. Чарторыйскому, 6 мая 1807 г. Речь шла об очень крупных суммах. Лишь в Подолье, согласно неполным статистическим данным за 1797 г. (где, в том числе, указывается местоположение), было около 21 000 десятин бывших иезуитских земель с 2500 крепостными. См.: *Крыськов А.* Польське землеволодіння і державна земельна власність в Подільській губернії, 1793—1820 pp. // *Pamiętnik Kijowski*. Т. VII. 2004. S. 118.

²⁸ Ibidem. Sygnatura 6396 — Письма Ю. Снядешского А. Чарторыйскому, 28 февраля и 3 ноября 1809 г.

²⁹ Vilniaus universiteto biblioteka КС 40. S. 27.

³⁰ См. 10-ю главу, посвященную приходским школам в: *Beauvois D.* Lumières et Société. Т. 2. P. 827—900.

³¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 101.

³² В 1809 г. князь Чарторыйский еще был далек от консервативных взглядов и предлагал перевести на чинш крепостных, находящихся на землях Фонда национального просвещения, которые до 1773 г. принадлежали иезуитам; это было равносильно отмене крепостного права в этих имениях. Предложение Чарторыйского вызвало протест шляхты, считавшей, что отмена крепостной зависимости приведет к обнищанию крестьянства, пьянству и невежеству. По мнению шляхты, крепостное право «защищало» крестьянство от присущей ему дикой природы. См.: *Biblioteka Jagiellońska, Kraków*. Sygnatura 4569 — Мнение Волынской комиссии об управлении земельной собственностью для образовательных целей, 10 февраля 1810 г.

³³ Интересное сравнение работ Карамзина «О новом образовании народного просвещения в России» (1803) и «О древней и новой России» дается в: *Шмидт Е.* История средних учебных заведений. СПб., 1878. С. 20—21, 71.

³⁴ *Maistre J. de.* Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre, 1811—1817 / Recueillie et publiée par A. Blanc. Paris, 1851, в особенности пять писем, посвященных образованию в России. См.: *Maistre J. de.* Lettres et opuscules inédits du comte Joseph de Maistre. Т. 2. Paris, 1851. P. 299—362.

³⁵ Периодическое сочинение об успехах Народного Просвещения. СПб. № 31. С. 218.

³⁶ *Besançon A.* Éducation et société en Russie dans le second tiers. du XIXe siècle. Paris, 1974. P. 21—22. 35 Автор не принимает во внимание свидетельства А. И. Герцена и суть пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума» (впервые опубликована в 1825 г. во фрагментах). В российской историографии не уделяется внимания тому факту, что в «польских губерниях» по сравнению с остальной частью Российской империи было

больше учеников и студентов. См.: *Успенский Б.А.* Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Россия/Russia Вып. 2 [10]: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. М., 1999. С. 7–20.

³⁷ О своих амбициозных планах Плятер писал А. К. Разумовскому дважды, 2 сентября 1812 г. и 24 февраля 1813 г. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 61. Д. 233. Несмотря на то что А. Чарторыйский в тот период не пользовался поддержкой при дворе, он все-таки 13 февраля 1813 г. предложил министру кандидатуру Д. Четвертинского.

³⁸ Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Sygnatura 6394 — Письмо Ф. Плятера к А. Чарторыйскому от 11 февраля 1813 г.

³⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 254.

⁴⁰ Ibidem. Д. 287 — Письмо Ф. Плятера к А.К. Разумовскому, 20 марта 1814 г.; письмо Я. Снядецкого к А.К. Разумовскому, 10 мая 1814 г., ответ А.К. Разумовского, 31 мая 1814 г.

⁴¹ Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Sygnatura 6394 — Письма Ф. Плятера к А. Чарторыйскому от 8 октября, 6 и 15 ноября 1814 г.

⁴² Biblioteka Jagiellońska, Kraków. Sygnatura 4569 — Выступление от 1817 г. S. 382.

⁴³ РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 233 — Письмо Ф. Плятера к А.К. Разумовскому, 19 февраля 1815 г.

⁴⁴ Ibidem. Д. 287 — Письмо от 24 декабря 1815 г.

⁴⁵ Vilniaus universiteto biblioteka КС 41 — Замечания в связи с просьбой Вольнской комиссии, 1816 г. S. 213.

⁴⁶ Biblioteka Jagiellońska, Kraków. Sygnatura 4569 — Проект Ф. Рудского (1817 г.).

⁴⁷ Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Sygnatura 6388 — Письмо А. Чарторыйского к А.Н. Голицину от 7 мая 1818 г. (на франц.).

⁴⁸ Ibidem. Sygnatura 6374 — Черновики князя А. Чарторыйского.

⁴⁹ Ibidem. Sygnatura 6032 — Письмо А. Чарторыйского к А.К. Чарторыйскому от 27 июня 1818 г.

⁵⁰ Biblioteka Jagiellońska, Kraków. Sygnatura 3104 — Письмо А. Чарторыйского Ю. Снядецкому от 18 января 1819 г.

⁵¹ Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Sygnatura 6374. S. 103, и др.

⁵² Ibidem — Устав Кременецкого лицея, приложение к дипломату, начало 1819 г.

⁵³ Biblioteka Jagiellońska, Kraków. Sygnatura 4569 — Проект о надзирательных комитетах и письмо от 4 ноября 1821 г. S. 271–288 (черновик); S. 289–295 (чистовик на польск.).

⁵⁴ Ibidem. — О проектах создания особой администрации образовательного фонда, 8 апреля 1822 г. S. 304–308.

⁵⁵ Archiwa Polskiej Akademii Nauk, Warszawa Zbiory L. Chmaja Sygnatura 90.

⁵⁶ Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Sygnatura 6388 — Письмо А. Чарторыйского к А.Н. Голицину от 29 апреля 1824 г.

⁵⁷ Шмидт Е. История средних учебных заведений в России. СПб., 1878. С. 265.

⁵⁸ Здесь и далее данные приводятся по: *Beauvois D.* Lumières et Société en Europe. Т. II. P. 688–691; *Beauvois D.* Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich. Т. 2. S. 249–254.

⁵⁹ Шмидт Е. История средних учебных заведений. С. 236.

⁶⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 271.

⁶¹ *Рождественский С.В.* Сословный вопрос в русских университетах в первой половине XIX века // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 9.

⁶² *Vilniaus universiteto biblioteka* КС 41 — Письмо Ю. Снядзецкого к А.К. Разумовскому, б/д (1814). S. 271.

⁶³ *Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Sygnatura 6397* — Письмо Ю. Снядзецкого к А. Чарторыйскому, 4 февраля 1814 г.

⁶⁴ *Ibidem. Sygnatura 6388* — Письмо А. Чарторыйского к А.Н. Голицыну, 26 февраля /10 марта 1817 г.

⁶⁵ *Biblioteka Jagiellońska, Kraków. Sygnatura 6334* — Рапорт инспекции К. Моношко, 1824.

⁶⁶ *Beauvois D.* *Lumières et Société en Europe.* Т. I. P. 145—146.

⁶⁷ Ср. комментарий к записке: *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957. С. 321, и др.

⁶⁸ *Archiwa Polskiej Akademii Nauk, Warszawa Zbiory L. Chmaja Sygnatura 90* — «Положение о производстве в ученые степени» от 20 января 1819 г.; РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 557 — Письма Голицына к ректору Виленского университета Малевскому, август—ноябрь 1824 г.

⁶⁹ Текст редактировался на заседаниях 14 ноября и 21 декабря 1823 г. ректората Виленского университета согласно указаниям попечителя. См.: *Archiwa Polskiej Akademii Nauk, Warszawa Zbiory L. Chmaja Sygnatura 88.*

⁷⁰ РГИА. Ф. 1149. Оп. 2. Д. 486 — Копия записки князя Васильчикова, рассмотренная 28 июня 1829 г., сделанная секретарем Государственного Совета А.М. Олениным. Л. 1—7.

⁷¹ *Ibidem.* — Записка «По предмету приобретения наследственного дворянства посредством чинов» министра юстиции князя Лобанова-Ростовского, 1 сентября 1826 г. Л. 8—10. Следует отметить, что идея Канкринина о создании категории граждан была воплощена в указе 1831 г. с целью охватить городскую шляхту; этот указ окончательно утвердил деление шляхты на землевладельческую и безземельную; тех, кто жил в сельской местности, стали записывать в однодворцы, а городскую безземельную шляхту причислили к «гражданам».

⁷² *Przyałkowski A.* *Pamiętniki* // *Pamiętniki Polskie* / Red. R. Bronikowski. Т. I. Paryż, 1844. S. 75—80.

⁷³ *Улащик Н.Н.* Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М., 1965. С. 450—451.

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ: 1793—1830 годы

Аннексия литовско-русской части земель Речи Посполитой поставила Российскую империю перед многочисленными проблемами, связанными с задачей интеграции этого региона. Несмотря на то что вплоть до 1831 г. созданные на этих землях губернии именовались «польскими», а Александр I неоднократно обещал воссоединить эти земли с Царством Польским, эти намерения так и не были осуществлены. Желания императора были во многом продиктованы чувством неловкости, которое ему внушала политика его бабки Екатерины II. Продлившееся почти четверть века правление Александра I, находившегося, с одной стороны, под влиянием князя Чарторыйского, а с другой — Н.М. Карамзина, характеризовалось колебаниями в решении польского вопроса. Лишь после Ноябрьского восстания, уже в эпоху Николая I, был избран второй из этих способов утверждения российской власти в этом регионе.

Наше исследование посвящено отнюдь не предполагаемой гармонии сосуществования разных групп внутри многонациональной империи, но трудностям «поглощения», на которые обращал внимание еще Ж.-Ж. Руссо. В нашу задачу входило показать неэффективность становящихся все более настойчивыми попыток государственного аппарата ассимилировать чуждые российской традиции сословия. Речь идет о шляхте, представленной, с одной стороны, элитой, получившей дворянское звание по праву рождения и имущественному положению, а с другой стороны, о многочисленной, не поддающейся четкому определению группе свободных людей, примыкавших к этой элите. Вопрос о шляхте ставился на всех уровнях российской власти, начиная с царя, его министров, различных комитетов и заканчивая губернаторами и ревизорами; его изучение позволяет также лучше понять и систему функционирования самой государственной машины.

В центре нашего внимания находится Правобережная Украина, где на авансцене борьбы оказались польская шляхта и русское дворянство, а за кулисами скрывался подавленный, не отличавшийся активностью, хотя и изредка бунтовавший украинский (русский) люд. Именно украинское

крестьянство, хоть пока и безмолвствующее, как народ в пушкинском «Борисе Годунове», станет в последующий период основной ставкой в борьбе между поляками и русскими, пока еще не до конца осознавшими значимость этой третьей силы.

Изучая эту дуэль между польской и русской аристократией (первая из которых уже давно успела укрепить свои позиции в этом регионе, а другая стремилась к господству при помощи имперской машины власти), мы раскрываем суть сознания аристократии, то, как она обосновывала свою власть, глубже узнаем ее организационную структуру, лучше понимаем, чьей поддержкой пользовались и какими мотивами руководствовались противоборствующие стороны¹.

Влиянию польских землевладельцев, основой богатства которых были продаваемое зерно и крепостные, царские власти могли противопоставить лишь грозные с виду, но плохо исполнявшиеся указы. В империи, где не хватало административных кадров, повсюду чувствовался разрыв между столицей и периферией, министерствами и губернаторами, бюрократическими решениями и действительностью, требованиями по учету и составлению описей, с одной стороны, и неизменно неудовлетворительными результатами их проведения — с другой; между либералами и заядлыми консерваторами, а также прожектерством и навязчивыми идеями как первых, так и последних. На основании изучения этой хитросплетенной реальности, которая может показаться столь далекой и непонятной, а в действительности крайне важной для заинтересованных сторон, мы пришли к четырем основным выводам.

Первый касается очевидных пробелов как в польской, так и российской историографии. В первой постоянно используются клише о существовании «шляхетской демократии», хотя до сих пор не была предпринята попытка документированно, на основании количественных данных представить шляхетскую избирательную систему Речи Посполитой с момента ее становления в XVI—XVII вв. Во второй же до сих пор бытует убеждение об «исконно русском» характере изучаемых земель. Однако при отсутствии достоверных данных о количественном составе сеймиков идея причастности шляхты к «демократии» рассеивается, как мираж. Подобную оценку следует дать и царящей в современной историографии эйфории относительно якобы мирного этнического и религиозного соседства, будь то в рамках польско-литовско-русского содружества или в Российской империи. Вопреки пустой риторике, в действительности (и этому удается найти отдельные подтверждения в источниках) большая часть шляхты была *de facto*, а с 1791 г. *de jure* отстранена от участия в общественной и политической жизни. Еще задолго до разделов Речи Пос-

политой среди пользовавшихся правом голоса были по большей части землевладельцы, и именно их, обладавших всеми правами, называли гражданами.

Предполагаю, что подобная точка зрения может встретить непонимание со стороны некоторых польских или российских коллег, поскольку в основе ее лежит идея ревизии мифа о значимости первого в Европе «гражданского общества» или «содружества» в рамках идеальной империи. Однако надеюсь, что большинство исследователей позитивно воспримет возвращение из небытия целого социального сословия.

Второй вывод основан на впервые вводимых в научный оборот российских документах. Суть его в том, что царские власти, несмотря на уничтожение Польши, вставшей было на путь превращения в конституционную (во французском смысле слова) республику, подтвердили положения Конституции 3 мая 1791 г., которые отвечали духу Жалованной грамоты дворянству Екатерины II. Оба документа сохраняли право участия в общественной жизни лишь за землевладельцами.

Собственно, именно в момент принятия Конституции встал вопрос, над которым позднее, в 1791—1793 гг., польским властям уже было некогда задуматься, — как поступить с остальной безземельной шляхтой? Двинуться к ее интеграции или к устранению этой социальной группы?

Планы социальной чистки, предполагавшей переселение сотен тысяч безземельных шляхтичей, возникли уже в Российской империи, начиная с плана Зубова 1795 г. и заканчивая планом Юренева 1829 г. Однако все они оказались непригодными для реализации, статус же этой группы на протяжении более 30 лет вызывал постоянные споры. К 1800 г. численность безземельной шляхты достигла 262 тыс. человек на Правобережной Украине и вопрос о ее интеграции вызывал в Петербурге такой же дискомфорт, как вопрос о евреях или татарах. Показательно, что для Герольдии этой проблемы как таковой не существовало, ее интересовал совершенно иной мир — мир землевладельцев. Не менее показательно и то, что не только польские магнаты, прямые защитники шляхетской «голоты» в Речи Посполитой, но и многочисленная средняя землевладельческая шляхта, бравшая безземельную «братию» на службу в свои имения или скармливавшая ей судебные должности, которыми сама гнушалась, встали на ее защиту, перестав видеть в безземельной шляхте марионеток в руках магнатов. Польские помещики, в чьих имениях жила чиншевая шляхта, на удивление легко вспомнили идеи шляхетской солидарности и равенства, поскольку теперь именно эти идеи стали основой сохранения польской идентичности в условиях враждебного, особенно после 1815 г., российского доминирования.

Наиболее ярким проявлением упомянутой солидарности на фоне указов, которые начиная с 1800 г. один за другим требовали предоставить в определенные сроки доказательства благородного происхождения и грозили большую часть шляхты отнести к податному населению, а также на фоне ужасающих проектов Державина, Аракчеева, Комбурлея или Филозофова, стало предложение Чарторыйского и Чацкого, сделанное в 1807 г. Согласно ему, срок предоставления доказательств благородного происхождения продлевался до 1816 г.; кроме того, предложение содержало план наделения чиншевой шляхты землей. Это было наиболее щедрое решение шляхетского вопроса среди всех проектов XIX в. Однако по мере того как российский вариант Священного союза проникался идеями национализма, в самой Российской империи распространялась мысль о недворянском происхождении большей части шляхты, необходимости проведения охоты на «ненастоящих» дворян. Преследование воображаемых «чужаков» и изгнание «лиц без бумаг» с принадлежавших им земель переросло в бессильную ярость бюрократии: в 1823 г. ей удалось деклассировать лишь 7 тыс. лиц в Киевской губернии, т.е. мизерную долю от запланированных министром финансов цифр.

Лишь Николай I подошел основательно к решению проблемы, создав в 1829 г. комитет, в задачи которого входила подготовка Положения о шляхте. Несмотря на всю утопичность данного предприятия, оно имеет фундаментальное значение, поскольку показывает, что почти все меры, принятые в отношении шляхты в 1831 г. уже после Ноябрьского восстания, были обдуманы загодя. В то же время при изучении периода подготовки Положения становятся понятны все трудности, с которыми предстояло столкнуться властям при реализации этих мер. Авторы проекта предусматривали формирование шляхетских обществ по образцу русской общины: шляхта должна была проходить «недолгую», а именно восьмилетнюю военную службу и платить подымный налог. Советы старшин должны были отвечать за сбор налогов. В такой урезанной форме предполагалось сохранить призраки прежней «шляхетской автономии». В ответ на запрос об оценке проекта губернаторы польского происхождения указывали на невозможность создания подобных далеких от реальности обществ, не отвечавших сложившимся традициям края. По своей социальной организации безземельная шляхта, вопреки пониманию царских властей, не формировала никакого сообщества; это была группа людей, персонально связанных со своими помещиками феодальными контрактами и получавших от них на условиях устной договоренности надел земли, с которого они и жили.

До 1840 г., когда были проведены реформы в области права и отменен Литовский статут, помещикам были нужны их безземельные «братья» для

судопроизводства и контроля за украинскими крепостными. Несмотря на законодательство, все сильнее урезавшее политическое влияние дворянских собраний (бывших сеймиков), на местных выборах, где утверждались судьи и заседатели, на эти должности вопреки закону регулярно избирались безземельные шляхтичи (зачастую из наиболее мелких). Бывало, что шляхта даже обращалась с просьбой официально узаконить устоявшуюся традицию, а отказ властей оставался на бумаге. Именно тем, что землевладельцы отводили чиншевой шляхте роль в судебной системе и надзоре за украинским крестьянством, можно объяснить продолжительное сохранение чиншевых наделов в период, когда чиншевая шляхта вместе с упадком выборной системы Речи Посполитой утратила свой политико-гражданский статус. Обоюдный интерес привел к созданию своего рода симбиоза между богатой и бедной шляхтой.

Третий вывод касается той части шляхты, которая в правовом отношении была ближе всего к русскому дворянству, т.е. польских помещиков. Выборы — единственный механизм, уцелевший от прежних институтов «демократии» на местном уровне, — больше не интересовали (если вообще когда-то интересовали) 94,5% из 11 тыс. землевладельцев Правобережной Украины. Это колоссальное самоустранение уменьшало мнимую «массу» избирателей каждой губернии еще на 200—300 лиц, т.е. до 5,5% от тех, кто имел право голоса по закону от 3 марта 1805 г. Низкое «участие» в выборах можно объяснять неприятием произошедших разделов Речи Посполитой, пассивным патриотическим сопротивлением, однако я склонен видеть в этом глубочайшее безразличие польских помещиков ко всему, что непосредственно не влияло на управление их собственными имениями. На мой взгляд, в описываемой ситуации можно говорить об узурпации «шляхетской демократии» этими 5,5% «граждан», что привело к окончательному истощению институтов власти Речи Посполитой и к тихому уходу остальной части землевладельческой шляхты в мир повседневных забот, связанных с основным источником обогащения — управлением имениями с помощью тех же чиншевиков.

В первой части книги было показано, как часто выборы становились объектом административных проверок и расследований со стороны царских властей, которые ревниво относились к сохранению чистоты рядов дворянства. В таких условиях те редкие счастливицы, которым удавалось остаться на арене борьбы до следующих выборов, должны были происходить из числа тех «граждан», которые либо могли доказать свое происхождение и проявить покорность в отношении самодержавия так, как это было свойственно российскому дворянству, либо надеялись на возможность диалога с властью. Иллюзии на этот счет порождались самой вла-

стью, которую неоднократно охватывал такой страх перед этими подданными, что она уже не знала, что лучше — кнут или пряник. А потому один период, когда позволялось обращаться к царю с нижней просьбой (как это сделала волынская шляхта в 1808 и 1816 гг.), сменялся другим, когда власти лишь думали о максимальном обогащении казны за счет конфискации как можно большего числа имений (1809—1814 гг.). Однако именно польские помещики, допущенные к голосованию на дворянских собраниях (хотя их статус в большинстве случаев не был подтвержден Герольдией, предельно ограничившей до 1840 г. доступ к дворянству), оказались солидным оплотом в поддержании власти над неспокойными крепостными подданными. В этом на личном опыте убедился Сен-При в 1814—1815 гг., о чем и доложил в Петербург; в 1829 г. Грохольский в своих выступлениях в поддержку крепостного строя называл польских помещиков гарантом сохранения крепостничества. В сущности, так же думали и украинские крепостные, не поддержавшие своих польских помещиков во время Ноябрьского восстания.

Стремление землевладельческого меньшинства Правобережной Украины доказать свою преданность властям не помешало Петербургу держать его на коротком поводке, более того, не давало властям оснований доверять 10 тыс. помещикам, которые практически бесконтрольно владели большей частью дворянской земли и населения Украины. Именно против них Карамзин неустанно настраивал Александра I, и именно от них Панкратьев еще до 1810 г. стремился защитить украинских крепостных. В свою очередь, Аракчеева, великого князя Константина и самого Николая I возмущало уклонение этой шляхты от военной службы. Именно на эту шляхту киевский военный губернатор в 1827 г. обрушил первые деполонизаторские удары, когда им была предложена, как бы странно это ни звучало, языковая русификация. Впрочем, эти польские помещики и их потомки смогли сохранить вплоть до 1920 г., в чем нам еще предстоит убедиться, социально-экономическое превосходство на Правобережье Днепра.

И последний, четвертый, вывод замыкает круг, похожий на скользкую петлю, в которой вот-вот задохнется жертва. Этот регион, в котором, невзирая на избыток шляхты, недоставало административных кадров, мог бы быть начиная с 1801 г. (момента создания университетов) хоть сколько-то выпущен из тисков сословных структур, что способствовало бы появлению открытого общества, основу которого составляла бы компетентная и образованная элита. Образование было крайне привлекательной целью для значительного числа шляхтичей. Однако так же, как в самой России не было места для разночинцев, так и в трех юго-западных губерниях не было

будущего для образованных людей из бедной шляхты. Во-первых, 18 польских школ, созданных на Правобережной Украине и задуманных в качестве оплота польской культуры (до смерти Т. Чацкого в 1813 г.), постоянно вызывали подозрение властей. Во-вторых, в то время как после 1815 г. А. Чарторыйский и Ф. Плятер, находясь под влиянием идей об учреждении элитарных лицеев, захотели открыть подобный лицей в Кременце, в самой Российской империи образование стало восприниматься как угроза социальной стабильности. Из четырех тысяч молодых польских шляхтичей, обучавшихся на Украине, свыше 60% были выходцами из безземельной шляхты. Именно этой группе, стремившейся к повышению своего статуса через образование, а не в силу происхождения, не было позволено пойти по избранному пути: в 1816 г. Козодавлев заклеил излишнюю привязанность к рангам; в 1818 г. Голицын свел на нет присвоение ученых степеней в университетах; в 1819 г. уже сам Чарторыйский высказался за то, чтобы получаемое образование соответствовало социальному происхождению; в 1826 г. Васильчиков и слышать не хотел о категории «граждан», в которую могли попасть заслужившие отличия представители третьего сословия.

Сословное происхождение неумолимо одерживало верх над образованием; в результате школьная система, способная вывести общество на новый уровень развития, превращалась в бесполезное украшение. И хотя в этот период в школах Украины учились крупные и яркие личности, проявившие свой талант в будущем, в целом тогдашняя школьная система не привела к созданию новой социальной группы — интеллигенции. В 1828 г. Сперанский только и мог что сетовать на избыточную склонность к учебе в т.н. польских губерниях. Ему не дано было предусмотреть, что косность существующей системы в скором времени приведет к социальному взрыву.

Подведение итогов первого, почти сорокалетнего, периода российско-го господства на Правобережной Украине дает возможность глубже понять последующий ход истории, который мы предлагаем проследить читателю вместе с нами.

¹ В этом вопросе наше исследование развивает давно заложенную традицию изучения государственного управления: припомним хотя бы работы П.А. Зайончковского или Н.П. Ерошкина. См.: *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. Предлагаемые нами направления исследования могут дополнить наработки, сделанные украинским историком Валентиной Шандрой и посвященные соседней территории. См.: *Шандра В.С.* Малоросійське генерал-губернаторство 1802—1856. Функції, структура, архів. Київ, 2001;

Шандра В.С. Генерал-губернаторства в Україні: XIX — початок XX ст. Київ, 2005. Одновременно с этим проведенное исследование можно рассматривать в рамках направления, изучающего феномен многонационального состава Российской империи. См., например: *Cazacu M.* Familles de la noblesse roumaine au service de la Russie (XVe—XIXe siècle); *Dukes P.* Contacts et intégration: quelques exemples écossais; *Bartlett R.* Noblesse russe et allemande balte au XVIIIe siècle. Эти три статьи представлены в уже цитированном номере «Cahiers du monde russe et soviétique», посвященном изучению дворянства в России с XVI — по начало XIX в. С. 211—244.

Часть II

1831—1863 годы

Глава 1

КРЕПОСТНОЙ И ЕГО ГОСПОДА. УКРАИНСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

Понять особенность менталитета подавляющего большинства польской шляхты Правобережной Украины можно, изучив ее взаимоотношения с местным населением — украинским крестьянством, говорившим на другом языке, исповедовавшим в большинстве своем иную религию и издавна находящимся в полной крепостной зависимости. Обращение к этой теме крайне важно для понимания сути того мира, в котором жила польская шляхта, а также российской политики, постепенно приспособляемой к особенностям этой группы. Впрочем, цифры говорят сами за себя. Существующая погрешность, связанная с методикой сбора данных царской администрацией, никоим образом не нарушает основных пропорций. Согласно данным 8-й ревизии 1834 г., на которую ссылаются все губернаторы до 1850 г., этнический состав населения был следующий¹:

	Украинское крестьянство	Польская шляхта	Евреи
Волынская губерния	1 453 027	139 007	177 622
Подольская губерния	1 435 083	141 702	115 143
Киевская губерния	1 394 329	129 503	164 782
Итого	4 282 439	410 212	457 547

Как видим, количественно украинские крепостные в 10 раз превосходили польскую шляхту. Правда, в официальной статистике нет данных о количестве русских, ставших официальными хозяевами этих губерний после разделов Польши 1793 и 1795 гг. Несмотря на то что количество правительственных чиновников центральной администрации (канцелярии трех гражданских губернаторов, местная полиция) было незначительным, русское влияние ощущалось повсеместно. В 1840 г. в Киевской губернии было 21 175 солдат царской армии, в Подольской — 15 799, Волынской — 18 824².

Теперь судьба украинцев была не только в руках польских помещиков, но все в большей степени зависела от этой новой силы. Принимая во

внимание постепенное появление малочисленной группы украинской интеллигенции, следует признать: исследуемый период стал прежде всего периодом борьбы между двумя империализмами, где ставкой в игре стали украинские души. Души как с административной точки зрения — исполнители подневольного труда, так и души в прямом смысле слова, которые следовало вырвать из сферы польского влияния и превратить в верноподанных слуг царя.

Имущественное положение поляков почти не претерпело изменений. В результате разделов Речи Посполитой конца XVIII в. и Ноябрьского восстания 1830—1831 гг. российские власти, о чем еще пойдет речь, конфисковали часть имений. Тем не менее владение землей с приписанными к ней крепостными продолжало оставаться практически исключительной привилегией поляков. В 1840 г. царское правительство сумело непосредственно подчинить себе лишь следующие группы украинских крепостных³:

	Киевская губерния	Подольская губерния	Волынская губерния
Военные поселяне	49 282	71 707	—
Крепостные конфискованных имений, ожидающие приписки	—	26 600	91 946
Государственные крестьяне	14 004	87 859	97 902

В целом 415 100 крестьян было исключено из сферы польского влияния. К ним следует также добавить еще несколько тысяч крепостных, со времен Екатерины II принадлежавших российским частным владельцам (см. 3 главу этой части). Однако их количество было незначительным по сравнению с массой крестьян, все еще находившихся в полной экономической зависимости от традиционных владельцев. С этого времени царское правительство стремилось осуществлять более серьезный контроль за крепостными, настраивая их против польских помещиков. Количество крепостных в трех губерниях было следующим⁴:

	Киевская губерния	Подольская губерния	Волынская губерния
Крепостные в шляхетских владениях	1 029 377	934 389	910 273
Крепостные в церковных католических владениях	7555	16 347	16 133

Царские власти внушали крепостным убеждение, что Польша больше не существует и что в их же интересах признать своим истинным благодетелем царя.

телем царя, поскольку их с русскими объединяет общая религия. На этих землях доминирующую позицию занимало православие, а грекокатоличество (униатство), преобладавшее до разделов Речи Посполитой, к этому времени уже лишилось большинства верующих. В 1840 г. генерал-губернатор с удовлетворением сообщал об удачном воплощении в жизнь указа 1839 г., которым, в частности, предписывалось приобщение небольшой группы униатов (130 тыс. душ) к православной церкви. 579 402 крестьянина-католика в трех губерниях (70 061 — в Киевской, 224 353 — в Подольской и 284 988 — в Волынской) было незначительным числом по сравнению с тремя миллионами православных⁵. Впрочем, властям не потребовалось особых усилий, чтобы разжечь в украинском крестьянстве тлеющую вражду к польской шляхте.

Не все поляки, как было показано в первой части, являлись землевладельцами, хотя, как известно, все они считали себя шляхтичами. Тем не менее, крестьяне с ненавистью относились к безземельной шляхте, поскольку именно ее чаще всего привлекали помещики для службы в качестве управляющих, экономов и т.п. Для воспоминаний всех польских авторов об этом регионе характерно обращение к одной крайне важной дате, а именно к 1768 году — году страшной резни польской шляхты в Умани. Еще в XVIII в. киевский депутат сейма Ян Хоецкий справедливо указывал на экономов как на непосредственных эксплуататоров простонародья: «В уманских и белоцерковских имениях [т.е. в крупных поместьях Потоцких и Браницких. — Д.Б.] на службе состоит тысяча шляхтичей; у них есть имения, свободы, и они всем заправляют»⁶.

Ненависть к полякам и шляхте в это время достигала неслыханной силы; ее ужасающий образ находим в поэме 1828 г. «Каневский замок» польского поэта-романтика С. Гошинского. Герой поэмы казак Небаба, возглавивший в 1768 г. восставших крестьян, призывает своих товарищей идти за ним на борьбу против польской шляхты:

Тот, у кого кнутом отец засечен,
Тот, у кого похищена жена,
Невеста юная осрамлена,
Тот, кто был лаской панскою отмечен,
Того стенаньем девушек и вдов
И муками погибших заклиная —
Пускай скорее выйдет из рядов.
Становится ко мне поближе, с краю.

Это обращение перерастает в поэме в призыв к мести:

Кто изнемог под игом панских пут
И кто работал на панов годами,
А сам и мерз, и голодал как пес,
Тот, кто не раз утрату перенес,
Кто совершить задумал дело мести,
Чтоб позже с наслаждением вздохнуть,
Того я заклинаю — будем вместе!
Победа! Вольность! На коней — и в путь!⁷

(Перевод С. Свяцкого)

Достаточно обратиться к начальному периоду пребывания поляков на Украине, чтобы понять, что их присутствие никогда не было желанным. В опубликованном еще в советское время сборнике документов и материалов представлен перечень крестьянских восстаний, начиная с XVIII в. — непрерывность этой цепи поражает⁸.

Отношения между поляками и украинцами были не чем иным, как отношениями между помещиками и крепостными. Польский писатель Ю. Крашевский был одним из немногих, возможно даже единственным, кто в упомянутый период решился заклеить бездумное отношение его единоплеменников к крестьянам и показать, что злоупотребления, которые привели к казацким войнам XVII в. и резне XVIII в., в еще большей степени были усугублены в XIX в. Ссылаясь на сочувственное отношение польских авторов, описывающих войны XVII в. (например, на свидетельства Самуэля Твардовского)⁹, Крашевский подчеркивал, что уже в те времена «неслыханным было барское притеснение на Руси, которое частично и привело, или, по крайней мере, во многом помогло Хмельницкому в страшном бунте, за который пришлось заплатить такой мерой пролитой крови. Растущее количество налогов, чиншей, разных выплат, к которым вскоре была добавлена тяжесть военного постоя, становилось практически невыносимым. В случае рождения ребенка или свадьбы требовали дань в звонкой монете — еще сейчас на Полесье и Волыни сохранился обычай приносить в дар пану, например, черную курицу, полотно, крупу, водку, пирог, красный кушак и т.д.». Евреи, также эксплуатировавшие крепостных, страдали от взрывов народного гнева вместе с помещиками, однако, по мнению Крашевского, который, впрочем, сам был землевладельцем, основная ответственность лежала на последних: «...действительно, справедливость, должна быть во всем, но я не знаю, как совместить просвещение, к которому стремимся, с нечеловеческим грабежом, который виден почти всюду»¹⁰. Как известно, Н.В. Гоголь смог мастерски описать эту трагедию XVII в. в повести «Тарас Бульба».

В 1841 г. другой польский мемуарист так писал о подольских крестьянах: «Татары застали бы мужиков в том же виде, в каком их в начале XIV в. оставили. Те же нужды и промыслы, то же невежество и нищета. Труд их подобен скотскому. Требуется присмотра, предоставленные сами себе мужички не работали бы ни на панов, ни на самих себя»¹¹. Рабская атмосфера передана и в живописи тех лет: украинские крестьяне в изображении Каетана Келесинского (1808—1849) зачастую лишь пьют или ругаются. Крашевский указывал на то, что множились суеверия и предрассудки, никто не пытался спасти избы во время пожара, поскольку к огню относились как к гостю, которого нужно должным образом встречать. Крестьян было легко держать под контролем, злоупотребляя их простотой и набожностью, требовать, чтобы падали ниц при виде своего господина. По мнению Крашевского, немного более высокий уровень жизни здешних крестьян по сравнению с Царством Польским объяснялся лишь плодородием украинской земли¹². В целом же помещики не выделяли больше трети земли под наделы крестьянам, которые после отмены крепостного права в 1861 г. продолжали бесплатно обрабатывать помещичьи земли, как правило более плодородные (такое положение дел будет сохраняться вплоть до 1917 г.)¹³. Собственно, основной причиной всех бунтов и было рабское угнетение. Однако действия крестьянских банд, таких как отряд Устима Кармелюка, который в количестве 2700 человек терроризировал помещиков Волыни и Подолья с 1812 по 1835 г., пока его предводитель не был пойман и казнен, не следует рассматривать в качестве проявления национального самосознания, которое в этот период было достаточно слабым¹⁴.

УЖЕСТОЧЕНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА

Так или иначе, но легко понять, почему призывы о поддержке, с которыми восставшие поляки обратились к своим крепостным в 1831 г.¹⁵, не были не только услышаны, но и вызвали враждебную реакцию (известно, что, например, Ян Янушевский, дядя Юлиуша Словацкого и брат Соломен, был убит украинским крепостным), а также легко понять попытку царских властей сыграть с выгодой для себя на давней ненависти украинских крепостных к польской шляхте. Но, как нам предстоит убедиться, подобная политика не была лишена риска — настраивать крестьян против господ значило бы поставить под вопрос сам институт крепостничества, однако российское дворянство не в меньшей степени, чем польские помещики, использовало труд крепостных в своих имениях и боялось, что такой опыт может стать заразительным и обратиться против царской власти. Игра между тремя участниками — поляком, украинцем и русским — приобретала зачастую острый и сложный характер.

В 1839 г. Комитет западных губерний в Петербурге¹⁶ с удивлением ознакомился с направленным против польских повстанцев воззванием, которое еще за восемь лет до этого, в 1831 г., распространял главнокомандующий 1-й русской армией генерал Ф.В. фон дер Остен-Сакен: «Жители, сохранившие верность к престолу! Объявляется Вам, что возмутители обманывают Вас и обещают то, чего никогда не могут исполнить, чтобы только делать Вас участниками их преступлений и обогащаются Вашим разорением, не верьте им и тех, которые будут уговаривать и принуждать Вас к бунту, старайтесь захватывать и представлять начальству. Вы никогда уже не будете принадлежать тем помещикам, которые восстают против законной власти [подчеркнуто в оригинале. — Д.Б.]»¹⁷.

Генерал-губернатор Д.Г. Бибииков, который сначала представил Николаю I обстоятельства этого дела, припомнив о неосторожном обещании, данном украинскому люду, хотел показать Комитету, что именно теперь, когда раскрыт «заговор» Шимона Конарского, действовавшего во имя народных нужд, следует принять определенные меры в интересах крестьян.

Действительно, за все время своего существования Комитет западных губерний рассмотрел лишь одно дело о личном освобождении крестьянина за донос, сделанный в мае 1831 г. на своего помещика Т. Левицкого из Волынской губернии. Благодаря свидетельству еще пяти крепостных Семен Бурделюк получил вольную, подтвержденную царем 30 июля 1835 г.¹⁸ Другие же, подчеркивал Бибииков в отчете за 1839 г., чувствовали себя обманутыми, т.к. были вынуждены вернуться к своим прежним хозяевам, что подорвало их веру в царя. Этой участи избежали лишь те крестьяне, которые были приписаны к конфискованным в результате восстания польским поместьям. Однако и они не были довольны, т.к. попали под контроль Военного министерства, и теперь на них распространялся регламент Аракчеева, предусмотренный для военных поселений. Этим как раз, с горечью констатировал Бибииков, и пользуются польские помещики, убеждая крестьян поддерживать их и оставаться послушными подданными, чтобы не попасть в военные поселения.

Как видим, основная ставка в игре за сохранение влияния в крае делалась именно на украинское крестьянство.

Генерал-губернатор, обеспокоенный сменой настроений в крестьянской среде, констатировал, что во время проведения следствия по делу Конарского не было получено ни одного доноса на помещиков. Через несколько месяцев, в мае 1839 г., в рапорте шефу жандармов и главному начальнику III отделения А.Х. Бенкендорфу Бибииков отмечал, что в его губерниях крестьяне «стараятся верной службой Полякам и преданностью к своим помещикам выиграть их благорасположение и тем улучшить свой

быть»¹⁹. То, что Бибилов воспринимает (или делает вид, что воспринимает) как сближение между украинскими крепостными и их польскими помещиками, было лишь следствием нараставшего террора, механизм которого раскрывают материалы архива киевской полиции с конца 1831 г., т.е. сразу после провала восстания. На самом деле для распростившихся с надеждой на возрождение Польши землевладельцев вновь на первый план вышли классовые интересы и стремление к социальному доминированию.

В свою очередь, царская полиция была безразлична к обещаниям, данным военными за несколько месяцев до этого. Исправники, так же как и помещики, стремились к суровому соблюдению *status quo ante**. Таким образом, мы являемся свидетелями того, как быстро было найдено взаимопонимание между русскими (царскими властями) и поляками (помещиками) по вопросу защиты крепостного строя, здание которого покачнулось в период восстания.

Среди материалов встречаются вызывающие удивление жалобы предводителей шляхты разных уездов, адресованные представителям царской власти. 17 июня 1831 г. предводитель Васильковского уезда Боровицкий жаловался киевскому военному губернатору Б.Я. Княжнину, что около двадцати крепостных помещика С. Проскуры отказались отработать барщину и бездельничают. Сходную жалобу на крестьян села Шпитки выслал и предводитель шляхты Киевского уезда Подвысоцкий. Польские помещики обращались с жалобами напрямую к русским чиновникам, как, например, Хоецкий из Сквирского уезда. Некоторые применяли телесные наказания к крестьянам за то, что те не поддержали их во время восстания, на что царская полиция не обращала никакого внимания²⁰.

Неповиновение крестьян могло иметь и более тяжелые последствия. В августе 1832 г. крепостные очень богатого польского помещика Иеронима Собанского из сел Медведовка, Мельники, Голодовка, Осота и Косары Чигиринского уезда, поверив обещаниям царских властей, отказались отработать барщину. Откликнувшийся на жалобу владельца волынский военный губернатор Левашов послал со специальным заданием по наведению порядка часть Волынского уланского полка во главе с полковником Пайковым. После успешного завершения экспедиции, предводитель местной шляхты выслал 13 августа губернатору благодарственное письмо, в котором от имени всей шляхты своего уезда выражал надежду, что отныне ее отношения с крестьянами наладятся, а имевшие место события не ослабят ее власти над подданными. Однако волнения продолжались вплоть до конца 1832 г., их организаторы были наказаны: трем присудили по 30 ударов розгами, одного отдали в солдаты, а еще одного сослали в Сибирь²¹.

* Положение, существовавшее ранее (лат.). (Прим. пер.)

Таких случаев было немало. 30 июня 1832 г. киевский военный губернатор довел до сведения шляхетских собраний, что с каждым ссылаемым в Сибирь крепостным должна ехать жена²². Так восстанавливался порядок.

Польские помещики с все большей жестокостью относились к своим крепостным, веря в свою безнаказанность и желая отомстить украинцам за безразличное отношение к польскому делу. Муж знаменитой Эвелины Ганской, возлюбленной Бальзака, закрывал глаза на действия своих экономов, занимавшихся наведением порядка. Один из них, Врублевский, прославился тем, что в 1829 г. облил кипящей смолой крепостного, от чего тот вскоре умер. В апреле 1832 г. 56 доведенных до отчаяния крепостных села Сухолуч Радомысльского уезда подали православному священнику жалобу на эконома, который, ворвавшись в церковь во время службы на Вербное воскресенье, вытащил шестерых крестьян и приказал казакам помещика отхлестать их нагайками. Причиной было то, что эти «бездельники» осмелились отправиться в лес за хворостом для починки крыш. Ни эконом, ни Вацлав Ганский, бывший предводитель шляхты Волынской губернии, не только не предстали перед земским судом, но и не были потревожены царской администрацией²³.

Двенадцать крестьян поставили крестики под жалобой, поданной волынскому гражданскому губернатору в Житомире, на эконома помещика Сорочинского, заставлявшего засевать помещичьим льном крестьянские наделы, а крестьянок трясти выращенный лен. (Эти виды работ, как и трудоемкий и длительный процесс выжигания соды из древесного угля, не засчитывались в качестве барщины.) В жалобе также сообщалось, что у отработавших барщину родителей погибли из-за недосмотра двое детей, эконом запретил им жаловаться под угрозой сдачи мужа в солдаты. Волынский губернатор отослал крестьян, признав требования эконома полностью законными²⁴.

Российские чиновники, как и польская шляхта, относились к украинским крестьянам по большей части как к дикой черни, с которой следует всегда быть начеку. В этой связи характерным представляется воззвание, с которым в октябре 1838 г. три российских гражданских губернатора обратились к польским губернским предводителям. Голодные бунты в причерноморской степи, в особенности в Херсонской губернии, а также опасения, что беспорядки могут распространиться на соседнюю Левобережную Украину, так напугали царских чиновников, что они обратились к польской шляхте: «Государь Император, утвердив предложенные Комитетом Министров меры пособия помещикам тех губерний для продовольствия их крестьян, Высочайше повелеть соизволил, чтобы в случае подобных со стороны крестьян буйств они были немедленно усмиряемы даже силой оружия и что следствие таковой Высочайшей воли Г. Главного-

мандующий предписал всем начальникам войск 1 армии, дабы по требованию Гражданского начальства неотлагательно было оказываемо содействие к прекращению беспорядков»²⁵. Хотя такая ситуация была маловероятной в Киевской губернии, гражданский губернатор все же предпочел предупредить предводителей: «Если бы дерзость их [крестьян. — Д.Б.] обнаружилась до такой степени и полицейские меры не могли бы укротить их поступков, а потребовалось пособие со стороны военной, то я предлагаю Вашему Высокоблагородию в таком случае донести мне с эстафетой или нарочным для должного с моей стороны распоряжения»²⁶.

ЧЕГО ЖДАТЬ ОТ ПАТЕРНАЛИЗМА?

Можно констатировать, что до 1838—1839 гг. в своем отношении к украинскому крестьянству Петербург и польские помещики Правобережной Украины удивительно похожи друг на друга. Проявление человеколюбия как с российской, так и с польской стороны было скорее исключением, чем правилом. В тяжелые голодные годы о своей обязанности заботиться о крестьянстве вспоминали лишь некоторые польские аристократы. Вот одно из свидетельств того времени: «Наступило лето (1832 г.) и самая печальная жатва. Нечего было собирать крестьянину, и с грустью свозил он на гумно остатки дрянной соломы, пригодной разве для кормления его худой скотины. Неслыханно выросли цены на хлеб. На Волини корец ржи стоил 30 злотых, немногим меньше — в Подолье и на Украине [то есть в Киевской губернии. — Д.Б.]. Имевшие прошлогоднее зерно помещики, хоть открыли свои токи, но этого было недостаточно, ведь еще нужно было оставить что-то для посева озимых себе и крепостным. К выделенному мизеру зерна приходилось домешивать измельченную кору молодых деревьев или иссеченную и высушенную солому, молоть и печь хлеб. Бесчисленные толпы совершенно нищих и изголодавшихся людей сновали кругом по дорогам и местечкам, вымаливая кусок хлеба...» Автор, приводя примеры чуткого милосердия графини Ожаровской, княгини Радзивилл и графини Дзялинской, утверждает: «По всей Волини несчастье приводило к тому, что помещики делились с крепостными тем, что было у них на токах. Все ли действовали бескорыстно, сложно сказать, но многие делали это из любви к ближним...»²⁷

В том, что касается российской стороны, следует сказать, что закон 1835 г. предусматривал конфискацию в пользу государства земель польских помещиков, проявивших наибольшую жестокость (в то время как земли русских помещиков в таких случаях отдавались под надзор опекунского совета), однако первоначально закон зачастую не соблюдался. Улучшение

положения крестьян было возможно лишь в тех имениях, которые были конфискованы у поляков по политическим мотивам.

Однако 29 марта 1833 г. граф А.Х. Бенкендорф передал министру Е.Ф. Канкрину повеление проверить, насколько правдивы жалобы крестьян, писавших, что при прежних польских хозяевах им жилось лучше. По правде говоря, шеф жандармов считал, что все эти слухи «могут проистекать сколько от корыстолюбивых видов тех лиц, состоящих большей частью из польской шляхты, которые заведывают конфискованными имениями, столько и от неблагонамеренности сих управляющих, которые таковыми средствами желают, может быть, возбудить между крестьянами неудовольствие и ропот против Правительства». Тем не менее подольский гражданский губернатор организовал проверку. Он утверждал, что крестьяне платят обычный налог (3 рубля — двулошадный крестьянин, 1 рубль — однолошадный, 66 копеек — безлошадный). Киевский гражданский губернатор был поставлен в известность о тяжелом положении с тягловой силой и семенным фондом, его также просили оказать содействие в преодолении этих трудностей. В свою очередь, волынский гражданский губернатор констатировал, что управляющие в конфискованных имениях Вацлава Жевуского близ Ковеля, возможно, допускали злоупотребления, однако по сравнению с ними управление казенными лесами, до конфискации принадлежавшими овруцким монахам-базилианам, действительно применяет драконовские меры, в связи с чем необходимо разрешить крестьянам, как и раньше, продавать смолу и деготь, выжигаемые из собранных дров. В конце концов, на основании проверок на местах киевский генерал-губернатор сообщил 4 октября 1834 г. в Петербург, что к «конфискованным» крестьянам везде относятся хорошо, и они постепенно приходят к убеждению, что их нынешнее положение на порядок лучше службы у польских помещиков²⁸. Однако это улучшение, как было показано, носило условный характер — после введения в 1837 г. военных поселений в связи с перестройкой Киселевым организации казенных крестьян положение «конфискованных» лишь ухудшалось.

В какой степени государство и помещики заботились о крестьянах? Патриархальный образ сельской жизни лишь создавал видимость опеки. В Киевской губернии царские власти содержали девять больниц, один сумасшедший дом и один приют для бедных; как и по всей империи, ими управлял Приказ общественного призрения. В сельской местности о здоровье крепостных должны были заботиться помещики, но к этой обязанности они, как правило, относились крайне небрежно. В 1850 г. предоставление медицинской помощи крестьянам в Киевской губернии было зафиксировано лишь в 53 поместьях. Большая часть землевладельцев заявляла о нескольких сотнях больных, в нескольких случаях речь шла о

нескольких десятках. Самому большому количеству больных (1200 в течение года) была оказана помощь в имении Браницких (Белая Церковь, Ставище, Смела). Как и в 27 других имениях, помощь предоставлялась бесплатно, остальные помещики требовали платы. Тем не менее оказываемая помощь была недостаточной, среди крестьян наблюдалась высокая смертность.

Регулярно повторялись большие эпидемии. Наибольший урон приносила холера: крестьяне безуспешно пытались избежать ее, прячась по хатам. 15 августа 1848 г. Юзеф Крашевский в письме к матери сообщал: «По всей Волини и Подолью ужасно свирепствует холера, особенно в местечках, но бывают случаи, когда и в селах обычная дизентерия превращается в холеру. Смертность большая, оторванность, разрыв связей с внешним миром, тишина, изредка нарушаемая криками, не может не волновать. Если и приходят какие-то вести, то, хоть и могут грешить преувеличениями, по сути своей ужасают. В Каменце — беспримерное количество смертей, в Кременце, в Дубне — огромное, в Луцке, Торчине — хоть и меньшее, но все же значительное. Люди мрут и мрут. У нас, слава Богу, до сих пор тихо, но почему-то страшно...»²⁹ Если у помещика были такие впечатления, то что можно говорить о реакции крепостного?

Избежать барщины было практически невозможно. Однако для крестьян, пользовавшихся расположением богатого помещика, крепостная зависимость могла быть совершенно иной. Около 1850 г. в связи с ростом экспорта зерна через Одессу появляется немногочисленная группа привилегированных крестьян — чумаков, перевозчиков и доверенных лиц крупных производителей зерна, отвечавших за доставку зерна в порт, а из порта — вин и колониальных товаров из Марселя для своих господ. Некоторые крепостные, хотя в основном эти должности занимала безземельная шляхта, были управляющими, гуменщиками (смотрителями при гумне), атаманами (старшими пастухами). Другие же благодаря бытовавшей еще традиции держать в крупных польских поместьях «почетную гвардию» становились казаками. Они носили форму, известную еще в давние времена Речи Посполитой, или ливреи, цвета которых соответствовали цветам, характерным для того или иного магнатского рода. В такую гвардию выбирали физически развитых крестьян, выполнявших разные тайные поручения, выступавших посредниками между поместьями, ухаживавших за барскими детьми и т.п. Как правило, эти привилегированные крепостные забывали о своем происхождении и были готовы служить душой и сердцем своим хозяевам.

В неопубликованном дневнике Кароля Бжозовского, написанном, скорее всего, в 40-х гг. XIX в., отдельная глава посвящена его благотворительной деятельности. Стоит отметить, что даже те помещики, которые

проявляли наибольшую человечность в отношении крепостных, были убеждены в их умственной неполноценности. Бжозовский писал: «Под ногами у земледельца рассыпаны щедрые дары неба, нужно только, чтобы он собрался над ними склониться, а если захочет он уклониться даже от такого труда, необходимо его принудить к нему. Сельский люд нуждается в отеческой опеке: многие ошибаются, полагая, что лучше всего предоставить его самому себе, что, мол, когда станет ему невтерпех, то и ленивый возьмется за работу, но этого не происходит, и об этом стоит помнить, если мы действительно хотим понять сельский люд. Случалось так, что я покупал поместья, в которых крестьяне жили в большой бедности, нищете, голоде, без одежды, почти в хлевях; через три года нищета исчезала, а через шесть — благосостояние крестьян восстанавливалось. Важные, а одновременно самые простые меры к тому — это дать каждому крестьянину как можно больший надел, который возможно выкроить и который земледелец будет в состоянии обработать. Безземельных крестьян быть не должно, потому что неизвестно, к какому классу следует относить земледельцев без земли: они хоть и могут прокормиться поденной работой, но в случае болезни, увечья или старости, превратятся в попрошаек...» Далее Бжозовский объясняет, благодаря чему ему удалось добиться процветания своих крепостных: он дал займы всем нуждавшимся, а то, как распорядиться полученными средствами, решалось на общем крестьянском сходе; там же при всем народе позднее позорили неудачников. Эта мера применялась и к заядлым пьяницам. Кроме того, крестьяне должны были подписать обязательство не пить в течение определенного срока, а тех, кто нарушал данное слово, хозяин сажал на неделю на хлеб и воду, утром и вечером они получали по одной розге — считалось, что своим поступком они оскорбляли Бога и подавали плохой пример остальным³⁰. Немногочисленные прозорливые свидетели эпохи единогласны в том, что незыблемость существовавшего порядка вещей в этой отдаленной части Европы сохранялась из-за господствовавших архаических отношений. «Помещик, сосредоточив в своих руках административную, исполнительную, а зачастую и судебную власть, — писал Август Иванский, — был полным хозяином в своем имении и проводил замену крестьянских наделов так, как ему было выгодно, обменивал, а временами и забирал у крестьян хутора, на которых они издавна вели хозяйство, вмешивался в порядок распределения их податей и набора в рекруты, забирал способных слуг при продаже имения, переселяя их в другие села, временами выступал арбитром в супружеских делах. И этот порядок вещей помещики и крепостные считали чем-то естественным и не подвластным никаким переменам»³¹.

Насилие в этом мире было важнее милосердия, а одно из самых жестоких его проявлений — набор в рекруты — служит еще одним свидетель-

ством существования польско-российского заговора. Царские власти, поручая помещикам ежегодно набирать рекрутов на двадцатипятилетнюю военную службу, тем самым развязывали им руки. Это поистине страшное наказание касалось в первую очередь пойманных беглых крестьян. Для их поимки устраивались облавы, беглецов искали всем селом, а затем отправляли на рекрутскую комиссию. Зачастую это случалось и с теми несчастными, которые позволили себе «надерзить», т.е., по словам Иванского, «за любое проявление человеческого достоинства, чего тогдашняя шляхта терпеть не могла, поскольку, к сожалению, этого не понимала и не чувствовала к тому необходимости»³². Набранных в рекруты заковывали в кандалы и увозили. «Послушайте, когда кого-то берут в рекруты, — писал Ю. Крашевский, — какой плач, какое отчаяние, какие рыдания! Самое удивительное, что в такие торжественные минуты горя женщины вместо того, чтобы говорить и плакать, все время угрюмо словно неосознанно поют. Идя за телегой бедного изгнанника, они утирают глаза и грустным пением провожают его к местечку. Задумавшись глубже над причиной слез и горя, найдешь в них материальные причины, хотя чего еще можно ожидать от такого необразованного и бедного люда?»³³ Несомненно, этот люд можно было просветить и обучить. Часть польских помещиков осознавала тогда эту проблему: «В руках господ находится дело просветительства, дело похвальное, святое прежде всего. Правительство разрешает открывать в селах приходские школы. Подобные школы, сиротские приюты для детей, больницы для больных, но прежде всего, беззаветные и активные действия привели бы к возрождению многих сотен тысяч людей, судьба коих Божьим Провидением в руки господ под серьезную ответственность отдана!..»³⁴ Мы еще убедимся в том, что, к сожалению, эти благие намерения не были реализованы. Вопрос об образовании был напрямую связан с российско-польским соперничеством: царское правительство давало согласие лишь на открытие русских школ, а помещики хотели общаться со своими крепостными лишь по-польски. Преграда оказалась непреодолимой. Н.И. Костомаров, который в качестве учителя часто ездил по Украине, а кроме того, занимался поиском материалов для своей работы о Богдане Хмельницком в библиотеках помещиков, писал в «Автобиографии», что «интеллигентный язык во всем крае был исключительно польский и даже крестьяне поневоле должны были усваивать его»³⁵.

Часть католического клира и наиболее прогрессивные писатели пытались, правда без особого успеха, оказать влияние на помещиков в решении крестьянского вопроса. В целом католическая церковь, преследуемая и переживавшая после 1831 г. определенный кризис, в незначительной степени интересовалась социальными проблемами. Однако именно в форме проповеди, вложенной в уста священника, писатель Титус Щеневский

обратился к польским помещикам: «Сколько же среди вас, славных, дружелюбных, благонаправных и даже набожных, не постигли того, что не скотину Господь отдал в ваше ведение и что вы не должны обходиться со своими подданными так, как идолопоклоннические народы Рима и Греции обращались со своими рабами, или как недавно еще поступали с неграми... [многие из вас] думают, как бы в свою пользу пересчитать барщину, эти дни кровавого пота и труда, как бы обвести вокруг пальца крестьянина, чтобы свалить на него и его бедную жену груз самых тяжелых работ... А что говорить о тех, кто злоупотребляет правом телесного наказания, немилосердно относится к люду, невзирая на то что этот необразованный по милости тех же помещиков люду нуждается в большей снисходительности к чинимым им поступкам, которые в основе своей являются следствием подлого положения, в котором его удерживают... Всегда ли были от ваших неприличных распутных домогательств защищены их дочери, их жены? Какого же наказания заслуживают те, кто, используя высоту своего положения над подданными, толкает эти бедные и несчастные существа в бездну позора?..»³⁶ Следует сказать, что положение украинских женщин — одна из наиболее болезненных тем. Польская шляхта смотрела на крепостных чрезвычайно цинично, и хотя не все были настолько богаты, как граф Мечислав Потоцкий, державший в Тульчинском дворце гарем из крепостных красавиц³⁷, многие сожительствовали с крепостными крестьянками, за что их в своих популярных морализаторских романах клеймил Ю. Крашевский.

Исключительными примерами иного отношения к крестьянству Украины, спасающего честь польской шляхты, являются Юзеф Крашевский и Зигмунд Милковский, писавший под псевдонимом Теодор Томаш Еж. Крашевский не обращал внимания на национальные отличия между помещиками и крепостными, однако в 1840—1860-х гг., когда он писал свои популярные романы, это было еще допустимо. Героями его книг были украинцы, подобно тому как героями Жорж Санд были жители французской провинции Берри. Но как в одном, так и в другом случае главным для писателей было то, что их героями были крестьяне. Крашевский сам в 1840—1846 гг. занимался хозяйством в небольшом имении Грудек под Луцком в Волынской губернии, а позже в имении Губин. Искреннее желание обличить помещиков в эксплуатации крестьян и борьба за человеческое достоинство обездоленных привели к тому, что Крашевский нажил себе множество врагов среди людей своего же класса. Судьба Милковского сложилась иначе. Он учился в Немировской гимназии, Одесском лицее и был студентом Киевского университета, в 1848 г. ему довелось принимать участие в Венгерской революции. Написанная в 1857 г. и посвященная крестьянской теме повесть «Васьль Голуб» основана на личных

воспоминаниях писателя. Это история крестьянина, который бежит от жестокого помещика в бессарабские степи. В повести элементы реализма сливаются с утопическими идеями аграрного общества.

Произведения обоих писателей, несмотря на то что сегодня могут казаться крайне мелодраматичными, отражают грустную действительность того времени. В повести «Уляна» (1842 г.) Крашевский изображает трагическую судьбу соблазненной собственным помещиком крестьянки. Муж в отчаянии избивает ее, за что помещик сажает его под замок. Брошенная любовником женщина вешается, а ее муж поджигает усадьбу и тоже кончает жизнь самоубийством. Написанная в том же году «Повесть о Савке» посвящена подобной типичной ситуации, когда польский шляхтич (управляющий) похищает жену у замученного непосильным трудом бедняка Савки. Савка, ранив его, решает бежать в австрийскую Галицию. Герои этих произведений связывают причины своей тяжелой нишей жизни с божьим гневом, обрушившимся на них за грехи. Тем не менее Крашевский разоблачает польских помещиков, указывая на то, что им известны лишь кулак и палка, они бесчестят женщин и девушек, подкупают царскую администрацию, чтобы скрыть следы собственной жестокости. В повести «Остап Бондарчук» (1847 г.) показана пропасть, отделяющая от мира господ крестьянина, которому удалось получить образование. Продолжением этой темы стала написанная в 1860 г. в разгар общероссийских дискуссий о будущем освобождении крепостных повесть «История колышка в плетне», в которой Крашевский разоблачает отсталость и ограниченность шляхты. Это повесть о талантливом крепостном музыканте, которому суждено так и остаться слугой, подобно тому как из прекрасного молодого дуба выйдет всего-навсего колышек для плетня. Не понятый и осуждаемый шляхтой, Крашевский после восстания 1863 г. эмигрировал в Саксонию.

По сравнению со всеми землями давней Речи Посполитой Правобережная Украина, несомненно, была наиболее отсталой в социальном плане. Разница в сознании поляков — жителей Украины и поляков — эмигрантов во Франции была огромной. Последние по иронии судьбы, вдохновленные демократическими идеалами, дали одному из «Обществ польского люда» название «Общество Умань» в знак солидарности с угнетаемым народом Украины. Как же далеки они были и оторваны от действительности!

Руководитель упомянутой группы демократов Хенрик Каминский в своих воспоминаниях, опубликованных лишь в 1951 г., описывает, как во время своей тайной поездки на Правобережную Украину в 1844 г. он убеждал нескольких крестьян поверить в рай, которым станет Польша (а с ней и Украина), когда помещики добровольно откажутся от барщины. Впрочем, он быстро убедился в безрезультатности таких бесед.

УМЕЛОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ

Февраль 1838 г., время вступления в должность нового киевского генерал-губернатора Дмитрия Гавриловича Бибикова, следует считать поворотным пунктом в царской политике по крестьянскому вопросу на Украине. С этого времени политика Петербурга будет направлена на то, чтобы максимально использовать случаи злоупотреблений польских землевладельцев в отношении крепостных, чтобы теснее связать украинское население с Российской империей. Царские власти, не реформируя крепостные отношения в самой России, пытались добиться их ослабления именно в этом регионе с целью ограничить польское влияние. Отличались ли условия крепостничества в Центральной России по сравнению с Правобережной Украиной? Ситуация была общей в том, что касалось рекрутского набора и телесных наказаний³⁸. Привела ли замена барщины оброком к улучшению положения?³⁹ В данном исследовании не столь важен вопрос о том, насколько консервативная часть российских помещиков была готова к переменам, — куда важнее для нас представить степень ограниченности польских землевладельцев.

Уже в 1837 г. Комитет западных губерний на основании закона 1835 г. потребовал от губернаторов трех юго-западных губерний назначить специального чиновника для принятия жалоб от крестьян, принадлежавших помещикам или католическому духовенству, а также полицейского — для проведения соответствующих расследований⁴⁰. Становилось ясно, что превышение власти польскими помещиками обернется против них самих, став отличным поводом для антипольской борьбы.

7 января 1838 г. Николай I обратился к Комитету с поручением рассмотреть предложения анонимной докладной записки ярко выраженного антипольского характера. Царь не раз прибегал к такого рода приемам, желая выразить или поддержать интересные, с его точки зрения, идеи. В данном случае высказывалось два предложения: о полной конфискации земельной собственности католической церкви, к чему мы еще вернемся, и об ограничении власти помещиков над крепостными. Комитет был напуган смелостью этих предложений. Они были поддержаны лишь князем Долгоруковым; впрочем, в будущем ко второй идее еще вернуться⁴¹. Через десять лет она будет воплощена по инициативе Бибикова в «Инвентарных правилах». В связи с этим можно предположить, что автором анонимной записки царю был не кто иной, как Бибиков, получивший через месяц назначение на должность генерал-губернатора трех губерний. В конечном счете все инициативы этого непримиримого врага поляков вплоть до конца его карьеры в 1852 г. имели одинаковую направленность.

Сделанное предположение подтверждает и одно из первых решений нового генерал-губернатора. 16 апреля 1838 г., едва вступив в должность, Бибиков обратился к уголовным палатам каждой из губерний с требованием предоставить сведения о расследовании дел по злоупотреблениям в отношении крестьян. Это полностью отвечало духу анонимной записки к царю. Если принять во внимание то, что в это время, а также и в дальнейшем суд над крестьянами вершила польская шляхта согласно устоявшейся еще до разделов Речи Посполитой традиции, то не должно вызывать удивления, что обращение Бибикова осталось без ответа. Однако он настойчиво повторил свое требование в письме от 13 января 1839 г. Поскольку он успел зарекомендовать себя как человек крутого нрава, то на этот раз поквартальные данные за 1839 г. были представлены, хотя и не исчерпывающие.

Подольский земский суд сообщал, что в 1-м квартале 1839 г. было рассмотрено три случая злоупотреблений — избиение, ранение, жестокое телесное наказание крепостных. В двух случаях чрезмерная жестокость стала причиной смерти. Не было вынесено ни одного обвинительного приговора, каждый раз виновниками были эконоы шляхетского происхождения. Во 2-м квартале было зафиксировано одиннадцать подобных случаев, пять из которых закончились смертью и один — самоубийством крепостного. Не лучше обстояли дела и в Волынской губернии — семь случаев грубого обращения в 1-м квартале (непосильный труд, насилие, выкидыши у женщин после избиения) и еще тринадцать — к концу года; большинство из них стали причиной смертельного исхода. Наказания не последовало. Перечисленные фамилии помещиков, управляющих, а также названия поместий, в которых были зафиксированы эти случаи, являются, несомненно, польскими⁴².

Генерал-губернатор, заинтересовавшись таким положением вещей, приказал подготовить более подробные списки по каждой губернии за период с 1838 по 1840 г. Эти списки говорят сами за себя: в одной колонке представлены случаи, рассмотренные судом, во второй — решения, вынесенные шляхетским правосудием. Трудно найти более удручающий пример обращения помещиков со своими крепостными, свидетельствующий о духе шляхетского правосудия, остававшегося неизменным со времени Литовского статута. Отмена этого Статута в 1840 г., о чем еще пойдет речь, была неизбежной.

Достаточно сопоставить несколько случаев жестокого отношения к крепостным с откровенным цинизмом вынесенных «судебных приговоров», чтобы понять суть устоявшихся взаимоотношений между помещиком и крепостными. В качестве примера обратимся к подборке, сделанной Киевской уголовной палатой на основании данных земских судов⁴³.

— *16 декабря 1837 г.* Эконом Л. Вежбовский избил двух больных крестьян, один из которых умер. Приговор: месяц ареста и наложенное ксендзом церковное покаяние.

— *18 декабря 1837 г.* К. Коцубинский, эконом в поместье Мадейского, назначил наказание, которое привело к смерти. Обвиняемый освобожден.

— *2 января 1838 г.* После избиения экономом из поместья Давидова у крестьянки произошел выкидыш. Две недели ареста.

— *7 января 1838 г.* Сверчевский, помещик из Сквиры, вместе со своим экономом принуждали крестьян к работе в воскресные и праздничные дни. Два месяца ареста.

— *14 января 1838 г.* После наказаний эконома Чайковского крепостная скончалась. Месяц ареста за свой счет.

— *14 января 1838 г.* Главный управляющий имения Браницких Домбровский, а также экономы Пискорский, Маркевич, Вишневецкий и Вахновский принуждали к дополнительным работам в воскресные и праздничные дни. Поскольку крестьяне, подавшие жалобу, прекратили отбывать барщину, суд не рассматривал данное дело, ограничившись простым замечанием обвиняемым.

— *18 февраля 1838 г.* Суд над помещиком К. Добжанским по обвинению в чрезмерно суровом наказании соседских крестьян, один из которых повесился; шляхтич был «временно» посажен под домашний арест. В отношении самоубийства крестьянина принято решение согласно часто встречающейся формулировке — «на то воля Божья».

— *11 марта 1838 г.* Землевладелец Т. Тушинский до смерти забил одного из своих крепостных. Оправдан.

— *28 апреля 1838 г.* Эконом князя Радзивила Я. Замброшицкий забил крестьянина до смерти. Оправдан.

— *20 мая 1838 г.* Эконом Я. Козловский избил до смерти крепостного из поместья княгини Лопухиной. Не был лишен свободы, но было сделано замечание, что впредь наказание будет назначено в соответствии с законом.

— *27 мая 1838 г.* Помещица Ружа Гляер забила до смерти одну из своих служанок. Дело вообще не рассматривалось судом.

— *19 июня 1838 г.* Такое же преступление совершил эконом Ольшанский, он также был оставлен на свободе, т.к. смерть крестьянина наступила по «Божьей воле». Для того чтобы в будущем эконом не распускал руки, его продержали неделю за свой счет под полицейским арестом.

— *30 сентября 1838 г.* Эконом З. Добровольский избил до смерти крепостного. Избежал какой-либо ответственности.

— *10 декабря 1838 г.* Эконом А. Массальский избил крестьянку; она умерла через три дня. Его продержали месяц в тюрьме за свой счет (это

означало, что он мог заказывать еду и иметь прислугу), затем «для очищения совести, предав его церковному покаянию по назначению духовной власти, взыскать от него прогонные деньги».

— 12 января 1839 г. Эконом Трипольских А. Новицкий ударил беременную, родившую после этого мертвого ребенка. За эту «оплошность» две недели провел под арестом в полиции за свой счет.

— 12 января 1839 г. К. Мировский, эконом помещика В. Бушинского, за избиение, приведшее к смерти, был посажен в тюрьму на три недели за свой счет, к нему была применена исключительная строгость — ему запрещалось занимать данную должность впредь.

— 31 мая 1839 г. Эконом Браницких А. Олехневич избил до смерти крепостного. Суд решил: «Смерть крестьянина почесть естественной и дворянина не обвинять». Приняв во внимание жалобы крестьян на беспричинные наказания, он призвал помещика к большей сдержанности.

— 16 августа 1839 г. Эконом К. Кшижановский* побил до смерти крепостного. Эту смерть отнесли на счет Божьей воли, виновник, получив предупреждение, был оставлен на свободе.

— 19 августа 1839 г. Эконом С. Бжозовский** побил беременную женщину, что привело к преждевременным родам. Был под арестом две недели за свой счет.

— 12 октября 1839 г. Служанка Босючкова повесилась после порки, устроенной помещицей Г. Ероминской. Решено: «случай смерти Босючковой признать последовавшим от собственного ее произвола» и не беспокоить землевладелицу.

— 31 декабря 1839 г. Эконом Ивашкевичей Вежемский*** избил до смерти крепостную, за что был лишен места и посажен на хлеб и воду на две недели. Наказание было сильнее, если жертвой оказывалась женщина, это характерно и для следующего случая.

— 5 января 1840 г. За такое же преступление 24 неделями ареста был наказан эконом Браницких, В. Городецкий. Его обязали дать сумму в 80 копеек (!) на сирот.

— 16 января 1840 г. Помещик А. Августинович избил крепостную, родившую в результате этого мертвого ребенка. Его посадили в тюрьму на три месяца за свой счет.

— 24 января 1840 г. Землевладелец Карпицкий избил крестьянина, который после этого повесился. Помещику было вынесено суровое порицание за то, что произвел наказание на Пасху.

* Возможными были транскрипции фамилии: Кржижановский, Крижановский. (Прим. пер.)

** Возможными были транскрипции фамилии: Бржозовский, Брозовский. (Прим. р. р.)

*** Возможными была транскрипция фамилии: Веремский. (Прим. пер.)

— 24 января 1840 г. Гурский, эконоом Браницких, убил двух старушек. Три дня его держали в полиции, а затем запретили исполнять обязанности, «за невнимание при наказании на болезненное положение старого человека».

— 27 января 1840 г. М. Франковский, эконоом государственных имений Уманского уезда (конфискованных у Потоцкого), за убийство крестьянина был задержан на неделю в полиции и получил серьезное взыскание.

Приведенные примеры вынесенных приговоров сегодня кажутся совершенно возмутительными; они не охватывают даже трех лет и касаются лишь одной губернии. Можно представить себе, какой была жизнь украинских крепостных на протяжении многовековой рабской зависимости. Стоит отметить, что в этих приговорах, преимущественно направленных против эконоомов шляхетского происхождения, даже не считали нужным указывать фамилии жертв, и эта анонимность жертв усугубляет впечатление пренебрежительного отношения шляхты к крестьянскому миру.

Шляхта, жившая на Правобережной Украине, не могла себе представить, что судебные решения могли быть иными. Хенрик Жевуский в «Воспоминаниях Соплицы» (1839 г.) наивно прославляет тех шляхтичей, которые добровольно, без принуждения со стороны полиции приходили в суд и ради искупления вины определяли себе сами несколько недель покаяния (глава «Пан Лещиц»). Не тем ли самым восхищается в «Пане Тадеуше» Адам Мицкевич, вкладывая в уста Войского такие слова:

То время доброе давно умчалось, паны,
Когда шляхетские разнузданные страсти
Обуздывать могли без полицейской власти,
И свято верили и уважали право,
Порядок с волей был, и шла с богатством слава!

(Перевод С. Мар (Аксеновой))

Именно поэтому ксендз Робак с пониманием отпускает грехи Ключнику, который позволил себе «на беззащитного... поднять оружие»: убийство крепостного вообще не считалось преступлением!

Стоит отметить, что снисходительное отношение к преступлениям такого рода практиковалось только в отношении шляхты. Когда же виновником становился крестьянин, которому повезло (а это, как уже говорилось, было редкостью) стать эконоомом, то его наказывали по всей строгости. Так, 13 сентября 1839 г. тот же Киевский суд присудил 25 ударов розгами крестьянину-эконоому, который с согласия своего помещика С. Ясинского наказал крепостного, покончившего затем жизнь самоубийством. Эконоома вскоре выслали, участие помещика не было принято во

внимание. Подобная история произошла и с Беньковским, экономом Браницких, чье шляхетское происхождение вызывало сомнения. 26 ноября 1839 г. за принуждение крепостных к работам он был приговорен к трем месяцам тюрьмы и крупному штрафу, ему также было запрещено в дальнейшем занимать должность эконома. Итак, отношение к крепостным хуже, чем к скоту, было исключительной привилегией шляхты и дворянства. Все это осуществлялось при молчаливом согласии внимательно следившей за происходящим судебной власти, которая также состояла из людей шляхетского происхождения.

28 сентября 1839 г. Бибиков, принимая во внимание всю серьезность ситуации, подготовил «Проект предложения уездным предводителям дворянства» и поручил гражданским губернаторам трех губерний распространить его среди заинтересованных лиц. В этом проекте высший представитель царской власти говорит о гнетущем впечатлении, которое на него произвели полученные донесения, и призывал предводителей шляхты проявить здравый смысл, ссылаясь на моральные принципы и благо крепостных. Подобный текст был распространен и среди исправников, уездных полицейских начальников, с призывом следить за порядком⁴⁴. Разоблачая злоупотребления, Бибиков одним выстрелом убивал двух зайцев: с одной стороны, закладывал фундамент для верховенства центральной российской власти над судебными органами, действовавшими на Украине, а с другой — подрывал среди поляков доверие к возможным сторонникам «друга народа» Ш. Конарского. После ликвидации «заговора» царские власти превратились в единственного защитника крепостных.

КАК ОБЛЕГЧИТЬ КРЕСТЬЯНСКУЮ ДОЛЮ?

Пополняя свое досье, генерал-губернатор 28 ноября 1839 г. просил предоставить данные о количестве крепостных, сосланных помещиками в Сибирь за предыдущий год. Однако в этот раз результаты не оправдали его ожиданий. Сведения поступили лишь от трех шляхтичей из Подольской губернии — Седроцкого, Ижицкого и Сулатицкого и двух русских помещиков из Киевской губернии (Ф. Уварова и М. Протопопова). Однако это не помешало губернскому прокурору предложить в письме к Бибикову от 4 декабря 1839 г. лишить польскую шляхту права ссылки крестьян в Сибирь. «Многие, — писал прокурор, — без сомнения питают мщение к крестьянам своим», часто выдававшим их властям во время Ноябрьского восстания. Он подчеркивал, что помещики держат зло на крестьян и за то, что те осмеливаются подавать жалобы царским властям. И хотя в 1826 г. предводителям дворянства предлагалось вести тайное наблюдение и противодействовать высылке крепостных, прокурор не питал к ним доверия, по-

скольку они, «принадлежа сами к сословию помещиков, едва ли могут быть всегда бесстрастными в сем отношении». Он предлагал отменить статью 601 т. IX и статьи 319, 320, 321 т. XIV Свода законов, где предоставлялось это право землевладельцам, а надзор за крестьянами — полностью передать в ведение государственной полиции⁴⁵.

Через полгода, 2 июля 1840 г., Бибиков обратился к представителям шляхты по крестьянскому вопросу в более торжественной форме, выслав с подтверждением о получении уездным предводителям циркуляр, напечатанный на трех больших листах. Он отмечал, что в трех порученных ему губерниях крестьяне подвергаются слишком большой эксплуатации и притеснению, а также винил за пренебрежение своими обязанностями тех владельцев, которые передавали всю власть управляющим. В следующей главе мы убедимся в том, что злоупотребления части помещиков станут основанием для безжалостной борьбы с огромной группой безземельной шляхты и для проведения ширококомасштабной акции по пересмотру ее статуса, которая приведет к ее деклассированию. Пока же отметим, что генерал-губернатор затеял беспроигрышную игру и, опираясь на соответствующие судебные документы, мог утверждать, что экономы вышли «из низшего класса людей, не образованные и нимало не понимающие возлагаемой на них обязанности». Эти люди, подчеркивал Бибиков, избирались на основании шляхетской солидарности и были привязаны к своим хозяевам долговыми обязательствами. Все их мысли были направлены лишь на то, как забрать у крестьян последнее, и с этой целью они шли на неслыханные меры, заковывали крепостных в кандалы, брили наголо и т.п. Далее он затрагивал один из наиболее возмутительных моментов в отношениях между крепостными и помещиками — огромное количество самоубийств. Бибиков подчеркивал, что их процент выше, чем в остальной части Российской империи. Страх перед наказанием был настолько велик, что несчастные решались умереть, чтобы избежать издевательств помещиков. За два года и пять месяцев пребывания на должности генерал-губернатора Бибиков зарегистрировал свыше 500 случаев крестьянских самоубийств. Документ заканчивался напоминанием о распоряжении от 6 сентября 1826 г., согласно которому предводителей дворянства обязывали своей властью предотвращать преследования помещиками крепостных, а также информировать об имевших место злоупотреблениях⁴⁶.

Ответы предводителей шляхты на это развернутое письмо были достаточно лаконичны. Они подтверждали его получение и обещали действовать в соответствии с законом. Часть указывала на то, что в этом направлении уже приняты некие меры. Два уездных предводителя позволили себе высказать замечания, крайне характерные для миропонимания польских помещиков того времени.

Предводитель дворянства Овруцкого уезда считал, что ослабление дисциплины сложно было бы осуществить на практике, поскольку крестьяне отличаются особой ленью и нерадивостью. Кроме того, добавлял он, не следует верить всем жалобам. Реакция Бибикова была жесткой — умело используя имеющиеся аргументы, он указал на необходимость подчиниться данному распоряжению: «Ибо по долгу звания вашего и лежащей обязанности стремиться к пользам предводительствуемых вами дворян, невозможно вам не знать в подробности положения, быта, образа жизни и поступков владельцев...»⁴⁷

Ответ предводителя Винницкого уездного дворянства В. Здзеховского, в свою очередь, дает представление об особенностях шляхетского сознания и умении с легкостью находить готовые объяснения, когда речь идет о крестьянских бедах. Причиной самоубийства крепостных, по его мнению, чаще всего было чрезмерное пьянство, а не крайняя жестокость господ. Подобным образом обстояли дела и с кражами. Предводитель выражал сожаление, что из-за подобных случаев помещики попадают под подозрение правительства, и приводил контраргумент, который повторялся шляхтой на протяжении не только XVIII, но и XIX в.: в действительности, пишет В. Здзеховский, виной всему евреям, травящие крестьян водкой. Именно из-за них не удается улучшить положение крепостных. Доведенные евреями до крайней черты бедности, крестьяне совершают самоубийства. Те же из крестьян, кто действительно совершил преступление, на подобные меры не идут, а бегут в бессарабские и херсонские степи, не думая о возвращении. Избавление от евреев, писал Здзеховский, приведет к тому, что крестьяне станут здоровее; пока же таких, судя по рекрутским наборам, найти все сложнее. В том, что касалось злоупотреблений экономов, предводитель, напротив, отмечал лишь их моральные добродетели и чувство приязни к простому люду...

Бибиков был вынужден признать, что из 500 самоубийств за два года «лишь» 50 были следствием жестокости помещиков. Он не согласился с тем, что остальные случаи были вызваны пьянством. В то же время и он не видел корня проблемы, а именно того, что крестьяне доведены до крайней бедности и отчаяния⁴⁸.

Поскольку было невозможно добиться немедленного изменения в отношениях помещиков к крепостным, генерал-губернатор хотел, по крайней мере, очистить от польских управляющих конфискованные имения, перешедшие под казенное управление. К тому времени в трех украинских губерниях насчитывалось 464 казенных имения, из которых 404 арендовали поляки, на которых, по мнению Бибикова, нельзя было положиться, а потому насущной задачей было полное устранение их с должностей. О необходимости проведения подобной чистки уже говорилось в 1839 г. В дан-

ном случае в списке из 12 антипольских мер, представленных в Комитет западных губерний и рассмотренных на заседаниях 3, 20 и 28 апреля 1840 г., это предложение было внесено под 11-м пунктом.

Интересно, что даже заядлые сторонники русификации в Комитете колебались по поводу идеи устранения польских арендаторов, управляющих и экономов и признали эту задачу невыполнимой. Граф П.Д. Киселев, министр государственных имуществ, несомненно, с радостью отправил бы на украинские земли русских или прибалтийских экономов, которые «по нравственным своим качествам предоставляют ручательство в несомненной их преданности правительству», но где было их взять? И высшему лицу в Министерстве государственных имуществ пришлось сделать признание, в корне противоречащее общим обвинениям киевского губернатора, а именно что лишь поляки имеют опыт управления этими именьями и в этом деле они незаменимы. Петербургские власти, таким образом, смягчили занятую киевскими властями позицию и восстановили мнимое равновесие. Оказалось, что, несмотря на проявление очевидной жестокости к крепостным, большая часть поляков знает свое дело. Кроме того, Киселев отмечал, что «поспешность в сих мерах, единственно с целью быстрого преобразования края, в видах исключительно политических, может иметь совершенно противные последствия». Он считал ошибочным ради отдаленных целей назначать управляющими русских, незнакомых со спецификой этой работы, поскольку это могло бы привести к ухудшению положения крепостных и нарушению экономического развития этих земель, напрямую зависящего от умелого управления.

Комиссия признала польские методы ведения хозяйства единственно способными обеспечить рентабельность конфискованных имений в сложившейся ситуации, подтвердила существующее положение дел, однако в то же время среди первоочередных задач назвала обеспечение благосостояния крестьянства⁴⁹.

Однако этого оказалось недостаточно, чтобы сдержать рвение Бибикова. 12 августа 1841 г. Комитет рассмотрел его подробный отчет, в котором он еще раз изложил обвинения против польских экономов, которых, по его мнению, ничто не объединяло с крестьянами: ни религия, ни язык, ни верность трону и родине. Зная, что подобные рапорты сначала читает Николай I, крайне чувствительный к такого рода аргументам, Бибиков добавил, что в ряде случаев крепостные, выдававшие повстанцев в 1831 г., после конфискации имений были переданы в управление женам и родственникам последних. «Как это быть могло?» — пометил царь на полях рапорта. Киселев был вынужден долго объяснять, что, согласно законам, подобных ситуаций избежать невозможно, но в 1840 г. палаты государственных имуществ получили тайную инструкцию о замене по мере инвен-

таризации государственных имений польских управляющих русскими или прибалтийскими немцами, а в случае их отсутствия — поляками, служившими в царской армии, на которых можно было бы положиться. Киселев также обратился к губернаторам с просьбой подать списки возможных кандидатов на эти должности из числа русских, а к рижскому генерал-губернатору — с просьбой опубликовать в газетах перечень имений, где нужны новые управляющие. Оказалось, продолжал министр (и это пришлось признать даже Бибикову), что в трех украинских губерниях «вовсе нет лиц, коих он признавал бы достойными к занятию администраторских мест».

Тем не менее киевский генерал-губернатор, пользовавшийся поддержкой царя, смог одержать верх над министром. Киселеву пришлось вернуться к первоначально отвергнутому им плану действий. Стремясь доказать свое повиновение, он сообщал, что в прессе уже объявлен список казенных имений и уже появилось несколько желающих. При повторной публикации количество русских, желающих стать управляющими, должно было, по его мнению, возрасти. С целью скорейшего изгнания поляков он предлагал отдавать имения русским «в безотчетную администрацию». Киселев также получил от Комитета одобрение проекта о предоставлении новым управляющим после двенадцатилетней службы 30% прибыли, а не 12%, как это было в прибалтийских землях. Кроме того, по его мнению, особую привлекательность эти должности могли получить после принятия закона, позволяющего арендаторам участвовать в дворянских собраниях⁵⁰.

ВЫРВАТЬ КРЕСТЬЯН ИЗ-ПОД ПОЛЬСКОГО ВЛИЯНИЯ

Основной проблемой в изучаемый период продолжала оставаться судьба помещичьих крепостных. Все эти годы, вплоть до 1848 г., Бибиков пытался добиться ограничения полномочий помещиков, что нашло выражение также в известном проекте «Инвентарных правил».

Эта грандиозная идея по сути своей была антипольской; поскольку в других частях империи вопрос о крепостничестве, поднимавшийся многими русскими писателями от А. Н. Радищева до А. И. Герцена, никогда не ставился. Здесь же, напротив, с появлением все большего количества данных об очередных злоупотреблениях помещиков идея контроля над ними становилась все более настоятельной.

Возмущение царских властей вызывали уже не только телесные издевательства, убийства, самоубийства, но и побеги крестьян. В октябре 1842 г. уездный предводитель дворянства Киевской губернии получил от гражданского губернатора еще одно напоминание о распоряжении 1826 г., а также очередной призыв начать борьбу с недостойным отношением к крепостным, которое, как говорилось в документе, приводит к частым по-

бегам крестьян в соседнюю еще малозаселенную Новороссию. Обеспокоенный побегими, министр внутренних дел просил сообщить о предпринимаемых в этой связи мерах. В очередной раз ответственным представителям шляхты сообщалось, что «согласно возложенной на Вас обязанности, Высочайшего рескрипта и существующих узаконений, всем внушать человеколюбивое обращение с крестьянами и должное снисхождение ко всем их нуждам»⁵¹.

Это подозрительное проявление любви высоких царских чиновников к украинскому люду зачастую ограничивало или даже парализовало продажность низших чиновников. События, происходившие с июля по сентябрь 1845 г. в селе Бузова Киевского уезда в имении помещицы Цивинской, дают возможность увидеть эту проблему в более широком контексте, а также понять трудности, возникавшие при урегулировании крестьянского вопроса.

Подкупленная землевладельцами царская полиция не ограничивала помещичьего произвола. Хотя документы не дают прямого ответа, но нетрудно догадаться, на чьей стороне оказался исправник, когда в селе Бузова начались волнения. Следует подчеркнуть, что подобные случаи дают возможность понять, что, какими бы ни были планы гражданского губернатора и какой бы ни была его ненависть к полякам, это не означало, что на местах проводимая им политика реализовывалась.

Узнав, что через губернию вскоре будет проезжать царь, шестнадцать крестьян Цивинской решили подать жалобу. Будучи неграмотными, они обратились с просьбой к Рогальскому, одному из бедных безземельных шляхтичей, который вел скорее крестьянский, чем господский образ жизни. 19 июля 1845 г. он от имени крестьян написал, что Цивинская обманывает их, и они вынуждены выплачивать большую сумму налога, чем предусмотрено государством. Кроме того, она также забирает у них большую часть зерна для производства водки, захватывает лучшие наделы земли, притесняет барщиной, в том числе заставляя работать на винокуренном заводе, и не оставляет крестьянам времени для работы на собственных наделах. Жалоба, конечно же, попала к гражданскому губернатору, который захотел убедиться в достоверности изложенного. С этой целью он обратился к уездному предводителю дворянства Гудим-Левковичу, одному из немногих русских на этом посту (строго говоря, происходившему из казачества Левобережной Украины) и такому же, как и поляки, стороннику крепостного права, а также к исправнику. Эти двое обратились с письмом к православному священнику, которому, очевидно, тоже было щедро заплачено, поскольку он не решился пойти против помещицы. В своем ответе гражданскому губернатору предводитель обвинил во всех грехах крепостных — победа оказалась на стороне сильнейшего.

По сообщению Гудим-Левковича, крестьяне собрались у церкви, заявляя, что царь собирается им даровать свободу, и выступая против своей помещицы. Одна из наиболее взволнованных крестьянок божилась, что получила от царя серебряный крестик и призывала село к бунту, а кроме того, оскорбляла присутствовавших «граждан» и исправника. Кроме того, предводитель сообщал, что «характер крестьян с. Бузовой более как от 30 лет всегда отличался самыми резкими чертами неукротимой страсти к бродяжничеству, буйству и своеволию». Таким образом, с помещицы были сняты все подозрения. Чтобы показать, на чьей стороне сила, предводитель шляхты арестовал и отправил в Киев Рогальского, написавшего прошение к царю, а также потребовал суда над двумя крестьянами. В следующей главе еще будет затронута тема близости положения деклассированного польского шляхтича и украинского крепостного⁵².

В 1844—1845 гг. борьба царских властей за украинские души приобрела особый характер. Приходские школы, содержавшиеся поляками для обучения простолюдинов до 1832 г. (сначала — в традициях Комиссии национального просвещения, затем — под эгидой Виленского университета и под опекой Т. Чацкого), после Ноябрьского восстания были закрыты. Отныне лишь православные священники получили право вести начальное обучение исключительно на русском языке, поскольку царь, как некогда и поляки, украинский язык считал диалектом. По его приказу с августа 1832 г. в шести главных уездных местечках Киевской губернии на средства приказов общественного призрения были открыты начальные школы. Однако до Бибикова доходили слухи о том, что в нескольких крупных имениях велось обучение на польском языке. Существование подобной конкуренции не входило в планы царских властей, стремящихся к культурному доминированию в этом регионе. С 1831 г. русский язык стал обязательным на государственном уровне, несмотря на это, польский продолжал использоваться в частной сфере, в т.ч. в общении с украинскими крестьянами⁵³.

12 сентября 1844 г. канцелярия генерал-губернатора разослала исправникам всех трех губерний циркуляр с пометкой «совершенно секретный» с требованием представить перечень имений, в которых крестьянские дети учатся на польском языке. В большинстве ответов полиции отрицалось проведение обучения на этом языке, хотя и указывалось на существование отдельных кружков, которые организовывали зажиточные помещики отчасти с образовательной целью, поскольку посещавшие их крестьяне прислуживали в костеле или пели в хоре. К примеру, в имении княгини Марцелины Чарторыйской, урожденной Радзивилл, ксендз из-под Ровно вместе с органистом преподавал азбуку и катехизис восьми детям в возрасте от 7 до 15 лет, причем не только крестьянским. В имении графа Пля-

тера того же уезда имелась музыкальная школа, где дети разучивали польские песни. В имении Ожешко Ковельского уезда 11 детей, в том числе, как подчеркивалось царскими чиновниками, 9 православных учились петь. У графа С. Холоневского в Литинском уезде проходили занятия по польскому языку, музыке и счету. У князя Лямберта Понятовского в Киевском уезде шестеро детей учились польскому и русскому языкам, а также счету и ведению реестров. У С. Липецкого 12 подростков от 14 до 18 лет учились играть на разных инструментах и петь на польском языке. Молодецкий из-под Дубно одел учеников школы пения в синюю форму с отворотами, как в российских гимназиях. Нововойский из-под Ровно держал хор, в котором читали и пели на польском языке, а семнадцати уже взрослым певцам (11 православных и 6 католиков) были присвоены итальянские фамилии: Паганини, Тартини, Альбини, Шербини и т.п.

Действительно, положение было скандальным. Бибикова переполняло враждебное отношение к полякам. При этом он не обращал внимания на этнические особенности украинского крестьянства. 28 ноября 1844 г. он потребовал от полиции разъяснений: «для чего в имении... учат мальчиков польскому языку, тогда как крестьяне, будучи совершенно Русскими, не могут иначе объясняться как по-русски и в знании другого языка никакой надобности не имеют...»

В декабре 1844 г. большинство землевладельцев постарались уйти от ответа. Чарторыйская, Плятер и Понятовский путешествовали. Холоневский, поскольку на получении ответа настаивали, заявил, что это вовсе не школа. Липецкий всю вину свалил на органиста, Млодецкий сначала категорически отказывался давать письменные объяснения, а затем заставил какого-то крестьянина ответить по-русски, что все очень хорошо владеют этим языком. Наиболее напряженная ситуация сложилась между генерал-губернатором и помещиками И. Плятером и Л. Понятовским.

Плятер, как сообщал ровенский исправник, отказался подписать документ, составленный на русском языке, заявив, что он его не знает и не может подписать то, чего не понимает. Поэтому он 10 января 1845 г. дал объяснение по-польски, сообщив, что держит детей у себя, как это делал его отец Антоний на протяжении 50 лет, для своего собственного удовольствия, а в том, что касается языков, то ему неинтересно, на каком языке они говорят, и никаким языкам он их не учит. Бибиков ответил 24 марта: «Не полагаю, что Ваше Сиятельство, имея у себя Русских крестьян, не знали сами русского языка и не объяснялись с ними по-русски, не знали закона, который предписывает употребление русского языка в официальных бумагах, чтобы Вы не знали, что делают и чему обучаются Ваши люди в Вашем доме, я признаю ответ Ваш несколько не соответствующим данному Вам вопросу и Вашим обязанностям как дворянина и помещика, ибо

грубость нигде и никогда, особенно в отношениях официальных и между людьми Вашего образования, не была и не должна быть позволена... При сем прошу Вас воспретить решительно обучать крестьянских мальчиков в Вашем имении чужому для них языку».

Л. Понятовский объяснил, что после приобретения имения в 1823 г. он стал готовить людей для ведения своих учетных книг как по-польски, так и по-русски, а потому и речи быть не может о какой-то школе, а лишь о домашнем обучении. Такое объяснение не удовлетворило Бибикова, и 14 апреля 1845 г. он передал через уездного предводителя дворянства, что Понятовскому не следует у себя дома говорить по-польски: «...обучать крестьянских мальчиков польскому языку не выгодно и не следует, потому что они не имеют в нем никакой надобности. Если они сами нужны для счетного производства дел по имению, то таковое производство может быть делаемо всегда на русском языке... почему и должен он прекратить всякое обучение крестьян польскому языку».

В конечном счете уступили даже самые упрямые, подписав необходимые заявления. 10 марта 1845 г., чтобы шляхта не могла в своих аргументах апеллировать к религии, генерал-губернатор выслал полиции трех губерний распоряжение, в котором заявлялось, что «обучать крестьянских мальчиков польскому языку, хотя бы они были и латинского исповедания, нет никакой надобности». Это был достаточно ощутимый удар по языковой связи, существовавшей между польской шляхтой и 579 тысячами крестьян-католиков. По мнению Бибикова, польский язык был не нужен в католической церкви, поскольку служба велась на латыни. До самой смерти Николая I, этого жандарма Европы, запуганные поляки уже не пытались обучать крестьян польскому языку. Новые попытки в этом направлении будут предприняты около 1860 г., а затем в 1905—1907 гг.

«ИНВЕНТАРНЫЕ ПРАВИЛА» И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ

При таких обстоятельствах было произведено первое ограничение крепостного права в Российской империи. Эта реформа, безусловно, была бы проведена раньше, если бы не возникли трудности с определением «справедливой» нормы барщины, а также если бы составление нескончаемых «инвентарей» на землю, ограничивающих возможность злоупотреблений, было проведено в более сжатые сроки. Уже 16 июля 1840 г. после отчета министра внутренних дел А.Г. Строганова Комитет западных губерний, «изыскивая способы к ограждению крестьян в Западном Крае от излишних поборов помещиков, признавал весьма полезным введение в помещичьих имениях вообще обязательных инвентарей...». Строганов указывал на то, что это потребует времени, и предлагал начать с нескольких имений,

которые будут переданы под опеку государства в связи с плохим отношением к крестьянам. Строганов намеревался распространить эту практику также на Могилевскую и Витебскую губернии (территория, на которой они были образованы, была до 1772 г. польской). Николай I, по мнению которого инвентаризация должна была носить общий характер, написал на рапорте: «Ежели из сего будет некоторое стеснение прав помещиков, то оно касается прямо блага их крепостных людей и не должно отнюдь оставивать благой цели правительства». Император счел нужным приступить к делу уже 1 сентября того же 1840 г., но чиновники обратили внимание на необходимость разработки модели, образцом для которой должны были стать государственные имения, т.к. последняя кадастровая ревизия проводилась в 1798 г., а текущая еще не была завершена⁵⁴.

Проект об урегулировании отношений между помещиками и крепостными, представленный 1 апреля 1844 г. Министерством внутренних дел, стал для Комитета во многом сенсационным⁵⁵. Наряду с общим мнением о том, что землевладельцы должны отчитываться о своих действиях перед правительством, проект предусматривал предоставление больших земельных участков крестьянам: это могли быть пустующие угодья помещика или даже его собственная земля.

Подобное проявление либерализма было с удивлением воспринято П.Д. Киселевым, видевшим в этом — и вполне закономерно — «совершенный переворот в хозяйстве всего края». Комитет западных губерний утверждал, что речь идет лишь об установлении нормы барщины, с этой целью в каждой губернии было решено создать Комиссию по инспекции и инвентаризации частных имений в западных губерниях. В ее состав должны были входить гражданский губернатор (председатель), губернские предводители дворянства, прокурор и три землевладельца, зарекомендовавшие себя как хорошие хозяева в собственных имениях, которых должны были избрать на дворянском собрании, чтобы не вызвать подозрения в возможном принуждении. Конечно, состав Комиссии должен был утверждать генерал-губернатор, а все расходы на ее деятельность возлагались на дворянские собрания. 15 апреля царь утвердил эти предложения, установив шестимесячный срок для реализации этого замысла⁵⁶.

Бибиков ждал этого момента почти десять лет. Не откладывая этого дела в долгий ящик, он сразу принялся за создание комиссий в трех подопечных губерниях, и уже 26 мая 1847 г. царь подписал указ о начале инвентаризации на Украине. Ф.Я. Миркович, который занимал такую же должность на прежних польских землях Белоруссии и Литвы (Виленское генерал-губернаторство), долго колебался, прежде чем приступил к делу, но киевский генерал-губернатор пожелал встать во главе борьбы с поляками⁵⁷. Поскольку доверия к предводителям дворянства в проведении

инвентаризации не было, он приказал исправникам подать тайные полицейские отчеты по каждой губернии, которые должны были передаваться при посредничестве губернской полиции в специальный комитет Министерства внутренних дел.

В чем же была суть «Инвентарных правил», малоизвестных западным историкам, как правило, считающим, что реформа 1861 г. была единственным актом правительства, направленным на смену положения крестьян в империи?⁵⁸ Без сомнения, «гуманитарные» мероприятия в отношении украинских крепостных принесли определенную пользу. Собственно, «Инвентарные правила» очерчивали пределы возможного для царских властей либерализма, но в то же время сигнализировали о неизбежности отмены крепостного права во всей империи, потому что при всей своей умеренности эти уступки не могли не отозваться слухами в других губерниях Российской империи.

Главная идея документа, состоявшего из 65 статей, заключалась в определении нормы барщинной повинности, в том, чтобы раз и навсегда определить рамки отношений между крепостными и помещиками, детально зафиксировав принципы жизнедеятельности патерналистского общества. Все польские помещики получили напечатанный экземпляр данного закона. Крепостное право определялось в нем в качестве обычного контракта между помещиком и крепостными, согласно которому «вся земля, находящаяся ныне в пользовании крестьян и подробно означенная в инвентаре, должна, как мирская, оставаться у них без всякого изменения», за пользование ею крестьяне бесплатно отбывали повинности. Таким образом, на этих землях внедрялось неизвестное как полякам, так и украинцам понятие общины — мира. При согласии общины помещик имел право увеличить или уменьшить крестьянский надел. Численность сельского населения влияла на размер надела, однако в любом случае он должен был соответствовать возможности его обработки силами крепостной семьи. Крепостные подразделялись на четыре категории: тяглые, владевшие одной воловьей упряжкой, полутяглые, владевшие упряжкой на двоих, огородники и бобыли — батраки. Барщину отработывало «тяглое семейство — по три дня тяглых с упряжкой и по одному дню женских; полутяглое — по два дня пеших и по одному дню женских».

Пригодными для работы, за исключением калек, считались мужчины в возрасте от 17 до 55 и женщины — от 16 до 50 лет. Для отработки барщины с упряжкой нужно было иметь пару рабочего скота и необходимый инвентарь, на пешую барщину также следовало являться со своим инвентарем. Если в крестьянской семье была всего одна женщина, она освобождалась от барщины.

Крестьяне, которые хотели бы иметь большой участок земли, должны были договориться с помещиком об отработке большей барщины, при этом помещик не имел права делить семью между двумя хозяйствами. Это правило действовало и тогда, когда помещик, который единолично распоряжался крестьянами, хотел их переселить: он должен был переселять крестьян целыми семьями. Вся предоставленная крестьянину земля должна была составлять единое целое, внесенное в инвентарь. В случае смерти крепостного его надел мог быть передан, но дом и огород оставались за женой и детьми.

Землевладелец обязывался в письменной форме сообщать уездному предводителю дворянства обо всех изменениях в установленном порядке, которые были бы согласованы с крестьянами и не противоречили действующему праву. Изменения допускались лишь в исключительных случаях и не должны были приводить к деградации социального статуса крестьян. Постоянный контроль возлагался одновременно на предводителя дворянства и исправника.

Обширное и подробное описание работ в поле, лесу или в помещичьей усадьбе исключало в теории какие-либо случайности. Барщину нельзя было переносить с одной недели на другую, запрещалось работать по праздникам. Интересной представляется идея оплаты, в случае если помещик решал, что барщинных дней недостаточно: за дополнительные рабочие дни (не больше двух в неделю) следовало платить от 7,5 до 15 копеек серебром в день в зависимости от характера работы. Однако, кроме того, крестьяне каждое лето должны были отработать бесплатно еще двенадцать дней.

Заключительные пункты «Инвентарных правил» посвящены наказанию крепостных. Право владельца наказывать крепостных принималось как данность. Телесные наказания отдельно не оговаривались, т.е. допускались как само собой разумеющееся. Однако при этом помещик имел «право» привлечь виновного к ответственности лишь в случае «грубого» поведения в отношении его самого и его представителей, а также отказа отработки барщины. Для записи же всех нарушений вводился реестр штрафов.

Таким образом, Российское государство вводило хоть и небольшие, но достаточно существенные ограничения на бесконтрольную до этого времени власть польских землевладельцев над украинскими крепостными⁵⁹. К сожалению, время принятия и приведения в действие данного закона не способствовало его спокойной реализации. Дело было не столько в том, что польская шляхта пыталась всеми силами подкупить продажное окружение Бибикова, чтобы избежать предписанных ограничений, противоречащих устоявшимся обычаям⁶⁰, сколько в обострении революционной ситуации в Европе, которая начинала оказывать влияние и на эти губернии, все еще далекие от ассимиляции царской империей. Правительство зако-

лебалось — облегчить ли судьбу украинского крестьянина или обратиться к репрессиям против украинского народа. Появилась действительная опасность социального взрыва, который впервые приобрел форму украинского национализма.

Опасность украинского национального движения была связана, как нам предстоит убедиться, с тем, что в русские школы на должности учителей в первый раз пришла часть интеллигенции — выходцы из духовенства и купечества. В 1844 г. в Киев приехал Н.И. Костомаров, который до этого времени служил учителем истории новой Ровенской гимназии в Волынской губернии. Такую же должность занимал в Луцкой гимназии П.А. Кулиш. Каждый из них стремился разбудить в своих учениках украинское национальное сознание.

В том же году, когда были приняты «Инвентарные правила», царская полиция разгромила в Киеве Кирилло-Мефодиевское братство, в которое входили студенты университета и молодые интеллектуалы, такие как, например, Тарас Шевченко, ставший известным после публикации в 1840 г. сборника стихов на украинском языке «Кобзарь» и считающийся основоположником национального возрождения украинцев. После окончания в Петербурге Академии художеств, он вместе с несколькими товарищами (Н.И. Гулаком, Н.И. Костомаровым) вернулся, чтобы создать упомянутое общество, которое достаточно наивно провозгласило идею всеславянской федерации. Основным программным документом общества стал «Закон Божий, или Книги бытия украинского народа», написанный под влиянием «Книг польского народа и польского пилигримства» Адама Мицкевича, изданных в Париже в 1832 г. Члены братства по-разному смотрели на будущее своего края — одни связывали его с Россией (как раз в 1846 г. в Москве была издана «История русов», основополагающая книга, создавшая отдельное украинское историографическое течение), другие мечтали о создании республики, но всех их вскоре ждал арест. Шевченко забрали в солдаты, из армии он вернулся лишь в 1860 г., а через год его уже не стало.

Несмотря на кратковременное существование, Кирилло-Мефодиевскому братству удалось оказать определенное влияние на крестьянство. С крестьянами работали и связанные со Славянским комитетом в Праге (повлиявшим, как известно, на начало «Весны народов») польские пропагандисты, прибывшие из австрийской Галиции. Николая I беспокоила эта волна, угрожавшая патерналистской гармонии — модели, которую ему только удалось создать в форме «Инвентарных правил».

Начиная с марта 1848 г. царь в связи с событиями в Париже и Вене еженедельно лично просматривал полицейские доклады о политической ситуации в неблагонадежных западных губерниях, которые находились, как тогда говорилось, под пагубным влиянием «польской интриги». В це-

лом в докладах не было упоминаний о каких-то беспорядках, однако полиция сигнализировала об отдельных тревожных фактах, связанных с крестьянским вопросом⁶¹.

Подольский гражданский губернатор сообщал из Каменца о перехваченной на таможе брошюре, написанной «малороссийским наречием» и напечатанной кириллицей во Львове, которая призывала к введению польского языка в школах и судах, к назначению на должности людей местного и нерусского происхождения, к освобождению политических заключенных, созданию национальной польской армии с офицерами из Галиции и к отмене крепостничества. 13 июня в Летичевском костеле были расклеены воззвания Славянского комитета на польском и русском языках. Это сделали замеченные утром киевские студенты Станислав Беньковский и Людвик Чайковский. 20 июня в Каменце были найдены стихи на русском и польском языках с призывами к восстанию.

Крестьяне путали эти воззвания с провозглашенными «Инвентарными правилами», и это часто приводило к волнениям. Например, волынский губернатор сообщает, что в 37 имениях новость об инвентарях вызвала беспорядки, которые пришлось подавлять оружием⁶². Поэтому документ, направленный на «защиту мужиков», не выполнил намеченных его авторами целей: царская власть, опасаясь крупных социальных волнений, вновь была вынуждена обратиться к тем же помещикам, от которых хотела отделить крестьян. Когда речь шла об отдельных преследованиях крестьян, российские власти были на их стороне, однако они незамедлительно принимали сторону польских помещиков, как только видели признаки пробуждения социального сознания украинского крестьянства.

Приведем несколько примеров той поспешности, с которой было решено обновить российско-польский союз в условиях возникновения серьезной угрозы социальному строю. 6 июня 1848 г. ольгопольский предводитель дворянства Стажинский попросил Бибикова прислать подмогу против крестьян своего уезда. Генерал-губернатор исполнил просьбу уже 10 июня. Как после многолетней борьбы с польскими землевладельцами дело могло дойти до столь парадоксальной ситуации?

Приведенные Стажинским факты хорошо характеризовали нависшую угрозу. Речь шла вновь, как и в 1832 г., о крестьянах в имениях Собанско-го, где положение дел осложнила смерть владельца. Крепостные, воспользовавшись этим, отказались от исполнения барщины. Свыше трех тысяч крестьян отказывались верить в то, что инвентари сохраняют барщину, и выказали в церкви неуважение к священнику, обвинив в укрывательстве «настоящего» закона. Предводитель дворянства просил прислать военную силу. Из его письма к генерал-губернатору видно, что поляки были напуганы начавшимися волнениями не меньше русских. Крестьянам было до-

статочно проявить неповиновение, как польские помещики поспешили искать защиты под российским крылом: «Его Величеству благоугодно, чтобы при малейшем нарушении повиновения крестьян обращено было на то строгое внимание и принимались без упушения необходимые меры. По моему мнению, меры эти должны быть если не крутая жестокость, то не менее того радикальные, в состоянии доказать силу Правительственной [подчеркнуто в оригинале. — Д.Б.] власти и поселить в умах простолюдинов страх... Меры эти я нахожу единственно в том, чтобы мне дозволено было, разумеется в случае нужды, пригласить военную команду и в ее присутствии, под ее прикрытием увещать крестьян и виновных или зачинщиков наказывать»⁶³.

Когда троны европейских монархов зашатались, даже антагонистические силы объединились против крестьян.

12 июня 1848 г. предводитель дворянства Литинского уезда сообщил Бибикову о новом подобном происшествии. Теперь речь шла о крепостных землевладельца Юстина Корнеловского, которые «отказываются от барщины, но ещё на всяком шагу оказывают грубость, дерзость и упрямство». Благодаря присутствию исправника ему удалось противостоять толпе, которая по-своему понимала суть инвентарных правил, и навести порядок при помощи зуботычин зачинщикам, которых было приказано схватить и при всем народе высечь⁶⁴.

В этот страшный для землевладельцев год генерал-губернатор был вынужден отложить реформу, смирившись с фактами, которым в другое время нашел бы иное применение. Столкнувшись, к примеру, в феврале 1848 г. в отчете сквирского исправника с таким же отказом от барщины крестьян землевладельца Теодора Рьльского в Сквирском уезде, он в октябре дал согласие на освобождение эконома Глинского, посаженного в тюрьму по обвинению в неоднократных издевательствах над крепостными. Глинский был уже ранее известен тем, что принуждал крестьян к непосильному труду и предлагал сослать в Сибирь 26 человек. Несмотря на это, он был оправдан, т.к. были услышаны его жалобы на то, что он — человек бедный, не может должным образом питаться в тюрьме, а потому ослаблен!⁶⁵

ГОРЬКОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ I

Вряд ли можно утверждать, что введение «Инвентарных правил» дало позитивные результаты. Конечно, когда рассеялся призрак мятежного 1848 года, царские власти вновь вернулись к прежнему намерению проявить заботу о крестьянах, однако это приносило плоды лишь в исключительных случаях, в целом же жестокой эксплуатации крепостных был по-

ложен предел лишь в результате реформ Александра II. Август Иванский, человек либеральных взглядов, писал с сожалением: «Унизительным для нас было также то, что даже киевский сатрап Бибииков должен был ограничивать и нормировать барщину, исполнения которой требовали землевладельцы, и ограничить иные их злоупотребления, издав в 1848 г. обязательные для обеих сторон так называемые Инвентари. С грустью следует признать, что описанные Шайнохой отношения, господствовавшие между шляхтой и крестьянами в руських землях в середине XVII в., никоим образом не претерпели изменений к лучшему на протяжении последующих двух веков»⁶⁶.

Архивные материалы говорят о том, что все-таки благодаря «Инвентарным правилам» положение крестьян кое-где удавалось улучшить. К примеру, 30 декабря 1850 г. князь Радзивилл дал согласие отстранить своего арендатора Франковского в связи с недоразумениями, возникшими между ним и крестьянами Сквирского уезда во главе с неким Косянчуком. Жалоба уездного предводителя дворянства на крепостных не была принята, полиция же установила, что арендатор принуждал крестьян платить значительно больше налогов, чем сам отдавал в казну (в целом 1460 серебряных рублей вместо 960)⁶⁷. В августе 1850 г. исправник Тарашанского уезда получил жалобу крестьян на помещика А. Бекерского: тот, пренебрегая инвентарем, требовал выполнения крайне избыточной дневной нормы во время жатвы, заставлял женщин нести тяжелую барщину через две-три недели после родов, приказывал «наверстывать» праздничные дни. 14 мая 1851 г. уездный предводитель дворянства выслал Бекерскому на подпись обязательство придерживаться «Инвентарных правил» на официальном бланке Министерства внутренних дел⁶⁸. В свою очередь, в ответ на жалобу исправника из Липовца от 15 сентября 1850 г. на графа Юлиуша Красицкого, выделившего крайне мало земли в крестьянское пользование и принуждавшего крепостных к непосильному труду, Киевская комиссия инвентаризации рекомендовала провести передел земли⁶⁹.

Однако в целом положение украинского крестьянства в конце правления Николая I не претерпело значительных изменений. Сложно было осуществлять контроль за злоупотреблениями, которые за несколько столетий уже вошли в правило на этих обширных землях, где всегда могли найтись предводители дворянства, готовые поддержать равного себе и нечистого на руку помещика. Нормой, например, в Сквирском уезде считалось наказание в 15 розог за отказ отрабатывать барщину⁷⁰. В другом случае ограничились лишь регистрацией жалобы молодой крестьянки, которую помещик Юркевич послал на бесплатную работу к своему эконому Табенскому. Девушка вернулась домой и спряталась. Тогда крестьянина заставили отправить на работу вторую дочь и высекали за то, что спрятал

первую дочь. Была ли столь вялая реакция на злоупотребления в отношении крестьян следствием бюрократического бессилия или тихого сговора?

Лишь злая воля графини Ганской смогла заставить Бальзака во время путешествия в Верховню в 1847 г. поверить, что «крестьянин при нынешнем порядке вещей живет беззаботно, как у Христа за пазухой. Его кормят, ему платят, так что рабство для него из зла превращается в источник счастья и покоя». Как известно, Бальзак, сторонник царского абсолютизма, не был тем человеком, у которого можно найти хотя бы крупницу сочувствия к крепостным. Его муза убедила его в том, что не стоит верить тем, которым никто из помещиков не собирался даровать свободу, и он старательно, словно затверженный урок, повторил: «Характер здешних крестьян исчерпывается двумя словами: варварское невежество; эти люди ловки и хитры, но потребуются столетия, чтобы их просветить. Разговоры о свободе они, точь-в-точь как негры, понимают в том смысле, что им больше не придется работать. Освобождение привело бы в расстройство всю империю, жидущуюся на послушании. И правительство, и помещики — все, кто видят, как мало толку от работы на барщине, — охотно перешли бы от нынешнего порядка к наемному труду; однако на пути у них встало бы огромное препятствие — крестьянское пьянство. Нынче крестьянин зарабатывает деньги лишь ради того, чтобы купить себе водки. Торговля водкой составляет один из главных источников дохода для помещиков, которые, продавая ее крестьянам, получают назад все, что те им заплатили. Свободу крестьяне поймут исключительно как возможность напиваться до бесчувствия»⁷¹.

В нескольких поместьях, где начала развиваться пищевая промышленность, которой было суждено к концу XIX в. превратиться в источник богатства Украины, произвол принимал еще больший размах, поскольку недостатки еще существовавшего феодального строя сочетались с нищетой зарождавшегося пролетариата. Например, в январе 1849 г. исправник из Староконстантинова сообщал, что в имении покойного помещика Чорбы, наследник которого находился в Варшаве, эконом-иностранец Покарт абсолютно бесчеловечным образом управлял сахарным заводом. Постоянно работавшие крестьяне не получали платы за свой труд, их били, унижали, брили головы и отправляли в солдаты, заставляли работать, пренебрегая требованиями «Инвентарных правил», а женщин и детей принуждали к труду наравне с мужчинами. Лишь после покупки сахарного завода семьей Браницких удалось навести порядок⁷².

Еще худшей была судьба крестьян, принадлежавших помещикам с психическими отклонениями. 12 апреля 1850 г. исправник Липовецкого уезда обнаружил, что восьмидесятирехлетний Б. Машевский, которому с 1835 г. было запрещено проживать в своем селе Лопатинцы, вернулся и

наложил на крепостных штрафы под угрозой телесных наказаний. Крестьянскую общину взбудоражило известие о гибели двух крепостных, которых, заковав в кандалы, хозяин подвергал пыткам в охраняемом доме. После ареста безумный старик не только не раскаялся, но стал писать протесты, ссылаясь на хорошую репутацию в обществе. Он сообщал гражданскому губернатору, что его арестовали, не позволив даже одеться, между тем как его «безукоризненное» поведение не дает оснований для тюремного заключения. На протяжении всего 1850 г. он продолжал писать Бибикову, в Министерство юстиции, Сенат, выслал 300 рублей серебром киевскому адвокату на ведение дела. Приговор был вынесен лишь 26 мая 1853 г.: безумца оштрафовали на 50 рублей серебром и запретили появляться в собственном имении, которое было передано под опеку дворянского собрания⁷³.

Если бы сам старик не поднял шуму, то, вероятнее всего, он не был бы так наказан, поскольку предводители дворянства почти регулярно посылали генерал-губернатору рапорты, сводившие на нет все обвинения исправников. Скорее всего, с помощью взяток удавалось заглушить возможные угрызения совести у чиновников. По крайней мере, во многих случаях рапорты вообще не рассматривались, а «Инвентарные правила» не соблюдались. 11 апреля 1851 г. сквирский предводитель дворянства объяснял, что представленный исправником рапорт об избыточном наказании крепостного шляхтичем Жураковским — это выдумки, потому что упомянутый крестьянин — лодырь и пьяница, ему дали всего несколько подзатыльников, чтобы успокоить, а его жена получила лишь пять розог...⁷⁴ В другой раз этот же представитель шляхты объяснял, что крестьянин, которого пбили палкой и розгами, сам себя покалечил, т.к. не давал привести в исполнение законное наказание⁷⁵.

В 1853 г. разразилась Крымская война, во многом определившая новый период напряженности в крестьянском мире. Некоторые из польских историков ошибочно полагают, что крестьянские бунты этого периода были вызваны надеждой на то, что поляки выступят на стороне Англии и Франции⁷⁶. Подобные иллюзии были у нескольких поляков, о чем еще пойдет речь. Однако достаточно обратиться к свидетельству Бобровского, польского очевидца тех событий, чтобы понять, что и в этот раз, как и ранее, украинское село хотело реализовать свои собственные стремления и мечты. Ходили слухи, что царь разрешил формировать вольные казачьи отряды, и теперь не нужно будет отрабатывать барщину и платить подати. Прослышав об этой весте, крепостные пятнадцати сел Сквирского уезда начали сходиться. Себе на беду среди них появился киевский студент Ю. Розенталь, раздававший листовки с призывом поддержать поляков,

которые прогонят русских. Крестьяне поймали студента (впоследствии он был сослан в Сибирь), затем обвинили польских помещиков в укрывательстве тайного царского указа и утопили нескольких из них в прудах. И вновь повторяется знакомый сценарий: обеспокоенные в первую очередь сохранением барщины, а не проблемой независимости, польские помещики обратились к полиции, а когда ее помощь оказалась недостаточной, к армии. В селе Березна при разгоне армией 5000 мужиков около пятнадцати человек было убито⁷⁷.

Ко времени смерти Николая I в жизни крепостных не было ни единого луча надежды на лучшее будущее: обе противоборствующие силы, как русская, так и польская, были одинаково заинтересованы в сохранении существовавшего *status quo*. Ю. Крашевский в одном из своих романов, написанном в 1855 г. в Житомире, так изображает безнадежное одиночество крепостного: крупный помещик, говорит крепостной Парфен, «людей не видит и не понимает, вниманием их не удостоит; я сам беседовал с одним деревенским, что три дня уже стоит в воротах, желая пана увидеть и с ним поговорить... И что? Пан его наверняка пошлет к управляющему имением, а управляющий к эконому, на которого тот пришел жаловаться... А эти лакеи хуже панов; сермягу только скинул, а уже из себя ляха строит, и еще пуше пана нос задирает... У нас имение и село — все одно, а тут в замке другой народ, не поговорить, не пожаловаться...»⁷⁸.

Кому выгоден либерализм?

И все же среди этой беспросветной тьмы блеснул луч надежды — на трон взшел «царь-освободитель» Александр II. Первым проявлением изменения климата стало появление и широкое распространение по всей Российской империи, и соответственно Украине, народнического, морализаторского и литературно-политического движения, которое, конечно же, подняло вопрос об отношении к простонародью. Творчество Крашевского, находившегося под влиянием этого движения, стало очень популярно на Украине, особенно среди киевских студентов. Украинский фольклор и музыку популяризировал один из поэтов, Тимко Падура (1801—1871), выпускник польской гимназии в Виннице (сборник песен «*Pienia Tomasza Padurty*» 1842 г.). С 1857 г. группа молодежи во главе с Владимиром Антоновичем, т.н. хлопоманы, распространяла тексты с призывами к польской шляхте прислушиваться к своей совести, надеть крестьянские рубахи, избавившись от спеси, сломить социальные барьеры и слиться с народом⁷⁹. Одновременно с этим А.И. Герцен, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.С. Тургенев, Д.И. Писарев, Л.Н. Толстой, Г.И. Ус-

пенский ставили крестьянский вопрос во главу социальных проблем Российской империи.

В общей эйфории перемен первых лет царствования Александра II поляки Литвы и Белоруссии заявили себя в сфере реформ. Были ли они более открыты и либерально настроены, чем их собратья на Украине? Шляхта трех северо-западных губерний, созданных на захваченных у Речи Посполитой землях, официально выступила с инициативой отмены крепостного права. Ей было невдомек, что ею манипулирует виленский генерал-губернатор. Именно с ее обращения на имя императора в октябре 1857 г. началась большая дискуссия о решении крайне болезненного для всей империи крестьянского вопроса. Консервативный мир польской шляхты Украины, хотел он того или нет, был втянут в это полностью одобряемое новым царем предприятие. В обращении к Александру II от 31 января 1858 г., составленном во время выборов в Подольской губернии, шляхта не скрывала своего ужаса, только и говоря о необходимости сохранения за ней всей земли и привилегий. В более пространным меморандуме на имя министра внутренних дел С. С. Ланского она указывала, что и слышать не желает о предоставлении крестьянам земли, на которой они живут. Поскольку, как писал Ян Сулатыцкий, это приведет к невозможной потере, а, кроме того, крестьянские наделы будут затем продаваться «недобрым людям, приносящим зло обществу, евреям». В довершение, проявив крайнюю неосторожность, подольская шляхта передала этот текст для публикации в Краковской газете «Czas», что вызвало возмущение как на страницах самой газеты, так и среди польской общественности Парижа и Лондона. «Czas» резко осудил подольский консерватизм: «Неужели шляхта русских земель из своих многочисленных поездок за границу привезла для пользы края лишь грязь европейских столиц... узурпировала себе материализм? ...в собственных интересах необходимо преобразовать состояние миллионов людей, превратив их чуть ли не из сведенного к предметам существования в сыновей земли, на которой они живут...» — заявлял корреспондент краковской газеты в Познани, подчеркивая антихристианскую позицию подольских «граждан»⁸⁰. Тем временем 9 марта 1858 г. царь призвал все дворянские собрания русских губерний создать комитеты, которые вскоре приступят к работе.

Т. Бобровский, достаточно либеральный землевладелец Киевской губернии, о котором уже была речь, в «Записках о моей жизни» дает достаточно точное, зачастую даже резкое, описание деятельности дворянских комитетов «для устройства быта крестьян», как их официально именовали, или крестьянских комитетов, как было принято их называть, хотя крестьяне не входили в их состав. Бобровский отмечает, что, хотя комитеты

вели серьезнейшую работу, землевладельческая общественность не принимала в них никакого участия, не проявляла ни малейшего к ним интереса. Избранные же 24 июня 1858 г. на дворянских собраниях, из расчета по два человека от уезда, т.е. по 24 представителя от каждой губернии, не проявили, как и можно было ожидать, новаторского энтузиазма. 8 сентября 1858 г. они начали заседания в Киеве, Житомире и Каменец-Подольском, которые с перерывами на светские развлечения длились вплоть до весны 1859 г. Странников сохранения существующей системы больше всего было в Подольском комитете⁸¹, где верховодили такие магнаты, как Бжозовский и Собанский. Однако в Киевской и Волынской губерниях удалось разработать комплексный проект, согласно которому в зависимости от качества пахотной земли предусматривалось либо переведение крестьян на оброк, либо предоставление им больших земельных наделов⁸².

Впрочем, то, каким образом в дальнейшем была организована работа над реформой в Петербурге, не дало возможности использовать идеи, предложенные украинскими комитетами. В столицу съехалось по одному представителю от каждого великороссийского комитета, однако три украинские губернии были представлены одной общей делегацией, как, впрочем, и шесть губерний Белоруссии и Литвы, т.е. в целом было создано два общих польских комитета от девяти губерний. Общая комиссия трех украинских губерний заседала с 19 апреля по 26 июля 1859 г. и в результате направила в столицу четырех ультраконсервативных делегатов: Феликса Собанского от Подольской губернии, Феликса Шостаковского от Киевской, Карла Микулича от Волынской и Эдварда Ярошинского в качестве главы делегации, который сразу по приезде сбежал с любовницей.

Известно, какое сопротивление со стороны землевладельцев встретила законотворческая работа в Петербурге в Редакционных комиссиях под руководством министра юстиции В.Н. Панина и под эгидой министра внутренних дел С.С. Ланского. В итоге объявление 19 февраля (3 марта) 1861 г. Манифеста об отмене крепостного права имело весьма эфемерные последствия, поскольку его действительное внедрение в жизнь началось лишь в 1863 г., когда царские власти, признав, что Украина охвачена польским восстанием, предприняли чрезвычайные меры.

1861 год не принес значительных перемен в жизни притесняемых польскими помещиками украинских крестьян. Согласно § 8 Манифеста об отмене крепостного права, в трех юго-западных губерниях (как и в 1847 г.) вводились русские традиции, то есть такие понятия, как «мир» и «волость», а также было закреплено полное преимущество дворянства с помощью создания института мирового посредника, который должен был выступать своеобразным арбитром при рассмотрении конфликтов между крестьяна-

ми и помещиками. Назначать посредников должен был в течение первых трех лет губернатор — он выбирал кандидатов из списка, составленного предводителем уездного дворянства после одобрения местного дворянского собрания. Пока уставные грамоты не заменили выкупными актами, польские помещики считали, что продолжают быть единственными опекунами крестьян. Они даже с большим рвением исполняли эту новую функцию, чтобы сохранить свою власть⁸³. В свою очередь, посредники (хотя такое и не предусматривалось законом) стали назначать волостных писарей из польской деклассированной шляхты, частично ассимилировавшейся среди крестьян, в связи с чем Киевский митрополит Арсений жаловался генерал-губернатору. 30 декабря 1861 г. князь И.И. Васильчиков, сменивший Бибикова на посту генерал-губернатора в 1853 г., ответил ему, что функции писаря должны возлагаться исключительно на крестьян⁸⁴. Вполне понятно, что крестьянство, дезориентированное происходящими переменами, которые к тому же осуществлялись от его имени, но без его участия, вновь начало бунтовать. Весной 1861 г. Юзеф Шембек писал из Устья в Подольской губернии своему тестю Петру Мошинскому о том, с каким трудом ему удалось объяснить крестьянам, в чем заключаются их права. По его мнению, «царский манифест об эмансипации крестьян» был написан нечетко, крестьяне решили, что в нем идет речь об уничтожении барщины, что привело к острым столкновениям, закончившимся экспедицией батальона пехоты и эскадрона кавалерии, блокадой села, арестами «главных зачинщиков, как мужчин, так и женщин», причем наибольшую активность проявили последние, подстрекавшие своих мужей⁸⁵.

Для того чтобы докопаться до сути польско-украинских отношений и проследить развитие русско-польской борьбы за власть над украинскими душами, важно понять ситуацию, сложившуюся в начальном образовании, которым польская сторона долгое время пренебрегала.

Как уже отмечалось, еще в 1845 г. Бибиков утверждал, что украинцу-католику нет нужды ни молиться, ни читать по-польски. В свою очередь, православная церковь не прилагала усилий к тому, чтобы ликвидировать неграмотность крестьянства. Между тем огромный интерес к люду, как следствие обсуждения вопроса о крестьянской реформе, и, возможно, развитие украинофильства в Петербурге вызвали у священников рвение, подогреваемое как пастырскими, так и русификаторскими планами. Власти стали обеспечивать православным священникам необходимые условия и оказывать различную помощь с целью организации при каждой церкви обучения молитвам на церковнославянском языке, а также чтению и письму на русском языке. Из рапорта канцелярии генерал-губернатора следует, что в восьми уездах Киевской губернии только за период с 1859 по 1869 г. было открыто 548 приходских школ⁸⁶:

Уезд	Кол-во приходских школ
Липовецкий	90
Тарашенский	85
Звенигородский	83
Сквирский	88
Чигиринский	61
Уманский	61
Черкасский	57
Каневский	23

Как правило, в таких школах было от 50 до 70 учеников. Таким образом, можно говорить о значительном прогрессе в развитии народного образования, который становится особенно заметным, если учесть тот факт, что система приходских школ развивалась наряду с государственной системой начального образования — народными училищами.

Польским помещикам, отрицательно относившимся к любым реформам, потребовалось время, чтобы заметить, что подобное движение чревато все большим отрывом от них украинского крестьянства. Они оставались глухи к призывам опередить царские власти, с которыми к ним обращались польские эмигранты в Париже на страницах печатного органа князя А. Чарторыйского «Wiadomości Polskie»⁸⁷. Впрочем, благодаря либерализму Александра II польские студенты в Киеве, осмелев, создали «Общество образовательной помощи польскому люду Волыни, Подолья и Украины». Поскольку на Украине «польского люда» практически не было, под ним следовало понимать украинский народ. Согласно уставу «Общество...» должно было организовывать «воскресные школы» для ремесленников и открывать начальные школы. Удалось открыть 43 школы⁸⁸.

Тогда же на помощь польской шляхте в ее стремлении удержать хотя бы часть украинцев в орбите польского влияния пришла католическая церковь, практически не проявлявшая себя после событий 1830—1831 гг. Подобную смелость в действиях католической церкви можно объяснить временным проявлением либерализма, связанным с приходом на должность попечителя Киевского учебного округа гуманиста Н.И. Пирогова, а также с попытками главы гражданской администрации Царства Польского А. Велепольского добиться восстановления политической автономии Царства.

Осенью 1859 г. Александр II приехал на охоту в Белую Церковь к графу Владиславу Браницкому, откуда затем отправился на встречу с подольским дворянством в Каменце. Дворянство воспользовалось случаем и обратилось к императору с петицией (согласно традиции это разрешалось делать во время дворянских шляхетских выборов). Двести землевладельцев рискнули просить, «чтобы дети бедных крестьян католического веро-

исповедания могли изучать, по крайней мере, азы своей веры»⁸⁹. 16 января 1860 г. генерал-губернатор И.И. Васильчиков передал просителям ответ Комитета министров, который не может не удивлять: «Отныне римско-католическому духовенству наравне с православным духовенством предоставляются права для проведения обучения основным принципам веры». К каким же серьезным последствиям привело это решение!

Объектом языковой и религиозной борьбы стали 579 тыс. крестьян-католиков и 450 тыс. деклассированных шляхтичей⁹⁰. Первые католические приходские школы были открыты в Подольской губернии в имениях Александры Потоцкой и Чеслава Ярошинского; однако вскоре они были закрыты полицией, которая еще действовала согласно установленным Бибиковым принципам. В ноябре 1860 г. исправник Гайсинского уезда приказал закрыть пять подобных школ в своем уезде, где училось 39, 18, 10, 7 и 3 ученика. Подольский предводитель дворянства Ф. Собанский оспорил это решение перед Васильчиковым, указав на значительное количество крестьян, нуждавшихся в такого рода обучении⁹¹. Васильчиков, сделав вид, что стремится к примирению, обратился к двум епископам католических епархий Юго-Западного края с просьбой следить за тем, чтобы обучение катехизису не превращалось в изучение грамоты⁹².

Наступает период особенного напряжения: 26 февраля 1861 г. в Варшаве, в Царстве Польском, при разгоне с применением оружия уличных манифестаций дело доходит до человеческих жертв. В связи с этим и в Царстве Польском, и в Западном крае проходили панихиды по павшим, что вызвало крайнее беспокойство царских властей. Эти панихиды, конечно, не являлись угрозой в украинских селах. Крестьяне, как пишет Т. Бобровский, считали, что паны молились по костелам за возвращение барщины!⁹³ Однако епископы были убеждены в том, что если они сократят количество подобных служб, возбуждающих патриотические чувства среди поляков, то тем самым добьются более благосклонного отношения царских властей в школьном вопросе. Такая позиция просматривается в письме от 18 марта 1861 г. Каспера Боровского, луцко-житомирского епископа, И.И. Васильчикову. Он ставил себе в заслугу то, что избежал слишком частых панихид по варшавским жертвам, даже вызвав недоверие паствы, а взамен просил прекратить преследования католиков, перешедших в эту веру из православия, и позволить возобновление деятельности ранее закрытых приходских школ, упоминая также еще о двух случаях ликвидации школ в Волинской губернии⁹⁴.

Между тем вся деятельность гражданских властей, в особенности полиции, была направлена на то, чтобы исключить польское влияние на начальное обучение крестьян. 14 апреля 1861 г. начальник волинской полиции откровенно заявил генерал-губернатору, что он придерживается

указа от 7 января предыдущего года, объявленного Васильчиковым 16 января 1860 г. Давая ксендзу в Белгороде разрешение учить катехизису и пению, он подчеркивал, что строго будет следить, чтобы «под этим предлогом не была заведена школа и дети не обучались другим предметам». В Киевской губернии полиция следила за действиями ксендза села Макарова в школе, существовавшей на деньги помещиков Росчишевского и Рильского, которые «отличаются [польским] патриотизмом и вольнодумством». В рапорте от 20 июня 1861 г. сообщалось, что занятия проходят в доме приходского священника, поэтому нет возможности проверить, по каким книгам ведется обучение, но известно, что нанятый учитель шляхетского происхождения получает за это 300 рублей от поляков. Дополнительное расследование от 27 февраля 1862 г. показало, что учителю Адольфу Невенгловскому было 24 года, он окончил лицей в Одессе.

Католические приходские школы продолжали действовать, если в них не велось обучение на польском языке. Если же при проверке выявлялись нарушения, их безжалостно закрывали. Подольский гражданский губернатор 3 ноября 1861 г. дал разрешение на деятельность десяти католических приходских школ (среди учеников, количество которых не превышало двадцати), большую половину составляли однодворцы, т.е. деклассированная шляхта), а между тем Васильчиков запретил 26 ноября школу, которую ксендз Хлодковский хотел открыть поблизости Липовца в поместье Колыски, т.к. хотел нанять школьного учителя⁹⁵.

В декабре 1861 г. министр внутренних дел, похвалив генерал-губернатора за проявленную твердость, в очередной раз подтвердил, что создание новых школ для крестьян следовало ограничить великороссийскими губерниями. Поскольку в Юго-Западном крае православные школы существовали, по его мнению, почти всюду, потребность открывать новые отсутствует, и «во всяком случае вредное влияние на крестьян сельских учителей польского происхождения вполне может быть предотвращено сделанными Вами распоряжениями»⁹⁶.

Отныне все католические школы и сиротские приюты стали восприниматься властями как центры тайного обучения польскому языку. Над всеми ними нависла угроза закрытия. Цель властей заключалась в том, чтобы не допустить повторной полонизации украинских крестьян, вне зависимости от того, католики они или нет. По сообщению начальника владимирской полиции, одна за другой были закрыты приходские школы в имениях Любомирских, Чацких, Чешковских, Свидаерских. Каждое такое закрытие сопровождалось полицейским обыском и арестом учителей⁹⁷. 6 февраля 1862 г. начальник волынской полиции сообщал самому генерал-губернатору, что посоветовал старшинам и старостам крестьянских общин посылать детей не к панам, а исключительно в православные школы⁹⁸.

Началась настоящая школьная война — во всех уездах закрывались начальные католические школы. Это была борьба не на жизнь, а на смерть, ведь речь шла не просто о сохранении влияния, а о душах украинских крестьян.

В длинном письме от 8 марта 1862 г. луцко-житомирский епископ вновь обращался к Васильчикову, пытаясь доказать, что согласно перво-му решению Комитета министров вовсе не запрещалось нанимать учителей, т.к. у священников нет времени для преподавания, к тому же это широко распространено в православных школах. «Грустно нам католикам, что наше просвещение подлежит изъятию, как видно из фактов...» — сообщал он, перечисляя все случаи закрытия школ и указывая, в частности, на Бердичев, где «пристав лично приказал детям разойтись, а стулья и скамьи, на которых сидели, велел сотскому выбросить на двор с тем, что ежели б таковые опять внесены были, дабы он их порубил». Епископ указывал на аресты школьных учителей и органистов и на самоуправство полиции, уничтожавшей найденные польские буквари⁹⁹.

Двусмысленность ситуации была связана с тем, что католическое духовенство слишком широко интерпретировало текст постановления Комитета министров от 16 января 1860 г., а царские власти, напротив, считали, что детям крестьян-католиков надлежит учиться лишь молитвам и пению на латыни. 10 марта 1862 г. предводитель шляхты Липовецкого уезда выступил с решительным протестом в связи с проведением обучения только в устной форме, но Васильчиков не уступал. 20 марта он даже подтвердил трем гражданским губернаторам незаконность обучения вне стен костела с участием посторонних лиц¹⁰⁰. Таким образом, он загодя ответил на высланное через четыре дня письмо Антония Фиалковского, каменецкого епископа, в котором тот, ссылаясь на значительное количество приходов, просил разрешения преподавать катехизис в отдаленных селах. Он доказывал, что ограничение процесса обучения в рамках костела приведет к тому, что большая часть паствы будет оторвана от своего наставника¹⁰¹.

Было бы логичным, если бы украинскому крестьянству дали возможность молиться на родном языке. Скорее всего, царские власти не имели ничего против такой возможности. Это был недолгий период, когда в Петербурге серьезно задумались над возможностью перевода Библии на украинский язык и когда было разрешено издавать в столице русско-украинский журнал «Основа». Правда, одновременно с этим в 1861 г. Главное управление цензуры выступило категорически против уже запрещенных в 1859 г. украинских букварей. В.И. Ламанский и М.Н. Катков, которые сначала поддерживали это движение, затем встали на сторону цензурного ведомства. Они оказали давление на министра внутренних дел П.А. Валуева, который признал, что идея В.И. Назимова о поощрении са-

мобытности литовского и белорусского крестьянства для защиты от полонизации была бы настоящим «манифестом à la Garibaldi в честь народностей»¹⁰². Обмен аргументами между обеими сторонами, имевшими претензии на гегемонию, показывает, что как большинством поляков, так и большинством русских украинский язык воспринимался лишь как диалект их собственных языков.

Царские власти боялись прежде всего угрозы польского возрождения в этом регионе. Не прошла незамеченной и подготовка к восстанию: в феврале 1862 г. в Киеве была раскрыта подпольная типография Стефана Бобровского. В этой связи понятно раздражение, сквозящее, к примеру, в письме подольского гражданского губернатора из Каменца к Васильчикову от 27 апреля 1862 г., когда он в связи с крестьянским вопросом останавливается также и на языковом: «Хотя эти крестьяне католики по исповеданию, но по происхождению они Русские и как нет ничего общего между национальностью и вероисповеданием, то, по моему мнению, не следовало бы допускать обучение их польской грамоте у ксендзов и было бы справедливо, чтобы ксендзы преподавали им Закон Божий по уставам римско-католической церкви, но на русском языке, который для них более понятен, чем польский».

Этот аргумент пришелся по вкусу генерал-губернатору, который узнал в нем мнение Бибикова, высказанное еще в 1845 г. Уже 11 мая 1862 г. в письме к епископам он отмечает, что священники должны помнить, что имеют дело с крестьянами католического вероисповедания, но русскими по происхождению, которые разговаривают на малороссийском наречии и потому лучше понимают по-русски, чем по-польски. Он также потребовал от епископов предоставить отчеты о том, начато ли обучение на русском языке.

Епископ Фиалковский не поверил своим глазам и 22 мая попытался доказать в ответном письме губернатору, что это невозможно: «Малороссийское наречие, употребляемое в Подольской губернии римско-католическими крестьянами, пропитанное элементом польским вследствие вековых сношений обоих народов, не препятствует к таковому обучению их детей, которые от младенчества крестятся и отправляют молитву Господню языком польским... Следовательно, не можно католиков Малороссов оставить в религиозном невежестве по причине, что они русские по происхождению». К тому же, добавлял епископ, ксендзы не мешают им в изучении русского языка и даже оказывают посильную помощь¹⁰³.

Однако гражданский губернатор в Каменец-Подольском, который, похоже, пользовался особым расположением у Васильчикова (ему была выслана копия ответа Фиалковского), продолжал доказывать свою правоту. Он заявлял, что вовсе не понимает выводов каменецкого епископа,

поскольку все католики России (лицемерно писал он, не вспоминая об имевших место гонениях), как итальянцы, французы, литовцы, армяне, могут молиться на родном языке. «Почему же русский католик в России в такой зависимости от польских ксендзов, в таком угнетении, что не смеет молиться на своем языке? Что его даже не учат другой молитве, как польской... что с малолетства ему стараются внушить убеждения, что он не принадлежит к общей русской семье, хотя бы и не православный, а католик? По моему мнению, это чистый произвол со стороны польских ксендзов, стремящихся к распространению и усилению в этом крае польского элемента, в ущерб коренному русскому». В конце письма губернатор высказывает предложение, за которое его начальство не поспешило ухватиться, — обучать крестьян религии «на их родном языке, то есть русском или малороссийском»¹⁰⁴.

Эпистолярная война на высшем уровне длилась с июля по сентябрь 1862 г. В то время как Фиалковский повторял, что «познание и хвала всевышнего не могут ограничиваться одним языком», Васильчиков сухо приказывал ему исполнять полученное распоряжение. В свою очередь, луцко-житомирский епископ Боровский, отсутствовавший на момент принятия решения, полагал, что сможет защитить поляков: «...по всем приходам я удостоверился, что крестьяне Католики находятся по большей части в Волынской губернии в пограничных местах от Галиции и Царства Польского, что они все суть происхождения польского и обыкновенно называются Мазурами [т.е. уроженцами Центральной Польши. — Д.Б.], сколько я в церкви заметил, говорят по-польски очень хорошо и совершенно понимают учение церкви и молитвы... Малороссийскому наречию обучаются и употребляют его только в своих сношениях с Малороссами и не называют тем своего происхождения»¹⁰⁵.

Похоже было, что католическое духовенство и польские помещики проиграли языковую борьбу, но они еще пытались что-то сделать, чтобы сохранить как можно более тесные контакты с католическим крестьянством, несмотря на его постепенное отдаление. Ф.Ф. Витте, назначенный в сентябре 1862 г. на должность попечителя Киевского учебного округа, отверг предложение киевского предводителя дворянства А. Хорватта* о назначении католических наставников в начальные православные школы. Он ответил, что это могло бы подорвать доверие родителей: «Эта мера неминуемо возбудит в крестьянах сомнение относительно направления школ в духе православия и русской национальности... Наконец, допущение ксендзов в народные школы будет иметь еще то важное неудобство, что они училища, назначенные Правительством для оживления в сельском

* Известен в русской традиции как Александр Александрович Горватт. (Прим. пер.)

населении здешнего края сознания Русской национальности, внесут польский язык, чего более чем в каком-либо другом учебном заведении следует опасаться в народном училище». В конечном итоге Витте желал, чтобы малолетние католики ходили к ксендзам, но не желал допускать ксендзов в русскую школу. Но генерал-губернатор не одобрил никаких конкретных мер¹⁰⁶.

Некоторые католические священники, как, например, Остапович, о котором идет речь в рапорте полиции Ольгопольского уезда от 14 ноября 1862 г., пытался оказать давление на старшину волости, чтобы тот отделил от православных католических учеников, воспитанием которых он хотел заняться лично. Однако полиция отказала ему в такой возможности, т.к. это можно было бы приравнять к созданию школы (таких учеников было десять). «А при том, — писал уездный начальник полиции, — что подобного рода школы, как дано мне знать предписанием Г. начальника губернии от 31 минувшего октября, учреждаются по действиям тайного общества с целью развивать польский фанатизм через взаимные отношения воспитанников с крестьянами...» Кроме того, полиция давно замечала за Остаповичем «допущение в духовных речах намеков к возбуждению польской национальности»¹⁰⁷.

Исчерпав все аргументы, епископ К. Боровский использует последний шанс, чтобы сохранить тонкую нить, связывающую — обратим внимание — лишь 1/6 часть крестьян с Польшей. Его попытка хорошо иллюстрирует господствовавший консервативный дух и стремление скорее на расстоянии поддерживать национальное и религиозное верховенство, чем сделать возможными перемены в социальном статусе крестьянства. В период нарастания революционной волны польский епископ наивно верил, что царские чиновники захотят прислушаться к нему.

Итак, 10 ноября 1862 г. в письме на имя Васильчикова Боровский писал, что его, как и правительство, беспокоит распространение вредных идей. Поскольку в большинстве случаев русские учителя, подготовленные в царских университетах, оказываются опасными социалистами, то крайне простой и уместной мерой было бы, по его мнению, привлечь в народные училища церковных сторожей, ризничих, органистов, которые бы обеспечивали начальную подготовку и учили катехизису. Вот о чем думает польское духовенство на Правобережной Украине в то время, когда в Варшаве поляки, преисполненные патриотических идей, готовятся к восстанию против царя. Епископ предлагал царским властям сотрудничество в борьбе с «вредными идеями» ради сохранения небольшого и ограниченного влияния на горстку крестьян. Боровский убеждал, что можно доверить католическим деканам выбор учителей, которые, что крайне важно,

«люди простодушные, чуждые новым теперешним идеям, избираемые из среды чистосердечного народа...»¹⁰⁸.

Письмо не было прочитано адресатом: Васильчиков умер, а генерал-губернатором был назначен генерал Н.Н. Анненков, старик, некогда впавший в детство (интересно, что его дочь была замужем за графом Э.-М. де Вогюз, в будущем прекрасным популяризатором русской литературы во Франции). Киевский митрополит поспешил сразу же убедить нового генерал-губернатора в том, что поляки и в дальнейшем стремятся в своих интересах использовать просвещение люда. В качестве примера он ссылаясь на мирового посредника в Бердичеве, Хейне, который, распространяя буквари, «стремится к усилению польского элемента на счет русско-православной народности». Митрополит советовал его «от сей должности устранить»¹⁰⁹. Вместе с этим посредником были уволены и поляки — школьные учителя, которые не придерживались инструкции от 11 мая 1862 г.

9 февраля 1863 г. Анненков рекомендовал гражданским губернаторам трех губерний начать безжалостное преследование польских школ, на которые вновь стали смотреть как на признак деятельности тайных обществ¹¹⁰, а 26 февраля он выслал в Министерство внутренних дел отчет гражданского губернатора Киевской губернии П.И. Гессе со списком семнадцати приходских католических школ этой губернии, в которых учился 221 украинский ребенок¹¹¹. Власти не обратили внимания на жалобу Боровского от 14 марта 1863 г. в связи с отрешением от должности шести католических священников в Волынской губернии. К тому моменту полиции уже было известно, что восстание в Варшаве угрожает перекинуться и на Правобережную Украину. Полиции не было известно, что польские помещики в этих трех губерниях не склонны прислушиваться к призывам из Варшавы, что они препятствуют распространению среди украинского люда написанной в Варшаве «Золотой грамоты», в которой давались абсолютные нереальные обещания — мол, получив волю, поляки дадут крестьянам больше свобод, чем царь¹¹². Несколько вялых и не связанных между собой выступлений повстанцев (к этому вопросу мы еще вернемся) в мае 1863 г., которые могли создать впечатление, что восстание распространилось на Украину, были разгромлены царскими войсками, так что после этих событий уже не могло быть и речи о культурных контактах между помещиками и крестьянами.

1 мая 1863 г. волынский полицмейстер предложил Анненкову «воспрепятствовать вовсе обучение мальчиков при приходах или же дозволить таковые только при духовных семинариях для обучения служению при алтаре». В тот же день генерал-губернатор издал это предложение в форме приказа. Отныне по всей Украине было запрещено изучение католического катехизиса. Приказ будет оставаться в силе на протяжении десятков лет¹¹³.

Как показал А. Миллер, русско-польский конфликт прямо отразился на решении «украинского вопроса». Царская власть не была в состоянии развить русское образование среди украинского народа. А каким образом в историографии описываются польско-украинские отношения в этот период? Польская историография питает определенные иллюзии насчет существовавшей будто бы возможности объединения шляхты и крестьянства в борьбе с царизмом. Так, Стефан Кеневич, автор основательной работы о восстании 1863 г., пишет, что «одной из основных причин падения Национального правительства [правительство Польского восстания в Варшаве. — Д.Б.] было то, что польское восстание не охватило крестьянские массы Украины и Белоруссии»¹¹⁴.

Спрашивается: каким образом могли украинские крестьяне солидаризоваться со своими помещиками, которые, преследуя свои собственные интересы в 1863—1864 гг., только и думали о сохранении неограниченной барщины во всей ее жестокости? С. Кеневич, описывая последнего руководителя восстания Ромуальда Траугутта, пишет, что ему предстояло решить самую «сложную проблему, которую приходилось решать польскому народу», — проблему объединения с украинским крестьянством. На самом же деле к этому моменту проблемы как таковой уже не было. Поражение поляков было предрешено. Парижская эмиграция не хотела этого признавать, а предостережения Северина Гошинского, изложенные в книге «Король старого замка» (1842), и призывы нескольких членов «Общества Умань», созданного в 1835 г., после раскола польского демократического общества, не были услышаны. Т. Бобровский указывает на то, что в 1863 г. крестьяне были на стороне царских властей, мечтая, как правило, лишь о грабеже поместий.

Однако не все из малочисленных польских повстанцев в этих губерниях в 1863—1864 гг. были закоренелыми сторонниками барщины. В воспоминаниях анонимного автора читаем: «Крестьяне связали нас и так привели в волость. Может показаться странным, что мы позволили связать себя, как баранов, хотя при нас было оружие. Следует понимать, что мы давали клятву не применять в Руських землях оружие против крестьян, и были готовы погибнуть сами, чем пролить кровь наших заблудших братьев. Мы надеялись, что в будущем сможем доказать, что они ошибались, и объяснить, что Москва, а не мы, их враг». Однако крестьяне так и не увидели разницы, они «все собрались, привезли телеги, посадили нас на них, приставив к каждому часового. Они все ехали верхом, окружив со всех сторон телеги... Волосы встают дыбом от одной мысли, какие кошмары они позволяли себе творить, и кто бы мог подумать, что сельские бабы окажутся хуже и злее мужиков? Они так варварски обходились с мертвыми телами, что !!! в одном языке не найдется слов, чтобы описать подобное!»¹¹⁵

Многие из лагеря «красных» изначально понимали, что польское восстание на Украине было обречено на поражение. 19 июля 1862 г. молодой Эммануэль Мошинский, отдыхавший летом в Подольской губернии, писал отцу:

Люд не знаю, потому что познать его не могу, не зная языка. Граждан не знаю, поскольку немногих довелось встретить, кроме как на именинах пана Липковского, но ни к одному из них я не проникся чувством симпатии и не проникнусь впредь. Я нахожу, что из-за излишней заботы о собственном кармане они забыли, что являются единственными представителями Польши в этом крае, что каждый из них должен был в своем имении превратиться в эмиссара, способствующего братанию и просвещению люда, что пошло бы на пользу Польше, а они были тиранами и палачами люда и слугами врагов. Они придерживались патриотизма, пока он не касался их карманов, а любовь к люду прославляли до тех пор, пока она не препятствовала барщине и проявлению их тирании. Теперь же они выступают против той молодежи, которая начала, может быть и поздно, просвещать люд и растолковывать ему права человека. Их зовут хлопоманами, приписывая им жутчайшие преступления; одни пристыжены тем, что вместо них патриотизм проявили более молодые, другие же напуганы грядущим наказанием, во всех отношениях оправданным.

Рассказы о прошлогодних страданиях [речь идет о столкновениях, связанных с провозглашением Манифеста об отмене крепостного права. — Д.Б.], которые пришлось испытать крестьянам за то, что посмели заикнуться о человеческих правах, — и за эти муки они достойны стать рядом с теми мужами, которые посвятили свободе жизни и все, что имели, — вызвали у меня раздражение и возмущение. Согласно воззванию варшавян ко всем полякам, которое теперь должно стать для нас законом, считаю, что всех тех, кто разрешил использовать армию против люда, следует считать изменниками, поскольку, возможно, именно этим они окончательно оттолкнули крестьян от нашего дела¹¹⁶.

В 1864 г. Петербургу удалось ловко воспользоваться ненавистью крестьянства к польской шляхте. На Украине (а также в Северо-Западном крае, но не в Центральной России) выкуп за землю был установлен для крестьян с двадцатипроцентной скидкой по сравнению с суммой, предусмотренной реформой 1861 г.¹¹⁷ Стоит ли этому удивляться?

В исследуемый период более четырех миллионов крестьян были основной рабочей силой и источником обогащения польских помещиков. Крестьяне, совершенно отчужденные от своих господ, были объектом постоянного интереса со стороны царских властей, старавшихся перетя-

нуть их на свою сторону, заменив уже устаревшую гегемонию новой, собственной, более динамичной и мощной. Впрочем, власти так и не решились на глубокие реформы в социальной и культурной сферах, которые могли бы привести к полному нивелированию различий между Правобережной Украиной и Россией.

Мы показали, что польские землевладельцы в течение более полувека после присоединения к Российской империи, вплоть до 1863 г., занимали доминирующее положение в отношении украинского крестьянства. Однако, несмотря на это, в социальном, культурном, религиозном и языковом противостоянии двух стремящихся к гегемонии сил — русской и польской — всегда выигрывала русская сторона, которая постоянно углубляла и так существовавшую уже издавна пропасть между поляками и украинцами.

¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 593 — Отчет волынского гражданского губернатора за 1850 г.; Д. 61 — Отчет киевского гражданского губернатора; Д. 78а — Отчет подольского гражданского губернатора. В отчетах уточнялось количество крепостных, указанных в рапорте генерал-губернатора за 1840 г. (Ibidem. Ф. 1490. Оп. 2. Д. 6344); эти данные используются в работе: *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII. Количество поляков получено путем сложения количества шляхтичей, подтвердивших свое происхождение, и числа деклассированной шляхты (однодворцы, граждане). См. об этом следующие главы второй части. В 1858 г. общее количество поляков в трех украинских губерниях составляло 493 767, что свидетельствует о высоком естественном приросте. См.: *Зайцев В.М.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М., 1973. С. 196. Стоит обратить внимание на количество польской шляхты. К примеру, во Франции в 1789 г. насчитывалось лишь 110—120 тыс. дворян, т.е. 25 тыс. семей. Ср.: *Chaussinand-Nogaret G.* La Noblesse au XVIIIe siècle. De la Féodalité aux Lumières. Paris, 1976. P. 47—49.

² РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6344 — Отчет генерал-губернатора Д.Г. Бибикова по трем губерниям за 1840 г. Характерным сигналом усиления царского аппарата и имперской политики в отношении Правобережной Украины стало создание в 1832 г. управления генерал-губернатора в Киеве. О влиятельных чиновниках, контролировавших территорию, называемую теперь Юго-Западным краем, см. работы А.Д. Градовского, В. Шандры, В.В. Черкасова, М. Бармака, а также справочник: *Губернии Российской Империи: История и руководители, 1708—1917.* М., 2003. В изучаемый период должность генерал-губернатора Киева занимали В.В. Левашев (22.01.1832 — 09.06.1852); А.Д. Гурьев (30.08.1852 — 15.11.1837); Д.Г. Бибииков (29.12.1837 — 30.08.1852); И.И. Васильчиков (30.08.1852 — 12.11.1862). Об их премирниках пойдет речь в 3 части настоящей книги. Несмотря на призывы Панкратьева превратить Киев в истинную столицу украинских земель, ему еще было далеко до уровня, свойственного крупным городам. Н.И. Костомаров, живший там около 1845 г., не был от него в восторге, отмечая в автобиографии, что университет рас-

полагался среди полей, а на Крещатики не было магазинов, дома были деревянными, берега Днепра не были укреплены, а кругом все тонуло в грязи. Напротив, Харьков, по его мнению, был более ухожен. См.: *Костомаров Н.И.* Автобиография (1875) // Литературное наследие. СПб., 1890. С. 47—48.

³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6344 — Отчет генерал-губернатора Д.Г. Бибикова по трем губерниям за 1840 г.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem.

⁶ См.: *Korzon T.* Wewnętrzne dzieje Polski. T. I. S. 88.

⁷ Приведенное В. Вельхорским число жертв — 150 тыс., безусловно, преувеличено, поскольку оно равняется общему количеству польского населения на Украине, а не 1/5, как утверждает автор. См.: *Wielhorski W.* Ziemie ukraiinne Rzeczypospolitej. Zarzys dziejów // Pamiętnik Kijowski. Londyn, 1959. T. I. S. 70. Фрагменты поэмы цитируются по: *Гоцинский С.* Каневский замок. Перевод С. Свяцкого // Польская романтическая поэма XIX века. Пер. с польск. / Сост. и предисл. Б. Стахеева. М., 1982. С. 149—150. Как известно, в основу знаменитой поэмы Т. Шевченко «Гайдамаки» также легла тема этой кровавой мести.

⁸ Селянський рух на Україні. Т. 1. С. 574. Второй том посвящен второй четверти первой половины XIX в.: Селянський рух на Україні 1826—1849 рр. Київ, 1985. Т. 2. См. также: *Дядиченко В.А.* Історія селянства Української РСР. Київ, 1967. Т. 1, последняя глава.

⁹ *Twardowski S.* Woyna domowa z Kozaki i Tatory, Moskwą... za panowania Jana Kazimierza.. tocząca się. 1681, w czterech księgach. Кроме этого свидетельства он также цитирует Грондского и французского картографа Г.Л. де Боплана.

¹⁰ *Kraszewski J.I.* Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy. Wilno, 1840. T. I. S. 170—181.

¹¹ *Przedziecki A.* Podole, Wołyń, Ukraina. Obraz miejsc i czasów. Wilno, 1841. T. I. S. 78.

¹² *Kraszewski J.I.* Wspomnienia Wołynia. S. 175. Он обращает внимание на то, что чем ближе к Киеву, тем крестьянки одеты богаче, а крестьян с упряжью больше.

¹³ *Baraboi A.Z.* Обезземелення поміщиками кріпосних селян Подільської губернії і посилення експлуатації їх в період між «інвентарною» і «селянською» реформами / II Наукові записки Інституту історії АН УРСР. Київ, 1958. Т. 12; *Ханцова-Берникова В.З.* З життя селянства Київщини за першу половину XIX ст. // Україна. 1927. Т. 21; *Rawita-Gawroński F.* Konfiskata ziemi polskiej przez Rosję po roku 1831 i 1863. Kraków, 1917. S. 7—20.

¹⁴ Национальное самосознание, как известно, было характерно для XVII в., периода великих народных (казацких) восстаний, но в исследуемый период оно практически сошло на нет, и о его проявлении можно говорить в случае интеллектуальной среды и в крупных городах. Свидетельством тому, например, произведения Григория Сковороды или знаменитая «История русов», написанная в первой трети XIX в. и изданная в Москве в 1846 г., или деятельность Братства Кирилла и Мефодия в 1845—1847 гг.

¹⁵ *Лавров П.А.* Українське селянство і польське повстання 1830—1831 рр. на Правобережній Україні // Записки історичного факультету Львівського державного університету ім. І. Франка. 1940. Т. 1. *Сергієнко Г.І.* З історії повстання 1830—1831 рр. на Правобережній Україні // Історичні дослідження. Вітчизняна історія. Київ, 1979. Вип. 5. С. 63—77; *Łepkowski T.* Społeczne i narodowe aspekty powstania 1831 roku

na Ukrainie // Kwartalnik Historyczny. 1967. № 6. Единственным крупным вооруженным выступлением восставших на Украине был поход генерала Юзефа Дверницкого в Волынской губернии. Царским войскам с легкостью удалось отбросить его 4 тыс. солдат к австрийской границе, где они были разоружены. Эти солдаты были набраны в Царстве Польском, и среди них не было ни одного крестьянина. См.: *Kasperek N.* Korpus gen. Dwernickiego i powstańcy z Podola w granicach Austrii (kwiecień — maj 1831 roku) // *Echa Przeszłości*. 2000. № 1. S. 73—103; *Kasperek N.* Trudne lata na Podolu 1830—1831 // *Pamiętnik Kijowski*. T. VII, 2004. S. 90—94.

¹⁶ Здесь и далее будет широко использоваться сохранившийся в РГИА журнал этого Комитета, просуществовавшего до 1848 г.

¹⁷ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 24 (1839 г.) — Тайная записка Д.Г. Бибикова, рассмотренная Комитетом западных губерний 1, 24 и 25 февраля 1839 г.

¹⁸ *Ibidem*. Д. 18 (1836 г.) — Нота министра внутренних дел от 29 сентября 1836 г.

¹⁹ *Ibidem* Д. 24 — Докладные записки «О моральном направлении Поляков в отношении политическом, которое обнаружено в прошедшем году» и «О моральном состоянии жителей Киевской, Волынской и Подольской губерний» Д.Г. Бибикова были представлены в Комитете А.Х. Бенкендорфом 8 мая 1839 г.

²⁰ ЦДІАУК. Ф. 533. Оп. 2. Спр. 911, 1003, 1005, 1015.

²¹ *Ibidem*. Ф. 442. Оп. 131. Спр. 8. Другое дело об этом важном событии сохранилось в Киевском областном архиве. См.: ДАКО. Ф. 2. Оп. 3. Спр. 5527.

²² *Ibidem*. Ф. 782. Оп. 2. Спр. 491 — Письмо киевского военного губернатора дворянским собраниям (реестр корреспонденции за 1832 г.).

²³ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 131. Спр. 110; ДАКО. Ф. 2. Оп. 3. Спр. 5629.

²⁴ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 128. Спр. 961.

²⁵ ДАКО. Ф. 1238. Оп. 1. Спр. 3 — Циркуляр киевского гражданского губернатора к губернским предводителям дворянства от 14 октября 1833 г.

²⁶ *Ibidem*.

²⁷ *[Andrzejewski A.] Ramoty Starego Detiuka o Wołyniu / Wyd. i przedmową opatrzył Fr. R. Gawroński. Wilno, 1914. S. 217.*

²⁸ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 65. Спр. 82.

²⁹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 61 — Отчет гражданского губернатора. *Kraszewski J.J.* Listy do rodziny 1820—1863. Część I. W kraju / Oprac. W. Danek. Kraków, 1982. S. 156.

³⁰ *Слабеев І.С.* З історії першого нагромадження капіталу на Україні. (Чумацький промисел і його роль у соціально-економічному розвитку України XVIII — першої половини XIX ст.). Київ, 1964. С. 138. См. также: *Iwański A.* Pamiętniki 1832—1876. Warszawa, 1928. S. 6—7 (wyd. II, 1968); Копия дневника К. Бжозовского (отца Зенона) под названием «Pamiętka od dziada dla wnuczek Maryni i Helenki Grocholskich» была передана мне проф. Каролем Гурским из г. Торунь.

³¹ *Iwański A.* Pamiętniki. S. 5.

³² *Ibidem*. S. 3.

³³ *Kraszewski J.J.* Wspomnienia. S. 174

³⁴ *Przeddziecki A.* Podole, Wołyn, Ukraina. T. I. S. 79.

³⁵ *Костомаров Н.И.* Автобиография. С. 66.

³⁶ *Szczeniowski T.* Bigos hultajski, bzdurstwa obyczajowe. Wilno, 1844. T. I. S. 161.

³⁷ *Mitkowski Z.* [T.T. Jez]. Od kolebki przez życie. Wspomnienia / Oprac. A. Lewak. Kraków, 1936. T. I. S. 121. Более общую характеристику конфликта Потоцких с их

окружением см.: *Шамрай С.* Борьба тульчинських мішан з графами Потоцькими: 1797—1837 рр. // Науковий збірник історичної секції УАН. 1929. Феодальный про-извол Мечислава Потоцкого описан на основании рукописи одной из его жертв, Винцена Белжецкого (Biblioteka PAN w Krakowie. Sygnatura 1001). См.: *Łojek J.* Potomkowie Szczęsnego. S. 131—132.

³⁸ *Федоров В.А.* Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1974. С. 241—245.

³⁹ *Ibidem.* С. 226.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 42 — Журнал заседаний за 1837 г. Л. 179—180.

⁴¹ *Ibidem.* Д. 22. — Анонимная записка, представленная министром внутренних дел и переданная императору.

⁴² ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 2808.

⁴³ *Ibidem.* Спр. 3127. В том же деле представлена подобная информация по Подольской губернии, документ от 20 ноября 1840 г.

⁴⁴ *Ibidem.* Ф. 442. Оп. 789а. Спр. 288.

⁴⁵ *Ibidem.* Спр. 372.

⁴⁶ *Ibidem.* Оп. 1. Спр. 3125. Согласно отчетам гражданских губернаторов, число самоубийств среди крестьян ежегодно было высоким: как правило, на каждую губернию приходилось по 100—150 случаев в год. Часто случались самоубийства детей в возрасте от 8 до 16 лет, главным образом из-за страха перед наказанием за кражу. В 1853 г. киевский гражданский губернатор запретил публикацию в печати всякого намека о 114 анкетах по делам о самоубийствах. См.: *Ibidem.* Спр. 10526—10640.

⁴⁷ *Ibidem.* — Ответ Бибикова, 20 июля 1840 г.

⁴⁸ *Ibidem.* Ответ В. Здзеховского, 1 марта 1841 г. Свидетельства чиновников о бедности и отчаянии крестьян, а также примеры из народных песен, записанных в том числе Т. Рыльским, см.: *Крижановська О.О.* Соціальні настрої та увялення селян Правобережної України у 20—50-х рр. 19 ст. // Український історичний журнал. 2007. № 2. С. 130—142.

⁴⁹ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 26 — Журнал заседаний за 1840 г.

⁵⁰ *Ibidem.* Д. 28.

⁵¹ ДАКО. Ф. 1238. Оп. 1. Спр. 418. На тему преследования крестьян и многочисленных побегов из поместий см. популярную повесть Теодора Ежа «Васьль Голуб» (*Jeż T.T. Wasył Hołub* (1857)) и ее анализ в: *Kozak S.* Ukraina w twórczości T.T. Jeża // *Slavia Orientalis.* 1969. № 4. S. 401—413.

⁵² ДАКО. Ф. 1238. Оп. 1. Спр. 565 — Письмо предводителя дворянства Киевского уезда гражданскому губернатору от 28 сентября 1845 г.

⁵³ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 794. Спр. 186. Все школы, существовавшие при римско-католических или греко-католических приходах, были закрыты указом от 15 апреля 1832 г. В Волынской губернии их было 55, в Подольской — 35. См.: *Ibidem.* Ф. 710. Оп. 1. Спр. 53. Лешек Заштовт приводит данные вдвое выше, однако основывается на более ранних отчетах бывшей Волынской финансовой комиссии, которая, как мы видели, искажала статистику. См.: *Zasztowi L.* Kresy 1832—1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1997. S. 316—318.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 26 — В годовом отчете гражданского губернатора за 1840 г. уделяется значительное внимание чрезмерной эксплуатации крестьян помещиками и управляющими. См.: *Ibidem*. Ф. 1281. Оп. 3. Д. 71а. Л. 8—11.

⁵⁵ *Сташевский Е.Д.* История докапиталистической ренты на Правобережной Украине в XVIII — первой половине XIX в. М., 1968. С. 444 и др.

⁵⁶ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 34. Л. 23—94 — Журнал заседаний за 1844 г. Японский исследователь Такеши Мацумура посвятил инвентарным правилам интересную статью. См.: *Мацумура Т.* Трансформация деревни Правобережной Украины накануне освобождения крестьян и роль инвентарных правил // Социальная трансформация и межэтнические отношения на Правобережной Украине: XIX — начало XX в. / Под ред. К. Мацузато. М., 2005. С. 61—88.

⁵⁷ *Ibidem*. Д. 36. Л. 230—265. Несомненно, на быстрое начало инвентаризации оказало также влияние крестьянское восстание 1846 г. в Галиции (т.н. «габасја»), которое привело к отмене крепостного права в Австрии в 1848 г.

⁵⁸ Российские работы по подготовке реформ 26 мая 1847 г. также не являются полными. См.: *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: В 2 т. СПб., 1888. Украинские исследования более подробны. См.: *Гуржій І.О.* Розклад феодально-кріпосницької системи в сільському господарстві України першої половини XIX ст. Київ, 1954. С. 348—425.

⁵⁹ Высочайше утвержденные инвентарные правила для управления имением (65 статей, 20 декабря 1848 г.).

⁶⁰ *Bobrowski T.* Pamiętnik mojego życia / Oprac. J. Kieniewicz. Warszawa, 1979. Т. I. С. 287. (Первое издание воспоминаний Тадеуша Бобровского вышло во Львове в 1900 г.)

⁶¹ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 798. Спр. 74 — Отчеты подольского и волынского гражданских губернаторов, март—июнь 1848 г. См. также: *Возняк М.* Кирило-Мефодіївське братство. Львів, 1921. Николай I, видевший в братстве очередное проявление польской интриги, приписывал ему большое значение (очень важным, хотя и по другим причинам, братство оставалось и для историков украинского происхождения), а вот для крестьян на местах оно значило гораздо меньше. См.: Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 т. Київ, 1990; *Зайончковский П.А.* Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847), М., 1959; Западные окраины Российской империи. С. 113—116; *Нифонтов А.С.* Россия в 1848 году. М., 1949. С. 93—105. Нифонтов рассматривает польские листовки из Галиции.

⁶² ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 798. Спр. 74. На тему волнений см.: *Корнилович М.* Бібіковські обов'язкові інвентарі і селянство в Володимирському повітті на Волині // Український археографічний збірник. 1926. Т. 1; а также работу более общего характера: *Барабой А.З.* Правобережная Украина в 1848 г. // Исторические записки АН СССР. 1950. № 34.

⁶³ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 45. Спр. 73.

⁶⁴ *Ibidem*. Оп. 445. Спр. 119.

⁶⁵ ДАКО. Ф. 2. Оп. 3. Спр. 7774.

⁶⁶ *Iwański A.* Pamiętniki 1832—1876. S. 4. В конечном счете введение в трех губерниях «Инвентарных правил», призванное улучшить положение крестьянства, привело к его ухудшению, позволив помещикам отобрать у крестьян 400 тыс. десятин. См.: *Сташевский Е.Д.* История докапиталистической ренты. С. 454—458. На

этот факт, как ни странно, не обращает особого внимания Т. Мацумуро в упоминаемой статье, посвященной трансформации деревни на Правобережной Украине.

⁶⁷ ДАКО. Ф. 2. Оп. 164. Спр. 219.

⁶⁸ Ibidem. Спр. 220.

⁶⁹ ДАКО. Ф. 2. Оп. 165. Спр. 47.

⁷⁰ Ibidem. Оп. 164. Спр. 175.

⁷¹ Ibidem. Спр. 172 (о молодой крестьянке Юркевича); *Balzac H. de. Lettre sur Kiev // Balzac H. de. Oeuvres completes. Paris, 1976. T. 26. P. 574—575; Бальзак О. де. Письмо о Киеве / Пер. с франц., вступ. заметка и прим. В.А. Мильчиной // Пинакотека. 2002. № 13/14. Приложение.*

⁷² ЦДАУК. Ф. 442. Оп. 451. Спр. 7.

⁷³ ДАКО. Ф. 2. Оп. 165. Спр. 37.

⁷⁴ Ibidem. Оп. 164. Спр. 173.

⁷⁵ Ibidem. Спр. 174.

⁷⁶ К примеру, так считал Вельхорский (*Wielhorski W. Ziemie ukrainne. S. 77*), который, цитируя Милковского, вырвал фразу из контекста и приписал ей совершенно иной смысл (*Miłkowski Z. Udział Polaków w wojnie wschodniej 1853—1856 z przypisem: O powstaniu ludowym na Ukrainie w 1855 roku... Paryż, 1858*). Таким путем он пришел к выводу, что в 1855 г. на Украине велась подготовка крестьянского восстания. Действительно, министр иностранных дел Франции внимательно следил за событиями и требовал представления свидетельств очевидцев. В связи с этим генерал Рыбинский состоял в переписке с французами. См.: *Archives du Ministère des Affaires Etrangères, Paris. — Mémoires et documents, Russie. T. XLIV. P. 18—21*. См. также: *Handelsman M. Ukraińska polityka ks. Adama Czartoryskiego przed wojną krymską. Warszawa, 1937*. Самая фантастическая интерпретация крестьянских волнений начала 1855 г. дается Марьяном Кукелем, который пишет, что «крестьяне стремились к союзу с польскими помещиками и надеялись на их поддержку в борьбе с Москвой». См.: *Kukiel M. Dzieje Polski porozbiorowej. S. 366*.

⁷⁷ *Bobrowski T. Pamiętnik mojego życia T. 2. S. 57—58*. О случае с Розенталем см.: *Tabiś J. Polacy na Uniwersytecie Kijowskim 1834—1863. Kraków, 1974. S. 75—77*. Исчерпывающую характеристику расправы с этими движениями дает Шамрай. См.: *Шамрай С. Київська Козаччина 1855 р.: До історії селянських рухів на Київщині // Записки історико-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук. Кн. XX. Київ, 1928. С. 199—324*.

⁷⁸ *Kraszewski J.J. Dwa światy. Kraków, 1967. S. 82—83*.

⁷⁹ *Olechnowicz J. Polska myśl patriotyczna i postępową na ziemiach ukraińnych w latach 1835—1863 // Pamiętnik Kijowski. 1963. T. 2. S. 24—25*. См. также; *Tabiś J. Polacy na Uniwersytecie. S. 129—132; Курчів Р.Ф. Україніка в польських альманахах доби романтизму. Київ, 1965*, — где прекрасно описана «мода на украинский люд», а также: *Дорошенко Д. Володимир Антонович. Прага, 1942*.

⁸⁰ Эта дискуссия широко обсуждается в: *Szporer D. Pomiedzy caratem a snem o Rzeczypospolitej. Myśl polityczna i działalność polskich konserwatywnych środowisk szlacheckich w guberniach zachodnich Imperium Rosyjskiego w latach 1855—1862. Gdańsk, 2003. S. 146—150*; подобные реакции представлены на стр. 155—157, 171, 175—177. М. Долбилов и А. Миллер показали, что именно виленский генерал-губернатор В.И. Назимов был инициатором проекта отмены крепостного права, пред-

ставленного местной шляхтой. По мнению Б.Н. Чичерина, известного уже в то время правоведа и историка, эти меры позволили бы в недалеком будущем «располячить» губернии Северо-Западного края. См.: Западные окраины Российской империи. С. 133—135, 138.

⁸¹ *Szroper D. Pomiedzy caratem a snem. S. 197—203.*

⁸² О результатах работы комитетов пишет Тадеуш Бобровский. См.: *Bobrowski T. Pamietnik mojego zycia. T. II. S. 137—211* (Киевский комитет); 253—258 (Волинский комитет); 264—266 (Подольский комитет).

⁸³ *Ibidem. S. 410—416.* Бобровский приводит список арбитров и дает комментарий о проведении реформы, который, как кажется, остался неизвестным К. Мацузато, автору малоубедительной статьи о якобы положительной роли мировых посредников. См.: *Мацузато К.* Из комиссаров антиполонизма в просветители деревни: мировые посредники на Правобережной Украине (1861—1917) // Социальная трансформация. С. 175—221.

⁸⁴ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 811. Спр. 255. Biblioteka Narodowa w Warszawie. Akcyza 11383. Т. 3 — Письма Юзефа Шембека от 24 марта, 15 апреля 9 мая 1861 г. Цит. по: *Rostworowski E. Popioły i korzenie. Szkice historyczne i rodzinne. Kraków, 1985. S. 244—245.*

⁸⁵ *Степанишина О.М.* Господарство графів Браницьких на Київщині і реформа 1861 року в їхніх маєтках. Київ, 1930; *Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972. S. 160;* Социально-политическое движение на Украине 1856—1862 и 1863—1864. Сб. док. / Ред. В.Д. Королюк, Г.И. Марахов: В 2 т. М.; Вроцлав; Киев, 1963—1964. Т. 1. С. 551, 566 (издание на польском и русском яз.); *Марахов Г.И.* Польское восстание 1863 г. на Правобережной Украине. Киев, 1967; *Лещенко Н.Н.* Крестьянское движение на Украине в связи с проведением реформы 1861 г. (60-е гг. XIX в.). Киев, 1959. С. 375—415.

⁸⁶ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 810. Спр. 192.

⁸⁷ *Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. S. 40.*

⁸⁸ *Ibidem. S. 41.* Воскресные школы для городских ремесленников стали предметом подробного анализа в: Социально-политическое движение на Украине. Т. 1. С. 93. Алексей Миллер приводит записку киевского цензора Новицкого против распространения украинских букварей с латинским алфавитом, доставленных контрабандой из Галиции. Попечитель Киевского учебного округа Н.И. Пирогов сообщил об этом министру народного просвещения Е.В. Путятину, который 30 мая 1859 г. запретил эти буквари. Несомненно, речь шла о том, чтобы не дать втянуть крестьянство в латинско-польскую сферу культурного влияния. См.: *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. С. 86.

⁸⁹ *Bobrowski T. Pamietnik mojego zycia. T. II. S. 355.*

⁹⁰ Тема деклассированной шляхты раскрывается более подробно в следующей главе.

⁹¹ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 810. Спр. 182 — Письмо от 17 декабря 1860 г.

⁹² *Ibidem.* — Письмо И.И. Васильчикова к А. Фиалковскому и К. Боровскому от 7 января 1861 г.

⁹³ *Bobrowski T. Pamietnik mojego zycia. T. II. S. 445.*

⁹⁴ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 810. Спр. 182. Следует подчеркнуть, что деятельность католической церкви по усилению польского влияния шла в том же направлении,

что и высказываемые центром польской эмиграции в Париже — «Отеlem Ламбер» — пожелания, с которыми он обратился к мировым посредникам в 1861 г. Суть этого обращения сводилась к тому, чтобы мировые посредники воспользовались реформой 1861 г. и сблизились с простонародьем, язык которого столь близок польскому. См.: Западные окраины Российской империи. С. 167—168.

⁹⁵ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 810. Спр. 182. В документах того времени говорится об обучении лишь «крестьян», однако Л. Заштовту удалось найти статистические данные по Подольской губернии, где в случае 10 приходских школ представлено деление на категории. Оказывается, 72% учащихся происходило из мелкой деклассированной шляхты. Если бы открытие подобных школ приобрело повсеместный характер, то тогда бы оно переросло в акцию спасения однодворцев посредством образования их детей. Об этом еще пойдет речь в следующей главе. См.: *Zasztowt L. Kresy 1832—1864*. S. 337—341.

⁹⁶ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 810. Спр. 255 — Министр внутренних дел Васильчикову, декабрь 1861 г.

⁹⁷ Ibidem. — Рапорт от 20 января 1862 г.

⁹⁸ Ibidem.

⁹⁹ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 810. Спр. 182.

¹⁰⁰ Ibidem. Из письма Васильчикова к министру народного просвещения А.В. Головнину видно, как царские власти стремились к ограничению польского влияния на украинских крепостных. См.: Социально-политическое движение на Украине. Т. 1. С. 251—253 (документ № 123).

¹⁰¹ После Польского восстания 1863—1864 гг. российская пресса открыто называла планы католической церкви бунтарскими. См.: Тайные польские школы в Юго-Западном крае России до 1863 г. // Вестник Западной России. 1865. Т. 5. С. 250—254; более подробно: Недавно минувшее Волины // Волинские губернские ведомости. 1867. № 127—134.

¹⁰² Западные окраины Российской империи. С. 157—158.

¹⁰³ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 810. Спр. 182.

¹⁰⁴ Ibidem. — Письмо от 6 июля 1862 г. Такой подход схож с тем, что представил 17 октября 1862 г. генерал-губернатор Северо-Западного края в Комитет министров. В.И. Назимов также остро обвинял шляхту в том, что она оторвала «русский народ» от его корней: «Польское дворянство... при помощи [католического] духовенства вписалось, так сказать, в тело и кровь украинского, литовского и белорусского населения... Оно могло бы впоследствии, опираясь на повсеместное укоренение польского языка... с большею законностью заявлять права свои на этот народ». См.: Западные окраины Российской империи. С. 165—166; *Сталюнас Д.* Идентификация, язык и алфавит литовцев в российской национальной политике 1860-х годов // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 225—254; *Сталюнас Д.* Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60-е гг. XIX в. // *Российская империя в зарубежной историографии* / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 570—588.

¹⁰⁵ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 810. Спр. 182 — Письмо епископа Фиалковского Васильчикову от 7 августа 1862 г. и ответ последнего от 23 августа; письмо епископа Боровского от 29 августа 1862 г. В действительности мазуры, о которых писал епис-

коп, принадлежали не к крестьянам, а к мелкой шляхте, к этому времени они уже были ассимилированы. См. следующую главу.

¹⁰⁶ Ibidem. Оп. 811. Спр. 255.

¹⁰⁷ Ibidem. Оп. 810. Спр. 182.

¹⁰⁸ Ibidem.

¹⁰⁹ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 811. Спр. 255 — Рапорт викарного киевского митрополита киевскому генерал-губернатору от 25 января 1863 г.

¹¹⁰ Ibidem.

¹¹¹ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 810. Спр. 182.

¹¹² Факсимиле «Золотой грамоты», напечатанной кириллицей, опубликовал Олехнович (см.: *Olechnowicz J. Polska myśl patriotyczna* S. 32). Об обоснованном недоверии поляков на Украине к самим украинцам во время восстания см.: *Kieniewicz S. Powstanie styczniowe*. S. 297-300, 498—499 (в особенности).

¹¹³ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 811. Спр. 255.

¹¹⁴ *Kieniewicz S. Powstanie styczniowe*. S. 703.

¹¹⁵ Rok 1863 na Ukrainie. Pamiętnik nieznanego autora / Oprac. E. Kozłowski. Kraków, 1979. S. 50—52.

¹¹⁶ Цит. по: *Rostworowski E. Popioły i korzenie*. S. 245—246.

¹¹⁷ *Bobrowski T. Pamiętnik mojego życia*. Т. II. S. 487, 506—508. После 30 июля 1861 г. генерал-губернатор Анненков, пообещав им это, тем самым завоевал симпатию крестьян. С этого времени поляки уже ничего не могли им предложить. См.: *Kieniewicz S. Powstanie styczniowe*. S. 612—613.

Глава 2

ЗАПАДНЯ ДЛЯ ШЛЯХТЫ. ДЕКЛАССИРОВАННАЯ ШЛЯХТА

Польская шляхта, о которой шла речь в предыдущей главе, была в основном представлена помещиками и управляющими имениями, отношения которых с людом складывались в рамках крепостной системы «господин — раб». В последующих главах мы вновь обратимся к внутренней организации этого слоя, а также социально-культурным особенностям землевладельческой шляхты на Правобережной Украине, однако в центре нашего внимания будет положение и судьба шляхетского большинства — мелкой шляхты, настолько сблизившейся с крестьянством, что ее сложно было от него отличить. В этой главе роли поменяются — поляки из преследователей превратятся в преследуемых.

КОЗЛЫ ОТПУЩЕНИЯ

Со времени Екатерины II и до 1830 г., как уже было показано в первой части книги, втянутая в Российскую империю бедная шляхта, в большинстве своем безземельная, благодаря имевшимся «привилегиям» вела жизнь достаточно спокойную, несмотря на грозные планы властей относительно ее будущего. Согласно устоявшейся традиции шляхетской солидарности эти бедняки полностью находились в сфере влияния и зависели от милости польских помещиков, платили традиционный чинш, сами обрабатывали земельный надел, жили зачастую в не принадлежащем им доме, исполняли незначительные служебные обязанности, позволявшие им тем не менее сохранять чувство достоинства. Чувство гордости играло в их жизни большую роль. Они принадлежали к вольным людям, о чем свидетельствовал герб на перстне — единственном свидетельстве чести, которой некогда были удостоены их предки польскими королями. Среди них можно было встретить и образованных людей, учившихся в польских гимназиях или уездных школах до 1831 г.

Почему же им была уготована царским режимом роль козлов отпущения? По мнению властей, именно они являлись самыми ожесточенными поборниками восстановления польской независимости, т.к. благосклонно отнеслись к варшавским «мятежникам». Подобное обвинение было

справедливо лишь отчасти. В случае восстания на Правобережной Украине не могло быть и речи о такой же массовости, как и в этнически однородном Царстве Польском, российская армия в течение двух месяцев пресекала на корню патриотическое движение¹: после победы у Боремля 19 апреля 1831 г. генерал Юзеф Дверницкий с 4700 человек и 12 пушками был вынужден отойти в Галицию, затем последовали одиночные стычки, как, например, неудачные битвы около Городка и Дашова вблизи Липовца, а также бои Кароля Ружицкого под Житомиром, не принесшие удачи, но запомнившиеся проявленным героизмом, который в эпической форме представил Юлиуш Словацкий в «Думе о Вацлаве Жевуском». Немногочисленные проявления польских патриотических чувств, как, например, избрание Ксаверия Пражмовского предводителем восстания на Волини или направление Миколая Деныского в качестве эмиссара в Варшаву, не привели к укреплению боевого духа среди польских помещиков. Представители этого слоя предпочитали слушать воззвания старого луцкого епископа Каспера Чечишовского, дяди Лелевеля, о сохранении верности царю и сидеть по домам, опасаясь крестьянского бунта. От их имени предводитель волынского дворянства передал через военного губернатора приветственный адрес на имя царя, в котором волынская шляхта заверяла монарха в своих искренних чувствах и безграничной любви, присущей всем верным сынам Отечества. Николаю I давались заверения в том, что вместе со всеми сословиями Волинской губернии шляхта готова подчиниться любым приказам правительства, подтверждалось стремление сохранять порядок в губернии, которую пока благодаря Провидению нарушители общественного спокойствия обходили стороной. Однако власти осуждали саму мысль о возможности восстания, а потому никого за подобные намерения не прощали, в том числе и шляхту из западной части подольских земель, где ее было особенно много (20 тыс.).

Поскольку единственным критерием принадлежности к знати в России являлось владение землей, то волей-неволей будут помилованы крупные польские землевладельцы. Основной же удар придется на бедную шляхту. Польские помещики, несмотря на преследования и конфискации (о чем еще пойдет речь), будут признаны истинными дворянами, название же «шляхта» приобретет в России крайне пренебрежительный оттенок и будет использоваться в отношении «париев». Безземельная шляхта будет признана аномальным явлением в структуре империи, в которой, по мысли властей, могло существовать лишь три состояния: дворяне, мещане и крестьяне. Собственно, именно эту шляхту и стремился с упорной ненавистью уничтожить на протяжении нескольких десятков лет Николай I. Однако историку важно не только констатировать этот факт, но и задуматься над реакцией (одобрение? сопротивление?) польской обществен-

ности на царскую политику. Необходимо помнить, что данная проблема уходила корнями глубоко в прошлое.

Восстание 1831 г. стало всего лишь предлогом для радикализации царской политики. После знакомства с материалами комиссий по разбору дел об участниках польского восстания, созданных по указу от 10 июля 1831 г. в каждом уезде и подчиненных губернским центрам указом, можно констатировать, что доказательств вины, притом что комиссии действовали продолжительное время, некоторые даже до 1843 г., было собрано не так уж и много. Между тем сам состав комиссий не дает повода подозревать их в малейшем снисхождении: на губернском уровне они возглавлялись генерал-губернатором или высшим офицером, заместителем председателя был гражданский губернатор, а членами — председатели судов вместе с советниками казенных палат. Из числа поляков среди членов комиссий были лишь предводители дворянства. Согласно протоколам заседаний, которые сохранились в киевских архивах по всем трем губерниям Правобережной Украины, количество повстанцев почти никогда не превышало 200 человек на уезд. Алфавитный список повстанцев, дела которых рассматривались комиссией Киевской губернии в 1831—1843 гг., состоит из 96 страниц, в среднем по 18 фамилий на страницу, что в сумме дает число меньше, чем 1800. В Волынской и Подольской губерниях повстанцев, безусловно, было больше, однако общее количество в 10 тыс. человек представляется максимальным числом для всех трех губерний. Действительно, бедная шляхта преобладала: 400 человек в Киевском уезде на 19 помещиков и 55 «крестьян и бродяг», причем в протоколах отмечено, что последних зачастую принуждали к участию силой². Однако в любом случае такое количество участников не оправдывает размаха репрессий, которые обрушились на польскую шляхту.

Через несколько месяцев после начала восстания ужас сменился в Петербурге возмущением и полонофобией, причем как в правительственных кругах, так и среди общественности и в прессе³. Наряду с конфискацией имений, закрытием польских школ и преследованием католиков было предпринято два масштабных мероприятия против обедневшего польского населения Юго-Западного края. Были приняты решения о переселении 5 тыс. шляхетских семей из Подольской губернии на Кавказ, а также о деклассировании мелкой шляхты с целью ее растворения среди крестьян и однодворцев. Эти замыслы еще не становились предметом исторического анализа. Первый план не удался, хотя в польской историографии утвердилась точка зрения, что он был все-таки осуществлен. Он заслуживает внимания хотя бы уже потому, что показывает степень охватившего царские власти безумия. Второй же план, напротив, осуществлялся с удивительным упорством на протяжении двадцати лет и увенчался успехом, что в корне изменило социальную структуру изучаемого региона.

К осуществлению обоих планов власти приступили одновременно, что привело к панике среди мелкой шляхты. Исключительно из желания внести определенную ясность в изложение событий тех лет вначале обратимся к проекту переселения на Кавказ, который, невзирая на весь трагизм, во многом сродни произведениям Н.В. Гоголя.

ВСЕХ НА КАВКАЗ!

Большинство польских авторов представляют как достоверную цифру 5 тыс. шляхетских семей, вывезенных на Кавказ. Некоторые из них, например Х. Мосцицкий или Б. Винярский, даже утверждают, что переселение охватило 45 тыс. польских семей из «польских» земель Российской империи. В работах М. Бернацкой о мелкой шляхте Мазовии и Подляшия или В. Вельхорского о «польской» Украине также приводятся эти данные. Последний автор даже называет фантастическую цифру в 300 тыс. человек, подчеркивая, что «методы массовой депортации придуманы не большевиками»⁴. Даже если учесть отправленных в армию или сосланных в Сибирь повстанцев, то и тогда не удастся получить такой цифры. Утверждение польской историографии о депортации на Кавказ 5 тыс. шляхетских семей основано на указе от 21 ноября 1831 г., но при этом никто не проверил, был ли этот план осуществлен. Именно такую проверку мы провели.

Сама мысль о массовом переселении населения, которое царские власти считали особенно опасным из-за присущего ему духа индивидуализма и статуса личной свободы, не была новой. Как уже было показано в первой части, еще во времена Екатерины II Зубов задался целью использовать свободолюбивый нрав этих людей для укрепления армии и выдвинул идею об ассимиляции поляков с малороссийским казачеством.

С самого начала в этой идее главными были эмоции, а не здравый смысл. 15 ноября 1831 г. делопроизводитель Комитета западных губерний барон М.А. Корф сообщил подольскому губернатору, что его губерния выбрана в качестве примера; для начала эксперимента Комитет установил цифру в 5 тыс. семей. Согласно проекту, выделяемые на Кавказе земли должны были находиться в казенной собственности, а создаваемые там поселения могли быть в будущем военизированы⁵.

Подольский гражданский губернатор Ф.П. Лубяновский сразу же увидел возможные трудности и высказал замечания. Он не представлял, чтобы 5 тыс. семей добровольно согласились на переезд, и спрашивал, не следует ли их к этому принудить. По его мнению, лучшими поселенцами на Кавказе были бы те, кто знаком с полеводством, тогда как среди повстанцев преобладали молодые неженатые «бездельники». Было бы хорошо очистить от них Подольскую губернию, однако заселять ими Кавказ было, по его мнению, небезопасно, поскольку «водворение их в большом числе на Кавказе

обратилось бы не только к общественному их вреду, но по соседству неприязненных горских племен может быть и к вящему вреду общественному».

24 января 1832 г. Корф напомнил о существовании первого указа Николая I, полностью не прояснявшего сути этого вопроса: «...сколько можно удалить из Западных Губерний шляхты совсем не оседлой (бобылей), обращающейся в разврате и всегда готовой на соединение с теми, кто ее купит». По мнению Николая I, этих шляхтичей, поскольку это бродяги, необходимо отправлять в казацкие отряды. Стоит еще раз обратить внимание на открытую неприязнь ко всему, что не укладывалось в желанные строгие рамки трех сословий российского общества. Отсутствие у обедневшего шляхтича собственной земли означало превращение его в «бродягу», что вызывало враждебное и подозрительное отношение властей. Эта типичная реакция царя соответствовала в конечном итоге указу от 12 февраля 1829 г., согласно которому следовало задерживать и отправлять на службу в казацкие полки всех здоровых и не ведших своего хозяйства мужчин в возрасте до 35 лет.

Министерство финансов и Министерство внутренних дел совместно разработали принципы переселения, одобренные Комитетом министров 25 марта 1832 г. Однако затаивший особую злобу на поляков Николай I собственноручно дописал: «Правила сии считать не для одной Подольской, но и для прочих всех западных губерний». Тем не менее в сравнении с атмосферой абсолютной строгости предложения Комитета западных губерний от 5 апреля 1832 г. представляются несколько нерешительными, даже противоречивыми. Сначала было принято решение отправить только добровольцев, которым отводилось больше всего земли; за ними должны были последовать те, кого власти признают «почему-либо подозрительными и неблагонадежными». Учитывая возникшие трудности, власти отказались от предусмотренной цифры в 5 тыс. семей. Было решено, что до тех пор, пока на Кавказ не будут завезены стройматериалы, туда будут направлять лишь работоспособных мужчин. Их семьи должны были прибыть позже. В дальнейшем власти начали различать добропорядочных однодворцев, которые со временем могли бы стать хорошими поселенцами, и пресловутых «бродяг», пользовавшихся дурной славой, которых следовало отправить на Кавказский фронт.

Это обременительное поручение было возложено лишь на одного подольского губернатора. Именно он должен был определять людей для переселения, организовывать их отправление, поддерживать связь с кавказским наместником генералом А.А. Вельяминовым. Министр внутренних дел не без основания опасался огласки предпринимаемых мер, а потому уже на следующий день, 6 апреля, рекомендовал губернатору Ф.П. Лубяновскому позаботиться о том, я »чтобы обстоятельства упомянутого переселения, равно и препровожденные к Вам на сей предмет правила, были

известны только в кругу лиц, до коих исполнение оных относится, но ни через газеты, ни иным каким-либо образом обнародованы не были».

Но было уже поздно! В приступе рвения, а, может, для того, чтобы не допустить применения силы, губернатор Лубяновский уже разослал предводителям дворянства большой напечатанный плакат, в котором призывал добровольцев отправляться на Кавказ, представляя изгнание как милость. Данный документ под названием «Льготы и выгоды переселяемой в Кавказскую область шляхте, Всемиловейше даруемые»⁶ — образец мелочного бюрократического подхода при решении важного вопроса. Одновременно это и пример неслыханной наивности. Как следует из нижеприведенного текста, царский чиновник думал, что предлагаемые «выгоды» могли склонить поляков покинуть свой родной край.

Переселяемым вследствие высочайшего Его Императорского величества соизволения семействам из шляхты, что ныне граждане и однодворцы из Подольской губернии и из других в Кавказскую область, всемиловейше представляются следующие выгоды и льготы.

I

На месте настоящего жительства

Продажа своих домов и всех хозяйственных обзаведений, равно и земля, в полную личную собственность по законным актам, им принадлежащим.

Комиссия обязана содействовать в выгодной всего имущества продаже, приводя в известность, что и сколько чего какая семья возьмет с собой при переселении: почему продажа сия должно происходить с ведома Комиссии при наблюдении, чтобы продавцу от покупателя сполна были уплачены деньги. Исключается из продажи весь рогатый скот и лошади, как и в пути и по прибытии на место необходимые для каждой семьи, равно телеги и прочие везде нужные для домашнего быта вещи, сколько кто может взять на свою повозку.

Общественные участки земли, переселяемым принадлежащие, представляются в пользу Общества: но Громада (общество) по взаимному соглашению с переселяемыми семьями обязывается оказать им соразмерное с получаемыми от того выгодами пособие для перехода. [Пример незнания царскими властями местных обычаев: сама идея общины, укорененная среди русских крестьян и однодворцев, была совершенно чужда шляхте. — Д.Б.]

Долг Комиссии содействовать в сем случае к соглашению обеих сторон по справедливости и местному усмотрению.

Примечание. Переселяемые обязаны заплатить в настоящих местах жительства все частные свои долги по законным актам и в уплате оных снабдить себя от кого следует квитанциями. Казна однако же ни в каком

случае не принимает на себя ответственности за долги переселенцев, и не следует делать при сем никаких особых распоряжений о приведении оных в известность. Заимодавцам предоставляется взыскивать долги узаконным порядком, но отнюдь не останавливать за сим переселенцев.

Сложение недоимок в земских повинностях, лично на переселении состоящих. [Таким образом хотели побудить к переселению тех, кто не мог вернуть долги. — *Д.Б.*]

Примечание. Сие сложение распространяется и на недоимки в подымных податях, если по обложению однодворцев Подольской губернии сими податями, таковые впоследствии произойдут.

II

В пути

На каждую переселяемую семью при отправлении с места в пособие на путевые издержки назначается из казны по 50 рублей ассигнациями.

Семьи сии будут отправляемы в приличном числе партиями под надзором и попечением особого чиновника при каждой партии для доставления оной пособия и ограждения от всяких могущих быть в пути притеснений.

Будут отводимы для партий через всю дорогу денные и ночные квартиры безденежно.

Все вообще переселенцы мужеска и женска пола будут в пути довольствоваться от хозяев улучшенной пищею с платежом за то от казны, кроме только грудных младенцев.

Скот, который будут иметь с собой переселенцы, довольствуется в пути на общих мирских пастбищах, где партия остановится, тоже бесплатно.

Примечание. Сухого корма для скота не полагается, ибо переселение будет в летнее время.

Заболевшие в пути переселенцы будут доставляемы по распоряжению партионного чиновника в ближайший город, где принимаются в больницы и пользуются на счет казны — по выздоровлении же отправляются для соединения с своими семействами.

Если будут такие большие, но беднейшие семьи, кои не в состоянии всего им необходимого имущества, или всех малолетних детей поднять на своих подводах, — таковым даваться будет по одной подводе от ночлега до ночлега безденежно.

III

По прибытии на места переселения

Каждой семье дано будет по 50 десятин удобной для хлебопашества и скотоводства земли.

Немедленно по прибытии на место, выдано будет там, где есть лес на обстройку и сверх полученных на путевые издержки, еще по 50 рублей ассигнациями, а там, где лесу нет, выдано будет по 100 рублей на каждую семью в пособие на обстройку.

Примечание. Тем семьям, кои получают готовые дома, не будет выдаваемо сих денег.

Дарована будет:

На пять лет льгота от платежа подымных податей и земских повинностей.

На три года льгота от исправления натуральных земских повинностей, кроме частных, относящихся до отведенных во владение земель.

На восемь лет льгота от воинского постоя, и от вноса хлеба в сельские магазины.

По прибытии на место выдано будет на посев и продовольствие по числу семей от четырех до шести четвертей озимого и ярового хлеба, от четырех до шести четвертей круп и по три пуды соли на каждую семью безденежно, с перевозкой соли из магазинов самими переселенцами.

Партии будут селиться селениями в большем или меньшем виде по удобствам местоположения.

Подымная подать против обитающих в возвращенные от Польши губерниях, назначается с переселенцев по истечении упомянутой пятилетней льготы и сверх того по десять копеек серебром с десятины отводимой земли.

Подольский гражданский Губернатор

Неизвестно, надеялся ли подольский губернатор с помощью такого предложения завлечь шляхетскую бедноту на Кавказ (можно представить себе чувства шляхтичей при чтении этого документа). Одновременно с этим он тайно готовил принудительную акцию. Он поручил исправникам «особо взяться со всей точностью» за составление «именного списка по прилагаемой у сего форме тому классу людей, которые не имеют никакой оседлости и постоянных промыслов или занятий, но проходят с одного места на другое, от одного помещика, посессора или иного хозяина к другому, проживая таким образом в праздности или, что все равно, бродяжничая». Это характерное обобщение давало возможность отнести деклассированную шляхту просто к сборищу пьяниц, воров и драчунам, от которых следует избавиться согласно предложенной схеме. Губернатор советовал своим полицейским — «при сем случае неизлишне будет иметь Вам в виду, что приходские православные священники могут весьма пособлять Вам к доставлению цели переселения шляхты, если обратитесь под

рукой к благоразумнейшим из священников, кои, как известно, при добром поведении и на шляхтичей католиков имеют влияние»⁷.

Однако прошло два месяца, но ни прыник, ни кнут результатов не дали: уездные комиссии, чья задача заключалась в том, чтобы найти виновных во всех грехах деклассированных шляхтичей, так и не нашли желающих переселяться. 9 июля 1832 г. министр внутренних дел Д.Н. Блудов, которому кавказский наместник докладывал о своей постоянной готовности принять переселенцев, спрашивал о числе лиц, готовых выехать. В ответ 27 июля Лубяновский растерянно обратился к министру со следующими вопросами: 1) поскольку уговоры не приносят должного результата, следует ли осуществить принудительное переселение шляхты, несмотря на ее несогласие? 2) стоит ли в эту акцию включать неженатых и тех, кто не принимал участия в восстании? 3) стоит ли принимать во внимание записи в родословных книгах?

Ответ министра от 14 августа 1832 г. свидетельствует о неуверенности в необходимости принудительного переселения, что говорит о начале фазы легализма в решении шляхетского вопроса, сменившей полосу слепой ненависти. Действительно, решение о переселении противоречило провозглашенному закону об амнистии, а потому было неясно, что должно было послужить поводом для переселения 5 тыс. произвольно выбранных семей, тем более что в скором времени выяснится, что категория деклассированной шляхты насчитывает сотни тысяч людей. Теперь уже Блудов не хотел рисковать и силой отправлять «истинных шляхтичей» на Кавказ. Его в большей степени беспокоила начавшаяся проверка дворянского звания, конца которой видно не было. Лично он склонен был брать лишь добровольцев, соглашавшихся ехать с семьями, поскольку их оседлый образ жизни должен был удерживать их от побега с Кавказа. Однако Вельяминов усложнил задачу, написав 25 октября, что, со своей стороны, он будет приветствовать лишь отъезд неженатых мужчин на Кавказ, т.к. их устройство стоит дешевле, а к тому же на Кавказе — избыток женщин!

Промедление в решении этого вопроса раздражало Николая I, и он назначил других исполнителей: с этого момента этим вопросом занимался уже не министр внутренних дел Д.Н. Блудов, а военный министр А.И. Чернышев. На губернском уровне также были предусмотрены перестановки: «Величайшее Его Императорского Величества повеление, чтобы все сношения по предмету переселения бывшей Польской шляхты на Кавказ и вообще о новом ее устройстве, равно о лицах, участвовавших в мятеже по губерниям от Польши возвращенных, производимы были не прямо с гражданскими губернаторами, но посредством военных или генерал-губернаторов». 5 января 1833 г. все материалы были переданы В.В. Левашову, бывшему подольскому военному губернатору, который с февраля 1832 г. стал киевским генерал-губернатором.

Левашов попытался разобраться в этом вопросе. В корреспонденции Лубяновского он обнаружил сведения о планах по переселению 264 лиц в августе текущего года, 1200 — в декабре. На заданный 15 января гражданскому губернатору вопрос он получил объяснение, что к 264 лицам относятся все, кого можно было найти среди пьяниц, воров, бродяг, на вывоз которых дало согласие дворянское собрание. Он описал и атмосферу, в которой проводилась эта акция: «Между тем шляхта стекалась из всех уездов во множестве в Каменец за документами о дворянстве, и я, весьма часто встречая толпы их и расспрашивая о их положении, сам всячески старался возбудить в них охоту к переселению и тут же слышал от них единственные отзывы, сколь полезно было бы для края и для них, если бы они освободились от тех из среды их, кои дурного поведения». Вторая цифра — 1200 человек появилась в связи с планируемым вывозом по 100 шляхтичей из 12 уездов каждой губернии. Однако осуществить эту акцию не удалось, как объяснял Лубяновский, из-за того, что следовало принять во внимание привилегии истинной шляхты, а следовательно, ждать окончания проверки грамот на дворянство.

Ситуация оказалась тупиковой. 23 марта 1833 г. Лубяновский сообщал Левашову, что уездные комиссии представили списки возможных переселенцев, но не указали причин, поэтому он вернул их для уточнения данных. 3 июля он выслал Левашову совершенно наивное признание в своем полном бессилии. Он с грустью сообщал о том, что ему не удалось сдержать слово, а также указывал на сопротивление, с которым ему довелось столкнуться в конце 1832 г. во время поездки по Подольской губернии. Это сопротивление, по его мнению, было вызвано непоколебимой верой бедной шляхты в то, что ей удастся найти доказательства благородного происхождения. Эти люди знали, что после их отъезда на Кавказ эти доказательства уже никогда не будут найдены, они не боялись быть записанными в категорию однодворцев, т.к., оставаясь на месте, надеялись, что через несколько лет нужные доказательства будут найдены. Он обращал внимание на то, что семьи, а прежде всего жены кандидатов на переселение, крайне отрицательно относились к этой идее. В конце концов, он простодушно заявлял, что из-за крепости семейных уз, привязанности «к маловажным впрочем, но каждому стоившим труда предметам», а также страха перед далеким путешествием (и речи не было о патриотических чувствах) он смог найти лишь 23 семьи добровольцев — 49 мужчин и 46 женщин, а кроме того, 12 семей не получивших помилования участников восстания — 31 мужчина и 25 женщин, а также 312 семей различных «преступников» — 875 мужчин и 742 женщины, данные о которых представили местная полиция и экономы. Обратим внимание на участие экономов-шляхтичей в отлове 1617 так называемых правонарушителей среди соотечественников. С подобного рода поведением нам еще предстоит столкнуться не раз.

Когда же Комитет западных губерний подал этот список царю, тот — верх непоследовательности — принял решение о переселении лишь нескольких желающих, а также просил оказать им большую, чем было предусмотрено ранее, помощь. У этого неожиданного поворота, о котором Лубяновский узнал 21 июля 1833 г., было, возможно, две причины. Первая была связана с серьезными трудностями в обеспечении продовольствием, а также со сложной обстановкой на Кавказе, что в конечном счете привело к тому, что 7 августа было принято решение отложить отъезд. Вторая причина заключалась в том, что власти осознали опасность высылки в нестабильные районы людей, являвшихся подозрительными в политическом и социальном отношении.

23 ноября 1833 г. подольский губернатор вновь спрашивает о возможности отъезда переселенцев. Разрешение было получено лишь 4 июля 1834 г., и, наконец, 12 августа небольшая колонна отправилась в южном направлении — на Ставрополь. В ней насчитывалось лишь **76 человек**, поскольку часть переселенцев к тому времени уже умерла (среди желавших переехать было много пожилых людей) или заболела.

Гора родила мышь — депортация шляхты на Кавказ так и не состоялась!

Принимая во внимание провал этого проекта, ход которого стоило реконструировать, чтобы показать, насколько можно исказить историческую правду, возникает искушение согласиться с выводом Александра Солженицына о том, что царские репрессии по сравнению с преследованиями советского времени были в целом детской забавой и что человеческий фактор смягчал всю их строгость. Однако не будем спешить с выводами. Провал акции по переселению 5 тыс. семей — ничто в сравнении с успехом другого предприятия по деклассированию безземельной шляхты — с его неторопливыми, придирчивыми и неумолимыми методами нам предстоит познакомиться.

КАК ОТ НИХ ИЗБАВИТЬСЯ?

Указ об однодворцах и гражданах западных губерний был принят 19 октября 1831 г., за месяц до описанного выше указа. В его основе лежало возмущение самим фактом существования такой социальной группы, которую *a priori* обвиняли в Польском восстании и воспринимали как аномальное явление в социальной структуре Российской империи. Ее следовало лишить права на дворянское происхождение с помощью проводимой ревизии документов, подтверждающих дворянство.

В России «однодворцами» называли немногочисленную категорию первоначально владевших «двором» и не отработывающих баршину «вольных» крестьян. Со времен Петра I эти крестьяне относились к податному сословию, на них распространялась рекрутская повинность, а их немно-

гочисленные привилегии заключались в том, что в отношении их были запрещены телесные наказания, кроме того, вместо подушного они платили подворный налог.

К гражданам относилась преимущественно (см. выше ч. 1, гл. 4) образованная шляхта, занимавшаяся в городах профессиональной деятельностью: врачи, учителя, артисты, адвокаты. Именно существование категории «граждан» являлось важным признанием существования интеллигенции в качестве социальной группы.

Как уже говорилось, сохранение статуса безземельной шляхты в Российской империи представлялось властям аномалией, поскольку эта часть населения не платила налогов. Такое положение дел невозможно было терпеть в стране, в которой такие привилегии распространялись лишь на дворянство (впрочем, польские реформаторы еще во время Великого сейма 1788 г. сами указывали на необходимость ограничения традиционного шляхетского равенства). Именно это и стало причиной для официальных действий по слиянию обнищавшей шляхты с крестьянами-однодворцами. Превращение многочисленной по сравнению с русским дворянством мелкой шляхты в податное сословие могло принести казне существенные денежные поступления. Показательно, что основная инициатива по проведению данного мероприятия исходила из Министерства финансов. Однако в дальнейшем оказалось, что финансовая причина не была ключевой. Прежде всего речь шла о ликвидации шляхты путем искусственного слияния с уже существовавшей категорией населения. Полная свобода шляхты как социальной группы позволяла ей оставаться в рамках польского культурного сообщества. Эти люди подлежали собственному суду, сохраняли собственные культурные традиции и пользовались привилегией получения образования. Заставить большую часть шляхты ассимилироваться с крестьянством означало уничтожить ее культуру и идентичность.

Идея проверки благородного происхождения, как и идея переселения, не была новой.

21 декабря 1831 г. Сенат известил киевского военного губернатора Б.Я. Княжнина о принципах проведения ревизии, которые были предложены министром финансов Е.Ф. Канкриным. И хотя они были далеки от совершенства, как и проект по переселению, со временем они будут улучшены.

Все документы на дворянское звание, отмечалось в документе, должны были рассматриваться уездной комиссией, в состав которой должны были входить государственный чиновник, секретарь и местный предводитель дворянства. Полиция должна была следить за тем, чтобы вся шляхта прошла через комиссию в течение года с момента издания обращения. Комиссия должна была выдавать подтверждения, или т.н. легитимацию. Списки тех, чье происхождение не было подтверждено, должны были пе-

редаваться в казенные палаты, т.е. налоговые органы, для записи этих лиц в однодворцы, а лиц без бумаг следовало считать бродягами.

Слабым местом этих распоряжений, а в то же время шансом для тех, против кого они были направлены, была мысль, что вся шляхта добровольно согласится на такую проверку и что достаточно обязать полицию и помещиков сообщать о тех, кто уклоняется от подобной проверки, и все удастся⁸.

Между тем Герольдия также предложила услуги по проведению проверки: 21 января 1832 г. министр юстиции Д.В. Дашков сообщил генерал-губернатору, что император «для вящего облегчения жителям западных губерний, именовавшимся доньше шляхтой», позволил подавать бумаги о подтверждении благородного происхождения прямо в Герольдию с целью упрощения процедуры. Шляхта была извещена об этом в форме плакатов (так же, как это было сделано в Подольской губернии в случае акции переселения), названия которых — проявление наивности или цинизма? — призывали «так называемую шляхту» к повиновению⁹.

Новые решения нанесли серьезный вред дворянским собраниям, поскольку до этого времени только они могли удостоверить принадлежность к дворянству. Царская администрация впервые навязала выборным органам польской шляхты своих контролеров, нанеся удар по тому, что еще сохранилось от их прежних «золотых вольностей». Именно поэтому предводители трех губерний осмелились выступить с протестом.

16 мая 1832 г. граф Константин Пшездецкий, предводитель подольского дворянства, первым обратился к В.В. Левашову с просьбой походатайствовать в столице, чтобы к дворянским собраниям, привилегии которых гарантировались еще Жалованной грамотой Екатерины II от 21 апреля 1785 г., было больше доверия и «дабы... все семьи признаны депутатским собранием в дворянстве и внесены в дворянскую родословную Подольской губернии книгу... были оставлены навсегда на правах и преимуществах служащих дворянству, и дозволено было выдавать из оных книг... свидетельства для поступления желающим в военную и гражданскую службу, без отсылки документов в департамент герольдии». Пшездецкий просил также о том, чтобы, как и раньше, лишь дворянское собрание решало вопросы принадлежности к дворянству, поскольку именно оно проводит необходимую проверку, и работа уже доведена до 1826 г. На следующий день, 17 мая, граф Хенрик Тышкевич выступил с такой же просьбой от имени киевской шляхты, напомнив, что, согласно правам, предоставленным Екатериной II, Герольдия имеет право вмешиваться лишь в случае судебного рассмотрения спора между дворянином и дворянским собранием. Соглашаясь с тем, что необходимо проведение более широкой проверки, он добавлял, что она должна осуществляться лишь дворянским собранием, поскольку только ему известны обстоятельства жизни и родословная

каждого шляхтича. Одновременно с этим он пытался сократить, насколько возможно, размах декласирования, утверждая, что в случае 4233 семей из 10 396 семей его губернии можно быть уверенным в их благородном происхождении, 6027 — нуждались в проверке, и только 136 следовало, по его мнению, объединить с податными сословиями. 25 мая 1832 г. волынский предводитель Грациан Ленкевич пошел еще дальше, напомнив с подчеркнутой вежливостью Левашову о священном характере привилегий и неприкосновенности шляхты, умоляя применить к польской шляхте право давности. Он писал: «...добрый и снисходительный наш начальник, не упускайте даже единого случая, дабы подать страждущим руку помощи, и никогда не изволите оставлять без защиты и покровительства прошений, к Вам приносимым...» Ленкевич ссылаясь на Вислицкий статут Казимира Великого 1347 г. и на все «конституции» (сеймовые решения) за 1505, 1589, 1633, 1658, 1768, 1775 годы, а также на привилегии, подтвержденные 2 апреля 1801 г. Александром I. Он указывал, что никто не должен нарушать столь древних прав. «Затем надежда моя и целого дворянского сословия, мной предводимого, положена в начальничьем сердце Вашего превосходительства и в милости Всеавгустейшего Монарха нашего»¹⁰.

С виду шляхетская честь была спасена. Стоит отметить, что подобная позиция была в духе тарговицкой идеологии и совершенно не вписывалась в идею закона о сеймиках, вошедшего в Конституцию 3 мая. Как ни парадоксально, но теперь российские власти выступали с этой точки зрения в роли «патриотов» времен Великого сейма и отказывались от обещаний Екатерины II сохранить кардинальные права. Протесты ни к чему не привели. Достаточно взглянуть на документы уездных предводителей дворянства, чтобы представить себе степень растерянности, которая охватила мелкую шляхту. Начиная с марта 1831 г. царские власти терроризировали самую бедную шляхту, грозя Сибирью в том случае, если принадлежность к дворянству не будет подтверждена. Согласно давнему обычаю, предводители дворянства под давлением обстоятельств выдавали нужные свидетельства в качестве услуги, однако царских чиновников им провести не удалось. В течение 1832 г. дворянское собрание Винницкого уезда выдавало даже коллективные подтверждения представителям чиншевой шляхты. Контрольная комиссия, в свою очередь, заносила владельцев подобных «доказательств» в список однодворцев¹¹.

Противостоять декласированию было крайне сложно. Лучше было вообще не являться на комиссию, что и сделала большая часть шляхты. Однако многие наивно полагали, что слова помещика, на которого они трудились, — неподкупного слова польского шляхтича — будет достаточно, чтобы уберечь их от перехода в податное сословие.

Помещики, предпочитавшие иметь дело с поляками, чем с украинскими крепостными, делали вид, что защищают чиншевую шляхту, хотя в действительности считали ее подневольной рабочей силой. Например, 12 апреля 1832 г. винницкий предводитель писал в свидетельстве-подтверждении, что такие-то дворяне (далее шел перечень фамилий) работали у него по договору, выполняя определенные обязанности вместе со своими детьми и женами лишь на землях села Приборувка; они могли остаться на этих землях или покинуть их только с его согласия. Но какую цену мог иметь подобный документ в глазах ревизоров?

Интересно отметить, что шляхта, защищаясь, действовала согласно старой схеме, не осознавая, что все изменилось. В старое доброе время «шляхетских вольностей» было достаточно слова соседа или знакомого, чтобы быть зачисленным в рыцарское сословие. Однако подобная солидарность была неприемлема для царских властей. Поэтому, к примеру, выданное предводителем дворянства Винницкого уезда Дионисием Четвертинским свидетельство не считалось действительным:

Мы, шляхта и жители города Винница, даем сие наше свидетельство Станиславу Рыжинскому в том, что он с женой Рэиной более нескольких десятков лет, сколько помним, проживал и в настоящее время проживает в городе Винница, ранее он жил на средства, зарабатываемые наемным трудом, но с возрастом, потеряв здоровье и силы, стал вести жизнь нищую, живя с подаяния милосердных людей, дома не имеет и проживает там, где кто его примет под свою крышу. Находясь в таком положении, сейчас проживает в доме титулярного советника Лозинского. Данное свидетельство для большей веры и веса подписываем собственной рукой.

Винница, 14 декабря 1832 года
Дионисий Четвертинский

По всей видимости, предводитель дворянства не знал о запрете на ведение официальной переписки на польском языке.

В комиссии поступало много подобных справок, что говорит об определенном бессилии, неумении адаптироваться к наступлению царских властей на до сих пор незыблемые традиции шляхетской солидарности, регулировавшие отношения между богатой и бедной шляхтой. Многие помещики заявляли, что служащие у них люди никогда не платили налогов в казну, не несли воинской службы, родились и выросли там, где проживали на тот момент, регулярно вносили причитающиеся суммы¹². Они были уверены, что таким образом спасут находившихся под угрозой деклассирования шляхтичей. Эти документы переполнены свидетельствами анахроничного мышления, непоколебимой веры в патриархальный уклад, рамками которого еще не так давно был ограничен польский мир. В мо-

мент нависшей над ним угрозы польская элита старалась не вспоминать о вопросе предоставления гражданских прав чиншевой шляхте, который ставился еще до разделов Речи Посполитой.

Царские власти, пытаясь оторвать от польских помещиков шляхетский люд и объединить его с украинским крестьянством, одновременно пытались проводить налоговые, социальные и политические преобразования. Как и в случае с переселением обедневшей польской шляхты, власти пытались придать данной операции полную видимость законности.

Левашов, назначенный киевским генерал-губернатором, считал, что проще и удобнее всего будет записать в податное сословие всех тех, у кого не было земельной собственности, о чем он сообщил министру юстиции 7 мая 1832 г. Однако Дашков отверг это предложение, считая подобные меры крайними. При этом саму ревизию дворянского звания считал нормальным явлением, несмотря на огромный объем работы. В этом он полностью был согласен с Д.Н. Блудовым, который в частном, крайне вежливом письме от 30 июня отверг просьбу волынского предводителя дворянства Ленкевича, а также Комитета западных губерний, считая, что отсрочка, о которой его просила шляхта («издавна необузданное и безнравственнейшее сословие в народе»), ни к чему не приведет. «Новые отсрочки, — читаем в дневнике заседаний, — по убеждению Комитета могли бы только ослабить существенную пользу, от сей меры ожидаемую, возродить новые происки и новые затруднения, ибо отсрочек естественно желают только те, у которых совсем нет доказательств или есть одни недостаточные, и, наконец, возвратить опять дело сие в прежнее неустройство и в прежнюю неподвижность, из которых извлекла их ныне единственно твердая решимость Правительства»¹³.

Между тем протесты и просьбы об отсрочке дали первые результаты. 11 октября 1832 г. Комитет западных губерний приказывает ревизионным комиссиям разделить польскую шляхту на три разряда:

- 1) Помещики, имевшие или не имевшие подтверждение от Герольдии.
- 2) Лица без земли, происхождение которых подтверждается дворянскими собраниями; они могут быть освобождены от военной службы и налогов до принятия решения ревизионной комиссией;
- 3) Остальные, которые сразу же должны платить налоги и подлежат рекрутской повинности.

Таким образом, вторая категория получила хоть и малый, но шанс на то, что пересмотр их статуса будет отложен, чем они в полной мере воспользовались. На протяжении года дворянские собрания все активнее стали выдавать подтверждения, поскольку нигде не было сказано, что они должны были прекратить регистрационную деятельность. 2 ноября 1832 г. Левашов, предупрежденный Сквирской контрольной комиссией, сообщал, что подобная деятельность невозможна без одобрения Герольдией¹⁴, одна-

ко пока еще он не мог объявить недействительными уже выданные подтверждения. Это произойдет лишь в 1834 г.

На протяжении всего 1832 г. гражданские губернаторы получали информацию о работе комиссий, что свидетельствует о том, что, невзирая на стремление закончить это дело как можно быстрее, оно затягивалось.

В Литве и Белоруссии, которые также были охвачены ревизией, возникли еще большие трудности, в связи с которыми по предложению Комитета западных губерний царь был вынужден перенести завершение всей акции на 1 января 1834 г.¹⁵, а через несколько месяцев — на 1 января 1835 г.¹⁶

Тем не менее это не помешало министру финансов Канкрину разработать собственные, совершенно оторванные от жизни проекты, хотя он не знал, каким в результате будет количество однодворцев. Но было ли это существенно для него? Министр разослал для размышлений гражданским губернаторам три текста, в основу которых был положен один из очередных бюрократических вымыслов, столь хорошо удававшихся царской администрации. Достаточно вспомнить хотя бы «Положение о шляхте» от сентября 1829 г. Разосланные проекты — свидетельство тому, насколько сильно министру хотелось втянуть польское население в совершенно чуждые ему структуры Российской империи.

Основной упор в проектах делался на внутреннюю организацию полиции и экономическую жизнь обществ однодворцев. Канкрин, совершенно незнакомый с традициями и особенностями организационной структуры польской шляхты, хотел навязать ей общинный образ жизни. Он собирался заняться переустройством мира, основанного на принципах индивидуализма, в мир, в основе которого лежало общинное, коллективное начало. Подобные проекты были предвестниками грядущей социальной инженерии XX века. Канкрин указывал на необходимость укрупнения поселений до 100 дворов за счет переселения семей из хуторских хозяйств. Эти поселения должны были управляться старшинами с помощью совета, в состав которого входили бы сборщик податей, инспектор зерновых запасов и секретарь, которые избирались бы раз в три года и утверждались губернской полицией. Два следующих проекта дополняли первый. Один был посвящен налоговым сборам; по нему ежегодное определение общей суммы для внесения в казну оставалось прерогативой общины, подконтрольной суду и казенной палате. Другой касался принципов рекрутской повинности: каждые 500 душ должны были выставлять по десять рекрутов; их не должны были брить наголо; очередность набора устанавливалась бы по семьям, хотя можно было бы в первую очередь посылать в армию прежних повстанцев или «неблагонадежных»¹⁷.

Все три направленных министру ответа гражданских губернаторов датированы 11 апреля 1833 г. В них обращалось внимание на сложность выполнения поставленной задачи. Киевский гражданский губернатор ссылался на неготовность канцелярии к проведению подобной реформы, в свою очередь, волынский и подольский гражданские губернаторы указывали на недостатки концепции: разрозненное расселение шляхты по селам, по их мнению, было непреодолимым препятствием для осуществления переселения. Особенно интересным является описание социальной картины в ответе подольского губернатора: «Нет ни одного селения, которое составляло бы особое поселение бывшей шляхты, ныне однодворцев. Люди сии рассеяны по селениям казенным, старостинским, духовным, конфискованным и помещичьим; живут в самых селениях и в хуторах; собственной земли, а большая часть их и собственных домов не имеет. У помещиков, посессоров и арендаторов нанимают и землю и дома с платой оброка или чинша по условиям...» У других не было денег и на это, они жили по углам, зачастую переходя с места на место. Каким образом можно было организовать этих людей? У немногочисленной части обедневшей шляхты, которую уже заставили изменить свой статус, были небольшие семьи. В случае если бы удалось создать поселения по сто дворов, то среди них не было бы более 300 мужчин, а этого было недостаточно для регулярной поставки рекрутов¹⁸.

Канкрин изложил эти мысли на заседаниях Комитета западных губерний 28 октября 1833 г. и 5 января 1834 г. Тем не менее Комитет одобрил проект без внесения изменений. В протоколе отмечалось, что меры, необходимые для предотвращения указанных недостатков, «могут показать токмо опыт и время». Царь одобрил проекты, но на полях сделал пометку, что их осуществление должно начаться через три года¹⁹. Через неделю Сенат дал им законную силу, и они были разосланы в полицию, суды, предводителям дворянства и в города.

Пока в Петербурге занимались разработкой этих законов, в трех губерниях в течение всего 1833 года царские власти руками выборных представителей власти проводили безжалостные мероприятия. Следует помнить, что уездные предводители в обязательном порядке входили в состав ревизионных комиссий. Таким образом, одни поляки были вынуждены предавать других поляков — подобные методы будут использоваться в гетто в XX в. Царские власти издали указ по проведению самими поляками отбора в их же среде. Это было сложно для представителей шляхты еще и потому, что, согласно устоявшейся традиции, отношения между шляхтой определялись нормами шляхетского братства. Несмотря на это, практически никто не выразил протест.

11 апреля 1833 г. предводитель волынской шляхты Габриель Ленкевич пытается еще раз вступить за тех, у кого не было никаких документов: «Судьба таковых людей поставляет их в чрезвычайно смутное положение, ибо они по смыслу указа 19 октября 1831 года почитаться уже должны за бродяг. Так же темнота, непросвещение, невыражение вещи и самая лень суть главной причиной сего несчастья». Он указывал на то, что они все еще надеются отыскать бумаги, подтверждающие славное прошлое их рода, а потому им следует дать отсрочку. 8 июня того же года Ламберт Понятовский, выступая от имени дворянского собрания Киевской губернии, спрашивает Левашова, нельзя ли задержать отправление подготовленных списков до тех пор, пока не придет сообщение об отсрочке, предоставленной Петербургом. Он указывал на то, что во многих случаях при выполнении приказа дела рассматривались в спешке, а отсрочка дала бы возможность пересмотреть некоторые из них. Оба представителя дворянства получили одинаково негативный и резкий ответ генерал-губернатора: «Остается ожидать успешного окончания сего дела и прекращения дальнейшей переписки».

Впрочем, не исключено, что поспешность и замешательство создали условия, благоприятные для сведения счетов между самими поляками. Достаточно вспомнить хотя бы о крайне завышенных данных о «преступной» шляхте в списках, поданных экономами во время переселения на Кавказ.

7 апреля 1834 г. предводитель дворянства Киевской губернии получил одну из весьма характерных жалоб: Ян и Василий Карасевичи обвиняли помещика Шимановского в том, что он записал их в крестьяне, потому что они бедны и не могут заплатить чинш. При этом они, как говорилось в прошении, располагали документами, удостоверяющими их благородное происхождение, которое было подтверждено ревизионной комиссией. Поскольку они были неграмотными, жалоба была составлена третьим лицом. В связи с ней Х. Тышкевич обратился к предводителю Киевского уезда, однако жалоба не принесла результатов²⁰.

Уездным предводителем дворянства, хотелось им этого или нет, приходилось все время принимать участие в работе ревизионных комиссий при определении первых жертв. В ходе этого, несмотря на позицию губернских предводителей дворянства, проявилось негативное отношение помещиков к чиншевой шляхте, и, как следствие, в очередной раз дала трещину идея шляхетской солидарности. К концу 1833 г. в результате постоянных напоминаний Канкрин Левашову с требованием ускорить эту неприятную работу становятся видны ее результаты.

Левашову удалось получить от трех гражданских губернаторов данные по запросу военного министра о количестве рекрутов, ожидаемом от однопольцев. В ноябре гражданские губернаторы сообщили о количестве деклассированных шляхтичей на основании данных комиссий.

Киевская губерния			Подольская губерния			Волынская губерния		
уезд	граждане	однодворцы	уезд	граждане	однодворцы	уезд	граждане	однодворцы
Киевский	54	285	Каменецкий	285	2922	Житомирский	100	1595
Васильковский	—	2805	Проскуровский	28	1495	Новоград-Волынский	44	1751
Богуславский	176	988	Летичевский	51	1390	Острожский	15	624
Сквирский	136	3534	Литинский	194	1770	Заславский	155	1504
Тарашевский	5	5349	Винницкий	248	2202	Ровненский	19	456
Липовецкий	232	2996	Брацлавский	123	3575	Владимирский	17	684
Махновский	128	4342	Гайсинский	68	1999	Луцкий	81	962
Уманский	251	3057	Ольгопольский	59	2817	Ковельский	35	233
Звенигородский	96	2251	Балтский	186	3942	Староконстантиновский	50	1278
Чигиринский	29	757	Ямпольский	—	3608	Овручский	12	332
Черкасский	7	522	Могилевский	418	2176	Дубневский	75	662
Радомысльский	6	615	Ушицкий	105	2362	Кременецкий	126	707
Итого	1122	27 481		1765	30 259		729	10 788
	28 603			32 024			11 517	

Итого в трех губерниях:

граждане	3616
однодворцы	68 528
всего деклассированных	72 144

ДОЛОЙ ШЛЯХЕТСКУЮ СОЛИДАРНОСТЬ!

Более 70 тыс. деклассированных на 410 тыс. польского населения — неплохой результат, однако аппетит приходит во время еды, и царские власти на этом не остановились. Внимательные члены Комитета западных губерний заметили, что шляхта, не имевшая земли до 19 октября 1831 г., приобрела ее позже, по всей видимости желая получить право перехода в первый разряд. Министр юстиции решил, что с подобными уловками не следует мириться. 16 января 1834 г. Комитет получил распоряжение императора немедленно взять эти имения под опеку, а позже продать их в течение трех лет.

Прибыли, полученные от продажи поместий, должны были поступить в государственную казну. Одновременно с этим было решено на всякий случай перепроверить статус шляхты, уже признанный нерушимым, в связи с чем Герольдии было поручено проверить ее родословные записи²¹. На заседании Комитета 9 марта 1835 г. было принято решение заставить тех, кто не пройдет ревизию, подписать обязательство продать землю в течение трех лет.

Наиболее эффективную идею, способствовавшую запуску всего механизма, подала волынская полиция. Она обнаружила, что шляхта этой губернии совершила проступок при «выдаче» деклассированных, т.к. последних оказалось втрое меньше, чем в двух других губерниях. Кроме того, представители волынской шляхты и, прежде всего, волынский предводитель Г. Ленкевич не оказались в достаточной степени требовательными. С легкостью была установлена одна из причин «отсутствия успеха». 9 февраля 1834 г. царские жандармы заметили, как до этого в ноябре 1832 г. заметил генерал-губернатор (но воздержался от дальнейших шагов), что большое количество подтверждений дворянства было выдано уездными дворянскими собраниями уже после 19 октября 1831 г. Житомирский полицмейстер, не колеблясь, приказал своим подчиненным самим передать в казну список всех «так называемых дворян», утвержденных после упомянутой даты, для немедленной записи в однодворцы. Он предполагал, что, возможно, после таких мер волынская шляхта перестанет искать пути обойти закон. Он также добавлял, что в конечном счете лишь сыновья истинных дворян имеют право на титул, а все родственники в боковой линии подлежат деклассированию.

Предводитель волынского дворянства Ленкевич естественно не мог не взяться за перо и не выразить протест, с которым в первую очередь он обратился к Левашову, указывая на то, что подобными действиями попираются права шляхты, защищаемые дворянскими собраниями. Он обви-

нил гражданского губернатора в злоупотреблении своими полномочиями и потребовал вмешаться в это дело²².

Через неделю он позволил себе обратиться к генерал-губернатору по-французски, на языке светских людей, подчеркивая, что социальные потрясения такого масштаба приведут к человеческим трагедиям. Он писал: «Считаю своим долгом уведомить Вас об обстоятельствах, которые могут привести к актам отчаяния, пример которых мы имели не так давно, когда одна женщина нашего сословия покончила с собой из-за отчаяния о своей дальнейшей судьбе. При семьях помещиков Волынской губернии живет много шляхтянок, кузин, служащих у них, или состоящих на попечении и на средства главы семейства, которые нигде не записаны, не имеют ни одного паспорта, поскольку он им не был нужен, так как они всегда находились дома. Теперь же, когда им грозит необходимость получения письменного вида, которого у них никогда не было, они плачут и горюют, а из губернии все приходят грустные новости по этому поводу...» В заключение волынский предводитель просил найти «быстрое средство и облегчить страдание стольких людей»²³.

Однако царских бюрократов подобные вопросы вовсе не волновали, напротив, пример Волынской губернии им показался замечательным, и 28 августа 1834 г. на представление Комитета западных губерний царь утвердил новые обязанности полиции, которые были распространены и на другие губернии. С этого времени дворянские собрания, на которые возлагалась все еще значительная часть работы по проведению ревизии, утратили одно из основных преимуществ — право регистрации доказательств благородного происхождения и выдачи соответствующих документов.

На протяжении следующего, 1835-го, года царская администрация никаких новых мер в этом направлении не предпринимала, она как будто пыталась обрести второе дыхание. Это объясняется двумя причинами: сначала следовало «урегулировать» положение 70 тыс. исключенных, приспособить их к новым условиям жизни, а новому генерал-губернатору трех губерний было необходимо время, чтобы войти в курс дела, в конце 1834 г. граф А.Д. Гурьев сменил на этом посту В.В. Левашова. Следует, однако, отметить проявление особой строгости со стороны казенных палат в тот год. Недовольство последних вызывала необходимость записи новых однодворцев, поэтому они требовали также предоставления признанных фальшивыми свидетельств о принадлежности к «прежней шляхте». Таким образом, они хотели предотвратить проникновение в категорию однодворцев помещьчьих и государственных крепостных, что повысило бы их социальный статус!²⁴

Однако передышка в деятельности царской администрации была недолгой. Вновь волынская полиция оказывается на острие борьбы с шлях-

той. Особенно отличился капитан Бек, офицер жандармского корпуса, сразу после нескольких рапортов завоевавший благосклонное отношение Гурьева. Его не удовлетворило то, что дворянские собрания лишь теперь были лишены права выдавать подтверждения, и он предложил провести перепроверку выданных после 19 октября 1831 г. подтверждений. Выдвинутые им 22 мая 1836 г. причины проведения ревизии уже известны: как и ранее, речь шла о необходимости увеличения рекрутского набора и недостаточных суммах собираемых налогов. Он также указывал и новые причины: жалел, что полиция действовала недостаточно энергично и не конфисковала все подозрительные документы, в связи с чем среди выданных в спешке дворянскими собраниями подтверждений было большое количество поддельных, изготовленных некими Куликовским, Одынецким и другими. Он выслал одного из своих подчиненных для проверки четырех сел Житомирского уезда, в результате было выявлено одиннадцать недействительных документов и пять фальшивых генеалогий, составленных Куликовским, Пентковским и Осецким. В данном случае речь шла о 28 душах мужского пола, уклонявшихся от уплаты налогов и несения военной службы²⁵. Вывод рапорта был очевиден: конфисковать как можно больше подтверждений и передать их на проверку в комиссии.

Сначала Гурьев удовлетворился тем, что 30 мая попросил Бека расследовать дело фальсификаторов, но 2 июня Бек подлил масла в огонь, сообщив, что обнаружено еще 20 случаев незаконной записи в дворяне дворянскими собраниями в 1832—1834 гг.: «...злоупотребление сего рода в Волынской губернии так обширно, что оно разлилось во все отдаленные концы ее. За всем тем, я употребляю все зависящие со стороны моей скромные меры для открытия, кому именно и когда выданы были депутатским собранием неправильные выписи о дворянстве и в последующем буду иметь честь доносить Вашему Сиятельству». Он также возвращался к идее создания особой комиссии и надеялся, что гражданский губернатор Н.В. Жуковский поддержит его идею.

Действительно, 25 июня 1836 г. Жуковский, который уже просил 12 июня предводителя губернского дворянства послать список подтверждений, выданных после 1832 г., написал А.Г. Гурьеву, что, по его мнению, необходимо создать, как и хотел Бек, «особую комиссию из доверенных лиц», т.е. русских.

Это не было незначительное дело. Речь шла не больше не меньше о том, чтобы передать гражданской администрации всю полноту власти над польской шляхтой, т.е. полностью отстранить от дел дворянские собрания. Однако Гурьев не был готов взять на себя ответственность за такие шаги. Больше полутора лет он закрывал глаза на действия Жуковского, чтобы тот уменьшил сопротивление волынской шляхты, между тем как более по-

слушные Подольское и Киевское дворянские собрания сами исключили из своих рядов нежелательных для царских властей «братьев».

В 1840 г. киевский гражданский губернатор отмечал, что многие помещики этих губерний уже не проявляли шляхетской солидарности и не чувствовали угрызений совести, выдавали неблагонадежных, по их мнению, собратьев. Впрочем, помещики пришли к выводу, что от менявших место жительства безземельных шляхтичей не было той же выгоды, что от прикрепленных к земле крепостных. Кроме того, случалось, что помещик должен был платить за них питейный сбор, тогда как этих людей в его поместье уже не было. Оказалось, что проще от них избавиться²⁶.

Хрупкость социальных связей внутри шляхетского мира верно представил Ю. Крашевский, описывая взаимоотношения помещика с домочадцами: «Панам хочется временами подшутить над кем-то, иметь при себе безответное существо, удобное как кожаная подушка, пригодная и для стула и под голову, существо, которое вместо них пойдет, поедет, поругается, напишет (если сможет), соберет им сплетни со всего мира, которое молчит, когда молчат, смеется, когда смеются, пьет, когда пьют, и играет, когда играют. Они, однажды посвятив свою жизнь тунеядству, умеют стать нужными в доме, совсем так, как любой предмет мебелировки комнаты, на который владелец почти не обращает внимания, однако станет ему досадно, если бы его вынесли, и он сразу заметит его отсутствие»²⁷.

Открытая война между губернским дворянским собранием и царскими властями сначала вспыхнула лишь в Волынской губернии. Гражданский губернатор дал специальному чиновнику по фамилии Дейша разрешение на проверку незадолго до этого выданных свидетельств. В свою очередь, «верный сын отечества и преданный подчиненный» Жуковский вновь обратился к Гурьеву 7 августа 1836 г. с просьбой именно ему доверить вновь созданную проверочную комиссию, поскольку опасался, что непосильный труд, взваленный на плечи одного Дейши, будет тому не под силу. К тому же он не до конца был уверен в неподкупности этого чиновника, который может соблазниться на взятку или поддаться давлению влиятельных лиц из польской шляхты.

Однако было достаточно одного вмешательства этого чиновника в деятельность Волынского дворянского собрания, чтобы вызвать решительный протест овуцкого предводителя Малаховского, исполнявшего обязанности губернского предводителя дворянства, и депутатов Старчевского, Избицкого, Поляновского и Троцкого. Протест от 7 августа 1836 г. был адресован Гурьеву. Его авторы ссылались на привилегии, гарантированные российским законодательством, в первую очередь ст. 114-й т. IX Свода законов, предоставлявшей дворянским собраниям статус губернских органов гражданской власти, действие которых может контролироваться лишь Се-

натом при посредничестве Герольдии. Авторы подчеркивали, что всегда придерживались правил регистрации родословных, «но если бы даже и допустить, что депутатское собрание отступило от предначертанных узаконений, то таковое действие оно не могло никаких вредных для Правительства произвести последствий...» (Гурьев подчеркнул карандашом столь дерзкое заявление). Документ заканчивается просьбой отозвать Дейшу, «чтобы собрание не было стесняемо нарушением своих преимуществ».

Конфликт набрал такую силу, что начиная с декабря 1836 г. Дейше не было разрешено Волынским собранием проверять его деятельность. Гражданским властям не осталось в такой ситуации ничего другого, как подать 14 декабря жалобу Гурьеву и представить ультиматум шляхте, которая должна была выдать разрешение до 15 января 1837 г. Однако ничего так и не произошло. На протяжении 1837 года каждая из сторон прочно стояла на своих позициях. Гурьев не решался навязать свою волю, а Дейша жаловался, что его задание неисполнимо. В других губерниях работа шла своим чередом. Подольский гражданский губернатор ни разу не вступил в конфликт с дворянским собранием, которое отказалось представить ему списки, составленные после 1831 г.: оно само провело отбор. Видимо, во многих уездах колебались между желанием сохранить шляхетское братство и желанием отбросить безземельную шляхту, лишь бы только дворянские собрания сохранили свою автономию. Все четыре отчета подольского губернатора Гурьеву свидетельствуют о его беспомощности, когда речь шла о вмешательстве в деятельность собрания (отчеты от 11 и 23 июля, 8 августа 1836 г., 26 мая в 1837 г.).

Киевский гражданский губернатор в связи с отказом дворянского собрания 17 августа 1836 г. предоставить для проверки подозрительные книги с записями, сделанными после 1831 г., пытался провести полицейскую проверку на основании данных о дворянах в только что завершённой восьмой ревизии населения Российской империи, однако там не доставало сведений о происхождении, поэтому он также согласился создать специальную комиссию.

Период «разброса и шатаний» закончился, когда в Киев прибыл Д.Г. Бибииков. Дворянские собрания были полностью лишены влияния на процедуру проверки титулов.

МЯСОРУБКА ДЛЯ ШЛЯХТЫ

Став генерал-губернатором в феврале 1838 г., однурукий Дмитрий Бибииков (он потерял руку под Бородино), чей гражданский чин тайного советника был конвертирован годом ранее в генерал-лейтенантский, очень быстро проявил себя как сторонник суровых мер в борьбе с обнищавшей

шляхтой. В основе антипольской волны 1840-х годов лежало три основных причины: 1) существование определенной атмосферы истерии в верхах из-за рапорта волынского военного губернатора генерала Маслова на имя Николая I; 2) очередное появление призрака революции и одновременное раскрытие «заговора» Ш. Конарского; 3) активизация охоты на «фальшивых дворян» в Волынской губернии.

Причиной суровости царских властей стал рапорт генерала Маслова царю от 5 декабря 1838 г., представленный после поездки с ревизией по Волынской губернии. В рапорте, среди прочего, шла речь о странной околичной шляхте, которая жила с собственными (ненанятыми) земельными наделами. О ее существовании Петербургу до этого времени ничего не было известно. Царь отметил на полях, что дело требует немедленного выяснения, и уже 19 января 1839 г. министр внутренних дел А.Г. Строганов потребовал от Бибикова объяснений²⁸.

Маслов доложил, что в Волынской губернии есть много бедной шляхты, которая, в отличие от другой, живет целыми селами, называемыми околицами. Он сообщал: «Прискорбно видеть, что люди, погруженные в грубое невежество, разращенной нравственности, ни пониманием, ни образом жизни не отличающиеся от здешних крестьян и не несущие ни государственных повинности, ни службы, пользуются правами, присвоенными дворянству». И хотя, как уточнял Маслов, эти привилегии были дарованы им польскими королями, они, по его мнению, ничем не оправдывают своего существования, потому что на протяжении веков не приносили государству никакой пользы. Маслов обращал внимание на странные вещи в этих околицах. Так, например, недалеко от Овруча в селе, где насчитывалось свыше тысячи душ, у всех была одна и та же фамилия! Эти люди говорили на «малороссийском наречии», однако, как признавал Маслов, они, невзирая на бедность, жили достойно и чисто, кроме тех, которые обитали в лесу в курных избях.

Описание жизни в таких «шляхетских» селах, в особенности в Литве, хорошо представлено в польской литературе. Элиза Ожешко идеализировала быт этих сел еще в конце XIX в. в повести «Хам». Юзеф Игнацы Крашевский наблюдал жизнь околичной шляхты на севере Волынской губернии около 1838 г., т.е. примерно в то же время, что и Маслов. Вот как он описывает село Серницка, где жили 240 «шляхетских» семей, которые называли себя мазурами или будниками (поскольку жили в курных хатах, которые называли «будами»): «Улицы как таковой нет, каждый живет и строится на своем куске земли там, где хочет. У каждого коровник иначе повернут, все дома в разные стороны глядят, на каждое подворье вход с иного бока, истинная картина беспорядка и шляхетской свободы. Среди этого хаоса застройки бродят сушества, которые одеждой, а временами и

лицом напоминают крестьян; бабы босые, желтые, худые; дети полуголые, и все это — паны!»²⁹

Польский писатель дает ценное свидетельство об уровне украинизации этого населения и показывает, что стремление царских властей ассимилировать этих людей с крестьянами зачастую было лишь юридическим подтверждением процесса, который если еще не завершился, то уже давно начался. Единственное, что осталось у этих «шляхтичей» от бывшего звания, писал Крашевский, это верность пословице — «шляхтич на своем наделе равен воеводе». «Все они сегодня греческого вероисповедания, — отмечал автор, — суеверия у них общие с крестьянами, с которыми они близко сталкиваются, несмотря на свое происхождение, они переняли от них многие верования и обычаи... Вид этих людей меня заинтересовал, но в то же время и огорчил. Состояние их варварского невежества, а при том путаные воспоминания о более высоком, аристократическом происхождении, гордость в каждом движении и слове печально контрастировали с их видом и бедностью. Какими же должны были быть превратности судьбы, чтобы довести этих людей до такого состояния, подобной слепоты...!»³⁰ Все они, по словам Крашевского, претендовали на один и тот же герб, дарованный им королевой Боной Сфорца, но не значащийся в известном Польском гербовнике К. Несецкого.

Эта странная социальная среда стала темой повести Крашевского, написанной в 1847 г., под названием «Будник». Автор акцентировал в ней внимание на остатках привязанности этих людей к польской культуре³¹. Но, может быть, Крашевский ошибался? Были ли в действительности предки этих людей когда-то поляками? Не были ли это потомки русских путных бояр?

В любом случае «открытие гуронов» наполнило сердца министров тревогой. Строганов бомбардировал киевскую администрацию требованиями послать информацию, а Бибииков требовал отчетов как от волынского гражданского губернатора, так и от исправников.

До 14 июля 1839 г. Комитет министров не располагал никакими сведениями, и лишь 1 августа наконец поступила объяснительная записка волынского гражданского губернатора, из которой следовало, что горячка была вызвана малозначашей причиной. Действительно, вокруг Овруча жила обнищавшая шляхта, но на своей земле. Там было, к примеру, 32 семьи Билошицких из села Билошице, 38 семей Болсуновских в округе Болсунова, 33 семьи Бехов из Бехов, 27 Васковичей из Васковиц, 58 Кобылинских из Кобылин. Гражданский губернатор предполагал, что, возможно, среди них и могли найтись несколько дезертиров, однако следовало вначале проверить их права на дворянство, что и собирались сле-

лять ревизоры из Житомира. Губернатор сообщал, что количество этих людей не превышало 1100 семей (5987 душ) в околицах Овруча, 63 семьи в околицах Луцка, 48 — вокруг Житомира³².

Власти не могли признать, что подняли шум по пустякам. Однажды заведенной бюрократической машине понадобилось десять лет, чтобы оставить в покое околичную шляхту... Еще в 1850 г. среди шляхтичей будут искать «дезертиров и бродяг». Это типичный пример функционирования царской администрации, удачно подмеченный Гоголем во времена Николая I: вокруг незначительного факта накапливается огромная корреспонденция; неясная оговорка в рапорте какого-то военного, не знающего местных обычаев, перерастает в лихорадочную бюрократическую писанину³³. Несмотря на весь гротеск, данная ситуация была обусловлена существовавшей атмосферой недоверия и ненависти. Интересно то, что эта шляхта из-под Овруча, имевшая собственные клочки земли и необходимые бумаги, была признана настоящей!

Другой причиной возмущения властей стало беспокойство в связи с делом Ш. Конарского (о нем еще пойдет речь в дальнейшем, поскольку оно касается как безземельной шляхты, так и помещиков). На тот момент это дело дало властям повод удвоить рвение в борьбе со всем польским населением империи. В тайной записке на имя Николая I, с которой тот ознакомил Комитет западных губерний на заседаниях 1, 24 и 25 февраля 1839 г., Бибиков живописал, словно в бреду, «нынешнее расположение умов во вверенном мне крае». Он подчеркивал, что положение дел хуже, чем в 1830 г. Шляхта и духовенство, как он лично объяснял Комитету, со времени присоединения этих земель к России не перестают вспоминать былые лучшие времена, чему способствовали новые обстоятельства. Он представил количество дворян, которых следовало в обязательном порядке исключить из списков, чтобы вновь на этих землях воцарилось спокойствие. В трех украинских губерниях, по его мнению, оставалось еще 178 тыс. лиц, причислявших себя к шляхте, в то время как в лучшем случае около 3 тыс. из них можно было отнести к дворянам³⁴.

Представленные Бибиковым цифры дают возможность понять темпы и размах деклассирования. В списки была внесена шляхта, чей статус был подтвержден дворянскими собраниями. Бибиков уточнил эти данные в статистической части своего отчета о состоянии трех губерний, высланного в Петербург 28 февраля 1840 г.³⁵

Киевская губерния	50 329
Подольская губерния	36 241
Волынская губерния	92 114
Итого	178 684

Итак, 178 684 лица обоего пола, получившие подтверждение о принадлежности к дворянству от дворянских собраний, по состоянию на 1840 г. ожидали ревизии. В дальнейшем мы увидим, каким образом генерал-губернатор возьмется за реализацию своего грандиозного плана. Сейчас же обратим внимание на то, что в том же отчете даются и другие крайне ценные сведения, а именно: количество однодворцев и граждан в трех губерниях на конец 1839 — начало 1840 г.:

Киевская губерния	66 837
Подольская губерния	68 816
Волынская губерния	29 630
Итого	165 283

Как уже отмечалось, в конце 1833 г. дворянские собрания были вынуждены согласиться на деклассирование 72 144 человек, а это значит, что в 1834—1839 гг. количество деклассированных составило:

$$\begin{array}{r} 165\ 283 \\ - 72\ 144 \\ \hline 93\ 139 \end{array}$$

По губерниям количество деклассированных было следующим:

Киевская губерния	38 234
Подольская губерния	36 792
Волынская губерния	18 113

Как видим, в Волынской губернии имело место наибольшее сопротивление сокращению шляхты, хотя надо признать, что общее количество деклассированных значительно возросло. Это, несомненно, можно частично объяснить энергичной деятельностью Бибикова на посту генерал-губернатора. Его усилия не принесли желаемых результатов лишь в Волынской губернии, что не могло не вызывать у него досады. 4 августа 1838 г., учитывая очень скромные результаты деятельности Дейши и его преемника (с ноября 1837 г.) Стояновского, Бибиков предложил министру юстиции заменить последнего уже двумя ревизорами — Механцевым и Бутовичем. С этого времени возможности проведения ревизии расширились. Однако 16 сентября 1838 г. Механцев сообщил, что для завершения проверки записей, сделанных по решению дворянского собрания в 1832—1838 гг., он должен проверить дела 6050 семей, а 4 января 1839 г. он доложил, что не продвинулся дальше 1832 года. Кроме того, волынское дворянское собра-

ние, возглавляемое графом Янушем Илинским, продолжало вести себя вызывающе: 7 ноября 1838 г. оно вновь обратилось с адресом к Бибикову, в котором выразило удивление в связи с вмешательством Механцева не в свои дела, поскольку собрание, хотя и не получило ответа, выслало еще 30 июля 1836 г. в Герольдию соответствующую информацию обо всех своих действиях. В качестве доказательства прилагалось дело объемом в 104 страницы. Собрание просило освободить Механцева от исполнения возложенных на него обязанностей³⁶.

В ответ в атмосфере общего подъема, о котором уже говорилось, министр юстиции выслал 18 марта 1839 г. Бибикову письмо, в котором упрекал последнего в медленности действий и беспорядках на Волыни. В свою очередь, Николай I получил рапорт жандармского генерал-майора фон Дребуша, переданный влиятельным графом А.Х. Бенкендорфом. Последний добавлял, что еще есть «много» фальшивых шляхтичей, которых следует выявить³⁷.

Вскоре царь сам пришел к выводу, что процесс деклассирования поляков действительно затянулся. В протоколах заседаний Комитета министров от 5 и 19 сентября 1839 г., куда был приглашен и Бибиков, указывалось на необходимость установить «неослабное наблюдение за скорейшим окончанием поручения, возложенного на Комиссии Высочайше Учрежденной для Ревизии действий Дворянских депутатских собраний». Николай I отметил на полях, что генерал-губернатор должен был доносить ему «об успехах каждые три месяца»³⁸.

Напуганный Бибиков надавил на всех чиновников, занимавшихся этим делом: на Механцева в Житомире, Попова в Киеве, Вильмяновского в Каменце, гражданских губернаторов, предводителей дворянства (7 октября 1839 г.), требуя просматривать по 100 дел семей в месяц³⁹. Он и сам понимал, что это невозможно.

Бибиков вновь отправился в Петербург для участия в трех длительных заседаниях Комитета западных губерний — 18 ноября, 9 и 23 декабря 1839 г., где вместе с министром юстиции предложил то, чего волынская полиция добивалась с 1836 г., а именно — создать в Киеве специальную, единственную для трех губерний комиссию, которой в течение полугода будут переданы все документы дворянских собраний. Работа комиссии должна была вестись исключительно в Киеве и завершиться не позже чем через три года. Князь Долгорукий, виленский генерал-губернатор, отказался принимать участие в этих драконовских мерах. На этот раз в авангарде репрессий выступили украинские губернии.

Заключительная часть протокола заседания петербургского Комитета преисполнена оптимизмом. В ней выражалась радость в связи с давно ожидаемым решением вопроса о будущем урегулировании положения

люда, который «не решается до окончательного рассмотрения прав своих вступить в податное сословие и потому, оставаясь праздным, с одной стороны по необразованности и недостатку оседлости, более других склонен к буйству и мятежу, а с другой, распространяет в краю дух неудовольствия и ропота. Уменьшение сколько возможно сего вредного класса людей и лишение его средств нарушать общее спокойствие было по восстановлении общественного порядка предметом первых попечений Правительства». Зная, что, по данным Бибикова, это касается 178 тыс. человек, Комитет испытал радость от возможности покончить с этим делом, «дабы праздную в Западном крае шляхту скорее обратить в полезные граждане и подчинить настоящему порядку вещей». Вершиной цинизма было то, что в указе, подписанном Николаем I, говорилось о том, что он издается «для облегчения жителям Западных губерний предоставления доказательств их принадлежности к дворянству»!⁴⁰

В ход был запущен огромный механизм, который, подобно мясорубке, должен был перемолоть польскую шляхту, обратив в рабство вольных людей. На это не жалели средств. Наряду с армией писарей в комиссию входили чиновники высокого ранга, получавшие отдельную плату: председатель — 1143 рубля серебром в год и 571 рубль серебром на питание, товарищ председателя — 857 рублей серебром, советник — 714 рублей серебром, столоначальники — по 685 рублей серебром, а переводчики, необходимые для перевода текстов с «польского диалекта», — по 1372 рубля серебром! В комиссию входил также представитель шляхты, хотя и без права голоса. Т. Бобровский о представителе киевской шляхты вспоминал, что тот «плакал, но подписывал»⁴¹.

Все они приступили к этому титаническому чиновничьему труду, следы которого сохранились до наших дней в отдельном фонде Центрального государственного исторического архива Украины в Киеве⁴². Практически каждое из 2364 огромных дел, содержащих семейные документы, насчитывает более 1000 листов. Это печальное свидетельство эффективной и неслыханной ликвидации целого социального слоя.

Все было предусмотрено и регламентировано, начиная от ключей к шкафам и заканчивая качеством бумаги. Секретари, переводчики, канцеляристы, подгоняемые председателем, требовавшим все большей отдачи, трудились не покладая рук. Рекомендации Герольдии были однозначны: не признавать ни одного подтверждения, выданного дворянским собранием⁴³. Вся эта бумажная кутерьма по сути своей была зловещей комедией. Однако следовало делать вид, что дела внимательно изучаются, при этом семейные документы подлежали конфискации, чтобы отнять у заинтересованных возможность в дальнейшем подавать жалобы и просьбы. Росли стопы бумаг с проводимыми сопоставлениями, ежемесячными реестрами и т. п.

Каждое генеалогическое древо сопровождалось комментариями на 4 или 5 страницах, которые в 98% случаев заканчивались отказом.

Большинство исключений из дворянства производилось на основании отсутствия необходимых доказательств. При этом безжалостно отбрасывались свидетельства о крещении, свидетельства соседей, украшенные иногда восковыми печатями, или свидетельства уездных собраний. Подобным образом поступали и с актами о продаже в прошлом имений, даже когда они относились к XVII—XVIII вв. Огромное количество убедительных с виду генеалогий отвергалось по формальным причинам. Очевидной была злая воля: ведь главным было избавиться от шляхты как таковой, этого инородного тела в российской государственной системе. В большинстве случаев в конце протоколов ревизии говорилось, что комиссия предлагает отнести того или иного в список дворян, которые, хотя и были внесены в родословные книги, не имели на это права согласно действующему законодательству, поскольку в их делах имеются несоответствия и не соблюдены формальности. Эти списки вместе с прилагаемыми документами должны были передаваться в Герольдию.

Таким образом, в расставленные сети один за другим попадали тысячи шляхтичей. Бибиков, естественно, следил за ходом работы, ежемесячно ее контролируя. За четыре года у него накопилось двадцать пять огромных дел со статистическими данными⁴⁴. Поскольку наибольшие трудности возникли в Волынской губернии, то начатая еще Механцевым ревизия продолжалась одновременно с работой Киевской комиссии и длилась вплоть до 1841 г.⁴⁵

Через три года, как и можно было предположить, ревизия еще не была завершена. Бибиков просил продлить срок деятельности Центральной комиссии трех губерний до 1 января 1845 г. и получил согласие Комитета западных губерний⁴⁶. Генерал-губернатор был готов продемонстрировать уступчивость, стремясь заинтересовать тех, кто еще не представил своих бумаг для проверки Комиссией, но столкнулся с непониманием еще более строгого чиновника, министра юстиции. Бибиков, к примеру зная, какой ужас вызывала у людей военная служба, просил его о том, чтобы тех, кто опоздал с представлением документов, забирали в рекруты лишь после двух очередных наборов. Однако это вызывало возмущение министра, который посчитал, что подобная отсрочка может вызывать новые надежды на полное освобождение от военной службы и послужит причиной беспорядков во время первого набора. А потому не могло быть и речи об облегчении судьбы новых однодворцев⁴⁷.

Какими же были итоги пятилетнего труда? В статистических данных, высланных Киевской центральной комиссией в Герольдию, сообщается

лишь о количестве пересмотренных семейных дел. Однако и эти цифры весьма красноречивы, чтобы оценить результаты проведенной «работы»⁴⁸.

По каждой губернии была представлена ежегодная роспись итогов работы, наряду с небольшим количеством подтвержденных дворян, указывалось четыре категории тех, кто получил отказ по различным причинам: 1) лица, незаконно внесенные в родословные книги; 2) лица, права которых представлялись сомнительными; 3) лица, предоставившие неполный комплект документов, неправильные или подложные документы; 4) лица, которых без проверки предлагалось отнести к податным сословиям. Суммировав ежегодные данные, получаем следующие цифры за период 1840—1844:

	Киевская губерния	Подольская губерния	Волынская губерния	Итого
1)	1155	2206	3853	7314
2)	367	542	379	1288
3)	101	94	34	229
4)	420	6108	4379	10 907
Итого	2043	8950	8645	19 638

К этим цифрам можно смело добавить данные о семьях, чьи дела были высланы для проверки в Герольдию:

Киевская губерния	Подольская губерния	Волынская губерния	Итого
103	87	35	225

А вот количество семей, дворянское происхождение которых было подтверждено:

Киевская губерния	Подольская губерния	Волынская губерния	Итого
238	195	96	529

Трудно точно определить, сколько человек насчитывала каждая семья. Можно лишь приблизительно предположить: в уже цитируемой записке на имя министра юстиции с просьбой о продлении срока проведения этой акции, рассмотренной Комитетом западных губерний 12 декабря 1843 г., Бибииков утверждал, что на тот момент было проверено 18 546 семей и получены следующие результаты:

- 541 человек признано дворянами
- 16 300 человек оставлено на рассмотрение Герольдии
- 79 069 человек исключено из шляхты и присоединено к однодворцам.

Центральная комиссия проинформировала Бибикова о количестве деклассированных за предыдущий год⁴⁹:

4835 в Киевской губернии
36 119 в Подольской губернии

Эти данные в целом дают почти 120 тыс. лиц окончательно деклассированных на протяжении четырех лет. Однако окончание работы Центральной комиссии вовсе не означало прекращения охоты за «фальшивой шляхтой». В 1845 г. местная полиция получала приказы преследовать тех, кто избежал деклассирования. На 5 июля 1844 г., согласно предыдущему документу, еще осталось 28 536 лиц «для ревизии» в Подольской губернии и 2916 семей в Киевской (около 12 тыс. лиц). Нет оснований сомневаться, что вместе с этими 40 тыс. очень немногим из 178 тыс. шляхты, которую Бибиков собирался деклассировать в 1839 г., удалось избежать репрессий. Таким образом, между 1840—1846 гг. было деклассировано по крайней мере 160 тыс. человек.

Польская газета в Петербурге «Tygodnik Peterburski» (1845, № 70) опубликовала еще один указ Сенату, в котором говорилось, что «прежние шляхтичи», которые не представили свои бумаги к этой дате, будут немедленно и без исключения записываться в однодворцы.

16 сентября 1847 г. Комитет западных губерний вернул дворянским собраниям право выдавать подтверждение и регистрировать документы дворян-землевладельцев, которыми до этого времени не интересовались. Бибиков вплоть до 1853 г. ежемесячно получал полицейские и судебные отчеты из всех 36 уездов, где указывалось количество «прежних шляхтичей», переведенных в податное сословие. Цифра редко превышала 3—4 семьи. Однако в период политических волнений вновь наблюдались вспышки репрессий. Так, в июне 1848 г. в Балтском уезде к однодворцам было отнесено 255 человек, в июле — 490, в августе — 1950, в сентябре — 181, в октябре — 78, в ноябре — 29, в декабре — 24⁵⁰.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СМЕРТЬ

Разве может вызывать удивление то, что в империи, достигшей к тому времени крайней степени закостенелости и полицейского гнета, Д.Г. Бибиков после осуществления столь памятной акции настолько пришелся по нраву Николаю I, что в 1852 г. был назначен министром внутренних дел?

Однако попробуем разобраться в ситуации, в которой оказалась «бывшая шляхта», уже практически полностью деклассированная.

Как уже отмечалось, в 1834 г., когда эта группа еще казалась малочисленной, Канкрин разработал для новых однодворцев план по организации их в общины, типичные для русского крестьянства, в связи с чем предусматривалось значительное перемещение населения; однако царь рекомендовал тогда обратиться к проекту через три года. В действительности ничего сделано не было. Результаты работы Киевской центральной комиссии указывали на то, что категория однодворцев значительно вырастет, поэтому 4 декабря 1841 г. Комитет западных губерний вновь вернулся к рассмотрению этого плана.

В связи с этим представляет особый интерес спор между министром государственных имуществ П. Д. Киселевым и министром внутренних дел А. Г. Строгановым по вопросу о том, на кого из них ляжет ответственность за эту, столь неудобоправляемую, группу людей. Киселев сожалел, что эти люди еще не были организованы, а разработанный в 1834 г. проект был непригоден, т.к. создать предусмотренные в нем общества было невозможно из-за низкой концентрации этих людей в одном месте, а между тем налоги в должном объеме не поступали.

По мнению Киселева, этих людей следовало переселить на казенные земли, поскольку до сих пор все реформы, даже те, которые были направлены на изменение правового статуса поляков, даже превращавшие их чуть ли не в рабов (будущий посол в Париже, правда, высказывался более деликатно), имели серьезный недостаток: эти люди продолжали сохранять связь с лицами опасными и более влиятельными, чем они сами, — с польскими помещиками, в огромных имениях которых они продолжали находиться. Властям следовало принять меры, которые убедят этих людей (какая исключительная находчивость!) в необходимости переселиться и трудиться на казенных землях. Чем же они должны были там заниматься? Министр не скрывал конечной цели операции. Они должны были в обязательном порядке заниматься земледелием, чтобы, «удалив однодворцев от влияния помещиков, сосредоточить их на землях казенных под особым сельским управлением... слить их, подобно однодворцам Великокороссийских губерний, с податным состоянием».

По правде говоря, исходившие от царских властей призывы покинуть помещичьи земли, которые в глазах шляхты были в первую очередь польскими, были очень наивными. Киселев предлагал, а Комитет с ним согласился, опубликовать приглашение заселять пустующие казенные земли в Саратовской и Оренбургской губерниях и на Кавказе, где переселенцам предоставлялись дополнительные свободы. В связи с этим планом царь издал «Высочайшее повеление 2 июня 1841 года об усилении способов к переселению однодворцев». Данный документ предоставлял однодворцам те же льготы, что и казакам, которых в этот период также массо-

во переселяли, в основном в Екатеринославскую губернию. Кроме того, рекомендовалось, чтобы шляхтичи переселялись вместе с казаками в соотношении один к десяти (политика нейтрализации и слияния после Второй мировой войны получила название «тактика салями»).

Однако, как подсказывал здравый смысл, пока еще не было осуществлено массовое переселение, необходимо было позаботиться об организации жизни лишенных отныне свободы поляков там, где они проживали. Киселеву пришла в голову причудливая идея, уже когда-то высказанная Платоном Зубовым. Следовало сначала как можно крепче привязать к земле тех, кто уже жил на казенных землях, заставить платить их подушную подать, перемешав их насколько возможно и связав круговой порукой с крестьянством. Следовало также с целью предотвращения побегов составить подробную перепись, в случае самовольного ухода считать беглецов бродягами. На семь, не заявившие на беглеца в течение трех дней, и на тех, кто предоставлял убежище «бродягам», предлагалось налагать штраф в размере одного рубля серебром.

Остальных следовало, и в данном случае Киселев апеллировал к Строганову, передать в ведение Министерства внутренних дел. Кроме того, часть можно было бы отправить в военные поселения, а тех, кто не имел постоянного места жительства, — в города. Таким образом, «бывшая шляхта» была бы полностью интегрирована в формальные структуры Российской империи и не представляла бы угрозы общественной стабильности. Далее размышления министра приобрели мечтательный характер: «Таким образом заведование однодворцами разделится по их жительству, каковая мера будет иметь весьма важное последствие, и именно раздробление и уничтожение сего сословия, сохранение коего в общем составе гражданском неудобно по его происхождению. Не имея особого общего управления и быв приписано частями к другим ведомствам, оно лишится самобытности, разрушится в своем составе и с тем вместе истребитя и шляхетское воспоминание».

Однако у Строганова эти планы вызвали вопросы: где уездная полиция должна была найти средства для переселения однодворцев из частных владений, в которых, о чем Киселев забыл, они по большей части и жили? Приняв во внимание это замечание, Комитет постановил заняться пока «бывшей шляхтой», живущей на казенных землях, примеру которой, возможно, последуют и другие. И на этом пока вопрос был закрыт⁵¹.

К нему вновь вернулись через пять лет, когда 5 февраля 1846 г. Бибииков представил свои рассуждения в Комитете западных губерний, которые, хотя и имели иное, чем у Киселева, направление, не способствовали решению вопроса. Тем не менее само по себе выступление Бибиикова представляет для нас особый интерес. В нем в четкой форме представлена суть

идеологии, обуславливавшей действия властей при решении шляхетского вопроса, начиная с 1831 г., а также отражены продолжавшие существовать стереотипы. «Если желать, чтобы сословие однодворцев и граждан Западных Губерний, составившееся из бывшей польской шляхты, буйной, беспокойной и ленивой, образовалось в сословие людей полезных, то следует уничтожить сие вновь образованное сословие, отличное по своим податям, повинностям и образу управления от всех прочих и устранить все допущенные доселе особенности, ибо кроме того, что сии отличия, не представляя однодворцам никаких существенных выгод, стесняют их какой-то исключительностью и соединенными с оной повинностями, они решительно вредны в политическом отношении, препятствуя сему поколению польской шляхты совершенно слиться с Русскими податными состояниями и, наконец, исчезнуть в них навсегда. Посему поручение одной части однодворцев и граждан полиции, тогда как другие, живущие на казенных землях, входят в состав казенных имений, будет только поддерживать идею отличия их от прочих жителей, а с ней утверждать более и более убеждение, что они составляют особенный класс дворян или шляхты, как они обыкновенно еще себя называют».

Однако члены Комитета не видели возможности избежать того, чтобы польские однодворцы жили как прежде, заключая соглашения с помещиками. Министр внутренних дел, наделенный теперь значительно большими полномочиями, согласился с тем, что только он может обеспечить контроль над этим населением⁵².

Положение от 3 мая 1847 г. о взаимоотношениях однодворцев и общества подтверждало на правовом уровне существовавшее *status quo*: Министерство государственных имуществ занималось теми, кто жил на казенных землях, а Министерство внутренних дел — всеми остальными, которые организовывались в фиктивные общества, их переселение на казенные земли рьяно, хотя и тщетно, поддерживалось властями⁵³. Уплачиваемый однодворцами налог со двора должен был получать помещик, у которого они трудились по найму. Натуральный налог (зерно для хранения) для однодворцев был такой же, как и для государственных крестьян. Жившие в частных владениях однодворцы не могли покидать своего местожительства без свидетельства или паспорта, выданных помещиком, что еще решительнее приравнивало их к крепостным крестьянам. В свою очередь, полиции было поручено вносить в списки крепостных (сказки) тех из них, кто не заключил договора с помещиком, или тех, кто еще не прошел (а такие все еще были) проверки права на дворянство.

Эти последние распоряжения дали возможность провести окончательную чистку. 23 марта 1849 г. министр государственных имуществ приказал начальнику Киевской тайной канцелярии Еремееву присоединить к

государственным крестьянам тех, кто опоздал и не подал никаких документов. Он также интересовался их количеством и возможностью переселения при оказании помощи деньгами и строительными материалами. Три гражданских губернатора провели в связи с этим запросом новое расследование. Волынский гражданский губернатор предложил выдать этим несчастным в долг помощь в размере 50 рублей серебром на двор, как и евреям, которых также переселяли (мания переселения!); долг они должны были вернуть без процентов в течение десяти лет, а также освободить их от налогов на три года⁵⁴.

Понадобилось еще четыре года, чтобы выловить в поместьях всех тех поляков, которым до этого времени удавалось скрыться. Однако, несмотря на интенсивную переписку, ни Бибикову, ни затем Васильчикову так и не удалось получить долгожданные списки от гражданских губернаторов ни в 1850-м, ни в 1851-м, ни в 1852-м, ни в 1853 году. Лишь подольский губернатор 23 декабря 1851 г. представил список из 1478 семей, состоящих из 3667 мужчин и 3352 женщин. Он сообщал, что 48 семей смогут остаться там, где они живут и арендуют земельные наделы (120 мужчин и 123 женщины), остальные же должны быть безжалостно переселены на пустующие казенные земли, с предоставлением им денежной ссуды по 35 рублей серебром на каждый двор и освобождением от налогов и рекрутского набора на один год. Как видим, вновь власти руководствовались исключительно «гуманными» соображениями!

Последняя охота оказалась наиболее результативной в Подольской губернии: 18 июля 1853 г. палата государственных имуществ подвела общий итог: 3065 семей, т.е. 6821 мужчина и 6 858 женщин, что дало возможность переселить еще 1493 семьи на тех же условиях. Наименее удачно была проведена облава в Киевской губернии. 15 июля 1853 г. гражданский губернатор сообщил, что обнаружено «лишь» 185 семей, т.е. около 1 100 лиц, тогда как 16 июня 1853 г. Волынская казенная палата подала список «лишь» на 398 семей⁵⁵. Таким образом, в трех губерниях на протяжении 1846—1853 гг. было «выловлено» 3658 семей, т.е. примерно 15 тыс. человек. Нам не удалось установить их дальнейшей судьбы.

Историку не хватает документов для анализа того, как проходила эта затянувшаяся социальная деградация. Отсутствие источников объясняется низким уровнем письменной культуры данной группы людей. Они не смогли оставить свидетельств, однако некоторые факты дают нам возможность познакомиться с реакцией среды.

Прежде всего есть несколько свидетельств тщетного неповиновения; в архиве хранятся кипы жалоб лишенной дворянского звания шляхты трех губерний. Многие не сразу соглашались на деклассирование. Дворянские собрания поддерживали отдельные семьи, доказывая, что Киевская цен-

тральная комиссия недостаточно разобралась в их генеалогии. Жалобы с подписями членов дворянского собрания передавались в Центральную комиссию, в Сенат, Министерство юстиции, в них требовали более справедливой оценки Герольдией, однако все они отвергались⁵⁶.

На смену отвергнутых требований, приходило отчаяние. Новоявленные однодворцы, чтобы избежать ужасной службы в армии, кое-где прибегали к средствам, распространенным среди крепостных, т.е. к нанесению себе увечья. Однако российское правосудие и в данном случае не оставляло их в покое. 30 июля 1840 г. Комитет западных губерний рассматривал дело деклассированного шляхтича Петровского* из Киевской губернии, отрубившего себе указательный палец, чтобы не идти в солдаты. Министр государственных имуществ, в чьем ведении находился этот человек, объяснял, что представителей других социальных категорий за такое преступление наказывают розгами и отправляют в штрафной батальон или в Сибирь на поселение, однако для однодворцев подобное наказание не предусмотрено. Бибиков же считал, что однодворцев следует рассматривать наравне со всеми остальными. Комитет принял решение не наказывать Петровского, поскольку такой случай не был предусмотрен, однако в то же время Комиссии было поручено подготовить поправку к закону⁵⁷.

1 апреля 1844 г. Комитет принял решение, которое на первый взгляд может показаться невинным, но последствия которого были поистине драматичными. Решение касалось однодворцев, многих из которых власти называли бездомными. Это решение свидетельствует об ожесточенном отношении царских властей ко всем, кто мог свободно передвигаться в этом застывшем обществе. Отныне их будут первыми забирать в рекруты⁵⁸.

Наиболее важным, пусть и косвенным, следствием этих мер стало пресечение доступа к образованию. До тех пор пока обнищавшая шляхта не была причислена к однодворцам, она имела право на среднее и даже высшее образование. И хотя после 1831 г. школьное образование было полностью русифицировано, тем не менее, оно давало возможность продвижения по социальной лестнице и, несмотря ни на что, помогало сохранению польской культуры, поскольку способствовало сплочению учеников, подавляющее большинство которых были поляками по рождению и во внеучебное время испытывали воздействие национальных традиций. 30 октября 1841 г. Герольдия довела до сведения Киевской центральной комиссии, что деклассированная шляхта не может состоять на службе в административных органах и обучаться в школах, подведомственных Министерству народного просвещения. Эти нежелательные лица не допускались

* Еще одна возможная транскрипция фамилии — Пиотровский. (Прим. пер.)

к посещению заведений, «в которых воспитываются исключительно потомственные дворяне»⁵⁹.

Бибииков, как уже отмечалось, ранее предлагал предоставить определенные выгоды с целью побудить тех, кто не представил документы в Центральную комиссию, наконец это сделать. 12 октября 1843 г. он обратился в Петербург с предложением освободить от налогов тех однодворцев, которые закончили среднюю школу с отличием. Однако министр народного просвещения С. С. Уваров занял негативную позицию, и это несмотря на признание, что такая возможность была предусмотрена законом, согласно которому всякий ученик, продемонстрировавший отличное знание русского языка и литературы и закончивший гимназию с 14-м чином, освобождался от уплаты налогов. Его беспокоила прежде всего огласка такой возможности. Поскольку ревизия прав на дворянство еще не была завершена, то, по мнению Уварова, это «понудит многих из них, пользуясь означенной льготой, поступать в учебные заведения и кончать курс наук в гимназиях». Таковым было мнение государственного деятеля, стоящего на страже образования, и президента Академии наук⁶⁰.

Образование было привилегией потомственного дворянства, так же как и право владеть землей и крепостными. Однако в некоторых случаях царская администрация занимала в отношении некоторых из «бывшей шляхты» иную позицию, тем более что великорусские однодворцы имели право владеть несколькими крепостными в своих поместьях. Как уже отмечалось, те из шляхты, кто купил землю после 1831 г., должны были продать ее в 1834 г. Однако как следовало поступить с небольшим количеством тех, кто получил землю в наследство? Именно этот вопрос был задан 13 декабря 1844 г. Киселевым Бибиикову. И в очередной раз была заведена бюрократическая машина, продолжившая поиски жертв. Несмотря на всю незначительность вопроса, к его решению подошли с завидным упорством, свидетельствующим о степени ожесточения властей.

Первые отчеты начали поступать в 1845 г. Волынский гражданский губернатор нашел лишь одного действительно состоятельного деклассированного шляхтича — Антония Зелинского, который имел 179 душ. У других их было немного: В. Шадурский — 12 душ, Я. Сенкевич — две семьи, В. Сидкевич — пять душ, восемь человек владели частями сел. В Подольской губернии было обнаружено пять однодворцев, у которых было по 29, 9, 5, 2, 1 крепостному соответственно, в Киевской губернии таковых вообще не было найдено. Кто-то предусмотрительно записал свое имение на жену. Зря! Все они должны были продать свои земли. В марте 1846 г. Бибииков интересовался, сделано ли все должным образом. Лишь незнанием можно объяснить ошибку, которую допустили эти люди, записавшись во второй разряд шляхты, имея право быть в первом. С целью удостовериться,

что подобные аномальные случаи не повторятся, 23 января 1847 г. Сенат вновь приказал продать всю собственность, которая могла перейти в руки однодворцев 20 августа 1849 г. Бибиков вновь потребовал провести проверку, по итогам которой было выявлено еще 14 случаев. Киевскую администрацию продолжало лихорадить и после отъезда Бибикова в 1853 г. За этот период в Киевской губернии было обнаружено еще семь подобных случаев. Все это были свидетельства беспощадного хищного отношения. Вольнскому гражданскому губернатору удалось в письме к Бибикову от 8 июня 1845 г. выразить основную причину предпринимаемых властями действий в словах, которые впоследствии станут стереотипными: «Заключая об однодворцах Западных Губерний как о сословии людей необразованных, грубых и вообще преданных от праздности разным порокам, я на вопрос, могут ли они по примеру однодворцев Великороссийских губерний, удерживать в своей собственности крестьян, имею честь доложить Вашему Превосходительству, что, по моему мнению, их бы следовало устранить от владения крестьянами, как своей собственностью, ибо власть в руках подобного рода людей бывает поводом ко многим злоупотреблениям»⁶¹.

Осуществляемые столь долго, терпеливо и систематически меры не могли со временем, вопреки воле потерпевшей стороны, не оказать пагубного влияния на традицию шляхетской солидарности, объединявшую общинавшую шляхту с польской аристократией. Спору нет — как было показано выше и как, в числе других, подчеркивал в своих воспоминаниях Т. Бобровский многие дворянские собрания неоднократно пытались противиться ликвидации рыцарского сословия⁶². Тем не менее это не отменяет того факта, что часть польских помещиков благосклонно отнеслась к проводимым мерам. Не следует забывать, что весь первый ликвидационный этап, до 1840 г., осуществлялся именно дворянскими собраниями. В какой-то степени возможно сравнить отношения внутри шляхетского сообщества с еврейским гетто времен Второй мировой войны, когда по приказу оккупанта одна часть людей в гетто предавала другую.

То, к чему богатая шляхта относилась как к тяжелой необходимости, деклассированные не могли не воспринимать как страшную измену и возмутительное пренебрежение. Ярким примером, показывающим боль и горе безземельной шляхты, была история одной из групп деклассированных, пытавшихся воспротивиться переселению на казенные земли. Они отказались отдаться в руки полиции, которая должна была препроводить их вместе с крестьянами из села Лучинка Могилевского уезда Подольской губернии за сто километров, в казенное село Думенки Литинского уезда. В результате они были под конвоем доставлены в винницкую тюрьму. Это произошло в 1851 г. А ранее, в 1835 г., они обращались с жалобой к Подольскому дворянскому собранию, позже — в Центральную комиссию,

причем в однодворцы не записались, чем обрекли себя на перечисление в крестьяне. Их настойчивость в конечном итоге принесла плоды: благодаря протестам, сведения о которых дошли до Сената, было установлено, что эти люди ошибочно были отнесены к деклассированным. Виновна же в этом была помещица их села Уруска-Собанская, которая и довела их до разорения. 24 июня 1853 г. ей присудили возместить 33 года незаконной принудительной барщины и несправедливый набор четырех мужчин в рекруты⁶³.

Удивительная ловкость царского режима при проведении этих репрессий заключалась в умении эксплуатировать эгоизм и инстинкт самосохранения богатой шляхты. Если в 30-х годах часть помещиков считала своей обязанностью поддерживать патерналистские отношения с обедневшими «братьями» в своем имении, то в 50-х годах для многих из них это была просто рабочая сила, с которой их ничто не связывало — так же, как и с украинскими крепостными. Царским властям удалось расколоть поляков. Но не произошло бы это гораздо раньше, если бы была введена конституция Речи Посполитой 1791 г.?

Этот раскол в отношениях между помещиками и однодворцами стал очевиден во время большой либеральной дискуссии 1858 г. о ликвидации крепостничества и улучшении крестьянской доли. Это могло стать благоприятным моментом для возобновления отношений между ними: царский режим смягчился, Александр II даже позволил мечтать, Бибииков получил отставку и уехал в Дрезден, а в сентябре 1858 г. произошло нечто странное — царская полиция разослала предводителям дворянства, которых уже давно не беспокоили по этому вопросу, печатный циркуляр с просьбой представить предложения об улучшении судьбы однодворцев. Царские власти заметили, что эта категория не принималась во внимание дворянскими комитетами при рассмотрении вопроса об «устройстве быта» крестьян, а потому, заботясь об общей реформе, они просили дворянские собрания во взаимодействии с исправниками ответить на три вопроса:

- 1) Нуждается ли в изменениях или дополнениях существующее законодательство?
- 2) Какие правила должны регулировать жизнь однодворцев в дворянских имениях?
- 3) Возможны ли шаги по предоставлению однодворцам возможности получить свои земельные наделы в собственность?

Если бы польские помещики захотели, они могли бы обратиться к проектам Адама Чарторыйского о раскрепощении чиншевиков, предложенным в 1808 г. Однако они не захотели воспользоваться добрыми намерениями Александра II. В этой связи приведем ответы предводителя дворянства Киевского уезда В. Бутовича от 25 октября 1858 г. Несмотря на то

что Бутович был русским помещиком, он был избран большинством поляков и высказываемое им мнение было типичным для этой среды. В качестве дополнения к существующим правилам он предложил облегчить жизнь помещиков, на которых в 1847 г. был возложен сбор налогов с этих доставляющих хлопоты однодворцев. Было бы проще, если бы они сами вносили подати в казенные палаты и предъявляли квитанции владельцу имения, у которого проживали; в случае задолженности помещик сразу же сообщал бы полиции. Насколько далеки были теперь помещики от идей шляхетской солидарности! Бутович также настаивал на освобождении помещиков от обязанности собирать налоги и — взысканием недоимок должна была заниматься только полиция. Предлагалось и еще одно дополнение — к закону 1847 г., который требовал, чтобы однодворцы не могли оставлять местожительство без письменного разрешения помещика, следовало добавить, что о каждом случае самовольного ухода помещик должен сообщать полиции, тогда он не будет нести ответственность за беглеца, а полиция сможет принять необходимые меры. Как видим, идеи шляхетского братства уже не существовало, к деклассированной шляхте стали относиться как к крепостным.

При ответе на два следующих вопроса Бутович проявил еще большее безразличие к делу. Он писал, что поскольку отношения между однодворцами и помещиками регулируются договорами, которые время от времени возобновляются, то только от однодворцев зависит улучшение или ухудшение их судьбы, в их собственных руках находится и благосостояние их семей. Хорошие труженики живут хорошо, а ленивые — плохо. И никакая материальная помощь в данном случае ничего не изменит!

Предложение царских властей о предоставлении «бывшей шляхте» возможности приобретать землю, полностью противоречившее политике лишения их прав на протяжении тридцати лет, вызвало у представителя крупных землевладельцев полное непонимание, как будто речь шла о предоставлении земли крепостным. Он, правда, допускал, что это могло бы решить их материальные проблемы, однако указывал и на то, что по закону земля, принадлежавшая дворянству, является его неотчуждаемой собственностью. Поэтому в данном случае следовало бы разработать систему ссуд от казны для покупки земли, за возвращением которых следила бы полиция⁶⁴. В данном случае сложно говорить о сохранении чувства солидарности. Похоже, что к 1860 г. помещики уже не помнили о существовании подобных традиций.

О глубине существовавшей бездны свидетельствуют анонимные воспоминания одного из повстанцев 1863 г.: «На загонную шляхту, то есть однодворцев, нельзя было рассчитывать, поскольку они были обижены предво-

дителями дворянства, помешавшими им доказать свои права во время ревизии документов. Не имея земли и собственной крыши, они находились у помещиков на условиях чинша, платя, отрабатывая, занимаясь извозом и т.п. за дом, огород, поле намного больше, чем крепостные крестьяне. Шляхта отрезалась от них, не смирившись над ними, я даже встречал таких, которых записали в крепостные. С другой стороны, Москва возложила на них огромные налоги, забирала в рекруты, а чиновники обдирали их до костей; бичуемые шляхтой и Москвой, они опустились очень низко морально и материально и даже принимали православие. Некоторые утверждали, что однодворцы стоят значительно ниже крестьян, хотя я поверить в такое не могу, поскольку видел, что они испытывали ненависть к Москве как основной причине своего несчастного положения, а к этому прибавлялась и глубокая обида на шляхту, которая о них забыла и, что еще хуже, относилась как к крестьянам». Каким же могло быть культурное и политическое развитие «бывшей шляхты» в таких условиях? Демократ Хенрик Каминский, который в 1844 г. находился на Украине, не представлял, каким образом можно было распространять свои идеи среди этих людей, хотя и предполагая, что пропаганда могла найти какой-то отклик в их сердцах. Он был удивлен низким уровнем их культуры⁶⁵.

Испытывавшая притеснения на протяжении тридцати лет, постоянно принижаемая, умело доведенная до крайней черты существования, деклассированная шляхта приняла незначительное участие в восстании 1863 г., которое для нее, как и для крепостных, было делом панов. Хотя первое поколение этой шляхты не подверглось русификации, его деполонизация произошла как следствие украинизации, начавшейся еще до 1831 г.⁶⁶ Август Иванский, проницательный свидетель эпохи, отмечал влияние разных волн ревизии дворянских прав на ускорение упомянутого процесса и отмечал слабость протестов со стороны помещиков. Он подчеркивал, что украинский язык стал для всех единственным средством общения и что однодворцы очень часто переходили в православие и часто по привычке обращались к бывшим униатским священникам, которые после «воссоединения» 1839 г. стали православными, а не к ксендзам, не обращая внимания на политическую значимость происходящего. Иванский отмечал: «Этих бедняг ожидала в будущем судьба стократ хуже, чем крепостных». Речь шла о судьбе однодворцев на Украине после 1864 г. Власть будет продолжать считать их поляками, и они сполна заплатят за мечты своих господ о независимости, а идеи об улучшении их судьбы канут в Лету. В то время как украинские крестьяне станут предметом особых забот царских властей, деклассированную шляхту, лишенную права покупать землю, ожидала дальнейшая социальная деградация, зачастую при полном равнодушии польских помещиков, их прежних «покровителей»⁶⁷.

Юлиуш Словацкий, находившийся в изгнании, проникся сознанием несправедливой судьбы безземельной шляхты. Один из героев его драмы «Фантазий» (1840), Ян, повстанец 1830 г., говорит о презрении, которое испытывает к тем, кто спасал свое общественное положение ценой унижения прежних собратьев:

А то бы, куклы, показал здесь я вам!
 Вперил бы взгляд спокойный, но кровавый,
 О люди светские, тогда б в глаза вам,
 Как прежде в жерла пушек под Варшавой!

(Фантазий, или Новая Деянира, акт II, сцена 4. Перевод Л. Мартынова)

Часто цитируемый Альфред Жарри, скорее всего, не подозревал, когда писал «Короля Убю» и выдумывал знаменитую «западню для шляхты», что создал гротескный образ реальной ситуации в Польше. Однако в Николае I не было ничего от короля, и царская акция, направленная на уничтожение идентичности сотен тысяч поляков, отнюдь не была фарсом.

Социально-культурная смерть постигла всю обнищавшую шляхту Правобережной Украины. Однако, хотя ловушка была ловко расставлена, эта социальная группа не исчезла до тех пор, пока не было разорвано связующее звено между помещиками и безземельными шляхтичами, а именно чиншевая система. Эта шляхта еще проявит свою жизнеспособность в рамках все еще существовавшей системы отношений до 1914 г., что станет одним из сюжетов в третьей части этой книги.

Данные о количестве поляков, поглощенных черной дырой гражданского небытия, представляются следующим образом:

Период	Кол-во шляхты, записанной в однодворцы	
1831—1833	72	144
1834—1839	93	139
1840—1846	ок. 160 000	(в т.ч. 81 121 мужчина)
1846—1853	ок. 15 000	записанных в государственные крестьяне
Итого:	340 283	т.е. более 340 тыс. человек было деклассировано.

Это не мертвые души, вычеркиваемые ревизорами, а живые люди⁶⁸. Речь идет, собственно, об уничтожении целого общества, определенного типа цивилизации, несомненно относящейся к прошлому, которому была уготована такая судьба лишь потому, что оно было свободным и польским. Полонизированные потомки русских бояр и давних переселенцев, прибывших на эти земли в основном в эпоху саксонской династии Речи Посполитой (начало XVIII в.) для укрепления польской колонизации после

войн с казаками и шведами, чьи права подтверждались лишь традициями, были лишены следов принадлежности к Польше в ходе проводимой царскими властями унификации империи.

Истории известно совсем немного примеров такой масштабной ликвидации целой социальной группы — ликвидации, которая велась крайне умело и настойчиво на протяжении тридцати лет с помощью бюрократической и полицейской машины. Нам предстоит убедиться, что на этом история этих несчастных не закончилась.

¹ *Tokarz W. Wojna polsko-rosyjska 1830—1831. Warszawa, 1930. Т. 1. S. 308—318; Баженов Л. В. Восстание 1830—1831 г. на Правобережной Украине. Киев, 1973. В предыдущей главе уже поднималась эта тема. См. библиографию в сноске 15 этой главы.*

² ЦДІАУК. Ф. 467. Оп. 1. Спр. 55, 57. Этот фонд, так же как и фонд № 468, полностью состоит из уникальных свидетельств о восстании 1831 г. на Правобережной Украине. Эти материалы не были ни разу систематически проработаны, так же как и документы уездных комиссий, например: ф. 469 (Липовецкий уезд — 56 дел), ф. 568 (Подольский уезд — 4 дела), ф. 979 (Махновский уезд — 10 дел), ф. 1060 (Тарашанский уезд — 3 дела), ф. 1080 (Уманский уезд — 32 дела), ф. 1081 (Радомышльский уезд — 2 дела), ф. 1124 (Проскуревский уезд — 1 дело), ф. 1125 (Балтский уезд — 7 дел), ф. 1126 (Гайсинский уезд — 3 дела). Кроме того, в ДАКО в фонде 1515 Киевской губернской комиссии для разбора дел об участниках польского восстания содержится 150 дел, правда, они объединяют дела как по польским восстаниям 1830—1831 гг., так и 1863—1864 гг. См. также: *Łepkowski T. Społeczne i narodowe aspekty. S. 46—50.*

³ *Bormowski W. Powstanie listopadowe w oczach Rosjan. Warszawa, 1964.*

⁴ *Winiarski B. Ustrój polityczny ziem polskich w XIX wieku. Poznań, 1923. S. 162—163; Mościcki H. Pod berłem carów. S. 27—30; Biernacka M. Wsie drobnoszlacheckie na Mazowszu i Podlasiu. Tradycje historyczne a współczesne przemiany. Wrocław, 1966. S. 99—100; Wielhorski W. Ziemie ukraińskie. S. 77.*

⁵ Все документы, касающиеся переселения подольской шляхты на Кавказ, хранятся в: ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 1390. Все цитируемые документы, если нет дополнительной сноски, относятся к этой коллекции. В Петербурге хранятся также документы за период с 28 октября 1831 г. по 19 декабря 1836 г. См.: РГИА. Ф. 1285. Оп. 6. Д. 1а.

⁶ ЦДІАУК. Ф. 49. Оп. 2. Спр. 1539. Без даты [май 1832 г.].

⁷ *Ibidem.* Май 1832 г., текст также напечатан.

⁸ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 1225. Весь процесс ревизии прав на дворянство весьма поверхностно описан только в одной статье: *Perkowski T. Legitymacje szlachty polskiej. S. 61—76.*

⁹ *Ibidem.*

¹⁰ *Ibidem.*

¹¹ Державний архів Вінницької області (ДАВО). Ф. 200. Оп. 1. Спр. 3.

¹² *Ibidem.* Спр. 4, 5.

¹³ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 1225 — Письма Дашкова и Блудова; РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 10 — Дневник заседаний за 1832 г. С. 63.

¹⁴ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 1225.

¹⁵ Ibidem — Решение от 7 марта, переданное 20 марта Левашову министром финансов.

¹⁶ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 12 — Заседание от 21 июня 1833 г. С. 143.

¹⁷ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 1225. Проекты были высланы генерал-губернатору 15 февраля 1833 г.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 12 — Первый проект Канкриня содержит 112 параграфов. С. 336—367. Второй — 22 параграфа. С. 329—335. Третий — 7 параграфов. С. 325—328.

²⁰ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 1225 — Доброжелательная позиция Г. Ленкевича и Л. Понятовского. ДАКО. Ф. 1238. Оп. 1. Спр. 14 — Негативная позиция Х. Тышкевича.

²¹ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 1225. Призыв, опубликованный в «Сенатских ведомостях», был передан Левашову 5 февраля 1834 г. Взаимодействие дворянских собраний с Герольдией в 1833—1834 гг. оставалось ограниченным. См. переписку между ними в: Ibidem. Спр. 1439. В действительности подтверждение дворянских званий землевладельцев начнется лишь после 1847 г. См. гл. 4 этой части.

²² Ibidem. Спр. 1225 — Письмо Г. Ленкевича В. Левашову от 10 марта 1834 г.

²³ Ibidem — Письмо от 16 марта 1834 г. 26 октября 1834 г. предводитель дворянства Киевской губернии Х. Тышкевич подобным образом выразил протест против разорения тех, кто недавно приобрел землю, а также в связи с отсутствием доверия к дворянским собраниям.

²⁴ Ibidem. Ф. 442. Оп. 66. Спр. 166.

²⁵ Ibidem. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 2168. Речь идет о большом деле «О лицах из бывшей польской шляхты, не вписанных в классы, подлежащие налогообложению вследствие их принадлежности к группе дворян», которое охватывает период с 1836 по 1850 г. на 929 страницах. Все далее цитируемые документы, если нет дополнительной сноски, относятся к этому делу. О сложившейся традиции подделки патентов на принадлежность к шляхте, в особенности в Подолье, см.: *Jedlicki J. Klejnot i bariery*. S. 366.

²⁶ РГИА. Ф. 1281. Оп. 3. Д. 71а — Отчет киевского гражданского губернатора за 1840 г.

²⁷ *Kraszewski J.J. Wyjāti ze szlachtografii // Orędownik Naukowy*. 1841. № 36. S. 289.

²⁸ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 2508.

²⁹ *Kraszewski J.J. Wspomnienia Wołynia*. S. 53.

³⁰ Ibidem. S. 58.

³¹ *Kraszewski J.J. Budnik. Wstęp W. Hahn*. Kraków, 1923.

³² ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 2508.

³³ Ibidem. Несмотря на притеснения со стороны царских властей, околичной шляхте удалось подтвердить свой статус, поскольку, имея хотя бы незначительную собственность, она отвечала требованиям, предъявляемым к статусу дворянина.

³⁴ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 24 — Журнал заседаний Комитета западных губерний за 1839 г.

³⁵ Ibidem. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6344.

³⁶ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 2168 и сопроводительное письмо Я. Илинского к Д.Г. Бибикову от 11 ноября 1838 г.

³⁷ Ibidem. Спр. 2168.

³⁸ Ibidem. Спр. 2508.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 24. Л. 249.

⁴¹ *Bobrowski T.* Pamiętnik mojego życia S. 78. Бобровский недооценил работу этой комиссии.

⁴² ЦДІАУК. Ф. 481. Оп. 1—2.

⁴³ Ibidem. Оп. 1. Спр. 50 — Письмо Герольдии от 6 августа 1840 г.

⁴⁴ Ibidem. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 2951—2975.

⁴⁵ Ibidem. Спр. 2168 — Переписка Бибикова с волынским ревизором, письма от 19 марта, 12 июля, 31 августа, 18 сентября 1841 г.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 32. Л. 53, 137—148 — Согласие министра юстиции от 12 октября 1843 г.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ ЦДІАУК. Ф. 481. Оп. 1. Спр. 52.

⁴⁹ Ibidem. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 5659. В письме министру внутренних дел от 10 июня 1850 г. Бибиков утверждал, что за весь период своей деятельности (1840—1844) Центральная комиссия исключила 81 121 человек, но и эти данные являются недостаточными (Ibidem. Спр. 7492).

⁵⁰ Ibidem. Спр. 7490, 7491, 10803.

⁵¹ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 28.

⁵² Ibidem. Д. 36.

⁵³ ПСЗ. Т. IX. 1857. С. 766.

⁵⁴ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 7858 — Письмо казенным палатам от 12 апреля 1849 г. и письмо волынского гражданского губернатора от 17 апреля 1849 г.

⁵⁵ Ibidem. Спр. 7858.

⁵⁶ Ibidem. Спр. 5661 — Жалобы деклассированной шляхты.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 26.

⁵⁸ Ibidem. Д. 34.

⁵⁹ ЦДІАУК. Ф. 481. Оп. 2. Спр. 212. — О разрешении выдачи свидетельств детям уроженцев западных губерний на право поступления в учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения. Среди 1880 студентов, прошедших через Киевский университет в период с 1834 по 1863 г., было 35 однодворцев. Эти исключительные случаи касаются периода до 1841 г. См.: *Zasztowi L.* Kresy 1832—1864. S. 139.

⁶⁰ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 32.

⁶¹ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 5247 — Переписка за 1844—1853 гг. по вопросу о запрещении собственности однодворцам.

⁶² *Bobrowski T.* Pamiętnik mojego życia Т. 1. S. 78—79. В качестве доказательства своего тезиса автор цитирует протест шляхты Гайсинского уезда 1840 г., который дает в приложении. См.: Ibidem. Т. 2. S. 527—529. Поскольку текст был написан польски, он так и не был передан царю.

⁶³ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 8955 — Указ Сенату от 10 августа 1851 г.; пояснение министра государственных имуществ от 9 февраля 1852 г.; результаты процесса от 24 июня 1853 г.

⁶⁴ ДАКО. Ф. 1238. Оп. 1. Спр. 1183.

⁶⁵ Свидетельства существовавшей пропасти между помещиками и однодворцами в воспоминаниях неизвестного повстанца, подготовленных к изданию Э. Козловским. См.: Rok 1863 na Ukrainie. S. 17—22; а также в: *Kamiński H. Pamiętniki i wizerunki / Оргас. I. Śliwińska Wstęp W. Kula Wrocław, 1951. S. 202.* Представление о том, как выглядели однодворцы, дают акварели, выполненные французским врачом Домиником де ля Флизом в казенных имениях Киевской губернии ок. 1854 г. См.: *Фліз Д.П. де ля.* Альбомы. Київ, 1996. Т. 1. С. 46; 1999. Т. 2. С. 504.

⁶⁶ Если принять во внимание, что однодворцы составляли три четверти всего польского населения, то тот факт, что среди повстанцев 1863—1864 гг. их было всего 14%, свидетельствует об очень низком уровне польского национального самосознания в их среде. Данные даются по: *Зайцев В.М.* Социально-сословный состав. О начале украинизации см.: *Inglot M. Tumko Padurą, czyli ziemiański romans z Ukrainą // Український календар. 1979. С. 198—202.* После 1864 г., как мы еще увидим, царские власти воздерживались от административной поддержки украинизации давней польской шляхты. Если б она слилась с украинским народом, то ее судьба не была бы такой печальной. Остракизм поляков продолжался; согласно переписи населения 1897 г., как увидим дальше, в трех губерниях было еще 655 900 поляков, а украинцев — 6 981 000 человек.

⁶⁷ См.: *Iwański A. Pamiętniki 1832—1876; Bortnowski W. Powstanie listopadowe.*

⁶⁸ «Исчезновение» безземельной шляхты на Украине — это явление, на которое историки обращают внимание, но не комментируют. См.: *Giller A. Historia powstania narodu polskiego 1861—1864. Paryż, 1868. Т. II. S. 290.* В работах советского времени это явление было недооценено. См.: *Зайцев В.М.* Социально-сословный состав. С. 198—199. Автор основывается на фальшивых данных, приводимых в 1884 г. См.: Обзорение Киевской, Подольской и Волынской губерний с 1838 по 1850 год // Русский архив. 1884. Кн. 3. № 5. С. 15. Согласно этим данным, в 1850 г. на Украине общее количество однодворцев мужского пола составило всего 81 121 (160 тыс. обоего пола). В действительности эти данные касаются только количества деклассированных Киевской центральной комиссией в 1840—1846 гг. Ср.: Записка Бибикова от 10 июня 1850 г. (ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 7492. Арк. 180—196), хотя и в ней идет речь лишь о части мужского населения. В связи с этим Зайцев допускает существование еще 78 667 мужчин из родовой шляхты, т.е. 150 тыс. лиц обоего пола, т.е. вдвое больше. Мою полемику с И. Рыхликовой по вопросу о количестве шляхты см. выше: ч. 1, гл. 2, прим. 67. Данные уточняются в статьях Л. Заштовта. См.: *Zasztowt L. Koniec przywilejów — degradacja drobnej szlachty polskiej na Litwie historycznej i prawobrzeżnej Ukrainie 1831—1868 // Przegląd Wschodni. 1991. Т. 1. Z. 3. S. 615—640; Zasztowt L. Drobna szlachta w guberniach zachodnich cesarstwa rosyjskiego — aneks do dyskusji o liczbie zdegradowanych // Księga pamiątkowa ku czci prof. J. Miąso. Warszawa, 2003. Статьи изданы также в книге: *Zasztowt L. Europa Środkowo-Wschodnia a Rosja XIX—XX wiek. W kręgu edukacji i polityki. Warszawa, 2007.**

Глава 3

«...С ОСТАЛЬНЫМИ ЧАСТЯМИ ИМПЕРИИ В ОДНО ТЕЛО, В ОДНУ ДУШУ»

Если допустить, что установленная в предыдущей главе цифра в 340 тыс. деклассированных шляхтичей является точной, то, принимая во внимание данные ревизии 1834 г., согласно которой в трех губерниях проживало 410 тыс. поляков, нам остается проследить судьбу еще примерно 70 тыс. человек. Это те, кому удалось «доказать» свое благородное происхождение и кому принадлежала почти вся земля на Правобережной Украине. Экономическое и социальное положение этой группы вынуждало царские власти считаться с ней, даже когда они старались ограничивать ее влияние. Третья и четвертая главы этой части будут посвящены польским помещикам и отношению к ним царских властей.

Следует сказать, что эта группа, о чем еще пойдет речь, не была однородной. Вначале обратимся к тем ее представителям, благодаря покорности которых царские власти дали возможность полякам принимать участие в официальной публичной жизни, правда, не в ключевых для жизни империи областях (поляков там было чрезвычайно мало), а в том, что осталось от давних институтов шляхетской власти, приспособленных к потребностям империи. Коротко сказать, в центре нашего внимания будут состав, структура дворянских собраний и собственно те, кто выступал в качестве представителей «выборной шляхты», того польского дворянства, которое избирало и избиралось в традиционные представительские органы власти вплоть до 1862 г.

В предыдущих главах было показано, насколько существенной была роль дворянских собраний. Во что они превратились в изучаемый период, кто соглашался в них заседать и на каких основаниях?

РОЛЬ ДВОРЯНСКИХ СОБРАНИЙ

После 1831 г. отличительный польский характер уездных дворянских собраний, называемых по старой памяти еще сеймиками, проявляется все в меньшей степени. И хотя члены собраний и в дальнейшем продолжали использовать между собой прежние названия должностей со всем прису-

шим давнему польскому обществу пиететом, они были отменены указом от 2 января 1832 г., который одновременно с этим изменил и структуру дворянских собраний. Польские титулы, такие как маршалок, хорунжий, судья, подсудок, подкоморий и т.п., были официально запрещены и заменены российской терминологией: маршалка стали называть предводителем дворянства, он стал заседать вместе с различными ассессорами, которые исполняли судебные функции при рассмотрении гражданских и криминальных дел, были опекунами в учебных заведениях или возглавляли отдельные направления хозяйственной деятельности. Название же «сеймик» было окончательно заменено на «дворянское собрание»¹.

После присоединения Правобережной Украины к России возможности шляхтичей избирать и быть избранными заметно изменились. В начале XIX в. участвовать в выборах могли все лица старше 18 лет, являвшиеся владельцами пятидымов, независимо от размера имения². В 30-х гг. XIX в., согласно российскому законодательству, следовало владеть «полным участком», т.е. как минимум сотней крепостных (мужского пола). Тем самым устанавливался очень высокий порог по сравнению с указом от 3 марта 1805 г. для западных губерний, что исключало из выборного процесса даже большинство подтвердившей свое происхождение шляхты. К имущественному цензу было добавлено и политическое ограничение, которое со временем приобрело более суровый характер: достаточно было попасть под подозрение в симпатии к восстанию 1831 г., чтобы быть вычеркнутым из списка избирателей. Что касалось права быть избранным, то здесь требования носили еще более строгий характер: согласно указу от 12 октября 1835 г., в списки включались только те, кто мог подтвердить десятилетний срок службы в царской администрации, высшее образование или шестилетний срок службы на выборной шляхетской должности. В 1840 г. такая политика ограничения привела к тому, что право голоса на дворянских собраниях сохранилось лишь за небольшой группой шляхты. Согласно отчету Бибикова, количество шляхтичей, которые могли принимать участие в общественной жизни, ограничивалось до:

в Киевской губернии	514 чел.
в Подольской губернии	693 чел.
в Волынской губернии	1496 чел.
Итого:	2703 чел. ³

Легко можно себе представить, насколько странным оказалось правовое положение большинства польских помещиков, у которых было менее ста душ, и многих крупных землевладельцев, лишенных права голоса по политическим мотивам (о них речь пойдет в следующей главе).

В связи с этим возникает ряд вопросов относительно умонастроений той небольшой группы польского дворянства, которой было позволено принимать участие в публичной жизни Российской империи. Каковы были мотивы деятельности этих людей? Принимая должность на столь суровых условиях (как уже отмечалось ранее, до восстания большинство имевших право голоса этим правом не пользовалось), не становились ли они яколлаборационистами, примирившимися с неизбежным сотрудничеством? Или, возможно, напротив, такие люди были нужны, чтобы, как им казалось, спасти то, что еще можно было спасти? Вечная проблема компромисса и компрометации. На протяжении нескольких веков она постоянно встает перед поляками, приобретая все новые формы. В глазах царских властей это был выбор между верностью трону и предательством государственного единства.

Чем же после 1831 г. были эти уездные и губернские дворянские собрания, какую роль они играли? С. Кутшеба дал перечень основных функций собраний в «Истории устройства Польши»⁴. Состав собраний уменьшился, в особенности после отмены в 1840 г. Литовского статута. Теперь собрания уже не выбирали дворян в уездные судебные органы. Как правило, в собраниях принимало участие примерно 40 человек.

Возьмем для примера состав Киевского дворянского собрания в 1844 г.⁵ Вместе с графом Х. Тышкевичем, которого постоянно с 1826-го и до самой смерти в 1854 г. избирали предводителем, заседали:

- 3 председателя гражданской палаты,
- 5 членов этой палаты,
- 5 членов уголовной палаты,
- 2 попечителя двух киевских гимназий,
- 4 совестных судьи (занимавшихся полюбовным урегулированием конфликтов),
- 4 члена мировых судов,
- 2 члена совета Института благородных девиц,
- 2 директора Коммерческого банка,
- 3 члена Комиссии по снабжению населения продовольствием,
- 4 члена Губернского ревизионного комитета,
- 2 секретаря.

Выборы пока еще проходили раз в три года по заявлению предводителя дворянства, который, как предстоит убедиться, зачастую был вынужден посылать напоминания в уезды. Кроме этих обязанностей избранное польское дворянство могло выражать свое мнение по целому ряду вопросов, а предводитель должен был прежде всего доводить до сведения дворян правительственные распоряжения. Выше уже отмечалось, насколько

«беспристрастно» дворянскими собраниями рассматривались жалобы крестьян, преступления экономов и т.п. Ничто лучше не раскрывает сути этих институтов дворянской власти, заключавшейся в ревностной защите привилегий землевладельцев. Внутренняя полиция в помещичьих имениях сотрудничала с губернской полицией: предводитель дворянства напоминал помещикам об обязанности выдавать беглых крестьян из казенных имений.

Дворянские собрания, как правило, хранили документы о жизни и общественном статусе шляхты, сперва всей, а после 1844 г. лишь удачно прошедшей ревизию. В дворянские собрания обращались за свидетельством о рождении, о принадлежности к дворянству. Царское правительство включало членов собраний в комиссии по розыску участников Польского восстания, по разбору шляхты. Кроме того, собрания продолжали выполнять функции нотариальных контор, регистрируя все акты покупки и продажи земли, которые по обыкновению производились только в определенный период, когда вся губернская шляхта собиралась на контрактные ярмарки, развлекалась, гуляла, регистрируя заключенные сделки.

Кроме того, дворянские собрания назначали директоров средних учебных заведений, что было умело использовано царскими властями с целью вовлечения поляков в процесс русификации, поскольку обучение на польском языке уже не велось. Писатель Юзеф Игнацы Крашевский согласился поучаствовать в работе Волынского дворянского собрания в недолгую пору либерализации, в 1858 г.; позднее же, убедившись в реакционности шляхетской среды, отказался от каких-либо должностей. Тем не менее, как показал Л. Заштовт, осуществляемое дворянским собранием руководство в сфере образования имело огромное значение для постепенной интеграции польской элиты ⁶.

Роль дворянских собраний в качестве проводника царской политики проявилась прежде всего в возложенной на них обязанности информирования о министерских решениях. Все решения правительства доходили до поляков именно таким образом. Дворянские собрания сообщали о конфискации имений по политическим причинам, переселении однодворцев или всего лишь о дате начала учебного года в высших учебных заведениях столицы, открытии акушерской школы, важной для здоровья крестьян... Поскольку почти вся земля находилась в руках польских помещиков, то все касавшиеся крестьянства вопросы должны были проходить через дворянские собрания. Так, например, в 1841 г. уездным предводителям дворянства было поручено рекомендовать помещикам выделить по несколько крестьян от имения, чтобы научить их делать прививки против оспы. С помощью дворянских собраний правительство сообщало о проведении добровольных взносов для жертв стихийных бедствий. Иногда подобные бед-

ствия затрагивали и Украину, например пожар в Новограде-Волынском в 1839 г., однако по большей части такие несчастья случались в местах отдаленных, совершенно чужих для поляков: пожары в Кузнецке, Петропавловске и др. Можно представить себе, каким мог быть отклик на объявление 26 августа 1839 г. об открытии подписки на сбор средств на памятник в честь великого русского историка и известного полководца Карамзина в Симбирске⁷.

Безотлагательными были военные решения, о которых также должны были информировать предводители дворянства, это касалось, в частности, и напоминаний помещикам о необходимости представления рекрутов согласно установленной норме (как правило, шесть человек на тысячу душ; доставка рекрутов и их обмундирование возлагались на помещика). Во время Крымской войны было множество обращений об обеспечении войскам постоя, выделении пастбищ для лошадей; кроме того, помещиков призывали проявить щедрость и участвовать в благотворительности.

Во время поездок по губерниям с инспекцией гражданский губернатор общался лишь с информированными лицами, т.е. с предводителями дворянства. Они должны были сообщить о количестве жалоб как крестьян на помещиков, так и помещиков на непослушание и дерзкое поведение крепостных, — к примеру, об отказе обрабатывать барщину и т.п. О визите гражданского губернатора сообщалось в специально рассылавшемся циркуляре, который требовал заблаговременно подготовить необходимые данные о количестве населения, состоянии хозяйства и т.п.

Роль дворянских собраний была существенной и в сфере торговли, в особенности зерновой, что на Украине являлось почти монокультурой. Помещики получали от дворянских собраний сообщения о проведении торгов для обеспечения зерновых запасов в разных губерниях Российской империи. Начиная с 1839 г. дворянские собрания использовались для развития и популяризации производства сахарной свеклы. Через них распространялась подписка на издававшийся с 1821 г. в Москве «Земледельческий журнал», посвященный полеводству и производству сахара. В проспекте выражалась надежда на сотрудничество с предводителями дворянства, «которых Общество всегда признавало за главнейших своих сотрудников в общем деле распространения в России науки сельского хозяйства и полезных усовершенствований в разных частях земледельческой промышленности».

Следует также вспомнить и о сохранявшейся патриархальной миссии дворянских собраний, которые заботились о вдовах, сиротах, принимая на себя управление их имениями⁸. Хотя подобные обязанности не могли сами по себе вызывать энтузиазм, однако они давали определенную власть и не создавали ее иллюзию, сохраняя престиж прежних сеймиков. («Борзая без

хвоста, как шляхтич без титула...» — читаем в «Пане Тадеуше»). Как было показано в первой части, 20% помещиков, получивших право голоса (в 1840 г. таковых было 2703), серьезно относились к исполнению этих обязанностей. Остальные, лишенные такой чести, помещики относились к дворянским собраниям с пренебрежением. Один из современников отмечал: «В последнее время наименование кого-либо маршалком носит иронический характер, словно бы свидетельствует, что у такого человека много денег, а мало ума»⁹.

В действительности же в этом микромире велась лихорадочная борьба за доступ к почестям, которая становилась тем яростнее, чем больше дворян охватывала титуломания. «Что ни обыватель, так маршалок, председатель (хоть бы и межевого суда), депутат, судья, подсудок. И, упаси Господи, не назвать его по званию. На сто обывателей найдется 50 маршалков, половина из которых занимала эту должность лет двадцать тому назад, но не забыла об этом, т.к. на эту должность согласились лишь для того, чтобы звание получить. Так что каждая из дам если не графиня, то маршальша, или председательша, а что ни девица, то маршальская или хотя бы судейская дочь...»¹⁰

Лишь находившийся в эмиграции в Париже поляк мог трезво оценить подобную позицию: «Были времена, когда должность гражданскую хотели получить из любви к Речи Посполитой, а не из-за тщеславия, сегодня же шляхтич едет на выборы, чтобы поддержать своих судей, поскольку у него много дел, или чтобы занять должность для удовлетворения собственного или своей жены тщеславия, чтобы в письмах к нему обращались не иначе как “Ваше Превосходительство”, чтобы жену усаживали на первые места, а к сожалению, временами и для того, чтобы понравиться московским властям и за притеснение обывателей купить себе у царя камергерский ключ или какую-то другую дрянную безделушку. Шляхта чувствует, что плохо это очень, но ничего не меняет. Осуждают одних других, высмеивают остро и справедливо... а сами не исправляются...»¹¹

Как получение, так и стремление к почестям в атмосфере всеобщих антипольских репрессий привели к созданию идеологического вакуума вокруг этой группы польских помещиков, потакавших собственному самолюбию, действовавших исходя из вполне эгоистических интересов и защищавших свои привилегии. Согласно Бобровскому, предводителем дворянства можно было стать, имея красивую помещичью усадьбу с типично польским двором с неоклассическим фронтоном из шести колонн. Кроме того, чтобы часто принимать и угощать уездных избирателей, важно было иметь первоклассного повара. Наконец, для ведения текущих дел требовался хороший секретарь. Следовало также отличаться не интеллек-

том, а скорее особой гибкостью ума, поскольку избиратели требовали от так называемых защитников интересов дворянства благодарности и благосклонности¹².

Значение такой «клиентуры», которая создавала — в миниатюре — иллюзию жизни во времена шляхетской республики, отмечается многими авторами, которые в зависимости от собственных политических убеждений воспринимали существовавший порядок, как проявление измены или как милый сердцу пережиток. Заинтересованные же лица принимали происходящее близко к сердцу. Неслучайно лучший гимн о бывшей шляхетской чести XVIII в. был написан графом Хенриком Жевуским, волынским уездным предводителем дворянства в 1832—1836 гг. В воспоминаниях современников подобного рода слепота встречала добродушное понимание: «Проявит ли он себя как человек доступный и популярный, всякого ли пригласит к себе на обед или нет? В любое ли время можно к нему заглянуть, а в особенности будут ли у него в передней камердинеры и верзилы-лакеи, готовые известить хозяина о каждом прибывшем шляхтиче? Это крайне антигражданский обычай, от которого должны отказаться претенденты на получение должностей, поскольку известен мне один абсолютно благородный человек, который лишь потому не стал губернским маршалком, что, будучи человеком богатым и любящим изысканный стиль, одел нескольких своих лакеев в башмаки и укороченные красные штаны, выборной же шляхте взбрело в голову, что он этими красными штанами кичится, и она проголосовала против»¹³.

Этот мирок избранных и кандидатов на избрание становился все более сплоченным. А в соответствии с российским законодательством он превратился в важный винтик существовавшей системы административного управления.

Члены дворянских собраний, не чувствовавшие себя комфортно среди остальных помещиков, предпочитали собираться в главных уездных или губернских городах в своих клубах. Киевский клуб находился на самой красивой улице города, Крешатике, сюда съезжались члены клуба в соответствующей чиновничьей форме, отличавшей верных слуг империи: короткий темно-зеленого цвета мундир с воротничком-стойкой красного цвета и вышитыми в зависимости от ранга обшлагами¹⁴.

Мемуарист Т. Бобровский зачастую очень критичен в оценке этих людей. Наименее милостив он оказался к графу Хенрику Тышкевичу, который смог так долго руководить делами киевского дворянства благодаря умению идти на компромиссы. Он был удостоен всех возможных царских отличий, хотя уездные предводители дворянства (Л. Понятовский, В. Бутович, Е. Милевский, Д. Ячевский) не слишком от него отличались. Ме-

муарист прежде всего выступал против продолжавшего существовать положения, согласно которому наличие имения давало возможность заниматься делами дворянского сословия. Он подчеркивал, что в том случае, когда шляхтич выбирал себе профессию, становясь учителем или литератором, а в исключительных случаях даже врачом, он превращался в наймита, человека совершенно иного круга, поскольку, согласно царившему убеждению, тот, кто выбирал профессию, попадал в зависимость. Что уже говорить о простолюдинах, сетовал Бобровский, которые, по мнению многих, лишь с виду напоминали людей¹⁵.

Однако, согласно правительственным требованиям, выборные дворянские должности стали все чаще замещаться в зависимости от уровня образования кандидатов. Если в 30-х гг. XIX в. власти сквозь пальцы смотрели на избрание тех, чьей единственной заслугой было пребывание на какой-то должности до восстания 1830—1831 гг., то в 50-е гг. почти все избранные члены дворянских собраний были лицами, получившими образование в государственных учебных заведениях России. Бобровский приводит данные об образовании 72 членов дворянских комитетов об улучшении быта помещичьих крестьян в 1858 г. (по 24 в каждой из трех губерний)¹⁶. Как оказалось, многие учились в Киевском университете, часть закончили Петербургский, Харьковский, Дерптский университеты, а те, кто был старше, учились в свое время в заведениях, закрытых после 1831 г., а именно в Виленском и Варшавском университетах или в Кременецком лицее. Кое-кто учился в Одесском и Царскосельском лицеях. Самые молодые успели закончить гимназии в Нежине, Ровно и др. Надо сказать, что полученное образование не повлияло на их взгляды. Тем не менее данный факт свидетельствует об определенной эффективности интеграционной политики.

Далее мы постараемся проследить, как изменились отношения между представителями высшей шляхты и царскими властями на протяжении тридцати лет, что даст возможность увидеть, что произошло со знаменитым «шляхетским самоуправлением». В киевских архивах сохранились документы по губернским выборам, которые, несомненно, могут стать предметом отдельного исследования. Однако даже выборочное исследование дает возможность выделить круг основных проблем.

ПОСОБНИКИ РУСИФИКАЦИИ

Указ от 6 декабря 1831 г. призывал шляхту провести первые выборы после Польского восстания 1830—1831 гг. В нем были определены условия участия и внесены изменения в соответствующие законы, о чем уже

была речь. Вскоре оказалось, что польских помещиков с десятилетним стажем службы в административной области не так уж много. Это привело к тому, что предводители дворянства, как и до 1831 г., не стали придерживаться буквы закона при отборе дворян, допущенных к выборам, а царские власти, со своей стороны, по крайней мере в Волынской и Подольской губерниях, не стремились разъяснить возникшую ситуацию. В Подольской губернии Николай I, желая показать свою власть, не утвердил в должности предводителя избранного на выборах Яна Сулатицкого. По желанию царя предводителем стал Константин Пшездецкий.

В Киевской губернии все складывалось не столь гладко, поскольку здесь, в отличие от других губерний, проживало несколько русских помещиков, которые не только поддерживали царское правительство, но и доносили обо всех нарушениях в Петербург. Тайным информатором Министерства внутренних дел был Н. Гудим-Левкович, предводитель дворянства Васильковского уезда. 26 ноября 1832 г. он сообщил, что в Киевском, Махновском, Тарашинском и Звенигородском уездах среди голосовавших было много тех, кто не имел на это права, а некоторые лица голосовали по одной и той же баллотировке несколько раз. Х. Тышкевичу, как, впрочем, и генерал-губернатору В.В. Левашову, закрывавшим глаза на подобные махинации, пришлось дать ответ. Комитет западных губерний рассматривал объяснения Левашова 15 апреля 1833 г. Генерал-губернатор сообщил, что был вынужден разрешить голосовать всем, поскольку многие шляхтичи находились под тайным наблюдением полиции, — следовательно, поставить под сомнение их право участия в выборах означало бы признать, что они находились под подозрением. И все же в результате доноса Гудим-Левковича гражданский губернатор Г.С. Лашкарев объявил недействительным избрание 28 членов Киевского дворянского собрания. Тышкевич опротестовал это решение, заявив, что амнистия распространяется в том числе и на этих людей. Левашов в конечном итоге согласился с тем, что 16 человек могут остаться на выборной должности, т.к. их лишь подозревали в участии в восстании, а подобного подозрения, как он подчеркивал, полякам избежать практически невозможно. Он также добавил, что, согласно решению Комитета министров от 24 сентября 1829 г., полицейский надзор за шляхтичем не лишает его права голоса. Комитет согласился с этим мнением, однако Гудим-Левкович продолжал настаивать на своем. И на сей раз дело дошло до Николая I, который потребовал от Левашова дополнительных объяснений.

Возможно, что в связи с этим делом киевский генерал-губернатор попал в немилость, поскольку царь в вопросах, касавшихся дворянского статуса, шуток не любил. Комитет западных губерний принял решение не

отменять выборы, что было связано с тем, как сообщалось в журнале Комитета, что избранные уже были утверждены, а отмена решения могла бы привести к ослаблению авторитета власти в этом крае. Однако позже, 14 мая 1834 г., тот же Комитет вынес Левашову строгий выговор, отметив, что подобное серьезное отступление от закона возможно лишь с высочайшего разрешения.

В конечном итоге в избрании было отказано лишь трем дворянам, не имевшим ни чинов, ни послужного списка, а именно Ростишевскому, Цивинскому и Коморовичу. Дело, как видим, дошло до высших инстанций империи¹⁷. Этот небольшой скандал имел последствия более серьезные, чем можно было бы ожидать. Он помог сторонникам русификации получить перевес. Самым последовательным среди них оказался киевский гражданский губернатор Лашкарев, который в 1833 г. подал министру внутренних дел Д.Н. Блудову две характерные записки. Первая была посвящена вопросу об использовании российских помещиков, которые еще со времен Екатерины II владели землей в Киевской губернии: «Хотя русское в сей губернии дворянство довольно многочисленное и подкрепляется чиновниками для короны служащими, кои большей частью Малороссияне, но из помещиков иные не живут в губернии или состоят на службе, а другие, отделяясь от всякого сообщества с Поляками, не принимают участия ни в каких делах...» Лашкарев сожалел, что на последних выборах русских помещиков было немного и что они внесенные в родословные книги великорусских губерний. Он считал, что «преимущество истинно русских голосов, как на выборах, так и в других совещаниях дворянства, необходимо, дабы тем ослабить важность польских в глазах их собратий и чиновников, и, может быть, и самого местного начальства». С этой целью он предложил записать всех без исключения русских помещиков, даже тех, которые здесь не проживали, в родословные книги Киевской губернии, чтобы они могли передавать свой голос, если не смогут принять участия в голосовании, а также дать распоряжение местным властям — «благоразумными негласными мерами усиливать влияние Русских дворян так, чтобы преимущество голосов всегда было на их стороне». Эти меры, по мнению гражданского губернатора, следовало принять тайно, без огласки, и представить их как возможность обратиться с соответствующим прошением на имя императора¹⁸.

Для поддержки этой идеи исправников попросили выслать информацию о состоянии имений русских помещиков в Киевской губернии. Из полученных 5 июня 1833 г. данных следует, что большинство (79 из 122 помещиков) уже были включены в списки местного дворянства. Из 43 невенсенных 31 проживал на территории губернии, а 12 — в других местах. Состояние их имений было следующим:

Количество крепостных	Количество помещиков
меньше 50	11
от 50 до 100	12
от 100 до 500	55
от 500 до 1000	26
от 1000 до 1500	3
от 1500 до 2000	4
больше 2000	11

В последней категории особенно выделялись владения Воронцовых (10 526 крепостных), министра финансов Е.Ф. Канкрин (10 567 крепостных), Лопухиных: Павла (8257 крепостных), Петра (4234 крепостных) и Екатерины Лопухиной (4714 крепостных), а также семьи Энгельгардт (3872 крепостных).

Таким образом, право голоса на дворянских собраниях имели 99 русских помещиков, но не все этим правом пользовались. Левашов отмечал, что трое из них были все-таки избраны уездными предводителями. Однако Николаю I этого было мало. 9 октября 1833 г. Комитет западных губерний одобрил представленные Лашкаревым предложения. Комитет поддержал идею призвать всех русских дворян зарегистрироваться в губернии, но отклонил предложение добиться любой ценой преимущества русских помещиков на губернских собраниях. По итогам заседания было заявлено: «Киевскому военному губернатору объявлено для представления его соображений, что, по мнению Его Величества, полезно было бы убедить Русских дворян, имеющих поместья в Киевской губернии, записываться там в родословную книгу, участвовать в выборах... посредством чего дворянские собрания не будут составляемы исключительно из Поляков и чиновники из Русских легче могут быть избираемы». В свою очередь, подготовленная Министерством внутренних дел справка от 21 ноября 1833 г. показала, насколько важно было оставаться реалистами при решении этого вопроса: польская шляхта Киевской губернии с правом голоса в 4,5 раза превышала число русских дворян, а географически шляхта, имевшая более 100 душ, распределялась следующим образом:

Уезды	Помещики
Киевский	33
Васильковский	7
Сквирский	56
Богуславский	35
Таращинский	52
Махновский	54

Липовецкий	55
Уманский	56
Звенигородский	19
Черкасский	9
Чигиринский	27
Радомышльский	30
Итого:	433

Еще не настало то время, когда русские могли составлять большинство даже в той из трех губерний, где они наиболее прочно укрепились. Тем не менее решение было принято, и после соответствующего обращения гражданского губернатора 19 февраля 1834 г. русские помещики дали обещание записаться в родословные книги Киевской губернии¹⁹. В третьей части нам предстоит убедиться в том, что тенденция к численному перевесу русских помещиков после 1863 г. получит более убедительный характер.

Лашкареву хотелось принять дальнейшие меры по ограничению роли дворянских собраний, которые, по его мнению, было сложно контролировать особенно на уездном уровне. К тому же четыре населенных пункта, являвшиеся уездными центрами, находились в частной собственности польских помещиков, — Липовец, Махновка, Умань и Богуслав. В своем втором отчете гражданский губернатор предложил перенести центры уездов: вместо Махновки сделать уездным центром Белиловку (городок, который незадолго до этого был конфискован у Хермана Потоцкого за участие в восстании 1830—1831 гг.); вместо небольшого местечка Липовца предлагалось выбрать Липцы, которые пожизненно принадлежали отцу Романа Сангушко, однако должны были отойти в казну после его смерти, поскольку Роман принимал участие в Польском восстании. Умань предлагалось сохранить в статусе уездного центра, поскольку городок был конфискован у Потоцкого; вместо Богуслава более удобным представлялся Канев. Однако Комитет западных губерний испугался столь резких мер и заявил, что целью является «постепенное слияние западного края с коренной Россией, не подавая новой пищи неприязни к нам польского населения». После чего следовал перечень сделанных в этом направлении шагов — как на Украине, так и в Литве: введение русского языка во всех присутственных местах; закрытие крупных польских учебных центров — Виленского университета и Кременецкого лицея; закрытие или русификация католических школ; надзор за деятельностью католической церкви и конфискация «лишних» монастырей; конфискация частных земель; поддержка православного духовенства и семинарий. Все это пока было признано достаточным, а предложенные Лашкаревым меры могли лишь способствовать еще большему противопоставлению поляков и русских²⁰.

В период, когда Левашов находился во главе трех губерний, наметились ограничения автономии дворянских собраний. Связано это было с кампанией, развернутой против Овруцкого уездного дворянского собрания и его предводителя Малаховского. В начале 1834 г. последний счел возможным подать на имя императора прошение в защиту шляхтича Байковского. Этот помещик входил в состав совета повстанцев в Овруче в 1831 г., где играл достаточно заметную роль. Его, в частности, обвиняли в том, что он, вооружив 15 крепостных топорами, косами и кремневыми ружьями, заставил их вступить в ряды повстанцев. За это он отсидел три месяца в крепости, после чего был помилован царем. Однако, как следовало из отчета министра внутренних дел Комитету западных губерний, поскольку «Байковский оказывался вредным для тамошнего края, то граф Левашов почел за нужное удалить его на временное жительство в Вятку. Его Величество распоряжение сие изволил утвердить с тем, чтобы Байковский оставался в Вятке на постоянное жительство». Однако в 1833 г. Левашов, вопреки логике, просил его вернуть, чтобы стереть следы прошлого и успокоить местное общество. Николай I посчитал это мерой преждевременной. Ввиду противоречивости решений дворянское собрание надеялось, что ссыльного вернут. Однако на его примере Николай решил дать понять полякам, что миловать дано лишь царским властям, а не смельчакам, вступающим за ссыльного. В своем отчете Левашов перечислил всех, кто подписал прошение. По его мнению, они вместо того, чтобы с покорностью отнестись к царскому решению, выказали «явную строптивость», опередив изъявление воли царя, а кроме того, их прошение содержало «дерзкие отзвы на местное начальство». Он добивался освобождения этих дворян от исполнения обязанностей и лишения их права голоса. Комитет, в свою очередь, предложил лишь «сурово наказать» этих людей. Несмотря на это, данный случай является симптоматичным для существовавшей атмосферы недоверия и страха в отношениях между дворянскими собраниями и правительством²¹.

В условиях постоянного давления со стороны властей крохотный мир дворянских собраний видел возможность уцелеть лишь в повиновении сильному, а потому шляхта в большинстве своем принимала правила игры, становясь послушными агентами Министерства внутренних дел, чему свидетельством уже сама почтовая бумага, на которой в левом углу находилось сокращение «М.В.Д.» с названием соответствующего уезда.

Выборы 1835 г. проходили под контролем местных судов, утверждавших списки избирателей и кандидатов. В Киеве же Х. Тышкевич, не моргнув глазом, разослал приказ, в котором сообщалось, что «Его Императорское Величество 16 день прошедшего июля Высочайше повелеть соизволил никого из участвовавших в мятеже, нигде не допускать к выборам». По-

скольку ошибки и отмена результатов выборов еще случались²², то выборы 1838 г. проходили в атмосфере еще большей тревоги и страха. Гражданские губернаторы усиленно напоминали предводителям о бдительном отношении, а те, зная, что результаты выборов всегда утверждаются властями, санкционировавшими их, сами отсеивали «подозрительных лиц». 28 апреля 1838 г. граф Тышкевич просил своих коллег внимательно придерживаться полученных директив²³.

Лашкарев, на тот момент уже переведенный на должность гражданского губернатора в Подольскую губернию, а позднее ставший сенатором, постоянно стремился ослабить влияние польского дворянства в своей губернии и увеличить количество русских чиновников. В марте 1838 г. он предложил Комитету западных губерний увеличить жалованье и предоставить льготы прибывающим в его губернию русским добровольцам. Однако он немного поторопился. 12 декабря 1838 г. Комитет еще не одобрил подобных отклонений от общего порядка чинопроизводства и назначений и подчеркнул, что замещение должностей в дворянских органах самоуправления находится в ведении дворянских собраний²⁴.

РОССИЙСКОЕ ПРАВО И ОСОБЫЕ ПРАВИЛА

Бибиков, занявшийся после Лашкарева этим вопросом, смог добиться гораздо большего. Выше уже говорилось о его мерах по крестьянскому вопросу, а также об эффективности проводимой им ревизии титулов. С той же энергией неутомимый и вездесущий генерал-губернатор взялся за дело ослабления роли дворянских собраний.

Спустя несколько месяцев после отклонения просьбы Лашкарева Бибиков послал уже упоминавшуюся тайную записку (февраль 1839 г.) с тем же требованием и получил согласие. Принятию этого решения способствовал, конечно, страх перед «заговором» Ш. Конарского. Члены Комитета позволили себя убедить в том, что отныне генерал-губернатор и гражданские губернаторы должны с помощью всевозможных льгот привлекать русских на службу в административные органы. Комитет добавлял, что на должности можно было принимать как уроженцев губернии (речь шла о малороссах, но среди каких социальных слоев их следовало искать? Вероятно, этим предложением смогли воспользоваться дети священнослужителей), так и великороссов, «не давая одним перед другими видимого и оскорбительного предпочтения». В этих губерниях, в виде исключения, разрешалось продвижение по службе даже с правом перехода в высшие, чем разрешалось по должности, ранги. Губернаторам была выделена особая сумма в 50 тыс. рублей серебром (утвержденная царем 8 мая 1839 г.) для выдачи дополнительных вознаграждений, отчет по выплатам должен

был быть направлен в Министерство внутренних дел. Стоит задуматься над сутью этих вознаграждений, предназначенных, скорее всего, для нужд тайной полиции, агентами которой кишмя кишел весь край. В записке Бибииков выражал сожаление в связи со слабостью полиции и низкими вознаграждениями, не способствующими привлечению кадров в столь беспокойный край. Он писал, что нужна активная и верная полиция, поскольку, не располагая достаточными средствами, губернские власти не могут уследить за всем, что происходит. Он подчеркивал, что необходимо, чтобы российские чиновники высокого ранга, преодолев предубеждение против этих «польских губерний», соглашались на службу на более длительный срок, поскольку поляки используют существующее положение дел, распространяя идеи о том, «что у нас нет ничего постоянного»²⁵.

Царским властям не пришлось долго ждать результатов вводимых льгот. Именно русский, хорошо осведомленный о переменах в этом регионе, писал: «В результате этого обращения произошло следующее: губернию заполонила волна чиновничьего отребья и всякого рода сброда, в первую очередь отставных и умиравших с голоду военных, которые как шакалы вынюхивали добычу»²⁶.

Комитет западных губерний не согласился с Бибииковым лишь по одному пункту. Впрочем, Бибииков никого не торопил. Он подавал идеи и знал, что Николай I признает их правильность. В данном случае дело было серьезным, и требовалось время, чтобы генерал-губернатор смог подготовить почву для позитивного решения. Речь шла о полной реформе права в этих губерниях, где в юридической и судебной практике широко использовалось давнее право Речи Посполитой, в частности Третий Литовский статут 1588 года. В связи с этой реформой Бибииков мечтал свести на нет шляхетский суд, основанный на принципах выборности, но именно в этом он не получил поддержки Комитета. В связи с этим он подготовил по каждому уезду доказательство имевших место злоупотреблений, чтобы заменить поляков назначенными из центра судьями, поскольку, как он писал, «при нынешнем напряжении умов в западном крае [эта служба] чрезвычайно важна, потому что нижняя степень судебной расправы дает направление делам и упущения трудно уже исправить при ревизии»²⁷.

Атмосфера 1839—1840 гг. была чрезвычайно тяжелой. К представителям дворянских собраний, невзирая на привилегии, относились с таким же подозрением, как и к помещикам, лишенным права голоса. Некоторые, пользуясь тем, что их должность соответствовала уровню государственного чиновника в Российской империи, пытались устроиться в Царстве Польском, где, несмотря на примерно те же, что и в самой империи, законы, поляки чувствовали себя гораздо лучше. Однако в 1840 г. И.Ф. Паскевич, наместник Царства Польского, проинформировал Бибиикова о

введении запрета на такие переводы — если им захотелось смены пейзажа, то пусть едут служить во внутренние губернии империи!²⁸ По этой логике, следовало исключить внешние контакты, чтобы превратить выборную шляхту в послушных слуг царской власти. Под пристальным контролем находилась и переписка — было замечено, что сторонники Ш. Конарского поддерживают связи за границей, в том числе с поляками в Париже. В связи с этим 31 октября 1833 г. была запрещена переписка с политическими эмигрантами. Цензура и жандармы А.Х. Бенкендорфа продолжили слежку. В этой связи последний докладывал Комитету западных губерний, что предводитель дворянства Ольгопольского уезда Пролевич получил в октябре 1837 г. два письма от эмигранта Мошинского; в октябре 1838 г. от того же Мошинского получил два письма В. Карвицкий из Подольской губернии, а также княгиня Четвертинская, дочь эмигранта Нарциза Олизара. В связи с этим жандармов призвали усилить бдительность при перлюстрации заграничной корреспонденции²⁹.

С целью поддержания атмосферы страха царские гражданские власти постоянно вмешивались в деятельность дворянских собраний. Их задача состояла в том, чтобы каждый избранный шляхтич осознал, что является всего лишь винтиком большой административной машины и что воспоминания о былой шляхетской автономии — это дела прошедших лет. 10 июля 1839 г. Бибиков разослал предводителям трех губерний предостережения относительно тех, кто избран на дворянские должности и кто не исполняет своих обязанностей с надлежащим рвением, надолго покидая место службы и т.п. В ответ все три предводителя покорно доложили, что обратились к своим товарищам с просьбой исполнять возложенные на них обязанности и соответствовать отданным за них голосам избирателей³⁰. Однако подобная манера властей напоминать польской шляхте о ее обязанностях задевала ее чувство гордости, чего, впрочем, она и не скрывала. Когда гражданские власти позволили себе отозвать Кшижановского, избранного на дворянском собрании Киевской губернии, его товарищи отказались собраться вновь для избрания его преемника. Х. Тышкевич вынудил участников дворянского собрания подписать бумаги о его созыве 3 августа 1839 г. И хотя их подписало 30 человек, никто из них не явился на заседание. Он вновь назначил открытие заседания на 21 августа. Результат был тем же. Очередной датой стало 20 октября. Гражданский губернатор был в гневе. Однако и в этот раз никто не появился, следующее собрание было назначено на 11 декабря³¹.

Однако все эти игры не могли спасти польскую выборную шляхту от положения, при котором она окончательно потеряла лицо. Бибиков дорабатывал правовую реформу в присоединенных губерниях.

16 августа 1832 г. Левашов сообщил нижестоящим инстанциям, что «решения по делам уголовным и следственным в возвращенных от Польши губерниях» могут основываться «на Литовском Статуте и польских конституциях в тех только случаях, где российские узаконения окажутся действительно, недостаточными к разрешению представившегося обстоятельства»³². Но уже в 1839 г. такая правовая аномалия представлялась властям нетерпимой. Как всегда в сложных случаях, Николай I обязал Комитет западных губерний рассмотреть две «анонимных записки» с требованием унификации права в Российской империи. В них указывалось, что Литовский статут в особенности вреден, поскольку до этого времени продолжал действовать на Левобережной Украине, хотя эти земли, называемые Малороссией, не были польскими с 1686 г.³³

В ожидании окончательного решения о проведении реформы Бибииков нанес два ощутимых удара — 9 декабря 1839 г. и в апреле 1840 г. Сначала он склонил Комитет западных губерний к решению о том, «чтобы в стряпчие и секретари уездных судов определяемы были преимущественно уроженцы Великороссийских губерний».

Что касалось должности судьи, то члены Комитета, хотя и со многими оговорками, согласились на назначение русских, понимая, какой тем самым удар нанесут полякам. Они отметили, что необходимо разрешить генерал-губернаторам «в виде исключения из общего постановления, в тех случаях без сомнения весьма редких, когда по особенно уважительным причинам, все кандидаты в должности судей или заседателей уездных судов будут ими признаны явно неблагонадежными, к занятию таковых должностей представить других дворян или чиновников от Короны».

Какое дело было Бибиикову до угрызений Петербурга? Он дождался своего документа и начал действовать. На заседаниях Комитета 3, 20 и 23 апреля 1840 г. он добился решения, согласно которому судьями в качестве эксперимента повсюду начиная с ближайших выборов 1841 г. должны были назначаться русские³⁴.

Как же это было далеко от «милого беспорядка» давнего шляхетского судопроизводства, об упадке которого горевал Хенрик Жевуский в «Воспоминаниях Соплицы»: «Чтобы быть юристом, нужно быть гражданином [шляхтичем. — Д.Б.]. Вот почему у нас почти каждый гражданин был юристом, согласившись на полюбовное решение спора, хотя б даже он никогда в школе не учился (*nigdy w palestrze nie byl*), никого не просил, чтобы ему написали условия соглашения для утверждения в суде. А кто был истинным гражданином, то не ограничивался тем, что владел землей, но и имел веру, увлечения, гражданские помыслы и поэтому был юристом, а иногда и законодателем, потому что такому Господь Бог в такой склонности не отказал»³⁵.

Бибиков наконец получил долгожданный указ «О распространении вполне силы и действия Российских гражданских законов на все западные, возвращенные от Польши области», подписанный 25 июня 1840 г. Николаем I в его летней резиденции в Петергофе. 4 сентября 1840 г. гражданские губернаторы получили печатный текст указа; в предисловии объяснялось, что его цель — «охранять безопасность и собственность верных наших подданных» и унифицировать право посредством распространения российских законов «на сии издревле Русские по происхождению, нравам и навыкам их жителей области».

Литовский статут был немедленно и успешно заменен российским законодательством. Указ, содержащий 9 статей, регулировал все земельные сделки, принцип наследования и раздела земельных владений по российскому образцу. Использование русского языка, обязательное до этого времени в сношениях с администрацией, стало обязательным для поляков и в прениях дворянских собраний, и в родословных книгах; на перевод всей необходимой документации отводилось два года. Были отменены межевые суды, с этого времени обязательными стали российские межевые законы³⁶. На заседании 30 июля Комитет западных губерний занимался рассылкой запечатанного в конверты указа: все получатели должны были раскрыть его в один день и в одно и то же время. Бибиков в очередной раз уточнял, что согласно новым правилам все судьи уездных судов — русские и поляки, а также шляхтичи, управлявшие находившимися под опекой имениями, становились государственными служащими и с этого времени не должны были получать вознаграждения из фондов дворянских собраний. В отчете за 1840 г. он ставит себе в заслугу то, что среди актов дворянских собраний были выявлены, конфискованы и уничтожены документы на польском языке³⁷.

По мнению Бибикова, этой реформе и серьезному ограничению польского влияния в администрации еще недоставало точного определения сути русификации. Известно, что он опасался слишком частой смены гражданских губернаторов в трех губерниях. Вот почему он вновь обратился в Комитет западных губерний и к самому царю с просьбой подробно разработать в письменной форме идеологические принципы, которыми бы мог руководствоваться каждый вновь назначенный губернатор. Речь шла о распоряжении за подписью царя, которое определяло бы задачи всех российских чиновников, а его, Бибикова, возводило бы в ранг своего рода наместника этих губерний. 20 августа 1840 г. Комитет рассмотрел представленный проект. Члены Комитета сочли, что власть генерал-губернатора будет «слишком неограниченна», а потому полезней будет разработать более эластичный подход, чем принимать библию по руси-

фикации. Однако было известно, что и эта идея, как и другие замыслы Дмитрия Гавриловича, нравится царю. С.Г. Строганов постарался несколько смягчить требования киевского наместника. Тем не менее 13 сентября 1840 г. он разослал гражданским губернаторам тайное императорское распоряжение.

Текст этого распоряжения был написан от первого лица. Однако от начала до конца чувствуется, что пером Николая водил Бибиков. В документе говорилось о том, что Бибиков поручил гражданским губернаторам управление крупнейшими и самыми густонаселенными губерниями Российской империи, и в связи с этим излагались принципы, которых губернаторы должны были придерживаться. Обратимся к тексту: «Отторгнутые в продолжении многих столетий от единственной и единокровной им России губернии Киевская, Волынская и Подольская, и по возвращении в родную семью коренных областей русских не могли тогда же освободиться от всех последствий иноземного владычества. Происшествия 1831 г. подали новую пищу несбыточным надеждам, хотя сии покушения по благодати Всевышнего подавлены в самом начале. Но поскольку брожение умов все продолжается, то, не довольствуясь порядком и спокойствием, поддерживаемыми внешней силой, Я твердо в мысли моей положил обеспечить оные нравственным направлением тамошнего населения, восстановив утраченную действием времени и ухищрениями западного преобладания привязанность оного к коренной России и уничтожить всякую мысль об отдельной под тем или другим наименованием политической самостоятельности сего края».

Как следствие, на гражданских губернаторов возлагалась двойная обязанность: четко придерживаться законов, способствовать распространению «русской народности и уничтожения всякого иноземного направления». Поскольку «иноземное направление может проявляться не только в покушениях к нарушению установленного порядка, неблагонамеренными действиями и внушениями, но и в обыкновенных гражданских отношениях, как скоро в них выражается стремление к ослаблению русских начал и русской народности, или неуважение и противоборство предпринимаемым для возвышения их мерам».

В последнее время, говорилось далее, с этой целью был принят ряд законов, которых необходимо точно придерживаться. Далее император обращался к гражданским губернаторам с призывом сообщать обо всем, что может казаться достойным внимания, и о принятых мерах, поскольку общество находится в постоянном развитии. Заключение гласило: «Я приму с удовольствием всякое полезное предложение Ваше, ибо дотоле не престану действовать в исполнении изъясненных видов Моих, пока вве-

ренные Вам губернии не сольются с остальными частями Империи в одно тело, в одну душу»³⁸.

Текст распоряжения, несомненно стоящий того, чтобы его пространно процитировать, показывает прежде всего, как со времен Екатерины II и Карамзина окрепла на уровне царской власти и чиновничьего понимания теория о единстве империи. Он также показывает тщету любого возможного противодействия представителей польской шляхты. Она, несомненно, крайне болезненно относилась к потере своих исключительных судебных прав. В этой связи представители Подольской губернии осмелились, воспользовавшись выборами в сентябре 1841 г., обратиться к царю с адресом, что было разрешено российским законодательством. 2 мая 1842 г. Комитет западных губерний рассмотрел это обращение в присутствии Бибикова. Подольский предводитель дворянства в более чем уважительной форме обращал внимание на то, что эксперимент по назначению русских на должности судей и управляющих поместьями, находящимися под опекой, оказался не очень удачным, поскольку забота о сиротах требует присутствия близких им лиц. В ответ Бибиков сообщил, что такое назначение производится на срок действия судебных мандатов, т.е. на 6 лет (!?), вследствие чего просьба не могла быть рассмотрена с точки зрения права. Он подчеркивал, что польское дворянство, подав жалобу, совершило большую ошибку, поскольку новоприбывшие чиновники работали лучше, чем их постоянно отсутствующие на местах предшественники. С этого времени, по его мнению, все должно было стать намного лучше, т.к. опека над сиротами благодаря беспристрастным и независимым от семей судьям улучшится. Что касается назначения судей из русских, то таковые представлялись Бибикову просто незаменимыми в то время, когда повсеместно вводилось российское право: «Представить во власть Поляков только что восстающее и учреждающееся правильное судопроизводство было бы то же самое, что совратить оное на прежний путь беззаконья и неизбежных злоупотреблений». Он только не уточнял, откуда можно было взять столько судей и сколько их в действительности уже нашлось.

В том же самом адресе Подольское дворянское собрание осмелилось поднять также вопрос о расширении круга избирателей, ограниченного до нескольких сотен помещиков. Собрание ссылалось на августовский указ 1840 г. о помиловании целого ряда лиц, осужденных за участие в восстании 1831 г. Однако Бибиков считал, что им еще слишком рано возвращать гражданские права, тем более что одна из статей указа, имевших конфиденциальный характер, предусматривала необходимость тайного полицейского надзора за этими лицами. Кроме того, по его мнению, им нельзя было доверять по причине общего позитивного отношения в крае к прежним повстанцам. Поэтому не могло быть и речи о том, чтобы допустить этих людей к выборам или к каким-то дворянским должностям. Об этой

дискуссии подольская шляхта, конечно, так никогда и не узнала. Решение комитета звучало просто: «оставить без удовлетворения»³⁹.

Через год, 6 февраля 1843 г., пришел черед Волынского дворянского собрания обратиться с ходатайством, на этот раз к Бибикову, который отправлялся в столицу. В нем в чрезвычайно почтительной форме ставился вопрос об условиях избрания на дворянские должности. Это было сделано весьма умело, со ссылкой на распространение российского законодательства на Западный край, высказывалось удивление по поводу существования особых правил для прежних польских губерний. Волынский предводитель отмечал, что во всей империи каждый дворянин принимает участие в выборах в своем уезде, тогда как в западных губерниях необходимо иметь десятилетний стаж государственной службы или два трехлетних мандата о пребывании на дворянских должностях. Это лишало часть шляхтичей, «кои способностями своими и усердием к службе вполне оправдали бы доверие дворян и Правительства», но «по несоединению требуемых условий для службы по выборам лишаются преимущества быть полезными на поприще службы, без надежды когда-либо приобрести иное, ибо лета их, домашние дела и прочие обстоятельства не позволяют уже возобновлять им службу гражданскую или военную...». В связи с чем предводитель дворянства «покорнейше» просил распространить российское законодательство и отменить особые требования к западным губерниям. Он добавлял, что согласно этим принципам дворянство должно иметь возможность само выбирать своих судей⁴⁰. Обращение осталось без ответа.

И речи не могло быть об отказе от однажды принятых решений, свидетельством чему донесение министра юстиции от 18 апреля 1844 г. Комитету западных губерний о необходимости и в дальнейшем оставить за Бибиковым право заменять русскими коронных чиновников уездных судов в случае их неоправданного отсутствия или неблагонадежности. Бибиков подчеркивал благотворное влияние, которое оказывает на поляков, которых оставили на выборных должностях, царящее среди них чувство страха, и на эффективность работы российских чиновников. Никто уже не вспоминал об «экспериментальном» характере внедренных изменений: генерал-губернатор просил, чтобы дворянские собрания выбирали судей и судебных чиновников лишь там, где еще нет присланных русских. Сделанного изменить уже было невозможно, министр юстиции считал, что «положение Западного Края требует еще особенного, постоянного и бдительного надзора местного начальства». Он выражал радость еще и по поводу того, что присланные русские чиновники остались на местах, и простодушно добавлял, что это освобождает от необходимости заниматься увольнением неблагонадежных поляков, — ведь это могло бы вызвать излишнее недовольство, тем более что зачастую причины того или иного увольнения должны были сохраняться в тайне⁴¹.

Дворянские собрания, постоянно третируемые, испытывающие на себе давление властей, урезанные в своих полномочиях, существовали лишь для вида и престижа. Но даже в этой небольшой группе допущенных к выборам росло чувство отвращения, и подобное охлаждение тревожило власти, которым было все-таки нужно и псевдосогласие, и псевдосотрудничество с польскими помещиками. Перед выборами 1844 г.⁴² уездные предводители дворянства получили от Сената напоминание о том, что дворянские выборы являются публичной обязанностью каждого, кто имеет на то право. При этом давалась рекомендация штрафовать или даже временно исключать из списка избирателей тех, кто не будет иметь достаточных оснований для неявки. Последнее очень тревожило Николая I, который грозился навсегда исключить отсутствующих из списка. Следует добавить, что 10 октября 1844 г. предводителей дворянства обязали напоминать, что устные выступления дворян на общих собраниях по случаю выборов, а также дискуссии должны вестись только на русском языке. Нетрудно догадаться, что такого рода распоряжение окончательно отбило охоту участвовать в выборах.

Даже на примере анализа хода голосования хотя бы в одном уезде можно убедиться, что предостережения Сената не имели большого значения. В Киевском уезде, где предводителем был двадцатипятилетний русский по происхождению дворянин Бутович, в списке избирателей насчитывалось 79 человек, представлявших лишь 46 семей, т.е. среди избирателей были отцы, сыновья, братья и даже матери, дочери, сестры. К выборам было допущено 19 женщин, которые имели по сто душ. Из 79 человек проголосовало только 46, в том числе 11 по доверенности, т.е. фактически на выборы явилось 35 человек. При этом Бибииков не утвердил избранного ими предводителя Злотницкого, а поддержал Бутовича⁴³.

Все поляки, избранные судьями, которым генерал-губернатор позволил занять должность, отныне обязывались подписывать присягу, текст которой в витиеватой форме требовал послушания. Они должны были присягать перед Богом на верность царю Николаю I и его преемнику цесаревичу Александру, служить отечеству до последней капли крови, уважать российские законы, защищать интересы короны и быть готовыми сделать все ради уничтожения того, что могло бы ей навредить⁴⁴.

ВЫСОКОМЕРНЫЕ У СЕБЯ В УЕЗДЕ И ПОКОРНЫЕ ПЕРЕД ЛИЦОМ ВЛАСТЕЙ

Шляхетское сообщество вместо того, чтобы поддержать официальную игру, еще больше замыкалось в себе, лишь насмехаясь над теми немногими, кто принимал условия царских властей. Либералы, такие как Крашев-

ский, высмеивали их тщеславие, а консерваторы, как Жевуский, обвиняли их в осквернении исконных ценностей Речи Посполитой.

В одном из романов Крашевский иронизирует над уездным предводителем дворянства, который «не пропускает ... ни одних именин самых значительных в губернии лиц, ни одного бала в городе, бывает на всех торжественных приемах, несколько раз в год ездит с поздравлениями к тем, кто получил звания и кресты, одним словом, старается, чтобы о нем были лучшего мнения, чтобы понравиться шляхте своей популярностью и склонить ее к голосованию за себя...»⁴⁵.

Х. Жевуский был более едок в оценке, как и пристало аристократу, испытывавшему досаду при виде нравственного падения равных себе. В главе, посвященной ходу выборов, в публицистическом сочинении «Нравоописательная смесь» он, описывая упадок Речи Посполитой, сравнивает время выборов с античными сатурналиями, когда рабы могли безнаказанно позволить себе любые выходки, однако затем вновь возвращались к своим всевластным хозяевам.

«Нигде лучше не могло бы проявиться полное уважение к достоинству дворянина, но нигде настолько смешно и подло не проявляется болезненность духа и деморализация общества», — писал Жевуский в 1841 г. Представляется, что он был прав, когда указывал на то, что на выборы идут лишь люди ограниченные, стремящиеся к общему признанию. Наиболее же толковые сторонятся участия в этой притворной игре, осознавая бесплодность такого рода институтов власти. Он обращал внимание на то, что в конечном итоге крайне редко возникали дела, в связи с которыми возникала необходимость обратиться к судьям. Прежде всего это касалось дел о жестоком отношении к крепостным. Зачем же было впутываться в процесс выбора судей, когда и так было известно, как указывал Жевуский, что при необходимости их всегда можно подкупить? Он, подобно многим другим, с безмерным пренебрежением относился к тем шляхтичам, которые каждые три года призывали одну и ту же группку зависимых от них людей на помощь: «...с такими помощниками можно было оставаться *passive*, лишь приглашать к себе, вести беседы, сердечно обниматься; и уже тогда на обедах, благодаря за любезное гостеприимство, они один за другим, искренним образом или нет, начинали предлагать занять должность...»

Несмотря на то что это мероприятие потеряло какой бы то ни было смысл, оно создавало у шляхты иллюзию участия в сеймиках XVIII в. Некоторые консерваторы настолько серьезно относились к этой процедуре (следует помнить, что эти комедии из прошлого века разыгрывались тогда, когда Европа готовилась к 1848 году), что для них это становилось вопросом жизни или смерти: «Нужно пройти через град шаров, — писал Жевуский о голосовании (производившемся шарами), — которые, хотя и не

свинцовые, как пули, но могут привести к увечьям. А недавно в одной губернии один честный гражданин, которого забросали черными шарами, покончил с собой». Подобное странное понимание чести было тем более неуместно в положении, когда все на этих собраниях было пропитано фальшью, начиная с инаугурационной литургии и заканчивая сопутствующим всей процедуре унижением: «О, мой Спаситель! Как же злоупотребляют Твоим милосердным терпением; как же Тебя распинают. Еще не стихли в стенах храма слова их торжественной присяги, как уже в самом храме собравшиеся начинают ходатайствовать, клеветать, интриговать...»⁴⁶

Некоторые представители польского дворянства, смирившиеся с существовавшим положением дел, отказавшиеся от идеи восстановления национальной автономии, были готовы признать, что правовая реформа была необходимой и логичной мерой в государстве, заботящемся о нормальной работе институтов власти. Естественно, Тадеуша Бобровского возмущало то, что Бибиков, далекий от желания придерживаться рекомендаций из Петербурга о сохранении осторожности, вынудил председателей судов в Волынской и Киевской губерниях Малаховского и Трипольского подать в отставку и заменил их русскими чиновниками. Он с горечью указывал, что подобным образом до 1852 г. была заменена половина польских судей. Однако он признавал, что введение российского законодательства положило конец мании межевых споров, наследственных таяжб и т.п., являвшихся бичом старой системы. Превратившись в государственных чиновников, судьи перестали быть финансово зависимыми от дворянских собраний. В свою очередь, помещики, как подчеркивает Бобровский, испытывавшие отвращение к проведению подобной русификации правосудия, старались не затевать склок между собой, находя альтернативные средства к примирению, дающие возможность решать дела между собой, избегая многих правонарушений⁴⁷. В итоге представители польского дворянства, по доброй ли воле или под нажимом, достигли такого уровня сотрудничества, что даже сам Бибиков был вынужден признать возможность ослабления оказываемого на них давления. Власти заметили, что внезапное уменьшение количества голосовавших привело к тому, что их число примерно сравнялось с числом избираемых. Таким образом, закон от 12 октября 1835 г., требовавший долголетнего стажа службы для получения права быть избранным, стал обузой. В начале 1845 г. генерал-губернатор в конфиденциальной форме сообщил министру внутренних дел, что дворянские выборы в Подольской губернии в 1844 г. прошли спокойно — по его мнению, «сие следует отнести к Подольскому дворянству, желающему, по-видимому, чтобы прежние его проступки были Правительством забыты». Он просил царя проявить милосердие, отменив все ограничения на избрание кандидатов, как это было уже сделано в Киевской губернии⁴⁸.

Он не стал добавлять, что сложнее всего было найти польских дворян, желавших служить на благо империи. Впрочем, в скором времени эта проблема встанет во весь рост, вызвав новую волну принудительных мер, о чем еще пойдет речь в следующей главе.

Пока же 21 октября 1847 г. в ответ на просьбу Бибикова министр внутренних дел снял ограничения на избрание кандидатов в Волынской губернии, наложенные распоряжением от 12 октября 1835 г. Необходимо отметить, что для этого волынскому дворянству пришлось пойти на верноподданнический шаг, а именно внести 20 тыс. рублей серебром в пользу кадетского корпуса в Киеве; сами же выборы прошли в идеально спокойной обстановке⁴⁹.

Так прирученная и укрошенная выборная шляхта склонялась все ниже и ниже перед своим господином. В 1848 г., когда нарастали волнения по селам, когда в политическом сознании, особенно в Восточной Галиции, зарождаются идеи украинской нации, а в Европе обостряется революционная ситуация, дворянское собрание Балтского уезда Подольской губернии шлет царю верноподданнический адрес, украшенный более чем сотней подписей⁵⁰. Эта небольшая группа шляхты, занятая лишь сохранением видимости своей фиктивной власти, была не настолько весома, чтобы заслужить особого внимания со стороны Петербурга. Скорее интерес у столицы вызывали десятки тысяч поляков, которым изначально были чужды эти пустые хлопоты и которые действительно были оплотом сохранения польской идентичности.

После выборов 1850 г. в Волынской губернии гражданский губернатор вновь отказался утвердить нескольких избранных чиновников, а Николай I, в свою очередь, отказал в должности губернского предводителя двум кандидатам. Как всегда после выборов, причины отказа были покрыты тайной. В этот раз, хотя была утверждена кандидатура Ледуховского из Дубна, вскоре он был освобожден от этой должности и выслан за пределы губернии. Несмотря на постоянные притеснения со стороны властей, все еще оставались самонадеянные чудаки, упрямо добивавшиеся права на участие в выборах. В Волынской губернии бывший инспектор таможни Узембло, которому предводитель дворянства отказал в праве голоса, публично протестовал несколько дней до тех пор, пока его не вызвали в суд. Ничто, даже крайнее унижение, не может сдержать человеческое тщеславие⁵¹.

Унижение и рабское повиновение достигают апогея в период Крымской войны и в момент смерти Николая I. Новому генерал-губернатору князю И.И. Васильчикову пришлось пожинать плоды пятнадцатилетней муштры Бибикова, назначенного в 1852 г. министром внутренних дел. В Киевской губернии завершилась длительная карьера Х. Тышкевича, однако его преемник Леонард Мадейский не уступал ему в покорности влас-

тям. 31 декабря 1854 г. Васильчиков обратился к нему как к старательному помощнику с поручением объяснить своим собратям, уездным предводителям, суть военного положения, вводимого в трех губерниях. Мадейскому приходилось каждые две недели отчитываться о результатах введения этого указа в уездах, что означало сотрудничество с полицией всех представителей шляхты. Васильчиков объяснял, что военное положение — это ситуация, когда для поддержания порядка используются особые меры. Они распространяются на всех граждан, которые должны их соблюдать — в частности, не оказывать помощи подозрительным лицам и бездомным и немедленно сообщать полиции обо всем вызывающем подозрение. Жители были в первую очередь обязаны способствовать передвижению и содержанию войск, находящихся на территории губернии. В этом генерал-губернатор полагался на помощь предводителей дворянства, на которых возлагалась вся ответственность. Он также напоминал им, что они возглавляют первое сословие в империи, а потому должны служить примером остальным, т.е. не только исполнять приказы, но всячески сотрудничать; сдерживая запал некоторых экзальтированных лиц, он напоминал о данной царю присяге на верность и указывал на их обязанность информировать власти о тех, кто своим поведением бросает тень на дворянскую честь⁵².

Ответы уездных предводителей превзошли ожидания генерал-губернатора настолько, что он 1 февраля 1855 г. отправил многословную благодарность предводителю Киевской губернии. Ликующий Мадейский сразу же разослал по уездам копию этого послания, «в котором Его Сиятельство изволил выразить душевную свою признательность и истинное уважение к дворянству за готовность его содействовать пользам Государства».

В основной части этого длинного лирического письма Васильчикова шла речь о том, насколько он был тронут получить от ряда предводителей (наверняка не только от русских!) заверения в верности и готовности служить. Эти заверения убедили его в том, что дворяне Киевской губернии станут примером для других. Нельзя не заметить в письме приятное удивление человека, который все-таки сомневался в подобной реакции польского дворянства: «С истинным удовольствием читал я эти отзывы, и отраднo мне было слышать от Господ предводителей благородного дворянского сословия новые удостоверения в чувствах преданности его Государю, в его сочувствии общим стремлениям, одушевляющим ныне все сословия...»

Васильчиков не мог не процитировать один из адресов, в котором говорилось, «что дворянство почитает для себя за счастье выказать усердие в исполнении всего, что признано будет необходимым для исполнения великих предначертаний Монарха для защиты Государства, и помощи храбрым его защитникам...». В письмах говорилось, что «члены многих дворянских семейств здешнего края находятся в рядах наших храбрых

войск, призванных на святое дело защиты Государства». Однако наибольшее впечатление на него произвело согласие тесно сотрудничать с полицией, а именно «содействовать в круге деятельности каждого из них видам местного главного управления в охранении спокойствия и порядка в Крае». В заключение Васильчиков заверял в своем «истинном уважении к дворянству» и обещал «свидетельствовать пред Всемилостивейшим Государем Нашим о верноподданнической преданности дворянства, об усердии его и достойных его представителях...»⁵³.

К огромному облегчению всей Европы, самый «милостивый монарх» скоропостижно скончался 18 февраля 1855 г. Ему на смену пришел Александр II, о чем уездные предводители дворянства узнали 2 марта 1855 г. Это стало благоприятным поводом для заявления о том, насколько привязана к правящему дому «польская шляхта», небольшая группа представителей дворянских собраний, постоянно выступавшая от имени 70 тыс. признанных шляхтичей.

18 марта Мадейский довел до сведения дворян своей губернии, что 7 марта он передал И.И. Васильчикову адрес на имя царя «с изъяснением искренних чувств верноподданнической преданности дворянства к августейшему Престолу... чувства безграничной преданности киевского дворянства престолу и отечеству и полной готовности жертвовать всем по указанию Государя, совершенно согласуясь с высокоблагородными чувствами, одушевляющими всю империю...». Это льстивое письмо за подписью четырнадцати человек оканчивалось просьбой об аудиенции, в которой Александр II, поблагодарив за адрес, отказал: «Его Величество изволил отозваться, что на принятие их не имеет времени...»⁵⁴

Если учесть, что заверения в преданности царскому режиму пришлось как раз на разгар военного положения в Западном крае, т.е. тогда, когда польская шляхетская автономия стала еще большей фикцией, то можно понять, в какой степени компрометировали себя демонстрацией верноподданности представители шляхты. Впрочем, подобная позиция объяснялась отчасти крестьянскими волнениями. Как уже отмечалось, в этот период украинское крестьянство верило в существование указа об освобождении. 22 апреля 1855 г. предводитель дворянства Киевского уезда Ламберт Понятовский сообщил Васильчикову, что крестьяне из села Дружны отказались отрабатывать барщину и требовали, чтобы священник прочитал им указ, объявленный по всей Украине. Васильчиков воспользовался случаем, чтобы напомнить помещикам о необходимости более пристального внимания к религиозным нуждам крепостных. Предводитель дворянства Киевского уезда немедленно приступил к исполнению: уже 11 июня 1855 г. он напомнил помещикам о необходимости заботиться о содержании православных церквей⁵⁵.

Следует, однако, сказать, что не все так охотно и быстро подчинялись приказам властей. 13 июля 1855 г. киевский полицмейстер счел нужным вновь разослать уездным предводителям дворянства циркуляр с изложением сути военного положения; он откровенно жаловался на то, что царские войска не всегда встречали теплый прием в поместьях, определяемых для постоя, требовал большего «гостеприимства» и напоминал, что жители должны во всем подчиняться приказам армии и полиции, а именно отдавать свои дома в их распоряжение, заботиться о них, кормить и т.п. Любые чинимые препятствия могли иметь серьезные последствия, поскольку в этот период правосудие полностью находилось в руках военных судов. Предводители должны были собирать под данным документом подписи всех оповещенных помещиков.

Впрочем, правительство мало волновали подобные единичные случаи сопротивления, важнее было в течение всей Крымской войны держать крепко в руках верхушку польской шляхты. Можно предположить, что в словах благодарности, с которыми Васильчиков еще раз обратился к ней 10 апреля 1856 г., не было следов лицемерия. Подписанный 18 марта 1856 г. Парижский мир принес явное облегчение генерал-губернатору, который отметил, что Киевская губерния проявила себя лучше всех, постоянно поставляя рекрутов, зерно, фураж, транспорт и принимая на постой воинские подразделения: «...во всех этих делах дворянство здешнего края являло себя вполне достойным высшего... сословия в государстве». Он сообщал, что император «соизволил выслушать доклад о сем». Сам же отмечал, что сохранит в своей «признательной к дворянству памяти» лучшие примеры⁵⁶.

Итак, четверть века усилий не прошло впустую, царским властям удалось сделать послушной небольшую группу шляхты, нужную для господства над другими. Напрасно польская эмиграция в Париже рассчитывала на помощь от таких людей. В данном случае процесс интеграции с империей шел полным ходом.

ПОСЛЕДНИЕ ИЛЛЮЗИИ СОЗДАНИЯ АВТОНОМИИ

Коронация нового царя и веяния либерализма 1857—1861 гг. застали представителей польской шляхты врасплох. Желание исполнить любое царское решение сочеталось с их собственным консерватизмом. Эта небольшая очень богатая группа польской аристократии, привыкшая лишь кланяться, с удивлением обнаружила, что от нее ожидают инициатив и что появились шансы на создание некоторой автономии. Уже во время дворянских выборов (в июне 1856 г. в Волынской губернии, в сентябре — в Подольской и в июне следующего года — в Киевской) краковская газета

«Czas» писала о «росте политического сознания» среди польской аристократии на Украине⁵⁷. Во время коронации молодой Александр II, кажется, помня о полученном приветствии, обещал Мадейскому, Сулатицкому и другим предводителям, прибывшим по этому случаю в Москву, посетить Украину. На долю Октавия Ярошинского, избранного предводителем дворянства Киевской губернии в 1857 г., выпала большая честь, немислимая во времена Николая I, принимать в сентябре того же года императора в Киеве. Он устроил в его честь роскошный бал стоимостью в 23 тыс. рублей серебром, на который были приглашены наиболее лояльные престолу аристократы трех губерний. Несомненной в этом была заслуга жены Ярошинского, урожденной княжны Трубецкой. Как видим, польский аристократический мир становился все ближе царской элите.

Что касается украинского крестьянства, выше уже шла речь о низкой отдаче от дворянских комитетов, созданных для подготовки отмены крепостного права. Те, кто должен был заботиться об улучшении крестьянской доли, были выбраны из тех, кто принадлежал к дворянским собраниям и в действительности думал лишь о том, как бы вытянуть из крестьян последнее и держать их в руках. Уже сам перечень фамилий членов комиссии свидетельствует о том, что от комитетов не стоило ожидать чего-то нового: О. Ярошинский выступал против любых изменений; не проявлял желания потерять свои 70 тыс. душ и В. Браницкий. В Волынской губернии семья Стецких имела своих представителей в трех уездах (в Ровенском — Кароль, в Луцком — Эразм, в Овручском — Эдмунд); а Кароль Радзивилл также заправлял в Ровно. В Подольской губернии вместе с Феликсом Собанским и Зеноном Бжозовским, собственниками огромных имений, заседал Кароль Якубовский, все они были закоренелыми реакционерами, жестоко обходившимися со своими крепостными. Т. Бобровский характеризует их как *stulti et ignati**⁵⁸. Эти 72 комитетских члена, «заседавшие» месяцами, съезжались в губернские центры вместе с семьями, устраивали приемы, балы, купались в роскоши, заботились о вечерних туалетах, посещали польский театр, все это создавало у них иллюзию сохранения польской культуры в империи, к которой они уже почти все были глубоко привязаны сердцем и душой. Крепостное право будет отменено без учета их враждебной к любым переменам позиции.

В главе, посвященной крестьянству, было показано, насколько не отвечающими ожиданиям представителей шляхты были результаты их обращения с адресом к царю в Каменце во время второго визита Александра II в Подольскую губернию по случаю открытия Подольского дворянского собрания 12 октября 1859 г.

* *Stulti et ignati* (лат.) — глупые и невежды. (Прим. пер.)

Кроме 12 уездных предводителей это обращение осмелилась подписать сотня помещиков, поскольку после коронации Александр II амнистировал многих осужденных в 1831 г. и сосланных в 1839 г. польских помещиков, и они вернулись из ссылки, не потеряв своего боевого настроения. Впервые за долгое время польская аристократия смогла допустить мысль о том, что дворянским собраниям позволено сыграть действительно активную роль. В этом обращении шла речь о возвращении прежнего выборного и дворянского характера судебным органам. Вторым пунктом шло требование о предоставлении крестьянам-католикам возможности изучать катехизис⁵⁹. Охотясь в землях Браницких, царь, очевидно, забыл о первой просьбе. В том, что касалось второго пункта, то, как было показано, после одобрения Комитета министров в начале 1860 г. это привело в 1861—1862 годах к расцвету народного образования при костелах, которое вскоре было резко ликвидировано.

В мае 1860 г., через несколько месяцев после одобрительного ответа на вопрос об изучении катехизиса, Киевское дворянское собрание осмелилось подумать о нуждах польского населения. Никто не мог предположить, что эти выборы в дворянское собрание станут последними. После 1863 г. и речи не будет о подобных вольностях. Между тем казалось, что либеральные настроения распространились повсеместно, и просьба дворян этой губернии (русские помещики также изображали из себя либералов и голосовали вместе с польскими) касалась возобновления обучения польских детей на родном языке. Среди 300 голосовавших лишь один голосовал против, им был архитектор А.В. Беретти, итальянец по происхождению, стремившийся быть большим русским, чем сами русские!⁶⁰ Т. Бобровский в своих воспоминаниях приводит данную просьбу на польском языке:

Ваше Величество! Отеческая забота Ваша о счастье всех Ваших верно-подданных, Ваше Величество, дает нам, дворянам Киевской губернии, смелость сложить к подножию Вашего трона, Светлейший Государь, просьбу об удовлетворении самой главной из нужд наших. Язык предков и веры нашей до сих пор изъят из планов обучения детей наших! В пределах Вашей обширной империи благодаря Великодушию Вашему и Ваших предков сохранено право обучения на родном языке Вашим подданным в Финляндии, в Прибалтийском крае и в Грузии. Светлейший Государь! Взгляните с высоты своей справедливости на потребности наши! Уравняйте нас в правах с другими подданными Вашими, не обойдите милостью нас и введите обучение на польском языке в школах и гимназиях Киевской губернии, в императорском университете Св. Владимира и в Кадетском корпусе, чтобы мы и дети наши могли прославлять великое имя Ваше на родном языке⁶¹.

Подобную дерзость со стороны польской аристократии, которая до этого времени умела лишь унижаться перед властью, можно объяснить пробуждением и оказываемым давлением всего шляхетского сообщества в этих губерниях. Значительную роль в этом сыграли и опасения, что ряд инициатив может быть заявлен польской шляхтой в обход дворянских собраний. К этой теме мы еще обратимся в следующей главе при обсуждении мировых судов и Кредитного земского общества.

Все сторонники сотрудничества с царской властью оказывались между двумя одинаково опасными силами: лагерем красных — варшавскими революционерами, которые посылали своих эмиссаров на Украину, но доверия к себе в среде местных помещиков снискать не могли, и российской властью, которая желала отменить барщину, что также представляло для польских помещиков угрозу, так как отделило бы от них полностью бывших крепостных, источник их благосостояния. Собственно, этим и объясняется возникновение комитетов белых, которые создавались преимущественно в помещичьей среде. Здесь-то и крылись истоки безумного проекта, который приведет вскоре к ликвидации дворянских собраний.

Примечательно, что два больших комитета белых, в Киевской и Подольской губерниях, возглавляли предводители дворянства этих губерний Александр Хорватт и Александр Садовский. Предводитель волынской шляхты Кароль Микулич хоть и был выслан в Оренбург в конце 1861 г., но ему еще удалось принять участие в разработке проекта в родном Житомире, где в мае собрались все местные белые⁶². Представители трех губерний еще настолько были уверены в «родительской заботе» царя, что отважились просить его о присоединении захваченных Россией губерний к Царству Польскому, поскольку, думали они, объединение земель привело бы к более широкой автономии! Против голосовал лишь Т. Бобровский, оставивший подробное описание проходившей дискуссии⁶³.

Белые, желая придерживаться процедуры, установленной законом для подачи адреса императору, решили дождаться следующих выборов в Подольской губернии, которые должны были состояться через год, в октябре 1862 г. В ожидании выборов они передавали от имени к имени «Обращение группы волынских граждан ко всем гражданам русских земель», в котором писали о массовом движении, охватившем всю Европу. Они заявляли, что «не перестали быть народом», остро критиковали царскую администрацию, декларировали готовность введения в судопроизводстве «родного наречия» люда (простонародья), открытия народных школ, а также были готовы доказать, что «нет противоречий между людом на Руси и шляхтой»⁶⁴. В Варшаву были отправлены эмиссары, где они были поддержаны другими представителями Лагерь белых — Анджеем Замойским и

Эдвардом Юргенсом. В свою очередь, Подольское дворянское собрание одобрило планируемое обращение к царю.

В этом обращении представлены характерные для его авторов социальные идеи⁶⁵. Несомненно, этот адрес был смелым по своему характеру — в нем впервые за долгое время на Украине напоминалось о существовании Польского государства. Однако нужно четко понимать, что в данном случае и речи не было о разрыве с императором: ведь он был и царем Польским. Согласно расчету польских помещиков, именно объединение с Царством Польским позволило бы избежать неприятных для них последствий отмены крепостного права и сохранить исключительно польскую власть над украинским крестьянством. Именно это и следует из приводимого ниже фрагмента: «...восстановить административное единство Польши, интегрировав с ней западные губернии при полном соблюдении прав крестьянского населения, призванного в последнее время принять участие в гражданской жизни». Итак, «право» украинского населения состояло в том, чтобы оставаться с поляками Украины, когда те будут присоединены к Царству Польскому. Далее авторы, забыв о прошлом, продолжали с фальшивой наивностью: «Искреннее сотрудничество, будучи следствием вековых стремлений и попыток Польши по распространению гражданских свобод на все сословия, является, несомненно, залогом благородства ее сегодняшнего следования. Гоня любую мысль о преимуществе одного племени или сословия, подольские граждане остаются верными основополагающей польской идее о равноправии... Поэтому они требуют объединения с Польшей, поскольку видят в ней основу свободного развития для всех населяющих ее племен...» Далее шли требования, касающиеся школ, торговых, банковских и других независимых польских учреждений.

Несомненно, попытка представить проблему украинских крестьян исключительно внутренним польским вопросом, притом что на протяжении тридцати лет царские власти делали все возможное, чтобы оторвать украинское крестьянство от польских помещиков, могла только озлобить власти. На основании этого адреса можно предположить, что польские помещики начали осознавать существование украинской проблемы⁶⁶. Однако следует задуматься над тем, что именно ярые крепостники понимали под «основополагающей польской идеей о равноправии».

В любом случае реакция властей на такую дерзость до этого времени послушных дворянских собраний была очень резкой. Верноподданные поляки были слишком наивными, не понимая, что в этот раз они посягнули на принципы имперской политики и на итоги шестидесятилетних усилий по интеграции этих земель. Подольский гражданский губернатор Р. Брауншвейг, который и до этого предостерегал дворянское собрание,

приказал войскам окружить здание Подольского собрания и арестовать двенадцать уездных предводителей, подписавших адрес. По приказу из Петербурга их отправили в столицу, где они должны были предстать перед сенатским судом по обвинению в сепаратизме. Они ждали суда в мрачной Петропавловской крепости. По словам Т. Бобровского, все решили прибегнуть к «наивному» способу защиты, объясняя свои действия непониманием всей серьезности демарша и недостаточным знанием русского языка. Лишь гайсинский предводитель дворянства Юзеф Липковский не отступил от прежней линии, заявив во всеулышание, что не видит причин, по которым присоединение к Царству Польскому может навредить Российской империи, которая в любом случае сохранит власть над этими землями.

Сначала предводителей дворянства приговорили к поселению во внутренних губерниях империи, затем им разрешили переехать в Одессу. Своих должностей они, разумеется, лишились. Их преемники были не избраны, а назначены властями. Новым губернским предводителем подольского дворянства стал граф А.И. Морков. Вот так завершились в Подольской губернии события, которые кроме как фикцией и комедией назвать нельзя. Дворянским выборам здесь был положен конец. В Киевской губернии выборы также не состоялись. Избранный в 1860 г. А. Хорватт удержался на этом посту вплоть до 1867 г. благодаря назначению генерал-губернатора. После этого предводители дворянства стали назначаться властями из русских: в течение десяти лет этот пост будет занимать П.Д. Селецкий, а затем до конца XIX в. — князь Н.В. Репнин⁶⁷.

Стоит ли говорить, что этот уже глубоко интегрированный мир польской шляхты остался безразличен к повстанческим идеям 1863 г.? Граф Александр Браницкий сам предложил генерал-губернатору услуги по предоставлению информации о передвижениях и планах красных!⁶⁸ В период репрессий 1864—1865 гг. антипольские экономические меры затронули всех, в том числе и тех, кто действительно пытался сотрудничать с царизмом, но это только укрепило их убеждение, что прежняя умеренность была мудрым выбором.

Многие мемуаристы, вышедшие из этой среды, будут поддерживать уже в XX в. мысль о мудрости выборной шляхты и значении дворянских собраний трех губерний, указывая, как Ф. Равита-Гавронский, на пробуждение активности в период 1857—1861 гг. и инициативы тех лет, адреса к царю и верноподданнические требования, не удерживаясь от апологии и ностальгии — «был там, можно сказать, цвет шляхты»⁶⁹. Это недоразумение, которое еще в 1840 г. осознал Ю. Словацкий, когда писал «Фантазий». Ян, герой поэмы, гневно говорит:

— Удем! не горюю, покидая
Страну, что в снах казалась лучше рая.
Не мать она, а мачеха худая!

(*Фантазий, или Новая Деянира, акт IV,*
сцена 17. Перевод Л. Мартынова)

Для историка, оценивающего происходящее не только со стороны, но и с дистанции полутора веков, такого рода воззрения являются прежде всего материалом для социального анализа сути польских дворянских собраний и царской системы интеграции.

В предыдущей главе мы рассмотрели методы ликвидации социальной группы, настолько же оригинальные, насколько и неумолимые; здесь же мы имеем дело с совсем иным явлением, а именно с процессом добровольного восприятия чуждого влияния ради защиты остатков социальной гегемонии в регионе. Следует также отметить, что административное давление царизма было значительно более эффективным в эпоху Николая I по сравнению с политикой его старшего брата Александра I.

Забыв совет Ж.-Ж. Руссо — «Не можете помешать тому, чтобы вас проглотили, постарайтесь хотя бы, чтобы вас не могли переварить», — верхушка шляхты, куда входило лишь несколько сотен людей, согласилась на видимость существования дворянских собраний, а поскольку такая система позволяла более эффективно управлять шляхтой, то и способствовала процессу пищеварения в имперском организме.

Понадобилось долгих семьдесят лет после второго раздела Речи Посполитой, чтобы с трудом проникающая в мир польских дворянских собраний Украины российская имперская идея в конце концов уничтожила остатки наследия Речи Посполитой. Посмотрим теперь, что происходило с остальной землевладельческой шляхтой.

¹ *Lipiński W.* Szlachta na Ukrainie. S. 9—10. Интересно то, что на Восточной (Левобережной) Украине, которая административно определялась как Малороссия, прежние шляхетские титулы, такие как «хорунжий», «подкоморий» и др., были отменены лишь 5 января 1834 г. постановлением Комитета западных губерний. До этого власти полагали, что население этого края, сохраняющее неизменную верность трону, заслуживает некоторых побряжек. И это несмотря на то, что данная территория вошла в состав России в результате Андрусовского договора 1667 г. и Вечного мира 1686 г.!

² *Winiarski B.* Ustrój polityczny ziem. S. 151—152. Более подробно этот вопрос рассматривался ранее (ч. 1, гл. 3, конец раздела «От сеймиков к первым шляхетским собраниям»).

³ РГИА. Ф. 1409 Оп. 2. Д. 6344 — Общий отчет о состоянии трех губерний. Далее мы увидим, что учитывались также и русские помещики, имевшие право

голоса. В Киевской губернии, где в 1828 г. было 606 лиц с правом голоса, их численность сократилась почти на сто человек.

⁴ *Kurzeba S.* Historia ustroju Polski. Warszawa. Brak daty. Т. 3. S. 238—256. Восемь переизданий с 1905 по 1948 г.

⁵ ДАКО. Ф. 1238 Оп. 1. Спр. 5145. Протокол выборов в Киевской губернии за 1844 г.

⁶ *Zasztowt L.* Kresy 1832—1864.

⁷ ДАКО. Ф. 1238. Оп. 2. Спр. 39 — Переписка предводителя дворянства Киевского уезда с местной шляхтой за 1839 г.

⁸ *Ibidem.* См. также: *Heleniusz E. (Iwanowski E.)* Wspomnienia lat minionych. Kraków, 1876. Т. 2. S. 347—348.

⁹ Biblioteka Narodowa, Warszawa. Rękopis 6536. S. 1 — Rzut oka na Ruś przed powstaniem 1863 roku. Цит. по: *Kieniewicz S.* Wstęp // *Bobrowski T.* Pamiętnik mojego życia. S. 15.

¹⁰ *Przedziewicki A.* Podole, Wołyń, Ukraina. Т. 2. S. 30—31.

¹¹ *Jełowicki A.* Moje wspomnienia Paryż, 1839. S. 245—246.

¹² *Bobrowski T.* Pamiętnik mojego życia. Т. 1. S. 98—101.

¹³ *Szczeniowski T.* Bigos hultajski. Т. 3. S. 139—140.

¹⁴ *Bobrowski T.* Pamiętnik mojego życia. Т. 2. S. 48; *Nowicki F.* Wołyń i jego mieszkańcy. Drezno, 1870.

¹⁵ *Bobrowski T.* Pamiętnik mojego życia. Т. 1. S. 294—304.

¹⁶ *Ibidem.* Т. 2. S. 107—136, 249—260.

¹⁷ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 1263 — Выборы 1832 г., Киевская губерния; *Ibidem.* Спр. 1264 — Подольская губерния; *Ibidem.* Спр. 1265 — Волынская губерния; *Ibidem.* Спр. 1268 — Нарушения в Киевской губернии; РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 12, 14 — Заседания Комитета Западных губерний от 15 апреля 1833 г. и 5 января 1834 г.

¹⁸ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 1391.

¹⁹ *Ibidem.*

²⁰ *Ibidem.*

²¹ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 14. Л. 112 — Заседание Комитета Западных губерний от 2 мая 1834 г.

²² ДАКО. Ф. 1238. Оп. 1. Спр. 84 — Подготовка к выборам 1835 г., проводимая киевским предводителем дворянства графом Х. Тышкевичем; ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 1880 — Ход и результаты выборов по Киевской губернии; *Ibidem.* Спр. 1881 — по Подольской губернии; *Ibidem.* Спр. 1882 — По Волынской губернии.

²³ ДАКО. Ф. 1238. Оп. 1. Спр. 165 — Подготовка к выборам 1838 г., проводимая киевским предводителем дворянства графом Х. Тышкевичем; ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 2629 — Ход и результаты выборов в Киевской губернии; *Ibidem.* Спр. 2630 — в Подольской губернии; *Ibidem.* Спр. 2631 — в Волынской губернии.

²⁴ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 22.

²⁵ *Ibidem.* Д. 24 — Заседания 1, 24 и 25 февраля 1839 г., 6 пункт решения Комитета. Об усилении полицейского режима более подробно см. ч. 2, гл. 4. Все острые меры того времени связаны с открытием «заговора» Конарского.

²⁶ *Matmajew N.* Rosjanin w Polsce w latach 1838—1842. Warszawa, 1909. S. 95.

²⁷ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 24.

²⁸ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 5001. Просмотр дел паспортного стола, возможно, позволит в будущем установить всю сеть зарубежных контактов польских землевладельцев. См.: *Klamer-Kosińska J. Wydział Paszportowy Kancelarii Własnej Namiestnika Królestwa Polskiego (1832—1864) // Ziemiaństwo polskie 1795—1945 / Pod red. J. Leskiewiczowej. Warszawa, 1985. S. 251—255.*

²⁹ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 24 — Заседание 8 мая 1839 г.

³⁰ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 2918.

³¹ ДАКО. Ф. 1238. Оп. 2. Спр. 39.

³² *Ibidem.* Ф. 782. Оп. 2. Спр. 491 — Перечень корреспонденции, присланной в Киевское дворянское собрание за 1832 г.

³³ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 24 — Заседание Комитета 14 февраля 1839 г.

³⁴ *Ibidem.* Д. 26.

³⁵ *Rzewuski H. Pamiętki Soplicy. Paryż, 1839. Глава XIII (Пан Лещиц).*

³⁶ Текст был разослан всем предводителям дворянства. См.: ДАКО. Ф. 1238. Оп. 1. Спр. 263.

³⁷ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6344.

³⁸ *Ibidem.* Ф. 1266. Оп. 1. Д. 26.

³⁹ *Ibidem.* Д. 30.

⁴⁰ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 5003.

⁴¹ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 34.

⁴² ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 5601 — Дворянские выборы 1844 г. в Подольской губернии; *Ibidem.* Спр. 5602 — в Волынской губернии; *Ibidem.* Спр. 5603 — в Киевской губернии.

⁴³ ДАКО. Ф. 1238. Оп. 1. Спр. 513.

⁴⁴ *Ibidem.* Спр. 514 — Напечатанный список судей, выбранных в Киевской губернии, и текст присяги.

⁴⁵ *Kraszewski J.J. Dwa światy. S. 93.* Примеры проявления лояльности к властям со стороны помещиков многочисленны и приводятся Мирославом Устшицким в статье: *Ustrzycki M. Studium postaw ziemian polskich na kresach w XIX w. — przypadek rodziny Rzewuskich (gałąź na Pohrebyszczu) // Studia Historyczne. R. 44. Z. 2. 2001. S. 226 и др.* Можно также вспомнить и о Юзефе Понятовском, который, согласно воспоминаниям Т. Бобровского, старался угождать властям. Даже зять этого богатейшего владельца суконной фабрики (в с. Таганьча Киевской губернии), граф М.Д. Бутурлин, отмечал, что Понятовский слишком усердно демонстрировал лояльность: «Сам поляк был крайне привязан к нашему правительству, жил в большом согласии с киевским генерал-губернатором и митрополитами, какое-то время держал дом в Киеве, где время от времени давал званые обеды в честь высших лиц». См.: [*Бутурлин М.Д.*] Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // Русский архив. 1897. Кн. 2. С. 9. И хотя Ю. Понятовский находился в родстве с Ламбертом Понятовским, он, в отличие от последнего, не принимал никакого участия в выборах (как и большинство помещиков, о чем уже шла речь). См. также: *Orman E. Pułkownika Józefa Poniatowskiego. S. 291—319.*

⁴⁶ *Bejła J. (Rzewuski H.) Mieszaniny obyczajowe. T. I. Wilno, 1841. S. 36—53.* Хенрик Жевуский писал под псевдонимом Яроша Бейлы.

⁴⁷ *Bobrowski T. Pamiętnik mojego życia. T. I. S. 88—89.*

⁴⁸ РГИА. Ф. 1266. Д. 36 — Предложение было рассмотрено и одобрено Комитетом западных губерний 13 марта 1845 г.

⁴⁹ Ibidem — Заседание от 21 октября 1847 г. О дворянских выборах 1847 г. см.: ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 7096 — Подольская губерния; Ibidem. Спр. 7097 — Волынская губерния; Ibidem. Спр. 7098 — Киевская губерния. Возможно, что следствием практически слепого повиновения шляхты в западных губерниях Российской империи стало введение в Царстве Польском в 1849 г. не существовавшего ранее института губернских предводителей дворянства, на который возлагались, в числе прочих, административные обязанности. См.: *Chamerska H. Marszałkowie szlachty w Królestwie Polskim 1849—1861 // Ziemiaństwo polskie. S. 241—249.*

⁵⁰ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 798. Спр. 74 — Отчет Подольского гражданского губернатора Николаю I от 11 мая 1848 г.

⁵¹ О дворянских выборах 1850 г.: Ibidem. Оп. 1. Спр. 8237 — Подольская губерния; Ibidem. Спр. 8239 — Волынская губерния; Ibidem. Спр. 8890 — Киевская губерния. О ссылке Ледуховского см.: *Bobrowski T. Pamiętnik mojego życia T. II. S. 39.*

⁵² ДАКО. Ф. 1238. Оп. 1. Спр. 1109.

⁵³ Ibidem. Оп. 1. Спр. 1109 — Письмо Л. Мадейского, адресованное уездным предводителям дворянства, от 10 февраля 1855 г.

⁵⁴ Ibidem. Оп. 2. Спр. 224, 225 — Ответ Александра II от 13 апреля 1855 г.

⁵⁵ Ibidem. Оп. 1. Спр. 1109; Ibidem. Оп. 2. Спр. 225.

⁵⁶ Ibidem. Бобровский отмечал, что киевская шляхта отдала для армии 800 быков на мясо и 2000 рабочих волов. См.: *Bobrowski T. Pamiętnik mojego życia T. II. S. 50—53.*

⁵⁷ *Szpoper D. Pomiedzy caratem. S. 36—38.*

⁵⁸ *Bobrowski T. Pamiętnik mojego życia T. II. S. 105—106.* Бобровский крайне негативно отзывался о О. Ярошинском. См. также письма и характеристики членов комиссии: Ibidem. S. 107—136, 249—253, 259—260.

⁵⁹ Ibidem. S. 355. Проявление смелости подольского дворянства стало предвестником подобных действий минского и гродненского дворянства, которые в сентябре 1861 г. даже требовали возобновления работы Виленского университета, восстановления Литовского статута и присоединения их губерний к Царству Польскому. Терпимое отношение властей к подобным заявлениям было вызвано временной поддержкой со стороны П.А. Валуева, выступавшего против В.И. Назимова, виленского генерал-губернатора, который, наоборот, стремился поддерживать местное крестьянство. См.: Западные окраины Российской империи. С. 162—164.

⁶⁰ *Bobrowski T. Pamiętnik mojego życia T. II. S. 358—359.* Этими надеждами проникнута анонимная статья, высланная в Париж и опубликованная в польском журнале. См.: *Wołyń, Podole i Ukraina wobec zmartwychstańczych usiłowań innych części Polski // Przegląd Rzeczy Polskich. 22.05.1861. S. 27—46.*

⁶¹ *Bobrowski T. Pamiętnik mojego życia T. II. S. 530.* Стефан Кеневич указывает, что подобная просьба была подана витебскими дворянами уже 17 сентября 1858 г. царю в Минске, но была отвергнута. См.: *Kieniewicz S. Dereszewicze 1863. Wrocław, 1986. S. 82.*

⁶² *Bobrowski T. Pamiętnik mojego życia T. II. S. 446—447.*

⁶³ Ibidem. S. 448—462.

⁶⁴ Подробный анализ этого обращения представлен в: *Szopper D. Pomiedzy caratem*. S. 91—94.

⁶⁵ *Olechnowicz J. Polska myśl patriotyczna*. S. 13—16. Предыдущие издание: *Z.L.S. (Przyborowski W.) Historia dwóch lat 1861—1862*. Т. 5. Кракów, 1896. S. 494—496. Этот адрес был сразу же опубликован польской эмиграцией в Париже (*Przegląd Rzeczy Polskich*. 31.10.1862. S. 1—6), а также в Царстве Польском (*Nadwiślanin*. № 108. 1862. S. 1—2).

⁶⁶ *Kieniewicz S. Powstanie styczniowe*. S. 221.

⁶⁷ *Bobrowski T. Pamiętnik mojego życia* Т. II. S. 362—366, 442. Предложение объединить аннексированные губернии с Царством Польским вызвало резкую реакцию в русском обществе. См.: *День*. 1862. № 40 (статья И.С. Аксакова); *Вестник Юго-Западной и Западной России*. 1862. Т. 2. № 4. С. 1—35 (анонимно). Более подробный анализ дан в: *Szopper D. Pomiedzy caratem*. S. 527—532.

⁶⁸ *Bobrowski T. Pamiętnik mojego życia* Т. II. S. 478. Бобровский назвал эту позицию «действительно благородной и политической».

⁶⁹ *Rawita-Gawroński Fr. Rok 1863 na Rusi*. Lwów, 1902.

Глава 4

АРКАДИЯ ПОД УГРОЗОЙ: ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЧЕСКАЯ ШЛЯХТА

Несомненно, сложно говорить о действительном сохранении польской идентичности в случае 340 тыс. шляхтичей, деклассированных в 1831—1846 гг. Две-три тысячи польских аристократов, принимавших участие в работе дворянских собраний, как мы уже видели, были вынуждены принять диктуемые сверху условия, что было прямо связано с процессом интеграции и поглощения империей. В этой главе нам предстоит изучить судьбу еще 70 тыс. польских помещиков на Правобережной Украине и выяснить, были ли они солидарны со своими представителями в дворянских собраниях.

Социальное значение этой прослойки обратно пропорционально ее численности. Образ поляка на Украине в традиционной иконографии и историографии — это в первую очередь образ данной группы. Эти 70 тыс. поляков принадлежали к землевладельческой шляхте, в руках которой была сосредоточена почти вся земельная собственность — основной капитал в эпоху начала индустриального развития, когда еще не отжившее свой век учение физиократов отдавало всю полноту власти тем, кто владел землей. Впрочем, как нам предстоит убедиться, распределялся этот капитал крайне неравномерно.

Царизм сделал все возможное, чтобы отделить землевладельческую шляхту от остальных поляков. Поскольку только польские помещики признавались дворянами, то можно однозначно утверждать, что примерно в 1846 г., после завершения работы Центральной ревизионной комиссии в Киеве, разница между понятиями «шляхтич» и «дворянин» была официально нивелирована. 2 июля 1846 г. во избежание двусмысленностей по этому поводу Бибииков сообщил министру внутренних дел о ряде нарушений при покупке земли, в частности в Волынской губернии. 17 сентября 1848 г., после переписки с Сенатом и волынским судом, он пришел к выводу, что земельная собственность должна быть немедленно конфискована у всех тех, чья принадлежность к дворянству не будет подтверждена Герольдией, единственным высшим органом, который устанавливал подлинность дворянского звания¹.

В связи с этой группой возникает целый ряд проблем. Нами уже были рассмотрены ее отношения с крепостными и прислугой и стратегии поведения тех, кто согласился сотрудничать с властью. Теперь уточним состав, внутренние социально-экономические отличия, образ мышления, стиль жизни и, прежде всего, внешние влияния, которые испытывала эта группа шляхты. В первую очередь проанализируем степень архаичности ее структур, унаследованных со времен Речи Посполитой. Затем, изучив специфику этой группы изнутри, попробуем проследить все ее внешние связи, что даст нам понимание сути антипольских репрессий, включавших русификацию польской культуры, преследование католической церкви, политическое давление и административные средства ассимиляции польской шляхты.

ПРЕЛЕСТИ ЗАСТОЯ: ПОМЕЩИКИ КРУПНЫЕ И МЕЛКИЕ

Наибольший интерес вызывает характеристика земельной собственности на Правобережной Украине, а точнее, размеров имений, которые, собственно говоря, никогда не были до конца известны. В этом кроется причина межевых споров и традиционное определение ценности имений по количеству крепостных душ.

Около двухсот помещичьих семей, каждая из которых, как нам предстоит убедиться в дальнейшем, владела более чем тысячей крепостных. В распоряжении тысячи других находилось по несколько сотен душ, далее шли помещики, у которых имелось не более одного или двух десятков крепостных, и, наконец, составлявшая большинство сословия группа шляхтичей, которые довольствовались земельным наделом и не имели ни прислуги, ни крепостных.

Наличие огромных латифундий на этих землях объясняется присутствием нескольких старинных русских шляхетских родов и колониальным характером освоения этих земель, которые на картах XVII в. Г.Л. де Боплана названы «Диким полем». Долгое время эти земли служили польским королям в качестве резерва для раздачи пожалований, зачастую называемых староствами, которые предназначались для сановников, сенаторов, гетманов, епископов. Тщательное исследование этих пожалований, проведенное Терезой Зелинской, показало, что еще в эпоху Саксонской династии в Речи Посполитой (первая половина XVIII в.) 77% из 369 сенаторов получило эти земли в дар. Такова история возникновения владений Потоцких, Мнишек, Жевуских, Браницких, Любомирских, Оссолинских, Яблоновских и Чарторийских. Последние владели огромной территорией, название которой в XVIII в. даже включали в официальный титул. Адам Казимир называл себя «Генеральным старостой Подольских земель»,

поскольку владел значительной их частью — Летичевским и Каменецким староствами².

Еще в XIX в. мемуаристы не переставали восхищаться обширностью поместий: «...значительно большая часть края была собственностью поляков. По большей части это были магнатские владения, например между Васильковом и Уманью на протяжении шестидесяти верст тянулись земли графов Браницких, насчитывавшие 130 тысяч душ мужского пола, следовательно, с женщинами еще столько же. Кроме того, им принадлежали местечки, так что эта территория и количество жителей превосходили многие немецкие государства. Подобными были владения графов Потоцких и многих других. Были там еще немалые участки целинных степей, как в Тарашанском уезде, — Виноградская, Рословецкая, Голландская степи, где паслись стада скота, овец и даже верблюдов...»³

Несмотря на то что в исследуемый период многие имения дробились на наследственные доли, магнаты еще долгое время будут заботиться о неделимости своих имений: «Они довели страну до анархии, но подобно-го в собственных имениях не терпели... Огромный живой инвентарь включал самый лучший скот, овец... стада коней. Землю на Волыни почти не арендовали. Давние магнаты сдавали дешево в аренду отдельные владения наиболее заслуженным клиентам своего дома. Остальное же управлялось целой армией слуг, чьи семьи были крайне близки владельцам»⁴.

Хозяйственная деятельность как крупных, так и мелких помещиков была целиком ориентирована на сельское хозяйство — возделывание зерновых, лесоводство и животноводство. Последнее особенно было развито в Подольской губернии, что следует из приводимой ниже таблицы, составленной на основе отчета Д.Г. Бибикова о состоянии трех губерний в 1840 г.⁵

Виды крупного производства	Крупные производства		
	Киевская губерния	Подольская губерния	Волынская губерния
Коневодство	19	57	10
Крупный рогатый скот	1	852	7
Испанские породы овец (мериносы)	—	23	13

Развивавшаяся промышленность была также связана с аграрным производством. Возьмем пример винокурения: землевладельцы направляли не только избытки, но, возможно, и значительную часть обычного урожая зерна на производство водки, которую продавали в корчмы, арендуемые в их имениях евреями. Все аграрное производство можно представить следующим образом⁶:

Виды аграрного производства	Количество заводов		
	Киевская губерния	Подольская губерния	Волинская губерния
Винокуренное	648	569	983
Пивоваренное	14	122	34
Сахарное	3	3	—
Маслодельное	1	—	—
Свечное	7	25	11
Мыловаренное	2	6	3
Жировое	—	25	—
Кожевенное	32	14	32

Стоит обратить внимание на пока еще незначительный объем производства свекловичного сахара, что было следствием хозяйственной рутины и инертности. До 1830 г. первые попытки в этой отрасли были предприняты З. Холовинским*. Многие из его последователей испытали неудачи, за исключением Евстахия Янковского, обучавшегося в Германии. Однако настоящий расцвет этого производства наступил около 1850 г., когда несколько крупных семей стали вкладывать средства в его развитие. В отчете волинского гражданского губернатора за 1850 г. сообщается о крупном сахарном заводе в имении князя Романа Сангушко и его дочери в Шепетовке под Заславом. Киевский гражданский губернатор в то же время насчитал уже 63 сахарных завода в своей губернии, а подольский — 22 завода⁷. Больше всего сведений об этом новом производстве приводит Т. Бобровский⁸. В 1852 г. барон Густав фон Таубе и француз Франсуа Сорбье заложили (как отмечает мемуарист, «у нас французы ни перед чем не останавливаются») в имении В. Потоцкого в Кальнике (Киевская губерния) сахарный завод, который вскоре продали Фредерику Дженни, управлявшему в то время сахарным заводом Владислава Браницкого в Ольховке. После 1863 г. этот обрусевший швейцарец, учившийся у инженера и предпринимателя Карла Берда в Петербурге, станет одним из крупнейших промышленников Украины. Успех иностранцев, внедрявших на этих землях неизвестное до этого времени капиталистическое производство, побудил крупнейших польских помещиков вступить в борьбу. Они «осознали, что старые добрые времена минули, что одной доброй воли недостаточно и необходимо приобретать соответствующие знания о производстве, что недостаточно быть только шляхтичем и землевладельцем, но нужно быть еще и специалистом и понимать дело как с технической, так с управленческой стороны и, прежде всего, трудиться»⁹. Впрочем, не следует преуве-

* Возможная транскрипция фамилии — Головинский. (Прим. пер.)

личивать масштабы промышленного производства до 1863 г. Было всего несколько крупных сахарных заводов: у Сангушко, Браницких, у графа Бобринского в Смилах; остальные же, согласно данным Бибикова об экономическом развитии за 1840 г., были скорее мануфактурами, чем промышленными предприятиями.

Кроме производства волокна, сукна и полотна (важную роль в этом играла фабрика Сангушко в Славуте), на Правобережной Украине было распространено лишь мелкое ремесленное производство, далекое от промышленного уровня развития. В 1840 г. на этой территории велось следующее производство¹⁰:

Виды производства	Киевская губерния	Подольская губерния	Волынская губерния
Сукно	15	52	60
Полотно	2	1	15
Полотенца	—	2	—
Носовые платки	—	1	—
Бумага	—	2	5
Парча	—	—	1
Шелк	—	9	—
Шляпы	1	4	2
Экипажи	3	1	2
Лакировка кожи	1	—	—
Табак	—	4	—
Курительные трубки	—	1	—
Медеплавильное	2	—	—
Фаянс	1	—	2
Фарфор	—	—	1
Селитра	1	—	—
Сода	8	11	15
Известь	—	—	44
Стекло	12	2	16
Чугун	—	1	4
Меднолитейное	5	2	4
Железное	12	—	81
Кирпич	95	142	12
Черепица	—	2	—
Лесопильное	1	—	2

Как видим, наибольшее развитие получило производство кирпича, хотя и в дальнейшем будет преобладать строительство из дерева. Значи-

тельное производство соды, получаемой из пепла, объясняется обжигом древесины.

Подобные условия не способствовали развитию торговли. Крестьянские хозяйства были практически самодостаточными, на развитие обмена влияло лишь стремление помещиков к восприятию «плодов цивилизации». Через порты Одессы и Данцига они продавали произведенные крепостными товары, а взамен покупали готовые изделия и предметы роскоши. В 1840 г. Киевская губерния экспортировала 500 тыс. четвертей зерна и 100 тыс. ведер алкоголя. Из Волынской губернии было вывезено лишь 40 тыс. четвертей зерна, зато лес, сплавлявшийся по Днестру и его притокам до Черного моря, был продан на 700 тыс. рублей серебром. В Бессарабию продавали скот и продукты, типичные для аграрного хозяйства Восточной Европы, — кожу, паклю, семена, мед, воск. «Спрос на плоды волынской земли, в основном пшеницу, был большим, а их реализация была несложной, их отправляли по Бугу и Висле до Данцига, откуда шкипер привозил за них червонные дукаты и барки, нагруженные бакалейными товарами, кофе, оливковым маслом, хогсхедами (большими бочками) английского пива, портвейна, бургундского вина, колониального сахара, штофами данцигской водки, печатными пряниками и т.п. Это были запасы на целый год»¹¹.

Несмотря на то что крупные производители зерна начинали понимать необходимость перемен, архаичность экономических отношений все еще проявлялась в традиционных ежегодных ярмарках, основных местах товарообмена. На этих регулярных сборах в ряде торговых местечек в основном и заключались соглашения. Значительная часть промышленной продукции, прежде всего из металла, привозилась из внутренних губерний Российской империи, поскольку таможенные правила сводили к минимуму обмен с другими аннексированными польскими землями. Описание ярмарки в Ярмолинке, приводимое в воспоминаниях А. Пшездзецкого, дает представление о том, как ярко выделялось это событие на фоне монотонных будней: «Из Бердичева, Каменца, Дубно, из Москвы даже... тянутся вереницы русских и восточных товаров. Вокруг местечка ржут табуны диких коней, режут подольские и украинские волы, блеют тонкорунные саксонские и силезские бараны... На простых возах медленно тянутся бедные мужики; в бесчисленных экипажах катятся и мчатся господа и шляхта; господа едут в венских каретах, в варшавских колясках с открытым верхом, в почтовых каретах, а шляхта — в бричках, на двуколках, в шарабанах, верхом. Уже во всех домах евреи сдали свежетыбеленные комнаты приезжим господам за щедрое вознаграждение, а сами — непотребный народ — устриваются в конюшнях и хлевах. Шляхта занимает крестьянские дома и украшает убогие стены коврами. В садах делают навесы, разбивают палат-

ки, уже разложила свой товар ярмарочная орда»¹². Именно на ярмарках менее зажиточные помещики могли увидеть представления передвижных театров, дети — подивиться на дрессированных обезьян, а дамы — купить все необходимое.

В ярмарочные дни шляхта сталкивалась с простым людом и евреями, к которым испытывала отвращение. В зданиях дворянских собраний заключались соглашения о продаже земли и покупке больших партий зерна. Это и называлось контрактовыми ярмарками. Самая известная проходила ежегодно на Подоле в Киеве, в красивом доме с колоннами, где устраивались многочисленные балы и развлечения. «Разбирающийся в контрактах шляхтич воспринимает этот дом как француз биржу: ему достаточно зайти, как по количеству собравшихся, шуму, лицам он сразу же определит, хорошие ли контракты, то есть много ли денег, много ли просят за поместья, есть ли купец на хлеб и водку... И так ежедневно, десять дней кряду. На колоннах внутри здания расклеены названия сел, которые продаются или отдаются в аренду, а между колоннами лавочки с разнообразными товарами. В глубине здания двери в судебные палаты... приказный выкрикивает, кто кому на этот день не заплатил, несмотря на приговор...»¹³

Остальные дни года шляхтич проводил в своем поместье: помещик победнее — в своем доме, а магнат — во дворце. Лишь стиль жизни плантаторов из Луизианы или Индианы либо сицилийских землевладельцев может дать представление о характере взаимоотношений в этом сельском мире, где богатство и роскошь хозяев так контрастировали с нищетой подданных. Значение помещичьего дома подчеркивается во всех воспоминаниях того времени. Именно вокруг поместья была сконцентрирована вся польская культура: удивительная утонченность роскоши помещиков существовала рядом с грубостью нищеты люда.

Значение этих уединенных резиденций объясняется небольшим количеством городов, достойных такого названия. Существовавшие местечки не могли похвастаться никакими удобствами, свойственными урбанизированным обществам на Западе. Кроме Киева, Житомира и Каменца, других важных городских центров не было. В 1847 г. Оноре де Бальзак удачно подметил: «Французские читатели при слове “городок” представляют себе дома, улицы, общественные заведения; между тем Радзивиллов есть не что иное, как скопление деревянных лачуг, до сих пор не рухнувших исключительно благодаря особой милости провидения к России. Стоят эти лачуги на голой земле, мостовой нет и в помине». Его описание Бердичева еще более едко: «...около полудня передо мной возник холм, на котором стоит славный город Бердичев — родной брат города Броды, также принадлежащий Радзивиллам. Там я с изумлением узрел картину невиданную: дома в Бердичеве танцуют польку, иначе говоря, клонятся кто вправо, кто

влево, кто вперед, а иные из них вообще распадаются на части; величиной они по большей части напоминают наши ярмарочные балаганы, а чистой — свиной хлев»¹⁴.

Родовая фамилия шляхтича говорила сама за себя и была своего рода рекомендацией. С особым уважением относились к местным княжеским родам, которые в XVI в. перешли из православия в католицизм, — Четвертинским и Сангушко. Древность их родов подтверждали руины средневековых замков, огромных крепостей, которые были давно заброшены ради более удобных дворцов. Эти *гроды*, *городища* свидетельствовали о подлинности магнатских родов.

Рядом со старыми немногочисленными замками повсюду появлялись небольшие дворцы, окруженные парками. Они были построены в основном в XVIII в. или в начале эпохи романтизма и стали источником вдохновения для нескольких польских художников. В. Келесинский выполнил целые альбомы гравюр, на которых польская усадьба всегда возвышается над украинскими селами, полными пьяных крестьян, демонстрируя свое культурное превосходство. Подобное идеальное изображение цивилизованного мира встречаем и в работах Юлиуша Коссака (1824—1899), находившегося под влиянием английского романтизма. Коссак, частый гость Дзедушицких, был в полном смысле этого слова певцом той Аркадии, где ничто не должно было оскорблять взгляд утонченного дворянина, занимающегося сельским хозяйством, и его впечатлительной жены. В своих работах Коссак идеализирует даже крестьян и евреев. Его акварели — это сказочные картины, на которых изображены красивые и элегантные юные аристократы, породистые кони. Подобным идиллическим видением мира отличаются ранние произведения Юзефа Брандта (1841—1914). Художник видел мир глазами того общества, от которого зависел¹⁵. Сколь далека эта помещицья Украина от образов, представленных И.Е. Репиным в «Запорожцах» или Н.В. Гоголем в «Тарасе Бульбе!» Не удивительно, что польская аристократия Украины — это живое напоминание о «гниющем Западе» — вызывала такое раздражение у Бибикова.

Поветрие, охватившее умы, было настолько велико, что когда в 1841 г. граф А. Пшездецкий, один из польских помещиков, приступил к описанию трех юго-западных губерний по поручению правительства (известно, что граф принадлежал к окружению Бибикова), то, в сущности, ограничился живописным рассказом обо всех известных ему усадьбах, в которых гостил. В его изложении семейные истории переплетаются с описанием великолепия помещицких домов: «Прекрасны в нашем крае сельские дома богатых господ. Архитектура, садоводство, изысканный вкус и роскошь, все это вместе создает единое гармоничное целое... Содержание этих жилищ, несколько дорогостоящее, привлекает к ним хозяев. Они любят в своих

сельских дворцах вести полуфеодалное и полупатриархальное существование, а в города не заглядывают вовсе. Женщины ведут спокойную супружескую жизнь, мужчины же отдаются праздности». Особенное внимание он уделял прекрасным усадьбам Стецких, Мнишек, Вишневецких¹⁶.

Праздность шляхты на Украине быстро превратилась в литературное клише. Даже находившийся в изгнании в Париже Ю. Словацкий подчеркивал эту склонность в своей драме «Фантазии». Подобные впечатления он мог вынести из юности, хотя, возможно, писал о праздности под влиянием мемуаристов того времени¹⁷. Уединение на лоне почти южной природы зачастую воспринималось поэтами как реализация мечты о покое и гармонии. Самый известный пример — Софиевка, садово-парковый ансамбль, созданный Щ. Потоцким вблизи Умани. Этот огромный «сентиментальный сад», о котором уже шла речь в первой части книги, в котором были использованы все атрибуты садового искусства в стиле Ж. Делиля, воспринимался как символ. Резиденция Потоцких, Тульчин, находилась в 60 верстах от Софиевки и также казалась островом посреди степей — степей, где когда-то крестьяне резали шляхту, «островом культуры посреди варварского моря». Такую же функцию выполнял парк «Аркадия», заложный Хеленой Радзивилл вблизи Неборова. Это образное воплощение рая, эдема, где взгляд не должен быть омрачен ничем вульгарным, жемчужина изысканного западного образца, оазис цивилизации, затерянный среди «диких полей»¹⁸.

Когда Мечислав Потоцкий, унаследовавший замок после смерти Софии, путешествовал в коляске из райского сада в Тульчин, он переносился из одного удивительного места в другое, также окруженное враждебной степью. В селе Ягорлике стоял столб с надписью «Конец Польши» («Koniec Polski»), но зато в самом дворце глаз продолжали радовать все достижения цивилизации. Граф владел одной из богатейших коллекций европейского искусства. В Тульчинском дворце имелись полотна Тициана, Рембрандта, Карраччи, Рафаэля, Рубенса, Ван Дейка, Тенирса, Поттера, Лампи, Герарда¹⁹.

Каждый, кто считал себя магнатом, хотел иметь собственный парк. Почти все парки польской знати были разбиты по проектам ополчавшегося ирландца Дионизия Миклера (МакКлэра), прежнего протеже короля Станислава Августа, который буквально «англизировал» пейзажи вокруг дворцов. Чацкие в Порышке, Сангушки в Боремли, братья Собанские — Иероним в Баланувке, а Михал в Ободувке, Ярослав Потоцкий в Ситковицах, Браницкие в Александрии — все они жили среди роскоши и красоты, изрядно удивлявшей гостей. Пшездецкий писал: «Отлично и похвально было бы собрать виды дворцов и садов Подолии, Волыни и Украины, выгравировать их и, добавив к гравюрам описание, целиком по об-

разцу английских альбомов издать. Только с выбором могли бы быть трудности...»²⁰

Немногие задумываются над тем, ценой какой несправедливости и эксплуатации создавались эти уединенные гавани счастья. В 1839 г. Люциан Семенский, поэт, очень близкий к народу, принадлежавший к галицийской группе «Зевоня», отважился написать поэму о Софиевке, в которой голос придворного Трембецкого — олицетворения западной испорченности — неожиданно перекрывается голосом украинского мальчика, поющего народную песню о Гонте и народной мести²¹. Поэт продолжал, хоть не с такой силой, мотивы, лежащие в основе «Каневского замка» С. Гошинского. Как же можно было не замечать, что этот мир идиллии поистине был вызовом униженному крестьянству?

Рассказывая о своей обиденной жизни, А. Еловицкий вспоминал бесконечные поездки на воды в Германию или на Кавказ либо праздничные торжества и сопровождавшее их веселье²². Большую часть своей жизни крупные землевладельцы проводили, нанося друг другу визиты, дававшие повод для пиршеств и возможность похвастать своим богатством. Зачастую экипажи запрягались целой шестеркой лошадей. Как правило, в поместьях держали бесчисленные своры псов, хозяева которых были рьяными охотниками: у Стецких, к примеру, было больше 500 собак, и весь охотничий сезон они проводили на охоте. У Яблоновских, Любомирских, Сангушко гостей развлекали специально устроенные частные оркестры²³.

Однако было бы ошибкой судить на основании одних только описаний прекрасных пейзажей и ярких моментов повседневной жизни, что роскошью был пропитан быт всех помещиков Украины. Эта группа, насчитывавшая 70 тыс. человек, то есть примерно 17,5 тыс. семей, была весьма неоднородной. Наряду с очень богатыми землевладельцами, оставившими наиболее заметный след в культуре, существовало немало очень мелких, зачастую с низким социальным статусом, которым приходилось своими руками обрабатывать землю. Согласно проведенной в 1850 г. переписи, к которой мы еще будем обращаться, свыше 90% получивших подтверждение о принадлежности к дворянству не имели ни одного крепостного. Свидетельства о них встречаются редко, поскольку их лишенная блеска жизнь не привлекала писателей. Пристальное внимание на существовавшую проблему расслоения внутри шляхты (номинально все шляхтичи считались равными между собой) обратил Ю. Крашевский в написанном в 1855 г. в Житомире романе «Два света». Автор рассказывает о неминуемом конце дружбы, которая началась в детстве между бедным шляхтичем Алексеем Драбицким и аристократом Юлианом Карлинским. Причиной разрыва отношений становятся предубеждения, носящие клас-

совый характер. «Два света» разделяют этих двух поляков, хотя, казалось бы, их должна была сближать принадлежность к единому шляхетскому сословию. Алексы Драбицкий является типичным представителем мало-земельной шляхты: «На двадцать с чем-то крестьянских домов было здесь шесть владельцев, а одним из самых убогих был Алексы и его братья. Драбицкие имели только трех крестьян, небольшой участок земли по тридцать моргов в севообороте, хороший кусок для сенокоса, немного леса, какую-то часть в общей аренде и мельнице и самую старую на селе усадьбу, затененную липами, окруженную садом, которая в целом выглядела почтенно. И с такого маленького хозяйства кормились Алексы, мать и трое младших братьев!»²⁴

«Серым казалось в этих условиях шляхетское общество, осевшее в этом глухом крае... Серым и таким же заурядным, как их крыши, покрытые серой соломой, и вся усадьба с жилыми и хозяйственными постройками»²⁵. Эта шляхта до 1831 г. училась в польской школе, а затем в русской, но вся ее последующая жизнь проходила в деревне. Лес давал лис и зайцев, пруды — рыбу, пчелы — мед и воск. Шляхта разводила овец, выпивала по маленькой в праздничные дни, сахар на ее столе был редкостью, а бутылка вина, привезенная из Одессы, открывалась лишь по торжественным случаям. Эта прослойка подтвердившей свою родословную шляхты, как и деклассированная шляхта, была достаточно тесно связана с крестьянами, и степень ее украинизации зачастую была значительной. А. Иванский обращал внимание на частое употребление украинского языка в среде мелкой шляхты: «...любимый всеми русский язык употреблялся даже мелкой шляхтой в доме. Шляхетские дети зачастую свои первые слова произносили на этом языке, а с польским знакомились уже во время учебы. Наши девушки любили петь красивые украинские песни. В этой привязанности можно было заметить определенные черты вульгарности (если не грубости), поскольку русский язык не нес в себе в ту пору следов цивилизации, хотя это была, в известной степени, основа, сплывающая разные слои одного общества». В то же время, как подметил Иванский, многие крестьяне, так же как и бывшие униатские священники, говорили по-польски. Он не отмечал среди бедного польского дворянства существования языкового или религиозного антагонизма в отношении украинского крестьянства²⁶.

Вполне очевидно, что эта часть шляхты в большей степени чувствовала свою связь с крестьянством, чем крупные землевладельцы. Именно сыновья этой бедной шляхты, как мы в дальнейшем увидим, будут принимать участие в нескольких радикальных организациях в Киевском университете и в других учебных заведениях Российской империи, а в своих литературных произведениях и памфлетах они будут обличать аристократов.

Эту глубокую пропасть, разделявшую крупных и мелких помещиков, подметил еще Х. Жевуский, брат пани Ганской. В испытываемой им ненависти чувствуются расистские замашки: «Значительный спад нравственности нашей крикливой молодежи определить можно уже по одному ее внешнему виду. Нет более сложной задачи, чем найти среди нее красивого юношу; а если среди этого сброда и найдется парень с косой саженью в плечах и хорошо сложенный, то нос у него будет курносый, глаза глубоко посаженные, лицо калмыцкое, попросту ничего шляхетского... Нелегко согласно системе Лаватера классифицировать эти вырождающиеся лица, есть в них сразу что-то от запорожского разбойника, что-то от альпийского кретина, что-то от еврея-фактора, одним словом — гадкое это зрелище»²⁷.

Как видим, крупная шляхта не испытывала чувства солидарности не только к деклассированной, но и вообще к бедной шляхте. Для Жевуского, который, несомненно, является выразителем взглядов большинства крупных землевладельцев, главными достоинствами были принадлежность к роду, высокое происхождение, звания. Одержимость патриархальной жизнью, полностью обращенной в прошлое, чувствуется как в его известном романе «Воспоминания Соплицы», так и в зарисовках, опубликованных под псевдонимом Ярош Бейла. Для Жевуского священными книгами шляхты были издавна публикуемые в Речи Посполитой гербовники Б. Папроцкого, С. Окольского и К. Несецкого²⁸. Его герой Соплица признает лишь обычаи XVIII в., когда мелкая шляхта тяготела к магнатам. Его любимым героем того времени был Кароль Радзивилл по прозвищу «Пане Коханку» — король пьяниц, отличавшийся самодурством, закоренелый сторонник сарматского мифа, единственными добродетелями которого были жизнерадостность и бесконечная живучесть. Неслучайно, что в 1839—1841 гг. прошедшая эпоха вызывала восхищение у богатого поляка с Украины.

Знакомые Хенрика Жевуского дивились его чувству кастовой принадлежности. В своих оценках он использовал понятие «мы, люди высшей расы». Т. Шенёвский называл его «ходячей Герольдией», поскольку тот знал предков каждого и был готов обвинить многих шляхтичей в низком происхождении от эконома, крестьянина, еврея или юриста²⁹. Генеалогическая мания вынуждала всех, кто причислял себя к аристократам, с подозрением относиться к большинству мелкой и средней шляхты. Для них 70 тыс. шляхтичей, которых еще терпел царь, было явным перебором. Ярош Бейла отвел целую главу на размышления о сути шляхетства. Он приписывал многим крупным родам XVIII в. происхождение от римлян; известные фамилии были, по его мнению, гарантией добродетели и шляхетского достоинства: «Там еще найдешь набожность, здоровые представления об обязанностях мужа, отца, гражданина, соблюдение приличий в

поведении и языке, определенную сдержанность в поступках и в расходах... Нет ничего более подлинного, чем то, что в обиходе называют “хорошим происхождением”, “плохим происхождением”...» Кроме наличия именитых предков и боевых заслуг, истинный шляхтич должен был издавна владеть землей: «Часто девятое поколение владеет той же гминой, селянин подчинялся тому самому племени, которое завоевало его прадедов. По этой причине сложилось что-то патриархальное в отношениях между помещиком и крепостными, и не было случаев так часто встречаемого теперь гнета, который испытывают на себе крестьяне от новых владельцев и их наследников»³⁰. Тема «новых владельцев», шляхтичей с неизвестным происхождением стала у Жевуского навязчивой идеей; к ней он не раз обращается в своих произведениях. Впрочем, и другие мемуаристы того времени разоблачали титуломанию, фальшивые родословные и т.п.

Соплица постоянно жалуется на появление проклятой расы «полупанов», которые, мол, несут полную ответственность за плохое отношение к крестьянам и вносят в гармонию традиционных отношений отвратительную страсть к торговле, финансовым спекуляциям, неизвестную предыдущим поколениям порочность капитализма, страсть к золоту и к прибыли, несовместимые с сельской гармонией. Испокон веков владевшие землей на Украине помещики были убеждены в чистоте своей совести и искренности своих лучших намерений. Их охватывало чувство злобы лишь тогда, когда они видели, что по их собственной вине многие поместья попадали в чужие руки. Хотя и отдавая отчет в своих расточительности и невежестве при ведении дел, они воспринимали последствия этого как первопричину всяческих неурядиц. Т. Щенёвский, вспоминая об огромных богатствах евреев-ростовщиков, считал их кровопийцами и обвинял в том, что свои счетные книги они превратили в «гербовники позора», но в то же время как будто не замечал маниакальной страсти многих шляхтичей к азартным играм, приводившей к тому, что в залог отдавались целые имения. Он клеймил сыновей экономов за бессовестность — они пользовались сложившейся ситуацией и скупали за бесценок имения, разоренные игрой господ. Подобная оценка совести новых землевладельцев приобретала гротескные формы. Ярош Бейла, к примеру, сетовал: «Эта болезнь, распространяясь неожиданно шаг за шагом, лишила имущества три четверти [sic!] давних помещиков, так что лишь кое-где можно встретить прежних волынских помещиков! Вот причина легкомысленного отношения к вере, недостатка общественной жизни, того рода подлости, которая не исключает порою крайне разнузданной дерзости... А откуда же возьмутся у нас добродетель и просвещение... когда так поредели ряды старых и бесспорных шляхтичей, а те имения, которые они когда-то создали и в которых покоятся их останки, уже давно из-за баловства и случая

стали собственностью поколения, по большей части чужого в этой губернии, и, хотя его украшает звание шляхтича и присущие ему почести, по сути своей состоит оно из людей, которые с помощью поддельных бумаг доказали свою принадлежность к старой шляхте»³¹.

Традиционалисты трех губерний, которых объединяло неприятие завовавшегося капитализма, объявили Жевуского главой литературной школы, защищавшей «истинные» национальные ценности. В 1841 г. в своей резиденции в Чуднове он организовал общество «Пентархия», объединившее всех реакционеров трех губерний и сотрудников обскурантистского еженедельника, выходившего на польском языке в Петербурге, — «Tygodnik Petersburski».

Однако этот враждебный к любым переменам мир, не желавший поступать и частью своей власти, начинал понимать, что очутился внутри замкнутого круга. Старая, когда-то крепкая система начала давать трещины. Польская шляхта в Российской империи уже не могла оставаться носителем открыто провозглашенной национальной идеи; ее доминирующее положение осталось в прошлом, а экономический гнет, проявлявшийся в разных формах, все в большей степени отдалял от нее как украинцев, так и остальных поляков. Мы уже видели, насколько несовместим с реальностью был стиль ее роскошных резиденций. В этой связи необходимо подчеркнуть разрыв, существовавший между заимствованными западными образцами культуры и степенью архаичности польско-украинских аграрных отношений. Небеспочвенны и обвинения польской аристократии в космополитизме. За исключением неуместных упреков Жевуского, в среде магнатов трудно увидеть другую, кроме оппортунизма, идеологию, а лозунг помещиков средней руки — *carpe diem** — и в самом деле не расходился с их поступками. Как отмечал Щенёвский, их больше всего беспокоили закуски, роскошные ужины, дорогие вина, изысканная мебель, ухоженные сады и ранние фрукты. Те же, кто навсегда покинул родной край (как князь Юзеф Любомирский, который в написанных по-французски воспоминаниях без смущения рассказывал о праздном времяпрепровождении во время поездок по Европе), вели себя соответствующе. Переезжая с одного курорта на другой, они полностью забывали о патриотических чувствах: Ю. Любомирский заезжал в свои имения в Дубно и Ровно лишь для того, чтобы забрать прибыль³². Те же, кто не был завсегдагатаем Карлсбада или Мариенбада, стремились укрепить свое положение в уезде и губернии, получить должности в дворянском собрании, цена которых нам уже известна.

С этой точки зрения название романа Крашевского «Два света» становится понятнее, как и горечь, которую испытывала бедная шляхта, видя

* *Carpe diem* (лат.) — «наслаждайся моментом». (Прим. пер.)

отношение к себе со стороны прежних собратьев: «В сущности, между этим замком, селом и народом, между ним и шляхтой не было никакой связи, никакой привязанности, ничего из того, что когда-то их объединяло. Семья Карлинских встала перед его глазами в истинном свете, в обособлении, на которое обрекали ее традиции, перенимаемые чужеземные нравы и эта болезненная, мертвая цивилизация, превосходство которой основывается на разрыве с окружающим миром... Однако они [Карлинские] вышли из лона того народа, от которого так далеко отошли на жизненном пути; были предводителями, вожакими, выразителями нужд, мыслей и правой рукой тех, от кого постепенно отошли. С этим были связаны странное и фальшивое положение, постоянные ссоры и чувства неприязни, которые их постоянно переполняли...» Эти горькие чувства бедного шляхтича были близки и богатому. В то время было модно во всей империи задавать себе подобные вопросы. У русских помещиков из романов И.С. Тургенева, считавших себя «лишними людьми» в обществе, которое их отвергло, возникали те же вопросы. И Рудина, и Карлинского охватывали одни и те же мысли: «Думаешь, я не чувствую и не знаю болезни всего народа, к которому принадлежу?... Из рыцарей, монахов, ссыльных и жертв мы превратились в мертвую часть общества, которая умирает в позоре. Роскошь и податливость убивают нас своими испарениями, которые, словно запах цветов, усыпляют, душат, пьянят и одолевают нас»³³.

Расслоению способствовала также разница в образовании. В отличие от молодежи, о которой еще пойдет речь и чьи возможности выбирать место учебы были достаточно ограничены, поколение, родившееся до 1825 г., в разной степени воспользовалось возможностями получения образования в польских учебных заведениях (которые будут упразднены после Ноябрьского восстания). Наиболее образованные были выходцами из обедневшей шляхты. Ю. Крашевский подчеркивал, что герой его романа «Два света» Алексы Драбицкий учился в Виленском университете и, несмотря на тяжелый быт, сохранял связь с книжной культурой: «На столе среди бумаг по хозяйству лежал Гете, открытый на второй части “Фауста”... В углу на полке книги, оставшиеся от университета, небольшим количеством которых можно обойтись, не покупая новинок. Выбор книг был строг и тщателен: Библия, Гомер, Плутарх, Тацит, Ливий, Геродот, Шекспир, Гете, Шиллер, Кохановский, Красицкий, Монтень и Рей, “О подражании Христу”, “Исповедь” св. Августина... Вот и все, однако как много для такого маленького собрания!»³⁴

Описывая этого «благородного человека», увлекавшегося литературой и обрабатывавшего землю, Крашевский в какой-то степени олицетворял себя с этим героем, хотя и был богаче его. Он также учился в Виленском университете, в 1838 г. осел на Волини недалеко от Луцка, где в 1840 г. ку-

пил поместье Грудек, а в 1848 г. — Губин. Правдивость его литературных наблюдений обусловлена опытом землевладельца, правда, его же случай свидетельствует о почти полной невозможности интеллектуальной деятельности в рамках этой провинциальной среды. Какое-то время Крашевский считал, что его компетенция позволяет ему участвовать в общественной жизни, он занимал несколько должностей, о чем уже шла речь в предыдущей главе. Переехав в 1853 г. в Житомир, быстро растущий город, который уже тогда насчитывал 40 тыс. жителей, он согласился на предложение дворянского собрания занять должность директора школ, местного театра и председателя Благотворительного общества. Однако когда в 1858 г. он представил Волынскому собранию свои размышления об отмене крепостного права, то мир, близкий идеям Жевуского, его отверг. Более того, дошло до того, что эти люди приложили все усилия к тому, чтобы папа Пий IX назвал произведения Крашевского аморальными. В 1860 г. писатель-помещик полностью порвал с местным ретроградным обществом и уехал в Варшаву, а после 1863 г. — в Дрезден, где прожил еще лет двадцать.

Итак, как в самой России, так и здесь грибоедовское «Горе от ума» все еще не теряло актуальности! В дальнейшем нам предстоит узнать, какая судьба ждала группу смельчаков, которые в 1846—1849 гг. осмелились издавать прогрессивный ежегодник «Gwiazda» («Звезда»). В целом же процесс зарождения интеллигенции, несмотря на существование Киевского университета, шел крайне медленно. Большинство людей в возрасте, принадлежавших к самой богатой части шляхты, искало забвения в воспоминаниях об обучении не в серьезном Виленском университете, а в светском Кременецком лицее. Они, таким образом, вспоминали скорее дружескую атмосферу, чем саму учебу, старание получить солидное образование. Нельзя не согласиться с мнением Жевуского, которому удалось передать суть мышления бывших кременчан; правда, в то же время он критиковал учебу в этом заведении за недостаточное внушение консервативных ценностей, за слишком короткий курс латыни и теологии, невнимание к истории крупных родов: «Придумали, и один за другим повторяют, что благодаря Кременецкой школе уровень образования значительно вырос в наших губерниях; это настолько очевидная фальшь, что не могу понять, как она могла так долго удержаться, несмотря на всю ее очевидность. Только из математического направления вышли сведущие люди, которые преуспели в этой области: они по большей части служат в судоходстве, в горном департаменте или в армии и к помещикам, конечно же, не принадлежат. Можно сказать, что уровень знаний помещиков, живущих по своим селам, находится в самом жалком состоянии. Не скажу, что они ничего не знают... собственно, им хватает знаний настолько, чтобы создать

самое заносчивое и бессмысленное общество, какое только возможно. Невозможно найти того из Кременецкой школы, кто бы знал латынь, право, политэкономия, философию истории, хоть какую-то науку о морали. Зато каждый из них помнит три первых урока каждого предмета и разглагольствует вволю...»³⁵

Т. Бобровский был не менее суров в оценке своих соотечественников, клеймя интеллектуальный упадок многих из них. Несмотря на то что он представил в своих воспоминаниях галерею образов 60-х годов XIX в., кажется, что они временами переносят нас еще на сто лет назад, в эпоху Барской конфедерации — настолько застывшим кажется состояние умов в этих землях. Бобровский перечисляет удивительные для второй половины XIX в. предрассудки: многие помещики считали, что лишь богатство гарантирует политическую свободу, большинство из них презирало людей образованных и тех, кто овладел профессией врача, адвоката, учителя, литератора, поскольку все они унижали шляхетское достоинство. Иметь профессию означало быть зависимым. Независимость обеспечивалась «хорошим происхождением»³⁶.

Самым типичным образом этой среды, жутким наростом на постепенном разлагавшемся социальном теле была группа бесноватых шляхтичей, доведших до специфической крайности свое понимание свободы и «золотых вольностей». Таких людей называли «*bařagóły*», «*baragoły*», «*junasy*» — гуляки, балагуры, юнцы. В карикатурном виде этот образ символизировал маргинальность и косность польского общества на Украине. Это мог быть, например, человек «невысокий, приземистый, с черными усами, бывший кавалерист, солдат, а теперь барин». Он чем-то напоминал Фабрицио дель Донго, романтика, ищущего забвения от враждебного мира в литературных идеалах. Подобным образом пани Ганская бежала от праздного времяпрепровождения в доме и парке и от своего скучного мужа, выбивавшего последнее из крепостных, чтобы связать судьбу с Бальзаком, олицетворявшим в ее глазах все прелести Запада. Однако в 1840 г. ситуация на Украине не давала окунуться в мечты — сладкие грезы превращались в страшный сон. «Бывший кавалерист и солдат пьет, ест, ругается, охотится и никого не боится. Самым нужным оружием для него в будни стал кнут, а в праздник — пистолет... Эдакий юнец всегда держит при себе казаков. Когда-то на Волыни они были у каждого, теперь лишь у панов и юнцов. У первых — это слуги в казачком наряде, в бурках, жупанах, шапках, шароварах, которые сопровождают экипаж или выполняют разные поручения, у вторых — казаки образуют отряд, хотя и небольшой, с атаманом во главе... Эти люди привычны к слепому послушанию, готовы по приказу пана бить, убить, утопить, застрелить, словом, без исключения сделать все, что он

прикажет. Описать все дебоши, преисполненные дикого неистовства, которые устраивали и устраивают юнцы со своими бандами казаков, не нужно и невозможно... К счастью, такой образ жизни становится с каждым днем все менее возможным, хотя юнцы рады были бы его воскресить, не имея лучшего занятия, чем преследовать евреев по дорогам, зайцев в полях и издеваться над несчастными крестьянками, на чьих спинах первым доказательством барской ласки часто бывают следы от плети или кнута»³⁷.

Эти свидетельства Крашевского дополняют замечания Х. Каменского и Т. Бобровского, пытавшихся понять происходящее, и одновременно дают подсказку исследователю насчет того, что следует изучить для понимания причин общественной стагнации.

Консерватизм польских помещиков Юго-Западного края в изучаемый период был продолжением существовавшей и уже устаревшей к концу XVIII в. позиции шляхты. Причины подобной инертности следует искать прежде всего в самой польской шляхте, но не следует забывать и о том, что любое стремление к переменам было обречено на неудачу из-за присутствия царских властей. После аннексии этих земель Россией у шляхты было две возможности. Уже шла речь о низкопоклонстве шляхетского меньшинства, стремившегося любой ценой получить доступ к общественным почестям. Однако чаще всего главную роль играл страх. В 1845 г. был арестован и сослан в Вятку приехавший из Царства Польского Хенрик Каменский, который собирался агитировать за революцию на Воляни и распространять свое сочинение «Жизненная правда польского люда»* (1844): «Я испытал глубокое разочарование... столкнулся... с группой людей, страстью которых была великосветская изысканность, а точнее, более или менее удачное ей подражание; страх перед москалями, доходивший до унижительной степени; счастьем и честью считалось быть отмеченным улыбкой или дружеским словом военного губернатора или же принимать гражданского губернатора...»³⁸

Этот революционер, проникшийся идеями С. Ворцеля, подполянин, возглавлявший Польское демократическое общество в Париже, не хотел верить своим глазам, когда увидел в Житомире свою семью, общавшуюся с русскими, говорящую по-русски и не желавшую верить его словам о том, что в Варшаве подобное поведение считается позорным. Его даже обругали за то, что он напомнил дочери своей двоюродной сестры, что она полька: родители опасались, что девочка может это повторить в обществе! А вот в вызывающем поведении буянившей золотой молодежи, в ее разнузданно-

* Слово «lud» в названии организаций этого времени традиционно переводится на русский язык как «народ». В данном случае переводится как «люди», поскольку далее в книге подчеркивается, что речь идет о крестьянстве. (Прим. пер.)

сти и анархизме он видел бунт, отказ превращаться, по словам Т. Бобровского, в «общественных слизняков». Этот бунт, конечно абсурдный, свидетельствует о полной фрустрации зажиточной части общества, особенно на протяжении десятилетнего периода со времени подавления Ноябрьского восстания. Именно поэтому Бобровский не осуждал «короля гуляк» Антония Шашкевича, у которого было немало конкурентов в околицах Бердичева.

Какие же перспективы были у людей, упрямо не желавших принять к сведению свершившийся 40 или 50 лет тому раздел Речи Посполитой, игнорировавших российские учебные заведения, царскую службу и армию, пытавшихся жить так, как будто их поместий и крепостных было довольно, чтобы гарантировать обособленное существование, а для сохранения Аркадии было достаточно улыбаться русским?

Для понимания консервативной позиции помещиков следует помнить, что ее определяли не только архаичные предрассудки, но и страх перед реакцией царских властей.

КУЛЬТУРНЫЙ ТЕРРОР: УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ И ПРЕССА

Тот факт, что в 1845 г. родители из числа землевладельческой шляхты не осмеливались сказать своим детям, что они поляки, является свидетельством того, насколько жесткими и действенными были меры по ликвидации польского характера этой группы. Наиболее грозной мерой оказалось полное изгнание после 1831 г. польского языка из системы школьного образования. Эта система, унаследованная от Комиссии национального просвещения, получила развитие на всех бывших польских землях, присоединенных к Российской империи, в период 1803—1824 гг., когда образование курировал А. Чарторыйский. В трех губерниях Правобережной Украины до 1831 г. действовало 19 средних учебных заведений, в основном при монастырях, способствовавших не только получению образования, но и развитию польской интеллектуальной среды. Об этом уже шла речь в четвертой главе первой части. Припомним только, что пять школ этого типа действовало в Подольской губернии (Винница, Каменец, Меджибож, Бар и Немиров), в 1822 г. в них учился 1461 ребенок; четыре — в Киевской губернии: базилианские школы в Умани и Каневе, в которых в 1816 г. было 569 учеников, и школы в Махновке и Радомысле; двенадцать — в Волынской губернии, где школьное образование было особенно развито — в 1822 г. там насчитывалось 2673 ученика³⁹. Согласно данным, приведенным в документе от 10 февраля 1832 г. (см. ниже таблицу), еще в апреле 1831 г. в этой губернии было достаточно много учеников, которых отослали домой под предлогом эпидемии холеры⁴⁰.

Учебные заведения	Преподаватели	Младшие	Ученики
		преподаватели	
Кременецкий лицей	40	14	293
Гимназия и начальная школа в Межириче	16	2	274
Уездные школы в: Житомире	8	1	231
Лушке	8	1	223
Клевани	8	1	100
Бердичеве	9	1	173
Лубари	9	1	140
Овруче	9	1	183
Владимире	9	1	88
Почаеве	9	1	69
Теофильполе	10	1	144
Дубровице	7	1	28
Итого	142	26	1946

Поскольку польские учебные заведения принимали весьма активное участие в восстании⁴¹, многие из учеников и преподавателей преследовались на протяжении ряда лет. Например, в Виннице начиная с декабря 1830 г. было арестовано и посажено в тюрьму 15 учеников за создание «тайного общества». В связи с этим делом А.Х. Бенкендорф упрекал подольского гражданского губернатора Н. Грохольского, а военный губернатор Я.А. Потемкин сделал выговор директору Ковалевскому и вынудил написать 28 апреля 1831 г. письмо с раскаяниями на имя генерал-губернатора Левашова. Двенадцать из пятнадцати осужденных учеников были сосланы в 14-й и 15-й пехотные полки, приговоры были вынесены на основании 80-страничного дела с их признаниями. Ходатайства родителей о возвращении детей в феврале 1835 г. не дали никаких результатов⁴².

Подобных дел было очень много, однако наибольшее впечатление произвело закрытие самого престижного учебного заведения — Кременецкого лицея. Несмотря на то что, как нам известно, некоторые современники признавали поверхностный характер преподаваемых в нем знаний, это заведение, созданное Т. Чацким и на словах страстно поддерживаемое волынской шляхтой, было важным символом, а его ликвидация превратила этот символ в настоящий миф о золотом веке польской культуры на Украине.

Т. Шеневский посвятил один из томов своих воспоминаний этому учебному заведению. Из приводимых им исторических анекдотов вырисовывается образ молодежи, не перетруждавшей себя учебой. Танцы, верховая езда, фехтование и иностранные языки были основой получаемого

образования. Воспоминания о беспечной молодости приобрели со временем идиллическую окраску: «Почти все исчезло или готово уйти, но мы считаем, что моральная добродетель кременецкого воспитания, это единственное наследие, стоящее выше материального уничтожения, заглушит завистливые голоса и в сиянии увенчает память об исчезнувшем творении Чацкого»⁴³.

Уже говорилось о том, насколько это учебное заведение, верное концепции шляхетской культуры, находилось в оппозиции к идеям национального образования, реализуемым в Вильне. Партикулярному духу лицея, как мы знаем, были чужды универсальные идеи, исповедуемые бывшим ректором Виленского университета Яном Снядецким. Это объяснялось очень давним стремлением местной шляхты играть ведущую роль в распространении польской культуры и католицизма в православном мире. Еще при заключении между Речью Посполитой и Гетманством Гадячского договора 1659 г. поднимался вопрос о создании двух академий на Украине с целью укрепления связей униатов с латинским миром. В 1789 г. этот вопрос вновь поставил Г. Коллонтай в «Письмах анонима», учесть которые он настоятельно советовал Т. Чацкому при создании учебного заведения в Кременце в 1804 г. Как уже отмечалось, волынская шляхта стремилась создать независимое от Виленского университета высшее учебное заведение. И Кременецкий лицей можно было назвать настоящей школьной схизмой как в том, что касалось программ, полностью отвечавших стремлениям местной шляхты, так и в методах финансирования, в основе которых была щедрость отдельных дарителей. Шляхта, предоставляя средства (в дар или по завещанию), считала, что имеет право вмешиваться в учебный процесс. В 1818 г. был подготовлен проект создания попечительского совета, который был отвергнут Виленским университетом. Однако с этого года гимназия стала называться «лицеем» по образцу Царскосельского лицея, что лишний раз подчеркивало аристократические амбиции его покровителей⁴⁴.

Понятно, что закрытие Кременецкого лицея, считавшегося инкарнацией шляхетского духа на Украине (в то время как другие учебные заведения воспринимались как отделения ненавистного Виленского университета), было воспринято как огромное унижение. Все имущество лицея, приобретенное благодаря пожертвованиям шляхты, было передано в Киев, где в 1834 г. должен был открыться русский университет. Согласно общему отчету о состоянии учебного заведения от 9 февраля 1833 г., ежегодная финансовая часть взносов шляхты составляла 19 788 рублей серебром, тогда как доходы бывших иезуитских имений приносили 5700, а собственные предоставленные государством фонды лицея — 5183 рубля серебром. Та-

ким образом, «передача имущества» была не чем иным, как грабежом. Не стоит забывать об этом «вкладе» в создание Киевского университета⁴⁵.

Многие помещики, возмущенные тем, что их пожертвования передаются на другие цели вопреки их желанию, пытались опротестовать решение или аннулировать свои пожертвования. Например, 12 октября 1832 г. Анна Валевская обратилась с просьбой об аннулировании дарственной, сделанной ее матерью в 1803 г. на заведение для гувернанток в Кременце и школу в Любари (два взноса по 75 рублей серебром). Общее волнение должно было быть весьма значительным, поскольку министр народного просвещения К.А. Ливен посчитал нужным отписать помещице лично, убеждая ее в том, что создание русских школ взамен польских ничего не меняет и что из любви к общественному благу она должна согласиться на продолжение выплат⁴⁶.

Задача уничтожения польских учебных заведений и создания русских была возложена сначала на попечителя Харьковского учебного округа В.И. Филатьева. Позднее, 27 января 1833 г., был создан особый учебный округ, в который вошли три губернии (вместе с Черниговской губернией), с центром в Киеве во главе с Е.Ф. фон Брадке, а с начала 1834 г. — Петровым. Занятия в Кременецком лицее окончательно прекратились лишь 31 мая 1833 г. До этого времени еще действовал конвикт, выплачивались стипендии бедной шляхте, работала школа землемеров, даже шла речь о переводе этой горстки учеников в Киев. Во время одного из визитов, 14 февраля 1833 г., фон Брадке призывал их к скорейшему освоению русского языка, поскольку в дальнейшем от его знания зависел переход из класса в класс. Были даже закуплены экземпляры трехтомного польско-русского словаря Станислава Миллера. Впрочем, проект не удалось реализовать, шесть учеников сбежало из пансиона.

Эти события произошли во время смены министра народного просвещения. 21 марта 1833 г. на место Ливена пришел С.С. Уваров, который быстро заявил о себе знаменитой впоследствии «триадой» и новой политикой русификации на окраинах. Тон его письма от 21 апреля 1833 г. к попечителям учебных округов однозначен: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование согласно Величайшим намерениям Августейшаго Монарха совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности [конечно, русской. — Д.Б.]. Я уверен, что каждый из профессоров и наставников... употребит все силы, дабы соделаться достойным орудием правительства и заслужить полную доверенность оною».

Автор такого письма, естественно, не упустил случая воспользоваться побегом шести учеников: 31 мая он получил от самого Николая I приказ отослать к родителям остальных учеников Кременецкого лицея⁴⁷. Рос-

сийские власти согласились на перевод нескольких польских преподавателей в русские школы, созданные вместо польских, а также в Киевский университет; тем не менее перенесение в Киев всего того, что составляло гордость Кременецкого лицея, стало ключевым моментом в политике деполонизации. Вся библиотека, насчитывавшая 34 тыс. заглавий, символическая ценность которой заключалась еще и в том, что часть ее составляла выкупленная Т. Чацким старая библиотека Королевского замка в Варшаве, была безжалостно реквизирована и перевезена в Киев. Такая же судьба ожидала 264 прибора из физического кабинета, 14 195 образцов коллекции минералов, 540 препаратов из химического кабинета вместе с 660 инструментами, 18 тыс. чучел млекопитающих, птиц и рыб, образцы насекомых и раковин моллюсков из кабинета зоологии, тысячи приборов и моделей из агрономического института, 259 портретов и рисунков из художественной галереи. Не избежал неистовой конфискации и ботанический сад, о котором на протяжении долгого времени заботился В. Бессер. Сад занимал площадь 179х46 саженей (приблизительно 360х100 м). Оказалось недостаточным забрать 10 тыс. видов семян, 300 разновидностей засушенных фруктов, 8 тыс. горшечных растений из оранжереи вместе с 50 экзотическими деревьями — было также выкопано 15 тыс. трав, кустов и деревьев для пересадки их в Киеве⁴⁸. В этих «волынских Афинах» не должно было сохраниться ничего польского: 20 февраля 1833 г. гражданский губернатор приступил к распродаже на аукционе изданий из книжного магазина Глюксберга (он возобновил свое дело в Киеве). В те же дни последний директор лицея Ю. Бокшанин вместе с фон Брадке решали, как лучше доставить эти ценности в Киев — на плотках по рекам Горыне, Припяти и Днепру или на подводках. К этому времени ремесленники Кременца, Дубна и Радзивилова уже получили заказ на изготовление необходимых для упаковки ящиков... Так исчезали даже косвенные следы польской культуры. В трех губерниях были закрыты не только польские школы и известный лицей, но и частные польские пансионы. В Кременце их было 23, они в основном содержались преподавателями лицея, которые предлагали, кроме проживания и питания, индивидуальную программу обучения. Из письма возмущенного действиями полиции Бокшанина явствует, что в одном из самых престижных пансионов («Жачек») училось трое сыновей князя Любомирского, сын волынского предводителя дворянства Ленкевича и двое сыновей графа Мошинского. Секретарь лицея Волошинский так же держал пансион, как и преподаватели Коженевский, Будкевич (три дочери графа Олизара). Бессер, Хонский (дети барона Розена) и другие. Всего училось 120 учеников (51 мальчик и 69 девочек). Польской шляхте пришлось убедиться, что изучение родного языка и культуры стало абсолютно невозможно. 24 марта 1834 г. Левашов распорядился, чтобы

гражданские губернаторы повторно запретили частные пансионы, указывая на то, что католические монастыри пытаются заменить собой закрытые учебные заведения. Перед полицией в городах и селах была поставлена задача выявлять подобного рода заведения независимо от того, к открытому или закрытому типу они относились⁴⁹. Как мы увидим далее, к 1840 г. эти учебные заведения полностью исчезнут.

Чем же предлагали российские власти заменить польские учебные заведения? Судя по письму генерал-губернатора волынского гражданскому губернатору (август 1832 г.), Ливен сначала (24 июля) видел цель в беспощадной русификации образования путем создания русских школ в уездных центрах. Однако попечителю Филатьеву не составило труда доказать, что невозможно найти ни русских преподавателей в нужном количестве 144-х, ни тем более помещения для стольких школ. Из-за этого ему пришлось согласиться на ограничение русификации, используя с этой целью пять бывших польских школ и три закрытых монастыря⁵⁰.

Результатом произведенного культурного переворота стало в скором времени превращение этих русских школ и Киевского университета в центры украинской культуры. Их православный характер способствовал привлечению детей многих православных священников, что способствовало формированию местной интеллигенции. Ничего подобного не могло бы произойти в период господства польского школьного образования. Однако эта тема относится скорее к истории украинского народа, чем к истории группы, которая является предметом нашего исследования.

Итак, предусматривалось создание четырех русских гимназий в Житомире, Каменце, Луцке и Виннице и четырех уездных школ в Клевани, Новограде-Волынском, Староконстантинове и Остроге. 2 сентября 1832 г. местная полиция и предводители в печатной форме были оповещены об открытии гимназий. От шляхты ожидалось, что она без сопротивления откажется от польского характера обучения. Как оказалось, расчет был верным, многие предпочитали получить хотя бы русское образование, чем никакое. Луцкая и Винницкая гимназии должны были открыться 3 декабря 1832 г., две другие — 1 января. Левашов прилагал все усилия, чтобы склонить местную шляхту к капитуляции в области культуры. Он лично призывал предводителя Луцкого уезда 6 ноября 1832 г. убедить своих собратьев как можно быстрее воспользоваться этой новой милостью царя. Кроме того, он обратился к луцко-житомирскому католическому епископу Михалу Пивницкому, которому в льстивой форме писал, что прилив польской шляхты в эти гимназии мил его сердцу, желающему-де лишь добра католикам. Епископ, в целом подчиняясь новым решениям, ответил в таком же льстивом тоне⁵¹. Польский характер сохранили лишь библиотеки закрытых гимназий, хотя маловероятно, чтобы ими разрешалось

пользоваться. Следует, впрочем, подчеркнуть, что библиотечные фонды закрытых польских учебных заведений были переданы новым гимназиям. 17 февраля 1832 г. библиотекарю из Кременца было поручено произвести раздел книг между Луцком и Житомиром. Некоторые закрытые школы послушно предоставили свои каталоги, как, например, школы в Любари и Теофильполе. В другие, например в школу базилиан в Овруче, потребовалось прислать людей для составления описи.

18 ноября Филатьев просил волынского губернатора А.П. Римского-Корсакова окружить русских учителей, приглашенных из внутренних губерний империи, надлежащим почетом для поднятия их авторитета среди поляков. 29 ноября всем предводителям дворянства был разослан в печатной форме призыв оказать содействие в популяризации этих школ. В очередной раз царская администрация представила репрессивные меры в качестве благоденствия. Это проявление «милости» со стороны императора, как сообщалось в проспекте, было нацелено на подготовку полезных для государства граждан. Предводители из Дубна и Овруча докладывали о выполнении распоряжения (2 декабря 1832 г.). Судя по отчету о торжественном открытии Луцкой гимназии, праздник действительно удался: после православной и католической служб с речью на русском языке выступил директор, на латыни — профессор Турович, на французском — профессор Мадейский, затем был концерт, после которого городничий дал бал, на котором «русские солдаты, по временам, пели русские военные песни, столь приятные для русского сердца», поднимались тосты за здоровье царя, была устроена иллюминация. Присутствовавший на праздновании католический епископ явил пример сотрудничества с властью⁵².

Учебная программа русских гимназий (Киевская гимназия была открыта в один год с университетом, в 1834-м) была разработана Ливеном в 1828 г. для всей империи. Изучение польского языка в ней, конечно, не предусматривалось. Недельное распределение уроков было следующее⁵³:

Учебные предметы	Классы						
	I	II	III	IV	V	VI	VII
Закон Божий (православное или католическое вероисповедание)	2	2	2	2	1	1	1
Грамматика	4	4	4	—	—	—	—
География	2	2	2	—	—	—	—
Российская словесность и логика	—	—	—	3	3	3	2
Латинский язык	4	4	4	4	—	—	—
Латинская литература	—	—	—	—	4	3	3
Немецкий язык	2	2	2	3	3	3	3
Французский язык	—	—	—	3	3	3	3

Арифметика и геометрия	4	4	4	3	—	—	—
Математика и физика	—	—	—	—	3	5	4
История и статистика	—	—	2	3	4	3	5
Чистописание	4	4	2	—	—	—	—
Рисование	2	2	2	1	1	1	1

Шляхтичу трудно было пренебречь предоставляемыми образованному дворянству привилегиями после окончания русской гимназии. Лучшие, выдержав конкурсный экзамен, становились студентами университета. Аттестат об окончании среднего учебного заведения давал преимущества при поступлении на государственную службу по сравнению с менее образованными; потомственные дворяне после года службы (после пяти лет для не подтвердивших свое происхождение дворян) получали чин 14-го класса по Табели о рангах. До 1846 г., пока шла проверка документов о дворянском достоинстве, части шляхетских сыновей удалось таким образом избежать деклассирования. Л. Заштовту, специалисту по истории образования в Западном крае в период 1832—1864 гг., не удалось установить, сколько было деклассированной (или находившейся в процессе деклассирования) шляхты в средних учебных заведениях⁵⁴. Он достаточно голословно утверждает, что число детей, не причисленных к шляхте, колебалось от 10 до 20%, однако не указывает, какой была доля однодворцев по сравнению с русскими дворянскими детьми и детьми православных священников. Представляет возможным, что до окончания проверки прав на дворянство какую-то часть детей приписывали к проверенной шляхте. Вероятно, именно поэтому 1 мая 1833 г. две тысячи шляхтичей из Новоград-Волынского уезда просили ускорить открытие обещанной уездной школы. В свою очередь, попечитель фон Брадке 30 мая 1833 г. говорил о необходимости развития сети приходских школ для украинского крестьянства, более восприимчивого к русской культуре.

Однако представленная выше перспектива продвижения по социальной лестнице не была привлекательной для большей части шляхты. Самые богатые вообще не видели в этом необходимости. Напротив, многие бывшие польские преподаватели были заинтересованы в такой карьере и потому сотрудничали с русскими учебными заведениями. Например, Александр Мицкевич, брат поэта Адама Мицкевича, переехал из Кременца в Житомир, откуда часто ездил в командировку в Киев с оплатой дорожных расходов, а затем получил должность в Киевском университете. Среди магнатов случаи сотрудничества были редки: семья Сангушко не дала согласия на открытие школы в принадлежавшем им местечке Заславе, хотя помещение для нее было предоставлено (купцом Альперсоном). Лишь Болеслав Потоцкий из Немирова в Подольской губернии согласился на

собственные средства открыть русскую гимназию. Женатый на русской дворянке, Болеслав Потоцкий, сын Феликса и Софии, — это один из наиболее ярких образчиков сотрудничества польского магната с властями.

Нелегко установить точное количество польских детей, отданных родителями в русские учебные заведения. В отчете генерал-губернатора за 1840 г. приводятся следующие данные:

Учебные заведения	Киевская губерния	Подольская губерния	Волынская губерния
Университет	1	—	—
Институт благородных девиц	1	—	—
Гимназии	2	3	2
Пансионы для дворянских детей	2	—	—
Пансионы для детей бедных дворян	1	—	—
Межевой институт	1	—	—
Уездные и приходские школы	18	5	33
Общее количество учеников	2146	1461	1739

Эти цифры недостаточно информативны, поскольку данные по уездным и приходским школам были объединены, указывалось общее количество учеников во всех учебных заведениях. По трем губерниям оно равнялось 5346, но остается вопрос — сколько среди них было поляков? Если учесть, что существовало около 40 православных приходских школ, а в каждой училось около 30 учеников, сыновей украинских крестьян, то, исключив 1200 учащихся из общего числа, получим достаточно значительную цифру в 4000 польских дворян в русских школах на Украине. Это количество, несомненно, уступает числу учащихся в польских учебных заведениях до 1831 г. и не охватывает всего польского дворянства. Заштовт справедливо подчеркивает, что, несмотря на то что после 1832 г. количество учащихся в бывшем Виленском учебном округе сократилось на 50% (около 7 тыс.), даже еще в 1840 г. это количество составляло более 40% от всех учащихся средних учебных заведений в Российской империи⁵⁵.

Вопреки надеждам Петербурга в 1832 г., попытка привлечь поляков в российскую школьную систему лишь в незначительной степени способствовала их интеграции в российское общество и поступлению на гражданскую службу, столь важную для российских дворян. Численность польского дворянства была незначительной и среди получивших высшее техническое образование, а также в армии. Именно поэтому во время инспекции в Волынской губернии в 1838 г. генерал Маслов выразил мнение о том, что ассимиляция проходила бы быстрее, если бы каждые три года в обязательном порядке проводился набор сотни юношей для учебы в Пе-

тербурге в кадетских корпусах, в горном, дорожно-строительном, юридическом учебных заведениях, а по окончании курса они направлялись бы на службу во внутренние губернии России. Он считал, что это способствовало бы формированию умов в желательном для правительства духе и последующей выработке подобных настроений у остальных, зараженных гибельными намерениями⁵⁶. Русификация образования не привела к уничтожению польского духа, и царские власти беспокоило наличие значительной группы польской молодежи. Кроме того, до 1840 г. власти либо не смогли, либо не захотели полностью ликвидировать частные пансионы, программа обучения в которых в большей степени отвечала потребностям польского дворянства. Такие пансионы начали появляться во всех городах и местечках, где были новые школы, предлагая то, чего в этих школах недоставало. А. Иванский оставил воспоминания о достаточно типичном воспитании того времени: отданный в руки гувернантки в трехлетнем возрасте, он научился читать и писать по-польски, его первой польской книгой стал «Паломник в Добромиле» Изабеллы Чарторыйской, а знакомство с историей началось с «Исторических песен» Ю.У. Немцевича. Позже, до поступления в Киевскую гимназию в 1844 г., его в 9-летнем возрасте отдали в киевский пансион немца Опермана. После чего он год проучился в Немировской гимназии, затем вернулся в Киев и побывал еще в нескольких пансионах, в том числе француза Эдуэна. Как когда-то в Кременце, многие преподаватели Киевского университета содержали как дешевые, так и дорогие пансионы, среди них — Юзеф Коженевский, писатель, преподаватель истории древнего мира. «Таким образом, — писал Иванский, — решала проблемы вся местная шляхта... а поскольку в то время домашних учителей на Украине попросту не было... непедagogичное странствование детей из одного пансиона в другой должно быть понятно потомкам»⁵⁷. Для царских властей, а особенно для только что получившего назначение Бибикова, который в 1838—1839 гг. раскрыл «заговор» Ш. Конарского, существование частных польских пансионов было словно брешь в возведенной реформой просвещения стене между русской и польской культурами. В то время когда в государственных учебных заведениях стремились формировать умы по российскому образцу, пансионы сохраняли связь учащихся с родителями и миром, близким им с детства. Эта связь, по мнению властей, должна была быть разорвана, тем более что владелец одного из киевских пансионов Петр Боровский, выходец из Кременца, принимал участие в заговоре Конарского, создав студенческий кружок «Вера, Надежда, Любовь». Боровский, преданный двумя арестованными в 1838 г. юношами А. Янишевским и С. Винницким, стал идеальным поводом для продолжения политики изоляции учеников от родной среды⁵⁸. Царские власти считали также необходимым отдалить польскую молодежь от католической

церкви, в частности — от монашеских орденов, которые еще недавно вели преподавательскую деятельность. В связи с этим не вызывает удивления тот факт, что Бибиков ставил третьим пунктом записки, рассмотренной Комитетом западных губерний 28 апреля 1840 г., предложение «уничтожить совершенно влияние католического духовенства и Поляков на обучающееся в наших учебных заведениях польское юношество, имея в виду, что сему последнему нужно не столько учение, сколько благонамеренное воспитание, чего можно достигнуть учреждением только закрытых казенных заведений под начальством Русских»⁵⁹. Итак, Российское государство желало взять на себя дело воспитания и обрусения молодых шляхтичей. После обсуждения в Комитете западных губерний царь 23 апреля 1840 г. дал свое согласие на предложения Бибикова, после чего Уварову вместе с Бибиковым была поручена разработка проекта. Уже в мае они обратились к попечителю Киевского учебного округа и трем гражданским губернаторам с требованием представить соображения о преобразовании существующих школ в закрытые учебные заведения⁶⁰. Предлагаемые средства были соизмеримы с царским цинизмом: родителей просили финансово поддерживать меры, целью которых было оторвать от них их собственных детей. Уездные предводители дворянства получили текст, под которым должны были поставить подписи все помещики уезда. Последние были настолько возмущены, что в большинстве случаев, ссылаясь на свое отсутствие, обязали расписаться за себя экономов. В этом обращении генерал-губернатора шла речь о том, что состояние школьного образования в трех губерниях не отвечало возлагаемым на него надеждам, так как, несмотря на благонадежность учителей, после занятий ученики оставались без присмотра. Во избежание этого зла и чтобы «спасти грядущее поколение», царь постановил превратить дворянские гимназии и школы Киевской, Подольской и Волынской губерний в «закрытые заведения». Помещикам предлагалось «пожертвовать в продолжение десяти лет, в пропорцию владеемых душ, ежегодно по крайней мере 3 копейки серебром с души, внося такое пожертвование с собственных доходов» и тем самым способствовать внедрению подобных казенных учреждений в городах или, по согласованию, в имениях, где ученики должны были жить под постоянным контролем русских воспитателей. С этого времени частные пансионы запрещались. Все эти меры в очередной раз были представлены в качестве царской милости. Польская шляхта должна была не только профинансировать разрыв с собственными детьми, но еще и радоваться по этому случаю. Бибиков, правда, сопровождал свою просьбу обманчивыми гуманными рассуждениями, подчеркивая, что благодаря этим мерам бедное польское дворянство, не имеющее возможности платить за частное обучение своих сыновей, сможет послать их в русские школы, ибо плата за государственный пансион, писал он, будет умеренной, тогда как учебная подготовка и воспи-

тание, в отсутствие вредных примеров, будут подняты на высокий уровень. А потому надобно сделать так, чтобы каждый «смог воспользоваться этой царской милостью». Власть требовала, чтобы за оказанную «милость» ее еще и любили⁶¹. Несмотря на суровость властей, значительное число поляков из четырех тысяч окончивших средние учебные заведения продолжило учебу в Киевском университете. Тем более что в первое время там преподавало девять профессоров Виленского университета и шесть преподавателей Кременецкого лицея. Вместе с приехавшими из Кракова и Львова здесь было 19 польских преподавателей. Присутствие польских студентов в Киевском университете уже достаточно хорошо изучено, и поэтому нет необходимости останавливаться на этой важной теме⁶². Приведем лишь некоторые данные из исследования Я. Табиша о численности поляков среди студентов Киевского университета⁶³.

Учебные годы	Общее количество студентов	Поляки	
		количество	%
1838—1839	264	165	62,50
1843—1844	320	163	50,93
1848—1849	653	363	55,58
1853—1854	641	333	51,95
1858—1859	964	507	52,59
1862—1863	830	401	48,31

В период между открытием университета в 1834 г. и Январским восстанием 1863 г. в Киевский университет поступило 1753 поляка. Согласно регистрационным записям, 95% из них были выходцами из западных губерний. Это говорит о том, что Киев в этот период играл ту же роль, что ранее Вильна (огромная разница состояла, однако, в том, что в Вильне в одном только 1829/1830 учебном году училось 2 тыс. поляков, тогда как в Киеве на протяжении 30 лет училось 1753 поляка). Однако количество студентов из литовских и белорусских земель было значительно меньше по сравнению с тремя украинскими губерниями, откуда за 30 лет поступило 1192 студента-поляка, т.е. 68% от числа в 1753 поляка, в то время как из белорусских и литовских — 16,20% и 10,21% соответственно.

Интересно, что процентное соотношение 1192 студентов из трех губерний соответствует вышеприведенным данным о плотности сети средних учебных заведений. Доля польских студентов составляла:

Волынской губернии	43,96%
Подольской губернии	29,70%
Киевской губернии	26,34%

Поистине удивительны особенности исторической памяти: двадцать виленских студентов, осужденных в 1824 г. за создание тайного Общества филаретов и филوماتов, благодаря поэме А. Мицкевича «Дзяды» стали символом польской национальной славы. У киевских студентов, осужденных в 1839 г. и получивших гораздо более суровое наказание, чем виленские за пятнадцать лет до этого, не было своего поэта, и их имена забыли. А ведь, учитывая политические условия 1836—1838 гг., они были более отважны. И хотя их «вина» была так же незначительна, сценарий был тем же.

Сперва, в мае 1837 г., полиция обнаружила, что трое студентов — Б. Богданович, Ю. Буяльский и С. Рутковский — распространяли польскую эмиграционную литературу: «Книги польского народа и польского пилигримства» А. Мицкевича, «Пиршество мести» С. Гошинского и биографию Т. Костюшко. Министр Уваров специально приехал в Киев на суд над этими смельчаками: первых двух отправили в Оренбург солдатами, третьего выслали в Казань преподавать. Вскоре оказалось, что книги им поставлял владелец частного пансиона П. Боровский, о котором уже шла речь. Затем выяснилось, что они получали письма и деньги от другого студента — Гордона, связанного с тайным обществом Ш. Конарского. Гордону удалось бежать и укрыться во Франции. Немного позже, после ареста Конарского в мае 1838 г., было установлено, что в это Общество входило 34 польских студента Киевского университета.

Возмущенный Николай I хотел раз и навсегда закрыть просуществовавший всего 4 года университет, однако затем постановил приостановить учебу «всего» на один год. 18 марта 1839 г. военный трибунал приговорил 11 студентов к смерти, однако в последний момент, согласно устоявшейся традиции, они были помилованы и отправлены в армию солдатами. Шестеро были лишены дворянского звания, пятеро, оставаясь дворянами, могли рассчитывать на продвижение по службе в армии. 15 студентов приговорили «лишь» к 10 годам службы в армии, а 8 — «просто» перевели в Казанский университет⁶⁴. Это дело затронуло также и преподавательский состав: все польские профессора были переведены в Москву, Харьков, Нежин. В университете был оставлен только католический священник.

Эта драма свидетельствует о том, что именно в наиболее притесняемой среде, в учебных заведениях, где были запрещены родной язык и культура, происходила радикализация части польской молодежи. На долю этих юношей выпали тяжелые испытания, ставшие платой за то, что они, несмотря ни на что, хотели оставаться поляками.

Остается вопрос, насколько близка была этим молодым людям программа Ш. Конарского, в которой, как мы далее увидим, туманно излагались благородные идеи. В любом случае, судя по небольшому числу участников, это движение не было мощным. Т. Бобровский, в то время студент

университета, чаще имел дело с золотой молодежью, разъезжавшей в собственных экипажах, пьющей шампанское и играющей в карты. Подобному образу жизни в университете, отличавшемуся бездеятельностью, как и жизнь в поместьях, способствовала система экзаменов, которые сдавались всего раз в два года⁶⁵.

Как бы то ни было, очевидно, что и создание закрытых учебных заведений, и драконовские репрессии за проявления национального духа преследовали одну и ту же цель — запугивание населения и доведение его до состояния апатии и инертности. Цель эта, безусловно, была достигнута. Польский вопрос продолжал тревожить царские власти, кое-кто даже предлагал запретить полякам выезжать за пределы западных губерний империи. Одним из самых ярких примеров подобных антипольских настроений является записка, которую Николай I поручил рассмотреть 22 сентября 1842 г. Комитету западных губерний. Записка была подготовлена генерал-адъютантом А.А. Кавелиным.

По мнению Кавелина, можно было превратить Киев в центр обучения польской молодежи при условии, что программа обучения не будет выходить за рамки политехнических учебных заведений. А именно следовало создать межевую, гидрологическую, лесотехническую и др. школы. Это дало бы возможность «укротить» стремление к учебе во всех западных губерниях, особенно в Литве, «дать другое направление сему опасному потоку» среди польского дворянства, «самого вредного сословия для сего края». Это, по его мнению, дало бы возможность избежать распространения «польской заразы» на другие российские университеты, поскольку польская молодежь уже появилась в Москве, Петербурге, Дерпте, в особенности после закрытия в 1842 г. Медико-хирургической академии в Вильне, уцелевшей после закрытия Виленского университета. Следовательно, отмечал Кавелин, «молодые люди сии, поступая в русские университеты поневоле от уничтожения университетов почти во всем Западном крае, с готовым уже образом мыслей, с химерами о восстановлении Польши, с сердцем, напитанным ненавистью к России, с мщением в душе за насильственное удаление из родного края, могут заразить и прочих учащихся, а вряд ли обрусеют»⁶⁶.

Уваров не видел необходимости заходить так далеко и убедил Комитет в том, что лишь немногие поляки отправляются учиться дальше Киева. По его мнению, опасность была преувеличена и принятых до этого времени мер было достаточно. Среди последних он упоминал создание закрытых учебных заведений на Правобережной Украине и ликвидацию Виленской медико-хирургической академии: «...сие последнее убежище безумного польского патриотизма теперь совершенно разрушено и конечно никогда уже не возобновится»⁶⁷. Если исходить из количества польских

студентов в царских университетах в канун восстания 1863 г., такой оптимизм выглядит преувеличенным. В 1861 г. студентов-поляков насчитывалось 388 в Петербурге и 423 в Москве. Примечательно то, что они в большинстве происходили не из Украины. Половина из них принадлежала к чиншевой шляхте, а значит, прибыла из литовских или белорусских земель, где ревизия прав на дворянство и деклассирование в однодворцы так и не были завершены⁶⁸.

Временная либерализация в области образования наступила 16 июля 1860 г., когда Александр II в ответ на прошение Киевского дворянского собрания, составленное Леонардом Янковским и Тадеушом Бобровским, дал согласие на включение уроков польского языка в программу гимназий в трех губерниях Правобережной Украины и в Киевском университете. Однако меры эти были запоздалыми и ограниченными⁶⁹.

Обратимся теперь к преследованиям печати. Скрытый страх царских властей перед возрождением польского патриотизма, а то и радикализма польской эмигрантской среды зачастую совпадал с опасениями польских помещиков и выразился в ужесточении репрессий после «Весны народов» 1848—1849 гг. В этот раз они были направлены против польского журнала, который на протяжении тридцатилетнего периода был единственным польским печатным органом на Украине. Это был ежегодник «Gwiazda», выходявший в 1846—1849 гг. Его читательская аудитория формировалась из выпускников средних школ Украины и студентов Киевского университета. Сам факт его закрытия свидетельствует о стремлении властей пресечь на корню развитие польской интеллектуальной среды на Украине.

В Российской империи выходили польские журналы, а именно уже упомянутый петербургский еженедельник «Tygodnik Peterburski», а также редактируемый Ю.И. Крашевским в Вильне журнал «Athenaeum». «Tygodnik» стоял на крайне консервативных позициях, на его страницах печатались Жевуский, Грабовский и сторонники ультрамонтанства. Тираж второго журнала едва достигал 200 экземпляров.

Ежегодник «Gwiazda» был направлен против петербургского польского реакционного кружка⁷⁰. Его редакторами были трое молодых людей, двое из которых происходили из бедной шляхты, а третий принадлежал к помещикам средней руки. Зенон Фиш был самоучкой. Его отец владел небольшим селом в Черкасском уезде, а сам он прошел через униженную службу в «канцеляриях» крупных землевладельцев, о чем с горечью сообщал в первом номере журнала. Из осторожности он избрал псевдоним Т. Падалица, который нельзя назвать случайным. В украинском языке одно из значений слова «падалица» — это поросль из зерна, оставшегося на поле после жатвы. Он видел себя человеком, уцелевшим в ходе крупномасштабных чисток и депортаций 1831 г. Другой редактор, Ю. Юркевич,

до 1830 г. учился в базилианской школе в Умани. Он также был вынужден зарабатывать на жизнь нелегким трудом: сначала как гувернер, позже — о, ирония судьбы! — как переводчик Киевской ревизионной комиссии. Последний из редакторов, Антоний Марчинковский*, происходил из семьи немного более зажиточной, родился в 1823 г. под Киевом, учился в Киевской гимназии, а с 1841 г. — в университете, но так и не окончил его.

Благодаря поддержке Ю.И. Крашевского молодым редакторам удалось издать первый номер в Петербурге в 1846 г. (вскоре Крашевский испугался дерзости молодежи и покинул журнал после выхода второго номера), а затем, благодаря издателю и владельцу книжного магазина К.Т. Глюксбергу, — три следующих номера в Киеве в 1847, 1848 и 1849 гг. Действительно, новая тональность, отсутствие уважения к консерваторам должны были понравиться многим мелким помещикам, которые, как мы видели, зачитывались Гете в своих богом забытых селах. Журнал предназначался и для немногочисленной мыслящей элиты в таких городах, как Каменец, где позднее доктор Антоний Ролле⁷¹ собирал воспоминания о Кременецком лицее, или Житомир, где молодые литераторы, такие как Кароль Качковский, находились под влиянием Крашевского. У первого номера было 567 подписчиков, у второго — уже 880, чему способствовали нападки петербургского «Tygodnik» на новое издание. У двух следующих номеров было лишь 405 и 308 подписчиков соответственно, однако известно, что каждый номер выходил тиражом в 1050 экземпляров, что, принимая во внимание и политический климат того времени, и место издания, можно назвать значительным тиражом. Успех этого журнала, который был своего рода литературным ежегодником, объясняется спецификой читательской аудитории, в которую входили представители малоземельной шляхты и канцеляристы, получившие школьное образование, но не принадлежавшие к интеллигенции в строгом смысле этого слова. Появление подобной группы читателей, еще тесно связанной с традиционными полуфеодальными порядками, свидетельствует о том, что существовавшая система стала давать трещины.

Ежегодник, судя по подбору сотрудников и характеру публикуемых статей, несомненно способствовал углублению этого процесса. Редакторы не только привечали в журнале авторов своей социальной группы (врач К. Качковский или студент Е. Желиговский), но и размещали анонимные тексты о поляках, сосланных за патриотическую деятельность на Кавказ простыми солдатами, — о В. Давиде, Т. Ладе-Заблоцком, В. Стшельницком**, Ю. Заленском. Содержание журнала не могло не произвести впе-

* Возможная транскрипция фамилии — Марчинковский. (Прим. пер.)

** Возможная транскрипция фамилии — Стрельницкий. Стрельницкий. (Прим. пер.)

чтения на читателя. Многие авторы критиковали исповедуемую Х. Жевуским концепцию неподвижной, пассаистской и провинциальной истории. Они доказывали, что невозможно вдохновляться идеями Ж. де Местра в эпоху, когда умами овладело гегелевское учение о прогрессе и исторической закономерности. В этом закоснелом, запуганном мире они называли имена, от которых у консерваторов должен был идти мороз по коже, — Л. Бланк, Ж. Мишле, Г. Гегель, Ш. Фурье, а также имена поляков, которые достаточно свободно действовали на польских землях, аннексированных Пруссией; не обошлось без приведения «безбожных» цитат из Б. Трентовского или даже из опасного «коммуниста» К. Либельта.

Остается неясным, как в разгар эпохи Бибикова могли быть опубликованы в Киеве три номера такого журнала. Генерал-губернатор, конечно, не читал таких изданий, и, к счастью, в течение трех лет польские публикации цензурировались Орестом Новицким — не меньшим антиклерикалом, чем сами издатели журнала. Однако польское общество Украины быстро признало ежегодник скандальным. Перепечатывая антииезуитские памфлеты XVIII в., обращаясь к сатирическим произведениям эпохи Просвещения или публикуя частями роман «Сумасбродная аристократия» в стиле Эжана Сю, в котором описания богатой и закоснелой шляхты часто граничили с оскорблением, молодые редакторы стали любимой мишенью отца Игнацы Холовинского, стоящего на страже чистоты католической веры и консервативных традиций. В его письме к Грабовскому чувствуется такое же, как и у Жевуского, пренебрежительное отношение к обедневшей шляхте, которую иначе как негодной он не называл. А когда после 1848 г. европейские события вызвали усиление цензуры внутри России, польский петербургский кружок и консервативные круги на Украине приложили все усилия к тому, чтобы закрыть ежегодник⁷².

Подобные примеры хорошо иллюстрируют репрессивный характер правительственных мер по контролю за культурой и свидетельствуют об инертности шляхетского общества, которая обуславливалась как разного рода преследованиями со стороны властей, так и его собственной отсталостью. Неслучайно в 1848 г. Николай I назначил попечителем учебных заведений самого генерал-губернатора Бибикова, который теперь смог объединить в своих руках все средства репрессивного контроля⁷³. Удушающая атмосфера Петербурга, которую прочувствовал и описал в своем знаменитом произведении маркиз А. де Кюстин, — ничто по сравнению с будничной реальностью этих губерний империи.

Общий террор, при котором нельзя было допустить даже издания одного ежегодника на польском языке, объясняет, почему на Украине было так мало поляков, склонных к переменам. В то же время это положение вещей было одной из причин радикализации взглядов тех поляков, кто

избрал борьбу. Как и те несколько поляков, которые стали членами Кирилло-Мефодиевского братства, основанного в 1846 г. украинцами в Киевском университете (сыновья купцов и священников имели право на получение высшего образования), и были арестованы в 1847 г. за то, что требовали отменить крепостничество и предоставить определенные права украинской культуре⁷⁴, наиболее активные и радикально настроенные революционеры в 1860—1864 гг., как справедливо подчеркивает С. Кеневич, появились не из варшавской среды либеральной и умеренной интеллигенции, а именно в Киеве, где так долго господствовала удушающая политическая атмосфера⁷⁵. Наиболее вовлеченные в борьбу красные — С. Бобровский, З. Сераковский, в прошлом ученик Житомирской гимназии, А. Коженевский, Ю. Домбровский, З. Падлевский — испытали на себе тридцатилетнее преследование польской культуры.

Культурный террор эпохи Николая I не прекратился с его смертью. Напротив, стоит обратить внимание на то, какой глубокий след даже после смягчения репрессий он оставил в душах большинства польских помещиков Украины, которые, подобно битому псу, оставались покорными воле хозяина.

Несмотря на то что после смерти деспотичного царя его сын Александр вернул полякам несколько крупиц их культуры, назначив в Киев попечителем округа либерального педагога, известного врача Н.И. Пирогова, консерваторы на Украине, помня прежние страшные времена, не поддержали в 1863 г. повстанческих лозунгов. После 1855 г. Александр II разрешил изучение польского языка в нескольких гимназиях и школах, которые оставались под надзором благонадежных аристократов. В Белую Церковь благодаря протекции Браницких приехал преподавать В. Козловский; в Немирове под крылом Болеслава Потоцкого получил должность В. Коперницкий; в Ровно, в имени Любомирских, было разрешено преподавать польский язык М. Дубецкому; такое же разрешение получили Житомирская и Киевская гимназии⁷⁶. В предыдущей главе было приведено униженное прошение Киевского дворянского собрания на имя царя о распространении этой милости и на другие учебные заведения губернии. По свидетельству Т. Бобровского, И.И. Васильчиков дал согласие, даже не ожидая ответа на это обращение. Однако в университете, несмотря на то что в 1860 г. был объявлен конкурс на должность преподавателя польского языка, из-за отрицательного отношения «определенной группы преподавателей, выходцев из семей священников» должность оставалась вакантной еще в 1863 г.⁷⁷

Рассуждения и примеры, приводимые Т. Бобровским, — свидетельство реакции польских помещиков Украины, к которым он сам принадлежал и которые полагали, что не стоило ввязываться в безрассудное вос-

стание тогда, когда добрый царь возвращал полякам то, чего они были так долго лишены, а именно обучение на родном языке и хоть какую-то возможность открыто развивать собственную культуру.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ТЕРРОР: КАТОЛИКИ И УНИАТЫ ПЕРЕД ЛИЦОМ ПРАВОСЛАВИЯ

Деполонизация Правобережной Украины означала не только ликвидацию польского языка и культуры, но и ослабление влияния католицизма, с которым царские власти обоснованно идентифицировали поляков. Сразу после своего создания Комитет западных губерний посвятил ряд заседаний обсуждению мер по борьбе с католицизмом. Поводом к тому было весьма широкое участие католических священников и монахов в Ноябрьском восстании 1830—1831 гг. Скрываемая властями до 1830 г. установка на религиозное преследование теперь стала явной. Министры начали дебаты о возможности уменьшения количества монастырей и закрытии существовавших при них школ. Для эффективного контроля над действиями духовенства в этой сфере, как и в административном управлении, было введено обязательное употребление русского языка в делопроизводстве. Репрессии против католицизма сопровождались поддержкой православной церкви. Главное управление духовных дел иностранных исповедания (которое до 1832 г. входило в состав Министерства народного просвещения, а затем было переведено в Министерство внутренних дел в статусе департамента), отвечавшее за проведение этих мер, подготовило проект увеличения числа православных приходов на казенных землях и в частных владениях, конфискованных по политическим мотивам. Это имело отношение к проблеме крепостного права. Ранее никто особенно не интересовался духовными потребностями православных украинцев-крепостных, принадлежавших католикам-помещикам. Отныне они стали объектом постоянной опеки со стороны всех инстанций, а сам факт подчинения православных католикам стал рассматриваться как возмутительный. В 1831 г. вновь возникли многочисленные дела о «принудительном обращении в католичество», которые затевались и ранее⁷⁸.

Начиная с XVI в. культурное доминирование поляков в этом регионе выражалось в многочисленных крупных владениях и влиянии католической церкви. Теперь же на смену одной имперской тенденции пришла другая.

Моральный ущерб, который власти старались причинить католикам, сопровождался большими материальными потерями, грабежом, который должен показать верным крестьянам, *кто* был настоящим хозяином. Глобальный и систематический характер акции, блестяще спланированной

Главным управлением духовных дел во главе с Д.Н. Блудовым, облегчает задачу историка по воссозданию картины происходившего.

С декабря 1831 г. Комитет западных губерний утвердил правила конфискации католических монастырей. Было определено три категории: а) религиозные ордена, принимавшие участие в восстании; б) ордена, владеющие крепостными-некатоликами; в) ордена, которые не имели минимального количества монахов, установленного каноническими правилами. На основе инспекционных поездок 1827 и 1828 гг. Д.Н. Блудов составил список, в который вошло 304 монастыря и аббатства западных губерний. После Ноябрьского восстания, при активном участии Блудова теперь уже в качестве министра внутренних дел, было упразднено почти две трети монастырей⁷⁹.

Монашеские ордена в 1832 г.	Закрытые монастыри		Сохраненные монастыри	
	количество	монахи	количество	монахи
бернардинцы	20	259	22	481
св. Роха	—	—	2	—
уставные (черные) каноники	13	34	1	10
латеранские каноники	1	6	4	44
доминиканцы	55	247	30	396
францисканцы	31	136	10	126
францисканцы-реформаторы	2	12	1	10
бenedиктинцы	2	3	3	66
кармелиты	25	143	7	79
кармелиты босые	7	37	5	86
марианиты	1	5	1	13
пиары	4	24	6	76
капуцины	7	47	4	36
миссионеры	7	26	5	96
бонифраторы	—	—	6	28
тринитарии	12	63	3	29
цистерцианцы	1	20	1	14
августины	3	20	2	47
Всего	191	1082	113	1637

Следует отметить, что действительно были закрыты монастыри с наименьшим числом монахов и что из 2719 монахов осталось 1637, т.е. больше половины. Для государства эта акция оказалась очень прибыльной — собственность монастырей перешла в казну. В приводимой ниже таблице показаны конфискованные и сохранившиеся монастырские земли в 1832 г.

Епархия	Конфискованные земельные владения		Сохранившиеся земельные владения	
	количество крепостных	рыночная стоимость в рублях серебром	количество крепостных	рыночная стоимость в рублях серебром
Северо-Западный край				
Виленская ⁸⁰	2749	274 310	5103	495 055
Минская	2590	192 000	4287	181 133
Самогитская	224	4873	432	62 466
Могилевская	3982	1 900 028	3451	31 014
Юго-Западный край				
Каменецкая	1045	112 716	858	55 529
Луцкая	2508	288 333	2013	303 991
Всего	13 098	2 772 260	16 144	1 129 188

Как видим, стоимость конфискованного имущества значительно превышает стоимость того, которое было оставлено (как нам предстоит убедиться, временно) духовенству. Очень значительная величина конфискаций в Могилевской епархии, без сомнения, объясняется ликвидацией Полоцкой академии. На Правобережной Украине у католических орденов отобрали 3553 крепостных, оставив 2871, уменьшились и земельные владения.

Стоит обратить внимание также и на число монастырей по губерниям, чтобы выяснить, направлялись ли специально репрессии против каких-либо местностей.

Губерния	Ликвидированные монастыри	Сохраненные монастыри
Северо-Западный край		
Виленская	39	14
Гродненская	16	16
Курляндская	3	1
Белостокская	5	3
Могилевская	24	6
Витебская	13	3
Юго-Западный край		
Волынская	35	18
Подольская	19	5
Киевская	7	2
Всего	161	68

Следует отметить, что по разным регионам было закрыто от 2/3 до 3/4 существовавших на тот момент монастырей. На Украине было закрыто 61 из 86 монастырей.

В документе за 1835 г. речь идет о судьбе католических церквей, которые существовали при закрытых монастырях в девяти западных губерниях⁸¹:

— переданы на усмотрение царя	6		
— превращены в приходские католические церкви	79		Превращены в 50 православных церквей после ликвидации униатской церкви в 1839 г.
— превращены в неприходские католические церкви	12		
— превращены в приюты для католических священников	6		
— переданы православной церкви	29	} 43	
— должны были быть переданы православной церкви	14		
— переданы униатской церкви	6	} 7	
— должны были быть переданы униатской церкви	1		
— полностью закрыты	30		
— переданы армии	1		
— временно закрыты	7		

После ликвидации орденов, которые осуществляли образовательную деятельность, киевский попечитель приказал составить общий список частных фондов и пожертвований на образование. Их вскоре передали в фонд создававшихся тогда же русских школ, если только дарителями не было особо оговорено, что выплаты прекращаются в случае закрытия школы. Один из документов Житомирского областного архива содержит информацию о конфискации чрезвычайно богатых фондов на Волыни, принадлежащих пиарам из Межирича и Дубровницы, кармелитам босым из Бердичева, тринитариям из Теофильполя и четверем базилианским (униатским) школам из Владимира, Любари, Овруча и Почаева⁸². Остальное имущество, как и в других случаях, было передано в ведение казенных палат, которые уже 5 сентября 1833 г. провели подсчет крепостных в большинстве монастырских земель Волынской губернии, а также ежегодной прибыли (представлено ниже в таблице)⁸³.

Монашеские ордена	Вид конфискации	Количество крепостных	Годовой доход в рублях серебром
бернардинцы	2 здания в Чуднове	2	23
кармелиты	10 морг земли	—	11
	1 село ок. Кременца	697	2907
	1 село ок. Заслава	476	2891
	1 село ок. Заслава	29	227
доминиканцы	1 село ок. Чарторыйска	57	236
	1 поместье	19	88

	1 поместье	8	16
	1 село ок. Ковеля	244	178
	1 село ок. Староконстантинова	89	592
августины	часть села ок. Владимира	30	181
	с. Радзивихов	18	237
тринитарии	с. Берестечко ок. Дубно	49	192
францисканцы	1 село ок. Кременца	41	82
Всего		1759	7861

Случалось так, что некоторые земли передавались в аренду. В документе не указывается, кому именно, вероятно — русским. Такая ситуация сложилась в бывшем августинском монастыре в Кодне (около Житомира), в бывших францисканских монастырях в Ивнице (Житомир), Дуплинках (Староконстантинов), Циранске (Кременец), в бывших кармелитских монастырях в Радославе (Овруч), Дорогостое (Дубно), в бывшем тринитарском монастыре в Шумбаре (Кременец) и бывшем доминиканском в Неверкове (Ровно). Общее количество крепостных равнялось 291, ежегодный доход со всех этих владений составлял 2160 рублей серебром.

Очень часто выдвигался аргумент, что нельзя оставлять православных крепостных подданными католической церкви. Сам Николай I, царь-заступник простого народа, требовал отчетов по этому вопросу. 28 марта 1831 г., т.е. еще во время восстания, киевский гражданский губернатор сообщал, что в его губернии католическая церковь владеет 5209 крепостными, из которых лишь 17 католиков и 3 униата. На этом основании заранее было спланировано резкое уменьшение количества католических религиозных заведений⁸⁴. В конечном итоге позиция царских властей испугала католиков, которые начали опасаться возвращения погромов XVIII в.: согласно отчету Блудова Николаю I, священник Ушицкого уезда Кулеша распространял мнение, что «крестьяне греко-российского исповедания намерены перерезать всех Поляков, Немцев и Жидов»⁸⁵.

Как и ранее, когда царские власти пытались привлечь крестьян на свою сторону под лозунгом защиты от произвола польских помещиков, так и теперь беспокойство о развитии православия становится одним из самых действенных средств в борьбе за украинские души.

В 1833 г., как и за два года до этого, распространялись слухи о случаях принудительного обращения в католицизм. Об этом с возмущением заявляли сами министры. В 1836 г. обер-прокурор Синода повторно запретил католическому духовенству владеть православными крепостными⁸⁶. Однако и этого было недостаточно для укрепления позиций православных священников, которые издавна не пользовались почетом

и критиковались за необразованность, о чем шла речь во многих докладных записках в 1830-х гг., адресованных на имя царя. В уже упомянутом отчете Бек критиковал организацию православного духовенства, отмечал его незначительный авторитет и предлагал принять меры по укреплению его позиций. Началом этой политики стало перенесение православной семинарии из Аннополя в прекрасные помещения бывшего Кременецкого лицея. В анонимной записке, которую в июне 1837 г. Николай I представил на рассмотрение губернаторам западных губерний, впервые предлагалось полностью конфисковать имения католического духовенства с последующим переводом его на казенное содержание. Комитет все же был неуверен в оправданности столь далеко идущих мер.

Под влиянием записки подольского гражданского губернатора Лашкарева, который предложил «некоторые меры, могущие... послужить к сближению сего края с Россией и к возвышению его благосостояния», министр внутренних дел Блудов выразил готовность назначить во все украинские приходы «образцовых» священников вместо скомпрометировавших себя и разработать план по ремонту и постройке новых церквей. Он обратился к Синоду с просьбой улучшить уровень жизни самых бедных православных священников⁸⁷.

Однако не эти записки вызвали наибольшее возмущение членов комитета. 12 декабря 1838 г. Блудов представил еще одну, «особую», автором которой был Д.Г. Бибииков. В ней утверждалось, что бердичевские кармелиты жестоко обращались со своей прислугой, подолгу держали их взаперти в монастырских подвалах, подвергали телесным наказаниям и морили голодом, т.е. проявляли жестокость не меньшую, чем помещики. Бибииков писал, что подобное отношение воспринимается крестьянами как притеснение православной веры, и интересовался, как следовало поступать в ответ на применение владельцами средств, которые по сути своей «бесчеловечны и истязательны». Комитет констатировал отсутствие каких-либо постановлений относительно католического духовенства, в то время как в 1835 г. уже было принято решение о конфискации имущества помещиков за плохое обращение с крепостными. В связи с этим Блудов решил направить католическому духовенству суровое предупреждение насчет телесных наказаний и таких мер воздействия, как тюремное заключение, заковывание в кандалы, выставление у позорного столба, морение голодом и т.п. Он возобновил запрет католической церкви владеть православными крепостными и распорядился о том, чтобы генерал-губернатор назначил специального полицейского чиновника для сбора жалоб. Бенкендорф, со своей стороны, должен был дать соответствующие поручения жандармским офицерам⁸⁸. Узнается метод, с которым мы уже сталкивались при изуче-

нии попыток властей вмешаться в отношения между помещиками и крепостными: «коли быть собаке битой, найдется и палка».

В 1839 г. укрепление православной церкви стало одной из основных забот царского правительства, и Бибииков в своем тайном донесении Николаю I, которое было вынесено на рассмотрение Комитета западных губерний 1, 24 и 25 февраля 1839 г., рекомендовал не обращать внимания на жалобы польского дворянства по поводу «мнимых притеснений» их веры и на то, что, например, реквизиция всего имущества католической церкви в Кременце воспринималась католиками как «насилие». Для него имела значение лишь православная церковь — «самое сильное и полезное оружие к уничтожению вредных внушений, к утверждению низших классов народа в их обязанностях, и чрез то к охранению мира и тишины...». По мнению генерал-губернатора, священники пока не имели надлежащего социального статуса. Православный священник «все еще содержится исключительно обработкой земли, следовательно, находится в зависимости от помещиков». Кроме того, он указывал на несовпадение границ католических и православных епархий: так, центр католической епархии на Воляни находился в Луцке, а православной — в Почаеве. И почему бы не переместить оба центра в губернский город Житомир?⁸⁹

Комитет посчитал это дело слишком деликатным, однако 1840 год был временем размаха бибииковской русификации, император ни в чем ему не отказывал. Генерал-губернатор проявил настойчивость, и Николай I одобрил эту идею, сделав на полях одного из его отчетов, высланных в Комитет в апреле 1840 г., пометку о том, что, забирая имущество католической церкви, Министерство государственных имуществ не конфискует его, а «берет в аренду», и доходы с этого имущества будут идти на повышение казенного жалованья католическому духовенству. Таким образом, католические священники превращались в чиновников. В том, что касалось идеи перевода центров католической и православной епархий в Житомир, то царь нашел ее замечательной и полезной «в видах возвышения Православия и элементов Русских», а переноса резиденции католического епископа в Житомир в особенности необходимым «для возможности ближайшего... надзора и уничтожения того вредного влияния, которое производит в крае отдельное помещение его в Луцке». Необходимые распоряжения на этот счет было поручено сделать Н.А. Протасову от имени Синода и А.Г. Строганова (преемника Блудова) — Министерства внутренних дел.

В мае 1840 г. оба сановника вместе с Киселевым были назначены в Комитет, цель которого состояла в том, чтобы найти наименее болезненные способы реализации упомянутых мер. Они рассчитывали на поддержку в этом вопросе католического епископа, который получил бы «личные преимущества», хотя уже и так было ясно, кто будет пользоваться

конфискованными у законных хозяев богатствами. Средства католического духовенства с этого времени шли на улучшение материального положения православных священников; в пользу православной церкви должны были отойти также здания, церковные помещения и «пустующие земли». Решение об использовании средств должно было принимать правительство, т.е. предполагалось, что теперь православные священники не должны будут постоянно обрабатывать землю, как это было до этого. И, наконец (вершина лукавства), должно было быть объявлено, что «передача» имущества Министерству государственных имуществ коснется всех конфессий, «дабы устранить сим всякое сомнение насчет беспристрастия о действиях Правительства»! Стоит ли напоминать, что православная церковь не имела на Правобережной Украине никакой собственности. Остается задуматься, для кого делалась столь благородная декларация?

Впрочем, Комитет опасался последствий столь радикальных мер и отмечал трудности на этом пути, где должно было наложиться друг на друга сразу несколько мероприятий: распространение российского законодательства, введение инвентарных правил, антиеврейские ограничения. Поэтому Комитет обратился к царю с просьбой о годовой отсрочке с момента оглашения закона и получил ее⁹⁰. Однако Бибикову было невтерпещ, и, зная о скорой полной конфискации собственности католической церкви, он 12 августа 1841 г. все еще настаивал: «...одна только зависимость сего духовенства от Правительства в средствах своего быта может отнять у злоумышленников значительную опору, которую они всегда в оном имели»⁹¹. Можно ли было выразиться яснее?

В конечном итоге царский указ от 25 декабря 1841 г. отнес к казенному имуществу всю земельную собственность вместе с крепостными как православного (это говорилось для видимости, поскольку всем было известно, что православная церковь ничего не имела), так и других вероисповеданий.

Добившись полного уничтожения могущества католической церкви на Украине, Бибиков получил еще один повод для глубокого удовлетворения: ведь еще за несколько лет перед тем перестала существовать униатская (официально называемая в России греко-униатской) церковь. Как же это произошло?

Необходимо сразу сказать, что, конечно же, незаконное решение о присоединении одним махом более миллиона униатов, живших на бывших польских землях, к православию, подобно тому как в Средневековье крестили сразу всю страну, не стало слишком тяжелым ударом для Украины, так как униатов к тому времени было здесь уже немного⁹². В первой части книги уже говорилось о том, что широкомасштабная ликвидация униатской церкви на Украине проходила после второго раздела Речи Посполи-

той. Кроме богатого Базилианского ордена, в который вступали шляхтичи, к этой церкви принадлежали украинские крестьяне; существование униатства, однако, было довольно тесно связано с польским вопросом, поскольку принадлежавшие к униии крепостные были ближе к католическим помещикам, чем православные крестьяне. (Из шляхты православие исповедовала лишь околичная шляхта Овруча.) Впрочем, за два века до этого ситуация была совсем иной: подписание Брестской униии 1596 г. и переход православных Киевской митрополии под покровительство папы символизировали польскую и латинскую экспансию на Восток. В 1839 г. лишь только некоторые мечтатели, вспоминая о польских завоеваниях или принудительном обращении в веру времен Контрреформации, могли еще думать о польской гегемонии, которая стала в скором времени темой увлекательных исторических романов Сенкевича, имевших мало общего с реальной историей. Жевуский устами Соплищы выражал сожаление о забытом идеале крестового похода Сигизмунда III против православной схизмы и господстве над Русью посредством униии. Он на свой лад интерпретировал историю, считая, что Сигизмунд III «не светской моралью, не философией опоялчил русские владения, а религией, благодаря набожным мужам, а когда наша религия распространилась в этих краях, то все остальные черты [польской] жизни сами собой там укоренились»⁹³. При этом он забывал о тех трудностях и жестокостях, которые сопутствовали внедрению этой религии в XVII в., забывал о пренебрежении к униатам-шляхтичам, которые до XVIII в. не имели права посылать своих депутатов в сейм в Варшаву. И все же его герой Соплища хорошо выражает суть этой популярной абстрактной ностальгии, чувства, вызванного утратой колонии. И хотя до 1830 г. было очевидным стремление униатов вернуться в лоно православия, указ от 25 декабря 1839 г. положил конец польским мечтаниям, продолжавшимся более двух веков. И именно в этом, и только в этом смысле можно говорить о том, что официальное присоединение униатов к православной церкви нанесло серьезный удар по престижу поляков.

Это присоединение могло бы произойти 45 годами ранее, если бы в ноябре 1796 г. Павел I не аннулировал решения Екатерины II от 22 апреля 1794 г. Однако по мере роста русского влияния становилось очевидным, что вскоре Россия захочет стереть следы оскорбления, нанесенного католицизмом православию в 1596 г. После вступления на престол Николая I был отброшен религиозный космополитизм его брата Александра. А.С. Шишков, глава Министерства народного просвещения, в ведение которого до 1832 г. входило управление неправославными конфессиями, утвердил абсолютный примат православия. Именно в этот период по униии были нанесены первые удары⁹⁴.

К 1830-м гг. в трех правобережных губерниях униатов было немного — чуть больше 100 тыс. в 160 приходах и в 23 базилианских монастырях. Начиная с 1833 г. попечитель Киевского учебного округа фон Брадке рекомендовал директорам новых русских учебных заведений, «чтобы ученики греко-униатского исповедания слушали Закон Божий у священников Греко-Российского исповедания, к исполнению чего однако действовать не принуждением, а добровольным соглашением»⁹⁵.

В северо-западных губерниях, где униатов было значительно больше, присоединение к православию не проходило так гладко, поскольку царские власти, торопясь расправиться с ними, организовывали массовые обращения по приходам силами православного духовенства (а не лояльных властям униатских клириков). Николай I с радостью изучал регулярно получаемые многочисленные отчеты о том, что с 1834 г. в православие возвращались села Витебской губернии по 100—200 жителей в каждом, набожно писал на полях «Слава Богу». Вскоре пылкие сторонники таких мер принялись устраивать еще более массовые обращения в православие: 3,5 тыс., а затем 8 тыс. человек одновременно в 1835 г. Все это происходило в белорусских землях при протестах шляхты, утверждавшей, что крестьян никто не спрашивал о согласии⁹⁶.

Что касается украинских губерний, нами был открыт лишь один случай протеста против подобных действий. Жители Ратна Вольнской губернии, сильно привязанные к своей вере, выступили против православного богослужения в своей церкви, где православный священник установил иконостас, необходимый атрибут литургии по православному обряду. Этот священник по фамилии Дмоховский, один из тех многих, кто был готов содействовать царским властям, столкнулся с сопротивлением своей паствы. В свою очередь, Блудов заподозрил подстрекательство неких тайных агентов, действующих в ущерб православию, так что на место происшествия были посланы жандармский майор Локателли и полицмейстер Чулков⁹⁷.

Царские власти, согласно устоявшейся традиции, привлекали на свою сторону высшее духовенство, предоставляя ему определенные льготы. Благодаря этому волнений на Украине удалось избежать. Известному базилианину отцу Скибовскому, который ранее был законоучителем в польской школе в Умани, было предложено стать православным епископом в епархии с новым центром в Житомире. Униатская вера этого монаха, с грубостью которого когда-то столкнулся молодой поэт Гошинский, не устояла перед жадной почестей. Как свидетельствует Иванский, шляхта протестовала, но крестьяне приняли эти перемены без протестов (других базилиан ждала иная судьба: отец Сирошинский, настоятель Овруцкого монастыря, в 1831 г. был сослан в солдаты в Сибирь, где и скончался, получив шесть тысяч палок в 1837 г.). Священникам, привыкшим общаться

со своей паствой по-украински, а с господами в помещицъей усадьбе — по-польски, мало что пришлось менять в своих привычках, разве что отпустить бороды *à la russe* и поставить в храмах иконостасы. И на этот раз здравый рассудок подсказывал полякам молчать и не выказывать неудовольствия. Лишь некоторые тихо сожалели, что богатства базилианских монастырей, «построенных на пожертвования польского народа», по словам Иванского, как и имущество католической церкви, подверглись конфискации⁹⁸.

Обратимся к подготовленному Д.Г. Бибиковым для царя в 1840 г. отчету об успешном завершении акции, в каждой строке которого чувствуется удовлетворение от очередной удавшейся манипуляции властей⁹⁹:

Возвращение к православию подданных Вашего Величества, отторженных от Веры отцов силой польского преобладания и насилиями латинского духовенства, совершилось в губерниях Киевской, Подольской и Вольнской, с помощью Божией, в тишине и спокойствии.

В особенности народ принял эту меру, указанную твердой волей Вашего Величества, с крайним усердием, которое доказал во многих случаях, сколько посильными, несмотря на бедное свое положение, жертвованиями на переделку и украшение церквей, столько же хранением со времен польского владычества и возвращением ныне в церкви царских врат и других утварей [Бибиков уточнял, что в Киевском уезде это произошло в селениях Туре, Повите, Влимче, Датыне, Замшаном, Здобысле, Хотшеве. — Д.Б.], которые, быв исторгнуты из церквей дерзновением католицизма, сбережены как святыня бедным и нуждающимся во всем народом, как бы предчувствовавшим возвращение свое в недра Православия и настоящего своего Отечества.

«Воссоединенных» таким образом с православием униатов было в юго-западных губерниях 130 тыс. душ. При этом

бывшее униатское духовенство большей частью, за некоторыми исключениями, действовало усердно. Тем из них, которые найдены в крайней бедности, по случаю прекращения, со времени присоединения к Православию, вспомоществований от Ксендзов и Польских помещиков, были сделаны денежные пособия, простиравшиеся до 520 рублей серебром. Эта малая помощь, кроме отвращения первых нужд, имела благоприятное на них влияние, убеждением, что Правительство не оставляет их своими попечениями.

Некоторые из бывших униатских священников отпустили ныне бороды и волосы и надели рясы.

Польское дворянство и католическое духовенство, вообще враждебное Православию и всему русскому, не осмеливаясь явно противодействовать сей правительственной мере, пытались однако же делать некоторые притеснения бывшему униатскому духовенству, лишая его приношений, которые делало прежде.

Некоторые из неблагонадежных помещиков и священников, замеченных своим фанатизмом к Унии, вызывались в Киев, им делались внушения, затем первые отпускались на жительство после решительного обещания не вмешиваться в дела веры, а вторые, по надлежащем увещании и наставлении, склонялись к принятию Православия, давали подписки в исполнении при Богослужении наших обрядов и содействии к возвращению прихожан в Православие, что после и исполняли весьма удовлетворительно. Только один священник, хотя и дал также подписку, но по особой неблагонадежности выслан в Орловскую Епархию, по сношению о сем с духовным начальством.

После проведения этой реформы на Украине осталось лишь две официальные христианские религии с многочисленной паствой, при этом католического духовенства было в 20 раз меньше, чем православного¹⁰⁰.

	Киевская губерния	Подольская губерния	Волынская губерния	Всего
Священники				
православные	3027	5008	3014	11 049
католики	87	229	287	603
Монахи				
православные	438	146	89	673
католики	59	118	380	557

Если посмотреть на соотношение священников и прихожан, то также увидим огромное преимущество православия: на 11 049 православных священников приходилось 3 700 тыс. верующих, что дает соотношение 1/334, а на 603 католических священника — 980 тыс. человек (570 тыс. украинских крестьян и 410 тыс. поляков), т.е. 1/1625. Духовная опека католических священников в таких условиях не могла быть плодотворной, тем более что уменьшилось и количество храмов¹⁰¹. На 1840 г. количество православных и католических церквей в трех юго-западных губерниях было следующим:

	Киевская губерния	Подольская губерния	Волынская губерния	Всего
правосл. церкви	1385	1556	1230	4171
католич. церкви	59	111	257	427

В 1850 г. в крупнейшем городе Юго-Западного края, Киеве, давней колыбели православия, было 40 каменных и 13 деревянных православных церквей и 9 монастырей, католических же костелов — только три: один при Киевском университете, второй при Институте благородных девиц, третий — на Владимирской горке вблизи Днепра, на углу улицы, носящей и сегодня название Костельной¹⁰². Следует отметить, что количество католических священников и церквей увеличивалось по мере продвижения на запад, и больше всего их было в Волынской губернии.

После уничтожения признаков могущества католической церкви и ликвидации униатской, символа прежнего польского господства, польской землевладельческой шляхте оставалось смириться с новыми формами русского господства. Для того чтобы католическая вера не ассоциировалась с польской культурой, императорским указом в 1842 г. было введено обязательное употребление русского языка в консисториях, а с ноября 1843 г. — и в католических духовных семинариях¹⁰³.

Используя ставший уже привычным механизм, власти обратились к полякам с просьбой поддержать то, что вело их к гибели. В данном случае от них ожидали содействия распространению православия. После указа императора от 20 июля 1842 г. о материальной поддержке сельских православных священников Бибииков создал губернские комитеты для исполнения этой задачи. 19 ноября 1843 г. Киевский комитет обратился к предводителям дворянства всех уездов с просьбой представить проекты благоустройства православных священников в имениях. Каждый православный священник должен был получить достаточно большой земельный участок и дровяное довольствие. Крестьяне обязывались нести в пользу причта барщинную повинность. Священники получали также денежное содержание в установленном размере и хозяйственный инвентарь¹⁰⁴.

Никто из помещиков, естественно, не спешил содействовать обустройству на своих землях людей, известных своей рьяной поддержкой царизма. До августа 1845 г. в губернский комитет поступил лишь один ответ с подтверждением. Поэтому 14 ноября комитет вновь потребовал ответа от всех уездов. Письмо содержало угрозы, причем тон письма, высланного Бибииковым уездным предводителям, был еще более суровым: «...относя такие незначительные действия Ваши к невниманию и беспечности Вашей... считаю нужным предложить Вам составить непременно к 1 марта 1846 года по крайней мере еще 25 проектов... Если же после сего они не будут составлены, то к Вам будет послан нарочный, который на Ваш счет будет оставаться у Вас до того времени, пока Вы не представите помянутого количества проектов»¹⁰⁵.

Нетрудно подсчитать, что если Бибииков хотел поселить по 25 православных священников в каждом уезде, то в масштабах одной губернии их

количество должно было равняться 300, а на всей Правобережной Украине — 900. Это число следует прибавить к уже имевшимся священникам (чуть более 11 тыс.).

В подобной ситуации Комитет западных губерний мог позволить себе проявить широту души: в 1847 г., обратив внимание на то, что 17 заведений августинцев вовсе не имели земли, он постановил, что они, как и все остальные церковные причты и монастыри, должны получить земельный участок в 50 десятин, мельницу и право на рыбную ловлю¹⁰⁶. Подобный жест стоил, ясное дело, немного. Возможно, это было одним из скромных последствий заключенного в 1847 г. между Россией и Ватиканом конкордата.

Что же происходило, когда помещик хотел отстроить костел на своих землях? В этом случае его ждала масса преград, чинимых со стороны администрации, свидетельствующих о том, что лишь господствующая вера имела право развиваться и процветать. Трудности в сохранении католической религии хорошо иллюстрирует дело В. Подхородецкого, жителя Житомира, имение которого находилось под Радомыслом в Киевской губернии. Старый костел в его селе Горбулев был в аварийном состоянии, но для его восстановления нужно было получить соответствующее разрешение. 2 мая 1850 г. Подхородецкий составил план ремонтных работ, копию которого выслал позднее преемнику Бибикова И.И. Васильчикову. Рассмотрение дела затянулось на два года; гражданский губернатор, узнав численность проживавших там католиков, заявил, что костел был построен в этом месте «ошибочно». Позднее, 2 декабря 1852 г., к решению вопроса присоединился киевский митрополит, который полагал, что о реконструкции костела не могло быть и речи до тех пор, пока находившаяся в том же селе православная церковь не будет отремонтирована. Там следовало перестелить пол, побелить снаружи стены, поставить водостоки и обновить пять куполов. Подхородецкий не спешил выполнять эти требования. Радомысльский исправник, которому было поручено надзирать за Подхородецким, в конце 1853 г. сообщал, что ничего сделано не было. В апреле 1854 г. в дело вмешалась Житомирская католическая консистория, заявившая, что к этому костелу было приписано 834 католика. Однако в августе киевский полицмейстер приказал исправнику не давать разрешения католикам на проведение каких-либо работ до тех пор, пока не будут выполнены требования православных. В 1855 г. помещик начал ремонт церкви, но выдача разрешения на проведение работ в костеле была отложена, через два года при невыясненных обстоятельствах полуразрушенный костел сгорел. Когда в июне 1857 г. Подхородецкий вновь обратился за долгожданным разрешением, православное духовенство потребовало проведения дополнительных работ — обновления иконостаса и колокольни. Помещик

обратился с протестом к Васильчикову, который в ответ, иронизируя, удивлялся, почему бы, наконец, не починить и православный храм? 9 июля 1858 г. генерал-губернатор дал, наконец, свое согласие, хотя и потребовал сначала привести в порядок православную церковь и представить новые чертежи, которые епископ Боровский передал 30 апреля 1859 г. На этом архивное дело заканчивается. Можно лишь надеяться, что после десяти лет борьбы костел все-таки был восстановлен. Несомненно, требовалось обладать незаурядной стойкостью, чтобы вопреки всему поддерживать эти символы католицизма и польского присутствия¹⁰⁷.

В заключение этого раздела приведем последний, подводящий итог документ, свидетельствующий о нарастающем ожесточении против католиков на всех уровнях власти, что проявлялось в провоцировании конфликтов, в поиске любого рода придирок. Все это вместе с языковым притеснением и гонениями на прессу и учебные заведения создавало на Правобережной Украине в годы правления Николая I удушающую атмосферу, которая оставила глубокий отпечаток на польском населении Украины. Преемник Бибикова И.И. Васильчиков писал царю в отчете за 1853—1855 гг.:

Латинское духовенство, некогда сильное в крае богатством и непосредственным влиянием на образование польского дворянства, поставлено теперь в уровень с духовным его назначением.

Тесно связанное с судьбами Польши, оно проникнуто было духом религиозной и политической пропаганды и всегда являлось двигателем в смутах, волновавших страну. Постепенно ослабляемое и обращаемое к духовным его обязанностям, утратило оно политическое значение, а с ним и влияние. В среду его не вступают более члены богатых польских родов [указывалось, что в основном в священники идут лица из мелкого дворянства и из податных сословий. — Д.Б.], не завещаются ему капиталы. Дворянство, хотя поддерживает его, но более из приличия, самостоятельной же силы оно не имеет.

Но не угас еще совершенно дух религиозного в нем фанатизма и время от времени проявляется в скрытой, бессильной вражде к Православию и Русским. (Монах Бернардинского ордена Шпаковский назначил строгую эпитимию девице, воспитывавшейся в Русском институте, за то, что она не говорила по-польски. Священник Точицкий негодовал на православного священника за молитвы над умершей католичкой, читанные по просьбе ее мужа. Маркевич произносил проповеди в духе католической исключительности.) Продолжая оставаться под неуклонным наблюдением начальства, при развитии в католических семинариях русского языка и данного направления, латинское духовенство не может представлять видимых опасений в

политическом отношении. В делах католического духовенства вообще главное начальство действует с осторожностью: преграждая способы к преобладанию и распространению Католичества в ущерб Православию, умеряя его фанатизм, старательно избегая стеснений и поводов к раздражениям католиков, всегда имея в виду, что более чувствительная сторона каждого народа есть религиозная¹⁰⁸.

Несмотря на успокоительные заверения, императора все-таки встревожили приведенные в отчете частные случаи недовольства и неповиновения, и он написал на полях: «Какому подвергались взысканию?» Это повело к очередной волне разбирательств и новых рапортов. Так, мы узнаем, что виновный бернардинец уже стар, болен, одинок: его дело закрыто, но он находится под полицейским надзором. Маркевич, переведенный из Вильны в Каменец в 1854 г., был приговорен в мае 1855 г. к ссылке в Вятку, однако генерал-губернатор, приняв во внимание его преклонный возраст, вернул его в киевский костел под присмотр полиции. Епископ Боровский отправил Точицкого на пенсию к бердичевским кармелитам, позже — в Луцкий собор. Остаповича перевели в другой приход. И он, и Точицкий находились под надзором полиции.

Мелочная мстительность Николая I вынудила Васильчикова проявить большее рвение: в марте 1856 г. он передал уже новому царю — Александру II — полицейские отчеты о католическом священнике, который окрестил детей двух православных женщин, а в декабре — об отце Леопольде Погорельском*, ректоре Каменецкой католической семинарии, который отказался венчать католичку с православным. Его «фанатизм», по мнению Васильчикова, особо опасен, поскольку это умный и образованный человек. В действительности речь шла о том, чтобы найти повод для лишения духовного лица должности. Генерал-губернатор писал министру внутренних дел С.С. Ланскому: «Полагаю, что подобный духовный, при всем его уме и образовании, не может быть благонадежным руководителем и наставником возрастающего поколения будущих католических духовных деятелей в здешнем крае... Я распорядился учредить строгий секретный надзор за образом мыслей и действиями ксендза Погорельского». 13 февраля 1857 г. Ланской ответил, что вскоре должны произойти перемены к лучшему: после обращения к Римской курии в Каменец ожидалось назначение вполне послушного епископа, при котором можно будет действовать решительнее. Имелся в виду Антоний Фиалковский, который был ранее коадьютором¹⁰⁹.

* Возможны транскрипции фамилии: Погорельский. Погорельский. (Прим. пер.)

Что же могли сделать католики, если даже папа согласился с политической диктатой царских властей? Во время выборов в Волынское дворянское собрание в мае 1859 г. из 300 собравшихся польских помещиков большинство не поддержало идеи обращения к царю с просьбой об открытии новых католических приходов, об увеличении субсидий для выпускников Житомирской духовной семинарии и о строительстве новых храмов. В Подольской губернии, хотя также не удалось получить поддержки большинства, но, как мы видели, 102 человека подписалось под смелым протестом, который, несмотря на возмущение местных властей, дошел до Комитета министров и привел к уравниванию в правах при обучении началам веры православное и католическое духовенство¹¹⁰.

В главе 1-й данной части книги было показано, что на рубеже 1860-х гг. католическое духовенство, сумев возобновить на короткое время свою просветительскую деятельность, лелеяло надежду на то, что ему удастся расширить обучение на польском языке среди крестьян. Кампания по учреждению начальных школ была тесно связана с желанием польских помещиков сохранить власть над крестьянством. Это движение никоим образом не следует считать предвестником поддержки Январского восстания 1863—1864 гг. Однако и эта инициатива не получила развития — она была пресечена царской полицией на корню¹¹¹.

Стоит ли удивляться тому, что католическое духовенство на Правобережной Украине не принимало участия в Январском восстании? Ведь после тридцатилетнего периода репрессий оно превратилось в горстку запуганных людей, смирившихся с российским превосходством и не имевших ничего общего с делом, которое защищали поляки в Варшаве. *Ipso facto** католическая вера польских помещиков ослабла и потеряла свой прежний воинственный дух.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР: РЕПРЕССИИ ПОСЛЕ 1831 ГОДА И «ЗАГОВОРА» Ш. КОНАРСКОГО

До сих пор мы рассматривали обособление польских помещиков в своих усадьбах или дворцах как следствие борьбы царского правительства против всех признаков проявления польского характера — культуры и религии. Однако в еще большей степени репрессии были направлены против тех, кто непосредственно занимался патриотической деятельностью, что в глазах властей было самым тяжелым грехом.

* *Ipso facto* (лат.) — в силу самого факта; тем самым; явочным порядком. (Прим. пер.)

Обширность литературы по теме Польского восстания 1830—1831 гг. (Ноябрьского), экспедиции Юзефа Заливского 1833 г., «заговора» Шимона Конарского 1839 г. избавляет нас от необходимости подробного фактографического анализа этих событий. Свою задачу мы видим в показе диспропорции между тем, каков был действительный масштаб патриотической деятельности на Правобережной Украине, и тем, каковы были ответные репрессивные меры со стороны царских властей. Особое искусство полицейского режима Николая I заключалось в умелом и крайне жестоком использовании малейшего повода для того, чтобы держать в страхе бывшие польские земли. Именно объяснение причин этого страха, ставшего уделом поляков западных губерний, или земель, называемых по-польски «кресы», даст возможность понять особенности менталитета этих людей. Патриотическая деятельность была опасна в Варшаве, но не настолько, насколько в этих землях, присоединенных к Российской империи.

Уже отмечалось, что большая часть участников Ноябрьского восстания принадлежала к деклассированной шляхте или к той, которая находилась под угрозой деклассирования. Именно эти люди чаще всего отправлялись в тюрьму или ссылку. Однако властям было необходимо нанести удар и по крупным польским помещикам, заставив их также пережить страх. Наиболее яркий пример жертвы такой политики — Роман Сангушко, отправленный по этапу в Сибирь за отказ просить о помиловании и согласие с определением себя как «мятежника». Но он был скорее исключением, чем правилом. Именно ему посвятил свою новеллу «Князь Роман» Юзеф Конрад Коженевский, писавший под псевдонимом Джозеф Конрад. Некоторые из этих крупных землевладельцев, когда-то главных граждан, сами отказывались от патриотических стремлений. Примером тому (и этого не могут затмить позднейшие мистически возвышенные панегирики Станислава Тарновского) может служить судьба графа Петра Мошинского, бывшего волынского предводителя дворянства, сосланного в 1826 г. в Сибирь за участие в Патриотическом обществе. В 1833 г. благодаря связям и богатству Мошинскому удалось получить от Левашова разрешение на перевод его из Симбирска в Чернигов, а в мае 1839 г. — в Киев. В воспоминаниях о жизни Мошинского, написанных позже по-французски З. Пушловским, содержатся неоднозначные свидетельства о давних близких отношениях бывшего ссыльного с Бибиковым. Рассказывается в них и о том, как друзья Мошинского, включая Александра Пшездецкого, исполнявшего секретные поручения генерал-губернатора, хлопотали в Петербурге о восстановлении его в дворянстве — и добились успеха¹¹². Но у властей оставалось немало дел о помещиках, принимавших участие в восстании и бежавших за границу, а также симпатизировавших восстанию, которых нужно было обнаружить и наказать для примера¹¹³.

В отношении польских помещиков были применены те же ответные меры, что и во времена Екатерины II, а именно, согласно указу 22 марта 1831 г., было конфисковано имущество. Позднее, 17 июля 1831 г., было издано специальное распоряжение, а при всех казенных палатах были созданы комиссии по делам конфискации имущества. Они должны были работать по поручению комиссий по разбору дел об участниках польского восстания, созданных десятью днями ранее. Поскольку насчет действительной ответственности обвиняемых уверенности не могло быть до заключения этих комиссий (а их разбирательство могло продолжаться не один год), то чаще всего принимались решения о наложении секвестра на имущество.

Это вызвало волну паники среди помещиков: в распространяемых полицией списках они находили названия имений, принадлежащих их братьям, сестрам, близким или дальним родственникам. Это, в свою очередь, привело к лавине протестов людей, клявшихся всеми святыми, что они не имели ничего общего с восстанием. Ситуация усугубилась после амнистии, которая, впрочем, не коснулась самых серьезных «преступлений»¹¹⁴. Наконец, 12 декабря 1832 г. Комитет западных губерний решил предоставить генерал-губернатору полномочия для пересмотра некоторых решений и возвращения части поспешно секвестрированных земель. Министр финансов Е.Ф. Канкрин, однако, настаивал на том, чтобы не принимать во внимание и не компенсировать понесенные помещиками в период секвестра убытки¹¹⁵.

В конечном итоге, как нам предстоит убедиться, самый сильный удар был нанесен по эмигрантам. Пока велись точные подсчеты конфискованной собственности, полиция взяла под пристальный надзор польское дворянство. Надзор еще более ужесточился после экспедиции Заливского в 1833 г., и, хотя это событие в наименьшей степени касалось украинских губерний, оно продемонстрировало царскому правительству, что горстка патриотов-эмигрантов не сложила оружия и устанавливает связи с родным краем. Среди участников этой неудачной военной экспедиции из Галиции были, как известно, Шимон и Станислав Конарские. Участники заговора распространяли известное воззвание Артура Завиши «К братьям казакам!». Царская тайная полиция знала об этом. Летом 1833 г. она открыла подозрительные связи между сосланными в Тобольск повстанцами и уже освобожденными в ноябре 1832 г. У арестованного в Волынской губернии Стефана Порчинского был найден список из 52 ссыльных, готовивших восстание в Сибири¹¹⁶. Ежегодно в секретной канцелярии генерал-губернатора накапливались сотни дел о лицах, состоящих под полицейским надзором, и все это создавало атмосферу общей подозрительности. Перлюстрировались все письма, был установлен надзор за всеми контактами с

заграницей. Временами неистовство властей на местах шло дальше требований, которые центральная власть предъявляла к работе репрессивной машины: так, в апреле 1834 г. Николай I поставил в вину Левашову, что тот доложил ему о вымышленном восстании!¹¹⁷

В польской историографии приводится чрезмерно завышенная статистика конфискации земельной собственности польских помещиков на Украине. Вершины преувеличения достиг Ф. Равита-Гавронский, который по незнанию выдвигал предположения, граничащие с абсурдом¹¹⁸. Можно подумать, что будто бы того, что происходило на самом деле, историкам недостаточно!

Нам удалось обнаружить подробные данные лишь по Киевской и Подольской губерниям. Согласно царскому указу от 4 апреля 1836 г., Министерство финансов, которое до этого времени отвечало за конфискованные имения (и в дальнейшем будет отвечать и за земли в других губерниях, в том числе на Волыни), обязалось передавать конфискованные в Киевской и Подольской губерниях земли генералу Витте. Последний должен был устроить на их базе военные поселения. Координацией этой работы должна была заниматься специально созданная в Умани канцелярия.

Эти административные перемены стали поводом для подведения итогов, хотя и неокончательных, поскольку указ требовал поступать так и с теми имениями, которые поступали в распоряжение казны не ранее смерти третьих лиц, владевших ими пожизненно или совместно с репрессированным лицом.

14 апреля 1836 г. Министерство финансов передало Военному министерству список имений, конфискованных за участие владельцев в Ноябрьском восстании:

Фамилия прежнего владельца	Количество имений	Количество крепостных	Годовой доход в рублях серебром
Киевская губерния			
Бежинский Владислав	5	1237	6398
Запольский Ян	1	103	649
Овруцкие базилиане	4	994	3378
Потоцкий Александр			
— Ключ Уманский	16	5609	45 973
— Ключ Соколовский	9	4616	31 479
— Ключ Бабанский	16	6750	46 402
Потоцкий Владимир			
Герман	5	1585	18 806
Юзеф			
Томашевский Юзеф	1	194	2248

Виксман Валериан	1	52	450
Высоцкий Каетан	1	13	100
Галецкий Онуфрий	1	213	5073
Глембоцкий Юзеф	1	115	712
Грудзинский Мариан	1	202	1499
Дунин-Вонсович Станислав	1	100	1300
Еловицкий Вацлав	1	39	—
Жмиевский Хенрик	1	45	648
Копчинский Петр	3	1294	—
Кайзер Зенон	1	122	464
Повша Александр	1	1788	—
Пильховский Северин Адольф	1	234	—
Сенькевич Кароль	1	93	519
Свенцкий Кароль	1	456	1280
Сенгайло Адольф	2	37	—
Солтан Флориан	1	нет данных	—
Трембицкий Матеуш	1	20	48
Ясинский Игнацы	1	198	—
Подольская губерния			
Чарторыйский Адам Ежи	20 (Летичевский уезд) 3 (Меджибожский уезд) 7 (Гайсинский уезд)	11 287 1018 4407	более 5000 19 000 более 40 000
Стемповский Винцент	1	349	2500
Стемповский Леон	1	410	2821
Бернатович Александр	4	753	2347
Гнатовский Павел	1	25	—
Голинский Александр	1	549	пожизненное владение матери
Городецкий Юстиниан	1	369	—
Добенский Зигмунт	2	1364	3174
Добровольский Юзеф	1	108	677
Дружбацкий Александр	1	136	—
Еловицкий Вацлав	1	699	—
Еловицкий Эдвард	1	456 + 1561	10 758
Еловицкий Александр	1	406	—
Кожуховский Юзеф	1	781	—

Корсак Юлиуш	1	529	3589
Малиновский Якуб	1	324	5111
Островский Ян Непомуцен	1	96	—
Потоцкий Влодзимеж	1	2230	пожизненное владение матери
Жевуский Вацлав	16	516 + 5728 в Волинской губернии	27 396 — пожизненное владение матери
Сабатини Владислав Кароль	1	2862	12 614
Александр	2		
Собанский Готард	1	3981	28 475
Собанский Изидор	3	2858	17 300
Тышкевич Винцент	1	25	—
Хлопицкий Людвик	1	13	89
Ходкевич Иероним	1	103	1983
Ягелович Кароль	1	640	3150

Из этого списка хорошо видно, что удар старались нанести прежде всего по крупным имениям. Из 55 землевладельцев лишь у 11 было менее сотни крепостных. Понятны выгоды, которые получало государство от конфискации огромных владений Чарторыйских, Потоцких, Жевуских и др. Заметим также, что во многих больших семьях имущество конфисковывалось в обеих губерниях. Забиралась не только пахотная земля, конфисковано было и 32 232 десятины лесов. Подсчет крепостных велся не очень точно. Повторный подсчет в сентябре 1836 г. дал лишь 76 777 душ вместо 80 543, указанных в таблице. Кроме того, после перепроверки пожизненных и неразделенных владений пришлось отказаться от немедленного включения 20 825 душ. Следовательно, Военное министерство получило 55 952 крепостных¹¹⁹.

Согласно военному регламенту от 27 апреля 1837 г., все крепостные этих имений становились «солдатами хлебопашцами» и объединялись в волости по 2—3 тыс. человек. Три волости образовывали округ, все конфискованные имения объединялись в 5 округов (4 в Киевской губернии и 1 — в Подольской). Неизвестно, как подобная принудительная милитаризация была воспринята теми, кого коснулась, но несомненно, что в глазах соседей-помещиков, сохранивших свои права собственности, эта форма оккупации выглядела крайне угрожающе¹²⁰.

28 августа 1839 г. Комитет западных губерний сообщил о 61 286 крепостных, конфискованных у помещиков в Волинской губернии. Однако

многочисленные процессы и споры, замедлявшие работу Волынской ликвидационной комиссии до 1851 г., не позволяют назвать точную цифру.

Сразу после завершения крупномасштабной акции, целью которой было продемонстрировать, что ожидает смельчаков, решившихся не подчиниться законам империи, власти нашли новый повод продлить пиршество. Вскоре после назначения в Киев Бибикову удалось мастерски раскрыть «заговор» Шимона Конарского. Была выявлена политическая деятельность, объединявшая землевладельческую шляхту с деклассированной шляхтой в губерниях, которые, как казалось, находились под строжайшим надзором.

Несмотря на то что Шимон Конарский не был уроженцем Киевской губернии, именно здесь было учреждено больше всего филиалов его организации. Родившийся под Августувом в 1808 году, этот 30-летний шляхтич, бывший студент Виленского университета, офицер артиллерийского полка Польского корпуса до 1831 г., служивший затем капитаном в повстанческом войске, а затем эмигрировавший во Францию, проникся весьма радикальными идеями, стал членом демократического общества «Молодая Польша» и издавал вместе с радикалом Яном Чинским газету «Rótnos» (Север). Конарский находился под сильным влиянием идей А. Сен-Симона, был сторонником Дж. Мадзини и его «Молодой Европы» (вместе с ним принимал участие в Савойской экспедиции). Он был одной из наиболее привлекательных и благородных фигур среди романтических революционеров, грезивших идеалами и забывавших о серости будней. Отправляясь в качестве эmissара в Российскую империю, он, очевидно, не представлял, насколько может быть инертно и даже враждебно к любой демократической идеологии шляхетское общество. Распространявшиеся им на Волыни идеи воссоздания независимой Польши на основе союза с крестьянством не пользовались какой-либо популярностью. Предпринятая же им акция была типичным проявлением отрыва увлекавшейся либерализмом польской эмиграции от реальности. Стремясь восстановить Польское государство в границах до 1772 г., она не желала считаться с существованием этнических различий между славянами¹²¹.

Молодой эmissар скрывал свои контакты под видом педагогической деятельности. Он был учителем дочери волынского помещика средней руки Фредерика Михальского. Привязанность Конарского к этому дому была тем сильнее, что он был влюблен в свою юную ученицу. Нельзя сказать, что он находился в абсолютном вакууме. После многочисленных поездок ему, как известно, удалось организовать киевских студентов, многие из которых были арестованы в 1837-м и в последующие годы. Он также отправился в Вильну, где студенты Виленской медико-хирургической академии, например Ф. Савич, создавали кружки, а также в Дерпт — по-

ляки учились и в тамошнем университете. Конарскому удалось достичь взаимопонимания и с некоторыми российскими оппозиционерами. У него были связи во Львове, в том числе в Греко-католической семинарии, где еще в 1836 г. русские (русинские) семинаристы, входившие в организацию, требовали ее переименовать в «Общество польского и руського люда». Однако признать идеи равенства с крестьянством и своеобразие «русько-го люда» польской шляхте было не под силу¹²².

Конарскому сразу удалось установить связь с менее послушными воле властей волынскими польскими помещиками — ведь как раз на Волыни еще сохранились следы польского патриотического духа. Ему удалось найти группу, создавшую еще до его появления «Патриотическое общество», в которое входили Кацпер Машковский, Леонард Лепковский и бывший врач из Кременца Антоний Бопре. Программа общества носила умеренный характер — распространение патриотического духа, внутреннее самосовершенствование, развитие образования. Им было еще далеко до бунтарства. Однако Конарскому удалось внушить людям из разных уездов трех губерний свои достаточно абстрактные идеи, отличавшиеся радикальностью. По его призыву все они собрались тайно в Бердичеве в июне 1837 г. для создания «Союза польского люда». Даже название организации было неясным и утопическим, поскольку слово «люд» означало прежде всего крестьянство — а где на Украине можно было найти польское крестьянство? В любом случае это движение было связано с организацией, существовавшей на территории Галиции и Царства Польского под примерно таким же названием — «Общество польского люда»¹²³. Однако навязанный Конарским псевдомасонский или карбонарский церемониал оказался не по вкусу его членам. Позднее (в письме к племяннице в 1882 г.) К. Машковский писал, что слишком демократическая ориентация общества отпугнула аристократию и не могла устроить большинство польской шляхты Волыни. Бопре в небольшой газете «Przyjacieli Prawdy» («Друг правды»), которая вышла всего четыре раза в рукописной форме и которую нам так и не удалось разыскать, напротив, ратовал за объединение, говоря о том, что нет демократов и аристократов, а есть только поляки.

«Союз польского люда» напоминал по своей форме тайное общество, и тот факт, что заметной роли он не играл, власти не желали принимать во внимание. Кроме того, власти не могли допустить пропаганды идеи возрождения польской независимости. Зимой 1837/38 г. на контрактной ярмарке в Киеве удалось устроить еще одно тайное собрание, но к этому времени царская полиция уже начала аресты студентов. По свидетельству Машковского, все члены общества из южных губерний советовали Конарскому уехать за границу и даже были готовы дать ему 1100 дукатов, но революционер, несмотря на свою бедность, отказался. Один из членов орга-

низации, учитель из Вильны, воспользовался приездом в Киев министра Уварова и передал ему список всех участников. Вслед за Конарским, арестованным в Вильне в 1838 г., было арестовано еще 115 человек. Среди них было 34 участника из студентов и 41 — из мелких или средних помещиков.

Причину провала следует искать не только в предательстве, но и в расследованиях, непрерывно проводимых царской полицией, которая искала лишь повода запугать население¹²⁴. В 1839 г. в триумфальной докладной записке царю Бибииков указывал, что полиция проводит всестороннее расследование¹²⁵. Он обвинял польское дворянство, считая его «полностью враждебным правительству», говорил о найденных воззваниях, революционных произведениях, о результатах допросов студентов, принадлежавших к организации «Вера, Надежда, Любовь», придирался даже к компаниям гуляк и повес — «балагурам» (которым он запретил собираться), кроме того, хвастался, что его агенты остановили деятельность бердичевского отделения Польского банка с центральной конторой в Варшаве, которое возглавлял крупный помещик Млодецкий, обвинявшийся в организации передачи денег для эмигрантов через Одессу и получавший оттуда инструкции. Сам Конарский, писал Бибииков, ездил в Одессу и привозил оттуда запрещенные книги. После ареста Конарского Секретная комиссия о тайных обществах, которая была создана лично Бибииковым и возглавленная его фактотумом Н.Э. Писаревым, смогла выявить все связи кружка Конарского¹²⁶. Именно это разоблачение послужило поводом для всех принятых Бибииковым мер, о которых мы ведем речь с самого начала второй части книги. Бибииков указывал, что к этой «конспирации» не следует относиться как к чему-то временному — напротив, это не что иное, как проявление «изменнических козней неблагодарных и слабо наказанных за мятеж преступников». Именно поэтому независимо от сути самого «Союза польского люда» его разоблачение следует отнести к самым важным событиям в анализируемый период. Так или иначе, оно послужило оправданием всей политики царизма в 1840-х годах.

Согласно указу от 30 сентября 1838 г. имения тех, кого в российских документах неизменно называли «мятежниками», «преступниками» или «заговорщиками», подлежали конфискации. Этим должна была заниматься Ликвидационная комиссия, которая проводила конфискацию поместий в 1831 г. и существовала лишь в Волынской губернии. Повторился прежний сценарий: без установления меры вины налагались секвестры на большую часть имений, принадлежащих подозреваемым лицам, их родственникам и однофамильцам¹²⁷.

Алчность российской администрации росла, несмотря на отсутствие единого мнения о дальнейшем порядке действий. В записке на имя Николая I, которая 12 декабря 1838 г. рассматривалась на заседании Коми-

тета западных губерний, подольский гражданский губернатор Лашкарев предлагал отдать в «ленное владение» российским отставным генералам или гражданским чиновникам того же ранга конфискованные имения, а также имения, конфискованные еще после 1831 г. Это было бы, как отмечалось в документе, «вернейшее средство к достижению главной цели Правительства — преобразования народного в том крае духа... Поселением в Подольской губернии значительного числа семейств Русских заслуженных дворян скорее можно бы было произвести совершенную перемену в нравах и обычаях сей страны издревле русской и положить более прочное основание приверженности народа ее к престолу. Люди сии, получив в награду имения за их усердную службу и чувствуя вполне столь щедрую монаршую милость, конечно, составили бы важный оплот противу всяких зловредных покушений и были бы бдительнейшей стражей спокойствия страны»¹²⁸.

Идея показалась очень соблазнительной. Комитет вновь обратился к ней на заседаниях 28 августа и 7 сентября 1839 г., однако вскоре последовало большое разочарование. В августе удалось конфисковать лишь 3360 душ, а в ноябре оказалось, что из 41 имения, конфискованного в юго-западных губерниях (кроме того, семь — в Литве), лишь 12 можно признать достойными владениями (с общим числом крепостных в 4794 души). Этого оказалось слишком мало, поскольку еще в августе власти надеялись приступить к распределению имений размером не менее 300 душ (меньшее имение было бы непрестижным для владельца), а ипотеки, права общего владения и долги, которые нужно было оплатить, привели бы к тому, что в ближайшем будущем конфискованные имения стали бы убыточными. Поэтому было решено управление ими поручить Министерству государственных имуществ, которое еще долгое время будет пытаться разобраться во всех спорных делах, а также и в тех делах по Волынской губернии, которые тянулись с 1831 г.¹²⁹

В список подлежащих конфискации имений, составленный Волынской ликвидационной комиссией 31 января 1840 г., окончательно было внесено 41 имение (владельцев же было 36)¹³⁰.

Олеша Ежи	Ксендз Павловский Тибурцы
Машковский Кацпер	Гронешко Вацлав
Ксендз Зелинский Юлиан	Марчин Доминик
Фелинская Эва	Ручинский Юстиниан
Коссаковский Валериан	Сакович Иероним
Рошковский Адольф	Гаас Кароль
Орда Самуэль	Олизар Кароль
Бопре Ян	Кордашевский Хенрик

Рабцевич Вацлав	Подгороденский Марьян
Лескевич Антоний	Олизар Филипп
Несмировский Леопольд	Грабовский Фортунат
Янишевский Людвик	Коссаковский Валериан
Мархоцкий Кароль	Михальский Фредерик и Луциан (отец и сын)
Залеский Ян	Сабинский Юлиан
Орачевский Ян	Голынский Яцек
Яжина Нарциз Леопольд	Щепковский Вольфганг
Уминский Войчех	Илинский Войчех
Боровский Петр	

В конечном итоге на заседаниях 3, 20 и 28 апреля 1840 г. Комитет западных губерний не одобрил передачу конфискованных земель новым, русским, владельцам. Власти опасались, чтобы крестьяне по своей природной простоте не подумали, что после перевода их под опеку государства на них вновь наложат помещичье иго, т.е. что они вновь окажутся в крепостной зависимости (что все-таки случилось в ряде секвестированных имений, которые нескольким польским помещикам удалось вернуть; в 1842 г. это явление вызвало беспокойство самого Николая I). Однако, чтобы не забрасывать вовсе мысль о передаче имений русским, Комитет обсудил возможность предоставления им права первенства при приобретении продаваемых земель. И все же на заседании 25 апреля 1842 г. генерал Кавелин, уже известный нам своей предприимчивостью, вернулся к этому вопросу, утверждая, что лучше было бы пожаловать русским земли в западных губерниях, чем в Царстве Польском, учитывая протесты европейского общественного мнения.

Предоставление этих земель русским, по мнению Кавелина, было необходимо «для совершенного обрусения сих провинций», причем он заверял, что это «вовсе не раздражило бы туземцев». Несмотря на то что правительство потеряло бы какую-то часть от налоговых сборов, оно бы выиграло от покоя, царящего в этом крае. В любом случае, по его мнению, следовало прекратить раздачу имений в Царстве Польском русским, поскольку «поляк озлобляется тем и дышит мщением, хотя и откладывает оное до удобного времени». Раздачу имений в Царстве Польском следовало отложить «по крайней мере еще на 50 лет, ибо надобно прежде слить с Россией ближайшие к ней Западные губернии и потом подвигаться далее». Можно ли найти более очевидное проявление далеко идущих планов российской имперской экспансии?¹³¹ В третьей части книги нам предстоит убедиться в том, что этот план осуществлялся весьма последовательно.

Из журнала того же заседания Комитета в Петербурге явствует, что, согласно указу от 25 декабря 1841 г., большая часть прибыли от конфис-

кованных в 1831 и 1839 гг. имений, которые на тот момент еще находились в казенной собственности, шла на содержание православного духовенства. Это была еще одна возможность русификации.

Естественно, что поляки на Украине были перепуганы и наказаниями, которые ожидали несчастных сторонников Конарского, и безжалостным захватом их имущества. Сначала в Вильне расстреляли 31-летнего Шимона Конарского. Он был казнен, в сущности, за то, что считал эти проклятые губернии своей родиной. Потом настал черед еще 115 человек, из которых лишь немногим удалось избежать преследования благодаря огромным взяткам Писареву, начальнику следственной комиссии. Осужденные вынуждены были принять участие в привычном и скорбном фарсе. 13 марта 1839 г. установленные виселицы дожидались А. Бопре, Ф. Михальского, П. Боровского и К. Машковского; однако в последнюю минуту пришло помилование согласно ритуалу, так хорошо описанному Ф.М. Достоевским, который испытал это на собственной шкуре. Закованных в кандалы, их отправили вместе с несколькими десятками других приговоренных на каторжные работы в Нерченские рудники. Дорога заняла около года. Они пробыли там 18 лет, сохранив отвагу и достоинство благодаря доктору Бопре, ополчившемуся французу, сыну бывшего солдата армии Ш.Ф. Дюмурье во времена Барской конфедерации. Других, менее «виновных», отправили осваивать Сибирь, тридцать послали солдатами на Кавказ, остальных сослали на поселение в разные города империи. Л. Лепковский умер в Киевской крепости. Также были сосланы в Сибирь и десять женщин, членов «Союза польского люда».

Бибикову хотелось сослать как можно больше людей, включая женщин и детей. Он защищал эту точку зрения на заседании Комитета западных губерний 10 января 1839 г., доказывая, что оставленные на местах семьи «будут служить предметом сострадания и воспоминания происшествия, кажущегося народным в глазах толпы... [и] едва ли не будут новым зародышем злых умыслов...». Бибиков ссылался на пример сыновей Пининского, сосланного в 1825 г. в Вологду, — их имена были теперь в списках новых осужденных. Комитет не одобрил столь драконовских мер, считая это несправедливым, и постановил, что отправляемым на поселение следует позволять брать членов семей лишь с согласия последних, при условии что детям будет обеспечено хорошее образование. Комитет признал, что позднее было бы уместно предоставить некоторым ссыльным возможность приобретения земли в России, так как «сей мерой кротости и милосердия... Правительство вернее достигнет предположенной цели, избавляя Западный Край от людей вредных без опасения последствий их ожесточения в местах нового жительства».

Однако Бибиков не сложил оружия. 3 мая 1839 г. он уже с помощью Бенкендорфа представил Комитету новый аргумент: на близких родственников наказанных повстанцев смотрят «как на жертвы народного порыва, и подобные внушения могут возрастить в юных сердцах правила противные правительству». Он предлагал отправить семьи осужденных в глубь России и обязать их сыновей учиться в кадетских корпусах, а дочерей — в заведениях для благородных девиц. Это еще один пример уже описанного ранее стремления Бибикова оторвать детей от родной среды. Комитет отверг и это предложение. 3 апреля 1840 г. Бенкендорф просил лишь дать разрешение на пристальный надзор полиции за поездками родственников в места ссылки, чтобы исключить контакты ссыльных с широким кругом земляков¹³².

Поляки на Украине подвергались таким преследованиям вплоть до смерти Николая I. Нигде больше за ними так не следили. В годовом отчете царю за 1840 г. Бибиков указывал численность войска, которое держало эти губернии в повиновении (не считая военных поселенцев), — более 65 тыс. человек, не считая вездесущей полиции.

Отчаяние и бессилие перед постоянным полицейским контролем определяли политическую атмосферу края. В том же отчете уточнялось, что в 1840 г. под надзором полиции находился 151 человек в Киевской губернии, 70 — в Подольской и 89 — в Волынской. Однако тайный надзор охватывал еще большее количество людей: 157 человек в Киевской губернии, 90 — в Подольской, 140 — в Волынской¹³³.

В мемуарах Оскара Авейде хорошо показана тревога польских жителей Украины, которых власти держали в постоянном напряжении. О тайной полиции Авейде писал как о «настоящем несчастье для края, уничтожающем социальные отношения и не дающем покоя семьям». По его мнению, тайные агенты были везде: среди молодежи, друзей, во всех канцеляриях и администрациях, среди слуг. Тайная полиция знала о каждой прочитанной книге, каждом невинно вымолвленном слове. За доносы платили хорошо, и их всё присылали и присылали. Чиновник по особым поручениям был необходимым звеном «системы Бибикова», которая должна была превратить Украину в молчаливое царство, где каждый должен был стать жалким униженным существом, пытающимся скрыть свою горечь, ненависть и желание мести. Авейде четко определяет эту ситуацию как военно-полицейскую диктатуру и показывает, какое сильное влияние может оказать на состояние умов презрение, недоверие и беспомощный отказ от борьбы¹³⁴.

В апреле 1840 г. А.Г. Строганов, который с 1839 г. возглавлял Министерство внутренних дел, увеличил по просьбе Бибикова численность полиции вдоль всей границы с Царством Польским. С целью помешать про-

никновению нелегальных эмиссаров, которые часто приезжали из эмиграции, в пять волынских и два подольских приграничных уезда было выслано подкрепление. Были созданы конные эскадроны, полицейским чинам повысили жалованье. Была объявлена безжалостная охота на всех, кто не имел постоянного места жительства: людей без паспортов объявляли «бродягами», арестовывали и вывозили. Довольный достигнутыми результатами, Бибиков попросил и получил разрешение на укрепление сил полиции практически повсеместно в Волынской и Подольской губерниях (заседание Комитета западных губерний 4 декабря 1841 г.). Позднее, 27 апреля 1843 г., он ходатайствовал о распространении этих мер на все без исключения местности, утверждая, что конные эскадроны творят чудеса — в 1841 г. ими было арестовано 8279 «бродяг», а потому, по его мнению, их следовало создать в остальных 20 уездах. Подготовленный *ad hoc* бюджет был утвержден царем¹³⁵.

Так выглядели основные меры, направленные на подавление польской мысли и польского политического движения, — конфискации, ссылки, казни, тюремное заключение, ревизии, шпионаж. Все это известно и исследователям других польских территорий, однако на Украине эти меры носили более целенаправленный и систематический характер. Подробный анализ применяемых репрессий мог нас в этом убедить, и вряд ли усилия «империологов» смогут затереть подобные факты.

Попытки ассимиляции: ВЕРБОВКА БОГАТОЙ ШЛЯХТЫ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЛУЖБУ

Последняя существенная проблема, которую необходимо рассмотреть в этой части, связана с фундаментальным различием между русским и польским дворянством. Речь пойдет о том, во-первых, насколько глубоко эти отличия ощущались, и, во-вторых, о мерах царского правительства по их нивелированию. Это даст возможность более глубоко охарактеризовать социальный статус высшего слоя данной группы.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, менее 3 тыс. польских дворян принимало или могло принимать участие в работе польских традиционных дворянских институтов власти. Царские власти пришли, наконец, к выводу, что это была небольшая часть всего польского дворянства, в то время как остальные польские помещики вели жизнь, не связанную с какой-либо общественной и политической деятельностью. Иллюзия неизменной Аркадии упрочилась в умах самых богатых польских помещиков, которые, так же как и менее зажиточные, не испытывали малейшего желания принимать участие в жизни Российской империи, преследовавшей их и олицетворявшей зло во всех его формах.

Отход польского дворянства на второй план общественной жизни вызывал у властей дополнительное раздражение: со времен Екатерины II статус польской шляхты признавался документально, но при условии, что она будет держаться правил сословной организации российского дворянства. Польская шляхта была крайне от этого далека.

В основе идеи существования российского дворянства лежало понятие службы, гражданской или военной. В манифесте Петра III от 18 февраля 1762 г. уточнялось, что принадлежность к дворянскому сословию связана с определенными общественными обязанностями:

Мы надеемся, что все благородное российское дворянство, чувствуя толикие Наши к ним и потомкам их щедроты, по своей к Нам верноподданнической верности и усердию, побуждены будут не удаляться, ни же укрываться от службы, но с ревностью и желанием в оную вступить и честным и не зазорным образом оную по крайней возможности продолжать, не меньше и детей своих, с прилежностью и рачением обучить благопристойным наукам, ибо все те, кои никакой нигде службы не имели, но только как сами в лености и праздности все время препровождать будут, так и детей своих в пользу отечества своего ни в какие полезные науки не употреблять, — тех Мы, яко сущее нерадивых о добре общем, презирать и уничтожать всем Нашим верноподданным и истинным сынам Отечества повелеваем или же ко двору Нашему, или же в публичных собраниях и торжествах терпимы не будут¹³⁶.

Процитированные требования содержат два основополагающих принципа эпохи Просвещения, а именно необходимость быть как полезным обществу, так и образованным человеком. Начатый Петром I просветительский крестовый поход ограничился лишь кругом дворянства. Несмотря на то что в Жалованной грамоте дворянству 1785 г. говорилось об исключительном положении этого сословия, Екатерина II всегда подчеркивала, что дворянство является служилой элитой. Первоочередная обязанность дворянина заключалась в служении государству. В манифестах, адресованных польской шляхте на присоединенных территориях, изданных генералом М.Н. Кречетниковым 27 марта 1793 г. (второй раздел Польши), а затем генералом Т.И. Тутолминым 1 мая 1795 г. (третий раздел), вновь были представлены эти идеи и высказывалась надежда, что признание польских привилегий пробудит в побежденных желание достойно войти в круг российского дворянства.

Однако польская шляхта воспользовалась этим лишь для того, чтобы, как было показано, утвердить свою внутреннюю автономию, вовсе не

претендуя (за исключением редких случаев) на высокие чиновничьи должности в Российском государстве. Уже во времена Виленского университета (1803—1831), несмотря на большое количество учащейся бедной шляхты, которая благодаря полученному образованию могла вступить в ряды российского чиновничества, таких случаев известно крайне мало — в этой среде, напротив, преобладало отвращение к царской службе¹³⁷.

Власти обеспокоились этим параллельным существованием в империи польского дворянства лишь в 1835 г., несмело и спорадически пытаясь привлечь богатую шляхту на государственную службу. Указ от 12 августа 1835 г. должен был, по замыслу, склонить большую часть польского дворянства к государственной службе. Власти полагали, что запрет на участие во внутренней жизни дворянских учреждений тем, кто не имел за плечами десяти лет государственной службы, ускорит приток шляхтичей на службу¹³⁸. Однако через два года стала заметна угроза притока в бюрократические инстанции Петербурга не таких уж желанных, не до конца обрусевших поляков. Тогда указом от 23 января 1837 г. было решено открыть доступ в министерства и высшие административные учреждения лишь тем из поляков, кто в течение пяти лет служил во внутренних губерниях Российской империи.

Все эти меры носили двойственный и сомнительный характер. Как уже говорилось, в это время полным ходом шла крупномасштабная ревизия прав на дворянство, и хотя в значительной степени она уже была проведена, однако было еще рано говорить о ее завершении, поэтому, казалось бы, следовало разрешить еще не прошедшей проверке шляхте занимать официальные должности. В феврале 1839 г. на заседании Комитета западных губерний Бибилов заявил, что порядок службы, определенный указами 1835 и 1837 гг., себя не оправдал. «Сколь ни полезны расположения сии, рассматривая их как средство уничтожения враждебного духа, столь удобно питаемого праздношью... польская шляхта видит в них элемент недоверия, она против разделения семей и отъезда сыновей». По мнению генерал-губернатора, задача русификации шляхты была важнее цели ее деклассирования. Возможно, он был готов спасти от включения в категорию однодворцев тех, кто согласился бы пойти на государственную службу. Он даже выразил надежду, что ускоренная ревизия вызовет страх у польского дворянства перед деклассированием и подтолкнет его к государственной службе. Он даже предлагал Комитету отдавать преимущество при приеме на службу не помещикам, а безземельной шляхте, ожидая, что она окажется более уступчивой. Бибилов также просил Комитет отменить обязательную службу во внутренних российских губерниях, поскольку у обедневшей шляхты не было средств на покрытие соответствующих рас-

ходов, да и «меры сего рода не столь нужны уже и даже могут препятствовать достижению цели правительства, которая состоит в том, чтобы сблизить уроженцев Западного Края с коренными Русскими»¹³⁹.

Впервые и, по-видимому, единственный раз за всю свою службу в Киеве Бибиков столкнулся с более жесткой позицией: Николай I вернул этот проект в Комитет, гневно приписав на полях: «Не отступлю от сей меры по весьма известным причинам. Военная служба впрочем всем и везде открыта»¹⁴⁰.

Как следствие проявленной царем твердости, два названных закона остались в силе. Более того, Комитет уточнил, что на получение должностей в административных органах и офицерских званий в армии могут претендовать только те польские дворяне, чье происхождение подтверждено Герольдией, т.е. заведомое меньшинство. Бибиков получил поддержку лишь по вопросу о сохранении должностей за мелкими польскими чиновниками, которых невозможно было заменить русскими, а потому нельзя было уволить. Он подчеркивал, что «большая часть чиновников и канцелярских служителей всех почти присутственных мест суть тамошние уроженцы».

Генерал-губернатору стало ясно, каким должен быть следующий шаг после маргинализации всей деклассированной безземельной шляхты: следовало всеми правдами и неправдами вынудить польское помещичье дворянство пойти служить. Однако это требовало времени: пока Киевская ревизионная комиссия не завершила своей работы, пока не отделила зерна от плевел, установить точное количество польских дворян-землевладельцев на Украине было невозможно. Как известно, комиссия завершила проверку шляхты лишь 1 января 1845 г., кроме того, рассмотрение отдельных случаев было отложено на более поздний срок.

Вскоре Бибикову стало ясно, что не стоило надеяться на проверку Герольдией прав на дворянство — в это учреждение и без того поступало из Киевской комиссии на рассмотрение множество спорных случаев. Понятно было и то, что не могли принести успеха первые попытки установить количество помещиков по требованию Министерства внутренних дел от 24 ноября 1843 г. К примеру, ответ подольского гражданского и военного губернатора генерал-майора А.А. Радищева от 30 марта 1844 г. был путаным и переполненным извинений. Он одновременно потребовал от дворянских собраний своей губернии и от полиции представить списки потомственных дворян, однако полученные данные не совпадали! Впрочем, дворянским собраниям было нелегко представить точные сведения, поскольку их книги были переданы в Киевскую комиссию. Они привели сведения по каждому уезду, и в них еще могли содержаться данные и о сомнительной шляхте (не

внесенной в родословные книги). В связи с этим в январе 1845 г. министр повторно потребовал представления точных данных¹⁴¹.

В 1842—1852 гг. интерес к положению подтвердившей свое дворянское достоинство шляхте и поиск способов ее максимальной ассимиляции усилились. В начале 1848 г. Николай I решил лично заняться этой группой и проверить отношение молодежи к государственной службе. Он приказал Бибикову подать списки поляков в возрасте от 18 до 30 лет из числа прошедших проверку дворянского достоинства, которые нигде не служили. 31 мая 1848 г. царь получил список, составленный на основе данных предводителей дворянства, и он показался ему не очень убедительным. В связи с этим он попросил, чтобы «Комитет Министров [Комитет Западных губерний незадолго до этого был расформирован. — Д. Б.] сообразил, какие меры представляются возможными к отклонению сего преступного направления дворянства в том крае». Следствие было поручено министру внутренних дел вместе с Бибиковым, который разработал анкету, представляющую для историков особую ценность, — в ответах на нее сообщались сведения о размере имения, образовании, занятиях молодых польских дворян¹⁴².

14 сентября 1848 г. гражданские губернаторы получили распоряжение собрать эти сведения через предводителей дворянства. Последние, естественно, поняли, что теперь уже шла речь не только о деклассированной шляхте и что эти меры были направлены против их социальной группы. На протяжении двух лет они оставались глухи к этому распоряжению или давали уклончивые ответы. В свою очередь, министру внутренних дел не терпелось получить ответ, и он несколько раз напоминал Бибикову об этом (4 февраля, 12 июня и 21 октября 1849 г.).

11 февраля 1849 г. подольский полицмейстер генерал-майор Сотников подлил масла в огонь, сообщив царю, что большинство молодых польских дворян после получения высшего образования согласны служить лишь в канцеляриях предводителей дворянства, намереваясь, как разрешал закон, заменить университетскую степень на классный чин, чтобы после двух-трех лет службы иметь право избираться на дворянские должности. Он добавлял, что подобная служба не дает им никаких практических навыков, поскольку они редко исполняют ее лично, высылая вместо себя писарей и оставаясь тем временем дома. Сотников считал необходимым запретить какую бы то ни было службу в польских дворянских собраниях тем, у кого нет по крайней мере трехлетнего стажа службы в царской администрации под пристальным надзором вышестоящего начальства, причем службы, подтвержденной ежеквартальными отчетами. 28 июня 1850 г. киевский гражданский губернатор выслал список из 576 молодых польских дворян, служивших лишь в органах дворянского самоуправления¹⁴³.

Отсутствие точных сведений крайне раздражало как правительство, так и Бибикова, который 26 августа 1849 г. приказал гражданским губернаторам отправить каждому предводителю дворянства эстафету с требованием представить ответы и заполненные анкеты. Это распоряжение поставило губернаторов в затруднительное положение, поскольку они не знали, как заставить предводителей представить необходимые сведения, и решили послать для успокоения своего начальника докладные записки с личными размышлениями о состоянии дворянства своей губернии¹⁴⁴.

Киевский гражданский губернатор И.И. Фундуклей объяснял, что нежелание польского дворянства служить на государственной службе имеет исторические причины. Богатые люди любили армию времен независимой Речи Посполитой, потому что от них не требовалось служить; армия лишь тешила их самолюбие, а в российской армии их отталкивали требуемые дисциплина и верность престолу. Если кое-кто и пошел случайно в российскую армию, то лишь для того, чтобы получить как можно быстрее чин и вернуться затем домой. Гражданская же служба еще во времена Речи Посполитой предназначалась для самых бедных, и ее следовало нести только в частных имениях. Это отношение продолжало сохраняться, многие шляхтичи предпочитали быть интендантами, экономами, управляющими, но не идти на государственную службу. Киевский гражданский губернатор отмечал, что «для уничтожения такого вредного направления дворянства Западного Края... необходимо установить меру, которая бы понуждала этих дворян к службе. По моему мнению, надо постановить, что если отец и сын не служили, то внук, не выступивший по достижению двадцатипятилетнего возраста в службу, как неблагонадежный своего звания, теряет право владеть непосредственно крестьянами, и над имением его устанавливается опека, которая может быть устранена только исправлением его, а именно известным числом лет службы правительству и усердием в оной». Опека могла быть снята лишь после согласия наследников пойти на государственную службу, а если в течение двух поколений никто не будет желать служить, имение должно было быть конфисковано. Бедным, у которых нечего было забрать, следовало запретить поступать на частную службу без обязательной службы в административных органах.

Волынский гражданский губернатор И.И. Васильчиков, который в будущем сменил Бибикова, подчеркивал другое необходимое условие государственной службы — интеллектуальную подготовку. Он возмущался, что после устранения «фальшивых дворян» те, за кем признано право на дворянство, не проявили желания продолжать учебу, на которую только

они имели право в империи. Он с грустью констатировал, что многие польские дворяне не умели даже читать и не знали своих прав.

В этом донесении подчеркивалось несовершенство образовательной системы в Волынской губернии: три гимназии и четыре уездные школы не могли обеспечить подготовку поляков по русскому образцу, а 29 приходских школ предназначены были скорее для крестьянских детей. По мнению губернатора, для исправления ситуации достаточно было сделать учебу платной и обязательной для дворян, установив дополнительный подушный налог и налог на землю, чтобы иметь средства на стипендии для бедных. Также не были бы лишними приходские школы и для значительной группы околичной шляхты из-под Овруча. В такой ситуации можно было бы предоставлять польскому дворянству должности в судах, создать корпус землемеров и требовать поступления на военную службу определенного количества дворян в звании унтер-офицеров с возможностью продвижения по службе.

Подольский гражданский губернатор лишь повторил аргументы двух своих коллег о противоречии между сознанием польского дворянства и государственной службой (среди российских дворян, подчеркивал он, даже калеки рвались служить). Его единственное предложение также носило принудительный характер: чтобы пристыдить всех, кому не исполнилось тридцати лет и кто нигде не служил, писать после их фамилии в документах позорное определение «недоросль», что в XVIII в. означало лицо малолетнее, еще непригодное к службе. Им следовало запретить любое участие в органах дворянского самоуправления, в свою очередь, бедным надлежало запретить арендовать земли до получения чиновничьего звания.

Как показывают последовательные действия властей, еще даже до получения необходимых статистических данных было достигнуто единое отношение относительно принудительного включения подтвердившей дворянство шляхты в существовавшую российскую сферу влияния.

Когда в 1850 г. предводители дворянства наконец были вынуждены заполнить анкеты, то сведения, которых администрация Бибикова ожидала с августа 1848 г., оказались более чем достаточными, чтобы приступить к заключительной фазе дисциплинирования поляков, начатого еще в 1831 г.

Подробнейшая информация о молодых шляхтичах, которым в 1850 г. было от 16 до 30 лет, дает нам возможность представить социологический образ этой группы в форме пяти приводимых ниже таблиц¹⁴⁵. В первой представлено правовое положение землевладельческой шляхты в возрасте 16—30 лет в 1850 г.

	Киевская губерния	Подольская губерния	Волинская губерния
Шляхта, чья принадлежность к дворянству подтверждена:			
Герольдией	451	547	499
Дворянским собранием	1921	584	4501 (только в Овруче 2635)
Киевской ревизионной комиссией	2	23	1
Шляхта, не получившая подтверждения	442	27	126
Всего	2816	1181	5127

Сопоставление этих цифр сразу же наводит на мысль о том, что главным критерием подлинности дворянских прав являлось для властей владение землей, будь то небольшие участки овручских шляхтичей или латифундии магнатов. Следует отметить, что не делалось особого различия между полученными подтверждениями родословной, не обращалось даже внимания на отсутствие таковых. Использовался принцип различия между истинными и фальшивыми шляхтичами, примененный в 1831 г., — наличие собственности в глазах властей ставилось выше родословной. Следует отметить, что Ревизионная комиссия в редких случаях признавала дворянство, в то же время было достаточно большое количество тех, кто не захотел представить свои бумаги в Герольдию, или тех, чьи дела еще не были ею рассмотрены.

Теперь обратим внимание на различие в имущественном положении:

Количество душ	Количество подтвердивших дворянство шляхтичей (в возрасте от 16 до 30 лет) в 1850 г.		
	Киевская губерния	Подольская губерния	Волинская губерния
нет		1047	4351
до 20		30	97
от 20 до 100		47	144
от 100 до 700	Нет данных	42	90
от 700 до 1000		5	7
более 1000		10	10
Всего		1181	4699

Вновь приходится констатировать, что, несмотря на притеснения околичной шляхты из-под Овруча, о которой говорилось ранее, факт отсутствия крепостных во владении не стал поводом для лишения дворянского

достоинства. Сохранились, в частности, ценные сведения о соотношении между шляхтой, которая владела крепостными, и шляхтой, которая обрабатывала землю собственными силами. Первой было почти в восемь раз меньше в Подольской губернии и в 12 раз — в Волынской, т.е. в среднем можно говорить о том, что 90% из получивших подтверждение дворянства шляхтичей не имели крепостных.

Полученные в 1850 г. данные дают возможность судить и о вероисповедании землевладельческой шляхты в возрасте от 16 до 30 лет.

Шляхта, чья принадлежность к дворянству подтверждена:	Католики	Православные	Протестанты	Магометане
	Подольская губерния			
Герольдией	392	53	1	—
Дворянским собранием	369	102	1	1
Шляхта, не получившая подтверждения	11	12	—	—
	Волынская губерния			
Герольдией	447	22	—	—
Дворянским собранием	1778	2697	—	26
Шляхта, не получившая подтверждения	Нет данных			

Как видим, количество православных было значительным. Однако речь шла почти исключительно об околичной шляхте из-под Овруча и Житомира, среди которой было 2516 православных. В действительности все они были когда-то униатами, это дает представление об уровне распространения их украинизации. В Острожском уезде насчитывалось 26 татар-магометан.

Наиболее интересной представляется составленная нами таблица об уровне образования молодых шляхтичей в возрасте от 16 до 30 лет.

Шляхта, чья принадлежность к дворянству подтверждена:	Наличие образования			Всего	Отсутствие образования			Всего
	высшее	среднее	приходское		умение свободно читать	умение читать по складам	неграмотные	
Подольская губерния								
Герольдией	62	142	26	230	232	—	85	317
Дворянским собранием	5	75	6	86	194	38	261	493
Киевская губерния								
Герольдией	56	106	39	201	114	6	122	242
Дворянским собранием	нет данных							
Волинская губерния								
Герольдией	41	151	84	276	121	26	76	223
Дворянским собранием	41	149	263	453	310	14	3 544	3868
Всего:	205	623	418	1246	971	84	4088	5143

Даже если допустить, что такое значительное количество не получивших образования связано с включением в анкету околичной шляхты Волыни, следует признать, что в двух других губерниях даже среди шляхтичей, чье дворянство было подтверждено Герольдией, т.е. тех, чье происхождение не вызывает сомнения, немногие могли похвастаться хорошим образованием. Больше половины этого действительного ядра польского дворянства (1489 лиц, признанных Герольдией) никогда не учились в школе (782 по сравнению с 707, посещавшими школу, а 283 вообще были неграмотны)!

Открывшаяся необразованность тех дворян, которые должны были стать элитой империи, дала властям идеальный повод взяться за самое богатое польское дворянство. К этому подталкивали и данные о видах деятельности польского дворянства.

Виды деятельности	Киевская губерния	Подольская губерния	Волинская губерния
сельское хозяйство	234	256	248
частная служба у помещика	35	114	60
ремесло	3	9	5
торговля	3	2	—
медицина	2	1	2
государственная служба	18	22	25

литературная деятельность	—	—	2
учеба в высшем учебном заведении	104	89	103
без определенных занятий	32	43	18
больные или калеки	10	9	12
отсутствие данных	10	2	24
Всего:	451	547	499

Как видно из таблицы, среди шляхты редко можно было встретить людей, занимавшихся профессиональной деятельностью в современном понимании, — врачей, купцов, ремесленников (возможно, за этим названием скрывалось и несколько фабрикантов). Наиболее многочисленными были группы шляхтичей, занимавшихся сельским хозяйством или управлявших имениями третьих лиц, а также лиц без определенных занятий. На государственной службе польских дворян было не так много.

Все эти удручающие данные не были вымышлены враждебно настроенными чиновниками. Их представили, хотя и вопреки своему желанию, предводители дворянства. Разве они не подтверждают описанное нами ранее удовлетворение польской шляхты царящим в «Аркадии» застоєм или плачевную ситуацию в школьном образовании?

Стоит вновь обратиться к сообщениям проницательных свидетелей эпохи, чтобы убедиться, что эти данные отражают специфическое и в то же время безнадежное положение дел. Х. Жевуский прекрасно описал саморазложение лишенной перспектив шляхты: «В себе самом не чувствуя какого-либо позитивного начала, как же он (шляхтич. — Д.Б.) сможет уважать в другом человеке просвещенность, знания, заслуги на монаршей службе, набожность, товарищескую приязнь и другие интеллектуальные и моральные ценности, которые только и достойны и способны должным образом управлять общественным мнением. Подобное повсеместное отсутствие позитивных элементов, подобное отсутствие работы над сердцем и умом всегда придает существующему обществу какой-то грубый и неприятный оттенок и отталкивает от него людей чувствительных, с развитым умом. А общество, отбросив то единственное, что может его исправить, разлагается, предоставленное самому себе, бесконечно вращаясь в порочном кругу...»¹⁴⁶

Не менее критичным был и А. Пшездзецкий, поставивший подобный диагноз больному бездельем обществу: «Мужчины для вида заняты хозяйством, тогда как на самом деле заботятся о нем управляющие. Сами они вроде бы заняты производством или продажей своих продуктов. Развлечение их — охота, визиты к соседям, ярмарки, а, прежде всего, карты да трубка. Эти увеселения отцов — единственное занятие для сыновей, которые еще не думают о хозяйстве, а занятия наукой они оставили своим преем-

никам в школах. Любой службы, даже выборной, они сторонятся, боясь поселиться в городе... все это гибнет понапрасну, без пользы для края и до того уже дошло, что (за несколькими исключениями) у нас пальму первенства в интеллектуальном развитии следует отдать прекрасному полу»¹⁴⁷.

Российские бюрократы еще на протяжении двух лет колебались в своей политике относительно столь пассивного сопротивления ассимиляции. Кроме вышеуказанных предложений гражданских губернаторов, Бибилов также разработал грандиозный проект, который в конечном счете был отвергнут, однако предусмотренные в нем нацеленность на отдаленную перспективу и категоричность в очередной раз свидетельствуют о неумолимом упорстве властей в осуществлении одновременного наступления по всем направлениям.

17 сентября 1849 г. генерал-губернатор обратился к царю с новой тайной докладной запиской¹⁴⁸, содержащей предложение о принудительной интеграции самого богатого слоя шляхты — двухсот семей, имевших свыше тысячи крепостных. К записке прилагался составленный им список лиц, который, хотя и не полностью, приводится ниже.

**Список землевладельцев трех губерний,
имевших свыше тысячи крепостных
(мужчин, женщин, детей)**

Фамилия и имя	Количество крепостных
Абрамович Станислав	1523
Абамелик (наследник армянского князя на службе у последнего короля Грузии, позже России; генерал Бородинской битвы)	1070
Браницкий Александр	83 328
Владислав	
Константин	
Березовский Я.	1157
Билинский Август	3772
Бжозовский Кароль	3608
Бжозовский Зенон	2480
Бжозовский Петр	1781
Граф Бжостовский Михал	2368
Баршевский Феликс	1091
Борейко Влодзимеж	1105
Борейко Пиус	1559
Бнинская Изабелла	1447
Белинская Юлия	1487
Валевский Тадеуш	2178

Вежицкий Роман	1350
Витославский Игнацы	1248
Ворцель Миколай	3288
Княгиня Витгенштейн Каролина	4643
Валевская Анна	1388
Валевская Цецилия	1319
Грабянка Людвик	2020
Грабянка Каетан	1073
Грохольский Людвик	1074
Грохольский Адольф	1068
Грохольский Хенрик	2463
Грохольский Ян	3214
Гижицкий Ян	2131
Гижицкий Людвик (наследники)	1668
Грушецкий Гжегож	1042
Гутовский Михал	1070
Гутовский Алоизий (наследник)	1172
Грохольская Отильда	1375
Ганская Эва	1291
Граф Дзялинский Бронислав	2110
Дембовский Каетан	1496
Дзеконская Аделаида (наследница)	1125
Даровская Катажина	2442
Еловицкий Стефан	1747
Журовский Марцели	3809
Журовская Людвика	1484
Замойский Ян	3728
Здзеховский Владислав	2269
Здзеховский Юзеф	1540
Залевский Вилем	2445
Валютинский Дионизи (наследник)	1387
Граф Илинский Хенрик	3111
Ижицкий Матеуш	2864
Ивановский Дионизи	1200
Ивановская Клара	1119
Граф Красинский Леон	1551
Граф Красинский Зигмунт	1080
Карвицкий Казимеж	1187
Кучинский Александр	1787
Кашовский Адольф	1192
Котович Ян	1256

Коссовский Серафин	1308
Комар Мечислав	3513
Комар Александр	3611
Красовский Пиус	1151
Кашовский Теодор	1278
Калм Леон	1918
Корнеловский Антони	1239
Кроковский Александр	1015
Графиня Красинская Дорота	1299
Коссаковская Бригида	1142
Липковский Хенрик	2032
Липинский Болеслав и Влодзимеж	1422
Князь Любомирский Казимир	2187
Ледуховский Ромуальд	1778
Княгиня Любомирская Ядвига	1774
Любомирская Тереза	2586
Лизогубова Елизавета	1223
Леванидова Дарья	1590
Ледуховская Мария	1001
Малиновский Цезари	1000
Малевский Пиус	1219
Малевский Юзеф	1526
Мадейский Ян	1691
Мадейский Леонард	2577
Графы Мнишек Ежи и Анджей	6128
Малаховский Эразм	1499
Мадейский Ян	1691
Мадейский Винценты	1009
Маковецкий Людвик	1160
Маковецкий Нарциз	1950
Млодецкий Ян	5156
Модзелевский Леон	1592
Манковский Эмерик	1374
Могильницкий Станислав	1107
Графиня Мнишек Анна	1779
Графиня Малаховская	1034
Нововейский Миколай	2473
Орловский Северин	6945
Орловский Адам	2533
Граф Олизар Густав	2526
Оскерко Каetan и Владислав	1384

Ожешко Юлиуш	3273
Графиня Ожаровская Цецилия	2793
Орловская Антонина	1073
Граф Плятер Игнацы	7080
Трушинский Юзеф и Винценты	1336
Граф Потоцкий Михаил (новое имя Мечислава после перехода в православие)	15 046
Потоцкий Станислав	2058
Потоцкий Теодор	1748
Потоцкий Константы и Вашлав	3398
Понятовский Ламберт	1690
Понятовский Дарьюш	1925
Понятовский Цезарий	1412
Подхорский Балтазар	2250
Подхорский Ян	1118
Пражмовский Ксаверий	1282
Пшилуский Миколай	1037
Подгородинский Владислав	2679
Поляновский Людвик и Ян	1247
Графиня Потоцкая Текля	8898
Потоцкая Александра	10 349
Потоцкая София	8173
Потоцкая Юзефа	3376
Графиня Потоцкая Юзефа (наследница)	1327
Рациборовский Адам	1278
Граф Ростворовский Миколай	1301
Граф Жевуский Эрнест	1168
Рогозинский Ипполит	2675
Русановский Александр	1873
Руликовский Фаустин	1521
Граф Жищевский Габриэль	2488
Княгиня Радзивилл Цецилия	3678
Княгиня Радзивилл Александра	3919
Княгиня Жищевская Целестина	3293
Швейковский Леон	3635
Швейковский Адам	3289
Швейковский Франчишек	2707
Собанский Евстахий	1561
Собанский Петр	2440
Собанский Хенрик (наследник)	8575
Собанский Людвик (наследник)	5880

Стажинский Едвард	3142
Скибневский Виктор	2801
Граф Стадницкий Ксаверий	4182
Стадницкий Петр	2741
Собешевский Игнацы	1453
Сарнецкий Винцент	1329
Стемпковский Игнацы	1292
Сулятицкий Леопольд	1169
Сулятицкий Ян	1 066
Сулятицкий Каласанти	1735
Княгиня Сангушко Мария	33 440
Швейковская Александра	1030
Собанская Розалия	1348
Собанская Мелания	1403
Граф Тышкевич Владислав	1081
Граф Тарновский Марчин	1731
Трофимова Александра	1230
Тржецеская Тереза	1248
Графиня Тарновская Валерия	2610
Урбановская Ельжбета	1175
Графы Ходкевичи Кароль	3005
Мечислав	
Болеслав	
Хоецкий Петр	1409
Холовинский Зенон	1620
Графиня Холоневская Ельжбета	3355
Граф Чацкий Виктор	1862
Чацкий Феликс	2390
Князь Четвертинский Евстахий	1411
Чечель Ян (наследник)	1292
Чарномский Лукаш и Алоизий	2017
Чарнецкий Матеуш	1186
Чарнецкий Миколай	1238
Княгиня Чарторыйская Марцелина	3017
Княгиня Четвертинская Казимира	1848
Чудовская Хелена	2322
Граф Шуазель Гуфье Александр	1172
Шашкевич Юзеф (наследник)	2687
Графиня Шембек	13 828
Яновский Фелициан	2031
Юревич Станислав	5017

Юревич Анна	2263
Князь Яблоновский Владислав	5836
Яблоновский Артур	1699
Яблоновский Кароль	1460
Ярошинский Октавиуш	2477
Ярошинский Франчишек	2175
Ярошинский Антони	1001
Ярошинский Эдвард	4538
Ярошинский Хенрик	4050
Ярошинский Ян (наследник)	2888
Ясинский Флориан	1670
Янковская Антонина	1764
Общее количество крепостных ¹⁴⁹ :	555 783

Из приведенных данных следует, что в собственности примерно 200 семей находилась 1/8 часть населения Украины. Большинство владело от 1000 до 2000 крепостных (113 случаев). Количество помещиков, владевших от 2000 до 5000 крепостных, было значительным (64 случая), однако всего у 10 семей было в собственности от 5000 до 10 000 крестьян, и у шести — свыше 10 000 душ.

Бибиков писал: «Почему священным долгом поставляю Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше представить, что, по моему мнению, часть сословия, которое по своему богатству, по всем почетным правам, коими оно пользуется, владея крестьянами и доходами — не должно оставаться в положении совершенно бесполезном, как для службы Вашему Величеству, так и собственно для себя, не разделять никаких обязанностей, ни трудов и предаваться только тунеядству, разврату, а может быть употреблять свои средства и доходы лишь на козни против спокойствия Государства». По мнению киевского русификатора, следовало наложить значительный налог на крупных землевладельцев, у которых за плечами не было хотя бы пятнадцати лет службы. Налог должен был быть натуральным и идти на содержание войск, расквартированных в трех губерниях. Бибиков хотел получать по три четверти муки за одну крепостную душу для содержания солдат и столько же фуражного овса. Налог должен был взиматься с собственных доходов помещиков, а не с крестьян. Бибиков полагал, что налог будет составлять 7,5% того, что помещики получали от крестьян, и не считал этот сбор обременительным. Военный министр проконсультировался об этом деле с варшавским наместником Паскевичем, который счел полностью возможным обложить налогом семьи, два поколения которых не служили царю. В связи с этим 1 ноября 1849 г. Бибиков обратился с запросом о том, как следовало считать поколе-

ния. Прежде всего он не совсем представлял, что надлежало понимать под словом «семья», поскольку везде ситуация была разной, — например, среди Браницких и Илинских были одновременно и русские сенаторы, и заговорщики, и бездельники. Немало вопросов вызывало обедневшее польское дворянство, с которого вообще было трудно что-либо получить.

Как видим, невзирая на все попытки, способ изменить отношение шляхты к государственной службе так и не был найден. Военный министр, кроме того, обнаружил некоторую неточность в проекте Бибикова. 30 октября 1849 г. он сообщал, что в списке Бибикова среди 200 крупных семей, членов которых надо было принуждать к службе, названы 42 помещицы! Соответственно количество крепостных уменьшилось на 144 195 душ; а поскольку в десяти имениях шли процессы по разделу собственности, то общее количество сокращалось еще на 27 744 души; в одиннадцати имениях братья вели общее хозяйство, часть каждого из которых составляла менее тысячи крепостных. Кроме того, Бибиков хотел обложить налогом лояльного престолу Болеслава (Михаила) Потоцкого, что было бы, по мнению министра, неуместным. Из-за этих неточностей проект был отправлен на доработку, и после проведения новых подсчетов, подготовки новых анкет в итоге оказалось, что его не так просто осуществить. 24 февраля 1851 г. военный министр сообщил об аннулировании всех предыдущих планов¹⁵⁰.

Однако 10 июня 1850 г. Бибиков подал новую записку на 32 страницах, подняв в ней ряд важных вопросов¹⁵¹. Он писал, что было бы вообще возможно обойтись без поляков на службе, поскольку в конечном итоге в этих губерниях наиболее желанной является российская администрация. Однако в данном случае важна была, по его мнению, совсем иная цель. Речь шла о ликвидации польского духа, принудительном использовании русского языка поляками, внедрении русских традиций и права. Необходимо было, чтобы польское дворянство «не имело более времени и случаев заниматься мечтаниями и утопиями, ибо только в этом отношении должна быть желательна их служба». В том же, что касалось бедного дворянства, не знавшего грамоты или плохо образованного, то его «полезно оставить как оно есть, среди здешнего простого народа русского [sic!], с которым они сродняются и образом мыслей и образом жизни и теряются в его массе».

Основная опасность, как подчеркивал генерал-губернатор, который через несколько месяцев станет министром внутренних дел, шла от богатей, которые сами даже не управляли своими имениями, не имели образования, а лишь путешествовали, привозя из-за границы «сумасбродства Запада». Уменьшение их авторитета и влияния на народ ранило их само-

любие и вызывало, по его мнению, лишь пороки, а также враждебность к России.

Наконец Николай I избрал решение, которое не ограничивалось вербовкой самых богатых, а предполагало более широкие меры. Указ от 21 апреля (3 мая) 1852 г. стал погребальным звоном по *splendid isolation** польского дворянства. Указ касался всех, у кого было свыше ста душ, т.е. охватывал и магнатов, и среднюю шляхту. Указ предписывал, чтобы дворяне польского происхождения западных губерний могли конкурировать с дворянами великороссийских губерний на государственной службе, как на военной, так и на гражданской. А поскольку за исключением редких случаев большинство молодых дворян этих губерний предается праздности, то «столь противные чувства прямому долгу благородного дворянина более терпимы быть не могут». В связи с этим повелевалось:

1) Сыновья неправославных дворян в восьми западных губерниях, которые владели сами или от имени жен более чем сотней крепостных (даже если те были разбросаны по разным уездам), в возрасте 18 лет после сдачи экзамена должны были теперь вступать на службу в звании подпоручика или юнкера. Если они проваливали экзамен, то тогда должны были идти служить в армию простыми солдатами, сохраняя за собой дворянское звание.

2) Это решение не распространялось на желавших начать службу в возрасте от 16 до 18 лет. Они могли выбирать полк и род войск после обязательной сдачи экзамена.

3) Те, кто выбирал гражданскую службу, должны были назвать место, куда они хотели поехать, но непременно в одной из великорусских губерний.

4) По решению гражданских губернаторов могло даваться освобождение от службы по состоянию здоровья.

5) Это также касалось единственных сыновей.

6) Было предусмотрено в год два набора юношей.

7) Исполнение приказа возлагалось на генерал-губернаторов, гражданских губернаторов и предводителей дворянства.

8) Военное министерство должно было разработать экзаменационные правила¹⁵².

Впервые почти за 60 лет после окончания разделов польскую шляхту вынуждали с помощью авторитарных методов стать частью российской служилой системы. Таков был конец мифа об Аркадии, счастливом изолированном острове.

* *Splendid isolation* (англ.) — «блестящее одиночество», «блестящая изоляция» (английская доктрина отказа от длительных союзов с другими державами). (Прим. пер.)

Указ, конечно, породил немало беспокойство, тем более что 2 мая Сенат сообщил местным властям, что первый набор должен был состояться уже 1 июля. Кроме того, чтобы произвести нужное впечатление, власти выслали на имя каждого предводителя дворянства эстафету с просьбой подготовить списки молодых шляхтичей к 15 июня. Гражданские губернаторы в ожидании волны беспорядков слали Бибикову конфиденциальные рапорты: «Я предписал исправникам совершенно секретно, усилить надзор за взаимными отношениями дворян и собраниями их и обо всем доносить Вашему Превосходительству и мне немедленно, в нужных же случаях по эстафете. Сверх того я счел нужным предписать полицмейстерам и городничим также иметь самое секретное наблюдение за собраниями и толками между дворянами в городах и доносить мне обо всем замеченном».

Подольский гражданский губернатор сообщал о «сильном впечатлении», которое произвел указ, о гневе дворян, считавших оскорбительным «выдавать» своих сыновей и называвших эти меры «рекрутским набором». По его словам, они не скрывали страха перед возможным обрусением сыновей в далеких губерниях, куда их отправят. Две дамы заявили, что будут сопровождать своих сыновей в Москву или куда угодно. Кое-кто говорил, что служба помешает учебе в университете. В конечном счете многие понимали, что без солидных знаний легко провалиться на экзамене и что в таком случае их будет ждать тяжелая солдатская служба.

Судя по официальным документам, большинство предводителей пытались не отвечать на эти неотвратимые по своему характеру требования. Например, несмотря на получение трех эстафет с приказом явиться лично в уездный город, не покинули своих имений балтский и брацлавский предводители. В конечном итоге подольский гражданский губернатор вынужден был воспользоваться услугами полиции для обеспечения явки уклоняющихся предводителей. При этом он жаловался и на неполноту данных, представленных другими предводителями.

На 27 июня 1852 г. лишь Киевская губерния проявила полную покорность, представив список из 384 молодых дворян, которых можно было взять на службу. Списки из двух других губерний все еще ожидалось¹⁵³. Отсутствие усердия в составлении списков обуславливалось также тем, что согласно распоряжению Комитета министров, высланному Бибикову, молодые люди должны были на свои средства добираться до военного штаба южных губерний в городе Кременце для сдачи экзаменов. Следующий «набор» 1 января 1853 г. также не прошел гладко: предводители дворянства умышленно присылали беспорядочно составленные списки, из которых нельзя было понять, кто должен служить¹⁵⁴.

Многие родители, подобно другим подданным Российской империи в похожей ситуации, пытались уберечь сыновей от слишком тяжелой судь-

бы, искали обходных путей. Процветавшая вокруг Бибикова (в то время уже министра) коррупция позволяет судить, что взятки были крайне распространенным явлением.

А. Иванский ярко изобразил отношение польских помещиков к этому решению, изменившему их мирное тихое существование за бортом имперской действительности: «Это распоряжение вызывало среди поляков, живших на Руси [Украине. — *Прим. пер.*], сильное волнение. Мой отец, у которого на земле было несколько сот душ, а при этом шесть сыновей, предпринял мучительную поездку в столицу с двумя сыновьями, чтобы устроить их в военно-инженерное заведение; однако он нашел там такого некомпетентного репетитора, что после годовой учебы один из сыновей, Эдвард, вовсе не мог сдать экзамен, а второй, Хенрик, вместо того чтобы поступить в военно-инженерное заведение, был принят в Кадетский корпус, к тому же на правительственный счет, т.е. с обязательством отслужить после завершения учебы, о чем отец вообще не просил»¹⁵⁵. Однако благодаря протекции и подаркам отцу удалось освободить сына от армии, и тот вернулся в свое имение. Это типичный пример молодого шляхтича, который оказался в двойной тупиковой ситуации: неразвитость школьной сети и недостаток подготовки, а с другой стороны, отказ от нее как от зараженной непоправимым грехом превратиться в русского.

Эта реформа, ставшая венцом антипольской деятельности Бибикова, затронула снизу доверху все слои польского дворянства. 15 января 1852 г. он вдобавок просил губернские собрания проверить титулы князей, графов и баронов. Очевидно, речь шла о привлечении на царскую службу самых почтенных поляков. Несмотря на то, что в первом списке из Киевской губернии были, например, Браницкие, Вонсовичи, Илинские, Ходкевичи, Мошенские, Потоцкие, Бибикова удивило отсутствие Дзеконских, Раммов, Жевуских и Чарторийских, от которых он потребовал представления генеалогий!¹⁵⁶

Никому не удалось остаться в стороне. После двадцатилетних усилий властей к моменту смерти Николая I исчезли последние следы «золотых вольностей», и если не в душе, то по крайней мере на бумаге шляхтичи окончательно превратились в российских подданных с одинаковыми, а иногда с еще большими, чем российское дворянство, обязанностями.

Поскольку количество гражданских чиновников было ограничено, то новых «слуг» поглотила армия. Это привело к сильному развитию Владимирского киевского кадетского корпуса, содержание которого согласно указу от 2 декабря 1854 г. осуществлялось благодаря обязательным «дарам» дворянства всех трех губерний, размер которых достигал 45 033 рублей серебром. Как видим, Бибикову удалось достичь поставленной еще в

1849 г. цели: заставить, пусть и окольным путем, богатое польское дворянство способствовать развитию российской армии.

Однако польские помещики не только финансировали самое крупное на Украине военное училище, что в конечном итоге обходилось им по 5 копеек с души. На них был также возложен в 1851—1853 гг. ряд налогов. Кроме налога по 95 копеек с души помещики должны были отдавать по 3 копейки с души в продовольственный фонд для простого люда на случай голода¹⁵⁷. Согласно указу от 22 августа 1851 г., они должны были давать средства на содержание 25 солдат-инвалидов в каждом уезде, а начиная с 25 декабря 1853 г. вносить по 50 копеек с души на центральную администрацию (24,5 — на губернскую и 5 копеек — на уездную администрацию). Налоги, поступавшие в казенные палаты¹⁵⁸, вовсе не наносили ущерба хозяйству, однако они свидетельствовали о закате существовавшей испокон веков традиции, согласно которой шляхта была освобождена от уплаты налогов. Во время Крымской войны участились призывы со стороны властей делать «добровольные взносы». Польские помещики, оказавшиеся ближе к линии фронта, не могли отказать в «дарении» волов, коней, телег и даже крепостных, тем более что, согласно военному положению (объявление о котором каждый помещик должен был подписать), вся полнота власти передавалась военным, чтобы проучить тех, кто отказался бы помогать.

Все это, конечно же, не исчерпывает всей политики, направленной на объединение империи. Последние работы некоторых российских исследователей прекрасно дополняют этот образ. Саратовский историк С. В. Удалов приводит в своем исследовании крайне интересные тексты, такие как записка С. П. Шипова, полковника Семеновского полка из Винницы, «Взгляд на Подольскую губернию» 1830 г., где он подробным образом общал царю, каким образом «паны и шляхта польская беспрепятственно угнетают и терзают» население, и советовал усилить роль православных священников. Удалов подчеркивает действия в этом направлении Платона, Киевского митрополита, и влияние уже умножившихся к тому времени сторонников сильной руки. Он приводит цитату из записки А. И. Артемьева «Действия правительства в Киевской, Подольской и Волынской губерниях», в которой тот в 40-х годах советовал возвысить православие, ввести «элементы русские» и привести край «в безразличное единение с великорусскими губерниями». Удалов обращает также внимание на важный факт — ликвидацию отделения Польского банка в Бердичеве, о котором уже шла речь, через который помещики переводили крупные суммы на Запад, эмигрантам. С 1840 г. только Киевский частный банк, контролируемый властями, принимал депозиты от помещиков этих губерний. Удалов подчеркивает созвучие знаменитой уваровской формулы с историческим видением единой России А. Н. Пыпина, а также с идеями,

представленными в невероятном учебнике польской истории для средних учебных заведений Н. Павлищева (1842 г.)¹⁵⁹.

ПОЛЬСКИЕ ПОМЕЩИКИ НАКАНУНЕ 1863 ГОДА

Польскому историку Марселю Хандельсману не были известны все обстоятельства и формы порабощения, от наиболее скрытых до самых откровенных, когда он занимался исследованием вопроса о возможном оказании помощи со стороны поляков на Украине польским легионам, созданным в Турции князем А. Чарторыйским¹⁶⁰. Несомненно, что знаменитые «казаки султана», возглавляемые М. Чайковским (Садык-пашой) и родным племянником князя Адама, Владиславом Замойским, могли бы пробудить в польских помещиках Украины какое-то сочувствие, если бы слух о них широко распространился, что само по себе сомнительно. Однако рассчитывать на то, что они выступят на стороне англичан и французов в Крыму как раз в тот момент, когда шла «вербовка» богатой шляхты на царскую службу, было несбыточной мечтой. Министр иностранных дел Наполеона III Друэн-де-Люис, по всей видимости, понимал это, поскольку не поддержал планов, предложенных ему в связи с этим Р. Белецким.

Неудивительно, что большинству консервативных польских помещиков казалась убийственной сама мысль об отмене крепостного права, как и ограничение их избирательных прав в дворянских собраниях. Консерваторы были охвачены ужасом, чувствуя, что угроза исходит отовсюду. Когда Крашевский, что было исключительным явлением, сообщил в письме к луцкому предводителю дворянства К. Корвин-Петровскому* о необходимости предоставления земли крестьянам, это вызывало огромное возмущение всего губернского дворянского собрания в Житомире¹⁶¹. Через год ему объявили войну, когда он осмелился поставить в местном театре пьесу «Старая история», где крестьяне оказывают финансовую помощь помещику, который раньше освободил их из крепостничества. Как уже отмечалось, писатель был вынужден отказаться от занимаемых должностей, распродать все и уехать. Потому не стоит удивляться тому, что парижские эмигранты, призывавшие землевладельцев быть большими либералами, чем реформаторы Александра II, получали в ответ крайне сдержанные письма¹⁶².

Поэтому, подходя к концу этой главы, посвященной землевладельческой шляхте, следует констатировать то, что сначала представлялось нам столь удивительным: нельзя обвинять лишь царские власти в крайнем консерватизме поляков на Украине. Пережитки идеологии барских кон-

* Возможная транскрипция фамилии Корвин-Пиотровский. (Прим. пер.)

федератов, чему были представлены сотни доказательств, оказались здесь намного более жизнеспособными, чем в других частях бывшей Речи Посполитой.

Манифест Александра II от 29 августа 1856 г. в значительной степени ослабил требования к службе богатых дворян (сыновьям польских дворян позволялось служить там и тогда, а также так, как им заблагорассудится). Он был встречен с огромным облегчением, однако факт этот не склонил шляхту к изменению образа жизни, а, наоборот, лишь привел к усилению ее привычек. Эта столь мало готовая к переменам, полностью зажатая со всех сторон социальная группа была способна лишь испытывать страх. О. Авейде не преувеличивал, назвав шляхту на Украине «стадом рабов»¹⁶³.

Можно сказать, что долгий опыт жизни под тиранией, приобретенный еще в царствование Николая I, становился поводом к бездеятельности даже тогда, когда либеральная политика Александра II привела к ослаблению как социального гнета в Петербурге, так и национального — в Варшаве.

Возвращение из Сибири многих ссыльных 1831—1832 и 1839 гг. по коронационной амнистии (решение об амнистии было принято в мае 1856 г.) было встречено со своего рода радостным страхом. В ссылке эти люди сохранили патриотические идеалы, которых остерегались придерживаться их соотечественники, оставшиеся на месте. Лишь несколько киевских студентов отличилось подобным радикализмом. Объединившись в т.н. гмины — группы морального и патриотического обновления, студенты создали кассы взаимопомощи, библиотеки и даже тайное общество «Związek Trójnicki» («Союз троицы»), характер которого не вполне ясен. Некоторые считают, что цифра «3» означала способ привлечения в тайное общество: двое ищут третьего. О. Авейде, однако, писал, что это была просто группа из представителей трех губерний. Судя по недолговечным изданиям («Vigos» («Бигос»), «Ulicznik» («Сорванец»), «Plebeusz» («Плебей»)), члены общества связывали надежды на крестьянское восстание с мыслью о воссоздании Польши. Кроме того, в 1861—1862 гг. Л. Совинский издавал откровенно украинофильскую газету под названием «Sioło» («Село»).

Предисловие к сборнику статей, опубликованных Фортунатом Новицким под псевдонимом Проспер Громадзкий, свидетельствует, что молодежь хотела порвать с чувством страха, свойственного их запуганным родителям. Однако этих молодых людей была всего лишь горстка, более того, часть ее пришла к выводу о том, что украинская идентичность была куда важнее польской. За В. Антоновичем (который с этого времени начал писать свое имя и фамилию по-украински) пошли другие, что привело к расколу, подчеркивавшему существование польско-украинского антагонизма. Об этом уже шла речь в связи с таким сюжетом, как создание школ для

крестьян. Антонович, который представлял наиболее крайний пример разрыва с родной культурой, стал пионером новой историографии на украинском языке. Его известная «Исповедь», опубликованная в 1862 г. в журнале «Основа», стала актом отречения от всего, что составляло суть польской шляхетской идеологии. Смерть Т. Шевченко в Петербурге в феврале 1861 г. совпала с концом надежд на достижение согласия; не помогли в сближении и речи, произнесенные на польском языке во время его похорон в Каневе в мае 1861 г.¹⁶⁴ Впрочем, бурная украинофильская деятельность Костомарова и редакции «Основы» главным образом проходила в Петербурге и была крайне далека от киевских царских властей и от помещиков Правобережной Украины, да и, пожалуй, от самого народа, который вряд ли много знал о них.

Единственный «смелый» шаг, который могла себе позволить землевладельческая шляхта, был связан с тем, что Т. Бобровский определял понятием «органическая работа» (понятие возникло уже после 1863 г. в связи с усилением репрессий), сегодня это можно было бы назвать «политическим реализмом».

В 1860 г., стремясь усердно следовать ригористическим принципам проявления лояльности, несколько польских богатых помещиков пытались подражать инициативе, получившей огласку в Варшаве в 1857 г., где во главе с Анджеем Замойским было создано Сельскохозяйственное общество, действовавшее на территории всего Царства Польского. Первый проект устава «Экономического общества Украины» появился благодаря инициативе Зенона Фиша (П. Падалицы), Михала Грабовского и Юзефа Крашевского. Цель общества состояла в развитии сельского хозяйства, производства и торговли с помощью подготовки кадров для работы в поместьях, сельскохозяйственных изданий, создания образцовых хозяйств, организации выставок сельхозпродукции, животноводства и изделий промышленного производства и страхования имений. Эта идея была подхвачена во время Киевской контрактной ярмарки в начале 1860 г. В комитет Общества входили богатые землевладельцы, собиравшиеся на квартире графа Цезария Понятовского, среди них были Зенон Холовинский, Михал Грабовский, Игнацы Фудаковский, Леонард Янковский, Владзимеж Чарновский, Эвард Хамец, Зигмунт Калужинский из Киевской губернии, Эмерик Маньковский из Подольской и граф Броэль-Плятер из Волынской губерний. Все они принялись за разработку проекта, запланировав бюджет в 20 тыс. рублей серебром. Намечалось создание геологических карт и музея. В газете «Kurier Wileński» («Виленский курьер») они представили свои планы, которые были встречены З. Фишем с определенными возражениями. В той же газете он писал о необходимости помогать од-

нодворцам, в частности распространяя среди них просвещение, с целью ограничить влияние евреев в этом регионе.

В марте 1860 г. князю И.И. Васильчикову был представлен проект «Устава сельскохозяйственного общества Западных губерний», где говорилось о существовании уже подобных обществ в Прибалтике. Члены общества должны были платить высокие взносы (25 рублей серебром в год), что говорит о сугубо элитарном характере этой группы. Заседания Общества должны были проходить несколько раз в год, поочередно в Житомире, Умани, Каменце, Дубне. Однако на это генерал-губернатор не дал согласия и пожелал встать сам во главе Общества. Отредактированная согласно выказанным пожеланиям версия была одобрена в октябре императором. Теперь предполагалось, что деятельность Общества будет распространяться только на Киевскую губернию. Открытие было назначено на январь 1861 г., затем было перенесено на июнь и в конце концов так никогда и не произошло. Так пошла прахом «гражданская» инициатива польских помещиков Правобережной Украины.

Между тем Сельскохозяйственное общество в Царстве Польском приобрело выразительный патриотический и политический характер. И именно этого и опасались царские власти на Украине. Они не ошиблись. Нам уже известно, что через два года Подольское дворянское собрание дорого заплатит за свою просьбу об административном присоединении Украины к соседнему Царству Польскому. Сорвались также планы той же группы по созданию «Земского кредитного общества», которое должно было предоставлять кредиты находившимся в трудной финансовой ситуации собственникам более 100 моргов земли. Впрочем, комитет под председательством Зенона Холовинского не обратил внимания на анонимную статью в газете «Kurier Wilecki» об оказании помощи безземельной шляхте в 300 рублей серебром для выкупа в течение 12 лет обложенной оброком земли. 6 февраля 1861 г. 500 крупных помещиков собралось в дворянском клубе в Киеве с целью создания общества, однако Васильчиков пресек их надежды на корню¹⁶⁵.

Другим «смелым» шагом польских помещиков Украины в период, когда Царство Польское буквально бурлило от различных патриотических инициатив, стали скромные попытки вернуть часть шляхетской автономии, утерянной с введением в 1840 г. российского законодательства и отстранения поляков от судопроизводства. Т. Бобровский восхвалял созданные по разрешению властей полюбовные суды, которым сам посвятил много времени. Речь шла о том, чтобы во избежание конфронтации между польским дворянством и российским судебным аппаратом улаживать

«между собой» споры, возникающие в связи с недвижимым имуществом, собственностью, наследством, разделом имущества и даже матримониальными проблемами. Эта деятельность, которая, как представляется, достаточно удачно развивалась параллельно с официальной деятельностью дворянских собраний, несомненно, свидетельствует об оживлении польского патриотизма, хотя она и несла на себе отпечаток корыстных интересов господствующего класса и никоим образом не служила подготовке к изменению существовавших социальных структур, нивелирование которых давало бы больше шансов для выживания замкнутой национальной группы. Во всяком случае, все понимали, что нельзя рассчитывать на успешное восстание¹⁶⁶.

Патриотический характер был присущ и 260 поминальным литургиям, отправленным в этих трех губерниях в период с марта по июль 1861 г. в память о погибших в Варшаве. Патриотические чувства угадываются и в возвышенной атмосфере, о которой вспоминал В. Лясоцкий, и в пении национальных песен хором под аккомпанемент фортепьяно во многих польских дворянских семьях Житомира и Бердичева¹⁶⁷. Однако этому проявлению энтузиазма был вскоре положен конец, когда за участие в подобных «выходках» смельчаков отправили в Вятку и другие города в глубь России.

Обстоятельный анализ восстания 1863 г., сделанный С. Кеневичем, хорошо показывает призрачный характер его хода на Украине. В комитет «Рух», созданный в июне 1862 г. Эдмундом Ружицким, сыном генерала 1831 г., входило всего несколько человек в Киеве, он в большей степени был связан с Варшавой, чем представлял интересы местной шляхты. Плохая организация, до сих пор не установленное и, скорее всего, небольшое количество членов, отсутствие какой-либо автономии в отношениях с Варшавой — все это обрекало на поражение горстку людей, к которой с огромным подозрением относились местные помещики и с безграничной враждебностью — крестьяне¹⁶⁸. Последние ловили и зачастую убивали киевскую молодежь, осмелившуюся пропагандировать идеи восстания. Ружицкому с 260 кавалеристами под своей командой пришлось отступить из Подольской губернии. Он зря будет ждать помощи извне: Высоцкого из Царства Польского или Галиции, Микловского из Добруджи или даже Гарибальди, который должен был прийти через Одессу! Все это были пустые мечты. Польские помещики больше всего боялись отказа крепостных отработать барщину, что стало к этому времени повсеместным явлением. К битве за Польшу землевладельческая шляхта была готова не лучше, чем ее выборные представители, о деятельности которых уже шла речь выше.

После ареста в августе 1863 г. Мавриция Дружбацкого, перевозившего письма, счета и печати, царские власти приступили к ликвидации всей сети: до весны 1864 г. продолжались аресты, конфискации, ссылки, и все это — несмотря на недостаточность обвинений. Попытка уцелевших вместе с Э. Ружицким в начале 1864 г. установить связь с украинскими деятелями, которые группировались вокруг газеты «Мета» («Цель») во Львове, закончилась ничем. Редакция ответила, что «пожалование» золотых грамот с тридцатилетним опозданием уже никаких результатов не даст. Что говорить, если даже Дубецкий, поверенный по делам «Руси» (т.е. Украины) в правительстве Траугутта, упрямо твердил, что польская собственность на землю является самым нерушимым правом. Среди 38 тыс. сосланных в Сибирь поляков за участие в восстании лишь 5% было родом из Украины. В Киеве было объявлено 9 смертных приговоров, тогда как в Варшаве — 475, а в Вильне — 180¹⁶⁹.

Привязанные к своей находившейся в опасности Аркадии помещики не только не могли, но и не хотели отвечать на призывы Временного правительства Варшавы. Как оказалось, варшавское правительство напрасно использовало печать с давней русской символикой — Св. Архангелом Михаилом с поднятым мечом и литовской Погонью.

Однако, несмотря на страх и сдержанность, всем этим помещикам в будущем предстояло заплатить немалую цену за то, что они были поляками. До 1868 г. с них будут брать 10% налога с прибыли, и хотя потом он станет вдвое меньше, его будут взимать на протяжении 30 лет. Последующие генерал-губернаторы — А.П. Безак, А.М. Дондуков-Корсаков, А.Р. Дрентельн, А.П. Игнатъев — вплоть до начала XX в. будут продолжать жестокую репрессивную политику Бибикова. Как нам предстоит убедиться, были, несомненно, отличия между Игнатъевым, русификатором бурят в Иркутской губернии, другом Победоносцева, и Дондуковым-Корсаковым, временами склонным идти на компромиссы с поляками, однако общая линия продолжала сохраняться. Указом от 11 декабря 1865 г. во всех западных губерниях полякам было запрещено приобретение земли иначе чем путем прямой передачи по наследству. Это в том числе стало продолжением давнего плана о заселении этих территорий русскими¹⁷⁰.

В результате обязательного выкупа земли украинским крестьянством на условиях, которые способствовали его привязанности к России, а также в результате интенсивного проникновения «русского элемента», накануне Первой мировой войны в руках поляков осталось менее четверти всех пахотных площадей Правобережной Украины, что тем не менее было все еще значительной собственностью.

Вот как распределялись типы собственности по данным на 1911 г. (в десятинах)¹⁷¹:

Губерния	Государственные и церковные владения		Крестьянские наделы		Частные владения	
Киевская	450 000	9,8%	2 107 000	45,2%	2 092 000	45,0%
Волинская	653 000	11,3%	2 999 000	39,8%	2 820 000	48,9%
Подольская	277 200	7,6%	1 860 200	48,0%	1 537 000	44,4%
Всего	1 380 200		6 966 200		6 449 000	

В графе «Частные владения» объединена собственность русских и польских землевладельцев. Обратим внимание на то, что владения российских помещиков занимали большую площадь (в десятинах), чем у польских:

Губерния	Частные польские владения	Частные российские владения
Киевская	858 000	1 234 000
Волинская	1 297 000	1 523 000
Подольская ¹⁷²	861 700	764 100
Всего	3 016 700	3 521 100

В третьей части нам предстоит объяснить, каким образом власти удалось достичь такого успеха. Как мы увидим, интенсификация сельского хозяйства и пищевой промышленности способствовала тому, что постепенно истончавшееся польское меньшинство, несмотря ни на что вплоть до 1917 г. продолжало считать Украину своей Аркадией. В 1917—1920 гг. большая часть имений сгорела, однако горстка владельцев, оставшихся на Волини, вошедшей в состав воссозданного в 1918 г. Польского государства, продолжала грезить наяву вплоть до 1939 г., после которого от «польской» Украины не останется и следа... Обратимся теперь к анализу сути трехсторонних отношений, развивавшихся на протяжении полувека, предшествовавшего Первой мировой войне.

¹ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 6682. Эти меры пока не могли быть применены. В 1850 г. Бибиков констатировал, что Герольдия не подтвердила принадлежности к дворянству польских помещиков (мы вернемся к этому вопросу в дальнейшем). Однако в 1845 г. указ о приостановке деятельности Центральной ревизионной комиссии вызвал панику среди польских землевладельцев, которые приобрели землю после 1831 г. Писатель Юзеф Крашевский оказался как раз в такой ситуации. Несмотря на свое состояние, он мог оказаться среди деклассированных. В письме к отцу в январе 1845 г. он дал волю охватившим его эмоциям:

«Публикация указа о шляхте в семидесятом номере еженедельника “Tygodnik” стала для меня как гром среди ясного неба.

Мы, несомненно, относимся к этой категории, которая временно будет записана в однодворцы. Я пишу это письмо, а у самого слезы на глаза наворачиваются, я теряю присутствие духа. У нас со всей строгостью подойдут к исполнению указа, и наверняка имения попадут под управление.

Ради Бога, если ты, Папа, желаешь мне спокойной жизни, сжался и выхлопочи свидетельство, что мы не относимся к этой категории, и пришли мне его немедленно, чтобы мне было что представить, а иначе за здоровье свое, и так слабое, и то, переживу ли я такой удар, не ручаюсь. Не в силах написать ни слова больше.

Твой верный сын.

Юзеф

P.S. Это конец имению и всему. Ради Бога, Любимый Папа, пришли мне свидетельство, иначе сойду с ума. Из моих дипломов можно разве что папиросы скрутить... ни я, ни мои дети ничего с этого не будем иметь, и имение здесь наверняка попадет под управление, если не хуже. Этого только не хватало, чтобы меня добить. Христом Богом прошу, Папа, пришли мне свидетельство, что мы к этой категории не относимся. Молю тебя, как можно быстрее, иначе сойду с ума. Если бы только я был один, без детей!» *Kraszewski J.I. Listy do rodziny*. S. 129 (письмо от января 1845 г.). В связи с этой угрозой Крашевский с 1840 г. занялся в спешном порядке изучением генеалогии своего рода, потратив на это массу сил и времени. См.: *Ibidem*. S. 97, 130, 135, 142, 153, 182.

² *Zielińska T. Magnateria polska epoki saskiej. Funkcje urzędów i królewskich w procesie przeobrażeń warstwy społecznej*. Wrocław, 1977. S. 122—130. О сложившейся ситуации в конце XVIII в. см.: *Маркина В.О.* Магнатское поместье; *Serczyk W. Gospodarstwo magnackie*. Ср. также: *Tradycje szlacheckie w kulturze polskiej*. / Red. Z. Stefanowska Warszawa, 1976; а также: *Rychlikowa I. Ziemiaństwo polskie 1789—1864. Zróżnicowanie społeczne*. Warszawa, 1983. S. 386 (о ситуации в Царстве Польском); *Ziemiaństwo polskie 1795—1945* (статьи Т. Меншеля о галицких магнатах в 1795—1809 гг. и В. Молика о польских помещиках в Княжестве Познанском во второй половине XIX в.).

³ Воспоминания Витольда Врублевского приводятся в работе Олехновича. См.: *Olechnowicz J. Polska myśl patriotyczna* S. 35.

⁴ *Falkowski J. Życie towarzyskie w guberniach podolskiej, wołyńskiej i kijowskiej // Kłósy*. 1887. Т. 14. S. 109.

⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6344.

⁶ *Ibidem*.

⁷ *Walewski W. Cukrownictwo na Ukrainie // Pamiętnik Kijowski*. 1963. Т. 2. S. 167 (приводятся данные до 1910 г.). Отчеты гражданских губернаторов трех губерний за 1850 г. хранятся в: РГИА. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 59, 61, 78а. Подробное исследование по этой теме приводится в статье: *Iwaщенко Ю.* Розміщення цукрової промисловості на Україні в середині XIX ст. // *Історичні дослідження. Вітчизняна історія*. Київ, 1975. Вип. 1. С. 118—123.

⁸ *Bobrowski T. Pamiętnik mojego życia* Т. II. S. 34—36.

⁹ *Ibidem*. S. 35.

¹⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6344. Более развитое производство было на Левобережной Украине. См.: *Дерев'янкин Т.* Мануфактура на Україні в кінці XVIII ст. (текстильне виробництво). Київ, 1960; *Нестеренко О.* Розвиток промисловості на

Україні. Київ, 1959. Т. 1; *Оглоблин А.П.* Очерки истории украинской фабрики. Предкапиталистическая фабрика. Киев, 1925.

¹¹ *Falkowski J.* Życie towarzyskie. S. 109. В отчете Бибикова за 1849 г. дается оценка дохода от одного крепостного в крупном имении: каждый крестьянин в среднем обрабатывал одну десятину озимых и одну десятину яровых. В среднем с одной десятины получали 6 четвертей. Стоимость одной четверти хлеба составляла 3,50 рубля серебром, 6 четвертей давали 21 рубль серебром. Средняя стоимость четверти овса равнялась 1,50 рублям серебром, 6 четвертей давали 9 рублей серебром. Таким образом, каждый крепостной приносил своему помещику 30 рублей серебром в год, поскольку продаваемое в Одессе зерно давало от 5 до 10 рублей серебром за четверть. Этот доход не включал работы в лесу, выпас скота и работу на винокуренном заводе. См.: ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 799. Спр. 377. Более точные данные приводятся в: *Сташевский Е.Д.* История докапиталистической ренты. С. 240—252.

¹² *Przedziewicki A.* Podole, Wołyń, Ukraina Т. I— II. S. 26—28.

¹³ *Jełowicki A.* Moje wspomnienia Т. II. S. 189—193.

¹⁴ *Бальзак О. де.* Письмо о Киеве.

¹⁵ О происхождении русских шляхетских родов см.: Акты о происхождении шляхетских родов в Юго-Западной России (1442—1760) // Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов. Киев, 1867. Ч. 4. Т. 1. Утонченная атмосфера польских усадеб прекрасно проанализирована в работе: *Frenkel S.* Ukraina w malarstwie polskim // Pamiętnik Kijowski. 1966. Т. III. S. 199.

¹⁶ *Przedziewicki A.* Podole, Wołyń, Ukraina Т. I. S. 75. Интересным представляется сравнение уровня и стиля жизни этих польских усадеб с существовавшими «дворянскими гнездами» в самой России, по истории которых в последнее время появляются работы; см. самые недавние: *Ковалева Т.В.* История сельской дворянской усадьбы в губерниях Центрального Черноземья (вторая половина XVIII — начало XX века). Дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Курск, 2004; *Ларионова М.Б.* Дворянская усадьба на Среднем Урале (вторая половина XVIII — начало XX в.) Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006.

¹⁷ *Inglot M.* U źródeł «Fantazego» // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Filologia 1955. № 1; Idem. Realia «Fantazego» // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Wrocławskiego. Seria A 1961. № 32. S. 35—90. Автор перечисляет источники, в которых Ю. Словацкий мог найти верное отражение жизни польской шляхты на Украине, в особенности в дневнике Войчеха Потоцкого, опубликованном в 1842 г. в «Biblioteka Warszawska».

¹⁸ Станислав Трембецкий увековечил этот парк в поэме «Софиевка», опубликованной в Вильне в 1806 г. Анализ символики этого садово-паркового ансамбля дан в работе Пшибыльского. См.: *Przybylski R.* Ogrody romantyków. Kraków, 1978. S. 28—54; *Свирида И.И.* Сады века философов в Польше. М., 1993.

¹⁹ Инвентарная опись была сделана владельцами в 1793 г. («Tableaux originaux de notre cabinet»); включала 71 картину. Опись хранится в: ЦДІАУК. Ф. 49. Оп. 2. Спр. 2962. Правда, в 1832 г. принадлежавший Александру Потоцкому, старшему брату Мечислава, парк Софиевка был конфискован и передан Киевской казенной палате, а с 1836 г. подчинен управлению военных поселений. Его стали называть «Царыцын сад». Таким образом, самой богатой польской резиденцией на Украине стал Тульчин. См.: *Łojek J.* Potomkowie Szczęsnego. S. 93, 125—127.

²⁰ Эта идея была реализована лишь в XX в. Антоний Урбанский выразил грусть о потерянном после Октябрьской революции рае, издав альбом из 165 прекрасных фотографий с видами польских усадеб. См.: *Urbański A. Memento kresowe. Warszawa, 1929*. Еще один пример — это панегирик семье Браницких, созданный Ядвигой Войчеховской-Живультовской. См.: *Wojciechowska-Żywułtowska A. Biała Cerkiew, książka pamiątkowa Białocerkiewian. Warszawa, 1919*. Это богато иллюстрированное издание.

²¹ *Siemiński L. Ogrody i poeci // Dzieła Warszawa, 1981. T. I. S. 147*. Парк Софиевка у многих героев произведений Ю. Словацкого, таких как «Король Ладавы» (1832), или «Вашлав» (1838) вызывал чувство мести.

²² *Jełowicki A. Moje wspomnienia. T. II. S. 174, 186—189*.

²³ *Falkowski J. Życie towarzyskie. S. 10*.

²⁴ *Kraszewski J.J. Dwa światy. S. 84*. Сам Ю. Крашевский принадлежал к более зажиточным помещикам. В купленном им в 1840 г. поместье было 130 душ и 30 дворов. См.: *Kraszewski J.J. Listy do rodziny. S. 96*. В имении Губин, купленном в 1849 г., имелась 121 душа, а оценивалось оно в 40 тыс. рублей серебром. В 1854 г. писатель купил еще одно поместье Киселе стоимостью в 90 тыс. рублей серебром. См.: *Ibidem. S. 166, 270*.

²⁵ *Iwański A. Pamiętniki 1832—1876. S. 10*.

²⁶ *Ibidem. S. 227*. Сноска 3.

²⁷ *Bejła J. (Rzewuski H.). Mieszaniny obyczajowe. T. I. S. 30*. Мелкая шляхта в меньшей степени ненавидела магнатов: в 1845 г. по доносу управляющего на Мечислава Потоцкого царь сослал магната в Саратов. Несмотря на слезные просьбы, переход в православие, несколько попыток побега, Потоцкий смог уехать во Францию и наслаждаться там своим состоянием только после смерти Николая I. См.: *Łojek J. Potomkowie Szczęsnego. S. 168—179*.

²⁸ *Paprocki B. Herby gycerstwa polskiego. Kraków, 1584; Okolski S. Orbis polonus. Kraków, 1641—1645; Niesiecki K. Korona Polska Lwów, 1728—1743*.

²⁹ *Szczeniowski T. Bigos hultajski. T. II. S. 8*.

³⁰ *Bejła J. (Rzewuski H.). Mieszaniny obyczajowe. S. 133—152*. Глава под названием «Шляхетство».

³¹ *Ibidem. S. 151—152*. См. также: *Kraszewski J.J. Wspomnienia Wołynia. T. II. S. 105, 154—159; Szczeniowski T. Bigos hultajski. T. II. S. 17—27; T. III. S. 127—131, 133—134; Rzewuski H. Pamiętki Soplicy. S. 128, 174, 180, 354*.

³² *Lubomirski J. Mémoires 1839—1871. Paris, 1911. P. 387*.

³³ *Kraszewski J.J. Dwa światy. S. 37—83*.

³⁴ *Ibidem. S. 110*.

³⁵ *Bejła J. (Rzewuski H.). Mieszaniny obyczajowe. S. 126—127*. Далее в этой главе будут представлены данные по образованию шляхты, подтверждающие на первый взгляд суровое мнение Жеvusкого.

³⁶ *Bobrowski T. Pamiętnik mojego życia. T. I. S. 300—302, 329*.

³⁷ *Kraszewski J.J. Wspomnienia Wołynia. T. II. S. 106—108*.

³⁸ *Kamiński H. Pamiętniki i wizerunki. S. 196—198*.

³⁹ *Beauvois D. Lumières et Société. T. 2. P. 687 и др.; Idem. Szkolnictwo polskie na ziemiach. T. 2. S. 249*.

⁴⁰ ЦДІАУК. Ф. 710. Оп. 1. Спр. 53 — Переписка харьковского попечителя с Кременецким лицеем.

⁴¹ *Beauvois D.* Powstanie Listopadowe a szkolnictwo na ziemiach litewsko-polskich // Powstanie Listopadowe 1830—1831. Powstanie Listopadowe 1830—1831. Geneza, uwarunkowania, bilans, porównania / Red. J. Skowronek, M. Żmigrodzka Wrocław, 1983. S. 45—55.

⁴² ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 728. Спр. 39 — Большое количество документов по делу о винницких учениках с 17 декабря 1830 г. по 17 февраля 1834 г.

⁴³ *Szczeniowski T.* Bigos hultajski. Т. IV. S. 39—221.

⁴⁴ *Beauvois D.* Lumières et Société. Т. 2. P. 519—547, 633—639; а также глава 4 первой части настоящей книги.

⁴⁵ ЦДІАУК. Ф. 710. Оп. 1. Спр. 54 — Кременецкий лицей в 1832—1843 гг., переписка по вопросу о переводе в Киев. В фонде 710 сохранились материалы по истории Кременецкого лицея за 1819—1834 гг. (598 дел).

⁴⁶ Державний архів Житомирської області (ДАЖО). Ф. 70. Оп. 1. Спр. 23.

⁴⁷ ЦДІАУК. Ф. 710. Оп. 1. Спр. 54. Тем не менее некоторые историки подчеркивают, что С.С. Уваров не принадлежал к радикальным сторонникам русификации. См.: *Whittaker C.* The Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov, 1786—1855. DeKalb, 1984; *Flynn J. T.* Uvarov and the 'Western Provinces': A Study of Russia's Polish Problem // Slavonic & East European Review. Vol. 64. № 2. April 1986. P. 212—236.

⁴⁸ ЦДІАУК. Ф. 710. Оп. 1. Спр. 54 — Отчет от 3 февраля 1833 г.

⁴⁹ ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 23 — Письмо Бокшанина от 23 декабря 1832 г. Л. 74—78; циркуляр Левашова гражданским губернаторам от 24 марта 1833 г.

⁵⁰ *Ibidem* — Инструкция Ливена и Левашова, август 1832 г.

⁵¹ *Ibidem*.

⁵² *Ibidem* — Отчет директора Луцкой гимназии от 6 декабря 1832 г.

⁵³ *Ibidem*.

⁵⁴ *Zasztowi L.* Kresy 1832—1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1997. S. 151—152.

⁵⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6344 — Отчет от 28 февраля 1840 г. Эти данные касаются учебных заведений, находившихся в ведении Министерства народного просвещения. В трех губерниях были также школы, находившиеся в ведении Синода. В 1840 г. они распределялись следующим образом:

	Киевская губерния	Подольская губерния	Волынская губерния
Православная академия	1	—	—
Православные семинарии	1	2	4
Православные приходские и уездные школы	5	8	10
Общее количество учащихся	1708	1240	1193

Самой собой разумеется, что в них не было поляков. См.: *Zasztowi L.* Kresy 1832—1864. S. 225—227. Там же приводятся данные о том, что с 1835 г. лучше всего финансировался Киевский учебный округ. На 21 среднюю школу предназначался

бюджет в 97 225 рублей серебром. Большая часть этих школ была создана на основе закрытых и конфискованных монастырских школ. Ibidem. 283—284.

⁵⁶ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 2508 — Отчет от 5 декабря 1838 г. О «неблагонадежности» школ говорилось и во многих полицейских рапортах, которые не было возможности проработать. Они касаются преподавания, контроля за перепиской, запрещения преподавания польского языка, распространения запрещенных книг и стихов. ЦДИАУК. Ф. 707. Оп. 260 (1833—1840 гг.); 261 (1841—1860 гг.).

⁵⁷ *Iwański A.* Pamiętniki. S. 20—25.

⁵⁸ *Tabiś J.* Polacy na Uniwersytecie. S. 49.

⁵⁹ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 26.

⁶⁰ Ibidem. — Заседание Комитета Западных губерний 18 мая 1840 г.

⁶¹ ДАКО. Ф. 1238. Оп. 2. Спр. 52 — Обращение в печатной форме Библикова к предводителям дворянства от 30 июня 1840 г.

⁶² *Dubiecki M.* Młodzież polska w Uniwersytecie Kijowskim przed rokiem 1863. Kijów, 1909, и прежде всего: *Tabiś J.* Polacy na Uniwersytecie. Архив Киевского университета за 1834—1920 гг. (78 072 дела) хранится в фонде 708 ЦДИАУК.

⁶³ *Tabiś J.* Polacy na Uniwersytecie. S. 34.

⁶⁴ Ibidem. S. 58—63; *Владимирский-Буданов М.Ф.* История Императорского Университета Св. Владимира. Киев, 1884. Т. I. С. 164 и др.; *Історія Київського університету: 1834—1959.* Київ, 1959. С. 24 и др.

⁶⁵ *Bobrowski T.* Pamiętnik. Т. I. S. 333—372. Бобровский посвятил эти страницы, написанные в 1884 г. и являющиеся прекрасным свидетельством эпохи, учебе в Киевском университете.

⁶⁶ О наплыве польских студентов из Царства Польского и из западных губерний в перечисленные российские университеты подробно пишет Дж. Реми. См.: *Remy J.* Higher Education and National Identity: Polish Student Activism in Russia, 1832—1863. Helsinki, 2000. P. 380.

⁶⁷ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 30.

⁶⁸ *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 37.

⁶⁹ О возражении генерал-губернатора И.И. Васильчикова на просьбу Киевского дворянского собрания см.: *Szroper D.* Pomiedzy caratem. S. 61—62. Министр народного просвещения Е.П. Ковалевский, в свою очередь, отверг проект Васильчикова об открытии университета в Варшаве и запрете на прием в Киевский университет уроженцев Царства Польского и западных губерний. См.: Западные окраины. С. 142.

⁷⁰ Сведения о журнале «Gwiazda» взяты из исследования Мечислава Инглета. См.: *Inglot M.* Polskie czasopisma literackie ziem litewsko-ruskich w latach 1832—1851. Warszawa, 1966. S. 232—275. Эта работа во многом превосходит более ранние исследования: *Ciechowski W.* Czasopisma polskie na Ukrainie // Dziennik Kijowski. 1906. № 6; *Chmielowski P.* Z dziejów postępu i reakcji u nas // Prawda. Księga zbiorowa dla uczczenia 25-letniej działalności A. Świętochowskiego. Lwów, 1899. S. 97 и др. Естественно, что вся пресса, распространявшаяся на Украине, сначала проходила через Киевский цензурный комитет, материалы которого за 1838—1866 гг. (983 дела) хранятся в ЦДИАУК в фонде 293.

⁷¹ Юзеф Ролле (псевдоним Антоний Ю.) (1830—1894) был внуком французского эмигранта, выпускником гимназий в Немирове и Виннице. Он изучал меди-

цину в Киеве, психиатрию в Париже, создал Медицинское общество в Подольской губернии. После 1863 г. он превратился в истинного собирателя и хранителя местной истории, типичного представителя польской интеллектуальной среды, интегрированного в российское общество. Из Кременца, в котором жил, он постоянно высылал свои статьи в Варшаву по-польски и в журнал «Киевская старина» — по-русски. См.: *Oceņrowa Г.* Садиба Йосипа Ролле у м. Кам'янці-Подільському // *Pamiętnik Kijowski.* 2006. Т.VIII. S. 287—290.

⁷² О популярности ежегодника среди киевского студенчества см.: *Tabis J.* Polacy na uniwersytecie. S. 66—67. Роль Грабовского в ликвидации журнала описана в: *Bobrowski Т.* Pamiętnik. Т. I. S. 217—218. После этого лишь в 1858—1859 гг. будут приняты первые робкие попытки издания на польском языке.

⁷³ *Tabis J.* Polacy na Uniwersytecie. S. 154, сноски. 35. Автор приводит характернейшую для Бибикова речь, с которой тот обратился по случаю своего назначения к студентам Киевского университета.

⁷⁴ В этом вопросе исследования А. Миллера представляются достаточно полными.

⁷⁵ *Kieniewicz S.* Powstanie styczniove. S. 48.

⁷⁶ *Wielhorski W.* Ziemie ukrainne. S. 73.

⁷⁷ *Bobrowski Т.* Pamiętnik. Т. II. S. 359—360.

⁷⁸ Основные направления религиозных репрессий представлены в протоколах заседаний Комитета западных губерний. РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 10. Л. 106—108, 112—113, 114—116, 255.

⁷⁹ Таблица составлена на основании данных: РГИА. Ф. 281. Оп. 11. Д. 6 — Общая ведомость упраздняемым и оставляемым монастырям всех римско-католических епархий. 1832 г. С. 128—132. См. также: *Левицький В.О.* Церковне землеволодіння на правобережній Україні кінця XVIII — першої половини XIX ст. Дис. ... канд. ист. наук. Запоріжжя, 2006.

⁸⁰ По Виленской епархии указывались также суммы в червонцах и талерах. Эти суммы равнялись 7 233 червонцам и 2 600 талерам, а в сохранных земельных владениях — 41 209 червонцам и 60 525 талерам.

⁸¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Д. 10 — Данные на март 1835 г.

⁸² ДАЖО. Ф. 70. Оп. 1. Спр. 23 — Отчет директора Кременецкого лицея Бокшанина волынскому гражданскому губернатору от 5 июня 1833 г.

⁸³ Ibidem.

⁸⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Д. 4.

⁸⁵ Ibidem. Ф. 821. Оп. 11. Д. 4.

⁸⁶ Ibidem. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 8. Л. 112—113 (1831 г.); Д. 12. Л. 318—319.

⁸⁷ Ibidem. Д. 22 — Заседания Комитета 9 февраля и 12 декабря 1838 г.

⁸⁸ Ibidem. Д. 22.

⁸⁹ Ibidem. Д. 24 (1839 г.). Существенную роль православного духовенства в отделении крестьянства от поляков и в усилении его связи с Россией прекрасно представил С. Шамрай. См.: *Шамрай С.* Духівництво в селянських рухах Правобережжя в середині XIX ст. // Україна. 1928. Кн. 27.

⁹⁰ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 26 — Заседания Комитета Западных губерний от 3, 20, 28 апреля и 31 мая 1840 г.

⁹¹ Ibidem. Д. 28 (1841 г.).

⁹² Korzon T. Wewnętrzne dzieje. Т. I. Автор считает, что в литовских, белорусских и украинских землях насчитывалось 1 млн. 200 тыс. униатов. Однако он отмечает, что большинство их жило не на Украине.

⁹³ Rzewuski H. Pamiętki Soplicy. S. 58.

⁹⁴ Beauvois D. Lumières et Société. Т. 1. P. 330—337 (о подготовке римско-католических и греко-униатских священников в Виленской духовной семинарии); Т. 2. P. 608—617 (об угрозах, которым подвергалось существование Базилианского ордена до 1830 г.); Likowski E. Dzieje Kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku uważane głównie ze względu na przyczynę jego upadku. Warszawa, 1906. Т. 2. S. 78 и др.

⁹⁵ ЦДИАУК. Ф. 710. Оп. 1. Спр. 53 — Письмо к директорам в Житомире, Луцке и Клеванин от 11 марта 1833 г.

⁹⁶ Материалы по ликвидации унии хранятся в: РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Дела с 8 по 13 — единственные, которые удалось нам просмотреть (отчеты министра внутренних дел царю по вопросам религии).

⁹⁷ Ibidem — Рапорт Блудова Николаю I от 20 сентября 1834 г.

⁹⁸ Iwański A. Pamiętniki. S. 5, 8.

⁹⁹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6344 — Отчет Бибикова по трем губерниям от 28 февраля 1840 г., глава «По присоединению к Православию Униатов». Проведенные Заштовтом исследования ставят под сомнение наличие поводов для такой эйфории. См.: Zasztowt L. Procesy karne na ziemiach litewsko-ruskich po likwidacji unii w 1839 г. // Przegląd Wschodni. Т. II: 1992/1993. S. 611—631. Здесь же приводится отчет графа А. Строганова.

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6344. В данном случае не говорится о протестантах, количество которых было незначительным. Было всего два протестантских собора в Киевской и Волынской губерниях.

¹⁰¹ Ibidem. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6344.

¹⁰² Ibidem. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 61 — Отчет киевского гражданского губернатора за 1850 г. Католический собор на ул. Костельной — прекрасный образец неоготической архитектуры. Как уже отмечалось, он был построен на средства польских помещиков в 1846 г. по проекту 1821 г. В советский период был превращен сперва в планетарий, затем, в 80-е гг. XX в., — в музей атеизма. Однако после обретения Украиной независимости в 90-е гг. и храм после капитального ремонта был вновь открыт как действующий католический собор.

¹⁰³ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 779. Спр. 377. Второй абзац.

¹⁰⁴ ДАКО. Ф. 1238. Оп. 1. Спр. 607.

¹⁰⁵ Ibidem. — Письмо Бибикова предводителю Киевского уезда от 1 декабря 1845 г.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 36. (1847 г.).

¹⁰⁷ ДАКО. Ф. 2. Оп. 165. Спр. 19.

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 24 — Выписка. 31 января 1856 г.

¹⁰⁹ Ibidem. Д. 6, 29 — Корреспонденция от 7 марта и 8 декабря 1856 г.; С.С. Ланской — И.И. Васильчикову от 13 февраля 1857 г.

¹¹⁰ Szpoper D. Pomiedzy caratem. S. 50—59.

¹¹¹ Л. Заштовт пишет о случаях привлечения к уголовной ответственности православных за переход в католичество и крещение детей по католическому обряду в

период между 1840—1880 гг. В Киевской губернии таких случаев было 10; в Подольской — 58; в Волынской — 15. Большинство из них, вероятно, принадлежало к прежней униатской церкви. *Zasztowi L. Procesy karne*. S. 630

¹¹² Данные, приводимые в посмертном панегирике П. Мошинскому, принадлежащем перу С. Гарновского (опубликованы в издании «Czas» 21 августа 1879 г.), не соответствуют хранящейся в Национальной библиотеке в Варшаве информации. См.: *Biblioteka Narodowa, Warszawa Rękopis. Sygnatura IV 9932 — Relations avec Bibikov*. P. 34—48. 5 мая 1840 г., т.е. в период наиболее яростного преследования поляков, Мошинскому удалось восстановить дворянство, а затем, что также было событием совершенно исключительным, выехать из Российской империи в Царство Польское.

¹¹³ Об участии польских помещиков в восстании см. воспоминания участников: *Jełowicki A. Moje wspomnienia*. Т. II. S. 1—250 (эти страницы полностью посвящены ходу восстания на Украине); *Wrotkowi F. Powstanie na Wołyniu, Podolu i Ukrainie w roku 1831*. Lipsk, 1875. S. 90; *Kopczyński P. Powstanie w prowincjach polskoruskich w roku 1831 // Ruch Literacki*. 1877. Т. 2. R. 4. № 42. S. 150—155.

¹¹⁴ Страх перед секвестром или конфискацией прекрасно иллюстрируют цитируемые ранее материалы Комиссии (часть II, глава 2, сноска 2), к ним также можно добавить: ЦДИАУК. Ф. 467. Оп. 1. Спр. 40, 42, 55, 60—62; Ф. 468. Оп. 1. Спр. 1; Ф. 1123. Оп. 1. Спр. 25, Ф. 1124. Оп. 1. Спр. 7; Ф. 1126. Оп. 1. Спр. 8.

¹¹⁵ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 10. Л. 211, 280, 284.

¹¹⁶ *Djakow W., Nagajew A. Partyzantka Zaliwskiego i jej pogłósy (1832—1835)*. Warszawa, 1979. S. 42, 57, 61, 109.

¹¹⁷ Результаты и методы работы царской полиции на Украине заслуживают отдельного исследования. У нас была возможность познакомиться с небольшим количеством дел по террору. Они хранятся в: ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 783 (1833), 784 (1834) и т.д. до Оп. 810 (1860 г.). Каждая опись содержит по несколько сотен дел. Постепенно новая украинская историография начинает интересоваться этим вопросом. См.: *Кривошея І. Уманські маетки Александра Потоцького // Pamiętnik Kijowski*. Т. VIII. 2006. S. 63—168. В статье говорится о конфискации имений этого польско-русского генерала А. Потоцкого (1798—1868), участника Кавказской кампании 1828 г., который сбежал в Австрию после восстания 1830—1831 гг. Он был сыном Софии Потоцкой и братом Болеслава.

¹¹⁸ *Rawita-Gawroński Fr. Konfiskata ziemi*. S. 8—19. На основании догадок автор приводит абсурдную цифру конфискованных на Украине крепостных — 442 946.

¹¹⁹ ЦДИАУК. Ф. 445. Оп. 1. Спр. 2 — Список от 14 апреля 1836 г. и исправления за сентябрь 1836 г.

¹²⁰ Свод военных постановлений. СПб., 1839. Ст. 2232—2237, 2242, 2367, 2630, 2647. Дается определение военных поселений. Приложение СХVI — особые правила для военных поселений в Киевской и Подольской губерниях. Приложение СХVII — география размещения поселений.

¹²¹ См. две лучшие биографии этого романтического героя: *Lukaszewicz W. Szymon Konarski 1808—1839*. Warszawa, 1948; *Mościcki H. Szymon Konarski*. Warszawa, 1949. Эти работы несомненно богаче книги, написанной Захорским (*Zahorski S. Szymon Konarski, życie i czyny*. Wilna, 1907), но тема до конца не исчерпана. О либеральных иллюзиях относительно захваченных Россией польских земель см.:

Zaliński H. Kształt polityczny Polski w ideologii Towarzystwa Demokratycznego Polskiego 1832—1846. Wrocław, 1976. S. 79—93; Nowak A. Między carem a rewolucją. Warszawa, 1994. S. 182—194.

¹²² Знаневич І. Літературні стремлення Галицьких Русинів від 1772 до 1872 р. // Житие і слово. 1894. № 6. С. 435.

¹²³ Szpotański S. Konarszczyzna Przygotowania powstańcze w Polsce w 1835—1839. Kraków, b. g. S. 61—65; Łasocki W. Wspomnienia mojego życia Kraków, 1930. S. 34—49; Rozdolski R. Do historii Stowarzyszenia Ludu Polskiego // Kwartalnik Historyczny. 1936. R. 50; Wierchowski M. Z dziejów polskich organizacji spiskowych w zaborze rosyjskim 1837—1841 // Przegląd Historyczny. T. III. Z. I. S. 23—41; Łopuszański D. Stowarzyszenie Ludu Polskiego 1835—1841. Kraków, 1975; *Idem*. Ustawa Stowarzyszenia Ludu Polskiego z 1835 // Przegląd Historyczny. T. LX. Z. 2. 1969. На русском языке вышла работа, более подробно представляющая эту тему. См.: *Мапахов Г.И.* Деятельность «Содружества польского народа» на Правобережной Украине в 1835—1839 гг. (по материалам Киевского архива) // Связи революционеров России и Польши XIX — нач. XX в. М., 1968.

¹²⁴ Помнению Машковского, предателем был скорее всего «приятель» из Минска, у которого Конарский останавливался по дороге в Вильну, куда ехал с целью организовать подпольную типографию. Владимирский-Буданов в своей работе утверждает, что это Мачеевский донес Уварову. См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* История Императорского Университета. С. 169.

¹²⁵ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 24. Л. 81 — Бибиков Д.Г. Докладная записка о моральном направлении поляков в отношении политическом, которое обнаружено в прошедшем году.

¹²⁶ Историками пока еще не полностью изучены материалы Киевской секретной комиссии о тайных обществах, хранящиеся в фонде 470 ЦДІАУК и содержащие 275 именных дел о подозреваемых и осужденных.

¹²⁷ В канцелярию генерал-губернатора поступило много жалоб на проводимую вслепую конфискацию поместий. Жены, матери, сестры подозреваемых хотели восстановить свои права на имения. См.: ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 71. Спр. 428—440.

¹²⁸ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 22.

¹²⁹ *Ibidem*. Д. 24.

¹³⁰ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 72. Спр. 441. Шесть обширных дел по конфискации в 1839—1840 гг. Список был официально опубликован в газете «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости» и в «Dziennik Wileński». Он отличается от списка, представленного Т. Бобровским в своих воспоминаниях (*Bobrowski T.* Pamiętnik. T. II. S. 378—380), где добавлены имена осужденных, которые не были землевладельцами. С. Кеневич представил полный список 134 осужденных и подозреваемых: 11 — из Киевской губернии, 68 — из Волынской, 26 — из Подольской и 29 киевских студентов. См.: *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 552. Список хранится в: Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD), Warszawa Vol. 2481 — Komisja Przychodów i Skarbu. О судьбе осужденных пишет Б. Шоствакович. См.: *Szostakowicz B.* Materiały dotyczące uczestników konspiracji Szymona Konarskiego zesłanych na Syberię wschodnią (1839—1857) w zasobach Państwowego Archiwum Obwodu Irkuckiego // Przegląd Wschodni. 1998. T. 4. Z. 4 (16). S. 769—804.

¹³¹ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 30.

¹³² Ibidem. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 24, 26; Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6344. Многие семьи давали огромные взятки Писареву, чтобы облегчить судьбу своих родных. См.: *Зайончковский П.* Правительственный аппарат самодержавной России. М., 1978. С. 156.

¹³³ См. в этой главе сноску 112 и часть 2 глава 1, сноска 2.

¹³⁴ Показания и записки Оскара Авейде / Ред. С. Кеневич, И. Миллер. М., 1961. С. 197—198.

¹³⁵ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 26, 28, 32.

¹³⁶ *Романович-Словатинский А.* Дворянство в России. С. 59—65.

¹³⁷ Следует напомнить, что из-за социально-политического характера шляхты царские власти в скором времени ограничили ее доступ к образованию. См.: *Beauvois D.* *Lumières et Société.* Т. I. P. 359—374, а также часть I, глава 4 данной работы.

¹³⁸ См. часть II, глава 3, сноска 5.

¹³⁹ РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 24 — Заседания Комитета западных губерний 1, 24 и 25 февраля 1839 г.

¹⁴⁰ Ibidem. Л. 155 — Заседание Комитета западных губерний 28 сентября 1839 г.

¹⁴¹ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 5660 — Корреспонденция по вопросу о легитимности шляхты и ее количестве в уездах. Поскольку эти данные сомнительны, приведем лишь общее число: количество подтвердивших дворянство — 4481 глава семьи и 8627 членов их семей; еще не проверенных — 304 главы семьи и 405 членов; 948 человек имели лишь личное дворянство, скорее всего, это были русские помещики. Таким образом, к категории землевладельцев в Подольской губернии относилось около 15 тыс. человек.

¹⁴² Ibidem. Спр. 7492.

¹⁴³ Ibidem. Спр. 7808.

¹⁴⁴ Ibidem. Спр. 7492 — Докладные записки киевского гражданского губернатора И. И. Фундукля от 7 октября 1849 г.; волынского гражданского губернатора И. И. Васильчикова от 6 ноября 1849 г.; подольского гражданского губернатора Г. С. Лашкарева от 25 января 1850 г.

¹⁴⁵ Все таблицы были составлены на основании статистических отчетов, высланных гражданским губернаторам в 1850 г.

¹⁴⁶ *Bejła J. (Rzewuski H.).* *Mieszaniny obyczajowe.* S. 9.

¹⁴⁷ *Przedziecki A.* Podole, Wołyń, Ukraina S. 75. Об отсутствии образования помещиков писал также неизвестный автор воспоминаний, приводимых Козловским: «Во главе шляхетских партий стояли землевладельцы, люди уже определенного возраста, в большинстве своем не имевшие даже среднего образования, и только изредка можно было встретить бывшего учащегося Виленского университета, Кременецкого и Уманского лицеев. После ликвидации этих учебных заведений оглушение шляхты на Руси [Украине. — *Прим. пер.*] Москве практически удалось...» (*Rok 1863 na Ukrainie.* S. 15).

¹⁴⁸ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 799. Спр. 377 — О дворянах Киевской, Подольской и Волынской губерний 11 октября 1849 — 25 февраля 1851 по секретной части канцелярии Киевского Военного, Подольского и Волынского Генерал-Губернатора. Это очень важный текст, в котором Бибилов говорит о своей политике ассимиляции поляков. 28 февраля 1850 г. киевский гражданский губернатор дополнил список самых богатых семейств, добавив Флориана Ясинского (1613 душ), Казимежа

Подгурского (1335), Влодзимежа Потоцкого (10 885 душ, совместное владение с братом Станиславом), Романа Березовского (1350), Эразма Михаловского (1499), Бронислава Дзялынського (2110).

¹⁴⁹ В отчете генерал-губернатора при подсчетах была допущена ошибка, и итоговое количество крепостных равнялось 568 827.

¹⁵⁰ ЦДАУК. Ф. 442. Оп. 799. Спр. 377.

¹⁵¹ Ibidem. Оп. 1. Спр. 7492. Арк. 108—196.

¹⁵² Ibidem. Спр. 9852 — Текст указа и переписка по вопросам его осуществления (публикация этого указа в императорской прессе произвела огромное впечатление на дипломатов Наполеона III, он был перепечатан МИД Франции из «Северной пчелы» на французском языке. См.: *Mémoires et documents (Russie)*. Т. XXXVII. F. 34); конфиденциальные письма волынского гражданского губернатора к Бибинову от 25 мая 1852 г. и подольского гражданского губернатора от 21 мая 1852 г.

¹⁵³ Ibidem. Спр. 9860. Обнаруженные в Киевском архиве списки являются неполными, несмотря на то что полицией в этот период велась весьма интенсивная работа. См.: Ibidem. Спр. 9861.

¹⁵⁴ О сопротивлении предводителей дворянства «набору» шляхты см.: ДАКО. Ф. 1238. Оп. 1. Спр. 909 — Переписка полиции и предводителя Киевского уезда, ноябрь — декабрь 1852 г.

¹⁵⁵ *Iwański A.* Pamiętniki. S. 57. Видимо, указ от 18 апреля (3 мая) 1852 г. заставил Ю. Крашевского стараться в марте 1853 г. получить выборную должность в Житомире. 5 марта 1853 г. в письме к брату он сообщал: «Я еще ни разу не был на выборах, но ожидаю их в мае, а что хуже еще и должность попечителя гимназии, которую я получил как избранный кандидат после недавно умершего чиновника. *Боюсь, что если меня утвердят, то я соглашусь даже на попечительство, чтобы перестать считаться недорослем и иметь в послужном списке хоть какую-то должность*» [выделено мной. — Д.Б.]. См.: *Kraszewski J.I.* Listy do rodziny. S. 236. Писатель, который начиная с 1831 г. постоянно находился под подозрением, получил должность только после смерти Николая I в 1857 г.

¹⁵⁶ ДАКО. Ф. 1238. Оп. 1. Спр. 849.

¹⁵⁷ Налоги были определены «Уставом о податях»: Свод законов. Т. V. Ст. 258, 259; Т. XIII. Ст. 13.

¹⁵⁸ ДАКО. Ф. 1238. Оп. 1. Спр. 224 — Список налогов для уплаты, разосланный Киевской казенной палатой всем уездным дворянским собраниям 15 июня 1855 г.

¹⁵⁹ *Удалов С.В.* Государственная идеология в России второй четверти XIX века: Пропаганда и реализация: Дисс. ... канд.ист.наук. Саратов, 2005. С. 102—128.

¹⁶⁰ *Handelsman M.* Ukraińska polityka. В своей речи по случаю празднования дня принятия первой польской конституции 3 мая 1855 г. князь Чарторыйский не только обращался к полякам на Украине, но к русскому люду. Он говорил: «Я — тоже русин и украинец». Текст его речи был издан на польском и украинском (латинский алфавит) языках отдельной брошюрой. Ничего не известно о ее распространении. См.: *Konstytucja 3 Maja 1791 w tradycji Towarzystwa Historyczno-Literackiego w Paryżu w latach 1832—1861: obchody, mowy, relacje // Red. R.J. Matura Paryż, 1991. S. 179—190.* Об иллюзиях, свойственных польской эмиграции в Париже, уже шла речь в первой главе данной части, см. сноску 77.

¹⁶¹ *Kraszewski J. I.* Listy do rodziny. S. 388. Письмо от 29 января 1858 г. и комментарий Крашевского от 26 февраля 1858 г.

¹⁶² *Bibliothèque Polonaise à Paris.* Man. 545. P. 1349 — Записка, присланная с Украины.

¹⁶³ Показания и записки. С. 262.

¹⁶⁴ *Dubiecki M.* Młodzież polska; *Tabiś J.* Polacy na Uniwersytecie. S. 129—134.

¹⁶⁵ *Bobrowski T.* Pamiętnik. Т. II. S. 356—357; *Szpoper D.* Pomiędzy caratem. S. 294—313, 384—409 (о земском кредите).

¹⁶⁶ *Bobrowski T.* Pamiętnik. Т. II. S. 356, 384—409.

¹⁶⁷ *Марахов Г. И.* Польское восстание 1863 г. на Правобережной Украине. Киев, 1967. С. 270; *Łasocki W.* Wspomnienia S. 205.

¹⁶⁸ *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 297—300, 497—498. На тему плохой подготовки и ошибок «повстанцев» см.: *Szmyt A.* Plany rozszerzenia powstania styczniowego na ziemie ruskie // *Echa Przeszłości.* 2004. № 5. S. 111—134.

¹⁶⁹ *Ibidem.* S. 500—501, 610—614, 737.

¹⁷⁰ *Bobrowski T.* Pamiętnik. Т. II. S. 509—519. Итоги русификации представлены в: *Шульгин В. Я.* Юго-Западный край в последнее двадцатипятилетие (1838—1863). Киев, 1864.

¹⁷¹ *Weryha-Darowski A.* Kresy Rzeczypospolitej. Warszawa, 1919. S. 9. Данные сравнимы с представленными Бартошевичем. См.: *Bartoszewicz J.* Na Rusi polskiej stan posiadania, ludność, kraj, ziemia. Kijów, 1912. S. 7 и сл.

¹⁷² В источнике общая сумма частных польских и русских владений (1 625 800) в Подольской губернии не соответствует указанной сумме в предыдущей таблице (1 537 000). Тема увеличения русской земельной собственности будет основной в следующей части. В связи с этим можно уже сказать, что в 1898 г. генерал-губернатор Драгомиров оценивал польскую земельную собственность в 3 086 932 десятин, а русскую уже в 3 385 813.

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ: 1831—1863 годы

Выводы, к которым приводит нас изучение периода между двумя польскими восстаниями, значительно отличаются от того, что предлагает польская историография, а также работы, написанные в советский период, цель которых состояла в том, чтобы любой ценой затереть все, что могло бы навредить идеалистическому видению польско-русско-украинских взаимоотношений как сводящихся к революционным контактам и определенному культурному взаимовлиянию.

В действительности эти взаимоотношения — и непосредственное обращение к документам служит тому подтверждением — носили перманентно конфликтный характер.

Наше исследование выполнено прежде всего в историко-социологическом ключе. Это дает возможность показать, насколько для периода 1831—1863 гг. были характерны глубинные социальные перемены. Несомненно, самым важным результатом проведенной работы является установление того факта, что в результате активных административных мер российских властей было деклассировано 4/5 всей шляхты. В течение 1831—1850 гг. из 410 тыс. шляхтичей лишь 70 тыс. сохранили дворянские привилегии.

Перед нами случай наиболее широкомасштабного «социального манипулирования», который довелось пережить Европе еще до начала XX в. Это было следствие бюрократического усердия Комитета западных губерний в Петербурге, ставшего настоящей лабораторией, где проводились опыты по обрусению, которые затем, вплоть до начала XX в., российские власти будут применять и развивать и в других областях. На месте, в Киеве, ведущей фигурой и основным вдохновителем всех направлений политики русификации с 1837 по 1852 г. был Д.Г. Бибиков. Именно он отвечал за организацию всех антипольских мер, проводившихся на Украине, и стоял у истоков всех важных решений.

Нам удалось показать процесс элиминирования из социальной жизни 340 тыс. безземельных шляхтичей. Эта цифра поразительна уже сама по себе. Во Франции после того, как из числа знати в 1789 г. было исключено 120 тыс. человек, менее 1/5 существовало на грани «бедности». Российс-

кие власти на начальном этапе, с 1831 по 1833 г., поручили эту задачу дворянским собраниям. Однако вследствие проявленного собраниями сочувствия к просителям было выдано слишком много подтверждений благородного происхождения. Поэтому в 1834—1838 гг. царская полиция все чаще при проведении ревизий стала прибегать к помощи российских чиновников. Бибиков придал этой кампании формальный характер, создав Центральную ревизионную комиссию, действовавшую в Киеве с 1840 по 1845 г. Признание недействительными подтверждений благородного происхождения, которые пыталась представить безземельная шляхта, имело серьезные последствия для польского присутствия на Украине. Перечисление деклассированной шляхты в категорию однодворцев фактически означало принадлежность к крестьянскому сословию. Быть однодворцем означало потерю личной свободы, необходимость платить, как и крестьяне, подати, лишение права пользоваться дворянским судом, известным своей снисходительностью, рекрутскую повинность и, что очень важно, запрет на обучение в школе, т.е. потерю культурного контакта с другими поляками и малейшей возможности продвижения по социальной лестнице. Сперва шляхетская солидарность проявлялась в протестах предводителей польского дворянства, однако в дальнейшем она постепенно сошла на нет, и получившая подтверждение происхождения шляхта смирилась с насильственной дезинтеграцией существовавшей прежде общности. К 1860 г. польские дворяне уже окончательно отвернулись от прежних «братьев», теперь частично украинизированных. Этот процесс не сопровождался массовыми протестами. В конечном счете царские власти осуществили давнюю мечту многих польских аристократов, желавших лишить гражданских прав безземельную шляхту. Как оказалось, в Российской империи, последовательно «модернизовавшей» феодальное общество, были реализованы планы «патриотов», участников Великого (Четырехлетнего) сейма. Нам предстоит убедиться в дальнейшем, что этот первый в русско-польской истории пример «реструктуризации» имел такие же бесчеловечные последствия, как и «либеральная реструктуризация» конца XX — начала XXI в. Земля, как в будущем деньги, стала значить куда больше, чем человек.

После рассмотрения административных методов и последствий ликвидации самой многочисленной группы шляхты наше исследование сосредоточилось на уточнении характера социальных отношений — как внутри, так и в окружении землевладельческой шляхты, получившей подтверждение принадлежности к дворянству. К наиболее сложным исследовательским сюжетам следует отнести проблему взаимоотношений польских помещиков с украинскими крестьянами. Эта тема была вынесена

в начало второй части, так как она была основным фоном жизни польской шляхты, в том числе и деклассированной, служившей у помещиков.

Изучение архивных материалов указывает на трехсторонний характер существовавших взаимоотношений. Российская власть старалась не оставлять польского помещика наедине со своими крепостными и по возможности использовала слабость польской стороны в своих интересах. Украинский крепостной был ставкой в борьбе между властью и помещиками, объектом, завладеть которым хотела каждая из сторон. В собственности около 7 тыс. польских помещиков (не считая нескольких русских землевладельцев), находилось 3 млн душ, при этом 200 семей владели 568 тыс. крепостных.

Ход истории в XVII—XVIII вв. привел к образованию глубокой бездны между закрепощенным людом и польскими колонизаторами. В исследуемый период украинцы все с большей готовностью обращались к российской стороне. Это, несомненно, предопределялось общностью религии, но в еще большей степени — безрассудством и злоупотреблениями польской стороны. В период, когда одна доминирующая сила отступала перед натиском другой, Бибииков очень ловко использовал бесчеловечное отношение польского дворянства к украинскому крестьянству, примеры которого регистрировали дворянские суды, превращая плохое отношение к крепостным в суть обвинений против помещиков. «Инвентарные правила» 1847 г., устанавливавшие «разумные нормы» крепостничества, сыграли основную роль в формировании образа российской власти как защитницы угнетаемого крестьянства. Впрочем, этот отдаленный прообраз крестьянской реформы 1861 г. был всего лишь уловкой властей. Тридцатилетний период истории показал, что польские помещики и российские власти зачастую объединяли свои усилия в подавлении крестьянских волнений, приобретавших организованные формы.

После 1831 г., несмотря на данные крестьянам во время Польского восстания обещания, царские власти позволили польским помещикам вновь обуздать крепостных. Затем, в 1848 г., когда на Украине начались крестьянские волнения, власти забыли о положениях «Инвентарных правил» и с польской помощью заглушили отголоски Весны народов. А в годы Крымской войны российская армия протянула руку помощи польским землевладельцам в подавлении антикрепостнических волнений среди крестьянства.

Оказывая помощь польским землевладельцам, царские власти давали понять, что украинское крестьянство находится лишь в экономической от них зависимости, однако ни в культурном, ни в национальном плане никоим образом им не принадлежит, а является исключительно русской соб-

ственностью. Две несмелые попытки поляков установить контроль за украинским крестьянством в области культуры с помощью польского начального образования в 1844 и в 1860—1862 гг. были на корню подавлены царской полицией.

Анализ положения «легитимной» шляхты в третьей и четвертой главах этой части приводит нас к констатации двойного паралича, охватившего эту группу. Ее социальной эволюции препятствовал, с одной стороны, (а) груз «сарматской» идеологии, характерной для наиболее богатой части шляхты (составлявшей менее 10% от 70 тыс. признанных польских дворян), а с другой — (б) многоликий страх, вызванный политикой царской власти.

(а) В начале четвертой главы дается характеристика застоя этой аграрной помещичьей среды, для которой было типично слабое участие в промышленном производстве, архаичные формы товарообмена. Жизнь находившейся вдали от переживаемых Европой волнений, наслаждавшейся *dolce vita* землевладельческой шляхты кажется вневременной, словно это был остров, Аркадия, не знающая бед. Богатая шляхта, увлеченная своими парками, резиденциями, охотой и балами, задавала тон этой жизни.

Однако пришел и ее черед: после проведения мер по деклассированию обедневшей шляхты российские власти к 1850 г. взялись и за богатую верхушку польского дворянства, предприняв шаги по ее интеграции в жизнь российского общества. Как ясно из материалов проводившегося властями обследования, уровень образования и профессиональной подготовки этой группы был очень низким и не способствовал выбору занятий. Это объясняет царившее внутри этого слоя разложение, консервативный застой, поддерживаемый высокими ценами на зерно. Единственную ценность для этой группы представляли родовые гербы, единственным ее занятием были кутежи и варварские развлечения (балагурство). Лишь Ю. Крашевскому удалось в литературной форме раскрыть характер этого явления.

Все еще жизнеспособная традиция Барской конфедерации восхвалялась в произведениях жившего на этих землях Х. Жевуского. Об этом шла речь в третьей главе в связи с анализом функционирования шляхетского самоуправления, традиции которого продолжали существовать вопреки разделам Речи Посполитой. Это позволяло поддерживать иллюзию существования на периферии Российской империи и вне ее жизни, создавая эдакий неприкосновенный польский остров посреди грозного русско-украинского моря.

Естественно, подобное поведение было самообманом, обусловленным стремлением к званиям и почестям, а также склонностью богатой шляхты к компромиссам. Начиная с 1831 г. дворянские собрания (бывшие сей-

мики) постепенно стали орудием в руках министра внутренних дел. Представители польского дворянства были вынуждены принимать участие в установлении меры вины и в осуждении участников восстания 1830—1831 гг.; они должны были проводить деклассирование шляхты; становиться опекунами и финансировать русифицированные учебные заведения; поставлять крепостных на военную службу и т.п.

Лишь небольшая группа землевладельцев, имевших более сотни душ и сохранявших верность трону, имела право, как было показано, принимать участие в дворянских собраниях, что, в свою очередь, гарантировало служебные привилегии и престиж. Однако «коллорационисты» в скором времени попали в собственную ловушку. Несмотря на то что власти им позволяли занимать «должности» в шляхетских институтах власти, сохранявшаяся видимость автономии этих институтов будет ликвидирована при Бибикове: в 1840 г. был упразднен Литовский статут, что привело к почти полной замене шляхетского правосудия (скомпрометировавшего себя при рассмотрении крестьянских дел) правосудием царским.

Те представители польской шляхты, кто хотел сохранить за собой «выборные» должности, еще в большей степени привязывались к ним, не желая уступать их русским. Они соглашались на назначения (как таковые выборы были фикцией, их результаты часто аннулировались) и на все более унижительное проявление верности и подчинения властям. После смерти Николая I польское дворянство какое-то время верило, что Петербург вернет ему хотя бы часть потерянных прав. На имя нового царя были направлены адреса из Подольской губернии (1859 г.) с прошением об открытии народных школ, из Киевской (1860 г.) — об обучении на польском языке. Однако когда в 1862 г. польское дворянство Волынской губернии обратилось к Александру II с просьбой об административном присоединении губернии к Царству Польскому, репрессии были вновь возобновлены, а шляхетская автономия окончательно ликвидирована.

(б) Вторая причина общественного паралича была связана не с преклонением перед выхолащенными формами и ценностями шляхетского прошлого, а с всеобъемлющим террором: военным, полицейским, политическим, культурным, религиозным, административным. Его цель заключалась в полном подавлении малейших проявлений польского характера на Украине и в доведении польских землевладельцев, как и деклассированной шляхты, до той же степени отупения. Доступ к неопубликованным документам дал возможность увидеть, к какому обезличению, к какой утрате национального облика привела русификация школьной системы. Бибиков и здесь оставил свой след, насаждая закрытые учебные заведения с целью оторвать молодое поколение от родителей. Закрытие на год Киев-

ского университета и ссылка польских студентов состоялись в рамках борьбы с «польскими химерами», достигшей кульминации с назначением генерал-губернатора одновременно и попечителем учебного округа.

В области религии, столь близкой польскому сознанию, репрессии приобрели еще более масштабный характер. После конфискации 61 из 86 монастырей в трех юго-западных губерниях в 1832 г. Бибииков в 1840 г. начал дело о преследовании кармелитами православных крепостных, которое стало основанием для конфискации всей церковной собственности. Светское могущество католической церкви было уничтожено. Вслед за этим пришел черед устранить и давний символ латинской экспансии на Восток — униатскую церковь. В 1839 г. благодаря очередному умелому манипулированию массами 130 тыс. униатов были исключены из сферы польского влияния и принудительно возвращены в лоно православной церкви.

Царские власти все более настойчиво отводили православной церкви роль троянского коня в решении украинского вопроса. Польские помещики должны были обеспечивать надлежащие условия жизни и содержания 11 049 православным священникам на своих землях (католических священников было всего 603); без разрешения властей владельцы имений не могли производить какие-либо строительные работы в костелах. В свою очередь, высшая католическая иерархия (не без согласия Ватикана) занимала инертную и конформистскую позицию. Такое положение дел позволило Васильчикову в 1855 г. констатировать действительную ликвидацию католического влияния на этих землях. Сделанные в 1862 г. луцким епископом, чья резиденция была перенесена в Житомир для облегчения надзора за ним, предложения о сотрудничестве с властями в борьбе против революционеров стали печальным итогом религиозного гнета.

Всеобъемлющий террор преследовал в конечном счете единственную цель — политическую: следовало уничтожить саму мысль о Польше. Именно поэтому рассмотрение политических репрессий было предпринято нами в конце этой части. После волны конфискаций и ссылок 1831—1832 гг. заговор Шимона Конарского, раскрытый в 1838—1839 гг., представляется центральным событием исследуемого периода. Бибииков воспользовался им как предлогом, чтобы, преувеличив масштабы угрозы в Петербурге, приступить к рассмотренным уже мерам 1839—1840 гг. Идеология эмигранта польской эмиграции Конарского не имела ничего общего с крепостническими взглядами большинства польских помещиков Украины. Тем не менее она вызвала лавинообразную реакцию властей, ответить на которую польская аристократия могла лишь бессильным повиновением.

Образ жизни крупных польских землевладельцев находился в разительном противоречии с представлениями царских властей. Даже в Мани-

фесте о вольности дворянской Петра III (1762 г.) давалось такое определение сути дворянской службы, которое не допускало, чтобы дворянин проводил время исключительно в своем имении, заботясь лишь о его процветании.

Нести службу в высшей администрации или иметь высокое звание в армии было естественным для русского дворянства. В свою очередь, для польских помещиков оказалось фатальным то, что Бибииков, претворяя в жизнь свою политику русификации, в заключение заставил владельцев крупных (более ста душ) имений покинуть их и поступить на службу. Указ от 21 апреля 1852 г. разрушил *splendid isolation* землевладельцев, которые с этого времени были обязаны посылать своих достигших 18 лет сыновей на государственную службу во благо Российской империи.

Лишь их отцам, жившим за бортом общественной жизни империи, было позволено продолжать мечтать о былом польском величии. Как было показано, их деятельность в канун нового восстания 1863 г. ограничилась немногочисленными инициативами на местах, которые в недалеком будущем, в соответствии с принципами польского позитивизма, стали определяться как «органическая работа», — например, попытки создания сельскохозяйственного или кредитного общества, а также третейских судов. В 1863 г. Варшава не дождалась ни поддержки, ни сочувствия этого закосневшего мира. Всего несколько сыновей помещиков, разочарованных подобной инертностью, отправились на борьбу за пределы своего края. Однако и этого было достаточно, чтобы в Петербурге заговорили об этом мирке как о логове мятежников.

Поляки Украины вновь стали жертвой укоренившегося российского штампа, который Бальзак, большой почитатель царя, привел под диктовку госпожи Ганской в 1847 г. в «Письме о Киеве»: «Поляк повиноваться не способен; он любит не исполнять приказания, а сам их отдавать... Это природное расположение и погубило Польшу. Страна повинования, страна покорных славян не могла не поглотить страну славян непокорных, страну, которой сама мысль о повиновании внушала ужас... и если когда-нибудь Россия завоюет мир, она будет обязана этим исключительно покорности ее обитателей... русские созданы для того, чтобы покорять другие народы, и в этом им нет равных».

Одним из первых этапов этого завоевания должна была стать терпеливая и педантичная реорганизация Правобережной Украины по русскому образцу. В этой части было показано, как много нашлось после 1831 г. сторонников и исполнителей имперских замыслов. Нерешительность эпохи Александра I, когда в Петербурге толерантно относились к губернаторам-полякам, канула в Лету. На каждом уровне центральной власти, в

Комитете министров и в его канцеляриях, в Комитете западных губерний, на уровне генерал-губернатора, гражданских и военных губернаторов, в полиции и во всякого рода судебных, конфискационных, ревизионных комиссиях находились ярые сторонники идей Екатерины II и Н. М. Карамзина, проводники идей Николая I по объединению этих земель с Россией «в одно тело, в одну душу». Как не задуматься над этим примером? Поляками, жившими в этих губерниях, трудно восхищаться — иным был менталитет их единоплеменников, живших на Познанщине, в Мазовии, Галиции и даже Литве. Однако внимания заслуживает именно умелое использование недостатков и слабостей жителей этого расчлененного края. Украина стала лабораторией, а шляхта — подопытным кроликом в первом опыте русских по преобразованию огромной социальной группы. Однако до воплощения идеи «единой и неделимой России» было еще далеко.

Часть III

1864—1914 годы

Глава 1

РУССКО-ПОЛЬСКИЙ АНТАГОНИЗМ В ЗЕМЕЛЬНОМ ВОПРОСЕ

Характеристика земельной собственности польских помещиков на Украине, без сомнения, дает представление о социальном и экономическом значении этой группы. В свою очередь, понимание ее экономического веса позволяет объяснить, почему русификация Украины была возможна, по оценке царских властей, лишь в случае еще большего ослабления позиции польского дворянства. В этой главе мы постараемся изучить то, каким образом царские власти на протяжении полувека, предшествовавшего 1917 году, пытались навязать господство русских помещиков на этих присоединенных после разделов Речи Посполитой землях. Нам предстоит представить методы и последствия этой длительной операции, ее основные этапы и уровень противодействия со стороны поляков. Это диахронное исследование даст нам возможность в пятой главе проанализировать образ жизни и типы ментальности поляков на Украине. Эта глава рассматривается нами в качестве дополнения к уже существующим работам о состоянии землевладения в других губерниях Российской империи.

Годы слепой ненависти: 1863—1865

Сразу после разделов во времена Екатерины II в России зародилась идея о вытеснении из юго-западных губерний поляков и колонизированных на протяжении нескольких веков украинцев, в чьей собственности находились почти все земли и миллионы крепостных Правобережной Украины. Раздача в отдельных случаях огромных имений Канкриним, Лопухиным и Энгельгардтам не повлияла на ситуацию, как не изменили ее и многочисленные конфискации после восстания 1830—1831 гг.

Еще в 1833 г. киевский губернатор выражал сожаление в связи с тем, что русское дворянство не играло существенной роли в дворянских собраниях. Их и в самом деле было в 4,5 раза меньше, чем польских помещиков, владевших более чем сотней крепостных душ (норма, дающая право голоса на дворянских собраниях).

Активная политика генерал-губернатора Д. Г. Бибикова, на протяжении 1840-х годов направленная на ослабление польского влияния, опира-

лась прежде всего, как нам известно, на ревизию прав на дворянское звание и массовое сокращение числа лиц, принадлежащих к первому сословию в империи. Однако после конфискации 1831—1832 и 1839 гг. систематического присвоения земель русским дворянством уже не наблюдается. Следовательно, в канун второго восстания в 1863 г. юго-западные просторы Российской империи оставались в основном в польских руках.

По моим подсчетам, после проведения ревизии в 1831—1850 гг. в трех юго-западных губерниях осталось около 70 тыс. прежних шляхтичей, получивших дворянское звание, причем 9/10 из них не имели крепостных и владели небольшой земельной собственностью. Количество же владельцев имений достигало 7 тыс.¹ Эта цифра подтверждается данными российских и советских исследований, где она также дается приблизительно. По мнению Рудченко, исследовавшего инвентари 1847—1848 гг., в 1861 г. налицо было 6051 землевладелец, а согласно Д.П. Пойде — лишь 5449. Последняя цифра кажется немного заниженной, поскольку Пойда насчитал 8535 имений, и даже если у кого-то из помещиков было несколько имений, то вряд ли общее число таких владений достигало 3086². Однако если учесть достаточно многочисленные еще до 1863 г. банкротства и наплыв русских дворян, владевших уже к 1833 г. четвертью земель, то представляется достаточно правдоподобным, что в 1863 г. количество польских поместий не превышало 5—5,5 тыс.

После отмены крепостного права количество душ как показатель размера имения теряет смысл (в 1861 г. в трех юго-западных губерниях на одно имение в среднем приходилось по примерно 272 души). Критерием социально-экономического значения становится, чего не было до этого времени, площадь землевладения, и это тем более важно учитывать в исследованиях, поскольку вплоть до 1914 г. этот регион сохранил почти исключительно аграрный характер. И хотя имело место развитие отдельных отраслей пищевой промышленности, здесь не получили распространения добывающая промышленность и черная металлургия. Мощь как польских, так и русских латифундистов Украины зависела от площади находившейся в их собственности земли. В 1863 г. средний показатель составлял 895,6 десятины, а по отдельным губерниям распределялся следующим образом³:

Киевская	1001,1 дес.
Подольская	710,8 дес.
Волынская	858,6 дес.

Стоит отметить, что в начале 1860-х гг. польские помещики вызывали у русских смешанное чувство — одновременного восхищения и ненависти. Кроме того, польские помещики также пользовались у русских

высоким авторитетом в культурном плане, о чем уже была речь. Ряд польских мемуаристов испытывали чувство горечи, а одновременно гордости из-за подобного отношения к себе. Один из царских генералов достаточно красноречиво писал: «Совершенно особняком держалось польское общество [в Киеве], намеренно избегая бывать в русских домах, которые, кстати заметить, чисто русской окраски тогда не имели и как бы заискивали перед поляками...» Генерал отмечал также, что воспитанники Киевского кадетского корпуса испытывали перед поляками комплекс неполноценности: «На первых же порах я был удивлен тем, что кадеты даже с чисто русскими фамилиями, как, например, Нечаев, Богданов, Смородинов и др., говорили с явным польским акцентом и не прочь были вести речь по-польски с своим же русским товарищем. Польский тип и польские нравы мелкой, но тщеславной шляхты здесь, видимо, господствовали...»⁴

Январское восстание 1863 г. стало идеальным поводом для того, чтобы придать репрессиям новый размах. На смену десятилетней борьбе властей с признаками польской культуры и доминирования пришла не менее изощренная и систематическая политика уничтожения. Обновленная форма тихой войны была на этот раз направлена в самое сердце польского могущества — на землю. Сердца министерских чиновников в Петербурге исполнились радости оттого, что, как казалось, добыча близка и русские наконец вытеснят поляков с этих земель.

Стоит, однако, напомнить, что восстанием были главным образом охвачены Царство Польское и Литва, тогда как на Украине оно проявлялось в ограниченной форме. В то же время если принять во внимание четко выраженную склонность поляков с Украины к примирению, то станет понятно, что это восстание стало поводом для коллективной слепой мести русских. Структуры, которые Национальному правительству повстанцев удалось создать на Украине, были слабыми⁵, а небольшое количество активистов, как из белых, так и красных, очень быстро обнаружили неспособность к выполнению поставленных задач⁶. Известно также, что немногочисленные столкновения повстанцев с российской армией в этих землях не идут ни в какое сравнение с боями, которые произошли в других местах. Подобная оценка событий дается и в воспоминаниях Т. Бобровского и находит подтверждение в подробных исследованиях С. Кеневича⁷.

Именно поэтому старый генерал-губернатор Н.Н. Анненков, которого русское окружение и царский двор в Петербурге считали ничтожеством, не чувствовал необходимости в проведении драконовских репрессий и в немедленном использовании поражения поляков к русской выгоде. Генерал Домонтович писал: «Н.Н. Анненков, заменивший умершего Кн. Васильчикова [в декабре 1862 г. — Д.Б.], был не более как старый колпак, не только мало смыслящий в делах вверенного ему края, но и самый край,

смешавший его с Австрийской Галицией...» И действительно, старик на одном из банкетов объявил, что возглавляет «Красную Русь!» «Конечно же, что такого генерал-губернатора полякам не составило большого труда дурчить на каждом шагу и отводить его взоры от своих пределок».

Другие коллеги Анненкова, например начальник канцелярии М.В. Юзефович или киевский губернатор Н.Г. Казнаков, не скрывали своего раздражения из-за потерянной возможности нанести ощутимый удар по полякам. В июле 1864 г. министр внутренних дел П.А. Валуев получил распоряжение Александра II поехать в Киев и на месте проверить дееспособность губернатора. Впрочем, у министра уже имелось собственное мнение на этот счет. В своем дневнике он писал в конце 1863 г.: «...был у меня ген[ерал]-ад[ъютант] Анненков 4 битых часа сряду! До изнеможения!», и в другом месте чуть позже: «Вечером был у меня Анненков, который завтра едет обратно в Киев. *Raivre cervelle**!» Отставка этого чиновника была предreshена, когда оказалось, что он никоим образом не разделял намерений правительства по вопросу о судьбе польских земель и даже оказывал сопротивление при посягательстве на крупные имения, планируемом Временной юго-западной комиссией. Она была создана в Киеве во главе с Г.П. Галаганом, и на нее было возложено задание по увеличению крестьянских наделов согласно указу от 30 июля 1863 г.⁸ К рассмотрению ее деятельности мы еще вернемся.

Тот факт, что Анненков не видел повода к пересмотру земельного статуса поляков, можно действительно приписать его старости, поскольку, как только в Варшаве вспыхнула искра восстания, в столице империи стали разрабатываться самые сумасбродные планы об уничтожении поляков на Украине. Из правительства один П.А. Валуев не одобрял общего желания ослабить поляков экономически. Он ежедневно отмечал в дневнике рост антипольских настроений. Граф С.П. Сумароков вместе с шефом жандармов В.А. Долгоруковым и князем Гагариным оказались инициаторами мероприятий, которые Валуев считал безответственными. По мнению Сумарокова, с поляками следовало вести себя так же, как поступил Наполеон III с жителями Ниццы, которые не признавали себя французами: лишить российского гражданства, заставить продать имения и изгнать в соседние страны. «Я эту песнь давно слышу, — писал Валуев 20 января 1863 г. — Когда я спрашиваю: разве Польша не подвластна русской короне? Разве Западный край город или уезд? Можно ли заставить землевладельцев 9 губерний продать их имения? Кто их купит?»

Лишь Валуев был способен заметить, и небезосновательно, что из польских помещиков можно было с легкостью создать надежную опору

* Сколь ограниченный человек! (франц.). (Прим. пер.)

российскому трону. Собственно, об этом он и писал по-французски: «Я борюсь против достойных лишь порицания антипольских мер, которые другие хотели бы осуществить»⁹. Впрочем, эта т.н. борьба была не чем иным, как игрой его воображения, поскольку он каждый раз уступал царским министрам, а еще больше — под влиянием истеричных криков М.Н. Муравьева, виленского генерал-губернатора, вошедшего в историю под именем «Вешатель».

Первый удар был нанесен по польским землевладельцам указом об обязательном выкупе украинскими крестьянами наделов, которые находились в их пользовании. Мы еще увидим, к каким конфликтам приведет эта акция по принудительной продаже земли, решение о которой было принято 23 июля 1863 г. Большинство царских сановников и не думало о предоставлении крестьянам шанса стать владельцами земли, их заботило лишь то, как отобрать ее с пользой для себя у поляков. Газета «Московские ведомости» и журнал «Русский вестник» не жалели слов, чтобы выразить возмущение в связи с присутствием поляков на западных территориях, присоединенных еще за 70 лет до этого. В статье под названием «Что нам делать с Польшей?» Катков заявлял, что государственная граница прокладывается с помощью меча, а не пера, а потому в империи должен быть один порядок для всех. В то же время Муравьев в Северо-Западном крае вынашивал планы массовой высылки поляков¹⁰. Валуев не отмалчивался. В записке от 8 августа 1864 г. он на основании статистических данных доказывал Александру II все сумасбродство проектов Муравьева по устранению поляков: «Нельзя выбросить из России 850 000 Поляков и нельзя заставить всех уроженцев Западного края служить например в Приволжском, а уроженцев Приволжского в Западном...» Констатируя непонимание ситуации большинством губернаторов (он, в частности, цитировал волынского губернатора генерала М.И. Черткова), Валуев с досадой добавлял: «В нашем ультрапатриотизме есть прискорбная черта. Он склонен говорить языком ненависти, а ненависть не правительственное и не государственное чувство...» Валуев, конечно, провозглашал себя сторонником русификации, но, как он писал, «в то же время я не говорил языком племенной вражды и ненависти и не спрашивал тех крайних неразборчивых и не исполнимых на практике мер, которые ныне многими так легко признаются и необходимыми и удобовозможными»¹¹.

Однако сторонники крайних мер не уступали. В январе 1864 г. было принято решение о тяжелом всеобщем наказании в форме особого налога на землевладельцев в размере 10% от годовой прибыли с имений, который, как разъяснялось, должен был покрыть расходы на содержание пленных поляков, их ссылку, вознаграждение для судебных военных комиссий, увеличение количества православных церквей и т.п. Эта мера преследовала

не особо скрываемую цель — довести как можно большее количество польских имений до упадка, чтобы их было легче купить русским. Это стремление финансово уничтожить всех польских землевладельцев, которое Т. Бобровский назвал «неслыханным налогом на национальность», было немного ослаблено в 1868 г., когда налог уменьшили до 5% от годовой прибыли, тем не менее сохранив его вплоть до конца XIX в.¹² К своим польским подданным, по большей части верным слугам, царь относился как к жителям чужих, завоеванных территорий.

Присвоение богатых имений на Украине настолько распалило воображение петербургских чиновников, что 5 марта 1864 г. было принято положение, в котором предусматривались неисполнимые требования. И хотя они так и не были проведены в жизнь, на их основании можно судить о степени растущего аппетита. Речь шла о том, чтобы устранить из польских землевладений даже арендаторов, экономов и управляющих как поляков, так и евреев. Такого рода идеи не принимали во внимание того, что для русских подобные должности не представляли интереса с финансовой точки зрения, а также в связи с отдаленностью этих имений и недостатком необходимых знаний. Власти быстро опомнились. В тот же день было провозглашено «Положение о льготах, преимуществах и денежных судах, предоставляемых при покупке казенных и частных имений в Западных Губерниях», согласно которому предоставлялось право на не облагаемое налогами винокурное производство, а также ссуды со сроком выплаты в течение 37 лет и право немедленного погашения возможных долгов, числящихся за покупаемым имением¹³. Подобные законы вызвали негодование лишь Валуева, единственного, кто подчеркивал, что для подобных широких замыслов недостаточно средств. Однако, пока это не стало очевидным, стая министров, объединившаяся в Комитет западных губерний, действовавший на протяжении двух лет, требовала усилить наказания.

Старый Анненков и в данном вопросе оказался не на высоте. 15 декабря 1864 г. он представил министрам длинный итоговый отчет о своей деятельности в период и после восстания, на котором царь сделал несколько пометок, однако генерал-губернатор не понимал, что репрессий в стиле Бибикова уже недостаточно. Перечисляемые в данном документе меры могли показаться драконовскими¹⁴, однако и их было мало для утоления ненасытного аппетита столичных чиновников. Ошибка Анненкова прежде всего заключалась в том, что он не верил в возможность уничтожения одним махом проявления польского элемента и немедленного утверждения на этих землях русского. Кроме того, оказалось, что он настолько доверял польским помещикам, что предлагал немедленно создать на Украине земства, органы самоуправления, которые незадолго до этого были введены в Великодержавии (власти не давали согласия на их создание в Юго-Западном

крае вплоть до 1911 г.). В отчете Анненков говорил «лишь» о возобновлении русификации с помощью религии, образования, полиции. Кроме того, он упомянул, не вызвав этим никакого интереса у министров, о создании торговой биржи для киевских купцов. После заседания Валуев писал об Анненкове в дневнике: «...он был невозможен по ограниченности и бессвязности своих объяснений и мнений». Последствия не заставили себя ждать: в тот же день орenburgский генерал-губернатор А. П. Безак получил телеграмму с предложением занять пост киевского генерал-губернатора. Через год Анненков умер. Его преемника поляки будут вспоминать как одного из наиболее немилосердных проводников антипольской политики на Украине, несмотря на мнение Валуева, писавшего: «Видел ген[ерал]-ад[ъютанта] Безака... при нашем безлюдьи Безак терпится и должен быть терпим, но он вполне заслуживает свое прозвище “еврея”»¹⁵.

Безак приступил к своим обязанностям с констатации того, что еще недостаточное число людей было осуждено и наказано, чтобы приступить к массовой и давно ожидаемой конфискации имений¹⁶. В связи с этим он начал свою деятельность с «упущений» своего предшественника. Командующий Киевским военным округом Новицкий, ответственный за политические процессы, послал ему рапорт о беспорядке, царившем в тюрьмах, попутно указав на то, как трудно сломить солидарность поляков. Благодаря женам арестантов была создана целая корреспондентская сеть, оказывалась помощь продуктами и т.п., поскольку тюремщикам было нетрудно подкупить деньгами. Новицкий сообщал даже о «тайном обществе», донося на 40 женщин, которые использовали посещения Киевской крепости для облегчения судьбы заключенных¹⁷. Безак воспользовался этим рапортом, чтобы принять карательные меры против поляков, — и его подчиненные сразу извлекли из этого выгоду. Например, начальник его канцелярии Стефанович быстро смекнул, что страх, посеянный среди польских помещиков, может стать неисчерпаемым источником дохода. Он чувствовал себя вершителем судеб при составлении списков конфискации и главным распорядителем при распределении конфискованного, не забывая при этом, что правильно организованная благотворительность должна начинаться с самого себя.

Как оказалось, специально запугивать поляков не было нужды. Многие из них прибыли в Киев в поисках протекции. Как вспоминал Т. Бобровский: «Киев кипел от приехавших из сел родственников заключенных, которые с утра до вечера прибывали к дому губернского предводителя Хорватта». Богатых Володковичей, Ярошинских, Холовинских, Понятовских, Мошенских, Трипольских привел в Киев панический страх потерять несколько десятин земли. Эта польская земельная элита оказалась готовой на любые унижения ради спасения своего состояния. Однако высланный

ими верноподданнический адрес на имя царя так и остался без ответа. Бобровский писал: «Итак, образовалось весьма многочисленное польское общество, даже уж более чем достаточное, чтобы предаваться воспоминаниям о несчастьях края, но оно начало уж больно политиканствовать... Затем оно посчитало возможным искать сближения с местными официальными кругами на почве дружеских отношений и влияния дам, к чему, как известно, наши дамы уж более чем склонны при известной любви русских к волокитству». Возвращение к позорной практике 1831—1832 гг. привело к круговерти «развлечений, обедов, раутов и балов»¹⁸, которые лишь укрепили веру Безака в свои силы.

4 апреля 1865 г. генерал-губернатор направился в Петербург, чтобы доказать, что принятые им меры ничем не уступают по строгости политике, проводимой в Литве. Министр внутренних дел в связи с этим отмечал: «У меня был Безак, которому лавры генерала Муравьева мешают спать и который, очевидно, [находится] под его влиянием». 15 апреля в присутствии министров и Муравьева, с интересом наблюдавшего за тем, как другие повторяют его мысли (виленского генерал-губернатора как раз в те дни отстранили от занимаемой должности), Безак представил свой план, в котором настоятельно рекомендовал ограничить влияние «многочисленного высшего сословия поляков, шляхты и католического духовенства». В пункте втором говорилось о необходимости заставить помещиков продать свои имения, что дало бы возможность создать класс русских землевладельцев, в качестве надежной опоры правительства¹⁹.

Трудностями в поиске средств, обещанных на ссуды русским, которые должны были покупать имения на Правобережной Украине, а также антипольской озлобленностью министра государственных имуществ А.А. Зеленого воспользовался некий Франкель, банкир, не испытывавший особых угрызений совести. Он убедил министерство отдать ему в залог казенные имения, обещая предоставить необходимые суммы тем, кто будет покупать земли на Украине. Впрочем, делу не был дан ход из-за вмешательства прессы, раскрывшей, что казенные владения распродаются по смешным ценам. Однако принятый 25 июня 1865 г. указ все-таки разрешил непосредственную продажу казенных имений этническим русским. В случае Украины это должны были быть земли, в основном конфискованные у поляков после 1831 г. Вопрос же о том, где взять деньги на ссуды русским покупателям земли, оставался актуальным еще в ноябре 1865 г.²⁰

Тем временем проблема продажи конфискованных имений, которыми временно управляли палаты государственных имуществ, нуждалась в неотложном решении, поскольку разобраться в многочисленных злоупотреблениях становилось все тяжелее.

На имя генерал-губернатора поступал шквал корреспонденции, по большей части анонимной, в которой сообщалось о беспрестанном разворывании средств чиновниками и о фальсификациях при оценке стоимости имений, позволявших присвоить разницу. Так, в письме из Житомирского уезда говорилось, что все счета от проверки имений Жеребок и Лыховец поддельные, мебель, постельное белье, кони украдены, экономов подкупили или угрозами заставили подписать сфабрикованные документы. «Это уже не чиновники, — в заключение писал анонимный автор, — а палачи, которые нарушают порядок и являются препятствием к установлению покоя в крае. Вот такая администрация во всех имениях, находящихся в секвестре». В имениях Вежба и Варковичи, конфискованных у Млодецких, крестьяне разворовали все запасы зерна, а сами уполномоченные вели развратный образ жизни, опорожняя погреба от водки, венгерских вин и медовухи. Шушерин, русский покупатель, констатировал, что все напитки были проданы волынскому губернатору, вице-губернатору и их знакомым. Много бутылок по инициативе управляющего Уланицкого и эконома Карчинского было продано за границу, в Австрию, через купца-еврея Цыкера. Этой троице удалось сбывать несколько экипажей: один тильбюри и три кабриолета, а также самовары, столовую утварь, два больших медных котла из пивоварни, мебель и посуду, часть которой была отдана чиновнику Ковалевскому за то, чтобы не заносил их в инвентарную опись. Естественно, были злоупотребления и при получении прибыли: в октябре 1865 г. прибыль от 35 имений, находившихся под секвестром, должна была составлять 24 353 рубля серебром, а получено было всего 4708 рублей серебром²¹.

Возникали и другие препятствия. Комитет министров долго не мог принять решения о размере земельных участков, которые должны были предоставляться русским. Кроме того, достаточно долгое время в Комитете разделяли продиктованные бешенством взгляды Муравьева, который предлагал раздавать как можно больше имений и ферм. В июле 1864 г. была рассмотрена даже идея о поселении крестьян на землях, ранее принадлежавших полякам, что в скором времени было признано опасным. После отставки «Вешателя» Зеленой и Валуев установили размер земель от 300 до 1 тыс. десятин, что должно было обеспечивать будущим русским помещикам такой же вес и надлежащий почет в обществе, как и полякам. Разделу не подлежали только те конфискованные земли, на которых находились фабрики, прежде всего сахарные заводы. Имения, составлявшие свыше тысячи десятин, раздавались в виде исключения лишь высшим сановникам. Такими были положения указа от 23 июня 1865 г. о порядке продажи земли русским. В связи с этим вплоть до 1867 г. составлялись подробнейшие описания, необходимые для проведения раздела имений и для информирования

покупателей. Между 16 августа 1865 г. и январем 1867 г. были составлены инвентарные описи с указанием расстояния до губернского и уездного центров, указанием рек, на которых располагались имения, площади пахотной земли, лугов, лесов, наличия различных построек и т.п.²²

Однако все эти амбициозные проекты и оценки не смогли уничтожить преобладания польских помещиков на этих землях. Валуев отмечал: «Конек полонофобии и развития нашей народности à la Mouravieff еще бойко ходит...» Притом на заключительном этапе этой операции оказалось, что было конфисковано не более 150 имений.

ЗЛОБА, УКРОЩЕННАЯ РАЗУМОМ: 1865—1875 ГОДЫ

Безак, возглавивший в Петербурге комиссию по выявлению возможностей заселения западных губерний «русским элементом», взял на вооружение и расширил идеи своего духовного наставника Муравьева, введя 10%-ный налог на всех польских помещиков. Добиться того, чтобы на место последних пришли русские помещики, можно было, во-первых, доведя большинство поляков до разорения, во-вторых, добившись гарантии, что все обанкротившиеся имения не будут продаваться нерусским. Это исключительное ограничение было изложено генерал-губернатором в специальной записке Александру II и предложено на рассмотрение выше-названной комиссии, в которую входили военный министр Д.А. Милютин, А.А. Зеленой и новый виленский генерал-губернатор К.П. Кауфман, соревновавшиеся в жестокости — ко все большему возмущению Валуева. Последний записал 14 сентября 1865 г. в дневнике: «Польский комитет мне внушает омерзение». Антипольские настроения достигли пика 25 ноября 1865 г. во время памятного заседания комиссии, состоявшегося в Царском Селе в присутствии царя. Маниакальные идеи начали претворяться в жизнь. Валуев с негодованием отмечал, что они «дошли до чудовищных результатов». По его словам, например, Зеленой предлагал «во всем пространстве Западного Края запретить полякам, католикам и немцам покупать имения [5 августа 1864 г. был принят такой запрет относительно евреев. — Д.Б.], заставить продать свои имения в известный срок не только поляков, у которых имения секвестрованы, но и всех высланных по подозрениям и т.п.». Милютин призывал повысить налог до 20%, а то и до 50%. Царь принял участие в стоявшем гомоне, размахивал отчетом Безака, читал и комментировал его в том же духе, что и его чиновники. Валуев с возмущением заявил, что они злоупотребляют доброй волей императора, пытаясь оправдать беззаконие, а затем уже, совершенно выведенный из себя, подал в отставку: «Я сказал, что меня обдаёт холодом при

звуче речей подобных тем, которые я слышал, что вообще в советах я два года не слышал ни одного благородного слова...» Кроме того, Валуев попытался выразить свое возмущение планом выселения 10 тыс. помещиков из западных губерний, но и этот протест не был услышан. «При прощанье Государь объявил мне, что по Журналу о Западных вопросах он утвердил те мнения, которых я не разделял. Он сказал, что ему прискорбно принимать подобные меры, что они противны его чувству, но что он принимает их “по глубокому убеждению” и т.п.»²³.

10 декабря 1865 г. был опубликован указ «О воспрещении лицам польского происхождения вновь приобретать помещичьи имения»²⁴, а Валуев по просьбе царя остался министром внутренних дел. Вплоть до 1905 г. этот указ служил основным барьером к увеличению земельной собственности польских помещиков, поскольку предусматривал, чтобы все продаваемые или выморочные имения попадали в руки русских. Как и предполагалось, этот указ надолго стал самым сильным инструментом русификации, хотя, как и большинство российских законов, был далек от точного исполнения. Для нас прежде всего интересен процесс его внедрения, поскольку он дает возможность оценить степень уменьшения объемов польского землевладения.

Главная предпосылка действенности упомянутых указов заключалась в финансовом ослаблении польских помещиков, что должно было бы подтолкнуть их к вынужденной продаже имений. Поэтому уже в течение первого полугодия 1866 г. начал взиматься 10%-ный налог.

В январе 1866 г. во всех уездах Правобережной Украины началось создание комитетов по проверке доходов и оценке имений. В них входили оценщики дохода и полицейские чины, которые в течение трех недель должны были определить размер выплат согласно представленным заявлениям о доходе. Помещики находились в крайней степени растерянности, однако протестовать осмелилось лишь несколько самых богатых. Некоторые прибегали к уловкам, например помещик из Балтского уезда Леопольд Чарномский писал, что ни сердцем, ни умом не чувствует себя поляком, а его жена и дети православные, поэтому он просит не относиться к нему, как к поляку. Поверенные по делам графов Альфреда и Марии Потоцких, братьев Евстахия и Романа Сангушко и Александра Браницкого, владельцев, крупнейших имений на юго-западе империи, безуспешно пытались протестовать против чрезвычайно короткого срока, отпущенного на эту операцию. 5 апреля киевский губернатор доложил генерал-губернатору, что оценка в большинстве имений проведена и передана полицией на рассмотрение комиссий. Сомнения, высказанные им 8 июня относительно точности и достоверности информации, не остановили Безака,

который 16 июля выслал трем губернаторам телеграмму с требованием предоставить к 1 августа полные списки, тех же, кто не уложится в срок, заставить выслать за свой счет эстафетой.

Решив последние вопросы путем обмена шифрованными посланиями с Кауфманом, виленским генерал-губернатором, Безак сообщил 25 августа министру финансов о планируемых суммах, которые он намеревался получить с польских помещиков. Общая сумма должна была составить 1 202 654,54 руб., в том числе по губерниям:

Киевская	4 12 640,12 руб.
Подольская	371 257,18 руб.
Волынская	418 757,24 руб.

Безака не тревожили частные ошибки или мелкие махинации. Он доказал свою исполнительность и даже проявил себя великодушным. Согласно опубликованным и розданным комиссиям «Правилам распределения и взыскания налогов с имений, владельцами которых являются поляки», налогообложению не подлежали те из них, чьи прибыли не превышали 100 рублей, а тем, чьи прибыли достигали 1 тыс. руб., давалась скидка в 100 рублей. Зато в случае неуплаты налагался штраф, который составлял половину суммы налога. Полиция располагала печатной копией с данными о сумме налога с каждого имения и должна была его взыскать до 15 октября 1866 г.²⁵

«Поскольку это было время господства чрезвычайного положения, платили без протестов, которые и так бы ни к чему не привели», — писал Т. Бобровский. Из документов об этой акции, которая в таком виде была проведена лишь один раз, поскольку в 1868 г. налог был снижен наполовину, следует, что лишь небольшое количество вдов получило скидку: в Волынской губернии — 38, в Подольской — 29, в Киевской — 19. Несомненно, во многих случаях добиться желаемого исхода дела удалось при помощи взяток. К примеру, Х. Иллинский при 18 189 рублях дохода платил лишь 334 рубля, Чечерская с доходом в 16 790 рублей внесла всего 497 рублей. Такие заниженные суммы платили также Жевуская, Чапская и другие.

Хотя требуемый налог был большим, он не смог подорвать достаток очень богатых семей, за исключением тех, которые еще до 1863 г. находились в затруднительном положении. С этой точки зрения представляют интерес статистические данные о задолженностях на 1862 г., опубликованные в газете «Крај» в 1884 г. (польские землевладельцы указаны здесь вместе с русскими, у которых также были большие долги)²⁶:

Губернии	Количество заложенных имений	Число душ	Оценка имений в рублях
Киевская	940	329 969	19 345 893
Подольская	889	303 539	25 517 456
Волынская	758	222 074	12 428 146
Всего	2587	855 582	57 291 495

Несмотря на то что фактически было заложено около половины польской собственности, ожидаемые последствия экономического ослабления проявлялись медленно и постепенно. Поскольку количество конфискованных имений едва превышало сотню, властям пришлось удовлетворить свой аппетит крайне незначительной, хотя от этого не менее привлекательной добычей. Ссылаясь на самые одиозные примеры, Т. Бобровский сумел показать, сколь недостойной была эта погоня русских, на манер римских центурионов, за военными трофеями, получение которых выглядело особенно несправедливо в юго-западных губерниях империи, где восстания фактически не было. Однако, согласно воспоминаниям Бобровского, в погоне за землей Безаку пришлось столкнуться с теми, кто был сильнее его. Он хотел найти крупное конфискованное имение, которое отвечало бы его высокому положению. У него были виды на два прекрасных имения: Иллинци в Липовецком уезде, отобранное у графа Константы Плятера, и Кошоваты в Таращанском уезде, принадлежавшее Юзефу Млодецкому. Их владельцы были невиновны, потому что во время восстания находились за границей и фактически расплачивались за активность своих управляющих. Однако Безак не учел, что женой Плятера была графиня Мальфатти, которая через своего крестного, канцлера Горчакова, обратилась к царю, разоблачая слишком очевидную алчность генерал-губернатора. Таким образом, из его рук выскользнула первая добыча, которая в итоге досталась богатейшему владельцу металлургических заводов Урала Демидову, князю Сан-Донато. Вторая вероятная добыча также оказалась недостижимой, потому что тесть Ю. Млодецкого, князь Антоний Любомирский, принадлежал к немногочисленной группе крупных польских аристократов, приближенных к самому императору. Я. Талько-Хрынцевич вспоминал, что «с поляками князь говорил о своем патриотизме, с чиновниками притворялся москалем. Такую двойную и фальшивую роль он играл до самой смерти». В качестве особой милости Любомирскому было разрешено приобрести землю, что он и сделал, выкупив конфискованное имение зятя, в котором тот оставался до тех пор, пока со скандалом не расстался со своей женой, о чем только и писала светская хроника. Между тем Безак не утолил свой аппетит. Ему не удалось выдержать конкуренции с богатым купцом И. Толли, ставшим в скором времени городским головой Киева, при покупке замечательного замка в Вишневке около Кременца на Волыни, выставленного на продажу

Владимиром Плятером, братом упомянутого выше Константы Плятера. Эта продажа потянула за собой ряд процессов, которые длились до 1890-х годов, а генерал-губернатору хотелось получить добычу немедленно. В конечном итоге он удовлетворился тремя тысячами десятин имения Юзефувка неподалеку от Бердичева, отобранного у повстанца Юстына Абрамовича²⁷.

Большинство высокопоставленных чиновников оказались первыми на очереди и получили лучшие куски. Киевский губернатор Н.Г. Казнаков занял Лисянку, имение князя Вильгельма Радзивилла в Звенигородском уезде; Ерчики, другое поместье Радзивилла, попало в руки генерала Трепова. Остальное владение семьи Плятеров разделили между собой генерал Карчев, попечитель Киевского учебного округа П.А. Антонович и преемник Казнакова М.К. Катакази. Товарищу попечителя А.П. Ширинскому-Шихматову досталось имение Эразма Михаловского — Соловиевка; именно там крестьяне убили польских студентов, распространявших «Золотые грамоты», с помощью которых те хотели привлечь украинских крестьян к участию в восстании. Графиня А.Д. Блудова, будучи камер-фрейлиной при дворе, получила имение Бриков в Острожском уезде, отобранное у ссыльного Даниэля Менжинского. После завершения основных «завоеваний» Безак вспомнил о данных за год до этого в Царском Селе обещаниях.

15 января 1865 г., сразу после назначения на новую должность, он поручил трем подчинявшимся ему губернаторам составить полный перечень поляков, сосланных в Сибирь, на Север и во внутренние губернии России «по политической неблагонадежности без следствия и суда». Ответы поступили только в феврале 1866 г.: из Киевской губернии было сослано 28 помещиков; из Волынской — 80; из Подольской — 86. Эти 194 старательно описанные имения, к которым была прибавлена информация о месте ссылки владельца и состоянии собственности (секвестр, долги и т.п.), хотя полностью не оправдали надежд Комитета западных губерний, были все-таки неплохой добычей, из которой можно было уже выбирать.

Валуеву удалось уберечь от разграбления имения сибирских ссыльных. 10 июня 1866 г. он объяснил генерал-губернатору, что каторга или ссылка приравнивается к смерти, а потому взрослые наследники имеют право на получение наследства. Ему не удалось помешать продаже имений тех, кого осудили к ссылке во внутренние губернии России. В таких случаях к владельцам имений была проявлена жестокая «снисходительность»: им разрешалось приехать на несколько месяцев на Украину, чтобы лично заняться продажей имений, а затем вернуться в ссылку. Среди материалов генерал-губернатора хранятся дела о десятках подобных «отпускников», находившихся под надзором полиции²⁸.

После этого пришел черед воспользоваться случаем и русским более скромного положения. На каждого из них заводилось отдельное дело, к которому скрупулезно подшивали подтверждение принадлежности к дворянству и к православию, т.к. только в этом случае они могли принимать участие в публичном аукционе по продаже польских имений. Прошения следовали одно за другим, их формулировка была почти одинаковой: «Имея счастье по вере и происхождению принадлежать к русской национальности, я намерен(а) участвовать в торгах...» Этого было достаточно, чтобы получить разрешение²⁹. Т. Бобровский, несомненно, преувеличивает количество желающих, но зато очень выразительно передает царившую атмосферу: «Предоставление таких возможностей тысячам русских помещиков на территориях, находившихся в польских руках, стало для них, зачастую стоящих на грани банкротства в материальном, а временами и моральном плане, настоящим открытием Калифорнии».

Впрочем, он подчеркивал, что русскому дворянству, привыкшему со времен Петра I к государственной службе и жизни в городах, было нелегко прижиться в сельских усадьбах, за которыми стояла целая традиция *gentlemen farmers**, чуждая им привычка. Заграничные наблюдатели подтверждали, что мечта министров отстранить поляков от земли в скором времени столкнулась с тем, что подобное времяпрепровождение не было в традиции русской аристократии. А. Гакстаузен в 1840-е гг., А. Леруа-Больё в 1880-м, Ф.Г.Е. Палмер в 1901 г. отмечали, что идеалом российского дворянина был город, тогда как деревня была всего лишь источником прибыли, а не местом для приятного времяпровождения.

К этому традиционному препятствию в скором времени добавились финансовые проблемы. Кандидаты на приобретение земель надеялись улучшить свое финансовое положение в России благодаря финансовой поддержке государства. Однако проект, как и предусматривал Валуев, провалился. После принятия указа от 5 марта 1864 г. фонд помощи покупателям так и не был создан. Он появился 26 июня 1866 г., когда Комитет министров утвердил устав Товарищества приобретателей имений в Западных губерниях. Шла речь о специальном банке с капиталом в 5 млн руб., который, по обещаниям Зеленого, должен был быть доведен до 50 млн в случае возможной поддержки со стороны частных лиц³⁰. Финансовая помощь могла составлять половину стоимости имения. Однако фонд не смог накопить даже изначально заложенной суммы, и его фонды растаяли как снег на исходе зимы. Тем, кто заявил о своем желании в июле, отказали, заявив, что «назначенный на этот предмет фонд уже израсходован»³¹. Через год Товарищество было закрыто. С другой стороны, распределение

* Дворянин, занимающийся сельским хозяйством: фермер-джентльмен. (Прим. пер.)

земель тормозила необходимость проверки долгов, которые следовало покрыть до продажи имения. Палаты государственных имуществ провели большую работу в области права, подсчетов и налогообложения (неуплаченные налоги оказались крайне важной частью оценки) и к 7 ноября 1866 г. составили обширные итоговые таблицы, на основании которых оказалось, что нераспределенными остались 36 имений в Киевской губернии, 24 — в Волынской и 10 — в Подольской³². Подобная жадность со стороны царских чиновников все больше выводила из себя Валуева, тем более что одновременно с этим в Вильне и Варшаве не утихали репрессии. 23 сентября министр вновь написал Александру II: «...западные дела внушают мне не отвращение, но омерзение». Он заявил, что предпочтет скорее эмигрировать, чем быть причастным к подобному столь низкому ожесточению. Между тем на место Кауфмана виленским генерал-губернатором был назначен Баранов, однако в Киеве все так же был оставлен Безак.

Осознавая тщетность своих попыток и безрезультатность ударов, наносимых полякам и в то же время будучи не в состоянии остановить поток антипольской ненависти, Валуев прозорливо заметил, что подобная политика по отношению к полякам является признаком слабости, которую Европа не осознает: «Мы так слабы, так малоумеючи, что не надеемся на центральную власть и не верим в собственную силу в Западном крае. Если бы поляки знали, как мы их боимся! Если бы Европа знала, как мы неустрашимы на словах и малодушны на деле!» 10 октября 1866 г. среди его записей в связи с этим читаем: «Мы должны внушать чувство отвращения к нам всей Европы». 18 марта 1867 г. он с возмущением писал о тех, кто хотел бы без хлопот добиться русификации поляков своими «полицейско-татарскими мерами»: «Я повинуюсь царской воле, но с полным сознанием ее неисполнимости... Никого нет, кроме меня, кто бы смотрел на дело с точки зрения общечеловеческой... четыре года уже длится вивисекция Западного края. Никакого результата не добыто». В связи с размышлениями о том, что подобная политика может длиться не один десяток лет, его охватывало трагическое предчувствие: «Одно из двух: или распадение, или обновление, а если обновление — то переворот»³³.

Значительное расхождение в предпринимаемых действиях и в их оценке самой же властью объясняется незначительностью достигнутых результатов по сравнению с лелеемыми надеждами. Подробное описание имений в публикуемых властями документах, включавших в числе прочего таблицы, на практике усложняло их раздачу. В связи с этим прибегали к уловкам. Например, в Подольской губернии, где предусматривалось передать крестьянам достаточно большую часть земель, вместо названия зачеркнутых крестьянских общин были вписаны имена русских дворян, полу-

чивших преимущество по неизвестным причинам. Однако в итоге количество раздаваемой земли оказалось гораздо меньше ожидаемого³⁴.

Согласно имеющимся оценкам в 1863—1873 гг., на Правобережной Украине было конфисковано и действительно продано 144 имения площадью около 150 тыс. десятин, причем больше всего в Волынской губернии — 78 имений³⁵.

После 1865 г. трудности, с которыми пришлось столкнуться при замене польских владельцев русскими, были связаны с упорнейшим сопротивлением богатых поляков, а, кроме того, с непоследовательностью в политике властей, обусловленной внутренней ситуацией.

Наблюдавшаяся сразу после восстания 1863 г. волна низкопоклонства и лояльности перед представителями власти возросла. Кроме богатых помещиков, которые в 1863 г. ускользнули от мести крестьян или правительственных преследований и до 1866 г. находились в Одессе, а затем вернулись, чтобы удостовериться в сохранности своих богатств³⁶, значительная часть поляков считала, что ради сохранения состояний стоило поступиться самолюбием. Правда, большинство не собиралось подражать жене Феликса Собанского, заявлявшей, что «мы танцуем на могиле родины из любви к ней», однако склонялось перед хозяевами этих губерний, — по крайней мере, предоставление им различных услуг казалось польским помещикам необходимым и было достаточно распространенным явлением. Было достаточно женщин, которые «крутились, вертели и наряжались, и декольтировались среди всеобщего горя, слез и бедности». Двусмысленность поведения была ответом на царившее бесправие. Чем можно объяснить то, что кое-кому из поляков, например сахарному магнату Юзефу Ярошинскому, удалось выйти из тюрьмы и сохранить за собой право на покупку земли? Кто подсчитает, сколько золота попало в карманы продажных офицеров полиции, которые еще в 1867 г. продолжали собирать доносы крестьян, наивно веривших, что получают землю изгнанных панов?³⁷

Разоблачаемая Н.В. Гоголем устоявшаяся традиция служебных злоупотреблений и коррупции чиновничества проявилась во всей своей полноте, однако этот путь был доступен лишь очень богатым либо тем, кто имел личный доступ к царю. Какова была цель упоминаемого П.А. Валуевым частного визита 29 декабря 1865 г. графа Александра Браницкого к царю после принятия указа от 10 декабря 1865? На Украине поляки узнали об этом указе без промедления: «... стоит ли доказывать то, что царило бесправие. Целые десятки имений продавались за долги. Были и такие, кто продавал их по собственной воле, как Константы Браницкий, который избавился от необъятных просторов лучших земель в Васильковском, Каневском и Звенигородском уездах, к чему его не побуждало ни правительство, ни долги, ни потребность в деньгах, которых у него были миллионы на-

личными». Александр II купил эти земли за четверть их стоимости; он так же купил половину земель у его брата Александра. Такой щедрый жест — продажа около 100 тыс. десятин — дал Браницким возможность сохранить за собой позицию самых влиятельных помещиков Украины³⁸.

На примере семьи князей Сангушко можно увидеть, например, каким образом царские власти пытались вынудить поляков покинуть свои латифундии и как те, в свою очередь, этому противодействовали.

В начале 1864 г. волынский губернатор генерал М.И. Чертков пытался доказать связь Романа Сангушко, сына Владислава, с его уполномоченным Юзефом Михальским, одним из главных инициаторов восстания 1863 г. Отец обвиняемого сразу же обратился к вице-канцлеру А.М. Горчакову с прошением на французском языке о помиловании сына, засвидетельствовав при этом свое неодобрение действий «революционеров», которые писали «безосновательные» доносы на Романа. Черткова должно было позабавить письмо, в котором доказывалась невиновность молодого Сангушко, который, как известно, вместе с Михальским устроил в своем имении в 1861 г. поминальное богослужение по архиепископу Варшавскому Антонию Мельхиору Фиалковскому, а на его фабриках в Славуте изготавливались косы и пики для повстанцев. Отрядам повстанцев давался кров и еда в имении Миньковцы, здесь же их снабжали конями и телегами. Однако властям было сложно получить тому подтверждение, т.к. все в имении, даже полиция, хранили молчание, за которое было щедро заплачено. Огромное имение и местечко Славута, о котором Чертков говорил как о «логовище всей сволочи», манили губернатора, хотя надежды наложить руку на эти тысячи десятин, пока Н.Н. Анненков оставался на месте, было немного.

Сам Роман Сангушко внезапно изменил свои взгляды и обратился к Анненкову, подчеркивая в письме, что он оскорблен обыском имения. 11 ноября 1864 г. он писал, что все время, пока шло восстание, он оставался «только в своей конторе, в своих заводах и на своих полях в совершенной тишине, стараясь этим доказать верность и верноподданнические намерения мои». Поскольку следствие причинило значительные финансовые убытки, то «я решился всепокорнейше обратиться к Вашему Высокопревосходительству, как справедливому и мудрому начальнику, и подвергнуть себя защите и покровительству Вашего Высокопревосходительства и законов, сколько я на это буду в состоянии заслужить...». 21 ноября 1864 г. Н.Н. Анненков ответил, что в сложившихся обстоятельствах обыск не следовало считать обидой и что он всегда будет рад защищать Сангушко и заботиться о нем.

С назначением Безака надежды Черткова возродились: 22 апреля он вновь выступил против Михальского, которого военный трибунал Засла-

ва признал руководителем бунта в уезде его жены. Та между тем собирала для его оправдания показания крестьян, которых Сангушко пытался подкупить. Весь 1865 год ушел на то, чтобы найти весомых свидетелей обвинения. Наконец это произошло, благодаря чему удалось обвинить еще и другого Романа Сангушко, сына князя Евстахия, дяди первого.

Чертков впал в характерный для инквизиторов транс. 17 января 1866 г. он послал Безаку шесть длинных, исписанных сверху донизу страниц, пропитанных радостью пойманного добычу кота. Отчет заканчивался словами: «С его связями, при обширности его владений и множестве фабрик, враждебное настроение князя Сангушко против нашего правительства есть сила в здешнем крае, которой пренебрегать нельзя. Случай как настоящий может в другой раз не повториться, а потому тем более упускать бы его не следовало. Я оставляю здесь вопрос о том огромном влиянии на весь Юго-Западный край, какой имел бы переход всего этого состояния в руки русских помещиков; из гнезда для революции, как теперь, оно преобразилось бы в несокрушимый оплот русского начала в здешней местности. По моему глубокому убеждению, правительство имеет неотъемлемое право лишить князя Сангушко и его потомство права владеть имениями на русской территории...»

Позднее, в течение 1866 г., в переписке с Безаком обвинения ширятся, однако, несмотря на неопровержимые доказательства, подтверждавшие связь всех управляющих Сангушко из Славуты, Заслава, Шепетовки и Билгородки, и, в частности, несмотря на раскрытие обстоятельств освобождения одного из 13 православных рабочих в Славуте, свидетельствовавших против своего хозяина (это освобождение привело к забастовке, причем требования о повышении платы были удовлетворены), усложнилось лишь положение Михальского, а дело против Сангушко было прекращено 22 июня 1866 г. Причины понять несложно³⁹.

Те помещики, которые не могли похвастаться принадлежностью к титулованной аристократии, но сумели избежать конфискации, стремились сохранить свои имения, пытаясь в новой ситуации спасти доходы, отдавая в залог леса (часто с правом вырубki на десять лет) купцам, поставившим древесину на сахарные заводы и железные дороги. В то же время среди поляков возникли новые формы взаимопомощи. Поскольку до 1869 г. не было банков для поляков, богатые одалживали деньги менее состоятельным под процент, зачастую весьма не альтруистический. Часть имения вопреки запрету передавалась в аренду. Некоторые поместья в обход закона отдавались под залог по любовным соглашениям между поляками. К 1867 г. общая сумма долговых обязательств лишь по Волынской губернии составила 50 млн рублей. В крайних случаях, когда продажа была неизбежной, предпочитали, обходя закон, продавать землю не

русским, а евреям или армянам. Одним из наиболее выгодных способов избежать налога на наследство было использование предсмертных дарственных, легализуемых с помощью взяток⁴⁰.

Значительное послабление для польских помещиков наступило после покушения Д.В. Каракозова на царя 4 апреля 1866 г. Петербург с удивлением заметил, что решение польского вопроса не приведет к устранению всех политических проблем, поскольку даже среди русских тлеет искра бунта. Позитивным для поляков стало то, что при очередном закручивании гаек (связанном с назначением Д.А. Толстого в Министерство народного просвещения и расширением полномочий губернаторов) режим направил силы на подъем роли и влияния дворянства. В рескрипте Александра II князю П.П. Гагарину от 13 мая 1866 г. рекомендовалось укрепить уважение к дворянству и частной собственности, чтобы уберечь русский народ от распространения фальшивых доктрин, которые со временем могли бы расшатать фундамент общественного строя. В связи с этим следовало «прекратить повторяющиеся попытки к возбуждению вражды между разными сословиями, и в особенности к возбуждению вражды против дворянства и вообще против землевладельцев»⁴¹.

Поскольку *все* польские помещики были дворянами (чего нельзя было сказать о русских землевладельцах), Валуев воспользовался этим, чтобы смягчить категоричность законов, принятых после 1863 г. В начале 1867 г. Александр II готовился нанести визит Наполеону III в Париже и хотел создать о себе мнение как о добром и цивилизованном императоре. Для завоевания симпатий Западу хватило небольшого жеста. По пути в Париж, как раз вскоре после открытия в Москве 10 мая 1867 г. Славянского конгресса, отмеченного общей ненавистью к полякам, которая подтолкнула поэта Ф.И. Тютчева назвать «опально-мировое племя» иудами славянства, а участников — освистать Польшу при исполнении мазурки во время представления оперы М.И. Глинки «Иван Сусанин»⁴², царь пошел на символический жест. При пересечении 17 мая 1867 г. границы империи и Царства Польского он подписал «Вержболовскую амнистию» (Вержболово — пограничное местечко, в настоящее время Вирбалис в Литовской Республике), которая провозглашала прекращение преследований за участие в восстании 1863 г. В связи с этим заявлялось об уменьшении со следующего года штрафного (контрибуционного) сбора до 5%. Однако радость от вызванных декларацией надежд в правобережных губерниях была недолгой⁴³. В Париже на Александра II было совершено покушение; царь остался невредим, выстрелом был убит конь из царской упряжи. Получив телеграмму, Валуев, еще не зная имени террориста, предчувствовал будущее. 25 мая 1867 г. он записал в дневнике: «Какое влияние на будущность, если убийца, который схвачен, но не разузнан, поляк!» И действительно оказалось,

что стрелявший Березовский родился на Волыни, а потому не могло быть и речи о прекращении преследований за участие в Январском восстании. Императрица, которая должна была ехать навстречу мужу в Варшаву, не сдерживала гнева, а Зеленой неустанно повторял, что все «поляки одинаково преступны». Сразу же по возвращении Александр II объявил, что не стоит отказываться от закона 10 декабря 1865 г.⁴⁴

Итак, на протяжении многих лет военные трибуналы устанавливали меру вины прежних повстанцев, конфискуя их земли, хотя этими землями смогла воспользоваться лишь небольшая часть русских помещиков. В 1863 г. было расстреляно пять руководителей восстания в украинских уездах, двое из них были помещиками. Имение В. Падлевского Чернявка через несколько лет после этого стало собственностью генерал-губернатора А.Р. Дрентельна, а Шендеровка Т. Раковского была куплена на аукционе каким-то русским. Незадолго до того, как в марте 1868 г. Министерство внутренних дел возглавил генерал А.Е. Тимашев, Валуев подвел неутешительный итог попыток изжить мелких польских помещиков из их имений: из 16 тыс. имений к российским помещикам в 9 западных губерниях перешло только 450, при этом получаемый с них доход снизился. Столь же медленно шел этот процесс и на северо-западе, где имения русских помещиков вместе с купленными до 1863 г. составляли 1736 из 13 601, т.е. всего 13%⁴⁵.

Указ от 10 октября 1869 г., вдохновителем которого был Зеленой, запрещал покупку земли католикам, незадолго до этого перешедшим в православие (небольшая часть поляков, принимая православие и декларируя свою принадлежность к русским, воспользовалась указом 1865 г.), но разрешал это только их детям при условии, что те «докажут, что они искренно привязаны к русскому народу». Мелочные поиски последних имений, которые можно было еще конфисковать, продолжались до 1873 г. Большая часть позднейших конфискаций, связанных с восстанием, касалась землевладельцев-эмигрантов, которые были заочно осуждены, в связи с чем отбирались имения у их семей. В 1870 г. в Красилове, недалеко от Староконстантинова, были обнаружены компрометирующие документы Польского временного правительства 1863 г. Следственная комиссия по политическим делам при генерал-губернаторе (тогда им был А.М. Дондуков-Корсаков, сменивший умершего Безака), возглавляемая М.А. Андриевским, начала 16 мая дело против 20 лиц. Почти все приговоры заканчивались одинаковой фразой: «считать вечно изгнанными из государства; в случае же самовольного возвращения в отечество, сослать в каторжную работу (от 5 до 20 лет) или на поселение в Сибирь».

Военные трибуналы, без устали работавшие с 1863 г., заочно вынесли приговоры и во многих других случаях. Например, 5 ноября 1870 г. в Си-

бирь был сослан с конфискацией имения Б. Жуковский; 30 января 1871 г. был заочно приговорен к казни с конфискацией имущества Э. Лабудзинский (он напрасно будет пытаться выписать свою жену в Молдавию), который был одним из руководителей восстания 1863 г. в Киеве, а также известный своими связями с Ю. Домбровским, ставшим вскоре генералом Парижской коммуны. 23 апреля 1871 г. были заочно осуждены Э. Ружицкий, В. Цехонский, Э. Лозинский. 29 октября 1873 г. был осужден врач Ю. Верницкий. 5 декабря 1873 г. было конфисковано имущество трех эмигрантов из Бердичевского уезда — А. Шарамовича, Л. Чеконского и А. Вележинского, на которых спустя годы донесли крестьяне⁴⁶.

Двадцать два несчастных, поверивших царскому указу от 18 июня 1871 г., разрешавшему эмигрантам вернуться на родину, оказались жестоко обмануты. Они предпочли суд в России жалкому существованию во Франции, однако, вернувшись, обнаружили, что они полностью лишены имущества⁴⁷.

Впрочем, после ослабления полицейских преследований бывших повстанцев политика экспроприации стала представляться властям все менее прибыльной по политическим соображениям. Указ от 11 мая 1873 г., согласно которому теряли силу секвестры⁴⁸, т.е. управление имениями, временно переданными Министерству государственных имуществ и возвращавшимися семьям, вызывал бурные дебаты в Комитете министров, а киевский и виленский генерал-губернаторы выступили против приостановки тех дел о конфискации, которые находились на стадии исполнения. Однако эпоха захвата земель за участие в восстании завершилась. Объявленная 9 января 1874 г. амнистия разрешала полякам вернуться из Сибири или из эмиграции (за исключением католического духовенства). Однако мера была эфемерной: уже 23 ноября 1876 г. она была отсрочена в связи с массовыми процессами над русскими народниками и страхом перед возможным пополнением рядов «социалистов». Тем не менее постепенно власти отказались от авторитарных методов по захвату крупной земельной собственности. В конечном итоге это было официально закреплено Александром III после официального объявления об амнистии 23 ноября 1882 и 15 мая 1883.

Определенным показателем приостановки распродажи земель пражских повстанцев была практика предоставления «отпусков» в течение 1869—1880 гг. лицам, сосланным в глубь России и в Сибирь. Если сначала, как уже говорилось, разрешение на временное возвращение предоставлялось лишь для продажи имения, то теперь все чаще, судя по списку 187 ссыльных, которые получили разрешение министра или генерал-губернатора (они продолжали находиться под пристальным контролем полиции), среди официальных причин фигурируют более прозаичные. Напри-

мер, разрешения предоставлялись «по семейным обстоятельствам», «для встречи с семьей», «для посещения больной матери», «в связи с кончиной одного из родителей», «в связи с бракосочетанием» или даже — «чтобы войти во владение наследством»⁴⁹.

Один из последних известных нам приговоров над повстанцами, вынесенный 8 февраля 1875 г., показывает, что, в конце концов, власть отказалась от конфискации собственности повстанцев с целью обогащения русских владельцев на Украине. Леон Стройновский, волынский помещик из Тарговицы, несомненно, совершил ошибку, поверив в первую амнистию с января 1874 г. и решив вернуться из Австрии, чтобы вступить во владение родительским имением, право на которое у него отобрал волынский губернатор в марте 1867 г. Однако, хотя ему и пришлось отправиться на поселение в Пензу под надзором полиции, Дондуков-Корсаков не лишил его права собственности, которым, вероятно, он смог воспользоваться после 1882 г.⁵⁰ Власти убедились в том, что гораздо выгоднее была продажа имений за долги, чем их конфискация. И хотя конфискации наносили более жестокий удар по полякам, однако наиболее эффективным оказалось поглощение имений русскими в результате внутреннего и, как считалось, позорного банкротства польских собственников. Имения банкротов должны были переходить в руки русских помещиков согласно указу от 10 апреля 1865 г.

РОССИЙСКАЯ ОДЕРЖИМОСТЬ И ПОЛЬСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ: 1875—1888 годы

Процесс поглощения имений был ускорен серией произвольных административных и правовых решений. Однако было бы ошибкой считать, что эта тихая война, сопровождавшаяся бюрократическими манипуляциями, принесла властям блестящие результаты. Противодействие этой политике в польских поместьях оказалось, несмотря на репрессии, огромным. Использование слова «война» в данном случае нельзя считать преувеличением. Начиная с 1875 г. оголтелое стремление властей завладеть землями прослеживается во всех годовых отчетах киевского, волынского и подольского губернаторов. Ежегодно, вплоть до 1914 г., в каждом из них целый параграф или, по крайней мере, значительный фрагмент посвящался количеству купленных русскими десятин и сравнению с имеющимися земельными владениями поляков. Подобный сравнительный анализ редко попадал в публикуемые официальные отчеты. Эти данные о степени русского давления на поляков предназначались для царя, а потому оставались в конфиденциальной, непубликуемой части. В то же время в результате постоянно оказываемого со стороны властей на поляков давления у

последних развилось что-то наподобие защитной реакции осаждаемых, причем до такой степени, что среди тех, кто сумел удержать в своих руках землю, распространился культ вечного права на владение землей.

Сакральный характер земельной собственности придавала угроза со стороны России. Это происходило еще во время разделов Речи Посполитой, а после Январского восстания 1863 г. приобрело также трагический оттенок. С этого времени отчина становится квинтэссенцией отчины, а среди польских помещиков Украины в последние десятилетия XIX — начале XX в. зарождается специфическая разновидность патриотизма (хотя бывало и так, что и это чувство полностью исчезало), отождествлявшего защиту отчины, земельного владения, с защитой отечества. Когда с 1882 г. в Петербурге стала издаваться на польском языке газета «Крај», финансируемая прежде всего «украинскими» помещиками, ее редакторы пытались разбудить спящую совесть своих читателей регулярными публикациями статистических данных о проданных имениях. Цензура, естественно, запрещала какие-либо комментарии, однако приводимые цифры говорили сами за себя. Уже во втором номере газеты была опубликована следующая таблица, представлявшая итоги продажи поместий за период с 1876 по 1882 г.:

Губернии	Проданные имения	Площадь (в десятинах)
Волынская	48	88 413
Подольская	28	12 613
Киевская	18	21 591
Всего:	94	122 617

Через несколько лет, в 1890 г., Михал Тшаска, корреспондент газеты на Украине, не побоялся назвать свою рубрику «Kuczc», что дословно переводится как «сжатие», в которой клеймил всех тех польских помещиков, кто продавал свои земли и тем самым способствовал уменьшению польского землевладения на Украине. Рубрика, в которой регулярно сообщалось о проводимых аукционах, стала чем-то вроде горького польского антифона, где сообщалось об очередной нанесенной ране, очередной потере, которую пришлось понести польской стороне от российской власти⁵¹.

В конце XIX в. задолженность помещиков, в частности по ипотеке, была повсеместным явлением в Российской империи. Однако положение польского землевладельческого дворянства юго-западных губерний было еще более тяжелым. Именно поэтому можно считать, что среди 2 127 911 десятин земли, заложенной в юго-западных губерниях дворянами (польскими и русскими) по состоянию на 1874 г., польская часть владений была большей. Наибольшей была задолженность в Подольской гу-

бернии (43% помещичьих земель), за ней шла Киевская губерния (39%) и Волынская (23%)⁵².

Как правило, заложенные земли продавались в первую очередь в связи с неплатежеспособностью. Процесс распада земельной собственности усугубило выданное властями разрешение на создание частных акционерных банков, которые начали дублировать работу уже существовавших ранее государственных учреждений: Общества взаимного поземельного кредита в Петербурге и Земельного банка. Эти новые организации оказались востребованы как польскими, так и российскими помещиками: в 1869—1882 гг. первые заложили здесь 598 тыс. десятин, а вторые — 689 тыс. десятин⁵³. Эти цифры — свидетельство тому, насколько сомнительный характер носили российские приобретения. В то же время они указывают на определенный парадокс: российские банки предоставляли кредиты польским помещикам. Лишь с 1885 г., после создания Государственного земельного дворянского банка в Петербурге, польским помещикам будет отказано в получении ссуд.

Впрочем, польские помещики отдавали имения под залог банкам лишь в крайнем случае. Залога или продажи земель россиянам можно было избежать с помощью целой системы обходных путей. На их действенность указывал в своем отчете царю в 1875 г. волынский губернатор М.И. Чертков, через два года назначенный генерал-губернатором. И хотя, согласно его данным, за десять лет российские владения в этой губернии увеличились с 151 имения (276 346 десятин) до 908 имений площадью 830 744 десятины в 1875 г., российским помещикам было еще далеко до польских, которым принадлежало до 1500 поместий в Волынской губернии. Если к российской собственности прибавить площадь крестьянских наделов (крестьяне в понимании Черткова были «русскими»), казенные земли, земли, принадлежавшие царской семье, и церковные владения, то общая площадь земель, находящихся в руках россиян, составляла 56%. Однако подобный способ ведения подсчетов не удовлетворил царя, который в 1870 г. заявил, что в западных губерниях земства будут введены лишь после достижения паритетного количества частных имений, а также когда российские владения будут составлять 2/3 от общего числа⁵⁴.

На протяжении десяти лет внимание царских властей концентрировалось на борьбе с мошенничеством, разоблачением подлогов и разработке новых действенных мер.

Польский земельный вопрос начал тесно переплетаться с еврейским, поскольку, несмотря на правовые предписания 1863 и 1865 годов, запрещавшие евреям арендовать землю, польские помещики продолжали сдавать ее им. Как правило, поляки отдавали земли евреям на длительные сроки — 30, 60 и даже 90 лет за высокую арендную плату, о чем официально не

заявляли. Это давало им возможность избежать продажи земель и гарантировало достаточную прибыль. Подобная незаконная аренда, хотя и в меньшем объеме, предоставлялась безземельной или малоземельной шляхте. Относительная толерантность властей объяснялась особой позицией новых русских владельцев имений, которые редко и без особого удовольствия бывали на Украине. Именно они добились 8 декабря 1867 г. смягчения запрета на аренду земли евреями. Просто-напросто невозможно было обойтись без традиционных для этих земель услуг евреев или деклассированной шляхты, если хотелось сохранить сельское хозяйство на хорошем уровне. Правда, указом от 8 декабря 1867 г. разрешалось привлекать евреев и поляков только в тех случаях, когда были нужны определенные технические навыки, — например: на мельницах, сахарных и стекольных заводах или винокуренном производстве, аренда земли при этом запрещалась, тем не менее создававшаяся двусмысленная ситуация была использована⁵⁵.

Именно этот механизм, серьезно тормозивший процесс банкротства и выставления на продажу земель поляками, к чему так стремились царские власти, стал предметом критики ультраконсервативной газеты «Киевлянин» 13 июня и 25 июля 1878 г. После этих статей губернаторы начали составлять списки поляков, обходивших закон в сговоре с евреями. В результате первого расследования было выявлено 11 таких случаев в Киевской губернии, 49 — в Волынской и 89 — в Подольской. А. Браницкий, Б. Якубовский, Т. Порембская передали в долгосрочную аренду от 600 до 5 тыс. десятин земли, при этом арендная плата была явно заниженной (от 500 до 3 тыс. рублей), — царские чиновники увеличили ее в пять, а то и в десять раз. Однако это было лишь началом разворачивавшейся кампании. 12 февраля 1879 г. киевский губернатор объявил еще о 215 случаях нарушений в своей губернии, которые — верх парадокса — были официально зарегистрированы в нотариальном порядке⁵⁶. В отчете царю за 1878 г. губернатор подчеркивал, что евреи сдавали эти земли в субаренду крестьянам, требуя, кроме платы, еще и отработок⁵⁷.

Подобные случаи стали одним из источников нараставшего из года в год антисемитизма. В отчете за 1878 г. волынский губернатор писал: «Преобладающий в губернии еврейский элемент [? — Д.Б.] успел захватить в свои руки под видом долгосрочных аренд и разных сделок значительную долю имений преимущественно от землевладельцев польского происхождения, что отзывается неблагоприятно на экономическом состоянии края...» Он подчеркивал, что именно на евреях лежала ответственность за бедность в селах и местечках, где они продавали спиртное, избегая уплаты прямого налога⁵⁸.

Именно в эти годы в официальный язык царской администрации вошла формулировка «польско-еврейский заговор».

Министр внутренних дел, обеспокоенный фиктивностью частных залогов, обратил внимание волынского губернатора на незаконность сделки графа Красицкого, который отдал под залог свое имение на очень длительный срок поляку из Привислинского края, подняв цену на него в три раза, чтобы тот не мог его приобрести. Таким образом, продажа не состоялась, а постоянный доход был гарантирован помещику⁵⁹. Расследование, проведенное в двух соседних губерниях, показало по состоянию на 19 декабря 1878 г. еще немало подобных случаев. В этой ситуации слова заверения волынского губернатора Александру II в 1879 г. звучат как нескрываемая лесть: «Кто знал Волынь назад тому 17 лет, уже теперь не признает в ней той опояченной Волыни, какой она была в то время...» Его подольский коллега был ближе к правде, когда сообщал царю: «С глубоким прискорбием я должен отметить, что заботы Правительства об усилении русского землевладения в Западном крае в истекшем году принесли мало плодов. Самое незначительное количество земель перешло в русские руки от польских владельцев». Подольский губернатор традиционно указал на случаи нарушения указа 1865 г., покупку новых земель по подложным документам и союз поляков с евреями. Он также подчеркивал, что 5%-ный налог не был обременительным, т.к., несмотря на него, доходы росли, а количество разоренных семей уменьшилось. Кроме того, по его мнению, русские не спешили покупать украинские земли, где «их ожидает только несочувственный прием и дурно скрытая враждебность». В связи с этим он предлагал то, над чем уже задумывались его коллеги, а именно усилить предпринятые в 1865 г. меры и разработать новые ограничения⁶⁰.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг., оказавшая сильное негативное влияние на весь Юго-Западный край, не способствовала принятию энергичных мер со стороны властей. Однако уже в 1880 г. в отчетах губернаторов вновь появляется тема евреев и вечного польско-еврейского заговора. Еврей-пугало, который в крупных городах ассоциировался с призраком социализма и революцией, превратился в козла отпущения, виновного во всех бедах империи, в том числе в крестьянском вопросе. Волынский губернатор не находил слов, чтобы заклеить всех арендаторов мельниц и корчем в польских имениях (русские он забыл упомянуть), этих рассеявшихся по всем селам кровопийц простого люда, отнимавших у них последнее. В Волынской губернии насчитывалось 270 967 человек, т.е. 1/8 часть населения. Губернатор отвел несколько страниц описанию паразитического способа их существования, унаследованного от поляков. Он указывал на то, что они сосредоточили в своих руках торговлю древесиной, бездумно вырубали леса, контролировали пункты сплава, отвечали за снабжение деревом всех заводов и железных дорог. 7 октября 1881 г. Александр III, который пришел на смену убитому отцу 1 марта, записал на по-

лях отчета: «Весьма желательно решить этот вопрос скорее». В это время в Киеве действовало Еврейское эмиграционное общество, которое распространяло на древнееврейском и русском языках анкеты для желающих выехать в Америку⁶¹.

Антисемитская кампания в скором времени достигла апогея в Петербурге, где были изданы «майские законы» 1882 г. Хотя эти законы невозможно было провести в жизнь, они свидетельствуют об ожесточенности их вдохновителей: обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева, советника нового царя, и министра внутренних дел Н.П. Игнатьева. Отныне евреям запрещалось селиться в сельской местности (это не касалось тех, кто уже там проживал), они могли жить лишь в городах. Это, впрочем, не отличалось от выселений из сел, предусмотренных в начале XIX в. «Еврейским комитетом», в котором заседал, как мы помним, Адам Чарторыйский. Целью этих распоряжений было превращение местечек в гетто. Контракты по аренде земли у помещиков признавались согласно указу от 3 мая 1882 г. недействительными, разрешалась лишь аренда помешений в городах, что было призвано разорвать какие-либо связи евреев с помещиками. Были подготовлены специальные типовые формуляры для русских, купавших имения, в которых они обязывались не продавать, не закладывать, не арендовать и не отдавать земли в управление полякам и евреям. Однако кроме них найти кого-либо еще было невозможно. Даже богатые крестьяне сдавали землю в аренду евреям, а польские помещики продолжали заключать с ними противозаконные соглашения на польском языке, приносявшие немалую выгоду⁶².

Ситуация оставалась неподконтрольной властям. Изначальное намерение вытеснить крупных польских землевладельцев привело к массовым нарушениям законов, бороться с которыми оказалось еще труднее, поскольку и новые русские помещики также были заинтересованы в том, чтобы обойти их. Подольский губернатор, констатируя «незначительность» земельных угодий, приобретенных русскими в течение 1879—1882 гг. в своей губернии (16 317 десятин), в то же время отмечал, что аренда стала более выгодной. Имения, которыми управляли не непосредственные владельцы (русские или польские помещики), составляли 1/5 всех помещичьих владений, а основные арендаторы, евреи, платили от 2,6 до 7 рублей за десятину, раздавая земли в субаренду безземельным или малоземельным крестьянам и зарабатывая на этом вдвое больше⁶³.

Несколько случаев привлечения к ответственности свидетельствуют скорее о растерянности властей, чем о систематически проводимой ими политике. 12 января 1882 г. поступил донос на нотариуса из Ковеля. В этот же день волынский губернатор сообщил генерал-губернатору, что поль-

ский помещик Пшечецкий* через подставное лицо, а именно через русского помещика Дидковского, купил в 1877 г. с. Швабы у Юлии Петровской. Разрешение на покупку, полученное русским, теперь было аннулировано⁶⁴.

Подобная пробуксовка грандиозного проекта и бессилие в его реализации не могли устроить энергичного генерал-губернатора А.Р. Дрентельна, который перед тем, как в 1881 г. на долгие семь лет возглавить три губернии, был в 1878—1880 гг. шефом жандармов и главным начальником Третьего отделения. Собрав точные сведения, Дрентельн приступил к написанию «Записки о землевладении в Юго-Западном крае», которую послал министру внутренних дел вместе с донесениями о нарушении законов 1863—1865 гг. и планом необходимых мер. 11—18 декабря 1884 г. Комитет министров обсудил этот вопрос. Лишь голос Н.К. Гирса, министра иностранных дел, в общем одобрительном хоре прозвучал диссонансом. Он заметил, что не верит в действенность новых репрессивных мер против населения, вина которого не совсем ясна. По мнению министра, борьба против передачи земли в аренду принесла бы в будущем больше вреда, чем пользы. Он также выступил против главной идеи Дрентельна, заключавшейся в создании специальной комиссии по выявлению мошенничества и подозрительных сделок по уездам. Он задал риторический вопрос о том, зачем таким образом властям было сознаваться в том, что на протяжении 20 лет государство было бессильно, вместо того чтобы ввести в жизнь ранее принятые и верные законы. Этим он прямо разоблачал инертность царской администрации и очевидную правовую несостоятельность проекта Дрентельна. По его мнению, если и стоило идти на принудительные меры, то в отношении немцев, которых на Волыни становилось все больше. В журнале Комитета министров вопрос немецкой колонизации трактовался в резких тонах. Д.А. Толстой, на тот момент министр внутренних дел, увидев, что проект его протее вызвал нападки, предложил Дрентельну приехать из Киева для участия в его обсуждении Комитетом 12 декабря 1884 г. В конечном счете проект был принят министерским ареопагом, а 27 декабря 1884 г. утвержден Александром III⁶⁵.

Основная цель заключалась в том, чтобы заставить польских помещиков продать земли, разорвав долгосрочные арендные договоры и залогов. В 9 западных губерниях аренда была ограничена 12 годами, а залог — десятью.

Русская пресса пророчила близкую победу. «Неделя» торжествовала: в конце концов, на западе империи будут продаваться большие площади земли, которая продолжала дорожать в связи с развитием сети железных

* Возможная транскрипция фамилии — Пржецецкий. (Прим. пер.)

дорог. «Новое время» приводило данные Дрентельна о фиктивных операциях на юго-западе, в которых принимали участие и «неистинные» русские патриоты: 84 человека дали полякам возможность приобрести 34 988 десятин земли, а 123 помогли евреям купить 71 080 десятин⁶⁶. В номере за 13 января 1885 г. «Киевлянин» смаковал каждое слово в указе от 27 декабря, в котором «успешное развитие и прочное водворение русского землевладения» представлялось царю необходимым на западе империи. Особую радость газеты вызвало положение о ликвидации на протяжении года через суд имений, принадлежащих помещикам, постоянно нарушавших закон. Редактор Д. И. Пихно заявил, что подобные законы должны заставить задуматься сторонников польской тенденции и доказать непоколебимость национальной политики властей. Всеобщий энтузиазм несколько остудила киевская газета «Заря» (издававшаяся с 1880 г.). 6 февраля 1885 г. она сообщила, что упомянутый указ, не имея обратной силы, не учитывал уже заключенных контрактов и залогов. Между двумя киевскими газетами разгорелась полемика⁶⁷. Высокопоставленные царские чиновники также были не согласны с внедрением указа, несмотря на дополнительные разъяснения, принятые 26 января 1885 г. Сенатом по подсказке Дрентельна, где предусматривалось аннулирование или пересмотр всех выданных ранее разрешений на покупку. Как это все следовало понимать? Толстой пытался доказать резонансность такой идеи, заверяя Дрентельна в поддержке. Виленский генерал-губернатор И. С. Каханов, вероятно из зависти к своему инициативному киевскому коллеге, в пренебрежительном тоне отзывался об этих мерах и не спешил проводить предусмотренную проверку, на которой Дрентельн 18 марта 1885 г. настаивал, добавляя, что можно заодно пересмотреть и разрешения, выданные чешским и немецким колонистам. В ответ Каханов отписал, что польские дела он всегда решал без помощи Петербурга (в этом месте на полях возмущенный Дрентельн поставил восклицательный знак) и что в целом он мало верит в это мероприятие: «...оно никогда не достигнет цели и не устраним недоразумений»⁶⁸.

Дрентельн не ожидал подобного отношения к собственному проекту, потому опять обратился к Толстому. Он так же, как и редактор «Киевлянина», считал необходимым проведение какой-нибудь крупномасштабной операции в духе Бибикова, в результате которой были бы признаны недействительными все земельные сделки, заключенные поляками, евреями, немцами, чехами и даже русскими начиная с 1865 г. Действительными же следовало признать лишь те сделки, которые заключались русскими и при этом не вызывали подозрений.

Каким же было его разочарование, когда из ответа Толстого он понял, что ему не стать Бибиковым второй половины XIX века. Министр опустил руки и признал, что указ вместе с разъяснениями не предоставляется воз-

можным исполнить. В свою очередь, Коханов писал, что наступление на иностранных колонистов могло бы вызвать дипломатические осложнения, проверить же всю массу разрешений на покупку земли за прошлые годы ему представлялось совершенно нереальным. Виленский генерал-губернатор подчеркивал, что губернаторы северо-западных губерний, как и их юго-западные коллеги, выдали в форме исключений столько разрешений (и заметим, получили столько взяток), что подобная проверка могла ими восприниматься как направленная непосредственно против них самих⁶⁹.

В связи с этим министр внутренних дел просил контролировать по крайней мере новые сделки и еще раз направил печатный образец разрешения, действительный для всех западных губерний, а также образец обязательства покупателей не перепродавать землю полякам и евреям, не отдавать ее в аренду и т.п. 13 декабря 1885 г. Каханов позволил себе вызывающим образом проинформировать Дрентельна о том, что он не считал необходимым внедрять в своих губерниях положения Сената, которые могли бы быть восприняты как нововведение (!), и что он ограничился просьбой к губернаторам предоставить список имений, находящихся под контролем согласно указу от 27 декабря 1884 г.

Однако Дрентельн не отступил и впоследствии все-таки добился своего, применив указ в трех подвластных ему губерниях, где в течение 1885 г. рыские губернаторы обнаружили новые многочисленные доказательства польско-еврейского сговора и дьявольских уловок поляков, желавших обойти закон. 21 июня 1885 г. волинский губернатор послал материалы расследования, проведенного исправником из Ковеля, обнаружившим в своем уезде 14 помещиков-аферистов. Одни (среди них было много помещиц) передали свои имения арендаторам на 36 лет, причем арендная плата была очевидно заниженной, что вызывало подозрение о существовании тайных договоренностей; другие, поляки из Галиции и Привислинского края, злоупотребляя своим австрийским или немецким гражданством, договорились с польскими помещиками Украины о продаже или аренде земли⁷⁰. Такие случаи подтверждали верность намерений упрямого генерал-губернатора проверить все совершенные ранее сделки. Он неоднократно повторял мысль о необходимости создания повсюду комиссий по расследованию злоупотреблений, обосновав ее в длинной докладной записке Толстому 26 января 1886 г.

Между тем в Комитете министров росло влияние Коханова, который настаивал на необходимости в первую очередь защищать интересы русских, которые уже поселились в западных губерниях империи и могли оказаться в безвыходном положении, если им запретить брать в управляющие поляков или евреев. В этой ситуации Толстой придержал проект Дрентельна и ознакомил с ним министра юстиции и царя лишь в августе.

Кроме того, уже в марте он вместе с Кахановым стал убеждать киевского генерал-губернатора смотреть сквозь пальцы на новые злоупотребления и дать землевладельцам 12-летний «переходный период», чтобы «помочь» русским помещикам, которые находились в «тяжелом» положении. Они также обращали внимание на то, что изгнание еврейских и польских арендаторов вызовет нежелательное засилье немцев⁷¹.

Несмотря на это, 22 сентября 1886 г. Дрентельн опять защищал свою идею о проведении полной ревизии всех заключенных соглашений и арендных контрактов. Однако поскольку в течение двух лет с момента принятия указа ничего так и не удалось осуществить, Александр III поддержал мнение Комитета министров и принял решение, которое показывает всю несостоятельность и нерешительность царской администрации. С этого времени виленский и киевский генерал-губернаторы получали право (как и губернаторы во всех губерниях) решать, что следовало считать злоупотреблением. Высылая 1 ноября 1886 г. напечатанный по этому поводу указ Дрентельну, Толстой стремился избежать попыток втянуть правительство в решение этого вопроса. 2 декабря он разъяснял, что любое разрешение на покупку земли и аренду, полученное русским или каким-либо другим покупателем до 27 декабря 1884 г., может быть аннулировано, при этом окончательное решение находится исключительно в ведении губернаторов и генерал-губернаторов.

Таким образом, можно смело сказать, что генерал-губернаторам давался карт-бланш. Киевский генерал-губернатор получил возможность развернуть широкую деятельность комиссии по расследованию злоупотреблений, к которым в Киеве был еще добавлен особый стол, подчинявшийся жандармскому отделению. На протяжении долгих лет, еще в начале 1900-х гг. и позднее, этот орган вел, несмотря на всю активность, малопродуктивную деятельность. Начиная с 1885—1886 гг. было накоплено огромное количество дел, посвященных преимущественно анализу соглашений о предоставлении аренды евреям с целью выявления нарушений⁷², однако достаточно быстро стало очевидно, что обойти закон можно было легко, зато аннулировать сделку — крайне сложно. Вскоре роль комиссий ограничилась до выборочного контроля, суть которого сводилась к запугиванию. Отчеты губернаторов за 1887 г. подтвердили, что в итоге гора родила мышь. Правда, Дрентельн заслужил у некоторых коллег репутацию неуступчивого защитника закона. В январе и мае 1887 г. минский и могилевский губернаторы обратились к нему за советом в связи с этой замечательной, на их взгляд, идеей. Но его канцелярия смогла лишь сообщить, что к тому времени удалось поставить перед судом «всего» 30 помещиков. Министр внутренних дел, со своей стороны, признал, что и в северо-западных губерниях Коханов не достиг большего: 86 нарушивших

закон помещиков было обнаружено в шести губерниях. Однако немногие из них предстали перед судом, поскольку, несмотря на то что власти постоянно твердили о необходимости искоренения польско-еврейского преобладания и усиления русского элемента, они понимали, что подобные конфискации приведут к разорению не только польских, но и коснуться слишком многих русских помещиков. Наказание признавалось неадекватным нарушением, поэтому шла речь прежде всего о психологическом давлении, усилении террора, ответом на который становилось еще большее увеличение махинаций в земельном вопросе⁷³.

ИТОГИ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ К КОНЦУ ВЕКА

Идею, давшую новый импульс распространению русского землевладения в западных губерниях, выдвинул министр внутренних дел. Раздраженный неизменным преимуществом поляков на Украине, он обратился 9 декабря 1887 г. к Дрентельну с запросом о его отношении к методу, который в этот раз мог бы принести желаемый результат. В письме, написанном с виду в легкой тональности, министр интересовался, кажется ли генерал-губернатору «нормальной» практика записи польских имений в пожизненное владение и отвечает ли это желанию правительства расширить русское землевладение в этом регионе. Дрентельн с радостью откликнулся на это предложение. По его мнению, было не только необходимо и полезно изменить законы в этой области, но также стоило модифицировать законодательство о наследстве и завещании⁷⁴. Вот только Дрентельну не удалось дождаться реализации этой блестящей идеи: во время смотра войск в июле 1888 г. с ним случился апоплексический удар, генерал упал с коня и вскоре умер.

Прежде чем проследить осуществление этой идеи его преемником А.П. Игнатьевым (не путать с Н.П. Игнатьевым, прежним министром внутренних дел), стоит вспомнить о еще одном важном мероприятии. Как известно, царствование Александра III было ознаменовано многочисленными инициативами, направленными на укрепление престижа российского дворянства, оплота царизма в борьбе с подъемом революционного движения, анархизма, социализма и т.п. Сохранение дворянского наследства в пору, когда под топор нуворишей было пущено столько «вишневых садов», оказавшихся в их собственности, стало первоочередным предметом забот властей⁷⁵. Одним из важнейших решений, направленных на приостановку продажи имений в России, стало создание 21 апреля 1885 г. по личному указанию царя Дворянского земельного банка с капиталом в 100 млн рублей, тесно связанного с Министерством финансов. Считая отношение частных банков одинаково толерантным как к польским, так и

к русским помещикам, виленский генерал-губернатор Каханов 31 мая обратился к министру внутренних дел с предложением, чтобы новое банковское учреждение не предоставляло ссуд лицам, не имеющим права покупать землю. Этот ясный эвфемизм был прекрасно понят. Каханов выражал радость по поводу того, что принятые против обнищания дворянства меры дадут землевладельцам возможность закрепиться в имениях и тем самым лучше служить родине. Однако он отмечал, что подобные меры не должны распространяться на польское дворянство и способствовать его процветанию, поскольку цель всех предыдущих шагов заключалась в уничтожении верховенства «польского элемента» в среде крупных землевладельцев. Предоставление же им кредитов Дворянским банком, по мнению Каханова, могло бы «парализовать» всю акцию. В связи с этим следовало поддерживать лишь русских, а в западных губерниях предоставлять кредиты только вновь прибывшим.

Простота замысла очень понравилась царю, и 25 сентября 1885 г. он издал соответствующий указ. 24 октября руководство Дворянского банка информировало киевского генерал-губернатора, что ссуды будут предоставляться лишь после предъявления документов на право покупки земли в западных губерниях⁷⁶. Однако польское дворянство располагало значительными финансовыми возможностями, позволявшими ему противостоять в объявленной властями войне, суть которой сводилась к постоянному контролю, придирам и ограничениям. Затягиваемый корсет ограничений вызывал адекватную реакцию в поведении польского дворянства. Мы еще вернемся к обсуждению его образа жизни и идеологии в новых условиях. Пока же отметим, что в условиях давления со стороны российской власти каждая десятина земли превращалась для поляков в ставку как в экономической, так и политической борьбе и заключала в себе глубокое символическое значение. В подобной ситуации нельзя было избежать эгоистических тенденций, свойственных любому подавляемому сообществу. Роман Рогинский, автор «Дневников Романа», рассказывает о трудностях возвращения в родную среду тех, кто, как и он, приехал из Сибири после амнистии Александра III через 20 лет после восстания, когда родовое имение, если, конечно, оно не было конфисковано, оказалось уже разделенным между наследниками. Перед владельцем паспорта с отметкой «бывший мятежник» или «бывший каторжник» закрывались многие двери. По горькой иронии судьбы автор упомянутых дневников смог найти работу лишь в имении, купленном на Украине его бывшим сибирским тюремщиком, генералом фон Ностицем.

Подобные истории вызывали бурную радость в русофильской прессе Украины. Газета «Крај» без комментариев, как молчаливый упрек своим польским читателям, перепечатала статью из российской газеты «Волянь»,

в которой сообщалось, что, глядя на гордую и спесивую осанку, надетые набекрень шапки, смелый вид, который пытались напустить на себя поляки, возвращавшиеся в западные губернии после манифеста 15 мая 1883 г., нельзя было не заметить их расчета на восторженную реакцию польского общественного мнения. Однако каково же было их разочарование, когда оказалось, что их родственники были явно недовольны неожиданным возвращением сонаследников и пытались отстранить их с помощью адвокатов, лишивших их последней надежды на получение части родительского наследства. По мнению газеты «Волянь», это привело к тому, что бывшие ссыльные начинали с уважением вспоминать далекую и холодную, но приветливую и богатую Сибирь, а некоторые спешили туда вернуться. Те же, кто оставался, теряли мужество, ища любой работы, они мечтали найти возможность скрыться как можно дальше от родины, так жестоко их разочаровавшей⁷⁷.

Среди русских, осевших на Украине, было немного тех, кто действительно чувствовал призвание и был готов к исполнению возложенной на него национальной миссии. По собственному признанию генерал-губернатора, он крайне редко получал письма от соотечественников с поддержкой или выражением нетерпения из-за слишком медленного расширения русских имений в том или ином уезде. В качестве такого примера он смог привести только письмо волянского помещика от 28 декабря 1887 г., сетовавшего на то, что после 1865 г. в Луцком уезде было куплено всего 27 польских имений. Вместе с купленными ранее это составляло 68 российских имений при 181 польском. В то же время автор письма осуждал русских помещиков за то, что те предпочитали вести легкую жизнь в столицах за счет прибылей с аренды, и подчеркивал, что 115 польских помещиков живут в своих имениях, в то время как его примеру следует всего 19 российских⁷⁸.

Подобного рода озабоченность находила естественный отклик в годовых отчетах губернаторов царю. Подольский губернатор не был удовлетворен количественным перевесом русских помещиков в своей губернии, где по состоянию на 1888 г. на 3698 помещиков уже приходилось всего 1450 поляков. В губернии, которую царь называл «садом России», губернатора больше всего беспокоили размеры имений, а не их количество. Из общей площади частных земель (1 875 538 десятин) в собственности поляков находилось еще 1 068 962 десятины, т.е. 57% всех земель. Это означает, что в их руках были сосредоточены наиболее крупные и престижные имения. В среднем на одного польского помещика в Подольской губернии приходилось 737 десятин, в то время как на русского — чуть более 358. Попытки губернатора представить в качестве результата русской колонизации крестьянские участки, выкупленные после 1882 г. с помощью Крестьян-

ского земельного банка, выглядели смехотворно: в 1887 г. было выкуплено 16 тыс. десятин, а в 1888 г. — всего 2376 десятин, уже не говоря о том, что не был лишен лицемерия сам факт представления «малороссийского» крестьянства в качестве «русского». В заключительной части отчета проводился уже привычный итог: «В отношении польского вопроса и в движении латинно-польской пропаганды никаких изменений к лучшему не замечено...» Наиболее сложной ситуация представлялась губернатору в земельном вопросе, где продолжали главенствовать поляки⁷⁹.

Польские помещики, по крайней мере те из них, кто не оказался в затруднительном положении, испытывали к русским помещикам нескрываемое чувство пренебрежения из-за их жалкой неуклюжести, их считали «чужаками», «держателями имений» (*posiadaczy majątków*), поскольку «помещиками [*ziemieńcami*] их ни в коем случае назвать было нельзя». В свою очередь, русские землевладельцы вместо того, чтобы вести себя, как подобает завоевателям, старались, согласно польским мемуаристам, добиться расположения тех, кого российская власть мечтала изгнать, поскольку им нравилась польская культура, традиции и чувство уверенности, которую давали полякам четыре века связи с украинской землей. Вацлав Подхорский в своих воспоминаниях писал: «Это они добивались того, чтобы бывать в наших домах, и вели себя, как собаки в чужом дворе». Кроме того, этот автор считает, что сохранение дистанции в отношениях с русскими помещиками было проявлением патриотизма польских землевладельцев, чем они отличались от угодливых польских помещиков Галиции, преданных венскому трону⁸⁰. Подхорский приукрашивает действительность: польские помещики на Украине осознавали степень дарованных в Галиции свобод (они охотно посылали детей на учебу в Краков, где и сами с удовольствием бывали на приемах и банкетах), а кроме того, полностью избежать низкопоклонства перед царскими властями было просто невозможно. Поэтому в действительности, несмотря на взаимную неприязнь и разного рода распри на культурно-патриотической почве, польских и русских помещиков все больше объединяли общие экономические интересы.

Еще задолго до того как объединиться в связи с угрозой крестьянских и революционных волнений 1905—1906 гг., русские и польские помещики начали общаться в рамках сельскохозяйственных обществ, расцвет которых приходится на 1880-е гг. И хотя во главе этих обществ в обязательном порядке стояли русские, имели место даже совместные попытки получения кредитов. Задолженность как русских, так и польских помещиков, несмотря на создание Дворянского банка, была зачастую катастрофической. В 16, 19 и 21 номерах «Киевлянина» за 1890 г. был опубликован неосуществленный, но очень примечательный проект создания Общества

взаимного кредитования в Киеве, доступного для всех помещиков юго-западных губерний «без разницы сословия и происхождения». В газете «Крај» Игнацы Лиховский подчеркивал, что подобный банк дал бы возможность избежать дальнейшего банкротства, потому что частные банки получали большие прибыли, беря по 15—20%, и «до этого времени набивали без зазрения совести свои карманы»⁸¹.

Борьба за имения была связана для российских властей прежде всего с политическими и административными целями. Зачастую она приобретала маниакальный характер, когда ради увеличения русской земельной собственности использовался каждый случай разоблачения «заговора» или «польской интриги». Например, в 1887 г. К.П. Победоносцев советовал Александру III проследить за тем, чтобы ограничить количество поляков, покупающих имения в Смоленской губернии. Хотя это была русская губерния, на которую не распространялся запрет на приобретение земель, однако, по его мнению, ее близость к бывшим польским землям делала ее крайне привлекательной для поляков. Беспокойство царского советника вызвала покупка поместья Борек Робертом Ледницким, отцом Александра Ледницкого, впоследствии известного московского адвоката. По его мнению, появление польской собственности вблизи Катынского леса, в верховьях Днепра, напоминало о польском присутствии в этих землях в XVI—XVII вв.⁸² В XX в. польское присутствие в том же месте стало общеизвестным по другим причинам.

Однако все эти меры отходят на второй план по сравнению с деятельностью киевского генерал-губернатора на протяжении 1889—1897 гг. Сразу после своего назначения А.П. Игнатьев решил пойти дальше своего предшественника, Дрентельна, и приказал трем губернаторам составить итоговый документ о состоянии польского землевладения на Правобережной Украине. Эти данные дают историку подробную и ценную информацию о состоянии польского землевладения на 1890 год. Хотя представленная информация носит промежуточный характер, однако это своего рода «Who's who» поляков того времени, поскольку вплоть до 1914 г. более полного документа составлено уже не будет. Представленные данные являются достоверными. Документ был составлен на основе налоговых реестров согласно единому образцу для всех трех губерний. В нем содержится информация об имени (или именах, если земля находилась в совместном владении) землевладельца, названии имения и сел, в него входящих, а также о его размере с выделением пахотных земель, лесов и пустошей⁸³. На Правобережной Украине в это время насчитывалось всего 3386 польских имений, которые распределялись по губерниям в числовом и процентном соотношении следующим образом:

Киевская губерния	837	24,72%
Подольская губерния	1257	37,12%
Волинская губерния	1292	38,16%

В пределах одной и той же губернии плотность польских имений была неодинаковой, что показано на графиках, относящихся к схеме А.

Эти данные показывают прежде всего малочисленность польских помещиков Правобережной Украины по сравнению с миллионами украинцев и миллионом евреев.

Однако земельная собственность этой группы обратно пропорциональна ее количеству. На основании упомянутых данных был произведен подсчет площади польских владений по уездам, представленный в графиках схемы Б.

(Географическое распределение этих земельных владений показано на карте 3.)

Общая площадь польских имений в трех губерниях составляла в указанное время 3 090 269 десятин. Сравнительный анализ по классификации имений будет проведен ниже, пока же констатируем значительные региональные расхождения. В Васильковском уезде, который занимает в Киевской губернии самую нижнюю отметку, было всего 11 землевладельцев, при этом большая часть земель была сконцентрирована в руках одной семьи — Браницких. Ровенский уезд Волинской губернии — первый по количеству принадлежащих полякам земель — обязан этим всего лишь горстке семей — таких, как Плятеры, Радзивиллы, Любомирские, Стецкие, Урбанские, Янковские, Рыбчинские, Понинские, Прушинские, Малыньские, Зеленские, чьи имения, расположенные в основном в лесной зоне, нередко превышали 10 тыс. десятин. Интересно взглянуть на размеры имений по губерниям, выделив большие польские латифундии. Количество польских имений, учтенных по критерию их площади (в десятинах), в 1890 г. было следующим:

Количество земли в десятинах	Киевская губерния	Подольская губерния	Волинская губерния	Всего	Количественное и процентное соотношение	
менее 100	176	377	181	734	734	21,68%
от 100 до 200	91	148	204	443	1175	34,70%
от 200 до 300	58	99	130	287		
от 300 до 400	56	74	105	235		
от 400 до 500	52	73	85	210		
от 500 до 600	43	61	73	177	677	19,99%
от 600 до 700	56	49	60	165		

(продолжение на с. 609)

**Схема А. Количество польских имений по уездам
трех юго-западных губерний в 1890 г.**

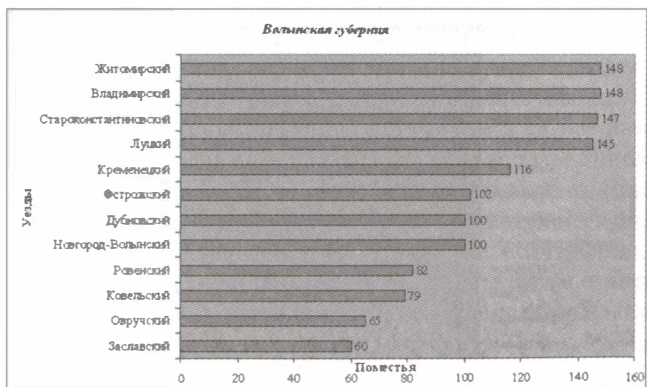
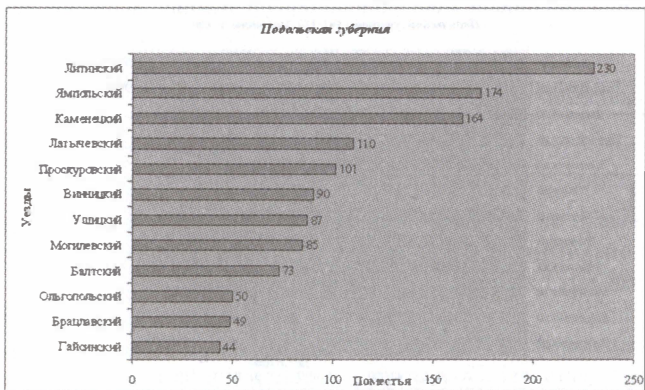
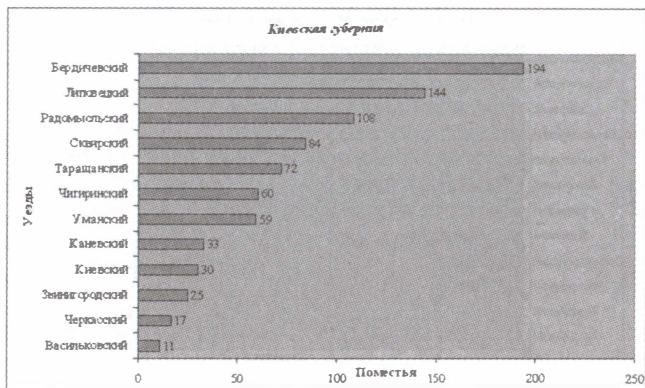
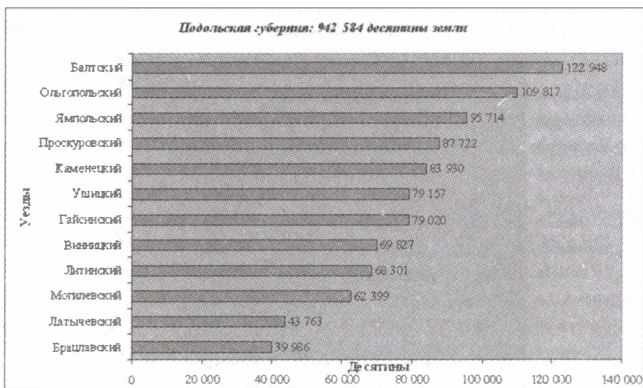
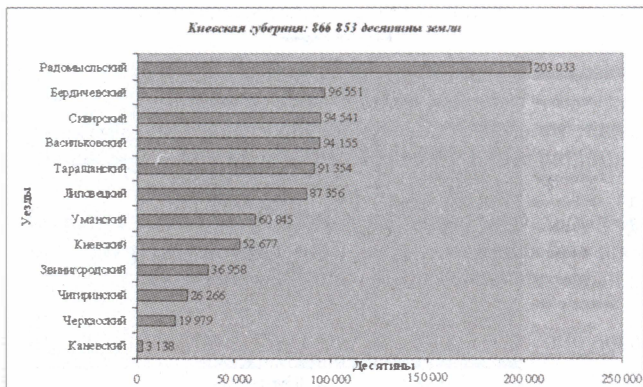

Схема Б. Площадь земель, находящихся в собственности польских помещиков по уездам трех юго-западных губерний в 1890 г.

от 700 до 800	39	47	44	130		
от 800 до 900	31	45	42	118		
от 900 до 1000	29	30	28	87		
от 1000 до 2000	132	155	192	479	717	21,18%
от 2000 до 3000	33	41	63	137		
от 3000 до 4000	14	23	29	66		
от 4000 до 5000	4	15	16	35		
от 5000 до 10 000	11	16	24	51		
от 10 000 до 15 000	6	3	10	19	83	2,45%
от 15 000 до 20 000	1	1	2	4		
от 20 000 до 25 000	—	—	1	1		
от 25 000 до 30 000	4	—	2	6		
от 30 000 до 80 000	1	—	1	2		
Всего	837	1257	1292	3386		

Представленные данные в упрощенном виде можно разделить на три группы:

менее 300 десятин	1464 имения, или 43,24% польских поместных земель
от 300 до 1 тыс. десятин	1122 имения, или 33,13% земель
от 1 тыс. и выше	800 имений, или 23,63% земель

Следует также отметить, что количество имений, не превышавших 100 десятин, было по сравнению с остальными сравнительно небольшим — 734, тогда как количество имений, превышавших 1 тыс. десятин, — достаточно значительным — 800.

В конце января 1891 г., вооружившись приведенными данными, подразумевавшими масштаб предстоящей работы, А.П. Игнатьев отправился в Петербург для участия в заседании Комитета министров. В повестке дня стояло обсуждение проекта, предложенного Дрентельну Толстым еще за два года до этого, а именно введение запрета на право передачи земли в пожизненное пользование, что часто использовалось как возможность избежать неминуемой продажи имения русским в случае разорения. Смерть Дрентельна, замена Толстого И.Н. Дурново во главе Министерства внутренних дел, а также нерешительность Сената надолго задержали введение этих мер. Сперва Сенат не видел ничего необычного в пожизненной ренте, однако Дурново настаивал на ее отмене, подчеркивая, что это «могло бы оказаться не отвечающим видам правительства относительно польского землевладения», после чего Сенат послушно объявил пожизненную ренту противоречащей указам от 10 декабря 1865 г. и 27 декабря 1884 г.⁸⁴

Не забывая о намерениях своего предшественника, Игнатъев не только не ограничился одобрением данного мероприятия, которое привело к новой волне принудительной продажи земли русским, но и дальше продолжил работу над его расширением, стремясь максимально ограничить право передачи земли в наследство по завещанию.

Русская пресса помогала Игнатъеву изо всех сил, подчеркивая, что невозможно вводить земства, пока русское землевладение не достигнет желаемого уровня. По мнению «Нового Времени» и «Вольности», создание земств привлекло бы русских помещиков в губернии, где и до этого времени продолжали господствовать польские и еврейские арендаторы, а русских практически не было. Газета «Киевлянин» ради того, чтобы добиться от местных властей разрешения на введение земств в 1889 г., даже занизила количество имений, указывая на то, что поскольку в Киевской губернии всего 630 польских поместий, то уже возможно приступить к созданию земств⁸⁵. Под влиянием подобных фантазий, свидетельств синдрома постоянной ненасытности, Игнатъев 2 мая 1891 г. обратился к Дурново с первым предложением. Возмущаясь тем, что «сравнительно ничтожное по численности население польского происхождения, которое благодаря своему имущественному положению, своей сплоченности и патриотическим традициям представляет силу, парализующую все мероприятия правительства к обрусению края», и не сомневаясь, что «время разрешит этот вопрос в смысле окончательного поражения польского преобладания согласно мысли Его Величества», генерал-губернатор указывал на несовершенство действовавшего законодательства и предлагал с этого времени запретить выкупать части наследства одному и тому же наследовавшему лицу⁸⁶.

Истинный смысл данного предложения будет понятен, если вспомнить, что в 1891—1895 гг. комиссия, созданная А.А. Абазой для поднятия престижа русского дворянства, предусматривала совершенно противоположные меры. В Петербурге очень долго и безрезультатно обсуждали проект, направленный на создание майоратов, крупных неделимых имений, которые бы завещались старшему сыну⁸⁷. Запрещение такого типа завещаний среди поляков, где это как раз было распространенным явлением, и внедрение среди русских, которые до этого времени ничего подобного не практиковали, указывает на рассчитанное и последовательное стремление ущемить польское дворянство.

В марте 1891 г. был издан указ, направленный преимущественно против нескольких крупных польских землевладельцев, чьи владения распространялись также на австрийскую и прусскую части бывших земель Речи Посполитой. Отныне право владеть землей на территории Российской империи получали только ее подданные. Это вызвало волну паники. Са-

мые богатые поляки, сделавшие карьеру в Австро-Венгерской империи, но владевшие землями в юго-западных губерниях, вернулись, чтобы получить российское подданство и сохранить свои имения. Наиболее характерным является пример графа Юзефа Потоцкого, сына Альфреда Потоцкого, наместника Галиции и Лодомерии (как официально называлась эта австрийская провинция) в 1875—1883 гг., который осел в Волынской губернии после аудиенции у царя. Вполне понятно, он не хотел, чтобы его владение постигла судьба огромных несвижских владений Радзивиллов в Белоруссии и Литве, унаследованных княгиней М.Л. Гогенлое и конфискованных из-за нежелания ее троих сыновей стать российскими подданными. Не исключено, что именно такими мотивами можно объяснить немного позднее парадоксальную политическую позицию галицийских наместников: Леона Пининского (1899—1903) и Анджея Потоцкого (1903—1908), поддерживавших русофильское (москвофильское) течение среди русинского населения Галиции, а не сторонников русинско-украинской автономии.

Болезненным ударом для поляков стала продажа имения Дунаевка в Подольской губернии, в котором провел свое детство известный поэт-романтик Зигмунт Красинский. В связи с этим варшавская газета «Gazeta Narodowa» заявила, что Скибневский, последний владелец имения, совершил преступление, продав его русскому покупателю. В защиту продавца выступила газета «Крај», доказывавшая, что у него, как австрийского подданного, не было иного выхода⁸⁸.

Игнатъев обратился к своему виленскому коллеге И.С. Каханову с просьбой поддержать проект о запрете не делить крупные имения, что тот и сделал в записке министру внутренних дел от 5 марта 1892 года. Он писал, что и в северо-западных губерниях также необходимо стремиться к дроблению имений, которые поляки пытались сохранить за одним владельцем. Заручившись поддержкой Каханова, который переслал Игнатъеву копию своей записки, генерал-губернатор юго-западных губерний начал действовать, не дожидаясь согласия Петербурга. 29 марта 1892 г. он разослал подчиненным губернаторам печатные формуляры, в которых следовало представить информацию о характере наследования на протяжении последнего десятилетия (1882—1892). По каждому уезду надлежало учесть общее количество и характер всех нотариальных актов. Через год, 14 марта 1893 г., благодаря этой документации Игнатъеву удалось предпринять новую серьезную атаку на польскую собственность. Он предложил министру внутренних дел разрешить полякам наследовать только по прямой линии или от супруга супругу после смерти одного из них, обязав всех остальных наследников, которые не подпадали под это положение, продать землю на протяжении двух лет.

Новые меры обосновывались приведением сравнительных данных по количеству земель, находившихся в собственности русских и польских помещиков Правобережной Украины. Согласно этим данным, несмотря на значительный прогресс, достигнутый на протяжении 30 лет, русское землевладение, кроме Киевской губернии, во всех остальных все еще представлялось в невыгодном свете⁸⁹. Данные об изменениях в польском и русском землевладении с 1866 по 1893 г. представлены в таблице:

Губерния	Русская земельная собственность до 1866 г.	Русские земельные приобретения в 1866—1893 гг.	Русская земельная собственность в 1893 г.	Польская земельная собственность в 1893 г.	Процент частных имений	
					русских	польских
Киевская	353 411	584 857	938 268	882 750	51,52	48,48
Подольская	291 025	456 632	747 657	937 072	44,38	55,62
Волинская	252 092	1 009 241	1 261 333	1 705 660	42,52	57,48
Всего	896 528	2 050 730	2 947 258	3 525 482	45,51	54,49

Из приведенных цифр следует, что общая площадь польского землевладения выросла по сравнению с данными трехлетней давности! Польская собственность на Волини после 1890 г. увеличилась на 435 213 десятин! Сложно с определенностью сказать, была ли допущена ошибка, было ли это сделано умышленно, чтобы преувеличить разницу между находившейся в русских и польских руках земельной собственностью. Ведь заявив о том, что польским помещикам принадлежало еще слишком много земель, затем можно было бы с легкостью объявить, что уменьшения ее площади удалось достичь благодаря действиям генерал-губернатора. В связи с этим сложно сказать, был ли отмеченный рост русского землевладения, которого, наконец, добились в 1896 г., следствием эффективности мер, внедренных ранее, или действительно его следует приписать активности Игнатъева.

Представляется, что генерал-губернатор хотел показать, что показатель роста русского землевладения на протяжении 30 лет — более чем на 2 млн десятин (с результатом под конец XIX в. примерно в 3 млн десятин) — недостаточен. Еще до Дрентельна был достигнут значительный прогресс: в 1880 г. поляки владели 3 962 917⁹⁰, а в 1893 г., по данным Игнатъева, — 3 525 482 десятинами. Таким образом, за 13 лет они потеряли «всего» 437 435 десятин. С учетом этого, по мнению Игнатъева, надо было ускорить данный процесс.

Генерал-губернатор начал действовать сразу в нескольких направлениях, не ожидая одобрения Петербурга. Возможно, его смелость можно частично объяснить как снисходительным отношением к молодому Николаю II, который взошел на престол в 1894 г., так и нескрываемым раздражением в связи с ограничением собственных полномочий. Киевский генерал-губернатор был лишен, в отличие от своих предшественников, военных полномочий, переданных генералу М.И. Драгомирову. Игнатъев не доверял Драгимирову, тот, впрочем, платил ему тем же. Отсутствие четкого разграничения полномочий между армией и полицией быстро привело к трениям, отголосок которых докатился и до столицы. Сенат, а затем и Государственный совет стали с подозрением относиться к проводившимся киевским генерал-губернатором репрессиям.

Особое раздражение Игнатъева вызывало неодобрительное отношение Сената к антиеврейским мерам, принятым им с целью реализации «майских законов» 1882 г. Разгорелся целый скандал, когда он попытался выселить вслед за другими семью еврея Балабана из с. Садова Подольской губернии. В то время как Сенат просил его быть несколько сдержаннее, он требовал возвращения специальных полномочий, которыми в свое время располагал Дрентельн, и, продолжая негодовать по этому поводу в письме на имя Николая II, винил во всем евреев и без колебаний заявил, что не подчинится распоряжениям Сената. 23 октября 1895 г. он писал: «Резкий перелом в борьбе администрации с еврейством в юго-западном крае должен произойти». Это письмо Игнатъева позволяет увидеть, что он ставил собственный произвол на службу империи: «Чем большими полномочиями облечен исполнитель Вашей Державной Воли, тем сильнее в нем чувство ответственности и осознание крайней осторожности, спокойствия и справедливости в применении власти, сильной в глазах населения только высоким доверием Вашего Императорского Величества. Если такими именно качествами отличалась административная деятельность предшественника моего, генерала-адъютанта Дрентельна, то в том же направлении, по мере сил и разумения, старался действовать и я»⁹¹.

Это открытое стремление Игнатъева к неограниченной власти, по всей вероятности, стало причиной того, почему правительство так никогда и не утвердило «Дополнительного положения к указу от 10 декабря 1865 г.», т.е. выдвинутых в 1893 г. предложений по ограничению права наследования. Напрасно Игнатъев пытался объединить усилия с виленским генерал-губернатором, к которому обратился 1 декабря 1893 г. Тот ответил лишь через полтора года, выразив надежду, что дело будет улажено к сентябрю 1895 г. Игнатъев 15 октября 1895 г. выслал очередную подробную записку министру внутренних дел, а 13 ноября получил письмо виленского гене-

рал-губернатора, где тот писал, что, несмотря на все усилия, «быстрой деполонизации» западных территорий не достичь⁹².

Таким образом, Игнатьеву оставалось доказать самому царю, что колебания Петербурга необоснованны и что ограничение польского дворянства в правах наследования может дать прекрасные результаты. Один из отчетов за 1896 г., высланный непосредственно Николаю II, выглядит как заявление о победе. Игнатьев утверждал, что экспериментальное, неофициальное внедрение его проекта об ограничении прав дало русским возможность сккупить за три года почти столько земель, сколько было куплено в течение 13 лет до 1893 г. В трех губерниях они приобрели 367 144 десятины, что позволило с 1866 г. увеличить русскую земельную собственность следующим образом:

Губерния	Площадь земель, приобретенных русскими в течение 1866—1896 гг., в десятинах	Стоимость в рублях
Киевская	657 753	32 653 237
Подольская	518 299	30 350 625
Волынская	1 241 842	29 304 759
Всего	2 417 894	92 308 621

Эти данные впервые показывают преобладание русского землевладения на Правобережной Украине, которое теперь в процентном отношении занимало чуть больше половины общей площади частных земель:

Губерния	Русское землевладение	Польское землевладение
Киевская	55,52%	44,48%
Подольская	48,05%	51,95%
Волынская	50,35%	49,65%
Общая средняя	51,31%	48,69%

Лишь в Подольской губернии сохранилось небольшое преимущество польских помещиков⁹³.

Игнатьев решил, что может извлечь выгоду из сложившейся ситуации, подчеркнув, что она стала следствием его энергичной борьбы с поляками, «привыкшими считать себя хозяевами края», и «против евреев, имевших сильное тяготение к земельной собственности». Однако эти результаты, по его мнению, были ничем по сравнению с проводимой немецким правительством политикой германизации в Княжестве Познанском. В связи с этим он настаивал на утверждении его проекта от 14 марта 1893 г., разрешавшего наследование лишь по прямой линии с обязательством в осталь-

ных случаях продать землю в течение двух лет, а также запрещавшего взаимную продажу частей наследства между наследниками. Этот закон должен был бы распространяться и на случаи наследства десятилетней давности, так же как это было в случае указа, принятого 27 декабря 1884 г. Так выглядел «последний шаг в располнении».

Однако намерения Николая II оказались полностью противоположными плану возобновления мер по активной деполонизации. Он посчитал, что продажа польских поместий идет в нужном ключе, и хотя доля русского землевладения меньше по сравнению с аналогичным показателем в Восточной Европе, но достигнутое на Украине равновесие можно считать удовлетворительным. В связи с этим царь одобрил 1 января 1896 г. новое снижение особого налога для польских помещиков. Отныне он распространялся не только на польское, но и на русское дворянство, а полученные средства направлялись на нужды дворянских институтов: содержание школ, канцелярий дворянских собраний, самих зданий, плату служащим и т.п. Судя по счетам казенных палат, размеры налога зависели от нужд и от губернии и составляли от 2 до 3% прибыли с земель и лесов⁹⁴.

Другой царский указ неожиданно стал дополнительным источником дохода для польских помещиков — 1 июля 1896 г. было объявлено о казенной монополии на продажу алкогольных напитков. После введения запрета на этот вид деятельности, который польские помещики традиционно отдавали в аренду евреям, предполагалось возмещение понесенных убытков. Из Министерства финансов на польских помещиков ниспала манна небесная, причем правительство быстро вернуло инвестированные суммы за счет продажи спиртного⁹⁵. Эти меры шли вразрез с намерениями Игнатъева, который осмелился даже раскритиковать их, выслав царю приводимую выше информацию о процентном соотношении земельной собственности. По его мнению, даже если с виду польское меньшинство и признало русское превосходство, дома и при ведении собственных дел оно в большинстве своем продолжало сохранять свои обычаи и язык. Он указывал на то, что снижение суммы налога возродило среди этих людей надежды на определенные политические изменения. Именно поэтому он настаивал на утверждении проекта, предложенного им в 1893 г. Поскольку это были уже не первые критические замечания Игнатъева (ранее, 11 ноября 1894 г. и 6 февраля 1896 г., он указывал на недостатки применения указа 1882 г., в частности в том, что касалось слабости мер в отношении к евреям и о незаконности их аренды), то это возмутило царя, и с 1897 г. Игнатъев попал в немилость.

Проект Игнатъева об ограничении права наследования окончательно был отвергнут в 1898 г. Правда, 2 марта министр внутренних дел предложил преемнику Игнатъева М.И. Драгомирову вновь рассмотреть проект,

но 21 декабря Комитет министров отказался его принять. Победили сторонники стабилизации земельных отношений. Это в известной степени объяснялось тем, что теперь внимание было в основном сконцентрировано на решении трудного крестьянского вопроса, проблем голода и конфликтов между помещиками и крестьянами из-за чересполосицы (более подробно этот вопрос рассмотрен в следующей главе). С целью укрупнения земельных участков 4 марта 1899 г. был принят закон, который позволял наиболее бедной прослойке польского дворянства, а также мещанам, группе, которая в Западном крае вела тот же образ жизни, что и крестьяне (об этом пойдет речь в третьей главе), покупать по личному разрешению генерал-губернатора до 60 десятин земли на семью. Это право не привело к заметным изменениям в соотношении землевладения: в отчете Драгомирова за 1898 г. фиксируется совсем незначительный рост русской части.

На протяжении 1866—1898 гг. русское землевладение выросло на 2 488 979 десятин и в целом охватывало (с учетом земель, приобретенных до 1866 г.) 3 385 813 десятин по сравнению с 3 086 932 десятинами, принадлежавшими польскому дворянству. Рост русской земельной собственности в 1896—1898 гг. проходил медленнее, особенно после приостановки принятых Игнатьевым мер: за эти два года «всего» 71 105 десятин было приобретено русскими помещиками. Если наше предположение о том, что данные за 1893 г. были сфабрикованы Игнатьевым, верно, то можно утверждать, что после 1890 г. поляки ничего не потеряли, поскольку уже к тому времени общая площадь их земель составляла, как уже было показано, 3 090 269 десятин.

По состоянию на начало XX в. польское землевладение на Правобережной Украине понесло значительные потери, однако до 1914 г. оно сохранялось приблизительно на уровне 1898 г. Земельное законодательство стало настолько запутанным, что потребовало отдельного издания специальных комментариев для юристов⁹⁶. Зато более 3 тыс. польских имений, которым удалось избежать ограничений российского законодательства, находились в значительно лучшем экономическом положении по сравнению с 1863 г. В конце этой части мы еще вернемся к причинам этой более благоприятной экономической ситуации, однако сперва покажем, насколько страшную цену пришлось заплатить в борьбе за землю крестьянам и деклассированной шляхте. Пока же коротко отметим, что, хотя количество польских помещиков сократилось, а также уменьшилась площадь принадлежавшей им земли, ее стоимость существенно выросла — никогда до этого экономическая мощь этих «последних из могикан» никогда не была столь значительной.

Средняя стоимость земли в Европейской части Росси, за исключением балтийских и северных регионов, выросла с 13 рублей за десятину в

1858 г. до 163 рублей в 1914 г., т.е. на 615%⁹⁷. Это объясняется социальными причинами, в том числе массовой скупкой земли купцами и крестьянами, что не было характерно для Правобережной Украины, так как здесь это было запрещено. Тем не менее и здесь на фоне русско-польского соперничества крупное землевладение испытало влияние расширения земельного рынка. Цены росли быстрее, чем уменьшались площади, следовательно, даже меньшее по размеру имение стоило больше, чем в 1863 г. Леон Липковский писал: «...в разнице в стоимости земли, которая произошла в течение 40 лет, с легкостью можно убедиться на основании следующих данных: при оценке имения в тысячу десятин, а такое количество земли досталось нам по наследству, в среднем по нормальной цене в 45 рублей за десятину, получаем 45 000 руб., а по истечении 40 лет — 400 000 рублей [...]. На разницу в оценке наследуемых частей оказывает также влияние увеличение цен на лес, проведение железной дороги и строительство неподалеку сахарного завода. Кроме того, изменилась земельная рента: если раньше имения в Тарашанском уезде брали в аренду по 3—5 рублей за десятину, теперь же за те же земли берут 18—25 рублей за десятину...» Поскольку семья Липковского принадлежала к небольшой группе тех, кто, несмотря на запреты, мог добиться разрешения на покупку земли, она вчетверо увеличила площадь землевладения, и ее наследство в 1905 г. оценивалось в 1 600 тыс. рублей⁹⁸.

Мы еще вернемся к совершенно новой ситуации, сложившейся в 1905 г., а пока обратим внимание на причины, по которым перемены в русско-польском земельном соперничестве наступали крайне медленно. 1 мая 1905 г. были отменены все ограничения на приобретение поляками земельной собственности, действовавшие на протяжении 40 лет. Однако это не привело к росту количества сделок. Русские и польские помещики смертельно боялись ограбления, захвата, поджога своих имений взбунтовавшимися крестьянами. Два года революционных беспорядков не способствовали приобретению новых земель, тем более что большинство польских и русских помещиков пытались объединиться на выборах в три первые Думы.

Как только необходимость подобных объединений отпала, русские опять превратились в единовластных хозяев политики и на поверхность всплыли давние требования полного удаления поляков с этих земель. В «Новом времени» 6 сентября 1908 г. появилась анонимная статья, полная нападок на генерал-губернатора В.А. Сухомлинова, которому, по мнению автора, следовало подать в отставку из-за слабости его позиции в отношении поляков и «еврейско-польского влияния». Автор статьи считал, что к евреям следовало применить вновь «майские законы» 1882 г., а к полякам — ограничения 1884 и 1893 гг. В статье выразалось

требование назначить человека сильного, «настоящего» генерал-губернатора. 15 сентября Сухомлинов приказал начальнику своей канцелярии подготовить текст, где говорилось бы о присущей генерал-губернатору строгости и указывалось на то, что после принятия законов от 6 марта 1904 г., 11 апреля и 4 августа 1906 г. уже невозможно запретить евреям селиться там, где они хотят, и служить тем, кому пожелают. В том, что касалось поляков, в документе указывалось, что никто из лиц, которые «живут словно крестьяне», в течение 1905—1908 гг. вообще не просил разрешения на покупку земли, между тем как польские помещики продали русским 31 366 десятин⁹⁹.

Указом от 1 мая 1905 г. обанкротившимся польским дворянам разрешилось продавать землю своим соотечественникам. В 1910 г. А.А. Эйлер, губернатор Подольской губернии, где польское землевладение продолжало преобладать, информировал генерал— губернатора Ф.Ф. Трепова, сменившего Сухомлинова в декабре 1908 г., о тревожном уменьшении земельной собственности части русского дворянства, подтачиваемого к тому же крестьянами. Обширная цитата из этого отчета подтверждает, что в 1910 г. вновь началась война за землю:

По обнародовании закона 1 мая 1905 г., разрешившего полякам приобретать землю у поляков и широким развитием деятельности Крестьянского Банка, как покупки за счет капитала Банка земли для перепродажи крестьянам, так и покупки земли крестьянами при помощи Крестьянского Банка, польское землевладение вновь стало пропорционально усиливаться в губернии в ущерб русскому землевладению. Тем самым совершенно парализована имеющая государственное значение цель прежнего закона — постепенное обрусение Подольской губернии через переход польских имений в русские руки и понижение тем польского в ней влияния. Поляки в настоящее время не скрываясь говорят, что не уступят ни пяди земли в Подольской губернии русскому землевладельцу и что Польша должна возродиться в прежних границах от моря Балтийского до Черного. За время с 1905 г. по 1 октября 1910 г. за счет Крестьянского Банка и крестьянами при содействии Банка куплено 150 000 десятин помещичьей земли. Из этого количества земли принадлежащей полякам 50 тысяч десятин, в том числе два имения площадью в 29 000 десятин и ценности более 6 миллионов рублей, непосильных по своей стоимости для покупки отдельным лицом. В остальных сделках Банка по покупке имений польских землевладельцев имели место продажи только части имений в небольших относительно долях и владелец имения своего ценза не терял, тогда как имения русских землевладельцев поступают в продажу целиком и всякая связь этого землевладельца с губернией прекращалась. Таким образом, не считая вышеуказан-

ных двух имений, русское землевладение уменьшилось за последние пять лет более чем в 6 раз сравнительно с польским. За то же время ни одно польское имение не перешло в руки русских, причем были случаи, когда польские землевладельцы отдавали имения за меньшую сумму, но лицу польского происхождения. Возвращение к прежнему порядку запрещения полякам вовсе приобретать земли в Подольской губернии крайне желательно и это единственная мера на действенность которой в смысле обрусения края можно рассчитывать¹⁰⁰.

Общая тональность данного отчета указывает на то, что земельная собственность продолжала оставаться основной ставкой в польско-русской игре и вызывала сильные эмоции среди царских чиновников, хотя польское преимущество было тогда незначительным.

Подобная тревога звучит в отчете волынского губернатора за 1911 г. Русские, писал он, не до конца понимают свою миссию в этих землях; покупка земли для них зачастую лишь прибыльное дело, а не акт проявления патриотических чувств. Губернатор отмечал случаи, когда российские покупатели сразу же отдавали недорого купленное имение в долгосрочную аренду или под залог. В свою очередь, польские помещики продавали свои земли друг другу, а иногда даже возвращали русским задатки, прибегая к взаимной помощи, чтобы избежать продажи¹⁰¹.

Николай II, читая эту часть отчета, скорее всего, нахмурился — его пометка на полях гласит: «Обратить внимание».

Однако никакое внимание уже не могло усилить позиции русских в земельном вопросе. Это вынуждало местные власти прибегать к фальсификациям. Когда в 1909 г. П.А. Столыпин начал новую перепись польских землевладельцев и земель, которыми они владели, чтобы подготовить проект о представительстве польского дворянства в земствах (в юго-западных губерниях земства собирались ввести с 1911 г.). Данные, которые легли в основу подготовленной справки, как подчеркивает В. Вакар, были умело занижены с целью показать преобладание русского землевладения. Согласно этим сведениям, оставалось всего 1499 польских помещиков, которым принадлежало 2 306 тыс. десятин! Досадно, что с тех пор историки повторяют эти цифры, тогда как мы убедились, что по состоянию на 1914 г. польские владения доходили еще до 3 млн десятин¹⁰².

В рамках этого исследования показаны значение и масштаб борьбы за землю на Правобережной Украине и шире — на всем пространстве западных губерний Российской империи — между польскими помещиками и царскими властями. Наш анализ иначе представляет ставку в этой игре, чем это сделано в патриотически и национально окрашенных исследованиях польской и российской историографий¹⁰³. Основной заботой

польских помещиков Украины было сохранение своей земельной собственности и существовавшего образа жизни. Обладание землей, символом силы и мощи, превратилось, как уже не раз было показано, в своего рода навязчивую идею, крепко засевавшую в польских головах. С другой стороны, эта идея не давала спокойно спать и царским чиновникам.

Сколь странным это ни покажется, но даже в 1913 г., в канун начала Первой мировой войны, реакционная русская пресса продолжала упрямо писать о необходимости русификации западных губерний¹⁰⁴. Несмотря на неопровержимые «достижения», репрессивная царская машина доказала, что не способна достичь задуманного еще за полвека до этого. Как ни парадоксально, но русское дворянство получило в результате борьбы за землю с поляками меньше, чем потеряло в Центральной России в результате происходившего социально-экономического процесса распада дворянского землевладения. Имена русских помещиков сократились в среднем по империи с 87 200 тыс. десятин в 1862 г. до 41 100 тыс. в 1914 г., т.е. на 58,9%. Польские помещики Украины, несмотря на преследования, юридические и политические ограничения, потеряли в течение того же времени гораздо меньше. В 1861 г. в руках поляков находилось 5/6 местного землевладения, к 1914 г. им удалось сохранить 3/6, т.е. площадь их имений уменьшилась на треть¹⁰⁵. В этом сыграла значительную роль неизвестная русскому дворянству, приобретавшему имения на Украине главным образом по экономическим соображениям, привязанность к земле, столь характерная для польских помещиков, отождествлявших ее с родиной, патриотизмом и патриархальными традициями. Создание же нескольких огромных латифундий бывшими украинскими крестьянами, такими как Терещенко и Ханенко, основавшими настоящие династии сахарозаводчиков, не привело к ослаблению позиций польских и русских помещиков. На 1 января 1914 г. задолженность в этих землях была значительно выше, чем где-либо в империи (за исключением южных степей): 69,8% польских и русских имений находилось в залоге¹⁰⁶, но в других губерниях долги достигали 50%, поэтому не было оснований именно здесь пророчить близкий крах борющимся между собой русским и польским землевладельцам.

Русско-польский антагонизм не носил исключительно помещичий характер. В последних главах этой части мы еще обратимся в этой связи к теме политики, образования и религии. Теперь время перейти к другой теме, которая даст нам понимание того, что русско-польский конфликт, несмотря на все свое политическое и национальное значение, был бурей в стакане воды по сравнению с настоящей драмой раздавленного бедностью украинского народа. Кроме того, настало время показать, каким образом украинско-польская борьба воспринималась российской властью.

¹ См. вторую часть. Сразу оговоримся, что в изучаемый период Киевское, Подольское и Волыньское генерал-губернаторства после И.И. Васильчикова возглавляли: Н.Н. Анненков (1862—1865); А.П. Безак (1865—1869); А.М. Дондуков-Корсаков (1869—1877); М.И. Чертков (1877—1881); А.Р. Дрентельн (1881—1888); А.П. Игнатъев (1889—1897); М.И. Драгомиров (1897—1904); Н.В. Клейгельс (1904—1905); В.А. Сухомлинов (1905—1908); Ф.Ф. Трепов (1908—1914).

² Записка о землевладении в Юго-Западном крае / Сост. И. Рудченко. Киев, 1882. Таблица 1; *Пойда Д.П.* Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866—1900 гг.). Днепропетровск, 1960. С. 18. Табл. 1. В работе А.П. Корелина (*Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России 1861—1904. М., 1979. С. 294—295) подтверждается, что 9/10 «легитимных» шляхтичей юго-западных губерний были безземельными. В данном исследовании дается общее количество польских и русских помещиков. По мнению автора, в 1863 г. эта группа насчитывала 78 547 лиц. В 1867 г. она сократилась до 57 463, в 1870 г. в результате ссылок и политической эмиграции — до 55 612, но в 1897 г. она снова выросла до 103 902 человек в связи с характерным для всей империи высоким натуральным приростом и притоком российского дворянства.

³ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 20.

⁴ Свидетельства генерала Домонтовича (около 1885 г.) представлены в: Восстание 1863 г. Материалы и документы. М.; Вроцлав; Киев, 1963. Т. II. С. 455—456. Общая характеристика польско-русских отношений дается в: *Weeks T.R.* Defining Us and Them: Poles and Russians in the «Western provinces», 1863—1914 // *Slavic Review*. 1994. Spring. Vol. 53. № 1. P. 26—40. Богатый материал по истории борьбы с «полонизацией» представлен в: *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М., 1999 (мою рецензию на эту книгу см. в: *Revue des études slaves*. 2000); *Rodkiewicz W.* Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863—1905). Lublin, 1998.

⁵ Восстание 1863 г. Т. II. С. 459 (*Organizacja prowincjonalna Rusi*, 1 декабря 1862 г.).

⁶ *Ibidem*. С. 374—376 (Из показаний В. Рудницкого о революционной организации в южных губерниях, 26 марта 1865 г.).

⁷ *Bobrowski T.* Pamiętnik. Т. II. S. 478—491.

⁸ Восстание 1863 г. Т. II. С. 454; *Bobrowski T.* Pamiętnik. Т. II. S. 494; *Валуев П.А.* Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. I. С. 260, 262, 286, прим. 10.

⁹ *Ibidem*. С. 204—205.

¹⁰ РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 27 — Предложение «О некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края» рассмотрено 1 июня 1864 г. Комитетом министров в присутствии царя. По этому вопросу см. работы М. Долбилова. Подробный анализ взглядов М. Каткова дается в работах Х. Глембоцкого: *Głębocki H.* Fatalna sprawa: Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856—1866). Kraków, 2000; *Idem*. «Co robić z Polską?». Kwestia polska w koncepcjach konserwatywnego nacjonalizmu Michaiła Katkowa // *Przegląd Wschodni*. 1997. Т. 4. Z. 4 (16). S. 853—889.

¹¹ *Валуев П.А.* Дневник. Т. I. С. 292. Необходимо подчеркнуть, что Муравьев не был первым в том, что касалось планов об изгнании всех польских помещиков

из западных губерний. В 1862 г. его предшественник В.И. Назимов заявлял: «В Западных губерниях нет вовсе дворянства, ибо наличное польское дворянство никогда ничего не захочет сделать в пользу Русского государства». Он предлагал «массовое выселение в Царство Польское с принуждением к продаже недвижимости». Цит. по: Западные окраины. С. 170—171. Уже тогда Валуев доказывал, что управлять этими землями невозможно без поляков.

¹² ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 813 — Корреспонденция штаба Киевского военного округа от 29 января 1864 г.; *Bobrowski T. Pamiętnik. T. II. S. 509—510.*

¹³ Эти законодательные акты касались 9 западных губерний. Ср.: *Самбук С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск, 1980. С. 40.*

¹⁴ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 814. Спр. 750 — Обзор о состоянии Юго-Западного края в 1863 и 1864 года. Цит. по: Восстание 1863 г. Т. II. С. 370—372.

¹⁵ *Валуев П.А. Дневник. Т. I. С. 208, 305; Bobrowski T. Pamiętnik. T. II. S. 494.* Постоянные проблемы с созданием земств в западных губерниях описаны в: *Weeks T.R. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863—1914. DeKalb, Northern Illinois, 1996. P. 140—141; Matsuzato K. The Issue of Zemstvos in Right Bank Ukraine 1864—1906. Russian Anti-Polonism Under the Challenges of Modernization // Jahrbücher für Deschichte Osteuropas. 2003. Bd. 51. N. 2. P. 218—235.*

¹⁶ Напомним, что в Киеве было казнено «всего» 9 повстанцев, в то время как в Вильне — 180, а в Варшаве — 475. Ср.: *Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. S. 500—501, 610—614, 737.* По мнению Кеневича, в юго-западных губерниях империи проживало всего 5% из 38 тыс. осужденных, т.е. ок. 1900 человек, среди которых были естественно не только землевладельцы. См.: *Зайцев В.М. Социально-сословный состав. Олехнович насчитал 916 шляхтичей из Украины в реестрах по отправке ссыльных в Тобольск, что также является показательным. См.: Olechnowicz J. Polska myśl patriotyczna S. 45—47. Серчик говорит без ссылки на источники и без указания причин наказания о 3100 арестах, произведенных на Украине. См.: Serczyk W. Historia Ukrainy. Wrocław, 1979. S. 259*

¹⁷ Рапорты представлены в: Восстание 1863 г. Т. II. С. 343—344, 391—392. Данные Серчика подтвердил в своей работе Михал Мицель. См.: *Micel M. Spis powstańców 1863 roku więzionych w twierdzy kijowskiej. Przemyśl, 1995. 5 полевых судов или военно-следственных комиссий, действовавших в Киеве, Житомире, Владимире, Каменце и Балте до мая 1867 г., осудили 3100 человек. В списке указано социальное положение, местонахождение, возраст, занятия, рост осужденных. 1304 принадлежало к землевладельческой шляхте (79,5%), 159 — к шиншевой шляхте (9,7%), 110 — к крестьянству (6,7%). 72 человека было из Галиции.*

¹⁸ *Bobrowski T. Pamiętnik. T. II. S. 497—498.*

¹⁹ *Валуев П.А. Дневник. Т. 2. С. 32—35.* Программа Безака сохранилась в РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3146.

²⁰ *Валуев П.А. Дневник. Т. 2. С. 67, 76.*

²¹ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 815. Спр. 363 — Дела о злоупотреблениях в Волынской губернии.

²² *Ibidem. Ф. 442. Оп. 408. Спр. 9.*

²³ *Валуев П.А. Дневник. Т. 2. С. 77—81.* На тему хода и результатов конфискационной акции за пределами Украины см.: *Gałka B. Represje carskie wobec ziemian*

Kresów Wschodnich za udział w ruchu niepodległościowym w II połowie XIX i na początku XX wieku. // *Ziemiaństwo a ruchy niepodległościowe w Polsce XIX i XX wieku.* / Red. W. Caban, B. Markowski. Kielce, 1994. S. 81—86.

²⁴ ПСЗ. Серия 2. Т. XL. Раздел 2. № 42759. Проводимая одновременно с этим акция властей в северо-западных губерниях прекрасно показана в: Западные окраины. С. 206—258.

²⁵ Дела об оплате 10% налога см.: ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 816. Спр. 85.

²⁶ Kraj. 1884. № 18. S. 9. Статья Яна Илговского.

²⁷ *Bobrowski T.* Pamiętnik. Т. II. S. 494—497. Описания других случаев конфискации встречаются в воспоминаниях: *Talko-Hryniewicz J.* Z przeżytych dni 1850—1908. Warszawa, 1930. S. 89; *Kądzielski S.* Wspomnienia wołyńskie. Poznań, 1909. S. 23—24. Невскрываемый мелочный антипольский характер принимаемых законов освещен в: *Громачевский С.Г.* Ограничительные законы по землевладению в Западном крае, с историческим обзором их, законодательными мотивами и разъяснениями. СПб., 1904; Сборник правительственных распоряжений по водворению русских земледельцев в Северо-Западном крае. Вильна, 1886.

²⁸ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 815. Спр. 490 — Список сосланных без суда и переписка по этому вопросу Безака с министром внутренних дел П.А. Валуевым.

²⁹ *Ibidem.* Спр. 179 — О выдаче лицам русского происхождения свидетельств на право приобретения имений в Юго-Западном крае. 9 апреля 1866 — 14 июня 1867 г.

³⁰ РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 3214 — Устав утвержден царем.

³¹ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 816. Спр. 179 — Ответ от 19 июля 1866 г.; *Валуев П.А.* Дневник. Т. 2. С. 205—217. [О закрытии Товарищества и использовании 5 млн руб. в интересах новоучрежденного Общества взаимного поземельного кредита см.: *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 220—225. — *Прим. ред.*]

³² ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 408. Спр. 10 — Перечень имений с долгами, предназначенными для продажи после конфискации, 29 декабря 1865 — 7 ноября 1866 г.

³³ *Валуев П.А.* Дневник. Т. 2. С. 33, 151, 194—195.

³⁴ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 96. Спр. 279 — Ведомость по имениям, конфискованым по мятежу 1864 г. в Подольской губернии. В 30 огромных таблицах (50x70 см) было представлено всего 16 имений, проданных в 1869—1870 гг.

³⁵ *Kaczkowski J.* Konfiskaty na ziemiach polskich pod zaborem rosyjskim po powstaniach 1831 i 1863. Warszawa, 1918; *Serczyk W.* Historia Ukrainy. S. 259.

³⁶ *Lipkowski L.* Moje wspomnienia 1849—1912. Kraków, 1913. S. 117. Автор представляет целый перечень примеров такого поведения.

³⁷ *Potocka M.M. z Radziwiłłów Franciszkowa.* Z moich wspomnień. Pamiętnik. Londyn, 1983. S. 80; *Bobrowski T.* Pamiętnik. Т. II. S. 500—501; Archiwum Ossolineum, Wrocław. № 13 172 II. S. 104 — *Wierzbicka M.* Wspomnienia z lat 80-tych XIX w. do 1934 r. Рассказывается о том, как Сирочинский продал свои земли русскому.

³⁸ *Matlakowski W.* Wspomnienia ukraińskie // *Wiadomości.* № 467. Написанные примерно в 1882 г. воспоминания В. Матлаковского были опубликованы в частях в 1954—1955 гг.

³⁹ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 814. Спр. 475 — Дело Сангушко, 1864—1866 гг.

⁴⁰ Янсон Ю.Э. О влиянии реформы 1861 г. на сельское хозяйство и хлебную торговлю в Юго-Западных губерниях // Труды Вольно-Экономического общества. 1868. Т. IV; *Lipkowski L.* Moje wspomnienia S. 121—123.

⁴¹ ПСЗ. Серия 2. Т. XVI. Раздел 1. № 43 298.

⁴² *Tantu M.* Panslawizm, carat, Polacy. Warszawa, 1970. S. 70, 87. На тему сближения с «добро мыслящим» польским дворянством в Литве и Белоруссии см.: *Самбук С.М.* Политика царизма. С. 59—65.

⁴³ Полиции на юго-западе пришлось бороться с распространявшимися, скорее всего, епископом Луцко-Житомирским Боровским слухами о том, что с поляков в скором времени будет снят запрет на приобретение земель. См.: ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 817. Спр. 24 — Отчет киевского губернатора генерал-губернатору от 19 ноября 1866 г.

⁴⁴ *Валуев П.А.* Дневник. Т. 2. С. 208, 215. Покушение Березовского получило большую огласку в Европе. См. картину Ш. Каро, в настоящее время хранящуюся в музее Орсе в Париже. В связи с этим законодательство ужесточилось. 23 февраля Сенат издал указ, который запретил получение наследства политически неблагонадежным наследникам, а 21 января 1869 г. Министерство юстиции запретило передачу обремененных долгами имений во временное владение поручителям польского происхождения.

⁴⁵ *Ibidem.* С. 247; *Самбук С.М.* Политика царизма. С. 46.

⁴⁶ Обо всех этих случаях на основании данных ЦДІАУК пишут В. Королук и Г. Марахов. См.: Восстание 1863 г. Т. I. Приложение № 6. С. 331—335; Т. II. С. 404—426.

⁴⁷ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 821. Спр. 196 — О возвращении эмигрантов с Запада и надзор за ними в 1871—1882 гг.

⁴⁸ РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3702 — Журнал Комитета министров. С. 431—450; ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 823. Спр. 110. Благодаря этому делу известно количество находившихся в секвестре имений: 2 — в Киевской губернии, 2 — в Подольской вместе с двумя городскими зданиями и 28 — в Волынской с одним домом в городе.

⁴⁹ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 819. Спр. 106.

⁵⁰ *Ibidem.* Оп. 816. Спр. 42 — Дело Рафаэла Стройновского и его сыновей Владислава и Леона, 31 декабря 1865 — 5 мая 1878 г.

⁵¹ *Kraj.* 1882, № 2. S. 7; 1890, № 27. Приложение. S. 1; № 47. S. 13.

⁵² *Oddłużenie własności ziemskiej w kraju południowo-zachodnim* // *Ibidem.* 1890, № 30. S. 4. В статье шла речь о частных владениях (за исключением крестьянских наделов), которые на 91% оставались в руках дворянства (польского и русского), т.е. составляли 5 823 512 из 6 348 952 десятин частных владений. 9% не принадлежавших дворянству земель были, видимо, в собственности товариществ и русских купцов. Наиболее ярким примером того, насколько можно было обрасти долгами, служит история Юзефа Любомирского и его обширных поместий в районе Дубны. См.: *Lubomirski J.* Historia pewnej ruiny. Pamiętniki 1839—1871. Warszawa, 1975. S. 142.

⁵³ *Kraj.* 1884. № 18. S. 9.

⁵⁴ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 55. Спр. 446 — Отчет волынского губернатора за 1875 г.

⁵⁵ *Ibidem.* Оп. 602. Спр. 2 — Дело об аренде евреями.

⁵⁶ *Ibidem.* Оп. 602. Спр. 2.

⁵⁷ *Ibidem.* Оп. 532. Спр. 202.

⁵⁸ Ibidem. Оп. 532. Спр. 181. Отчет в рукописном и печатном виде был выслан в столицу 7 августа 1879 г. Более подробно на эту тему см. главу 6 этой части.

⁵⁹ Ibidem. Оп. 605. Спр. 1 — Письмо министра внутренних дел от 26 июля 1878 г. Судя по реестру уплаты налогов в трех губерниях во второй половине 1880 г., сумма 5% налога, выплачиваемого поляками, составила в Подольской губернии 183 287 рублей, в Волынской — 150 тыс. рублей, в Киевской — 193 387 рублей (Ibidem. Оп. 534. Спр. 52).

⁶⁰ Ibidem. Оп. 533. Спр. 183.

⁶¹ Ibidem. Оп. 534. Спр. 281 — Отчет волынского губернатора за 1880 г. и замечание царя. Подобной тональностью проникнут и отчет подольского губернатора (Ibidem. Оп. 534. Спр. 283), который, в частности, подчеркивал, что евреи избегают рекрутского набора, калеча себя. На тему эмиграции евреев из Украины см.: *Delmaire J.M. De Hibbat Zion au sionisme politique. Thèse d'Etat. Strasbourg, 1986.* Еврейский вопрос в Российской империи подробно освещен в работе: *Klier J.D. Imperial Russia's Jewish Question 1855—1881. Cambridge, 1995.*

⁶² ЦДИАУК. Оп. 535. Спр. 353 — Расследование и переписка по вопросу о евреях, арендовавших земли, 1882 г.

⁶³ Ibidem. Оп. 536. Спр. 266. См. также: *Шигарин Н.Д.* Что нужно для нашего сближения с поляками? Киев, 1881. Борьба за землю всегда носила закулисный характер, официальные статистические данные никогда не отражали ее сути с учетом противоречий между народами, населявшими Российскую империю. Напрасно искать ее следы в таких изданиях, как: *Ершов Г.* Распределение поземельной собственности в 49 губерниях Европейской России в 1877—1878 гг. // Статистический временник Российской империи. 3-я серия. Т. 10. СПб., 1886.

⁶⁴ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 605. Спр. 4, 13.

⁶⁵ Ibidem. Оп. 607. Спр. 1 — Печатный фрагмент из журнала Комитета министров от 11—18 декабря 1884 г. и 2 января 1885 г., а также переписка Д.А. Толстого и А.Р. Дрентельна за 1884—1888 годы.

⁶⁶ Ср.: *Kraj. 1885. № 4. S. 3; № 7. S. 4.*

⁶⁷ «Киевлянин» и «Заря», январь—февраль 1885 г.; ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 607. Спр. 2.

⁶⁸ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 607. Спр. 1.

⁶⁹ Ibidem. Ф. 442. Оп. 607. Спр. 1 — Письмо Д.А. Толстого к А.Р. Дрентельну, 19 мая 1885 г.

⁷⁰ Ibidem. Ф. 442. Оп. 607. Спр. 48 — Волынский губернатор Дрентельну, 21 июня 1885 г.

⁷¹ Ibidem. Ф. 442. Оп. 607. Спр. 1 — Письма Толстого к Дрентельну, 27 марта и 11 августа 1886 г.

⁷² Ibidem. Ф. 742. Оп. 605—613. Здесь хранятся кипы подобных дел.

⁷³ Ibidem. Ф. 442. Оп. 542. Спр. 100 — Годовой отчет подольского губернатора царю за 1887 г. На тему террора см.: *Bobrowski T. Pamiętnik. T. I. S. 512.*

⁷⁴ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 607. Спр. 1 — Письмо Дрентельна Толстому от 5 января 1888 г.

⁷⁵ Написанная еще в 1870 г. А.Н. Островским пьеса «Лес», а в 1880 г. появившаяся серия очерков «Оскудение» С.Н. Терпигорева (псевдоним — С. Атава), а также поставленный в 1904 г. «Вишневый сад» А.П. Чехова — во всех этих произ-

ведениях раскрывается образ мечтательных дворян, маниловщины, своего рода «лишних людей», не умеющих противостоять силе денег. Однако, хотя банкротства происходили достаточно часто, дворянство в то время пользовалось массой привилегий, что прекрасно показано в работе американского исследователя: *Becker S. Nobility and Privilege in Late Imperial Russia Northern Illinois*, 1985 [см. перевод: *Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. — Прим. ред.*].

⁷⁶ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 605. Спр. 59 — Письма Коханова и Дворянского земельного банка Дрентельну.

⁷⁷ Kraj. 1885. № 50. S. 14.

⁷⁸ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 607. Спр. 1. Из этого следует, что 66 польских помещиков жили за пределами своих имений, что указывает на рост их благосостояния.

⁷⁹ *Ibidem*. Оп. 542. Спр. 100.

⁸⁰ Biblioteka Jagiellońska, Kraków. Maszynopis № 9131 — *Podhorski W. Ziemiaństwo na Ukrainie*. S. 24, 69—70. См. также: *Grocholska-Brzozowska X. Pamiętniki*. Kraków, 1984.

⁸¹ Kraj. 1891. № 7. S. 1.

⁸² Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 2. С. 154; *Lednicki W. Pamiętniki*. London, 1963. S. 17—18.

⁸³ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 611. Спр. 217 — О числе имений, принадлежащих лицам польского происхождения в Юго-Западном крае. 25 ноября 1890 г. Благодаря точности представленных данных данный перечень является значительно более полезным по сравнению с несколько анекдотическими и неполными данными, представленными в: *Pułaski K. Kronika polskich rodów szlacheckich Podola, Wołyńia i Ukrainy*. T. I. Brody, 1913; *Zychliński T. Złota księga szlachty polskiej*. T. 1—XXXI. Poznań, 1879—1908. Это более точный документ по сравнению с другими перечнями по губерниям, где польское и русское дворянство даны вместе. См.: Список населенных мест Киевской губернии. Киев, 1906; Список дворян Киевской губернии. Киев, 1906; *Гульдман В.К.* Поместное землевладение в Подольской губернии. Каменец-Подольский, 1903; Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Подольской губернии. Каменец-Подольский, 1887; Список дворян Волынской губернии. Житомир, 1905; Список землевладельцев и арендаторов Волынской губернии. Житомир, 1913; Список населенных мест Волынской губернии. Житомир, 1906.

⁸⁴ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 620. Спр. 404 — Положение дела, 11 декабря 1890 г., и письмо главы Комитета министров к А.П. Игнатьеву от 18 января 1891 г.

⁸⁵ Kraj. 1891. № 4, 5. 19; № 30. S. 9. Стоит напомнить, что указ от 12 июля 1889 г. о создании дворянской должности земского начальника существенно усиливал власть землевладельцев. В известной американской работе, написанной на основании годовых губернаторских отчетов за 1894—1914 гг., показано, как много для русских помещиков значило введение земств в этих губерниях. Попытки приуменьшить или даже скрыть польское влияние были безрезультатными: *Weeks T.R. The National World of Imperial Russia: Policy in the Kingdom of Poland and Western Provinces, 1894—1914*. Ph.D. diss. Berkeley, 1992, в особенности глава 4 «The Western Zemstvo Project». Противоположная точка зрения по этому вопросу К. Маузуато представляется малоубедительной.

⁸⁶ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 613. Спр. 81 — Письмо Игнатьева к Дурново, 2 мая 1891 г.

⁸⁷ *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981. С. 201—212; *Becker S.* Nobility and Privilege. P. 67—71.

⁸⁸ Kraj. 1892. № 4. S. 18. Закон, запрещавший нероссийским подданным владеть землей в юго-западных губерниях, был распространен 19 марта 1895 г. на немцев Привислинского края.

⁸⁹ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 613. Спр. 81.

⁹⁰ Ibidem. Оп. 697. Спр. 483. Стоит также сказать, что, согласно приводимой выше анкете, общая площадь польских имений в трех губерниях составляла 3 090 269 десятин в 1890 г.

⁹¹ Ibidem. Оп. 846. Спр. 463 — Письмо к Николаю II.

⁹² Ibidem. Оп. 613. Спр. 81. Л. 276—282 — Записка Игнатьева министру внутренних дел. Л. 276—282.

⁹³ Ibidem. Оп. 846. Спр. 463 — Соотношение русского и польского землевладения, 1896 г.

⁹⁴ Ibidem. Оп. 657. Спр. 13, 115; Оп. 663. Спр. 9 — Размер налога в 1904, 1907, 1910 гг.

⁹⁵ Ibidem. Оп. 700. Спр. 47 — Дело содержит также типовой формуляр для заполнения помещиками, претендовавшими на получение возмещения. См. также главу 6 этой части, посвященную росту производства водки.

⁹⁶ *Ольшамовский Б.Г.* Права по землевладению в Западном крае. СПб., 1899.

⁹⁷ *Becker S.* Nobility and Privilege. P. 43—45.

⁹⁸ *Lipkowski L.* Moje wspomnienia S. 123.

⁹⁹ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 638. Спр. 402.

¹⁰⁰ Ibidem. Оп. 641. Спр. 704 — Отчет подольского губернатора А.А. Эйлера за 1909 г.

¹⁰¹ Ibidem. Оп. 642. Спр. 497.

¹⁰² Первым эти данные привел Иоахим Бартошевич, сторонник национальных демократов (эндэков), издававший с 1906 г. «Dziennik Kijowski». Он представил их в достаточно поверхностной работе: *Bartoszewicz J.* Na Rusi... S. 7 и след. Затем их повторили в следующих работах: *Wakar W.* Rozwój terytorialny narodowości polskiej. T. 3. Kielce, 1917; *Wielhorski W.* Ziemie ukraiinne. S. 90—91; *Walewski W.* Wspomnienia o Podolu. Typy polskiej własności ziemskiej na Podolu // Pamiętnik Kijowski. 1966. T. 3 и т.д. вплоть до сегодняшнего дня: *Mróz T.* Liczebność i struktura zbiorowości polskiej w Kijowie na przełomie XIX—XX w. // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. 1990. Z. 92. S. 84; *Epsztein T.* Małżeństwa szlachty posesorskiej na Wołyniu, Podolu i Ukrainie w latach 1815—1880 // Społeczeństwo polskie XVIII i XIX w. T. 9. Warszawa, 1991. S. 233 (в сноске 90 говорится даже о том, что в начале XX в. на Украине насчитывалось 6050 польских помещиков!). Лишь в работе Верыхи-Даровского приводятся данные, которые идут в одном ключе с нашими цифрами: в 1911 г. польским помещиком принадлежало 3 016 700, а русским — 3 521 100 десятин. См.: *Weryha Darowski A.* Kresy ruskie Rzeczypospolitej. Warszawa, 1919. S. 9—10; а также см. часть 2, конец главы 4.

¹⁰³ Ср.: *Juzwenko A.* Rosja w polskiej myśli politycznej lat 1864—1918 // Polska i jej sąsiedzi. Wrocław, 1975. S. 27—65.

¹⁰⁴ Например, *Липранди А.П. (псевд. А. Вольнец)*. Польский вопрос в Западной Руси // Мирный труд. 1913. № 5. С. 11. Авторы книги «Западные окраины Российской империи» (С. 382) подчеркивают, что еще за три месяца до войны, заставившей многих в Российской империи заговорить о братстве русских с поляками в общей славянской семье, в апреле 1914 г., работало особое совещание при Министерстве внутренних дел «по вопросу о борьбе с полонизацией Северо-Западного края».

¹⁰⁵ В северо-западных губерниях польские помещики оказывали еще большее сопротивление. Если принять во внимание, что землю покупали главным образом русские помещики, то можно констатировать, что в 9 западных губерниях помещичье землевладение находилось в менее тяжелом положении, чем в других регионах империи. Площадь, находившаяся в собственности польского и русского дворянства, с 1861 по 1905 г. уменьшилась здесь лишь на 17%, тогда как в Центральной России на 33%, на Левобережной Украине на 41%, в южных и восточных степях на 52%, на севере империи — на 60%. См.: *Becker S. Nobility and Privilege*. P. 41.

¹⁰⁶ *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX века). М., 1969. С. 320.

Глава 2

ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИЙ АНТАГОНИЗМ В ЗЕМЕЛЬНОМ ВОПРОСЕ

Аграрный вопрос принадлежит к проблемам социально-экономической истории, наиболее исследованным еще марксистской историографией России, Польши и Украины. Польская историография главным образом была сосредоточена на изучении крестьянства Царства Польского, Галиции и Великого Княжества Познанского¹, полностью обделяя вниманием Правобережную Украину. Правобережной Украине в интересующий нас период посвящено отдельное исследование Д.П. Пойды, содержащее ценные примеры². Однако невозможно со всей серьезностью относиться к применяемой им методологии, типичной для советской историографии тех лет и сводящейся к механистическому подсчету количества крестьянских волнений ради единственной цели — показать «героизм» крестьянского движения, которое в конечном счете привело согласно «логике истории» к утверждению большевистской власти в 1917 г. Подобный подход не предполагал изучения национальных или этнических конфликтов. Пойда не рассматривает вопрос национального сознания украинского крестьянства и не различает польских и русских помещиков, а о евреях вообще не вспоминает. Как ни странно, подобный подход нашел последователей среди некоторых американских историков. Приводимая Робертом Эдельманом статистика волнений лишена какой-либо национальной и культурной характеристики³. Подобный схематический подход сводит все к манихейской борьбе крестьянского класса против класса землевладельцев. Именно поэтому данную тему необходимо показать с разных сторон, обращаясь непосредственно к источникам. Было бы ошибочным считать, что аграрная тематика, столь тенденциозно освещенная марксистской историографией, себя исчерпала. Она требует пересмотра и анализа под иным углом зрения, поскольку является центральной для понимания истории Центральной и Восточной Европы, а также постоянно изменявшейся политики централизации, проводившейся в Российской империи.

МЕЖДУ ОТРИЦАНИЕМ И ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ

Мы уже видели, насколько конфликтными в период крепостничества были трехсторонние отношения между украинцами, поляками и русскими⁴. Напомним, что мечты о свободе закрепощенного в XVI—XVII вв. польскими или полонизированными помещиками украинского крестьянства ассоциировались с вольницей запорожских казаков, восстанием Б. Хмельницкого и Уманской резней 1768 г. При этом польское доминирование приводило к увековечению социального беспорядка крестьянства⁵. Правда, в XIX в. некоторые польские писатели, как, например, С. Гошинский или Ю. Крашевский, действительно сочувственно относились к этому народу, говорящему на другом языке и исповедовавшему другую религию. В то же время внешне спокойное течение патриархальной сельской жизни, при котором польские помещики ради успокоения совести изредка расщедрились на акты благотворительности, было нарушено после разделов Польши в конце XVIII в., когда российские власти, о чем уже шла речь в предыдущей части, спровоцировали ухудшение отношений между украинскими крестьянами и польскими помещиками. Несколько десятков лет до отмены крепостного права были отмечены обострением польско-украинских отношений, связанным с постоянным ухудшением материальных условий украинского крестьянства, незаконностью телесных наказаний и жестоким отношением к крепостным. Царские власти быстро поняли, что могут использовать усилившийся антагонизм в собственных целях. Несмотря на то что русские помещики были не меньшими крепостниками, чем польские, на Украине власти стали выступать как защитники простого народа. После Польского восстания 1831 г. российские власти приступили к укреплению своих позиций, этот процесс продолжался до начала XX в. Украинский народ был официально признан ветвью русского народа, а потому заслуживал со стороны государства большего внимания, опеки и мер по улучшению его положения, чем русские крепостные в самой России. Введенные в 1847 г. «Инвентарные правила» четко определяли рамки польского господства над украинскими крепостными. В них также была предпринята попытка зафиксировать обязательный минимум крестьянских наделов. Цель этого указа очевидна — защитить украинское крестьянство. Однако, с другой стороны, он привел к тому, что польские землевладельцы, проводя дополнительное межевание, уменьшили площадь крестьянских участков, исказив суть изначального замысла. Впрочем, власти не могли его реализовать полностью, так как опасались, что либеральные меры придется распространить на всю империю. При этом на протяжении 30 лет, с 1831 по 1861 г., царская полиция и армия оказывали помощь польским землевладельцам при подавлении крестьянских волнений.

Украинское крестьянство, оказавшееся в центре российской политики кнута и пряника на Украине, испытывавшее на себе попытки польского дворянства отстоять свои давние привилегии, оставалось в своей массе полностью непросвещенным и порабощенным. Несколько украинских интеллигентов, сумевших получить образование, пытались отстоять своеобразие украинской культуры и способствовать ее развитию, однако были отброшены и не признаны подавляющим большинством как поляков, так и русских, считавших русинов или малороссов частью своей собственной культуры. Усилия таких людей, как П.А. Кулиш, Н.И. Костомаров и даже Т. Шевченко, и Кирилло-Мефодиевского братства не могли изменить в то время положения украинцев. Несколько поляков, осознававших весь трагизм бездны между своим и украинским народом, пытались в начале 1860-х гг. найти точки соприкосновения. Однако эти люди были не поняты в первую очередь большинством польских помещиков Украины и заслужили пренебрежительное звание «хлопоманы», которым в будущем гордились, полностью посвятив себя развитию украинского языка, истории, литературы и культуры. Примером такого рода людей были Т. Рильский и В. Антонович⁶. Как показали последние исследования А. Миллера, появление украинофилов среди русских ограничивалось интеллигентскими кругами российской столицы.

Отмена крепостного права в 1861 г. и Польское восстание 1863—1864 гг. не принесли значительных перемен в положение украинцев, чья национальная принадлежность использовалась как русской, так и польской стороной в междоусобной борьбе, но никогда не воспринималась всерьез. Известно, что такова была точка зрения, к примеру, тех польских землевладельцев, членов дворянских комитетов по улучшению быта крестьян, созданных в 1858 г. для подготовки крестьянской реформы.

В результате бедные идеалисты из Киевского университета, которые после начала восстания в 1863 г. распространяли по украинским селам «золотые грамоты», в которых польские помещики обещали крестьянам больше прав и льгот, чем царские власти, были пойманы крестьянами и в лучшем случае переданы полиции, а в худшем — стали жертвами самосуда.

Необразованных крестьян, не понимавших ни сути императорского указа об отмене крепостничества с его многочисленными отсрочками и условиями, ни красивых обещаний польских студентов, интересовало лишь одно — бесплатное получение земли, а этого им никто не обещал. По селам распространялись слухи, согласно которым через два года после провозглашенного манифеста, где-то в марте—апреле 1863 г. наступит «слушный час», когда крестьянам без выкупа раздадут землю. В связи с этим в 24 селах Кременецкого уезда крестьяне отказались исполнять барщину и были удивлены, когда умирять их приехал польский генерал рос-

сийской армии Адам Жевуский... Правда, в это время царским властям было важнее переиграть поляков, чем удержать крестьян в повиновении. Вот почему правительство обратилось к тем же мерам, что и в 1831 г., чтобы подогреть ненависть украинских крестьян против мятежных польских помещиков. Указом от 24 апреля 1863 г. в западных губерниях вводились сельские караулы и сельская стража для преследования повстанцев. И вновь, как и в 1831 г., с целью перетянуть крестьян на свою сторону власти давали лживые обещания. Созданный в Киеве во главе с К.А. Говорским русификаторский «Вестник Юго-Западной и Западной России» стал печатать и распространять среди крестьян через православных священников листовки. И хотя текст этих воззваний под названием «Беседа с русским народом, живущим в Западном и Юго-Западном крае России» производил на крестьян сильное впечатление, авторы его не задумались о возможных последствиях, когда сулили, что земли каждого польского помещика, пойманного крестьянами, будут переданы им во владение⁷.

Сам факт организации, хотя и не повсеместной, караулов, вооруженных пиками и косами, создавал у крестьян впечатление, будто царь разрешил им своего рода местную автономию. В связи с этим в памяти вновь воспряли традиции прежней казацкой вольницы, не угасавшие в украинском народном сознании. Подобные настроения поддерживали со своей стороны и поляки, распространяя стихи и думы на украинском языке о борьбе казаков с москалями. На страницах журнала «Основа», выходявшего с 1861 г. в Петербурге, Т. Рылский заявил, что крестьянство является единственной силой, с которой следует считаться⁸. Власти достаточно быстро смекнули, что слишком ярко выраженный украинский характер упомянутой стражи мог быть для них небезопасным.

Российская армия растерянно наблюдала за охватившим крестьян безумием, жертвой которого иногда становились и русские помещики, например братья Ревякины. Польский помещик Феликс Шостаковский рассказывал: «Конец был грустным. Отряд повстанцев Звенигородского уезда, окруженный под Кошоватой, рассыпался, и тогда началось систематическое истребление. Тысячи крестьян окружили лес, каждого встреченного повстанца убивали... Солдаты [российские. — Д.Б.] еле были в состоянии защитить несчастных от разъяренной черни. Вот каково было расположение люда! Доказал его, и не раз... Крестьяне в то время были опаснее солдатни, убивали без вопросов, без какой-либо ответственности каждого, хоть и беззащитного...»⁹ Многие крестьяне размахивали напечатанными в Киеве листовками, считая, что в них дано разрешение убивать.

Подобная позиция вызвала незамедлительную реакцию властей: во-первых, в зародыше были подавлены несмелые попытки эмансипации украинской культуры, а с другой, были сделаны значительные экономи-

ческие уступки, чтобы оторвать украинское крестьянство от поляков и крепче привязать к царской власти.

Министр внутренних дел Валуев запретил «Основу», а также большинство изданий на украинском языке. 16 июля 1863 г. он записал в дневнике: «Были у меня несколько лиц, в том числе Костомаров, сильно озадаченный приостановлением популярных изданий на хохольском наречии. Мягко, но прямо и категорически объявил ему, что принятая мною мера останется в силе».

18 июля министр уточнил свое мнение, требуя от цензуры (по согласованию с министром народного просвещения, Синодом и шефом жандармов) не давать разрешения на издание на украинском языке ни одной религиозной книги, ни одного учебника: «...никогда особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши»¹⁰. Было разрешено издание только ограниченного количества художественных произведений.

Чтобы ослабить этот удар, в конечном итоге малоощутимый для необразованного большинства украинского крестьянства, Валуев предложил генерал-губернатору Анненкову решение, предусматривавшее для украинских крестьян большие льготы по сравнению с реформой 1861 г. Вместо того чтобы оставаться, как в России, «временнообязанными» своих прежних господ и продолжать трудиться на них, украинские крестьяне должны были в обязательном порядке выкупить свои наделы с 20%-ной скидкой. Выкуп земли с выплатой денег государству разрывал какую-либо связь крестьян с помещиками, в большинстве своем поляками.

Мы еще вернемся к этому важному указу от 30 июля 1863 г.

Прежде чем перейти к рассмотрению дальнейшего развития земельного вопроса, необходимо отметить, что польская политическая мысль, которая могла свободно развиваться лишь в эмиграции, на протяжении следующих 50 лет, подобно российской, отказывалась признать своеобразие украинской культуры. Эта позиция усилилась после того, как в 1867 г. Австро-Венгрия позволила развиваться украинской культуре в Галиции.

Большинство польских эмигрантов не сделало никаких выводов ни из поражения польского восстания на Украине, ни из обстоятельств этого поражения. Свидетельством чему брошюра Леона Чеконского, изданная в Швейцарии в 1865 г., лишенная какого-либо понимания политической реальности: «Оттуда [из Правобережной Украины, «Руси». — Д.Б.]... забьет струей главная сила. Русь может располагать мощнейшими средствами, она даст сигнал к окончательной битве, в степях Руси решится судьба Польши». Столь наивная вера сопровождалась острым осознанием несправедливостей, творимых польскими помещиками в отношении украинских

крестьян. Автор брошюры в резком тоне обличал хозяев «рабов», поскольку лично убедился в самоуправстве польских землевладельцев. Однако, несмотря на это, он хранил надежду на возможность союза с крестьянами в борьбе против царя — «немного удачи, больше времени, [и] простой народ можно было бы поднять». Его вера опиралась прежде всего на убеждение, что четыре века дали полякам неоспоримое право владеть не только землей, но и людьми: «Русский крестьянин любит волю, это единственная постоянно вибрирующая в нем струна. Та единственная, которую возможно задеть. Напрасно он от царизма ожидает ее и ожидать будет. Он не получит ни воли, ни имущества. Воли нет в царских амбарах. Имущество, даже если ему и разрешили бы взять чужое, так царские чиновники вмиг его раскрадут... или же заберут. Характер Москвы самой и ее чиновников является залогом того, что царь *нашего народа* [курсив мой. — Д.Б.] на свою сторону привлечь не сможет»¹¹.

В работе Ежи Борейши, посвященной польской эмиграции, рассмотрена проблема «русского дела», а именно формирования представлений о политике в отношении Правобережной Украины, и это освобождает нас от необходимости ее детально анализировать. Ограничимся лишь упоминанием о том, что Ярослав Домбровский был единственным, кто отстаивал возможность признания автономии трех губерний Правобережной Украины. Однако он столкнулся с острой критикой со стороны Л. Борковского, В. Врублевского, С. Ярмунда, З. Свентожецкого, А. Бернавского, а особенно Е. Беднарчика. К последнему Домбровский обратился с письмом в 1867 г. («К гражданину Беднарчику и его политическим друзьям»), в котором, опережая время на несколько десятилетий, писал, что «каждый народ имеет право самостоятельно решать свою судьбу». Ему казалось, что поляки, сами страдающие от преследований, поймут необходимость права на самоопределение. Однако они, к его сожалению, продолжали считать украинцев «нашим народом». Именно поэтому Лешек Борковский, который косо смотрел на австрийскую толерантность, отказывал украинцам в праве на самобытность, выражаясь примерно в тех же словах, что и Валуев: «Нет Руси. Есть лишь Польша и Москва»¹². Не отличился большей открытостью и сын великого Мицкевича, писавший весьма неумело по-французски в своей книге: «Русоманы и русинолюбы — это молодые люди разного социального происхождения, несостоятельные, заблудшие, недоучившиеся, нападающие на шляхту в поэтических сборниках вроде “Кобзаря”, “Гайдамаков”, “Хаты” или “Народных рассказов”, в азбуках, грамматиках и т.п., создающие огромную боевую группу, направленную против господ, а по правде говоря, только против самых богатых. Органом, в котором сконцентрированы все эти идеалы разрушительного коммунизма и фальшивого социализма, является “Основа”, издающаяся в Петербурге.

Этот журнал наносит полякам больше вреда, чем московский “День”, по причине определенной изысканности и старательного подбора редакторов...»¹³

Отказ признать своеобразие другой культуры был вызван, несомненно, ностальгией поляков по границам Речи Посполитой, существовавшим до 1772 г., по великой Польше династии Ягеллонов, о могуществе которой вспоминали на всех эмигрантских празднествах. Не будем дольше останавливаться на феномене живучести данного убеждения, сохранявшегося еще в момент обретения Польшей независимости. Многими исследователями было показано, что данный миф был характерен практически для всех польских политических течений конца XIX — начала XX в. В 1913 г. эта мечта разделялась даже социалистами. В. Фельдман настойчиво рекомендовал: «Сначала договориться с Литвой и Русью, чтобы изгнать [российских. — Д.Б.] оккупантов, а затем принять решение о нашей дальнейшей судьбе среди людей свободных и равных».

Несомненно, тогда рассматривались идеи федерации и автономии, но настолько в общих чертах, что их реальное осуществление казалось столько же маловероятным, как и в 1863 г. Фельдман, например, предлагал в качестве образца будущего сосуществования... Городельскую унию 1413 г.¹⁴

Проблемы «сосуществования» в самой Украине были связаны также с причинами совершенно иного характера, в особенности с огромным количественным преобладанием украинского населения: в 1863 г. украинские крестьяне составляли 4,64 млн из общего числа населения трех юго-западных губерний в 5,48 млн¹⁵. Три четверти крестьянства Правобережной Украины были бывшими крепостными, остальные крестьяне жили на казенных землях, или на землях, принадлежавших православной церкви, или в имениях, которые были в собственности царской семьи. Этот численный перевес стремилось использовать царское правительство.

Власти с целью углубления конфронтации между поляками и украинцами использовали земельный вопрос, правда весьма осторожно, чтобы не разбудить аппетитов в остальных частях империи.

Манифест 19 февраля 1861 г. не мог, несомненно, породить среди освобожденных крепостных особой симпатии к царской власти, поскольку, как показывают многочисленные исследования, реформа нередко вела к захвату части крестьянских земель. Поляки были в большинстве в комиссиях, составлявших уставные грамоты, занижая размеры наделов для украинских крестьян зачастую на 10%¹⁶.

Валуев, который, как мы знаем, не особо жаловал Анненкова, не смог убедить его в том, что добиться любви простого народа и настроить его против поляков можно, лишь пойдя на те же меры, что уже были приняты в Литве и Белоруссии. С 1 марта 1863 г. в северо-западных губерниях

было прекращено временнообязанное положение бывших крепостных, а уже через два месяца, т.е. с 1 мая, они после начала обязательного выкупа своих наделов по сниженным расценкам становились, согласно букве закона, «крестьянами-собственниками». Анненков, который не скрывал стремления сохранить на юго-западе Украины земельный *status quo*, считал, что не следовало принуждать крестьян принимать реформу, о которой они не просили. В июне 1863 г. он поехал в Петербург, чтобы представить свою точку зрения¹⁷.

Часть крестьян уже приобрела наделы на условиях 1861 г., однако это не остановило Валуева: 25 июля он предписал распространить на Украину меры, примененные к северо-западным губерниям. Как уже отмечалось, Александр II утвердил их 30 июля 1863 г. С целью выяснения положения тех крестьян, кто уже выкупил свои наделы на менее выгодных условиях, 8 октября 1863 г. было принято специальное положение¹⁸. Его выполнение растянулось до 1865 г. — до тех пор, пока этим не занялся Безак и не доложил царю о проволочке в его исполнении своим предшественником. Обещание обеспечить бывших крепостных землей было тем привлекательнее, что предусматривало возвращение наделов, присвоенных польскими помещиками во время составления инвентарей 1847 г.¹⁹ Поскольку не могло быть и речи о контроле за распределением небольших участков со стороны поляков, которых в 1861 г. избрали мировыми посредниками и которые могли вести себя так же, как и их предшественники, Безак обратился в Западный комитет с просьбой распространить на эти губернии систему, принятую 30 апреля 1863 г. Муравьевым для Литвы и Белоруссии. Отныне мировые посредники назначались Петербургом из православных. Земский отдел Министерства внутренних дел признал, что «крестьянское дело в сем последнем крае требует также усиленной заботливости со стороны местного начальства и надежных для ведения сего дела исполнителей», и послал 21 августа 1865 г. Безаку долгожданное решение императора²⁰. Число посредников значительно увеличилось, а на местах были созданы комиссии по превращению уставных грамот в выкупные акты согласно указу от 30 июля 1863 г. Они работали параллельно с комиссиями по выделению наделов, которые также состояли исключительно из чиновников налоговых органов и полицейских.

Однако эти меры были приняты царскими властями лишь после четырех лет замешательства. В начале 1861 г. власти обратили внимание на «отсутствие признаков радости» среди крестьян, которым сообщали об отмене крепостничества, поскольку те не понимали, почему манифест будет введен с двухлетней отсрочкой. Были зафиксированы многочисленные отказы крестьян от барщины, особенно в апреле—мае 1861 г., когда царской полиции даже пришлось прийти на помощь польским помещи-

кам. Понятие «временнообязанный» объяснялось крестьянами на сотни ладов. Они традиционно винили то помещиков, то полицию, то православных священников в том, что те скрывают от них или переиначивают «истинные» намерения царя. Многие крестьяне отказывались от подписания уставных грамот, которые приводили к новым земельным переделам. Согласно проведенному советской историографией скрупулезному подсчету, в 1861—1863 гг. имело место 1147 случаев крестьянских волнений, тогда как в 1858—1860 гг. — всего 284. Они распределялись по губерниям следующим образом²¹:

Губерния	Количество беспорядков	Случаи вмешательства армии
Киевская	533	132
Подольская	481	236
Волынская	133	54

Январское восстание разбудило крестьянские мечты о земле. Однако в то же время власти, подтолкнувшие их ополчиться против поляков, констатировали, что народ не видел большой разницы между принуждением помещика идти на барщину и требованием платить налоги, исходившим от царского чиновника, который к тому же еще вел себя подозрительно при межевых работах. Растерянность генерал-губернатора Анненкова в связи с этим видна в его отчете министру юстиции от 10 сентября 1864 г. В нем шла речь об участившихся случаях отказа крестьян платить налоги, выкупать наделы, позволять чиновникам перемеривать наделы. Несмотря на всю серьезность подобных случаев (крестьяне регулярно избивали полицейских и прогоняли, отобрав планы), Анненков просил, чтобы суды дополнительно не усложняли ситуации и чтобы подобные дела замалчивались и улаживались втихую²².

Безак прибег к совершенно иному методу решения вопроса: он решительно покончил со всеми двусмысленностями и открыто заявлял о намерении властей помочь крестьянам юго-западных губерний. В связи с этим 30 июля 1863 г. был подготовлен перечень всех составленных до этого актов и увеличены земельные наделы²³. Наделение землей происходило достаточно быстро, так как земля не предоставлялась согласно местной традиции не в индивидуальном порядке, а крестьянскому обществу (громаде), т.е. по тому же принципу, что и в самой России. Однако если на первом этапе этот метод принес удовлетворительный результат, то в будущем он привел к определенным проблемам. Вначале власти стремились действовать быстро, сохранившиеся в архиве объемные материалы о проведении этой операции показывают, что согласие крестьян зачастую достигалось тем, что чиновники и мировые посредники делали солидные скидки с за-

фиксированной в инвентарях стоимости земли. Иногда скидки составляли более 20% от официально установленной стоимости, а кое-когда достигали даже 50%. Причинить ущерб польским помещикам было в духе политики Муравьева, который говаривал, что поляков надо укрощать страхом и рублем.

Однако крестьяне жили в такой бедности, что многие комиссии приходили к выводу, что они не в состоянии выкупить землю даже на таких выгодных условиях. При этом Главное выкупное учреждение слишком медленно регистрировало акты. В этой ситуации Безак взял на себя регистрацию трех четвертей дел. Это позволило ему уже 15 августа 1867 г. доложить царю, что «все выкупные акты написаны, поземельные права крестьян и их повинности определены повсеместно, за малыми только исключениями». Эта оперативная акция охватила в трех губерниях следующее количество крестьянских сельских обществ²⁴:

Киевская губерния	1871
Подольская губерния	1912
Волынская губерния	3503
Всего:	7286

Однако эти меры не охватили большинства бывших помещичьих крепостных. Полностью все выкупные акты были подтверждены лишь в начале 1870-х гг.²⁵

Польские свидетельства о проведении этой акции по предоставлению земли крестьянам, как правило, преисполнены ужаса. Леон Липковский представлял всю эту акцию как месть за злоупотребления 1847 г., о несправедливости которых польские помещики уже забыли. Он считал, что основанием для нового предоставления земель послужили «фиктивные планы» российских чиновников, решивших увеличить крестьянские наделы на 50%. Феликс Шостаковский, на совести которого было переселение целого села до 1863 г., мешавшего его планам по расширению парка рядом с усадьбой, опасался того, что теперь крестьяне начнут требовать конфискованные участки назад. В связи с этим он писал Безаку, что крестьяне были переселены на большие участки плодородной земли, и сетовал на строгость поверочных комиссий. Безак ответил ему, что тот сможет решить вопрос, прирезав крестьянам дополнительную землю. Маньковский посвятил целую главу в своих воспоминаниях негативной роли мировых посредников, призванных, по его мнению, лишь раздувать аппетиты крестьян и вредить полякам. Маньковский перечислил весь «вред», нанесенный ему и членам его семьи, он также писал, что ему угрожали ссылкой в случае отказа уступить как можно больше земли. В его воспоминаниях содер-

жится ценное свидетельство о социальном происхождении исполнителей царской воли. В указе не отмечалось, что ими должны быть русские, речь шла лишь о православных. Это дало возможность некоторым из деклассированных шляхтичей проникнуть в комиссии. Например, некоему Пенёнкевичу, бывшему секретарю отца автора воспоминаний, который из мести набросился на имение Маньковских, а позднее стал исправником в Виннице. В следующей главе будет показано, что такого рода поведение было по-своему закономерным. В целом же в польских мемуарах мировые посредники изображены как люди, продавшиеся сердцем и душой царской власти, которые при отсутствии земств чувствовали себя вершителями судеб: терроризировали польских помещиков, а к крестьянам относились цинично и пренебрежительно. Еще в 80-х годах XIX в. они вызывали у помещиков страх. «Остающиеся комиссары по крестьянским делам, — писал Маньковский, — являются элементом, продолжающим подстрекать крестьян против господ, они в настоящее время как опекуны вечно малых детей-крестьян, как их начальники в уездах, подчиняющиеся только губернатору и крестьянскому комитету, поскольку до сих пор крупная собственность и крестьяне имеют отдельные организации и отдельные ведомства»²⁶.

Часть поляков понимала ограниченный характер подобной «экспроприации», последствия которой на самом деле не нанесли большого урона экономике крупных имений (а таких было больше всего). Кроме того, польские помещики умело пользовались слабостями некоторых российских чиновников. Во всех западных губерниях с помощью мошенничества и фальсификаций удалось ограничить и без того незначительные земельные «преимущества» крестьян. Описанная С. Кеневичем ситуация в белорусских землях²⁷ в случае Правобережной Украины подтверждается воспоминаниями Т. Бобровского: «Следует признать, что и некоторые владельцы имений, видя, что вся популярность этой правительственной операции достигается за их счет с целью нанесения им вреда, защищались всеми способами, порой совершенно позорными, как уничтожение надлежащих документов, т.н. бибиловских инвентарей, или подкуп свидетелей, или даже представление фальшивых планов (позднее некоторые из таких планов получили широкую огласку — впрочем, совсем немногие), отвечая злым умыслом при защите на злой умысел при расследовании, не вызывая, однако, ни у кого осуждения, которое в другом случае представление фальшивых документов вызвать могло бы...»²⁸

Каковы же были итоги этой специфической реформы в трех юго-западных губерниях? Исследования Зайончковского, переключаясь с данными Рихтера 1900 г., показывают, что крестьяне достигли приблизительно такого же земельного положения, какое у них было до 1847 г., с той лишь разницей, что теперь земля находилась в коллективной собственности гро-

мады. Т. Бобровский приуменьшил площадь земли, отнятой помещиками в 1847 г. и возвращенной в 1863—1870 гг. Он утверждал, что эта площадь равнялась 150 тыс. десятин, в действительности же эта цифра была в четыре раза большей.

Общая площадь земель, принадлежавших крестьянам, увеличилась с 3 396 533 до 4 016 604 десятин. Эта цифра представляется особенно красноречивой, если вспомнить, что польские помещики на Украине владели почти такой же площадью. Следовательно, в распоряжении свыше 3 миллионов бывших крепостных было столько же земель, как и у 5—6 тысяч семей польских помещиков. Это неравенство станет еще более вопиющим, если принять во внимание, что к 1890 г. русские помещики владели почти таким же количеством земли, как и польские, т.е. 7—8 тысяч российских и польских помещиков владели площадью вдвое большей, чем 5 миллионов украинцев. К сопоставлению этих данных мы еще вернемся.

Стоит вспомнить, что эта ситуация вызвала дискуссию даже в кругах русской эмиграции в Лондоне. В статье «О продаже имений в западных губерниях», опубликованной в 1866 г. в «Колоколе», Герцен писал, что вместо того, чтобы доверять землю русскому дворянству, ее было бы лучше раздать «русским крестьянам». Герцен, однако, отмечал, что такое предложение не было бы «тактично» по отношению к полякам, которых считал союзниками в борьбе с царизмом.

«Увеличение», а точнее, возвращение крестьянской земельной собственности в каждой из трех губерний выглядело следующим образом: 21% — в Киевской, 18% — в Подольской и 15% — в Волынской, т.е. в среднем примерно на 18%, хотя данные по уездам сильно дифференцированы. Кроме того, следует учитывать, что расширение земельных наделов не всегда приносило пользу, поскольку осуществлялось за счет неплодородных или непригодных для возделывания земель²⁹.

В среднем на один двор бывших крепостных приходилось по 8,96 десятины земли. В Волынской губернии, где почвы были менее плодородны, участок был большим. Данные по губерниям были следующие:

Губерния	Десятин на двор
Киевская	7,72
Подольская	8,21
Волынская	11,31

В среднем на мужскую душу приходилось 2,73 десятины (3,5 — в Волынской губернии, 2,4 — в Киевской и 2,2 — в Подольской), или по 1,35 десятины на каждого независимо от пола. Хотя это еще ни о чем не говорит, поскольку известно, что крестьянство в своей массе было неодно-

родным. Согласно переписи, лишь 35% дворов имело земельный надел, который теоретически оправдывал использование волов или лошадей (категория тяглых), 49% принадлежало к бедной категории пеших (безлошадных), 9% — очень бедных, категория огородников, и 7% — нищих, категория бобылей³⁰.

По мнению экономистов того времени, для хорошего функционирования хозяйства нужно было по меньшей мере 5 десятин на двор. Большое количество дворов не располагало таким количеством земли, при этом обеспечение земельными наделами юго-западных крестьян не было наилучшим в империи, чем можно объяснить относительное спокойствие, воцарившееся на Правобережной Украине в 1865—1870 гг.

Известно, что там, где царские власти конфисковали польские имения, увеличивалось количество доносов со стороны крестьян. В небольших, но очень интересных мемуарах жены некоего польского землевладельца с Волыни с ненавистью и ужасом рассказывается о репрессиях, которые претерпела ее семья сперва в 1863 г. и затем на Пасху 1866 г., когда следственная комиссия принуждала крестьян — «счастливых тем, что могут решать сами», — подписать «свидетельство», обещая им новых русских хозяев, которые отомстят за все издевательства. Мятеж дворни сопровождался подстрекательством со стороны молодых православных поляков, однокорцев, т.е. деклассированной шляхты, которых автор называла «грязной польской гольтубой», а они ей в ответ кричали: «Нет, мы не мерзавцы, это ты поляка-мерзавка»³¹.

В 1868—1870 гг. еще случались отдельные судебные споры между польскими землевладельцами и крестьянами с требованием вернуть землю, отобранную после 1847 г. Ксаверий Браницкий, который постоянно проживал во Франции, а в своем родном Каневском уезде требовал, чтобы его именовали не иначе как «Монтрезор», по названию купленного на Луаре замка, пытался взыскать 460 рублей штрафа со своих крестьян за незаконное присвоение земли. Однако, когда судебные исполнители наложили арест на имущество, крестьяне подняли бунт. Предчувствуя подобный конфликт из-за 200 десятин в селах Рейментаровка и Ставидлы Чигиринского уезда, владелец граф Красинский заключил мировую с крестьянами, отдав бесплатно бывшим крепостным 137 десятин земли. Далеко не так мирно решилось дело в имении Панковской в четырех селах Ямпольского уезда, где крестьяне сочли себя обманутыми во время раздачи земельных наделов. Захваченная крестьянами помещица была спасена воинским отрядом, которому пришлось столкнуться с разъяренной толпой во главе с крестьянками. Во время усмирения крестьян был убит один грудной ребенок, подольскому губернатору пришлось вмешаться лично и дать распоряжение о проведении многочисленных арестов³².

Однако эти столкновения не идут ни в какое сравнение с волнениями последующих лет. В целом в пореформенный период крестьяне оценили полученную свободу и льготы. Многие поверили в то, что царская власть заботилась о них. И действительно, следует подчеркнуть, что власти делали все для завоевания поддержки со стороны крестьян. В рапорте за октябрь 1867 г. сообщалось о деятельности крестьянских караулов, которые принимали участие в охоте на поляков еще за три или четыре года до этого. Проявлявшие активность в мае 1863 г., немного менее активные летом в связи с полевыми работами, эти вооруженные группы в начале 1864 г. вновь были созданы для оказания помощи полиции. Однако 12 июля 1864 г. власти сократили их количество наполовину, поскольку они показались им слишком самостоятельными, а 30 ноября эти отряды были и вовсе распущены. Поскольку мобильные отряды формировались из наиболее озлобленных и неуступчивых украинских крестьян, генерал-губернатор посчитал необходимым отблагодарить их, приказав провести «расчет» за труд, который был произведен только в 1867 г. 38 169 крестьян получило за свою службу, которая оценивалась в несколько десятков тысяч дней, 106 241 рубль — эту сумму, конечно, должны были оплатить поляки³³. Такой ценой удалось на некоторое время установить мир и усыпить национальные стремления на Правобережной Украине.

ДРАМА МЕЖЕВАНИЯ

Недугом, десятки лет отравлявшим отношения крестьян с польскими землевладельцами и новыми русскими помещиками, которым очень быстро пришлось столкнуться с той же проблемой, было сохранение системы сервитутов. Эта система, доставшаяся в наследство от «эпохи феодализма», заключалась в том, что крестьяне сохраняли право на пользование частью угодий барского имения: лугами для выпаса скота после первого сенокоса, лесами для сбора хвороста, прудами для ловли рыбы, выкоса тростника и вымачивания льна, водопоями и водой из рек и каналов для полива, каменными и глиняными карьерами. Система сервитутов согласно указу от 4 апреля 1865 г. сохранялась во всех западных губерниях до полного окончания процесса размежевания помещичьих и крестьянских земель. В очередной раз власти понадеялись, что таким образом смогут облагодетельствовать крестьян за счет польских помещиков³⁴.

В принципе размеры предоставляемых в пользование крестьянам наделов, а также тип пользования, бесплатный или платный, должны были указываться в актах о выкупе, но поскольку земельные наделы предоставлялись в спешке, такие детали не уточнялись. Зачастую крестьяне

были не в состоянии различить свои узкие небольшие наделы от земель помещика, на которого они в подавляющем большинстве продолжали трудиться.

Расхождения в интерпретациях, которые 6 мая 1866 г. возникли между киевским губернатором Казнаковым и генерал-губернатором Безаком, были крайне характерны для царских властей в это время, колебавшихся между необходимостью сохранения крупного землевладения, с одной стороны, а с другой — стремлением не допускать возможных мер, которые могли бы ожесточить крестьян Юго-Западного края против властей. Казнакову были чужды столь высокие государственные идеи. Получив согласно уже устоявшейся традиции жалобы многих польских землевладельцев на незаконное использование крестьянами лесов, незаконные вырубки леса и выпас скота, он приказал распространить циркуляр среди всех мировых посредников и полицейских чиновников — станowych приставов и исправников каждого уезда.

Казнаков заявлял, что, по всей видимости, крестьяне решили, что им все позволено, раз органы власти заняты выдачей документов по межеванию и земельным наделам. Однако им следовало осознать границы своих участков, обозначенные в этих документах на законных и справедливых основаниях. Решение о возвращении крестьянам земель, забранных после 1847 г., не означало, что они могли продолжать, как когда-то, путать свою собственность с чужой. Необходимо было, чтобы крестьяне «поняли всю силу нового закона, отвыкли от старых наклонностей крепостного права, вызывавших их в иных случаях к безразличному пользованию своей и помещичьей землей и довольствовались *даровым пользованием* лишь только того, что им действительно предоставлено в собственность».

Обращение Казнакова стало для Безака полной неожиданностью. Он немедленно послал ему написанную собственноручно записку, обращая его внимание на «неосторожное высказывание», которое может свести на нет все усилия по усмирению народа. Однако Казнаков раньше других сумел распознать проблему, которой через несколько лет суждено было выйти на первое место еще и потому, что выборные среди крестьян лица чувствовали себя ближе к своим собратьям, чем к власти. «Сельские старосты и волостные старшины должны ясно уразуметь, — писал Казнаков, — что хотя они люди выборные, но по утверждению в своем звании, подлежащими местами и лицами, они составляют поставленное от Правительства, ближайшее к крестьянам местное начальство...» В заключение он обращался к мировым посредникам: «Успех я ожидаю самый скорый и на результаты его не премину обратит бдительное внимание...»

Это не оставляло никаких сомнений относительно репрессивных намерений губернатора³⁵.

Спешить на помощь крупным землевладельцам тогда, когда только-только стали проявляться последствия антипольских репрессий, было рано. Впрочем, быстрое проведение размежевания с целью полного отделения крестьянских наделов от крупных частных имений натолкнулось на значительные технические трудности: крестьянские земли на Украине были разделены на массу небольших наделов, которые часто перемежались с участками помещичьей земли. Такая сложная структура полей называлась в России чересполосицей, а по-польски — «szachownica», дословно — «шахматная доска».

Несмотря на все трудности, Безак был не против осуществления межевых планов. В отчете Александру II за 1867 г. он сообщал об уменьшении штата комиссий по предоставлению земельных наделов с 250 до 200 человек, но зато увеличил количество землемеров до 450 человек. Их высылали только туда, где помещики и крестьяне были готовы к полюбовному соглашению. Однако, поскольку количество таких случаев было незначительным, а территория небольшой (920 случаев в Киевской губернии, 433 — в Подольской и 305 — в Волынской), Безак считал, что начинать всеобщие землемерные работы до 1870 г. преждевременно. По его мнению, до этого времени ради завоевания доверия малорусского народа и согласно решению Комитета министров от апреля 1865 г. власти должны были смотреть сквозь пальцы на различные случаи превышения права, злоупотребления, и даже преступления, совершаемые крестьянами, а потому было бы невыгодным вызывать среди слабо информированного населения впечатление, будто перемер земли предпринят с целью ревизии размеров недавно предоставленных наделов³⁶.

Эти опасения были обоснованными. 4 декабря 1869 г. волынский губернатор сообщил Дондукову-Корсакову, сменившему только что Безака, что шесть сел Староконстантиновского уезда выступили против землемера Давидовича и «оказали сопротивление и самоволие», уничтожая установленные межевые знаки. Крестьянский гнев был вызван продажностью представителей власти, когда заплатившая больше сторона могла выиграть несколько десятин. Давидович просто сокращал площадь участков, передвигая межевые знаки, поставленные за год до этого, так как крестьяне, как он заявил, отказались его кормить³⁷.

Вступив в должность генерал-губернатора, Дондуков-Корсаков рассмотрел отчет, подготовленный по требованию его предшественника, из которого вырисовываются масштабы проблемы, положившей конец царским милостям крестьянству. Данные из отчета представлены в приводимой таблице³⁸:

Губернии	Общее количество частных владений (польских и русских)	Имения без права сервитутов	Имения с разделенными сервитутами	Неразмежеванные имения	Имения, где не проводились межевки, несмотря на просьбу		
					помещиков	крестьян	Всего
Киевская	2057	200	321	1536	168	172	340
Подольская	2176	168	341	1667	158	133	291
Волынская	3544	154	339	3051	141	259	400
Всего	7777	522	1001	6254	467	564	1031

Из этих данных следует, что 80,4% имений не было размежевано, т.е. по ним могли предъявляться любого рода претензии, проверить которые было крайне сложно. Одна шестая имений не была размежевана, несмотря на просьбы владельцев, т.к. власти опасались возможных конфликтов.

Однако, несмотря на то что крестьянам удалось получить небольшие земельные выгоды от проведенного межевания, они имели огромное значение для жизни села, особенно в условиях роста населения. В 70-х гг. XIX в. наблюдается демографический взрыв на Правобережной Украине, о котором еще пойдет речь. По данным Рихтера, 54% крестьян пользовались правом сервитутов в частных владениях Киевской и Подольской губерний и 71% — в Волынской губернии³⁹.

В 70-х гг. проявились конфликты, связанные с неточным определением границ земельной собственности. Именно тогда российская армия вновь, как и до 1863 г., стала постоянно приходить на помощь призывавшим ее польским, а также теперь и русским помещикам. Коснемся нескольких наиболее серьезных случаев.

В 1873 г. польский помещик Гутовский решил вырубить в своем имении в Новоград-Волынском уезде лес, на который распространялись сервитутные права крестьян из сел Острова и Затишье. Считая, что лес принадлежит им, они оккупировали место вырубки. Одни обступили вырубаемые деревья, другие захватили уже срубленные, не давая их обтесывать. Полиции не удалось их убедить. Вице-губернатору пришлось лично взять на себя руководство вооруженной акцией, в результате которой территория была очищена, а зачинщики арестованы. Через год батальон пехоты 48-го Одесского полка не без усилий разогнал жителей села Дзиговка в имении Ярошинского в Ямпольском уезде, которые начали совместно обрабатывать, а затем охранять землю, которую считали своей. Высокие царские чиновники, жившие в этом регионе, также были вынуждены прибегнуть к защите собственности от посягательств крестьян. В 1874 г.

крестьяне села Зозов Липовецкого уезда коллективно вспахали поле, которое за два года до этого было отобрано у них в результате проведенного межевания. В ответ на это киевский вице-губернатор Гудим-Левкович вызвал армию. Крестьяне долго оказывали сопротивление военным, и только после приезда генерал-губернатора, который приказал бить зачинщиков кнутами, удалось навести порядок⁴⁰.

Возможно, что эти одиночные крестьянские бунты не подавлялись бы так жестоко, а польская и русская стороны не пришли бы столь быстро к пониманию в мерах по установлению «порядка», если бы не дополнительный фактор, вызвавший еще большее недоверие к крестьянскому миру. Хотя народническое движение, оформившееся под лозунгом «Земля и воля», получило распространение прежде всего в России и охватывало главным образом студенческие и интеллигентские кружки, сочувствовавшие положению крестьянства, оно пустило свои ростки и на Украине. Это не могло не вызвать тревогу властей, тем более что в 1869 г. начались продолжительные крестьянские волнения в казенных землях Чигиринского уезда. Их зачинщиками были два народника — И. Фролов и Я. В. Стефанович, которые устраивали тайные собрания у крестьянина Прятко. Под их влиянием выдвигаемые крестьянами требования приобрели украинскую специфику, приняв индивидуалистический характер. Они утверждали, что маленьких наделов, предоставленных в 1868 г., недостаточно; их следовало заменить большими из расчета по 5 десятин на душу. Кроме того, по подсказке «будителей», высланная в Петербург (и арестованная) крестьянская делегация требовала возвращения казачьих свобод для 50 тысяч крестьян. Приняв во внимание масштабы движения, охватившего целый уезд, киевский губернатор Н. П. Гессе прибегнул в 1875 г. к жестким мерам. Направляя воинские отряды от села к селу, он приказывал массово бить повстанцев кнутами, заставляя их присягнуть в том, что они довольны своими наделами. Однако признаки неповиновения наблюдались еще на протяжении нескольких лет. После раскола народнического движения в 1879 г. Стефанович вошел в «Черный передел», 15 января 1880 г. в первом же номере журнала под одноименным названием он опубликовал рассказ о царских репрессиях в Чигирине. Странник нигилизма, он не колеблясь манипулировал крестьянами, распространял среди них подложные грамоты царя о всеобщем переделе земель. В 1877 г. ему удалось организовать «тайные бригады», куда вошло 967 крестьян. Однако они были раскрыты по доносу православного священника, главные агитаторы Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч, И. В. Бохановский были арестованы, побег из киевской тюрьмы превратил их в легенду, а их деятельность оказала сильное влияние на бывших крепостных всего Юго-Западного края.

Последующие крестьянские волнения в частных владениях подталкивали власть к еще большей солидарности с дворянством, в том числе польским, хотя отношения эти, как нам известно, были достаточно запутанными. Полиция знала о том, что народники в 1873 г. создали в Киеве коммуну, в состав которой входили убежденные террористы А.И. Желябов, Н.И. Кибальчич и М.Ф. Фроленко, чьи коммунистические взгляды, какими бы утопическими они ни были, вызывали страх. Кроме того, антикрестьянские и антиукраинские репрессии приобрели особо яркий характер именно в это время, когда стало очевидно, что крестьяне не различали польских и русских помещиков. 20 июня 1873 г. киевский губернатор сообщил Дондукову-Корсакову, что крестьяне села Топильна Звенигородского уезда из имения русских помещиков Фундуклеев, вооружившись вилами, косами, серпами и палками, побили мирового посредника, который должен был проконтролировать межевание, лишавшее крестьян прежних сервитутов. Прибывшую на место полицию женщины и дети забросали камнями. Как оказалось, крестьяне повторяли один и тот же слух — будто бы все эти измерения были незаконны, так как царь раздал каждому по «душевому наделу». Крестьяне негативно отнеслись к реформе из-за предоставления земли в собственность всего сельского общества. Напряжение выросло настолько, что вице-губернатор Гудим-Левкович, приехав на место, стал слать одну за другой три телеграммы (23, 25 и 26 июня) Дондукову с просьбой немедленно прислать два эскадрона драгунов. Крестьяне, засеяв на кладбище, долго держались, забрасывая солдат чем попало. В конце концов зачинщиков удалось связать и посадить в телегу, однако разъяренная толпа набросилась на солдат и освободила пленных. «Спокойствие» было восстановлено только после ареста 28 лиц, в том числе двух женщин. Отправление арестованных сопровождалось процессией во главе с местным священником, который вынес в их честь кресты и хоругви, по адресу же царя раздавались проклятия. Чтобы обеспечить порядок, в селе на постой были размещены солдаты. И хотя министр внутренних дел, узнав об этом, осудил насилие, очевидно, что напряжение достигло наивысшей точки⁴¹.

Под влиянием текущих событий и в условиях поощрения украинской самобытности в Австро-Венгрии мысль об отрицании украинской идентичности зазвучала в России громче. В Киеве был опубликован сборник статей редактора «Московских новостей» М.Н. Каткова⁴², направленный против этой «выдумки». Правительство обратило внимание на то, что поддержка с 1860-х гг. галицийских украинцев с целью привлечения их на свою сторону как «русских» может обратиться против него же в собственных губерниях. Следовательно, в Российской империи окончательно отказались от сохранения видимости терпимого отношения к украинской интеллигенции. Было закрыто киевское отделение Русского географиче-

ского общества, открытое по разрешению Дондукова-Корсакова⁴³, которое давало возможность П.П. Чубинскому, А.А. Потетбне, В.Б. Антоновичу, М.П. Драгоманову развивать идеи о своеобразии украинской культуры. Кроме того, Драгоманов был лишен места штатного доцента в Киевском университете и отправился в эмиграцию⁴⁴. Вершиной же репрессий стал подписанный 18 мая 1876 г. царем в Эмсе, где он отдыхал на водах, указ о полном запрещении переводов на украинский язык, театральных представлений на украинском (разрешены с 1881 г.), а также ввоза украинской литературы из-за границы.

Запреты властей были вызваны опасениями, что под влиянием украинского национального движения окрепнет крестьянское недовольство решением земельного вопроса. В деревне росло недовольство, хотя оно никогда не выходило за рамки неорганизованных локальных бунтов. При этом основной удар приходился на польских помещиков, поскольку те во время землемерных работ, проводимых якобы для разграничения сервитутов, пытались вернуть себе земли, которые пришлось отдать в результате реформы. Например, в 1876 г. в селе Балановка Ольгопольского уезда во время межевых работ помещик Собанский, действуя в сговоре с Елисеевым, членом Подольского губернского присутствия по крестьянским делам, отобрал у крестьян 700 десятин земли. К потерпевшим на помощь из соседнего села Сумовки пришло 1625 крестьян, в результате с бунтом не удалось справиться силами местной полиции, и Собанский и Елисеев запросили помощи войска. Однако солдат в уезде было немного, поэтому генерал-губернатор предпочел разрядить конфликт, попросив Собанского остановить межевые работы и не настаивать на их результатах. В 1877 г. в селе Самострелы вблизи Ровно крестьянин Василь Черемыс, сидевший в 1861 г. в тюрьме за неповиновение помещику Еловицкому, опять подстрекал односельчан протестовать против выделенных в 1869 г. наделов как недостаточных. Крестьяне прогнали арендаторов и рабочих помещика, захватили лошадей и сельскохозяйственный инвентарь. «Спокойствие» удалось восстановить лишь после высылки зачинщика в отдаленный уезд Волынской губернии.

Повсюду разгорелись споры из-за межевых границ. В 1879 г. в имении Ледуховского в селе Кодня Житомирского уезда крестьяне незаконно вспахали землю, по их утверждению, несправедливо у них отобранную. Возмущенные взяточничеством землемера, они божились, что скорее умрут, чем отдадут землю. Подобным образом крестьяне протестовали повсюду, изгоняя землемеров и уничтожая межевые столбы, как, например, в том же 1879 г. в имении Лисовского в Яковичах поблизости Овруча.

Одной из острейших проблем для крестьян оказалась нехватка пастбищ. Просторные луга крупных землевладельцев были для крестьян бель-

мом на глаза, и они, не спрашивая разрешения, пускали туда свой скот, что зачастую приводило к трагическим последствиям. Например, помещик Сулятицкий приказал своим людям захватить скот крестьян села Степанки Могилевского уезда, в ответ все село набросилось на слуг, тяжело ранив одного из них, шляхтича Сухачевского⁴⁵.

Губернаторы, представляя по отдельности свои ежегодные отчеты царю, не видели общей картины и не осознавали масштаба этих волнений. Эти конфликты свидетельствуют о неспособности властей сделать решительный выбор между польскими и русскими помещиками и украинским крестьянством. Например, позиция подольского губернатора еще в 1878 г. оставалась неопределенной. Он писал: «...неисполнение рабочими принятых на себя условий, самовольное и беспричинное нарушение заключенных контрактов составляют зло не только для одного хозяйства, а все более и более подрывают в массе населения чувство законности, чувство необходимого уважения к чужому труду и собственности...» По мнению губернатора, следовало принять принудительные меры, чтобы разделить помещичьи и крестьянские земли, возобновив «глубокое сознание святости коренных правоотношений и основ всякой государственности».

В свою очередь, его киевский коллега нашел козла отпущения в религиозном сектантстве, которое быстро завоевывало умы наиболее образованной части крестьянства. Штундизм, пропагандируемый немецкими колонистами, оказался особенно привлекательным для крестьян, уставших от злоупотреблений и желавших строгости и добропорядочности, несвойственной их православным священникам — стяжателям и пьяницам. Евангельская уравнивательная вера, исповедовавшаяся штундистами, попала на благодатную почву, отвечая всеобщей тяге к справедливости. В Тарашанском, Звенигородском и Сквирском уездах появилось 1279 сторонников штундизма, и количество сторонников быстро увеличивалось⁴⁶.

В 1879—1880 гг. киевский губернатор уже не смог скрыть размах бунтов в двух самых крупных польских имениях. Они начались в то время, когда через эту местность проходили войска, направлявшиеся на войну с Турцией. Царские власти, рассчитывая на наивность и простоту крестьян, решили превратить межевые работы в торжественную религиозную церемонию. Понятым вместе с землемерами предлагали принести присягу в православной церкви, чтобы «гарантировать» правильность измерения и избежать споров. Однако крестьяне села Ксаверовка под Белой Церковью, расположенного в огромном имении Браницких, не дали себя обмануть. Они загородили проход в церковь и не позволили провести церемонию. Этому примеру последовали крестьяне соседних сел Пинчуки, Марьяновка и Мытница Васильковского уезда. Крестьяне отказались признать результаты проведенных землемерных работ и желали и дальше обрабатывать

земли своих отцов и дедов. Вызванной казацкой сотне солидарно противостояли все упомянутые села; жители к моменту появления казаков успели освободить арестованных. Кроме того, что было особо отмечено в отчете, это движение поддержала даже польская деклассированная шляхта, которая, как подчеркивал губернатор, не имела никакого отношения к делу. Одних взбунтовавшихся удалось заковать в кандалы, другие успели захватить землемеров и свидетелей, которых удалось освободить только после того, как многих крестьян избили казаки. С прибытием на место Гессе удалось завершить усмирение. Казаки стали на постой в пяти селах. Браницкий с удовлетворением наблюдал за землемерными работами под их охраной.

По замечанию Гессе, бывали случаи «наиболее прискорбные». В 1880 г. похожие события имели место в селе Павловка около Бердичева в имении польских помещиков Плуховского и Ковальской. Здесь также крестьяне не позволили провести торжественную церемонию с присягой, прогнали «московских» землемеров, а солдатам, прибывшим на помощь польским помещикам, пришлось воевать с толпой, вместо шита использовавшей беременных и женщин с младенцами. Вскоре оказалось, что крестьяне были весьма памятьливы: они основывали свои требования на листовке, распространявшейся властями еще в 1863 г. с целью антипольской агитации, — «Беседа с русским народом, живущим в Западном и Юго-Западном крае России», в которой народу обещали землю. Так же как и в имении Браницких, Гессе, слыша вопли и крики ненависти, не смог наказать толпу с желаемой строгостью: страх и осознание двусмысленности ситуации заставили его быть более осторожным и сдержанным⁴⁷.

В сентябре 1879 г., после дела Браницких, Гессе умолял нового генерал-губернатора М.И. Черткова добиться запрещения землемерных работ. 22 июля 1880 г. министр юстиции ответил, что для изучения ситуации на месте Сенат направляет в Киев с ревизией сенатора А.А. Половцова. Его отчет предлагал рациональный выход. Он предлагал ввести кадастры по образцу всех цивилизованных стран. С их помощью были бы определены границы земельной собственности. Но в 1883 г. Комитет министров отказался от этого предложения, ссылаясь на нехватку средств⁴⁸.

Землемерные работы были заморожены еще на несколько лет, так как обострилась политическая ситуация в стране, и крестьян никоим образом нельзя было беспокоить неосторожными действиями. Беспокойство правительства вызывало распространение терроризма. В августе 1879 г. «Земля и воля» превратилась в еще более радикальную организацию «Народная воля»⁴⁹. В результате террористического акта народовольцев 1 марта 1881 г. был убит Александр II.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ГОЛОД

Убийство царя вызвало страшное потрясение, а на местном уровне — панику. Каждый из трех губернаторов пытался доказать, что в его губернии царит спокойствие. Волынский губернатор заверял, что народ находится в большом горе и что даже в костелах и синагогах идут молебны. Авторы годовых отчетов за 1881 и 1882 гг., не решаясь сообщить о крестьянских волнениях, свидетельствующих о вопиющей несправедливости в решении земельного вопроса, вновь сваливали вину на кого придется — поляков, евреев, социалистов, штундистов, иностранных колонистов. В целом же во всем, по мнению местных властей, были виноваты поляки.

Именно они после реформы продали слишком много земель немцам, чехам, подданным Пруссии, Австро-Венгрии и бывшего Царства Польского (ныне Привислинского края), «так что крестьянские общества, в особенности в лесных уездах, мало-помалу очутились окруженными мелкими землевладельцами поселенцами», с которыми крестьяне не могли прийти к взаимопониманию, ибо завидовали их успехам. Бедность оказалась плохим советчиком. Разграничение помещичьих и крестьянских земель было приостановлено, росло число несправедливых решений в результате карательных экспедиций, а гибель царя вызывала лавину самых невероятных слухов. Одни утверждали, что в скором времени подворное распределение земли будет заменено подушным, другие, напротив, говорили о возвращении барщины. 27 мая 1881 г. министр внутренних дел даже вынужден был издать специальный циркуляр для полиции с рекомендацией обратить наибольшее внимание на опасные слухи о распределении земли, о предоставлении крестьянам дополнительных наделов, черном переделе и т.п. В 1882 г. волынский губернатор забил тревогу, требуя скорее покончить с межеванием помещичьих и крестьянских земель. Множившиеся конфликты, по его мнению, отпугивали русских помещиков от поселения в этих местностях, так как они беспокоились за судьбу своих приобретений.

Волынский губернатор считал, что нельзя было исключить, что народный гнев обратится против евреев, несмотря на уже принятые меры по защите этого «нечистого племени». В связи с этим он предлагал полностью выселить их за пределы губернии. Заметки Дрентельна на полях отчета губернатора свидетельствуют, что он сомневался в том, будут ли подобные меры, которые хороши для Волыни, полезны для всей России. Стоит помнить, что в скором времени будут приняты антисемитские «майские законы» 1882 г. Киевский губернатор представил свой отчет в подобной тональности, правда, козел отпущения у него другой. Его отчет за 1881 г. преисполнен глубокой ненависти к штундистам, социалистический и ни-

гилистский рационализм которых, по его мнению, свидетельствовал о необходимости укрепления православного духовенства. Однако Дрентельн воспринял это как крайнее проявление мистического и патриотического пустословия, отмечая, что все это лишь слова, при отсутствии фактов. Зато волынский губернатор, подводя итог в своем отчете об этих крайне беспокойных годах, писал: «В политическом отношении Волынская губерния, как и в 1881 г., не проявляла никаких тревожных симптомов, но польская интеллигентная часть населения по-прежнему стремится к обособлению и, воздерживаясь от всякого изъявления симпатии к чему-либо русскому, тем самым свидетельствует о своем затаенном враждебном отношении к Русскому государству»⁵⁰.

Обострение социальных конфликтов в 1880-е гг. во многом объясняется очень быстрым демографическим ростом, который будет ускоряться и в дальнейшем. К 1881 г. общая численность населения Правобережной Украины составляла свыше 7 млн чел.

Губерния	Население	Площадь, км ²	Плотность на 1 км ²
Киевская	2 624 623	50 998,1	51
Подольская	2 642 614	42 017,6	53
Волынская	2 050 929	71 851,0	29
Всего	7 318 166	164 866,7	в среднем 44,3

Плотность населения на 1 км² на первый взгляд может показаться не слишком высокой, однако следует помнить, что значительную часть территории составляли леса и земли, непригодные для возделывания. Сельское население разных сословий (главным образом крестьяне и мещане) достигало 6,26 млн жителей, то есть 90,6% от общего числа. Эти люди продолжали обрабатывать все те же, выделенные 20 лет назад, наделы. При этом за 19 лет число жителей трех юго-западных губерний, — как и по всей империи, в результате демографического взрыва — выросло на 1 434 199 человек, т.е. на 26,2%, и это несмотря на высокую детскую смертность и большое количество смертей из-за низкого уровня жизни⁵¹. Естественный прирост населения, который в 1870-х гг. составлял 14 человек на 1 тыс. в Подольской губернии, 17 — в Киевской и 18 — в Волынской, в 1880-х достиг 20 человек в Подольской и Волынской губерниях и 22 — в Киевской.

Явление, известное в начале XX в. под названием «земельный голод», было следствием того, что во владении всех бывших помещичьих крепостных крестьян Правобережной Украины (особенно если помнить об их традиционном требовании душевых наделов) находилось гораздо меньше земли, чем у нескольких тысяч помещиков. Ситуация обострялась также

и тем, что в крестьянской среде наблюдалось заметное расслоение — среди моря бедноты появилось «богатое» меньшинство. В отчетах фиксировался рост преступности, связанной с обезземеливанием. Так, все больше становилось конокрадских банд. Лишь за 1881 г. в Волынской губернии было украдено 4276 лошадей, за что (часто по доносам) было арестовано 1687 лиц. Поскольку наказания были незначительными, то освобожденные получали возможность жестоко отомстить. В Киевской губернии на 1 тыс. пожаров в 1882 г. приходилось 281 случай поджога.

Если польские помещики жаловались на уменьшение своей земельной собственности из-за давления со стороны властей, то что могли сказать крестьяне, зажатые между границами этих латифундий? И что делали помещики для того, чтобы облегчить положение бедняков, окружавших их именина со всех сторон?

В воспоминаниях польских помещиков главным образом говорится о враждебности крестьян, а не об улучшении их судьбы. Глубоко архаичное сознание польских помещиков и стремление сохранить каждую пядь «польской земли» не давало им возможности задуматься о возможном сотрудничестве с крестьянами.

Помещикам было достаточно благотворительности и милосердия, чтобы считать свою совесть чистой. У всех помещиков было «доброе сердце». Один из них не только принял в фабричную больницу для своих работников (поляков и иностранцев, но не для местного населения!) украинского крестьянина со сломанным позвоночником, но даже велел дать ему молока. Другой за свой счет учил в Варшаве двух сыновей своего любимого украинского слуги. Он же оказывал помощь погорельцам (крестьяне традиционно считали пожар от молнии проявлением божьего гнева, а потому не смели гасить пламя). Он дал им 10 коров и зерно для посева, которое им пришлось отработать. Такие щедрые помещики с гордостью называли себя «пионерами социального труда на селе». Мать Хелены Кутыловской за свой счет содержала сестру милосердия и акушерку, способствуя распространению гигиены и борясь со случаями, когда крестьяне привязывали своих жен за руки к балке, чтобы те быстрее рожали.

В этой доброте патриархального помещичьего мира было что-то трогательное: «Родители создали в Кумановке особую атмосферу доброжелательности, способствующую сосуществованию людей разных социальных слоев. Господствующий в нашем доме климат, где придерживались семейных традиций, высоких патриотических чувств, уважения к людям труда, абсолютной честности, в отношении к себе и к другим, передавался всем, и мы, дети, росли в такой атмосфере». С. Стемповский также вспоминал, что мать втайне от мужа помогала крестьянам: «В те времена в селах крестьяне были совершенно лишены медицинской помощи, и в этой области следовало многое сделать. Мать интересовалась траволечением, на-

родной медициной, она перевязывала раны и язвы, а в серьезных случаях давала письмо к уездному врачу, которому платила из собственных скромных средств»⁵².

В имениях крупных помещиков благотворительная деятельность зачастую превращалась в показуху. Граф Владислав Браницкий считал нужным ответить на нападки «Киевлянина», обвинявшего его в том, что средства, предоставленные ему во время войны на Балканах для Красного Креста, он потратил исключительно на своих польских работников. На страницах газеты «Кгај» Браницкий писал, что три созданных им госпиталя для раненых использовались также для простого народа. Правда, в созданной и содержащейся им гимназии учились только польские дети. Однако он подчеркивал, что оказывал финансовую поддержку крестьянам, в частности создал банк для предоставления им ссуд. Газета «Кгај» охотно и подробно писала о деятельности графа, поскольку он был ее совладельцем. Речь шла о фонде, созданном в 1838 г. Александрой Браницкой-Энгельгардт с капиталом в 1 млн рублей ассигнациями. Из этих средств оказывалась помощь 100 тыс. крепостным из 226 сел, входивших в имение Белая Церковь. В 1863 г. был сделан первый взнос (285 700 рублей), внесенный в качестве депозита в государственный банк в Киеве, 20 июня 1875 г. Министерство финансов утвердило его в качестве начального капитала Крестьянского банка, открытого лишь 1 января 1880 г. Газета «Кгај» видела огромную заслугу банка в том, что ему удалось вырвать крестьян из рук евреев. Как увидим в дальнейшем, газета часто публиковала антисемитские тексты, щедро цитируя Э.А. Дрюмона. Правда, когда банк опубликовал свои подчеты, то оказалось, что он не был полностью филантропическим учреждением. Взносы принимались под низкий процент: 5% на срочный вклад и 2% на текущий счет, зато ссуды предоставляли под 12% годовых. В любом случае открытие банка позволило крестьянам Браницких научиться новому отношению к деньгам. В свою очередь, Браницким это давало возможность официально заявлять о себе как о покровителях народа⁵³.

Века рабства и чувство покорности привели к тому, что крестьяне привыкли считать *gentlemen farmers* высшими существами, перед которыми следует всегда гнуть шею. Когда один из Браницких умер в Париже, и русские, и польские газеты не могли нарадоваться тому, что 5 тысяч крестьян пришли на вокзал встречать тело, привезенное в Белую Церковь, а также удивительному проявлению социальной солидарности во время похорон, когда среди стоявших вокруг гроба можно было увидеть аристократов, крестьян и мешан, с православными и католическими хоругвями (евреям позволили совершить службу только через две недели). Но не показательны ли и то, что на другого Браницкого напало трое крестьян, которых он застал за кражей дров? Очень строгое наказание нападающим —

шесть лет каторжных работ и пожизненное поселение в Сибири — не смогло ослабить у помещиков тревожного предчувствия конца устоявшегося миропорядка⁵⁴.

Об относительности правосудия свидетельствуют достаточно серьезные беспорядки в имениях Браницких в Звенигородском уезде в 1880—1883 гг., в ходе которых крестьяне проявили упорство и сознание своей чуждости и польской, и русской традиции. Крестьяне села Ольшаны, проиграв длительный процесс, начатый еще в 1860-е гг., с помещичьей семьей из-за 700 десятин и поняв, что им не одолеть сговора польского помещика с российским правосудием, решили организовать автономно и отказались избирать сотников и десятников, так как знали, что эта крестьянская полиция связана присягой с царской властью. Их не удалось укротить даже после того, как сотня казаков арестовала организаторов. Член Киевского губернского присутствия по крестьянским делам Богословский предложил им избрать трех сотников вместо шести и 20 десятников вместо 34, но крестьяне на это не согласились. 3 августа 1882 г. губернатор назначил на эти должности людей со стороны и ввел войско, но 300 крестьян решительно прогнали узурпаторов, призвав остальных крестьян перестать работать на Браницких, захватить помещичьи земли и не платить налогов в казну. Соседние села Тарасовка, Толстое, Казацкое, Пединовка стали рубить барский лес. На воспоминания крестьян о давней гайдамацкой волнице оказывал влияние бывший студент, а в то время член «Народной воли» Ф.Л. Сушманов, который поселился в Ольшанах под фамилией Квитко. В связи с этим Дрентельн вынужден был послать Браницкому значительную военную помощь: в упомянутых селах расквартировали полк драгунов и батальон пехоты под командованием полковника Руссау, который запретил солдатам любой контакт с населением, из опасения, что крестьяне, давая им есть и пить, могли брататься с ними. После публичных избиений крестьяне вернулись к работе, выплатили налоги и выбрали ответственных лиц. Судя по полицейским отчетам, Руссау действовал «в высшей степени энергично, смело, умело и решительно», поддерживая порядок на протяжении 1883 г. с помощью «военных прогулок», которые в каждом селе сопровождалась экзекуциями⁵⁵.

Развитие ситуации у Браницких наиболее показательно, поскольку именно им принадлежали самые крупные имения на Украине, однако подобные случаи были во всех трех губерниях. В 1881 г. в противоположной части Юго-Западного края, в район Ровно был направлен батальон пехоты, к которому присоединился прибывший на поезде из Дубно волинский губернатор для разгона бунтовавших крестьян в имении Микуличев (площадью около 2600 десятин). Крестьяне сел Липки и Волкошев отказались уступить землю, которая, согласно инвентарю, принадлежала им,

но по решению суда была передана помещикам. Лишь вмешательство войска заставило их подписать обещание урегулировать свои споры законным путем. Комментируя инцидент, газета «Кгај» видела в нем лишь злой умысел «темных и тайных подстрекателей, нарушавших общественное спокойствие», в крестьянской же бедности она винила кулаков, отбравших последнее у своих же братьев⁵⁶.

Д.П. Пойда показывает в своей работе, что подобные бунты нередко происходили и в имениях русских помещиков, а в книге С. Бенсидуна приводятся многочисленные примеры крестьянских выступлений непосредственно на территории России, вызванных тем же земельным голодом. Важно подчеркнуть, что оказываемая царской армией помощь нисколько не смущала польских помещиков, которые в других случаях любили говорить о собственном «патриотизме» и были склонны считать украинцев «своим народом». Они не видели в этом парадокса и относились к такому положению дел абсолютно спокойно: ведь главное, как известно, заключалось в том, чтобы любой ценой сохранить семейное наследство.

В подцензурной прессе рассказывалось лишь о самых крупных волнениях. Однако в архивных материалах полиции и генерал-губернатора находим целый перечень острых конфликтов. В 1882 г. в селе Иванковцы Ушицкого уезда у помещика Скибневского крестьяне требовали 60 десятин земли. После полученного отказа они подняли бунт, который был подавлен благодаря вмешательству подольского губернатора, руководившего карательной операцией. В соседнее село Вахновка было вызвано 50 казаков для подавления взбунтовавшихся крестьян, требовавших 60 десятин пахотной земли и 100 десятин угодий у помещицы Крупинской. В 1882 г. 200 крестьян из имения Карвицких в селе Полынка под Новоград-Волынском разрушили кирпичный завод. Во время проведенной под командой волынского губернатора акции было арестовано 60 мятежников. Сулятицкие не могли справиться с бунтом крестьянок в селе Лядова Могилевского уезда, пока туда не прибыло две роты солдат. В 1883 г. в имении Тшечяков в селе Гуничи Овруцкого уезда вернуть захваченные спорные земли удалось после военной операции, во время которой крестьянки дрались палками, а мужики выгоняли скот, используя его как живой щит против армии. После возвращения спорной земли помещик хотел построить там постоянный двор, однако крестьяне вновь захватили ее, и только после телеграммы к губернатору и его приезда с каждого крестьянина удалось взять слово уважать чужое имущество⁵⁷.

Вдумчивый отчет киевского губернатора С.Н. Гудим-Левковича за 1883 г. хорошо отображает тупик, в который зашла российская земельная политика: «Печальные недоразумения, вызванные в некоторых случаях самовольными захватами со стороны крестьян владельческих полей и па-

стбищ, потребовали даже в последнее время особо строгих мер взыскания с виновных, в видах водворения должного порядка...» Все это, по его мнению, свидетельствовало о том, «что основы гражданственности — собственность и ее неприкосновенность — переживают в сознании народном какой-то болезненный кризис». Он признал, что поведение крестьян было предопределено несправедливым разделом земли, и даже заметил, что эти конфликты «пока обращают на себя мало внимания. Но в действительности, и особенно с временем, с дальнейшим осложнением жизни, [они] могут представить весьма серьезные препятствия в правильном течении гражданского развития народа».

Проницательность губернатора проявилась и в негативной оценке предоставления земель по великорусскому образцу сельскому обществу, а не на двор, из-за чего оформленные участки не могли быть превращены в индивидуальные, и крестьяне не знали точно, где расположены их собственные части. Несомненно, по мнению губернатора, крестьяне в значительной степени продолжали жить по старинке, отсутствие же при этом четкости в разделении земельной собственности и кадастра могло оказаться крайне опасным в будущем, ибо какой может быть цена собственности с плохо установленными границами? Он также подчеркивал, что корень зла, источник всех проблем в деревне, проявившихся после отмены крепостного права, заключается в том, что «юридически права крестьянина не имеют ни силы, ни значения».

Источником еще больших конфликтов губернатор считал проведение межевых работ и надеялся, что благодаря административной реформе и реформе местного самоуправления (они последовали в Центральной России лишь в 1889—1890 г.) будет возможно, несмотря на отсутствие земств в западных губерниях, нормализовать жизнь в крае, упразднив «слишком несправедливые и слабые волостные суды и создать орган местной власти, близкий к народу, связанный с ним традициями и своим имущественным интересом...». Таким образом зарождалась идея «земских начальников», российских защитников и опекунов неблагонадежного крестьянства⁵⁸.

Из сервитутов, существовавших в 1863 г., наибольшие трения между землевладельцами и крестьянами вызывало право на выпас скота. Д.П. Пойда приводит впечатляющий перечень случаев, когда применение силы было не меньшим, чем при спорах о земле, с которыми конфликты из-за права выпаса часто пересекались.

Столкновения происходили в большинстве случаев между крестьянами и польской дворянкой, которую посылали прогнать непрошенных гостей и их скот. Случалось, что драки приводили к гибели людей. Разъяренные крестьяне часто целой толпой уничтожали все изгороди, тем самым усугубляя у помещиков ощущение, что они живут на осадном положении.

Нападающие засыпали выкопанные за большие деньги рвы, разрушали изгороди, захватывали помещицы угодья. Не было ни одной польской помещицей семьи, которая бы не прошла через подобные конфликты. Им часто приходилось видеть застреленного лесничим крестьянина, управляющих, побитых крестьянами, или детей, которые тонули в реках, пытаясь убежать от преследовавших их слуг, посланных сторожить помещицью собственность.

Споры из-за пастбищ были тесно связаны с вопросом увеличения поголовья крестьянского скота. В течение 20 лет в трех губерниях поголовье лошадей возросло в три раза: с 501 090 в 1864—1866 гг. до 1 719 739 в 1883—1887 гг. Эти точные статистические данные собирались в ходе регулярных военных переписей. Именно поэтому газета «Kraj» дала столь восторженный отзыв на брошюру русского помещика из Киевской губернии Моргова, представленную им в Сельскохозяйственном обществе в Киеве, в которой он доказывал, что крестьяне держат слишком много лошадей. В этой губернии, как писала газета «Kraj», насчитывалось 432 647 лошадей. При этом в крупных имениях их было 112 907, а в крестьянских хозяйствах — 286 809. При этом польские и русские имения занимали площадь в 2,201 млн десятин, тогда как крестьянские наделы — всего 1,875 млн десятин. Следовательно, в крупных имениях один конь приходится на 19 десятин, а у крестьян на 6 десятин. По мнению Моргова, подобная ситуация была ненормальной, она способствовала распространению болезней среди скота и необоснованным крестьянским требованиям увеличения площади пастбищ⁵⁹.

Однако фальшь подобных рассуждений становится очевидной, если обратиться к результатам военной переписи лошадей. Итак, в Киевской губернии по состоянию на 1888 г. было больше всего безлошадных крестьянских хозяйств — 61,9%, остальные имели по одной (8,8%), по две (20,1%) и по три (9,2%) лошади.

Иными были пропорции в более богатых землях Волынской губернии, где 34,7% крестьянских хозяйств были безлошадными, а 40,4% имели даже по три лошади.

Общее среднее количество по трем губерниям было следующим: безлошадные хозяйства — 49,4%, однолошадные — 6,2%, двулошадные — 25,3%, трехлошадные — 19,1%. Таким образом, можно сказать, что проблема избыточного количества лошадей была высосана из пальца. В то же время на основании этих данных можно говорить об усилении процесса расслоения в деревне, где наряду с беднотой появилась группа зажиточных крестьян. 44% владельцев пары и тройки лошадей, безусловно, относились к тем, кого называли кулаками. Их детям и внукам предстояло пройти через раскулачивания, пик которых пришелся на сталинскую эпоху.

Статистические данные о значительно меньшем по сравнению с населением увеличении поголовья крупного рогатого скота и овец показывают, что крестьянские хозяйства не могли развиваться из-за слишком небольшой площади наделов: 1,37 млн крупного рогатого скота в 1863 г. по сравнению с 1,47 млн в 1883-м, т.е. 7% прироста; 2,62 млн овец в 1863 г. и 2,88 в 1883 г., т.е. 11,3% прироста. Лишь количество свиней, которым не нужно было пастбище, росло пропорционально нуждам населения: с 1,15 до 1,44 млн голов, т.е. 29,2% прироста⁶⁰.

При таком положении становится понятной острота конфликта из-за доступа к лугам и пастбищам, а также ситуация с потреблением крестьянами мяса и молока. Крестьяне в отчаянии выгоняли общинный скот на луга и даже поля помещика.

Беспорядки, связанные с нехваткой пастбищ, в 1881 г. произошли в имении Роговских в Чигиринском уезде, у Любомирских и Домбровских в Липовецком уезде, у Дуравских в Тарашанском уезде, у Бжозовских в Черкасском уезде; в 1883 г. в поместье Елецкой в Новоград-Волыньском уезде, у Потоцких в Винницком уезде, у Сулатыцких и Марковских в Ямпольском уезде, у Косецких в Каменецком уезде, у Соболевских в Летицком уезде, у Тарновских в Каневском уезде; в 1884 г. у Шкляревича в Сквирском уезде. Каждый раз доходило до драк, а полиции приходилось вмешиваться, чтобы защитить помещичью собственность. В случаях таких споров войско вызывалось реже, чем при стихийных захватах земли. Правда, в 1884 г. из имения под Винницей граф Грохольский выслал телеграммой губернатору просьбу прислать две роты солдат, чтобы положить конец «произволу» тысяч крестьян из крупных сел Сальники и Лавровка, которые захватили его землю, засыпав выкопанные вокруг рвы. В результате вмешательства военных удалось на какое-то время усмирить крестьян, однако в 1885—1886 гг. неразрешенные выпасы вновь начались⁶¹.

До 1905 г. эти социальные волнения не приобрели угрожающего масштаба, так как революционная пропаганда была еще слабой. Кроме благотворительной деятельности отдельных помещиков крестьяне могли рассчитывать на помощь узкой группы интеллигенции, например врачей и судей, среди которых большинство было поляками. Замкнутость крестьянского мира хорошо описана двумя очевидцами. Первый — польский врач Владислав Матляковский, который достаточно холодно относился к своим пациентам среди крестьян, отдавая предпочтение помещикам: «Русский народ в целом симпатичен, не слишком красив, по крайней мере мне не довелось встретить воспетых поэтами ни “чернобровых”, ни красивых женских лиц. Это народ одаренный, смекалистый, но ленивый и пьянствующий. Не занимается никаким ремеслом, жизнь ведет очень простую, ему ничего от мира не нужно. Сам пашет, сеет, прядет, тклет холст,

шьет овечьи тулупы. Вообще охотно обращается за советами к врачу, верит ему, благодарен, спрашивает, сколько должен заплатить, и дает, сколько может...»

Иным было отношение русского судьи. Из рассказа Маньковского следует, что судье как защитнику закона часто приходилось идти наперекор собственной совести. В октябре 1885 г. ему выпало судить крестьянина за кражу телеги дров из леса Феликса Собанского: «...он был вынужден приговорить крестьянина к тюремному заключению, но потом, сняв свою судебскую цепь, произнес в суде демократическую речь и вот что сказал: вы видите перед собой бедного глупого крестьянина, который, чтобы согреть себя и свою бедную семью, украл несколько поленьев у миллионера! А тот, купаясь в роскоши, не постеснялся подать на этого несчастного в суд. Как судья я был вынужден осудить его, но как человек я обращаюсь к вам, господа, с вопросом: не найдется ли хотя бы один среди вас, кто бы взял этого бедного человека на поруки, чтобы мне не пришлось приказать немедленно взять его под стражу?» Такое благородное поведение русского чиновника было встречено протестом со стороны помещиков, совесть которых не могла проснуться от подобного единичного проявления жалости⁶².

Земельный голод был знаком всей империи. Правительство попыталось помочь крестьянским хозяйствам, создав в 1882 г. Крестьянский земельный банк с целью предоставления крестьянам кредитов для покупки земли. Однако острота борьбы между русскими и польскими помещиками за землю, описанной в предыдущей главе, не оставляла крестьянам Правобережной Украины надежды на расширение своей собственности за счет крупных имений. Это становится очевидным, если сравнить до смешного малые участки земли, приобретенные крестьянами (которых сразу стали считать кулаками)⁶³, с помощью банковских кредитов.

Губернии	Земля, приобретенная крестьянами (в тыс. десятин)		
	1883—1885	1886—1890	1891—1895
Волынская	4,1	22,7	21,1
Киевская	7,7	36,6	18,7
Подольская	6,4	21,7	14,4

Эти цифры во много раз — от 2 до 12 — меньше, чем аналогичные данные по покупке земли на Левобережной Украине. Разочарование среди крестьянства было еще острее, поскольку в этих трех губерниях многие из них считали, что помещичьи имения можно будет разделить сразу после получения ссуд. В связи с таким наивным восприятием сути дела генерал-губернатор Дрентельн в начале 1884 г. даже разослал по местным орга-

нам власти предостережения относительно крестьян, которые настаивали на покупке земель, не подлежащих продаже!⁶⁴

Реакция помещиков на столь запутанную ситуацию была однозначной — репрессии. 31 мая 1885 г. министр внутренних дел И.Н. Дурново разослал всем губернаторам печатный циркуляр, сообщая о возможности в исключительных случаях применения телесных наказаний для замирения крестьян, при условии личного присутствия губернаторов. Циркуляр, похоже, вовсе не отвечал реальности: как известно, губернаторы не ждали разрешения министра в этом вопросе! Но этот документ стал в своем роде переломным, так как официально узаконил применяемую практику, подтверждая тем самым иллюзорность отмены крепостного права за 22 года до того. «Не может подлежать сомнению, — писал министр, — что при известных условиях времени, места, характера волнующегося населения и самого волнения телесное наказание может оказаться не только соответственной, но и единственной целесообразной мерой и при том такой, которая, поражая только некоторых ослушников, является несравненно менее тяжелой, чем военная экзекуция, всегда разорительная для населения, не говоря о таких случаях, когда приходится прибегать к оружию»⁶⁵.

Словно в ответ на жестокость применяемых средств, вдвое возросла агрессивность крестьянских выступлений. Несколько польских помещиков из Волынской губернии сообщали в газету «Кга» ужасающую информацию о деталях убийства своего сотоварища Миколая Оттмарштейна. Его теща помещица Дубовецкая писала, что он всегда жил в согласии с крестьянами, даже не подавал на них в суд за кражу дров. Другой корреспондент, подписавшийся как Ф.М.Е., сосед из Овручского уезда, описал жуткую картину гибели этого молодого, крепкого поляка, который трижды поднимался с земли после удара топором, пока его не задушили. «Случай этот вызвал среди местного польского дворянства жуткий страх из-за все возрастающей дерзости преступников такого рода и из-за участвовавших случаев кровавых расправ крестьян с дворянством. В данном случае убийство было совершено среди бела дня, в нескольких десятках шагов от усадьбы, в присутствии 4 свидетелей, рабочих имения, которые не пришли на помощь жертве...»

Кроме того, автор вспомнил о нападении, совершенном за год до этого, на Владислава Браницкого, «на фоне сотен краж, пожаров, поджогов, двадцати случаев еще других убийств, произошедших за год в Овручком уезде». Статья заканчивалась описанием общей тревожной атмосферы, царившей в имениях: то крестьяне бросили палкой в помещицу, проходившую через деревню, то в другом месте грозили сжечь урожай, если не полчат луга: «...принимая все это во внимание, жизнь польского дворянства в нашем крае представляется в мрачном свете»⁶⁶.

Через несколько месяцев еще один польский корреспондент с Украины (М.К.М.) представил совершенно иную точку зрения: «Лишь законный путь является истинным в договоренности с крестьянами. Практикуемые здесь и в других местах драки не на жизнь, а на смерть при конфискации скота в значительной степени ослабляют в народе чувство повиновения и социального порядка, указывая ему в качестве последнего аргумента лишь грубую силу. Тем временем законный путь заставляет народ уважать принципы права и справедливости и тем самым воспитывает его»⁶⁷.

Через неделю было совершено нападение на лесника графа Грохольского, и поток взаимных обвинений продолжился. В годовом отчете подольского губернатора за 1888 г. глава, посвященная земельным спорам, — словно слова из песни, которых не выкинешь: «В отношении же массовых беспорядков аграрного свойства отчетный год по численности и характеру нарушений может считаться относительно благоприятным. Всех случаев насчитывается восемь. Прекращены они полицейскими средствами, без применения экстралегальных мер». Губернатор заверил своего августейшего читателя, что не произошло ничего, что могло бы навредить неприкосновенности крупной земельной собственности⁶⁸.

Еще долгое время помещики Юго-Западного края будут завидовать помещикам Центральной России, где в 1889—1890 гг. для управления крестьянами были введены земские начальники, по несколько на каждый уезд, и было усилено положение дворян в земствах (т.н. земская контрреформа). Этого решения удалось добиться ультраконсервативному русскому дворянству при поддержке князя В.П. Мещерского, редактора «Гражданина», вопреки позиции даже такого реакционера, как К.П. Победоносцев. Все это привело к ликвидации автономии земств, введенных в результате земской реформы 1864 г. Поскольку же в юго-западных губерниях земств не было, мировые посредники вместе с мировыми судьями оставались единственными представителями местной власти. Мещерский напрасно пытался добиться через свою газету распространения института земских начальников на западные губернии, разоблачая «анархию» и «хаос», царившие там среди крестьян и тормозящие покупку имений русскими, которым нашептывали: «не покупай, а то крестьяне тебя съедят». Интересно, что эта статья из «Гражданина» была переведена и опубликована в газете «Kraj». В ней князь подчеркивал, что не понимает, почему политика русификации западных губерний всегда была связана с воспитанием в крестьянах неуважения к дворянам — этого крайнего продукта социалистических теорий. Мещерский не мог также понять, что двигало правительством, когда оно унижало польское дворянство, официально пропагандируя тем самым социализм, и как оно могло после этого рассчитывать на уважение со стороны крестьянства к русскому дворянству, по-

купающему там земли. Редактор газеты «Крај» Эразм Пильц, со своей стороны, видел в антикрестьянских мерах правительства шанс для работодателей из крупной шляхты. В том же, что касалось земских начальников, то власть, по его мнению, остерегалась вводить их в западных губерниях, потому что эти должности неизбежно заняли бы поляки⁶⁹.

ОБОСТРЕНИЕ СИТУАЦИИ В 1890-х ГОДАХ

Ведя борьбу между собой, польские и русские помещики одинаково считали украинских крестьян людьми низшей категории, препятствием на пути удовлетворения собственных земельных appetites. Даже если и немногие заходили так далеко, как Барбара Луцкевич из Сквирского уезда, которая переписывалась с генерал-губернатором Дрентельном по-французски и задумывалась в своих письмах над тем, неужели правда, что у крестьян тоже может быть душа, большинство польских помещиков тем не менее отказывали украинским крестьянам в индивидуальности. Например, Мариан Лонжинский писал в воспоминаниях: «Не помню их фамилий, возможно, я и не знал их, поскольку в те времена в деревенских отношениях не было принято обращаться по фамилии, разве что в случае каких-то официальных вопросов».

Чаще всего крестьянина называли по имени или прозвищу. Вацлав Подгорский всех своих слуг звал «Васылями», добавляя к имени какой-то признак: «черный», «белый», «большой», «малый» и т.п. Тетка Станислава Стемпковского всех своих лакеев звала «Иванами». Мария Левицкая с обезоруживающей искренностью делилась своим убеждением, что на вокзале всех носильщиков зовут «Мыхайлами». Она признавалась, что не могла вспомнить, как выглядел их старый пастух: «...одетый в посконную или домотканую рубаху, Гордый издаലെка напоминал чурбан. Летом он пас коров и так сливался с пейзажем, что его часто было трудно заметить среди кустов... Он жил среди нас и с нами, а в то же время был совершенно одинок».

Кроме того, крестьянские наделы так часто перемежались с помещичьими землями, что во время охоты, любимого занятия помещиков, о крестьянской собственности и не вспоминали. Х. Кутьловская писала: «Хотя в принципе не было принято ездить по полям, засеянным озимыми, но на практике их сложно было объехать. Чаще всего земля, принадлежавшая крестьянам, была в виде узких полосок, тянувшихся временами с версту, а то и больше. Одна полоска была засеяна, вторая была под паром и т.п., как их можно было объехать?»⁷⁰.

Крестьяне постоянно присутствовали в помещичьей жизни повсюду, хоть их держали на расстоянии. Однако в оставленных польскими поме-

шиками свидетельствах народ представлен скорее в образе нависшей угрозы, а не как часть сельской идиллии. Случай Маньковского, посвятившего около 15 страниц своих мемуаров рассказу о конфликтах, инцидентах, процессах, которые он больше 10 лет, начиная с 1885 г., вел против крестьян то из-за воды с мельницы, то из-за мостков на реке, то из-за подожженных скирд сена, высылая телеграммы губернатору, приводит к мысли, что нередко эта борьба приобретала истерический и длительный характер, напоминая продолжительную осаду, в ходе которой у осажденных сдают нервы⁷¹.

Ощущение борьбы с неуловимым врагом, который держал в осаде усадьбы, хорошо вырисовывается в статье «Новости с юга», опубликованной на первой странице газеты «Кгај» в начале 1888 г. Обеспокоенный многочисленными беспорядками автор, подписавшийся всего двумя буквами, признавал определенные положительные качества «землепашцев наших губерний», но одновременно добавлял: «Этот народец, сбившись в толпу как дикие кони в табун, становится страшен, как разъяренный зверь или разбушевавшаяся стихия». Автор сожалел о «моральной запущенности (*moralne zaniedbanie*) этого бедного народа, которому не хватает школ, основанных на здоровых принципах социальной этики». По мнению автора статьи, данные народу права лишь способствуют его развращению, так как правосудие всегда встает на сторону крестьянина, укравшего землю у помещика. В этой статье, типичной для сознания польских землевладельцев, уже маячил призрак революции. Автор выступал за изменения, которые бы «уберегли общество от хаоса и истощения, которое неминуемо наступит, если государство будет целиком опираться исключительно на крестьянские массы, полностью растапывая при этом права образованного помещичьего слоя и подчиняя интересы последнего темным крестьянским инстинктам».

Статья была пропущена петербургской цензурой — ведь те же проблемы беспокоили и консервативную русскую мысль. Показательным является факт все более частого обращения польской газеты к этим вопросам. В связи с конфликтом из-за пастбища в Мирополе Волынской губернии, в имении графа Чапского, где пришлось применить силу, Э. Хлопицкий отмечал в газете «Кгај», что народ сам по себе не злой, но он лишен чувства справедливости, необразован и темен: «...верит советам таких сельских смутьянов, как еврей-арендатор, конторщик, а особенно уволенному солдату — тайному советчику. Именно эти представители сельской интеллигенции всем заправляют»⁷².

Как видим, говорить о социальной несправедливости считалось кощунством. Единственной уступкой в эти годы со стороны правительства стало разрешение возобновить театральные представления на «малорус-

ском наречии», несмотря на возмущение заядлых русификаторов, таких как редактор «Киевлянина» Д.И. Пихно и ректор Киевского университета Н.К. Ренненкамф. Однако театр практически не выезжал за пределы Киева, возобновив с 1883 г. постановку пьес И.П. Котляревского, Г.Ф. Квитки-Основьяненко, Т.Г. Шевченко. Во время своего визита в Киев в 1885 г. Александр III даже старался продемонстрировать благосклонность к «малорусскому» языку, позволив композитору Н.В. Лысенко исполнить две народных песни из оперетты М.П. Старицкого: «Гей, не дивуйте, добрії люди» и «Туман хвилями лягає». Но какое значение имело это признание украинского фольклора тогда, когда село буквально задыхалось из-за недостатка земли. Любуясь красавицами-хористками в народных костюмах, задумался ли царь о набиравшей силу волне бунтов во главе с крестьянками? Польская пресса пренебрежительно называла такие регулярно проходившие волнения «бабьими бунтами». В одном и том же номере газеты «Кгај» за 1887 г. бок о бок печатались статья из Ямполья, полная сожаления из-за исчезновения традиционной народной одежды и давних песен, и статья из Винницы, где шла речь о все более частых стийных протестах крестьянок.

Наказание в виде нескольких недель заключения получили крестьянки из села Гулевка за то, что устроили драку при захвате земли и во время противозаконных выпасов скота. В селе Черепашинцы женщины ложились на землю, не пропуская помещичьи телеги с сеном с луга, который помещик считал своим, и даже прибытие губернатора, пытавшегося объяснить незаконность таких требований, ничего не изменило. «Целый отряд деревенских баб так упорно наступал, что власти отказались от уговоров и обратились за помощью к армии в Виннице. Когда ночью прибыли два батальона пехоты и несколько десятков крестьян было схвачено, а несколько из них сразу же проучено розгами, громада присягнула исправиться».

В это же время приходили сообщения о похожих случаях в Райках около Бердичева и в Семи-Дубах под Балтой. Советы М. Коровая-Метелицкого в связи с увеличением числа поджогов в следующем году не были услышаны: «Не нужно слишком натягивать струну личного интереса во вред тем, кто живет и трудится рядом с нами, тем, с кем крупным землевладельцам еще не раз в будущем придется вступать в разные взаимоотношения, основанные на взаимных услугах»⁷³.

Но будущее, к сожалению, готовило еще более неприятные сюрпризы.

Прийти к согласию не удавалось, повсюду царили произвол и самосуды. В сентябре 1890 г. крестьяне связали и на телеге отвезли в погреб Гонсовского, арендатора Потоцких из Комарова около села Ободовка Винницкого уезда, за то, что тот снизил им плату за уборку урожая свеклы. Полиция оказалась бессильной и была вынуждена обратиться за военной

помощью в Одессу, чтобы освободить узника. В связи с этим в газете «Крај» сообщалось: «Этот досадный случай свидетельствует об озлобленности и дикости нашего народа». В газете охотно писали как о трогательных, так и о трагических случаях в деревне, представляя тем самым образ инфантильного и безответственного украинского крестьянства. Наравне с трогательным рассказом о похоронах помещика Тшечецкого, куда крестьяне пришли с венком из цветов «в знак глубокого уважения», или историей о том, что крестьяне намеревались покрыть убытки, нанесенные помещику пожаром, размещались рассказы, которые не могли не вызывать чувство ужаса у читателей. Рассказывалось, как толпа крестьян, требуя устранить управляющего-еврея, прогнала одного волынского помещика из его усадьбы, после того как он несколько раз не давал самовольно засеять свои луга; или как поляк-арендатор был захвачен жителями села за то, что погнался за детьми, укравшими дрова, и один из них утонул, а арендатора *in extremis** смогла спасти лишь полиция⁷⁴.

Прибыв в Киев в конце 1889 г., новый генерал-губернатор А.П. Игнатьев подготовил подробный отчет о конфликтах, связанных с сервитутами, и о мерах по их отделению, предусмотренных помещиками. Было известно, что в то время в Киевской губернии насчитывалось 980 сел, где разграничение еще не было проведено, при этом подозревали, что в Подольской и Волынской губерниях подобных сел должно было быть еще больше.

В начале 1890 г. Киевское сельскохозяйственное общество создало комиссию для обсуждения предложений по ликвидации чересполосицы и сервитутов. В ней преобладали поляки: наряду с Исаковым и Гудим-Левковичем в ее состав вошли Ф. Чацкий, Р. Бнинский, А. Еловицкий, Динковский, И. Лиховский. Несомненно, именно в связи с этим в 1891 г. Игнатьев создал при собственной канцелярии специальную службу — особое совещание, действовавшее до 1901 г., впрочем, также безрезультатно. В мае 1891 г. Игнатьев встретился с тремя губернаторами Правобережной Украины для обсуждения крестьянского вопроса, в результате чего родился проект (также вскоре заброшенный), который должен был бы вынудить помещиков принять принципиальное решение по этому вопросу. Как и в Привислинском крае, где в 1875 г. наместничество было заменено генерал-губернаторством, предусматривалось предоставлять лишенным сервитутов сельским обществам возмещение. Однако крайняя привязанность украинских крестьян к этой «привилегии» помешала реализации замысла. Любая изгородь или преграда, каждый выкопанный ров приводили к волнениям. Как раз тогда, когда Игнатьев советовался с губернаторами, поступило

* *In extremis* (лат.) — в последний момент. (Прим. пер.)

сообщение из села Мирецкое: во время подавления волнений, вызванных проводимым межеванием, в которые были вовлечены еще два соседних села, репрессии оказались настолько жестокими, что пострадали все жители, а 60-летний избитый солдатами крестьянин покончил жизнь самоубийством⁷⁵.

После 1890 г. количество конфликтов из-за земель для выпаса немного уменьшилось, но произошло это, в сущности, потому, что землевладельцы больше не осмеливались требовать разграничения сервитутных земель. Те же, кто все-таки пытался что-то предпринять, сталкивались с сопротивлением местного населения. Земля настолько подорожала, что кое-кто из помещиков даже пытался перепахать старые кладбища, заручившись поддержкой подкупленных православных священников. В 1891 г. в селе Верхушка под Брацлавом Собанские договорились с местным православным священником, чтобы торжественно во избежание крестьянского гнева перенести православный крест со старого кладбища на новое место. Но если часть села согласилась, то другая перегородила путь процессии и заставила вернуться назад. Полиция задержала зачинщиков, однако они были освобождены двумя сотнями крестьян, выломавших двери и выбивших окна полицейского участка, где держали арестованных, а становому приставу удалось избежать смерти благодаря подоспевшей помощи. Вследствие недостаточности своих наделов крестьяне все чаще и зачастую открыто и организовано стали воровать помещичье сено, солому, лен, рыбу, зерно, в особенности в засушливые 1891—1893 гг. В течение 1881—1895 гг. Д.П. Пойда насчитал 184 случая массового воровства. Войско вмешивалось лишь в одном случае из десяти. Значительное место среди разных столкновений занимал также насильственный захват помещичьих стогов сена, выкосов, посевов: в тот же период произошло 172 конфликта такого типа, особая интенсивность была отмечена в Киевской губернии⁷⁶.

Что же касается остальной империи, то эти годы после страшного голода 1891 г. в Центральной России стали временем массового переселения крестьян в Сибирь, для освоения и заселения которой правительство предоставляло поддержку переселенцам. Юго-западные губернии, где голода, правда, не было, не могли воспользоваться возможностью переселения, чтобы хоть таким образом избежать бедности. К моменту начала миграционного движения, в 1882 г., генерал-губернатор Дрентельн отказался лишить эти земли «населения одинакового с нами происхождения», считая, что любое уменьшение количества православных будет способствовать усилению «польского элемента». И хотя огромному количественному преимуществу украинцев ничто не могло угрожать (абсурдный аргумент Дрентельна объясняется лишь его более чем излишней полонофобией), их ста-

рались удержать в родном крае ради сохранения противовеса польскому влиянию.

Правда, в течение 1885—1896 гг. в Сибирь выехало 209 259 украинцев, почти все из губерний Левобережной Украины. Количество уроженцев Юго-Западного края было значительно меньшим:

из Волынской губернии	428
из Киевской	2326
из Подольской	201

Это принудительное «привязывание» крестьян, якобы освобожденных от крепостничества, вызывало еще большее неудовлетворение, раздуваемое разнообразными слухами. В 1891 г. газета «Кгај» сообщала, что подольский губернатор засыпан просьбами о выезде крестьян Каменецкого, Ушицкого, Могилевского и Ямпольского уездов, задавленных польскими и русскими помещиками и подстрекаемых к выезду рассказами солдат, демобилизованных из Сибири. Местность вокруг реки Уссури казалась землей обетованной, где раздавали удивительные наделы в 120 десятин по три рубля за десятину⁷⁷.

В 1895—1898 гг. волнения проникли и в Волынскую губернию. Впрочем, крестьянские наделы здесь были не самыми маленькими, а беспорядков произошло не так уж много. Здесь распространялись слухи о том, что польские помещики заплатили царским чиновникам, чтобы те скрыли тайный царский указ, разрешавший каждому желающему получить землю в Сибири и выехать туда за казенный счет. Группы крестьян по 100—200 человек из Староконстантиновского, Заславского, Острожского уездов прибывали в Житомир, губернский город, и, столпившись под окнами губернатора Трепова, требовали зачитать злосчастный указ. Долины Амура и Уссури настолько разожгли их воображение, что они послали в Министерство внутренних дел телеграмму с просьбой предоставить разрешение на выезд. Этой ситуацией воспользовались аферисты, бравшие у крестьян деньги якобы для проведения разведки на месте. Трепов был вынужден послать в уезды специального представителя Небольсина для распространения по всей Волынской губернии плакатов, в которых опровергались слухи и запрещалось готовиться к выезду. В конечном итоге несколько арестов погасило ажиотаж, а Небольсин воспользовался поездкой, чтобы отрапортовать губернатору об антипольских настроениях среди крестьянства.

Взяв в качестве примера Заславский уезд, в котором располагались имения князя Сангушко, в том числе его суконная фабрика в Славуте, представитель губернатора подчеркивал, что предоставление земель крестьянам в 1861—1863 гг. было здесь недостаточным: из 230 дворов 216

получили лишь надел для огорода, то есть 1200—1450 кв. саженей; 13 дворам было предоставлено от 4 до 6 десятин, и только у одного двора было 8 десятин. К тому же фабрика, ранее процветавшая, теперь работала всего один-полтора месяца в году. Описывая нищету крестьянства, Небольсин опирался на отчет помощника начальника полиции, из которого следовало, что всему виной были три польских рода. Почти все население Заславского уезда зависело от семьи Сангушко и Потоцких, а значительная часть Острожского уезда находилась под влиянием Яблоновских⁷⁸.

Еще проще оказалось обратить гнев украинских крестьян против польских помещиков в Радомышльском уезде, где было немало крупных имений. Некоторые рьяные православные священники начали составлять крестьянские петиции, в которых сложно отделить действительное описание положения дел от литературных изысков их авторов. Жалоба, адресованная в 1892 г. генерал-губернатору Игнатьеву от старост 8 сел, соседних с имением Станислава Хорватта, написана простонародным русским языком, который мало напоминает украинский, — по своему стилю, особенно обильными повторами, она похожа на былины, а по тональности на страдания. В этой жалобе есть типичные мотивы, которые должны были тронуть сердце истинного русского: «Никогда еще наша Хабенская волость не претерпевала такого горя и бедственного положения (исключая лишь крепостного права), как в настоящее время и на предь будущее время грозит еще хуже — от кого оне именно, как не от местного и известного магната, нашего помещика землевладельца г. Станислава Александрова Горватта? За что же такая адская, глубокая, непримиримая ненависть? Чем наш добрый, простой, добродушный крестьянин русский оскорбил и обидел этого польского богача, чтобы вызвать такое с его стороны ожесточение и желание смести нас с лица земли?»

Затем крестьяне перечисляли свои претензии: нехватка пахотной земли, пастбищ; ругали помещика, который забирал скот, якобы забредший в его владения; но прежде всего обращалось внимание на межэтнические отношения: Хорватт не принимал на службу местных крестьян ни в качестве дворни, ни для работы в своем имении. Он привозил поляков из Привислинского края, которые «допускались ужасных насилий на нас, русских крестьян». Эти чужаки, по словам жалобщиков, вели себя фанатично, били крестьян палками по головам и стреляли им вслед. Кроме того, Хорватт сдавал в аренду свои земли евреям, которые незаконно торговали водкой, табаком, краденой рыбой. Он отказался отпустить бесплатно лес для ремонта православной церкви и даже не позволял крестьянам собирать дрова в своих лесах, давая разрешение на это лишь своим арендаторам католического вероисповедания. «Если со стороны Правительства не последует

ограждения от такого польского фанатизма, мы должны погибнуть. Из всего этого видно, что русский народ и православная вера составляют предметы глубокой, непримиримой ненависти к нам Польши, этого Горватта, ксендза иезуита с плетью в руках и его многочисленной челяди, смешанной с евреями... [которые желают] изгладить все следы нашего бытия...»

Начальник киевской полиции после нескольких жалоб в подобном стиле послал Игнатьеву пространное донесение о расследовании, которое хорошо показывает нараставшее напряжения между обеими сторонами. Конфликт начался в 1890 г., когда после завершения учебы молодой Хорватт, решив заняться хозяйством, вернулся в свое имение. При его отце крестьяне привыкли, несмотря на проведенное разграничение, считать помещичьи леса своими, но новый хозяин, не желая мириться с кражей леса, приказал уничтожить все установленные по лесам ульи. В донесении отмечалось, что его поведение, хотя и правомерное, было крайне грубым. Еще хуже повел себя управляющий Казимир Рогозинский, переполненный ненавистью к «русским», — он постоянно унижал их, подталкивая тем самым к мести. На протяжении двух последних лет было пять преступных поджогов, но виновных так и не удалось найти. Процессы за кражу дров, которые крестьяне регулярно проигрывали, беспричинная жестокость Рогозинского постоянно провоцировали конфликты.

Стараясь не делать обобщений, начальник полиции отмечал, что у Браницких крестьяне, напротив, имели разные льготы: недорогой или бесплатный лес, долгосрочные кредиты на случай пожаров. Нам уже известно, что они сами об этом думали, однако на фоне Браницких С. Хорватт выглядел еще хуже. Следует также сказать, что о его 1350 десятинах мечтали многие русские помещики. Во время следствия были допрошены все слуги, арендатор и управляющий. Из прилагавшейся таблицы следовало, что из 54 работников имения 37 были католиками и только 17 — православными. Если последние зарабатывали от 50 до 120 рублей, то католики получали от 80 до 400 рублей. Кроме неравного отношения к работникам, распространенного в большинстве польских имений, полиция ничего не смогла поставить в вину помещику, «но то, что Горватт человек польских тенденций и течений, польский патриот, а следовательно, ничем не привязанный к России, кроме материального состояния, связанного с нахождением такового в России, — это безусловно верно. С таким же направлением и его управляющий Рогозинский». В заключение рапорта делался вывод о том, что отношения с крестьянами еще не настолько обострены, чтобы Хорватт должен был покинуть имение, однако катастрофа может разразиться в любой момент. Это дело, разбухавшее от поступающих жалоб и процессов, тянулось до 1902—1903 гг., пока благодаря обмену землей не наступило затишье⁷⁹.

Но разве эти отчеты могли повлиять на изменение ситуации, когда в основе социально-экономического положения всей империи лежал постулат о неприкосновенности крупного землевладения? «Решения», предлагаемые польскими помещиками, были в той же степени неприемлемы и неэффективны, как и решения, предлагаемые царской властью. В январе 1892 г. в приложении к газете «Кгаж» была опубликована историческая заметка богатого и предприимчивого польского помещика из Северо-Западного края Э. Войнилловича о сервитутах⁸⁰.

Согласно указу от 14 февраля 1891 г., министр внутренних дел Дурново, чтобы избежать споров относительно уже проведенного частного межевания, наконец распорядился начать составление государственных кадастров. Однако в 1896 г. Игнатъев сознался, что к этому еще не приступали. Следующий указ от 30 марта 1892 г. позволял разграничивать земли крестьян и крупных землевладельцев уже не при единогласном согласии сельского схода, а при согласии только 2/3 его участников. Однако через четыре года Игнатъев писал, что ничего так и не изменилось.

Согласно отчету волынского губернатора за 1894 г., в том году было частным образом размежевано 6 имений, следовательно, из 3 тысяч русских и польских имений раздел сервитутных земель был проведен лишь в 1006, что ни в коей мере не гарантировало спокойствия, так как крестьяне не отказались от своих требований. Губернатор выражал сожаление по поводу их «грубости» и просил ввести должность земских начальников, оправдавших себя в других местах. Он приводил пример православного обскурантизма в Кременецком уезде, где жило много католиков (в связи с этим здесь не было судебных процессов): целые толпы паломников стали сходиться к самообновляющейся чудотворной иконе. Когда было решено ночью снять икону, то крестьяне устроили настоящую битву с ямпольской полицией. Образ обиженных, необразованных, все более многочисленных, все более непредсказуемых и страшных бедняков присутствует и в отчете Игнатъева Николаю II за 1896 г., где он признавался в бессилии всех созданных на местах комиссий. Он констатировал, что к этому времени было размежевано лишь 1/3 всех крестьянских наделов на Правобережной Украине. Оставалось размежевать еще 2 900 тыс. десятин, что невозможно было провести в скором времени, в то же время обязательное занесение в кадастр, по его мнению, должно было вызвать «различные весьма нежелательные осложнения»⁸¹.

Вновь, как и до этого, лишь с помощью репрессий можно было сдерживать эту беспокойную массу. В 1893 г. киевский губернатор предложил систематически отправлять под арест на три месяца тех, кто незаконно рубил лес, выпасал скот и т.п. В ответ на многочисленные просьбы многих польских и русских землевладельцев, губернаторов и генерал-губернатора положение о чрезвычайной охране 1881 г. (введенное после убийства

Александра II) было распространено 10 мая 1896 г. на три юго-западные губернии сначала на один год с правом продления, что впоследствии стало ежегодной практикой. Подольский губернатор М.К. Семякин, оправдывая продление его действия, прямо указывал на опасность беспорядков по селам, а затем, согласно циркуляру министра внутренних дел от 17 июня 1898 г., Семякин установил безусловный приоритет по всем сельским делам в судах (в то время Подольская губерния принадлежала к Одесскому судебному округу)⁸².

В конце XIX в. положение крестьян, задыхавшихся на своих тесных земельных наделах, стало еще более тяжелым. Как известно, купить землю было практически невозможно, миграция была заблокирована, возможность аренды имений украинцами, в сущности, исключалась. Между тем, согласно переписи 1897 г., население трех губерний выросло более чем вдвое по сравнению с 1863 г. и составляло 9 567 тыс. человек. Из них 90% проживало в селах; крестьяне, которых в 1863 г. было чуть больше 3 млн, к этому времени насчитывалось около 6 миллионов. Количество десятин на душу снизилось следующим образом⁸³:

Губернии	Количество десятин на душу	
	1863	1892
Киевская	1,3	0,8
Подольская	1,2	0,8
Волынская	2,1	1,4

Эти губернии при одном из самых высоких в империи показателей уровня естественного прироста населения — 20—22%, были первыми по количеству безземельных крестьян. Владельцы небольшого надела все чаще не могли ни выкупить его, ни заплатить налог, о чем сообщалось в брошюре, опубликованной в Киеве в 1893 г. С одной стороны, шел процесс укрепления зажиточного крестьянства, имевшего в хозяйстве по три лошади, а с другой стороны, углублялся процесс «перенаселения» села за счет безземельных, совершенно нищих сельских наемных рабочих: в 1890 г. их насчитывалось свыше 500 тыс., по большей части в Киевской губернии⁸⁴, в 1901 г. их количество увеличилось более чем втрое. Согласно официальным данным, которые фиксировали безземельных и малоземельных крестьян, «избыток рабочей силы» по трем губерниям распределялся следующим образом⁸⁵:

Киевская губерния	1 326 000
Подольская	1 184 000
Волынская	1 095 000

Примечательно, что при этом поголовье домашнего скота оставалось на уровне 1880 г. из-за отсутствия возможности расширить крестьянские выпасы.

Какой же выход был у детей бывших крепостных, не имевших политических навыков, сформированного национального сознания и умения переквалифицироваться? Что оставалось им, кроме привычного, инстинктивного и дикого бунта?

Польские и русские помещики жили в уверенности, что безудержные народные волнения носили фатальный и неотвратимый характер, но, имея экономическое и культурное преимущество, они всегда смогут укротить этот сброд. Так, в 1897 г. в Сприсовке под Летичевым княгиня Потоцкая обратилась к полиции с просьбой разогнать крестьян, которые не давали вспахать луг, где обычно выпасался их скот. После того как сельские сотники отказались выполнять приказ, они, несмотря на то что были избраны, были временно отстранены от должностей и на неделю посажены под арест. За это время власти нашли им замену, новые сотники исполнили желание княгини.

В Синяве Заславского уезда, в бывшем имении Чарторыйских, которое перешло к семье Сангушко, в 1898 г. шли поистине гомеровские войны из-за трех десятин, захваченных и вспаханных крестьянами. Когда суд вынес решение освободить эту землю, 150 мужиков и баб, вооружившись палками, вступили в бой с полицией. 8 июня усиленный отряд полиции прибыл для обеспечения охраны землемера, вбивавшего межевые столбы. Однако толпа крестьян дала отпор, сломав на этот раз геодезические приборы. Потребовались дополнительные силы для восстановления порядка.

Поскольку аренда становилась все более прибыльной для помещиков, многие из них самовольно пренебрегали правом крестьян на выпас, передавая пастбища арендаторам. Так сделали Собанские в селе Стена Ямпольского уезда, передав 50 десятин еврею Бурману и лишив местных крестьян пастбищ. Поскольку же те, не приняв во внимание произошедших перемен, продолжали и дальше пасти скот, работники помещика захватили их скот. В ответ крестьяне, собравшись тайно, напали на слуг. В течение первой недели мая 1898 г. от 400 до 500 крестьян, вооруженных вилами, оказывали сопротивление полиции. 6 мая сюда лично прибыл подольский губернатор М.К. Семякин в сопровождении двух батальонов солдат. Согласно уже устоявшейся традиции он приказал дать при всем народе по сотне кнутов семи крестьянам, а 400 «виновников» отдал под арест. Однако очень скоро губернатору пришлось признать свою ошибку. Оказалось, что тюрьмы были переполнены и не могли принять такого количества арестованных. В рапорте генерал-губернатору М.И. Драгомирову Семякин выразил опасение, не вызовет ли подобная «снисходительность» у украин-

ких крестьян желания пойти в будущем на новые отчаянные действия. Чтобы успокоить умы, он, оставив землю за Собанским, потребовал освободить управляющего Гембажевского, на чью жестокость жаловались крестьяне.

Иногда крестьяне в ответ на действия польских помещиков занимались широкомасштабным вредительством. Например, свыше 600 крестьян из пяти сел Ямпольского уезда заехали на телегах в лес Ф. Грохольского и, пытаясь отстоять участки, на которые раньше имели право по сервитуту, вырубили и вывезли 703 дуба на сумму 6753 рубля. В марте 1898 г. суд вынес общий для всех жителей села Княжеское приговор, однако толпа обвиняемых демонстративно покинула зал. Заочный приговор не помешал крестьянам и в будущем самовольно вырубать лес⁸⁶.

ОТ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ К РЕВОЛЮЦИИ?

Вражда между усадьбой и селом нарастала вплоть до 1917 г. В период 1905—1907 гг. жителям Украины довелось пережить что-то вроде «генеральной репетиции» конца света. В наши задачи не входит детальное освещение роста национального сознания на Правобережной Украине, а также социальной напряженности периода первой революции в Российской империи⁸⁷. В данном случае главной будет трактовка отношений между польскими помещиками и украинскими крестьянами. Взаимоотношения такого рода не всегда легко уловить, поскольку революция 1905 г. была прежде всего социальным взрывом, связанным с известным нам земельным вопросом. Ненависть к землевладельцам как таковым была намного сильнее ненависти на национальной почве.

Несложно догадаться, что польские помещики с ужасом восприняли революционные волнения. Стоит напомнить, что даже те немногие из них, кто пытался жить в согласии со своими прежними крепостными, испытали на себе последствия столь долго копившейся ненависти.

В этом отношении очень показательной является судьба Станислава Стемповского⁸⁸. Этот достаточно нетипичный подольский помещик учился в Дерпте, дружил с Б.А. Кистяковским, украинским интеллектуалом и народным деятелем, сыном профессора права Киевского университета, который познакомил его с разговорным и литературным украинским языком, «потому что в целом мы были толерантными, и польско-украинская месть, которой дышала Галиция в то время, до нас еще не дошла».

Стемповский на время даже попал в тюрьму из-за этой дружбы, так как его товарищ был связан с украинской газетой «Народ», издававшейся Иваном Франко во Львове. В 1893—1897 гг. Стемповский занимался своим именем, и это был тяжелый опыт: ему пришлось вести процесс про-

тив своих соседей-крестьян, хотя он сам относил себя к «хлопоманам». В итоге, порвав с жизнью помещика, чье существование было заполнено лишь охотой, любовными интрижками и презрением к более слабым, он отправился в Варшаву. Однако его пребывание там в 1897—1905 гг. стало своего рода признанием слабости хлопоманских идеалов, причина которой крылась в осложнении культурных связей на Украине. Вся двусмысленность хлопомании проступает в его утверждении: «Мы не были колонизаторами, со слугами говорили по-украински [этот аргумент очень часто повторялся польскими помещиками. — Д. Б.]. Я не хотел быть помещиком, торчать в этом обществе, обреченном на гибель, но я не видел для себя и поля для социальной деятельности среди темной стихии украинского крестьянства».

Показательно, что Стемповский считал возможным развить социалистическую деятельность (в 1902 г. он основал журнал «Ogniwo», программа которого была сформулирована Л. Кшивицким) лишь в Варшаве, «среди своих». В то время как на Украине, по его мнению, подобная борьба была обречена на неудачу, поскольку этот край, по его мнению, был «как скрытый под ногами вулкан социальной, религиозной и национальной ненависти, веками разжигавшейся царизмом»⁸⁹.

Однако в 1906—1914 гг. судьба вновь вернула Стемповского в деревню, так как его журнал в Варшаве был признан слишком революционным и запрещен. Этот социалист, который в 1905 г. перевозил для Польской социалистической партии (ППС) деньги, добытые посредством ограблений, вновь стал *gentleman farmer* и, несмотря на всю свою добрую волю, чувство любви, братства и свободы, под давлением социальных противоречий вновь начал конфликтовать с украинскими крестьянами. Начиная с 1906 г. «интриги» сельского заводилы Гуменюка не давали ему спать, и он неустанно пытался изолировать прежнего сельского старосту — «хитрого, жадного, жаждущего власти, мошенника, умевшего читать и писать и заботящегося лишь о своей выгоде».

Стемповский прилагал все усилия к тому, чтобы оставаться в хороших отношениях с крестьянами, которые еще не были охвачены революционной агитацией. Несмотря на то что в 1906 г. шумная толпа крестьян, считавших, что выборы в Думу означают конец какой-либо собственности, заняла его имение, вытоптав заодно весь клевер и овес; несмотря на провал переговоров с безземельными (он напрасно пытался настроить их против кулаков); вопреки вмешательству войска, которое его освободило (царский офицер даже советовал ему запастись гранатами на случай нового нападения), — он все еще надеялся на установление контакта с крестьянством. В нем вновь проснулись патриархальные и одновременно такие трогательные и наивные мечты хлопоманов: «Я с крестьянами хочу оставь-

ся и останусь. Я должен с ними жизнь без чьей-либо помощи по-соседски устроить».

Стемповский вплоть до 1914 г. верил в возможность польско-украинского союза, был убежден, что никому не дано лишить его духовной связи с украинской землей, на которой жили, трудились и умирали его предки. Он создал потребительский кооператив, подписав его членов на уже разрешенные украинские журналы — «Комашня», издаваемый в Москве, и «Світова житниця», основанный еще одним польским хлопоманом Иоахимом Волошиновским⁹⁰. Его представление о путях достижения польско-украинского согласия было преисполнено добрых намерений и не может не растрогать: «Я решил в душе, что поляков в Подолии незначительный процент и что каков народ есть, таким есть и будет этот край, а поляки могут быть лишь паразитами-колонизаторами, если только не объединят свою экономическую, культурную, социальную и политическую деятельность с интересами этого народа и его будущим, продолжая при этом и в дальнейшем оставаться поляками и даже подчеркивая свое польское происхождение, это когда-нибудь использует история, чтобы наладить настоящее братское сосуществование этих двух народов и засыпать бездну, которую выкопала между ними слепая и полная спеси колониаторская политика панов, шляхты и магнатов»⁹¹.

Немногие из польских помещиков или украинских лидеров были способны думать так, как Станислав Стемповский. В 1905—1907 гг. прокатилась неслыханная волна насилия, в результате которой большинство поляков возненавидели тех из своих соотечественников, кто объявлял себя друзьями украинского крестьянства. Ванда Залеская не без снисходительного осуждения писала о шляхтянках, ходивших босиком и с увлечением беливших стены, уминавших глинобитный пол и вносящих в гостинные, украшенные мебелью из красного дерева и фарфором, сосновую мебель, целовавших руки своих украинских кормилиц и ставивших их фотографии на видные места в доме: «...это несомненно было очень хорошо, но... не отвечало характеру русинского народа. Нигде погромы не были настолько страшными, как в этом демократизированном имении Скибневских. Именно в этой семье наибольшее количество ее членов пало жертвой “народной мести”»⁹².

В памяти Залеской очевидно сплелись воедино ужасающая бойня 1917 г. и менее кровавые насилия 1905—1906 гг. Беспорядки, манифестации, нападения, грабежи, поджоги времен первой революции нечасто сопровождались убийствами. С помощью данных из военных и полицейских рапортов, рассеянных по архивам и собранных М.Н. Лещенко, можно составить «температурный лист» уровня напряженности на Правобережной Украине:

Год	Месяц												Всего волнений
	январь	февр.	март	апр.	май	июнь	июль	авг.	сент.	окт.	нояб.	дек.	
1905	9	12	61	180	878	242	66	20	9	26	176	241	1920
1906	131	58	34	53	278	371	257	100	96	46	23	16	1463
1907	6	14	15	51	192	82	43	51	31	21	19	16	541

Несмотря на приводимые историком-марксистом доказательства, роль большевистских агитаторов была в этот период незначительной. Хотя в некоторых районах, например в Белой Церкви, Фастове и Умани, действовала Революционная украинская партия (РУП), а также находившееся под сильным русским влиянием движение «Спілка», члены которого принимали активное участие в аграрных забастовках в волинских и подольских селах⁹³.

В целом же беспорядки скорее напоминали жакерию. Они ничем не отличались от волнений предыдущих лет, изредка принимая протосоциалистический оттенок. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить вышеприведенные цифры: пик волнений пришелся, как и прежде, на апрель—июль, т.е. период постоянных споров из-за земли для выпаса, а следовательно — запаса кормов для скота. Изменилась лишь их частота и интенсивность. Новым явлением были забастовки сезонных рабочих во время жатвы (Лещенко отмечает аналогичный феномен и на Левобережной Украине). При сравнении данных по Левобережной и Правобережной Украине оказывается, что в последней волнений было гораздо больше: в 1905 г. на Правобережье было зафиксировано 1920 мятежей с применением силы, а на Левобережной — «всего» 1082; в 1906 г. пропорция была следующей: 1463 и 520, а в 1907 г. — 541 и 86. Как и в конце XIX в. в Волинской губернии, где крестьянам принадлежало немного больше земли, было меньше всего волнений. В целом же волнения по губерниям распределялись следующим образом:

Губерния	1905	1906	1907
Киевская	811	443	210
Подольская	800	675	282
Волинская	309	345	49

Охватившая крестьян лихорадка нигде не приобрела масштабы организованного политического движения, однако повсюду возобновились присвоение полей, незаконная распашка помещичьих земель, нападения и ограбление усадеб, массовая вырубка лесов, уничтожение межевых знаков и изгородей, разграбление или поджог собранного в имении урожая. Все это неизменно сопровождалось распространением слухов о тайном царском указе о раздаче помещичьей земли.

В воспоминаниях Яна Луциана Маньковского прекрасно передана атмосфера тех лет. Одним из основных требований крестьян было изгнать из польских имений всех неукраинских работников, которыми с 1863 г. окружали себя землевладельцы. Любая пришлая рабочая сила была ударом для «перенаселенных» сел. В то же время крестьяне протестовали и против растущей механизации крупных имений, так как внедрение машин вело к уменьшению количества занятых в хозяйстве наемных рабочих. Маньковский хорошо описывает свой шок, когда ему пришлось протискиваться сквозь тысячную толпу крестьян, наводнивших его имение, причем многие из них призывали с ним не здороваться. Заметив такое неуважение, которое могло перейти в открытый бунт, Маньковский сперва вызвал полицию, а затем и казаков. Бессильный гнев рабочих, требовавших повышения платы, классическим образом обратился против владельца корчмы еврея и его жены, которых они, жестоко избив, вынудили откупиться.

Зимой 1905 г. управляющие и дворня соседних имений были пленены крестьянами, все запасы зерна, в том числе тысячи пудов пшеницы, были разворованы. Уже говорилось о влиянии этой волны террора на политическую организацию поляков. В данном случае отметим, что логическим следствием бунтов стало то, что между польскими и русскими помещиками быстро установилось взаимопонимание по вопросу о применении репрессивных мер. Летом 1906 г. Маньковский пригласил за свой счет (500 рублей) казацкую сотню для охраны жатвы. Уверенные в себе крестьяне настойчиво требовали увеличения расчета натурой: «Почему пан не хочет давать нам седьмой сноп овса, мы ведь люди хорошие... Мы пану ничего плохого не делаем, мы пана не убили...» 1 (14) июля 1906 г. газета «Dziennik Kijowski» писала, что поляки изо всех сил пытались сделать так, чтобы украинские крестьяне не думали, что они, поляки, причастны к репрессиям со стороны властей и что «поляки в правительстве, в российских чиновниках и армии видели спасение от здешнего русинского или польского народа» (намек на борьбу с деклассированной шляхтой, о чем пойдет речь в следующей главе). Однако, несомненно, польские помещики также просили вмешаться войска. В той же статье говорилось о том, что ситуация была полностью тупиковой, а урожай ждать не мог: «Призрак сельских забастовок навис над нашим краем... И те, кто смотрят на свои нивы, колышущиеся от золотого хлеба, который теряет свое созревшее зерно и бесполезно ждет серпа, с тревогой и болью они думают о потерянном труде, о тех гибнущих плодах святой земли нашей, постоянно дающей урожай, и спрашивают: что дальше? Что делать?»⁹⁴

Среди материалов канцелярии генерал-губернатора Н.В. Клейгельса, которого позже сменил В.А. Сухомлинов, сохранилось множество теле-

грамм от польских помещиков с просьбой о помощи в связи с угрозами, осадой и пр. Многие из этих просьб были подписаны польскими арендаторами, управляющими и экономами. В Волынской губернии крестьяне особенно не любили администраторов и слуг Потоцких и Сангушко. Они все как один твердили, что царь уже давно приказал Сангушко щедрее платить крестьянам, но его прихвостни спрятали указ под сукно, а кроме того, жаловались на насилие со стороны поляков, которые то женщин, пойманных во время сбора хвороста, сажали с завязанными на голове юбками на муравейник, то детей, кравших в барском саду фрукты и укрывшихся на деревьях, вынуждали прыгать в разведенный внизу огонь. Поляки могли ждать спасения лишь от царских властей, так что о помощи просили все: Ю. Васютинский, С. Карвинский, З. Вольский, Б. Тышкевич, Дзержинские, Грохольские, Сумовские, Чацкие, Водзицкая. Все они были охвачены паникой⁹⁵.

В крупных имениях, производивших сахар, принимали серьезные меры для того, чтобы избежать потерь из-за крестьянских забастовок. 7 апреля 1905 г. директор сахарного завода в Городке Подольской губернии информировал генерал-губернатора о намерении привезти поездом тысячу работников из Галиции. Клейгельс не возражал. Националистическая украинская газета «Діло» писала о генерал-губернаторе как о «яростном реакционере и друге ляхов». Именно в связи с этим подольский губернатор А.А. Эйлер не согласился с ним по вопросу о защите польских помещиков. В донесении от 15 июня 1905 г. Эйлер ставил себе в заслугу, что во время беспорядков заставил многих из них уступить требованиям православных крестьян, в то же время приказал жестоко подавить беспорядки в католических селах (варшавская газета «Słowo Polskie» с возмущением описывала эти репрессии на вышеупомянутом сахарном заводе)⁹⁶.

Клейгельс не мог не подчеркнуть в этой связи, насколько вредит уважению к собственности подобная поддержка украинских крестьян, о чем он предупреждал (безрезультатно) Николая II, донося на своего подчиненного: «Подольский губернатор счел себя даже вправе упрекать помещиков в чрезмерной эксплуатации крестьянского труда... и предлагать помещикам войти с крестьянами в соглашения на условиях, ими предлагаемых». Возможно, генерал-губернатор уже успел отметить, насколько опасным для империи стало предоставление языковых и культурных прав украинцам (широкое распространение получила сеть обществ «Просвіта», организуемых по образцу подобных обществ в Галиции). Впрочем, ни в одном официальном донесении не шла речь об украинцах, лишь о «крестьянах», этот прием в будущем возьмут на вооружение советские историки, защитники уже новой империи. Когда же полиция обнаруживала листовку на украинском языке, то пыталась приуменьшить ее значение, говоря лишь

о «мазепинстве». Вскоре под воздействием правых русских монархистов началось и широкое контрнаступление православного духовенства, которое должно было взять заблудшие массы в свои руки. «Русское братство», «Союз русского народа», «Русский народный союз имени Михаила Архангела» создали при посредничестве около полусотни кружков — целую сеть борьбы с «мятежом», поддерживая вполне лояльные власти народные кооперативы, которые в количественном отношении быстро затмили подобные одиночные инициативы поляков⁹⁷.

Необходимость в мерах такого рода стала полностью очевидной, когда в двух первых Думах перевес сил оказался на стороне крестьянских партий, либо у партий, выразивших согласие на экспроприацию помещичьей земли. Тревожным примером служила Подольская губерния, из которой в Первую Думу были направлены лишь крестьянские депутаты. Помещикам внушало страх присутствие во Второй Думе И.Н. Кутлера, бывшего главноуправляющего землеустройством и земледелием, который в 1905 г. разработал проект крестьянской реформы, предусматривавший обязательное отчуждение некоторой доли частновладельческих земель. Перед лицом назревавшей опасности поляки должны были выбрать между решением покинуть свои имения или стойко за них держаться. Янина Жултовская вспоминала о притоке жителей западных губерний в Краков: «Между 1905 г. и 1908 много богатых людей из Литвы, Волыни, Подолии выехали ради безопасности за границу. Это был авангард будущих эмигрантов, навсегда изгнанных из своих мест, а испугало их лишь предчувствие революционных волнений: поджог поместья или скирды. К сожалению, пятидесятилетняя, а возможно, и многовековая безопасность так их усыпила, что этот временный страх не послужил им уроком. В связи с наплывом такого количества людей в Кракове было сложно найти квартиру...»⁹⁸

Однако в большинстве польские помещики остались на местах, убежденные, как и идеологи русского консерватизма, что земля крестьянам не нужна, потому что их бедность являлась следствием отсталости и архаичности методов ведения хозяйства.

Незнание крестьянской ментальности и пренебрежительное отношение к местным обычаям нельзя не заметить в проектах отдельных польских помещиков по «рационализации» ситуации на селе. Леон Липковский под воздействием брошюры, изданной на польском языке в Виннице в 1901 г., подал 16 марта 1905 г. в Киевскую комиссию по рассмотрению сервитутов проект, во многом созвучный будущей столыпинской реформе. Поскольку все зло, по мнению Липковского, было связано с раздробленностью крестьянских наделов, то было достаточно провести принудительное объединение мелких наделов и передать собранные таким образом большие площади одному производителю. В результате вместо чересполосицы ми-

зерных участков, не способных прокормить хозяина, должны были возникнуть жизнеспособные хозяйства — хутора. Липковского, как в скором времени и премьер-министра Столыпина, вовсе не тревожило будущее тех несчастных, которые пострадают в результате проведения этих мер. Он предпочитал иметь дело лишь с зажиточной прослойкой привязанного к собственности крестьянства. Для осуществления проекта нужно было заново перемерить все земли, а также создать школу землемеров для ускорения всей акции. Малоземельным крестьянам предусматривалось предоставить определенный срок для продажи своих наделов, после чего должно было быть осуществлено широкое принудительное переселение всего населения⁹⁹.

Беспорядки в селах в 1905 г. заставили российское правительство отменить выкупные платежи за наделы, полученные при отмене крепостного права 1861 г., ликвидировать принцип круговой поруки и телесные наказания. Вскоре началась земельная реформа, напоминавшая проект Л. Липковского. Согласно указу от 4 марта 1906 г., по всем губерниям и уездам империи приступили к созданию землеустроительных комиссий, которым с 9 ноября 1906 г. было поручено проведение реформы, названной именем ее автора, премьер-министра Столыпина. Речь шла о ликвидации по всей империи крестьянских общин, а также о продаже самыми бедными своих наделов с последующим объединением земель с целью создания, благодаря ссудам крестьянских банков, крупных индивидуальных хозяйств, хуторов. Судьбу безземельных или лишенных земли крестьян рекомендовалось урегулировать, склонив их к переселению в «Азиатскую Россию», т.е. в Сибирь, Туркестан или на Кавказ¹⁰⁰. С 1906 г. стала выходить газета «Хутор», призванная приобщить грамотную, достаточно зажиточную крестьянскую элиту к хуторам. В 1907 г. Столыпин отменил все уступки 1905 г. в отношении украинской идентичности. Опять были запрещены язык, любого рода публикации и даже «малорусская» музыка.

Во всех западных губерниях столыпинскую реформу начали внедрять с большим опозданием, поскольку не были выполнены предварительные условия. В состав землеустроительных комиссий должны были частично входить члены от земств, а эти органы местного самоуправления, как известно, так и не были внедрены ни в Литве, ни на Правобережной Украине. Правда, в 1903 г. были предприняты несмелые попытки их учредить, однако новоявленные учреждения, ограниченные в правах и круге занятий, насмешливо называли «маргариновыми земствами». Настоящие же земства в трех юго-западных губерниях были введены лишь 14 марта 1911 г., так что внедрение столыпинской реформы здесь было крайне медленным. После 1907 г. воцарилось относительное спокойствие, хотя крестьяне продолжали споры из-за сервитутов и наделов. Украинских крес-

трян не коснулся ни закон от 14 июня 1910 г. о продолжении земельной реформы, усиливший наступление на общину, ни указ от 29 мая 1911 г., который позволял землеустроительным комиссиям сгонять владельцев с мелких наделов. Здесь широко применялось лишь одно положение реформы Столыпина — разрешение на выезд на восток империи. Сотни тысяч желающих ринулись в Сибирь с мечтой об Эльдorado. Многие из них умерли в пути, другие вернулись разочарованными. По данным на 1917 г., в азиатской части империи находилось 2,5 млн украинцев¹⁰¹.

Следовательно, в канун Первой мировой войны и революций 1917 г. за «феодальной» закоснелостью села скрывался взрывной потенциал, и можно лишь удивляться, что взрыв не произошел раньше.

О неразрешимой ситуации в земельном вопросе в западных губерниях шла речь 22 февраля 1910 г. на заседании Совета министров. Министр внутренних дел представил очередной проект о ликвидации пастбищных и лесных сервитутов в западных губерниях и в Белоруссии¹⁰², следствием которого было лишь то, что в 1911 г. власти еще раз констатировали необходимость отделить крестьянские земли от помещичьих в 603 из 1209 (русских и польских) имениях в Киевской, в 605 из 2154 в Подольской и в 2065 из 3585 в Волынской губерниях¹⁰³.

Распоряжение 1913 г. также не имело последствий. Мир землевладельцев жил в убеждении, что экономическое и культурное превосходство позволит увековечить их социальное господство. Это продолжалось до тех пор, пока не взорвалась вся система, оставив после себя лишь ненависть и несправедливость.

Экономической взлет последних лет перед катастрофой, казалось, был гарантией такой уверенности. По данным прекрасного альбома, изданного в 1913 г. и посвященного сельскому хозяйству Украины, польские владения составляли половину помещичьих имений. При этом, в чем нам еще предстоит убедиться в последней главе, сельское хозяйство этих земель трактовалось как вершина экономического успеха империи.

Описывая в 1922 г. свою драму в книге воспоминаний «Пожар», З. Коссака-Щуцкая, которую большевики выгнали из ее волынского имения, очень хорошо объясняет истоки событий 1917 г.:

Тогда, объезжая такие мирные с виду поля, можно было услышать, если вслушаться душой, глухой голос Низов, хрипящий о своем Земельном голоде — голоде сильнейшем, чем любой другой голод. Голос этот странно контрастировал с благоухавшей весной и обманчивым очарованием, обаянием, свежестью, которые с виду сохранили села. О, только с виду, потому что, если внимательно прислушаться, исчезало пение птиц, кваканье лягушек, запах цветов и торжественная предвечерняя тишина. Из хат, домов,

заборов, дворов и беленых сараев вздымалось в небо и крепло в едином сто-не единственное желание просящих:

Земли! Земли!

Этот стон становился все громче, переходил в шум. Уже ничего невоз-можно было услышать, кроме него. Сотни, тысячи голосов, искаженных жаждой и завистью, повторяли: Земли! Земли! Этот крик преследовал всю-ду, снился по ночам. «Отдайте землю, земля наша!», можно было прочесть в глазах каждого, услышать в каждом слове. Это уже не была страсть и же-лание, присущие человеку. Это была *стихия*, неодолимая и беспощадная, которая поднималась с угрожающим шумом волн, что, хлынув, все затопят и уничтожат¹⁰⁴.

По мере приближения к концу этой главы трудно избавиться от сомне-ний. Семьдесят лет длилась трагедия советизации этих земель. Падение коммунистического режима в 1991 г. вызывает, безусловно, в чьих-то ду-шах желание найти позитивные стороны в «старом добром времени», пред-шествовавшем большевикам. В этом нет ничего нового. В 1934 г. Мельхиор Ванькович, родом с «кресов», писал: «Теперь, когда с расстояния пройден-ных лет и после пережитой революции смотрю на эти обряды, знаю, что те самые люди, которые сейчас, возможно, заключены в колхозах, были искренними. В образе их жизни, сформированном веками, «пан» был исто-рической необходимостью, солнцем, вокруг которого вращалась планет-ная система из нескольких сел, источником заработка и оплотом формы жизни, именно такой, к какой они привыкли»¹⁰⁵.

Бывшие польские помещики западных губерний оправдывали в вос-поминаниях существовавшее тогда положение дел тем, что крестьяне, не-смотря ни на что, чувствовали себя неплохо: пели, танцевали, женились и бывали счастливы, живя в согласии и уживаясь со своими панами бла-годаря определенной ритуализации, даже сакрализации взаимоотноше-ний, которая приглушала или сглаживала любые конфликты. В памяти генерала Зигмунта Подхорского, 1891 года рождения, сохранились лишь трогательные воспоминания об отношении простонародья к его отцу, с ко-торым они во всем советовались, кланялись при встрече ему трижды до земли и целовали в руку, а отец лично благословлял в своей усадьбе же-ниха и невесту, участвовал в свадьбах, дожинках, в праздновании Рожде-ства и Нового года, освящении воды по случаю праздника Поклонения волхвов (Богоявления)... Совместная жизнь в симбиозе и гармонии каза-лась возможной: «...мою хлопоманию усиливало то, что я любил этот ук-раинский народ и, прекрасно зная его язык, с легкостью с ним объяснял-ся. Мне казалось, что я понял его нужды и я мечтал о том, чтобы создать условия для сосуществования поляков высших слоев и русского крестьян-

ства в симбиозе, в котором поляки были бы наставниками и вели бы этот народ к более высокому уровню культуры и морали, приучая его к идее общей родины, Польской республике, на основе принципов Гадячского договора, под дорогими каждому символами Орла, Погони и Михаила Архангела».

Брат мемуариста Вацлав Подхорский тоже не помнит о существовании каких-либо конфликтов. Если и возникало какое-то недоразумение, то исключительно вследствие интриг русских или австрийцев. Вацлав Подхорский с волнением описал два креста — католический и православный: один XVIII в., другой — более поздний, оба поставлены его семьей в память о верных слугах. Верные слуги! Алиби для чистой совести. Преданные украинские слуги, к которым относились хорошо, это несколько деревьев в шумящем перед бурей лесу. Леон Липковский был убежден, что именно слуги и работники из имения были теми, кто обеспечивал связь между высокой и низкой культурой. Он приводит примеры нескольких близких к помещикам слуг. Мошинский упрямо настаивает на том, что никогда не было малейших проблем с верными крестьянами. И речи не могло быть, по их мнению, об украинском вопросе, ведь на Украине всегда жили «тутошние», т.е. люди без выраженного национального сознания, бедные, но счастливые¹⁰⁶.

Говорится о «суде истории», «приговоре истории». Представляется, что польская историография до сих пор своего приговора не вынесла. Когда же такие попытки предпринимались, польские мемуаристы возмущались «маранием святого». Матляковский, который безжалостно разоблачал злоупотребления своих соотечественников, в конечном счете стал испытывать чуть ли не муки совести: «Грустно писать об этом поляку. Он сам не может критиковать свою историю, потому что оказывается в положении сына, у которого были отец-мот и легкомысленная мать. Он не может их хвалить, а ругать ему их не позволено»¹⁰⁷. Впрочем, удалось ли, в свою очередь, российской историографии показать, насколько неудачны были и усилия Российского государства по «приручению» украинского народа?

У французского исследователя по понятным причинам не может быть подобных угрызений совести. Именно поэтому считаю, что написание истории с точки зрения прав человека является более плодотворным делом. Лишь освещение темных пятен в истории может помочь нормализации польско-украинских, русско-украинских и польско-русских отношений. Не стоит бояться достать скелет из старого шкафа. Чем ближе приближается читатель к концу книги, тем становится понятнее и яснее, каковы были планы Российской империи, в чем были ее слабости и каковы те причины, по которым нет смысла в обязательном порядке идеализировать ее прошлое.

¹ Во Франции, начиная с А. Леруа-Больё, историков интересует собственно Россия, есть всего лишь одно исследование, посвященное Центральному Черноземью: *Bensidoun S. L'agitation paysanne en Russie de 1881 à 1902. Etude comparative entre le Cernozem central et la nouvelle Russie*. Paris, 1975. Для англоязычной историографии также характерен русоцентризм: *Macey D.A.J. Government and Peasant in Russia, 1861—1906: The Prehistory of the Stolypin Reforms*. De Kalb, Illinois, 1987. Среди польских исследований по этой теме следует отметить работы Хелены Бродовской и Кшиштофа Гронёвского: *Brodowska H. Ruch chłopski po uwłaszczeniu w Królestwie Polskim 1864—1904*. Warszawa, 1967; *Groniowski K. Kwestia agrarna w Królestwie Polskim 1871—1914*. Warszawa, 1966; Idem. *Realizacja reformy uwłaszczeniowej 1864 r.* Warszawa, 1963; Idem. *Robotnicy rolni w Królestwie Polskim 1871—1914*. Warszawa, 1977. Подобная проблематика представлена и в советской украинской историографии, в работах, посвященных Галиции: *Кравець М.М. Селянство Східної Галичини і Північної Буковини у другій половині XIX ст.* Львів, 1964. Украине в целом посвящены хорошо документированная работа Лешенко и исследование Теплицкого. См.: *Лешенко М.Н. Класова боротьба в українському селі в епоху монополістичного капіталізму (60—90-ті роки XIX ст.)*. Київ, 1970, *Теплицький В.П. Реформа 1861 року і аграрні відносини на Україні (60—90-ті роки XIX ст.)*. Київ, 1959.

² *Пойда Д.П. Крестьянское движение*.

³ *Edelman R. Proletarian Peasants: the Revolution of 1905 in Russia's Southwest*. Ithaca, 1987.

⁴ См. выше, часть 2, глава 1.

⁵ *Ślękowa L. L'image des confins du Sud-Est dans la littérature polonaise des XVI et XVII siècles // Les confins de l'ancienne Pologne. Ukraine. Lithuanie. Bielorussie XVI—XX siècles / Réd. D. Beauvois*. Lille, 1988. P. 21—38; *Matuszewska P. Les poètes polonais de la fin du XVIIIe siècle et les confins orientaux // Ibidem*. P. 39—56.

⁶ *Жуковський А. Хлопоманство // Енциклопедія українознавства*. Париж; Нью-Йорк, 1980. Т. 9. С. 3591—3592.

⁷ *Пойда Д.П. Крестьянское движение*. С. 125—131.

⁸ ЦДАУК. Ф. 442. Оп. 812. Спр. 2 — Переписка киевских цензоров за 1862—1863 гг. на тему украинофильской агитации. А. Миллер в интересном свете представляет проблематику данной главы. См.: *Миллер А.И. «Украинский вопрос»*. Иные точки зрения представлены в: *Щербак Н.О. Особливості національної політики російського уряду на Правобережній Україні наприкінці XVIII — початку XX ст. Дис... д-ра іст. наук*. Київ, 1995; *Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy*.

⁹ *Mattakowski W. Wspomnienia // Wiadomości*. 1954. № 433.

¹⁰ *Валуев П.А. Дневник*. Т. 1. С. 239. История этого известного текста, предназначенного для киевского, московского и петербургского цензурных комитетов, а также его оригинальная версия приводится в: *Западные окраины*. С. 220—227. Там также говорится о нереализованных проектах 1860—1862 гг. по публикации учебников для народа на украинском языке, а также перевода Священного Писания на украинский язык после того, как в 1859 г. был опубликован полный русский перевод Четвероангелия.

¹¹ *Gozdawa (pseud.)*. *Ruś przed i po powstaniu zbrojnym 1863 r.* Bendlikon, Zürich, 1865. S. 9, 19, 36.

¹² *Borejsza J.W.* Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966. S. 233—248; *Złotorzycka M.* Jarosław Dąbrowski o sprawie ruskiej // *Niepodległość*. 1934. Т. 9. S. 455—463.

¹³ *Mickiewicz W.* La Pologne et ses provinces méridionales, manuscrit d'un Oukraïnien. Paris, 1863. Произведения, перечисляемые Владиславом Мишкевичем, принадлежат Тарасу Шевченко. Н.И. Костомарову прекрасно удалось ухватить суть стремлений поляков и русских в отношении Украины. Свой взгляд он сперва представил в анонимной статье 1860 г. в герценовском «Колоколе» и затем уже под своим именем в «Основе» в статьях «Правда Москвичам о Руси» и «Правда Полякам о Руси».

¹⁴ *Feldman W.* Za wzorem sprzed lat 500 czy 50? // *Krytyka* 1913. Т. 39. Z. 12. S. 242. В трех работах, опубликованных в одной книге, прекрасно показана концентрация польской политической мысли на проблеме границ 1772 г.: *Suleja W.* Kresywschodnie w myśli politycznej polskiej irredenty w okresie popowstaniowym 1864—1914 // *Między Polską etniczną a historyczną. Polska myśl polityczna XIX i XX wieku.* / Red. W. Wrzesiński. Т. VI. Wrocław, 1988. S. 47—96; *Kulak T.* Kresy w myśli politycznej J.-L. Popławskiego // *Ibidem*. S. 167—186; *Kolbuszewski J.* Legenda kresów w literaturze polskiej XIX i XX w. // *Ibidem*. S. 187—206. На тему прочности данной концепции среди членов Польской партии социалистов (ППС) см.: *Stoczewska B.* Litwa, Białoruś, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego. Kraków, 1998. S. 397.

¹⁵ Демографическая ситуация в каждой из губерний была следующей: Киевская губерния: 2 012 095; Подольская: 1 868 857; Волынская: 1 602 715, т.е. 5 483 667. См.: Военно-статистический сборник России. СПб., 1871. 4-е изд., доп. С. 25—36. Поляки составляли 467 тыс. См.: Край. 1884. № 19. S. 9—10.

¹⁶ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 27—34.

¹⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 33. Д. 53.

¹⁸ «Правила о порядке обращения по именях Киевской, Подольской и Волынской губерний уставных грамот в выкупные акты». См.: *Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С. 377—412.

¹⁹ Инвентарные правила обернулись к вящей выгоде польских помещиков после 1847 г. из-за того, что крестьяне не могли противостоять предводителям дворянства, контролировавшим их приведение в исполнение. Ограбление крестьян было повсеместным явлением для западных губерний: «Предводители боялись протестов землевладельцев, которые, надо это с сожалением признать, традиционно считали крестьян кем-то ниже шляхты, и это приводило к тому, что они закрывали глаза на злоупотребления. Инвентарные правила не принесли пользы ни земледельцам, ни обществу в целом, на что можно было рассчитывать, если бы к этой реформе отнеслись как к спасительной, необходимой и связанной с будущим края мере» (*Zaleski B.* Zniesienie poddaństwa na Litwie // *Rocznik Towarzystwa Historyczno-Literackiego*. 1868. S. 18—19).

²⁰ ЦДАУК. Ф. 442. Оп. 304. Спр. 230 — Письмо Министерства внутренних дел Безаку и текст указа. Следует сразу отметить, что по этой причине в 1865—1871 гг. правительство полностью изменило работу судебных органов, лишив поляков права на участие в них. См.: *Рыбак И.В.* Польский фактор в осуществлении судебной реформы на Подолье в 70-е годы XIX ст. // *Pamiętnik Kijowski*. 2004. Т.7. S. 123—126. Роль российских мировых посредников, которые сохранились в Юго-Западном крае вплоть до 1917 г., весьма позитивно оценивают историки, являющиеся сторонни-

ками империоцентричного подхода, указывающие на то, что институт мировых посредников оставался «знаменем освобождения “русских” крестьян от польского гнета для России и источником легитимности владения Западными губерниями». См.: *Маузолато К.* Из комиссаров. К сожалению, данная статья не дает информации на тему о просветительской работе этих чиновников.

²¹ *Лещенко Н.Н.* Крестьянское движение. С. 40—50.

²² Восстание 1863 г. Т. II. С. 365—366.

²³ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 116—117; ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 306. Спр. 108 — Отчет от 19 апреля 1867 г. по трем губерниям о редких случаях выкупа, произведенного с согласия владельцев.

²⁴ *Ibidem.* Оп. 304. Спр. 1 — Дела о наделении земель в 1861—1863 и выкупе наделов в 1863—1868 гг. на основании описи наделов по каждому имению, с указанием имени помещика, количества крестьян, типа грунта, стоимости выкупа. Данные о количестве подтверждений по каждой губернии см.: *Ibidem.* Оп. 306. Спр. 245(2).

²⁵ Валуев возмущался медленным ходом выкупной операции во всех западных губерниях 1 января 1868 г.: *Валуев П.А.* Дневник. Т. 2. С. 247—251. О завершении перевода крестьян на выкуп см.: *Зайончковский П.А.* Проведение. С. 410—411.

²⁶ *Lipkowski L.* Moje wspomnienia S. 9; *Mattakowski W.* Wspomnienia // *Wiadomości.* № 427, 433; Biblioteka Narodowa, Warszawa Rękopis 7985. S. 56—60 — *Maikowski J.L.* Pamiętnik.

²⁷ *Kieniewicz S.* Dereszewicze 1863. Wrocław, 1986. S. 98—99.

²⁸ *Bobrowski T.* Pamiętnik. S. 508—509.

²⁹ *Ibidem.* S. 509; *Pухтер Д.Г.* Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго- и северо-западных губерниях России // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1900. № 39. С. 587; *Зайончковский П.А.* Проведение. С. 412—416.

³⁰ Полтора миллиона крестьян, которые проживали на казенных землях, на землях, принадлежавших царской семье (т.н. удельные) и т.п., были обеспечены немного лучше: в Волынской губернии приходилось 5,2 десятины на мужскую душу, в Киевской — 4,1 и в Подольской — 3,5. Однако значительное число арендованных имений не подлежало парцелляции. Похоже, что циркуляр Зеленого от 21 октября 1865 г., согласно которому арендаторам, согласившимся уступить землю крестьянам, обещалось вознаграждение, не имел особых последствий (см.: ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 179. Спр. 667). Передел этой земли был произведен только в 1889 г. Процентное соотношение категорий бывших крепостных приводится по: *Рудченко И.* Записка о землевладении в Юго-Западном крае. Киев, 1882. Однако пропорции, приводимые в указанной выше работе Д.Г. Рихтера, указывают на значительно большее количество бедных: на 504 844 двора приходилось 342 710 пеших, всего 92 255 тяглых, а 69 879 — на грани полного обнищания.

³¹ Biblioteka Jagiellońska, Kraków. Rękopis 4832 II. S. 6—28 — *Wspomnienia z Wołynia.* 1867 (анонимный текст).

³² *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 151—161.

³³ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 306. Спр. 311.

³⁴ ПСЗ. 2-я серия. Т. 10. № 41947.

³⁵ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 305. Спр. 340.

³⁶ Ibidem. Оп. 306. Спр. 245 (2). Арк. 165; Спр. 278.

³⁷ Ibidem. Оп. 308. Спр. 748.

³⁸ Ibidem. Оп. 308. Спр. 105. Цит. по: *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 58.

³⁹ *Рихтер Д.Г.* Материалы. С. 588; *Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь. С. 412; *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 58.

⁴⁰ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 178—180. После отмены крепостного права телесные наказания были теоретически запрещены.

⁴¹ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 312. Спр. 159.

⁴² *Катков М.Н.* Выдумки «Киевлянина» и польских газет о малорусском патриотизме. Киев, 1874.

⁴³ О работе киевского отделения подробно пишет А. Миллер. См.: *Миллер А.И.* «Украинский вопрос».

⁴⁴ Социально-политическое движение. Т. 2. Дополнение. С. 429 (Отчет попечителя Киевского учебного округа товарищу министра народного просвещения об украинофилах). Общественное мнение на Западе чаще всего принимало русскую точку зрения на возможность украинского возрождения. Это было особенно заметно во Франции накануне заключения российско-французского союза. Например, в книге «Царская империя и русские» (1881—1889) Анатоля Леруа-Больё (переиздана еще и в 1990 г.) в главе 4 первого тома читаем: «...если и есть несколько умов как, например, поэт Шевченко и украинофилы, которых подозревали в том, что они мечтают превратить Малороссию в независимую как от России, так и от Польши нацию и вернуться к планам Хмельницкого и Мазепы, то в целом подобные мечты вызвали у малороссов не больше отзыва, чем планы создания Южной лиги в 1870—1871 гг. на юге Франции... Украинofilы и малороссийские поэты опасны для России не больше, чем для французского единства и возрождения провансальская литература...»

⁴⁵ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 178—188.

⁴⁶ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 532. Спр. 134, 202 — Годовой отчет за 1878 г. *Zhuk S.* Russia's Lost Reformation: Peasants, Millennialism and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830—1917. Baltimore, 2004.

⁴⁷ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 536. Спр. 266 — Годовой отчет за 1879—1880 гг. Д.П. Пойда приводит те же факты по материалам полиции. См.: *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 189—192. В журнале «Черный передел» (№ 2, сентябрь 1880 г.) дело Браницких представлено в революционной тональности.

⁴⁸ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 617. Спр. 250 — Письмо министра юстиции Черткову; *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 193—194.

⁴⁹ Документальное исследование, посвященное деятельности «Народной Воли» на Украине, с марксистских позиций показывает, что революционное движение было достаточно изолировано от народа. См.: *Катренко А.Н.* В борьбе за пробуждение народной революции. Из истории революционно-демократического движения на Украине в 80-х — нач. 90-х XIX в. Киев, 1988.

⁵⁰ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 535. Спр. 310, 322, 355; Оп. 536. Спр. 169 — Годовые отчеты 1881, 1882 гг. по Волынской и Киевской губерниям.

⁵¹ *Siły ekonomiczne kraju zachodniego. Cześć III: Ukraina // Kraj. 1884. № 19. S. 1.* Низкий уровень гигиены приводил к частым эпидемиям холеры и дифтерии. Эпидемиология также приводила к большому количеству смертельных случаев, а профи-

лактика властей (обязательный забой скота) воспринималась как проявление несправедливости и приводила к большому количеству крестьянских волнений.

⁵² *Matlakowski W.* Wspomnienia // *Wiadomości*. № 427; Biblioteka Narodowa, Warszawa Rękopis 10 530 (без пагинации) — *Kutyłowska H.* Moje dzieciństwo i młodość z lat 1898—1919; *Stempowski S.* Pamiętniki 1870—1914. Wrocław, 1953. С. 23. Определенное представление о состоянии здравоохранения дает тот факт, что в Киевской губернии на примерно 2,7 млн жителей в 1883 г. приходилось всего 271 врач, из которых 82 были государственными, а 130 больниц были скорее амбулаториями. В двух других губерниях врачей было еще меньше.

⁵³ *Kraj*. 1882. № 4. С. 11; 1884. № 26. С. 19; 1889. № 49. С. 13.

⁵⁴ *Ibidem*. 1884. № 35. С. 18; № 39. С. 18.

⁵⁵ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 349—352.

⁵⁶ *Kraj*. 1882. № 5. С. 10.

⁵⁷ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 278—288.

⁵⁸ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 537. Спр. 230.

⁵⁹ *Kraj*. 1884. № 5. С. 16.

⁶⁰ Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения средне-земледельческих губерний. СПб., 1903. Ч. I. Табл. XVIII; *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 53.

⁶¹ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 306—315. Дано подробное описание каждого конфликта.

⁶² *Matlakowski W.* Wspomnienia // *Wiadomości*. № 459; Biblioteka Narodowa, Warszawa Rękopis 7985. С. 55—56. В этих землях губернатор не выступал в роли посредника как это бывало в самой России. Ср.: *Bensidoun S.* L'agitation paysanne. P. 268—269.

⁶³ *Воблий К.Г.* Нариси з історії російсько-української цукрово-буракової промисловості. Т. 2 (1862—1895). Київ, 1930. С. 76.

⁶⁴ *Kraj*. 1884. № 13. С. 11. К. Мауцзато вообще не верит, что положение крестьян могло быть настолько безвыходным и остро критикует меня за то, что я временами иду следом за Пойдой: «Левизной своего нарратива Бовуа далеко превосходит традиции советского подхода». См.: *Мауцзато К.* Из комиссаров. С. 179. По всей видимости, Мауцзато предпочитает верить подольскому губернатору, который в 1880 г. докладывал царю, что будто бы «край постепенно обрусевает благодаря переходу земель к местным крестьянам». Он не подозревает, что губернатор явно льстил царю. Более того, японский историк отрицает существование польско-украинского антагонизма, который у меня, дескать, «гротескно преувеличивается». Читателю судить, где гротеск есть, а где его нет.

⁶⁵ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 617. Спр. 250.

⁶⁶ *Kraj*. 1885. № 50. С. 15.

⁶⁷ *Ibid.* 1886. № 27. С. 14.

⁶⁸ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 542. Спр. 100.

⁶⁹ *Kraj*. 1889. № 23. С. 4.

⁷⁰ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 99; *Łączyński M.* Sto lat bez mała Warszawa, 1961. С. 11; Biblioteka Jagiellońska, Kraków, Rękopis 9831. С. 91 — *Podhorski W.*

Ziemiaństwo na Ukrainie; *Stempowski S.* Pamiętniki. S. 35; *Kutyłowska H.* Moje dzieciństwo; *Lewicka M.* Dzieciństwo. Warszawa, 1973. S. 13—176; *Beauvois D.* Eux et les autres: les mémorialistes des confins polonais au XXe siècle // *Pologne plurielle et singulière.* / Réd. M. Tomaszewski. Lille, 1994. P. 127—149.

⁷¹ Biblioteka Narodowa, Warszawa Rękopis 7985. S. 79—93. Правда, этот помещик отличался особо скандальным характером и сутяжничеством, о чем писал его брат Петр Маньковский. См.: *Ibidem.* Rękopis 9781. T. I. S. 60. — *Mańkowski P.* Pamiętniki. Wspomnienia arcybiskopa Petra Mańkowskiego уже опубликованы, см.: *Mańkowski P.* Pamiętniki. / Oprac. Sł. Górzyński. Warszawa, 2002.

⁷² *Ig. Nowiny z Południa* // *Kraj.* 1888. № 7. S. 1; *Chłopicki E.* // *Ibidem.* 1887. № 43. S. 15.

⁷³ *Ibidem.* 1887. № 25. S. 17; 1888. № 39. S. 15.

⁷⁴ *Ibidem.* 1890. № 33. S. 12; № 50. S. 15.

⁷⁵ *Ibidem.* 1889. № 9. S. 16; № 48. S. 11; 1890. № 8. S. 16; 1891. № 22. S. 16.

⁷⁶ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 275—277, 294—297, 304—305, 333—334.

⁷⁷ *Ibidem.* С. 66; *Воблий К.Г.* Нариси з історії. Т. 2. С. 5; *Kraj.* 1891. № 32. S. 12. На тему великого голода см.: *Robbins R.G.* Famine in Russia 1891—1892: The Imperial Government Responds to a Crisis. New York, 1975. На тему массовой миграции в Сибирь см.: *Coquin F.X.* La Sibérie: Peuplement et immigration paysanne au XIXe siècle. Paris, 1969.

⁷⁸ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 700. Спр. 190 — Отчет Трепова генерал-губернатору М.И. Драгомирову от 15 мая 1898 г. О влиянии Сангушко см.: *Dunin-Karwicki J.* Wspomnienia o Sławucie // *Kłasy.* Т. 1. S. 284, 300, 317, 348.

⁷⁹ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 690. Спр. 135.

⁸⁰ Memoriał E. Wojniłowicza w kwestji służebności (serwitutów) // *Kraj.* 1892. № 3. Dodatek. На русском языке была издана книга, целиком посвященная сервитутам: *Абрамович К.* О крестьянских сервитутах в губерниях Западных, Прибалтийских и Царства Польского. Сборник узаконений с разъяснениями прав Сената. СПб., 1895.

⁸¹ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 625. Спр. 416 — Волынский отчет за 1894 г. *Ibidem.* Оп. 846. Спр. 463 — Отчет Игнатьева Николаю II, машинописный текст черновика, 1896 г.

⁸² *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 268, 384—385.

⁸³ *Личков Л.С.* Юго-Западный край по данным переписи 1897 г. // Киевская старина. Т. XC. 1905. С. 317—366. Ср. с данными о бурном демографическом росте в России: *Bensidoun S.* L'agitation paysanne. P. 55—71.

⁸⁴ *Рева И.М.* Киевский крестьянин и его хозяйство. Киев, 1893. Эта брошюра вызвала острую критику со стороны товарища министра внутренних дел В.К. Плеве.

⁸⁵ Материалы комиссии по оскудению центра. СПб., 1902. Ч. I. С. 249; *Воблий К.Г.* Нариси з історії. Т. 2. С. 29.

⁸⁶ ЦДІАУК. Ф. 301. Спр. 52 (1897 г.); Спр. 55 (1898 г.); Ф. 442. Оп. 697. Спр. 71. Обострение напряжения в деревне после 1900 г. связывают, в числе прочего, с кровавыми волнениями крестьян на Левобережной Украине, в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. См.: *Bensidoun S.* L'agitation paysanne. P. 426—442.

⁸⁷ *Boshky G.Y.* The Rise of the Ukrainian Political Parties in Russia 1900—1907 with Special Reference to Social Democracy. Thesis Ph.D. Oxford, 1981 (машинопись); *Лещенко М.Н.* Українське село в революції 1905—1907 рр. Київ, 1977.

⁸⁸ *Stempowski S. Pamiętniki.*

⁸⁹ *Ibidem.* S. 123—124, 129, 173—174, 213—216.

⁹⁰ Журнал «Світова житниця» был первым ежемеслячником, который стал выходить в Подольской губернии. Первый номер появился в феврале 1906 г. в Могилеве на Днестре (Могилеве-Подольском). Издание было прервано на 23-м номере в 1908 г., однако вновь возобновлено в 1911 г. в Пеньковке под Ямполем, а затем до конца 1913 г. журнал выходил в Киеве. Несколько номеров вышло в мае—октябре 1917 г., последний был издан отдельно в Каменце 11 апреля 1920 г. Цель журнала, который печатали большими, как в букваре, буквами, заключалась в пространстве среди крестьян таких понятий и идей, как порядок, уважение к закону, хозяйственность, чувство коллективизма, уважение к грамотности, однако делалось это в крайне религиозном и нравоучительном стиле. Эта деятельность польских хлопоманов вписывалась в поддержку зажиточных крестьян, предложенную реформой Столыпина и направленную на нейтрализацию радикальных националистических идей в таких украинских изданиях, как «Слово» или «Украинский вестник». См.: *Білінський М.І., Співачевська Н., Кривецький І.* Часописи Поділля. Історико-бібліографічний збірник (1776—1926). Вінниця, 1927—1928. Полная подшивка этого журнала хранилась в архиве Каменец-Подольского до 1992 г., когда она была передана в архив в Хмельницком.

⁹¹ *Stempowski S. Pamiętniki.* S. 302—314. Еще более открытой в отношении укреплявшегося украинского самосознания была позиция немногочисленной, но влиятельной городской интеллигенции. См.: *Z dziejów Ukrainy. Księga pamiątkowa ku czci Włodzimierza Antonowicza, Paulina Świącickiego i Tadeusza Ryłskiego / Red. W. Lipiński.* Kijów, 1912.

⁹² Biblioteka Jagiellońska, Kraków. Rękopis 9827 III. S. 141 — *W. z Zaleskich [Kurnatowska (?)].* Na przełomie dwóch wieków. Всеобщая неприязнь польских помещиков к украинскому крестьянству не повлияла на верность Станислава Стемповского своему идеалу. По договоренности Ю. Пилсудского с С. Петлюрой Стемповский стал министром земельных дел в правительстве атамана, а еще один поляк, Генрик Ожевский, занял пост заместителя министра внутренних дел.

⁹³ *Лещенко М.Н.* Українське село. С. 206—217. Более подробный анализ роли украинских движений в революции 1905—1907 гг. см.: *Boshyk G.Y.* The Rise. P. 286—372. Во время волнений больше всего погибших было с украинской стороны. Новая польская пресса тех лет оставалась полностью глуха к их требованиям о возврате земель. Сообщая 26 августа 1906 г. о кровавых репрессиях войска в имении Косельских в Ванковцах под Новой Ушицей в Подольской губернии, в результате которых было убито пятеро и ранено 20 крестьян, газета «Dziennik Kijowski» назвала это событие «немыслимым», ведь помещики были такими «добрыми»... Это издание, придерживавшееся национально-демократической идеологии, не могло признать существование украинского народа. Марксистское видение крестьянских забастовок 1905—1906 гг. в американской версии представлено с подробной библиографией в: *Edelman R.* Proletarian Peasants. P. 82. Он описывает беспорядки в имениях Сангущо и Потоцких (р. 111—112).

⁹⁴ Biblioteka Narodowa, Warszawa. Rękopis 7985. S. 64, 93—101; *Dziennik Kijowski*, 1/14.07.1906.

⁹⁵ ЦДАУК. Ф. 442. Оп. 855. Спр. 109 — О терроре в Волынской губернии в феврале—ноябре 1905 г. Все эти польские помещики и не вспоминали о презритель-

ном отношении поляков к Н.В. Клейгельсу в Варшаве, где он в 1886—1896 гг. служил обер-полицмейстером.

⁹⁶ Діло. 16.06.1905; Słowo Polskie. 03.05.1905.

⁹⁷ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 855. Спр. 113, 115 — Дела о сельских движениях в Подольской и Киевской губерниях в 1905 г.; *Кокошкин Ф.Ф.* Областная автономия и единство России. М., 1906; *Лещенко М.Н.* Українське село. С. 216—217.

⁹⁸ *Żółtowska J. z Putkamerów.* Inne czasy, inni ludzie. London, 1959. S. 135.

⁹⁹ Российская литература, доказывавшая, что крестьянам не нужна земля, приводится в: *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство. С. 6—22. См. также: *Liniewicz D.M.* O komasacji i gospodarstwie futurowym. Winnica, 1901; *Lipkowski L.* Moje wspomnienia S. 238—242.

¹⁰⁰ *Дубровский С.М.* Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М., 1963. С. 86—95.

¹⁰¹ *Липинский Л.П.* Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. Минск, 1978. С. 50—77, 122—132. В отчете подольского губернатора за 1910 г. представлен этот массовый исход в «Азиатскую Россию»; губернатор подчеркивал, что в его губернии всего 16% крестьян живут в достатке, имея по 5 десятин на двор, большинству же принадлежало менее трех десятин, которые не давали возможности прокормиться. См.: ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 641. Спр. 704. Об этом же писал и волынский губернатор в 1911 г., естественно считая виновными во всем евреев, в связи с чем он восхвалял благотворное влияние «Союза русского народа» во главе с православным священником Виталием (*Ibidem.* Оп. 642. Спр. 497). На тему официальной «ассимиляции» украинцев, как она виделась властям, и «русского народа» см.: *Weeks T.R.* Ukrainians and Official Russia: A Deafening Silence // *South East European Monitor.* IV. № 1. 1997. P. 32—41.

¹⁰² РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 354.

¹⁰³ *Ibidem.* Оп. 9. Д. 612; *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство. С. 35—46; *Першин П.Н.* Участковое землепользование в России. М., 1922; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. М., 1923.

¹⁰⁴ Весь Юго-Западный край. Киев, 1913; *Kossak-Szczucka Z.* Pożoga Wspomnienia z Wołynia 1917—1919. Rzeszów, 1990. S.15.

¹⁰⁵ *Wańkiewicz M.* Szczeniące lata Warszawa, 1934. S. 196.

¹⁰⁶ *Podhorski Z.* Wspomnienia // *Pamiętnik Kijowski.* 1980. T. 4. S. 45—48, 69; Biblioteka Jagiellońska, Kraków. Rękopis 9831. S. 12 — *Podhorski W.* Ziemiaństwo na Ukrainie; *Ibidem.* Rękopis 9832. S. 31. — *Podhorski W.* Moje ostatnie wspomnienia *Lipkowski L.* Moje wspomnienia S. 33—132; *Moszyński E. i R.* Szkice i wspomnienia z ziemi owruckiej na Wołyniu // *Pamiętnik Kijowski.* 1963. T. 2. S. 217—232.

¹⁰⁷ *Matlakowski W.* Wspomnienia ukraińskie. S. 471—472. Вплоть до наших дней истинные сыновья Польши из национал-демократов вместе с сонмом авторов, влюбленных в «кресы», слепо восхваляют высшую культуру давних польских усадеб. Стоит упомянуть в этой связи хотя бы обезоруживающую по своей прямолинейности диссертацию М. Устшицкого (*Ustrzycki M.* Ziemianie polscy na Kresach 1864—1914, świat wartości i postaw. Kraków, 2006). Многие считают, что польско-украинские отношения описаны мной «в истинно социалистическом духе». См:

Stroński H. Ostatnie dni Arkadii, zagłada życia gospodarczego i społeczno-kulturowego Polaków na Prawobrzeżu w latach wojny i rewolucji 1916—1919 // Pamiętnik Kijowski, 2006. T. 8. S. 377—413. В рецензии на польское издание настоящей монографии Т. Эпштейн пишет даже, что «она не является оригинальным продуктом, а лишь продолжением традиций марксистской историографии в большей степени в советском, чем польском варианте. Автор неоднократно из историка превращается в моралиста, оценивающего поступки своих героев в зависимости от размера их дохода». См.: *Epszstein T.* W poszukiwaniu nowego obrazu dziejów ziem południowo-zachodnich dawnej Rzeczypospolitej // Kwartalnik Historyczny. 2007. № 3. S. 159—171. Полагаю, что добросовестно изученные мной архивные материалы могут дать повод для более здравых размышлений.

Глава 3 БЕДНЕЙШИЕ ИЗ БЕДНЫХ

Эта глава посвящена судьбе деклассированной шляхты на Правобережной Украине в 1863—1914 гг. Ее цель — связать проблематику второй части этой книги с работами, посвященными истории шляхты в межвоенный период в Польше, а также последними исследованиями, касающимися судеб поляков в советской Украине¹. Возвращаясь к деклассированной шляхте, следует сказать, что с увеличением русского землевладения на Правобережной Украине все большее количество однодворцев оказывалось под властью русских помещиков, которым пришлось столкнуться не в теории, а на практике с проблемой существования такой группы.

СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО

Эта глава появилась как следствие осознания того, что в представляемой читателю картине недостает двух важных элементов. Во второй главе предыдущей части все внимание было в основном сконцентрировано на грандиозной акции российского правительства 1831—1850 гг. по ревизии прав шляхты на дворянство с целью уничтожения политической роли этой социальной группы, признанной властями опасной. Представленное описание, несмотря на его правдивость, оказалось неполным.

Планы властей по деклассированию безземельной шляхты, которая начиная с 1831 г. на протяжении последующих 20 лет пополняла ряды крестьян-однодворцев, не увенчались бы успехом без соучастия, а бывало что и активного содействия со стороны зажиточной шляхты. Процесс ревизии прав на дворянство был, несомненно, частью репрессивных мер царского правительства в отношении этой группы, не укладывавшейся в сословные рамки Российской империи. Однако все эти меры 30—40-х гг. XIX в. следует также рассматривать как согласующиеся с давней волей шляхетской верхушки. Расширение наших исследований до начала XX в. даст возможность ознакомить читателя с общим видением этой проблемы в перспективе «большой длительности».

Напомним вкратце сделанные ранее выводы. Одиночные протесты польских предводителей дворянства в 30-х годах XIX в. в связи с перечис-

лением деклассируемой шляхты в однодворцы были продиктованы еще существовавшей тогда солидарностью между богатой и бедной шляхтой. Впрочем, очевидным является тот факт, что и губернские, и уездные предводители дворянства, ответственные за книги и реестры всей «шляхетской братии», в значительной степени способствовали в течение 1831—1833 гг. исключению из своих рядов 72 144 шляхтичей, а затем, в 1834—1859 гг., — еще 93 139 человек. Запись 165 тыс. шляхтичей в однодворцы, несомненно, произошла под давлением царских властей, однако следует помнить, что они были предоставлены своей судьбе богатой шляхтой. Созданная Д.Г. Бибиковым в Киеве ревизионная комиссия отнесла к категории однодворцев еще 160 тыс. человек, именно они стали жертвами исключительно царских ревизоров. Однако в их защиту не поднял голоса ни один польский дворянин, и киевскому губернатору оставалось лишь порадоваться полному молчанию польских помещиков и подчеркнуть, что землевладельцы уже не видят необходимости солидаризироваться с обедневшей шляхтой, которая с экономической точки зрения представляла для них не больший интерес, чем украинские крепостные².

Сборник документов, посвященный крестьянскому движению на Украине, подтверждает как тяжелое положение крестьян, так и нелегкую судьбу безземельной шляхты, которая вела отчаянную борьбу за дворянские права³. Конфликт между землевладельческой и безземельной шляхтой углубился в период между восстаниями. Уже подчеркивалось, что землевладельцы сопротивлялись навязанному им обязательству собирать и передавать государству подъемный налог с этой обнищавшей шляхты, поскольку им претила сама мысль, что их что-то с ней связывает. В то же время они не могли скрыть удовлетворения от возложенной царскими властями на деклассированную шляхту рекрутской повинности. Как уже отмечалось, страшная перспектива солдатской службы, позволявшая землевладельцам избавиться от слишком энергичных деклассированных шляхтичей, унижала достоинство последних. Единственным средством избежать отправки в армию, которую считали такой же страшной, как и каторгу, не раз становилось причинение себе увечья.

Еще более тяжкие последствия для новых однодворцев имело полное ограничение с 1841 г. доступа к получению образования в подведомственных Министерству народного просвещения учебных заведениях, а также доступа на гражданскую службу. Этот вид «культурной стерилизации» целой группы стал наиболее тяжелым результатом широкомасштабной акции по ревизии принадлежности к благородному сословию. Следует отметить вызывающий удивление факт незначительного физического сопротивления деклассированию. Волнений было немного. Одно из них — бунт бывшей шляхты села Лучинка под Могилевом на Днестре в имени Урусской-

Собанской в 1851 г. Жители Лучинки силой заставили владелицу имени уважать их права. Вместе с тем следует констатировать дальнейшее значительное расшатывание шляхетской солидарности. В 1858 г., как мы помним, правительство Александра II, в значительно большей степени по сравнению с польскими латифундистами Украины склонное к либерализму, обратилось к ним с просьбой подать предложения по вопросу о предоставлении земель бывшей шляхте. Предполагалось, что это наделение землей будет произведено в увязке с предстоящей отменой крепостного права⁴. Полученные негативные ответы на вопросы анкеты являются отправной точкой для данного исследования: польские помещики все менее воспринимали однодворцев как группу, близкую им в историческом, культурном, национальном и экономическом плане, зато всё в большей степени считали их обузой, мешавшей им и ограничивавшей свободу действий. Нам предстоит убедиться в том, что подобная нескрываемая жестокость, едва заметная до 1863 г., проявится в последующие годы. И если еще во время Январского восстания сохранялась видимость шляхетского содружества, то после него оно окончательно распалось.

В то же время точнее было бы говорить о деградации или постепенном падении статуса этой группы шляхты, чем о полной ее ликвидации. «Уничтожение» безземельной шляхты в течение 1831—1850 гг. происходило в структурно-социальном смысле, имевшем глубокие последствия, но сперва не отразившемся на ее существовании. Один из внимательных читателей обратил мое внимание на то, что не совсем корректно говорить о том, что «шляхта исчезла, растворилась, как этого и хотел Бибииков, в массе крепостных крестьян»⁵. Тот же читатель подчеркнул, что эти люди сумели сохранить национальное самосознание и принадлежность к католической церкви. В конце концов, даже Сталин был вынужден считаться с ними, создав в 1925 г. автономный округ под Житомиром — «Мархлевщину».

Обстоятельно анализируя психоз, охвативший царскую администрацию в этом вопросе, я почти поверил, что эта история подошла к концу в 1863 г., что попавшие в западную жертвы исчезли, а точнее, растворились в массе крепостных крестьян. Тот факт, что эта тема не затрагивалась историками более века, также повлиял на то, что я принял общее забвение за действительное исчезновение этой группы. Причина тому как в принципе формирования фондов российских, а затем советских архивов, так и в заговоре молчания польских свидетелей и соучастников этой драмы. Было, конечно, известно о существовании мелкой шляхты в Литве и Белоруссии, для этого достаточно было заглянуть в роман Элизы Ожешко «Хам», но считалось, что не осталось и следа от ее пребывания на Украине. Ирена Рыхликова приняла мою точку зрения, добавив, что в Киевской губернии мелкая шляхта, живя среди динамически развивающегося

украинского и русского элемента, утратила свое национальное самосознание и растворилась в «украинском море» настолько, что помещики, которые из поколения в поколение жили в своих имениях, к началу XX в. уже не выделяли ее из общей крестьянской среды⁶.

Впрочем, я и сам достаточно быстро засомневался в верности мысли, на обоснование которой затратил столько усилий. Прежде всего было доподлинно известно, что эта группа шляхты существовала в межвоенный период в той части Волыни, которая по Рижскому мирному договору 1921 г. отошла к Польше. Эта шляхта стала предметом весьма подозрительного внимания т.н. социологов, которых в большей степени волновала политическая конъюнктура, чем научный анализ⁷. Работа, посвященная шляхте на этих землях, была написана С. Двораковским⁸. Ее опубликовал созданный в июне 1938 г. Комитет по делам мелкопоместной шляхты в Восточной Польше, во главе которого стояли полковник А. Хорак, сенатор В. Пулнарвич, а также Т. Чесляк и Ю. Одровонж-Пенёнжек. Отличавшиеся антиукраинскими настроениями, члены комитета не скрывали надежд на привлечение потомков упомянутой шляхты к «восстановлению польского могущества на кресах» в рамках «возвращения к истокам» в «деле объединения этой шляхты с польскими крестьянами, помещиками и интеллигенцией»⁹. На Волыни появилось 141 товарищество, объединявшее 20 тыс. таких лиц. Комитет был вынужден признать факт глубокой украинизации этой группы, но несмотря на это связывал с ней большие надежды. Двораковский был склонен поверить, что если эту бедноту, отличающуюся «первобытной простотой» и привыкшую к «невероятной бедности», умело окружить солдатами, католическими священниками-миссионерами и внимательной администрацией, то в ней проснется «гордость происхождения» и она сможет стать авангардом в деле восстановления Великой Польши в границах до 1772 г.: «Этот край — регион с примитивной культурой, с населением, не определившимся в национальном плане или слабо определившимся, значительно легче, чем другие, поддастся влиянию высшей польской культуры»¹⁰.

Эти империалистические планы были расцвечены расистской идеологией. Согласно проведенным на местах опросам, польский элемент на украинской земле был признан носителем неоспоримо более высокой культуры по сравнению с местным населением. Двораковский отметил, что в селе Мочула «с антропологической точки зрения шляхта выразительно отличалась от крестьян [украинских. — Д.Б.]. С первого взгляда можно отличить шляхтича от крестьянина. У этих последних более выразительно проявляются черты лапоноидального типа»¹¹.

Оставив в стороне вопрос о ценности данных наблюдений, историк не может не задаться другим вопросом — откуда в 1921 г. взялась эта группа,

столь плохо поддающаяся опознанию и столь малоизвестная? Ведь не могла же она в 1863 г. провалиться сквозь землю, а затем вновь неожиданно заявить о себе через полвека.

Так возникла необходимость исследования, тем более что судьба этой группы, оставшейся по условиям Рижского договора на территории Польши, известна. Миколай Иванов¹² был первым, кто показал, что в Белоруссии и на Украине советская власть хотела, так же как и польские националисты, использовать бывшую шляхту, правда с прямо противоположной польским националистам целью. Созданная в основном для нее на Правобережной Украине автономная область Мархлевщина в 1925—1935 гг. должна была стать кузницей «польской пролетарской культуры». По данным Иванова, 496 тыс. лиц, которые согласно переписи 1926 г. называли себя поляками, были сконцентрированы на бывших помещичьих землях, хозяева которых бежали на Запад, и активно «реполонизировались» с помощью создаваемых польских школ, различных польскоязычных изданий, газет, радио, театров и администрации¹³. Народные комиссары считали этих людей воском, пригодным для любых манипуляций. Советская система 1920-х гг., относительно открытая для национального развития, дала возможность достаточно широко возродиться католицизму в Мархлевщине, но курс на коллективизацию сразу же показал пределы податливости местного населения. В 1925 г. их «сгруппировали», а в 1935 г. в ответ на пассивное сопротивление стали массово депортировать в Казахстан и Сибирь. Если принять во внимание бедность этих людей, не может не удивлять неприятие ими принципов коллективизма и упрямый индивидуализм, особенно по сравнению с сопротивлением украинских «кулаков», драматично изображенным Василием Баркой в «Желтом князе». Откуда же у этих людей возникла такая привязанность к земельной собственности?

В воспоминаниях польских помещиков XIX в. практически не встречаются упоминания об этих людях, поскольку авторов мемуаров прежде всего интересовали они сами и их ближайшее окружение¹⁴. Их мало заботила судьба деклассированных. Однако сразу же после восстания 1863—1864 гг. в эмиграции вышла брошюра, где проблема деклассированной шляхты приобрела пронзительное звучание: «Кроме крестьянина были и есть на Руси другие рабы, которые хоть и не от Хама свой род ведут. Я хочу рассказать о чиншевой шляхте, о так называемых по-московски *однодворцах*, беднейших по сравнению с рабом-крестьянином, а есть их несколько сотен тысяч». О результатах деятельности Бибикина автор писал:

Они оказались под непосредственной властью чиновников, которым им не было чем заплатить налог. Лишенные земли, они, земледельцы по

традиции и по необходимости, разошлись по бескрайним владениям геральдической шляхты. Отданные на съеденье московских палачей, которые у них последний грош, заработанный с кровью, выживали, они жались под крыло пана. Но тот оттолкнул своих братьев, не протянул тонущим руку помощи, забыл о них, позволил им пасть, и даже — какой позор! — превратил их в инструмент собственной выгоды, наложив на них повинности и подати, которые почти равнялись крепостничеству. Покинутый, беззащитный, под гнетом и в нищете однодворец, предки которого с оружием в руках под Волей ставились [в районе Варшавы, где проходило избрание королей. — Д.Б.], которым не раз гордилась его земля, всегда был шитом и зашитой для нее, сегодня ведет в ней жизнь бродяги, потерял человеческий облик, спился, стал глупее и беднее крестьянина, не слыша никогда братского слова, он потерял даже свои традиции¹⁵.

Далее автор выражал обманчивую постромантическую надежду на то, что вопреки всему эта шляхта еще сможет постоять за Польшу: «К чиншевой шляхте идти надо... с открытым сердцем и правдой, ничего не обещая лишнего, не обманывая ее, чтобы знала, что главное, что выиграет, а что может потерять. Так подготовленная к борьбе, она станет несравненным войском. К ней обращаться надо с теми словами, которые она в состоянии понять. С их же помощью следует оказывать на нее влияние, так может быть создано первое звено конспирации. Ее социальное положение ужасно, может на нее, несомненно, оказать влияние. Это огромная сила, которая в то же время остается не востребованной»¹⁶. Нам предстоит убедиться в том, что подобные иллюзии могли появиться лишь в эмиграции.

В основном же упоминания о судьбе деклассированной шляхты встречаются крайне редко. Август Ивановский после 1876 г. в своих воспоминаниях оставил одновременно загадочный и тревожный намек: «...судьба в сотни раз худшая, чем судьба крепостного крестьянина, ожидала этих несчастных людей»¹⁷. Ян Талько-Хрынцевич, который закончил свои мемуары в 1929 г., хорошо помнил времена, когда, работая врачом в местечке Звенигородка Киевской губернии, он регулярно посылал в 80-х гг. XIX в. письма в газету «Кга» в Петербург за подписью «Ян Илговский». Он не мог писать о положении этой шляхты, так как киевским генерал-губернатором было запрещено поднимать о ней вопрос в печати. Однако в его мемуарах есть два упоминания, которые указывают направление возможного поиска: «Более крупные землевладельцы пригибаются правительству, потому что с целью округления своих имений отнимают землю у оседлой испокон веков чиншевой шляхты». В другом месте автор дает нам ключ к выбору правильного пути исследования, замечая: «Российское правительство, видя в чиншевиках политически нежелательный элемент, пыталось их

устранить и нашло в лице землевладельцев желанную помощь. Недовольные небольшим чиншем, они предпочитали округлить свои земли, изгоняя из стоящих с незапамятных времен дворов чиншевиков, судьба которых была хуже крестьянской. Над чиншевой шляхтой сгустились тучи: гонения со стороны правительства, панов, племенная враждебность [niechęć gasowa] и пренебрежение крестьян. Хотя чиншевая шляхта зачастую утратила язык и религию, она сохранила тем не менее воспоминание о своем происхождении...»¹⁸ Подобного рода аллюзии убеждают читателя, что драматичная история этой группы должна быть воссоздана в деталях. Это описание должно в силу обстоятельств заинтересовать, хотя раньше этого не случилось, сторонников представлений о Российской империи как о гармоничной многонациональной стране, а также более трезвомыслящих российских историков, переосмысливающих образ империи.

В других воспоминаниях также встречаются упоминания об «усадьбах мелкой шляхты», но описываются они с этнографической точки зрения. Их авторы вспоминают о присутствии этой группы в их родных местах, об их обычаях, они сожалеют, что эти люди говорили по-украински, но подчеркивают их верность католической вере и их отрицательное отношение к смешанным бракам. Один из мемуаристов писал, что «у нас нет никаких данных о количестве однодворцев в Подолии»¹⁹. Даже те, кто сталкивался с массой этого населения, не делали из этого никаких выводов с исторической точки зрения. Например, Мошинский из Овруча записал лишь несколько анекдотических случаев и идеалистических замечаний о рудокобах (выплавлявших железо из найденной на болотах руды), которые обращались друг к другу, используя слово «пан» или «паночек»²⁰.

Сложно также найти какие-то более точные сведения и у немногих польских историков, которые могли бы и, наверно, должны были бы изучить судьбу данной группы. В книге З. Лукавского «Польское население в России в 1863—1914 годах» нет и намек на существование бывшей шляхты по той простой причине, что автор ограничился официальными данными переписи населения империи за 1897 г., где, естественно, о деклассированной шляхте не говорилось, так как с административной точки зрения эта категория исчезла, слившись с крестьянством²¹. Приводимые там цифры не представляют для нас интереса, поскольку в них смешаны все поляки империи: нет разницы даже между поляками из собственно русских и западных губерний, а северо-западные губернии не отделены от юго-западных, хотя история последних, как уже отмечалось, после третьего раздела Речи Посполитой развивалась иначе.

Правда, в работе, касающейся Волынского воеводства в 1921—1939 гг.²², приводится информация о том, что в районе Владимира, Ковеля и Луцка проживало около 80 тыс. потомков деклассированной шлях-

ты, в том числе указывается на то, что их национальное сознание было слабо выраженным, однако не делается попыток выяснить причины деградации. Автор ограничивается ссылкой на общие свидетельства, полученные от людей, чей культурный уровень не давал возможности составить целостное стройное представление: «Рассказывали друг другу о происхождении местного польского элемента... прошлого Польши никто не понимал и никто об этом не задумывался. О падении Польши говорилось как о неминуемом справедливом конце, наказании божьем Панов за то, что мучили народ...»²³

Поиски этих жертв, потерпевших кораблекрушение в волнах истории, осложняются тем, что сперва их называли шляхтой, потом бывшей шляхтой, а затем однодворцами, в конечном итоге их вообще лишили названия в официальной терминологии Российской империи, как будто, согласно последователям магического номинализма, назвать их означало бы признать их существование. Действительно, название «однодворцы» исчезло в 1868 г., о чем еще пойдет речь, и если не обращать внимания на упоминания в воспоминаниях Талько-Хрынцевича и в немногочисленных статьях в печати, можно и дальше ошибочно считать, что эта группа растворилась в крестьянской массе и является примером полной ассимиляции одной части населения другой.

Впрочем, судьба шляхты после Ноябрьского восстания учит быть более осмотрительным. Известно, как эта группа упорно сопротивлялась планам Киселева по объединению их в 1834 г. в характерные для великорусского крестьянства общины. Известно также, что указ 1841 г. о переселении шляхты в другие губернии так и не был реализован. Все неудачные попытки установить за ней пристальный надзор Министерства внутренних дел или Министерства государственных имуществ привели к тому, что Бибииков с 1846 г., т.е. с момента завершения на бумаге акции по деклассированию шляхты, выдвигал планы о том, чтобы категория однодворцев вообще перестала существовать. Желание Бибиикова исполнилось через 20 лет²⁴.

Для того чтобы разыскать и вернуть их из забвения, следует принять во внимание не только их социальный статус и происхождение, но и их экономическое положение, которое, несмотря на все бюрократические манипуляции 1831—1863 гг., оставалось относительно стабильным. До Январского восстания 1863—1864 гг. деклассированная шляхта еще продолжала пользоваться остатками прежней шляхетской солидарности: в подавляющем большинстве она жила на землях, принадлежавших богатым польским помещикам, платя чинш, согласно праву, установленному еще Литовским статутом. Именно поэтому эту шляхту и называли чиншевой. Пойдя по этому пути, мне удалось собрать необходимый материал в архивах.

Впрочем, стоит отметить, что эта группа уже была предметом исторического исследования в 1960 г. в русскоязычной работе, цитируемой в предыдущих главах²⁵. Однако эта работа не была известна ни в Польше, ни на Западе, а кроме того, неприемлемым является и сам способ освещения представляемой в ней проблемы. Во времена написания своей книги Д.П. Пойда не мог смотреть на крестьянство иначе, кроме как на единую массу, в которой зрели предпосылки будущей революции. Именно поэтому, даже выделяя среди других прослоек крестьянства чиншевиков, он не оговаривал их культурных, языковых и религиозных отличий. Д.П. Пойда посвятил около 30 страниц этим людям, умудрившись ни разу не вспомнить об их шляхетском происхождении и не отметить очевидные польские черты их положения. Это достаточно типичный пример упрощенного подхода советской историографии, представления по заданной схеме «единого крестьянского фронта», нивелировавшего существовавшие национальные и социальные различия. Впрочем, подобная тенденция была характерна и для царской администрации с конца XIX в., не желавшей слышать ни об украинцах, ни о поляках, а лишь о «крестьянах», само собой разумеется, «русских крестьянах». Типичный для книги Пойды марксистский «интернационализм» в его постсталинском варианте позволял обходить все национальные проблемы и прекрасно сочетался с великороссийской идеологией царизма²⁶. Однако представленный в книге богатый материал делает ее важной с исследовательской точки зрения вне зависимости от того, с каких позиций она написана. Это касается и данного исследования, для которого был важен антропологический подход, или, проще говоря, права человека, а не марксистская точка зрения, как это могло показаться некоторым.

УПРАЗДНЕНИЕ КАТЕГОРИИ ОДНОДВОРЦЕВ

Прежде всего следует выяснить, когда и при каких обстоятельствах исчезла социально-административная категория однодворцев. Поскольку этот вопрос до сих пор подробно не изучался, то, как следствие отсутствия ясности, в литературе допускаются определенные ошибки. По мнению Ирены Рыхликовой, однодворцы перестали существовать после 1857 г. Она пишет: «Концепция Бибикова была реализована лишь после 1857 г., когда однодворцев окончательно оторвали от шляхетского сословия, приписав к классу вольных хлебопашцев»²⁷. Однако упоминаемый ею рескрипт от 20 ноября 1857 г. окончательно не предопределил судьбы бывшей шляхты. Как уже говорилось, еще в августе 1858 г. предводитель дворянства Киевского уезда дал отрицательный ответ на просьбу российских властей проанализировать возможности улучшения судьбы однодвор-

цев. Ошибка Рыхликовой связана с географическими расхождениями: ее замечания касаются попыток, предпринимавшихся в Белоруссии, которые, впрочем, удалась не в полной мере. Следует сказать, что в решении данного вопроса северо-западные губернии остались по сравнению с юго-западными далеко позади. На северо-западе пытались отнести бывшую шляхту к категории вольных людей, которая практически отсутствовала на Правобережной Украине, зато была достаточно многочисленной в Литве и Белоруссии, где согласно решению от 20 ноября 1857 г. часть деклассированных была присоединена к названной категории. В результате была образована группа вольных людей, получившая название первого разряда, противопоставляемая уже существовавшим вольным людям, отнесенным ко второму разряду²⁸.

Российская власть не обращала особого внимания на категорию однодворцев, до тех пор пока формально не завершился процесс деклассирования в северо-западных губерниях, к чему прилагались все усилия. Западный комитет (вновь заседавший в Петербурге с 1862 по 22 декабря 1864 г.) поручил виленским генерал-губернаторам (в 1863 г. В.И. Назимова сменил М.Н. Муравьев, оставшийся на этом посту до 1865 г.) провести эту акцию так же успешно и быстро, как за 15 лет до этого это было сделано Бибиковым в Юго-Западном крае. Следует признать правоту российского исследователя дворянства А.П. Корелина, утверждавшего, что указ от 4 июля 1863 г. означал конец существования категории однодворцев²⁹. В действительности этот указ в связи с Польским восстанием обязывал временно приостановить рассмотрение бумаг лиц, добивавшихся подтверждения благородного происхождения, и касался прежде всего Северо-Западного края. В указе лишь говорилось, что все без исключения, кто принадлежал к бывшей шляхте, зачислялись в податные сословия в том случае, если до 1 января 1865 г. не получат подтверждения принадлежности к дворянству. Среди податных категорий, предложенных на выбор деклассированным шляхтичам, продолжали фигурировать однодворцы³⁰. Исследование С.М. Самбук подтверждает оперативность, радикальность и массовость ревизии прав на дворянство в северо-западных губерниях, проведенной в 1864 г. Во внимание не принимались никакие копии документов о благородном происхождении: от предводителей дворянства требовалось предоставление данных о политической благонадежности. Кроме того, просьбу о признании дворянства следовало подавать на официальном бланке с 10-рублевой гербовой маркой, что превышало финансовые возможности большинства деклассируемых. Из 20 тысяч, отвечавших упомянутым требованиям (им временно пришлось записаться в податные сословия), лишь 10 850 человек получили подтверждение в 1868—1869 гг., а 9492 не были признаны дворянами³¹.

Проблема дальнейшего распределения по сословиям увеличивавшейся массы деклассированных нуждалась в безотлагательном решении. В юго-западных губерниях полиция, особенно в беспокойном 1864 году, стремилась как можно быстрее упразднить «чрезмерные свободы» однодворцев. 21 января 1864 г. подольский губернатор послал генерал-губернатору отчет, основанный на данных каменецкого исправника, который свидетельствует о том, что полиция находилась в состоянии растерянности, а одновременно стремилась к проведению придирчивого контроля. В нем, в частности, отмечалось, что домашняя прислуга землевладельцев, почти всегда замешанная в подозрительных политических делах, состояла из бывшей шляхты, благородное происхождение которой в редких случаях было подтверждено Герольдией. В большинстве своем эти шляхтичи не имели «никакой оседлости» и пользовались гостеприимством богатых помещиков, выполняя разнообразные, четко не определенные обязанности. Кроме того, они часто меняли род деятельности, что усложняло полиции контроль за ними. Эти бывшие шляхтичи, как сообщал исправник, жили при усадьбах во флигелях или пристройках, а то и на отдаленных хуторах, где за ними невозможно было присматривать, поскольку они не контактировали с крестьянами. Их часто задерживали при переезде, однако они приводили полицию в полное замешательство, показывая бумаги о принадлежности к благородному сословию. Невозможно было узнать, действительно ли они искали работу, просто слонялись, собирались ли куда-то или откуда-то возвращались. Каменецкий исправник хотел взять их всех на учет, завести особые книги, контролируемые волостным управлением, куда бы вносились данные обо всех помещичьих слугах, арендаторах и чиншевиках как по селам, так и по хуторам, с указанием рода деятельности, подтвержденного помещиками. В случае любого перемещения они должны были бы получать разрешение помещика, который указывал бы продолжительность отъезда во внутреннем паспорте (путевке), завизированном полицией. Анненков с энтузиазмом отнесся к этому предложению. 6 февраля 1864 г. он рекомендовал трем губернаторам применить его на практике. Из ответа киевского губернатора от 13 марта 1864 г. можно предположить, что, хотя к его исполнению приступили, но и на этот раз акция по установлению полного контроля оказалась слишком сложной³².

Указом от 23 сентября 1864 г.³³ Сенат вновь рекомендовал генерал-губернаторам проявлять особую бдительность при признании дворянских прав шляхты. Это прежде всего касалось виленского генерал-губернатора. Однако волынский губернатор просил дополнительных разъяснений в этой связи, так как начались нежелательные волнения: часть однодворцев начала ссылаться на указ от 30 июля 1863 г. об обязательном переводе бывших крепостных на выкуп с освобождением от уплаты 20% выкупной

суммы. В этой ситуации они тоже хотели стать крестьянами! Примером может послужить Ян Клецель, выходец из «бывшего польского дворянства», который обратился в Волынскую казенную палату с просьбой, написанной с соблюдением надлежащих формальностей, приписать его семью к сельскому обществу в Вишневке Каменецкого уезда. Генерал-губернатор присоединился к мнению своего волынского коллеги о том, что демарши такого рода могли нанести вред крестьянам, которым и без того не хватало земли, и постановил, что в подобных случаях необходимо получить согласие крестьянского общества³⁴. Таким образом, становилось ясно, что однодворцев крестьянская реформа не касается.

Подобная позиция царских властей на Правобережной Украине представляется странной, поскольку в северо-западных губерниях власти скорее старались предоставлять земельные наделы деклассированным. 25 июля 1864 г. был издан царский указ о предоставлении земель вольным людям, которые были зачислены в первый разряд после 20 ноября 1857 г. Кроме того, в указе отмечалось, что вольные люди второго разряда, чьи чиншевые владения оформились гораздо раньше, смогут пользоваться своей землей в течение 12 лет при условии подписания новых арендных соглашений с владельцами, в дальнейшем же последние имеют право в одностороннем порядке расторгнуть эти соглашения. Хотя такой вариант не удовлетворял ни одну из сторон, он мог стать правовым прецедентом и мог применяться ко всем западным губерниям. Именно так это понял и волынский губернатор, который 18 июля 1867 г. обратился к генерал-губернатору Безаку с запросом о том, распространяется ли указ от 25 июля 1864 г. на однодворцев, проживавших как на казенных землях (их число значительно возросло в связи с проведенными конфискациями), так и в частных имениях. Ответ был негативным³⁵.

Через несколько дней волынский губернатор объяснял Безаку, насколько назрела необходимость в упрощении запутанной системы категоризации населения. Он приводил в пример частное имение Новый Завод, незадолго до этого приобретенное купцом Вайнштейном на аукционе по долгам Жевуских, в 16 830 десятин, в котором насчитывалось 19 хуторов, 250 хат и 823 души мужского пола, принадлежавших к подтвержденным дворянам, однодворцам, мещанам, отставным солдатам и вольным людям. 176 однодворцев были записаны как вольные люди во время переписи в 1858 г. В дополнение к существовавшей путанице 66 вольных людей отказались воспользоваться указом от 25 июля 1864 г. о предоставлении земель, найдя полученные ими участки неплодородными, и уже два года требовали (их просьба была удовлетворена) приписать их к житомирским мещанам³⁶.

Просьбы о перечислении то в мещане, то в крестьяне казались логичными, и Министерство государственных имуществ, которое и так на под-

ведомственной ему территории обнаружило большое количество посторонних людей, решило подать пример. Прежде всего было решено, как сообщал 31 августа 1867 г. товарищ министра Главному комитету об устройстве сельского состояния, положить конец конфликтам между однодворцами и государственными крестьянами. Последние и в самом деле все чаще жаловались, что их соседи, живя так же, как и они, не принадлежали к общине, платили меньшую арендную плату и не выполняли обязательных работ. Численность этой шляхты, которая, как утверждали крестьяне (или от их имени говорил товарищ министра), являлась политически вредной, очень быстро увеличивалась, а занятые ею земли могли бы покрыть недостаток земли в сельских обществах для предоставления батракам или отставным солдатам. Однодворцы сохраняли тот же статус, который имели, когда находились в частных имениях еще до их конфискации, т.е. платили только чинш, определенный предыдущей люстрацией. Такое положение дел казалось тем менее справедливым, что наделение их землей приводило к еще большей чересполосице крестьянских участков. По мнению товарища министра, система пожизненного чиншевого владения была анахроничной, и ее не следовало сохранять в казенных землях. Министерство государственных имуществ добилось принятия Главным комитетом об устройстве сельского состояния закона от 20 октября 1867 г. В его трех статьях (7, 8 и 10) говорилось, что однодворцы должны были платить такой же, как и крестьяне, выкуп, в силу чего они должны были потерять свой особый статус — они «окончательно сольются с общей массой сельского населения». Однодворцы могли отказаться от причисления их к крестьянству, но тогда они должны были платить крестьянскому обществу чинш или покинуть казенные земли³⁷.

Вполне вероятно, что со временем данный закон действительно способствовал бы ассимиляции прежней шляхты с государственными крестьянами, поскольку, как нам предстоит убедиться, чинш в целом был значительно выше, чем предусмотренный реформой выкуп, поэтому однодворцам было выгодно, чтобы их приписали к крестьянам. Однако внедрение закона было задержано из-за нерешительности виленского генерал-губернатора А.Л. Потапова. Поскольку закон касался казенных земель как северо-западных, так и юго-западных губерний, его беспокоил тот факт, что ревизия прав на дворянство в подведомственном ему крае еще не была завершена. Кроме того, Безак засомневался в правильности принятого решения после ознакомления с крайне резкой антипольской запиской виленского коллеги от 1 августа 1868 г., где, в частности, подчеркивалось, что упомянутый закон противоречит указу от 10 декабря 1865 г., запрещающему полякам покупать новые земли. В связи с этим он обратился 28 августа 1868 г. в министерство за разъяснениями³⁸. Напомним, что,

несмотря на ассимиляцию деклассированной шляхты с украинским крестьянством, она продолжала рассматриваться царскими властями как группа этнически польская.

Шляхта, платившая чинш в казенных землях, была немногочисленной по сравнению с чиншевой шляхтой в частных владениях. Собственно, в защиту интересов последней выступил намного более активно, чем волынский губернатор, председатель Бердичевского суда Киевской губернии 18 сентября 1867 г. в письме к генерал-губернатору. Его письмо — это первый документ, свидетельствующий о назревании серьезного конфликта между деклассированными шляхтичами и дворянами-землевладельцами, как русскими, так и польскими.

С этого момента можно проследить начало постепенного углубления противоречий между деклассированной и земельной шляхтой. В подтверждение незаинтересованности землевладельцев в обеспечении однодворцев землей стоит прибавить, что в проекте, подготовленном в Киеве в 1860 г. Обществом поземельного кредита, упоминания о них достаточно туманны³⁹. Та же тенденция прослеживается и в «Золотых грамотах», выпущенных в марте 1863 г. Центральным повстанческим комитетом с целью привлечения однодворцев и крестьян к борьбе с царизмом, где говорилось, что «однодворцы и чиншевая шляхта получают землю под огород и земельный надел в вечное пользование, как и крестьяне. Земля эта будет отобрана у землевладельцев, если будет иметься у них в достаточном количестве, и оплачена из Национального фонда, или будет выделена из государственных владений»⁴⁰.

По всей видимости, адресаты этого обращения не слишком верили этим обещаниям, потому что, по подсчетам советского исследователя В.М. Зайцева, среди польских повстанцев было всего 14% выходцев из многотысячной массы однодворцев⁴¹. Очень быстро предводители восстания пришли к выводу, что повстанческое движение провалилось собственно из-за ренегатства этих братьев-шляхтичей, забыв о том, что это они, в первую очередь, не протянули мнимым ренегатам руку помощи. Антоний Хамец, полномочный комиссар повстанческого Национального правительства на Украине, в одном из своих воззваний в конце лета 1863 г. писал, обращаясь к безземельной шляхте: «Национальное правительство гневается на вас, потому что, когда весной началось здесь восстание, вы не пошли с другими, из-за чего нас постигло несчастье»⁴².

Политическая индифферентность деклассированной шляхты вскоре стала для многих землевладельцев еще одним поводом к тому, чтобы полностью отвергнуть своих бывших собратьев. В упомянутом письме от сентября 1867 г.⁴³ председатель Бердичевского суда писал: «В последнее вре-

многие помещики, опасаясь, что арендуемая однодворцами земля останется за ними на долгое время за платимую ныне цену, стали отнимать у однодворцев и поля и усадьбы». Выражение «в последнее время» в устах судебного чиновника может, вероятнее всего, означать год или два, поэтому логично предположить, что лишение чиншевиков земли началось вскоре после краха восстания. Из следующего фрагмента письма становится понятно, насколько сильно вопрос чиншевой аренды переплетался с крестьянским делом: «Сверх того во многих имениях однодворцы пользовались отобранными помещиками у крестьян усадьбами и находящимися в распоряжении помещиков вакантными мирскими землями. Ныне земли эти и усадьбы возвращены крестьянам...»

Когда же эти земли были забраны у крестьян и переданы шляхте? Вполне вероятно, что речь идет о том, каким образом проводилась инвентарная реформа 1847 г.⁴⁴: вместо того, чтобы дать крестьянам возможность воспользоваться проведенной в их интересах реформой, польские помещики предпочитали передать как можно больше земли в чиншевое владение шляхте с целью помешать укреплению позиций крестьян. Последующее, начиная с 1865 г., возвращение этих земель тем, кому они изначально предназначались, неминуемо привело к обострению отношений между крестьянами и однодворцами, а в еще большей степени — между однодворцами и помещиками. Вот что писал бердичевский судья: «...потому однодворцы эти, оставшись без земли и без приюта, беспрестанно обращаются с просьбами помочь их жалкой участи. В бытность Киевского губернатора в м. Самгородке было принесено много жалоб однодворцами на помещиков за отобрание земли. Так как в Бердичевском уезде находятся тысячи семейств однодворских, живущих на помещичьих землях, то решение этого вопроса в возможно скорейшем времени крайне необходимо и на означенных людей не будут распространены правила Высочайшего Утверждения 25 июля 1864 г., то однодворцы будут поставлены в самое бедственное положение и из них образуется огромное число пролетариев».

Стоит обратить внимание на проницательность председателя суда из Бердичева, который так рано использовал при описании бывшей шляхты термин «пролетарии». Однако Безак не прислушался ни к нему, ни к рекомендациям волынского губернатора. 18 октября 1867 г. он ответил, что указ от 25 июля 1864 г. касался лишь вольных людей, принадлежавших к особой категории, которых не следовало путать с однодворцами⁴⁵.

Отказ от самого простого решения обрекал бывшую шляхту на более чем сорокалетние бедность и конфликты.

Нежелание предоставить землю однодворцам, находившимся в частных имениях, объяснялось прежде всего сложностью контроля над ними,

еще большей, чем в казенных землях. Безаку, как никому другому, были известны совсем иные планы Министерства внутренних дел относительно однодворцев, поскольку он сам принимал участие в их разработке. В записке от 14 октября 1867 г., подписанной им вместе с виленским коллегой, особый акцент делался на политическую неблагонадежность этого польского элемента. Возвращаясь к старым клише, Безак писал, что бывшая шляхта «представляет самый вредный и недовольный элемент в крае, который всегда был и теперь остается готовым материалом для всякого революционного движения и из которого по преимуществу пополнялись, во время давних беспорядков, мятежнические шайки».

Несмотря на то что, как известно, это было неправдой, стереотипные представления вновь набрали силу под пером царского чиновника⁴⁶. 8 января 1868 г. в Петербурге состоялось совместное и «достаточно бурное» заседание Главного комитета об устройстве сельского состояния и Департамента законов Государственного совета, где было принято решение об «уничтожении званий граждан и однодворцев, как напоминающих собой бывшее в Крае польское владичество». Было решено отменить отличавшее их от других групп положение, а также ликвидировать устаревшее название польской шляхты⁴⁷. Отныне эти люди, в зависимости от административного местонахождения, должны были быть причислены либо к крестьянству, либо к мещанству; стоит при этом напомнить, что существовавшие на Правобережной Украине местечки напоминали в большинстве своем села.

Действительно, шла ли речь о реформе? Конечно нет. Согласно давнему методу Бибикова, исчезло название, но в действительности все продолжало существовать, как было до этого. Очередное переименование не внесло перемен в положение этих людей. Присоединение к крестьянскому сословию не значило, что однодворцы могли воспользоваться наделением землей, предусмотренным для бывших крепостных. Напрасно царское правительство прилагало усилия к смене этикетки, поскольку уже вскоре стало очевидным, что эта группа людей и в дальнейшем продолжала отличаться характером использования земли от тех, с кем ее хотели слить. Чиншевое владение, неизвестное в России и чуждое украинским крестьянам, настолько сильно укоренилось в сознании шляхты, что стало камнем преткновения всех планов по ассимиляции. Этот архаичный способ пожизненного или длительного землевладения и стал с этого времени важной чертой отличия бывшей шляхты от крестьянства. В скором времени это отличие нашло отражение и в языке. Бывшую шляхту стали называть в российских документах чиншевиками: *Obiit однодворец, чиншевик natus est**.

* Сгинул однодворец, родился чиншевик (лат.). (Прим. пер.)

ЗЕМЛЯ КАК КАПИТАЛ

Несмотря на то что с административной точки зрения упомянутая группа перестала существовать, в действительности она не только не исчезла, но и так раздражала власти, что петербургские сановники опять, как и при Екатерине II, Александре I, Николае I, стали мечтать о ее устранении путем переселения. Однако, как и ранее, средств на проведение такой акции недоставало, поэтому власти ограничились поддержкой добровольных выездов. 19 февраля 1868 г. Государственный совет сообщал товарищу министра внутренних дел А.Б. Лобанову-Ростовскому о необходимости дополнить соответствующий закон статьей, которая давала бы «желающим» возможность переселяться на восточные рубежи империи. Поскольку это предложение не вызвало интереса, Безак 28 июня 1868 г. предложил министерствам внутренних дел, финансов и государственных имуществ расширить меры по поощрению, чтобы предоставить однодворцам (название, по всей видимости, вьелось в память) возможность на особых привилегированных условиях выезжать в Новороссию, Крым или на Кавказ. В ответ Министерство государственных имуществ согласилось «помочь» переселенцам, отправлявшимся в Тавриду, а Комитет министров ратифицировал соответствующее положение 13 января 1869 г. Однако вскоре стало очевидно, что чиншевики, уверенные в своих правах на землю, которой владели, не имели ни малейшего желания, за исключением одиночных случаев, оставлять насиженные места⁴⁸.

В то время как проблема чиншевых владений продолжала приобретать все больший экономический и социальный вес, царские власти еще долго продолжали предаваться национально-политическим спекуляциям. Единственной пользой от смены названия стала возможность, если так можно сказать, производить магические манипуляции. Впрочем, в стране, где показуха (например, потемкинские деревни) ценилась выше, чем действительность, с помощью бумажных махинаций можно было создать видимость исчезновения целой социальной группы. Важнее для властей было стереть политические признаки и символы прошлого. Генерал-губернатор приказал тщательным образом отмечать все, хоть и редкие, случаи проявления шляхетского патриотизма. Но на самом-то деле проблема была совсем в ином. Царской администрации понадобилось 15 лет, чтобы понять свою ошибку. Пока же отмечалось, что 15 августа 1867 г. однодворец Ян Сливинский из Бердичева заключен на два месяца за то, что в нетрезвом состоянии в корчме оскорбил императора, пожелав ему смерти⁴⁹. 12 декабря 1870 г. однодворец из Ямполья Людвик Жажицкий, католик, в ответ на требование старшины из Шумска вести разговор на русском языке заявил, что польский язык не запрещен, и его не интересуют царские ука-

зы, так как вскоре Польское государство воскреснет, а потому никто не может запретить говорить по-польски. После двухмесячного заключения он был посажен под домашний арест⁵⁰.

10 ноября 1870 г. неграмотный 19-летний однодворец, причисленный к кременецким мешанам, убеждал четырех крестьян (они поспешили донести на него), что в скором времени они вновь будут отрабатывать барщину у польских помещиков, которые вернут себе прежние права. Это было сказано, когда этот юноша вместе с несколькими другими однодворцами действовали в интересах своего русского помещика Воронина, забывая скот, который крестьяне незаконно пасли на помещицкой земле. Однако эти обстоятельства не имели значения, поскольку недопустимым было само упоминание о польском прошлом, за что этого однодворца посадили под домашний арест в Овруче⁵¹.

Желание стереть какие-либо намеки на польское прошлое достигло кульминации в работе «этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край», псевдонаучные результаты деятельности которой в том, что касалось польского вопроса, были опубликованы в 1872 г. П.П. Чубинским, будущим автором украинского национального гимна (!). Комиссия возвела «польский вопрос в Малороссии» в разряд фольклорной диковинки, отнесшись к нему иронически и снисходительно и представив смехотворный показатель численности польского населения. Более или менее точными были лишь данные о количестве подтвердивших благородное происхождение польских дворян (67 366), остальные же группы поляков чудесным образом растворились: в трех губерниях члены экспедиции нашли лишь 6400 мешан, 13 200 однодворцев и 5060 крестьян, т.е. всего 91 тысячу поляков. В написанной в июле 1875 г. и опубликованной в «Вестнике Европы» статье М.П. Драгоманов показал, насколько абсурдными и далекими от действительности были эти цифры. Так, из неполных приходских списков было известно, что в этих губерниях проживает 389 100 католиков, по данным же полиции, их было 412 тысяч⁵². Но кого интересовала правда, когда официально отрицалось существование бывшей шляхты. Долгое время польской прессе в Российской империи (как в Варшаве, так и в Петербурге) запрещалось приводить другие цифры. Когда в 1882 г. Александр III дал разрешение на издание в столице империи польской газеты «Кгај», то издателям не оставалось ничего другого, как еще раз объявить, что в юго-западных губерниях проживает всего 91 тысяча поляков!⁵³

Однако устроенная для поимки шляхты западня не могла оставаться закрытой, ее распирало изнутри. Глубину и остроту проблемы чиншеви́ков можно понять, лишь рассмотрев ее в контексте общей проблематики земельного вопроса, о чем уже шла речь в предыдущих главах. Так же как

этот вопрос предопределял взаимоотношения между украинскими крестьянами и польскими помещиками или между русскими и польскими помещиками, так и отношения последних к своим чиншевикам можно объяснить лишь ростом цен на землю в конце XIX в.

Напомним, что «патриотизм» поляков, которые считали сохранение собственных землевладений своей «национальной обязанностью», был продиктован прежде всего экономическими причинами. Если в 1861—1914 гг. площадь их земельной собственности уменьшилась относительно незначительно, то произошло это в результате осознания как ее рыночной стоимости, так и абстрактной ценности, связанной с развитием национального самосознания⁵⁴. Не следует забывать и о демографическом взрыве после отмены крепостного права: известно, что в 1860—1897 гг. крестьянское население всей империи выросло на 58%. Везде это приводило к росту спроса на землю, что, в свою очередь, способствовало тому, что сдача земли в аренду становилась все более выгодной. Естественно, в этой ситуации владельцы были заинтересованы в том, чтобы свободно распоряжаться своей землей, передавая ее в аренду тем, кто больше заплатит. Поэтому чиншевые владения с арендными наследственными соглашениями на продолжительный или пожизненный срок стали непреодолимым препятствием в новых экономических условиях помещичьего капитализма. Кроме того, старая система чиншевых наделов препятствовала и свободному отчуждению земли в случае ее продажи, а между тем стоимость земли в империи постоянно росла. В 1854—1858 гг. 1 десятина земли стоила 13 рублей, в 1868—1872 — 20, в 1893—1897 — 47, в 1903—1905 — 93 рубля, а в 1914 г. достигла 163 рублей. Таким образом, цены за полвека выросли на 615%⁵⁵. С. Беккер убедительно показал, что рост цен на землю не имел ничего общего ни с производительностью труда, остававшейся достаточно низкой, ни с ценой на зерно, которая постоянно падала в связи с международной конъюнктурой. Такие цены диктовал исключительно земельный голод среди крестьянства. Все советские и американские исследователи, связывавшие наступающее обнищание помещиков лишь с уменьшением площадей земельной собственности, ошибались, поскольку рост стоимости земли полностью компенсировал потерю площадей для тех, кто сумел их сохранить⁵⁶. Кроме того, известно, что в исследуемых губерниях крестьянам досталась небольшая часть земель. Изменилось только соотношение между крупными собственниками — русскими или польскими, при этом обе стороны были заинтересованы в ликвидации всей «средневековой» чиншевой собственности, препятствовавшей мобилизации всех земельных угодий для использования в новых капиталистических условиях.

Губернаторы достаточно долго не могли понять всей важности проблемы, а также юридического вакуума, в котором существовала чиншевая

система. Лишь после острых конфликтов 1875 г. волынский, а в следующем году и киевский губернаторы всерьез заинтересовались истоками и причинами сопротивления чиншевой шляхты. Эта шляхта, достаточно многочисленная как в сельских имениях, так и в частных городках, возделывала зачастую все те же наделы, которые достались ей еще во времена польской экспансии XV—XVI вв. Ей было непонятно, почему землевладельцы (как польские, так и, все чаще, русские) хотели изменить традицию, устоявшуюся еще со времен введения Литовского статута (в Российской империи, как уже отмечалось, Статут был отменен в 1840 г.). Ее вовсе не интересовал и тот факт, что эта система была совершенно чужда российскому законодательству. Волынский губернатор писал в своем ежегодном отчете: «Весьма понятно, что при низком уровне их развития это чиншевое владение в их представлении получило характер обусловленного известными платежами права собственности на эти земли, где их предки с незапамятных времен, устроив иногда весьма капитальные постройки, рождались, жили и умирали, не встречая никогда, ни с чьей стороны никаких притязаний»⁵⁷.

Источником всех конфликтов, о которых пойдет речь в этой главе, была непреклонная вера шляхты в давние ценности, которая вступила в противоречие с новым капиталистическим представлением их владельцев о земле. Последние стали требовать повышения чинша и подписания новых арендных соглашений с целью пересмотра устоявшихся отношений. Однако в самом требовании подписать новое соглашение бывшая шляхта видела попрание священного права предков, воспринимала его как посягательство на ее шляхетский статус и попытку уравнивать ее с крестьянами, которые должны были совершать купчие на приобретение земли.

В свою очередь, помещики поступали так, как им хотелось, используя существовавшую брешь в российском законодательстве, где не было ни слова о пожизненных чиншевых владениях. Кроме того, судебная реформа 1864 г. не коснулась западных губерний, оставив там прежнюю судебную систему, в частности земские суды. Помещики, представляя в судебные учреждения заявки на проведение ревизии арендных соглашений, были уверены в их позитивном рассмотрении, т.к. в судах заседали все те же помещики и несколько крестьян. Поскольку о чиншевиках ничего не говорилось в аграрном законодательстве и они не были выделены в отдельную социальную категорию, к ним применялись статьи с 1691 по 1701 первой части десятого тома Свода законов Российской империи. Это означало, что они должны были подписать арендные соглашения, даже в том случае, когда плата за аренду была повышена настолько, что превышала их возможности, иначе им грозило немедленное выселение.

Петля на шее чиншевиков начала затягиваться все туже, не оставляя жертвам ни малейшего шанса на выживание. Очутившись между новыми русскими помещиками, не имевшими никакого представления о местных обычаях и стремившимися как можно быстрее получить выгоду от своей земли, и польскими помещиками, пренебрегшими традициями предков ради денег, и судами, в которых заседали крестьяне, манипулируемые помещиками и полицией и ненавидевшие деклассированных, а также армией, исполнявшей судебные решения, чиншевики были обречены на гибель. Им оставалось лишь поднять бунт в защиту традиций, которые они считали единственно верными, и против применения права силы.

Грозные признаки конфликта, как мы уже знаем, проявились еще в 1867 г. в Бердичеве. Следующим его проявлением стали участившиеся протесты чиншевиков после 1871 г. Их требования хорошо известны, так как они обращались с жалобами, которые писали сами или с чьей-либо помощью в Земский отдел Министерства внутренних дел, в органы местной власти или в Сенат, уверенные, что справедливость на их стороне. Общий анализ корреспонденции, адресованной в Петербург из Проскуровского (Подольская губерния) и Радомышльского (Киевская губерния) уездов, показывает, что жалобы поступили от 25 обществ чиншевиков (их обязали создать сельские общества по образцу крестьянских). Большая часть жалоб была направлена против польских помещиков. Например, Залеский в селе Варовец настолько повысил чинш, что чиншевики были не в состоянии его оплатить. В ответ помещик грозился забрать у них землю и к моменту написания жалобы приступил к перепахиванию части чиншевых земель.

Из жалоб следует, что некоторые чиншевые земли классифицировались так, как когда-то наделы крепостных, т.е. делились на тяглые и пешие. Модзелевский в селе Хмелювка поднял чинш за тяглый надел с одной лошадкой с 30 до 45 рублей серебром в год. Плесневич в селах Немиринка и Дахновка забрал хорошие пахотные земли и вынуждал отрабатывать барщину, если чиншевики хотели сохранить за собой остальные земли. Во многих селах Радомышльского уезда помещик Олизар вчетверо увеличил традиционный чинш. Его примеру последовали и русские помещики: Резвов в селе Китай-Городе Ушицкого уезда утроил плату, а Димитрович в Бережанках под Каменцем поднял ее с 12 до 75 рублей серебром⁵⁸. Это повышение цен было обусловлено реальной стоимостью земли, а кроме того, преследовало скрытую цель — избавиться от чиншевиков. Однако последние не желали мириться с тем, что считали произволом.

В 1872—1877 гг. состоялось несколько серьезных волнений, которые вызвали беспокойство властей. Их ход можно проследить на основании достаточно подробных отчетов.

19 мая 1872 г. волынский губернатор П.А. Грессер доложил о беспорядках в имении Пулинская Гута, недавно приобретенном на аукционе после конфискации у поляка русской помещицей Пантелеевой. Она начала судебное дело против всех чиншевиков в своем имении, и 17 сентября 1869 г. Житомирский уездный суд вынес решение об их выселении. После утверждения решения Волынской палатой 27 апреля 1871 г. его надлежало исполнить. Тогда оказалось, что определенная часть чиншевиков попыталась уладить дело: кое-кто заключил соглашение на покупку, другие договорились с доверенным лицом помещицы о временном проживании, подписав обязательство выехать до 24 апреля 1872 г. По истечении этого срока они не сдвинулись с мест, так как обжаловали приговор в Сенате и ждали его решения⁵⁹.

Эти отсрочки вызвали раздражение помещицы, продавшей за немалую цену эти земли как пустые немецким колонистам, а те, в свою очередь, требовали выезда нежелательных для них людей. Была вызвана полиция, однако исправник колебался и пытался начать переговоры. Ему удалось договориться, чтобы всем, кто не подписал соглашения с помещицей, были предоставлены другие участки в ее огромном имении, бесплатно выделен лес на строительство и возмещено посевное зерно. Однако в итоге чиншевики все как один отказались и от этого, считая, что они у себя дома, и проигнорировали решение убраться прочь.

Именно такой момент, когда происходит смена патриархальных, словесных, вековых общественных отношений новыми, капиталистическими, при которых господствует власть денег, можно назвать переломным. Крестьяне охотно помогали царской полиции выселять чиншевиков. Они предоставили приставу телеги и вместе с полицией грузили имущество непокорных, сопротивлявшихся чиншевиков. Осознав, что добровольный отъезд из своих домов будет означать на практике потерю всего, что они считали своей собственностью, чиншевики «начали сопротивляться укладке имущества, кричать, браниться и даже вооружаться кольями, причем произошла общая свалка, во время которой была сбита с ног женщина, которая доселе больна».

Ввиду такого развития событий на место прибыл сам губернатор Грессер; он попросил исправника еще раз поговорить с чиншевиками, а сам принял делегацию, которую попытался призвать к порядку. Кроме того, он вынудил представителя помещицы Кушера пообещать чиншевикам, что им выделят пахотные земли за 4 версты от их места поселения по 2 рубля за десятину и что они смогут собрать урожай с засеянных полей. Чиншевики согласились, но как только губернатор отъехал, они отказались от предложенного. Когда 15 мая исправник вернулся, все мужчины укрылись в лесу, оставив в домах женщин и детей.

Так как за развитием событий следила целая округа, а примеру этих чиншевиков могли последовать и другие, для исполнения судебного приговора было выслано 50 донских казаков, а также сотня крестьян, чтобы сломить сопротивление. В следующем рапорте генерал-губернатору от 30 июня 1872 г. Грессер описал эту ужасную операцию.

После ареста семи ранее прятавшихся чиншевиков была составлена общая опись имущества (экземпляр был приложен к отчету), а затем всех начали принуждать выйти, приказывая ехать, куда заблагорассудится, на предоставленных 30 телегах. Предупредили, что семьи, которые откажутся выйти, будут силой погружены на телеги, вывезены за 15 верст и оставлены посреди дороги. Те же, кто согласится выехать добровольно, получат два дня, чтобы разобрать разрушенные дома, забрать вещи и скот. 16 семей согласились выехать. 10 семей оказали сопротивление и, как описано выше, были принудительно вывезены. Губернатор не знал, где они могли находиться.

За три дня — 24, 26 и 27 мая — были разобраны все дома чиншевиков, чтобы помешать возвращению тех, кто прятался. Кушеру, который собирал строительный материал, оставили десяток казаков. Управляющий отказался оказать денежную помощь беднякам, по его словам, «вследствие виновности самих же чиншевиков». Лишь четыре немецких семьи дали им 170 рублей под расписку.

Это ужасающее самоуправство не должно было иметь ничего общего с истинными шляхетскими традициями и прежде всего свидетельствовало об ослеплении каждой из сторон, искавшей козла отпущения. Российская сторона обвиняла мещанина Феликса Боровского, бывшего однодворца из соседнего местечка Адамовка, потому что он, мол, защищал и подстрекал мятежников, призывая дожидаться решения Сената и отказаться от любых новых соглашений, прекратив при этом выплату арендной платы. Этого человека, знавшего грамоту, было решено признать основным виновником событий и наказать. Дондуков-Корсаков добился от министра внутренних дел приказа о его высылке в Ковель, на границу губернии. Пострадавшая сторона в поиске виновников остановила свой выбор на... евреях. И действительно, управляющий Кушер был евреем. Именно его действия, по мнению жены Боровского Хелены, привели к тому, что ее несчастного мужа «в кандалах, словно разбойника или вора, выслали под полицейским надзором через всю губернию из Житомира в Ковель»⁶⁰. Домой Боровский вернулся лишь в декабре 1873 г.

Решительный протест чиншевиков отличался большей организованностью по сравнению с крестьянскими бунтами. Определяющим было то, что в какой-то степени образованные организаторы убедили чиншевиков в том, что они действуют согласно закону. Ф. Боровскому на тот момент

было 60 лет. Очевидно, он учился до 1830 г., когда на Украине еще существовали польские школы, подведомственные Виленскому учебному округу. В том же 1872 г. полиция нашла еще одного добровольного советчика непокорных чиншевиков сел Чайковка и Текляновка в имении польского помещика Михайловского (Радомысльский уезд). Они тайно собирались у Петра Забродского, которому поручили отвезти их требования в столицу, дав на дорогу 60 рублей⁶¹. Нам предстоит убедиться в том, что вера в эффективность подобных действий свидетельствовала о наивности просителей. Это было также свидетельством трагичности ситуации, в которой оказались люди, уверенные в своем праве на землю. Они никак не могли понять, что право, на которое они опирались, было ликвидировано в 1840 г., а его действие продолжалось в течение сорока лет лишь благодаря инертности и бессилию царских властей и еще существовавшей толерантности польских помещиков.

По сходной схеме развивались события в селе Колки Луцкого уезда Волынской губернии, где конфликт вспыхнул в 1873 г. Он длился два года и отличался особой жестокостью. Чиншевики заявили польскому помещику Кожуховскому о своем несогласии на увеличение чинша за землю, которую они считали «своей неотъемлемой собственностью». Кожуховский обратился в суд, который признал право помещика. Волынская палата подтвердила этот вердикт, а Сенат уточнил его: «Колковские мещане подлежат выселению, если не войдут в соглашение с владельцем»⁶². Из полицейских архивов следует, что это решение было выполнено лишь частично: становой пристав столкнулся с таким отчаянным сопротивлением, что смог выгнать лишь несколько семей.

Остальные послали «делегацию» в Петербург во главе с Михалом Силичем, который после возвращения заявил, что сам царь пообещал рассмотреть их ходатайство, позволил изгнанникам вернуться, сломать печати на дверях и жить в своих домах. Когда же один из чиншевиков, А. Торбач, усомнился в словах Силича, толпа схватила его, побила, заковала в кандалы и провела по всему местечку, приковав затем к стене его собственного дома. Волнения, охватившие толпу, были настолько сильными, что попытки полиции поймать Силича оказались напрасными⁶³.

В конечном итоге 27 мая 1874 г. волынский губернатор решил взять дело в свои руки и отправился в местечко в сопровождении батальона пехоты. Однако чиншевики заявили, что «выселяться или входить в какие-либо условия с владельцем они не желают и что приход войск их вовсе не пугает». Они повторяли, что их предки жили здесь испокон веков и платили одну и ту же сумму чинша. В отчете за следующий год Грессер пытался объяснить Александру II необходимость ведения переговоров, благодаря чему ему удалось убедить помещика Кожуховского предложить

взбунтовавшимся более приемлемые условия. Затем он попытался уговорить чиншевиков подписать новые соглашения, но «на все это они остались непреклонны и потому пришлось, выселив их еще раз, во избежание нового возвращения, с согласия и по просьбе помещика, ломать бывшие жилища»⁶⁴.

Начались воистину дантовские сцены. Солдаты под командованием полковника Устругова стали ломать 230 из 270 деревянных домов (цифра занижена, если принять во внимание приводимые далее данные губернатора), в свою очередь, полиция согнала жителей на поле, откуда, как сообщалось в полицейском рапорте, они «с плачем и воплями уходили из местечка». Некоторые чиншевики, глядя на то, как уничтожают дома, были готовы пойти к помещику и согласиться на предложенные условия, но их удерживали жены, которые напоминали им о чувстве достоинства: «...каждый раз жены, употребляя даже насилие, возвращали своих мужей, запрещая им входить с владельцами в условия под предлогом, что он закрепостит их».

Волынский губернатор, присутствовавший при этом, следующим образом описал происходящее царю: «Тяжело и грустно было видеть, как падали эти, по большей части весьма прочно и крепко выстроенные постройки, слышать плач и стоны сотни семейств, остающихся без всякого крова и пристанища, и ... [понимать,] что над ними совершена вопиющая несправедливость. Всех выселенных в то время из местечка Колок чиншевиков было более 300 дворов и до тысячи человек. Все они в настоящее время разбрелись по различным местам, но благосостояние их конечно надолго, а быть может навсегда окончательно подорвано и во всяком случае не один из этих прежде зажиточных и полезных граждан в настоящее время является безусловно вредным в крае пролетарием»ны сотни семейств, остающихся без всякого крова и пристанища и все-таки в полном убеждении, под предлогом, что»⁶⁵.

Власть боялась, что слухи об этом массовом выселении приведут к беспорядкам, тем более что пострадавшие долгое время не соглашались с подобным поворотом в их судьбе. Они слали одну за другой петиции генерал-губернатору, так как узнали о возможном приезде императора на юг. Они угрожали остановить поезд и вручить ему свои жалобы. Очевидно, именно поэтому Дондуков-Корсаков решил 24 августа 1874 г. обратиться в Министерство внутренних дел с первой запиской, которая содержала анализ «недоразумений», связанных с чиншевыми владениями.

Тревога властей была обоснованной. Чиншевой вопрос в сочетании с крестьянскими волнениями и социалистической агитацией, распространяемой по селам, начинал приобретать опасный характер. Поэтому, например, Выховский из имения Титусовка под Бердичевом, в 1875 г., «бо-

ясь беспорядков», отказался требовать выплаты увеличенной суммы чинша, когда чиншевики не стали его платить. Несмотря на то что суд был готов прибегнуть к репрессивным мерам, Выховский считал, что подобный шаг с его стороны будет способствовать смягчению ситуации; одновременно с этим он попросил представителей губернской власти принять энергичные меры «к устранению вообще случаев подстрекательства революционеров-социалистов»⁶⁶.

И действительно, интеллигенция, начитавшаяся социалистической литературы, вела работу среди чиншевиков из бывшего имения Жевуских в Новом Заводе под Житомиром, выкупленного евреем Вайнштейном. 26 мая 1875 г. Петр Скоропинский, Лукаш Лозинский, Феликс Вонсович и Ян Соловинский подписали от имени всех неграмотных чиншевиков обращения к генерал-губернатору и императору. Решительный тон обращения свидетельствует об определенном уровне представлений о социальной справедливости в сочетании с твердым намерением отстоять ее: «Вопрос о чиншевиках, обитающих в 9 губерниях западных, не новый... не станем утруждать Вас объяснением наших прав и наших требований... Мы наконец соглашаемся на самые тяжелые условия с собственником, прося его только не разорять нас в конце...» Чиншевики просили не лишать их возможности жить в домах, которые владелец считал в силу исторических причин своими. Кроме того, это обращение свидетельствует о том, что даже через 14 лет после отмены крепостничества барщинные отработки продолжали тяготеть над бывшей шляхтой: «...злоупотребляя своей властью и своим правом, [помещики. — Д.Б.] налагают на нас такие обязательства, выполнение которых представляется немислимым». Среди обязательств авторы обращения перечисляли право пользования усадьбами и землями, «ставящее нас в положение худшее, чем отжившее положение крепостных крестьян». Кроме того, говорилось, что Вайнштейн «грозит нам поголовным выселением. При таком положении дела, мы поставлены в самое безвыходное положение: или согласиться на подписание контрактов, обращающих нас в рабов еврея земледельца, — или примкнуть к пролетариям и идти по миру...»⁶⁷

Авторы обращения задавались вопросом, что будет после того, как на улицу выбросят 500 чиншевиков, из которых никто не захочет добровольно покинуть дом и нажитое потом и кровью хозяйство. Им оставалось лишь верить, что спасение придет от центральных властей. Антисемитские аллюзии в письме указывают на то, что эти люди не видели истинных причин возникновения данной проблемы.

После получения столь нестандартного письма, гофмейстер, отвечавший за прошения, поступавшие к императору, выслал запрос волынскому губернатору. Тот ответил, что просил Вайнштейна умерить свои аппети-

ты, и в результате помещик согласился сократить требования, начав взимать по 5 рублей с огорода, до 3 рублей с десятины пахотной земли и 2 рубля с десятины пастбища. Однако и это предложение чиншевики категорически отвергли, т.к. «в среде их почти непоколебима уверенность в праве их на землю как на собственность, в чем укрепляют их частные адвокаты». Более того, большинство предпочитало отказаться от земли, чем платить за нее выкуп, как это делали крестьяне⁶⁸.

Беспокойство властей также вызывало поведение части помещиков, в том числе поляков. Они стали обращаться за помощью к армии не только для усмирения украинских крестьян, но и против населения польского происхождения, не желая видеть в этих неудобных людях соотечественников. 25 июля 1875 г. волынский помещик Прушинский послал телеграмму лично Дондукову-Корсакову с жалобой на действия бывших шляхтичей, которые уже три года отказывались платить чинш в имении Будище под Новоград-Волынский. В мае он приказал согнать их с земли, но они вернулись. 14 июля с помощью 50 полицейских они были повторно согнаны. В связи с этим Прушинский считал дело решенным, но чиншевики не смирились с поражением, хотя имущество из их домов было вывезено для описи. Чиншевика Хузовского, угрожавшего избить палкой любого, кто захочет войти в его дом, удалось уговорить, и он даже принес извинения. Некая Павловская ограничилась лишь бранью в адрес помещика. Однако остальные поселились в лесу, считая его своим, и продолжали обрабатывать прежние поля, выслав в Петербург к царю своего представителя.

Особенно Прушинского беспокоило то, что чиншевики «делают разного рода нападения, соединенные с населением». Это был первый знак проявления солидарности между чиншевиками и крестьянами, которая со временем приобретет более широкий характер. Пока же целые толпы препятствовали сенокосу, гоняли помещичий скот, нападали на работников имения, захватывали лошадей и телеги. Прушинский жаловался, что подобное поведение чиншевиков лишало его прибыли и он был не в состоянии уплатить налог. Однако волынский губернатор 5 августа заверял генерал-губернатора, что помещик преувеличивает. Прушинский, в свою очередь, 14 августа во второй раз выслал на гербовой бумаге настойчивую нижайшую просьбу Дондукову-Корсакову прогнать с помощью войска этих злоумышленников. Поскольку в ответ ничего сделано не было, помещик еще раз 8 сентября жаловался генерал-губернатору на пассивность волынского губернатора и умолял его помочь, так как чиншевики хозяйничали в его владениях и забирали урожай⁶⁹.

Беспокойство, охватившее польских помещиков, было оправданным, поскольку на протяжении 1876 г. неоднократно отмечались случаи, когда

доведенные до отчаяния чиншевики приступали к физической расправе над своими помещиками. Например, согласно полицейскому донесению, свыше ста бывших шляхтичей в имении Стецких в Ялишове около Новоград-Волынского помешали инвентаризации их имущества и оказали сопротивление полиции, прибывшей с целью их выселения, и сельскому старосте, сильно побив его. Чиншевики ворвались во двор помещицкой усадьбы, где остановился пристав, избив его, они стали грозить смертью самому Стецкому. С учетом всего этого власти посоветовали Стецкому отсрочить выселение⁷⁰. Так же остро протестовали чиншевики имения Залеских в Большом Немиринце Проскуровского уезда Подольской губернии. Они прогнали полицию, которая прибыла реквизировать зерно в счет неуплаченного чинша. Более того, даже сотня казаков, присланных позже, чтобы исполнить решение суда о выселении, не смогла выгнать чиншевиков из домов⁷¹.

КАК УТИХОМИРИТЬ ВЗБУНТОВАВШИХСЯ ЧИНШЕВИКОВ?

В связи с обострением опасности в конечном итоге губернаторы были вынуждены представить подробные отчеты Александру II. Об общегосударственном значении происходившего говорит тот факт, что отчет был представлен в форме всеподданнейшего доклада, в котором были сведены воедино отчеты всех трех губернаторов. В составленном в 1876 г. отчете за предыдущий год П.А. Грессер, губернатор наименее благополучной Волынской губернии, представил историю возникновения и особенности чиншевой шляхты, а также доложил о событиях, свидетелем которых был в 1874 г. в Колках. Выводы, сделанные им, можно было действительно считать сигналом об опасности.

Губернатор подчеркивал в отчете царю, что каждый раз подобные волнения удавалось подавить лишь при помощи войска. Впрочем, добавлял он, если поразмыслить, то трудно осуждать этих несчастных, «которые возлагают всю свою надежду на милосердие Вашего Императорского Величества». Эта проблема требовала скорейшего решения. Только в Волынской губернии насчитывалось по меньшей мере 100 тысяч чиншевиков, 9/10 из которых подлежали выселению. По словам губернатора, случаи, подобные происшествию в Колках, непрестанно повторялись, это явление становилось повсеместным. Будучи католиками, эти люди не имели права выкупа обрабатываемой ими земли, причем, мало у кого из них на это были средства. В связи с этим в своей основной массе они были вынуждены пренебрегать судебными решениями. Охваченные отчаянием и горем, эти люди, как сообщал губернатор, могли стать в будущем основой для «общего единодушного взрыва».

Проблема заключалась в том, что о чиншевиках не было и слова в Своде законов, кроме прецедента в июле 1857 г., когда тип их землевладения был назван не противоречащим российским законам, однако судьи склонялись к применению статьи, запрещающей пожизненную аренду. В связи с этим, по мнению Грессера, назрела необходимость в специальном законе, учитывавшем давние местные традиции. Волынский губернатор предлагал вместо того, чтобы возвращаться к идее уравнивания чиншевиков с вольными людьми, получившими землю после 1864 г., воспользоваться недавним указом от 22 мая / 3 июня в 1876 г. о предоставлении права покупки земли старообрядцам, часть которых еще со времен раскола проживала на бывших польских землях.

И действительно, их ситуация была подобной, на что обращал внимание также киевский губернатор Гессе в своем отчете за 1876 г.⁷²

Гессе, недооценивавший масштабы проблемы в казавшейся более спокойной Киевской губернии, считал возможным указать, что здесь проживало лишь 23 тыс. чиншевиков. Как нам предстоит убедиться, он ошибался, однако его рассуждения, лишённые антипольской окраски, заслуживают внимания. Он также обращал внимание царя на бесчеловечный характер выселений и отмечал, что эти люди были лучшими земледельцами губернии, а потому «такой насильственный способ обезземеливания представляется крайне вредным». По его мнению, следовало присоединить к крестьянам эту группу людей, которые были лично свободны, хотя помещики и заставляли их обрабатывать барщину. Это дало бы им возможность выкупить собственные наделы. Возможно, Гессе был хорошо знаком с реальным состоянием дел на местах и имел представление о глубокой украинизации чиншевиков, а потому отождествление их с крестьянами казалось ему естественным. Однако в верхних эшелонах власти не забыли о том, что речь идет о бывшей шляхте. Когда обеспокоенный двумя отчетами царь поручил Комитету министров рассмотреть этот вопрос, сановники отклонили какую бы то ни было аналогию со старообрядцами, вольными людьми или крестьянами. Бывшая шляхта не интересовала власть ни в экономическом, поскольку не могла способствовать расширению крестьянских наделов, ни в политическом плане. Ее существование противоречило праву собственности, в связи с этим не следовало провоцировать неудовольствие помещиков, которые, как ни крути, были опорой режима.

Однако царя с этого времени стала интересовать судьба бывшей шляхты, и в 1877 г. было принято несколько решений, которые, хотя и не привели к коренным переменам, свидетельствовали о стремлении властей найти решение в этом вопросе. В частности, 11 января 1877 г. Александр II утвердил создание при А.Е. Тимашеве, министре внутренних дел, чиншевой комиссии, во главе с товарищем министра Ф.В. Готовцевым. 11 фев-

раля 1877 г. министр внутренних дел послал Дондукову-Корсакову просьбу составить подробную справку об истории возникновения и разновидностях существовавших чиншевых владений, запросив данные об их численности. При этом он в очередной раз подчеркивал, что речь не идет о новых правилах, которые ограничат права землевладельцев. Несмотря на то что подобный подход не сулил каких-либо перемен в судьбе чиншевиков, сохранились собранные царскими чиновниками данные, благодаря которым нам теперь известно, какое количество чиншевиков подлежало выселению.

Впрочем, исследование проводилось негласно, чтобы не спровоцировать нежелательную реакцию, так как Дондуков-Корсаков опасался, что более заметные шаги могут вызвать бурную реакцию землевладельцев, и без того засыпавших его просьбами о выселении.

Тем временем напряженность возрастала. Все больше помещиков осознавало, что отсутствие в российском законодательстве упоминаний о чиншевиках освобождало их от соблюдения традиции их предков терпеть на своих землях людей, представлявших собой пережиток уходящего феодального строя, людей, которые не приносили им дохода. Однако чиншевики с обезоруживающей простотой не только пытались защитить «свои права», но даже переходили в контрнаступление.

Чиншевики из села Волицы Заславского уезда Волынской губернии, узнав, что их помещик Прушинский пригласил к себе соседей-землевладельцев Лясоту и Илиньского, заподозрили их в намерении поджечь село. Они решили опередить их, проникли в усадьбу, связали их и отвезли в полицию.

Сложно подсчитать все столкновения с полицией, пытавшейся осуществить решения о выселении чиншевиков. Без помощи войска полиция постоянно проигрывала, даже когда действовала вместе с «помощниками» из крестьян. Например, чиншевики из сел Адамовская Гута и Довбыш около Новоград-Волынского сумели прогнать целый отряд полицейских, явившихся их выселять. Постоянно отмечалось, так же как и в случае крестьянских волнений, активное участие женщин в этих актах самозащиты. Так, в селе Рижев Заславского уезда «Афанасия Зятко нанесла дрючком два удара по голове судебному приставу и сорвала с него должностной знак», а когда тот вместе с понятыми побежал к лесу, за ними погналось около 40 мужчин и женщин, которые их в очередной раз избил⁷³.

Эти события незамедлительно получили общественную огласку. Излагавшая официальную точку зрения консервативная газета «Киевлянин» затронула эту проблему в крайне осторожной статье под красноречивым названием: «Право или филантропия?»⁷⁴. Автор занял позицию помещиков, которые не могли руководствоваться альтруизмом. Однако в то же

время в газете подчеркивалось, что «землевладельцы проявляют чрезвычайное рвение, чтобы доказать свое неотъемлемое право возвышать по произволу чинш и выгонять чиншевиков из своих имений».

Через несколько недель та же газета вызвала настоящую бурю, прокомментировав кассационное решение Сената, который обязал Новоград-Волынский суд пересмотреть постановление о выселении чиншевиков, принятое Ровенским судом. К этому достаточно незначительному факту газета добавила комментарий о том, что «землевладельцы не вправе своею властью прекращать чиншевые владения»⁷⁵. По словам волынского губернатора, сразу после публикации статьи чиншевики всей губернии стали комментировать ее, обращая внимание лишь на то, что их интересовало, и заявляя, что якобы Сенат отменил выселение и даже позволил выселенным возвращаться. В Новоград-Волынский суд начали стекаться толпы деклассированной шляхты, чтобы получить копию решения Сената, и, не получив, заключали, как это часто бывало в Российской империи, что чиновники скрывают от них царскую милость⁷⁶.

Такого рода интерпретация привела к еще большим проблемам, так как выселенные чиншевики начали возвращаться на свои прежние земли. В села Краснополь, Беспечное, Жерева и Янушполь под Житомиром вернулись все те, у кого отобрали наделы, которые обрабатывали еще их деды и прадеды. Они вспахали землю и посеяли озимые, игнорируя новых арендаторов, тем самым повторив методы борьбы крестьян за землю, отобранную во время инвентаризации в 1847 г. Это движение охватывало и соседние губернии. Например, в Киевской губернии вблизи Липовца чиншевики сел Синарна и Стрижевка, принадлежавших Джевецкому, самовольно начали обрабатывать прежние земли, переданные арендаторам, а полицию, которая пыталась этому помешать, встретила толпа женщин с палками. Они кричали, что Джевецкий ничего у них не спрашивал, забирая их землю, поэтому и они ничего у него не будут спрашивать, отбирая ее. Никто не мог помешать вернувшимся чиншевикам засеять свои поля: «Пускай нас в тюрьму сажают, ссылают в Сибирь и топят, от земли не отстанем». Во время таких конфликтов чиншевики часто устраивали драки с новыми арендаторами. Например, чиншевики из села Зарадинцы под Бердичевом, принадлежавшего помещику Мазараки, возмущаясь, что от них якобы скрыли указ о восстановлении их прав, прогнали рабочих нового арендатора Гаворовского и заявили, «что они не перестанут преследовать свою цель, пока их всех не вышлют или не перебьют». В это самое время около сотни их жен, вооружившись чем попало, оттеснили полицию и, оскорбляя волостного старшину, забрали его нагрудную бляху. В селах Лучкевичи, Шкляревичи, Завецке, Ходоровке, Яроповичах Сквирского уезда чиншевики даже захватили урожай, выращенный новыми арендато-

рами. И хотя казацкой сотне удалось их разогнать, захваченного ими вернуть не удалось⁷⁷.

Столь драматическое развитие событий вынудило генерал-губернатора обратиться в Петербург с просьбой предпринять конкретные меры. В письме к министру внутренних дел от 15 марта 1877 г. Дондуков-Корсаков, откровенно заявляя об антигуманном характере выселений, напоминая о сложившейся традиции чиншевых владений, а также выражая беспокойство в связи со сложившейся ситуацией, отмечал: «При таких обстоятельствах, легко могущих повлечь за собой весьма печальные последствия и крайние затруднения для правительства, [считаю] настоятельно необходимым принять какие-либо меры к приостановлению впредь до возбужденного вопроса выселения по крайней мере тех чиншевиков, которые поселились в имении до 1840 года».

У идеи выделить среди чиншевиков истинных и сомнительных, как нам предстоит убедиться, было большое будущее. Ее внедрение привело к очередным проблемам, однако на тот момент было важно прекратить варварские выселения. На это генерал-губернатор обратил внимание министра в письме от 9 сентября, используя серьезный аргумент. В это время была раскрыта тайная крестьянская организация в Чигиринском уезде, что заставило его «еще серьезнее отнестись к тем затруднениям, которые легко могут возникнуть по чиншевому вопросу... ежели последуют два-три выселения, подобные Колковскому, то весь этот консервативный элемент [отметим, что о шляхте уже не говорится априори как о зачинщике мятежа. — Д.Б.] в руках злоумышленников легко может обратиться в материал для революционных обществ, а выселенные из домов чиншевики — в деятельных агитаторов»⁷⁸.

Настойчивость Дондукова-Корсакова была вознаграждена. В конце 1877 г. Сенат наконец постановил, что чиншевые владения не имеют ничего общего с арендой, следовательно, судебные споры по ним были ошибочно отнесены к компетенции земских судов, поэтому в дальнейшем они были изъяты из их ведения полностью, а уже вынесенные приговоры могли быть обжалованы; кроме того, говорилось о «приостановлении исков о выселении чиншевиков впредь до разрешения вопроса в законодательном порядке»⁷⁹.

Для решения этого сложного вопроса властям были нужны данные о чиншевиках. В начале 1878 г. Комиссия чиншевых владений Ф.В. Готовцева получила из каждой губернии перечень чиншевиков с описанием их имущественного положения и указанием площади обрабатываемой земли. Именно тогда стал ясен ошеломляющий масштаб проблемы, хотя этот документ не охватывал всей бывшей шляхты. Он включал только тех чиншевиков, которые жили в частных сельских имениях, не фиксируя мно-

гочисленных деклассированных шляхтичей, которые после конфискации 1863—1865 гг. жили в казенных имениях и владениях императорской семьи (т.н. уделах) и реже в частных или государственных местечках (см. приводимую ниже таблицу)⁸⁰.

Данный документ дает разного рода информацию. Из него следует, что больше половины семей имели только дом с небольшим наделом около него, с которого нельзя было прокормиться. Эти так называемые огородники в среднем обрабатывали по 2,02 десятины на двор, т.е. меньше, чем в среднем крестьяне (2,9 дес.). Они могли выжить, лишь работая на помещика: барщина в значительной мере дополняла чинш. В Киевской и Подольской губерниях, где чиншевики обрабатывали почти половину всей чиншевой земли, их проживало 2/3 от всех упомянутых в документе. Всюду господствовала бедность.

Общее количество чиншевиков было почти одинаковым в каждой губернии, однако по типу чиншевых владений они распределялись неравномерно: площадь тягловых хозяйств с упряжью была значительно больше в Волынской губернии, где она вдвое превышала суммарную площадь аналогичных хозяйств в двух губерниях — Подольской и Киевской, — 85 697 десятин на 9543 двора, т.е. по 8,98 десятины на семью. Эти данные позволяют лучше понять упорство, с которым землевладельцы пытались вернуть себе упомянутые площади, а также размах конфликтов в Волынской губернии: чиншевики с упряжью с большим упорством, чем остальные, пытались удержать свой единственный источник доходов. Волынская губерния, где 113 720 десятин земли находилось в чиншевом владении, была, как уже говорилось, наиболее конфликтным регионом.

Принадлежность чиншевиков к крестьянскому или мещанскому сословию представляется логичной: после того как в 1868 г. были официально упразднены понятия «шляхта» и «однодворцы», эти люди должны были приписаться к одному из упомянутых сословий. При этом несомненным является тот факт, что понятие «мещане» ни в одном из случаев нельзя отождествлять с понятием «буржуазия» в его западном значении. Российская градация на сословия не имеет аналогов на Западе, потому что и мещане и крестьяне принадлежали к одному и тому же сельскому населению, а единственное отличие между ними, очевидно, заключалось в том, что первые были менее рассеяны и жили более компактными группами, чем вторые.

Наибольшее удивление вызывает наличие группы из 9399 шляхтичей-чиншевиков, кажущееся совершенно нелогичным. Критерием принадлежности к шляхте было владение землей. В связи с этим чиншевики после ревизии прав на дворянство 1831—1850 гг. не должны были считаться шляхтичами. Возможно, речь идет о получившей подтверждение принад-

Чиншевики Юго-Западного края в 1877—1878 гг. в частных сельских имениях

Губерния	Огородники без упряжи, имевшие дом с огородом и пахотную землю		Тяглые с упряжью, имевшие дом и пахотную землю		Всего		Площадь чиншевых владений в десятинах				
							Огородники		Тяглые	Всего	
	Кол-во дворов	Кол-во душ обоего пола	Кол-во дворов	Кол-во душ обоего пола	Кол-во дворов	Кол-во душ обоего пола	Огороды	Обработываемая земля без упряжи	Обработываемая земля с упряжью		
Киевская	10 122	52 303	6003	36 010	16 125	88 313	6344	4958	40 991	52 293	
Подольская	10 069	55 089	6764	38 876	16 833	93 965	5752	3854	38 427	48 033	
Волынская	3397	22 862	9543	61 844	13 640	84 706	8975	19 048	85 697	113 372	
Всего	23 588	130 254	22 310	136 730	46 598	266 984	21 071	27 860	165 115	213 698	
							48 931				
Деление на сословия							Распределение по вероисповеданию				
крестьяне	63 137						православные	139 191	51,5%		
мещане	94 448						католики	121 351	45,5%		
шляхта	9399						иудеи	2060	1,0%		
Всего	266 984						другие	4382	2,0%		
							Всего	266 984	100%		

лежности к дворянству обедневшей шляхте, которая, кроме собственной земли, еще имела небольшие чиншевые земельные наделы у богатых соседей.

Вероисповедание дает возможность определить уровень украинизации этой группы населения. Можно предположить, что православные чиншевики в меньшей степени, чем католические, осознавали свою принадлежность к сообществу иному, чем украинские крестьяне. Конечно, необходимо принять во внимание и особенности перехода их в православие: большинство были когда-то униатами, которые официально должны были принять православие в 1839 г. Среди этой неграмотной массы вряд ли на протяжении 40 лет сохранилось чувство прежней связи с католической церковью. Память о польском происхождении (не обязательно означавшая наличие польского самосознания) была, скорее всего, характерна для менее чем половины чиншевиков католического вероисповедания (45,5%).

Вызывает интерес наличие среди чиншевиков 1% иудеев. Хотя известно, что евреев-арендаторов вопреки закону было немало, присутствие их в этой группе объяснить очень сложно. Возможно, речь шла о мешанах со смешанным характером чиншевых владений, как городских, так и сельских.

Результаты исследования, проведенного для комиссии Готовцева, дают интересные сведения о размере чинша, который колебался в зависимости от местности. Согласно работе, опубликованной в 1887 г., в Волынской губернии, где площадь чиншевых владений была самой большой, чинш колебался от 2,68 рубля за десятину огорода в Новоград-Волынском уезде и до 13,47 в Староконстантиновском, т.е. в среднем по губернии — 4,5 рубля; пахотная земля стоила дешевле — в среднем 1,74 рубля за десятину⁸¹. Однако подобные цены не встречались ни в Подольской, ни в Киевской губернии, где, как было показано, чиншевых земель было гораздо меньше. Здесь чиншевики должны были отрабатывать баршину; как отмечалось в уже упомянутой «Записке о чиншевом владении», «некоторые из помещиков нашли возможность совершенно закрепить живущих на их землях чиншевиков». По мнению авторов записки, в тех губерниях, где земли было недостаточно, следовало при ее оценке учитывать еще и стоимость крепостного труда. Один день баршины приравнивался к 30 копейкам за пешие работы и 60 копейкам за работы с упряжью. В двух губерниях, где земля не могла прокормить чиншевиков, платили вдвойне: 8 рублей за десятину в Киевской губернии и 7,9 — в Подольской губернии. Если принять во внимание, что все члены семьи (включая женщин и детей) отрабатывали баршину, то получим среднюю долю повинностей (на двор, в рублях)⁸²:

Губерния	Огородники (без упряжи)	Тяглые (с упряжью)
Киевская	5,04	25,36
Подольская	4,57	23,97
Волинская	10,04	17,03

Доля повинностей за десятину была следующей:

Губерния	Дом с огородом	Пахотная земля
Киевская	8,22	2,73
Подольская	7,92	3,42
Волинская	4,50	1,27

К этому добавлялись установленные обычаем налоги: лаудемия — платеж помещику при перемене владельцев чиншевого участка (рудимент давней «шляхетской вольности») и право вотчинника взимать единовременно, в определенные сроки (через каждые 20, 30, 40 лет) высший чинш, т.н. «господскую копейку» (*grosz bozy*), при возобновлении соглашения. В целом же выходило, что чиншевик платил в два с половиной раза больше чем стоила крестьянину покупка земли на условиях, определенных реформой 1861 г. Следовательно, ни одна социальная группа, кроме евреев, не находилась в столь тяжелом положении и в такой полной зависимости от владельцев.

Через 15 лет после отмены крепостного права все еще оставалась феодальная система, позволявшая чиншевикам существовать разве что на грани прожиточного минимума. Парадоксально, но жертвы этой системы отчаянно цеплялись за нее, осознавая свою неспособность адаптироваться к новому капиталистическому сельскому хозяйству.

В переписи оставался неясным один момент, который генерал-губернатору показался очень существенным, а именно: занимал ли чиншевик свою землю до 1840 г. Для властей эта деталь имела огромное значение, поскольку лица, которые осели на чиншах после этой даты, не могли ссылаться на давнюю традицию Литовского статута, отмененного в 1840 г. Следовательно, над «поздними» чиншевиками висело подозрение (зачастую обоснованное), что в 1847 г. они при согласии польских помещиков захватили крестьянские земли. Из «Записки» можно лишь догадываться, с какими проблемами сталкивалась царская администрация, пытаясь применить упомянутый критерий. В начале 1878 г. удалось установить, что 4417 дворов, т.е. лишь 9,3% чиншевиков из трех губерний, имели письменные подтверждения, выданные до 1840 г. Зная о существовавшей практике устных соглашений, ревизоры предполагали, что около 18 тыс. дворов, т.е. 37,71% из 46 498, имеющих в трех губерниях, должны были осесть

на чиншах после 1840 г. Скорее всего, это служит доказательством того, насколько обширной была акция «наделения землей» чиншевиков за счет крестьян из-за неправильного применения инвентарных правил 1847 г. Кроме того, были определенные сомнения и относительно подлинности самих письменных подтверждений. Власти осознавали, что любая попытка проверки заведет их в тупик⁸³. Однако ни проявления интереса правительства к чиншевым владениям, ни решения приостановить приговоры о выселении не смогли сдержать помещиков, стремившихся избавиться от чиншевиков. Под конец 1877 г. в суды поступило 130 просьб о выселении, в 1878 г. их число выросло до 258 (120 — из Волынской губернии, 111 — из Киевской и 27 — из Подольской). При этом приговор каждый раз принимался в интересах истцов, несмотря на решение Сената изъять эти дела из ведения земских судов. В результате 1738 семей ожидали исполнения приговора⁸⁴. В 1878—1879 гг. продолжились волнения чиншевиков, ссылавшихся на мнимый указ Сената от 1877 г. о восстановлении их в правах.

Чиншевики все с большей решительностью протестовали против повышения чинша, стали чаще отказываться от его уплаты. К примеру, в селе Новый Звягель под Новоград-Волынском они заявили полиции, что никогда не признают за собой долг в 8 тыс. рублей и что, наоборот, это помещица Мезенцева должна им заплатить за выполненную работу. Ходатайства помещицы перед местной властью и Министерством внутренних дел не принесли результатов. Столь же напрасными оказались попытки полиции заставить чиншевиков польского помещика Глембоцкого из села Каштановка под Радомышлем погасить задолженность. Решительность чиншевиков из села Крачки около Проскурова помешала помещику Пшездзецкому продать на аукционе землю, забранную за неуплату чинша. В селах Погорелы под Новоград-Волынском и Приветов около Зaslava чиншевики, которых прогнали с наделов, не колеблясь собрали хлеб, посеянный помещиком. В первом селе был избит управляющий, а во втором — полицейские, которым было объявлено, что зерно принадлежит чиншевикам, и никому его не забрать.

В 1878 г. в других случаях чиншевики шли на силовое решение, так же как и крестьяне, возвращая отобранные земли. В селе Котлярка около Сквиры чиншевики помещика Славинского, пытаясь вернуться в свои дома, вступили в драку с полицией, арестовавшей их. Из отчета киевского губернатора за 1879 г. следует, что в данном случае речь шла о больших деньгах: поля, издавна обрабатываемые чиншевиками, взяли в аренду за большую плату производители сахара из Ходоркова. Около сорока бывших шляхтичей, вооружившись палками, ринулись на помощь арестованному некоему Баладинскому и освободили его, разогнав полицейский конвой. В подобной ситуации власти не могли позволить себе потерять лицо.

Поэтому была вызвана казацкая сотня, арестовано 26 чиншевиков, каждому из которых в надежде запугать остальных были вынесены суровые приговоры. 14 бунтарей было приговорено к четырем годам каторжных работ, шестеро — к 16-месячному заключению, один был выслан в штрафной батальон, одна женщина была осуждена на 3-месячное заключение. При этом из соображений осторожности Славинскому посоветовали оставить остальных чиншевиков на занятых ими землях.

Подобным же образом развернулись события в селе Волица Зарубинская, куда также были вызваны казаки, силой согнавшие чиншевиков с помещичьей земли, занятой ими в ответ на выселение. Казакам также пришлось наводить порядок и в соседнем селе Степки⁸⁵.

В связи с обострением ситуации 24 июля 1878 г. Сенат постановил рассмотреть все спорные случаи независимо от того, с какой стороны поступила жалоба, т.е. взял на себя и рассмотрение жалоб чиншевиков⁸⁶. Информация об этом решении не распространялась широко, поэтому волнения не стихали еще больше года. Взрыв крестьянских бунтов в 1879 г. сделал невозможным спокойное изучение чиншевого вопроса — рана продолжала кровоточить. В архивах сохранились грустные описания хроники событий, происходивших по уже известным сценариям: увеличение чинша, отказ платить, суд, принудительное выселение, возвращение с боем, новые репрессии. На протяжении 1879 г. этот безжалостный вихрь прошел по волынским селам Борятин и Запуст Луцкого уезда, Жабокрицкая Гута Новоград-Волынского уезда, Бисовка Острожского уезда, Погорельце Кременецкого уезда⁸⁷. Отчаяние достигло апогея. В свидетельствах землевладельцев, полицейских рапортах и отчетах генерал-губернатора чувствуется страх.

Особенно показательным проявлением страха, преследовавшего помещиков, стала история графа Жевуского. Он обратился непосредственно к генерал-губернатору с просьбой прислать казаков и прогнать чиншевиков, захвативших часть его имения (киевские села Княжеское и Шумное Сквирского уезда) после того, как он попробовал переселить их на неплодородные, по их мнению, земли. Его письмо ярко показывает настроения помещиков. Жевуский возмущался неспособностью полиции добиться уважения к приговорам, которые он называл справедливыми, и противодействовать «актам насилия», из-за которых приставы не могли исполнить свои обязанности: они «боятся приводить подобные решения в исполнение, и до сотни решений по Сквирскому уезду остаются неисполненными. Все это случаи неединичные и неисключительные, они встречаются почти в каждом имении и совершаются не отдельными лицами, а целыми массами, которые не повинуются местной власти и с которыми эта власть

не в состоянии справиться. Оставлять эти случаи безнаказанными, на мой взгляд, очень опасно, особенно в настоящее тяжелое время...»

Польский аристократ, совершенно забывший о том, что когда-то эти люди считались его братьями, полагал, что призыв к более жестоким репрессиям оправдан, поскольку волнения чиншевиков начали сопровождаться крестьянскими беспорядками в имениях Собанских, Браницких, Лисовских. Жевуский был убежден, что как одно, так и другое движения были инспирированы «Народной волей»: «Полагаю, что социалистические идеи, причиняющие так много зла в наших столицах и больших городах, не более опасны, чем те принципы, во имя которых в настоящее время делаются крестьянами и однодворцами захваты земель, — принципы, очевидно, посеянные в народе разными пропагандистами социальных идей»⁸⁸.

Полиция, естественно, разделяла эту мысль. Начальник Киевского губернского жандармского управления генерал-майор Павлов выслал в том же 1879 г. донесение в III отделение Министерства внутренних дел, в котором также чувствуется обеспокоенность. Он считал, что нерешенный вопрос чиншевых владений может привести в этот беспокойный для края период к осложнениям, восстаниям и беспорядкам. В связи с этим он настаивал на его быстром решении. Генерал-майор Павлов писал: «Злоумышленники политические, ведущие противоправительственную пропаганду, ныне легко могут подбить чиншевиков к беспорядкам и воспользоваться уже подготовленной почвой недовольства, подобно тому, как воспользовались Дейч, Стефанович и другие недоразумениями крестьян в Чигиринском уезде»⁸⁹.

Это беспокойство разделял также и киевский губернатор. Его годовой отчет подтверждает усиление солидарности между чиншевиками и крестьянами. Бывшая шляхта помогла, например, крестьянину Беспечному на его хуторе в борьбе против проведения землемерных работ. Киевский губернатор возвращался к мысли о создании банка, который дал бы чиншевикам возможность приобрести собственные участки, как это было сделано в случае крестьян в 1861 г. и для вольных людей в 1864 г.

В ожидании компромиссного решения генерал-губернатор Чертков пошел на меры, которые свидетельствуют одновременного о его ожесточенности и бессилии. Он ужесточил цензуру прессы. Две русские киевские газеты (на других языках издания были запрещены) «Киевлянин» и «Киевский листок» в достаточно тревожном тоне писали об остроте проблемы. В связи с этим 6 мая 1879 г. их редакции получили письмо следующего содержания: «Так называемый чиншевый вопрос в Юго-Западном Крае находится в настоящее время в весьма неопределенном переходном состоянии. Между тем он близко затрагивает интересы сословий, до которых касается постоянно, и принимает более и более острый характер. Поэтому я

считаю полезным отклонять от появления в Киевских газетах все статьи, относящиеся до чиншевого вопроса, предварительно не просмотренные мной. Прошу принять настоящее мое заявление к руководству при рецензировании газет “Киевлянин” и “Киевский листок”»⁹⁰.

В заключительной части записки, подготовленной комиссией Готовцева, хотя и чувствовалось беспокойство в связи со сложившимся положением дел, но документ не давал особых надежд на улучшение. Однако, вопреки ожиданиям, с 1880 г. наступило затишье, которое длилось до принятия новых законов в 1886 г.

В записке, на которую оказали сильное влияние события 1879 г., подчеркивалось в конце, что «между тем в настоящее время чиншевой вопрос развили до весьма острой формы», что слишком большое значение уделялось кассационным возможностям в соответствии с указом Сената от 28 июля 1878 г., а также что негативную роль во всех этих делах сыграли «разного рода темные личности и полуграмотные адвокаты», а потому судебная система оказалась бессильной перед дебрями юридических правил. Из записки следовало впечатление, что в этом вопросе был полный застой.

Очевидно, двусмысленность обещаний урегулировать проблему и обусловила в основном длительное перемирие. Члены комиссии Готовцева, увидев, что как чиншевики, так и помещики возлагали огромные надежды (взаимоисключающие) на решение Сената, затянули разработку закона на шесть лет. Столь медленная работа комиссии была также обусловлена персональными изменениями в ее составе после убийства Александра II 1 марта 1881 г., а также усилением полицейского контроля.

Д.П. Пойда интерпретировал это видимое затишье как следствие исчезновения проблем, связанных с существованием чиншевиков. В соответствии с давними надеждами царя на слияние шляхты с общей массой, а также согласно советскому вымыслу об однородности крестьянства, он завершает свое исследование категорическим выводом: «В последующие годы волнения чиншевиков Правобережной Украины сливаются с общей борьбой крестьян за землю»⁹¹. Подобное очевидное упрощение, которое не учитывает существования этой специфической проблемы вплоть до 1914 г., является естественно неприемлемым.

Каким бы безусловным ни казалось затишье 1880—1886 гг., это была всего лишь видимость, усиленная принудительным молчанием газет. Утомление, нищета, репрессии заставили чиншевиков надеяться, что спасение придет от высшей власти. Однако когда все-таки царское правительство примет решение, эти люди осознают, что стали жертвами глубочайшего обмана.

В 1880 г. полиция впервые не зарегистрировала ни одного случая серьезных волнений. Впрочем, не исключено, что и она могла получить рас-

поражение о том, чтобы проявлять как можно меньший интерес к этой набелевшей проблеме. В течение 1881—1883 гг. нескольких упрямых чиншевиков, вполне правильно не поверивших в добрые намерения властей, связанных с интересами землевладельцев, сами решили искать справедливости, захватывая то, что, по их мнению, принадлежало им по праву. В селе Липки около Ушицы в Подольской губернии бывшие чиншевики, изгнанные помещиком Хелминским, захватили половину его земель, сеяли там хлеб, выращивали и собирали урожай. Они заявили полиции, что, если суд не хотел признать их прав, они должны использовать те же методы, что и помещик. Весной 1882 г. они не дали помещику засеять поля, которые до этого времени находились в чиншевом владении. Этот мятеж вновь был подавлен казацкой сотней, арестовавшей 16 чиншевиков. Хелминский пошел лишь на единственную уступку, позволив поить и выпасать на своих землях скот, который еще остался у этих бедняг.

В 1882—1883 гг. чиншевики из хутора Скалополь под Ямполем в Подольской губернии не считали даже нужным сами засеять отобранные поля, они просто конфисковали урожай помещика Войткевича. Суд обязал их оплатить убытки, чего они, конечно, не в состоянии были сделать⁹².

Ничего не может лучше передать чувство глубокой несправедливости, чем случай, рассматриваемый 16 августа 1884 г. в губернском присутствии по крестьянским делам в Киеве. Он свидетельствует о том, что даже через несколько лет после изгнания бывшие чиншевики сохраняли глубокую обиду и не признавали свершившегося факта.

Дело, о котором губернское присутствие докладывало генерал-губернатору, началось в 1870 г. в селе Медовка Липовецкого уезда. Двадцать два однодворца, которые до этого времени пользовались чиншевскими владениями на землях помещицы Валеvской, отказались (поскольку их соглашения всегда заключались в устной форме) подписывать новое соглашение о «новой» аренде, согласно которой чинш не только повышался, но и мог быть пересмотрен. В 1871 г. суд выдвинул чиншевикам Жмовскому и Мазарскому требование прийти к согласию с уполномоченными представителями помещицы, но они не уступили. Таким образом, их земли были переданы в аренду тому, кто смог заплатить больше. Этим человеком оказался... приходской католический священник Тадеуш Ханькевич, для которого польское происхождение чиншевиков, по всей видимости, не имело никакого значения. Этот случай в большей степени, чем другие, вынуждает задуматься, насколько уместны были «рыдания» польской партии Национальной демократии в 1905 г. в связи с необходимостью возобновления солидарности со шляхтой на «кресах». В июне 1884 г. после окончания срока арендного соглашения 20 однодворцев вспахало 66 моргов земли, которые ксендз оставил под паром, заявив, что возвращаются на

свою землю, но в конце концов они согласились платить столько же, сколько и ксендз Ханькевич.

Однако тогда оказалось, что даже отказ от традиционного права чиншевого владения не помог им выиграть дело, потому что новый владелец, князь Гедион Святополк-Четвертинский, не захотел и слышать об этих несчастных, обвинив их перед судом в том, что они воспользовались советами неблагонадежного и нечестного адвоката Кочубинского*. В 1885 г. Святополк-Четвертинский, заподозрив, что будущий закон может быть неблагоприятным для землевладельцев, решил своевременно избавиться от неудобных арендаторов. Однако генерал-губернатор уговорил его предложить им такие же условия, как и ксендзу. Тогда он потребовал плату за полтора года вперед, т.е. 999 рублей. Чиншевики ответили отказом, а заодно выступили против какого-либо письменного соглашения, поскольку шляхтич шляхтичу должен верить на слово, а кроме того, большинство чиншевиков было людьми неграмотными и к любому документу относились с подозрением. При поддержке предводителя дворянства Киевской губернии князя Н.В. Репнина землевладелец добился того, что генерал-губернатор решительно стал на его сторону: «однодворцы» (как видим, этот термин, несмотря на административное решение, оказался живучим) могли получить землю, лишь согласившись на предложенные помещиком условия⁹³.

Тем временем в Петербурге работа комиссии по чиншевым владениям надолго увязла. Когда 21 января 1883 г. новый генерал-губернатор Дрентельн представил статистику и смету расходов на рассмотрение дел, они не были приняты, т.к. включали чиншевиков городов и местечек, т.е. и еврейское население, которым собирались заняться отдельно в рамках подготавливаемых широкомасштабных антисемитских законов.

В этот период правового вакуума были предприняты также попытки по упорядочению управления теми чиншевыми владениями, которые находились в составе польских имений, конфискованных или приобретенных царской семьей. Эти т.н. удельные имения находились в ведении Министерства императорского двора в Петербурге. Управление было в крайней степени бюрократизировано — земли были разделены на секторы между ответственными чиновниками, а все уделы пронумерованы. Императорская семья, один из крупнейших землевладельцев Украины, до этого времени не интересовалась проблемой чиншевиков. Лишь 25 октября 1878 г. Министерство императорского двора, в свою очередь, обратило внимание на проблему сбора арендной платы. Впечатление недосмотра в этом вопросе усилилось после изучения составленного дела, охватывавшего 236 страниц. Из документов следовало, что чиновники, проводившие изу-

* Возможная транскрипция фамилии — Котюбинский, Коцюбинский. (Прим. пер.)

чение этого вопроса, постоянно объединяли чиншевиков христиан и иудеев, что не давало им возможности рассмотреть отдельно положение бывшей шляхты. Кроме того, они были не в состоянии представить точные статистические сведения. В этих имениях также была сделана попытка заключить письменные соглашения об аренде с чиншевиками, но даже подписавшие продолжали платить, как и раньше, лишь незначительный чинш. Наделы были небольшими — в лучшем случае несколько десятков сажень. Земли, конфискованные у Потоцкого в Тульчине площадью в 115 десятин 732 сажени, продолжали занимать чиншевики, которые отказывались платить что-либо, т.к. их бывшие хозяева освободили их от чинша; в других местах чиншевики были согласны платить лишь старый чинш. Департамент уделов 2 апреля 1882 г. рекомендовал внести всех этих людей в оброчный оклад, зафиксировав размер арендной платы с перспективой его изменения. Однако реализация этого решения проходила не без трудностей: 9 октября поступило сообщение, что чиншевики одного из имений не согласились подписать предложенные им бумаги. В 1884 г. бывшие однодворцы села Красиловка под Тарашей отказались признать повышение арендной платы. Их дома находились на землях, когда-то принадлежавших Браницким (96 душ в 51 дворе). В 1872 г. они подписали, по всей видимости, невыгодное соглашение, срок которого теперь, через шесть лет, закончился. Они отказались подписать новый договор и согласиться на повышение арендной платы, вообще перестав платить. Поскольку государственная контора не смогла получить от них требуемой суммы в 3270 рублей, земли были выставлены на аукцион для продажи крестьянам, при этом бывших однодворцев отказались признать вольными людьми⁹⁴.

Эти шесть лет действительного или видимого спокойствия были отмечены частыми нетерпеливыми напоминаниями. В отчете за 1880 г. волынский губернатор вновь отмечал необходимость быстрого и окончательного урегулирования проблемы, которая в его губернии была особенно острой. После очередной ревизии было выявлено 16 050 чиншевых дворов в Волынской губернии, хотя, согласно переписи 1878 г., их было там только 13 640, что означало, что в частных владениях на тот момент проживало около 100 тыс. чиншевиков. Эти данные привлекли внимание даже императора Александра III, который отметил на полях, чтобы обратили на это внимание министра внутренних дел⁹⁵. В 1882 г. подольский губернатор, со своей стороны, подчеркивал, что чиншевики продолжали настаивать на своих правах, хотя и не имели подтверждавших их требования документов.

В польском еженедельнике «Крај», который с разрешения нового царя стал издаваться в Петербурге с середины 1882 г., часто встречались замечания в связи с бывшей шляхтой, хотя в киевской русской прессе и дальше господствовала тишина. В пятом номере за 1882 г. были представлены

полные, правда несколько заниженные, статистические данные о чиншевиках Юго-Западного края. «Крај» отмечал, что чинш приносит владельцу меньше, чем аренда, однако прибыль от него была больше, чем от продажи земли крестьянам. В восьмом номере говорилось: «Появляется с неслыханной скоростью огромная масса безземельных людей, которая дает начало сельскому пролетариату. В Подольской губернии, например, редко какое село состоит из 2/3 бывших однодворцев, а многие села заселены ими полностью».

В 23-м номере еженедельника прозвучала идиллическая нотка ностальгии по шляхетской солидарности. Корреспондент с Украины, подписавшийся двумя заглавными буквами Х.М., переживал из-за упадка католического воспитания среди этой мелкой шляхты: «Помещичьи усадьбы лишь за малым исключением не оказывают никакого влияния на эту шляхту, поскольку во многих случаях из-за ухудшившихся взаимоотношений разорвались связи, объединявшие усадьбу и чиншевиков, у нас также нет школ, которые возглавлялись бы католиками».

В 46-м номере за 1883 г. Т. Талько-Хрынцевич под привычным псевдонимом Ян Илговский полемизировал с варшавским еженедельником «Przegląd Tygodniowy», который выступал за то, чтобы по вопросу о шляхте не препятствовать помещикам в их действиях. Талько-Хрынцевич был категорически против тенденции по элиминированию мелкой шляхты: «Мы выступаем за полную отмену чиншевого права, за наделение землей всех без исключения чиншевиков, будь то крестьяне, будь то шляхта и евреи, путем обязательного выкупа на протяжении определенного количества лет. Этого можно легко достичь при посредничестве правительства».

Такое великодушное предложение не учитывало архаичной ментальности чиншевиков, а также переоценивало добрую волю помещиков и царского правительства. Илговский полностью ошибался, утверждая: «Помещики охотно и не колеблясь пойдут на то, чтобы окончательно покончить с чиншевиками. Более выгодно для них получить гарантированное возмещение, чем пытаться годами, как это происходит сейчас, взыскать чинш, который зачастую невозможно получить».

Вера Илговского основывалась на идее былого шляхетского братства. Он не принимал во внимание тот факт, что аренда земли иностранцам или богатым крестьянам приносила в три-четыре раза больше дохода, чем давний чинш⁹⁶.

Польская интеллигенция, наблюдая со стороны за столь грустным положением дел, не принимала близко к сердцу эту социальную драму. Если Талько-Хрынцевич, врач из Звенигородского уезда, видел весь трагизм положения чиншевиков и сочувствовал им, то другой поляк, Владислав Спасович, блестящий петербургский адвокат, предпочел связать свою

карьеру и имущественное положение с защитой интересов польской и русской аристократии. Именно к нему и к русскому адвокату Е. И. Утину обратились Браницкие из Ставища в июле 1884 г., пытаясь добиться кассации Сенатом судебного решения в интересах чиншевиков. Чиншевики, которых защищал адвокат Ф. Н. Плевако, не имели никаких шансов на успех. Для того чтобы землевладельцы всех «польских» губерний знали, какие выгоды они могут извлечь благодаря юридической компетентности Спасовича при возникновении проблем с Сенатом, он в 1885 г. в Петербурге издал на польском языке брошюру об истоках чиншевого права на западных окраинах империи, которую «Крај» широко рекламировал в разделе частных объявлений⁹⁷.

Чем ближе была дата объявления давно ожидаемого закона о чиншевиках, тем больше этим вопросом интересовалась петербургская пресса, т.к. с такой же проблемой столкнулись и русские помещики западных губерний. Вновь пошли слухи о наделении шляхты землей, которые вновь пробудили забытое, казалось бы, чувство ненависти к этой странной категории, заявлявшей о правах, которые в большинстве случаев не могли быть подтверждены формальными доказательствами. Полемизируя с националистической прессой, которая вновь обратилась к стереотипу «бунтовщиков», газета «Крај» подчеркивала, что эти люди никоим образом не были «специально вымышлены польской интригой, чтобы отравить жизнь русских помещиков, недавно поселившихся в Западном крае». Считая своей обязанностью защищать интересы польских помещиков, которых русские обвиняли в некорректном поведении, польская газета искала оправдание выселению чиншевиков. Газета «Крај» подчеркивала, что государство само лишило бывших однодворцев их домов и огородов во владениях, переданных в удел. Тем временем другие адвокаты, чувствуя возможность заработать в связи с предполагаемыми судебными разбирательствами, издали очередную брошюру одновременно и на русском языке, чтобы иметь двойную клиентуру. Например, именно тогда Рембовский опубликовал работу «История и значение чиншевого владения в западных губерниях»⁹⁸.

Двусмысленность положения 1886 года

Закон, принятие которого так долго оттягивали, наконец был принят. Это было «Положение о поземельном устройстве сельских вечных чиншевиков в губерниях Западных и Белорусских», подписанное председателем Государственного совета великим князем Михаилом Николаевичем и утвержденное императором, — закон в высшей степени скандальный, плохо подготовленный, непригодный для приведения в исполнение и направ-

ленный на то, чтобы как можно меньше задеть права крупных землевладельцев.

Положение, принятое 9 июня 1886 г. после окончательной доработки на нескольких заседаниях Государственного совета с марта по май 1886 г.⁹⁹, так и не решило проблемы в целом. Вводимые им новые градации стали источником новых конфликтов на протяжении последующих тридцати лет.

В отличие от крестьянской реформы 1861 г., которая касалась всех помещичьих крестьян, Положение 1886 г. распространялось не на всех чиншевиков. Решения своей участи ждали еще те из них, кто вместе с еврейским населением жили в городах и местечках. Кроме того, Положение также реализовало мысль, не дававшую покоя царским чиновникам с 1878 г., о дискриминации тех из чиншевиков, кто получил этот статус после 21 августа 1840 г., их низводили до положения париев. Известно, что таких лиц было больше 50%.

Как проверить принадлежность чиншевиков к той или другой категории? Методы работы российской бюрократии в очередной раз оказались медлительными и малоэффективными.

Рассмотрение дел было возложено на уездные комиссии, председатели которых (естественно, русского происхождения) должны были получать заманчивое жалование в 900 рублей ежемесячно (рассчитывали, что комиссии возглавят мировые посредники). Уездные комиссии подчинялись соответствующим губернским, в состав которых входили губернатор, вице-губернатор, предводитель дворянства, глава казенной палаты, глава палаты государственных имуществ, судебный прокурор и назначенный помещик. Все это были крайне занятые люди. Работа уездных комиссий никак не контролировалась, а злоупотребления росли как снежный ком, тем более что списки для пересмотра чиншевиков составлялись самими помещиками. Эта гигантская машина по отделению «фальшивых» чиншевиков от «настоящих» крайне напоминает созданную Бибиковым в 1840 г., хоть и не такую неумолимую, Центральную ревизионную комиссию.

Несомненно, Положение должно было бы дать подтвержденным чиншевикам возможность покончить с состоянием неуверенности, избежать изгнания и превратиться в обычных земледельцев, не богаче и не беднее крестьян. Спустя три года после его провозглашения, т.е. в 1889 г., такие чиншевики могли бы воспользоваться обязательным выкупом своей части согласно процедуре, очень близкой к выкупной операции согласно законодательству 19 февраля 1861 г. Внося ежегодно 6% от всей оценочной суммы (чинш, полевые работы, лаудемия, господская копейка), они в течение 49 лет могли бы рассчитаться с государством за предоставленную им ссуду согласно смете, учитывавшей региональные различия в стоимости земли. Правительство предусматривало возмещение помещикам в виде

5%-ных облигаций. Для упрощения социальной категоризации все, кто получил бы таким образом землю, считались бы крестьянами, даже если до этого времени они принадлежали к мещанскому сословию. При этом для них было сделано исключение из закона 1865 г. о запрете «лицам польского происхождения» на покупку земли и осуществление земельных операций.

Однако прежде чем до этого дошло, возникли огромные проблемы, связанные с произволом и служебными злоупотреблениями членов комиссий, с представлением неопровержимых доказательств чиншевого владения до 1840 г. или соглашения, подписанного до 1876 г., а также с ожиданием кадастровых планов наделов, которые составлялись землемерами, назначенными комиссиями.

Тех, кто не соответствовал требованиям, ждала трагическая судьба. В соответствии с Положением после 1891 г. их могли согнать с земли, если до этого им не удалось перезаключить соглашения с помещиком.

В сущности, Положение показало полную беспомощность власти при решении этого шепетильного вопроса. Предусмотренные сроки его реализации (при этом не обошлось без затягивания, связанного с нерадивостью чиновников) привели к тому, что закон изначально был обречен на провал.

Положение дало уверенность помещикам в том, что через пять лет они смогут вернуть себе половину чиншевых владений. Кроме того, Положение обошло молчанием проблему возврата земель и имущества чиншевикам. По этому вопросу подольский губернатор советовался с Дрентельном 13 сентября 1886 г. Он спрашивал, следует ли и в дальнейшем обнадеживать чиншевиков ссылкой на возможность того, что отобранная у них за двадцать лет земля, предоставленная в аренду крестьянам и иностранцам, в будущем будет возвращена. Окончательное решение было принято 24 сентября, когда было признано, что все осуществленные конфискации не подлежат пересмотру. Теперь уже можно было не церемониться с чиншевиками, дерзнувшими силой вернуть себе свои наделы или захватить урожай. Кроме того, земли, на которых находились промышленные постройки, теперь также считались собственностью землевладельцев¹⁰⁰.

С самого начала преобладало мнение, что внедрение Положения натолкнется на трудности. Один из членов Волынского губернского по крестьянским делам присутствия направил генерал-губернатору особое мнение, в котором откровенно писал о невозможности реализовать Положение в условленный срок: потому что, во-первых, было крайне сложно в столь сжатые сроки собрать все нужные документы и, во-вторых, в губернии было всего 18 землемеров, которые к тому же были заняты на обмерах крестьянских наделов и не могли обеспечить выполнения всего объема работ. Автор этой записки М.А. Дудинцов заканчивал ее привыч-

ным для столкнувшегося с трудностями чиновника того времени выводом о том, что жалобы будут накапливаться, машина будет задыхаться, а всем будет опять заправлять подпольные адвокаты-евреи. В ответ на это генерал-губернатор 12 сентября 1886 г. обратился с просьбой к министру внутренних дел о выделении дополнительных средств¹⁰¹.

Министерство напечатало бланки выкупных чиншевых актов, которые должны были подписывать помещики, чиншевики и члены местных присутствий по крестьянским делам, а также образцы списков чиншевиков, которые помещики должны были предоставить ревизионным комиссиям. Однако всем этим планам не суждено было осуществиться, они погрязли во всеобщей инертности. «Крај» в № 29 напрасно призывал помещиков ускорить составление списков, поскольку создание комиссий стопорилось месяцами, а то и годами из-за нехватки достаточного количества русских служащих для участия в их работе. Если же они и находились, то были не в состоянии разобраться в то исчезающих, то вновь появлявшихся на протяжении десятков лет названиях социальных групп. Дрентельн неоднократно получал тревожные письма с просьбой разъяснить, кто такие «бывшие однодворцы», «бывшие польские дворяне», просто «шляхтичи», «настоящие мешане», «государственные крестьяне», «вольные люди». Каждый раз приходилось разъяснять, что речь идет об одной и той же категории лиц¹⁰².

Министерство внутренних дел выделило средства на работу комиссий лишь 29 июня 1887 г., каждая губерния получила значительную сумму в 53 440 рублей и быстро ее освоила¹⁰³. Между тем опять возобновились беспорядки. Некоторые группы населения, такие как иностранные колонисты и евреи, опасались, что Положение лишит их прав, полученных за счет чиншевиков; в свою очередь, украинские крестьяне, напротив, боялись, что оно не даст возможности удовлетворить их требования относительно тех же чиншевиков. В большинстве своем волнения были вызваны непониманием текста Положения. Одновременно с этим его внедрение показало, насколько любые перемены в существовавшем аграрном мире могли стать источником лихорадки.

25 февраля 1887 г. волынский губернатор доложил Дрентельну, что немало чешских и немецких колонистов, «устроенных на землях, которые отныне могли бы быть переданы для выкупа чиншевикам», отказались платить аренду помещикам, что якобы вело последних к разорению, лишая их основного источника прибыли, и не давало им возможности платить налоги. Колонисты же, которые надеялись выкупить наделы на тех же условиях, что и чиншевики, не давали полиции исполнять судебные решения о наложении на землю секвестра. Губернатор приложил к рапорту проект «разъяснения», предназначенного для распространения среди ко-

лонистов. В нем осуждались все действия, которые могли бы привести к разорению помещиков, и указывалось на недопустимость неуплаты аренды с целью получения права на выкуп надела, поскольку колонисты не принадлежали к «коренному местному населению», их положение было определено законом 1860 г., предоставлявшим им право заключения аренды до 20 лет, что не позволяло их уравнивать в правах с чиншевиками. Дрентельн смягчил несколько резких формулировок, и упомянутый циркуляр о восстановлении порядка был опубликован¹⁰⁴.

В Киевской губернии наибольшее беспокойство у губернатора Л.П. Томары вызывали крестьяне. Их было сложно успокоить, так как их требования возратить земли, отобранные в 1847 г., были в большинстве случаев обоснованными. Однако общее положение дел с чиншевиками было настолько тяжелым, что прибавление к нему еще и требований крестьян по делам сорокалетней давности казалось царским властям чрезмерным. Поэтому генерал-губернатор обязал мировых посредников разъяснять, что не следовало прислушиваться к плохим советчикам, и опубликовал предупреждение, в котором рекомендовал полиции строго следить за мошенниками-агитаторами, которые, по его словам, брали большие деньги за то, что расшатывали основы общественного спокойствия¹⁰⁵.

В то же время, несмотря на все репрессии, еврейский вопрос продолжал сохранять для властей актуальность. В Положении от 9 июля 1886 г. ничего не говорилось о городских чиншевых владениях евреев. Однако Уманская комиссия чиншевых владений послала запрос в Киевское губернское по крестьянским делам присутствие о том, как поступить с теми евреями, которые, вопреки антисемитскому указу от 3 мая 1882 г. (где вновь вводился запрет на покупку земли евреям и их службу управляющими в сельских имениях), являлись чиншевиками издавна, как и бывшая шляхта. И в этом случае ответ подтвердил существовавшее положение дел: евреи могли выкупать землю, если имели договор о вечном пользовании¹⁰⁶.

Какой реакции можно было ожидать от помещиков в этом пронизанном противоречиями обществе, если рассмотреть проблему в длительной перспективе, предлагаемой в данном исследовании? Они, несомненно, руководствовались злой волей. Впрочем, несколько широких жестов и актов великодушия среди помещиков спасли честь землевладельцев. Эти примеры заслуживают того, чтобы упомянуть о них, прежде чем мы перейдем к изложению того, на какие ухищрения шли помещики, чтобы обратить Положение в свою пользу.

В конце 1887 г. газета «Кгаж» опубликовала письмо без подписи из Волынской губернии, в которой впервые после 1863 г. говорилось о том, что когда-то шляхта составляла основу польского общества. Подчеркивая, какое разочарование и горечь вызывало Положение среди всех заинтере-

сованных, автор письма призывал помещиков не ухудшать их положения и не заполнять либо подделывать списки для комиссий. В письме, не лишенном цветистости, говорилось об отречении от бедной шляхты тех, кто когда-то был ее покровителем: «Несмотря на самые лучшие намерения помещиков сохранить патриархальные взаимоотношения с людьми одной с нами веры и национальности, живущими на наших землях на правах вечного чиншевого владения, несмотря на крайне строгое соблюдение справедливости, которое не раз приводило к снисхождениям при взимании недоимок по чиншу, мы не смогли добиться доверия чиншевиков».

Констатируя дальнейшее углубление этого раскола после принятия нового Положения, автор письма приводил пример наивности бедных чиншевиков, которых обманывали мошенники. Еврей, торговавший вразнос, приобрел оптом экземпляры текста Положения (33 страницы) по 20 копеек и перепродавал их чиншевикам по цене в два-три рубля, утверждая, что этот документ необходим им для подтверждения прав: «Он нашептывал чиншевикам, которых у нас называют мелкой шляхтой, что те, у кого такой книжки не будет, не получат права воспользоваться всеми благами наделения земель от государства». Автор письма предлагал прояснить великодушие и не делать разницы между чиншевиками, поселившимися до 1840 г. и после: «Я глубоко убежден, что большинство помещиков не будет вдаваться в казуистику чиншевого владения, о которых говорится в пунктах статьи 2 и 4 правил от 9 июня 1886», за исключением случаев, когда чиншевое соглашение было заключено после 1876 г. Письмо завершалось призывом сохранить шляхетское единство: «Обладание унаследованной землей сегодня, во времена исключительного положения в наших губерниях, является наивысшим благом, на которое могут надеяться люди нашей национальности. Было бы поэтому бессовестно не дать владеть этой землей нашим младшим братьям чистокровным в рамках, установленных существующим законодательством». Кроме того, автор считал новый закон справедливым, венчающим реформу 1861 г. По его мнению, его следовало лишь дополнить положениями о возможности выкупа привилегий в городах и местечках (винокурное производство, мельницы и т.п.)¹⁰⁷.

Аналогичная мысль была представлена в Киеве 20 февраля 1888 г. в речи, впервые посвященной этому вопросу, на заседании Сельскохозяйственного общества, объединявшего крупнейших помещиков. Она была высказана И. Лыховским, который в 1905 г. станет одним из активных членов польской партии Национал-демократов. Краткое изложение речи было опубликовано в еженедельнике «Кра» за подписью «Юстус». Лыховский подчеркивал экономические выгоды для помещиков от аренды земель, которые можно было бы передать этим полезным бывшим чинше-

викам в придачу к их собственным мелким наделам. С этой целью следовало упорядочить цену на аренду, проиндексировав ее на основании прибыльности всего имения. При обеспечении помещикам минимальной стабильной ренты в 4—5% аренда земли могла бы принести им от 9 до 12% прибыли. В дискуссии, которая, впрочем, ни к чему не привела, приняли участие Флорковский, Старорыпинский, Конопацкий и Крайовский¹⁰⁸. Лишь Евстахий Ивановский, владелец богатого имения Халайгородок в Бердичевском уезде, проявил бескорыстное великодушие, скорее всего, под влиянием русских литературных образов «кающихся дворян», чем католицизма и польского патриотизма. После провозглашения Положения в 1886 г., его бывшие чиншевики, которые поверили Безаку и в 1870 г. переехали в Крым, стали массово возвращаться в попытке спастись от нищеты. Они считали, что Положением разрешено подобное возвращение. Ивановский удивил всех, когда позволил нищей шляхте, покинувшей его имение 16 лет назад, бесплатно занять прежние наделы, общая площадь которых составляла 2 тыс. десятин¹⁰⁹.

Однако подобная позиция Ивановского, которая спасает честь польских помещиков, была исключением из правил, отличавшихся своей бесчеловечностью. Сразу после провозглашения Положения, несмотря на распоряжение дожидаться завершения рассмотрения спорных вопросов Сенатом, вновь возобновились выселения. 6 февраля 1887 г. генерал-губернатор Дрентельн сетовал на это председателю Киевского суда. Со своей стороны, чиншевые комиссии делали вид, что не могут разобраться в старых подтверждениях на чиншевое владение или в документах, зачастую коллективных, которые чиншевики представляли в качестве доказательства своих прав. Чиншевики же, предки которых с незапамятных времен платили чинш, не понимали Положения и считали абсурдным выкупать землю, которую считали своей собственностью¹¹⁰.

Между тем как польские, так и русские помещики все более открыто проявляли злую волю. Кое-кто решил даже хитрить с законом, свидетельством чему может быть жалоба генерал-губернатору, подписанная 23 «бывшими однодворцами» от имени 226 чиншевиков (мужчин и женщин) села Студзенна из имения Болеслава Стажинского под Ольгополем в Подольской губернии. Этой шляхте довелось пройти через все этапы ограничения ее прав. Их отцы до 1858 г., когда имение принадлежало Урбанскому, имели 203 десятины 2084 кв. сажень земли в наделах по 24 морга (с упряжью) и по 12 моргов (без упряжи), с чего платили чинш, по 15 и 7,5 рублей в год соответственно. Купив имение в 1858 г., Стажинский уменьшил общую площадь чиншевых владений до 152 десятин 2088 сажень, а чинш повысил до 28 и 14 рублей, без учета дополнительных отра-

боток. «Под гнетом нужды и беспомощности», как писали жалобщики, они согласились на это до 1870 г., пока Стажинский не отобрал у них всю землю, вынудив платить по 5,12 рубля за двор. Попытки вернуть наделы были подавлены, земля за хорошую цену была передана в аренду крестьянам, а затем еврею Дубинскому, который распорядился и остальным имением. Стажинский боялся, что после принятия Положения 1886 г. его обяжут вернуть бывшие чиншевые владения (как уже отмечалось, этого в действительности не предусматривалось), а потому, порывшись в старых бумагах, поспешил заявить, что в 1805 г. местечко Студзенна называлось «городом». Следовательно, *ipso facto** Положение 1886 г. его не касалось, и можно было действовать по собственному усмотрению. Таким образом, Стажинский поставил под сомнение очевидность сельского характера чиншевых владений. Как писали жалобщики, «он не желает оглянуться на нищенское положение 226 обезземеленных им чиншевых душ, могущих существовать только от хлебопашества...»¹¹¹.

Однако было немало помещиков, которые не доставляли себе хлопот поиском юридических оснований для того, чтобы избавиться от своих прежних подопечных. Например, вопреки Положению 1886 г. помещица Залеская выгнала на улицу в мороз пятьдесят чиншевиков, хотя те имели подтверждение от своих давних помещиков Любовидзких, выданное еще в 1842 г. Это произошло в имении Великий Лес Овруцкого уезда в конце декабря 1886 г. в присутствии полиции, которая прибыла взыскать 1200 рублей незаконно повышенного чинша. Дворы были проданы на аукционе в присутствии прежних хозяев. Вся эта жуткая история была изложена с покорным смирением в письме к генерал-губернатору, которое он так и не рассмотрел¹¹².

Русская помещица Феминица отдала свое имение в Балтском уезде в аренду некоему Сенковскому, который, оставаясь при этом управляющим, по собственному усмотрению повысил чинш в селе Малый Бобрык. Когда в 1885 г. люди отказались платить, местный исправник весной 1886 г. доложил об этом в телеграмме подольскому губернатору, который ответил: «Действуйте настойчиво и энергично. В случае безуспешности зависящих от Вас полицейских мер будет позвана военная команда и сам поеду». Под давлением войска чиншевики заплатили, но в 1887 г. стали выпасать скот на помещичьих землях, а осенью провели «незаконную распашку» 300 помещичьих десятин. Их настойчивость возымела действие, так как вмешался представитель губернского по крестьянским делам присутствия Штакельберг и добился снижения чинша; селу, населенному в основном шляхтой, было отдано 640 десятин пахотной земли.

* *Ipso facto* (лат.) — в силу самого факта; тем самым; явочным порядком. (Прим. пер.)

Опасаясь беспорядков в многолюдных селах, власти торопили чиншевые комиссии с рассмотрением прав на выкуп. В таких случаях протест чиншевиков оказывался эффективным. Так, в селе Коса-Слободка в том же Балтском уезде после вмешательства губернского по крестьянским делам присутствия Собанские были вынуждены оставить в покое чиншевиков, начавших «незаконно» распахать землю. Подобным образом развивались события в 1888 г. в имении Боровка под Ямполем, принадлежавшем сахарному магнату Эмерику Маньковскому. Из документов остается неясным, добились ли каких-то результатов деклассированные шляхтичи из имения Подгорских в селе Долотеки под Бердичевом, захватившие в 1887 г. урожай ржи своего бывшего помещика. В целом напряжение было крайне сильным. В декабре 1887 г. «Кгај» сообщал о сопротивлении 11 семей бывших однодворцев из имения Калининских, которые с топорами в руках вышли защищать свое имущество¹¹³.

Сходство крестьянского и чиншевого вопросов стало еще более очевидным после принятия Положения 1886 г. К примеру, обязательное повторное измерение бывших чиншевых владений напоминает проводимое межевание крестьянских наделов. В обоих случаях помещикам, подкупавшим землемеров, удавалось проводить эти работы в свою пользу. С этой точки зрения пример шляхты сел Степановка и Бобриче Овруцкого уезда, обрабатывавших до этого 2120 десятин земли в имении Фелициана Млодзецкого, представляется одним из наиболее характерных. Шляхта прислушалась к советам крестьянина, которого неоднократно арестовывали и публично били, и не позволила проводить землемерные работы в своих прежних чиншевых владениях, отказавшись пойти на какое-либо соглашение с помещиком¹¹⁴.

Однако борьба помещиков с бывшей шляхтой была слишком неравной. Судя по мемуарам Станислава Стемповского, написанным значительно позже, он даже не отдавал себе отчета в том, сколь губительным был удар, нанесенный его отцом по чиншевикам. Как о большой удаче он писал о способе, благодаря которому отец сумел оставить в своем распоряжении 200 десятин леса рядом с имением Старая Гута на границе Литинского и Летичевского уездов. Воспользовавшись кадастровыми работами в этих уездах, отец объявил недействительными права шляхты, которая жила там с XVIII в. и надеялась на позитивное решение своего вопроса в Сенате. Однако частные поездки в Петербург и Москву, большие суммы денег, которые перешли в карманы комиссаров, прибывших на место и с размахом принятых в имении, сделали свое дело. По прошествии времени сын, Станислав Стемповский, не увидел в этой истории признаков драмы, а лишь источник дополнительного дохода, полученный благодаря умению найти подход к коррумпированной царской администрации. Приобретенный лес

позволил отцу расширить имение в Ражепах: «Отец продал сразу тот лес и заплатил за половину Ражеп, а спорную часть, что была на плодородной, лесистой местности, начал корчевать, сажая лес на бросовой земле. Именно тогда он начал вести рациональное лесное хозяйство под эгидой комиссии по охране лесов, у него было немало красочных рассказов об этой бюрократической и взяточнической организации, где в самых простых делах выдывались сложные придирки, чтобы выбивать взятки»¹¹⁵.

Трехлетний срок, предусмотренный Сенатом для установления, кто из чиншевиков имеет право выкупа земли, а кто нет, закончился, но сама процедура не была завершена, и никто не мог наверняка определить, когда наступит конец. Время от времени газета «Кга» критиковала господствовавшее бессилие, отравлявшее взаимоотношения помещиков и чиншевиков и подталкивавшее первых «избавиться от своих обременительных соседей раз и навсегда»¹¹⁶. Отчеты губернаторов о работе ревизионных комиссий свидетельствуют о хаосе и бессилии в попытках справиться с горой нерассмотренных дел, трудностями с межеванием, противоречиями в уже существующих планах, размерами коррупции, неточностью списков, в которых обнаружилось огромное количество «мертвых душ», чересполосицей чиншевых наделов с другого рода землями¹¹⁷. Министр внутренних дел, которому на расстоянии было сложно разобраться в сути дела, призвал сохранять бдительность и давал нереальные советы. Министр Дурново, например, наивно рекомендовал не принимать решений, которые могли бы навредить процветанию чиншевиков, «так как число таких владельцев может оказаться весьма значительным, [и] предупреждение расстройств их благосостояния нельзя не признать мерой серьезной необходимости...». Именно поэтому им следовало дать «возможность ликвидировать свое хозяйство исподволь без чувствительных потерь и приискать себе новые занятия...»¹¹⁸.

Однако никто не подумал о том, чтобы мягче обойтись с жертвами этой беспощадной операции по превращению земли в товар. В канцелярии нового генерал-губернатора Игнатьева ежегодно ставили на полку очередное объемное дело под названием: «Жалобы чиншевиков без ответа». Это был самый верный способ избежать проблем, и это же было откровенным признанием собственного бессилия.

ЗАБВЕНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗЛОЖЕНИЕ

Приведем несколько примеров, свидетельствующих о глубине горя и несчастья, постигших чиншевиков. Их жалобами заполнены упомянутые выше дела, звучащие как реквием по вымирающей шляхте.

Одним из таких был случай Васыля Мазуркевича. Отставной солдат 70 лет, бывший однодворец, неграмотный, послал составленное по его

просьбе письмо из села Старо-Житово Тарашанского уезда Киевской губернии. Из его рассказа генерал-губернатору следует, что, вернувшись в 1866 г. из армии, он надеялся получить надел, обещанный государством ветеранам. Однако, поскольку еще были живы остатки шляхетского братства, владелец села Красовский предложил ему устное соглашение по старопольскому обычаю, поскольку хорошо знал его родителей. Вместо того чтобы просить крестьян выделить надел для бывшего солдата, помещик дал ему дом с землей, которые, по его словам, должны были перейти к детям солдата. Поскольку жалобщик был из бывших однодворцев, родители которого верой и правдой служили своему помещику, проявление подобной доброты не показалось ему необычным. После смерти старого хозяина его дети также признали права отставного солдата, и в течение 20 лет он постепенно устроил свой быт, но весной 1887 г. новые наследники подали на него в суд, требуя, чтобы он вместе с женой и детьми освободил землю: «Такой суд творился надо мной с семейством на днях по милости управляющего имением с. Ново-Житова, поляка Милинского, который постарался вывести меня из жилища, находившегося в моем бесспорном и непрерывном владении». И вот теперь, в 70 лет, он был беднее и несчастнее, чем за 25 лет до этого. Он подчеркивал, что все местные крестьяне знали его и могли выступить в качестве свидетелей. Лишенный какой-либо помощи, он со слезами просит защиты у генерал-губернатора¹¹⁹.

Павел Кулаковский, подписавшийся как «крестьянин из польской шляхты», умолял Игнатъева восстановить его права в имении Януша Ледуховского под Дубном. Еще его отец держал здесь чинш на 29 моргов, за который выполнял определенные виды работ в имении. В 1879 г. его хозяин, воспользовавшись необразованностью 24 чиншевиков, заставил их подписать соглашение о повышении чинша, утверждая при этом, что речь шла о засвидетельствовании их прав. С тех пор от них, как от крепостных, постоянно требовали выполнения дополнительных работ, этого не удалось избежать и семье жалобщика, которая не смогла выполнить все требования из-за того, что в семье были маленькие дети. В 1880 г. помещица Хелена Ледуховская начала против него процесс о выселении из-за долга в 40 рублей. Представленные им старые расписки на польском языке были отвергнуты судом, постановившим его выселить. Он заявил, что не знал, что в 1879 г. подписал арендный договор на один год. Копии ему, конечно, не дали, и он надеялся, что Положение 1886 г. сможет его спасти...¹²⁰

Даже несколько получивших подтверждение принадлежности к дворянству обедневших шляхтичей, которым еще как-то удавалось благодаря работе в соседних имениях содержать семью, уже не могли платить постоянно увеличивавшийся чинш и пали жертвами богатых помещиков, когда-то им помогавших. Такова была судьба Матеуша Павловского из

села Глуховцы под Бердичевом, который напрасно обращался в 1888 г. к генерал-губернатору после того, как наследники Эдварда Межевского забрали у него чиншевое владение. Он оказался в глубокой нищете с пятью детьми.

У этого шляхтича была по крайней мере крыша над головой. У большей же части деклассированной шляхты не осталось ничего. В жалобах чувствуется ужас надвигающейся катастрофы. Этим обездоленным уже даже не было чем заплатить писарю, который представил бы в нужной форме их жалобы. Во многих письмах, написанных неразборчиво и на плохом русском языке, повторяется одна и та же просьба «о возврате коренных земель, которыми мы ныне не пользуемся». Мещане из села Фастова А. Кончинский, Н. Крашевский, Г. Кевлич, К. Иванькевич наивно признавались в том, что в смятении они уже не могли объяснить, в чем, собственно, были их права: «...мы, как люди темные, неопытные и неграмотные, не можем указывать буквы закона... а просим Вашего Превосходительства как начальника края... наблюдать возвратить до сороковых годов и о том дать знать»¹²¹.

Сменявшие друг друга царские министры были прекрасно осведомлены о серьезной степени обнищания крестьянства, о том, что лишения и голод вынуждали толпы безземельных крестьян идти куда глаза глядят. На Украине крестьяне тоже были бедными, но выживали благодаря лучшей обеспеченности землей. Та нищета, с которой пришлось столкнуться русским крестьянам в центральных губерниях, поразила на Украине массово деклассированную польскую шляхту.

Послушаем жалобу, которую Миколай Струтинский, мещанин из села Булаков Радомышльского уезда, подал на своего бывшего помещика Корчака-Сивицкого (автора работы 1879 г. о формах ипотеки). Он писал Игнатьеву: «Ваше Сиятельство, наш всеобщий отец, обратите внимание на вопиющее в этом крае чиншевое дело... Терпение необходимо, но его уже не хватает. Теснят и сильно теснят. Это право принадлежит местным помещикам, которые что хотят, то и делают... Мой же хочет погубить меня с семейством в числе 10 душ детей, нас с женой, двух стариков. Конечно ему удастся, он имеет связи с высокопоставленными лицами... Ваше Сиятельство, наш начальник добрый, защитите меня несчастного, я получил повестку при сем представленную, из которой видно, что 23 октября будет продаваться мое имущество за долг помещику... Этим разорили до крайности, оставили без куска хлеба, приходится по миру идти с семейством...» Он надеялся, что чиншевая комиссия исправит эту несправедливость...

Бедняг преследовала навязчивая идея, что их пустят по миру и им не избежать судьбы вечных скитальцев. Иногда встречались примеры индивидуального протеста, как в случае Даниэля и Яна Новацких, безграмот-

ных сирот, которых 30 октября 1889 г. выгнал Ян Улашин; и в случае Яна Зарембы и Романа Маевского, изгнанных тогда же графом Браницким из села Краснолес под Васильковым. Однако чаще всего жалобы поступали от целых групп. В каждой из них сквозит ужас, овладевавший чиншевиками при мысли о потере крыши над головой. 24 июля 1889 г. жители местечка Михновка Ковельского уезда сообщали в длинном письме, что не могут больше терпеть, как местный исправник обзывает их попрошайками. Они писали как могли: «Прошу Вашего Высоко Превосходительства помилуйте нас несчастных как Бог на небесах скитавшийся по чужих домах мужского и женского полу будит нас пятисот душ и нет никаких у нас порядков потому что нам не выдают управы [земли. — Д.Б.]...»

Подобную коллективную жалобу послали 8 июля 1889 г. и бывшие чиншевики из села Дзюрын под Ямполем на помещицу Ванду Собаньскую.

Кое-кто, уже давно живший подаяниями, все еще надеялся, что Положение 1886 года принесет спасение. 3 ноября 1889 г. к Игнатьеву обратилось 26 семей из села Коростишева Житомирского уезда, которые в 1872 г. были изгнаны Станиславом Глембоцким. Согласно решению Сената 1874 г. они должны были остаться на месте, но это не было выполнено. Через 17 лет после выселения они все еще верили, что им могли вернуть дома: «...мы все чиншевики с громадным семейством разбрелись в окрестностях нашей батьковщины [родины. — Д.Б.] по лесам и оврагам, как кочующие цыгане...» Однако их бывшие владения, к сожалению, уже давно были переданы в аренду немецким колонистам¹²².

Как ни парадоксально, эти люди, когда-то столь нужные польским помещикам, чьи предки участвовали в польских восстаниях 1830 и 1863 годов, были доведены до того, что искали справедливости у российского правительства, которое, не скрывая удовлетворения, сдавало их просьбы в архив, а жалобы между тем поступали непрерывным потоком.

Среди объемистых дел с нерассмотренными ходатайствами за 1893—1894 гг. стоит обратить внимание на жалобу группы чиншевиков, которым Новоград-Волынский уездное присутствие по крестьянским делам отказало в правах. Они умоляли Игнатьева заставить прежнего помещика Яна Плачковского вернуть им землю в селе Адамовка: «Мы, аккуратные плательщики, владеем землей этой, как выше сказано, многие годы. Теперь же мы и наши семейства остались без крова и пищи и живем почти под забором с малыми детьми и спасения нам никакого нет, только покровительство Вашего Сиятельства... Со слезами просим Вас, как начальника края и единственную защиту, сделать распоряжение... но только не через местное начальство, а командуйте какого-либо чиновника, так как Плачковский человек богатый, имеет силу, а мы люди бедные, не можем

судиться с ним, ибо везде проиграем...» Как видим, это еще одно свидетельство наивной веры.

Боль и обиды, причиненные столь многим людям, дают возможность понять, почему большевики так легко обратили в свою пользу чувство глубокой несправедливости и озлобленности этих несчастных людей против тех, кого они считали ответственными за обман. Константин Заборовский, сделавший ошибку в написании собственной фамилии, упрекал поляка П.Н. Леха за то, что тот купил имение в селе Башковец под Кременцом. Этот помещик, как он писал, «ставит все права человеческие и горький труд в ничто, впереди всего совесть у Леха заключается в алчности на несчастный горький труд ближайшего, на который он полагает без малейшей жалости, как это случилось со мной несчастным, третий год назад по приобретении г. Лехом Тылявки. Он, видя мое хозяйство в цветущем состоянии, позавидовал бедному горемыке в куске его хлеба, выгнал меня с престарелой бедной большой женой, разорив все мое хозяйство...».

В результате жестокое отношение польских помещиков к деклассированным к началу XX в. привело к еще большему углублению бедны в их отношениях. Когда в 1905 г. помещики неожиданно для себя заметили, что они остались в одиночестве посреди украинского крестьянства, попытки сближения с бывшей шляхтой ни к чему не привели. Как можно, например, было требовать от Иоахима Коздровского забыть то, что он пережил 1 января 1894 г., и думать, что он готов вернуться в лоно польского единства, к чему призывали польские национал-демократы? В своей жалобе Коздровский писал: «30 декабря сего года приехал судебный пристав второго участка Дубенского уезда и управляющий Столбцекого имения Шрам, взял своих рабочих и приехали до меня и выгоняют меня с моим семейством в такое холодное время из моего собственного дома. Взяли окошко и четверо дверей забрали, и печку разбили и детей моих погнали. Люди зи стороны стоявшие, свидетели, начали просить оставить, а то дети позябнут, а судебный пристав говорит: пушай зябнут, я на то выгоняю, чтобы позябли. Так я начал просить, чтобы они меня оставили до весны, потому что я в настоящее не имею где поместиться, а он не позволяет и выгоняет, так прошу милости у Вашего Превосходительства...» В ответ же его превосходительство, как всегда, пометил на полях: «Оставить без последствий»¹²³.

Подобное поведение польских (и реже русских) помещиков, даже если среди них бывали случаи добрососедских отношений (свидетельств о чем, к сожалению, почти не имеется), мало способствовало сохранению польского сообщества на Украине. Зато украинские крестьяне становились все ближе деклассированной шляхте, считавшей их зачастую единственным источником спасения. У крестьян также постепенно затиралась память о

былых претензиях к бедной шляхте, которая теперь все потеряла. Например, 328 семьям «крестьян — бывших однодворцев» из сел Скибин, Литвиновка и Тетеревка Тарашанского уезда местное население разрешало работать наравне с собой при ремонте дорог и мостов и на винокурне в близлежащем имении. Так постепенно углублялся процесс параллельной пролетаризации польского и украинского сельского населения. Однако каждое спасение имеет свою цену, установленную, например, попом-русификатором: бывшие чиншевики должны вносить половину платы (40 рублей из 80) учителю православной приходской школы. Так дети бывшей шляхты учились основам православной религии, лишаясь последних выразительных признаков принадлежности к польской нации. Бывшие чиншевики вряд ли негативно относились к этому слиянию, ведь многие из них уже давно перестали общаться между собой на польском языке. После украинизации наступала их русификация, которой подвергалось и крестьянство.

Стремление присоединиться к высшей русской культуре было издавна сильным и среди православной шляхты, которая не подвергалась такому остракизму, как шляхтичи-католики, — она достаточно часто занимала второстепенные должности в полиции, судах и сельских органах власти, где находила для себя возможность повышения по службе и, следовательно, шанс отомстить богатым полякам.

Я.Л. Маньковский не скрывал пренебрежения к Зубрицким, Свегоцким, Лесневичам, Городецким (чь фамилии свидетельствовали, по его словам, об их польском происхождении), которые сменяли друг друга на должности пристава в его Ямпольском уезде. Среди урядников тоже часто встречались такие фамилии, как Конарский, Баронч, Ярошевский, Мариковский, Кшевецкий, Рогожинский. Даже судьи, один из которых, по фамилии Хшановский, продержал Маньковского полдня в приемной, принадлежали к «бывшим полякам», чья православная (до этого униатская) вера способствовала их полной ассимиляции¹²⁴.

Истинные масштабы пережитого бывшей шляхтой очень долго оставались неизвестными по причине крайне медленной работы уездных присутствий по крестьянским делам. В 1891 г. генерал-губернатор был проинформирован лишь о невероятных расходах на землемерные работы, на что он и указал губернаторам. Стоимость работ в одних уездах могла в десять раз превышать цену таких же работ в других уездах. В следующем году «Новое время», всегда готовое к разоблачению «польской интриги», возмушалось суммами, поглощенными этим делом, которое должно было продолжаться, как сообщалось, до 1894 г.¹²⁵ Лишь киевский губернатор осмелился объявить в 1892 г. неполные сведения по своей губернии, правда, неточные. Из опубликованной части его ежегодного отчета видно, что

были рассмотрены дела 24 тыс. лиц, из которых лишь треть получила право на выкуп земли (15 598 отказов и 8323 подтверждения), после чего было должным образом оформлено всего 5217 актов покупки. Следовательно, рядом с небольшой группой устроенных людей оставалось немало «бывших чиншевиков», которые были обречены на скитания, уже не имели никакого юридического статуса, достигнув дна деклассирования и превратившись в крестьян-бобылей¹²⁶.

Через три года после этого и через девять после принятия Положения первые статистические данные по Правобережной Украине подтвердили чрезвычайно медленную работу комиссий. В этом документе, в частности, впервые объяснялась истинная суть Положения, которое было далеко от того, чтобы обеспечить (на что, казалось бы, указывало название) чиншевиков земель, и под прикрытием бюрократической деятельности приводило к укреплению позиций крупных землевладельцев. В действительности именно помещики извлекли пользу из столь медленного процесса ликвидации системы чиншевых владений. Списки чиншевых владений, поданные ими в ревизионные комиссии, были достаточно детальными, позволяя присвоить большие суммы, авансированные государством для покупки земли; после же пересмотра индивидуальных соглашений можно было не возобновлять заявленных чиншевых владений и отобрать землю.

Судя по этому документу¹²⁷, с 1887 по 1 июля 1895 г. комиссии объявили и подтвердили следующую общую площадь чиншевых владений (в десятинах):

Губерния	Огороды	Поля	Всего
Киевская	10 204	35 782	45 986
Подольская	9591	28 412	38 003
Волынская	4920	49 831	54 751
Всего	24 715	114 025	138 740

Если сравнить эти данные с общей площадью чиншевых владений на 1877—1878 гг., выведенной выше в этой главе (213 698 десятин), то можно констатировать, что Положение дало возможность присоединить разницу, т.е. 35%, к землям крупных помещиков. Отметим, что это площадь чиншевых земель, заявленных землевладельцами для получения возмещения от правительства (2/3 всей площади), хотя количество актов покупки остается неизвестным.

Отчет за 1897 г. содержит ценные дополнительные сведения¹²⁸. Общая площадь заявленных чиншевых владений занимала: под огородами — 29 483, под полями — 134 829 десятин, что оценивалось в 8021 тыс. рублей, под которые государство выдало помещикам аванс в 7653 тыс. рублей.

Удивительная щедрость, если учесть, что число лиц, которые выкупили землю, так и не было известно! Правда генерал-губернатор хвалился, что сумел ускорить дело, увеличив финансовые возможности комиссий (до 53 500 рублей в год, начиная с 1891 г.) и наняв больше землемеров, чьи путевые издержки покрывались за счет местной власти. Однако количество пересмотренных дел чиншевиков не достигло и половины переписанных в 1877—1878 гг. Ревизия коснулась всего 118 142 лиц, из которых были признаны правомочными 54 640 чиншевиков — 46,2% от общего числа. Наглядным последствием реализации «Положения» стало, таким образом, то, что больше половины чиншевиков все еще не были переписаны, а четвертая часть от общего их числа получила отказ в подтверждении своего статуса. В результате можно говорить о том, что закон стал спасительным лишь для четверти деклассированных шляхтичей, признанных правомочными. Что же касается выделенных на выкуп участков средств, то они были присвоены помещиками.

Медленность в рассмотрении дел была также следствием большого количества посреднических инстанций, а также инертностью высшей власти — Сената. Николай II, читая отчет за 1900 г. Драгомирова, преемника Игнатьева на должности в Киеве, наткнулся на пункт 11, где шла речь о том, что вопрос чиншевых владений до этого времени не был решен и что Сенат, в частности, должен был рассмотреть 2848 дел, «что очень тяжело отражается на положении чиншевиков». Царь выразил недовольство, дважды подчеркнув эту цифру. Как всегда, провинившееся ведомство, в данном случае Сенат, должно было дать объяснение и проявить большее усердие. Особый журнал Комитета министров, в котором отмечались все замечания царя, 13 февраля 1901 г. сообщал, что с 1889 г. Сенат рассмотрел 6651 дело, осталось еще 721 дело, из этого числа 518 касались юго-западных земель¹²⁹.

В начале XX в. наиболее напряженная ситуация сложилась на Волыни, где чиншевых владений было больше, чем в других губерниях, а отказы были самыми многочисленными, поскольку вышеприведенные пропорции не изменились. Отчет о деятельности комиссий между 1887 и 1 января 1903 г. показывает, что в этой губернии были рассмотрены дела 61 950 лиц (следовательно, оставались еще около 23 тыс. человек), однако в правах на чиншевое владение было признано всего 16 864, тогда как 45 086 лиц были лишены всех прав¹³⁰.

Это привело к новым взрывам недовольства, ответом на которое стали очередные безумные планы властей по выходу из тупика.

Как и раньше, когда царские чиновники высокого ранга осознавали масштаб проблемы шляхты и безвыходность положения, появлялась идея найти для этой шляхты «другое место», т.е. переселить. В качестве таких

мест в империи всегда предлагались Кавказ или Сибирь. О переселении шляхты царские чиновники мечтали еще со времен Зубова, т.е. с 1795 г., а также в 1832—1834 и 1868 гг., но каждый раз им приходилось отказываться от этих планов. И вновь в 1901—1903 гг. мечты о переселении возродились, и, как всегда, размах задуманного вызывает ужас.

Все началось 17 мая 1901 г., когда волынский губернатор написал из Житомира Драгомирову о мятежных настроениях, царивших в Новограде-Волынском, где был самый высокий процент чиншевых владений во всей губернии¹³¹. Толпа «так называемых чиншевиков», писал губернатор, которые прибыли из сел Нивна, Сяберка, Голубина, Товща, Ольшанка и Чварты, не дала выселить двух своих собратьев, Анджея Бродовского и Розалию Голембовскую, с земли помещика Хенрика Стецкого, поляка, чьи владения в этом уезде достигали 3,5 тыс. десятин. Недооценив силы, судебный пристав прибыл для выполнения решения в сопровождении 32 полицейских. Их встретили вооруженные палками и даже ружьями мужики; нескольких полицейских побили, а остальных обратили в бегство, швыряя им в глаза песок. Ничего не удалось сделать и на следующий день. Тогда Стецкий попросил губернатора прислать войско.

По мнению губернатора, право было на стороне помещика, потому что 26 января 1894 г. чиншевые владения в селе Нивна были ликвидированы, так как ставшая чиншевиками после 1840 г. шляхта не имела никаких документов. Сенат так и не дал ответа на ее жалобу. В декабре 1900 г. закончился пятилетний срок, установленный Положением 1886 г. для очищения земель. Следовательно, дело стало за армией.

Еще сложнее оказалась ситуация у русского помещика Дурилина в селе Ульяновка того же уезда. 22 апреля 1892 г. местная комиссия подтвердила права 70 семей чиншевиков из нескольких сотен лиц; помещик обратился в Сенат и 18 июня 1893 г. добился аннулирования этого решения. Две жалобы чиншевиков на имя царя в 1895 и 1896 гг. и две — в Сенат, в 1897 и 1900 гг., ни к чему не привели. Поскольку после 1898 г. прошло пять лет, Дурилин потребовал освободить земли. Суд принял решение об этом в сентябре 1898 г., но генерал-губернатор позволил 70 семьям остаться на зиму в своих домах. Они там остались и на следующий год, отказываясь выполнять какие-либо требования. В донесении от 12 мая 1901 г. губернатор доложил о продолжавшемся сопротивлении: 270 полицейских были атакованы толпой, вооруженной вилами, палками, топорами, некоторые были ранены. Подвергся нападению и новый русский помещик Тичальский, которому чиншевики объявили, что никуда не уедут, что справедливость на их стороне и что они ожидают помощи от своих товарищей из 17 соседних имений, оказавшихся в подобном положении. И хотя они вели себя вызывающе, волынский губернатор писал: «Я не считаю себя вправе

умолчать о том поистине безвыходном положении, в котором очутились свыше 15 тысяч бессрочных съемщиков, получивших отказ в устройстве их земельного быта» (данные касались Новоград-Волынского уезда). Он признавал, что большинство из них были действительно чиншевиками, которые не смогли представить доказательств того, что жили на этой земле до 1840 г.: «...в силу своей темноты и неразвитости, а также тяготившего над ними гнета в эпоху крепостного права... дошедшие до последних пределов крайней нищеты и не могущие ничем заниматься, кроме земледелия, представляют тяжелую картину вновь нарождающегося и до настоящего времени неизвестного в России сельского пролетариата».

Констатируя это (а такой вывод можно было сделать за 40 лет до того), волынский губернатор принял ситуацию близко к сердцу. Он писал, что каждый раз колеблется, когда приходится обращаться за помощью к армии и лишать крыши этих бедняг, жертв «темноты и неразвитости». Собственно, тогда ему и пришло в голову такое ясное и действенное решение. С конца XIX в. в России искали возможности по заселению и освоению Сибири. При Министерстве внутренних дел было даже создано специальное Переселенческое управление. Этого «благодения» были лишены только крестьяне с Правобережной Украины, которые должны были служить противовесом распространению польского влияния. Но ведь можно было не делать исключения для бывших чиншевиков, которым нигде не находилось места?

Правда, губернатор не думал, что массовое принудительное переселение, даже с привлечением армии, даст хороший результат и пройдет бескровно, ибо, «лишенные крова и насущного куска хлеба, выселяемые или арестованные вновь возвратятся на насиженные места и станут вновь производить беспорядки и домогаться утраченных своих прав». Что же можно было сделать?

Вместо того чтобы применять силу, губернатор предлагал обязать Министерство внутренних дел разработать специальные меры по поощрению переездов или же, — возможно, такое предложение из уст губернатора звучало неординарно, — лишить помещиков части земли в пользу чиншевиков.

25 мая 1901 г. Драгомиров одобрил первое предложение о переселении на «государственные земли» и потребовал представить подробный список. Волынский губернатор послал список 4 августа 1901 г., указав фамилии, местожительство, состав семьи, состояние и национальность. Всего в губернии насчитывалось 43 тысяч лиц, которым отказали в праве на чиншевое владение; они проживали в 735 селах, составляя 6 869 семей. Об уровне украинизации свидетельствуют 1916 семей, которые назвали себя «русскими» (27,89%), тогда как 3536 (51,47%) назвались поляками. Нез-

вестно, на чем основывались мировые посредники, когда составляли списки, но сама пропорция кажется правдоподобной. В эту группу входили 1188 чешских и немецких обедневших семей, которые не платили арендной платы (17,29%), и 229 еврейских семей, находившихся в таком же положении. Губернатор вновь выступил в их поддержку и просил оказать правительственную помощь, по крайней мере, для «русских» и поляков, т.е. для 5452 семей «коренных жителей» Волынской губернии.

Министр внутренних дел Д.С. Сипягин не скрывал своей обеспокоенности в связи с масштабами и опасностью предложенных мер. В ответе от 4 апреля 1902 г. он не предлагал никакого решения, заявляя о необходимости подробнее ознакомиться с положением каждой семьи. Он также выступал против экспроприации каких-либо земель у помещиков и склонялся к переселению бывших чиншевиков, но казенные земли в Европейской части России, а также на Черноморском побережье уже были заняты. Оставалась Сибирь. Лучшими были бы земли на Амуре или на Тихоокеанском побережье, однако для проведения такой операции не доставало средств. Сипягин, как добрый вельможа, был готов позволить этим людям устроиться даже в Самарской губернии, до сих пор зарезервированной для русских, а также предоставить определенные льготы: строительный лес и дорожные расходы, чтобы избежать массовых протестов, что произвело бы плохое впечатление; но ему нужна была смета. В частности, он не хотел, чтобы среди переселяемых было 1916 украинизированных семей, т.е. около 7 тыс. лиц, потому что правительство, считая их русскими, видело в них противовес другим национальностям, прежде всего полякам. Крестьянский банк мог бы найти для них на местах земли, отданные под залог. По этому вопросу следовало обратиться к Министерству финансов.

12 ноября 1902 г. волынский губернатор осознал, что его план, как и проекты его предшественников, оказался неудачным. Многие чиншевики, которых наивно просили высказаться по вопросу о переселении, отказались давать какие-либо сведения. Так, например, повела себя деклассированная шляхта из села Подубецкое Луцкого уезда, которая с мая так и не заполнила тетрадь, где были записаны 83 фамилии. Поэтому губернатор решил скорректировать свои планы. Он пришел к выводу, что можно обойтись 3785 семьями, хотя в то же время признал, что всего 546 семей согласилось на переезд. Драгомирову были высланы данные по уездам о тех, кто согласился, и тех, кто отказался.

Новый министр внутренних дел В.К. Плеве обратился к Драгомирову 25 февраля 1903 г. с просьбой добиться от Крестьянского банка помощи для 234 т.н. русских семей (православных, говорящих по-украински), но «что же касается бывших чиншевиков польского происхождения, то принятие каких-либо мер к укоренению их в пределах Юго-Западного края

едва ли должно входить в задачи Правительства... Поэтому чиншевикам этого разряда может быть разрешено переселение в Сибирь на общих, установленных в законе основаниях». Кроме того, он не видел необходимости в оказании помощи немцам и евреям. Таким образом, поляков уже не причисляли к «коренному населению» Волынской губернии.

Вмешательство трезвомыслящего министра финансов С.Ю. Витте, знакомого с ситуацией после работы в Киеве, окончательно показало, что все эти планы были следствием фантазий и полной неспособности решить проблему. В письме от 30 мая 1903 г. исполняющий должность начальника Переселенческого управления Министерства внутренних дел Кривошеин сообщал: «Министр финансов с тем вместе указывает, что полное разделение лиц русского и польского происхождения едва ли практически осуществимо. По удостоверению Управляющего Волынским Отделением, нередко случаи совместного проживания русских и поляков в одном поселке, причем земли и усадьбы их расположены смежно и чересполосно. Покупка таких земель могла бы привести к крупным недоразумениям и обострить отношения между русским и польским населением Волынской губернии». Таким образом, было решено не переселять бывших шляхтичей-католиков с целью укрепления позиций бывших шляхтичей-православных. Катастрофы удалось избежать, но сама проблема так и не была решена.

1905 год, или НЕИСКРЕННЕЕ РАСКАЯНИЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ

Ничего так и не удалось решить вплоть до 1917 г. Лишь после революции эта масса людей без крыши над головой «воспользовалась» решением большевиков. Хотя и тогда эти «гонимые и голодные» люди не совсем отвечали предъявляемым теперь уже пролетарским требованиям.

К тому времени, когда к власти пришли большевики, та часть бывшей шляхты, дела которой еще не были рассмотрены ревизионными комиссиями, и та, чьи права были аннулированы, продолжали претерпевать нечеловеческие муки, проходя сквозь все те же круги ада — ликвидацию чиншевых владений, суды и выселение. Странное, и в каком-то смысле трогательное, затишье наступило разве что в 1905—1906 гг., когда польские помещики проявили беспокойство о своих «братьях». Это была своего рода психологическая драма искупления.

Еще в 1904 г. ничто не предрекало тех глубочайших потрясений, которые вскоре всколыхнут социально-политическую жизнь Российской империи. Именно поэтому безрезультатное затягивание решения чиншевого вопроса принимало все тот же трагический оборот. Разрыв традиционной системы социальных и правовых связей привел к возникновению

настоящих преступных банд. Можно лишь удивляться тому, что преступность не проявилась в более жестоких формах. Ее более широкомасштабное проявление, по всей видимости, ослаблялось чувством смирения и бессилия, царившим среди основной массы деклассированной шляхты.

Так, 17 апреля 1904 г. чиншевики волыньских сел Брониславка, Березняки и Яновка Ровенского уезда (на землях Михала Яцковского, Бронислава Пониньского-Валевского и Евгении Бланшманш) пришли на помощь 20 семьям, которых помещики хотели выселить. Эти семьи жили в отдаленных лесных селениях, кормясь с незаконной вырубке леса в помещичьих угодьях, которых они продавали торговцам-евреям, а также с нелегального производства самогона. Поскольку соседская солидарность представляла слишком большую опасность, трое помещиков обратились к военным, между тем как 7 апреля полиция уже подверглась с их стороны «самым возмутительным насилиям»: пристава едва не забили камнями, а его помощники, побитые палками, разбежались, боясь, что их обольют кипятком. Вице-губернатор писал, что все села волости¹³² были взбудоражены, потому что «население этих поселков в большинстве — лица или не приписанные ни к какому сословию, или же мещане, а потому сельской и волостной власти не признают». Вице-губернатор также подчеркивал моральную деградацию этих людей. Из этих нежелательных людей делали разбойников, впрочем, до этого на них раз тридцать накладывались разные штрафы. Когда же 3 декабря 1903 г. была сделана попытка описать имущество чиншевиков, они побили палками волостного старшину, сорвали с него бляху и топором ранили в плечо его помощника, крича, что суд продан помещикам и для того, чтобы царь обратил на них внимание, они убьют кого-нибудь из исполнителей приговора.

Поскольку подобные столкновения продолжались со времени признания Сенатом в 1895 и 1898 гг. недействительными чиншевых владений в этих имениях, то один из батальонов 127-го пехотного Путивльского полка под командованием капитана Акинфова утром 26 апреля окружил село Березняки. В результате чего заговорила бунта Миколай Лисецкий был арестован, а его семья выселена. «Пользуясь присутствием войск, помещик Яцковский прислал много рабочих и подвод, из которых первые в несколько часов разрушили постройки, в которых проживало семейство Лисецкого, а на подводах материал с разрушенных построек тогда же перевезен в главное имение Яцковского». Отца и старшего сына заключили в тюрьму за незаконную варку самогона.

Вечером точно такая же операция была проведена в селе Брониславце, где управляющий имения Понинских-Валевских провел «чистку» 30 домов, принадлежавших 14 семьям, и отобрал 35 десятин чиншевых

владений. Очутившись *in extremis**, бедняги согласились на подписание предложенного помещиком соглашения. Однако затем помещик потребовал, чтобы чиншевики переселились на болота за три версты от предыдущего места. В ответ на их отказ дома продолжили разрушать, но поскольку стемнело и не хватало рук, были уничтожены лишь три дома, а в четырех развалены печи. Напуганные такими варварскими действиями жители третьего села Яновка подписали предложенную управляющим помещицы Бланшманш соглашение, и 29 апреля войско ушло¹³³.

Неизвестно, хватало ли средств, чтобы регулярно выплачивать необходимые суммы тем, кто соглашался подписать предлагаемый помещиком договор об аренде, а также тем, кто подписывал акты на выкуп земли. Отсутствие документов, в которых шла бы об этом речь, дает основания полагать, что судьба по крайней мере четверти бывших чиншевиков была немного лучше, чем остальных. При этом количество чиншевой шляхты, получившей позитивные ответы ревизионных комиссий, не выросло за годы, предшествовавшие началу Первой мировой войны. Из письма киевского губернатора генерал-майора Савича от 8 декабря 1904 г. к председателям комиссий по землеустройству (вновь указывавших на 17-летнюю задержку в решении вопроса) следует, что в Киевской губернии количество чиншевиков, которые приобрели землю, было таким же небольшим, как и на Волыни. Землю получили 16 733 из 17 812 чиншевиков, чьи права были признаны, тогда как тех, чьи права были аннулированы, насчитывалось 24 073. Рассмотренные 41 885 дел не охватывали даже половины чиншевиков этой губернии: для 42 949 лиц Положение 1886 г. так ничего и не изменило, они продолжали ожидать пересмотра своих дел¹³⁴.

По состоянию на 1905 г. в Киевской губернии 84 835 лиц (чуть меньше, чем в 1877—1878 гг.):

— выкупили землю: 17,72%;

— были лишены прав: 28,37%;

— ожидали рассмотрения: 50,62% (об остальных данные отсутствовали).

Последняя цифра свидетельствует, что здесь по сравнению с Волынской губернией не спешили довести чиншевиков до полного обнищания. Свидетельствуют ли нерассмотренные случаи о сохранении традиционных чиншевых владений? Это представляется возможным и в какой-то степени спасает честь польских землевладельцев, значительная часть которых, как видно из этой главы, упорно стремилась к разрушению исторических связей с бывшей шляхтой. Таким образом, в Киевской губернии больше

* *In extremis* (лат.) — у последней черты, в экстремальной ситуации. (Прим. пер.)

половины чиншевиков пользовались прежними моральными обязательствами хозяев, дававших им кров и опекавших их.

Утешительно то, что, несмотря на царившее повсюду корыстолюбие, нашлось немало помещиков, сохранивших полностью анахроничную традицию чиншевых владений, помогая тем самым «меньшей братии». В то же время интересно выяснить, давала ли неприкосновенность чиншевых владений их пользователям какую-то возможность социального роста.

Описание Станиславом Стемповским празднования католического Рождества и Нового года в Подольской губернии, когда крестьяне и шляхтичи приходят к помещику с традиционными пожеланиями, а затем празднование повторялось вновь на православные Рождество и Новый год, свидетельствует, насколько странной аномалией для Европы XX в. было такое полное ритуалов, вневременное и патриархальное общество. Особенно ярким покажется его своеобразие, если сравнить феодальную атмосферу, царившую в польских имениях, с атмосферой крупных городов Российской империи, где пролилась первая кровь начавшейся эпохи революций.

Такие помещики, как Станислав Стемповский, которые проявляли гуманность в отношении к бывшей шляхте *minorum gentium**, пользовались их услугами, к примеру, на охоте («потому что они лучше знали, где кроется птица») и осознавали ее атавистическую страсть к знаниям (уже отмечалось, что кое-кто из бывшей шляхты был знаком с грамотой).

Стемповский следующим образом описывал это стремление к польской грамоте, несмотря на политику русификации села, осуществляемую с помощью государственных и православных приходских школ в условиях отсутствия католических школ: «Базыли — человек тупой, замученный трудом на земле, обремененный множеством детей. Бедность была во всем видна в их огромном доме, дети сизмальства приучались к труду, но для них держали все-таки учителя за стол, проживание и стирку с добавлением фунта табака и трех рублей в месяц. Учитель Балюкевич был того же рода, так же неприятелен, как Диоген, высокий дух его помешался в гробу, топорном теле...»¹³⁵

Когда после революции 1905 г. у разных национальных групп империи появилась возможность развития собственной культуры, польские помещики Правобережной Украины осознали слабость собственной позиции и необходимость реполонизации тех, кто был еще к этому склонен.

В 1905—1907 гг. появилось большое количество начальных школ: сначала спонтанно, а впоследствии — в рамках общества «Освятя», которое активно действовало в трех губерниях, хотя официально оно было зарегистрировано только в Киевской губернии 14 августа 1906 г. Полуофициаль-

* *Minorum gentium* (лат.) — низший род. (Прим. пер.)

ный характер открываемых школ, в которых училось от 5 до 20 учеников, послужил для властей предлогом для их закрытия в 1907—1908 гг. Л. Заштовт в одной из интереснейших статей на эту тему представил на основании полицейских донесений данные о количестве обнаруженных и закрытых школ: в 1907 г. — 102 школы, в 1908-м — 81, в 1909-м — 26, в 1910-м — 52, в 1911 г. — 26¹³⁶. В дальнейшем польская просветительская деятельность на Правобережной Украине прекратилась. Таким образом, за девять лет полиция закрыла 287 школ. Большая часть учеников имела шляхетские корни, если учесть, что «мещане» и «крестьяне», о которых пишет Заштовт, также, вероятно, были из деклассированной шляхты. То же самое можно сказать и о социальном происхождении учителей, которые относили себя к «крестьянам» или «мещанам». Среди учительниц было несколько из хороших семей, которые, таким образом, реализовали запоздалое «хождение в народ». Организаторами школ были как известные магнаты, так и помещики средней руки. Следовательно, в польских усадьбах еще сохранялась тяга к определенной филантропии, которая сразу проявила себя в период смягчения политического режима. В силу обстоятельств эта деятельность не выходила за рамки представлений о благотворительности XIX в., тесно связанных с патриархальной системой.

О том, что это возобновление забытого братства богатых и бедных имело свои границы, свидетельствует общественно-политическая деятельность землевладельцев во время избирательных кампаний во все четыре Государственные думы. Даже немногочисленные, наиболее либеральные польские помещики рассматривали вопрос о чиншевиках или бывших чиншевиках в рамках большой и становящейся все более серьезной проблемы украинского крестьянства.

Польские помещики Украины, которые в декабре 1905 г. создали фракцию партии кадетов, были идеалистами. Правда, дальнейшее развитие событий несколько остудило их запал. Первоначальный энтузиазм отразился на их программе¹³⁷, которая ратовала за проведение всеобщих выборов; чиншевики были отнесены к «массе сельского населения», которых следовало наделить землей за счет государства или самих помещиков при условии последующего возмещения затрат государством. Для проведения отчуждения (было использовано именно это слово) чиншевиков (их *expressis verbis** называли не бывшими чиншевиками, а «безземельным населением»), как и крестьян, призывали принимать наряду с помещиками более активное участие в работе смешанных комиссий. Такой, далекий от реальности, проект предусматривал маловероятное согласие всех помещиков.

* *Expressis verbis* (лат.) — дословно. (Прим. пер.)

После принятия указа от 11 декабря 1905 г. о выборах в Думу можно было ожидать, что менее бедная часть чиншевиков, которая согласилась платить аренду и стала арендаторами нового типа, объединится с шляхтой, непосредственно связанной с помещиком, т.н. официалистами (уполномоченными, управляющими, экономами), и воспользуется своим правом избирать и быть избранным. Согласно указу они при желании могли быть внесены в списки избирателей Первой Думы. Эта возможность была ликвидирована при выборах во Вторую Думу, но сам факт ее существования давал в течение нескольких месяцев основания для веры в иллюзию о временном возврате польской солидарности. К официалистам мы еще вернемся в последней главе книги, поскольку в отличие от чиншевиков они происходили из получившей подтверждение дворянства бедной или средней шляхты.

Листовка под названием «К новым избирателям»¹³⁸, распространявшаяся вместе с образцом заполнения избирательного списка, призвала вступать в объединение «Зжешене» т.н. сельскохозяйственных рабочих. По всей видимости, речь шла также об арендаторах, потому что к просьбе о внесении в списки следовало приложить «копию соглашения, гарантировавшего работу». В листовке говорилось, что «многочисленная армия арендаторов, которая в связи с исключительными условиями не может увеличить так нужной для развития края средней земельной собственности, должна воспользоваться предоставленными правами, а сельскохозяйственные рабочие, чье положение является действительно невыразимо тяжелым, должны в собственных интересах смело включиться в общественную жизнь... Привлечение этих новых сил к общему гражданскому труду является обязанностью людей, склонных принимать близко к сердцу интересы края».

Национал-демократы (эндэки), которые очень быстро начали принимать участие в работе отделений этого объединения, столкнулись с проблемой восстановления разорванных связей с этой группой. Порой они обращались к помещикам, симпатизировавшим социалистическим идеям, как, например, к Станиславу Стемповскому, к которому в запряженном четверкой лошадей кабриолете специально приехал Владислав Кожуховский (вспомним скандал в Колках в 1875 г.) с просьбой вести пропаганду среди мелкой шляхты. «Мы, старики, — заявил он, — не сможем этого сделать, мы вели себя слишком глупо по отношению к мелкой шляхте и официалистам. Кто же лучше вас может провести это дело...?»

Несмотря на неприязненное отношение к этому человеку, ставшему по воле случая демократом, Стемповский согласился на предложение, поскольку искренне верил в возможность исправить непоправимое: «...компенсацией за нудные и раздражавшие меня дискуссии с помещика-

ми была каждая встреча с миром официалистов и мелкими землевладельцами». Позднее он даже благодарил Кожуховского за то, что тот доверил ему «завоевать этот враждебный панам мир. Апатичные, обделенные в социальном плане официалисты и притесняемая и задавленная тяжбами мелкая шляхта тянулись ко мне с полным доверием и сразу же приняли мое руководство. Я взволнованно выслушивал заявления о желании присоединиться со стороны православных и обрусевших бедных шляхтичей... которые хотели голосовать вместе с поляками». Многие из них предлагали поехать по хуторам и селениям мелкопоместной шляхты, чтобы «разбудить от сна поляков»¹³⁹.

Такой несколько наивный, запоздалый энтузиазм соединялся с иллюзиями местных эндэков, которые в программном заявлении в январе 1906 г. неожиданно объявили, что на Украине насчитывается 750 тыс. поляков. Отбрасывая мысль о предоставлении этой необразованной массе права на всеобщие выборы, они выступили за первоочередное по сравнению с украинцами предоставление им земли. О бывших чиншевиках шла речь в 9-м пункте программы, посвященном крестьянам как главным клиентам Крестьянского банка, который следовало бы преобразовать в Банк земельного обеспечения. Естественно, данная партия и не думала о какой-либо возможности экспроприации земли у помещиков¹⁴⁰. Получив возможность завести собственную прессу, национал-демократы подчеркивали в ней роль, которую забытые польским дворянством массы могли сыграть на выборах. Очередное «Обращение к избирателям», напечатанное газетой «Dziennik Kijowski» 15 февраля 1906 г., призывало помещиков, интеллигенцию, католическое духовенство убеждать обнищавшую мелкую шляхту, официалистов, бывших чиншевиков, которые к этому времени стали арендаторами, записываться в списки избирателей: «Сегодня они составляют скрытую силу, силу, которая спит, ее нужно разбудить, использовать, чтобы, выполняя общественный долг, она стала активной, движущей силой общественной жизни... Эта прослойка избирателей, возможно, самая весомая в социальном плане, относится к выборам совершенно безразлично, а часто даже недоверчиво и враждебно. Нужно пробудить в них сознание, привлечь их к общему политическому и национальному польскому сотрудничеству»¹⁴¹.

В статьях газеты «Dziennik Kijowski» (6(19) и 7(20) июля в 1906 г.) очевидно проступает двусмысленность во взглядах на роль, которую национал-демократы отводили обнищавшим бывшим чиншевикам. Католическое духовенство, забыв о своем 40-летнем молчании, старалось убедить читателей газеты, что благодаря католической церкви эти люди «верят глубже и чувствуют тоньше», чем крестьяне; правда, в то же время в статье признавали, что бедность и необразованность не способствуют подго-

товке к участию в политической жизни. В газете ни разу не было четко сказано, для кого предназначались начальные школы, опекаемые организацией «Осьвята», в поддержку которых постоянно выступала и собирала средства та же газета. Скорее всего, приоритет отдавался все-таки детям официалистов, теснее связанным с помещиками, чем с обнищавшей бывшей шляхтой.

Этот печатный орган эндэков беспрестанно повторял, что национальная польская идея и солидарность всех классов значительно важнее земли, но что эти слова означали на практике? В той же газете (27 сентября (7 октября) и 10 (23) ноября 1906 г.) удалось лишь однажды встретиться с мнением не указавшего своего имени ксендза с волынского Полесья, который всерьез рассуждал о возможности экспроприации имений в интересах чиншевиков: «Если бы дошло до раздачи частных земель в пользу крестьян, не лучше ли, если польская земля перейдет в руки польского крестьянина?»

13 (26) октября 1906 г. «Уманский союз» заявил: «Мы забыли, что наследие отцов это не только земля, но и моральная культура и общие интересы польского общества. И что нам с того, что у нас будет земля, если мы заплатим за нее моральной гибелью и потянем за собой массы польского люда, лишенного земли?» Однако подобное возмущение носило исключительно риторический характер. И это было ясно редакторам польских изданий, которые разрывались между осознанием социальной апатии и мечтой о «польском народе». Эта апатия была настолько велика, что редакции были вынуждены печатать написанные ими же самими обращения. Так, 18 (31) октября 1906 г. Ян Колодзейчик, якобы «польский крестьянин», призывал собратьев писать в газету, чтобы таким образом заявить о своих национальных чувствах: «Мы, польские крестьяне, все как один пойдем за национальной колесницей, и не сомневаемся, что Господь Бог пошлет нам честных и прогрессивных поляков, которые возьмут вожжи, чтобы проложить этой колесницей путь вперед, возможно нас ждут трудности на этом пути, но мы устоим...»

После роспуска Первой Думы 8 июля 1906 г. новый порядок голосования уже не предусматривал участия в выборах ни мелкой землевладельческой шляхты, ни безземельной шляхты. Стремление к солидарности среди богатых польских помещиков угасло очень быстро и к 1907 г. сохранилось разве что среди либеральных интеллигентов, католического духовенства (которое, естественно, признавало поляками лишь католиков) и нескольких землевладельцев, увлекшихся национал-демократическими идеями.

В феврале 1907 г. единомышленники из объединения «Зжешене» вновь настаивали на необходимости активных действий по предоставле-

нию земли бывшим чиншевикам. Ксендз Токажевский из-под Ковеля произнес речь о нишете деклассированных шляхтичей и предложил своеобразный проект предоставления земли исключительно бывшим чиншевикам. Созданный для этого банк должен был бы получить средства благодаря солидарности поляков из австрийской Галиции. Этим собирался заняться Милевский, директор одного из львовских банков, который уже послал для изучения инвестиционных возможностей своего представителя Стечковского к местным крупным землевладельцам. Он был готов вложить 3—4 миллиона рублей, если те предложат столько же. Был создан даже комитет для сбора средств, куда вошли четыре помещика — Шенёвский, Юревич, А. Червинский и Т. Михаловский¹⁴².

Между тем уже тогда назрел новый конфликт между богатыми землевладельцами, считавшими, что только они имеют право голоса и что лишь их избирательные комитеты являются законным представительством поляков (только помещики Подольской губернии сумели избрать депутата — Винценты Лисовского, Киевская же и Волынская губернии не имели никакого представителя), и сторонниками объединения «Зжешене», которые продолжали, несмотря на новый закон, выступать за участие в выборах лиц, не имевших земельной собственности. Члены объединения «Зжешене» не были ни беднее, ни менее консервативны, чем остальные: проект легализации их движения, поданный губернатору, подписали граф Грохольский, Т. Михаловский, Х. Здановский, А. Червинский, Моргулец. Однако они просто осознавали, что восстановление польской солидарности может принести пользу их интересам в будущем. Вот почему ксендз Токажевский предложил на «собрании поляков» трех губерний в Киеве 19—22 февраля 1907 г. провести перепись католиков Украины. Ксендзы должны были поручить органистам заполнить анкеты во время выдачи прихожанам письменных подтверждений исповеди на Пасху. Общество «Осьвята», культурное отделение объединения «Зжешене» собирались напечатать формуляры, а депутат Лисовский, стремясь избежать раскола, создал комитет, поддерживающий связь между объединением и избирательными комитетами¹⁴³.

Однако все оказалось напрасным. 20 июля 1907 г. избирательный комитет Подольской губернии провозгласил себя единственным представителем всех поляков своей губернии и отказался ехать 5—6 августа в Киев, считая, что объединение «Зжешене» слишком много на себя берет¹⁴⁴.

Этот спор подтолкнул двух помещиков, Ю. Старорыпинского и Б. Залеского, опубликовать в Подольской губернии письмо с проектом введения всеобщего избирательного права (что не входило в планы властей). Каликст Дунин-Борковский, твердый сторонник аристократического представительства, навязанного властями, назвал авторов проекта «апо-

толами анархии» и предал обструкции. Секретарь Подольского избирательного комитета в связи с этим писал: «Определение “все поляки, которые проживают в уезде и желают принимать участие в общественном труде” применительно к данной ситуации является определением совершенно непонятым, в конечном счете никаким. Оно не дает абсолютно никакого критерия, который уберег бы нас от сведения к минимуму наших позиций неизвестными и неясными элементами. Элементы эти решали бы, диктовали бы, как себя нам вести на официальных выборах. Мы бы оказались в положении депутатов, которые будут класть шары [голосовать. — Д.Б.] согласно указаниям неизбранного и безответственного большинства. У нас нет оснований полагать, будто те, кто не отвечает цензовым критериям, принесут нам что-то лучшее, чем мы располагаем, просветят нас, откроют новые горизонты... Зачем вводить их на наши заседания, увеличивать замешательство, обострять партийную борьбу, рискуя сорвать собрания?»

Такие собрания, делал вывод К. Дунин-Борковский, «будут не чем иным, как прежними сеймиками... Поэтому пусть люди, на которых не лежит обязанность избирать депутатов, просто занимаются выполнением социальных задач в рамках благотворительных, сельскохозяйственных и культурных объединений и обществ, поддержим их в этом»¹⁴⁵.

Правда, эти споры, прекрасно отражающие представления о демократии среди помещиков, которые через 13 лет эмигрируют во вновь созданное Польское государство, к тому времени уже не играли существенной роли, потому что на выборах в Третью Думу (Вторая Дума была распущена 3 июня 1907 г.) политическое предпочтение отдавалось русским землевладельцам, не оставляя польским никаких шансов, какими бы законопослушными они ни были.

Последние политические и культурные попытки возрождения польской общественной жизни на юго-западе империи, предпринятые в 1907—1908 гг., не оказали какого-либо влияния на судьбу деклассированной шляхты. Деньги, собранные для объединения «Зжешене» и общества «Осьвята», остались неиспользованными вплоть до 4 сентября 1909 г., когда последняя организация была запрещена в период новой волны русификации.

Если попытки возобновить культурные связи в 1905—1908 гг. и оставили определенный след в сознании деклассированной шляхты, то в том, что касалось ее материального положения, никаких шагов к улучшению сделано не было. Так, 10 сентября 1905 г. киевский губернатор сообщал генерал-губернатору Н.В. Клейгельсу, что работа комиссий по земельному устройству Киевского и Радомышльского уездов отличается полной инертностью¹⁴⁶. Тот факт, что власти официально отложили этот вопрос в

долгий ящик, позволил многим землевладельцам даже во время революционных беспорядков 1905—1907 гг. продолжать выселять чиншевиков. В ситуации, когда весь край находился в состоянии революционного брожения, генерал-губернатор продолжал получать жалобы. К примеру, 15 апреля 1905 г. неграмотный чиншевик Антоний Петрашкевич и его 13 детей стали жертвами помещика Чубинского в селе Кирилловка под Бердичевом; 17 мая 1905 г. была подана жалоба на князя Гедройца, который хотел прогнать своих чиншевиков из села Раковичи Радомышльского уезда; 14 июля 1905 г. 75 получивших подтверждение чиншевиков из села Трибусовка Ольгопольского уезда обвинили своего помещика К. Раковина в том, что тот не выполнил официального решения и не вернул им целиком 461 десятину обрабатываемой ими ранее земли, пытаясь забрать 187 десятин; 1 сентября 1905 г. помещик Флориан Гижеский, который сдал в аренду имение в Краснополе под Житомиром Вашлаву Мазараки, хотел выселить чиншевиков из 30 домов¹⁴⁷.

4 ноября 1908 г. православная пресса доставила себе удовольствие, осудив мирового посредника, который приказал собраться всем чиншевикам (возможно, православным) села Молотков для проведения общего межевания, а сам не пришел¹⁴⁸. 5 апреля 1910 г. Земский отдел Министерства внутренних дел в очередной раз дал негативный ответ генерал-губернатору Ф.Ф. Трепову на его просьбу приравнять выкуп участков чиншевиками к выкупу земли крестьянами¹⁴⁹. Однако в течение всего этого времени считалось, что ревизия не прекращалась, так как комиссии продолжали существовать, средства для них продолжали поступать, а землемеры продолжали получать плату¹⁵⁰.

Впрочем, теперь права бывших чиншевиков признавались чаще. Например, 10 апреля 1912 г. Сенат вернул чиншевые владения, отобранные в 1869 г., шести лицам, которые временно проживали в Остроге. Даже жалоба русского помещика Н.Я. Муравьева, который 8 апреля 1912 г. сообщал, что 21 чиншевик выиграл процесс, лишив его 500 из 2500 десятин земли, не имела никаких последствий. Муравьев направил повторную жалобу генерал-губернатору на то, что власти не поддерживают русское землевладение и чиншевики теперь диктуют свои права. Однако в целом преобладали отказы, а в деятельности комиссий все чаще стали вновь практиковаться злоупотребления. Например, 16 июня 1912 г. Новицкий и Булава из Волынской комиссии обвинялись в сокрытии жалоб и в непредставлении их в Сенат, в фальсификации реестров и заявлений и т.п. К началу Первой мировой войны в этой губернии оставалась еще значительная часть непроверенных чиншевых владений¹⁵¹. 13 февраля 1913 г. волынский губернатор объявил о созыве 15 марта собрания в Житомире председателей комиссий для определения сроков проведения операций¹⁵²,

но Сенат не смог разобраться в делах, переполненных ошибками, допущенными при измерении и оценке земли, и отложил принятие решения на последующие заседания¹⁵³. Свообразное решение этого вопроса принесла Октябрьская революция.

ЗАБЫТАЯ ГОРОДСКАЯ ШЛЯХТА

Читатель, наверно, заметил, что исследование не охватывает все категории бывшей шляхты, а только те, которые жили в сельской местности. Менее многочисленная шляхта в городах и местечках никогда не была объектом таких притеснений, как сельская, хотя бы потому, что с 1831 г. она была причислена к категории граждан. Хотя, впрочем, проблемы, связанные с т.н. городской шляхтой, также оставались нерешенными вплоть до 1914 г.

На основании нескольких документов кратко проследим судьбы и эволюцию этой категории.

Начиная с января 1866 г. генерал-губернатор Безак принялся за ликвидацию архаичной структуры городов и местечек, находившихся в частном владении. Несмотря на отмену крепостного права, на их жителей продолжала распространяться система чиншевых владений.

Это наследие Речи Посполитой было крайне неудобным для властей, учитывая, что восемь уездных центров юго-западных губерний с российской администрацией принадлежали как раз к городам такого типа: Бердичев и Липовец в Киевской губернии, Староконстантинов, Острог, Заслав, Дубно, Ровно — в Волынской, Ямполь — в Подольской. Кроме того, еще 322 местечка (97 — в Киевской, 107 — в Подольской, 119 — в Волынской губерниях) находились в частном владении.

22 декабря 1867 г. император подписал указ о создании комиссии для решения вопроса о выкупе этих населенных пунктов государством. Примером для этого послужил выкуп города Звягеля у графини Зубовой еще до 1830 г. (переименован в Новоград-Волынский). 22 ноября 1869 г. комиссия, которая заседала в Киеве, подала Дондукову-Корсакову доклад. В нем предусматривалась принудительная, в интересах общества, экспроприация с возмещением, которое было бы равно 10-летнему доходу с чиншевых владений, и передача их в ведомство общего управления городами, реформа которого как раз планировалась в империи¹⁵⁴.

К техническим трудностям, связанным с осуществлением такой операции, включавшей в числе прочего оценку привилегий по винокуренному производству, ловле рыбы в озерах и реках, использованию дорог и т.п., добавился и человеческий фактор: что делать с еврейским на 4/5 и польским на 1/5 населением? Поскольку никто не видел возможности введе-

ния коренных преобразований в городах западных губерний — городская реформа, объявленная 16 июня 1870 г., эти губернии не затронула. В документе лишь говорилось о предполагаемых для этого региона специальных поправках.

Когда перед 1875 г. проблема чиншевиков начала причинять властям все большее неудобство, то наибольшие сложности возникали при проведении различия между городскими и сельскими польскими чиншевиками, которые почти не отличались образом жизни. Именно поэтому принятые министрами внутренних дел и финансов, по согласованию друг с другом, меры от 29 апреля 1875 г., а также планы Министерства внутренних дел от 5 августа 1876 г. успеха не имели.

Кроме того, как русские, так и польские владельцы этих городов Правобережной Украины не отстаивали свои городские чиншевые владения с такой же ожесточенностью, как сельские. В городах и местечках недвижимость бралась в аренду (эмфитевтические владения), в том числе заключались прямые соглашения с купцами и ремесленниками; все эти формы аренды не приносили такой же финансовой выгоды, как сельские чиншевые владения. В воспоминаниях путешественников того времени об украинских местечках говорится как о центрах нищеты. Поэтому редко бывало так, чтобы помещики ввязывались в слишком дорогие процессы, требуя исключительного права на такие владения. Напротив, они охотно соглашались на то, чтобы это нищее население продолжало жить на тех же условиях, что и за век до этого. Однако в крупных центрах выгода могла быть значительной. Этим можно объяснить громкие процессы 1883 г. двух сестер, представительниц высшей аристократии, из-за Бердичева: Марселина Чарторийская владела 1/6 города, Мария Тышкевич — 3/6, остальные земли находились в руках семьи промышленников Дженни. Они никак не могли прийти к согласию ни между собой, ни с населением, а речь шла без малого о 800 тыс. рублей.

Основные трудности в решении проблемы городских чиншевиков были связаны с еврейским вопросом, который в данном случае выступал на первый план по сравнению с польским. Следствием глубокого пренебрежения к евреям, которое испытывали русские и польские помещики, а также царская администрация, было то, что города и местечки практически с обоюдного согласия обрекались на запустение. Среди 36 жителей Липовца, купцов и мещан, подписавших жалобу в 1890 г., было всего несколько поляков. Жалобщики обвиняли помещиков Здзеховского, Рогозинского, Грохольского и их управляющих в том, что те препятствовали развитию и расширению их торговли, а также улучшению санитарных условий в городе. Используя стереотип польско-еврейского заговора, чтобы еще больше разжалобить царскую администрацию, просители писали: «...и помимо

таких лишений, наше население бесспорно, молчаливо несет бремя остатков польского владычества». В жалобе отмечалось, что всё, что они покупали или инвестировали, им не принадлежало. Вся близлежащая земля была продана или отдана в аренду, им нечем было кормить детей. Подобное положение в письме называлось «оккупацией», авторы жалобы просили присоединить их к казенным владениям во избежание «бесконечной эксплуатации»¹⁵⁵.

В то время как власти разрабатывали антиеврейские законы, а по всей империи поднималась волна погромов, польские помещики не делали ничего, чтобы облегчить судьбы чиншевой шляхты и смягчить этот процесс в местечках, входивших в состав их имений. Деклассированная шляхта, у которой не было другого выхода, как принять городской статус, была обречена прозябать наравне с еврейским населением. Прислушаемся к мнению вдовы из Подольской губернии Lucie de Regulska (Люция Регульска), которое она представила в письме к генерал-губернатору на французском языке под названием «О евреях в наших местечках в целом и у меня в частности». Она писала 8 октября 1890 г.:

Если дела пойдут так и дальше, то этот красивый Подольский край вскоре превратится в Иудею, они сумеют стать хозяевами, как уже завладели Вильной и Галицией. Это нашествие значительно более опасно, чем нашествие немцев и других инородцев, потому что им свойственны все пороки и они отличаются крайней живучестью — это пятый элемент [piąty żywioł]!.. Они распространяются быстрее, чем огонь, они проникают легче, чем воздух, они повсюду, и, более того, они умеют становиться необходимыми и полезными — вот настоящая опасность. Уже три года они отказываются платить аренду, какой бы минимальной она ни была, считая себя владельцами земли, на которой построены их дома, постепенно пытаюсь захватить ее с возмутительной дерзостью и упрямством...¹⁵⁶

Видя такую упорную ненависть, о которой еще пойдет речь в последней главе, генерал-губернатор Дрентельн 4 декабря 1887 г. попросил подать общие сведения о городских чиншевых владениях (Положение от 6 июня 1886 г. эту проблему не затронуло) и вместе с министрами финансов Н.Х. Бунге, а затем И.А. Вышнеградским рассмотрел возможность проведения ширококомасштабного выкупа¹⁵⁷. Однако общая инертность и отсутствие доброй воли парализовали эти планы.

11 декабря 1891 г. подольский губернатор представил А.П. Игнатьеву интересное донесение, показав, что из 336 274 жителей 102 городов и местечек его губернии половина — это чиншевики (17 642 двора) или съёмщики помещений (1206 дворов). По его мнению, ликвидация в данном

случае «следов литовско-польского влияния» не имела смысла. Подобную операцию было сложно реализовать еще и потому, что от 72 до 89% населения городов и местечек было еврейским. Следовательно, от 11 до 28% поляков могло существовать вместе с ними. Он приводил сведения о количестве жителей упомянутых населенных пунктов своей губернии¹⁵⁸:

менее 1 тыс. жителей	—	в 9 местечках;
от 1 до 2 тыс.	—	в 26;
от 2 до 3 тыс.	—	в 30;
от 3 до 4 тыс.	—	в 16;
от 4 до 5 тыс.	—	в 7;
от 5 до 6 тыс.	—	в 4;
от 6 до 7 тыс.	—	в 6;
свыше 10 тыс.	—	в 4
Всего	—	102

Первый полный учет чиншевиков, живших в городах, был представлен лишь в 1897 г. Ранее Игнатъев не ответил на министерские запросы от 28 сентября 1891 и 3 мая 1896 г.¹⁵⁹ Ситуация выглядела следующим образом:

Губерния	Кол-во городов и местечек	Чиншевые владения		Аренда по договору	
		жители	дворы	жители	дворы
Киевская	97	156 605	18 032	15 779	3610
Подольская	103	119 596	18 238	8851	1393
Волынская	110	109 204	21 056	13 366	1838
Всего	310	385 405	57 326	37 996	6841

«Городские жители» (по данным первой таблицы в отчете составлявшие 423 401 человек, а по данным нижеприводимой — 427 694) делились примерно на следующие сословные и религиозные категории:

	Чиншевики		Съемщики жилья	
	иудей	христиане	иудей	христиане
Мешане	322 082	63 324	28 328	9614
Купцы	3639	184	469	54
Всего	325 721	63 508	28 797	9668

Если принять во внимание, что большинство из 73 176 христиан были поляками, то, исключив определенное число немцев, русских и армян,

можно считать, что в конце XIX в. в городах и местечках проживало около 70 тыс. деклассированных шляхтичей.

Они были слишком тесно связаны с еврейским населением, чтобы государство согласилось предпринять по отношению к ним какие-то особые меры. Указ об обеспечении городских чиншевиков и ликвидации владельческих городов и местечек, изданный 17 июня 1897 г., касался лишь северо-западных губерний. На Правобережной Украине ничего не изменилось. Это вызвало удивление Николая II при чтении отчета генерал-губернатора М.И. Драгомирова за 1900 г. — на полях отчета сохранилась сделанная его рукой отметка «Почему?». По просьбе министра внутренних дел Д.С. Сипягина 7 июня Драгомиров объяснял, что в крайнем случае можно подумать об обязательном выкупе (с компенсацией от государства) 12 основных городов, остальные же могут оставаться в частных руках¹⁶⁰. Таким образом, ничего не изменилось.

Наш анализ не охватывает положения всех категорий бывшей шляхты во всех трех губерниях. Если к 70 тыс. городской деклассированной шляхты прибавить 270 тыс. сельских чиншевиков, то в сумме получим 340 тыс. Эта цифра соответствует установленной нами численности деклассированной в 1850-х гг. шляхты. По переписи 1926 г. в Советской Украине насчитывалось 496 тыс. поляков. Известно, что в той части Волыни, которая была присоединена к Польше, их проживало около 80 тысяч. Однако разница в 230 тыс. человек свидетельствует не только о естественном приросте. Среди не охваченной исследованием шляхты была и та ее часть, которую приписали к государственным крестьянам, а также та, которая жила в казенных городах, интеллигенция, о которой еще пойдет речь в последней главе, мелкие землевладельцы и т.п. Следует также учитывать и то, что перепись 1926 г. включала поляков, которые не принадлежали к шляхте, колонистов из бывшего Царства Польского и Галиции, прибывших на Правобережную Украину до Первой мировой войны, лиц, высланных на Кавказ или в Сибирь, которые позднее вернулись домой, и некоторую (определить долю трудно) часть жителей Мазовии.

По крайней мере, можно утверждать, что нам удалось извлечь из бездны забвения большую часть бывшей деклассированной шляхты. Ее история со времени присоединения к Российской империи превратилась в настоящую многоактную драму. Польские помещики после восстания 1863 г., в период, когда указ 1865 г. поставил под сомнение их земельное преимущество на Украине, обратили внимание на то, что отмена в 1840 г. Литовского статута создала удобную для них лазейку, воспользовавшись которой можно было отказаться от обременительной обязанности опеки и предоставления крова шляхетской бедноте согласно давней польской традиции. На протяжении полувека богатые помещики, которым подра-

жали и русские помещики, постепенно начинавшие преобладать в этих землях, безжалостно сгоняли с земли своих прежних «братьев». Несмотря на это, самые серьезные польские историки продолжают способствовать и в наши дни укреплению мифа о единстве и равенстве шляхетского сословия. Хенрик Самсонович и Януш Тазбир в работе 2001 г. пишут: «В случае сохранения независимой Польши не удалось бы, естественно, избежать серьезных внутренних конфликтов. Первым из них было бы столкновение центральной власти с шляхетской “голотой”, которую опрометчиво лишили политических прав в Конституции 3 мая. Другое дело, что далекоидущие планы наиболее радикальных представителей эпохи Просвещения не предполагали (в отличие от Франции того времени) ликвидации шляхетских привилегий, наоборот, речь шла о постепенном распространении их на все слои населения. “Голота” была бы лишена привилегий, таким образом, лишь временно»¹⁶¹.

Царское правительство, искавшее поддержки исключительно среди дворянского сословия, было не способно хоть как-то ущемить его права собственности. И если в 1863 г. власти смогли немного уменьшить площадь крупного землевладения в интересах крестьян, то в 1886 г. они боялись сделать это в интересах деклассированной шляхты. Принятое тогда Положение, как мы видели, давало всего лишь отсрочку. Если не принимать во внимание двусмысленное стремление к единению в 1905 г., можно сказать, что весь конец XIX века для упомянутой группы людей, кроме небольшого числа лиц, которые воспользовались Положением 1886 г., прошел под знаком полной деградации. На дне расставленной Бибиковым в 1840 г. «западни для шляхты» оказался ад. К сожалению, после полного надежд периода 1925—1935 гг. все вернулось на круги своя, приняв еще более жестокие формы. Одно известно наверняка: этот практически не исследованный аспект социальных и этнических взаимоотношений в «многонациональной» Российской империи с 1793 по 1914 г. являлся одним из наиболее несносных для властей.

¹ Основные работы о судьбах поляков после революции в бывших западных губерниях: *Iwanow M.* Polacy w Związku Radzieckim w latach 1921—1939. Wrocław, 1990; *Idem.* Pierwszy nagród ukarany. Polacy w Związku Radzieckim w latach 1921—1939. Warszawa, 1991; *Стронський Г.Й.* Злет і падіння: Польський національний район в Україні в 20—30-і роки. Тернопіль, 1992; *Kupczak J.M.* Polacy na Ukrainie w latach 1921—1939. Wrocław, 1994; *Polacy w Kazachstanie. Historia i współczesność* / Red. S. Ciesielski, A. Kuczyński. Wrocław, 1994; *Polacy na Ukrainie. Zbiór dokumentów. Cz. I: lata 1917—1939. T. I* / Red. S. Stępień. Przemyśl, 1998; *T. II* / Red. S. Stępień. Przemyśl, 1999.

² Подобным образом шляхетская солидарность сошла на нет и в других землях разделенной Речи Посполитой. См.: *Smoleński W.* Drobna szlachta w Królestwie

Polskim. Pisma historyczne. T. 1. Kraków 1901; *Chamerska H.* Drobna szlachta w Królestwie Polskim (1832—1864). Warszawa, 1974; Sprawozdanie z konferencji naukowej o drobnej szlachcie na Mazowszu i Podlasiu // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Warszawskiego. Filia w Białymstoku. Humanistyka. Prace Humanistyczne.* 1977. T. IV. Z. 19. Исследования о положении деклассированной шляхты в Галиции, где она была малочисленной (66 990 человек в 1824 г.), не хватает. Ср.: *Ślusarek K.* Szlachta w Galicji Wschodniej na przełomie XVIII i XIX wieku. Rozmieszczenie terytorialne i liczebność // *Studia Historyczne.* 1991. Z. 2 (133). В Литве и Белоруссии деклассирование не приняло таких ужасающих масштабов, как на Правобережной Украине. См.: *Zaszytów L.* Koniec przywilejów.

³ Селянський рух на Україні. 1826—1849 pp.: 36. док. і матеріалів / Упоряд. В.П. Баран, Г.В. Боряк, М.І. Бутич, В.С. Шандра та ін. Київ, 1985.

⁴ См.: Ч. 2, гл. 2 наст. кн.

⁵ *Tynna C.Z.* Polacy na Ukrainie // *Kultura* 1989. № 3. S. 106—110.

⁶ *Rychlikowa I.* Deklasacja drobnej szlachty. S. 145.

⁷ *Tarnawski A.* Szlachta zagrodowa w Polsce południowo-wschodniej. Materiały do bibliografii. Lwów, 1938.

⁸ *Dworakowski S.* Szlachta zagrodowa we wschodnich powiatach Wołynia i Polesia. Warszawa, 1939. В том же духе были и другие публикации, см.: *Horoszkiewicz J.* W poleskich zaściankach szlacheckich // *Ziemia* 1935. № 6—7; Memorandum w sprawie szlachty zagrodowej na Wschodzie Polski. Warszawa, 1938.

⁹ *Dworakowski S.* Szlachta zagrodowa (Komunikat Komitetu № 1). S. 116—118.

¹⁰ *Ibidem.* S. 12—33.

¹¹ *Ibidem.* S. 75. См. также работу, написанную в подобном же духе: *Horoszkiewicz R.* Szlachta zaściankowa na ziemiach wschodnich. Warszawa, 1936.

¹² *Iwanow M.* Polacy; *Idem.* Polonia w Związku Radzieckim okresu międzywojennego, kontrowersje wokół liczebności // *Dzieje Najnowsze.* 1987. № 4. S. 29—51. Генеральный консул Польши в Харькове писал 2 марта 1925 г., что на Украине, особенно на Правобережной, насчитывалось 450 тыс. поляков, 9/10 из которых были «крестьянами». См.: *Stan polskości na Ukrainie* // *Przegląd Wschodni.* T. 1. Z. 4. S. 847—851. Подобные данные представлены в: *Lizak W.* Rozstrzelana Polonia: Polacy w ZSRR, 1917—1939. Szczecin, 1990; *Kupczak J.M.* Polacy na Ukrainie.

¹³ *Kawecka K.* Problemy rozwoju oświaty i kultury Polonii radzieckiej w latach 1921—1929 ze szczególnym uwzględnieniem Ukrainy i Białorusi // *Kultura skupisk polonijnych.* Warszawa, 1981. S. 255—273

¹⁴ *Beauvois D.* Eux et les autres. P. 127—149.

¹⁵ *Gozdawa (pseud.).* Ruś przed i po powstaniu. S. 26—27.

¹⁶ *Ibidem.* S. 32, 38—39.

¹⁷ *Iwański A.* Pamiętniki. S. 228 (примечание 3).

¹⁸ *Talko-Hrynciewicz J.* Z przeżytych dni. S. 114, 150.

¹⁹ *Walewski W.* Wspomnienia. S. 17.

²⁰ *Moszyński E. i R.* Szkice. S. 224.

²¹ *Jukawski Z.* Ludność polska w Rosji 1863—1914. Wrocław, 1978. S. 81—82. Мы уже указывали на отсутствие дифференцированной трактовки категории крестьянства у Я. Бартошевича или В. Вакара в начале XX в., но это характерно и для со-

временных работ. См.: *Eberhardt P.* Przemiany narodowościowe na Ukrainie XX w. Warszawa, 1994. S. 15—36, 56—59.

²² *Mędrzecki W.* Województwo wołyńskie 1921—1939. Elementy przemian cywilizacyjnych, społecznych i politycznych. Wrocław, 1988. S. 116—117.

²³ *Życiorysy wiejskich działaczy Wołynia.* Warszawa, 1938. S. 38—39. Цит. по: *Mędrzecki W.* Województwo wołyńskie.

²⁴ См. конец гл. 2 части 2.

²⁵ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение.

²⁶ В других исследованиях советского периода ограничивались лишь упоминанием о данной проблеме, предпочитая обходить ее стороной. См., напр.: *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство. С. 38.

²⁷ *Rychlikowa I.* Deklasacja drobnej szlachty. S. 136, 139.

²⁸ *Улащик Н.Н.* Предпосылки. С. 80—88. На тему вольных людей см.: *Смирнов Н.* Вольные люди западных губерний и узаконения, относящиеся до их устройства. Ковно, 1885.

²⁹ *Корелин А.П.* Дворянство. С. 46.

³⁰ Из более позднего документа (без даты, приблизительно 1880 г.), которому можно доверять, неожиданно узнаем, что значительная группа людей (61 481) из юго-западных губерний рассчитывала доказать свое благородное происхождение в 1865 г. После ревизии прав на дворянство 36 812 лиц выбрали принадлежность к мешанству, а 21 613 были отнесены к однодворцам. Остальные (2056) согласились выехать в южные губернии, кое-кто записался в купцы. См.: ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 713. Спр. 410.

³¹ *Самбук С.М.* Политика царизма. С. 38—39. Более подробно об этой акции в Литве и Белоруссии см.: *Sikorska-Kulesza J.* Deklasacja drobnej szlachty. S. 93—102.

³² ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 814. Спр. 39.

³³ Указ Сената № 54340.

³⁴ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 304. Спр. 54 — Запрос волынского губернатора генерал-губернатору от 8 марта 1865 г., ответ от 22 мая 1865 г.

³⁵ *Ibidem.* Оп. 306. Спр. 311.

³⁶ *Ibidem.* Оп. 306. Спр. 105 — Письмо волынского губернатора от 23 августа 1867 г.

³⁷ *Ibidem.* Оп. 307. Спр. 521.

³⁸ *Ibidem.*

³⁹ *Rychlikowa I.* Deklasacja drobnej szlachty. S. 145.

⁴⁰ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 120, прим. 2.

⁴¹ *Зайцев В.М.* Социально-сословный состав. С. 198—199.

⁴² *Dokumenty Komitetu Centralnego Narodowego i Rządu Narodowego 1862—1864.* Wrocław, Warszawa, Kraków 1968. S. 547—549. Цит. по: *Kieniewicz S.* Daniel Beauvois o Kresach południowych // *Przegląd Historyczny.* 1986. Z. 4. S. 770.

⁴³ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 306. Спр. 311.

⁴⁴ См. гл. 1 части 2, а также предыдущую главу этой части.

⁴⁵ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 306. Спр. 311. Как уже отмечалось, указ от 25 июля 1864 г. распространялся лишь на вольных людей первого разряда. Вольным людям второго разряда возможность получения земли представилась только через 12 лет после принятия закона от 12 марта 1878 г. — с изданием касавшегося их указа от

1890 г. По мнению Н. Смирнова, эта группа, численностью около 100 тыс. человек, жила в основном в Литве. В юго-западных губерниях их насчитывалось всего 13 тысяч. При этом 75% из них жили в Волынской губернии. Процесс предоставления земли этой группе в 1890—1896 гг. отражают документы Киевского архива. См.: *Ibidem*. Оп. 690. Спр. 87, 168, 322; Оп. 693. Спр. 374.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1181. Оп. 1. Т. XV. Д. 60 (1867 г.).

⁴⁷ *Валуев П.А.* Дневник. Т. 2. С. 233; РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 10 — Отчет генерал-губернатора Безака за 1867—1868 гг.

⁴⁸ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 713. Спр. 410 — Анонимная записка без даты (около 1880 г.) о чиншевом владении в Юго-Западном крае. Ниже говорится о судьбе жителей села, согласившихся выехать в Крым.

⁴⁹ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 817. Спр. 276.

⁵⁰ *Ibidem*. Оп. 820. Спр. 371.

⁵¹ *Ibidem*. Оп. 820. Спр. 339.

⁵² Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский Край, снаряженной Императорским русским географическим обществом. Т. VII. Ч. II. Поляки Юго-Западного края. СПб., 1872. Данные о численности населения см. на С. 289; *Драгоманов М.П.* Евреи и поляки в Юго-Западном Крае // Политические сочинения. Т. 1. М., 1908. С. 217—267. К сожалению, А. Леруа-Больё повторяет приводимые Чубинским данные. См.: *Leroy-Beaulieu A.* L'empire des tsars et les Russes. Т. 1. Paris, 1882 (1-е издание). Глава 3. Более того, в совсем недавних как американских, так и других западных работах используются материалы Международного статистического конгресса, состоявшегося в 1872 г. в Петербурге, в качестве доказательства, что российская наука того времени все в большей степени признавала существование других народов в империи и не была склонна к манипулированию. См.: *Cadiot J.* Le laboratoire impérial. Russie—URSS 1860—1940. Paris, 2007. P. 30—31. Там же приводится обширная библиография по теме позитивной роли статистической науки.

⁵³ *Kraj*. 1882. № 1. S. 13. Правда, редакция представила эти данные в ироническом контексте.

⁵⁴ Ср. конец главы 1 этой части.

⁵⁵ Ср.: *Becker S.* Nobility. P. 42, а также конец главы 1 этой части.

⁵⁶ *Егиазарова Н.А.* Аграрный кризис конца XIX в. в России. М., 1959; *Хромов П.А.* Экономика России периода промышленного капитализма. М., 1963; *Hambourg G.M.* Land, Economy and Society in Tsarist Russia: Interest Politics of the Landed Gentry During the Agrarian Crisis of the Late Nineteenth Century. Ph. D. diss. Stanford, 1978; *Manning R.T.* The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government. Princeton, 1982.

⁵⁷ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 55. Спр. 446. Арк. 17—23 — Отчет волынского губернатора П.А. Грессера за 1875 г.; Спр. 447 — Отчет киевского губернатора П.И. Гессе за 1876 г.

⁵⁸ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 45—46.

⁵⁹ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 51. Спр. 225 — Рапорт генерал-губернатору Дондукову-Корсакову.

⁶⁰ *Ibidem*. — Рапорт Грессера Дондукову-Корсакову от 30 июля 1872 г.; письмо Х. Боровской к нему же от 25 ноября 1872 г.

- ⁶¹ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 235.
- ⁶² *Ibidem.*
- ⁶³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. 3-я экспедиция. 1873. Д. 291. Л. 6—7.
- ⁶⁴ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 55. Спр. 446.
- ⁶⁵ *Ibidem*; ГАРФ. Ф. 109. 3-я экспедиция. 1874. Д. 84. Л. 18—19.
- ⁶⁶ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 237.
- ⁶⁷ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 306. Спр. 105.
- ⁶⁸ *Ibidem.* Оп. 306. Спр. 105 — Письмо гофмейстера от 20 сентября 1875 г. и губернатора Грессера от 4 ноября 1875 г.
- ⁶⁹ *Ibidem.* Оп. 189. Спр. 86.
- ⁷⁰ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 237.
- ⁷¹ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспедиция. 1876. Д. 64. Л. 37—38.
- ⁷² ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 55. Спр. 446, 447.
- ⁷³ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспедиция. 1877. Д. 21. Л. 12; *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. Пойда цитирует полицейские отчеты из Житомирского областного архива.
- ⁷⁴ Киевлянин. № 25. 11.01.1877.
- ⁷⁵ *Ibidem.* № 52. 1877.
- ⁷⁶ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 316. Спр. 72 — Отчет волынского губернатора генерал-губернатору. 1 часть за 1877 г.
- ⁷⁷ *Ibidem.* Оп. 317. Спр. 72.
- ⁷⁸ *Ibidem.* Оп. 316. Спр. 72. Арк. 72—73 (1877 г.).
- ⁷⁹ *Ibidem.* Оп. 316. Спр. 72. Арк. 80—81.
- ⁸⁰ *Ibidem.* Оп. 713. Спр. 410. Арк. 42 и др. — Ведомость о числе чиншевиков, поселенных в селениях Юго-Западного края. Примерно такие же данные приводятся и в издании под редакцией И. Рудченко. См.: Записка о землевладении. Пойда приводит более чем в два раза большую численность чиншевиков в трех губерниях (464 343) и заявляет, что приводимые данные касаются лишь чиншевиков, которые поселились на этих землях до 1840 г. Пойда не знал документа, на котором основываются наши вычисления (он ссылается только на Рудченко). Однако наши источники полностью исключают его предположение. Он допустил ошибку из-за того, что опирался на документ, в котором данные о чиншевиках из местечек представлены вместе с данными о сельских чиншевиках, что в сумме дало 84 417 дворов, — однако больше половины из 46 352 мешанских дворов принадлежало евреям. См.: *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 42—43.
- ⁸¹ *Забелин А.* Военно-статистическое обозрение Волынской губернии. Ч. 1. Киев, 1887. С. 238. Площадь чиншевых владений в Волынской губернии распределялась по уездам следующим образом: Новоград-Волынский уезд — 32 тыс.; Житомирский — 28 тыс.; Овручский — 15 тыс.; Ровенский — 10 тыс.; Луцкий — 1 тыс.; Заславский — 7 тыс.; Острожский — 4 тыс.; Староконстантиновский — 3 тыс.; Дубновский — 2 тыс.; Владимирский — 2 тыс.; Ковельский — 500 десятин.
- ⁸² По материалам ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 316. Спр. 74. Ч. I. Арк. 250. Цит. по: *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 44.
- ⁸³ В отчете за 1878 г. киевский губернатор утверждал, что 60% чиншевиков осели в его губернии еще до 1840 г. См.: ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 532. Спр. 202.

⁸⁴ Пойда Д.П. Крестьянское движение. С. 243.

⁸⁵ Ibidem. С. 240—241. См. также отчет киевского губернатора за 1879 г. в: ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 533. Спр. 205.

⁸⁶ Ibidem. Оп. 713. Спр. 410 — Записка о чиншевом владении.

⁸⁷ Пойда Д.П. Крестьянское движение. С. 242.

⁸⁸ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 318. Спр. 33.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 109. 3-я экспедиция. 1879. Д. 760. Л. 60. В отчете волынского губернатора царю за 1879 г. вновь появляется мысль, что проблемы этого «коренного населения», которое живет рядом с крестьянами и состоит из хороших хозяев, можно решить, лишь предоставив ему долгосрочный кредит, чтобы эти люди могли выкупить занимаемые ими земельные наделы. См.: ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 533. Спр. 158.

⁹⁰ Ibidem. Оп. 829. Спр. 170.

⁹¹ Пойда Д.П. Крестьянское движение. С. 246. Автор, столкнувшись с несколькими примерами чиншевых волнений уже после этой даты, пришел к выводу, что эти случаи не носили специфического характера.

⁹² Ibidem. С. 298.

⁹³ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 614. Спр. 169.

⁹⁴ Ibidem. Ф. 493. Оп. 51. Спр. 48; Ф. 442. Оп. 614. Спр. 173.

⁹⁵ Ibidem. Ф. 442. Оп. 534. Спр. 281. Из отчета также следует, что в этой губернии преобладали чиншевики католического вероисповедания: 10 480 дворов католиков (65,35%) по сравнению с 4441 двором православных (27,66%), 710 дворов лютеран и баптистов (4,42%); возможно, имелось также несколько дворов штундистов и восемь дворов мусульман. Генерал-губернатору 7 октября 1881 г. представили замечания царя.

⁹⁶ Kraj. 1882. № 5. S. 7; № 8. S. 8; № 23. S. 14; 1883. № 46. S. 9—10.

⁹⁷ Ibidem. 1884. № 31. S. 17; 1885. № 49. S. 29. Реклама касалась работы В. Спасьича: *Spasowicz W. Źródła prawa czynszowego na zachodnich kresach cesarstwa, wedle zwierciadła Saksońskiego i jego komentatorów polskich*. St. Petersburg, 1885. За два года до этого в варшавском издании «Niwa» историк-геральдист К. Пулаский писал на эту же тему: *Pułaski K. Stosunki dzierżawne w południowo-zachodnich guberniach* // Niwa, 1883, № 199.

⁹⁸ *W przededniu likwidacji sprawy czynszowej* // Kraj. 1886. № 13. S. 5. Рекламное объявление о переводе брошюры «Historia i znaczenie władania czynszowego w kraju zachodnim» на русский язык (в редакции книгу можно было купить за два рубля). Ibidem. 1886. № 17. S. 17.

⁹⁹ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 616. Спр. 136.

¹⁰⁰ Ibidem. Оп. 616. Спр. 136 — Письмо Дрентельну и его ответ, 13 и 24 сентября 1886 г.

¹⁰¹ Ibidem. Оп. 616. Спр. 136 — Особое мнение. С. 45 (без даты) и черновик Дрентельна на 12 больших листах. Дрентельн просил выделения настолько больших средств, что министр уклонился от ответа, потребовав 12 октября проведения новой переписи чиншевиков и обрабатываемых ими земель.

¹⁰² Ibidem. Оп. 616. Спр. 136 — Бланки. С. 90, 109; инструкция для членов комиссий. С. 121; записки земских отделов. С. 81—83.

¹⁰³ Ibidem. Оп. 617. Спр. 42 — Переписка генерал-губернатора в связи с приведением в исполнение Положения от 9 июля 1886 г.

¹⁰⁴ Ibidem. Оп. 617. Спр. 42 — Отчеты волынского губернатора от 17, 28 января, 25 февраля 1887 г. Ответ Дрентельна от 16 марта 1887 г.

¹⁰⁵ Ibidem. Оп. 617. Спр. 42 — 31 марта 1887 г.

¹⁰⁶ Ibidem. Оп. 617. Спр. 42 — 21 августа 1887 г.

¹⁰⁷ Kraj. 1887. № 51. S. 13.

¹⁰⁸ Ibidem. 1888. № 12. S. 15.

¹⁰⁹ Об этом событии писал Леон Липковский. См.: *Lipkowski L. Moje wspomnienia* S. 149—150.

¹¹⁰ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 617. Спр. 42 — Письмо Винницкого уездного по крестьянским делам присутствия генерал-губернатору от 24 октября 1887 г.

¹¹¹ Ibidem. Оп. 616. Спр. 234 — Жалобы бывших однодворцев и отказ генерал-губернатора, 30 июля 1887 г.

¹¹² Ibidem. Оп. 617. Спр. 15 — Просьба об оказании помощи «шляхтичей и мешан» из Великого Леса, 2 января 1887 г.

¹¹³ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 288, 291; Kraj. 1887. № 49. S. 115.

¹¹⁴ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 237. В украинской литературе, особенно в произведениях А. Свидницкого или С. Нечуй-Левицкого, неоднократно описываются примеры подобного сближения.

¹¹⁵ *Stempowski S. Pamiętniki.* S. 53.

¹¹⁶ Kraj. 1888. № 40. S. 13; 1889. № 28. S. 12; 1890. № 3. S. 15; 1891. № 13. S. 16; № 48. S. 25.

¹¹⁷ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 618. Спр. 49 — Отчет подольского губернатора от 13 сентября 1888 г. (он обращает внимание на незначительное число рассмотренных дел и задает 22 вопроса о дальнейшей процедуре); Отчет волынского губернатора (С. 36—59); киевского губернатора от 2 января 1890 г. (С. 61); перепечатка в: Kraj. № 42. S. 17.

¹¹⁸ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 618. Спр. 49 — Письмо Министерства внутренних дел от 29 марта и министра внутренних дел Дурново от 23 июня 1890 г. генерал-губернатору А.П. Игнатьеву. Министерство внутренних дел издало общую работу, предназначенную для юристов. См.: *Безобразов С.В.* Сборник узаконений и правительственных распоряжений о поземельном устройстве сельских вечных чиншевиков в губерниях западных и белорусских. СПб., 1892.

¹¹⁹ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 618. Спр. 4 — Жалоба от 10 февраля 1888 г.

¹²⁰ Ibidem. Оп. 618. Спр. 4 — Жалоба с июня 1888 г.

¹²¹ Ibidem. Оп. 618. Спр. 4 — Жалобы за 1888 г., оставшиеся без ответа.

¹²² Ibidem. Оп. 618. Спр. 2 — Письмо М. Струтынского от 26 октября 1889 г., а также другие жалобы, оставленные без ответа.

¹²³ Все перечисленные случаи за 1893—1894 гг. представлены в: Ibidem. Оп. 692. Спр. 23; Оп. 693. Спр. 15. Однако подобные случаи повторялись ежегодно. См., например: Ibidem. Оп. 690. Спр. 137; Оп. 693. Спр. 134; Оп. 703. Спр. 37 и др.

¹²⁴ Ibidem. Оп. 692. Спр. 4 — Прошение бывших чиншевиков от 17 марта 1893 г. и объяснительная записка мировых посредников генерал-губернатору от 14 мая 1893 г.; Biblioteka Narodowa, Warszawa Rękopis 7985. S. 9—10, 47, 57.

¹²⁵ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 49; Kraj. 1892. № 8. S. 5.

¹²⁶ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 623. Спр. 364 — Годовой отчет А.П. Игнатъева царю, данные на 1 января 1892 г.

¹²⁷ Пойда приводит эти цифры на основании архивных материалов Хмельницкого областного архива. См.: *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 50. К сожалению, приводимая им также таблица о числе прошедших ревизию лиц содержит ошибки.

¹²⁸ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 846. Спр. 463 — А.П. Игнатъев — Николаю II, машинописный черновик.

¹²⁹ *Ibidem*. Оп. 851. Спр. 20 — Отчет М. И. Драгомирова и особый журнал Комитета.

¹³⁰ *Ibidem*. Оп. 702. Спр. 370.

¹³¹ Все представляемые далее факты взяты из одного дела: *Ibidem*. Оп. 700. Спр. 190. Д.П. Пойда также сообщает о подобных случаях в 1898 г., произошедших в имениях Грохольских в селе Стрижавка Винницкого уезда и А. Яворского в селе Ивановка Новоград-Волынского уезда; в 1899 г. в Борщевской Слободе Радомышльского уезда, в 1900 г. в Женишковецкой Слободке Летичевского уезда в имении русского помещика Пригоры. Каждый раз приходилось вызывать казаков. См.: *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 388—390, 393.

¹³² Волость как единица сословного крестьянского управления была распространена и на Юго-Западный край.

¹³³ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 703. Спр. 191.

¹³⁴ *Ibidem*. Оп. 704. Спр. 390.

¹³⁵ *Stempowski S.* Pamiętniki. S. 188—189, 209.

¹³⁶ *Zaszewi L.* Polskie szkółki ludowe na Ukrainie w latach 1905—1914 // *Rozprawy z dziejów oświaty*. Т. 33. 1990. S. 87—105. Этот вопрос будет рассмотрен в следующей главе.

¹³⁷ Biblioteka Jagiellońska, Kraków. Rękopis 7990 — Odezwa Polskiego Stronnictwa Konstytucyjno-demokratycznego Ukrainy, Wołynia i Podola 2 декабря 1905 г.

¹³⁸ *Ibidem* — Do nowych wyborców; разрешение киевского цензора от 7 января 1906 г.

¹³⁹ *Stempowski S.* Pamiętniki. S. 320—322.

¹⁴⁰ Odezwa Polskiego Stronnictwa Narodowego na Rusi. Kijów, 1906 (styczeń); Program Polskiego Stronnictwa Narodowego na Rusi. Kijów, 1906 (styczeń). S. 18; Biblioteka Jagiellońska, Kraków. Rękopis 7990. S. 182, 183—190.

¹⁴¹ *Ibidem* — Odezwa do wyborców. 15 lutego 1906 г. S. 33.

¹⁴² *Ibidem* — Протокол заседания Подольского избирательного комитета от 9 февраля 1907 г. С. 97.

¹⁴³ *Ibidem*. S. 102 i p. — Отчет о польском собрании в Киеве 19, 21, 22 февраля 1907 г., во время контрактной ярмарки. Газета «Dziennik Kijowski», переживавшая из-за поражения поляков на выборах во Вторую Думу, даже не вспомнила об этом проекте. Электорат потерял для нее какое-либо значение.

¹⁴⁴ *Ibidem* — Протокол заседания Подольского избирательного комитета от 20 июля 1907 г. (машинописный текст).

¹⁴⁵ *Ibidem*. С. 271, 272, 309 — Черновик письма без даты (примерно конец августа 1907 г.) Каликста Дунина-Борковского к Ксаверию Орловскому и его машинописный вариант.

- ¹⁴⁶ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 704. Спр. 390.
- ¹⁴⁷ Ibidem. Оп. 704. Спр. 40.
- ¹⁴⁸ Ibidem. Оп. 704. Спр. 390; Почаевские Известия.
- ¹⁴⁹ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 709. Спр. 193.
- ¹⁵⁰ Ibidem. Оп. 711. Спр. 43 — Финансовые счета за 1912 г.
- ¹⁵¹ Ibidem. Оп. 711. Спр. 150 — Дела с жалобами за 1912 г.
- ¹⁵² Ibidem. Оп. 712. Спр. 92.
- ¹⁵³ Ibidem. Оп. 711. Спр. 150.
- ¹⁵⁴ Ibidem. Оп. 713. Спр. 410 — Записка; Крај. 1890. № 38. S. 7.
- ¹⁵⁵ Ibidem. Оп. 616. Спр. 137.
- ¹⁵⁶ Ibidem. Оп. 616. Спр. 137.
- ¹⁵⁷ Ibidem. Оп. 616. Спр. 137 — Письмо министру финансов от 8 ноября 1889 г.,
ответ от 7 декабря 1889 г.
- ¹⁵⁸ Ibidem. Оп. 693. Спр. 335.
- ¹⁵⁹ Ibidem. Оп. 693. Спр. 335. Арк. 48 — Ведомость о владельческих городах и
местечках Юго-Западного края.
- ¹⁶⁰ Ibidem. Оп. 693. Спр. 335.
- ¹⁶¹ *Samsonowicz H., Tazbir J.* Tysiącletnie dzieje Polski. Wrocław, 2001. S. 239.

Глава 4 КАК УПРАВЛЯТЬ ДУШАМИ?

А. РЕЛИГИОЗНЫЕ АНТАГОНИЗМЫ

Культурное доминирование польских социально-экономических элит в Киевской, Подольской и Волынской губерниях с момента разделов Речи Посполитой до конца правления Александра I было в значительной степени связано с ролью католической церкви. Ее влияние не только выразилось в широкой сети сакральных объектов, восхищавших своим величием, но и в надзоре над рядом важных учебных заведений при монастырях для детей шляхты. Близкие связи этих заведений с Виленским университетом обеспечивали им прочную позицию, которая, впрочем, еще до Ноябрьского восстания уже была ограничена А.С. Шишковым, министром народного просвещения при Николае I, подготовившим почву для будущего напористого навязывания российской доктрины при его преемнике на этом посту С.С. Уварове.

20 из 70 средних учебных заведений обширного Виленского учебного округа находились до 1831 г. на Правобережной Украине. Большая часть учебных заведений, за несколькими исключениями, как, например, светский Кременецкий лицей, в котором было до 700 учеников, принадлежала римско-католическим (пиарам, доминиканцам, францисканцам, кармелитам, бенедиктинцам, латеранским каноникам, тринитариям) или греко-католическим (базилианам) монашеским орденам. Каждый город, в котором была такая школа (Домбровица, Овруч, Владимир, Олыка, Клевань, Луцк, Межиречье, Житомир, Любарь, Бердичев, Киев, Канев, Теофиполь, Меджибож, Винница, Бар, Немиров, Умань, Каменец), был центром польского католицизма.

Польская система образования никак не была связана с православными учебными заведениями, сеть которых была достаточно слабой. Кроме единственного мощного образовательного центра — Киевской духовной академии, было всего несколько небольших народных приходских школ, находившихся под управлением Святейшего синода в Петербурге. В 1818 г. учебные заведения Киевской губернии были переданы из Виленского учебного округа Харьковскому. В 1828 г. униатские семинаристы были

переведены из Виленской духовной семинарии сперва в Полоцк, а затем в Петербург¹.

Как уже отмечалось, поражение Ноябрьского восстания создало условия для широкомасштабного наступления православия, основы российской культуры, на католичество как основу польского общества, господствовавшего в западных губерниях Российской империи.

Впрочем, на Правобережной Украине у католической церкви были более слабые позиции по сравнению с северо-западными губерниями. Ограничение влияния началось с русификации школьного образования: запрета на обучение на польском языке в светских и монашеских учебных заведениях, а также закрытия ряда монастырей. В 1839 г. была ликвидирована униатская (греко-католическая) церковь во всей Российской империи, униатские монастыри были преобразованы в православные. Кроме того, был нанесен удар по организационной структуре римско-католической церкви. В 1840 г. царские власти, не обращая внимания на Ватикан, объединили Луцкую и Житомирскую епархии, тем самым оставив на Правобережной Украине только две епархии (второй была Каменецкая). Все эти ограничения сопровождались бесконечными распоряжениями местных властей и полиции, направленными на максимальное ослабление польского социально-культурного доминирования на Украине².

Положение католической церкви на Украине стало еще тяжелее после Январского восстания. Выше уже говорилось о том, каким образом российской власти пытались (впрочем, достаточно неумело) с 1864 по 1895 г. элиминировать или хотя бы ограничить количество польских помещиков на Украине, заменяя их русскими, а также о том, какие последствия имела борьба за землю с социально-экономической точки зрения. Уже затрагивались и отдельные аспекты религиозной борьбы. Данная глава посвящена основным ее этапам и наиболее заметным событиям в ее истории. Именно в этот период в связи с развитием национальных движений религиозный фактор приобрел ключевое значение³.

Ограничение власти высшего католического духовенства на Украине

Многочисленные исследования, посвященные сложным и тяжелым отношениям Петербурга и Ватикана, указывают на то, что после 1864 г. не произошло смягчения ограничительной и репрессивной политики властей в отношении католической церкви, начатой после Польского восстания 1830—1831 гг.⁴ Вплоть до 1917 г. католицизм оставался для царских властей символом враждебного «полонизма». Продолжению политики деполонизации (располячивания) западных губерний, входивших ранее в состав

Речи Посполитой, представляемых в российской пропаганде и историографии как «исконно русские земли», способствовало безразличное отношение к польскому вопросу со стороны западных держав. Австрийско-российская и немецко-российская границы были своего рода железным занавесом, за которым царские власти, исходя из неписаных законов, могли творить что им заблагорассудится⁵.

Основным инициатором антикатолических мер, охвативших весь Западный край, был, как известно, виленский генерал-губернатор Михаил Муравьев. Однако ему не удалось внедрить всего, что он предлагал Петербургу⁶; впрочем, ближайшее окружение царя, особенно в лице министра внутренних дел Петра Валуева, планировало объединить политические и религиозные репрессии. Валуев записал в своем дневнике 25 апреля 1865 г., что папа Пий IX считал, что российский царь угнетал католиков, и даже выразил поддержку польским «бунтовщикам» в обращении к католическим епископам 30 июля 1864 г. Незадолго до этого, а именно 5 мая, Валуев вместе с Горчаковым, Милютиным и Платоновым обсуждали с Александром II планы по закрытию католических монастырей в западных губерниях. Разрыв отношений со Святым престолом произошел после аудиенции у папы 15 декабря 1865 г. старшего секретаря русской миссии в Ватикане барона Ф.К. Мейендорфа, упрекнувшего Пия IX в поддержке, которую оказали католики Январскому восстанию 1863—1864 гг. Через год, 27 ноября 1866 г., Александр II аннулировал конкордат 1847 г. В состав созданного особого Комитета по католическим делам вошли наместник Царства Польского (Ф.Ф. Берг) и генерал-губернаторы Северо-Западного края (Э.Т. Баранов) и Юго-Западного (А.П. Безак). При их участии было решено, что контакты со Святейшим престолом будут осуществляться через посольства третьих стран, а вся переписка с Ватиканом станет подцензурной⁷.

Высшее православное духовенство поспешило принять участие в разразившейся войне. Подольский епископ Леонтий, активный русификатор, предложил царю ликвидировать Каменецкое католическое епископство (в Каменец-Подольском). Соответствующий указ о его упразднении был подписан царем 17 июня 1866 г.⁸ Таким образом, на Правобережной Украине осталось лишь Луцко-Житомирское католическое епископство во главе с епископом Каспером Боровским. В Киевской и Подольской губерниях теперь была только православная церковь. Епископа Фиалковского из Каменца, где он еще незадолго до этого старался снискать расположение царя, сперва отправили в Киев, а затем в Симферополь. Его робкие попытки опротестовать решение в обращениях к Безаку, великому князю наследнику Александру, Валуеву не принесли результатов. В ответ министр внутренних дел 2 октября 1866 г. сообщал в сухом тоне: «Вы должны помнить об

указе, упразднившем Вашу епархию. Генерал-губернатор действует в соответствии с ним. Вам необходимо обратиться в Киев»⁹. Одним росчерком пера 200 тыс. католиков примерно в 100 приходах были лишены существовавшей на этих землях с XIV в. духовной власти. Однако в Ватикане не забыли о ликвидации Каменецкого епископства, свидетельством чему назначение в сентябре 1918 г. на должность каменецкого епископа Петра Маньковского. Ему, правда, не суждено было остаться там надолго.

Единственный сохранившийся на Правобережной Украине католический епископ Боровский сперва преследовался властями, а затем и вовсе был выслан из своей епархии. Ему в вину ставилось использование польского языка в «дополнительной», сверх латинской мессы, части богослужения (пение, некоторые молитвы) и проповедях. Виленским властям удалось найти польских католических священников (примерно 15 из 600 католических священников девяти западных губерний), согласившихся заменить в этой части мессы польский язык русским. В связи с этим к министру внутренних дел А.Е. Тимашеву обратились с предложением потребовать от всего католического духовенства подчиниться этому требованию. Среди католических прихожан западных губерний преобладало польское население, белорусские и немногие украинские верующие привыкли слушать проповедь и молиться на польском языке. Российские власти в борьбе с польским влиянием согласились в порядке исключения ввести в эту часть мессы использование языка коренного населения, т.е., по тогдашней терминологии властей, местных «наречий русского языка» — белорусского или украинского¹⁰.

25 декабря 1869 г. император утвердил положение о введении русского языка в дополнительных частях богослужений иноверческих церквей. В положении говорилось даже об использовании «наречий» русского языка. Некоторые польские ксендзы, согласившиеся использовать русский язык, были из окружения Петра Жилинского, администратора Виленской епархии. Их противники добились от Ватикана их отлучения от католической церкви под лозунгом «католик = поляк». На Украине не нашлось никого из католических священников, кто бы выполнил данное положение. Епископ Боровский пытался вмешаться, ссылаясь на традицию (поляки естественно считали украинский язык разновидностью польского), обращаясь за помощью к графу Шувалову, чтобы тот склонил правительство к смягчению своей политики, но в результате в августе 1870 г. Боровский был выслан в Пермь. П.А. Капнист, российский дипломатический агент при Римской курии, в неофициальном письме в Ватикан писал в оправдание этих мер, что «сложно было бы понять, почему достаточно многочисленная часть населения, которой является польское население, должна была бы навязать свой язык всем своим единоверцам, монополи-

зировать в свою пользу католическую веру и таким образом ополячить низшие слои в политических целях»¹¹.

Несмотря на полицейский надзор за высказываниями католического духовенства во время мессы, положение 1869 г. не соблюдалось. Тем не менее епископу Боровскому, которому было разрешено покинуть место ссылки только в начале правления Александра III, уже не довелось возглавить прежнюю епархию, — в 1883 г. он был назначен Плоцким епископом в Привислинском крае. Использование русского языка в дополнительных частях богослужения в католических церквях западных губерний так и не было применено даже после подписания 31 октября 1880 г. папой Львом XIII соглашения с Российской империей, предваряющего заключение нового конкордата. Присутствие на коронации Александра III в 1883 г. особого представителя Ватикана не могло тем не менее повлиять на смягчение позиции царизма по отношению к связи польского языка с католическим богослужением в западных губерниях.

Религиозные конфликты на Украине не только не способствовали сосуществованию, но вели к усилению конфронтации. Лишь не имевший последователей прогрессивный представитель украинской культуры М.П. Драгоманов (вынужденный в 1876 г. эмигрировать) выступал в поддержку редкой для того времени концепции вселенской церкви. Он предал острой критике примитивный и однобокий, по его мнению, отчет этнографической экспедиции в Юго-Западный край, в котором его земляк П.П. Чубинский по поручению Русского географического общества всячески пытался приуменьшить численность и роль поляков на Украине. Для Драгоманова же были важны примеры религиозного сосуществования, такие как смешанные братства, в которых католики вместе с православными ходили в один костел или церковь, вместе праздновали некоторые праздники, принимали участие в одних и тех же паломничествах, отправляясь к одним и тем же чудотворным иконам в Бердичеве, Брацлаве, Летичеве, Любари, Тарноруде. Подобные примеры, по его мнению, были призваны служить лучшему взаимопониманию и свидетельствовать о тщетности русификации. Католическая религия должна была лишиться польско-шляхетского характера, но не сразу и не под давлением, а в рамках новых сообществ. Драгоманов писал, что «проявления эти должны играть роль зародышей лучшего порядка в будущем»¹².

Затирание признаков католицизма

В своем отчете от 21 января 1872 г. киевский генерал-губернатор А.М. Дондуков-Корсаков перечислял 27 распоряжений и запретов, призванных к этому времени стереть признаки польского присутствия на Пра-

вобережной Украине. Десять из них касались католических церковных обрядов. Было запрещено¹³:

- установление крестов на улицах и площадях;
- организация духовенством процессий за оградой католического храма;
- освещение костелов и исполнение религиозной музыки вне их стен;
- участие в процессиях с крестами за пределами католических храмов;
- отправление богослужения в помещичьих усадьбах;
- отъезд католических священников из прихода без разрешения;
- привлечение православных на работы в костеле и у ксендза;
- обучение крестьянских детей, даже польских, и использование польских книг,
- воспитательная деятельность;
- ведение приходских книг не на русском языке.

Впрочем, эти нововведения не представляли ничего особенного по сравнению с предписаниями 1865 г., направленными на ликвидацию католических церквей или преобразование их в православные с целью укрепления и без того значительного превосходства православной церкви.

Уже в 1858 г. в юрисдикцию Министерства внутренних дел, в составе которого находился Департамент духовных дел иностранных исповеданий, был включен надзор за усиленным строительством православных храмов в западных губерниях. Муравьев, обнаруживший, что исполнением данного распоряжения подведомственные органы пренебрегли, создал в 1865 г. «церковно-строительное присутствие», деятельности которого уделял особое внимание сменивший Муравьева на генерал-губернаторском посту К.П. фон Кауфман. В Киеве Безак также стремился следовать их примеру. Валуев считал необходимым эти присутствия подчинить напрямую Святейшему синоду, однако Александр II пожелал оставить их в ведении министерства и сохранить над ними контроль со стороны генерал-губернаторов¹⁴. Была организована даже общегосударственная подписка в фонд церковного строительства. В январе 1868 г., за месяц до своей отставки с должности министра внутренних дел, Валуев сообщал в отчете о своей деятельности, что в девяти некогда польских губерниях было закрыто 34 монастыря, 128 католических храмов (из которых 40 было передано православным), а также 67 часовен (17 перешли к православным)¹⁵.

На основании многочисленных отчетов канцелярий сменявших друг друга генерал-губернаторов можно составить представление о судьбе католических храмов и монастырей на Правобережной Украине, многие из которых представляли культурную и историческую ценность. Благодаря своему расположению, как правило, в городах и местечках эти постройки,

перехода в руки властей, способствовали более быстрому обрусению близлежащих окрестностей.

К концу 1866 г. Безак подготовил смету расходов по работам, которые необходимо было провести в его трех губерниях¹⁶. Наибольший объем работ намечался в Волынской губернии, на которую ему было разрешено использовать 30 тыс. рублей, взятых из средств 10%-го налога от дохода польских землевладельцев. 18 тыс. рублей ушло на создание различных учреждений и пожарной охраны в бывшем доминиканском монастыре во Владимире-Волынском, 2 тыс. — на подобные же цели в бывшей резиденции заславских миссионеров, 8 тыс. — на ремонт крыши в бывших монастырях тринитариев и доминиканцев в Луцке, где предполагалось разместить суд и тюрьму.

В обширной служебной переписке рассматривались вопросы освоения бывших монастырских помещений, конфискованных 1831 г. Часть из них, например бывший бернардинский монастырь в Чуднове, доминиканский в Любари, францисканские монастыри в Корце и Межиречье, бывший кармелитский в Староконстантинове, продолжали пустовать. В Подольской губернии в бывшем кармелитском костеле в Каменце власти разместили губернский архив; доставшееся от доминиканцев здание они приспособили под суд, а на костеле Св. Антония в Гродке, монастырях сестер милосердия и доминиканцев в Ямполье появились православные купола. В Киевской губернии в бывшем монастыре капуцинов в Брусилове был размещен военный госпиталь, а в кармелитском монастыре в Бердичеве — канцелярия. Рассматривался проект реконструкции бывшей униатской церкви в Радомышле, переданной государству в 1839 г., предполагавший сооружение православных куполов.

Это всего лишь несколько примеров ширококомасштабных антипольских мер, которые никоим образом не вели к улучшению положения украинского крестьянства. Даже если в конфискации монастырских земель какой-нибудь чиновник видел возможность наделения крестьян землей, великорусский колониальный дух брал в нем верх и он забирал эти земли в казну¹⁷. Православные священники активно способствовали русификации этих земель. В 1872 г. с целью поощрения их в этом деле каждому дали землю площадью в 33 десятины, которую, как правило, обрабатывали крестьяне¹⁸. Обученное на скорую руку православное духовенство, таким образом, заняло ряд приходов, население которых (частично православное) уже давно привыкло к соседству с католиками. В Киевском архиве сохранились свидетельства о происходивших переменах. Десятки приходов, в которых преобладала деклассированная шляхта, в результате проводившихся мер потеряли свою связь с польской культурой¹⁹. Горы бумаг содер-

жат перечень католических костелов, переданных православной церкви: Ляховце — 22 октября 1868 г., Левково под Житомиром — 14 ноября 1869 г., Скурча — 3 января 1870 г., Опалин под Владимиром — 3 июня 1870 г., Гулевиче около Луцка — 26 марта 1876 г. Иногда передача церковной собственности могла тянуться на целые годы: Старые Олексинцы под Кременцом были конфискованы у католиков 22 июля 1868 г., инспектор появился лишь в 1875 г., а план по преобразованию костела в церковь был подготовлен только в 1884 г.²⁰ Как видим, «очистка» территории от католического элемента могла производиться небыстро, но тем не менее велась систематически.

Последняя волна конфискации костелов пришлось на Волынскую губернию. 11 октября 1886 г. был конфискован монастырь капуцинов в Староконстантинове. За полвека до этого орден капуцинов располагал в этом регионе 11 монастырями со 150 монахами. Теперь же остался лишь монастырь в Виннице с 15 монахами. В 1891 г. в монастырских помещениях в Староконстантинове были размещены суд и тюрьма, а также канцелярия предводителя дворянства. Лишь костел, ставший приходским, сохранил свое первоначальное предназначение²¹. В том же 1891 г. монастырь кармелитов в Дубне отошел к казне. Это вызвало особую радость националистического «Нового времени», писавшего об этом событии как о «победе», так как монастырь был изначально православным и в XVI в. был преобразован в католический. В данном случае мнимое «возвращение» русских на земли, где до 1793 г. никогда их не было, казалось благодаря православию оправданной мерой. Как всегда в правительственной пропаганде, то, что когда-то было русским, становилось «русским». Еженедельнику «Крај» хорошо был известен этот испытанный трюк. Он перепечатал статью «Нового времени» без комментариев, предлагая читателю самому решать, в чем состояли «исторические права» царских властей²².

Несмотря на ограничения, репрессии и разного рода трудности, наличное имущество католической церкви в трех юго-западных губерниях (в том, что касалось числа церквей) в начале правления Александра III стабилизировалось. С быстрым приростом населения возрастало также и количество прихожан.

Ограничение численности приходского католического духовенства

В конце 1883 г. «Крај» опубликовал статистические данные о положении католической церкви на Правобережной Украине. Редакция еженедельника отмечала, что, возможно, эти данные занижены. Однако новая перепись 1886 г. не внесла существенных изменений, поэтому приводимые

данные о количестве римско-католических храмов и прихожан Правобережной Украины на 1883 г. можно считать достоверными.

Деканат*	Кол-во католических приходских церквей	Кол-во католических не приходских церквей и часовен	Кол-во прихожан
Киевская губерния (52 прихода)			
Киевский	9	33	17 826
Бердичевский	12	21	24 494
Радомышльский	9	14	11 207
Сквирский	10	26	12 170
Уманский	7	28	8576
Звинигородский	6	15	15 273
Волынская губерния (100 приходов)			
Житомирский	11	30	25 578
Луцкий	11	36	13 250
Дубенский	9	22	9005
Владимирский	13	28	13 498
Ковельский	10	25	12 203
Ровенский	14	54	26 762
Острожский	5	13	14 948
Заславский	10	21	24 142
Староконстантиновский	6	25	21 599
Кременецкий	12	30	16 522
Овручский	6	41	13 570
Подольская губерния (97 приходов)			
Каменецкий	14	10	32 318
Проскуровский	12	11	44 079
Латычевский	6	5	14 421
Литинский	8	12	15 329
Винницкий	8	15	17 704
Гайсинско-Брацлавский	9	11	13 528
Балтский	9	11	19 090
Ямпольский	7	8	21 579
Могилевский	9	12	16 235
Ушицкий	15	8	30 163

* Территориальная единица церковного управления, состоящая из нескольких приходов (парафий); аналог православного благочиния. (Прим. ред.)

В статье уже упоминавшегося в предыдущей главе врача из Звенигородки (Киевской губернии) Талько-Хрынцевича, представившего эти данные, говорилось, что католический клир насчитывал 380 человек. При этом 90 были монахами, из них 20 помогали в работе с прихожанами католическим священникам, из которых 13 были инвалидами²³.

В среднем на один католический приход приходилось 2 069 прихожан, при этом территория приходов была очень большой. Церковные обряды проходили нерегулярно, особенно в Волынской и Подольской губерниях, где, как известно, значительная часть католиков состояла из деклассированной и обнищавшей шляхты. Католических священников не очень интересовала эта близкая к крестьянству группа, они старались в первую очередь поддерживать связь с помещиками. Именно этим, по всей видимости, можно объяснить постепенный переход в православие и украинизацию значительной части этой группы. Большая часть католического духовенства постепенно старела, в то время как российские власти препятствовали рукоположению новых священников. В период с 1876 по 1881 г. была закрыта, как нам предстоит еще увидеть, последняя семинария в Житомире. Согласно Талько-Хрынцевичу, на Правобережной Украине не было слышно о примерах сотрудничества католического духовенства с царскими властями, что было характерно для Северо-Западного края. В то же время отсутствие постоянного контроля со стороны епископов приводило к тому, что «в массе своей наше духовенство переживает моральное падение, находится на крайне низком уровне умственного развития и, в эгоизме и лени предаваясь плотским радостям и утехам, ведет праздный образ жизни...».

Католическое духовенство Украины отличалось от ксендзов в Белоруссии и Литве, где большая часть прихожан была крестьянского происхождения, тем, что могло жить относительно богато, почти как помещики. Костелы и часовни, постепенно разрушаясь, приходили в упадок, однако традиционные пожертвования на содержание костелов, как в былые времена, со стороны землевладельцев уже не поступали. Находившиеся в наибольшей опасности здания удавалось спасти благодаря добровольной и зачастую полуполюгальной помощи. Талько-Хрынцевич описывает в воспоминаниях, как ему удалось отреставрировать костел в Звенигородке в период недолгой либерализации царской политики в начале правления Александра III. Он тайно собирал с этой целью деньги, а также продавал в Галиции написанную им самим брошюрку об истории этого костела²⁴.

Со временем число часовен резко сократилось, что частично можно объяснить ослаблением традиционной набожности прихожан, в особенности среди деклассированной шляхты. Согласно данным церковной статистики, в 1909 г. насчитывалось 311 часовен, в то время как еще в 1883 г. их

было 565. Число костелов сократилось в меньшей степени: их было 247 по сравнению с 257 в 1883 г. В то же время, согласно папскому ежегоднику «Annuario Pontificio», число прихожан-католиков постоянно росло. В трех канонически установленных (и по-прежнему признаваемых Ватиканом, несмотря на произведенные Петербургом закрытия) епархиях в 1912 г. численность католического населения была следующей²⁵:

Луцкая	268 251
Житомирская	221 078
Каменецкая	331 318
Всего	<u>820 647</u>

Нельзя утверждать, как это делали некоторые исследователи в начале XX в. (Я. Бартошевич, В. Вакар), что численность католического населения соответствовала численности польского. Необходимо также подчеркнуть, что отмеченный естественный прирост населения не имел ничего общего с переселением в Волынскую губернию в последние десятилетия XIX в. около 200 тыс. немецких колонистов. Если среди немцев и были католики, то у них была своя собственная епархиальная администрация. В то же время необходимо помнить, что и среди украинского населения были католики. Среди 514 766 католиков в 1883 г. доля украинцев составляла около 100 тысяч, а накануне Первой мировой войны их стало уже 200 тыс. благодаря быстрому демографическому росту и переходу из православия в католичество бывших (до 1875 г.) униатов и их детей на Холмшине²⁶.

С другой стороны, нельзя сказать, что менее выраженное религиозное сознание чиншевой шляхты, которая в 1925 г. легко приняла советизацию, можно объяснить разрывом сословной солидарности с помещиками, о чем уже не раз говорилось в предыдущих главах. Несомненно, давление со стороны российских властей приносило все большие результаты. После Январского восстания лобовая атака на «латинско-польскую интригу» дала о себе знать во всех областях, о чем уже шла речь в первой главе этой части. Враждебное отношение к католическому населению на Украине усилилось в 1876 г., с началом в России популярной антитурецкой кампании в поддержку православного населения Балканского полуострова. Волынский губернатор в письме в Петербург указывал на равнодушие католиков, отсутствие у них солидарности с русскими и интереса к «славянскому делу». Поляки, по его мнению, надеялись на начало вооруженного конфликта между Россией и Австро-Венгрией, а ксендзы отказывались собирать пожертвования для «братьев южных славян», как это делали православные священники в своих приходах. Свою позицию они обосновывали тем, что

не следует поддерживать бунтовщиков, так как еще не так давно их самих наказывали за бунт (имелось в виду восстание 1863—1864 гг.). В этой ситуации по католическому духовенству был нанесен новый удар.

30 октября 1876 г. генерал-губернатор Дондуков-Корсаков решил, что через шесть лет после удаления с Украины последнего католического епископа наступило время закрыть здесь и последнюю духовную семинарию в Житомире. В качестве предлога послужил донос пророссийски настроенного ксендза Кожуховского на главу семинарии, который отказывался ввести преподавание русской истории и литературы, как того требовала новая программа. Доносчику было положено жалованье в тысячу рублей и должность приходского ксендза в Киеве, в то время как его начальника ждала дорога в Симбирск, где он оставался до восстановления работы семинарии в 1881 г. Сообщая об этом министру внутренних дел, волынский губернатор добавлял, что 22 из 24 житомирских семинаристов продолжили обучение в Вильне и что польское население следует и в дальнейшем держать под строгим контролем. Он писал, что в школах, уже полностью обрусевших, польская молодежь продолжала вести неблагонадежные разговоры. К примеру, полиция донесла губернатору, что пятнадцатилетняя Марьяна Мадейская говорила в школе, что русские — это варвары, угнетающие поляков больше, чем турки славян, но настал конец их репрессиям, пусть ищут, все равно ничего не найдут, потому что поляки их хитрее...²⁷

После пяти лет со времени закрытия духовная семинария с трудом смогла восстановить свою работу. В 1883 г. в ней было всего 16 семинаристов, двоих из которых послали продолжать обучение в Петербурге. В следующем году еженедельник «Крај» высказывал мнение, что и 22 семинаристов было недостаточно. Впрочем, и тридцати трех семинаристов, которые учились в семинарии в 1886 г., не хватало для заполнения вакансий — не все из них оканчивали полный курс. В том же году в семинарии состоялось всего одно посвящение в духовный сан. Хотя дипломатические отношения между Петербургом и Ватиканом в 1882 г. были возобновлены, это не могло принести немедленных результатов²⁸.

Усиленная экспансия православной церкви

В 1875—1876 гг. Холмская епархия, располагавшаяся на территории Люблинской и Седлецкой губерний бывшего Царства Польского, стала ареной конфликта между православной церковью и последним бастионом греко-католической церкви, сохранявшей до этого времени свои позиции благодаря частичной автономии Царства Польского. Российские власти, обеспокоенные ориентацией униатской церкви на украинское крестьян-

ство в толерантной Австро-Венгерской империи, не хотели распространения этих тенденций даже на 200 тыс. униатов Холмщины — небольшую часть паствы этой церкви.

Было принято решение об отмене унии и присоединении холмских униатов к православию, как и в 1839 г. Местное население оказалось не настолько уступчивым, как униаты в западных губерниях в тридцатые годы XIX в. Тем не менее окончательное присоединение униатов Холмской епархии к православию произошло после постановления от 11 мая 1875 г. Святейшего Синода (где обер-прокурором был Д.А. Толстой). Это решение вызвало волну возмущения по всей Европе.

И хотя эта тема остается за рамками нашего исследования, ее нельзя обойти из-за близости к этим землям Волынской губернии, а кроме того, бурной реакции среди местных католических и православных священников на эти события²⁹. Включение в юрисдикцию Варшавской православной епархии проживавших на территории Холмской епархии униатов русинского (украинского) происхождения вызвало протесты с их стороны. Прихожане не признавали богослужения, крещения, венчания и похорон согласно православному обряду. Доходило до столкновений верующих с полицией, арестов священников, противящихся постановлениям. Среди униатов, защищавших существовавшие традиции и церковные обряды, были погибшие.

В свою очередь, в Киеве генерал-губернатор Дондуков-Корсаков решил, что стоило бы пригласить 100 «новообращенных» посетить православные святыни, а именно Софийский собор и знаменитую Киево-Печерскую лавру. На эту цель он выделил 700 рублей, но последствия этого предприятия были плачевные. Три человека, по всей видимости выбранные в спешке, придерживались антиправославных взглядов. Согласно полицейскому рапорту генерал-губернатору, эти «упорно окатоличенные» отказались посетить православные святыни и демонстративно отправились в киевский католический собор, надев на голову польские конфедератки. Они были арестованы полицией и вынуждены были просить прощения у православного протоиерея, после чего были отправлены домой³⁰.

До начала XX в. «бывшие» холмские униаты были решающим фактором в соперничестве между православными, римскими католиками и греко-католиками из Львова. С 1879 г. православное церковное братство Пресвятой Девы Марии, которое с 1894 г. находилось под опекой царя, начало противодействовать тихой поддержке, оказываемой прихожанам бывшей Холмской епархии Люблинским и Седлецким римско-католическими епископами, иезуитами из Галиции и львовским униатским обще-

ством при церкви Св. Юра. Население Холмщины оказалось раздрано между тремя религиями, символами трех разных народов в этом регионе.

Какая-то часть «обращенных» укрывалась от православных властей у волыньских католиков. Еще в 1890 г. петербургский журнал «Север» атаковал «непокорных униатов» из Холмщины, нашедших убежище в приграничном Владимирском уезде, который описывался как самый заброшенный уголок Российской империи. Журнал обвинял протестантов (немцев) и католиков (поляков и немцев) в оказании помощи беглецам. Кроме того, «Север» призывал православное население сохранять бдительность, так как среди 6800 жителей уезда скрывалось 380 непримиримых униатов из Привислинского края³¹.

Как известно, после нескольких десятков лет преследований, целью которых было заселение Холмщины «русским элементом» и ограничение влияния католической церкви (запрет на паломничества в один из важнейших для польских католиков центр — Ченстохову; лишение прав наследования детей из т.н. краковских браков — смешанных браков между униатами и католиками, заключенными в Кракове за пределами Российской империи), значительная часть населения Холмщины после подписания Николаем II в 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости» вернулась в лоно католической церкви. Но в то время этот российский Ольстер (по выражению Х. Сетон-Уотсона) был выделен в отдельную Холмско-Люблинскую епархию, и практически сразу возглавивший ее епископ Евлогий на националистической волне 1907 г. возглавил кампанию за создание отдельной Холмской губернии в составе Российской империи, что и произошло в 1912 г. Таким образом был подведен итог сорокалетнему периоду религиозно-политического аннексионизма.

Поляки с презрением относились к «схизматикам», особенно к православным священникам и членам их семей. Среди пациентов Талько-Хрынцевича таковых было около ста. В воспоминаниях он описывает их многодетные семьи, крестьянскую толстокожесть, пьянство, венерические заболевания, враждебное отношение к своей украинской крестьянской пастве, склонность к доносу³². В Петербурге к этому времени уже давно поняли, что ставка на это духовенство была залогом российского господства на Правобережной Украине. Поэтому ко всем мерам, о которых шла речь, власти добавляли все новые акции, которые должны были подчеркнуть государственный характер православной веры и желание завладеть душами крестьян, экономически сильно зависевших от поляков.

Вся печатавшаяся в Юго-Западном крае националистическая российская пресса: «Заря», «Киевлянин», «Русь» (это название в пропаганде тех лет ассоциировалось исключительно с Россией, но не Украиной), изда-

вавшаяся в Киеве, «Волынь», выходявшая в Житомире, — посвящала свои первые полосы празднованию в 1883 г. пятидесятилетия указа от 13 октября 1833 г. о передаче православным Почаевского монастыря, принадлежавшего до этого греко-католическому монашескому ордену базилиан. Этот влиятельный монастырский комплекс, расположенный вблизи Владимира и Хелма (Холма), призван был стать символом возвращения на эти земли православной церкви после нескольких веков господства здесь польских католиков.

Основной Свято-Успенский собор и кельи Почаевской лавры были построены в 1771—1782 гг., когда лавра была уже греко-католической, при помощи каневского старосты поляка Михала Потоцкого. Пресса, особенно «Киевлянин», писала об этом праздновании в агрессивной манере, подчеркивала триумф православной веры. Этот праздник, по мнению редактора «Киевлянина» Д. И. Пихно, должен был оживить дух православного населения в его борьбе с пережитками прошлого, осквернившего национальную святыню³³.

Почаев был расположен на перекрестке влияния и юрисдикций Житомирской католической епархии, где как раз тогда должность епископа было разрешено занять Шимону Марчину Козловскому, и греко-католической церкви с центром во Львове, где митрополичий кафедральный собор Св. Юра, поддерживаемый Веной, стал символом украинского возрождения. Превознесение Почаевской лавры как национальной святыни России звучало как предостережение. В отчете о праздновании годовщины лавры в еженедельнике «Кгај», подписанном, как обычно, псевдонимом («Лонгин»), подчеркивалась связь религиозной и государственной символики. В торжествах приняло участие пять православных епископов, а также генерал-губернатор Дрентельн, волынский губернатор, предводитель Волынского дворянства (с 1863 г. эту должность занимали почти исключительно русские дворяне) и товарищ министра внутренних дел П. В. Оржевский. Были зачитаны телеграммы от К. П. Победоносцева, обер-прокурора Святейшего синода, серого кардинала при императоре Александре III, а также от Д. А. Толстого, в то время министра внутренних дел. Митрополит Киевский и Галицкий Платон прочитал проповедь, в которой призвал Почаевскую лавру обращать в православие иноверцев в Волынской губернии. Как следовало из самого названия его митрополии, православная церковь не скрывала желания распространить свое влияние и на Галицию, на православных русинов-украинцев, а возможно, даже и на живших там униатов. Российские власти рассчитывали на союз с т. н. москвофилами, или русофилами, т. е. галицкими украинцами, сторонниками Петербурга и противниками Вены. Почаев, находившийся всего в семи верстах от границы,

призван был стать основой националистической и православной идеологии. В связи с торжествами было объявлено о создании Почаевского братства, которое открыто заявляло о готовности принимать у себя православных из Галиции. Эти явные провокационные выпады против Вены³⁴ были усилены в следующем году, когда братство открыло в монастыре библиотеку, куда поступали книги и брошюры от Общества грамотности. Одновременно с этим с противоположной стороны униатские украинские общества и просветительская организация «Польская Матица» переправляли в Российскую империю свои книги для народа.

Царские власти связывали воедино проблемы религии и народного просвещения. Именно поэтому Министерство народного просвещения финансировало содержание книгохранилища в Киеве, откуда 14 библиотек Волынской губернии получали книги для православных приходских школ. В то же время министерские чиновники боялись слишком широкого просвещения народа. Более важным по сравнению с русификацией украинского крестьянства было сохранение его пассивности. Поэтому в задачи Почаевской лавры прежде всего входила работа со сторонниками царской политики в Галиции³⁵, а не просвещение местного крестьянства.

Религия и национализм

Осложнение отношений между Россией и Австро-Венгрией в конце XIX в. сопровождалось различными провокациями. Российские власти демонстративно стремились к усилению позиции «обращенных» униатов, чтобы убедить других в привлекательности православия. При этом заботой о распространении православия скрывалось желание территориального расширения. В 1892 г. было «обнаружено» несколько десятков примеров перехода в православие. В связи с этим во Владимире незамедлительно было организовано православное торжество. В огромной растянувшейся на 18 км процессии вдоль границы с Австро-Венгрией была пронесена икона Почаевской Богородицы, а для того, чтобы цель этой демонстрации была ясна, процессию сопровождало несколько российских полков. Со всей Украины были собраны толпы людей, которые должны были явить собой свидетельство жизнеспособности государственной религии³⁶.

В то время как православная церковь, используемая государством в своих целях для демонстрации общественной активности великорусов, переживала период триумфа, католическую церковь стремились пригвоздить к позорному столбу общественного мнения.

15 ноября 1884 г. министр внутренних дел призвал губернаторов провести празднование по всем губерниям столетия со дня дарования Екатериной II (21 апреля 1785 г.) Жалованной грамоты дворянству. Православ-

ная церковь наравне с государственными органами власти и школами должна была принять активное участие в этих торжествах. Празднование предполагалось начать 4 апреля, в день святых Кирилла и Мефодия, с объяснения прихожанам содержания написанной 15-страничной брошюры И.Д. и П.А. Кошкаровых «Современное назначение русского дворянства», которую, по мнению министра, нужно было представить в каждой церкви и костеле. Нетрудно понять, что тесно связанное с дискриминируемой на протяжении 90 лет шляхтой католическое духовенство не могло с легким сердцем комментировать текст, в котором дворянство определялось как «исторически выработанное сословие лучших русских людей», которое «по самой логике вещей должно давать руководящее направление народной массе»³⁷.

Еще одна широко праздновавшаяся годовщина должна была доказать, что российская власть уже давно пустила корни в Юго-Западном крае. Речь шла о столетии «возвращения» этих земель России, т.е. (хотя пропаганда так их не называла) разделов Речи Посполитой. В связи с этим министр внутренних дел Дурново призвал всех епископов и все православные братства расширить свое влияние в этом регионе. Генерал-губернатор А.П. Игнатьев поспешил объявить о торжествах в 1893 г., однако ему подсказали, что часть волыньских земель была окончательно присоединена к Российской империи после третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. В свою очередь, православное духовенство восхваляло исконно русский характер этих земель. По случаю празднования освящались новые православные храмы, реставрировались иконы и устраивались крестные ходы и военные парады³⁸.

Едва успел Козловский возглавить Житомирскую епархию, как на него начались нападки со стороны православного духовенства и русской националистической прессы. Козловский осудил католического приходского священника Моравича в селе Коростышев за то, что тот принял с почестями, подобающими католическому епископу, киевского православного митрополита Платона. Он даже потребовал, чтобы священник покаялся. Это требование вызвало в конце 1884 г. возмущение по всей России. В прессе разоблачалось это новое проявление «иезуитства» и «польской интриги». Газета «Русь» клеймила поляков, которые, несмотря на свою слабость, продолжали вести подрывную деятельность «против нашей веры и нашего народа». «Киевлянин», «Свет», «Эхо», «Южный край», а особенно «Московские ведомости» Каткова выступили с резкой критикой польского «фанатизма». «Крај» не был в состоянии ответить на эту волну нападков, ему оставалось лишь выражать сожаление из-за отсутствия чувства меры у противников.

Эта история совпала с другими невзгодами. Как раз в это время был закрыт Киевский университет в ответ на демонстрацию украинских сту-

дентов, состоявшуюся в ходе празднования пятидесятилетия этого учебного заведения. Русская пресса, недолго думая, объединила эти два дела, пригвоздив к позорному столбу на первых страницах поляков и украинцев, несомненно тайно связанных между собой. «Кгај» пытался объяснить, что опасения «Нового времени», мягко говоря, преждевременны. Однако цензура знала свое дело, и польскому еженедельнику в одном из ближайших номеров пришлось оправдываться, что он ни в коей мере не хотел подлить масла в огонь в этой «религиозной войне». Министр внутренних дел наказал епископа Козловского, лишив его половины жалованья, причем деньги пошли на учреждение в епархии должности суффрагана (викария), которую занял епископ Кирилл Любовидский³⁹.

Несомненно, восприятие католическим духовенством исповедующих православие в качестве схизматиков не могло способствовать улучшению положения католиков. В связи с этим напрасно Талько-Хрынцевич горевал из-за того, что на протяжении 15 лет ни у одного из 100 приходских ксендзов на Украине так и не появилось преемника и что зачастую одному ксендзу приходилось работать в двух приходах. Не осознавая истинных целей российской политики, он наивно предлагал, что можно перевести католических священников из Варшавы, что, по его мнению, не составило бы труда, т.к. «здесь прихожане в основном состоят из шляхты, в то время как в Царстве Польском или Литве — из бедного крестьянства»⁴⁰.

В задачи властей не входило усиление позиций католической церкви, все их усилия были направлены на укрепление православия. В 1891 г. были сделаны попытки улучшить условия обучения православного духовенства. До этого времени семинаристов учили в бывшем здании Кременецкого лицея, конфискованном властями в 1832 г. Однако за долгое время помещения пришли в негодность. Кроме того, Кременец находился на границе губернии. Поэтому была открыта православная семинария в Житомире, и газета «Волынь» приветствовала это событие как награду населению, которое смогло сохранить свою веру и, несмотря на враждебное иностранное влияние, победить латинство и победить поляков⁴¹.

Атмосфера ненависти приводила к тому, что среди дискриминируемого католического населения развивалось стремление к тихой набожности и консерватизму. Согласно В. Подхорскому, многие семьи в период 1863—1880 гг. отправляли детей в школы, открытые галицийскими иезуитами. Несмотря на запреты, в усадьбы регулярно приглашались католические священники для отправления мессы. Сами же священники в большинстве случаев происходили из признанной Герольдией шляхты, а только эта часть шляхты имела право на получение начального образования, позволяющего учиться в семинарии. При поступлении в православную семинарию требования были такими же, но туда в основном шли дети священников.

По утверждению Подхорского, «невозможно было представить себе помещичьего дома, в котором господствовали бы светские убеждения»⁴². И хотя образ полек в западных губерниях, представленный Мельхиором Ванковичем (согласно которому все они были убеждены, что Богородица происходила из польского благородного сословия, ибо в литаниях о ней говорилось как о «благородной даме» [dama szlachetna]), несколько преувеличен, стоит признать, что традиционную наивную набожность польские помещики, несомненно, считали достоинством. Слова Янины Жултовской о позитивной стороне социальной летаргии в Литве можно отнести и к Украине, где «тщательно старались избежать всего, что могло бы с виду казаться выходящим за рамки принятого. Католические зелоты обвиняли общество того времени в лености. Либеральные, т.е. светские течения проникли в то время в умы, но верность традициям и врожденное благочестие делали свое. Если посмотреть, как сбились с пути другие более энергичные и умничающие народы [например, проклятые французы! — Д. Б.], то стоит поблагодарить польских помещиков за их сильную привязанность к вековым традициям и за простоту и стойкость, с которой они смогли ее сохранить»⁴³.

Постоянные ограничения приводили к тому, что мелкие уступки властей католическое население воспринимало как дар судьбы. В декабре 1891 г. «Крај» счел большим успехом то, что в «Киевском календаре» на 1892 г. были учтены католические праздники, «как когда-то в подобных публикациях из Бердичева и Винницы...»⁴⁴. Робкие попытки сближения между двумя вероисповеданиями, предпринятые в начале правления Александра III, остались в прошлом. Великорусские тенденции с каждым годом становились все сильнее. В 1888 г. подольский губернатор в ежегодном отчете царю сообщал, что «более заражены фанатизмом» католические священники из отдаленных монастырей и приходов. Далее он описывал проявление набожности населения во время визитации епископу. В приходах готовились к ним как к настоящему празднику, собирали средства для проведения пышного торжества. Даже из отдаленных деканатов приезжали многие католические священники, чтобы отдать дань уважения епископу. Губернатор добавлял, что во избежание ненужного шума запретил католическим священникам собираться без личного приглашения епископу, а кроме того, запретил сбор средств и выступление с речами за пределами костелов. В то же время он признавал, что вопреки всем мерам «громодное стечение народа и численность католического духовенства придают ксендзу Епископу нежелательную торжественность, трудно устранимую».

Как явствует из отчета губернатора, были приняты решения, нацеленные на ограничение дальнейшего распространения влияния католицизма. Прежде всего был ужесточен контроль за границей, чтобы затруднить контакты с иезуитами из Галиции. Было ограничено до трех число католиче-

ских священников, которые могли принимать участие в местных торжествах, что уменьшило и число участников. Был наложен запрет на религиозные братства Пресвятой Девы Марии; полиция следила за тем, чтобы они не возобновляли свою деятельность. Кроме того, она следила за тем, чтобы не создавались нелегальные католические школы. Губернатор подчеркивал, что православное духовенство принимало участие в борьбе с этой «католической пропагандой». Православные епископы посещали отличавшиеся особым «фанатизмом» местности, проводили там праздничные богослужения, произносили назидательные проповеди. Однако в заключение губернатор констатировал, что всего этого недостаточно, необходимы новые меры по развитию православия и привлечению к ответственности католического духовенства. Губернатор представил те же доводы в более расширенном виде также генерал-губернатору Игнатьеву⁴⁵.

Эти меры принимались параллельно ограничению прав немецких и чешских колонистов, преследованию евреев, особенно начиная с 1882 г., когда полиции было поручено удалять евреев из сел и выселять из 50-верстной приграничной полосы. В 1890 г. анонимный корреспондент из Волынской губернии опубликовал в «Московских ведомостях» статью, в которой сообщал о появлении придорожных католических крестов в окрестностях Ровно. Еще 25 лет тому назад губернатор Безак приказал их убрать, поскольку они придавали краю слишком католический характер; кроме того, их почитали как памятники жертвам Польского восстания. Вновь установленные кресты надлежало убрать — в них видели символ враждебности к правительству и православной вере⁴⁶. Специальные публикации должны были способствовать укреплению православия в этом регионе. Судя по произведениям, подобным работам Малышевского, создается впечатление, что власти были более обеспокоены деполонизацией Правобережной Украины, чем русификацией украинцев, которых считали «русским народом»⁴⁷.

Начало правления Николая II не было отмечено ослаблением политики по насаждению православия в Юго-Западном крае. Единственной уступкой нового монарха, посетившего Киев, где католическая община в 1912 г. насчитывала 39 913 человек (из 250 тыс. жителей), было поручение построить за счет государства вторую католическую церковь. Однако дальше этого дело не пошло.

В конце 1898 г. генерал-губернатор Драгомиров потребовал от трех губернаторов освободить от занимаемых должностей 30 волостных писарей польского происхождения. Все они были православными, женатыми на католичках. После полицейского допроса каждого из них было решено, что, хотя все они исповедуют православие (скорее всего, они были потомками чиншевой шляхты), нет достаточных гарантий того, что они

устоят перед «пропагандой польского фанатизма», а ведь некоторые из них могли знать о секретных военных распоряжениях⁴⁸.

Указ о религиозной терпимости 1905 года и его применение на практике

Потрясения 1905 г. вернули на короткий период католикам Российской империи давно забытую свободу. Указ о религиозной терпимости от 17 апреля 1905 г. впервые в российской истории устанавливал, «что отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию» (до этого времени уход из православия квалифицировался как уголовное преступление). Манифестом 17 октября 1905 г. царь даровал свободы совести, слова, собраний и союзов. Стало возможным использование «природного языка» в богослужениях, создание школ с обучением на родном языке, издание газет. Многие католические священники стали принимать активное участие в политических организациях национал-демократов. Петр Маньковский, один из немногих польских аристократов, учившийся в Житомирской семинарии (в 1896—1900 гг.) и служивший приходским католическим священником в Каменце с 1902 до 1911 г., в своих воспоминаниях описывает, как осенью 1906 г. по примеру других священников стал приглашать из Галиции многочисленных миссионеров. Однако стремление католического духовенства и польских помещиков к созданию учебных заведений в скором времени было замечено и ограничено царскими властями⁴⁹ — еще до того, как начались политические репрессии⁵⁰. Эти ограничения, а затем вновь введение запретов дают представление о действительных рамках либерализации 1905—1906 гг. и свидетельствуют о враждебном отношении к католицизму со стороны властей и русской консервативной среды.

Уже в ноябре 1906 г. А.С. Суворин обвинял в «Новом времени» поляков в том, что они стремятся вновь подчинить бывших холмских униатов своему влиянию и хотят вновь ополячить Украину и Белоруссию. Он объявлял войну «новым Лойолам», снующим в этом регионе, и новым польскоязычным газетам, их поддерживающим, — виленской и киевской, «Dziennik Wileński» и «Dziennik Kijowski». Киевская газета призывала читателей собирать деньги на строительство в Киеве третьей католической церкви Св. Николая, представляя детали плана и фамилии архитекторов⁵¹.

На Украине десятки лет не видели монашек, и едва они появились в Подольской губернии, губернатор А.А. Эйлер, опасаясь увеличения католических школ, запретил им показываться на улице. Ксендз Маньковский рассказывал, что ему удалось пригласить всего нескольких монашек, одетых в мирское платье, которые открыли нелегальные детские приюты и

портняжное училище в Каменце. Католическое благотворительное общество было зарегистрировано в этом городе в феврале 1907 г. В школах, открытых обществом «Освятя», католическое духовенство пыталось наладить работу с чиншевой шляхтой, пытаясь восстановить былую шляхетскую солидарность. Одним из основных вдохновителей этого движения в Подольской губернии был К. Дунин-Борковский. Однако этот социально-религиозный подъем пошел на спад, когда были изменены условия выборов во Вторую Думу. Изменения привели к исключению из числа избирателей чиншевиков. К этому времени, как уже отмечалось, польские помещики перестали ими интересоваться, и их положение окончательно стало безвыходным⁵².

Все это время не переставая работал запущенный механизм националистической пропаганды. Почаевская лавра продолжала играть роль оплота православной веры. Здесь издавался «Почаевский листок», шовинистический и ксенофобский бюллетень, нападавший на «врагов» русского народа, а именно на Льва Толстого с его учением о непротавлении злу насилием, на либералов, социалистов, евреев, сектантов, немецких и чешских колонистов⁵³ и, конечно же, польских католиков. Например, полиция из села Городок Каменецкого уезда 7 июня 1906 г. сообщала, что там живет 20 православных семей рядом с 80 католическими семьями, «католики очень хвалят свою веру, подговаривают православных принимать польскую веру, на что православные не соглашались, и поэтому между православными и католиками часто происходят ссоры»⁵⁴.

Победа русских националистов на выборах в Третью Думу в 1908 г. позволила Столыпину вернуться к методам, характерным для предреволюционной эпохи. Польские католические школы постепенно стали закрываться, и зачастую для этого даже не требовалось предлога. Если же и находилась какая-то причина, то, как правило, она была связана с религиозным вопросом. Например, попечитель Киевского учебного округа сообщал генерал-губернатору Сухомлинову, что, несмотря на протесты родителей, приказал католическому приходскому священнику А. Коптынику покинуть село Топорище в Житомирском уезде, на том основании, что тот отказался преподавать катехизис на русском языке. Между тем после указа о религиозной терпимости Министерство народного просвещения 22 февраля 1906 г. объявило временный распорядок обучения религии в учебных заведениях, по которому Закон Божий должен был преподаваться на языке, выбранном родителями учащихся. Тем не менее попечитель писал, что ксендз убедил родителей в том, что они бывшие униаты, то есть являются поляками. Родители сообщили об этом в письме к епископу. По мнению попечителя, подобное возвращение к прежней религии угрожало волной национальных и религиозных измен, что навредило бы делу

русификации. В связи с этим преемник Сухомлинова Трепов постановил, что выбор языка религиозного обучения должен зависеть исключительно от учителя, а поскольку учителями были только русские, проблема языка на занятиях по религии была сама собой решена⁵⁵.

15 октября 1908 г. киевский губернатор сообщил Сухомлинову о факте, в еще большей степени свидетельствующем о возвращении антипольской и «антилатинской» фобии. Он получил от ксендза Яна Вистенберга из Ходоркова Сквирского уезда письмо с указанием адреса на латыни «*Parochus ecclesiae parochialis Chodorkoviensis — Chodorkovia, Ucraina*»*. И хотя письмо было написано по-русски, такая надпись, по мнению Сухомлинова, противоречила требованию употреблять только русский язык в официальной переписке. Генерал-губернатор приказал трем губернаторам не допускать подобных нарушений правил официальной переписки. В связи с этим волынский губернатор 13 июля 1910 г. попросил Трепова запретить Луцко-Житомирскому епископу использовать печати и делать записи в приходских книгах на латыни⁵⁶. Следовало стереть последние следы «гнилого» Запада.

Религия — источник национального антагонизма

Все это время конфессиональные отличия оказывали огромное влияние на обострение польско-украинских отношений на Украине. Высшие чиновники царской администрации, с одной стороны, и иерархи католической церкви, с другой, продолжали находиться в состоянии «холодной войны». Забывая об указе о религиозной терпимости, каждая из сторон демонизировала другую.

В отчете за 1909 г. генерал-губернатору подольский губернатор Эйлер посвятил обширный абзац польской теме. Он писал: «С 1905 г. поляки сильно подняли голову, рассчитывая на свою сплоченность и силу в материальном обеспечении, и эта их сплоченность отзывается в настоящее время на всех проявлениях жизни в губернии... Отождествляя польскую национальность с католическим вероисповеданием, все помыслы поляков и в особенности ксендзов направлены к наибольшему совращению православных в католичество, прибегая к всевозможным мерам для ополчения населения. В начале октября т.г. была открыта целая контора при Каменец-Подольском кафедральном костеле, специальные занятия которой состояли в уловлении православных, оказании им содействия как в написании прошений, так и в денежной помощи. Хотя виновные ксендзы и

* *Parochus ecclesiae parochialis Chodorkoviensis — Chodorkovia, Ucraina (лат.)* — священник приходского костела в Ходоркове — Ходорков, Украина. (Прим. пер.)

преследуются, но вследствие сочувственного отношения р.-к. Епископа к их деятельности налагаемые на них кары не достигают цели, так как они переводятся в лучшие приходы и тем поощряются к дальнейшему продолжению их деятельности в том же направлении»⁵⁷.

В этой войне нервов выигрыш был на стороне сильнейшего — власти. Ксендз П. Маньковский вспоминал, как он беседовал с подольским губернатором Эйлером, посетившим католическое благотворительное общество в Каменце, по-французски, избегая тем самым использования русского языка. Однако когда в 1910 г. Маньковский отправился в США на Евхаристический конгресс, то после возвращения заплатил за это должностью приходского священника. Несмотря на протесты прихожан, он был вынужден жить под надзором полиции без должности в Житомире. Его викарий Жуковский после проведения обыска в доме был отправлен в Киев. Репрессии были вызваны тем, что губернатору стало известно об участии Маньковского в Вашингтоне в торжествах по случаю открытия памятника Костюшко и Пуласкому как борцам за американскую независимость⁵⁸. Об этом деле узнал Николай II из отчета генерал-губернатора Трепова за 1910 г. Трепов объяснял, что поездка ксендза была данью польскому патриотизму, поскольку памятник в Вашингтоне был поставлен по инициативе Польского национального союза в Америке. В юго-западных губерниях, по его утверждению, никто не говорил о восставлении Польского государства. Однако было найдено больше десяти медальонов с изображением Богородицы и надписью «Владычица Польши, стань нам опорой и укажи нам путь»; на обратной же стороне были выбиты даты «1830», «1863», «1905» с гербом Польши, а также Литвы и Украины.

Кроме того, генерал-губернатор сообщил о нарушениях со стороны поляков указа о веротерпимости 1905 г. Он представлял каждое обращение бывших униатов в католиков как пример польской интриги. Было насчитано в 1905 г. в Киевской губернии 58 таких случаев, 1906 г. — 658; 1907 г. — 406. По его словам, это движение усиливалось:

	1909 г.	1910 г.
Киевская губерния	259	147
Подольская губерния	266	273
Волынская губерния	377	327

Эти в принципе небольшие цифры были представлены как проявление деятельности опасной гидры. Поляки, указывал Трепов, идут на то, что ссылаются в качестве аргумента на якобы перешедших в католическую веру членов царской семьи; кроме того, оказывают давление на своих «русских» крестьян и батраков. Их ксендзы высмеивают тех, кто вступает в брак

с православными, публично оскорбляют, не разрешают исповедоваться и причащаться. Когда же, по словам генерал-губернатора, православный житомирский епископ пытался так же вести себя с прихожанами, на это не дал согласия Святейший Синод. Трепов просил вновь сделать все для того, чтобы православная вера в империи была на первом месте.

В конце части отчета, посвященной религии, Трепов писал о нелегальных польских школах, в которых преподавало достаточно много католических священников. В 1909 г., по словам Трепова, это движение было остановлено, однако несколько православных семей отдало в еще существовавшие школы детей — эти люди считали, что польский язык им пригодится при устройстве на работу в крупные польские имения. В 1909 г. была закрыта часть таких учебных заведений в Киевской губернии, два — в Подольской губернии и одно — в Волынской, а в 1910 г. — пять в Киевской, одно — в Подольской и пять — в Волынской губерниях. В указе от 9 февраля 1911 г. говорилось об уголовном преследовании не только учителей нелегальных школ, но и тех, кто им помогал. Трепов сообщал, что уже несколько католических священников и гражданских лиц были наказаны, и выражал удовлетворение введенным Министерством народного просвещения запретом на использование катехизисов и учебников на польском языке⁵⁹.

Самым рьяным поборником нового националистического подъема после террора 1905—1907 гг. был волынский губернатор, который в 1911 г. в письме к Николаю II сообщал, что «самоопределение народностей... выливается в уродливые формы вражды нации... в таких условиях бок о бок приходится жить с врагами, таящими злобу и ненависть». Он был убежден в том, что католическое духовенство являлось двигателем ловкой и скрытой пропаганды, представляло собой шовинистическую, организованную, дисциплинированную партию — в противоположность православному духовенству, равнодушно относящемуся к отпадениям своей паствы. Обнажая суть давних комплексов, губернатор не скрывал своей злобы по поводу очевидной, но не всегда открыто признаваемой связи между католической религией и польской культурой. Он переживал из-за того, что в крае католическая вера была связана с принадлежностью «к высшему сословию “шляхте” — что равняется мелкому дворянству, и бесспорно, что в устах ксендзов играет немаловажное значение для улавливания адептов католичества»⁶⁰.

До тех пор пока Первая мировая война и революция по-своему не решили польского вопроса, русские и поляки продолжали соперничать на Украине в рамках скрытой войны на религиозной почве. Еще в 1913 г. начальник охранного отделения приказал ввести строгий контроль над ремесленными кружками ксендза Барановского в Киеве и образовательного об-

шества «Джвигня» («Рычаг») в Житомире, в котором католические священники Скальский, Чижевский и Дубовский поддерживали деятельность нескольких местных важных лиц⁶¹. Католики старались сохранять осторожность, хотя им было сложно скрыть свои патриотические чувства. Однако, несмотря на опасения полиции в связи с пятидесятой годовщиной Январского восстания, в 1913 г. не было ни одной демонстрации.

Огромное место в ограничиваемой властями польской культурной жизни Украины отводилось религиозным чувствам. Они нашли проявление сразу же, когда элитарному клубу «Огниво» было разрешено дать несколько спектаклей: «Варшавянку» С. Высянского и «Вифлеем» Л. Рыдла (впервые был поставлен во Львове в 1904 г.). Губернатору с трудом далась та часть полицейского отчета, где говорилось о «сильной клерикально-иезуитской подкладке» последнего произведения. В последней сцене, как сообщал полицейский рапорт, Богоматерь говорила об окончании века мучений, а император Франц Иосиф выступал символом надежд на будущее. Полицейский резюмировал, что «впечатление “Вифлеема” на киевлян бесспорно громадное, слезы, истерические рыдания, разговоры в антрактах, волнение при звуках повстанческой молитвы ясно выражают настроение зрителей». Этот спектакль повторялся четырежды, что, по мнению полицейского, преследовало пропагандистскую цель⁶².

Принадлежность русских и украинцев к православной церкви способствовала изоляции польского меньшинства, хотя и сильного в экономическом плане. Отрицательное отношение римских католиков к греко-католической церкви, которая в Галиции стала национальной религией украинцев, не только не способствовало союзу с украинцами, но мешало даже налаживанию отношений с ними. Начиная с 1892 г. некоторые попытки в этом направлении предпринимались на уровне священнослужителей. Чешские и моравские священники создали в Велеграде Общество Кирилла и Мефодия. К нему проявили интерес Шептицкий, возглавлявший в 1900 г. греко-католическую церковь во Львове, и ксендз Августин Пальмери из Ватикана. В 1907—1909 гг. православные священники приняли участие в ежегодных собраниях в Велеграде, пытаясь использовать их для продвижения идеи панславизма. Папа Пий X также поддержал идею сближения католической церкви с греко-католической и православной. В ту же эпоху, как известно, такие мыслители, как князь Г. Трубецкой или В. Соловьев, неоднократно подчеркивали духовные ценности католицизма, хотя и не имели сильного влияния на все русское общество, привязанное к православной традиции.

В 1911 г. в Кракове были опубликованы воспоминания ксендза Юзефа Бородзича, в которых, насколько можно судить, было представлено мнение, характерное для большинства католического духовенства, о по-

пытках сближения церквей. Ответ для Бородзича на все вековые православные козни мог быть только один: фанатизму русификаторов следовало противопоставить латинско-польский фанатизм. «Мы всегда считали, — писал Бородзич, — что в том, что касается православия, так же как протестантизма, англиканства, старокатолицизма, янсенизма и т.п., речь идет не об *объединении* двух Церквей, а о *возвращении* в лоно Католической церкви как *единственно верной, обращении*, а не о примирении».

Мог ли быть в таком случае диалог? Автор занял непримиримую позицию, отвергающую экуменическую идею. Бородзич отмечал, что легко было стать идеалистом в Велеграде, «вдали от поля духовной битвы между Востоком и Западом, Католической и Православной церквями, западной и византийской культурой... но у нас, сражающихся не с помощью пера и чувствующих все на собственной шкуре, на подобные диспуты нет времени»⁶³.

Осознавая обоюдное насилие на протяжении стольких веков из-за национально-политической манипуляции христианской идеей, нельзя в этом не увидеть предзнаменования трагедии XX века. Придет ли, а если да, то когда на смену обскурантизму экуменическая идея? Восторжествует ли Разум?

Б. ШКОЛЬНОЕ ДЕЛО

Русско-польская борьба за культурное первенство на Правобережной Украине в конце XIX в. не ограничивалась только сферой религии. Крайне важным в деле влияния на массы было также школьное образование, хотя преимущество царских властей в этой области начиная с 1831 г. оставалось несомненным. Если в новой украинской историографии эта тема вызывает достаточно широкий интерес, в российской, включая империологические исследования, политике властей в области образования уделяется небольшое внимание. Последние исследования либо носят слишком общий характер⁶⁴, либо они довольно кратки⁶⁵, либо концентрируются главным образом на северо-западных губерниях⁶⁶.

Данная глава призвана хотя бы частично заполнить существующую лакуну в историографии польского школьного образования и интеллектуальной жизни на Правобережной Украине в период между Январским восстанием 1863—1864 гг. и началом XX в., т.е. стать связующим звеном между двумя важными работами Л. Заштовта⁶⁷ и дополнить мои собственные исследования, касающиеся более раннего периода⁶⁸. В существующей польской литературе⁶⁹, хотя и достаточно обширной, не предпринималось попыток синтеза этой проблематики; обращение же к архивным источникам в данном случае вообще является редкостью.

Одержимость властей польским вопросом

Появление в 1991 г. независимой Украины вновь сделало актуальным в России вопрос о том, почему не удалась русификация этих земель. Наиболее внимательные исследователи этой проблемы в качестве одной из главных причин называют отсутствие в царской России обязательного всеобщего начального образования. Именно это якобы не позволило достичь в Российской империи того, что успешно было проделано в процессе централизации во Франции в конце XIX в., а именно — подавления любого рода регионализмов⁷⁰. Не стоит полностью отбрасывать этот аргумент, несмотря на явные отличия, обусловленные историческим развитием и степенью зрелости национального самосознания отдельных социальных групп. Именно после отмены крепостного права и подавления Польского восстания 1863—1864 гг. перед российскими властями со всей остротой встала проблема начального образования в западных губерниях. Задача осложнялась тем, что, с одной стороны, нельзя было идти на слишком явные уступки местному крестьянству, чтобы крестьяне в Великороссии не заразились вольнодумством, и что, с другой стороны, следовало искоренить признаки польской культуры, представлявшейся царским чиновникам воплощением безмерно грозной силы (одержимость, которая сегодня не может не вызвать удивления). Рискну даже выдвинуть гипотезу, что оставшееся приоритетным вплоть до Первой мировой войны антипольское направление царской политики в этих губерниях было одной из причин притеснения украинцев, поскольку в украинском движении власти со всей абсурдностью и одержимостью искали следов польской интриги.

Именно этим был обусловлен запрет генерал-губернатора Н.Н. Анненкова от 1 мая 1863 г. на обучение крестьянских детей при католических приходских церквях⁷¹. Сознание необходимости овладеть душами украинцев с помощью начального образования не было чуждо власти, однако тот факт, что, как пишет А.И. Миллер, система начального школьного образования вплоть до 1917 г. находилась в плачевном состоянии, не позволил пойти по французскому пути. Зачатки этих идей встречаются уже в проекте группы русских помещиков из украинских губерний, которые совместно с преподавателями Киевского университета подготовили устав Общества для распространения грамотности и православного образования на территории Киевского учебного округа⁷². Г.П. Галаган, товарищ председателя временной комиссии по проверке уставных грамот в Юго-Западном крае, передал этот проект министру внутренних дел Валуеву, который, согласно записи в его дневнике, обсудил его с великой княгиней Еленой Павловной. Согласно проекту, русские помещики должны были сами открывать начальные школы⁷³, хотя размеры их земельных владений в это

время были еще несравненно меньше польских (как уже отмечалось, паритетное состояние в землевладении было достигнуто лишь в 90-е гг. XIX в.). Запоздывание в школьном деле можно было предвидеть, тем более что из-за этого с трудом шла и русификация крестьянства.

С другой стороны, Анненков не принимал слишком близко к сердцу попытки сближения польских студентов с крестьянами. Он помнил, что это было в определенной степени разрешено при попечителе Н.И. Пирогове в 1858—1861 гг. К тому же он знал, что украинские крестьяне негативно относились как до, так и во время последнего Польского восстания к любым попыткам распространения как листовок, напечатанных латиницей, так и «золотых грамот», которые стараниями повстанцев печатались кириллицей⁷⁴. Но этот вопрос в значительной степени раздражал министра внутренних дел. 15 июня 1864 г. он, напрямую обратившись к губернаторам западных губерний, заявил о согласии царя наложить запрет на распространение каких-либо букварей и учебников, издаваемых в Варшаве и других городах с пропагандистской целью. Министр полагал, что их распространение может привести к отрыву Западного края от Российской империи. По его мнению, целью продаваемых повсюду польских букварей для детей было ознакомление с географией и историей Польши до 1772 г. Он просил губернаторов, «не приступая к каким-либо официальным в этом отношении распоряжениям», изымать такого рода литературу⁷⁵.

Между тем генерал-губернатору Анненкову было прекрасно известно о существовании в Киевском университете — еще до окончательного подавления восстания — организации польских студентов. 6 мая 1864 г. в представленном ему подробном полицейском отчете говорилось о существовании т.н. «Польского общества», отделения которого были представлены во всех трех губерниях. В отчете также отмечалось, что эта группа существовала одновременно с украинскими, но фактически не взаимодействовала с ними. У польских студентов была собственная касса, библиотека, театр, они проводили творческие вечера и дискуссии⁷⁶. Это не помешало несколько впадшему в детство генерал-губернатору еще 4 августа 1864 г. невозмутимо объяснять Валуеву, что поляки имели все основания добиваться разрешения преподавания на польском языке, ведь еще в 1859 г. они хотели подать всеподданнейшее прошение об этом, воспользовавшись пребыванием Александра II в Каменце⁷⁷. Известно, что «нелепые» мысли стоили Анненкову должности. Ему на смену в конце года пришел А.П. Безак, который вместе с попечителем Киевского школьного округа А.П. Ширинским-Шихматовым более строго взялся за школьное дело. В свою очередь, каждый из губернаторов с усердием поспешил заверить нового генерал-губернатора в следовании рекомендациям министра. 25 декабря 1865 г. волынский губернатор М.И. Чертков сообщал Безаку с

инквизиторской радостью, что ему удалось найти польский букварь, в котором на странице 53-й Богоматерь именовалась «польской королевой», на странице 74-й утверждалось, что надо любить Польшу, на странице 85-й — что нужно любить землю, по которой течет река Висла, а на странице 78-й было написано, что междоусобицы могут быть причиной утраты независимости, далее же объяснялось, что шляхту погубила взаимная вражда. Это был букварь, изданный в Варшаве в 1862 г. Губернатор делал вывод о необходимости положить конец подобной пропаганде, запретить польский алфавит, продажу книг и контролировать тех, кто мог пересекать границу с Царством Польским. 14 марта 1866 г. Безак проинформировал об открытии, сделанном Чертковым, министра Валуева, что не могло не способствовать еще большему рвению волынского губернатора. Через три дня, 19 марта 1866 г., Чертков выслал Безаку отчет, полный новых открытий. Так, в книжном магазине Константина Будкевича был найден варшавский «Популярный сельский календарь», где 12 ноября 1866 г. праздновалось как день памяти о пяти братьях-поляках, убитых за три года до этого. В «Букваре для польских детей»⁷⁸ во всех текстах для чтения, молитвах, литаниях и в катехизисе было подчеркнуто слово Польша. Был также перехвачен «Букварь для сельской детворы» некоей Марии П., с небольшими историями, песенками для обучения счету, официально изданный в Житомире на средства того же книжного магазина Будкевича. На этом букваре даже стояла виза киевского цензора О. Новицкого от 27 февраля 1862 г., а издан он был в университетской типографии. Губернатор был так возмущен процветавшим либерализмом, что в шифрованной телеграмме просил Безака запретить издание и продажу каких-либо польских календарей. Такой запрет генерал-губернатор и наложил 16 января 1867 г. После этого новый волынский губернатор, генерал И.В. фон Галлер, приказал немедленно (20 января) конфисковать 88 экземпляров этих книг у Будкевича, переживая, что тому уже удалось продать 768, в том числе в Бердичеве. Через неделю у купца Литова в Житомире было конфисковано 38 экземпляров русско-польско-немецкого альманаха, изданного в Одессе⁷⁹.

Что уж говорить об учебных заведениях, если за печатным польским словом велась такая слежка! Одной из первых забот Безака, о чем он сообщал министру народного просвещения, было «усиление и упрочение народного образования на русских началах». В этом отчете от 30 октября 1865 г. перечислялись уже принятые (но еще не доведенные до конца) меры: открытие в трех губерниях 11 прогимназий для мальчиков (вместо бывших уездных школ), учреждение стипендий для лучших учеников народных школ, оказание финансовой поддержки государством тем русским, которые хотели открыть частные учебные заведения, открытие в каждой губернии по 15 двухклассных православных школ со сменами для девочек,

открытие 120 народных училищ в каждой губернии, а также семинарии для подготовки учителей этих школ. Создавалась также общая дирекция народных училищ⁸⁰.

Чуть позднее Безак поддержал представленный попечителем министру проект создания в юго-западных губерниях пяти женских гимназий. Вот как он обосновывался: «При полном отсутствии в крае женских школ, устроенных в русском духе, все женское образование перешло в руки лиц польского происхождения. Заведения, ими содержимые, могли бы и могут называться скорее школами для распространения польских тенденций и мятежных стремлений, чем знаний, основанных на религии и нравственности... [что очень важно] в деле обрусения края, так как главными двигателями мятежа доселе были преимущественно женщины...»⁸¹ Особое беспокойство Ширинского-Шихматова вызывала оторванность украинского крестьянства от российских властей и помещиков, и он несмело выражал пожелание о введении всеобщего начального образования. В письме к генерал-губернатору он писал, что крестьянские общества, которые выразили бы желание открыть народную школу, могли бы получать от Министерства государственных имуществ бесплатный лес для ее постройки. Попечитель призывал волости подписывать соглашения, а мировых посредников и православных священников принимать в этом деле участие. Он был убежден, что в деле привлечения на свою сторону украинских крестьян еще многое предстояло сделать: «Народное образование в Юго-Западном крае тогда только пойдет правильно и успешно, когда учебное начальство и духовенство вполне сольют все свои усилия по ведению этого дела»⁸².

Усиливавшаяся политика русификации до поры до времени не ставила под сомнение польское присутствие в Киевском университете. Но вскоре об этом снова заговорили. Первым это сделал Ширинский-Шихматов в докладе, который Безак приложил к отчету за 1865—1866 гг.⁸³ Он писал, что, хотя в 1864 г. количество учащихся поляков уменьшилось до 1/4 от общего числа студентов, уже в 1865 г. они составляли 1/3 всех студентов, а в 1866 г. предполагалось дальнейшее увеличение их числа, т.е. практически возвращение к состоянию до восстания, когда польское студенчество составляло 52,6% от общего числа. По его мнению, поляки, успокоившись, естественным образом вновь стали ценить высшее образование и связанные с ним преимущества. До восстания они еще могли выбирать между Киевом и одной из столиц империи, теперь же, когда доступ поляков в столичные университеты был ограничен нормой в 10% от общего числа студентов, они обратили внимание на Киев, где такого ограничения не было: «Надобно опасаться, что этот университет подвергнется наводнению польского элемента». Он полагал, что масса польских выпускников гим-

назий трех губерний «снова приобретет в нем то преобладание, которое имела года три тому назад», и университет Св. Владимира приобретет «польский характер». Он не верил, что открытие нового университета в Одессе могло что-то изменить, так как он находился слишком далеко. Ширинский-Шихматов писал: «Нельзя не предвидеть, что все эти обстоятельства отзовутся большим вредом для общерусских интересов края, еще недостаточно окрепших и объединившихся, чтобы собственной тяжестью дать успешный отпор враждебным влияниям»⁸⁴. В связи с этим он предлагал не превышать достигнутого уровня, т.е. 1/3 от общего числа студентов, или чуть повысить эту планку по сравнению с разрешенной долей поляков в столичных университетах. Столь «мягкий» *numerus clausus** не удовлетворил в Петербурге членов Комитета министров — обсуждение этой проблемы совпало с очередной антипольской волной, вызванной покушением Каракозова. Александр II принял 22 апреля 1866 г. предложение об ограничении числа польских студентов в Киеве до 1/5 от общего числа⁸⁵. 29 июля товарищ министра народного просвещения И.Д. Делянов добился от императора дополнительного ограничения, согласно которому в эти 20% следовало включить также вольнослушателей, чтобы они и не пытались сдавать экзамены⁸⁶.

Впрочем, есть основания полагать, что прием столь малого числа поляков в университет был следствием ограничений, введенных в гимназиях. Согласно перечню учащихся средних учебных заведений за 1869 г., к учебе было допущено всего 27% католиков (1068 учащихся из 3922). Это был самый низкий процент во всех западных губерниях. В том же году в Виленском учебном округе, несмотря на последствия террора Муравьева, было принято 47% учащихся-католиков, из которых основную часть составляли поляки⁸⁷. Это говорит о более суровом преследовании поляков на Украине, чем в северо-западных губерниях. Следует сказать, что второе покушение на царя (25 мая 1867 г.) в Париже совпало с проходившим в Москве Славянским съездом, где преобладали антипольские настроения, и с завершением празднования юбилея Карамзина в Академии наук (еще в декабре 1866 г. было зачитано и встречено овацией его «Мнение русского гражданина» 1819 г. — записка об опасности объединения западных губерний с Царством Польским). Не следует также забывать, что участник покушения А. Березовский был родом с Волыни.

Представление об атмосфере в области образования и о страхах властей перед польской угрозой на Украине дает интересная коллекция писем за 1867 г.⁸⁸ 5 января Н.П. Эйлер, киевский губернатор, обратился к Безаку с просьбой отказать в выдаче паспорта Юлии Ячевской, помещице из-

* Numerus clausus (лат.) — количественное ограничение, процентная норма. (Прим. пер.)

под Киева, которая хотела покинуть Киевский уезд и переселиться в Варшаву, чтобы воспитывать там трех своих детей. И хотя в политическом отношении поведение женщины не вызывало нареканий, губернатору было понятно, что ее стремление уехать в Царство Польское было вызвано нежеланием отдать своих детей в русскую школу. При этом такие школы существовали недалеко от ее имения. Губернатор писал: «Нельзя не видеть желания вкоренить в детях польский фанатизм и удалить их от всего русского». Безак признал правоту своего подчиненного. Однако тогда Ячевская обратилась непосредственно к нему (30 июня 1867 г.), объясняя, что ее имение под Каневом — небольшое, малодоходное, а в Варшаве в ее собственности находится дом. На генерал-губернатора не действовали аргументы, и он, отметив на письме «не может быть удовлетворено», оставил прошение без ответа. Было еще несколько подобных просьб вроде той, о которой писал Безаку волынский губернатор Галлер 23 февраля 1867 г. Они дают представление о преградах, которые власти чинили учащимся и студентам в их желании учиться на месте или за границей. Со временем были несколько смягчены санкции, ограничивавшие отъезд. Как нам предстоит убедиться, в будущем Галиция стала убежищем для многих поляков из украинских губерний Российской империи, однако долгий период после Январского восстания, когда отсутствовала возможность карьерного роста и поездок, парализовал польскую молодежь. Например, уже упомянутый киевский губернатор просил Безака 23 марта 1867 г. запретить студенту-медику Владиславу Олехновичу выехать на учебу в варшавскую Медико-хирургическую академию, несмотря на полученный им отказ в поступлении в Киевский университет в связи с пресловутым распоряжением о *numerus clausus* от 22 апреля 1866 г. Несмотря на то что губернатору было известно о существовавших ограничениях, он предлагал Олехновичу отправиться в какой-нибудь другой российский университет. В отношении студентов из семей повстанцев иногда применялся и принцип коллективной ответственности. Губернатор Геллер запретил Болеславу Недзьялковскому после окончания гимназии в Житомире продолжить обучение в Варшаве. И хотя его лично ни в чем не обвиняли, его четыре брата были более чем политически неблагонадежными. Старший присоединился к венгерским повстанцам в 1848 г., после возвращения был вынужден пойти служить в армию, два других были сосланы на каторгу за участие в Польском восстании 1863—1864 гг., а четвертый был уволен от должности секретаря Овруцкого суда и находился под надзором полиции.

Несмотря на то что подобные притеснения поляков были по-своему эффективными, глава киевской полиции обнаружил еще одну возможность обучения на польском языке, а именно частные уроки. Новый киевский губернатор М.К. Катакази сообщал Безаку 27 сентября 1868 г., что

студенты и учащиеся гимназий могли еще беспрепятственно давать частные уроки. Разумеется, больше других в этом были заинтересованы католики. Губернатор писал о них: «...хотя в данное время не заподозрены в неблагонадежности, но за них на будущее время ручаться нельзя, так как их тайные стремления неизвестны». Губернатор повторял только аргумент полицмейстера, напоминавшего ему о правительственном распоряжении об исключении поляков из рядов чиновничества, где они могли навредить русскому делу, а тем более русскому образованию. Он предлагал в связи с этим запретить им давать частные уроки, что и было сделано генерал-губернатором 8 октября 1868 г. Впрочем, вызывает сомнение тот факт, что каждый учащийся или студент действительно обращался, как того требовало это распоряжение, в университет (а тот, в свою очередь, в полицию) за разрешением. Тем не менее это является примером вытеснения польской культуры за пределы легального бытования. Подтверждение антипольского характера этих мер находим и в переписке пребывавшего с 1871 по 1881 г. на посту киевского губернатора Н.П. Гессе. 15 сентября 1873 г. он спрашивал Дондукова-Корсакова, сменившего Безака, о том, распространяется ли этот запрет на всех католиков, включая таковых из-за границы. Сам он ничего не имел против такого расширительного толкования. Как обычно, генерал-губернатор поддержал его предложение (28 сентября 1873 г.)⁸⁹.

Единственной для поляков дорогой к образованию, лишенной риска (но избиравшейся немногими), был переход в православие или (на Холмщине, на территории Царства Польского, официально переименованного в Привислинский край) в униатство, к ликвидации которого власти в скором времени приступили. В июле 1867 г. по просьбе волынского губернатора Безак разрешил молодому Целестину Ленчицкому, несмотря на то что его отец находился с 1863 г. под полицейским надзором за оскорбление монарха, поступить в униатскую гимназию в Холме, поскольку это заведение было уже полностью русским, т.е. контролировалось православной церковью⁹⁰.

Сохранение польского языка зависело от степени национального сознания в каждой семье⁹¹. Однако в сложившихся условиях необходимо было надевать маску лояльности российским властям. В случае некоторых магнатов подобное показное поведение становилось почти гротескным. Графиня Браницкая из Белой Церкви предназначила огромную сумму в 287 тыс. рублей на народные школы, т.е. на русификацию украинского крестьянства, и способствовала еще большему обрусению гимназии в Белой Церкви после 1861 г. В то же время, судя по воспоминаниям Эдмунда Бжезинского, который сдал там выпускные экзамены в 1872 г., т.е. учился там с 1866 по 1872 г., можно говорить о двойственном характере этого

учебного заведения. Бжезинского в 1861 г., когда ему исполнилось 7 лет, вместе с младшим братом и четырьмя соседскими детьми под руководством приглашенного учителя начали учить чтению и письму дома. Кроме имевшихся в собственности земель отец арендовал также несколько фольварков у Браницких. Мальчик читал газеты, приходившие по подписке из Царства Польского, и русскую литературу для того, чтобы подготовиться к поступлению в гимназию, но также А. Мицкевича, В. Сырокомлю, Ю. Крашевского, Ю. Коженевского, Х. Жевуского, З. Качковского, книги по истории Польши и ведению домашнего хозяйства. Бжезинский вспоминал, как понравилось ему удивительное здание гимназии с большим внутренним двором, прекрасным парком, некогда богатой польской библиотекой, с когда-то католической, а теперь православной, с позолоченным куполом, часовней. Коридоры в здании были украшены портретами царей. Частный характер этого заведения позволял принимать до 80% польских учащихся, о степени русификации которых заботился сам генерал-губернатор, время от времени посещавший гимназию. Бжезинский вспоминал, как три брата бросились на колени перед Безаком с просьбой помиловать их отца или как «этот невзрачный человек, увешанный орденами, кичливый, чванливый, в окружении свиты» приказал отцу одного из учеников (русскому!) 25 раз ударить по лицу сына за то, что тот во время парада вел себя недостаточно. Но, по всей видимости, это запугивание не было действенным: в пятом классе Бжезинского избрали председателем небольшой группы учащихся, созданной под влиянием киевского студента Ярошевича. На встречах группы мальчики изучали историю, читали стихи, учились польской грамматике. Тайная библиотека была спрятана у Казимежа Зелиньского, сына доверенного лица графини. С ним и с Людвигом Варыньским Бжезинский отправился в Петербург, но из-за *numerus clausus* не смог поступить на медицинский факультет. Поэтому в духе эпохи позитивизма он поступил в Политехнический институт и стал химиком, вступив там в «Украинское коло». Название было обманчивым — в кружок входили только поляки из украинских губерний. После того как его выслали из столицы за социалистические убеждения и хождение в народ, он, избежав более сурового наказания, перебрался в Вену и поступил там на медицинский факультет.

Эта краткая биография является первым примером того, как — и это мы увидим еще не раз — русские и поляки сближались на почве социалистических идей. Следует также отметить, что первые петербургские процессы над студентами показали в определенном смысле бессилие властей перед политизацией российских учебных заведений. Что же касается поляков в западных губерниях, то распоряжение Комитета министров от 27 декабря 1873 г. об усилении надзора предводителей дворянства за учеб-

ными заведениями⁹² не привело к ощутимым результатам. Среди предводителей дворянства уже давно не было польской шляхты, что могло убедить ее от контроля и давало шанс на проявление новой солидарности между русскими и польскими студентами левых взглядов.

Если принять, что 20%-ный *numerus clausus* для поляков в действительности соблюдался, и зная количество студентов⁹³, можно с легкостью установить численность польской молодежи в Киевском университете в период с 1861 по 1899 г.:

Год	1861	1865	1870	1875	1880	1884	1886	1887	1890	1895	1899
Всего	945	497	784	666	1041	1702	1821	2030	1908	2313	2606
Поляки	190	99	156	133	208	340	364	406	380	462	520

Выпускники университета, как правило, переоценивали в воспоминаниях число польских студентов. Талько-Хрынецвич, который поступил в 1872 г., сообщал о таком числе польских студентов в его время, которое было достигнуто только через 20 лет, — 400 человек. Куда большую ценность представляет его описание подпольной деятельности. Он сообщал, что, несмотря на существовавшие ограничения, она продолжалась даже в первые годы после подавления Польского восстания и в подпольном движении принимала участие половина поляков. Существовала подпольная касса взаимопомощи с капиталом в несколько тысяч рублей, имелась и библиотека, созданная в 1862 г., долгое время укрывавшаяся и вновь открытая для пользования в 1872 г. благодаря Алойзю Длускому, студенту из Подольской губернии, который стал в будущем адвокатом в Одессе и пропагандировал левые идеи среди рабочих⁹⁴.

Подобная позиция была действительно проявлением чрезвычайной смелости в условиях, когда в университете власти возобновили политику деполонизации. Из университета изгонялись последние польские профессора, сам университет был превращен в плацдарм антипольской борьбы. Многие преподаватели начали после 1864 г. работать в русификаторской прессе. Наибольшую известность приобрел В.Я. Шульгин, основавший газету «Киевлянин» (позднее ее редактором был Пихно), но, кроме этого издания, были еще и «Киевское слово», «Киевские отклики» и т.п., которые помогали учителям истории и историческим обществам, работавшим над созданием нужного властям образа Юго-Западной России. В.С. Иконников написал в этом духе историю Киева с 1654 до 1854 г., а затем еще том, посвященный пятидесятилетию университета в 1884 г. В 1878 г. Историческое общество Нестора-летописца организовало пророссийский археологический съезд, а через год стало издавать «Чтения в Историчес-

ком обществе Нестора-летописца⁹⁵ по образцу Московского исторического общества. К этому списку следует еще добавить «Вестник Юго-Западной России», а также ряд губернских газет и других публикаций⁹⁶.

В начальный период борьбы с польской культурой в данном регионе некоторые украинцы, которые в скором времени сами стали жертвами преследований 1876 г., после принятия Эмского указа, не видели препятствий к участию в общей антипольской борьбе. Так поступил Павло Чубинский, которому Академия наук доверила редактирование отчета «этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский Край», где была грубо приуменьшена численность польского населения на Правобережной Украине и отрицалось польское (и еврейское) влияние на Правобережную Украину. Все разделы этого отчета, написанные П. Чубинским, а именно «Краткий исторический очерк ополячения Юго-Западного края», «Католицизм в Юго-Западном крае», «Коренные причины антагонизма с великорусами и изменение в быте поляков со времени неудачи повстания»⁹⁷, были так далеки от истины, что другой знаменитый украинец М.П. Драгоманов, куда более вдумчивый историк, сразу же подверг их резкой критике в «Вестнике Европы»⁹⁸. Он считал, что в интересах Российского государства было признать своеобразие всех меньшинств, ввести земства в западных губерниях, провести судебную, городскую реформы, объявить религиозное и языковое равенство и ввести свободу печати. В июле 1875 г. в том же журнале в статье «Евреи и поляки в Юго-Западном крае» он высмеял псевдонаучную анкету Чубинского и обвинил во лжи псевдонаучные изыскания последователей Каткова и его «Московских ведомостей»⁹⁹.

Примерно тогда же Тадеуш Бобровский заканчивал свои воспоминания, в заключительной части которых он так отозвался о волне псевдонаучных публикаций, призванных доказать русский характер Правобережной Украины. «Это происходит ежедневно, — писал он, — уничтожая и закапывая с каждым шагом, с каждой минутой следы и памятники нашей цивилизации в этих губерниях, привитой, правда, к иной почве, не без помощи превосходства и силы... но на почве, отличной от польской и от московской! Сегодня мы вынуждены молча слушать фальшивые и лицемерные бездарные квази-исторические сочинения, созданные победителями, которые ведут себя и думают так же, как мы за триста лет до этого вели себя и думали...»¹⁰⁰

Сознание чуждости польского присутствия на этой земле не было пространенным явлением среди польской общественности. Как уже отмечалось, оно дало лишь ценные, но редкие примеры хлопомании. Для большинства польской молодежи, которой удалось попасть в Киевский университет, было характерно либо обособление от непольских групп,

либо все более активное участие в борьбе своих русских товарищей с общим врагом — царизмом.

Российско-польское антиправительственное сближение студентов

После периода вынужденного бездействия и далекой от романтических повстанческих идеалов «органической работы» на польскую общественность Киева оказал очень сильное влияние пример неукротимого русского студенчества. К концу 1870-х гг. ситуация в Киеве стала вновь напряженной. Главными тому причинами были осложнения, вызванные Русско-турецкой войной 1877—1878 гг., и судебные процессы против революционеров-народников. Генерал-губернатор (сначала Дондуков-Корсаков, а с 16 апреля 1878 г. его преемник М.И. Чертков, служивший в 1860-х гг. волынским губернатором) получил новые полномочия, которые включали командование войсками на большой территории, вплоть до Черниговской губернии, и надзор за учащимися высших учебных заведений. Министерство внутренних дел уполномочило генерал-губернатора исключать из университета всех подозрительных лиц, к чему тот сразу же и приступил. Опасения полиции по поводу демонстрации протеста против процесса над социалистами (прокурор требовал смертную казнь для 5 человек) не были лишены оснований¹⁰¹. В самом начале года студенты и делегаты из Петербурга собрались для протеста в университетской столовой. 22 февраля сто студентов собрались на кладбище в Байкове у могилы железнодорожника. 15 марта триста студентов потребовали освободить студента Подольского, арестованного за покушение на прокурора Котляревского. Их ежедневные собрания в столовой продолжались до тех пор, пока 21 марта здание не было окружено и молодежь не заставили выйти. В ходе этой операции полиция арестовала 142 человека, которые предстали перед дисциплинарной комиссией. 49 были исключены на три года без права перевода в другой вуз, 75 — на два года на тех же условиях, 10 получили предложение покинуть университет по собственному желанию, а 8 получили выговор. Всем было запрещено пребывание в Киеве. Столовая была закрыта. В ночь с 24 на 25 мая 1878 г. ударом кинжала был убит жандармский офицер барон Г.Э. Гейкин, ответственность за покушение взяла на себя группа, называвшая себя российскими социал-революционерами. Убийца найден не был¹⁰². Настало время, когда польской молодежи пришлось вместе с другими меньшинствами (евреями, украинцами) определить свою позицию по отношению к русскому революционному движению.

С начала 80-х годов однородное революционное движение польских студентов, хотя еще не переживало глубокого раскола на сторонников

интернационализма и национализма, все-таки уже подтачивалось разного рода противоречиями. Царская полиция располагала точной агентурной информацией, но пока не видела различий внутри этого движения. В то же время сумбурность агентурных донесений показывает, насколько сложным был процесс создания польского национально-демократического движения на Украине, местного социалистического движения, а также указывает на левое происхождение будущих польских правых.

В любом случае молодая польская интеллигенция в Киеве уже не была бездеятельной, изолированной от других частей разделенных польских земель. Примером тому может служить подборка материалов под названием «Польская группа социал-революционеров Киевского университета», собранных полицией с сентября 1881 по январь 1882 г.¹⁰³ Из нее узнаем о существовании связей между студентами университетов в Москве, Петербурге, Варшаве (русский университет был открыт там в 1868 г.) и Киеве. Уже в 1880 г. было арестовано 4 или 5 студентов, среди которых был Казимеж Сосновский. Он выписывал из Варшавы газету «Równość» («Равенство»), издаваемую в Женеве Л. Варыньским. В связи с марксистским характером этой газеты полиция предположила, что, скорее всего, Сосновский, а также Х. Лисовский, учащийся в Варшаве, и А. Длуский, о котором уже была речь, вели агитацию среди рабочих и школьной молодежи. Было также известно о существовании в Киеве женского «Польского кружка», который возглавляла сестра Лисовского, Винцентина. Имела полиция и сведения о работе юридического, литературного, исторического, экономического кружков под руководством З. Балицкого, Родзевича, Дирмонта. Родзевич приехал в Киев, чтобы агитировать за проведение торжеств по случаю пятидесятилетия Ноябрьского восстания. При нем были письма к заведующему тайной университетской библиотекой, к студенту-медику Бернацкому («Корчаку»), а также три письма к неизвестным адресатам, где говорилось о некоем «Клубе сынов отечества», и обращение к украинофилам¹⁰⁴.

На основании этих перехваченных документов создается образ националистической группы, которую полиция еще не могла распознать и отличить от общего социалистического движения. Однако общепольский характер ее деятельности и время ее возникновения (З. Балицкий создал «Зет» в Кракове лишь в 1887 г.) не могут не поражать. Из этих материалов становится известно, что уже в 1881 г. киевские студенты высылают небольшие суммы денег в Варшаву (50 рублей). Согласно донесению, сумма поступила из насчитывавшего от 3 до 4 тыс. рублей Общепольского фонда, созданного во время контрактной ярмарки в Киеве. Уже само название фонда свидетельствовало о том, что он был создан по образцу парижской Национальной казны Агатона Гиллера. В то же время были очевидны

контакты и с русским революционным движением. Сестра Б. Лисовского, Антонина, призналась на допросе, что вместе со своим женихом Михаилом Колодкевичем состояла в «Народной воле». Это не мешало ей организовать у себя дома клуб, который, согласно донесениям, «составляет часть польского патриотического общества, преследующего цель самообразования в исключительно польском духе и в чаянии возрождения Польши». Точных данных об участниках собрано не было. Удалось лишь узнать, что З. Балицкий хотел купить в арсенале печатный станок за 300 рублей, но решил, что это слишком дорого. Было также установлено, что Ян Длуский часто ездил из Киева в Варшаву для согласования времени проведения пропагандистских акций в этих городах, а также в Вильне и Петербурге. Полиция считала, что «Общество польской молодежи» было связано с «Черным переделом». Такое сотрудничество казалось тогда совместимым с польским патриотизмом — члены общества говорили о новой Польше, которая будет создана благодаря революции. Определенное удивление вызывает поддержка этого движения помещиками. Взносы в счет Общественного фонда можно объяснить тем, что землевладельцы, о консерватизме которых уже не раз говорилось, по всей видимости, не имели точного представления о революционных целях организации. Тем не менее некоторые из них без колебаний оказывали поддержку молодежи. Богатую помещицу Янковскую из Ходоркова подозревали в том, что она поддерживала эту группу и выступала в качестве ее связной в Женеве. В ценных воспоминаниях одного из основателей польского национально-демократического движения на Украине говорится о чувствах, которые у помещиков вызывали подобные связи: «Более горячие головы приходили к мысли, что русское радикальное движение было нашим естественным союзником в борьбе с врагом, которым был царизм... Люди зачастую крайне умеренных взглядов, с отсталыми социальными и политическими убеждениями, не критично принимали русский радикализм, так как эта идеология была направлена против нашего общего врага»¹⁰⁵. Станислав Зелиньский удачно подметил существовавшую тогда идеологическую смесь, позволявшую, к примеру, утонченным польским барышням читать Бакунина или ультраевую русскую прессу и в то же самое время держаться идеей польского позитивизма.

Однако глубокое различие между этими двумя направлениями, национальным и интернациональным, стало очевидным в 1884 г. во время студенческих волнений, приуроченных к празднованию пятидесятилетия Киевского университета. Именно тогда было избрано новое руководство, стремящееся к осторожности и скрытому культивированию польской идеи. Эта масса польской молодежи, выходцев из помещичьих семей, которые могли себе позволить учиться в университете, не была смелее своих отцов,

о которых уже шла речь. Некоторые подробности об этой эпохе узнаем из воспоминаний в то время студента Яна Хмелевского, принадлежавшего, скорее всего, к социалистам¹⁰⁶. Он был родом из Вильны, в 1882 г. поступил на медицинский факультет Киевского университета. Ему удалось прекрасно показать, как произошел раскол между консервативно-националистическим большинством поляков на Украине и меньшинством, желавшим трудиться ради смутных идей общего народного блага, не осознавая (как и во времена «заговора» Шимона Конарского 1839 г.), что на Украине есть только украинский люд (народ), а польского нет. Неудивительно, что в 1884 г. из «Общества польской молодежи» выделилась крайне осторожная «Корпорация» — организация студентов-поляков, в которую входило около 140—150 человек, из которых в 1885—1886 гг. левых взглядов придерживалось от 10 до 30 членов¹⁰⁷.

Празднование пятидесятилетия университета оказало непосредственное влияние на рост противоречий между различными университетскими группами. «Крај» сообщил на первой странице 28 сентября 1884 г., что собравшаяся у здания университета молодежь освистала выступавших, затем отправилась к памятнику Св. Владимира (что говорит о том, что среди этой группы большинство составляли украинцы), в то время как «завсегдатаи кафе» пошли бить стекла в доме ректора Н.К. Ренненкампефа и по пути забросали камнями карету почетного гостя К.П. Победоносцева. Полиции и казакам так и не удалось никого поймать¹⁰⁸. После того как были найдены листовки с обвинениями в адрес великороссийского молоха¹⁰⁹, всю вину свалили на евреев и украинофилов. Но лучше всех поступил Катков в Москве, его «Московские ведомости» нашли иных виновников — поляков, строящих бунтарские козни. Из университета, главным образом с первого и второго курсов медицинского факультета, было исключено более 100 студентов, университет был закрыт на полгода — до октября 1885 г., когда после визита царской семьи пришли к выводу, что Киев, мать городов русских, чересчур от этих самых городов отличается. Было решено поставить перед университетом памятник его основателю — Николаю I (теперь на его месте стоит памятник Шевченко), а на Софийской площади — памятник Хмельницкому, мнимому символу вечного союза украинских и русских земель. Несмотря на то что еще в 1859 г. Н. Костомаров совершенно в ином свете представил украинского героя, его образ продолжали эксплуатировать в имперских целях. Торжественное открытие памятника Хмельницкому состоялось в 1888 г.

Тем временем лишенные возможности учиться польские студенты основали «Общество помощи обездоленным» и организовывали благотворительные балы. В конце 1885 г. было подано 190 просьб об оказании финансовой помощи¹¹⁰, но полицейский террор последующих лет царство-

вания Александра III не давал возможности заниматься даже «органической работой». В 1887—1893 гг. эта организация существовала лишь на бумаге, во главе ее стояли будущий выдающийся думский депутат, адвокат Игнацы Лыховский и Марчин Корчиньский. Оба они закончили Житомирскую гимназию и уже тогда были тесно связаны с польскими землевладельцами. По воспоминаниям врача М. Лонжинского¹¹¹, в этот период в лучшем случае удавалось устраивать на частных квартирах тайные спектакли или ежегодные польские балы, на которых финансист Леонард Янковский оказывал помощь польским студентам, пожертвования делались, но, по мнению Лонжинского, денег ни на что не хватало.

После процесса над Л. Вырчиньским и разгрома «Пролетариата» в Варшаве (декабрь 1886 г.) роль левых организаций в Киеве стала еще более скромной, хотя теоретические споры среди них не утихли. Юрист Й. Солтан, врачи Л. Левкович, Х. Сарцевич присоединились в 1890—1891 гг. к Польской социалистической партии (ППС), в то время как В. Богуцкий и С. Бахницкий создали польскую социал-демократическую группу, ориентированную на идеи Р. Люксембург¹¹².

При чтении воспоминаний Б.К. Вежейского создается впечатление, что Киевский университет был рассадником революционных идей. Возможно, это не так уж далеко от истины, правда, с учетом того, что участие в этом движении поляков, в особенности местных, было минимальным. Среди участников забастовок и демонстраций были, прежде всего, русские и поляки из Белоруссии и Литвы. Так было на зверски разогнанной в феврале 1889 г. демонстрации студентов на Казанской площади в Петербурге. 18—19 марта 1897 г. после самоубийства курсистки М.Ф. Ветровой в Петропавловской крепости «Корпорация» вместе с русскими студентами организовала массовые протесты, в ответ на которые начальник Киевского жандармского управления генерал В.Д. Новицкий применил крайние репрессии. Однако заметное участие отдельных польских деятелей контрастировало с консервативной позицией большинства поляков. Действительно, среди 150 арестованных в начале марта 1898 г. были поляки с Украины: Людомир Скаржинский и Марьян Гурский, однако они действовали в рамках РСДРП, так же как и К. Петрусевиц, Е. Чарновская, Лисецкие и др.¹¹³

Однако лихорадочное беспокойство полиции Николая II по поводу неясных связей этого движения с польскими социалистами и даже с зарождавшейся партией польских национальных демократов, корреспонденция и отчеты об этом не идут в сравнение с замешательством, которое вызвала у Охранного отделения информация о тайных поездках на Украину Б. Славка или, немного позднее, Ю. Пилсудского. В то же время член ППС (скорее всего, из Вильны) писал 13 мая 1896 г. о том, что не доверяет связям с украинскими студентами: «В том, что касается Киева, то по-

ложение оказалось хуже, чем я предполагал. Г. не разобрался в том, куда клонят те, с кем он шел рука об руку, а мы не знали, что якобы “наши” — это тамошние “здешние” чистой воды. Совершенно глупое положение, в котором мы оказались там, вынудило меня пойти на временный компромисс, и от него следует в течение месяца отказаться, т.е. решить вопрос раз и навсегда. Положение это я называю глупым, поскольку кроме тамошних “здешних”, которые хотя бы на нас не нападают, там есть еще и социал-демократы»¹¹⁴. Немного позднее в том же году другой эмиссар писал о бессилии ППС в работе со студентами: «Хуже всего ситуация в Киеве... В Киеве у нас никогда не было организованной структуры, лишь отдельные люди, которые вели там нашу работу, и они уехали, никого после себя не оставив»¹¹⁵.

В Киевской губернии, где среди студентов живы были убеждения их родителей, сотрудничавших с царскими властями, сознание необходимости участия в общепольском, охватывавшем все польские земли Австро-Венгрии, Германии и России национальном движении было еще слабее. Несмотря на стремительное развитие начиная с 1887 г. на всех польских землях таких организаций, как «Лига Польска» и «Зет», на первом съезде этой последней организации в Варшаве в 1889—1890 гг. от Киева никого не было. Лишь на рубеже 1900—1901 гг. под влиянием С. Зелинского и В. Куликовского в польском движении на Украине появилось отчетливо националистическое направление, оформившееся в организацию под названием «Полония» с печатным органом «Bratniak». Именно тогда дело дошло до споров и конфликтов из-за денег и библиотеки с существовавшими ранее группами¹¹⁶.

Вместе с тем исследование национального пробуждения поляков на Украине на рубеже XIX — XX вв. не стоит ограничивать университетскими стенами, куда не у многих был доступ и где само проявление политической и интеллектуальной жизни находилось под контролем. Именно поэтому обратимся к начальному и в особенности среднему школьному образованию, чтобы выявить источник наметившегося возрождения.

Под надзором Д.А. Толстого, занимавшего должность министра народного просвещения 14 лет, и И.Д. Делянова (16 лет), а затем таких мракобесов, как Н.П. Боголепов (застрелен в 1901 г.), П.С. Ванновский, Г.Э. Зенгер, генерал-лейтенант В.Г. Глазов, просвещение в Российской империи не могло даже приблизиться к мечте киевского попечителя 1866 г. о всеобщем образовании. В этих условиях на Украине, хотя и в народной, нелитературной форме, существовали: язык крестьян, т.е. украинский язык, идиш у евреев и польский язык у поляков. Дети привилегированных меньшинств каждой из этих трех групп ходили в единственно доступные им русские учебные заведения, где либо ассимилировались, либо со вре-

менем превращались в интеллигенцию, осознающую свое происхождение. Случалось, что такие учащиеся подвергались сразу обоим процессам.

Согласно малодостоверным, но незаменимым для исследователя данным переписи 1897 г., из 9 миллионов населения трех юго-западных губерний 4/5 были неграмотными. Читать умело 17,3% (18,1% — в Киевской губернии, 17,1% — в Волынской, 15,5% — в Подольской). Соотношение умеющих читать мужчин и женщин было следующим¹¹⁷: в Киевской губернии — 27,6% на 8,9%, в Волынской — 24,4% на 9,8%, в Подольской — 23 % на 6,9%. Подобное положение было вызвано слабым развитием начального образования, по которому у историков пока нет полных данных. Если добавить представленные Л. Заштовтом данные на 1891 г. по учебным заведениям, находившимся в ведении Министерства народного просвещения, к данным из отчета Победоносцева за 1890 г. о количестве церковно-приходских школ, то получим достаточно полное представление о числе грамотных детей в трех губерниях Правобережной Украины в 1890—1891 гг.¹¹⁸:

	Киевская губерния		Подольская губерния		Волынская губерния		Общее число учащихся
	учебные заведения	учащиеся	учебные заведения	учащиеся	учебные заведения	учащиеся	
Начальные школы МНП (1891 г.)	203	—	277	—	299	—	51 667
Приходские школы Св. Синода (1890 г.)	1369	51 015	1006	30 793	642	16 174	97 982
							149 649

В отчете обер-прокурора Святейшего Синода особо подчеркивалось, что эти школы в данном регионе не только способствовали просвещению, но и имели политическое значение. Победоносцев обращал внимание на то, что местное население, окруженное католическим польским имущим классом, лишь только благодаря этим школам сохраняло силу веры и принадлежность к русской национальности, а каждая такая школа являлась своего рода крепостью в борьбе с католической пропагандой.

Съедавшая власти навязчивая идея о том, что поляки хотели завладеть украинскими душами, несомненно, не была безосновательной. В то же

время существовавший огромный репрессивный механизм не давал возможности для этого. И хотя обнаружение и закрытие нелегальных польских школ было крайне редким явлением на Правобережной Украине, каждое такое событие становилось для царских властей ценным поводом для дальнейших репрессий. Власти, разумеется, не обращали внимания на то, что целью этих школ было обучение в первую очередь польских, а не украинских детей — чаще всего детей бывшей, деклассированной шляхты в местечках и на селе¹¹⁹.

До 1892 г. еще не требовалось официального разрешения на получение домашнего образования, оно даже было разрешено циркуляром министра народного просвещения от 14 февраля 1882 г. В 1883 г. «Киевлянин» бурно протестовал по поводу обнаружения пяти «тайных школ» в Подольской губернии в селе Мурафа под Ямполем, где «крестьяне-католики» (скорее всего, речь шла о деклассированной шляхте) давали в месяц на содержание учителя по 1 рублю или по 75 копеек. И хотя через год их право на такие школы было подтверждено в судебном порядке, «Киевлянин» не мог обойти молчанием примеры того, как поляки имели «наглость» учиться сами. Так было, когда в том же 1884 г. в Киеве было обнаружено 4 неофициальных польских школы. Тем не менее только 6 марта 1890 г. генерал-губернатор А.П. Игнатьев принял решение вернуться к санкциям, примененным сразу после восстания 1863—1864 гг., и запретил открывать школы без разрешения властей. В случае первого нарушения запрета виновные облагались штрафом в 75 рублей, который мог быть заменен трехнедельным арестом, при повторном нарушении наказание удваивалось. 3 апреля 1892 г. денежный штраф был увеличен до 300 рублей, а арест — до 3 месяцев. Теперь наказание распространялось как на содержание нелегальных школ, так и на частные уроки, если они давались без разрешения. Инспекторов власти призывали к бдительности¹²⁰.

Немногие попытки создания польских школ и полная невозможность для поляков обучать украинских крестьян не имели ничего общего с раздуваемой властями польской угрозой на Украине. Ко времени воцарения молодого Николая II этот страх пронизывал властные структуры уже более сорока лет. В высшей степени характерно то, что в марте 1895 г. царь внимательно прочитал годовой отчет за 1893 г. волинского губернатора С.П. Суходольского, подчеркнув некоторые предложения и оставив краткие комментарии. Текст с пометками царя был передан для ознакомления попечителю Киевского учебного округа.

В нем повторялось, что непреложной истиной является тот факт, что школа — лучшее орудие в деле воспитания молодежи в «истинно русском» духе. «Совершенно верно», — отметил Николай II. А далее интерес царя вызвала информация о расширении сети школ для народа. Он пометил: «к

министрам Народного Просвещения и Финансов». Во втором абзаце, который, по всей видимости, понравился царю, сохранилось свидетельство его мечты о силе монаршей власти. По словам Суходольского, в том, что касалось поляков, внедрение в этом регионе православия, русских начал и лояльности принесло уже свои заметные плоды. Железная воля правительства в деле укрепления в Волынской губернии, колыбели России и православия, русского элемента, «несмотря на все усилия со стороны латинско-польской пропаганды», побудила «наиболее разумных из их [поляков. — Д.Б.] числа постепенно проникаться убеждением в невозможности возрождения Польши». Именно эта точка зрения, действительно, со временем возобладает среди польских помещиков Волыни, которые должны были «слиться с русским поместным дворянством», как за век до того это произошло в смоленских землях. Несмотря на то что часть помещиков и бывшей шляхты, по мнению губернатора, была настроена враждебно, положение должно было со временем выправиться, «чему немало должно способствовать и ближайшее сношение местных поляков с коренными русскими» и с представителями власти, «которые неуклонным исполнением предначертаний высшего Правительства и образом действий спокойным, всегда одинаковым, чуждым как послаблений, так и чрезмерных притязаний, а тем более предвзятых взглядов [подчеркнуто царем. — Д.Б.], все более могут вселить среди местного населения не одни лишь страх, но и любовь к Русской Власти, всегда справедливой и любвеобильной ко всем ее подданным».

Однако огорчение Николая II вызвала заключительная часть отчета, в которой говорилось о действительной — плачевной по сравнению с другими частями империи — ситуации в школьном образовании: 1 начальная школа приходилась на 1732 жителя и 42,7 кв. версты (1 на 127 кв. верст в Овруцком уезде), т.е. в школах обучалось 3% от всего населения (0,98% женского населения). Из детей школьного возраста получало обучение 38,7% мальчиков и 4,6% девочек. «Весьма печально», — отметил его императорское величество¹²¹.

Через год волынский губернатор продолжал расписывать возможное в будущем стирание национальных различий. Он писал в своем годовом отчете: «...чуждаясь церковно-приходской школы, иноверцы охотно отдают своих детей в школы Министерства Народного просвещения». Он подчеркивал необходимость создания новых приходских школ, «в которых дети иноверцев получали бы русское воспитание и образование и затем постепенно входили бы в общее течение русской жизни, мало-помалу утрачивая признаки своей национальной и даже религиозной обособленности»¹²².

Неустанная политика русификации не привела к желанным для правительства последствиям. И все-таки ее результаты заслуживают самого пристального внимания. Речь идет прежде всего о русификации началь-

ного образования, введенного для украинских крестьян. Польские дети в большинстве своем получали начальное образование дома. Положение же в прогимназиях и гимназиях было иным. Анджей Менцвель очень удачно отметил разницу в отношении к полякам (и их реакциям) в западных губерниях и в бывшем Царстве Польском. В западных губерниях царские власти не решались на столь открытое поспание польского сознания, какое практиковал попечитель Варшавского учебного округа А.Л. Апухтин, провоцируя сопротивление учащихся. Примером тому может служить поступок героев романа С. Жеромского «Сизифов труд», декламирующих «Редут Ордона» Мицкевича — идеал смерти за родину и символ полного неприятия чуждой культуры захватчика. На Украине же как в гимназии, где довелось учиться писателю С. Бжозовскому, так и в душе самого писателя не чувствуется, как подчеркивает Менцвель, насилия, а наоборот — сплетение русской и польской культуры¹²³. Однако такое определение можно отнести, как уже подчеркивалось, не ко всей польской молодежи, а лишь к той ее части, которая вступала, как правило, в школьные кружки левого направления. Молодой С. Бжозовский, учившийся в Немировской гимназии в 1892—1896 гг., подробно описал свои контакты с русскими нигилистами и марксистами в первых главах романа «Огни», а сам на парадоксальной для властей основе сблизился со своими русскими товарищами. В противоположность тому, чего ждали от русско-польского сближения власти, общение с русскими друзьями привело Бжозовского к открытию и принятию общечеловеческих идеалов. Во все эти обрусевшие гимназии Украины проникли идеалы универсализма, одинаково чуждые как российским казенным заведениям, так и польским усадьбам. А это *novum* обладало удивительной притягательной силой, о чем вспоминали многие учащиеся тех лет, как, например, Станислав Стемповский, учившийся в Каменецкой гимназии в 1879—1888 гг., или позднее его сын Ежи Стемповский, закончивший ту же, что и Бжозовский, гимназию в Немирове в 1911 г.

Из их воспоминаний вырисовывается особый образ формировавшегося нового интеллигента с исключительно открытым отношением к миру. Полученный опыт отдалял этих людей от своего окружения. С. Стемповский критически относился к своим теткам, у которых в начале учебы жил в Каменце: «...был это круг помещиков и богатых городских обывателей, пенсионеров, людей свободных профессий и ханжей». Он с огромным удовольствием углубился в чтение произведений Н.Г. Помяловского, Г.И. Успенского и многих западных авторов: Э. Сю, Ч. Диккенса, Байрона, Ф. Шиллера, А. де Ламартина («История жирондистов»), П. Феваля и отдалялся от христианской веры, прочитав книгу Дж.В. Дрэпера «История отношений между католицизмом и наукой». Именно таким образом ему удавалось избежать душной атмосферы, царившей в официальном обра-

зовании, «переживавшем как раз нашествие на русские гимназии Лейпцигских филологов, очень плохих педагогов. Их лично проверял знаменитый реакционер, министр Дмитрий Толстой, для оглупления нас немецкой филологией». Дальше он пишет: «Поляки в классе делились на два вида: заправил, шеголей, гуляк, картежников, дамских угодников, далеких от книг... Мы же тайно читали польские книги, на имя моей мамы я выписывал газеты “Przegląd Tygodniowy” и “Prawda” Свентоховского. Так мы знакомимся с “варшавской прогрессивной мыслью” и с направлениями западной мысли (Боклем, Тэном, Дарвином, Золя, Брандесом)... У нас была спрятанная на фабрике газированной воды библиотека “антиправительственной и антиклерикальной” литературы». Они ненавидели общую молитву, с возрастом открыли Маркса, но находились под влиянием скорее «Земли и воли» и народовольцев. Их богом был Лев Толстой: «С характерной для нашего возраста восприимчивостью мы увлеклись толстовским культом простого образа жизни и присоединили его идеи к уже созревшему в нас бунту против любого насилия. Толстой был нашим Руссо из вторых рук и оказал большое влияние на мое духовное развитие». Однажды одного из учеников застали в общественном месте за чтением «Политической экономии» Дж.С. Милля в переводе Н.Г. Чернышевского. Полиции удалось сразу узнать о библиотеке, однако библиотекарь, еврей Эпельбойм, успел все спрятать. Так выглядела гимназическая жизнь во времена знаменитого распоряжения министра просвещения о запрете принимать в школу детей из «опасных классов» поваров и прислуги («циркуляр о кухаркиных детях» 1887 г.). Автор воспоминаний, несмотря на запрет, давал частные уроки и сдал экзамены на аттестат зрелости в 1888 г., когда было принято только 16 из 45 учеников, приступивших к экзамену, что является еще одной иллюстрацией не исчезающего в России опасения перед образованием. «Горе от ума» не теряло своей актуальности¹²⁴.

Особенностью всех гимназий этого региона был их многонациональный характер (русские, украинцы, евреи, поляки), смесь дворянства с разночинцами (дети священников, купцы) и значительно более тесные отношения между этими группами детей, в отличие от их родителей. Именно эта атмосфера вызывала сильные переживания у юных героев романа «Огни», учившихся в Немирове, к югу от Винницы, Адася Белецкого и Михала Канёвского, которые в этой русифицированной гимназии могли оторваться, как правильно подчеркивает А. Менцвель, от окружающего их «полностью лишённого морали мира». Эта особенность гимназического образования сохранилась и в период столыпинской реакции. Свидетельством тому проукраинский и проеврейский настрой сына Станислава Стемповского, Ежи, будущего друга Ежи Гедройца в Париже после 1945 г. Получив первые знания дома, в своем родном Винниковце, затем путеше-

ствуя с отцом, он прочитал всю его библиотеку, стал гражданином мира и никогда не отказывался от идеи сближения разных национальных групп на Украине, которое наблюдал во время учебы в Немирове¹²⁵. Естественно, существовала и другая позиция, о которой открыто можно было заявить лишь в 1905 г., но о зарождении которой можно говорить уже в конце XIX в. Эта позиция была сформирована по образцу варшавского ирредентизма. На ее основе в университете, позднее, чем в других частях разделенных польских земель, появились национал-демократы. В воспоминаниях Казимежа Фудаковского, воспитанника первой Киевской гимназии 1896—1898 гг., говорится об этой тенденции к сплочению на узкопатриотической основе: «Чем настойчивее вели или старались вести русификацию, чем жестче она была по национальному наследию, т.е. по его духовной и культурной составляющей, тем сильнее и сплоченнее было сопротивление. Уже тогда разные социальные течения, приходившие к нам с Востока, старались овладеть умами молодежи, отвергая все, что было связано с традицией или национальным прошлым [обратим внимание на иную тональность приводимой цитаты по сравнению с предыдущими примерами. — Д.Б.], но инстинкт самосохранения настолько обострил бдительность общества, что этой пропаганде с трудом удавалось проникнуть в умы»¹²⁶. Стоит подчеркнуть, что подобные утверждения применительно к периоду до 1900 г. были редкими. В работе Б.К. Вежейского о политических движениях молодежи в российских гимназиях Украины также показано, что повсюду ведущая роль принадлежала левым движениям — будь то в Киеве и Белой Церкви (воспоминания Б. Витковского) или Золотополе (воспоминания С. Седлецкого), Каменце (воспоминания К. Гроиньского), Виннице (воспоминания самого Вежейского), Житомире (воспоминания И. Земяньского) и т.п. Во всех этих свидетельствах говорится о существовании связи между польскими и украинскими социалистами, особенно при посредничестве редакции журнала «Промінь», где в 1899 г. прошел сбор представителей всех средних украинских школ¹²⁷.

Политические иллюзии поляков в 1905—1908 годах

Сотрудничество польской молодежи, главным образом гимназической и в меньшей степени университетской, с левым движением, особенно с российской социал-демократией, не должно заслонять тот факт, что большая часть польских помещиков (родители и значительная часть молодежи), как уже отмечалось, были настроены консервативно. Несмотря на то что в 1907—1908 гг. они стояли на примиренческой позиции краёвцев

(аристократов-регионалистов), в 1905 г. на революционной волне либерализации управления окраинами они поверили в возможность проведения общепольской политики и воскресение умиравшей польской культуры на Украине в духе национал-демократов, которые уже успели набрать силу в других польских землях и Привислинском крае. Без учета этого факта невозможно объяснить возникновение и понять смысл этого очень сильно-го устремления к созданию польских начальных школ в 1904—1907 гг.

Прежде чем мы пойдем дальше, необходимо внести некоторые коррективы в тезис, представленный в статье Л. Заштовта о начальных польских школах на Украине в 1905—1914 гг.¹²⁸ Каждый раз, когда в просматриваемых им источниках, главным образом полицейских отчетах, встречалась характеристика этих школ в качестве крестьянских, Заштовт идет за источником, по всей видимости забывая, что в конце XIX в. царская администрация уже не признавала категории однодворцев, т.е. в прошлом многочисленной чиншевой шляхты, и относила их к крестьянам. Таким образом, безоговорочно принимая существовавшую номенклатуру, он пришел к выводу, что польские помещики, учреждая народные школы, действовали исключительно из альтруистических чувств, ради блага народа, заботясь о просвещении украинского крестьянства.

Последнее Заштовт стремится доказать, приводя многочисленные примеры сел, где население было смешанным. Однако сам факт наличия смешанного населения не означал, что в школу попадали дети всех национальных групп. Разумеется, в большинстве случаев католическое исповедание и польская национальность совпадали, хотя среди учеников этих школ могли оказаться и дети украинских католиков. Однако все доступные свидетельства об этой ширококомасштабной школьной акции убеждают нас в том, что речь шла о реполонизации. Иными словами, она в первую очередь была направлена на чиншевиков, на деклассированную шляхту, которую считали польской. О масштабе этого движения уже говорилось в главе, посвященной деклассированной шляхте. Здесь же мы стараемся показать, каким образом это движение развивалось и как воспринималось властью.

Его первые инициаторы начали действовать тогда, когда национал-демократическое движение еще только зарождалось. Ими были Юзефат Анджеёвский (1849—1939) и Леонард Янковский. Первый был промышленником, владельцем фабрики керамики в Киеве, в 1903 г. насчитывавшей 200 рабочих. Он приехал в Киев из Келецкой (Кельце) губернии Привислинского края и осел на Украине в 1878 г.¹²⁹ Янковский был помещиком из Сквирского уезда, во время Январского восстания выступал на стороне белых, впоследствии учредил земский банк. Примерно уже в 1881 г. Анджеёвский открыл нелегальную школу на своем предприятии, а

позднее эти два мецената оказывали помощь нескольким интеллигентам, инициаторам нелегального народного просвещения. Среди наиболее ярких представителей этого движения были, например, Станислав Дыбовский, в прошлом повстанец 1863 г., ксендз, которому волынский губернатор запретил пасторскую деятельность. Став железнодорожником, он осел в Киеве. Дыбовский разработал первые программы этих школ и начиная с 1888 г. смог привлечь к работе многих польских помещиц¹³⁰ (возможно, потому его и преследовали власти в 1892 г.). Он погиб в результате несчастного случая на железной дороге в 1900 г. Хмелевский подчеркивает заслуги еще одного железнодорожника, инженера Винценты Матерницкого, а Зелинский обращает внимание на деятельность адвоката из Варшавы Мирослава Савицкого, который поселился в Умани. Стоит сказать, что, как видим, первые представители эндэков были на этих землях пришлым элементом, попавшим в начале XX в. на благодатную почву. Как отмечал Хмелевский, «польское общество Руси [Украины] было достаточно консервативным, но не относилось к угодовцам [это преувеличение. — Д.Б.]. В нем всегда было живо чувство глубокой связи с другими частями Польши и с нашим прошлым. Разочаровавшееся в попытках поднять восстание, оно с недоверием смотрело на русское революционное движение, на социалистические новшества, на все, что шло с Востока, но, охваченное желанием выжить, оно все силы направило на просвещение. В существовавших условиях просветительская деятельность на Руси могла быть только нелегальной, подпольной. В крупных городах, таких как Киев, Житомир, Умань, Каменец, каждый, кто осознал свою связь с польской культурой, считал своей обязанностью помочь развитию польского образования»¹³¹.

Размах предпринимаемых эндэками инициатив был действительно внушительным, и действия эти были более организованными, менее стихийными, чем это представляется Заштовту¹³². Уже накануне революции, в 1904 г., на подпольном просветительском съезде, в работе которого, по оценке З. Анджеёвского (сына Юзефата), приняло участие 600 человек со всей Правобережной Украины (в имении Х. Здановского, директора сахарного завода в Узине), было решено обратиться к властям для утверждения устава общества «Осьвята». Во главе этого движения был Юзефат Анджеёвский¹³³. Это был период волнений, когда все национальные группы, в первую очередь украинская, но также еврейская и русская, требовали проведения школьной реформы. Все казалось возможным. После убийства В.К. Плеве новый министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский и С.Ю. Витте поддержали новую языковую политику. В феврале 1905 г. наконец было разрешено опубликовать на украинском языке Библию, открывать украинские общества и издавать газеты. Украинская организация «Просвита» из Галиции была наиболее динамичной. Для поляков же Пра-

вобережной Украины поддержка их со стороны нового политического, с ярко выраженным национальным характером, движения «Зжешене» стала важным стимулом. Вначале среди его инициаторов были все те же лица, но новые патриотические лозунги привлекли в него и многих крупных магнатов, которые через два года вернутся на прежнюю крайне консервативную позицию. Среди них были: М. Понятовский, генеральный секретарь, Щ. Потоцкий, В. Грохольский, С. Пфаффиус, Федорович и др., которые в скором времени вместе с И. Бартошевичем создали газету «Dziennik Kijowski». С. Зелинский, один из главных вдохновителей этого движения, прекрасно показывает его неожиданный размах и роль в ней той части университетской молодежи, которая не хотела идти за социалистами из «Корпорации» и начала сомневаться в правильности расходования средств из студенческой кассы (а это была значительная сумма — 12 тыс. рублей). Уже в 1901 г. этот раскол привел к созданию по инициативе организации «Лига Народова» студенческой группы «Полония», в которую вошли выпускники первой Киевской гимназии, во главе с частью эмиссаров из Варшавы. Осенью 1902 г. общество «Полония» уже имело свой собственный устав (125 статей), и хотя оно не пользовалось широкой популярностью среди поляков Украины, но все же могло рассчитывать на сильную поддержку со стороны землевладельцев¹³⁴.

Политическое значение польской школьной акции, которому Л. Заштовт не уделил внимания, стало очевидным уже после манифеста 17 октября 1905 г. Именно после этого организация «Осьвята» могла с полной уверенностью считать себя *ipso facto* официально признанной (правда, у властей взгляд на это был несколько иным), а «Зжешене», в свою очередь, приступило к разработке планов легальной деятельности¹³⁵. Самозванная дирекция этого движения, не желая принимать участия ни в какой революционной деятельности, была вынуждена принять директивы общества «Осьвята», правда распространив свою помощь только на благотворительные общества и зарождавшееся харцерское движение.

Этот проект программы «Зжешене» крайне важен для характеристики роли, которая отводилась начальным школам в новой ситуации, сложившейся после указа от 11 декабря 1905 г. «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу», который позволил включить в избирательные списки чиншевиков наравне с собственниками земли, о чем уже говорилось в предыдущей главе. Таким образом, этот указ создал совершенно неожиданную возможность (и даже необходимость с точки зрения задачи политического преобладания) для реполонизации безземельной шляхты, ранее отринутой польскими землевладельцами.

В проекте программы особо подчеркивалось, что «Зжешене» защищает национальные интересы поляков на Украине, не занимается политичес-

кой пропагандой, «отвергает космополитические, а также атеистические идеи» и стремится к солидарности без проявления «классовой ненависти». В проекте говорилось, что «дело начального образования в католическом и национальном духе широких слоев нашего общества, еще невежественных и непросвещенных в национальном вопросе, должно возродить в первую очередь общество, хотя бы ради увеличения членов нашего движения “Страництво Народове”». Задачи польской общественности заключались в просвещении «широких слоев населения, в настоящее время прозябающих в безграмотности, и в просвещении их в национальном духе». Восстановление отношений с деклассированной шляхтой требовало, как говорилось далее в проекте, введения для помещиков обязательного налога (его размер должен был оговариваться отдельно). Организаторы собирались обратиться за помощью к приходским католическим священникам для распространения анкеты о числе прихожан и детей школьного возраста. Это дало бы возможность запланировать необходимое количество школ и распределить поступающие налоговые средства. Часть бюджета предполагалось пустить на создание педагогических училищ в Киеве, Каменце, Житомире и, возможно, в Виннице, для того чтобы в будущем расширить сеть начальных и средних школьных заведений, воспитывающих молодежь в польском духе. Предполагалось, что если не удастся избежать парцелляции частных имений в Думе, а этого помещикам очень не хотелось, то следовало хотя бы ее провести в пользу польского населения, что должно было способствовать созданию новых приходов и польских школ. «Зжешене» также планировало развивать хозяйственные, продовольственные кружки, кассы взаимопомощи «в рамках нужд польского и католического населения, принимая во внимание то, что улучшение благосостояния польского населения в нашем крае, развитие разумной и энергичной взаимопомощи в экономической борьбе является фактором огромного значения для правильного развития и усиления нашего общества на кресах».

Кроме «Зжешене», а также украинских национал-демократов во главе с обществом «Просвита», ни один из других политических лагерей, неожиданно появившихся в 1905 г., не представил сколько-нибудь широкой образовательной программы. Социал-демократы были заняты исключительно революционной деятельностью, а ППС с помощью своего слабо развитого общества «Коло Освяты Людовей» главным образом устраивала социально-патриотические лекции (совершенно иного характера, чем у эндеков) для рабочих в рамках летучего университета¹³⁶. Эфемерная партия польских кадетов подходила к проблеме образования с общечеловеческих позиций, признавая польское население Украины меньшинством и собиралась требовать от правительства признания прав всех национальных групп на образование (значение каждой из групп, как предполагалось,

предстояло определить в ходе выборов в Думу)¹³⁷. Лишь украинское общество «Просвита», как уже отмечалось, наравне с польскими национал-демократами приступило к созданию сети народных школ, получив при этом официальное разрешение распространить свою сеть за пределы Киевской губернии, в отличие от поляков, которым было в этом отказано¹³⁸.

Общество «Осьвята», вопреки утверждению Заштовта, никогда так и не было признано царскими властями за пределами Киевской губернии. 14 июля 1906 г. Ю. Анджеёвский смог открыто заявить об организации нового легального съезда, который начал свою работу 1 сентября того же года, о чем сообщалось в новой газете «Dziennik Kijowski»¹³⁹. В то же время, хотя деятельность поляков Украины еще ничем не была ограничена, в польском национальном движении после роспуска Первой Думы 8 июля 1906 г. все большее значение стали приобретать сторонники «кресов» — поборники аристократического регионализма, отмежевывавшегося от варшавского и чуть в меньшей степени от литовского общепольского движения. Общество «Зжешене» начало уходить на второй план, в то время как столь же самозванные помещичьи избирательные комитеты стали основой польской региональной структуры. Опираясь на сохранившийся архив подольских избирательных комитетов, можно утверждать, что сам факт отсутствия официального признания не мешал им в их деятельности, причем присвоение себе прерогатив Министерства просвещения неизбежно влекло за собой импровизацию в работе, породив, в конце концов, многочисленные трудности.

Посмотрим, например, как обстояли дела в избирательном совете Ямпольского уезда Подольской губернии под председательством Т. Михаловского¹⁴⁰. 7 апреля 1906 г. в Каменце было принято решение о взимании с помещиков по 10 копеек с десятины на нужды просвещения. В случае, если имение было сдано в аренду, владелец платил 6 копеек, а арендатор — 4. Интеллигенция и официалисты платили 10 копеек со 100 рублей дохода. Кроме этого, все должны были дополнительно вносить по 2 копейки на работу уездного секретариата. Этот секретариат начал с мая проводить подсчеты и определил перечень нужд. Из ожидавшихся 6 тыс. рублей было получено всего 3691. Нельзя не заметить сходство с тем, как обстояли дела в Комиссии национального просвещения времен Речи Посполитой, когда благие намерения расходились с действительным их воплощением. С. Стемповский, которому приходилось собирать этот налог, вспоминает, что граф А. Орловский, владелец тысяч и тысяч десятин, дал всего 200 рублей¹⁴¹. В связи с этим приходилось в большинстве случаев полагаться в своей деятельности на патриархальную благотворительность. Так, помещик П. Станкевич в селе Красне пожертвовал дом с садом для католиче-

ской школы, которую собиралась открыть его сестра. Другие похожие школы в Мурафе, Молчанах, Черневцах, Томашполе получили по 750 рублей, так как там нужно было оплачивать учителей. Т. Михалёвский за свой счет открыл школу в Ямполе, не опасаясь преследований, ибо считал, что это уже разрешено властями. Попечителями этих школ были помещики, за исключением школы в Мурафе, которой помогал католический священник. Они имели право назначения и смены преподавателей, проверки программы обучения, могли делать выговоры и т.п., но обо всех своих действиях должны были ставить в известность Комитет.

Заштовт приводит массу ценных данных о числе таких школ, их наполняемости (как правило, от 5 до 10 учеников) и учителях¹⁴², которые мы здесь не будем повторять. Но необходимо уточнить вопрос о том, в каком духе велось обучение. Это дает возможность понять, что восхваляемое в наши дни в польской литературе сосуществование разных групп населения на самом деле не привело к смягчению этно-национальных конфликтов. После полного поражения поляков Украины на выборах все чаще в теории ставился знак равенства между католиками и поляками, однако на практике на уровне школы украинское население отделялось от польского. После трехдневного съезда поляков в Киеве, где произошел раскол между теми, кого официально допустили к выборам, т.е. богатыми помещиками, и обществом «Зжешене», общество «Осьвята» еще пыталось убедить само себя, что поляки действительно представляют силу на Украине¹⁴³. Было наконец проведено давно задуманное анкетирование, призванное установить численность католиков в трех губерниях. Нужные данные поступали от ксендзов и органистов, которые должны были за подтверждение исповеди перед Пасхой получить от прихожан ответы и выслать их Иоахиму Бартошевичу, редактору газеты «Dziennik Kijowski». По этому случаю католическим священникам было разослано следующее письмо от имени общества «Осьвята»:

Слава Иисусу Христу!

Уважаемый приходской ксендз!

Воспользовавшись разрешением Господина Генерал-губернатора [преувеличение, как мы уже знаем. — Д.Б.], люди доброй воли основали в Киеве Общество, целью которого является просвещение людей на католической основе. Для того, чтобы обществу «Осьвята» было легче открывать школы в селах, ему необходимо собрать сведения о числе детей и взрослых, умеющих читать и писать, о том, какой язык используется ими дома: польский или русинский? К какой национальности они принадлежат: полякам или русинам? В каких селах, по Вашему мнению, необходимо и полезно было бы открыть школу?¹⁴⁴

Двадцать лет спустя Станислав Зелинский, рассказывая об этих школах, все еще не был свободен от комплекса превосходства в отношении украинского населения. Он утверждал, что «этот крестьянин глядел и молчал, но в его душе зарождалось неясное, не оформившееся впечатление, что в этом “панском” образовании есть что-то лучшее, более красивое, *достойное*, чем в этих мужицких школах...». Размышляя над последствиями Октябрьской революции, автор воспоминаний добавлял с определенным *schadenfreude**: «...уже русский мужик, уже украинский крестьянин с Днепра на 20 лет позже, чем надо было, понял, что есть что-то, что во сто раз страшнее пана и самого сурового эконома, что страшнее эксплуатации на сахарном или водочном заводе, и это власть тех, кто завоевал его сердце обещанием свободы»¹⁴⁵.

За этим чувством превосходства кроются трагизм и безуспешность предпринятой польскими помещиками попытки распространения школьного образования, неспособность осознать собственную слабость перед лицом действий властей, которые закрыли в 1905—1913 гг. примерно 300 школ. За этими рассуждениями стоит и нежелание признать зародившееся украинское национальное самосознание.

Огромное воодушевление в среде польских помещиц свидетельствует о сильных патриотических чувствах. В то же время следует отметить, что благотворительные акции носили старосветский и ограниченный характер. Эта деятельность не была официально признанной, о чем пишет в своих воспоминаниях Ванда Свицерская, которая сперва вместе с Яниной Орловской в Житомире организовала просветительский кружок, затем в Киеве создала Кружок польских женщин под председательством Габриэлы Кнолл, жены адвоката. В то же время Мария Потоцкая открыла нелегальную столовую для киевских студентов. Различные дискуссионные, музыкальные клубы, приюты для детей и взрослых не могли действовать открыто. Даже съезд 500 помещиц Правобережной Украины в 1908 г. проходил неофициально. Вспоминая много позже об этой деятельности, Свицерская подчеркивает, что эти дамы, приезжавшие издалека в каретах или верхом, переживали чувство совершаемого подвига; все эти школы, существовавшие под видом швейных мастерских, позволяли им за небольшую цену почувствовать собственную силу¹⁴⁶.

Воспоминания Хелены Кутыловской сообщают и о неудачной попытке католического духовенства обратить в католицизм некоторые группы бывших униатов, а также о запоздалом стремлении помещиков привлечь этих крестьян на свою сторону: «В организации школы [в Кумановцах, Литинский уезд Подольской губернии. — Д.Б.] активное участие прини-

* *Schadenfreude* (нем.) — злорадство. (Прим. пер.)

мал ксендз Леон Заленский, который собирал небольшие группы детей, и под предлогом обучения их религии, т.н. молитвенных кружков, ежедневно одна из групп детей училась читать и писать по-польски, а старшие дети учили историю Польши. Эта работа требовала огромной самоотдачи и бдительности. Было достаточно много желающих, занятия проходили в разных местах. Два раза в неделю дети приходили в усадьбу, где их учила моя мама. Потом, когда я уже подросла, то сама стала их учить. Кроме усадьбы, занятия проходили еще в доме приходского священника. По два раза в неделю занятия проходили в домах крестьян Карпинских и Бенёвских...» Пристав и православный священник благодаря взяткам закрывали на это глаза. Кутыловская также была убеждена, что крестьяне предпочитали ходить в польскую, а не в русскую школу, занятия в которой проводились, по ее мнению, на очень низком уровне¹⁴⁷. Одним словом, эта новая волна хождения в народ была столь же обманчива, как и предыдущая, 1863 г. Шансы на успех были те же, но никто не хотел в это верить. Мать Марии Левицкой также организовывала уроки шитья для местной «так называемой шляхты, то есть тоже крестьян, но польских», и учила их по книжке в картинках об истории Польши, написанной Владиславом Анчишем. «Говорилось, что дети мелкой шляхты ходят к нам на уроки шитья», — пишет мемуаристка¹⁴⁸. Впрочем, похоже, она сама не очень верила в эффективность этой акции.

Впрочем, кто мог верить в культурное доминирование поляков на Украине, когда их политическая элита переживала внутренний конфликт и была близка к распаду? У польских помещиков во Второй Думе был, как уже отмечалось, всего один депутат, В. Лисовский, они все более отмежевывались от польских националистов из бывшего Царства Польского и Литвы, открыто заявлявших в Петербурге об автономии бывших польских земель. Позиция Р. Дмовского, который постоянно в демонстративной форме критиковал политику Столыпина, отпугивала этих новоявленных патриотов и настраивала на более осторожное поведение, о чем они заявляли Б. Еловицкому, одному из своих представителей в Государственном совете¹⁴⁹. Начиная с августа 1907 г. все чаще в этой среде стали говорить о создании отдельного от национал-демократов движения и сотрудничестве с местными русскими помещиками с целью создания партии крупных землевладельцев — ПСК (Польская партия крайова). В опубликованном проекте программы его авторы призывали отказаться от идеи давнего величия Польши¹⁵⁰. Важное место в этом движении занимал магнат Роман Сангушко. Несмотря на то что «Зжешене» формально продолжало свою деятельность на Украине, а в Петербурге было подтверждено существование общей для всех западных губерний депутатской организации «Коло Литвы и Руси» (созданной 6—7 декабря 1906 г.), после прошедшей 1—2 сентября

1907 г. встречи в Киеве наметился раскол между сторонниками польской автономии и т.н. «украинскими» сепаратистами, т.е. поляками, проживавшими на Украине и выступавшими за польско-русский союз и совместное руководство Юго-Западным краем. Речь шла в первую очередь о контроле одной из этих двух организаций над уездными избирательными комитетами. На основании многочисленных протоколов заседаний этих двух организаций можно констатировать, что соперничество между ними отте-снило решение культурных и образовательных задач на второй план.

В сентябре 1907 г. националисты еще продолжали голословно утверждать, что народные школы являются важнейшей задачей в деле развития культуры: «Ради этой цели мы должны пойти на наибольшие жертвования, потому что это единственный путь в будущем укрепить наши ряды, привлекая крестьян-католиков... [но] привлечение их силой в наш лагерь, без предварительного просвещения, не принесет пользы. Они сами должны просить вступить в наши ряды». В свою очередь, краёвцы на страницах своего печатного органа «Kresy» предлагали «ведение широкого самоуправления на местах, основанного на избирательной системе, которая бы обеспечивала большинство сознательным гражданам и гарантировала представительство меньшинствам»¹⁵¹.

Существовавшие среди поляков расхождения позволили царским властям после двух лет колебаний тихо закрыть оставшиеся польские школы и вернуться к ситуации, существовавшей до 1905 г. Попечитель Киевского учебного округа сообщал 26 августа 1908 г. генерал-губернатору о трудностях, возникших в связи с введенными Министерством народного просвещения правилами от 22 февраля 1906 г., согласно которым родители имели право выбора языка обучения. «Определение родного языка учащихся детей землевладельцев-католиков, живущих среди крестьян-малороссов, является крайне затруднительным, так как в Юго-Западном крае, где в простонародии слова “католик” и “поляк” — синонимы, имеется немало малороссов, которые во время унии приняли католичество и теперь считают себя поляками, только потому, что они католики, и часто возникают по этому поводу разногласия». Попечитель полагал, что это было следствием пропаганды католических священников, и приводил пример ксендза Анджея Коптынника в селе Топороши под Житомиром, служащего среди крестьянства, говорящего на «малорусском наречии». В ответ на тайное письмо волынского губернатора по вопросу о выборе языка преподавания министр просвещения после долгих раздумий ответил в июне 1912 г., что не имеет смысла считаться с мнением неграмотных родителей, что правила 1906 г. оскорбляют величие русского языка и что язык преподавания должны выбирать учителя государственных учебных заведений. Это решение было немедленно претворено в жизнь в июле 1912 г. генерал-

губернатором Треповым¹⁵². Впрочем, к тому времени проблема полонизации украинских крестьян уже потеряла остроту, так как с 4 сентября 1909 г. деятельность общества «Осьвята» была приостановлена в Киевской губернии¹⁵³ — после трех лет деятельности и через год после ликвидации украинской просветительской сети «Просвита» (июнь 1908 г.).

Период, предшествующий Первой мировой войне, в истории польского школьного образования на Украине отличался той же стагнацией, что и в годы правления Александра III. Польской общественности, которая была вновь связана по рукам и ногам, разрешалось лишь под эгидой ПСК организовать «Общество помощи польским студентам Киевского университета». Согласно его уставу, принятому еще в мае 1905 г., можно было учреждать стипендии, открывать столовые, оказывать медицинскую помощь и помогать в поиске работы. Члены общества платили ежегодный взнос в размере 3 рублей, организовывали лекции, балы, лотереи¹⁵⁴. Единственным напоминанием о либерализме 1905 г. было несколько оставшихся элитных частных средних школ, таких, например, как гимназия В.П. Науменко. Этот уже пожилой украинец, давний приятель Антоновича, принимал в свое учебное заведение детей богатых русских, евреев и поляков. Именно к нему в 1911 г. редактор газеты «Dziennik Kijowski» И. Бартошевич записал своего сына Владзимежа, избежав тем самым отправки его в государственную гимназию¹⁵⁵. Существовала отдельная частная женская гимназия Перетяткович. Родители, собиравшиеся теперь в клубе «Огниво», старались избегать дискуссий на политические темы и проведения культурных акций, окрашенных в яркие национальные тона; им достаточно было сознания собственного отличия.

Смельчаки, пытавшиеся учить детей на польском языке, теперь должны были дорого платить за это. 9 февраля 1911 г. генерал-губернатор Трепов предписал восстановить наказания за нелегальное обучение, установленные в 1892 г. Так, например, 4 февраля 1913 г. были арестованы ксендз Я. Мачеевский и мещанин П. Янишевский (скорее всего, бывший шляхтич), которые открыли нелегальную школу в доме этого ксендза в селе Кулишовка Радомышльского уезда. Первый был осужден на месяц ареста, а второй — на неделю. Если же полиции не удавалось доказать цель собрания на квартире 10 или 12 человек, их штрафовали на 100 рублей за нелегальное собрание. Архивные материалы хранят свидетельства строгости режима того времени и возвращения к прежнему порядку¹⁵⁶.

Старшее поколение покорно отнеслось к очередному периоду реакции, однако молодежь не всегда была готова молчать. В Бартошевич рассказывал, какое впечатление на молодежь в 1911—1912 гг. производил пример галицийского харцерского движения, как они восхищались польскими легионами, мундиром, национальным гимном и т.п. Он рассказы-

вал о том, как сперва в условиях полицейского режима в Киеве встречи проходили на тесных квартирах, как молодежь училась строевой подготовке и жизни в лагере под руководством студента из университета. После изучения правил харцерского движения ученики приходили к мысли о борьбе за независимую Польшу. После торжественной присяги («Клянусь своей жизнью служить Господу Богу и Родине, нести помощь близким, подчиняться законам скаутов») молодой человек становился сперва звеньевым, затем вожатым, в его подчинении находилось около 60 юношей. Многочисленность этих групп стала очевидна лишь в 1917 г.; их существование поддерживало «национальные» иллюзии на Украине вплоть до 1920 г. В Бартошевич с гордостью вспоминает: «Когда после революции 1917 г. [речь идет о Февральской революции. — Д. Б.] на улицы Киева 3 мая впервые вышел киевский хуфец*, удивленные русские увидели отряды харцеров, состоявших из нескольких тысяч человек, которые маршировали по четыре человека в ряд под звуки польских военных песен. Ребята, частично обмундированные, несли перед каждым отрядом флаг, их сопровождал отряд велосипедистов... Прохожие останавливались на улицах, спрашивая друг друга, откуда могли взяться эти отряды... Они не знали, что это был результат пяти лет работы в глухом подполье»¹⁵⁷.

Эта подготовка велась, как уже отмечалось, при участии студентов-националистов из университета. Несмотря на спад революционных настроений около 1908 г., общество «Полония» возродилось и приняло новый устав (в 1906 г. Общество решило заниматься исключительно самовоспитанием), в котором более четко были сформулированы идеи возрождения Польши.

Царская полиция, усилившая бдительность после убийства Столыпина в Киеве, не видела принципиальной разницы между организациями «Полония» и «Корпорация», которая также возродилась в этот период. Впрочем, как следует из полицейских отчетов, между студентами — националистами и социалистами существовали какие-то связи, чем можно объяснить многочисленные аресты в обеих группах.

Аресты декабря 1913 г. в каком-то смысле подводят итог полувековой польской подпольной деятельности. Они также показывают определенную дезориентацию российских властей в связи с разными формами сопротивления поляков и дают возможность говорить о трех главных направлениях деятельности польской молодежи: социал-демократическом, социалистическом и националистическом. Как следует из агентурных доносов, полиция знала, что с 1910 г. двое киевских студентов из Калиша, Юлиан и Альбин Клейндинсты, лютеране, были связаны с краковской организа-

* Хуфец — организационная единица польских харцеров. (Прим. пер.)

цией «Спуйня», принадлежавшей к ППС. Это дало возможность в феврале 1912 г. привлечь к деятельности «Корпорации» учеников средних учебных заведений¹⁵⁸. Известно, что в апреле 1912 г. в Ирпени под Киевом прошла встреча 21 представителя студенчества всех вузов Киева. На встрече присутствовали социал-демократы, как, например, Хелена Рушицова, и национал-демократы («Полония»), как Мечислав Радван, который в мае 1913 г. принимал участие в подготовке обращения к молодежи по случаю пятидесятой годовщины гибели повстанцев села Соловьевка. Полиция считала всех этих деятелей продолжателями организации «Осьвята»¹⁵⁹. От нее не ускользнул тот факт, что с марта 1913 г. члены «Корпорации», более близкие к ППС, создали отдельную организацию «Филареция».

Все руководство этих организаций было арестовано в два этапа: 7 декабря 1913 г. были взяты лидеры «Корпорации» и «Полонии», а 23 декабря — «Филареции». Первых обвиняли в организации нелегальных встреч, хранении патриотической литературы ППС, открыток Гроттгера, купленных в Кракове, листовок, раздаваемых на протяжении всего года, запрещенной литературы на русском языке о рабочем и революционном движении, а также работ К. Каутского, К. Маркса, Ж. Жореса, Б. Лимановского, Л. Гадона, учебников для занятий на вечерних курсах. Среди 10 арестованных было 6 дворян и 3 дворянки. Особое внимание полиции привлек Радван, который, «по совершенно секретным сведениям, как знаток физических упражнений, должен был составить программу гарцерства (особый вид спорта), которое имелось в виду организовать из школьной молодежи города Киева»¹⁶⁰. За помощью в расшифровке конфискованных писем глава киевской жандармерии обратился к Б.А. Булгакову, возглавлявшему канцелярию генерал-губернатора, и присяжным переводчикам¹⁶¹.

Обвинения в политической деятельности были предъявлены 6 арестованным членам организации «Филареция», которые, действуя под лозунгом «С народом и для народа», были связаны с организациями Петербурга и Львова. В данном случае инициатива исходила из Киевского политехнического института, где была закрыта касса братской взаимопомощи (ее устав был утвержден 6 февраля 1908 г.). Большая часть арестованных была выслана в северо-западные губернии, двоих, Ежи Олдаковского и Юзефа Вархаловского, обвинили в государственном преступлении. У них были найдены революционные листовки, материалы с призывами к террористической деятельности, фальшивые документы, а также доказательства того, что они возглавляли в Киеве военную организацию ППС¹⁶².

Поляки Украины вступали в новый период своей жизни на этой земле. Польская интеллигенция после нескольких попыток остаться¹⁶³ поки-

нула Украину вместе с помещиками в 1920 г. Провал «польского» манифеста великого князя Николая Николаевича, объявленного еще в начале Первой мировой войны, был обусловлен пропастью, разделявшей российские власти и польскую и украинскую молодежь. После стольких лет взаимного непонимания можно ли было поверить в объединение польских земель, «свободных в своей вере, языке и самоуправлении», под покровительством России?

¹ Подробные данные о закрытии католических и униатских монастырей до 1832 г. содержатся в моей двухтомной работе, посвященной истории школьного образования в западных губерниях Российской империи в 1803—1832 гг.: *Beauvois D. Szkolnictwo polskie*. См. также: *Idem. Les Lumières au carrefour*; *Idem. école et société en Ukraine Occidentale 1800—1825* // *Revue du Nord*. Décembre 1975. P. 173—184; *Idem. L'Université de Vilna et les écoles des congrégations* // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne*. Z. 73. 1983. P. 134—143. См. также гл. 4 первой части этой книги.

² Российские власти стремились к ограничению влияния католической церкви особенно в период наступившей после Крымской войны оттепели. О попытках возобновления обучения на польском языке, т.е. о борьбе за власть над душами на Украине, см. выше гл. 4 второй части настоящей книги, разделы: «Культурный террор: Учебные заведения и пресса», а также «Религиозный террор: Католики, униаты перед лицом православия». О конкордате 1847 г. между Ватиканом и Россией см. одну из статей З. Ольшановской-Сковроньской в: *Sacrum Poloniae Millennium*. T. IX. P. 377, 607. О реорганизации католических епархий см.: *Kumor B. Granice diecezji i metropolii polskich 968—1939*. Lublin, 1969—1971; *Idem. Kościół katolicki w Cesarstwie Rosyjskim 1915—1917* // *Zeszyty Naukowe KUL*. R. XXXVII. 1994. № 1—2. S. 21—35.

³ См.: Западные окраины. С. 231—237.

⁴ См.: *Weeks T.R. Defining Us and Them*. P. 26—40. В этой статье говорится об основных репрессиях в политической и культурной области. Религиозная ситуация исследовалась двумя авторами: *Boudou A. Le Saint Siège et la Russie*. T. II. Paris, 1925; *Olszawska-Skowroniska Z. Pie IX et l'Eglise catholique en Pologne: la suppression des diocèses catholiques par le gouvernement russe après l'insurrection de 1863—1864* // *Antemurale*. T. IX. 1965. P. 41 et n.; *Idem. Tentatives d'introduire la langue russe dans les églises latines de la Pologne orientale 1865—1903* // *Antemurale*. T. XI. 1967. P. 74 et n. [См. исследование имперской политики по отношению к католицизму в Западном крае, которое, не затушевывая репрессии, представляет их частью более сложного процесса конфессионального регулирования: *Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*. М., 2010. Гл. 2, 5—8, 10. — *Прим. ред.*].

⁵ Об отношении Наполеона III к польской эмиграции в период покушения Березовского на Александра II в Париже в 1867 г. см.: *Borejsza J.W. Emigracja polska* S. 279—287.

⁶ Александр II предложил 1 июня 1864 г. план, согласно которому во всех православных приходах западных губерний учреждались приходские школы. См.:

РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 27. Кроме того, при Министерстве внутренних дел была создана особая канцелярия по устройству православных церквей в западных губерниях. Однако ее работа ограничилась лишь изданием «Атласа народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям» (1864). И хотя план Александра II было невозможно осуществить, с помощью интенсивной пропаганды был создан общий настрой, способствующий частичной реализации этого плана. См.: Сборник документов, уясняющих отношение латино-польской пропаганды к русской вере и народности. (Из исторических материалов, помещенных в «Вестнике Западной России» и из других печатных источников.) Вильно, 1866. Важную роль играли также «Московские ведомости» М.Н. Каткова. См. статью Хенрика Глембоцкого на тему российской пропаганды в 1863 г., а также петербургских споров о возможности создания отдельной католической церкви в России и его комментарий к статье Каткова «Что нам делать с Польшей»: *Głębocki H.* «Co robić z Polską?». S. 853—889 (сноски 75 и 76), 877.

⁷ *Валуев П.А.* Дневник. Т. 1. С. 280; Т. 2. С. 113, 158—159. Подвергнутые цензуре письма католического духовенства хранятся в: РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1425.

⁸ *Батюшков П.Н.* Подолия. Историческое описание. СПб., 1896. С. 261—262.

⁹ Отчеты и переписка в связи с упразднением этой епархии представлены в переводе на французский в: *Olszawska-Skowrońska Z.* Pie IX. P. 41—65.

¹⁰ Эта борьба за души украинских крестьян, как нам известно, уже велась в 1844—1845 гг., а затем в период с 1860 по 1862 г. См. гл. 1 и 2 второй части.

¹¹ Цит. по: *Olszawska-Skowrońska Z.* Pie IX. P. 51—135. Возможно, это и есть пример того, что А. Миллер называет «позитивной мотивацией» обрусения. См.: *Миллер А.И.* Империя Романовых. С. 64.

¹² *Драгоманов М.П.* Евреи и поляки.

¹³ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 821. Спр. 291.

¹⁴ *Валуев П.А.* Дневник. Т. 2. С. 224. Данные о деятельности этих присутствий по строительству православных храмов в западных губерниях см.: РГИА. Ф. 1263, 1867. Д. 3283 — Губернские церковно-строительные присутствия.

¹⁵ *Ibidem.* Ф. 908. Оп. 1. Д. 27. С. 84—102 — О положении дел в Западном крае. Л. Заштовт приводит более точные данные. *Ibidem.* Ф. 82. Оп. 1. Д. 999 — Ведомости о личном составе мужских и женских римско-католических монастырей за 1863 г., из которых следует, что сохранилось всего 4 женских монастыря в Луцко-Житомирской епархии и 3 — в Каменецкой. Количество монашек в каждом из них превышало 12 человек. Мужских монастырей насчитывалось 8 в Луцко-Житомирской епархии и 3 — в Каменецкой. Число монахов варьировалось от 8 до 15 человек. См.: *Zasztowi L.* Kresy 1832—1864. S. 231—237.

¹⁶ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 99. Спр. 201.

¹⁷ *Ibidem.* Оп. 303. Спр. 289.

¹⁸ *Пойда Д.П.* Крестьянское движение. С. 79—90.

¹⁹ См. гл. 3 данной части книги. Стоит еще раз отметить, что некоторые украинские историки считают, что польский характер мелкой шляхты на Украине был результатом колонизации в XV—XVII вв., а до этого времени она была русской и православной.

²⁰ Это отдельные примеры широкомасштабной акции. См.: ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 295. Спр. 1, 4, 5, 7, 10; Оп. 296. Спр. 2; Оп. 570. Спр. 28.

²¹ Ibidem. Оп. 577. Спр. 8; Kraj. 1886. № 50. S. 14.

²² Ibidem. 1891. № 21. W. 8.

²³ Ibidem. 1883. № 32. S. 8. В 1886 г. в трех бывших епархиях насчитывалось по губерниям: в Волынской — 222 972 прихожанина, Подольской — 231 361 и Киевской — 81 725. По данным на 1886 г., численность католического духовенства, включая монахов, уменьшилась до 346. В 267 256 костелах не было своего священника. В крупных приходах не хватало 24 vicариев. В Киеве на 175 тыс. жителей приходилось 150 тыс. католиков. См.: Ibidem. 1886. № 13. S. 14.

²⁴ *Talko-Hryncewicz J. Z przeżytych dni.* S. 147

²⁵ Данные приводятся по: *Wielhorski W. Ziemia ukrainne.* S. 84—85.

²⁶ Согласно всероссийской переписи населения 1897 г., разница между числом католиков и польскоязычных жителей была еще большей. На 667 500 католиков пришлось всего 322 200 говорящих по-польски. См.: *Eberhardt P. Przemiany narodowościowe.* S. 20—21. В это трудно поверить.

²⁷ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 826. Спр. 164. Арк. 6, 27 — Отчеты волынского губернатора министру внутренних дел, 15 ноября 1876 г. Об истории Житомирской гимназии и о положении католиков на Украине в этот период см. воспоминания Петра Маньковского: *Biblioteka Narodowa, Warszawa Rękopis 9781.* Т. II. S. 9—50.

²⁸ Kraj. 1883. № 32. S. 5; 1884. № 7. S. 16; 1886. № 13. S. 14.

²⁹ Среди многочисленных работ по этой теме внимания заслуживает статья П. Вечоркевича.: *Wieczorkiewicz P.P. Z genezy projektu wydzielenia Chełmszczyzny // Rocznik Lubelski.* Т. XXIII—XXIV. 1981—1982. S. 111—126.

³⁰ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 826. Спр. 164. Арк. 4 — Пристав Печерского округа к генерал-губернатору, 15 ноября 1876 г.

³¹ Анонимная статья. Цит. по: Kraj. 1890. № 14. S. 17.

³² *Talko-Hryncewicz J. Z przeżytych dni.* S. 149.

³³ Kraj. 1883. № 44. S. 8—9.

³⁴ Ibidem. 1883. № 45. S. 9.

³⁵ Ibidem 1884. № 13. S. 11. В том же году в Киеве состоялся съезд епископов под председательством Победоносцева. Несмотря на опровержения «Киевлянина», это собрание, в котором принимал участие также сербский митрополит, носило панславистский и антиавстрийский характер. Варшавская «*Gazeta Narodowa*» полагала, что на этом собрании шла речь о подготовке возможного «возвращения в лоно православной церкви галицийских и даже венгерских униатов». См.: *Gazeta Narodowa* 1884. № 39. S. 18. Осуществить это «святое» дело оказалось под силу только Сталину.

³⁶ Kraj. 1892. № 22. S. 14; № 41. S. 20. Об усилении роли православия во время правления Александра III и Николая II см.: *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / Ed. R.P. Geraci, M. Khodarkovsky.* Ithaca, London, 2001.

³⁷ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 537. Спр. 226 — О брошюре «Современное назначение русского дворянства».

³⁸ Из-за поспешности, с которой была объявлена точная дата торжеств, во многих русских публикациях того времени встречаются ошибки, как, например, в уже не раз упомянутой нами статье Имеретинского, который считал, что «воссое-

динение» этих земель произошло 8 декабря 1792 г. См.: *Имеретинский Н.К.* Дворянство Волинской губернии. См. также: ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 646. Спр. 16.

³⁹ Kraj. 1884. № 35. С. 5; 18 (перепечатка статьи из «Руси»); № 36. С. 5—6 (перепечатка статьи из «Московских ведомостей»); № 38. С. 1; № 42. С. 1.

⁴⁰ Ibidem. 1884. № 36. С. 19.

⁴¹ Ibidem. 1891. № 6. С. 15. Через несколько дней «Новое время» писало о планируемой отправке особых миссионеров в Подольскую губернию для борьбы со штундистами.

⁴² Biblioteka Jagiellońska, Kraków. Rękopis 9831. С. 61—62.

⁴³ *Żółtowska J. z Puttkamerów.* Inne czasy. С. 46.

⁴⁴ Kraj. 1891. № 47. С. 13.

⁴⁵ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 542. Спр. 100.

⁴⁶ Kraj. 1890. № 28. С. 15.

⁴⁷ *Мальшевский И.И.* Западная Русь в борьбе за веру и народность. СПб., 1895. В 1892 г. Козловский, который проявлял полную лояльность по отношению к властям, был назначен архиепископом Могилевским, лишив все три епархии Правобережной Украины епископа. В 1897 г. престарелый викарий Ц. Любовидзкий стал житомирским епископом, но через год умер. 9 июня 1898 г. на его место был назначен Клопотовский, в 1901 г. его сменил Недзьялковский. См.: Biblioteka Narodowa, Warszawa. Rękopis 9781. Т. II. С. 52.

⁴⁸ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 697. Спр. 306 — Письма губернаторов к генерал-губернатору, октябрь—ноябрь 1898 г. Подробнее об этом в главе, посвященной законодательству о «разноверных» браках в истории русско-польских отношений, в монографии Горизонтова: *Горизонтов Л.Е.* Парадоксы. С. 75—99.

⁴⁹ *Zasztowi L.* Polskie szkółki. С. 87—105.

⁵⁰ *Beauvois D.* Odrodzenie życia polityczno-kulturalnego polskich ziemian na Podolu w latach 1905—1908 // Україна — Польша: історична спадщина і суспільна свідомість. Київ, 1993. С. 158—164.

⁵¹ Dziennik Kijowski. 8(21).10.1906; 6(19).04.1907.

⁵² Biblioteka Narodowa, Warszawa. Rękopis 9781. Т. II. С. 78—101. «Kraj» неоднократно возлагал на католическое духовенство ответственность за изолированность и нищету чиншеви́ков. Еще в 1883 г. Талько-Хрыньевич писал, что, если бы раньше для них были созданы школы, их социальное падение не было бы столь всеобщим.

⁵³ Об этой ожесточенности писал с иронией украинский революционер О. Левицкий в газете «Свобода и право» (№ 43, февраль 1905 г.). В Почаевской лавре издавались также брошюры и книги антиукраинской направленности, например: *Вилле Д.* Чему нас учат поляки? Галицкая Русь и поляки с 1860 по 1904 г. Почаев, 1906. Надо упомянуть и ответ украинской группы «Спилка», писавшей в газете «Правда» (№ 1. 3(16).10.1908) о связи почаевских монахов во главе с архимандритом Виталием с «Черной сотней». В этой интересной статье под названием «Волинь просыпается» сообщалось, что члены «Союза русского народа» наладили тесные контакты с наиболее реакционными представителями польской аристократии: Потоцкими, Грохольскими, Сангушко (это соответствовало действительности). Однако подобная позиция была чужда антироссийски настроенному большинству польской общественности.

⁵⁴ ЦДАУК. Ф. 302. Оп. 2. Спр. 16 — Полицейский рапорт из села Городок, 7 июня 1906 г.

⁵⁵ Ibidem. Ф. 442. Оп. 858. Спр. 418.

⁵⁶ Подобным образом велась борьба и с польскими надписями, которые вновь появились после 1905 г. и наиболее широко были распространены в виде вывесок на магазинах (Ibidem. Ф. 442. Оп. 855. Спр. 187). Об этом же говорилось и в полицейских отчетах за январь 1914 г. См.: Ibidem. Оп. 864. Спр. 17.

⁵⁷ Ibidem. Оп. 641. Спр. 704.

⁵⁸ Biblioteka Narodowa, Warszawa Rękopis 9781. Т. II. S. 181. К этой теме обращается Х. Стронский. См.: *Stronński H. Życie religijne Polaków w Kijowie na początku XX w.* // Pamiętnik Kijowski. 2002. Т. 6. S. 167—176; Idem. *Ksiądz Piotr Mańkowski (1866—1933). Biskup diecezji Kamienieckiej* // Ibidem. 2004. Т. 7. S. 407—419.

⁵⁹ ЦДАУК. Ф. 442. Оп. 642. Спр. 497.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Ibidem. Ф. 274. Оп. 1. Спр. 3136. В середине 90-х гг. XX в. были изданы воспоминания ксендза Т. Скальского: *Skalski T. Terror i cierpienie. Kościół katolicki na Ukrainie 1900—1932* / Oprac. K.J. Wolczański. Lublin, Rzym, Lwów, 1995.

⁶² Ibidem. Оп. 4. Спр. 206. Прочтя рапорт, губернатор отметил: «Обратить самое серьезное внимание на деятельность клуба Огниwo и при первой возможности закрыть его». Ibidem. Оп. 4. Спр. 205.

⁶³ *Borodziej J. Pod wozem i na wozie, czyli kilka lat pracy duszpasterskiej na Litwie, Białej Rusi i w głębi Rosji.* Kraków, 1911. S. 226—249.

⁶⁴ *Донин А.Н.* Реформы университетов и средней школы России: общественная мысль и практика второй половины XIX века. Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2003.

⁶⁵ *Бабин В.Г.* Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX — начале XX в. // *Власть, общество и реформы в России (XVI— начало XX в.)*. СПб., 2004. С. 199—224.

⁶⁶ *Западные окраины.* С. 160—171.

⁶⁷ *Zasztowi L.* Kresy 1832—1864; Idem. *Polskie szkółki.* S. 87—105.

⁶⁸ См. раздел «Культурный террор: Учебные заведения и пресса» в гл. 4 второй части.

⁶⁹ *Wierzejski W.K.* Fragmenty z dziejów polskiej młodzieży akademickiej w Kijowie 1864—1920 // *Niepodległość.* 1939. Т. 19. S. 418—470; *Chmielewski J.E.* Pierwsze lata Korporacji Studentów Polaków w Kijowie, 1884—1892, garść wspomnień // Ibidem. S. 107—135; *Kornecki J.* Oświata polska na Rusi w czasie wielkiej wojny. Wstęp S. Zieliński. // *Pamiętnik Kresowy.* 1937. Z. 2. S. 121 i n.; *Ziemiański I.* Zarys rozwoju POW w Żytomierzu // *Niepodległość.* 1934. Т. 9. S. 405—428; *Moszczeński J.* Młodzież postępowo-niepodległościowa na terenie Kijowa i Moskwy // Ibidem. 1958. Т. 6. S. 94—111; *Świdarska W.* Polska macierz szkolna na Podolu // *Pamiętnik Kijowski.* 1966. Т. 3. S. 139—148; *Olizar B.* Liga narodowa // Ibidem. S. 168—172, а также др. работы, которые будут представлены далее.

⁷⁰ *Миллер А. И.* Россия и русификация Украины в XIX в. // *Россия — Украина: история взаимоотношений.* М., 1997. С. 145—155. См. также последующие работы этого автора.

⁷¹ ЦДАУК. Ф. 442. Оп. 811. Спр. 255.

⁷² РГИА. Ф. 908 (П.А. Валуев). Оп. 1. Д. 97.

⁷³ Валуев П.А. Дневник. Т. 1. С. 265.

⁷⁴ О либеральных взглядах Пирогова на школьное образование см.: *Zasztowi L. Kresy* 1832—1864. S. 95, 147.

⁷⁵ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 815. Спр. 498.

⁷⁶ Восстание 1863 г. Т. 2. С. 322; ЦДИАУК. Ф. 707. Оп. 261, 1862. Спр. 7.

⁷⁷ Восстание 1863 г. Т. 2. С. 351—361; ЦДИАУК. Ф. 472. Оп. 1. Спр. 10.

⁷⁸ *Elementarz dla dzieci polskich*, Warszawa 1862.

⁷⁹ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 815. Спр. 498.

⁸⁰ *Ibidem*. Оп. 816. Спр. 157.

⁸¹ *Ibidem*. Оп. 816. Спр. 59 — Письмо Безака к Толстому от 31 марта 1866 г. Эти планы не были реализованы сразу. В 1870 г. «Журнал Министерства народного просвещения» сообщал, что в 1868 г. было 11 гимназий и 4 прогимназии в Киевском учебном округе, в среднем в них училось по 246 человек. См.: *Zasztowi L. Kresy* 1832—1864. S. 227—228.

⁸² ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 816. Спр. 59 — Письмо Ширинского-Шихматова к Безаку от 29 апреля и 23 августа 1866 г.

⁸³ *Ibidem*. Отчет попечителя был составлен в конце марта или в начале апреля 1866 г.

⁸⁴ *Tabiś J. Polacy*. S. 34.

⁸⁵ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 816. Спр. 157 — Письмо Дмитрия Толстого, министра народного просвещения, к А.П. Безаку от 30 апреля 1866 г. Толстой сменил А.В. Голловина на этом посту в начале апреля, сразу после покушения Каракозова.

⁸⁶ *Ibidem*. Оп. 816. Спр. 157 — Письмо Делянова к Безаку от 3 августа 1866 г.

⁸⁷ *Zasztowi L. Kresy* 1832—1864. S. 237—238.

⁸⁸ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 817. Спр. 9.

⁸⁹ *Ibidem*. Оп. 818. Спр. 219.

⁹⁰ *Ibidem* — Письмо Галлера Безаку от 14 июля 1867 г.

⁹¹ О том, кто мог выслать детей на учебу в Галицию, см.: *Epsztein T. Edukacja dzieci i młodzieży w polskich rodzinach ziemiańskich na Wołyniu, Podolu i Ukrainie w II połowie XIX wieku*. Warszawa, 1998. О польском домашнем образовании с не критическим восторгом пишет М. Устшицкий: *Ustrzycki M. Ziemianie polscy*.

⁹² Имперские взгляды П.А. Шувалова защищает, например, статья Т.А. Филипповой в сборнике: Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов / Ред. Б. Гаспаров, Е. Евтухова, М. фон Хаген. М., 1997.

⁹³ Используются данные до 1884 г., приводимые Лейкиной-Свирской вслед за М.Ф. Владимирским-Будановым (*Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века*. М., 1971. С. 56—62); а также: Университет Св. Владимира в царствование императора Александра III. Киев, 1900; отчеты по годовым актам. Количество студентов за 1884 г. приводится по: Кгај. 1884. № 14. S. 17.

⁹⁴ *Talko-Hrynciewicz J. Z przeżytych dni*. S. 109—111.

⁹⁵ Об этой панславистской роли университета с восхищением писал его последний ректор Спекторский. См.: *Спекторский Е.В. Столетие Киевского университета Св. Владимира*. Прага, 1934. С. 1—59.

⁹⁶ Национально-политическими манипуляциями в исторической «науке» увлекся П.Н. Батюшков, автор таких, в частности, работ, как: *Батюшков П.Н.* Холмская Русь. Исторические судьбы Русского Забужья. СПб., 1887; *Idem.* Волянь. Исторические судьбы Юго-Западного края. СПб, 1888; *Idem.* Подолия.

⁹⁷ Результаты работы этой экспедиции вышли в многотомном издании в Петербурге в 1872 г. П. Чубинский редактировал Юго-Западный отдел в седьмом томе. С. 214, 219—230, 231—237. 271—273, 289.

⁹⁸ Вестник Европы. 1872. Февраль—май; *Драгоманов М.П.* Восточная политика Германии и обрусение // *Idem.* Собрание политических сочинений. М., 1908. Т. I. С. 1—216.

⁹⁹ *Ibidem.* С. 217—267. Как российские, так и западные империологи нашего времени хвалят «научную» организацию Российской империи, создание множества этнографических карт Императорским Русским географическим обществом, публикации международных статистических съездов (особенно Петербургский съезд 1872 г.). Богатая библиография по этой теме представлена в работе: *Cadiot J.* Le laboratoire impérial.

¹⁰⁰ *Bobrowski T.* Pamiętnik. Т. II. S. 504.

¹⁰¹ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 828. Спр. 221 — Коллекция указов и полицейских распоряжений против революционеров, март 1878 г.

¹⁰² *Ibidem.* Ф. 442. Оп. 532. Спр. 202 — Годовой отчет киевского губернатора за 1878 г.

¹⁰³ *Ibidem.* Ф. 274. Оп. I. Спр. 250.

¹⁰⁴ Стоит отметить, что подобные русско-польско-украинские связи существовали и в других университетах. К более позднему периоду, а именно 1888—1892 гг., относятся воспоминания Станислава Стемповского о его общении в Дерпте с сыном киевского профессора Богданом Кистяковским, внучкой Драгоманова, Косачами (из семьи Леси Украинки). С. Стемповский писал о толерантном отношении украинцев и поляков друг к другу. См.: *Stempowski S.* Pamiętniki. S. 105—133, а также раздел «От крестьянских волнений к революции?» в гл. 2 данной части.

¹⁰⁵ *Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław.* Maszynopis 13202 II. К. 39 — *Zieliński S.* Liga narodowa na Rusi 1890—1920.

¹⁰⁶ *Chmielewski J.E.* Pierwsze lata. S. 107—135.

¹⁰⁷ *Ibidem.* S. 109—110.

¹⁰⁸ *Kraj.* 1884. № 38. S. I. Другие подробности даются в: *Wierzejski W.K.* Fragmenty. S. 425.

¹⁰⁹ *Kraj.* 1884. № 41. S. 7.

¹¹⁰ *Ibidem.* № 42. S. 1, 4; 1885. № 31. S. 18; № 35. S. 17—18; № 43. S. 18; № 47. S. 18. Вплоть до Первой мировой войны богатые польские помещики перечисляли средства, но, как правило, они шли в бывшее Царство Польское и Галицию. См.: *Epsztein T.* Edukacja dzieci. S. 68—69.

¹¹¹ *Łążyński M.* Sto lat. S. 50—51.

¹¹² См.: *Chmielewski J.E.* Pierwsze lata. S. 117, 119—120.

¹¹³ *Wierzejski W.K.* Fragmenty. S. 430—432.

¹¹⁴ *Materiały do historii PPS i ruchu rewolucyjnego w zaborze rosyjskim od r. 1893 do r. 1904.* Т. I: 1893—1897. Kraków, 1907. S. 228.

¹¹⁵ Ibidem. S. 284. Постоянные аресты в 1898—1900 гг. не давали возможности создания новых структур. См.: *Materiały do historii. Kraków, 1911. Т. II. S. 60, 190, 252, 341.*

¹¹⁶ *Chmielewski J.E. Pierwsze lata S. 118—119; Wierzejski W.K. Fragmenty. S. 448—454, 469.*

¹¹⁷ *Личков Л.С. Юго-Западный край. С. 343.*

¹¹⁸ *Zasztowl L. Polskie szkółki. S. 101; Kraj. 1890. № 48. S. 8.*

¹¹⁹ Станислав Зелинский сообщает, что в 1873—1883 гг. существовали нелегальные школы в имении Половецком Ю. Соколовского под Бердичевом; ксендз Хузарский тайно готовил детей к исповеди, а ксендз С. Шептицкий преподавал катехизис в Фастове, а затем в Киеве. Приводимые им шесть таких случаев указывают на крайне ограниченные возможности развития польских школ. См.: *Kornecki J. Oświata S. VII.*

¹²⁰ *Kraj. 1883. № 33. S. 8, № 34. S. 12; 1884, № 37. S. 18. Об обнаружении 4 школ в Киеве: Ibidem. 1884. № 14. S. 17; постановление Игнатъева и правительственный указ: Ibidem. 1890. № 13. S. 13; 1842. № 17. S. 21. Эти предписания касались всех западных губерний империи. См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1892. № V—VI. С. 3—4.*

¹²¹ ЦДІАУК. Ф. 707. Оп. 262. Спр. 6 — Письмо министра народного просвещения к попечителю Киевского учебного округа, 31 марта 1895 г.

¹²² Ibidem. Ф. 442. Оп. 625. Спр. 416 — Годовой отчет Суходольского царю за 1894 г.

¹²³ *Mencwel A. Wobec Rosji — spłot czy gwałt? // Kultura 1998. № 11. S. 23—35; см. также: Walicki A. S. Brzozowski — drogi myśli. Warszawa, 1977. S. 212—221.*

¹²⁴ *Stempowski S. Pamiętniki. S. 36, 50, 66, 87, 91—92.*

¹²⁵ *Giedroyc J., Stempowski J. Listy 1946—1969. Т. II. Warszawa, 1998.*

¹²⁶ *Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław. Maszynopis. Rękopis 18158. II. K. 11—59 — Fudakowski K. Moje wspomnienia 1892—1932.*

¹²⁷ *Wierzejski W.K. Fragmenty. S. 442—448. Наиболее точные данные о состоянии школьного образования в регионе представлены в: Корнилов И.П. Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива министерства народного просвещения. Учебные заведения в западных губерниях. Т. 1—4. СПб., 1893—1905.*

¹²⁸ *Zasztowl L. Polskie szkółki.*

¹²⁹ *Biogram J. Andrzejowskiego. S. 77—80.*

¹³⁰ Вежейский приводит 18 фамилий таких учительниц. *Wierzejski W.K. Fragmenty. S. 435.*

¹³¹ *Chmielewski J.E. Pierwsze lata S. 124.*

¹³² Этот автор пишет: «У нас нет в настоящее время достаточных данных относительно того, что организуемые в Волынской, Подольской и Киевской губерниях нелегальные польские школы возникали под влиянием деятелей общества “Освятата”. Более правильно... считать... что они возникали стихийно». См.: *Zasztowl L. Polskie szkółki. S. 89—90.*

¹³³ *Pamiętnik Kijowski. 1963. Т. 2. S. 78—79. В начальный период своей деятельности эта группа действовала под разными названиями: «ПТО — Польское просветительское общество» или «Освятата Народова на Руси». См.: Chmielewski J.E. Pierwsze lata S. 126.*

¹³⁴ *Zieliński S.* Liga narodowa S. 6—8. Автор характеризует новую организацию и основных ее деятелей.

¹³⁵ Отпечатанный проект общества «Зжешене», предложенный на рассмотрение делегатов собрания (конец 1905 г.), см. в: Biblioteka Jagiellońska, Kraków. 7990 IV. K. 176 — *Luźne materiały do historii lat 1905—1910 na Ukrainie zwłaszcza Podola, zebrane przez Kaliksta Dunina-Borkowskiego.*

¹³⁶ О просветительской деятельности левых движений см.: *Wierzejski W. K.* Fragmenty. S. 459—460.

¹³⁷ В восьмом пункте обращения организационного комитета этого движения, куда входили С. Хорват, Л. Кнолл, Ю. Крачеквич, Э. Рохозинский, Ю. Солтан, объявленного 2 декабря 1905 г., не говорилось об автономном создании школ. См.: Biblioteka Jagiellońska, Kraków. 7990 IV. K. 180. Комитет ждал разрешения из Петербурга. Эта партия в скором времени стала называться «Прогрессивная партия». Она объявила свою программу по-польски 25 декабря 1905 г. вместе с программой русского «Союза культурного прогресса». См.: *Ibidem.* K. 154—159.

¹³⁸ Biblioteka Jagiellońska, Kraków. 7990 IV. K. 164—173 — Национальная программа украинцев-подолян; устав общества «Просвита» (рукописный и печатный текст) с визой подольского губернатора Эйлера от 21 апреля 1906 г.

¹³⁹ *Zasztowi L.* Polskie szkółki. S. 89; *Chmielewski J. E.* Pierwsze lata. S. 125—126; *Pamiętnik Kijowski.* 1963. Т. 2. S. 80.

¹⁴⁰ Biblioteka Jagiellońska, Kraków. 7990 IV. K. 5. — Протокол заседания Ямпольского уездного совета в Джурине (печатный текст) от 15 сентября 1906 г.

¹⁴¹ *Stempowski S.* Pamiętniki. S. 321.

¹⁴² *Zasztowi L.* Polskie szkółki. S. 96—98.

¹⁴³ Biblioteka Jagiellońska, Kraków. 7999 IV. K. 102 — Отчет (печатный текст) о Съезде поляков в Киеве. 19—22 февраля 1907 г.

¹⁴⁴ *Ibidem.*

¹⁴⁵ *Zieliński S.* Wstęp // *Kornecki J.* Oświata. S. VIII—X.

¹⁴⁶ *Świdarska B.* Polska macierz. S. 139—145.

¹⁴⁷ Biblioteka Narodowa, Warszawa Rękopis 10530 — *Kuryłowska H.* Moje dzieciństwo i młodość z lat 1898—1919.

¹⁴⁸ *Lewicka M.* Dzieciństwo. Warszawa, 1973. S. 138, 179.

¹⁴⁹ Biblioteka Jagiellońska, Kraków. 7990 IV. K. 109 — В. Еловицкий к К. Дунину-Борковскому. Петербург, 26 марта 1907 г.

¹⁵⁰ *Ibidem* — Проект на двух печатных страницах.

¹⁵¹ *Kresy.* 20.11./3.12.1907, № 16. Первая страница приложения «Kurjer Kresowy». О критике устава подольской организации см.: Biblioteka Jagiellońska, Kraków. 7990 IV. K. 33—34; K. 15 — Программа ПСК, принятая 17—18 декабря 1907 г. с комментариями графа Ю. Поточского.

¹⁵² ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 858. Спр. 418.

¹⁵³ См.: *Łukasiewicz B.* Oświata w dobie ucisku. Warszawa, 1934; *Zasztowi L.* Polskie szkółki. S. 89.

¹⁵⁴ Biblioteka Jagiellońska, Kraków. 7990 IV. K. 233.

¹⁵⁵ Biblioteka PAN, Kraków. Rękopis 7841. K. 66 — *Bartoszewicz W.* (syn Joachima). Wspomnienia 19.10.1919.

¹⁵⁶ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 3172.

¹⁵⁷ О харцерском движении на Украине см.: *Zieliński S. Liga narodowa S. 8—9* и воспоминания Бартошевича — *Biblioteka PAN, Kraków. Rękopis 7841. K. 79—80.*

¹⁵⁸ ЦДАУК. Ф. 274. Оп. 4. Спр. 201 — Материалы слежки за Клейндинстами 1910—1913 гг.

¹⁵⁹ *Ibidem.* Оп. 4. Спр. 203.

¹⁶⁰ *Ibidem.* Оп. 1. Спр. 3171.

¹⁶¹ *Ibidem.* Оп. 1. Спр. 17.

¹⁶² *Ibidem.* Оп. 1. Спр. 3150.

¹⁶³ Богатый материал о последней волне создания школ и научной жизни поляков на Украине содержится в воспоминаниях Бартошевича: *Biblioteka PAN, Kraków. Rękopis 7841. K. 117—148;* а также в: *Zieliński S. Liga narodowa S. 16—39; Kordecki J. Oświata; Świdarska B. Polska macierz;* и прежде всего в работе: *Różewicz J., Zasztowt L. Polskie Kolegium Uniwersyteckie w Kijowie (1917—1919) // Rozprawy z Dziejów Oświaty. 1991. T. 34. S. 93—123.*

Глава 5

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ

А. НОВОЕ ОБОГАЩЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ УКРАИНЫ

Образ общества Правобережной Украины будет неполным, если ограничиться лишь описанием бед, сыпавшихся на головы наиболее незащищенных его групп. Поэтому необходимо остановиться на вопросе о том, как именно три тысячи польских крупных землевладельцев не только сумели сохранить, но и развивали свой собственный мир и расширяли свое влияние. Необходимо отметить масштаб их деятельности, поскольку, хотя до конца XIX в. земля и оставалась основной составляющей богатства, ее рациональное использование требовало новых технических средств, знаний и предприимчивости. Именно поэтому польским помещикам приходилось наравне с русскими, без чьей политической поддержки ничего нельзя было достичь, использовать новые возможности, которые появились с приходом капитализма.

Прибыли, получаемые на Правобережной Украине за счет усовершенствования техники и банковской системы, носили совершенно иной характер, чем на Левобережной Украине, где развивалась добыча угля в Донецком бассейне и железной руды в Криворожье. В трех правобережных губерниях металлургия занимала незначительное место. Экономический прогресс и доход наблюдались в трех секторах: зерновом, мукомольном и винокуренном производстве, свекловодстве и сахарном производстве, деревопереработке и торговле лесом. Развитие этих трех основных источников прибыли было напрямую связано с развитием железнодорожной сети. Отметим, что польские землевладельцы практически не инвестировали в ее расширение, хотя одновременно старались максимально ее использовать.

Вызывающее удивление, несмотря на описываемые сложности, процветание польских крупных хозяйств можно объяснить лишь серьезными экономическими переменами, наступившими в исследуемый период.

Развитие транспорта

Одна из причин географической труднодоступности и изолированности Правобережной Украины (где по дорогам можно было комфортно проехать только зимой, летом путешественника окутывала туча пыли, весной же и осенью он попадал в непролазное болото) заключалась в транспортных проблемах. Марьян Лонжинский, родившийся в Подольской губернии в 1869 г. вспоминал: «В этом крае не хватало мощеных дорог. Во время оттепели, или осеннего ненастья проезд по трактам превращался в настоящую пытку для бедного тяглогового скота. По пути в Каменец встречались брошенные телеги, кабриолеты, экипажи, терпеливо ждавшие, когда подсохнет или замерзнет дорога».

Поэтому долгое время самым надежным транспортным средством в теплое время года был речной путь. Сплав леса и перевозка пассажиров осуществлялись по густой сети притоков и рукавов Днепра, Буга и Днестра. По этим рекам поднимались и спускались целые флотилии пароходов. Самое крупное предприятие в этой отрасли принадлежало русским во главе с бывшим управляющим Морским министерством Н.М. Чихачевым. Вплоть до 1914 г. эта компания, существовавшая под названием «Русское общество пароходства и торговли» с центральным управлением в Петербурге, сохраняла практически полную монополию на Украине¹.

Еще до отмены крепостного права и Польского восстания самые богатые польские семьи поддерживали идею строительства железной дороги Киев—Одесса. В 1858 г. Ксаверий Браницкий, проживавший во Франции, предложил создать акционерное общество с капиталом в 50 тыс. акций по 500 франков каждая. Он сам выкупил 10 тыс. акций и пытался заинтересовать Потоцких, Воронцовых и Ротшильдов. После восстания участие поляков стало менее желаемым, и под влиянием В.А. Бобринского, крупного землевладельца на Украине и министра путей сообщения, Комитет министров одобрил строительство железной дороги Москва—Одесса в обход Киева через Харьков. Однако еще до этого барон Унгерн-Штернберг получил от правительства разрешение на строительство железной дороги с запада на восток, соединявшей Балту в Подольской губернии с Елизаветградом, а дальше с веткой Одесса—Харьков (16 марта 1865 г.)². К этой частной концессии были привлечены и французы: Фельёли взял на себя отрезок Балта—Жмеринка. Благодаря этой линии уже в 1867—1868 гг. Подольская губерния стала крупным экспортером зерна. Именно там начал свою блестящую техническую и финансовую карьеру С.Ю. Витте. Качества Витте как организатора и руководителя проявились в условиях, сложившихся после Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда он стал заметной фигурой в частной железнодорожной компании — «Обществе

юго-западных железных дорог». Сначала он возглавлял эксплуатационный отдел, а затем стал управляющим этой компании, которая соединила линию Одесса—Киев с веткой Киев—Курск, проложенной в 1870 г., и, прежде всего, с важной веткой Киев—Брест—Граево, связавшей в 1873 г. юго-западные губернии с Привислинским краем и Германией.

Несмотря на отрицательное отношение Витте к руководившим этим новым обществом предпринимателям-евреям, он быстро стал его вдохновителем. Председатель и главный акционер компании И.С. Блюх жил в Варшаве; он привлек к делу своего тестя Л. Кроненберга, а также С.С. Полякова и нескольких русских купцов, в том числе П.И. Губонина и В.А. Кокорева. Финансисты, как и товарищ председателя И.А. Вышнеградский, будущий министр финансов, оставили инициативу за Витте, а материальное руководство возложили на молодого поляка С.И. Кербедзя, сына известного конструктора мостов в Петербурге и Варшаве³. Железнодорожная империя Блюха, который также владел железными дорогами Лодзи и Либавы, оказала принципиальное влияние на развитие всех западных губерний. Его 5-томная работа, переведенная на польский и французский языки, «Влияние железных дорог на экономическое состояние России» (1878) стала свидетельством апогея развития частных обществ в империи. И.С. Блюх, известный также как Ян Готлиб Блюх, вплоть до конца XIX в. сохранял огромное социальное и интеллектуальное влияние в обществе. В 1898 г. он опубликовал на нескольких языках, включая французский, шеститомное исследование «Будущая война и ее экономические последствия». Николай II под впечатлением от этой работы созвал в Гааге первую мирную конференцию в 1899 г. В свою очередь, «Общий устав Российских железных дорог», подготовленный Витте, заложил основу для будущей монополизации государством железнодорожной сети. Витте сумел добиться признания принятых им мер после катастрофы императорского поезда в Борках под Харьковом в 1888 г. Блестящая деятельность в Киеве обеспечила ему назначение на пост директора департамента железнодорожных дел Министерства финансов и председателя тарифного комитета. После наведения порядка в хаосе тарифов он стал в 1892 г. сперва министром путей сообщения, а затем — министром финансов⁴.

Время руководства Витте Обществом юго-западных железных дорог было отмечено ростом инициатив на местах. Вскоре заявил о себе и финансовый капитал Браницких: средства Общества взаимного страхования от огня свеклосахарных и рафинадных заводов, где главным акционером был Владислав Браницкий, были вложены в пять проектов, реализованных в последующие годы. Из расчета 17 тыс. рублей за версту постепенно были проложены железнодорожные ветки Козятин—Цибулев—Белая Цер-

ковь, Монастырище—Умань—Ольвиополь—Вербово, Умань—Шпола, Дашево—Ямполь вплоть до Днестра, Проскуров—Каменец—Вороновичи. Строительство этих линий железной дороги отвечало экономическим интересам крупных имений, связанных таким образом с внутренним российским и внешними рынками. В 1883 г., хотя Умань и Брацлав еще не были соединены с Одессой и чумаки возили зерно и сахар за сотни верст на волах, Общество юго-западных железных дорог добилось значительных результатов: его прибыль составила 22,6 млн рублей при 14,8 млн рублей затрат, следовательно, доход акционеров достигал 7,8 млн. После 1890 г. в стороне от железнодорожного строительства оставались только волынские земли. Киевская и Подольская губернии были покрыты густой сетью железных дорог и товарных станций, заваленных зерном и сахарной свеклой во время сбора урожая. В 1892 г. на отрезке Жмеринка—Могилев на Днестре было установлено железнодорожное сообщение с Бессарабией и Галицией. Стратегический характер галицийской линии был очевиден, так что в отношениях между Веной и Петербургом усилилась напряженность⁵.

Большинство крупных производителей зерна и свеклы благодаря связям с российской администрацией получили разрешение на строительство узкоколеек, соединявших узловые станции с отдаленными имениями. Петр Маньковский, представитель богатой семьи сахарозаводчиков, описал праздник, устроенный по случаю открытия такой линии в 1890 г. Игнацы Щеневским, владельцем сахарного завода в Капустянах, женатым на Анне Ярошинской из Антополя, представительнице одной из самых крупных сахарных империй. Эта ветка соединила железную дорогу Киев—Одесса с Вапняркой. Первый поезд по ветке, которая в обязательном порядке должна была быть освящена «попом-схизматиком», повез веселую компанию местных аристократов под звуки оркестра, находившегося на одной из платформ. Во время поездки вагоны один за другим отцеплялись, чтобы дать возможность гостям поохотиться в близлежащих лесах на дичь, согнанную специальными загонщиками⁶.

Постройку железной дороги вполне справедливо воспринимали как новое явление, важное для будущих соглашений и контрактов. Если же к этому добавим, что в 1895 г. в Киеве появилась телефонная связь и примерно тогда же была пущена конка, а затем и электрический трамвай, то можно себе представить полную картину перемен. В 1897 г. генерал-губернатор Игнатъев писал, что с 1892 г. на юго-западе Российской империи было построено 450 верст узкоколейных железнодорожных путей, тогда как за период 1875—1892 гг. было проложено всего 92 версты; он просил разрешения контролировать эту сеть (до этого управление осуществлялось из Петербурга). Его просьба не была лишена своекорыстия. Леон Липков-

ский описал, какие ухищрения и протекция были нужны, и всегда с риском, чтобы добиться разрешения на прокладку железнодорожной ветки. В 1907 г., несмотря на его предусмотрительный союз с русским помещиком Л. Колянковским, генерал-губернатор Сухомлинов и Министерство финансов отвергли проект строительства железной дороги, которая обслуживала бы все крупные польские имения Таращанского уезда (Тетиев, Пятигоры, Ставище)⁷. Без тесной связи с российским миром ничего нельзя было добиться.

Производство зерна

Украину традиционно называют житницей, что совершенно ошибочно связывается с представлением о сказочном изобилии. Представленные выше картины крестьянской бедности — достаточное свидетельство того, что избыток зерна поступал преимущественно из помещичьих хозяйств, и он-то и продавался на внутреннем рынке, и экспортировался. Огромные прибыли доставались горстке землевладельцев. Учитывая большие площади, занятые лесами и лугами, а также развитие кормовых культур в имениях и все более широкое внедрение сахарной свеклы, площадь посевов зерновых не могла увеличиваться. В русских и польских имениях под посевы зерновых было отведено в каждой из губерний (в тыс. десятин):

Губерния	1861—1870	1871—1880	1881—1890	1891—1900
Киевская	656	667	606	613
Подольская	725	720	508	663
Волынская	399	565	527	634
Всего	1780	1952	1641	1910

Уменьшение площадей на протяжении 1880-х гг. было связано с кризисом, о котором еще пойдет речь. Такая относительно стабильная площадь посевов зерновых была характерна и для земель к востоку от Днепра, тогда как в южных, причерноморских регионах трех юго-западных губерний, которые тогда уже не называли «степями», наблюдался зерновой бум: с 720 тыс. десятин, отведенных под зерновые в 1870 г., площадь посевов увеличилась до 3 370 тыс. десятин. В конце XIX в. на Правобережной Украине урожайность значительно возросла благодаря внедрению минеральных удобрений (суперфосфатов) и новых методов возделывания земли: глубокая вспашка улучшенными плугами и рациональный посев с применением механических сеялок. Это становится очевидно, если сравнить урожайность с другими землями юга Российской империи. Средняя урожайность на десятину (в пудах) составляла⁸:

	1860	1870	1880	1890
Правобережная Украина	35	40	49	56
Левобережная Украина	25	29	41	48
Бывшая степная зона	25	27	35	43

В неурожайные годы губернаторы, заботясь о сохранении спокойствия на своих территориях, не раз выступали с предложением закрыть границу. В 1868 г. этого удалось добиться лишь волынскому губернатору, но уже в 1865 г. П.А. Валуев и министр финансов М.Х. Рейтерн, заботясь о свободной торговле зерном, выступили против подобных мер, ссылаясь на невозможность контроля и необходимость выполнения заказов⁹. Таким образом, крупные землевладельцы, избавленные от необходимости реализации зерна на месте, пользовались до 1880 г. возможностями экспорта зерновых по очень выгодным мировым ценам.

Внедрение паровых машин в мукомольное производство шло достаточно медленно, особенно в Волынской губернии, менее развитой с технической точки зрения. Из 2993 мельниц в 1875 г. 1910 были водяными, 1038 — ветряными, 16 приводилось в движение лошадьми и только на 29 использовались паровые машины. Большая часть мельниц отдавалась помещиками в аренду. В этой губернии запаздывала и механизация сельского хозяйства: в 1879 г. здесь насчитывалось лишь 639 сеялок, 441 молотилка, 319 жатвенных машин (в жатву крестьяне косили преимущественно косами и серпами), 118 сенокосилок, 145 конных граблей, 34 паровые и 1491 конная молотилка, 1960 веялок и 174 корчевальных машины.

До 1880 г. Киевская губерния экспортировала шестую часть выращенного зерна — от 13 700 тыс. четвертей в 1878 г. до 8300 тыс. четвертей в 1880-м¹⁰. Больше урожай был только в Подольской губернии.

В начале восьмидесятых годов процветанию крупных хозяйств в значительной мере угрожало неуклонное и длительное снижение мировых цен, вызванное появлением на европейских рынках американского зерна.

В 1884 г. еженедельник «Кгај» стал регулярно печатать материалы, в которых польские читатели Украины выражали беспокойство по этому поводу и требовали предоставления льгот, чтобы противостоять «захвату» Европы Америкой. Одним из главных преимуществ, писал подолянин, подписывавшийся псевдонимом Бонавентура, было бы удешевление перевозок, потому что пуд американского зерна, доставленный из Чикаго в Ливерпуль, стоил 28 копеек, ровно столько же, сколько следовало заплатить за его перевозку из Гайсина лишь до Одессы! Производители начинали понимать и необходимость соответствующих условий хранения и строительства силосных башен. Автор статьи не побоялся резко выступить по этому поводу против «Московских новостей» Каткова, которые клей-

мили солидарность польских помещиков против русских, которые, мол, «вынуждены молча терпеть дерзость ляхов». Без оглядки на цензуру корреспондент писал, что жаловаться должны были бы поляки, чьи имения скупались русскими за бесценок. Желая избежать резких споров и недопониманий, поскольку в данном случае экономические интересы обеих сторон были тождественны, Сельскохозяйственное общество в Киеве, возглавляемое князем Н. Репниным и имевшее в своем составе многих поляков, созвало в начале октября 1884 г. специальные собрания для рассмотрения «жгучего вопроса»¹¹.

В этом Обществе выделилась группа из около 40 самых крупных землевладельцев, в поместьях которых находились многочисленные мельницы. В марте 1885 г. они выслали в Англию образцы своей муки для установления ее соответствия западным стандартам (зачастую еще при перемоле зерна использовались жернова, и следовало провести сравнение образцов), затем они обратились к железнодорожной дирекции с просьбой предоставить информацию об основных железнодорожных тарифах и организовали экспортное агентство, построив зернохранилища и силосные башни около станций при финансовой поддержке Промышленного банка в Киеве. Витте сразу же проявил интерес к этому плану, и Общество юго-западных железных дорог стало посредником экспорта через Одессу. Зерновое агентство, в которое инвестировали крупнейшие банки России, например Волжско-Камский, начало делать выгодные предложения производителям зерна, с которыми вступила в тесное сотрудничество железнодорожная компания. Уже вскоре через этот канал проходили огромные партии зерна:

1883 — 177 000 пудов

1884 — 836 141

1885 — 2 171 938

1886 — 111 883 (неурожайный год)

1887 — 3 005 229

1888 — 3 756 566.

Столь бурный рост (за исключением 1886 г.) объясняется привлекательностью финансовых льгот, предоставленных агентством, которое в 1888 г. внесло предоплатой 65% стоимости поставок, что дало возможность построить больше силосных башен. 80,8% экспорта приходилось на пшеницу, 7,3% — на кукурузу.

Большая часть поставок на экспорт состояла из 5—6 вагонов зерна. В 1888 г. 32 помещика поставили свыше сотни вагонов. Железные дороги взяли на себя продажу зерна на внутреннем рынке империи: в 1888 г. из трех губерний было поставлено 15 млн пудов, в 1889-м — 9 млн, в 1890 г. — 16 млн¹².

В январе 1890 г. в докладе поляка Юзефа Чарновского из Коморова в Подольской губернии, представленном на съезде мукомольных предприятий в Киеве под председательством Репнина, констатировалось, что эта отрасль находится в прекрасном состоянии. Однако, несмотря на высокую плату (1,5 тыс. руб. в год) ощущалась нехватка квалифицированных мельников. В связи с этим было решено создать училище для их подготовки. При этом около сотни крупных производителей продолжали требовать оказания банковской помощи и особых тарифов на железнодорожные перевозки. «Кгај» перевозил Витте, который, наконец, осуществил мечту о развитии торговли в Одессе, которую лелеял еще в начале XIX в. Т. Чацкий. Автор статьи А. Мёдушевский призывал всех читателей тесно сплотиться вокруг этой благотворительной акции председателя Общества юго-западных железных дорог¹³.

В 1891 г. наметились первые признаки политического сближения между Россией и Францией. Поляк Александр Еловицкий создал комиссию Общества сельского хозяйства во главе с Петром Липковским, в обязанности которой входило установление необходимых связей. Украинский промышленник Б.И. Ханенко представил в феврале многообещающий отчет, где подчеркивал, что из-за высоких пошлин было невыгодно продавать муку во Франции, зато можно было реализовать большое количество зерна через Марсель. Во Франции была создана контора по продаже: вместе с директором Волжско-Камского банка Флиге, украинцами Б. Ханенко и А. Терешенко в нее вошли самые крупные польские производители зерна Эмерик Маньковский-сын, Станислав Залеский, Эдвард Еловицкий. Французским посредникам в Одессе были высланы образцы, а один из членов Общества сопровождал в сентябре на съезд мукомолов в Париже представителя Министерства финансов Козловского.

Неоднозначный характер этих операций становится яснее, если вспомнить, что на 1891 год пришелся сильнейший голод в Российской империи, особенно в Поволжье. В еженедельнике «Кгај» публиковались материалы о наживе спекулянтов, которые закупали зерно на вывоз, и о как никогда до тех пор высоких прибылях производителей зерна. С сентября 1891 г. через Одессу было вывезено свыше 3 млн пудов, было продано даже 60% собранной ржи. При этом чем больше распространялись слухи об ожидаемом запрещении экспорта, тем сильнее становилась торговая лихорадка¹⁴.

Между тем ширились частные инициативы по предоставлению помощи, создавались комитеты по борьбе с голодом (профессора Киевского университета по примеру Л. Толстого издавали альманахи и продавали их в пользу голодавших). Наконец, 3 ноября 1891 г. правительство запретило экспорт пищевых продуктов — зерновых и картофеля. Это стало по-

воротным моментом в торговой политике Российской империи. Источник поступления зарубежного золота, которое позволило министру финансов Вышнеградскому сохранить, благодаря сельскохозяйственному экспорту, условия для процветания крупного помещичьего хозяйства, исчерпывал себя.

Началом новой экономической политики стал приход 30 августа 1892 г. в Министерство финансов Витте. Этот пост он занимал более десяти лет, до августа 1903 г. Витте начал политику получения финансовых ссуд за рубежом и поддержал закрытие границ, оставив только одно направление экспорта — во Францию (источник финансовых средств России вплоть до 1914 г.), которая всеми силами стремилась удовлетворить просьбы Российской империи о ссудах в рамках знаменитого франко-российского альянса. В канун Первой мировой войны Парижская биржа держала 18 российских займов на сумму 11 млрд 700 млн франков, а многочисленные ссуды железным дорогам и разным городам империи достигали 6 млрд франков¹⁵.

Крупные производители зерна на Украине, которые предусмотрительно установили связи с Парижем, не пострадали от введенных ограничений. Урожай все чаще продавался на корню, и, как отмечалось на страницах еженедельника «Кгај», покупатели не боялись возможных неурожаев, ибо речь шла о плодородном украинском черноземе. В Подольской губернии мельницы не останавливались ни на минуту; паровых мельниц становилось все больше. На ветряных мельницах обмолачивались лишь мизерные крестьянские урожаи. На территории же, где было самое лучшее железнодорожное сообщение между Козятином, Христоновкой, Шполой и Фастовом, сооружались настоящие мукомольные заводы. За год здесь в среднем мололи по 100 тыс. пудов, тогда как производительность водяных мельниц составляла лишь 30 тыс. пудов. Развитие внутреннего рынка, в том числе рост спроса на рожь и ячмень, позволяло вывозить зерно в Вильну, Варшаву, Могилев и Киев, тем более что урожаи оставались высокими до конца XIX в.: с 1892 г. на юго-западе производили в среднем по 49 млн пудов пшеницы, 66 млн пудов ржи, 53 млн пудов овса и 16 млн пудов ячменя¹⁶.

Винокуренное производство

Процветанию во всех трех губерниях крупного земельного хозяйства способствовал указ 1890 г., предоставлявший новые льготы в винокуренном производстве. В сущности, он лишь расширил привилегию, которой пользовалась небольшая группа землевладельцев еще до отмены крепостного права. Правительственные распоряжения 1861 г. способствовали со-

зданию промышленных винокуренных заводов главным образом в городах, которые передавались в концессию помещикам-дворянам, по большей части полякам, способным платить крайне высокие налоги. Это привело к упадку значительного числа небольших винокурен в имениях, которые были источником традиционного обогащения шляхты. Только в Киевской губернии из 350 винокуренных заводов, существовавших в 1861 г., осталось 239 в 1870 г., 152 — в 1872-м, 108 — в 1883-м. В этот период объем продукции не упал, но шел процесс концентрации производства, а это вызывало многочисленные жалобы губернатору со стороны мелких производителей, вынужденных закрывать свои предприятия. Кроме значительных прибылей, помещики теряли также и продукты переработки, годные, например, на корм скота. Промышленные же винокуренные заводы, напротив, процветали также благодаря отмене налога за превышение норм производства, установленных ранее государством¹⁷.

В период 1883—1890 гг. как польская, так и русская пресса в унисон возмущались подобными ограничениями. По мнению Яна Илговского, рост числа сельских винокуренных заводов никоим образом не мог способствовать распространению алкоголизма, поскольку все зависело от надлежащего воспитания. Илговский не говорил, о том, кто должен был заняться воспитанием народа, зато с радостью воспринял известие о том, что Киевское общество сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности обратилось в Департамент неокладных сборов Министерства финансов с протестом по этому поводу. В Общество наряду с русскими и еврейскими производителями, например губернатором С. Н. Гудим-Левковичем, Адельгеймом и Штейном, входили поляки В. Козаковский, Лашкевич, Б. Вежбицкий, Мошинский, Рудницкий и Чарновский.

Согласие Петербурга было встречено ими как победа, и дело попало на первую полосу еженедельника «Kraj» в начале марта 1891 г., когда разрабатывались правила по применению указа от 4 июня 1890 г. Введя налоги на крупные винокуренные заводы, которые использовали большое количество мелассы, поступавшей с сахарных заводов, и уменьшив налоги на малое винокуренное производство, указ дал землевладельцам, обеспокоенным закрытием границ для экспорта зерновых, неожиданную возможность расширения винокуренного производства. «Kraj» даже впал в лирический тон. Газета почти откровенно призывала поляков воспользоваться случаем и не дать русским предпринимателям обойти их. «Kraj» публиковал данные о том, что необходимо для перспективных инвестиций, и подталкивал польских помещиков взяться за дело. Газета сообщала, что 88 винокуренных заводов Подольской губернии, 9 из которых производили половину всей продукции, были вынуждены сократить производство наполовину, освободив место для 30 «смелых» предпринимателей. Но га-

зета задавалась вопросом, сумеют ли воспользоваться таким «фантастическим случаем» и преодолеть некоторые «обветшалые суеверия» «наши землевладельцы средней руки»? Через месяц А. Гилевич вновь счел необходимым их к этому призвать¹⁸.

Отношение к винокурению среди польских землевладельцев Правобережной Украины не может не вызывать интереса: если литовские поляки агитировали за создание обществ трезвости среди близких им крестьян-католиков, украинские поляки без угрызений совести спаивали «схизматиков»-украинцев. А русские не колеблясь спаивали свой собственный народ по всей империи. Новые условия винокуренного производства были разработаны А. С. Ермоловым, директором Департамента неокладных сборов, в скором будущем министром земледелия и государственных имуществ, который знал, что акцизные поступления от продажи алкоголя являются важнейшим источником прибылей государства. Охвативший помещиков энтузиазм уже через четыре года привел к кризису перепроизводства. Для обсуждения этой проблемы в 1894 г. в Москве был созван съезд 500 производителей, который стал одновременно свидетельством полной интеграции крупных польских землевладельцев с общеимперскими интересами. Наряду с русскими помещиками и прибалтийскими немецкими баронами в нем принимали участие граф Феликс Чацкий с Волыни, М. Еленский, представитель Ю. Хрептовича из Белоруссии, Х. Корвин-Милевский из Литвы. Это собрание самых богатых дворян, которое Милевский сравнивал с допетровскими земскими соборами, решило убить одним ударом двух зайцев. В 1895 г. по совету московского съезда государство взяло на себя монополию на продажу алкоголя, которой в Западном крае до этого времени традиционно занимались по преимуществу евреи. Тем самым это решение увенчалось антисемитскую акцию, начатую в 1882 г.¹⁹

Как ни парадоксально, но постепенно внедрение государственной монополии на продажу алкоголя принесло помещикам юго-западных губерний дополнительное обогащение, и эта тенденция сохранялась до 1904 г. В сущности, эта реформа лишала их давней привилегии — отдавать свои постоянные дворы и корчмы в аренду евреям. Государство решило возместить эту потерю. В городах право на сбыт было выкуплено, а по селам — достаточно хорошо оплачено. Из этого источника в период 1897—1911 гг. землевладельцы западных губерний получили 41,5 млн рублей. Самые богатые, естественно, получили наибольшее возмещение. Например, за свои корчмы под Бердичевом графиня Тышкевич получила 330 тыс. рублей, князь Любомирский за корчмы под Ровно — 249 тыс. рублей. Тем не менее Витте очень быстро вернул казне эти суммы, и государство обогатилось благодаря лучше контролируемым поступлениям от продажи алкоголя, а винокуренные заводы, в свою очередь, увеличили производство алкоголя²⁰.

Такая своеобразная реакция правительства на бедность собственного населения и такое оригинальное средство пополнения бюджета, особенно при одновременном поощрении экспорта зерна, привели в восторг владельцев имений, открывавших все новые и новые винокуренные заводы. Об алкогольном буме в империи говорят следующие цифры²¹:

	Количество винокурен в Российской империи	
	1897	1914
Сельские винокуренные заводы	1474	2477
Винокуренные заводы смешанного типа	404	342
Промышленное винокуренное производство	159	159
Всего	2037	2978
	Производство (в млн ведер)	
	1897	1914
Сельские винокуренные заводы	13,5	76,9
Винокуренные заводы смешанного типа	10,8	38,7
Промышленное винокуренное производство	5,5	22,4
Всего	29,8	138,0

В отличие от других регионов империи, где четырехкратное увеличение производства водки обеспечивалось ростом производства картофеля, на Правобережной Украине площади, отведенные под эту культуру, увеличились ненамного. Так, с 1891 по 1900 г. в трех юго-западных губерниях площади под картофелем увеличились лишь вдвое (с 64 200 до 130 тыс. десятин), но по сравнению с 2,9 млн десятин под зерновыми эта цифра была незначительной²². На Украине производили знаменитую житную водку, благодаря чему в карманах польских помещиков оседали значительные суммы. Как и в случае с крупными производителями зерна, польские владельцы крупных винокуренных заводов (часто это были одни и те же лица) не имели оснований жаловаться на российское правительство. Рост их благосостояния помогал предотвратить вытеснение и дробление польских имений. Политическое же сближение с русскими дало о себе знать в 1905—1907 гг.

Сахарные заводы

Ничто не приносило таких больших доходов, как производство сахара. По примеру Сенкевича поляки из других бывших польских земель

называли своих украинских собратьев «сахароделами». В этом прозвище была как доля зависти, так и оттенок презрения. В предыдущей части уже шла речь о зарождении этого вида промышленности до 1863 г.²³ Поляки пользовались льготами, предоставляемыми царским правительством. Настоящий подъем этой отрасли пришелся на 1881—1883 гг.

Однако на начальном этапе, несмотря на поддержку со стороны государства, включавшую, например, высокие пошлины на ввозимый из-за границы в начале 1860-х гг. колониальный сахар, внедрение нового вида продукции даже в условиях отмены крепостного права продвигалось медленно. Многочисленные мелкие сахарные заводы с «открытым огнем», существовавшие в помещичьих имениях за счет рабского труда, приходили в упадок. При этом достаточно быстро начался процесс объединения предприятий с большими инвестициями капитала, иногда иностранного, и с привлечением наемного труда, о чем еще пойдет речь.

Первенство было за Киевской губернией. В 1878 г. объем переработки сахарной свеклы достиг здесь 5 800 тыс. берковцев, тогда как в Волынской губернии, где к 1875 г. было всего семь сахарных заводов, перерабатывалось 243 тыс. берковцев. В 1880 г. общая стоимость выработанного в Киевской губернии сахара составляла от 6 до 8 млн руб., а в Волынской — 2,9 млн. В отчетах губернаторов, кроме приводимых данных, говорилось также и о банкротстве некоторых заводов в связи с дороговизной дров (до 1890 г. уголь практически не использовался).

Однако этот относительный застой сахарная промышленность преодолела благодаря новым техническим возможностям. После 1881 г. старая технология добычи сока из свеклы с помощью гидравлического пресса была заменена диффузорами и фильтрующими прессами, благодаря чему выход сахара из одного берковца вырос с 35 фунтов до 1 пуда 30 фунтов. Почти полное прекращение импорта в 1877 г., вызванное требованием платить пошлину твердой валютой, стимулировало предприятия в России, тем более что с этого времени и до 1882 г. в Западной Европе ощущалась нехватка сахара, поэтому она стала хорошим рынком сбыта. Очень выгодные контракты заключались в Гамбурге, Лондоне, Марселе, Кельне, а также и в Константинополе²⁴.

Еще до появления комиссий винокуров и производителей зерна в Киеве в Обществе сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности возникла идея создания «совещательного органа». В связи с этим производители сахара юго-западных губерний обратились в Министерство финансов 24 марта 1881 г., чтобы получить такие же возможности, какими располагали петербургское и московское общества. Правительству, остерегавшемуся засилья поляков в этом обществе, потребовалось три

года, чтобы принять решение. В конечном итоге, после серии повторных ходатайств, 3 февраля 1883 г. «совещательный орган» был разрешен²⁵.

Экономический кризис на Западе позволил удерживать высокие цены на сахар в 1881—1884 гг., что привело к значительному росту как его производства на Украине, так и энтузиазма среди помещиков. «Крај» клеймил аморальность финансовой лихорадки и легкость заработков на акциях, большая часть которых принадлежала полякам. В то же время в публикуемых на его страницах статьях сквозило восхищение снизошедшей на эти земли капиталистической манной: «Ведь сахар в любом виде, начиная с темно-бурой мелассы и заканчивая белым, словно снег, и твердым, как горный хрусталь, рафинадом, дает практически исключительное право владеть этими столь желанными для каждого рублями», — писал Ян Карвицкий в 1883 г. Тот же еженедельник, сообщая из номера в номер о курсе цен на сахар, с энтузиазмом констатировал перемены, ставшие следствием развития капитализма. Традиционные киевские контракты, «потеряв свой ярмарочный характер», превращались «в съезды сахароваров, промышленников и коммерсантов», а потому длились дольше, с конца января до конца февраля, в ожидании завершения цикла сахарного производства. Дивиденды же сахарных заводов колебались от 15 до 25%.

Прибыли, получаемые поляками благодаря сложившейся конъюнктуре, не могли не вызывать зависти у русских помещиков Украины. Появившаяся в редактируемом Пихно «Киевлянине» 11 февраля 1883 г. статья произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Газета сообщала, что в скором времени ожидается введение запрета на производство сахара лицам, не имеющим права покупать землю в юго-западных губерниях, т.е. полякам и евреям. Эта журналистская утка дает представление о накале соперничества. В свою очередь, поляки очень боялись прихода на украинский рынок немецкого капитала: «Целый Культуркампф слетелся, словно вороны на добычу. Целая армия немецких промышленников вторглась в Киев, соблазнившись большими доходами от сахара, чтобы вытянуть заработанные рубли. Удастся ли им это — вот в чем вопрос, поскольку конкуренция огромна, а предложения превышают спрос».

Однако, несмотря на опасения возможного сужения рынка, он продолжал расти. Сахарное производство привлекало многих помещиков, получавших от возделывания сахарной свеклы доход на 50% больше, чем за обычную аренду. В Киеве началось строительство здания новой торговой биржи²⁶.

Между тем агрессивное развитие новой отрасли стало беспокоить помещиков средней руки, которые почувствовали, что они являются объектами манипуляции и даже эксплуатации. В октябре 1883 г. после пребывания в Киеве французский консул в России Эдмонд Молилари написал

статью для парижского экономического журнала «*Journal des économistes*», где резко критиковал эксплуатацию рабочей силы и уничтожение лесов. Тогда же эти вопросы были затронуты в изданной в Киеве на польском языке брошюре «Сахарное дело»²⁷. Русскоязычная пресса, в свою очередь, от имени мелких русских помещиков, которых на Украине было больше, чем крупных землевладельцев, выражала обеспокоенность в связи со спекуляциями на сахарном рынке. «Одесский вестник» остро высказался по поводу нового гидравлического пресса, «называемого мощью капитала»; эту тревогу разделял и польский автор, писавший под псевдонимом «Бонаventura», который 4 октября 1883 г. выступил в еженедельнике «Кгај» с резкой критикой так называемых благодеяний упомянутой промышленности, которая якобы давала работу и содействовала развитию сельского хозяйства: «Красивые слова, но всего лишь слова». Инвестируя, сахарные заводы всегда зарабатывали на этом вдвое больше. «Это ли благодеяние?» — спрашивал тот же помещик из Гайсина. Он с возмущением подчеркивал, что зачастую деньги уходили во Францию или Германию. От имени традиционных производителей зерна он разоблачал протекционизм, который приносил пользу лишь сахароварам, и выступал за развитие остальных отраслей пищевой промышленности, в частности мукомольного производства. Называя свеклу «чужестранкой», автор статьи видел в ее распространении причину ухудшения почвы и предлагал строить мельницы и использовать отруби на корм скоту. Вполне очевидно, что при существовавшей напряженности в земельном вопросе переход к интенсивному ведению хозяйства имел негативные последствия. Обличительная статья «Бонавентуры» завершалась враждебным выпадам по адресу технического прогресса. Автор заявлял, что паровые машины не нужны, поскольку реки, используемые лишь для водопоя скота и вымачивания льна, могли бы крутить колеса мельниц²⁸.

Противоречия внутри общества землевладельцев были вызваны тем, что в среде помещиков появилась новая элита, — не все в одинаковой степени получали выгоды от производства сахара. В конце 1883 г. уже упомянутый Карвицкий разоблачал самоуправство волынских сахарозаводчиков по отношению к свекловодам. Последние также хотели увеличить свои доходы, однако фабриканты скупали у них сырье по заниженным ценам. Они сетовали на значительные капиталовложения, связанные с применением новых орудий труда, — например, плуга с лемехом для глубокой вспашки. В то же время они были не в состоянии отказаться от предлагаемых авансов за еще не собранный урожай, тем самым еще теснее связывая себя с производителями сахара, на что указывал Карвицкий.

И в данном случае деньги накладывали отпечаток на все, что еще осталось от былой шляхетской солидарности. Между шляхтичами, продав-

цами зерна и продавцами сахара, велось теперь уже финансовое соперничество, не имевшее ничего общего с рыцарским соперничеством прошлых эпох. «Кто возьмет верх в этой неравной борьбе? — спрашивал в завершение статьи Карвицкий. — Это совсем несложно предугадать, потому что нашей шляхте совершенно не свойственна солидарность»²⁹.

Пророчество не замедлило сбыться — с 1884 г. конъюнктура начала ухудшаться. Расширение с 1881 г. производства на Украине, а одновременно преодоление кризиса в Западной Европе привели к перепроизводству сахара. Элита сахароваров, стремясь защитить свои позиции, в конце марта 1884 г. объединилась в Сахарный синдикат. Ее лоббисты обратились к правительству с просьбой гарантировать помощь, если на внутреннем рынке цены упадут ниже 4,5 рубля за пуд. Синдикат предлагал создать регулирующий фонд, который пополнялся бы за счет увеличенной пошлины на импорт³⁰.

О могуществе этого синдиката можно судить по статистическим данным начала 1885 г., где помещики и управляющие представлены согласно вероисповеданию. Католиками, естественно, были поляки (48 собственников). На основании этих данных, к сожалению, нельзя определить, сколько их было в каждом из 77 акционерных обществ и какая доля капитала им принадлежала. Судя по данным 1910 г., к которым мы еще вернемся, они располагали значительной частью капитала. Немало было поляков и среди квалифицированного персонала, причем не только на польских сахарных заводах. Данные по сахарным заводам в Российской империи в 1884—1885 гг. таковы³¹:

Характеристика владельцев	Общее число сахарных заводов	Сахарные заводы, управлявшиеся их владельцами
Православные	99	67
Католики	49	35
Протестанты	4	4
Иудеи	15	14
Казна	3	—
Акционерные общества	77	74
Иностранцы	4	4
Всего:	251	198

NB: 45 сахарных заводов были отданы в аренду (14 — обществам, 12 — православным, 8 — иудеям, 4 — протестантам, 4 — иностранцам и 3 — католикам), остальные 7 находились на судебном попечении, еще один завод был выставлен на продажу.

Созданная синдикатом сахарная контора в Киеве пыталась добиться таких же привилегий, как и производители зерна: специальных тарифов на железнодорожные перевозки и контактов с Италией. Однако итальянцы были согласны покупать сахар не дороже 4,25 рубля за пуд, что было на 1,55 рубля больше, чем на внутреннем рынке, но меньше, чем планировалось получить. К концу года цены упали. Два миллиона пудов урожая 1884 г. еще не были реализованы, когда стало ясно, что урожаем 1885 г. оказался рекордным — 26—28 млн пудов. В начале 1886 г. пуд стоил всего 2,85 рублей.

Напуганные сахаровары, собравшись в Киеве, обратились к государству с требованием снизить налоги на продажи внутри страны, установить квоты на выращивание свеклы согласно «действительным нуждам» и лимит производства для каждого сахарного завода. Польские графы Феликс Чацкий и Альфред Потоцкий поддерживали в этом Хрякова, Бродского, Терешенко и Балашова. Не ожидая помощи от государства, они договорились не превышать среднюю цифру последних пяти лет, а на продукцию, произведенную сверх установленной квоты, наложить налог в 85 копеек за пуд. Для контроля за соблюдением этих обязательств был создан наблюдательный комитет из 11 членов, который определял штрафы в случае несоблюдения данного решения. Таким образом, сахаровары становились полностью независимыми от резкого падения цен на внутреннем рынке. Однако это соглашение не спасло от разорения семь сахарных заводов. Кроме того, его следовало постоянно возобновлять: сначала каждые два года — с 1887 по 1889, с 1890 по 1891, потом раз в четыре года: 1892—1896 и 1896—1899; к первому соглашению присоединилось 78% сахароваров, к последнему — 91%³².

Те же производители, кто не подписал соглашения и во всем винил завышенные тарифы на железнодорожные перевозки, поняли свою ошибку, когда 20 февраля 1887 г. Министерство финансов распространило протекционизм на производителей, подписавших такие соглашения, выкупив непроданные запасы сахара. Начался период демпинговой политики, крайне негативно воспринятой общественностью и прессой из-за царящей повсюду нищеты. Зато производители сахара с благодарностью приняли государственную помощь, хотя к концу 1888 г. число заводов и уменьшилось с 251 до 229; при этом лишь 218 смогло работать в течение всего сезона. Общее же производство снизилось с 29 до 25,9 млн пудов. Три юго-западных губернии в 1886 г. реализовали 58,2% от всей продажи империи, а на следующий год — 54,4%. В 1889 г. здесь было выработано 15 400 тыс. пудов сахара-рафинада: в Киевской губернии — 8 400 тыс., в Подольской — 5 360 тыс., в Волынской — 1 500 тыс. Выплата дивидендов акционерными обществами составляла от 15 до 25%³³.

За исключением 1893-го (когда из-за плохого урожая пришлось импортировать сахар), в следующие годы польские сахарные магнаты Е. Маньковский, Я. Ярошинский и другие могли лишь радоваться политике экспорта, проводимой Российской империей, тем более что к английским и итальянским рынкам теперь добавились Бухара, Персия, Афганистан и Китай. В конце XIX в. три юго-западные губернии производили 69% сахара всей империи. Продукция превышала 100 тыс. пудов в год в каждом из уездов между Житомиром, Бердичевом, Брацлавом, Гайсином и Уманью. В результате возникли новые заводы для переработки сахарного сырья, в частности в Киеве, где фирма «Донат, Липковский и К°», засыпавшая «Кгај» рекламными объявлениями, стала примером успешного сочетания капитала и технической подготовки.

Витольд Валеvский в превосходном исследовании³⁴ показал, каким образом удалось сохранить эту благоприятную конъюнктуру до 1914 г. Например, популяризация чая привела к тому, что спрос на сахар всегда превышал предложение, хотя в целом потребление сахара в империи было еще низким (7 кг в год на душу населения в 1910 г., тогда как в Англии и Франции оно составляло, соответственно, 43 и 17 кг). Льготы, полученные сахароварами, сохранялись и в дальнейшем, при этом продолжился процесс монополизации сахарного производства, чем объясняется слабое увеличение числа сахарных заводов: к 1910 г. их было 282. При этом больше половины (145) приходилась на три правобережных губернии; в 1914 г. их было 147, правда, с учетом Бессарабской и Херсонской губерний. Первенство, как и ранее, было на стороне Киевской губернии — 77 заводов. В Подольской их было 53, а в Волынской — 15³⁵.

Конечно, не следует преувеличивать удельный вес поляков в этой отрасли. В 1914 г. они владели 60 из 147 сахарных заводов Украины и были членами 10 акционерных обществ³⁶. Однако их доля составляла половину сахарного производства Украины. После этого стоит ли удивляться, что в коллективной памяти сохранился мифический образ поляка-сахаровара. В 1912 г. польский аристократ, автор посредственных повестей и рассказов о жизни его среды на Украине граф Адам Жевуский посвятил одно из своих произведений «Его ненасытному величеству бураку»³⁷. Он изображает типичную картину Киевской контрактной ярмарки, превратившейся в сахарный рынок:

И вновь бурак...
 Во всем Величии, Власти и Силе
 Преогромной...
 Вновь он!...
 Жрецы его мистерии купаются в злате,

иль утопают в нищете, это для них
старый Киев в месяц контрактов
Отворяет сезамы городских соблазнов
и распутных прелестей...

Несмотря на демонстративное пренебрежение к фантастическим приключениям новой эпохи, Жевуский стремился показать, что в этой области полякам приходилось защищаться от очень опасных врагов — капиталистов-евреев, которых он традиционным карикатурным образом изобразил в антисемитском духе. Автор забыл упомянуть, что большинство «жрецов» сахарных «мистерий» были поляками. Согласно опубликованным в 1910—1911 гг. статистическим данным, на Правобережной Украине 33 сахарных завода принадлежало евреям, 25 — русским, 10 — иностранцам, 6 — украинцам. Несмотря на всю примитивность сочинений Жевуского, в них показано, насколько ожесточенным было соперничество. Конечно, немного было таких польских собственников, чьи состояния могли соперничать с богатством евреев Бродских, владевших 13 сахарными заводами к западу от Днепра и 8 — к востоку, и Л. Б. Гинзбурга (6 и 4 соответственно), владельца дерзкого высотного доходного дома в Киеве, известного как «небоскреб Гинзбурга». Сахарные заводы Гальпериных, Гольденбергов и других конкурировали с польскими промышленниками. Скрываемое цензурой соперничество с русскими производителями было не менее напряженным, их доля в сахарном производстве юго-запада России равнялась одной шестой: А. Бобринский, владевший в Смеле сахарным заводом с шестилетним техническим училищем, рафинадные заводы Подольской губернии в Грушке и Ушице, принадлежавшие царской семье, заводы Лопухиных и Давыдовых (в чьем имении Вербовка Кароль Шимановский находил теплый прием и живой интерес к своей музыке). Все эти владельцы находились в постоянной конкуренции друг с другом, не говоря уже о пренебрежении, которое они питали к парвеню, как, например, сыну чумака Терещенко, владельца четырех сахарных заводов на Правобережье и семи на Левобережье, или швейцарскому промышленнику из Петербурга К. Дженни.

Как нам предстоит еще убедиться, в окружении всех этих промышленников, независимо от их национальности, появилась совершенно новая польская группа — технических специалистов и рабочих. Даже пейзаж говорил о преобладании поляков-сахароваров на Украине: бескрайние бурчаные поля были символом «польских панов», самых богатых, заметных и активных. Дым же над трубами заводов, принадлежавших старым польским аристократическим семьям, свидетельствовал об их удивительной способности адаптироваться к техническому прогрессу. Отныне со-

гласно шкале символов могущества, принятой в шляхетском обществе, эти заводы равнялись традиционным дворцам или сельским роскошным усадьбам. Кто бы мог представить в 1914 г., что гигантский промышленный потенциал Браницких в Кожанце, Ольховой, Саливонках, Шамраювце Озерной, Синяве (Киевская губерния), Сосновке (Подольская губерния), Михала Собанского в Кирнасовке, Ободовке (Подольская губерния), Япоровках (Киевская губерния), Потоцких в Клембовке, Корце, Кременчуках, Шепетовке (Волинская губерния), Сатанове, Сутковцах (Подольская губерния), Бужанцы, Вильховцы (Киевская губерния) и т.д. и т.п. — все это будет покинуто и в скором времени перейдет к большевикам.

Лесная промышленность

Расцвет сахарного производства, а также развитие железнодорожной сети было бы невозможно в западных губерниях при недостатке леса. Запечатленный в русской литературе конца XIX в. тоπος вырубленного вишневого сада как символа банкротства дворянства Российской империи, на Правобережной Украине распространился на дубравы, буковые, вязовые и березовые леса, но, в отличие от Великороссии, в польских имениях леса вырубались не потому, что имение продавалось, а именно ради того, чтобы избежать его продажи или чтобы «модернизировать» его. Огромный спрос на лес со стороны железных дорог, потребности бумажной промышленности, топливные нужды — все это привело к быстрому росту цен. Постепенная распродажа огромных лесных богатств Правобережной Украины (как и в Белоруссии и Литве) в течение десятков лет была самым простым средством получать денежную наличность в условиях, когда практически полностью отсутствовал банковский кредит. Следствием этой погони за деньгами стали невосполнимые экологические потери. Краю, столь богатому флорой и фауной еще до 1863 г., где еще в 1890 г. бесконтрольно продолжались охота, вырубка, выкорчевывание лесов, распашка земель под технические культуры, был нанесен непоправимый ущерб.

Особенно жестокое уничтожение лесов велось до 1890 г., до тех пор пока на сахарные и винокуренные заводы благодаря развитию железнодорожной сети не начал поступать уголь из Донбасса. По мнению К.Г. Воблия, лучшего знатока сахарного дела на Украине, потребление леса уменьшилось в связи с техническим прогрессом. После 1890 г. переработка тысячи берковцев сахарной свеклы требовала всего 12—15 куб. сажений дров, тогда как в 1860-х гг. было необходимо 45—48 сажений. Но даже в конце XIX в. древесина составляла 3/4 потребляемого топлива. Привозить уголь из Домбровского бассейна было слишком дорого, при этом на самой Правобережной Украине никогда не велась добыча скромных местных

запасов бурого угля (лигнита). Под Звенигородкой в 1884 г. была единственная каменноугольная шахта графа Потоцкого, которой он владел совместно с графом Шуваловым (неизбежное партнерство с русскими). Однако это было низкосортное сырье, с 12%-ным содержанием угля, добываемое на небольшой шахте, где работало 60—100 человек. В конце 1886 г. большие надежды породило открытие угля под Кременцом в Волынской губернии. Им заинтересовались бельгийские инвесторы, однако вскоре оказалось, что это месторождение непригодно для эксплуатации³⁸.

Поэтому вырубка лесов оказалась непременным условием развития. Все чаще практиковалась продажа леса купцам-экспортерам, которые вырубали тысячи десятин и сплавляли плоты в Одессу. Благодаря продаже лесного участка можно было расплатиться с долгами и немного отсрочить выплату залога. Часто это становилось последней возможностью спастись от разорения. Сетования на страницах еженедельника «Кгај» по поводу опустошения лесов были полны трагизма и чувства бессилия. У поляков не нашлось своего Чехова, который бы показал всю глубину этой драмы.

Кубическая сажень леса, которая в 1860 г. стоила от 3 до 10 рублей серебром (перевозка благодаря барщине обходилась бесплатно), в 1883 г. стоила (уже с доставкой) 45—50 рублей. Уже упомянутый Эдмонд Молинали в своей статье привел данные о годовом промышленном потреблении леса в юго-западных губерниях:

Виды деятельности	Годовое потребление леса в куб. сажнях
Сахарные заводы	370 000
Железная дорога	52 800
Винокуренные заводы	20 700
Пивоваренные заводы	5300
Всего:	448 800

Приводя эти данные на первой странице номера от 11 (23) сентября 1883 г., «Кгај» добавлял: «Роковое значение этих цифр можно лишь тогда оценить, когда поймем, что этот огромный объем древесины был получен в результате вырубки 23 000 десятин леса. Проблема действительно требует того, чтобы над ней задуматься»³⁹.

Уже не раз говорилось о том, сколь незаменимым для крестьянского хозяйства было право на выпас, сбор ягод и грибов, а также пчеловодство в помещичьем имении. Вырубки плохо сказались и на образе жизни крестьян, тем более что сами они практически не владели лесом. В Киевской губернии сельским обществам принадлежало 5% лесов (в основном молодой лес), тогда как 95% леса находилось в крупных частных имениях

(719 тыс. десятин) и в собственности царской семьи (270 тыс. десятин). При этом деревообработка была практически не развита, лишь в Волынской губернии были лесопилки, смоловарни, мебельные ремесла.

В 1892 г. были опубликованы ужасающие данные по Подольской губернии. В 1865 г. там было 718 805 десятин леса, в 1887-м — 527 584 десятины, из которых 422 981 принадлежало крупным землевладельцам. В 1891 г. эта цифра снизилась до 418 809 десятин, из которых 83 981 принадлежало государству, 19 283 — царской семье, 8964 — городам и православным монастырям, а 306 581 десятина — крупным частным имениям, из них 125 716 десятин было предназначено на вырубку.

Отдельные попытки законодательным образом ограничить эту лихорадочную погоню за деньгами оказались безрезультатными. В дальнейшем мы увидим, что в Волынской губернии широкомасштабная рубка велась в основном с помощью немецких и чешских колонистов. То, что не успевали поглотить сахарные заводы, уничтожалось вследствие спроса других потребителей древесины⁴⁰. Таким экологическим потрясением Украине пришлось заплатить за сохранение достатка польских и переселившихся сюда русских помещиков.

Накопление капитала

Остальные виды хозяйственной деятельности не имели по сравнению с уже описанными важного значения. Металлургическое производство, которое велось по старинке на основе давно открытых рудных залежей в Волынской губернии, развивалось, концентрируясь в 1882 г. на 11 рудниках, где добывалось 594 500 пудов продукции. В 1895 г. общая добыча 8 рудников составляла 978 900 пудов. Однако этого хватало для работы нескольких небольших железоплавильных предприятий с численностью от 40 до 100 рабочих в Житомирском и Новоград-Волынском уездах. По сравнению с производством в Кривом Роге и Донбассе эти заводы не играли заметной роли. В конце 1880-х и в начале 1890-х годов на юге Подольской губернии началась «фосфоритная лихорадка». В 1888 г. здесь добыли 321 тыс. пудов фосфоритов, а в 1890 г. — 550 700 пудов. В Жмеринке даже построили суперфосфатный завод, но месторождение быстро исчерпалось, и уже в 1895 г. добыча упала до 166 900 пудов. Импорт минеральных удобрений уничтожил в зародыше этот вид промышленности. Ткацкое производство также не смогло противостоять импорту. Примером тому может служить значительное сокращение производства старой фабрики семьи Сангушко в Славуте. Во всех трех губерниях произошло значительное сокращение ткацких фабрик:

Губерния	1859	1879	1884	1888
Киевская	42	42	37	17
Подольская	8	18	16	14
Волынская	65	41	42	40
Всего	115	101	95	71

Вымачивание, трепание, прядение и ткачество полотна из льна и конопли относились скорее к домашним промыслам крестьян. Помещики лишь разрешали в порядке сервитута вымачивать волокно в реках. Крестьяне ткали грубые ткани для мешков и рубашек.

Продолжали действовать, хотя и были близки к упадку, традиционные стекольные заводы. С. Стемповский рассказывал, как в 1876 г. он приказал разобрать в Подольской губернии один из таких заводов, унаследованный от отца, где в огромной печи сжигали целые деревья, а стеклодувы, происходившие из местной деклассированной шляхты, под присмотром мастера-немца, подвозили тачки с песком и отвозили затем шлаки. Такое архаичное производство было, конечно же, нерентабельным⁴¹.

Эти мелкие, маргинальные виды хозяйственной деятельности лишь подчеркивают первостепенную значимость аграрно-пищевого сектора экономики в процветании крупных землевладельцев Украины. Из перечня фабрик и заводов за 1879—1893 гг. хорошо видно, что даже черная металлургия Левобережной Украины не имела такого большого влияния на предпринимательство, как мельницы, винокуренные и сахарные заводы Правобережной Украины вместе со всеми техническими и коммерческими видами деятельности, которые развились под их влиянием в городах, в частности в Киеве. В промышленном производстве Киевская губерния продолжала занимать лидирующее положение среди девяти украинских губерний. В 1879 г. здесь было произведено товара на сумму в 62 500 тыс. рублей, в 1890 г. — 78 000 тыс. и в 1893 г. — 69 400 тыс. рублей. Подольская губерния, занимавшая в 1879 г. третье место, уступила его с 1893 г. Харьковской, а также Екатеринославской и Херсонской губерниям. Волынская губерния была постоянно на шестом месте среди девяти губерний⁴².

Как было показано, в каждой из отраслей промышленности поляки занимали главное или, по крайней мере, значительное место. Крупные сельские хозяйства находились в тесной связи с перечисленными видами деятельности, что обеспечивало им динамичное развитие в трех изучаемых губерниях. В имениях Юго-Западного края происходила ярко выраженная концентрация капитала: число хозяйств, имевших в 1891 г. более 50 лошадей, равнялось 836; к 1905 г. их стало 949, а в 1912 г. их количество достигло 1069. Кроме рабочих лошадей, в имениях Сангушко, Браницких, Потоцких, Любомирских и многих других выращивали на конных заводах поро-

дистых скакунов, известных во всей Европе, которых в одном имении могло быть несколько сотен. В качестве тяглого скота продолжали использовать волов. Такого количества тяглой силы не было ни в одном регионе империи: в северной части Черноземья, занимавшем второе место после юго-западных губерний, в 1912 г. было всего 599 крупных хозяйств, где насчитывалось свыше 50 лошадей. Таким образом, в Киевской, Подольской и Волынской губерниях в канун Первой мировой войны количество тягловой силы было во много раз — от 2 до 100 — больше, чем где-либо в Российской империи⁴³.

Подобный уровень богатства порождал чувство гордости и уверенности. Посмотрим, каков был в социальном плане этот новый и прекрасный мир.

Б. НОВОЕ ПОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО УКРАИНЫ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Польское «общество» Украины в начале XX в., после разрыва связей с деклассированной шляхтой, охватывало около 3 тыс. семей, владевших каждая не менее 100 десятинами земли (всего 15—20 тыс. человек). Именно эта группа задавала тон и стала основой мифа о «польском пане с Украины», крепко сидящем на своей земле в своем имении. Вокруг этого «солнца», в благородном происхождении которого никто никогда не сомневался (тогда как среди русских землевладельцев было немало выходцев из недворянских сословий), вращались сателлиты, формируя на протяжении исследуемой эпохи свою особую систему. Такими сателлитами, появление которых было обусловлено развитием капиталистических отношений, была группа технического и управляющего персонала, в большинстве своем выходцев из бедной польской шляхты, подтвердившей свою принадлежность к дворянству, которые благодаря своим знаниям достигли более высокого социального статуса. Кроме того, к этой группе относилась польская интеллигенция шляхетского происхождения, жившая в городах, рабочие, занятые на сахарном производстве и в других секторах продовольственной промышленности, а также иностранные колонисты, служившие у богатых поляков, и евреи, посредничавшие при заключении разнообразных соглашений.

Престиж владения землей и общественная жизнь

Солнце слепит. Ослепляло оно и всех мемуаристов, в большинстве своем купавшихся в его лучах и принадлежавших к сословию, которое вело роскошную жизнь и было склонно к меценатству. Подобно французам эпохи Людовика XIV, забывшим, как писал Ж. де Лабрюйер, о «диких

животных, утолявших голод кореньями», и восхищавшихся величием Версаля, поляки восхищались пышностью украинских резиденций. Несомненно, тот мир, благодаря сложившейся в экономике конъюнктуре, был чем-то вроде генератора прекрасного. В коллективной памяти поляков усадьбы и дворцы, чарующий шарм жизни высшего общества Украины окутаны аурой, которая со временем стала еще более привлекательной, поскольку всё это оказалось уничтожено большевистской революцией и семьдесятю годами советского режима.

Уже в начале XX в. в фотографическом альбоме А. Урбанского, о котором уже говорилось, были показаны удивительной красоты польские усадьбы Правобережной Украины. Работы же современных польских искусствоведов свидетельствуют о глубине и охвате влияния, которое польская аристократия оказывала на культурную жизнь этих земель. В более чем двадцати томах иконографического материала, который удалось собрать Роману Афтаназу, обстоятельно, с пиететом показан бесконечный ряд восхитительных резиденций, расположенных в западных губерниях, или на «кресах»⁴⁴.

Не повторяя своих рассуждений о возрождении в Польше литературного мифа об Украине, автор этих строк хотел бы отметить, что литературный образ рыцарского прошлого поляков «на кресах», созданный Х. Сенкевичем, М. Родзевич, Ф. Равитой-Гавронским, З. Косак-Щуцкой и другими, оказал сильное влияние на польских мемуаристов конца XIX — начала XX в., охотно идеализировавших польских жителей «кресов». Для большинства мемуаров, содержащих немало важных сведений, характерно изображение польских помещиков Украины людьми, одновременно чуткими к эстетике и высокоморальными, как будто красота и добро должны идти в паре. Огромное и бесценное количество деталей о быте и менталитете польских помещиков в мемуарах дополняют устные свидетельства, собранные З. Трояновской. Во введении к этой книге уже говорилось о целой лавине польской литературы о «кресах». Апофеозом этого сентиментального и набожного возвращения к прошлому стала вышедшая в 2006 г. книга Мирослава Устшицкого⁴⁵. Конечно, стиль жизни в польских имениях, не превосходивших размером 100 десятин, отличался от жизни резиденций, чьим владельцам принадлежало от 5 до 20 тыс. десятин, но в памяти остался стереотипный образ, в котором доминирует роскошь и гармония.

Даже в Литве, где были достаточно крупные состояния, польские помещики чувствовали определенный комплекс неполноценности перед своими «братьями» с Украины. В. Мейштович вспоминал о владельце дворца в Антонинах, графе Юзефе Потоцком:

Он импонировал русским, а в то же время шокировал их своим высокомерием и своеволием. Когда он выезжал из дому... с треском растворялись двери и два казака [слуги, одетые как казаки. — Д.Б.] выкатывали на заснеженную дорогу красную дорожку до самой подножки экипажа, ожидавшего его. На пресмыкавшуюся перед царем русскую аристократию он глядел с высоты положения польского магната. Примерно шестьдесят тысяч гектаров черноземной земли — остаток унаследованных от Сангушко воистину княжеских заславских владений — процветало. Несколько сахарных заводов, леса в прекрасном состоянии, штат управляющих и хорошо оплачиваемых рабочих, а в центре — столица. Дворец, а точнее, два дворца, соединенные между собой, с пристроенной огромной конюшней. Комфорт согласно последним представлениям, существовавшим в Англии и Америке. Говорили, что в этой роскоши было претенциозно много гербов над дверями, окнами, на дверных ручках, упряжи, ведрах, мешках... что было там больше денег, чем вкуса. Возможно. Но какое это было замечательное хозяйство и какая польза для края!

Янина Жултовская, великосветская дама из Литвы, сознавалась, что нигде не видела такой роскоши, как на торжествах и приемах, устраиваемых на Украине. Она восторженно перечисляла людей из высшего общества, которых видела во дворце Четвертинских в Обарове на Волини. Здесь можно было встретить Януша Радзивилла с женой, Анну Любомирскую, Липковских, Чечели, Здзеховских, Залеских, Жевуских, Могильницких, Чесновских, Ярошинских. Резиденция последних была по соседству, в Волице, и напоминала резиденции плантаторов Вирджинии. Жултовскую поражало и количество слуг: «Старший слуга Флориан прислуживал во фраке, а следующий за ним высокий Иван был одет, словно казак, в сапоги, шаровары и синюю рубашу до колен, перевязанную малиновым кушаком. Подобным образом были одеты и кучера. Еще до недавнего времени в Ставище и в Белой Церкви насчитывалось по несколько сотен таких казаков»⁴⁶.

Ярослав Ивашкевич, писатель, который происходил из среды польской шляхетской интеллигенции западных губерний, вспоминая детство, писал, что польские помещики в то время любили говорить о своем происхождении, уносясь мыслями в XVII век. Его свидетельство перекликается с воспоминаниями Леона Липковского, писавшего о тех же резиденциях. Да и во всех мемуарах того времени царит идиллическая семейная атмосфера дома, в котором полным-полно родственников, братьев, сестер, кузин. Роскошь видна во всем: в количестве слуг, коллекциях живописи, библиотеках с томами в позолоченных переплетах, старинной мебели, архитектуре, парках, лошадях, охоте, описанной в мемуарах на сотни ладов,

роскошных экипажах, изысканных балах, праздниках и приемах. В не столь крупных имениях их обитатели вели более скромную жизнь, но тон был тем же. Ивашкевич следующим образом писал о Черномине, родовом имении Чарномских:

Дворец был расположен посреди прекрасного парка, переходящего в лес, — окружение носило такой же монументальный характер — а само имение было устроено с такой магнатской широтой, как дворы каких-нибудь удельных князей на Западе. Никого дома не было, и мы могли наслаждаться увиденной роскошью... Из всего увиденного меня больше всего восхитил каретный двор, где стояли бесчисленные экипажи разного типа и размеров... Все прошлое, целый украинский XIX век сохранился там, и я еще долго ощущал запах кожи, которой были обиты кареты. Позже большие каретные музеи Зальцбурга и Вены напоминали мне о Черномине, но в них уже не чувствовалось той любви к каретному делу, которое сегодня уже исчезло навсегда⁴⁷.

Очарование этих вещей становилось еще сильнее при воспоминании об огне революции, в котором они погибли: «Осенью [1917 г.] начали разрушать центры польской культуры на Украине. Отовсюду приходили известия: Тимошовка Шимановских, Рыжавка Ивановских, Гайворон Жевуских были разорены. Рояль Шимановских утопили в пруду, портрет Бальзака у Жевуских сожжен, коллекция живописи Ивановского вывезена в маленький музей в Умани, а дом тети Маси сровняли с землей, сад вырубил, а то место, где была резиденция в Чернышах, перепахали...»⁴⁸

Пересматривая семейные фотографии, которыми богато иллюстрированы воспоминания Леона Липковского, опубликованные в 1913 г., трудно не заметить доминирование этих людей, одетых по последней парижской моде, над окружающим миром. Прекрасные конюшни, конюхи при лошадях, усатые помешики, осматривающие конюшни, счастливые семьи, пьющие чай на террасе с колоннами, всегда улыбающиеся хозяйки в широкополых шляпках. Толпа слуг, кухарок, кормилиц, гувернанток (француженка, англичанка, немка) следила за всем в усадьбе. Дамы проводили утро и вечер в заботах о своем туалете, шнуровании корсета. В этой особой атмосфере, где царили этикет, гостеприимство, своеобразный микроклимат, называемый некоторыми социологами семиосферой, мог родиться свой местный Пруст.

Польские аристократы заключали браки между собой — ясное свидетельство того, как они ценили принадлежность к особому кругу, и понижения ими собственного престижа. В одном из последних исследований показано, что браки заключались, как правило, только между поляками в

пределах одной губернии. Только очень богатые искали жену в других западных губерниях и бывших польских землях. Относительно ограниченное количество вариантов часто приводило к кровосмешению: за период 1815—1880 гг. 440 браков соединило всего 130 семей!⁴⁹

Отличительным признаком этого мира была его оторванность от окружавшего его «океана варварства», от нестерпимой грубости миллионов «темных», «пьяных» и «необразованных» крестьян, которых следовало держать на расстоянии, контактируя в самых редких случаях. Однако об этом не говорилось во всеуслышание, потому что хороший тон требовал любить «простой народ». Выше уже шла речь о примерах «благодетней» в пользу крестьян. В благотворительности основная роль принадлежала женщинам. Большинство из них плохо говорили по-русски, потому что воспитывались в католических монастырях Галиции. Все они знали несколько украинских слов и были примерами добрых христианок, воплощая в себе образ «жены и матери польки» из воспоминаний жен ссыльных поляков 1863 года. Они стремились подражать Руже Собанской, «ангелу-хранителю Сибири» и образцу милосердия.

Французский язык давал возможность не стать на одну доску с другими. Общаясь на этом языке в семье, можно было оградить себя от дворни и крестьян. Французский язык заменял русский в общественной жизни, а также позволял принадлежать к более широкой семиосфере, к «европейской семье», о которой пишет Мария Чапская. Польская аристократия бывала на водах в Германии, в казино на Ривьере, в замках Франции, Англии, Испании и Италии, где можно было встретить невест с колоссальным приданым. Местная, внутренняя замкнутость сливалась с общими для европейской аристократии космополитическими тенденциями⁵⁰. Мария Браницкая проводила больше времени в Ницце, чем в Белой Церкви. Однако это был единичный пример, поскольку в целом в условиях политического паралича, созданных царской властью, обладание имением и пребывание в нем превращалось в польской среде в проявление патриотизма. В своем имении поляк не просто жил, он выполнял миссию, защищая свой форпост.

Подобное облагораживание материального интереса в эпоху позитивизма было характерной особенностью польских помещиков западных губерний. Борьба за сохранение земли вопреки всем и вся оправдывалась патриотическими целями. Неважно, что эта группа была малочисленной. Дознаваться, кто в большинстве, — это выдумка ненавистной демократии. Мария Чапская дает точную характеристику такому способу мышления польских помещиков в своей книге «Европа в семье»: «Представления о свободе и равенстве сливались с представлениями об убийствах и святотатственных поступках французских санкюлотов. Феодалная система

казалась им неприкосновенной. По их мнению, социальное неравенство и бедность были санкционированы Евангелием (“ибо нищие всегда будут среди земли (твоей)”) и являлись частью мирового порядка. Нищим давали милостыню при входе в костел, организовывали благотворительные базары»⁵¹.

Экономическое, а следовательно, и культурное превосходство проявилось благодаря капитализму, но существовало задолго до него. Польские семьи жили на Украине веками, но из своего рода миметизма все польские помещики любили гордиться связями с давними русскими родами, которые добровольно полонизировались в XVI в. В связи с этим социальная несправедливость была в их глазах как бы санкционирована самим ходом истории. Давние корни давали право богатой шляхте заявлять о себе как о руководящей, направляющей силе в этом регионе, а потому слово «колонизация» было невысказано. Польское присутствие на Украине представлялось миссией, освященной в далекие времена как «оплот христианства» против схизматиков и неверных. Силу такого самооправдания ничто не могло нарушить.

Когда в 1920 г. этот оплот исчез, миф о нем стал еще крепче и на десятилетия исключил возможность взглянуть по-иному на прошлое. Зофья Коссак писала: «Мы были гражданами земли, которая нам была всем обязана». Морис Барес также искал историческое обоснование для своей теории французской земли, орошенной кровью предков. Этой же идее служила немецкая доктрина *Blut und Boden**. Отличие в случае поляков на Украине состояло в том, что их укоренение происходило в значительной степени за счет местного населения. Десятилетиями, а то и веками польский мир существовал в этом регионе отдельными островками. Ничто не должно было нарушить тепличной атмосферы, отгораживавшей от вульгарности внешнего мира. Воспитанные на французской *Bibliothèque rose*** девочки сохраняли уже во взрослой жизни стиль поведения мадам Росбур, как будто и не выходили из салонов графини Сегюр (Ростопчиной). Янина Жултовская не скрывала, что описания нищеты на страницах произведений Ожешко и других писателей-позитивистов вызывали у нее отвращение: «Мой жизненный инстинкт бунтовал против всех проповедуемых ими тезисов. Идеалы и взгляды [Ожешко. — Д. Б.] были мне чужды. Отвращение, которое овладело мной при чтении социальных романов, было проявлением инстинкта самосохранения. “Разве жизнь может быть такой грустной?” — спрашивала я себя. “Неужели она действительно лишена счастья?”»⁵²

* Blut und Boden (нем.) — «Кровь и почва». (Прим. пер.)

** Bibliothèque rose (фр.). — досл. «розовая библиотека», серия книг для детей и юношества. (Прим. пер.)

Эта пелена, скрывавшая то, что считалось неприличным, позволяла приостановить время. «Малая родина», которой было имение, превращалась в настоящую родину. Казалось, что эта изолированная, замкнутая жизнь будет длиться вечно.

Впрочем, после вступления на престол Александра III власти уже не так панически боялись проявлений польской культуры. Они уже не противились отражению определенных польских идей в искусстве. В 1882 г. была разрешена выставка польского искусства в Киевском университете, где на фоне работ В. Герсона, Х. Семирадского, Ю. Брандта, Я. Мальчевского своим патриотическим звучанием выделялись работы Я. Матейко, привезенные из Кракова. Впрочем, в 1888 г. этот художник отплатил верноподданнической картиной, укрепив великороссийское видение истории, — по случаю торжественного открытия памятника Б. Хмельницкому в Киеве он написал полотно под названием «Присяга гетмана на верность России». Так что время от времени галицийские художники могли выставлять свои работы в Киеве⁵³. Это, однако, не сделало культуру польских помещиков юго-западных губерний менее замкнутой.

По примеру французской литературы, в которой запечатлено сколько-то магических мест, огромные имения, преобразованные памятью в оазисы вневременного счастья (стоит вспомнить, к примеру, Ле-Шармет у Ж.-Ж. Руссо, Клошгурд из «Лилии долины» О. де Бальзака, Вержи и парк мадам де Реналь у Стендаля), польская литература превратила польскую усадьбу в миф. Социологи уже давно обратили внимание на типы идентификации индивида с местом проживания. Марк Оже, в частности, писал: «Когда метафорическая связь между домом, имением и семьей, которая там жила, живет и будет жить, принимает особое значение, когда исчезает разница между *большой семьей* и *большим домом*, т.е. эти понятия одновременно означают и местопребывание в материальном смысле, и постоянное присутствие, символом которого является это местопребывание»⁵⁴.

Неслучайно польские большие разветвленные семьи именуются еще и названием их родовых гнезд (Грохольские из Петничан, Липковские из Красносельки, Браницкие из Ставища), это дает возможность отличать различные ветви рода. Понятие «дом» имеет значение резиденции, гнезда — как во Франции говорится о *Maison de France* — «Французском доме». Понятие «дом» включает в себя что-то княжеское, почти королевское. Клод Леви-Стросс определяет его как «моральную единицу, создающую пространство, состоящее одновременно из материальных и нематериальных ценностей, сохраняющихся благодаря передаче своего имени, состояния, титулов, реальному или фиктивному потомству, которое считается легитимным при единственном условии — эта непрерывность должна проявляться через родство или брачные союзы, а чаще всего через то и другое»⁵⁵.

В польском варианте благородное происхождение превращает это определение в окончательное и неоспоримое.

Представляется также, что стремление польских помещиков Украины превратить свои резиденции в оазисы роскоши было связано не только с давлением, которое они испытывали со стороны царских властей, но и с влиянием славянофильского и русского культа земли от Тургенева до Достоевского. Не стоит забывать, что дети польских помещиков в большинстве своем учились в русских гимназиях, и даже европейские университеты, которым крупные польские семьи часто отдавали предпочтение, не могли стереть этого налета. Это взаимное переплетение нашло выражение в романе поляка Юзефа Вейсенгофа «Чаша» (1915). Уже само его название, связанное с лесом, тема которого богато представлена в русской литературе (Островский, Толстой), символизировало неразрывную связь помещика с «кресов» с его малой родиной. Сюжет достаточно прост: главный герой, Эдвард Котович, проведя молодость во Франции, где он совершенно позабыл о ценности земли и о традициях землевладельческой шляхты, после несчастной любви к великосветской европейской, а потому распутной даме, возвращается в свое имение. Здесь его ждет очищение от всех лицемерных искушений Запада благодаря ежедневному общению с «хорошим» крестьянином, символу возможного союза с народом. У него возрождается вкус к жизни, он начинает торговать лесом (благодаря бельгийскому капиталу), вступает в брак с красавицей-соседкой Реней, дочерью бедных шляхтичей. Таким образом, воссоздается шляхетское братство и единство всего польского общества. В ключевой сцене этого произведения, пользовавшегося популярностью среди владельцев и жителей украинских имений, на молодого помещика нисходит благодать, и он проникается мистическим значением обладания землей предков.

Истина открывается Котовичу в момент, когда он наблюдает за крестьянином, сеющим зерно:

Сев по давней традиции велся вручную. По розово-бурой рыхлой земле ритмично ступал босой сеяльщик, беспрестанно благословляя поле переливающейся дымкой летящего из горсти золотистого зерна. Он был похож на жреца какой-то древней, но все еще живой религии. Когда он подошел к краю поля, Котович серьезно, в соответствии с обычаем произнес:

— Бог в помощь!

— Дай Бог и тебе, пан, всего. Тебе же, пан, сеем.

Волна чувств охватила Эдварда. Впервые он ощутил всю глубину счастья обладания землей; ее суровый чистый запах с благодарностью наполнил его легкие. Он наклонился и взял горсть бурого перегноя, делая вид, что изучает его, на самом же деле ему просто хотелось сжать его в руке⁵⁶.

Символика земли содержит множество значений, начиная с возрождающей силы, которую черпал Антей, соприкасаясь с матерью-землей, до магического могущества алхимического элемента, анализируемого Г. Башляр. Мистическое восприятие земли позволяло польским помещикам жить с чистой совестью. Янине Жултовской удалось ухватить суть этой общей позиции своих соотечественников:

Обязанность пожертвовать собой ради земли, пропагандируемая в бытовых романах, в действительности была связана с неплохим материальным интересом, если, конечно, кого-то не охватывала лихорадка мотовства. Самым интересным было то, что никто прямо не говорил о действительной прибыли. Никто также никогда четко не заявлял, что помещицья ответственность в польских руках была единственной и последней возможностью защитить свободу, то есть в каждом польском имении, большом или маленьком, существовала горстка людей, материально независимых. Наши враги понимали это лучше нас. А национальный инстинкт... реагировал скорее мелодраматически⁵⁷.

Оставим сферу символических значений в стороне и обратимся к ежедневным формам общественной жизни польских помещиков, для которой был характерен самообман и самовозвеличивание. Поляки, лишенные внешних признаков своей культуры, находившиеся под полицейским давлением, гнетом неотступной русификации (обучение на родном языке было невозможно ни в гимназии, ни в университете), притесняемые в своей религии, отстраненные от политической жизни (за исключением всплеска активности в 1905—1908 гг.), имели очень ограниченное поле деятельности — приращение экономического успеха и влияния.

Некоторые крупные землевладельцы финансировали культурные инициативы за пределами западных губерний: давали средства на создание научного общества в Варшаве, на публикацию исследований Александра Яблоновского об украинских древностях; они даже осмелились выкупить вагончик Джималы — символ преследования немцами польских крестьян на Познанщине. Однако по сути своей формы организации этой социальной группы, ее жизнь в сообществе была всего-лишь эрзацем общественной жизни, хоть и восхваляемым в позднейших воспоминаниях⁵⁸.

Восприятие застоя и стагнации в качестве политической мудрости и продуманных действий было в традиции романтического мифа Конрада Валленрода (истории восприятия этого героя польская исследовательница Мария Янион посвятила прекрасную книгу⁵⁹), было слишком простым оправданием. Однако это было характерно для польских помещиков не только Украины, но и Литвы, где В. Мейштович дал исчерпывающую ха-

рактеристику такому явлению. Эта позиция представлялась следующим образом: если помещики ничего и не делали для народа, то потому, что на них оказывали давление «оккупанты-русские». На самом же деле якобы (уже было показано, насколько) глубинные намерения носили либеральный характер и предполагали ошутимое улучшение жизни крестьянства. Патриархальность такого рода оставляла совесть чистой, тем более что на рубеже XIX — XX вв. она была характерна для многих регионов Европы, где еще жили в соответствии с аналогичными принципами. Мейштович справедливо указывает на сходство в этом отношении между Сицилией и западом Российской империи. Каждый помещик Украины или Литвы, наверно, чувствовал себя близким к ментальности «Гепарда» Т. Лампедузы, и такое своеобразное объединение с «белой Европой» вызывало у него скорее гордость, чем угрызения совести⁶⁰.

Практически единственным центром общественной жизни землевладельцев Украины вплоть до 1905 г., когда ситуация изменилась, было Сельскохозяйственное общество в Киеве, основанное в 1874 г. Так же как и подобные общества в Минске и Вильне, оно развивалось в начале 1880-х годов под пристальным контролем со стороны царских властей. Во главе него всегда стоял предводитель дворянства, назначавшийся из русских землевладельцев. Уже отмечалось, насколько важную роль в развитии экономики края играли различные комиссии этого Общества. Однако польские мемуаристы преувеличивают значение этих собраний, забывая о том, что половина их членов была русскими помещиками. Вслед за ними и современные польские историки сосредотачивают внимание на этом сюжете, не обращая внимания на всю совокупность проблем жизни польских помещиков на «кресах». Примером тому может служить богатая с фактографической точки зрения, но полонцентричная работа Романа Юрковского, посвященная развитию обществ и товариществ помещиков Литвы и Белоруссии⁶¹.

Мейштович писал об этих собраниях, что «они были внешним проявлением неписаного наследия сообщества семей, считавших, что они продолжают традиции Сената Речи Посполитой, и хранивших скрытое, но осознанное стремление к независимости. Это сообщество было чем-то более сплоченным, чем какая-либо организация, чем союз или партия, это был сознательный слой общества, имевший давние традиции, основанные на владении землей».

Наиболее характерная особенность менталитета польских землевладельцев Украины проявлялась именно в склонности к мифологизации на фоне политической беспомощности, свидетельствующей о глубине их фрустрации. «Зубры» обратили эти фантазии в действительность в 1905—1906 гг., когда попытались сформировать местные органы власти отдель-

но от русских, украинцев и поляков из других частей польских земель. Внутренняя потребность в величии не позволяла им признаться самим себе, что на самом деле их заботили лишь урожаи сахарной свеклы и пшеницы. Им хотелось скрыть могущество своего капиталистического золота, найти алиби, прикрывшись найденными на чердаке собственной истории одеждами. Эта идея стала приобретать маниакальный характер. Мейштович писал: «Крупные польские собственники были в то время убеждены, что унаследовали от сенаторов Речи Посполитой право и обязанность управлять Великим княжеством Литовским».

Подобного рода амбиции, несмотря на всю их обманчивость в последний период польского присутствия на Украине, лежали в основе сотрудничества с властью, а также попыток придать видимость благородства своей деятельности, направленной исключительно на прибыль. Мейштович писал, что Сельскохозяйственное общество «было воспринято как заместитель уже полвека как упраздненного древнего института шляхетских сеймиков»⁶².

Некоторые из этих так называемых польских сенаторов осуществляют свою мечту в 1906 г., когда благодаря крайне консервативной избирательной процедуре займут место в Государственном совете. Правда, уже в Петербурге альянс с царским престолом представил их цели в истинном свете⁶³. На коронации Александра III в 1883 г. польское дворянство представляли князь Сангушко, граф Орловский и граф Грохольский. В 1888 г., когда царь по пути в Холм, где репрессии против бывших униатов достигли апогея, остановился в Ровно, польские аристократы 12 уездов поспешили к нему на прием. Среди приехавших были Сангушко, Потоцкие, Радзивиллы, Плятеры, Любомирские, Валевские, Четвертинские, Еловицкие и многие другие. Два года спустя «Кгај» опубликовал полный восхищения и одобрения отчет Ю. Карвицкого о праздниках в честь императора в том же городе по случаю военных маневров. В статье подчеркивалось, что Ровно было частным владением князя Любомирского, что на торжество прибыл князь Фердинанд Радзивилл, которому принадлежали огромные владения в Олыке, и что все приглашенные польские дворяне губернии прибыли вместе с русскими дворянами. Польские дамы в роскошных нарядах наблюдали за маневрами из своих экипажей. В 1892 г. стало известно, что польский сахарный магнат Ярошинский подарил из своей каменоломни в Гневане гранит для памятника Николаю II, который был установлен перед Киевским университетом. Красноречивый символ⁶⁴.

Обзоры экономической деятельности, которые печатал «Кгај», подтверждают, что в ситуации тотального паралича общественной жизни даже самые незначительные собрания поляков рассматривались в качестве демонстрации их силы. Интересно, что, когда в 1884 г. волынский губерна-

тор созвал в Житомире по три представителя землевладельцев от каждого уезда, чтобы они сами распределили между собой возросший земельный налог, Ю. Карвицкий расценил это как проявление особой чести. В его комментарии виден характерный для этой среды сервиллизм: «Они трудились лишь над предложенной на рассмотрение темой, потому что сразу поняли, что этот первый шаг, сделанный администрацией с целью узнать их мнение, может иметь важные последствия в будущем»⁶⁵.

Когда же в 1890 г. «благодущие» властей возросло настолько, что было разрешено провести первый съезд землевладельцев в Киеве, «Крај» посвятил этому событию первую страницу, несмотря на то что численный перевес участников этого съезда был на стороне русских помещиков. Власти позаботились о приглашении помещиков из Черниговской, Полтавской и Харьковской губерний. В то же время среди организаторов были и поляки — Михальский и Лыховский. Это позволяло надеяться на получение дополнительных преимуществ поляками; их группа экономического давления была тем самым усилена. Однако в материалах съезда не стоит искать польские требования, которые бы выходили за рамки групповых интересов. Участники съезда добивались скорейшего размежевания чересполосицы и сервитутов, льготных земельных кредитов, более низких железнодорожных тарифов. С этими требованиями они надеялись обратиться в сельскохозяйственную комиссию во главе с Плеве в Петербурге. Отчет о съезде для придания ему местного колорита завершала поговорка на украинском языке, призывавшая к объединению усилий: «Громада — великий чоловік!». С этого времени съезды собирались каждые два или три года. К ним приурочивались большие сельскохозяйственные выставки. На втором съезде 1892 г. было отмечено, что поляки выступали чаще всех, а самое сильное впечатление произвело выступление Мечислава Джевецкого, которое было названо «гордостью наших хлебопашцев». Он прославился достижениями в механизации работ в собственном имении, а также несколькими брошюрами на русском языке о сельском хозяйстве, в частности о «дешевых способах выращивания сахарной свеклы». Тематика, едва ли достойная внимания польского сенатора!⁶⁶ В начале XX в. были созданы отделения Общества во многих уездах, а сельское хозяйство Правобережной Украины заняло достойное место на Всероссийской выставке в 1913 г. в Киеве.

Следует подчеркнуть, что в Сельскохозяйственном обществе в Киеве принимала участие только самая богатая группа землевладельцев. В 1888 г. оно насчитывало всего 530 членов, т.е. не более 260 поляков из трех губерний, которые представляли 3 тыс. польских помещиков Украины. Как мы знаем, примерно при таком же количестве «граждан» существовала так называемая шляхетская «демократия» в начале XIX в. И хотя выборы уже

давно не проводились, число «лучших» людей в этом регионе оставалось на удивление стабильным.

Вплоть до 1911 г., когда наконец в этих губерниях были введены земства с ограниченным участием поляков, их общественная роль сводилась к участию богатых землевладельцев в экономических инстанциях. До самого конца богатая элита считала, что такая активность является разновидностью общественной деятельности, хотя в действительности речь шла по-прежнему лишь о форме защиты собственных интересов. Во всех воспоминаниях о том времени собственная деятельность характеризуется именно таким образом. Например, Леон Липковский посвятил этой теме даже отдельную главу под названием «Моя общественная работа». Он также именовал этот вид деятельности «патриотическим трудом». В чем же заключалась эта работа? Она сводилась в его случае к участию в санитарной комиссии во время падежа скота, а также при отборе и поставке лошадей в армию, в раскладке налогов, в выкупе чиншевых земель, к заседанию в суде присяжных. После 1902 г. Липковский занимался созданием «маргариновых земств», заседал в комитетах по реализации столыпинской реформы, принимал участие в ревизии сервитутов, в подготовке контрактов с французскими мукомолами, в перестройке сельскохозяйственного училища в Умани. Таким образом, вся его деятельность была связана с интересами крупных помещиков⁶⁷. Жизнь крупнейших польских землевладельцев в 1914 г. ничем не отличалась от 1795 г.: *Ubi bene ibi patria**.

Можно только сожалеть о том, что свидетельства, дошедшие до нас, касаются лишь самой богатой группы землевладельцев и практически не содержат информации о других помещиках. Представляется, что не столь богатые, хотя все же достаточно зажиточные помещики (например, знакомый нам мемуарист Тадеуш Бобровский) были склонны вести тихую жизнь, хозяйничая на нескольких сотнях десятин. Правда, и в их случае никто не вспоминает о жестокое отношении к крестьянам и к безземельной шляхте. Владельцы имений средней руки могли совершать действия, свидетельствующие об их немалых познаниях и даже мудрости; их отличала умеренность и готовность к взаимовыручке. Нередки были случаи, когда сотоварищи приходили на помощь помещику, которому грозило банкротство или передача наследства в казенную собственность. Эти акции приобретали характер скрытой «патриотической деятельности», значение которых в тогдашних условиях было велико. Бобровский в конце своих воспоминаний перечислил тех, чьи фамилии должны были бы стоять в почетном списке исполнителей «муравьиной работы», относя к ним и себя: З. Прушинский, А. Садовский, З. Червинский, З. Старорыпинский,

* *Ubi bene ibi patria* (лат.) — Где хорошо, там и отечество. (Прим. пер.)

В. Гурский, Т. Орликовский, Л. Модзелевский, Л. Янковский, В. Чарновский, М. Васютинский. Все они заслужили почет и признание, «посвятив свое время, свой труд, а не раз и кровные деньги, помогая советом попавшим в беду, заботясь о сиротах, мирая врагов, разбираясь в сложных взаимоотношениях и интересах сограждан. Каждая такая услуга в силу того отчаянного положения, в котором оказалось наше расплывенное общество, приобретала общественное значение»⁶⁸. Может, и так, но все ли были в таком, как он писал, «отчаянном» положении?

Подобные фразы-формулы о давних шляхетских добродетелях, или «идеале доброго человека» поэта эпохи Возрождения М. Рея, встречаются в некрологах на страницах еженедельника «Кгај». Они — словно волшебное зеркало, говорящее лишь то, что хочется услышать, и отражающее идеализированный образ всего польского общества Правобережной Украины. Приведем в пример некролог памяти Феликса Минькевича, скончавшегося в 1890 г.:

Человек с безупречным характером, имеющий большие заслуги на общественной ниве... Он приглашал за свой стол и делился своим хлебом, он рассуживал споры и мирил людей, и утирал слезы вдовам и сиротам, и напоминал об учиненной им несправедливости; а богатый и убогий, и пан, и крестьянин, и еврей имели доступ к нему и право на его время и его труд. О том, каким почетом и уважением он пользовался, свидетельствует само число в несколько сотен посреднических и полюбовных судов, в которых он принимал участие. Такая общественная и публичная деятельность, безукоризненная личная жизнь и тяжкий труд на родном поле дают ему право на повсеместный почет и добрую память⁶⁹.

Интеллигенция и официалисты

Польское общество на Украине конца XIX в., столь отличавшееся по своей структуре от западноевропейского, было еще более архаичным по сравнению с российским. Между несколькими сотнями тысяч польских «крестьян», которые происходили из деклассированной шляхты, и элитой — крупными землевладельцами была достаточно немногочисленная группа, в большинстве своем благородного происхождения, которая зарабатывала на жизнь собственным трудом. Эта группа существовала, не всегда по доброй воле, в орбите крупных имений, хотя все чаще некоторые ее представители покидали эту орбиту.

Подсчеты численности поляков на Украине, сделанные Бартошевичем, Ромером и Вакаром в начале XX в., не внушают сегодня доверия, однако историки до сих пор на них зачастую основываются. Лишь типич-

ной для национал-демократа экстраполяцией можно объяснить отождествление 667 581 католика (перепись 1897 г.) с поляками, жителями трех губерний, словно не существовало украинских крестьян католического вероисповедания. Не может удовлетворить и языковой критерий, применявшийся во время переписи. Наверняка поляков было больше, чем 322 954 человека, заявивших, что говорят на польском. Правда, с социологической точки зрения вторая цифра кажется более реальной, особенно если принять во внимание уровень украинизации деклассированной шляхты⁷⁰.

В предыдущей части мы установили, что после деклассирования, осуществленного Бибиковым в середине XIX в., количество признанных польских дворян в трех губерниях накануне 1860 г. не превышало 70 тысяч, причем 9/10 этой группы были безземельными или имели несколько десятин. Через 20 лет и даже позднее это соотношение не претерпело существенных изменений. Из опубликованных в 1884 г. статистических данных узнаем, что в 1860 г. в Подольской губернии насчитывалось 14 063 человека из гербовой шляхты, в 1870-м — 14 980, а в 1882 г. — 16 685. Среди последней к помещикам принадлежало 1656 человек, т.е. та же десятая часть⁷¹.

Именно за счет этой группы (9/10) после 1863 г. увеличилось городское население, пополнив ряды многочисленного польского мешанства, которое по большей части также состояло из деклассированной шляхты. Это была новая группа как с точки зрения того, что она прошла через российскую систему образования, так и с точки зрения ее занятости. Примерно в 1880 г. она насчитывала 60 тыс. лиц, и к ней постоянно присоединялись бывшие землевладельцы, разорившиеся в результате российской политики выдавливания поляков из имений и массово переселявшиеся в города.

Несомненно, города на Правобережной Украине продолжали оставаться скорее русскими, еврейскими или украинскими, чем польскими, однако присутствие поляков стало более осязаемым. Особенно значительные изменения в эпоху капиталистического развития переживал Киев. Если к 1881 г. здесь насчитывался 127 251 житель, то в 1886-м их было 175 тысяч (в том числе 19 тыс. поляков), в 1897-м — 247 700, в 1909-м — 293 692 (из них 44 409 поляков), а в 1917 г. было уже 506 тыс. киевлян⁷². По мнению Корвина-Милевского, если Вильна была «польским городом, где было много русских», то Киев был «русским городом, в котором было много поляков». Стоит подчеркнуть, что к концу XIX в. мечты одного из губернаторов, П.П. Панкратьева (еще до 1810 г.), о превращении Киева в столицу всего «общерусского народа» в определенном смысле осуществились. В 1856 г. М.П. Погодин доказывал М.А. Максимовичу, что у великорусов по сравнению с малороссами больше прав на Киев (полемика на страницах журнала «Русская беседа»), а в седьмом номере «Вестника Ев-

ропы» за 1885 г. А.Н. Пыпин уже игнорировал целые века литовско-польского присутствия и утверждал, что «историк, публицист, этнограф, художник должны видеть Киев, если хотят составить себе живое представление о *русской* природе и народности, потому что здесь одна из лучших картин *русской* природы и одна из интереснейших сторон *русской народности*... Киев — единственный город, где чувствуется давняя *старина русского города* [курсив мой. — Д.Б.]»⁷³. Другие города Правобережной Украины были менее населенными. В Житомире, где больше трети населения составляли поляки, в 1900 г. было 80 700 жителей, в Каменце в 1913 г. — всего 49 250. Незначительная численность городского населения повсюду, за исключением Киева, свидетельствует, что большая часть упомянутой шляхты, овладевая новыми видами деятельности, связанными с развитием капитализма, оставалась в имениях или селилась поблизости от них. Это были т.н. официалисты — технические кадры среднего и высшего уровня, задействованные в имении и на предприятиях по переработке сельскохозяйственных продуктов.

Те, кто в силу обстоятельств выбирал город, не имели, конечно, ничего общего со сказочно богатыми польскими помещиками, которые полностью передавали свои сельские имения в аренду и строили в городах прекрасные виллы или пышные дворцы, ворота которых были украшены родовыми гербами. Эти виллы до сих пор сохранились в Киеве в районе Липки⁷⁴. Нас интересуют скорее те, о которых в 1883 г. «Крај» писал: «Благодаря обедневшим помещикам давние традиции переходят в города и местечки нашего края, к бедному, новообразующемуся мешанству, людям свободных профессий, часто потомкам бывших помещиков, ставшим теперь купцами, промышленниками, ремесленниками, адвокатами, врачами, аптекарями, инженерами и т.п.». Эти красноречивые слова принадлежат перу Яна Илговского (Талько-Хрынцевича), который сам был врачом⁷⁵.

Городская интеллигенция, значительно более многочисленная по сравнению с сельскими служащими, чувствовала себя все увереннее, полемизировала, протестовала против архаичного убеждения о постыдности профессиональной деятельности за деньги. Анахронический характер этой дискуссии был полностью очевиден. Подобные аргументы встречаем еще в 1790 г. у Сташица, а в 1820 г. — в среде учащихся польских заведений Виленского учебного округа и студентов Виленского университета. Возрождение этой дискуссии в 1887 г. говорит о трагическом социальном застое в этом регионе на протяжении всего этого времени.

В 35-м номере за 1887 г. «Крај» опубликовал анонимную статью «Старого шляхтича», которая рисовала весьма пессимистическую картину упадка шляхетского сословия. С ним полемизировал «Молодой шляхтич» с

Украины, которого переполняли энтузиазм и вера в будущее, — он не испытывал разочарования и олицетворял позитивистское кредо. По его мнению, следовало изучить руины, полученные в наследство от «стариков», и начать их восстановление, каждый на своем посту, проявив активное отношение к традиции. Он писал: «Основные кадры молодежи, следует признать, и сегодня уже трудятся с пользой для себя и для края в разных доступных нам профессиях. Ведь у нас есть большой отряд профессиональных аграрников, много техников, врачей, юристов, промышленников, и т.п., которые, преодолев в себе шляхетское отвращение к зависимому труду и победив определенное пренебрежительное отношение к специалистам со стороны праздных классов, образуют новый элемент общественной жизни, то среднее сословие, которого нам всегда не хватало»⁷⁶.

Земельная аристократия в действительности не пренебрегала профессиональной подготовкой, однако своих сыновей посылала на учебу в лучшие учебные заведения Франции, Германии, Англии или Швейцарии. Бедная, но признанная Герольдией шляхта была единственным слоем польского общества, который имел право на получение российского образования. Правда, это обучение пришлось на периоды, когда образованием руководили ультраконсервативные министры Толстой и Делянов, заботившиеся о чистоте русской элиты⁷⁷. После окончания российских университетов польские шляхтичи, вооруженные новыми знаниями и получившие гуманитарные или инженерно-технические профессии, находили работу не только в родной стороне, но и по всей Российской империи. Среди работников железнодорожных компаний поляков было так много, что правительство даже пыталось (безуспешно) запретить им доступ к этой профессии. Как уже отмечалось в предыдущей главе, именно в этой социальной группе в 80-х гг. родились сперва несмелые, а затем набиравшие все больше силы культурно-политические движения, которые колебались между социал-демократией и национал-демократией. В 1905—1906 гг. их активность достигла пика, а в 1914—1920 гг. они приобрели радикальный характер. Ограничимся лишь общей характеристикой этих движений.

Источников, позволяющих изучить общественное сознание этих людей, сохранилось не так много. Например, было бы интересно знать мнение такого известного историка, как Людвик Яновский, учащегося российского лицея Браницких, о котором уже шла речь. Во время учебы в Киевском университете он анонимно опубликовал в 1903 г. во Львове свои первые исследования по истории Виленского университета, затем преподавал греческий язык в одной из киевских гимназий, а после эмиграции в Краков стал учителем... русского языка. Сложная судьба этого интеллигента-шляхтича из Липовца была достаточно типичной для этой среды.

Больше всего свидетельств о том времени оставили врачи. Закон запрещал принимать поляков на должности казенных врачей (в каждом уезде было две или три такие должности). Врачи-поляки могли или заниматься частной практикой, или работать в крупных имениях, как правило, при сахарных заводах.

Как явствует из автобиографий врачей, их активная жизненная позиция, энергичность, инициативность были следствием частых перемен занятий. Так, чтобы иметь возможность учиться, Марьян Лонжинский работал фельдшером на пароходе, который курсировал по Днепру, был репетитором в частных русских пансионах, затем — поскольку поляки не имели права работать ассистентами в университете — был вынужден искать работу в «безбрежном океане Российской империи». Его последующие занятия свидетельствуют о степени интеграции интеллигентов в новое общество, в котором весьма существенную роль играла русская сторона, хотя богатые польские имения сохраняли свою притягательную силу. В 1895 г. Лонжинский работал врачом на сахарном заводе в Стаблове, в прошлом принадлежавшем полякам Головинским и купленном международным акционерным обществом. Директором завода был англичанин Дуглас, заместителем директора — итальянец Гаццари, а техническим директором — немец Франке, все они были женаты на польках. Потом Лонжинский перешел на службу к русскому сахаровару графу Бутурлину в Таганче около Канева, позже занимал разные должности в Великобритании. Примерно в 1903 г. он вернулся в Киев, где принял участие в создании службы «Скорой помощи», которая в 1905 г. была преобразована в Польское медицинское общество. Затем он не устоял перед блеском золота Феликса Собанского («Креза», как он сам его называл), который взял его с собой в качестве личного врача в Париж. В 1910 г. Лонжинский вернулся и принялся за создание акционерного общества, среди заслуг которого — основание первой польской больницы в Киеве⁷⁸.

Столь динамичные, немислимые еще за сорок лет до этого, перемены в случае Талько-Хрынцевича проявлялись несколько иначе. Его судьба напоминает нам еще раз о силе притяжения польского мира крупных земельных собственников. Этот врач родом из Ковно в 1881—1891 гг. был самым верным корреспондентом еженедельника «Kraj» из украинских губерний. Осев в Звенигородке к югу от Киева, он проявил себя как истинный поборник «органической работы». Чтобы не заплесневеть в провинции, он интересовался кроме своей профессии журналистикой, социологией, этнографией, археологией. Он выбрал частную практику, отказавшись от прибыльного места врача на сахарном заводе Браницких в Ольховке (где за все отвечал его коллега по университету юрист Дионизий Янковский), потому что, как он писал, «не хотел запряться в армо офи-

циалиста». Противоядием от нудной рутины для него стали научные исследования. Его усилия увенчались успехом: в 1908 г. Талько-Хрынцевич занял кафедру антропологии в Ягеллонском университете. Однако до этого ему пришлось отведать горький хлеб изгнанника, работая в 1891—1908 гг. врачом а Забайкалье на границе с Китаем.

Его корреспонденции в «Крај» в украинский период жизни (всегда под названием «С берегов Тикича») были очень типичны для менталитета новой интеллигенции, которой казалось, что, несмотря на существующие отдельные пережитки, общество уже полностью модернизировано. С 1883 г. Талько-Хрынцевич утверждал на страницах единственной польской газеты в империи, что двадцатилетний период после последнего Польского восстания был отмечен благотворными и мирными преобразованиями в общественной жизни: «Старое шляхетское общество не могло противостоять неумолимым требованиям времени и современным реформам, направленным на создание нового демократического общества, лишенного каких-либо привилегированных сословий, в котором все слои получили гражданские права...»

Возможно, автор умышленно в своей статье объединил демократию с экономическим успехом меньшинства, чтобы подспудно представить идею о необходимости большего равенства и показать, что на тот момент работать нужно было всем: «В юго-западных губерниях, несмотря на неблагоприятные условия, мы активно способствовали колонизации [в период расцвета колониальной политики в Европе и «азиатской России» слово «колонизация» в значении «освоение» имело скорее позитивный, чем негативный смысл. — Д.Б.] и дальнейшему развитию богатых лесов Украины [речь идет о Киевской губернии. — Д.Б.] и Подолии». Талько-Хрынцевич, перечисляя также действовавшие сахарные заводы и вновь созданные акционерные общества, пришел к выводу, что старого сословного общества, чьи функции отжили свое, больше не существует, потому что теперь все работают. Употребление местоимения «мы» свидетельствует, что польская интеллигенция хотела принимать участие в этой «колонизации». Именно такое видение нового поляка из Украины находим и в других статьях Талько-Хрынцевича, написанных для изданий, выходивших в бывшем Царстве Польском («Przegląd Tygodniowy», «Gazeta Warszawska»), и для журналов позитивистского направления «Prawda» и «Nowiny», редактором которых был А. Свентоховский. Как и у цитировавшегося выше автора — «Молодого шляхтича», его идеология была реалистична: «Я не мог не видеть, что жить только надеждой на будущее, презирая сегодняшний день, невозможно; трудно было не признать, что преследования заставили нас отступить на всех направлениях, морально деградировать

и что, бойкотируя школы, пусть никудашные и русские, мы совершаем самоубийство, затрудняя нищему классу дальнейшее обучение»⁷⁹.

Это извечное стремление к *aggiornamento* и интеграции безземельной шляхты проявлялось в разных формах на протяжении всего XIX в., сталкиваясь с надменным отношением богатой польской элиты, так и не смирившейся с появлением интеллигенции. В. Подхорский считал, что интеллигенция страдала от комплекса неполноценности, между тем как крупные землевладельцы не делали ничего для его появления и развития: «Никакого проявления зазнайства с нашей стороны невозможно было увидеть. Тем не менее у меня создалось впечатление, что противоположная сторона была склонна беспричинно приписывать нам страсть задирать нос».

Однако пренебрежительное отношение помещиков к интеллигенции не было чем-то вымышленным. Это подтверждается и наблюдениями Янины Жултовской относительно Белоруссии. Она указывала на то, что в больших усадьбах учителей и врачей нередко воспринимали так, как в былые времена, как того требовал патриархальный дух, как относились к приживалкам, карликам или шутам: «Зимой мы часто принимали доктора Навроцкого, который осел в Петрыкове, кажется, в семидесятые годы и никогда из него не выезжал. У пожилого холостяка были определенные литературные и артистические таланты, а посещение Деревичей было для него единственным развлечением. Моя бабушка одалживала ему книги, не ограничивая своей благосклонности привычной формулой *il faut lui dire quelques mots aimables**. Молодые тетки, исходя из принципа, что кокетство — это искусство ради искусства, соперничали между собой за то, чтобы расположить его к себе. Представляю, сколько радости и волнения, ангельского умиления они пробуждали своим поведением в сердце доктора, когда этот невысокий, коренастый, седеющий человек, чтобы понравиться тете Леле, пыхтя, танцевал мазурку»⁸⁰.

Отказ богатых помещиков «быть на короткой ноге» с интеллигенцией заранее скомпрометировал какие-либо попытки национал-демократов достичь национального единства в 1905 г., в то же время способствовал революционному взрыву, медленно вызревавшему в среде русской интеллигенции. В этом заключалась причина того, что некоторые польские интеллигенты, полностью отказавшись от своего польского происхождения и от чувства унижения, испытываемого в повседневной жизни, присоединились к русским марксистским и международным кружкам.

Это направление чувствуется уже в воспоминаниях врача Матлаковско-го, написанных около 1882 г. После красочного изображения космополитической и пустой жизни помещиков у него вдруг вырывается крик

* «Нужно ему сказать несколько любезных слов». (Прим. пер.)

отчаяния: «Что возмущает человека, так это не то, что они так себя ведут, а то, что находятся интеллигентные люди в Варшаве, которые, словно души в чистилище, тянут руки к этим “отсутствующим” и хотят им передать руководство, умоляя их трудиться во имя Польши. Нужно не знать этой гнили, чтобы писать подобные бредни, или быть совершенно бессовестным, быть врагом собственной Страны, чтобы этим людям доверять дела, которые касаются всех».

Матлаковский подчеркивал, что его современники являлись свидетелями полного отрицания устоявшихся идей, а это, по его мнению, должно было в будущем вызвать пожар. «Если когда-нибудь найдется поляк, который напишет историю этих земель беспристрастно, будет вынужден с болью в сердце признать, что сами поляки приложили руку к окончательному разгрому. Правительство начало лишь уничтожение, а они его в значительной мере завершили».

Автор воспоминаний признавал невозможность союза с теми, кого он сравнивает с тарговицкими конфедератами:

О поддержке польского элемента, единства бедных с богатыми не может быть и речи: врачи и фабричные служащие являют собой один мир, официалисты — другой, богачи — третий. О возвышении нижестоящих никто не думает, и даже нет здесь мысли, что таким образом можно помочь стране. Директор сахарного завода, человек, закончивший университет, Прухницкий, замечательный администратор Векер, также с университетским образованием, хотя оба благородного происхождения, но, по мнению помещицы Марии Крушинской, не принадлежат «к нашему обществу», потому что работают по специальности и небогатые. Любой дурак, или нувориш, но богатый, с титулом или родством может быть уверен, что его будут уважать больше, чем старого врача, которого лицемерно зовут «другом дома», «нашим любимым». Первый садится около хозяйки дома, второй в конце стола, между гувернанткой и сынишкой; за первым посылают карету, запряженную четверкой лошадей, за вторым бричку⁸¹.

Иную в социальном плане группу интеллигентов представлял собой квалифицированный персонал имений и пищевой промышленности. По сравнению с городской интеллигенцией у этих людей было меньше возможностей объединения с российским обществом, поскольку они зависели непосредственно от польских работодателей, которые высоко ценили их услуги, не желая нанимать непольский персонал. Однако нередко случалось так, что русские помещики, которые, как правило, не проживали в своих имениях, принимали официалистов на работу к себе.

Высшую ступень среди официалистов занимали арендаторы, которые, правда, не всегда отвечали критериям высшей профессиональной подготовки. Это были в основном шляхтичи, имевшие небольшое количество собственной земли (кое-кто даже владел значительным имением, следовательно, не имел ничего общего с официалистами). Однако благодаря своим агрономическим знаниям они руководили хозяйством целых латифундий, владельцы которых независимо от местожительства (город или село) предпочитали получать доход от аренды.

По подсчетам А.М. Анфимова, в 1913 г. в Киевской губернии имелось 400 крупных (польских и русских) имений, отданных в аренду, в Волынской губернии — 350 (площадью 150 тыс. десятин) и 350 тыс. десятин было отдано в аренду в Подольской губернии. В некоторых уездах землевладельцы получали от аренды огромные прибыли. Например, в Гайсинском уезде Подольской губернии в долгосрочной аренде находилась почти половина земли — 28 тыс. из 57 тыс. десятин. Соседний Ольгопольский уезд побил все рекорды, в нем 49 200 десятин из 53 400 было в аренде. Крестьянам землю в аренду практически не отдавали (в Ольгопольском уезде в их аренде было всего 730 десятин)⁸². Прибыли арендаторов были также значительными. После 1905 г., когда полякам вернули право покупать землю, они стали еще больше. Многие выкупили арендованные имения от землевладельцев, боявшихся крестьянских бунтов или просто предпочитавших вести светскую жизнь на французском Лазурном Берегу.

Ванда Залеская, типичная представительница землевладельческой шляхты, писала, что эти люди «происходили, как правило, из “иной сферы” и так никогда и не слились с местными гражданами. Они образовывали своего рода клан и держались вместе. У них были деньги, часто большие, но у них не было ни “происхождения”, ни образования, ни воспитания, а потому их “не принимали”. На Кресах достаточно остро реагировали на то, “кто от кого происходит”, на культуру, поведение, “манеры”. А культуры со всеми ее “тонкостями”, ясное дело, нельзя приобрести на протяжении одного поколения... Друг у друга бывали те, что из дворцов, и те, что из скромных усадеб. Новыми людьми никто не пренебрегал, просто им давали время, чтобы они перестали быть новыми»⁸³.

Если земельная элита с такой неохотой относилась к тому, чтобы обновить позолоту на своих поблекших гербах, то как же она могла воспринимать армию уполномоченных, управителей, поставщиков, администраторов, экономов, счетоводов, винокуров и других? На кого возлагалась ответственность за функционирование всего имения? Уже было показано, насколько эта категория людей, которые также вышли из легитимной, но безземельной или малоземельной шляхты (о евреях и иностранцах пойдет речь ниже), солидаризировалась со своими хозяевами в эксплуатации кре-

стьян и чиншевиков. В предыдущих главах они были показаны в качестве исполнителей решений о выселении и верных защитников имений. Многие из них вписались в капиталистическую трансформацию общества благодаря приобретенным техническим навыкам. Достаточно многие получили агрономическое, инженерное или юридическое образование.

Их образ жизни был очень комфортным. По свидетельству В. Подхорского, в 1909 г. они получали совсем небольшую денежную плату, но его главный администратор 240-десятинного имения сверх 25 рублей ежемесячно имел большие натуральные льготы: дом с 8 комнатами и садом, дрова для отопления, слуг, четверку лошадей, 10 коров и столько птицы и мелкого домашнего скота, сколько захочет. Это было обычное вознаграждение за такой вид работы⁸⁴.

Еще лучше жили высшие кадры служащих сахарных заводов, например родители Ярослава Ивашкевича. С целью скрыть свое происхождение в коммунистической Польше, а также из-за снобизма, нередко свойственного упомянутой среде (разные его оттенки можно встретить в произведениях В. Гомбровича, выходца из Литвы), Я. Ивашкевич называл себя «сыном бухгалтера». Он даже написал определенное автобиографическое произведение под названием «Гиларий, сын бухгалтера». Юность писателя на Украине прошла в атмосфере, характерной для богатой шляхты: его отец был скорее директором, чем простым бухгалтером. На якобы «маленьком» сахарном заводе в Кальнике он был выше по положению «чиновников, скромных людей, почти исключительно поляков, создающих демократическую, не лишенную элементов воспитанности среду, потому что в основном они происходили из шляхты».

По своему образу жизни семья Ивашкевичей стояла значительно выше этой «демократической» среды. Их дом сохранил давнюю структуру шляхетской усадьбы. Одно из зданий предназначалось для слуг и портных, а также приживалки, у них были повара и кухарки. Впоследствии материальное положение отца улучшилось, семья стала устраивать приемы и ездить за границу, заботясь о сколь можно более основательном воспитании детей. Однако сын заводского служащего мог бывать в аристократических салонах лишь благодаря альтруистической снисходительности аристократов. Мать Ивашкевича, урожденная Пётковская, сирота, была воспитанницей богатой семьи землевладельцев Таубе. Она выросла вместе с двумя их дочерьми, которые вышли замуж за братьев Шимановских. Только желанием закрепиться на высшей ступеньке социальной лестнице можно объяснить то, что писатель называл себя «кузеном» знаменитого композитора Кароля Шимановского, о музыке которого он так много писал. В данном случае, в отличие от приведенных выше примеров, общение между представителями интеллигенции и аристократии было естествен-

ным, основанным на общей любви к искусству и литературе. В прозе Ивашкевича лишь изредка пробивается чувство восхищения аристократией, свойственное «сыну бухгалтера».

«Нашей “Стороной Германтов”, — пишет он, — был Дашев, когда-то резиденция Текли Потоцкой, а в то время ее внучки, княгини Четвертинской, *primo voto** Жевуской. Вид этой светской дамы на почетном месте в дворцовой часовне Дашева, куда мы ездили каждое второе воскресенье, вид самого прекрасного дворца, расположенного посреди местечка над рекой Соб, великолепный, прекрасный парк “Пелла”, куда мы ездили собирать цветы для украшения стола накануне Пасхи, — таковы мои замечательные воспоминания о Дашеве»⁸⁵.

Однако подобное гостеприимное и толерантное отношение было скорее исключением. Ивашкевич охотно подчеркивал, что, несмотря на хорошее материальное положение его родителей, «он не имел возможности быть равным, поскольку та каста была отделена глубокой пропастью от сферы, к которой принадлежал» он.

Хотя благодаря своему труду и квалификации официалисты имели значительно более высокий уровень жизни, их положение было в известной степени шатким из-за нехватки соответствующей законодательной базы и полной зависимости от собственников. Это положение не изменилось вплоть до 1917 г., а кое-где и до 1920 г. Значительная часть этой группы имела только среднее или даже начальное образование, которое гарантировало скромный достаток. Многие смогли получить образование лишь благодаря помощи или займу, сделанному кем-то из доброжелателей родителей, которые также были официалистами. Уже говорилось, насколько беспокоились о своем польском персонале Браницкие из Белой Церкви. В 1882 г. находившаяся на их содержании благодаря особой привилегии гимназия (она была объединена с остатками Винницкой польской гимназии, закрытой в 1832 г. и возобновленной в 1847 г.) приняла 47 стипендиатов семьи, причем 30 из них проживали в пансионе, построенном также на средства Браницких. В начале XX в. эта гимназия оставалась основной кузницей польских кадров в этой части Украины⁸⁶. Воспитанников русских школ, которые возвращались на службу к полякам, принимали на службу в первую очередь. Однако в 80-х годах XIX в. дало о себе знать «перепроизводство интеллигенции», явление, характерное уже в начале XIX в. для Виленского учебного округа.

Экономический потенциал Украины не мог «переварить» большую армию квалифицированных шляхтичей. Проблема стала настолько острой, что в 1887 г. граф Владислав Браницкий из Ставища организовал Обще-

* *Primo voto* (лат.) — в первом браке. (Прим. пер.)

ство помощи официалистам, призванное заниматься поисками работы для них в центральных губерниях России, на Кавказе или на востоке империи. Другого способа справиться с безработицей образованных полков трех губерний не было. Первоначальный план предусматривал сбор средств для безработных: по 5 коп. с морга. «Краж» дважды размещал объявление о создании фонда, но Браницкий отказался от его идеи, возможно, потому, что опасался быть заподозренным властями в подготовке заговора. В то же время он напечатал информацию о том, что в состав комитета вошли жена губернатора Дрентельна и «несколько русских и польских дам». Таким образом, вся деятельность Общества полностью была вписана в обычные рамки благотворительности официальных институтов. Михал Тшаска удивлялся на страницах еженедельника «Краж», что в список безработных записалось лишь 70 лиц, тогда как их были тысячи. Он сожалел, что прекращен сбор средств, и требовал более подробной информации. Прошел год, и частная инициатива Браницких не принесла особых результатов. В бюро помощи (а не в Общество!) поступило 460 просьб, удовлетворить смогли только 72. Для этих людей удалось найти работу в Екатеринославской губернии⁸⁷.

Однако проблема и в дальнейшем оставалась нерешенной. Лояльное властям Сельскохозяйственное общество в 1890 г. занялось безработными, однако результаты его деятельности были мизерны, к горькому разочарованию официалистов и представителей свободных профессий.

Из публиковавшихся в еженедельнике «Краж» в 1890 г. многочисленных статей корреспондентов с Украины, выходцев из этой среды, узнаем, что в дни контрактной ярмарки и балов в Киев съезжались сотни безработных официалистов. Известный филантроп Леонард Янковский, председатель бюро Общества по трудоустройству, смог удовлетворить лишь 400 из 900 просьб. Анонимный автор сетовал, что не предусмотрено ни одной кассы для пенсионеров, что Общество остается бездеятельным, между тем как дивиденды от производства сахара неперестанно росли.

В статье за подписью «Один из официалистов» звучит еще больше горечи и возмущения: «Нужно признать, что частная служба влияет на мораль человека: редко когда она требует лишь ума и профессионального знания дела, в игру часто входят протекция, интриги, наущничество и унижение перед работодателями, которые вроде бы забыли, что человеческое отношение к интеллигентным официалистам отвечает их собственным интересам».

Автор остро критиковал еврейские сахарные заводы сыновей Бродского, однако он не пощадил также русских и польских работодателей и их уполномоченных, которые увольняли людей по собственному произволу и давали такие рекомендательные письма, что уволенные уже больше ниг-

де не могли устроиться. Автор выдвинул идею создания специального органа для защиты интересов этой группы, который принимал бы их жалобы, публиковал их в печати и защищал обиженных. «Мы живем в тяжелые времена. Ширится среди нас *интеллигентный пролетариат* [курсив мой. — Д.Б.]». Автор осуждал прием на работу иностранцев, в то время как дипломированная молодежь была вынуждена соглашаться на любой труд, а также мошенничество на судебных процессах, связанных с несчастными случаями на производстве (ожоги и т.п.)⁸⁸.

Впрочем, несмотря на полную безрезультатность, аргументированная мотивация жалоб свидетельствует о появлении радикальной польской мысли, о чем еще пойдет речь. Весьма выразительно проявилось стремление части официалистов к созданию профессионального союза по западному образцу, однако до 1905 г. подобная деятельность была запрещена. В то же время углубилась бездна между теми, кому удалось воспользоваться новыми карьерными возможностями, и теми, кто остался не у дел. В начале 1892 г. «Крај» отмечал, что на протяжении года бюро по трудоустройству смогло обеспечить работой лишь 87 лиц (среди них 16 управляющих и 22 эконома). На контрактowych ярмарках в Киеве становилось особенно заметно тяжелое положение безработных: «Среди гостей, как всегда, было много официалистов, выброшенных на улицу, и обанкротившихся арендаторов, которые толпились в передних местных тузов и бюро по трудоустройству Сельскохозяйственного общества»⁸⁹.

Когда революция 1905 г. дала этой группе возможность организоваться политически, эти люди выбрали социал-демократическое направление, т.е. в конечном счете прорусскую ориентацию. Так, Кароль Бобровский, администратор имения и сахарно-рафинадного завода в Гневане в Подольской губернии, дал русское название созданной им профсоюзной организации — «Общество трудящихся лиц», хотя сами его члены называли ее по-польски «Звёнзек Гневаньски». Общество начало издавать бюллетень на русском языке и, по свидетельству его генерального секретаря В.К. Вежейского, вскоре насчитывало уже 6 тыс. лиц, что вместе с семьями составляло чуть ли не половину всей шляхетской интеллигенции юго-западных губерний. Среди членов Общества были левые, например Модест Чарнецкий, администратор имений Терешенко; возглавлял же его администратор поместья в Ставише Витольд Ганицкий. К нему принадлежали также издательница марксистской литературы Хелена Гурская, известный киевский адвокат Станислав Гусковский и даже граф Кароль Ледуховский, администратор имения Щеневских в Капустянах Подольской губернии⁹⁰.

Однако большинство польских служащих были слишком тесно связаны с работодателями, чтобы принимать участие в подобных движениях

протеста, далеких от решения национальных проблем. Кроме того, крупным землевладельцам, как нам уже известно, неожиданно в связи с думскими выборами, когда они ощутили нестабильность собственного положения как перед царской властью, так и перед украинским крестьянством, потребовался союз с большинством польских служащих. Новая газета «Dziennik Kijowski», которую финансировал В. Грохольский, а редактировал (с 1 февраля 1906 г.) Бартошевич, не скрывала намерения создать на Правобережной Украине национал-демократическую партию, популярную в других польских землях. Газета апеллировала как к крупным землевладельцам, промышленникам, предпринимателям, так и к их подчиненным, и призывала объединиться в солидарном консервативном движении. Отметим, что на этот период приходится наибольшее число таких попыток создания газет, что свидетельствует как о существовании сильной польской интеллигенции на Украине, так и о прочной ее связи с миром помещиков⁹¹. К примеру, принадлежавший к польской киевской интеллигенции адвокат Игнацы Лыховский пытался открыть газету «Kresy», однако после неудачи посвятил себя организации различных кредитных обществ, финансовым операциям, благотворительной и научной деятельности.

Проекты земельной реформы, предусматривавшие отчуждение в пользу крестьян более или менее значительной доли крупной земельной собственности, которые всерьез обсуждали трудовики и кадеты в Первой Думе, стали для помещиков поводом заявить, что им и официалистам угрожает одинаковая опасность. Эту мысль уже в начале июля 1906 г. высказал депутат от Волыни Щенсны Понятовский, а полностью ее развил Ян Липковский.

Ян Липковский родился в 1863 г. в семье богатых помещиков, в 1886 г. закончил парижскую Центральную школу. Он был хорошо знаком со средой официалистов. Для них в Умани он открыл строительное бюро «Архитект» для планирования застроек вокруг центров сахарного производства. Такой патриархальный вариант капитализма естественным образом привел к созданию 8 июля 1906 г. комитета из 23 членов, которые после восьми заседаний разработали на польском языке устав Общества работников сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности. Он был утвержден на съезде 14 августа. В обращении этой «протекционистской организации», иногда называемой «Уманским союзом», от 8 августа, т.е. уже после роспуска Первой Думы, подчеркивалось, что любой раздел имения вызовет потерю работников. Ян Липковский написал это воззвание так, как будто сам был официалистом, его тональность и стиль изложения примечательны:

Товарищи по труду! В исторический момент, который переживает все наше общество, мы, официалисты, подвергаемся наибольшей опасности. В любую минуту сотни наших семей могут остаться без крыши, без возможности труда, без куска хлеба. Мы не сомневаемся, что наши работодатели, на которых мы добросовестно работали, захотят прийти нам на помощь, но и они могут очутиться в сложной ситуации, им также может угрожать материальный крах. Объединимся же, товарищи по труду, объединим все силы для самопомощи. Это главная цель нашего союза, это вопрос нашего существования. Это трудная задача. Мы по большей части бедные. Ежедневные заботы согнули наши спины, наш лоб избородили морщины, возможно, во многих из нас уже нет былых искренних порывов, но одновременно эти заботы выработали в нас два важных качества: мы научились тяжело работать и чувствовать нужду ближнего⁹².

Самая богатая и ближайшая к царской власти часть польской аристократии не спешила согласиться с подобной оценкой ситуации. 120 волыньских землевладельцев, собравшихся в конце сентября 1906 г. в Житомире (80 поляков и 40 русских во главе с князем Романом Сангушко), после долгих дебатов согласились назвать себя не просто Союзом землевладельцев, а Союзом землевладельцев и земледельцев. В связи с этим Людвик Рутковский разоблачал на первой странице газеты «Dziennik Kijowski» пренебрежение, проявляемое Союзом Яна Липковского к своим 1500 членам: их зачастую вынуждали передавать полномочия крупным владельцам, которые их представляли⁹³.

Общество работников сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности в течение 1907 г. создало ряд отделений по разным уездам. В июне в него входило 4420 человек. Однако не обошлось без расхождений, в результате которых группа из Славуты присоединилась к «Обществу трудящихся лиц» («Звѣнзек Гневаньски»), тогда как привилегированная прослойка богатых арендаторов образовала Союз арендаторов во главе с Хенриком Здановским. Но все эти политические или корпоративные расхождения уже не имели значения: 24 октября 1906 г. Министерство внутренних дел лишило права голоса лиц, которые арендовали землю, а подольский губернатор Эйлер разрешил голосовать лишь помещикам. На новый конгресс в Киеве, начавший работу 10 января 1907 г., собралось только 110 тщательно отобранных членов. Во главе Общества и в дальнейшем остался Ян Липковский.

Из-за нападок со стороны социалистов «Звѣнзек Гневаньски» был вскоре вынужден ограничить свою информационную деятельность. В свою очередь, «Уманский союз» на протяжении столыпинского периода вел лишь корпоративную деятельность, направленную на улучшение взаи-

моотношений между работодателями и работниками как альтернативу классовой борьбе⁹⁴. Даже если приводимое Яном Липковским число членов Союза в 1200 лиц и преувеличено, само существование группы, которая так явно засвидетельствовала жизнеспособность польской интеллигенции, должно было вызывать у царских властей, возобновивших политику русификации, настороженность. Поэтому в 1911 г. Столыпин потребовал распустить Союз. После 1917 г. многие официалисты, привязанные к своим работодателям, поехали за ними в эмиграцию⁹⁵.

Сезонные рабочие, иностранные колонисты и евреи

Сезонные рабочие

Среди групп населения, которые возникли в новом капиталистическом польско-русском обществе Правобережной Украины, несомненно, самой далекой в культурном и социальном плане от владельцев поместий и фабрик была группа рабочих. В то же время она стала основой процветания и функционирования всей новой системы. Нередко трудно отличить «настоящий» пролетариат от малоземельных крестьян, которые продолжали сохранять связь, какой бы условной она ни была, с землей (своей или принадлежавшей помещику). Уже отмечалось, что вследствие недостаточности крестьянских наделов большинство крестьян оставалось в экономической зависимости от господ. Еще даже в 1911 г. помещики выражали удовлетворение тем, что под рукой всегда был этот неисчерпаемый, а потому дешевый источник рабочей силы. Ярошевич отмечал, что такой симбиоз, который он называл «гармоничным обменом услугами», играл важную роль в экономическом развитии поместного хозяйства. Сельское население регулярно привлекалось к сенокосам и жатвам: перевозка снопов, скирдование, перевозка зерна к ближайшей станции, свеклы на сахарный завод, навоза на поля, дров из леса⁹⁶. Быстро стала применяться и наемная рабочая сила, не включенная в соседские отношения, сохранявшиеся со времен крепостничества. Владельцы имений, а прежде всего сахарных и винокуренных заводов, стали все чаще привлекать рабочую силу издалека, избегая местного населения и пытаясь платить как можно меньше сезонным работникам, нанятым для обработки свекловичных полей или работы на сахарном заводе. Сохранявшиеся до этого времени практически повсеместно давние патриархальные связи с крестьянством, а также с деклассированной шляхтой были уже не нужны. Понятно, что приезжие рабочие стали новой причиной напряженности в отношениях с местными крестьянами.

В исследуемый период ничто не защищало от безудержной эксплуатации наемных рабочих, чью невероятную бедность сегодня невозможно представить. Начиная с 1873 г. сельскохозяйственные комиссии отмечали злоупотребления, отсутствие законодательства о наемном труде, фиктивный характер трудовых договоров. Правда, наемных рабочих в трех губерниях Правобережной Украины к тому времени насчитывалось не так много — 43 500 человек⁹⁷.

Со временем проблема стала настолько очевидной, что киевский губернатор посвятил ей большую часть отчета Александру III за 1882 г. Акцентируя внимание на интересах промышленников, губернатор подчеркивал важность «рабочего вопроса» для сохранения равновесия в обществе, в котором распространяются социалистические идеи. Он отмечал экономическую и моральную пользу от создания органа, который занялся бы урегулированием отношений между работодателями и рабочими. Губернатор приводил также интересные подробности о способах найма сезонных рабочих для работы на поле или сахарном заводе. Еще до начала сезонных работ или сбора урожая вербовщики, которыми были почти исключительно евреи (именно на них помещики возлагали всегда всю грязную работу), начинали ездить по селам, прибегая зачастую к обману при вербовке, никем не контролируемые. Вербовщики выбирали местность, где население было безработным или обремененным долгами, где крестьяне были не очень сведущими, и заманивали людей с помощью целого арсенала приманок, среди которых не последнюю роль играло угощение водкой, традиционный в прошлом способ одурманивания крепостных. Губернатор утверждал в своем отчете, что, поскольку нанятые таким образом «бездельники» были наиболее деклассированным элементом, они соответственно вызывали наибольшие подозрения также и с моральной точки зрения, а потому на обман отвечали обманом. Многие записывались к двум, а то и к трем помещикам, вследствие чего было невозможно рассчитывать на явку оговоренного числа рабочих. В имении или на сахарном заводе условия питания и жилья были ужасные, отсутствовал какой-либо контроль и организация. Расчетные книжки, которые кое-где раздавали этим неграмотным людям, ничего для них не значили. Прибыв на место, они зачастую его покидали, соблазнившись обещанием якобы более выгодных условий найма в соседнем селе. Штрафы, налагаемые за такие поступки, не покрывали понесенных убытков, и суды были засыпаны жалобами, их приговоры не исполнялись, потому что к моменту принятия решения виновники уже исчезали.

Небольшие или средние имения набирали рабочую силу на ярмарках или в соседних имениях. Это, по мнению губернатора, было еще хуже,

потому что приводило к конкуренции и зависти. Губернатор, настаивая на уважении к труду (а это отметим, писал чиновник высокого ранга), считал необходимым создать биржу труда и разработать контролирующее законодательство⁹⁸.

Сложившееся скандальное положения вызвало даже международный резонанс. После публикации в парижском «*Journal des économistes*» уже упомянутой статьи французского консула Молилари об экономическом положении Украины «Кгај» 11/23 сентября 1883 г. напечатал на первой полосе статью, в которой производители зерна воспользовались случаем выступить против характерной для некоторых уездов монокультуры сахарной свеклы, а также против разрушения патриархальных отношений, к которому привела дьявольская капиталистическая погоня за наживой. Используя описание Молилари, статья защищала от капиталистических потрясений традиционные зерновые культуры. Консул также отмечал, что рабочие сахарных заводов, нанятые самое большее на четыре месяца, были инородным телом в этом регионе. Он писал, что вербовщики отправлялись за рабочими в глубь России, за 400—500 верст от завода, в очень бедные регионы, поэтому эти бедняги тратили весь задаток на проезд к месту работы. Для того чтобы избежать конфликтов, в следующем году набирали уже других, поэтому квалификация у таких рабочих отсутствовала, а производительность труда была очень низкой⁹⁹.

С польской стороны определенное сожаление по поводу сказанного выразила лишь интеллигенция. Врач из Каменца, который подписал статью инициалами «А.Ј.», клеймил эксплуатацию 17 862 рабочих на 49 польских сахарных и 128 винокурных заводах Правобережной Украины. Он также отмечал, что жалобы работодателей были неадекватными: «Я сомневаюсь, чтобы взаимные обязательства или судебные преследования виновных смогли чем-то помочь. Думаю, конфликтов можно быстрее избежать благодаря соответствующей оплате, хорошему и здоровому питанию, добросовестной опеке работодателя. Одним словом, следует вникнуть в проблемы этой челяди, которую сам народ называет темными и ограниченными “наймитами” и которую часто, а то и всегда обманывают»¹⁰⁰.

В июне 1886 г. правительство приняло закон «Об утверждении проекта правил о надзоре за фабричной промышленностью, о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции» (от 3 июня 1886 г.) и «Положение о найме на сельские работы» (от 12 июня 1886 г.), предусматривавшие введение контроля в фабричной промышленности и сельском хозяйстве. В них, однако, гораздо меньше внимания было уделено охране прав сезонных рабочих, чем мерам по их принуждению. Работодателям рекомендовалось производить оплату

вовремя, деньгами, а не натурой, обеспечивать соответствующим питанием, давая «хорошую крестьянскую еду», оказывать врачебную помощь. При этом предусматривался целый ряд ограничений относительно найма, не была установлена длительность рабочего дня, вне контроля оставался женский и детский труд, а разнообразные штрафы предоставлялись усмотрению дирекции¹⁰¹.

Русская пресса вместо того, чтобы обращать внимание на то, что происходило в Великороссии, с радостью разоблачала злоупотребления в польских имениях Подольской губернии. Рассказывалось о вербовщиках, которые добирались даже до Смоленской губернии в поисках живого товара, давали по несколько рублей задатка и оставляли бедняг без средств к существованию на волю дирекции. Наемные рабочие трудились без выходных и карались за побег одного из членов бригады по принципу круговой поруки. В 1889 г. «Кгај» описывал сезон уборки сахарной свеклы на огромных полях под Белой Церковью и Уманью. Между имениями перемещались тысячи крестьян, завербованных в соседних Звенигородском и Балтском уездах. В этот поток, который «Кгај» сравнивал с «рабочей Калифорнией», вливались целые села, люди шли под звуки скрипки и бубна в одной рубашке, работали несколько недель кряду, с дневным заработком по 25—30 копеек мужчины, 20—25 — женщины и 10—15 — дети. Несмотря на плохое питание (следует также учитывать два постных дня в неделю), они поддерживали свой дух пением и танцами. Впрочем, тяжелая работа в поле была не такой изнурительной, как на фабрике¹⁰².

В 1890-х гг. множилось примеры эксплуатации безропотных и наивных крестьян. В. Залеская описывала экономов имений, которые, вербуя бедняков, заманивали их скорее обманом, чем хорошей платой. Нужный эффект производило привлечение крестьян с помощью музыки, например игры на шарманке — редкого для села инструмента. Иногда вербовщики устраивали целые представления с обезьянками, собирая толпу любопытных и сразу заключая договор с доверчивыми зеваками. Помещики, как правило, следили за своими соседями, и любое повышение платы вызывало возмущение, поскольку действовала неписаная договоренность о поддержании определенного минимума. Врачей, прикрепленных к сахарным заводам, считали за неминуемое зло и относились к ним неприязненно. Маньковский не скрывал враждебного отношения к этим людям, беспокойным духом, проникнутым идеями прогресса, мешавшим обычной практике злоупотреблений. Он описывал, как Сулима, врач из Мошенского сахарного завода, который принадлежал его дяде Вацлаву Маньковскому, надумал собрать статистические данные о здоровье рабочих Ямпольского уезда и предложил коллегам помочь ему. Помещик не мог

скрыть иронии по поводу этой «странной» филантропии, замечая, что бедняги, которых он нанял в Белоруссии (он называл их «лапотниками»), питались у него лучше, чем дома, и жили в лучших гигиенических условиях. Он утверждал, что они не были худыми и даже набирали вес, «несмотря на двенадцатичасовую смену на фабрике, и частые дополнительные три часа работы, за которые платили отдельно, когда надо было сложить свеклу в бурты». Врача, «который объявил войну мнимой капиталистической эксплуатации в нашем крае», ненавидели как Маньковский, так и полиция, поскольку он во все совал нос, предъявляя «безумные требования». Он требовал спускать использованную воду в поля, а не оставлять ее в отстойниках; выступал против кормления рабочих соленой рыбой из бочек и испорченными фруктами, что вело к разорению евреев-поставщиков. Кроме того, его никак не удавалось подкупить. Дядя Маньковского предлагал ему «королевскую плату», а тот лишь твердил, что «это взятка»¹⁰³.

В 1899 г. «Орловский вестник» писал, что сахаровары Киевской губернии приезжали в поисках рабочих даже к ним. Как правило, нанятым давали задаток и оплачивали проезд только до места работы, а обратный путь — нет, поэтому по возвращении домой они оставались практически без гроша¹⁰⁴.

На Правобережной Украине, а также в Белоруссии сезонные рабочие получали самую низкую плату во всей Российской империи. Небольшое повышение было сделано лишь в 1906—1907 гг., чтобы приостановить беспорядки среди украинского крестьянства. В этот период за работой сезонных рабочих на полях следили кавказские казаки.

Следует сказать, что сельский пролетариат, появившийся в результате развития новых капиталистических отношений в сельском хозяйстве, не был ни достаточно организованным, ни достаточно многочисленным, чтобы оказать давление на работодателей, от которых зависела его судьба. Общий уровень культуры этих людей был весьма низким, работа носила временный характер и не позволяла, как этого хотелось бы марксистским идеологам, объединиться им в отдельный класс. Даже если присоединить к «вольнонаемным» работникам рабочих городских перерабатывающих фабрик, железнодорожных мастерских и сахарных и винокуренных заводов, мастеровых из средних и мелких мастерских, то пролетариат Правобережной Украины можно описать как небольшую группу в несколько десятков тысяч лиц, живущих в крайней нищете, достаточно безразличных к проблемам края, а то и совсем оторванных от местного украинского населения. Даже нищие крестьяне, которых нанимали на временную работу в соседние уезды, не находились в столь плачевном состоянии.

Иностранные колонисты

В первой главе этой части было показано, насколько существовавшая польская система землевладения нуждалась в иностранцах, а еще больше — в евреях, чтобы противостоять наступлению российской власти. Польские землевладельцы, конечно, были в меньшей степени и иначе связаны с этими «чужаками», чем с интеллигенцией, хотя теснее, чем с сельским пролетариатом. Поэтому наше описание существовавшей «системы» необходимо завершить характеристикой этих групп, которые, несмотря на свою этническую и культурную замкнутость, были частично, а то и полностью обязаны своим социальным статусом польским землевладельцам. Мы коснемся лишь того, как эти группы втягивались в борьбу за землю.

Уже в XVIII в. немцев часто привлекали для оживления работы на многих волынских мануфактурах, например фабрике фарфора в Корце, полотняной фабрике под Луцком или стекольном заводе в том же районе. Стоит отметить, что приглашение иностранных колонистов издавна было связано не только с намерениями распространить технический прогресс, но и с осязательной нехваткой «третьего сословия». Привлечение внешней группы давало возможность сохранить социальную структуру в прежнем виде. Именно этим руководствовалась Екатерина II, пригласившая немцев поселиться на Волге. Похожие планы вынашивали авторы польской Конституции 3 Мая, в которой целый раздел был посвящен привилегиям для иностранной рабочей силы, оседавшей в Речи Посполитой. Настоящая же потребность в иностранной рабочей силе возникла в польских имениях лишь накануне отмены крепостного права. Напуганные призраком «воли», которую должны были получить местные крестьяне, уставшие от постоянной вражды с селом, землевладельцы решили, что смогут избежать проблем с опасными соседями, пригласив колонистов из чешских, словацких и силезских земель. Подобная тенденция проявилась и в Белоруссии, Литве и Привислинском крае¹⁰⁵.

Ввоз рабочей силы, известной трудолюбием и серьезным отношением к труду, да еще и католической, казался выходом для тех помещиков, кто не мог прийти к согласию с местными крестьянами, которых они считали отсталыми, непокорными православными «схизматиками». Выгоды от появления в украинских губерниях иностранного элемента стали еще очевиднее после объявления указа 1865 г., который запрещал лицам польского происхождения покупать новые земли. Кое-кто из поляков, не желая уступать свою землю русским, предпочитал продать или отдать обанкротившееся имение в аренду немцам. С колонизационной волной было также связано проведение уже упомянутой массовой вырубке лесов. Землевладельцы продавали большие участки леса и поручали проведение

вырубки иностранным колонистам, затем разрешали им корчевать пни и отдавали расчищенные под пашню участки им в аренду¹⁰⁶. Необходимо также отметить, что наплыв немецких колонистов в Волынскую губернию происходил одновременно с массовым выселением чиншевиков.

Это явление быстро вызвало беспокойство властей. В 1873 г. генерал-губернатор Дондуков-Корсаков обратил на это внимание министра внутренних дел Тимашева. Последний не нашел в этой ситуации ничего особенного; того же мнения были власти в Варшаве и Вильне. В мае 1874 г. Комитет министров опять заинтересовался данным вопросом, а в июне следующего года Тимашеву поручили подготовить общий отчет, материалы к которому полиция представила через год. Было принято решение о проведении с 1880 г. натурализации, но это трудновыполнимое условие не остановило потока эмигрантов.

В 1883 г. русская пресса Украины стала обвинять поляков в бесконтрольном приглашении немцев. Газета «Русь» опубликовала информацию о немецком влиянии на Волыни, где указывала, что освоение польских лесов колонистами в еще большей степени ограничивало сервитутные права местных крестьян. Ответ польской стороны в еженедельнике «Крај» был нечетким и уклончивым. Карвицкий писал, что поляки первыми стали требовать отмены крепостного права и совсем непричастны к крестьянским проблемам!¹⁰⁷

Чиновников, в сущности, интересовали не крестьяне, а немецкие колонисты, представлявшие в образе троянского коня из-за ухудшения отношений с объединенной Германией. Вплоть до конца царствования Александра II министры финансов А.А. Абаза, затем Н.Х. Бунге брали большие займы у немцев, однако после вступления на престол Александра III падение цен на зерно в этой стране привело к блокированию экспорта из России. С этого времени начало нарастать тихое, но значительное напряжение в русско-немецких отношениях. «Киевлянин» и «Новое время» вели полемику относительно лояльности немецких колонистов Волыни в случае войны, а Дрентельн запретил любые перемещения лицам, которые после 15-летнего пребывания не получили российского гражданства. Польские корреспонденты еженедельника «Крај», прежде всего техническая интеллигенция, также косо смотрели на возможную конкуренцию. Когда же речь заходила о чехах (их в Волынской губернии было несколько десятков тысяч), то и тут сказывалось стереотипное восприятие. Читатели признавали, что поля у чехов образцовые, но указывали на отталкивающие традиции, мол, они грязны, пьют и едят даже кошек и воронов! Однако число иностранных колонистов лишь выросло, когда Дрентельн начал охоту на польских и еврейских арендаторов¹⁰⁸.

В 1884 г. «Киевлянин» разоблачал новую польскую «интригу»: в пограничных с Австро-Венгрией и Привислинским краем уездах австрийские и немецкие граждане в действительности были поляками. Газета требовала создания русских школ и усиления русского элемента с целью быстрейшей их ассимиляции¹⁰⁹.

Пока русские националисты, подстрекаемые К. Победоносцевым и М. Катковым в ненависти к немцам, склоняли российское правительство к сближению с Францией, русско-немецкие отношения ухудшались. Отставка министра финансов Бунге 23 декабря 1886 г. и замена его Вышнеградским означала начало таможенной войны с Германией. И хотя в связи с этим положение колонистов становилось еще более шатким, это не затормозило переселений. Было отмечено, что в период 1880—1890-х гг. число иностранцев на Волини выросло более чем вдвое. К антипольским и антиеврейским настроениям добавилась еще одна волна ксенофобии.

Уже отмечалось, что многие волынские колонисты, обеспокоенные предоставлением земли бывшей шляхте, отказались платить арендную плату. 14/26 марта 1887 г. был издан указ, который напоминал о необходимости натурализации и о желательности перехода колонистов в православие. С этого времени иностранцам, так же как и евреям, запрещалось покупать новые земли вне городов. В ответ Германия приняла закон от 17 декабря 1887 г. о ввозной пошлине на хлеб. Именно это стало решающей причиной заключения франко-российского союза. В трех юго-западных губерниях царский указ привел к отъездам нескольких партий колонистов в Бразилию и США, особенно после того, как 8 октября 1887 г. Министерство народного просвещения взяло на себя контроль над немецкими и чешскими школами. 15 июня 1888 г. было принято решение об обложении колонистов такими же налогами, что и крестьян¹¹⁰.

Чехи смогли избежать выселения благодаря массовому переходу в православие. Пресса месяц за месяцем сообщала о принятии государственной религии группами чехов в 50—150 человек. Газета «Волинь» объясняла это тем, что колонисты признали православие единственной религией, достойной славян. Осуществляя подобные бесстыдные массовые обращения в православие, власти не хотели признать, что в действительности чехи боялись обвинений со стороны специально созданной на Волини комиссии, которая должна была расследовать причины их конфликтов с крестьянами. Независимо от того, было ли это искреннее или принудительное проявление «панславизма», оно позволило чехам интегрироваться в империю, что оказалось не таким легким делом для немцев. Для русских же с этого времени Волинская губерния стала проклятой. открытой влиянию враждебных сил. В 1890 г. «Московские ведомости» опубликовали ряд статей об угрозе «завоевания» юго-западных земель немцами с помощью по-

ляков. Эта националистическая газета писала, что за 30 лет сюда приехало 220 тыс. немцев, что составляло 10% от всего населения Волыни, и даже 22% крестьянского населения. Про немцев писали, что они упорно не поддаются ассимиляции и пропагандируют штундизм. «Южный край» (новое издание, основанное в 1880 г. управляющим делами генерал-губернаторской канцелярии А.А. Иозефовичем с целью дальнейшей русификации Украины) метал громы и молнии против «немецкого царства», возникшего на Волыни, где немцы будто бы прокладывали собственные железные дороги, ходили вооруженные и захватывали огромные территории, оставленные поляками¹¹¹.

Когда наконец назрела необходимость выяснить истинное состояние дел, генерал-губернатор А.П. Игнатьев приказал провести перепись иностранных колонистов. В 1890 г. было выявлено 195 333 лица обоего пола, проживавших главным образом в Волынской губернии. В Подольской губернии их было всего 12 474, а в Киевской — еще меньше. Одновременно с этим вдоль всей границы Волынской губернии проводились военные маневры. Вооруженный конфликт с Австро-Венгрией и Германией уже не казался невероятным. Известно, что эти маневры, которые с ужасом описывал в своих донесениях немецкий консул в Киеве, ускорили отставку Бисмарка, объявленную Вильгельмом II 18 марта 1890 г.: канцлер не придал значения этим сигналам тревоги. Антинемецкий психоз в Петербурге вырос настолько, что 14 марта 1892 г. был объявлен указ о полном запрете переселений колонистов в Волынскую губернию. В марте 1895 г. был подтвержден запрет на поселение иностранцев за пределами городов. Однако в специальном отчете генерал-губернатора Игнатьева Николаю II отмечалось, что, хотя волынские немцы в большинстве и приняли российское подданство, они не стали от этого менее опасными, поскольку ассимилировались с польской, а не с русской культурой¹¹².

Распоряжением от 19 марта 1895 г. вновь было запрещено переселение поляков из Привислинского края, которые проникали на Украину вместе с немцами. Их привозили вербовщики, которые искали крестьянскую молодежь даже под Лодзью и Белхатовом. В конечном итоге Драгомиров в 1901 г. окончательно запретил иностранцам селиться на Правобережной Украине.

Описываемая колонизация интересна для нас тем, что указывает на важные социально-этнические процессы, которые были либо сознательно спровоцированы польскими помещиками, либо по крайней мере предопределены существовавшими земельными отношениями. Ведь в основе соперничества различных групп лежал земельный вопрос. Стоит, однако, подчеркнуть, что немецкая колонизация была не менее значительной и в других регионах империи, например в Новороссийской губернии,

где поляки не играли существенной роли. Анатолий Леруа-Больё, свидетель эпохи, даже склонялся к мысли, что большую роль в переселении немцев сыграли сами русские: «Польский вопрос, столь по-разному воспринимаемый на протяжении века, осложнился из-за немецкого вопроса. Частично в этом была вина самой политики российского правительства, опасавшегося поляков и приветственно относившегося к немцам вплоть до 1884 г., разрешавшего им покупать землю там, где это было запрещено полякам и евреям. “Я боюсь немцев меньше, чем поляков”, — писал Д. Милютин после взрыва восстания 1863 года. Сегодня Милютин этого, без сомнения, уже не сказал бы...»¹¹³ (Книга 1, глава 5).

Несмотря на то что после 1905 г. немцам вновь было разрешено покупать землю, немецкие колонисты, напуганные крестьянскими волнениями, перестали приезжать на Украину. В 1905—1908 гг. генерал-губернатор Сухомлинов выдал всего 1787 разрешений на покупку земли, причем в основном полякам из Привислинского края. С 1887 по 1909 г. польское население Киева увеличилось больше чем вдвое (с неполных 20 тыс. до 44 тыс. человек). Однако это не помешало подъему новой антинемецкой волны в 1908 г., вызванной также ростом русского национализма. Сухомлинов вновь докладывал об очередном «иностранном нашествии», а сменивший его Трепов снова запретил эмиграцию в Подольскую и Киевскую губернии¹¹⁴.

Проведенная по распоряжению Трепова в 1911 г. перепись дала следующие результаты: по состоянию на 1909 г. число иностранцев, в частности немцев, на протяжении 12 лет оставалось стабильным (правда, их удельный вес в составе населения не указан) — 191 660 колонистов или технических работников:

— Волынская губерния: 179 224 человека, из них 154 878 проживало в селах; в их собственности находилась 170 431 десятина, а в аренде — 181 236 десятин земли;

— Киевская губерния: 8213 человек, из которых 6756 в селах; владели 14 630 десятинами земли, а арендовали 17 954 десятины;

— Подольская губерния: 4223, из них 752 в селах; в собственности находилось 19 033 десятины, в аренде — 22 296 десятин земли.

Внимания заслуживает площадь арендуемой земли. Этот показатель свидетельствует о немецко-польской взаимосвязи в земельном вопросе, даже если нельзя установить точную пропорцию немцев, связанных с русскими землевладельцами.

Евреи

Уже не раз отмечалось, насколько ценными помощниками в имениях были евреи — корчмари, посредники или арендаторы. Их связь с польским миром не была следствием капиталистических перемен, ее ис-

токи следует искать в эпохе польского присутствия на Украине. Приток евреев в этот регион был связан с королевскими привилегиями, предоставленными евреям в XV—XVI вв. В это время их изгоняли из стран Западной Европы, и они нашли пристанище в Речи Посполитой. В западной литературе, особенно в конце XIX в., этих евреев стали ошибочно называть «русскими». В действительности после присоединения земель Речи Посполитой Екатерина II, как известно, запретила евреям въезд на территорию внутренних российских губерний, позволив им проживать в западной зоне, расширенной затем на южные степи, Таврическую, Херсонскую и Бессарабскую губернии, а на востоке — в Екатеринославской, Полтавской и Черниговской губерниях. Эти 15 губерний образовывали то, что до самого конца царского режима называлось чертой оседлости. Лишь немногие богатые купцы могли претендовать на право проживать в Великой России¹¹⁵.

В 1882 г. на Правобережной Украине проживало около миллиона евреев, которые распределялись следующим образом по губерниям:

Волынская	289 920;
Киевская	339 557;
Подольская	418 858 человек.

Соответственно евреи составляли 14,9, 14,6 и 18,7% всего населения этих губерний. Меньше всего евреев было занято в земледелии. Попытки создать группы евреев-земледельцев по замыслу Тадеуша Чацкого в 1805 г. в трех юго-западных губерниях не увенчались успехом¹¹⁶. Парадокс, сформулированный виленским евреем Б. Мандельштамом в 1877 г., точно характеризует эту группу: «Среди нас нет крестьян, хотя в нашем Священном Писании рассказывается лишь о земледельцах и пастухах». Леруа-Больё пытался объяснить это несоответствие веками изгнания и урбанизацией¹¹⁷.

В работах историков уделяется мало внимания этой немногочисленной прослойке населения, которая не стремилась к земледелию, однако прекрасно понимала выгоду от аренды всего имения или его части, а также предоставления различных посреднических услуг в земельных сделках. Как уже отмечалось, указы от 5 марта и 10 июля 1864 г., подтвержденные 23 июля 1865 г., запрещали назначать евреев управляющими имениями. Впрочем, известно, что частые запреты — свидетельство бессилия власти. «На всем юго-западе России и в Польше почти невозможно заключить какую-либо сделку без помощи посредника еврея, которого здесь называют фактором. Идет ли речь о сдаче внаем дома, купле или продаже зерна, заключении арендного контракта, поиске слуг — всегда присутствует ев-

рей-посредник, который из всего извлечет для себя выгоду. Он часто оказывается полезным, однако это очень неприятный тип, что в значительной мере способствует непопулярности этой расы», — писал еще в 1890 г. английский журнал¹¹⁸. Именно подобная активность вызывала зависть и способствовала росту антисемитизма, который часто проявлялся как среди поляков, так и среди украинцев и русских. В воспоминаниях землевладельцев не раз встречается упоминание о неслыханных богатствах евреев, которые скупали урожай на корню и выдавали невероятные суммы задатка, что было достаточно рискованным, но почти всегда прибыльным. Примеры обогащения благодаря аренде земли порождали зависть поляков и русских, которые видели, как подставные лица обходили российские законы. С другой стороны, они вызывали ненависть украинских крестьян, считавших евреев очередными эксплуататорами. Несколько примеров успешной экономической деятельности евреев отвлекало внимание от действительно тяжелого, нищенского положения, в котором находились их остальные собратья.

Убийство Александра II 1 марта 1881 г. послужило детонатором, вызвавшим волну ненависти и антисемитизма в 1881—1882 гг., в которой нашли выход все переживания и тревоги российского общества¹¹⁹. Министр внутренних дел Н.П. Игнатьев в сентябрьском циркуляре 1881 г. отмечал, что погромы были «привычной» формой мести христианского населения, и требовал провести расследование на местах всех случаев «преследования» христиан евреями. 3 мая 1882 г. он издал печально знаменитые «Временные правила», в которых в числе прочего запрещал возобновлять арендные соглашения с евреями, а самим евреям — селиться в селах. Последствием комиссии, возглавляемая графом К. Паленом, ухудшила положение группы сельских евреев, потребовав в 1888 г. выселить их в города. Полиция прочесала территорию, произвольно приписывая «сельский» статус мелким местечкам, где проживало много евреев. Изменение статуса оправдывало массовые выселения. Международные протесты в 1890 г., в частности Англии (Франция не желала сорвать налаживавшееся тогда сотрудничество с Россией), против антисемитских распоряжений Дурново. Однако антисемитизм Плеве и всяких треповых привел к волне ужасающих погромов 1891 г.¹²⁰ Однако и на этот раз заинтересованность польских и русских землевладельцев в услугах евреев-арендаторов привела к несоблюдению законодательных ограничений.

Показательно, что перепись 1897 г. выявила существование немногочисленной группы евреев, необходимых для ведения хозяйства в латифундиях. Эта группа составляла 2,29% от 395 782 евреев Волынской губернии, 1,94% от 370 612 евреев Подольской губернии и 1,56% от 433 728 евреев Киевской¹²¹, т.е. насчитывала около 20 тыс. лиц, связанных частично с

польским, частично с русским землевладением. Упомянутые люди были достаточно богаты и влиятельны. Это позволило им избежать разорительного выселения из сел в города, под знаком которого прошли эти годы. На основании статистических данных, опубликованных в 1884 г., можно установить точную площадь арендованных ими земель (в десятинах):

Волынская губерния	304 948
Подольская	240 108
Киевская	261 518

«Крај» уточнял, что площадь земель, арендованных в обход всех запретов евреями в Подольской губернии, составляла 20% пахотных земель, находившихся в частном владении (в 424 имениях). Из 130 винокуренных заводов той же губернии 113 находилось в собственности или в аренде у евреев¹²². Уже отмечалось, насколько важное место евреи занимали в сахарной промышленности.

Следовательно, эта малочисленная группа, значительно меньшая, чем профессиональная польская интеллигенция, чем немецкие и чешские колонисты, чем полукрестьянский пролетариат, была еще одной важной составляющей польского землевладельческого мира, обеспечивающей равновесие в существовавшей на Украине системе землевладений. Она же играла одну из главных ролей в борьбе за землю.

Другая часть еврейского населения, сосредоточенная в городах и местечках, была в глазах землевладельцев только массой презренных чиншевиков. Например, Бердичев, где было больше всего евреев, в 1887 г. насчитывал 41 617 евреев, а в 1914-м — 55 876. Этот город был собственностью Тышкевичей, Чарторыйских и семьи промышленников Дженни. Нет сомнения, что, несмотря на быструю русификацию еврейства, а также незначительные размеры группы, действительно связанной с экономикой крупных польских хозяйств, русские и украинцы всегда считали евреев близкими к полякам и зависимыми от них. В 1898 г. ректор Киевского университета Н.К. Ренненкампф объединил их в своей книге «Польский и еврейский вопрос», а С. Дубнов в работе, опубликованной после революции, повторяет стереотип о «позорном наследии эпохи польских панов, которые эксплуатировали крестьян и спаивали их с помощью евреев»¹²³.

Представляется, что антисемитизм на Правобережной Украине, характерный для всех этнических групп, был наиболее ощутим среди русских и украинцев по причине их численности и имевшейся у них возможности административно-правового давления. Погромы в Киеве были спровоцированы православным националистическим городским населением, охваченным религиозной враждой. Польский «Крај» освещал события в дву-

смысленно нейтральном тоне. В частности, 15 января 1884 г. здесь без комментариев была перепечатана информация из русской «Зари», сообщавшей, что в Белой Церкви, сердце владений Браницких, кто-то расклеил листовки с призывом «Бей жидов». И хотя их быстро сорвали, на рыночной площади собралось полторы сотни людей, готовых взяться за дело, которых пришлось разгонять полиции. Через несколько месяцев «Крај» сообщал о погроме в Дубровице на Волини, где приехавшие на работу из великорусских губерний люди, которые за год до этого уже были зачинщиками поджога 110 еврейских домов, вновь собрались на рыночной площади и звали местное население идти «бить жидов». Толпа под гармошку с радостными криками ринулась грабить и громить еврейские магазины. С восьми часов утра до полуночи были разорены десятки еврейских домов. Два еврея были убиты. «Крај» писал, что телеграф в данном случае не пригодился — войско по распоряжению губернатора Л.П. Томары было брошено на охрану железнодорожных мастерских. Зловещая повторяемость подобных антисемитских выступлений, достигших апогея в 1891 г., позволяет предположить, что местное еврейское население свыклось с ежедневным переживаемым кошмаром. Число ограблений еврейских магазинов, совершавшихся в то время, когда их владельцы молились в синагоге, невозможно подсчитать. Антисемитские доводы «Нового времени» или опус Э.А. Дрюмона «Еврейская Франция» производят тяжелое впечатление в пересказе на страницах еженедельника «Крај»¹²⁴.

Это, конечно, не значит, что польской общественности было чуждо сочувствие. В 1883 г. Талько-Хрынцевич опубликовал смелую статью о необходимости предоставления прав евреям. В 1891 г., в разгар кампании по выселению евреев из сел в города и еврейских погромов в Киеве, Карвицкий решил описать их нищенское положение: «...сердце сжимается при виде целой еврейской семьи, обремененной дряхлыми родителями и малыми детьми, осужденной на далекое выселение за пределы губернии в течение семи дней. За такой короткий срок практически невозможно устроить все дела. Зачастую невозможно избежать банкротства. Именно поэтому человеческие чувства заставляют многих помогать этим беднякам в их тяжелой судьбе»¹²⁵.

Однако общая тональность выступлений помещиков и польской интеллигенции в еженедельнике «Крај» была крайне враждебной по отношению к евреям. До тех пор пока в 1895 г. не была введена казенная монополия на продажу водки, жалобы на засилье евреев в этой отрасли повторялись из номера в номер. В анонимной статье 1884 г. отмечалось, что указа от 3 мая 1882 г. об ограничении еврейского «влияния» в селах недостаточно, так как евреи контролировали продажу алкоголя в 1998 из 2210 сельских и 496 из 559 городских пунктах продажи на Волини. Автор

считал, что стоило бы позволить продавать напитки непосредственно в имениях. В 1897 г. «Кгај» приводил пример князя Р. Сангушко, который выгнал евреев из семи принадлежавших ему трактиров. Как о чем-то само собой разумеющемся, в 1884 г. сообщалось о закрытии организованной в 1861 г. еврейской ремесленной школы в Житомире — она, мол, давно вызывает жалобы христианского населения. Без комментария были перепечатаны слова русской националистической газеты «Восход» о том, что в городах и местечках Юго-Западного края евреи составляют большинство ремесленников и тем самым препятствуют развитию ремесел среди эксплуатируемого ими местного населения¹²⁶.

В нашу задачу не входил анализ всего разнообразия польско-еврейских отношений — данное исследование сосредоточено на том аспекте этих отношений, который непосредственно связан с аграрной сферой. Однако в завершение отметим, что, несмотря на незначительное число евреев, вовлеченных в орбиту поместного хозяйства, они стали объектом характерной для поляков еще с эпохи барокко антиномии любви и ненависти к еврейству. «Кгај» публиковал желчные статьи уже упомянутого доктора «А.Ј.», которые хорошо передают эту двойственность. Польские землевладельцы сами способствовали (а русские помещики им в этом подражали) формированию группы еврейских арендаторов, чьими услугами они пользовались, однако при этом они чувствовали лишь пренебрежение к посредникам, благодаря которым им зачастую удавалось избежать продажи имения. Они охотно преувеличивали «угрозу» еврейского «нашествия». Подавленные тем, что не могут сохранить «святую землю своих предков», поляки трансформировали горечь разочарования в озлобленность против тех, кому они эту землю передоверяли. Названному «А.Ј.» не хватало слов, чтобы заклеить еврейских арендаторов, которые оставляли хасидизм, одевались в европейское платье и получали европейское образование. Их этническая солидарность напоминала ему «щупальце спрута». Они могли так завлечь сезонных рабочих выгодными предложениями, что опустошали рынок труда. По мнению автора, эти люди создали новую, неизвестную до 1863 г. касту, разрушающую устой патриархальной жизни. Они безжалостно эксплуатировали взятую в аренду землю, истощали почву в погоне за легкой прибылью, не ремонтировали хозяйственные постройки и усадьбы, из-за чего усадьбы теряли свою прежнюю привлекательность, не ухаживали за газонами и цветниками в парках, вытоптаных скотом. Между тем 15 рублей арендной платы с каждой десятины да еще несколько тысяч залога были заманчивым кушем для помещиков, тем более что арендные ставки стремительно росли. Аренда позволяла не только избежать принудительной продажи, но и позволяла избежать хлопот по ведению хозяйства и вести роскошную светскую жизнь за границей. В свою

очередь, арендатор перенимал методы эксплуатации (иногда ее даже усиливая) бывших крепостных или деклассированной шляхты, все больше ненавидевших его, и — даже с учетом расходов на семена, орудия труда, страхование — получал значительные прибыли.

В этом запутанном клубке противоречий, обусловленных жадностью и завистью к ближнему и разрешавшихся всегда за счет самой слабой стороны, антисемитизм становился своего рода алиби, а евреи — козлом отпущения. Отмена крепостничества в 1861 г. переполошила помещиков:

Край богатый, Украина,
Ты и барщина едины,
Без нее и без кнута —
Конец света для тебя!

В 1884 г. арендаторов-евреев обвинили в нагнетании ситуации, в которой в действительности они выступали орудием:

Рубеж наш, Украина,
Что о тебе говорят?
Ты отныне — Палестина,
А не наша земля¹²⁷.

Когда Российской империю захлестнула волна неслыханного антисемитизма, польский «Крај» присоединился к общей травле. Круг социальных и этнических антагонизмов замкнулся. Все этнические группы Украины испытывали взаимную вражду. Укрывшиеся в своих резиденциях, словно в крепостях, поляки, как и их соседи, жили почти в полной изоляции от остальных. Этот мир, словно замкнутый сосуд, внутри которого нарастало давление, должен был в какой-то момент взорваться.

¹ Мельник Л.Г. Технічний переворот на Україні у XIX ст. Київ, 1972. С. 164—171.

² Архив замка Монтрезор. Ср.: Skorka L. Un magnat polonais en Touraine Xavier Branicki 1816—1879 // Bulletin de la Société Archéologique de Touraine. Т. 39. Р. 567. РГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 61. Л. 118—121 — Дискуссия от 26 декабря 1864 г. в Комитете министров по вопросу о строительстве ветки Москва—Одесса. См. также: Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика по документам Архива Комитета Министров. СПб., 1902. Т. 1. С. 140—146. Однако железная дорога Москва—Киев, имевшая особое значение для государства, была вскоре проложена. В 1864 г. флигель-адъютант барон Корф писал Александру II: «Не одни товары движутся по этой дороге, а книги, мысли, обычаи, взгляды... обычаи великороссийские и малороссийские перемешаются и эти два народа, и без того так близко стоящие один к

другому, сперва сроднятся, а потом и сольются». Через год Катков будет отстаивать ту же идею. См.: Западные окраины. С. 284—285.

³ *Bumme С.Ю.* Воспоминания. Л., 1924. Т. 3. С. 68—73, 80—81, 90—93, 115—126; *Girault R.* Emprunts russes et investissements français en Russie 1887—1914. Paris, 1973. P. 39—40.

⁴ *Bumme С.Ю.* Воспоминания. С. 150—165; *Kołodziejczyk R.* Jan Bloch (1836—1902). Szkic do portretu «króla polskich kolei». Warszawa, 1983; *Werner A.* Jan Bloch. Niedoceniany działacz i myśliciel // *Przegląd Wschodni.* 1999. Т. 5. Z. 5 (20). S. 793—800.

⁵ О строительстве дополнительных веток см.: *Kraj.* 1883. № 11. S. 14; № 33. S. 8; 1890. № 41. S. 3—4.

⁶ Biblioteka Narodowa, Warszawa Rękopis 9781. Т. I. S. 113.

⁷ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 846. Спр. 463 — Игнатъев Николаю II; *Lipkowski L.* Моје wspomnienia S. 177.

⁸ *Воблий К.Г.* Нариси з історії. С. 13—15.

⁹ ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 464 — О запрете на экспорт хлеба и кукурузы, переписка за 1865—1868 гг. волынского и подольского губернаторов с Валуевым и Рейтерном.

¹⁰ *Ibidem.* Оп. 55. Спр. 446; Оп. 533. Спр. 158 — Отчеты волынского губернатора 1875 и 1879 гг.; отчеты киевского губернатора 1878, 1879, 1880 гг. *Ibidem.* Оп. 532. Спр. 202; Оп. 533. Спр. 205; Оп. 534. Спр. 422.

¹¹ *Kraj.* 1884. № 31. S. 9—10; № 39. S. 18.

¹² *Ibidem.* 1885. № 10. S. 15; № 29. S. 7; 1887. № 24. S. 14—15; № 22. S. 15; № 45. S. 18.

¹³ *Ibidem.* 1890. № 2. S. 15; № 43. S. 18.

¹⁴ *Ibidem.* 1891. № 10. S. 14; № 31. S. 21; № 36. S. 14; № 37. S. 17.

¹⁵ *Von Laue Th.H.* Serguei Witte and the Industrialization of Russia Columbia, 1963; *Girault R.* Emprunts... P. 27, 97—107.

¹⁶ *Kraj.* 1892. № 12. S. 14; № 44. S. 25. Это производство составляло 5,6% ржи, 6,16% овса и 11,39% пшеницы, выращенных в Российской империи. Само же понятие «российская житница» распространялось на Правобережную и Левобережную Украину и юг Великороссии.

¹⁷ *Ibidem.* 1883. № 50. S. 12; ЦДИАУК. Ф. 442. Оп. 534. Спр. 422 — Отчет киевского губернатора за 1880 г.; *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство. С. 256—257.

¹⁸ *Kraj.* 1883. № 35. S. 7; 1891. № 9. Статья на первой странице вышла под заглавием «Gorzelnie rolnicze w kraju połůdniowo-zachodnim» (№ 13. S. 23).

¹⁹ *Korwin-Milewski H.* Siedemdziesiąt lat wspomnień (1855—1925). Poznań, 1930. S. 136—137. Д.П. Пойда абсурдным образом предположил, что уменьшение продажи алкоголя было вызвано на Украине моральным протестом крестьян, которые бойкотировали постоянные дворы и корчмы. Эта ошибка объясняется тем, что он полностью игнорирует «еврейский вопрос». См.: *Пойда Д.П.* Крестьянский движение. С. 91—92, 368—370.

²⁰ *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство. С. 257—258.

²¹ *Ibidem.* С. 257.

²² *Воблий К.Г.* Нариси з історії. С. 26.

²³ См. гл. 4 второй части.

²⁴ *Lipkowski L.* Rzut oka na rozwój przemysłu rolnego i rolnictwa 1849—1912. Kijów, 1913. S. 211—214; и прежде всего см. фундаментальную работу: *Воблий К.Г.* Нариси з історії. С. 87 и др.

²⁵ ЦДДАУК. Ф. 442. Оп. 534. Спр. 57 — Переписка Общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности с Министерством финансов.

²⁶ Kraj. 1883. № 8. S. 15; № 9. S. 7; № 10. S. 10; № 11. S. 8.

²⁷ *Sprawa cukrowa* Kijów, 1883.

²⁸ Одесский вестник, 1883. Серия статей в № 202—212; Kraj. 1883. № 42. S. 11. Враждебное отношение «Бонавентуры» к капитализму и техническому прогрессу как причине кризиса напоминает спор на страницах варшавской газеты «*Gazeta Codzienna*», который велся в течение 1860 г. между помещиком из Житомира Аполлоном Коженёвским, отцом Конрада, и собственником сахарного завода в Волынской губернии З. Фудаковским. Коженёвский считал производство зерна «натуральным хозяйством», противопоставлял его промышленной коррупции и соблазнам легкой наживы. См.: *Jedlicki J.* Jakiej cywilizacji Polacy potrzebują. Studia z dziejów idei i wyobraźni XIX wieku. Warszawa, 1988. S. 133—135.

²⁹ Kraj. 1883. № 52. S. 11.

³⁰ *Воблий К.Г.* Нариси з історії. С. 140—160; Kraj. 1884. № 11. S. 15.

³¹ Kraj. 1885. № 9. S. 11 (выступление М.А. Толпыгина на заседании Технического общества в Киеве).

³² *Ibidem.* 1885. № 38. S. 21; № 45. S. 18; 1886. № 16. S. 13; № 18. S. 13; № 23. S. 10; *Воблий К.Г.* Нариси з історії. С. 183; *Гефтер М.Я.* Из истории монополистического капитализма в России (Сахарный синдикат) // Исторические записки. Т. 38. 1951. С. 104—153.

³³ Kraj. 1887. № 9. S. 11 (O środkach przyjscia w pomoc przemysłowi cukrowniczemu); 1888. № 50. S. 15; 1890. № 8. S. 16.

³⁴ *Walewski W.* Cukrownictwo. S. 167—194.

³⁵ *Кельберн М.А.* Справочник по сахарной промышленности Российской империи. Киев, 1912; *Piasecki J., Broniewski S.* Kalendarz dla cukrowników na rok 1910—1911. Warszawa, 1910; *Pamiętniki* Zygmunta Kotiużyńskiego. Kraków, 1911.

³⁶ *Walewski W.* Cukrownictwo. S. 177.

³⁷ *Rzewuski A.* Jego Żarłoczna Mość Burak (szkice ukraińsko-kontraktowe). Kijów, 1912. S. 49—50. Ср.: *Idem.* Książd Marian. Obrazki z życia paraafiańszczyzny kresowej. Kijów, 1914. О новых видах торговли, а также о потере бывшего значения Киевской контрактной ярмарки см.: *Василенко Н.* Киевские Контракты 1789—1912. Историческая справка. Киев, 1923; *Ułaszyn H.* Kontrakty Kijowskie. Szkic historyczno-obyczajowy 1798—1898. Petersburg, 1900.

³⁸ Kraj. 1884. № 51. S. 17; 1886. № 32. S. 13.

³⁹ *Ibidem.* 1883. № 32. S. 6; № 37. S. 1.

⁴⁰ *Ibidem.* 1885. № 39. S. 21; 1892. № 13. S. 14; *Денисов В.И.* Леса России, их эксплуатация и лесная торговля. СПб., 1911; *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство. С. 251—255.

⁴¹ *Мельник Л.Г.* Технічний переворот. С. 107—116, 124—133. Для полноты картины см.: Труды комиссии по изучению хозяйств Юго-Западного края. Серия 1—4. Киев, 1912—1915.

⁴² Указатели фабрик и заводов за 1879, 1890 и 1893 гг. См.: *Walewski W.* Cukrownictwo. S. 193.

⁴³ *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство. С. 65. Около 1910 г. наряду с паровым плугом стали использовать первые тракторы, работавшие на сырой нефти.

⁴⁴ *Aftanazy R.* Materiały do dziejów rezydencji. Warszawa, 1986—1993. Т. 1—23.

⁴⁵ *Trojanowska de Saint Jouan Z.* La vie quotidienne des familles polonaises établies en Ukraine, 1863—1917 // *Antemurale*. 1984—1985. P. 141—257. Польская усадьба в качестве стержня культурной жизни и части пейзажа, как образец архитектуры и как важный элемент польского искусства рассматривается в двухтомном исследовании, которое, однако, не охватывает восточные земли бывшей Речи Посполитой. См.: *Dwór Polski w XIX wieku. Zjawisko historyczne i kulturowe*. Warszawa, 1990. Т. 1; 1992. Т. 2; *Ustrzycki M.* Ziemiaństwo polscy na Kresach 1864—1914. Świat wartości i postaw. Kraków, 2006.

⁴⁶ *Meysztcwicz W.* Gawędy o czasach i ludziach. London, 1983. S. 135; *Żółtowska J.* z *Puttkamerów*. Inne czasy... S. 160—161. Веслав Подхорский, еще один участник пиршеств у Четвертинских, с иронией отзывался о них. См.: *Biblioteka Jagiellońska*, Kraków. Rękopis 9832. S. 52—55.

⁴⁷ *Iwaszkewicz J.* Książka moich wspomnień. Kraków, 1957. S. 124—125.

⁴⁸ *Ibidem*. S. 147—149. Подобные реминисценции, из которых можно составить отдельную антологию, характерны для целого ряда мемуаров. См., например: *Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich*. Rękopis 20174 — *Makowiecka J.A.* Moje wspomnienia z lat 1880—1968.; *Ibidem*. Rękopis 13316 II — *Jazowski J.* Okruchy wspomnień z Winnicy na Podolu; *Ibidem*. Rękopis 14116 II — *Doruchowski A.* Wspomnienia rolnika ekonomisty, jego dzieje, życie i praca

⁴⁹ *Epstein T.* Małżeństwa S. 201—239. К сожалению, исследуемый в работе Эпштейна период из-за своей протяженности, а также произошедших перемен после 1863 г. не дает возможности сравнить критерии существовавших понятий престижа в начале и в конце XIX в.

⁵⁰ Интересно, что и воспоминания крупных немецких землевладельцев из Восточной Пруссии, также изгнанных из родных гнезд в 1945 г., полны ностальгических воспоминаний о такой же патриархальной жизни, в них говорится о таких же охотах и прочих идиллических развлечениях. Ср.: *Dönhoff M.G.* Kindheit in Ostpreußen. Berlin, 1988.

⁵¹ *Czapska M.* Europa w rodzinie. Paryż, 1970. S. 45.

⁵² *Żółtowska J.* z *Puttkamerów*. Inne czasy. S. 72.

⁵³ *Федорук О.* Польські художники в Києві // *Паміятник Кіївський*. 2002. Т. 6. S. 85—103.

⁵⁴ *Augé M.* Domaines et châteaux. Paris, 1989. P. 171—172.

⁵⁵ *Lévi-Strauss C.* Paroles données. Paris, 1984. P. 177.

⁵⁶ *Weyssenhoff J.* Puszcz Ludwigsburg, 1915. S. 65.

⁵⁷ *Żółtowska J.* z *Puttkamerów*. Inne czasy. S. 28. Стоит также обратить внимание на характерное отождествление свободы с богатством. О других воплощениях мифа «кресов» см.: *Les confins de l'ancienne Pologne: Ukraine-Lituanie-Biélorussie, XVIe—XXe siècles* / éd. D. Beauvois. Lille, 1988.

⁵⁸ Примером подобного прославления заслуг на ниве культуры может послужить представленная в книге М. Рушица история Александра Браницкого, собственника имения Ставища, умершего в 1877 г., и его сына Владислава, см.: *Ruszczyc M.* Dzieje rodu i fortuny Branickich. Warszawa, 1991. S. 315—339. Он действи-

тельно был крупным меценатом: в местечке Сухой в Галиции создал библиотеку, был пионером фотографии, любителем паркового искусства и ботаники, финансировал исследования в Египте, Сирии, Алжире, способствовал возобновлению школ в бывшем Царстве Польском в 1898—1908 гг. Правда, эта деятельность не имела никакого отношения к украинскому крестьянству, жертвой насилия со стороны которого как раз и стал Владислав в 1884 г. (см. гл. 2 третьей части).

⁵⁹ *Janion M. Romantyzm. Studia o ideach i stylu. Warszawa, 1969.*

⁶⁰ *Meysztowicz W. Gawędy. S. 13—121.* На подобную проблематику у Мейштовича обратил внимание Бардах. См.: *Bardach J. Z dziejów mentalności konserwatywno-feudalnej // Przegląd Historyczny. 1977. T. 68. Z. 1. S. 107—126.* См. также: *Okulicz K. Opowieści nobliwe i sentymentalne // Zeszyty Historyczne. 1974. Z. 28. S. 116 i сл.*

⁶¹ *Jurkowski R. Ziemiaństwo.*

⁶² *Meysztowicz W. Gawędy. S. 18—24.*

⁶³ Об оживлении жизни в этом слое общества см. в моей отдельной статье: *Beauvois D. Odrodzenie życia S. 158—164.*

⁶⁴ *Kraj. 1883. № 19. S. 16; 1888. № 13; 1890. № 41. S. 3—4; 1892. № 20. S. 14.*

⁶⁵ *Ibidem. 1884. № 24. S. 14; 1888. № 13. S. 15.*

⁶⁶ *Ibidem. 1890. № 6. S. 1; 1892. № 10. S. 13.*

⁶⁷ *Lipkowski L. Moje wspomnienia S. 171—179.*

⁶⁸ *Bobrowski T. Pamiętnik. T. II. S. 519.* О различиях между богатейшими и беднейшими именами см.: *Pamiętnik Kijowski. 1966. T. 3. S. 76—95.*

⁶⁹ *Kraj. 1890. № 47. S. 14.* См. также некролог А. Садовского, умершего в 1884 г., в № 8 на с. 77, в котором сообщалось, что его смерть оплакивали и католики, и православные, и иудеи и что покойный был символом гармонии.

⁷⁰ *Bartoszewicz J. Na Rusi polskiej; Romer E. Ilu nas jest? Kraków, 1917; Mróz T. Liczebność. S. 71—88; Eberhardt P. Przemiany. S. 56—59.*

⁷¹ *Kraj. 1884. № 8. S. 7.* См. также данные, приводимые в начале гл. 1 данной части, которые взяты из исследования А.П. Корелина, показавшего, что польская дворянская интеллигенция в начале XX в. должна была насчитывать в трех губерниях 70—80 тыс. человек, включая семьи.

⁷² *Mróz T. Liczebność. S. 73—74.*

⁷³ Чрезвычайно интересная работа В.Б. Молчанова об экономической жизни городского населения Правобережной Украины, к сожалению, не содержит данных о национальном составе. См.: *Молчанов В.Б. Життєвий рівень міського населення Правобережної України (1900—1914 рр.). Київ, 2005.*

⁷⁴ Об огромных инвестициях поляков в Киеве и светской жизни аристократов в нем обстоятельно говорится в мемуарах Александра Жевуского, который жил там в 1917—1919 гг. См.: *Rzewuski A.C. A travers l'invisible cristal: confessions d'un dominicain. Paris, 1976. P. 106—150.*

⁷⁵ *Kraj. 1883. № 42. S. 9—10.*

⁷⁶ *Ibidem. 1887. № 48. S. 6—7.*

⁷⁷ *Лейкина-Сквирская В.П.* Интеллигенция. Ценную информацию о европейских учебных заведениях, куда посылали своих детей богатые помещики, и об условиях воспитания в Российской империи можно найти в: *Epsztein T. Edukacja dzieci. См. также: Rodowicz W., Rodowiczowa S., Iwanicka Z. z Rodowiczów. Tryptyk rodzinny. Dzieje rodziny Rodowiczów. Warszawa, 1999. S. 47—175.*

⁷⁸ *Łączyński M.* Sto lat. S. 130—131. Автор дает список всех польских врачей Киева в 1903 г.

⁷⁹ *Talko-Hrynciewicz J.* Z przeżytych dni. S. 163, 183—184; Kraj. 1883. № 19. S. 9. Это видение дополняет и подтверждает «тип польского интеллигента», описанный в работе Р. Чепулиса-Растениса. См.: *Czepulis-Rastenis R.* Ludzie nauki i talentu. Studia o świadomości społecznej inteligencji polskiej w zaborze rosyjskim. Warszawa, 1988. S. 297—330.

⁸⁰ Biblioteka Jagiellońska, Kraków. Maszynopis № 9131. S. 60; *Żółtowska J. z Puttkamerów.* Inne czasy. S. 50, 173.

⁸¹ Biblioteka Jagiellońska, Kraków. Maszynopis № 9131. S. 115.

⁸² *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство. С. 168.

⁸³ Biblioteka Jagiellońska, Kraków. Rękopis 9827 III. S. 97—98.

⁸⁴ Ibidem. Maszynopis № 9131. S. 115

⁸⁵ *Iwaszkiewicz J.* Książka. S. 7, 9—10, 16, 31, 38, 51.

⁸⁶ *Wojciechowska-Żywułtowska A.* Biała Cerkiew.

⁸⁷ Kraj. 1887. № 12. S. 45; № 22. S. 14; 1888. № 4. S. 2—3.

⁸⁸ Ibidem. 1890. № 5. S. 15; № 6. S. 13.

⁸⁹ Ibidem. 1892. № 5. S. 15.

⁹⁰ *Wierzejski W.K.* Fragmety. S. 461.

⁹¹ Интересные, хотя не всегда упорядоченные подробности о жизни интеллигенции можно найти в брошюре Тадеуша Михальского. См.: *Michalski T.* Współczesna umysłowość polska na Ukrainie. Kijów, 1910. Из недавней литературы на эту тему стоит обратить внимание на работы: *Wowk J.* Aktywność społeczno-kulturalna Polaków na Ukrainie na początku XX wieku // *Przeszłość, teraźniejszość Polaków na Wschodzie. Prace naukowe Światowej Rady badań nad Polonią.* T. 7 / Red. M. Szczerbiński, T. Wolsza. Gorzów, 2001; *Białokur M.* Działalność społeczno-polityczna Joachima Bartoszewicza w Kijowie w latach 1906—1914 // *Pamiętnik Kijowski.* 2002. T. 6. S. 144—166; *Witwicka-Dudek A.* Przegląd wybranych polskich tytułów prasowych wydawanych w Kijowie na początku XX wieku do roku 1918 // Ibidem. S. 116—143.

⁹² *Dziennik Kijowski.* 8/21.08.1906.

⁹³ Ibidem. 23.09/6.10.1906; 10/23.10.1906.

⁹⁴ Ibidem. 07/20.11.1906; 10/23.01.1907; 18.02/3.03.1907.

⁹⁵ Документы, касающиеся Яна Ликовского, и воспоминания Юзефа Липковского см.: *Archiwum Akt Nowych, Warszawa* О массовой эмиграции польской интеллигенции и специалистов в Польшу после 1917 г. см: *Stan polskości.* S. 850.

⁹⁶ *Ярошевич А.И.* Очерки экономической жизни Юго-Западного края. Вып. 2. Киев, 1911. С. 44.

⁹⁷ Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873. Т. 5. С. 20—21.

⁹⁸ ЦДІАУК. Ф. 442. Оп. 536. Спр. 267.

⁹⁹ Kraj. 1883. № 37. S. 1.

¹⁰⁰ Ibidem. 1884. № 23. S. 7.

¹⁰¹ ПСЗ-III. Т. VI, 1886. № 3803 — Положение о найме на сельские работы;

Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство. С. 48—49.

¹⁰² Статья из «Русских ведомостей» была перепечатана еженедельником «Крај». См.: *Kraj*. 1887. № 15. S. 13; 1889. № 25. S. 14.

¹⁰³ Biblioteka Jagiellońska, Kraków. Rękopis 9827 III. S. 47; Biblioteka Narodowa, Warszawa. Rękopis 7985. S. 31—32.

¹⁰⁴ Хозяин. 1899. № 11. С. 372. Цит. по: *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство. С. 52—62, 264.

¹⁰⁵ *Mędrzecki W.* Województwo. S. 64—67. На этот же феномен обратили внимание Кеневич и Жултовская. См.: *Kieniewicz S.* Dereszewicze. S. 87—88; *Żółtowska J. z Puttkamerów.* Inne czasy. S. 21—22.

¹⁰⁶ *Cichocka-Petrażyńska Z.* Żywiol niemiecki na Wołyniu. Warszawa, 1933; *Idem.* Kolonie czeskie na Wołyniu. Warszawa, 1927. Попутно стоит отметить, что после отмены рабства в 1848 г. французские колонизаторы на Антильских островах действовали так же, ввозя рабочую силу из Азии, чтобы избежать конфликтов с местным черным населением.

¹⁰⁷ Статья из «Нового времени» за подписью «Странник» была перепечатана в еженедельнике «Крај»: *Kraj*. 1885. № 32. S. 6—7; *Kraj*. 1883. № 32. S. 5. В том же еженедельнике в № 11 за 1882 г. (с. 9) сообщалось о 87 371 иностранце в Волынской губернии, из которых 68 630 приняли российское гражданство, при этом в собственности или аренде у натурализовавшихся находилось меньше земли (163 тыс. десятин), чем у ненатурализовавшихся (189 тыс. десятин). При этом последние арендовали 150 крупных имений площадью 168 тыс. десятин.

¹⁰⁸ *Kraj*. 1883. № 36. S. 8; № 39. S. 14.

¹⁰⁹ *Ibidem.* 1884. № 11. S. 15.

¹¹⁰ *Girault R.* Emprunts. P. 140—143; *Kraj*. 1887. № 26. S. 11.

¹¹¹ *Kraj*. 1888. № 19. S. 14; 1890. № 45. S. 7; № 48. S. 18.

¹¹² ЦДАУК. Ф. 442. Оп. 846. Спр. 463 — Черновик записки А.П. Игнатьева об ограничении немецкой колонизации в Волынской губернии, 1895 г.

¹¹³ *Leroy-Beaulieu A.* L'empire des tsars et les Russes / Introd. par M. Raeff. Paris, 1991. Vol. 2. P. 99.

¹¹⁴ *Ibidem.* Оп. 642. Спр. 497 — Отчет волынского губернатора за 1911 г. Эти данные близки к приводимым В. Менджецким сведениям за 1911 г. См.: *Mędrzecki W.* Województwo. S. 64. Из них следует, что к наиболее «онемеченным» уездам принадлежали Луцкий (32 тыс.), Владимирский (26 тыс.) и Ровенский (24 тыс. немцев). Многие немцы пострадали в 1914 г. от армии А.А. Брусилова, хотевшего их всех повесить. Несколько десятков тысяч немцев жили в той части Волыни, которая после Рижского договора отошла к Польше.

¹¹⁵ О черте оседлости см.: *Klier J.D.* Imperial Russia's Jewish Question; Западные окраины. С. 301—340 (глава «Евреи в Российской империи»); *Nathans B.* Beyond the Pale. The Jewish Encounter with Late Imperial Russia California, Berkeley, 2002 [см. перевод: *Натанс Б.* За чертой: Евреи встречаются с позднимперской Россией. М., 2007]; *Avrutin E.M.* A Legible People: Identification Politics and Jewish Accommodation in Tsarist Russia Ph.D. diss. Michigan, 2005.

¹¹⁶ Общие цифры см.: *Les Juifs*. P. 343. В 1890 г. было около 100 тыс. евреев-колонистов, которые проживали главным образом в Екатеринославской и Херсонской губерниях. *Ibidem.* P. 359—367. История этих колоний описана А. Леруа-Больё. Дополнительные сведения по этой теме см.: *Agricultural Colonies, Russia // Jewish*

Encyclopedia 1905. Из этой статьи следует, что в 1884 г. в трех юго-западных губерниях евреи владели незначительным количеством земли, чуть более 30 тыс. десятин. См. также: *Боровой С.Я.* Еврейская земледельческая колонизация в старой России. М., 1928; *Никитин В.Н.* Еврей-земледельцы. СПб., 1887.

¹¹⁷ *Delmair J.M.* L'assimilation de la bourgeoisie juive et ses limites // *Les confins*. P. 97—111.

¹¹⁸ *Le tzar et les Juifs*; traduit du *Blackwood's Edinburgh magazine*, n. d'octobre 1890 // *Les Juifs*. P. 97.

¹¹⁹ Эта взаимосвязь хорошо показана в работе: *Bensidoun S.* L'agitation paysanne. P. 194—196, 292—296.

¹²⁰ *Les Juifs*. P. 129, 150—154, 190—198; Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Комиссия по исследованию истории антиеврейских погромов в России при Еврейском историко-этнографическом обществе. Т. 1—2. Пг.; М., 1919—1923.

¹²¹ *Yidn in Ukraine*. New York, 1961. P. 195—196, 211.

¹²² *Agricultural colonies*; *Kraj*. 1883. № 17. S. 14.

¹²³ *Ренненкампф Н.К.* Письма о еврейском и польском вопросе. Киев, 1898; *Dubnow S.* *Histoire moderne du peuple juif*. Paris, 1933. Т. 2. P. 350.

¹²⁴ *Kraj*. 1884. № 7. S. 16; № 32. S. 15; № 33. S. 16—17; 1886. № 27. S. 14; № 30. S. 11; 1891. № 42. S. 15.

¹²⁵ *Ibidem*. 1883. № 26. S. 9—10; 1891. № 49. S. 15.

¹²⁶ *Kraj*. 1884. № 47. S. 16; 1887. № 22. S. 14; 1884. № 14. S. 17.

¹²⁷ *Kraj*. 1883. № 32. S. 6; 1884. № 8. S. 6.

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ: 1864—1914 годы

Выявление и описание различных социальных структур Правобережной Украины конца XIX — начала XX в., анализ эволюции каждой из них в отдельности и их взаимодействия в условиях настойчивой и последовательной политики русификации этого региона дают основания для констатации, что русская колонизация, с последствиями которой современная Украина столкнулась после распада в 1991 г. советской империи — наследницы имперской России, была практически завершена на Левобережной Украине к моменту ликвидации Екатериной II в 1764 г. Гетманщины, а на Правобережной продолжалась на протяжении всего XIX в. Следует подчеркнуть, что при этом российской власти не удалось, несмотря на все русификаторские усилия, элиминировать поляков из этого региона. Описываемые явления происходили в относительно недавнем прошлом, а потому стоит обратить внимание на то, насколько глубоко они повлияли на сознание ныне живущих.

Политиков и дипломатов поразила сила, с которой после распада СССР проявились национальные тенденции. Однако не настало ли время государственным мужам, вместо того чтобы цепляться за удобные, столь стабильные и «успокоительные» схемы, предлагавшиеся в эпоху тоталитаризма, переосмыслить происходящее, применив комплексный подход? Прежде всего это касается осознания всей сложности географической и исторической ситуации.

В переломные моменты, подобные нынешнему, каждый народ нуждается в четком осознании своего прошлого. Для поляков, несомненно, наступило время признать колониальный характер своего присутствия на Украине, откуда они в конечном счете были изгнаны. Можно дискутировать и утверждать, что давнее, продолжавшееся свыше четырех веков, польское господство на Правобережной Украине носило скорее феодальный характер, подтверждением чему являлся автохтонный характер многих крупных родов, опоячавшихся в XVII в. Однако отношение к местному населению и тип эксплуатации в латифундиях, направленной преимущественно на экспорт, указывают, несмотря на отдельные детали, на колониальный характер польского присутствия.

Тематика данной части книги оформилась сама собой: вплоть до начала Первой мировой войны все экономические, социальные, культурные и этнические проблемы были связаны с борьбой за землю, а также с борьбой между различными представлениями о «воображаемой родине».

Несмотря на всю энергичность и последовательность в проведении царским режимом политики по вытеснению польских землевладельцев, ее результаты оказались посредственными. Польские землевладельцы, которым в 1863 г. принадлежало 5/6 имений Правобережной Украины, в 1914 г. продолжали владеть почти половиной всех земель. Столь упорное сопротивление, обусловленное почти мистическим культом земли, не было столь же успешным, как в Литве и Белоруссии, но было гораздо успешнее попыток русских помещиков сохранить дворянское первенство в землевладении в коренной России. Значительное сокращение землевладения русского дворянства, вызванное «естественным» процессом банкротств в результате перемен, наступивших после отмены крепостного права, шло, несмотря на меры государственной поддержки «первого сословия», намного быстрее, чем ослабление польского землевладения в Западном крае. А ведь польские землевладельцы, в противоположность русским, подвергались постоянному давлению со стороны властей, что, по замыслу русификаторов, должно было ускорить упадок и продажу их имений.

Польскому дворянству удалось ограничить алчное посягательство российских сановников на земельную собственность на Правобережной Украине после Польского восстания 1863—1864 гг. (144 конфискации польских имений) и ослабить тяжесть особого, штрафного налога, взимаемого с поляков. Было существенно умерено и стремление властей к «усилению русского элемента» в этом регионе. Указ от 10 декабря 1865 г., запрещавший полякам покупать землю, вынуждал к продаже ее русским, однако польские землевладельцы научились обходить запрет с помощью фиктивных аренды и залога, продажи иностранцам, пожизненных дарственных на землю. Готовность же чиновников закрывать на все это глаза покупалась взятками.

Решительное намерение властей достичь паритета между поляками и русскими в землевладении наталкивалось на не менее упорное стремление поляков избежать сокращения площади землевладения. Добиться этого им удавалось благодаря постоянному росту прибылей. Инициированный Дрентельном закон 1884 г., ограничивавший аренду до 12 лет, а залог до 10, создание Комиссии по выявлению злоупотреблений, деятельность которой, несмотря на широкомасштабность, оказалась бесплодной, — типичные примеры бессилия царской бюрократии. Правда, в конечном итоге в 1896 г. властям все-таки удалось добиться количественного паритета между русским и польским землевладением на Украине с помощью ряда мер —

таких как, например, запрет на получение поляками кредитов в Дворянском банке, созданном в 1885 г., запрет (введенный А.П. Игнатьевым в 1890 г.) на передачу земли в пожизненную собственность, а затем и запрет на покупку части наследства и, наконец, ограничение передачи собственности по наследству (только по прямой линии и между супругами). В 1898 г. русские помещики владели 3380 тыс., а польские — 3080 тыс. десятин земли.

Тем не менее 3386 польских имений, по данным 1890 г., несмотря на потери, продолжали играть существенную социально-экономическую роль. В первой главе этой части прослежена длительная история польско-русской конкуренции в землевладении и впервые приведены полные статистические данные о крупном польском землевладении на Украине.

Более 78% имений не превышало 100 десятин земли каждое, около 1/4 имений насчитывало от 1 тыс. до 80 тыс. десятин земли. Более чем полусотней лошадей могло в 1912 г. похвастаться каждое третье имение. Небывалый расцвет, предопределенный техническим прогрессом, полностью компенсировал непрерывные политические репрессии против поляков. Развитие железнодорожной сети (как магистральных дорог, так и узкоколеек) на Украине в 1870—1880-е гг. существенно повысило мобильность людей и радикально облегчило перевозку товаров, подняв тем самым уровень жизни. Директор Общества юго-западных железных дорог Витте сумел тесно связать новый вид транспорта с производством зерна, сахара и торговлей лесом.

Беспрецедентное накопление капитала обеспечило значительное развитие экономики. Однако, как было показано, «житница» Украины приносила доход лишь крупным землевладельцам-экспортерам, чьи прибыли значительно превышали прибыли помещиков Левобережной Украины и Великодержавии, тогда как большинство украинского крестьянства еле сводило концы с концами.

Экономический перевес сохраняла группа из примерно 40 крупнейших производителей зерна и владельцев мукомольных заводов, которые сумели выдержать падение европейских цен 1884 г., принеся тем самым значительную выгоду российской казне и, в перспективе, поспособствовав введению золотого рубля. Русско-польский экономический союз был особенно заметен в винокуренном производстве, которое давало значительно большие прибыли, чем продажа зерна на внутреннем рынке. После того как в 1890 г. правительство позволило строить винокуренные заводы в сельской местности и после выкупа государством права на продажу алкоголя (что принесло изрядный барыш производителям), Всероссийский съезд виноделов в Москве, собравший самых богатых промышлен-

ников-аристократов, где поляки спокойно заседали вместе с русскими, оставалось только сравнить с Земским собором.

Производство сахара также успешно развивалось, в еще большей степени символизируя экономический бум на Украине. Из 251 сахарного завода Российской империи 48 принадлежало полякам, кроме того, поляки получали от 15 до 25% дохода от еще 75 заводов. Распространение культуры сахарной свеклы привело к изменению сельского пейзажа и традиционного ведения сельского хозяйства. Появились новые социальные группы: пролетариат и техническая интеллигенция. На рынке установил свою монополию «синдикат» производителей сахара, в котором поляки также играли заметную роль.

Взросшая нужда помещиков в наличных деньгах (адаптация к требованиям рынка, инвестирование, спасение имения от банкротства и продажи) привела к массовой вырубке более половины лесов. Жизненно важная для помещиков торговля лесом имела далекоидущие негативные последствия для окружающей среды. Она значительно ухудшила условия жизни крестьян, для которых лес продолжал оставаться традиционно важным источником пропитания.

Польские помещики, как правило дворяне, укрепившие свое положение с помощью капитала, переживали невиданный до этого времени экономический подъем. Красивые усадьбы, роскошь или просто достаток, многочисленная прислуга, высокий уровень жизни способствовали укреплению в польских помещиках чувства превосходства, не чуждого им и до восстания 1863 г. Менее зажиточные помещики вели жизнь *gentlemen farmers* за бортом общественной российской жизни, гордясь своими настоящими или мнимыми добродетелями.

В свою очередь, наиболее богатые пытались забыть о параличе общественной и гражданской жизни, принимая активное участие в работе Киевского сельскохозяйственного общества и скрывая сугубо меркантильные интересы за патриотическими речами. Именно в этой среде была сформулирована ультраконсервативная программа краёвцев, имевших определенное влияние в 1905—1907 гг.

Это элитное по своему происхождению, состоянию, экономическому положению общество, насчитывавшее около 20 тыс. человек, захлестывалось «крестьянским морем», украинским миром. Русские помещики, которых, в сущности, было столько же, сколько и поляков, не были на виду, поскольку в большинстве своем жили в Петербурге или Москве.

Несмотря на то что жестокое обращение эпохи крепостного права постепенно уходило в прошлое, потомки крепостных продолжали находиться в зависимости от польских или русских помещиков. В основе конфликтных ситуаций лежала ярко выраженная диспропорция в земельном

владении. Стремительный естественный прирост населения привел к тому, что крестьянские семьи уже не могли прокормиться с небольших земельных наделов.

Население трех исследуемых губерний, увеличившись вдвое за 40 лет, достигло в 1897 г. 9560 тыс. человек, 90% которых были сельскими жителями, включая 6 миллионов потомков крепостных. Остальные жили на землях, принадлежавших казне, царской семье и православной церкви. Упомянутые 6 миллионов украинцев занимали 4010 тыс. десятин, тогда как семи тысячам крупных землевладельцев (как польских, так и русских) принадлежало около 6500 тыс. десятин. Налицо был земельный голод.

Соседские отношения помещиков и крестьян дополнительно осложняло наследие феодальной эпохи — сервитуты (ограниченное право крестьян пользоваться какими-либо угодьями в помещичьем имении) и чересполосица. После недолгого периода (1863—1866 гг.), когда власти вели прокрестьянскую политику с целью ущемить поляков и завоевать доверие украинского народа, революционная опасность со стороны народников и социалистов побудила царизм к новому сближению с землевладельцами, в том числе польскими. В очередной раз царская армия стала оказывать помощь польским помещикам при подавлении беспорядков. Крестьянские волнения напоминали по своему характеру жестокую жакерию, готовую разразиться в любой момент из-за признания незаконности выпаса крестьянского скота или геодезической съемки наделов, в которой крестьяне всегда видели обман.

Мы отмечали, что село постоянно бурлило, а отношения крестьян с помещиками зашли в тупик. Последние могли лишь предложить патерналистские уступки и раскошелиться на умеренную благотворительность. Вряд ли в сложившейся ситуации можно было найти какое-то разумное и гуманное решение проблемы. В то время как царские чиновники в Петербурге говорили о патологическом кризисе гражданского сознания у крестьян и необходимости возобновить телесные наказания, польские помещики тщетно силились оградить себя от враждебного крестьянского мира, возводя ограды и копая рвы вокруг своих владений. Они считали украинских крестьян «своим людом», несколько инфантильным, покорным и отсталым, пока этот «люди» не превратился в табун диких лошадей, опасных мятежников, которых следовало укротить. Ни самые преданные последователи Толстого, ни те, кто жаждал приобщить заблудших соседей к идеалам Запада, ни социалисты не знали, как выйти из социального кризиса на Украине, приведшего к потрясениям 1905—1907 гг.

Царские власти могли «выпустить пар», позволив крестьянству Правобережной Украины переселяться в Сибирь, однако долгое время не решались на это, стремясь дополнительно усложнить жизнь польским поме-

щикам. В этом была причина и запоздалого — только после 1911 г. — введения столыпинской реформы в полном объеме. В последовавший революционный период символом выхода накопившихся за долгие десятилетия противоречий стали горящие усадьбы помещиков.

Данная проблематика представлена в этой части в новом свете на основании неопубликованных источников. Судьба же деклассированной польской шляхты на протяжении 1863—1914 гг. описывается и вовсе впервые. Какое-то время я, так же как и другие историки, полагал, что эти 300 тыс. людей, потерпевших кораблекрушение в водах истории, растворились в массе украинского крестьянства. Однако оказалось, что, несмотря на то что в 1830—1840-х гг. эти люди были официально отнесены к однодворцам, они сохранили свой земельный статус, продолжая оставаться чиншевиками. Данная группа сохранила чувство принадлежности к шляхетскому сообществу, хотя с административной точки зрения она давно к нему уже не принадлежала.

Изучая эту *terra incognita*, мы увидели, что данная социальная группа подвергалась наибольшей дискриминации среди всех жителей Украины. Архивные дела фонда киевского генерал-губернатора содержат информацию о позорной акции, проводившейся польскими землевладельцами совместно с российской властью, которая до сих не была описана в историографии.

Вместо того чтобы урегулировать проблему деклассированных так, как это было сделано с бывшими крепостными, то есть предоставив им земельные наделы (что, кстати, было сделано в 1867 г. в отношении чиншевиков казенных имений), генерал-губернатор Безак по политическим соображениям предпочел отдать бывшую шляхту (которую в 1868 г. окончательно причислили к крестьянам или мешанам) на милость помещиков, которые издавна разрешали этой шляхетской бедноте пользоваться наделами за небольшую чиншевую плату. Но новые капиталистические реалии вступили в противоречие с архаичным проявлением шляхетской солидарности. Теперь чиншевики, платившие, как правило, символический натуральный чинш, стали преградой для передачи земли в краткосрочную прибыльную аренду. В третьей главе этой части освещена масштабная акция по выселению, которую крупные землевладельцы — в основном поляки, но иногда и новые русские помещики — осуществляли на протяжении почти полувека. Чтобы отобрать у чиншевиков землю, они не останавливаясь даже перед разрушением целых сел на территории своих владений. В этом им каждый раз помогала царская армия.

Каждый из этапов этой исторической драмы показывает степень причастности и соучастия царской власти. Первые тревожные сигналы дошли до Александра II лишь в 1876 г. в отчетах волынского и киевского губер-

наторов. Темп выселений с 1880 г. снизился, но принятие Положения 9 июня 1886 г., вроде бы предусматривавшего пересмотр «прав» этой несчастной группы, привело к очередной волне выселений, несмотря на отчаянное сопротивление чиншевиков.

Нами установлено, что благодаря этому Положению четверть чиншевиков все-таки получила землю, но остальная часть оказалась выброшенной на улицу, пополнив массу бездомных в Российской империи. Все жалобы, с которыми они обращались в административные органы, были оставлены без ответа. Еще даже в 1903—1904 гг. министр Сипягин рассматривал возможность массового переселения в Сибирь 43 тыс. этих несчастных из одного лишь Новоград-Волынского уезда. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что попытки польских национал-демократов восстановить шляхетское единство в 1905—1906 гг. были обречены на провал. Идея национальной общности, возрожденная в остальных частях польских земель, не могла найти на Украине ни малейшего отклика, несмотря на усилия некоторых охваченных раскаянием землевладельцев. Достойные пера Данте сцены выселения бывшей шляхты окончательно уничтожили былую шляхетскую солидарность. Крупные польские помещики стали мыслить по-капиталистически, «современно» и «рационально».

Отдельная глава этой части книги посвящена не менее острой борьбе двух господствующих, новой и старой, сил на Украине. Это была борьба за души (война между православием и католицизмом) и разум (борьба в сфере просвещения) местного населения. Методы ее ведения говорят сами за себя. Желанное единство общерусской нации никогда не было достигнуто. Империи так и не удалось «переварить» захваченные Екатериной II западные территории.

Никогда не доверявшая украинским крестьянам, отринувшая бывших «собратьев», которые в новых условиях стали обузой, польская землевладельческая шляхта все-таки нуждалась в опоре. В данном исследовании мы постарались представить группы, находившиеся в орбите ее влияния и способствующие укреплению ее позиций.

Ближайшим попутчиком крупных землевладельцев стало получившее подтверждение Герольдии малоземельное польское дворянство, которое имело право и было вынуждено учиться, чтобы овладеть какой-либо профессией. В этой ситуации оказалось примерно 50—60 тыс. человек, среди которых выделялась городская интеллигенция и официалисты (техническая интеллигенция), тесно связанные с крупными именьями. В состав первой группы входили врачи, учителя, юристы, зачастую проникнутые идеями позитивизма, порой считавшие, что «новое справедливое общество» не так трудно построить. Вторая группа была востребована для ведения дел в крупных землевладельческих хозяйствах, хотя к ней помещи-

ки зачастую относились пренебрежительно. Именно в этой узкой, активной и очень мобильной прослойке распространялись социалистические идеи. Многие польские интеллигенты сблизились с русскими социалистами, порвав с польскими национал-демократами. Эта группа состояла из официалистов, то есть технических работников сахарных и винокуренных заводов, фабрик по производству сельскохозяйственных машин, управляющих, интендантов, а также наемных служащих в имениях, владельцами которых нередко уже были не поляки, а русские. Это были люди зажиточные, иногда даже богатые. Однако достаточно быстро им пришлось столкнуться с суровым последствием «перепроизводства» таких технических кадров — безработицей. Особенно пострадали менее квалифицированные специалисты. Новоучрежденные организации по содействию в трудоустройстве не могли справиться с безработицей. Эта интеллигенция после 1906 г. политически сплотилась либо в рядах профсоюзных организаций левого толка, тяготевших к российским левым, либо правого, близких к польской национал-демократии.

Не находя ни понимания, ни общего языка со своим ближайшим и самым многочисленным окружением, т.е. с украинским крестьянством и бывшей шляхтой, самые богатые польские землевладельцы обратились к евреям или к «пришлым» социальным группам, готовым служить им по доброй воле или по принуждению.

Самыми давними помощниками землевладельцев были евреи, число которых на Правобережной Украине достигало одного миллиона. Однако среди них лишь тонкая прослойка, около 10 тыс. человек, привлекалась для работы в польском поместном хозяйстве. Они были нужны как посредники (факторы), а также как арендаторы, с помощью которых, несмотря на строгость репрессивного законодательства, поляки смогли передать в аренду свыше 800 тыс. десятин, т.е. почти треть своих земель (при этом другие 10 тыс. евреев предоставляли такие же услуги новым русским помещикам). Осознавая невозможность обойтись без помощи таких евреев, польские помещики в то же время не скрывали пренебрежения и к ним, и вообще ко всему еврейскому населению 330 «частных городов и местечек», принадлежавших полякам. Это пренебрежительное отношение к евреям отразилось на страницах единственного польского печатного органа западных губерний — еженедельника «Крај». Однако подобные проявления не идут в сравнение ни с силой русского антисемитизма, который расцвел после принятия «майских законов» 1882 г., ни с озлобленностью украинцев, особенно ощутимой в многочисленных погромах тех лет.

Для черной работы на сахарных заводах и на свекловичных полях крупные землевладельцы завозили на Украину рабочую силу из глубины России, в основном русских крестьян. Из-за отсутствия трудового законо-

дательства эти люди становились жертвами обмана и мошенничества вербовщиков. Эти несколько десятков тысяч жестоко эксплуатируемых сезонных рабочих внесли свою лепту в углубление разрыва помещиков с местными крестьянами, обостряя до предела социальные конфликты.

Последнюю группу, чье присутствие на Украине давало польской элите возможность в какой-то мере избегать непосредственного контакта с украинским крестьянством, а одновременно подписывать выгодные контракты на аренду и вырубку лесов, составляли 200 тыс. немецких и чешских колонистов, которых польские помещики приглашали в основном в Волынскую губернию. Они навлекали на себя зависть остальных социальных групп, особенно среди украинцев, все сильнее страдавших от земельного голода. Свои претензии были и у деклассированной шляхты, чьи чиншевые наделы помещики отбирали и передавали в аренду колонистам, а также у польской технической интеллигенции, считавшей, что лучшие должности достаются иностранцам, и, наконец, у русских, видевших в этих людях троянского коня, посланного Бисмарком.

Таким был *melting pot** на Правобережной Украине в канун Первой мировой войны. Он мало походил на грезы живущих в XXI веке любителей сельских идиллий.

* *Melting pot* (англ.) — плавильный котел. (Прим. пер.)

Заключение

Удалось ли нам ухватить и воссоздать хотя бы часть искаленной и так долго фальсифицировавшейся истории? Я не претендую на то, что моя позиция — позиция иностранца и стороннего наблюдателя — гарантирует лучшее видение, чем то, которое на сегодняшний день удалось представить местным историкам. Не знаю, удалось ли мне в представленном изложении добыть из палимпсеста очередных национальных трактовок какое-то новое более или менее приемлемое для всех убеждение в том, что в первую очередь необходимо научиться толерантному отношению к памяти «других».

Я происхожу из страны, где уже какое-то время тому назад смысл истории стал восприниматься иначе, где на практике осуществляются идеи «критического патриотизма», не связанного стереотипными подходами и переосмысливающего собственные позиции и собственный образ. Читатель мог заметить, что я не воспринимаю архивные материалы и историографию как то, что дает исследователю уже готовые формулы-клише, навязывающие определенные выводы, или как ответы на вопросы, к изучению которых уже не стоит возвращаться. Несмотря на существующую полифонию различных способов видения прошлого, я постарался уйти от традиционных национальных нарративов и представить свое мнение, основанное на трезвом поиске относительной истины и на представлении о правах человека.

Бывает, что зарубежные историки стараются обратить на себя внимание, повторяя то, что исследуемые ими страны хотят от них услышать. Истинная любовь к исследуемым народам должна быть более требовательной. Отстраненная позиция иностранного исследователя, иное мышление может дать возможность этим народам осознать какие-то важные аспекты их собственной истории, на которые они не обращали внимания или сознательно замалчивали. Именно такой подход к истории способствует более высокой оценке знания и науки, приближает историков к идеям XVIII в. о создании настоящей республики просвещенных в мировом масштабе. Французы должны признать, что, например, благодаря основатель-

ным американским исследованиям они иначе стали воспринимать себя и свою историю. Возможно, данное исследование французского автора поможет российскому читателю по-иному взглянуть на собственную историю, обратить внимание на ее аспекты, не только неизвестные широкой аудитории, но зачастую и исследователям. Моя работа написана под влиянием как Фуко и Бурдьё, так и уже давно известных в России Монтеня и Вольтера. Именно поэтому при изучении чрезвычайно интересного и особого мира Российской империи я старался оставаться на позиции активного и конструктивного скептицизма, глядя на Россию так же критично, как смотрю на свою страну. Читатель мог заметить, что я зачастую смешиваю историю с этикой, живо реагирую на излагаемый материал, возмущаюсь, иронизирую или смеюсь, осуждаю или одобряю. Мне никогда не удавалось спокойно просматривать архивные дела, сохраняя мнимую объективность, которая, по сути, равна пассивности. Я относился с живым участием к жизни тех различных групп, история которых открывалась передо мной. Я сопереживал и давал оценку судьбам людей, поскольку убежден, что история — ничто, если она не служит материалом для размышлений, для формирования поведения, для совершенствования гражданских позиций. Нам повезло жить в эпоху деконструкции устоявшихся жестких схем. После долгих десятилетий господства национализма и империализма наконец представилась возможность поставить во главу исследовательских интересов человека и без обиняков назвать по имени проявления глупости, тщеты или великодушия, которые были свойственны в числе прочих людям, ставшим героями этой книги. Испокон веков для *Theatrum Mundi** характерны и разум, и бессмыслица. Историк же в силу обстоятельств является инсценировщиком шекспировских трагикомедий.

Однако за каждым из занавесов, скрывающих части этой трилогии, кроются факты, располагающие скорее к размышлениям и грусти, чем к радости. Выводы были уже представлены в трех отдельных итоговых заключениях. Естественно, это не последнее слово в историографии, каждое поколение историков должно перерабатывать то, что удалось достичь предыдущему. Тем не менее я смею надеяться, что в течение какого-то времени новые материалы и выводы этой работы будут служить своеобразным трамплином для последующих открытий и интерпретаций. Мне представляется важным подчеркнуть эффективность регионального подхода в понимании функционирования общеимперских механизмов. Огромная территория и региональное разнообразие Российской империи делает необходимым выйти за рамки изучения исключительно высших институтов власти. В то же время мы видели на этих страницах, сколь много значили

* *Theatrum Mundi* (лат.) — театр мира. (Прим. пер.)

изменения и колебания в политике центральных властей, обусловленные как международной ситуацией, так и личностным фактором (смена царей, министров, членов комитетов, губернаторов, высших чиновников).

Самым неожиданным и поразительным выводом, к которому мы пришли в ходе изучения 125-летнего периода (начиная со времени присоединения Правобережной Украины к Российской империи), стало то, что усилия по интеграции, ассимиляции, русификации закончились для царских властей неудачей. С момента разделов Речи Посполитой и до Октябрьской революции властям не удалось справиться с зарождавшимся и набиравшим силу украинофильством и решить «роковой» польский вопрос. Вплоть до 1830 г. в изучаемых трех губерниях, именуемых тогда еще «польскими», сохранялись все атрибуты польского прошлого, включая сеймики, судопроизводство, школьное образование и польский язык, используемый наравне с государственным. Более того, даже и впоследствии, несмотря на отделение «фальшивой шляхты» от настоящего польского дворянства, крупные польские землевладельцы сохранили не только свое высокое положение, влияние на народ, но и задавали тон экономическому развитию Юго-Западного края. Это произошло потому, что над стремлением властей — подчас неистовым — «очистить» этот регион от поляков верх всегда брало уважение тех же властей к крупной земельной собственности. Как видим, этот святой для русского дворянства принцип стал помехой в деле полного элиминирования польских помещиков на Правобережной Украине. Любое выселение поляков, предпринимавшееся властями, производилось на основании права, временами граничащего с произволом, но права. Можно предположить, что, если бы среди русских дворян оказалось больше желающих переселиться на Украину, законы были бы соответствующим образом переписаны, и «польский вопрос» ушел бы в небытие.

Проведенное исследование полностью подтвердило вывод Стивена Вельченко о «недоуправляемости» империи. Не вызывает сомнения тот факт, что до 1840 г., т.е. до упразднения Литовского статута, власти не могли осуществлять контроль над крепостными. Украинцы были для поляков, хотели они того или нет, «своим людом». Это отношение практически не изменилось даже с отменой крепостного права в 1861 г. Долгое время в польских руках оставалось судопроизводство, поскольку даже тогда, когда согласно новым правилам требовалось привлекать русских судей, их просто не удавалось найти в нужном количестве. Именно нехваткой русских кадров и страхом властей перед преобладанием поляков на Украине объясняется тот факт, что введение земств в этом регионе раз за разом откладывалось и состоялось лишь в 1911 г. Исполнителей для окончательного овладения захваченным, или, как было принято говорить,

«присоединенным», краем всегда не хватало. Не хватало не только русских, но прежде всего не хватало земли, находившейся в собственности российского дворянства. Ведь земля была фундаментом, на котором жидилась сама суть дворянства, главной пружины государственного аппарата. Именно поэтому стереотип «польского пана» утвердился задолго до 1920 г.

В связи с этим можно вслед за Алексеем Миллером говорить о разных версиях русификации. Действительно, процессы русификации различались в зависимости от места и времени ее проведения. Однако разве это повод, чтобы оправдать сам общий ход ее? На это каждый даст ответ в соответствии с собственным видением и убеждениями. Были периоды несомненного обострения имперской идеи, когда, к примеру, Екатерина II захватила восточные земли Речи Посполитой, якобы исключительно из любви к «единоплеменникам», которыми были презираемые крепостные, пусть и лишенные «племенного» сознания, но в первую очередь лишенные всяких гражданских прав, или когда генерал-губернатором Юго-Западного края был назначен Д.Г. Бибиков, или когда А.П. Игнатьев прилагал все усилия к уничтожению польской собственности на этих землях. В то же время были периоды ослабления подобной политики, как, например, при Александре I, раскaiвавшемся в том, что совершила его бабка, или при Николае II, вынужденном пойти на уступки в 1905—1906 гг. Тем не менее действия целого ряда советников и чиновников — Державиных, Панкратьевых, Карамзиных, Желтухиных, Масловых, Васильчиковых, Безаков, Катковых — дают основание утверждать, что «общерусская идея» была постоянно, с начала и до конца изучаемого периода, связана с великорусским господством. Причина слабости беспощадной политики ассимиляции заключалась в недостаточной реализации принятых решений. Несмотря на то что в Российской империи постоянно принимались все новые и новые законы, это зачастую способствовало лишь появлению очередного тома Полного свода законов, а не осуществлению буквы закона на деле.

Украинский народ, самая многочисленная группа из трех главных объектов изучения в этой трилогии, изображался новым общественно-политическим элементом, как прекрасно показал Миллер, скорее лишь в дискуссиях интеллигенции, общественности двух российских столиц и крупных городов, а не на месте, в украинской глубинке. Эта беспокойная, бурлящая масса украинского крестьянства явилась ставкой в борьбе за господство в юго-западных губерниях между прежними хозяевами этих земель, поляками, и новыми претендентами на господство, русскими. Читатель видел, что царские власти то поддерживали украинское крестьянство в его стремлении улучшить свое материальное положение (не раз эта помощь была значительно большей, чем в случае русских крестьян), крепче связать себя с православной церковью, то, наоборот, выступали

против крестьян, помогая польским помещикам усмирять крестьянские бунты и наводить порядок. Можно сказать, что украинцы постоянно находились между молотом и наковальней. Как русской, так и польской стороне было свойственно абстрактное чувство любви к украинскому народу. При этом каждая из сторон была убеждена, что украинский язык и культура ближе к их собственным корням. Однако когда пришло время усмирять национальные движения, власти вновь столкнулись с проблемой «недоуправляемости», связанной нехваткой полиции и армии. При этом польская сторона, оказываясь перед таким же вызовом, постоянно обращалась за помощью к российским властям. В свете результатов проведенного исследования особенно необоснованными представляются обвинения, которые русские националисты выдвигали в конце XIX в. против поляков, заявляя, что те якобы поддерживают украинцев и всегда готовы объединиться с ними против России. Впрочем, в том же самом польские националисты обвиняли русских.

Соперничавшие на протяжении 125 лет за господство над этим краем силы не заметили, как в самой массе местного населения, за власть над которым они вели борьбу, все больше крепло сознание собственной самобытности. У каждого из претендентов на господство был свой образ идеальной родины — великой Речи Посполитой от моря до моря или объединения всех исконно русских земель. Проиграла каждая из сторон, не сумев понять сути и силы нового движения.

Кажется, что эти сложные трехсторонние взаимоотношения уже давно в прошлом, однако они все еще дают о себе знать. После более чем семидесятилетнего периода стерилизации памяти настало время, чтобы совместными усилиями разобраться в фактах и понять основы, на которых создавался исторический нарратив каждой из трех наций. Фанатизм и нетерпимость не помогают познанию прошлого. Стоит опасаться как воскрешения старых, так и создания новых мифов о нем. Единственная возможность противостоять этой тенденции — не бояться взглянуть друг другу в глаза и не умалчивать о мрачных страницах собственной истории. Основой возвращения к национальной гордости, лишенной комплексов и склонности к агрессии, должны стать полная открытость и прямота в вопросах интерпретации российско-украинско-польской истории. Мечты об общем доме не являются для меня пустыми словами, и я надеюсь, что когда-нибудь они будут претворены в жизнь.

ПЕРЕЧЕНЬ АРХИВОВ И БИБЛИОТЕК, СОДЕРЖАЩИХ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ*

Россия

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)
Российский государственный исторический архив (РГИА)

Украина

Державний архів Вінницької області (ДАВО)
Державний архів Житомирської області (ДАЖО)
Державний архів Київської області (ДАКО)
Центральний державний історичний архів України у м. Києві (ЦДІАУК)

Польша

Archiwa Polskiej Akademii Nauk, Warszawa
Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD), Warszawa
Archiwum Ossolineum, Wrocław
Biblioteka Czartoryskich, Kraków
Biblioteka Narodowa, Warszawa
Biblioteka PAN, Kraków
Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich

Литва

Lietuvos mokslų akademijos biblioteka
Vilniaus universiteto biblioteka

Франция

Archives du Ministère des Affaires Etrangères, Paris
Bibliothèque Polonaise, Paris

* Подробные данные о фондах и шифрах, а также названия журналов, газет, неопубликованных коллекций документов, неизданных воспоминаний читатель найдет в сносках к основному тексту.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ І ОПУБЛІКОВАНИХ ІСТОЧНИКІВ

Абрамович К. О крестьянских сервитутах в губерниях Западных, Прибалтийских и Царства Польского. Сборник узаконений с разъяснениями прав Сената. СПб., 1895.

Ададуров В.В. «Наполеоніда» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку ХІХ століття. Львів, 2007.

Ададуров В.В. Галицькі українці у концепціях польської політики Франції та Австрії. 1805—1812 // Україна і минуле. 1996. № 9. С. 38—60.

Акты о происхождении шляхетских родов в Юго-Западной России (1442—1760) // Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов. Киев, 1867. Ч. 4. Т. 1.

Анисимов Е. Женщины на российском престоле. СПб., 1997.

Антонович В.Б. Содержание актов об околичной шляхте // Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов. 1867. Ч. 4. Т. 1. С. 1—62.

Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец ХІХ — начало ХХ века). М., 1969.

Анфимов А.Н., Макаров И.Ф. Новые данные о землевладении Европейской России // История СССР. 1974. № 1. С. 82—89.

Архипова Т.Г. Комитет западных губерний 1831—1848 гг.: К истории политики царизма в отношении национальных окраин // Труды МГИАИ. 1970. Т. 28.

Бабин В.Г. Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине ХІХ — начале ХХ в. // Власть, общество и реформы в России (ХVI — начало ХХ в.). СПб., 2004.

Баженов Л.В. Восстание 1830—1831 гг. на Правобережной Украине. Киев, 1973.

Базылев Л. Поляки в Петербурге. СПб, 2003.

Бальзак О. де. Письмо о Киеве. (Пер. с франц., вступ. заметка и прим. В.А. Мильчиной) // Пинакотка. 2002. № 13/14. Приложение.

Барабой А.З. Обезземелення поміщиками кріпосних селян Подільської губернії і посилення експлуатації їх в період між «інвентарною» і «селянською» реформами / II Наукові записки Інституту історії АН УРСР. Київ, 1958. Т. 12.

Барабой А.З. Правобережная Украина в 1848 г. // Исторические записки АН СССР. 1950. № 34.

Баранович А. Магнатское хозяйство на юге Волыни в ХVIII в. М., 1955.

Бармак М. Формування владних інституцій Російської імперії на Правобережній Україні наприкінці ХVIII — в першій половині ХІХ ст. Тернопіль, 2007.

- Батюшков П.Н.* Волинь. Исторические судьбы Юго-Западного края. СПб., 1888.
- Батюшков П.Н.* Подолия. Историческое описание. СПб., 1896.
- Батюшков П.Н.* Холмская Русь. Исторические судьбы Русского Забужья. СПб., 1887.
- Безобразов С.В.* Сборник узаконений и правительственных распоряжений о поземельном устройстве сельских вечных чиншевиков в губерниях западных и белорусских. СПб., 1892.
- Білінський М.І., Співачевська Н., Кривецький І.* Часописи Поділля. Історико-бібліографічний збірник (1776—1926). Вінниця, 1927—1928.
- Блосфельдт Г.Е.* Сборник законов о российском дворянстве. СПб., 1901.
- Бовуа Д.* Битва за землю в Україні, 1863—1914. Поляки в соціо-етнічних конфліктах / Пер. з франц. З. Борисюк. Київ, 1998.
- Бовуа Д.* Шляхтич, кріпак і ревізор. Польська шляхта між царизмом та українськими масами (1831—1863) / Пер. з франц. З. Борисюк. Київ, 1996.
- Боплан Гійом Левассер де.* Описание Украины / Пер. с фр. З.П. Борисюк. Ред. А.Л. Хорошкевич, Е.Н. Ющенко. М., 2004.
- Боровой С.Я.* Еврейская земледельческая колонизация в старой России. М., 1928.
- Братчиков А.Б.* Материалы для исследования Волинской губернии в статистическом, этнографическом, сельскохозяйственном и других отношениях. Киев, 1868.
- Будакова Ю.К.* Основні аспекти земельної політики Катерини II і Павла I на території Правобережної України // Сангушківські читання / Ред. В.Г. Берковський. Львів, 2004.
- Бундак О. А.* Аграрний розвиток Волинської губернії в 1795—1861 рр.: Дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Львів, 1999.
- Валуев П.А.* Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел / Ред., введение, коммент. П.А. Зайончковского. М., 1961. Т. 1—2.
- Варонін В.* Полацкія пунтныя слугі ва ўрадавай палітыцы ВКЛ (XV — сярэдзіна XVI ст.) // Беларускі Гістарычны Агляд. 2000. Т. 7 (13). С. 305—325.
- Василенко Н.* Киевские Контракты 1789—1912. Историческая справка. Киев, 1923.
- Василенко Н.П.* Крестьянский вопрос в Юго-Западном и Северо-Западном крае при Николае I и введение инвентарей. М., 1911.
- Вилле Д.* Чему нас учат поляки. Галицкая Русь и поляки с 1860 по 1904 г. Почаев, 1906.
- Витте С.Ю.* Воспоминания. Л., 1924. Т. 3.
- Владимирский-Буданов М.Ф.* История Императорского Университета св. Владимира. Киев, 1884. Т. 1.
- Владимирский-Буданов М.Ф.* Отношения между Литовским статутом и Уложением царя Алексея Михайловича // Сборник государственных знаний. СПб., 1877. Т. 4. С. 3—38.
- Воблий К.Г.* Нариси з історії російсько-української цукрово-буракової промисловості. Т. 2. (1862—1895). Київ, 1930.
- Военно-статистический сборник России. СПб., 1871. 4-е изд., доп.
- Возняк М.* Кирило-Мефодіївське братство. Львів, 1921.

Восстание 1863 г. Материалы и документы. М.; Врошлав; Киев, 1963. Т. II.
Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. СПб., 1991.

Гарабедян А., Комсалова Р. Переселение болгар и сербов в Россию во время Петра Великого и его наследников // Сеоба Срба у Руско царство половином 18 века. Нови Сад, 2005.

Гедтер М.Я. Из истории монополистического капитализма в России (Сахарный синдикат) // Исторические записки. 1951. Т. 38. С. 104—153.

Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М., 1999.

Гоцинский С. Каневский замок. Перевод С. Свяцкого // Польская романтическая поэма XIX века. Пер. с пол. / Сост. и предисл. Б. Стахеева. М., 1982.

Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // *Градовский А.Д.* Собр. соч. СПб, 1899. Т. 1. С. 299—338.

Граф А.Х. Бенкендорф о России 1827—1830 гг. (Ежегодные отчеты III отделения и корпуса жандармов) // Красный архив. 1929. Т. 6 (37).

Граф Шмелев. Об источниках Соборного Уложения 1649 г. // Журнал министерства народного просвещения. 1900. № 10. С. 375—387.

Громакова Н.Ю. Суспільний рух польської шляхти Правобережної України в 1795—1830-х роках. Дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Дніпропетровськ, 2002.

Громачевский С.Г. Ограничительные законы по землевладению в Западном крае, с историческим обзором их, законодательными мотивами и разъяснениями. СПб., 1904.

Губернии Российской Империи: История и руководители, 1708—1917: Исторические данные об образовании, губерний, областей, градоначальств и других частей внутреннего управления империи с указанием высших чинов этого управления в хронологическом порядке по 1 ноября 1902 г. / Под общ. ред. Б.В. Грызлова. М., 2003.

Гудь Б. Загибель Аркадії. Етносоціальні аспекти українсько-польських конфліктів XIX — першої половини XX століття. Львів, 2006.

Гульдман В.К. Поместное землевладение в Подольской губернии. Каменец-Подольский, 1903.

Гуржій І.О. Боротьба селян і робітників України проти феодално-кріпосницького гніту (з 80-х років XVIII ст. до 1861 р.). Київ, 1958.

Гуржій І.О. Розклад феодално-кріпосницької системи в сільському господарстві України першої половини XIX ст. Київ, 1954.

Де ля Фліз Д. П. Альбоми. Київ, 1996. Т. 1; 1999. Т. 2.

Денисов В.И. Леса России, их эксплуатация и лесная торговля. СПб., 1911.

Дерев'янкін Т. Мануфактура на Україні в кінці XVIII ст. (текстильне виробництво). Київ, 1960.

Державин Г.Р. Сочинения / С объясн. примеч. Я. Грота. Т. 6 (Переписка. (1794—1816) и «Записки»). СПб., 1876.

Довнар-Запольский Н.В. Украинские староства в первой половине XVI в. Киев, 1908.

Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873. Т. 5.

- Долбилов М.Д.* Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг. // *Образ врага* / Сост. Л. Гулков. М., 2005.
- Донин А.Н.* Реформы университетов и средней школы России: общественная мысль и практика второй половины XIX века: Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2003.
- Дорошенко Д.* Володимир Антонович. Прага, 1942.
- Драгоманов М.П.* Восточная политика Германии и обрусение // *Драгоманов М.П. Собрание политических сочинений.* М., 1908. Т. 1. С. 1—216.
- Драгоманов М.П.* Евреи и поляки в Юго-Западном Крае // *Собрание политических сочинений.* Т. 1. М., 1908. С. 217—267.
- Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1.
- Дружинина Е.И.* Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959.
- Дубровский С.М.* Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М., 1963.
- Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). СПб., 1998.
- Дядиченко В.А.* Історія селянства Української РСР. Київ, 1967. Т. 1.
- Евреинов Г.А.* Прошлое и настоящее русского дворянства. СПб., 1898.
- Егизарова Н.А.* Аграрный кризис конца XIX в. в России. М., 1959.
- Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
- Ершов Г.* Распределение поземельной собственности в 49 губерниях Европейской России в 1877—1878 гг. // *Статистический временник Российской империи.* 3 серия. СПб., 1886. Т. 10.
- Жуковский А.* Хлопоманство // *Энциклопедія українознавства.* Париж; Нью-Йорк, 1980. Т. 9. С. 3591—3592.
- Зайончковский П.А.* Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847). М., 1959.
- Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958.
- Зайцев В.М.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М., 1973.
- Западные окраины Российской империи* / Ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2006.
- Записка о землевладении в Юго-Западном крае* / Сост. И. Рудченко. Киев, 1882.
- Записки А.П. Ермолова. 1798—1826 гг.* / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. М., 1991.
- Знаевич І.* Літературні стремлення Галицьких Русинів від 1772 до 1872 р. // *Житие і слово.* 1894. № 6.
- Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.
- Зуев Н.И.* Комитет министров России в первой половине XIX в.: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
- Иловайский Д.* Гродненский сейм 1793 г.: Последний сейм Речи Посполитой. М., 1870.
- Имеретинский Н.К.* Дворянство Волынской губернии // *Журнал Министерства народного просвещения.* Август 1893. С. 343—368; Апрель 1894. С. 326—372.

История южных и западных славян. Т. 1: Средние века и Новое время / Ред. Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева. М., 2001.

Іващенко Ю. Розміщення цукрової промисловості на Україні в середині XIX ст. // Историчні дослідження. Вітчизняна історія. Київ, 1975. Вип. 1.

Ігнат'єва Т.В. Торговельно-економічні зв'язки Правобережної України наприкінці XVIII — 50-ті роки XIX ст.: Дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Чернівці, 2005. Історія Київського університету: 1834—1959. Київ, 1959.

Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963.

Кабузан В.М., Троицкий С.М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782—1858 гг. // История СССР. 1971. № 4. С. 158—169.

Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов / Под ред. Б. Гаспарова, Е. Евтухова, М. Фон Хаген. М., 1997.

Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина // Старизна и новизна. Исторический сборник, издаваемый при Обществе ревнителей русского исторического просвещения и памяти Императора Александра. Кн. 2. СПб., 1898.

Кареев Н. Польские реформы XVIII в. СПб., 1890.

Картовец С. Обрусение землевладения в Юго-Западном крае. Киев, 1877.

Катков М.Н. Выдумки «Киевлянина» и польских газет о малорусском патриотизме. Киев, 1874.

Катренко А.Н. В борьбе за пробуждение народной революции. Из истории революционно-демократического движения на Украине в 80-х — нач. 90-х XIX в. Киев, 1988.

Кельберин М.А. Справочник по сахарной промышленности Российской империи. Киев, 1912.

Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 т. Київ, 1990.

Кирчів Р.Ф. Україніка в польських альманахах доби романтизму. Київ, 1965.

Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика по документам Архива Комитета Министров. СПб., 1902. Т. 1.

Кишер Дж.Д. Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772—1825 гг. М.; Иерусалим, 2000.

Ковалева Т.В. История сельской дворянской усадьбы в губерниях Центрального Черноземья (вторая половина XVIII — начало XX века): Дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2004.

Козій О. І. Становище польської шляхти на Поділлі в період між повстаннями 1830—1831 і 1863 років: Дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Львів, 1997.

Кокошкин Ф.Ф. Областная автономия и единство России. М., 1906.

Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861—1904. М., 1979.

Корнилов И.П. Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива министерства народного просвещения. Учебные заведения в западных губерниях. Т. 1—4. СПб., 1893—1905.

Корнилович М. Біблійські обов'язкові інвентарі і селянство в Володимирському повіті ка Волині // Український археографічний збірник. 1926. Т. 1.

Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762—1855. СПб., 1876.

Корчак-Савицкий В.И. Об ипотечной системе вообще и о пользе введения ее в Юго-Западном крае России и о мирской земле в Киевской, Подольской и Волынской губерниях. Киев, 1879.

Костомаров Н.И. Автобиография (1875) // Литературное наследие. СПб., 1890.

Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. Исторические монографии и исследования. Т. 17—18. СПб., 1886 (первое изд. Вестник Европы. 1869).

Коялович М. История воссоединения западнорусских униатов старых времен. СПб., 1873.

Кравець М.М. Селянство Східної Галичини і Північної Буковини у другій половині XIX ст. Львів, 1964.

Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. Сб. документов / Под ред. С.Н. Валка. М., 1961.

Кривошея І. Уманські маєтки Александра Потоцького // *Pamiętnik Kijowski*. Т. VIII. 2006. S. 63—168.

Кривошея І.І., Кривошея В.В. Дворянство Уманщини в кінці XVIII — першій третині XIX ст. // Уманщина в етнополітичній історії України (кінець XVIII — перша третина XIX ст.). Київ, 1998.

Крижановська О.О. Соціальні настрої та уявлення селян Правобережної України у 20—50-х рр. 19 ст. // Український історичний журнал. 2007. № 2. С. 130—142.

Кукушкина Г.В. Политика правительства России в области высшего образования в первой четверти XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.

Куняев С. Шляхта и мы // Наш современник. 2002. № 5. С. 82—135.

Лавров П.А. Українське селянство і польське повстання 1830—1831 рр. на Правобережній Україні // Записки історичного факультету Львівського державного університету ім. І. Франка. 1940. Т. I.

Ларионова М.Б. Дворянская усадьба на Среднем Урале (вторая половина XVIII — начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006.

Левицький В.О. Церковне землеволодіння на правобережній Україні кінця XVIII — першій половині XIX ст.: Дис. ... канд. ист. наук. Запоріжжя, 2006.

Левченко М.М. Места жительства и местные названия русинов в настоящее время // Основы. 1861. № 1. С. 265.

Лейкина-Сквирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971.

Лецицкий О. О положении крестьян Юго-Западного края во второй четверти XIX в. // Киевская старина. 1906. № 4. С. 3—48.

Лещенко М.Н. Класова боротьба в українському селі в епоху домонополістичного капіталізму (60—90-ті роки XIX ст.). Київ, 1970.

Лещенко М.Н. Українське село в революції 1905—1907 рр. Київ, 1977.

Лещенко Н.Н. Крестьянское движение на Украине в связи с проведением реформы 1861 г. (60-е гг. XIX в.). Киев, 1959.

Липинский Л.П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. Минск, 1978.

Липинський В. Листи до братів-хліборобів. Відень, 1926.

Липранди А.П. (псевд. А. Вольнец). «Отторженная возвратих». Падение Польши и воссоединение Западнорусского края. СПб., 1893.

Липранди А.П. (псевд. А. Вольнец). Польский вопрос в Западной Руси // Мирный труд. 1913. № 5. С. 11.

Липранди А.П. (псевд. А. Вольнец). Польша и польский вопрос. СПб., 1901.

Лисенко С., Чернецький Є. Правобережна шляхта: кінець XVIII — перша половина XIX ст. Біла Церква, 2002.

Личков Л.С. Юго-Западный край по данным переписи 1897 г. // Киевская старина. Т. XC. 1905. С. 317—366.

Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997.

Магазинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., 1999.

Мальшевский И.И. Западная Русь в борьбе за веру и народность. СПб., 1895.

Марахов Г.И. Деятельность «Содружества польского народа» на Правобережной Украине в 1835—1839 гг. (по материалам Киевского архива) // Связи революционеров России и Польши XIX — нач. XX в. М., 1968.

Марахов Г.И. Польское восстание 1863 г. на Правобережной Украине. Киев, 1967.

Маркина В.О. Магнатское поместье Правобережной Украины второй половины XVIII в. Киев, 1961.

Материалы комиссии по оскудению центра. СПб., 1902. Ч. 1.

Маузуато К. Из комиссаров антиполонизма в просветители деревни: мировые посредники на правобережной Украине (1861—1917) // Социальная трансформация и межэтнические отношения на Правобережной Украине: XIX — начало XX в. / Под ред. К. Маузуато. М., 2005. С. 175—221.

Мацумура Т. Трансформация деревни Правобережной Украины накануне освобождения крестьян и роль инвентарных правил // Социальная трансформация и межэтнические отношения на Правобережной Украине: XIX — начало XX в. / Под ред. К. Маузуато. М., 2005. С. 61—88.

Мельник Л.Г. Технічний переворот на Україні у XIX ст. Київ, 1972.

Мельничук О.Ф. Адміністративний апарат та органи самоврядування та Поділлі у другій половині XIX століття: Дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2000.

Миллер А. И. Россия и русификация Украины в XIX в. // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 145—155.

Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.

Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М, 2006.

Миллер А.И. Россия и русификация Украины в XIX в. // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 145—155.

Мозер М. О «простой мове» // Этнокультурные и этноязыковые контакты на территории Великого княжества Литовского. Материалы международной научной конференции. М., 2006.

Мозер М. Что такое «простая мова»? // Studia Slavica Hung. 2002. № 47.

Молчанов В.Б. Життєвий рівень міського населення Правобережної України (1900—1914 рр.). Київ, 2005.

Морозов А.В. Государственный совет в структуре государственной власти Российской империи (первая половина XIX в.): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.

Надольська В.В. Національні меншини на Волині (середина XIX — початок XX ст.): Дис. ... канд. іст. наук. Луцьк, 1996.

Недавно минувшее Волины // Волинские губернские ведомости. 1867. № 127—134.

Незабытовский В. Замечания по вопросу о чиншевом владении в Западных губерниях. Киев, 1883.

Нестеренко О. Розвиток промисловості на Україні. Київ, 1959. Т. 1.

Неупокоев В.И. Преобразование беспоместной шляхты в Литве в податное сословие однодворцев и граждан (вторая треть XIX в.) // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. Т. VI. М., 1974. С. 3—22.

Никитин В.Н. Евреи-земледельцы. СПб., 1887.

Никотин И.А. Столетний период (1772—1872) русского законодательства в воссоединенных от Польши губерниях и законодательство о евреях (1649—1876). Т. 1—2. Вильна, 1886.

Нифонтов А.С. Россия в 1848 году. М., 1949.

Новицкий И.П. Сервитуты и обязательное разверстывание в Юго-Западном крае. Киев, 1881.

Нольде А.Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. Вып. 1: Попытка кодификации литовско-польского права. СПб., 1906.

Обозрение Киевской, Подольской и Волынской губерний с 1838 по 1850 год // Русский архив. 1884. Кн. 3. № 5.

Оглоблин А.П. Очерки истории украинской фабрики. Предкапиталистическая фабрика. Киев, 1925.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990.

Ольшамовский Б.Г. Права по землевладению в Западном крае. СПб., 1899.

Осадчий Т. Земля и землевладельцы в Юго-Западном крае (на Украине, Подолии и Волыни). Киев, 1899.

Осетрова Г. Садиба Йосипа Ролле у м. Кам'янці-Подільському // Річник Кієвський. 2006. Т. VIII. С. 287—290.

Павлюк В.В. Вплив шляхетських родів Волині на соціально-економічний та культурний розвиток краю в XIX ст.: Дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Острог, 2000.

Пашук В.С. Сезонні робітники Правобережної України в післяреформений період 1861 — на поч. XX ст.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Львів, 1995.

Першин П.Н. Участковое землепользование в России. М., 1922.

Пойда Д.П. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866—1900 гг.). Днепропетровск, 1960.

Показания и записки Оскара Авейде / Ред. С. Кеневич, И. Миллер. М., 1961.

Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ).

Поляков И. Крупное землевладение на Волыни. Киев, 1898.

Потоцкий Я. Записка о новом перипле Понта Евксинского, составленная графом Иваном Потоцким // Археолого-нумизматический сборник. СПб., 1850. С. 11—77.

Поездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. М., 1923.

Правилова Е.А. Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801—1917. М., 2006.

Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957.

Приходько Е.С. Социально-экономическое развитие поместного хозяйства на Правобережной Украине второй половины XVIII в. Киев, 1961.

Расолов Г.А. Институт генерал-губернаторства в Российской империи 1775 г. — конец XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2005.

Рева И.М. Киевский крестьянин и его хозяйство. Киев, 1893.

Ренненкамф Н.К. Письмо о еврейском и польском вопросе. Киев, 1898.

Рихтер Д.Г. Материалы по вопросу о земельном наделе бывших помещичьих крестьян и о сервитутах в юго— и северо-западных губерниях России // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1900. № 39.

Романович-Словатинский А. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912.

Рудченко И. Записка о землевладении в Юго-Западном крае. Киев, 1882.

Рыбак И.В. Польский фактор в осуществлении судебной реформы на Подолье в 70-е годы XIX ст. // *Ramieŋnik Kijowski*. 2004. Т. 7.

Савваитов П. Обзорение Киевской, Подольской и Воынской губерний за 12 лет Бибиковского управления (1838—1850) // Русский архив. 1884. Книга 3. С. 5—42.

Савелов Л.М. Библиографический указатель по истории генеалогии и родословной дворянства. М., 1904.

Садовский В. Русское землевладение в Правобережной Украине // Украинская жизнь. 1913. № 1. С. 45—58.

Самарин А.Ю. Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII — XVIII в.). М., 1998.

Самарин Ю.Ф. Замечание об инвентарях, введенных в 1847 и 1848 гг. в помещичьих имениях Киевской, Воынской и Подольской губерниях, и о крепостном праве в Малороссии. СПб., 1878.

Самбук С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск, 1980.

Сборник правительственных распоряжений по водворению русских земледельцев в Северо-Западном крае. Вильна, 1886.

Свирида И.И. Сады века философов в Польше. М., 1993.

Селянський рух на Україні. 1826—1849 рр.: Зб. док. і матеріалів / Упоряд. В.П. Баран, Г.В. Боряк, М.І. Бутич, В.С. Шандра та ін. Київ, 1985.

Селянський рух на Україні. Середина XVIII — перша чверть XIX ст. Збірник документів і матеріалів / Упоряд. Г.В. Болотова, М.І. Бутич, Л.З. Гісцова, Н.С. Грабова, О.А. Купчинський, Г.С. Сергійчук, В.В. Страшко, Н.М. Яковенко. Київ, 1978.

Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: В 2 т. СПб., 1888.

Серієнко Г.І. З історії повстання 1830—1831 рр. на Правобережній Україні // Історичні дослідження. Вітчизняна історія. Київ, 1979. Вип. 5. С. 63—77.

Серебренников В.Н. Киевская академия с половины XVIII века до преобразования ее в 1819 году. Киев, 1897.

Слабеев І.С. З історії первісного нагромадження капіталу на Україні. (Чумацький промисел і його роль у соціально-економічному розвитку України XVIII — першої половини XIX ст.), Київ, 1964 .

Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи, 1906—1917. Историко-правовой очерк. М., 1998.

Смирнов Н. Вольные люди западных губерний и узаконения, относящиеся до их устройства. Ковно, 1885.

- Смолій В.А.* Возз'єднання Правобережної України з Росією. Київ, 1978.
- Собрание малороссийских прав 1807 г. / Сост. К.А. Вислобоков, А.П. Ткач, И.Б. Усенко, В.А. Чехович. Київ, 1993.
- Соловійова Т. М.* Соціально- економічний розвиток Правобережної України в першій чверті XIX століття. Дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Київ, 1997.
- Соловьев С.* История падения Польши. М., 1865.
- Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981.
- Социально-политическое движение на Украине 1856—1862 и 1863—1864. Сб. док-тов / Ред. В.Д. Королюк, Г.И. Марахов: В 2 т. М.; Wrocław; Киев, 1963—1964.
- Спекторский Е.В.* Столетие Киевского университета Св. Владимира. Прага, 1934.
- Список дворян Волынской губернии. Житомир, 1905.
- Список дворян Киевской губернии. Киев, 1906.
- Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Подольской губернии. Каменец-Подольский, 1887.
- Список землевладельцев и арендаторов Волынской губернии. Житомир, 1913.
- Список населенных мест Волынской губернии. Житомир, 1906.
- Список населенных мест Киевской губернии. Киев, 1906.
- Сталюнас Д.* Идентификация, язык и алфавит литовцев в российской национальной политике 1860-х годов // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 225—254.
- Сталюнас Д.* Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60-е гг. XIX в. // *Российская империя в зарубежной историографии* / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 570—588.
- Статистическое описание Подольской губернии. Киев, 1863.
- Сташевский Е.Д.* История докапиталистической ренты на Правобережной Украине в XVIII — первой половине XIX в. М., 1968.
- Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002.
- Степанишина О.М.* Господарство графів Браницьких на Київщині і реформа 1861 року в їхніх маєтках. Київ, 1930.
- Столянский Н. П.* Девять губерний Западнорусского края в топографическом, геогностическом, статистическом, экономическом, этнографическом и историческом отношениях. СПб., 1866.
- Стронський Г.Й.* Злет і падіння: Польський національний район в Україні в 20—30-і роки. Тернопіль, 1992.
- Тайные польские школы в Юго-Западном крае России до 1863 г. // *Вестник Западной России*. 1865. Т. 5. С. 250—254
- Талдыкин А.В.* Административно-полицейский аппарат царизма в Украине в XVIII — первой половине XIX в.: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Киев, 2000.
- Теодорович Н.И.* Волынь в описании городов, местечек и сел в церковно-историческом, географическом, этнографическом, археологическом и других отношениях. Почаев, 1899.
- Теплицкий В.П.* Реформа 1861 року і аграрні відносини на Україні (60—90 роки XIX ст.). Київ, 1959.
- Троцкий Н.А.* Александр I и Наполеон. М., 1994.
- Троцкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974.
- Труды комиссии по изучению хозяйств Юго-Западного края. Серия 1—4. Киев, 1912—1915.

Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский Край, снаряженной Императорским русским географическим обществом. Т. VII. Ч. II. Поляки Юго-Западного края. СПб., 1872.

Тумаш В. Три видання Третьяго Статуту Вялікага Княства Літоўскага // *Тумаш В.* Выбраныя працы / Ред. Г. Сагановіч. Мінск, 2002. С. 121—138.

Удалов С.В. Государственная идеология в России второй четверти XIX века: Пропаганда и реализация: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саратов, 2005.

Улащик Н.Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии М., 1965.

Ульяновский В. Син України (Володимир Антонович: громадянин, учений, людина) // Антонович В. Моя сповідь. Вибрані історичні та публіцистичні твори. Київ, 1995.

Университет св. Владимира в царствование императора Александра III. Киев, 1900.

Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Россия/Russia Новая серия под ред. Н.Г. Охотина. Вып. 2 [10]: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. М., 1999. С. 7—20.

Федоров В.А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1974.

Федорук О. Польські художники в Києві // *Pamiętnik Kijowski.* 2002. Т. 6. S. 85—103.

Фундуклей И. Статистическое описание Киевской губернии. Ч. 1—3. СПб., 1852.

Ханцова-Берникова В.З. 3 життя селянства Київщини за першу половину XIX ст. // Україна. 1927. Т. 21.

Храбан Г.Ю. Спалах гніву народного: антифеодальне народно-визвольне повстання на Правобережній Україні у 1768—1769 рр. Київ, 1989.

Хромов П.А. Экономика России периода промышленного капитализма. М., 1963.

Цветков С. Александр I (1777—1825). М., 1999.

Шамрай С. Борьба тульчинских мішан з графами Потоцькими: 1797—1837 рр. // Науковий збірник історичної секції УАН. 1929.

Шамрай С. Духівництво в селянських рухах Правобережжя в середині XIX ст. // Україна. Кн. 27. 1928.

Шамрай С. Київська Козаччина 1855 р.: До історії селянських рухів на Київщині // Записки історико-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук. Кн. XX. Київ, 1928.

Шандра В.С. Адміністративні установи Правобережної України кінця XVIII — початку XX ст. в російському законодавстві: джерелознавчий аналітичний огляд. Київ, 1998.

Шандра В.С. Генерал-губернаторства в Україні: XIX — початок XX ст. Київ, 2005.

Шандра В.С. Інститут генерал-губернаторства в Україні XIX — початку XX ст.: структура, функції, архиви канцелярій: Автореф. дис. ... д-ра іст. наук: 07.00.06. Київ, 2002.

Шандра В.С. Київське генерал-губернаторство (1832—1914): історія створення та діяльності, архівний комплекс і його інформативний потенціал. Київ, 1999.

Шандра В.С. Малоросійське генерал-губернаторство 1802—1856. Функції, структура, архів. Київ, 2001.

Шигарин Н.Д. Что нужно для нашего сближения с поляками? Киев, 1881.

Шилдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1895—1898. Т. I—IV.

Шмидт Е. История средних учебных заведений. СПб., 1878.

Шербак Н.О. Особливості національної політики російського уряду на Правобережній Україні наприкінці XVIII — початку ХХ ст.: Дис. ... д-ра іст. наук. Київ, 1995.

Шербина В.П. Аграрная политика царизма на Правобережной Украине (30 — начало 60-х гг. XIX в.): Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 1992.

Яковенко Н. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. Київ, 1993.

Яковенко Н. Шляхетська правосвідомість у дзеркалі обігу правничої літератури на Волині і Наддніпряниці // Яковенко Н. Паралельний світ. Київ, 2002. С. 80—105.

Янсон Ю.Э. О влиянии реформы 1861 г. на сельское хозяйство и хлебную торговлю в Юго-Западных губерниях // Труды Вольно-Экономического общества. 1868. Т. IV.

Ярошевич А.И. Очерки экономической жизни Юго-Западного края. Вып. 2. Киев, 1911.

Aftanazy R. Materiały do dziejów rezydencji. Warszawa, 1986—1993. Т. 1—23.

Andriewsky O. The Politics of National Identity: The Ukrainian Question in Russia, 1904—1912. Ph. D. dissertation. Harvard, 1991.

Andrzejowski A.J. Ramoty Starego Detiuka o Wołyniu / Wyd. i przedmową opatrzył Fr.R. Gawroński. Wilno, 1914.

Antoni J. (Rolle). Dzieje szlachty okolicznej w Owruckim powiecie // Biblioteka Warszawska 1881. Т. 2.

Augé M. Domaines et châteaux. Paris, 1989.

Avrutin E.M. A Legible People: Identification Politics and Jewish Accommodation in Tsarist Russia. Ph.D. Michigan, 2005.

Bairišauskaite T. O litewskich marszałkach gubernialnych i powiatowych: (do 1863 r.) // Przegląd Wschodni. 1997. Т. IV. Z. 2 (14). S. 427—441.

Balzac H. de. Lettre sur Kiev // Balzac H.de. Oeuvres completes. Paris, 1976. Т. 26.

Bardach J. Les députés à la diète en Pologne d'ancien régime // Acta Poloniae Historica 1979. Т. XXXIX.

Bardach J. O ujęciu socjologicznym struktury społecznej i ideologii szlachty polskiej // Czasopismo Prawno-Historyczne. 1963. Т. XV. Nr 2. S. 159—178.

Bardach J. Statuty litewskie a prawo rzymskie. Warszawa, 1999.

Bardach J. Z dziejów mentalności konserwatywno-feudalnej // Przegląd Historyczny. 1977. Т. 68. Z. 1. S. 107—126.

Bartlett R. Noblesse russe et allemande balte au XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. Vol. 34 (1—2). (Noblesse, état et société en Russie, XVIe — début du XIXe siècle / Réd. W. Berelowitch).

Bartoszewicz J. Na Rusi polskiej stan posiadania, ludność, kraj, ziemia Kijów, 1912.

Bazyłow L. Polacy w Petersburgu. Wrocław, 1984.

Beauvois D. Demokracji szlacheckiej nie było. Rozmowa z Danielem Beauvois // Gazeta Wyborcza 28.01.2006. S. 12—13.

Beauvois D. École et société en Ukraine Occidentale 1800—1825 // *Revue du Nord*. Décembre 1975. P. 173—184.

Beauvois D. Eux et les autres: les mémorialistes des confins polonais au XXe siècle // *Pologne plurielle et singulière* / Réd. M. Tomaszewski. Lille, 1994. P. 127—149.

Beauvois D. Histoire de la Pologne. Paris, 1995.

Beauvois D. La Bataille de la terre en Ukraine, 1863—1914. Les Polonais et les conflits socio-ethniques. Lille, 1993.

Beauvois D. La Pologne. Histoire, Société, Culture. Paris, 2004.

Beauvois D. Le Noble, le Serf et le Revizor. La Noblesse polonaise entre le tsarisme et les masses ukrainiennes, 1831—1863. Paris, 1985.

Beauvois D. Les Lumières au carrefour de l'orthodoxie et du catholicisme: le cas des uniates au début du XIX siècle // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1979. № 1. P. 423—441.

Beauvois D. Les sinuosités politiques du comte Jean Potocki // *Europe*. 2001, Mars. P. 26—45.

Beauvois D. Lumières et Société en Europe de l'Est: l'Université de Vilna et les écoles polonaises de l'Empire russe 1803—1832. Paris, 1977. T. 1—2.

Beauvois D. L'Université de Vilna et les écoles des congrégations // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne*. Z. 73. 1983. P. 134—143.

Beauvois D. Nowoczesne manipulowanie sarmatyzmem: czy szlachcic na zagrodzie był obywatelem? // *Przegląd Polityczny*. 2008. № 87. S. 82—90.

Beauvois D. Odrodzenie życia polityczno-kulturalnego polskich ziemian na Podolu w latach 1905—1908 // *Україна — Польща: історична спадщина і суспільна свідомість*. Київ, 1993.

Beauvois D. Polacy na Ukrainie 1831—1863. Szlachta polska na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie / Przekł. z franc. E.K. Rutkowsy. Paryż, 1987.

Beauvois D. Pouvoir russe et noblesse polonaise en Ukraine 1793—1830. Paris, 2003.

Beauvois D. Powstanie Listopadowe a szkolnictwo na ziemiach litewsko-polskich. // *Powstanie Listopadowe 1830—1831. Geneza, uwarunkowania, bilans, porównania* / Red. J. Skowronek, M. Żmigrodzka. Wrocław, 1983. S. 45—55.

Beauvois D. Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803—1832 / Przeł. L. Kania. T. 1—2. Rzym; Lublin, 1991.

Beauvois D. Walka o ziemię. Szlachta polska na Ukrainie prawobrzeżnej pomiędzy caratem i ludem ukraińskim 1863—1914 / Przeł. K. Rutkowski. Sejny, 1996.

Beauvois D. Wilno — polska stolica kulturalna zaboru rosyjskiego. 1803—1832. Wrocław, 2010.

Becker S. Nobility and Privilege in Late Imperial Russia Northern Illinois, 1985.

Bejta J. (Rzewuski H.). Mieszaniny obyczajowe. Wilno, 1841. T. I.

Bensidoun S. L'agitation paysanne en Russie de 1881 à 1902. Etude comparative entre le Černozem central et la nouvelle Russie. Paris, 1975.

Berelovitch A. La Hiérarchie des égaux: la Noblesse russe d'ancien régime (XVI—XVII s.). Paris, 2001.

Besançon A. Éducation et société en Russie dans le second tiers. du XIXe siècle. Paris, 1974.

Białokur M. Działalność społeczno-polityczna Joachima Bartoszewicza w Kijowie w latach 1906—1914 // *Pamiętnik Kijowski*. 2002. T. 6. S. 144—166.

Biernacka M. Wsie drobnoszlacheckie na Mazowszu i Podlasiu. Tradycje historyczne a współczesne przemiany. Wrocław, 1966.

Biogram J. Andrzejewskiego // *Pamiętnik Kijowski*. 1963. T. 2. S. 77—80.

- Blum J.* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, 1961.
- Biędowska z Działyńskich H.* Pamiętka przeszłości: wspomnienia z lat 1794—1832 / Oprac. K. Kostenicz, Z. Makowiecka. Warszawa, 1960.
- Bobrowski T.* Pamiętnik mojego życia / Oprac. J. Kieniewicz. T. I—II. Warszawa, 1979.
- Borejsza J.W.* Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966.
- Borodziej J.* Pod wozem i na wozie, czyli kilka lat pracy duszpasterskiej na Litwie, Białej Rusi i w głębi Rosji. Kraków, 1911.
- Bortnowski W.* Powstanie listopadowe w oczach Rosjan. Warszawa, 1964.
- Boshyk G.Y.* The Rise of the Ukrainian Political Parties in Russia 1900—1907 with Special Reference to Social Democracy. Thesis Ph.D. Oxford, 1981.
- Boudou A.* Le Saint Siège et la Russie. Par. II. Paris, 1925.
- Brodowska H.* Ruch chłopski po uwłaszczeniu w Królestwie Polskim 1864—1904. Warszawa, 1967.
- Bruckner A.* Kultura, piśmiennictwo, folklor / Red. W. Berbelicki, T. Ulewicz. Warszawa, 1974; Historia Europy Środkowo-Wschodniej. T. 2 / Red. J. Kłoczowski. Lublin, 2000. S. 81.
- Caban W.* Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej 1831—1873. Warszawa, 2001.
- Cadiot J.* Le laboratoire impérial. Russie — URSS 1860—1940. Paris, 2007.
- Cazacu M.* Familles de la noblesse roumaine au service de la Russie (XVe—XIXe siècle) // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. Vol. 34 (1—2). (Noblesse, état et société en Russie, XVIe — début du XIXe siècle / Réd. W. Berelowitch).
- Chamerska H.* Drobna szlachta w Królestwie Polskim (1832—1864). Warszawa, 1974.
- Chamerska H.* Marszałkowie szlachty w Królestwie Polskim 1849—1861 // Ziemiaństwo polskie.
- Chaussinand-Nogaret G.* La Noblesse au XVIIIe siècle. De la Féodalité aux Lumières. Paris, 1976.
- Chmielewski J.E.* Pierwsze lata Korporacji Studentów Polaków w Kijowie, 1884—1892, garść wspomnień // Niepodległość. 1939. T. 19. S. 107—135.
- Chmielowski P.* Tadeusz Czacki. Jego życie i działalność wychowawcza. Petersburg, 1898.
- Chmielowski P.* Z dziejów postępu i reakcji u nas // Prawda. Księga zbiorowa dla uczczenia 25-letniej działalności A. Świętochowskiego. Lwów, 1899.
- Choińska-Mika J.* Między społeczeństwem szlacheckim a władzą. Warszawa, 2002.
- Choińska-Mika J.* Sejmiki mazowieckie w dobie Wazów. Warszawa, 1998.
- Chwalba A.* Polacy w służbie Moskali. Warszawa; Kraków, 1999.
- Chyńczewska-Hennel T.* Świadomość narodowa szlachty ukraińskiej i Kozaczyzny od schyłku XVI do połowy XVII w. Warszawa, 1985.
- Cichocka-Petrażycka Z.* Kolonie czeskie na Wołyniu. Warszawa, 1927.
- Cichocka-Petrażycka Z.* Żywioł niemiecki na Wołyniu. Warszawa, 1933.
- Ciechowski W.* Czasopisma polskie na Ukrainie // Dziennik Kijowski. 1906. № 6.
- Cieszelski T.* Ród Grocholskich i jego archiwa // Pamiętnik Kijowski. 2006. T. VIII.
- Confino M.* Domaines et seigneurs russes vers la fin du XVIIIe siècle. Paris, 1963.
- Confino M.* Histoire et psychologie: à propos de la noblesse russe au XVIIIe siècle // Annales: économies, Sociétés, Civilisations. 1967. № 22. P. 1163—1205.
- Coquin F.X.* La Sibérie: Peuplement et immigration paysanne au XIXe siècle. Paris, 1969.

- Czacki T.* O litewskich i polskich prawach. Warszawa, 1800. T. 1.
- Czapka M.* Europa w rodzinie. Paryż, 1970.
- Czepulis-Rastenis R.* Ludzie nauki i talentu. Studia o świadomości społecznej inteligencji polskiej w zaborze rosyjskim. Warszawa, 1988.
- Czubaty J.* Zasada «dwóch sumień». Normy postępowania i granice kompromisu politycznego Polaków w sytuacjach wyboru (1795—1815). Warszawa, 2005.
- Dał nam przykład Bonaparte: wspomnienia i relacje żołnierzy polskich 1796—1815 / Oprac. R. Bielecki, A.T. Tyszka Kraków, 1984. T. 2.
- Daniłowicz I.* Opisanie bibliograficzne dotąd znanych egzemplarzy Statutu litewskiego // Dziennik Wileński. 1823.
- Delmaire J.M.* De Hibbat Zion au sionisme politique. Thèse d'Etat. Strasbourg, 1986.
- Delmaire J.M.* L'assimilation de la bourgeoisie juive et ses limites // Les confins de l'ancienne Pologne. Ukraine. Lithuanie. Bielorussie XVI—XX siècles / Réd. D. Beauvois. Lille, 1988. P. 97—111.
- Description d'Ukraine qui sont plusieurs provinces du royaume de Pologne contenues depuis la Moscovie jusques aux limites de la Transylvanie, par le sieur de Beauplan. Rouen, 1660.
- Djakow W., Nagajew A.* Partyzantka Zaliwskiego i jej pogłosy (1832—1835). Warszawa, 1979.
- Dönhoff M.G.* Kindheit in Ostpreußen. Berlin, 1988.
- Dowbór-Muśnicki J.* Moje wspomnienia Poznań, 1936.
- Dubiecki M.* Młodzież polska w Uniwersytecie Kijowskim przed rokiem 1863. Kijów, 1909.
- Dubnow S.* Histoire moderne du peuple juif. Paris, 1933. T. 2.
- Dukes P.* Catherine the Great and the Russian Nobility. Cambridge, 1967.
- Dukes P.* Contacts et intégration: quelques exemples écossais // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. Vol. 34 (1—2). (Noblesse, état et société en Russie, XVIe — début du XIXe siècle / Réd. W. Berelowitch).
- Dworakowski S.* Szlachta zagrodowa we wschodnich powiatach Wołynia i Polesia Warszawa, 1939.
- Dwór Polski w XIX wieku. Zjawisko historyczne i kulturowe. Warszawa, 1990. T. 1; 1992. T. 2.
- Dymek B.* Z dziejów szlachty mazowieckiej (dziedzictwo kulturowe i stereotyp). Kielce, 2005.
- Dzieła Tadeusza Czackiego / Oprac. E. Raczyński // Statystyka Polski. Poznań, 1845. T. III.
- Dzięgiel E.* Polsczyzna na Ukrainie. Sytuacja językowa w wybranych wsiach chłopskich i szlacheckich. Warszawa, 2003.
- Dzorzaczek W.* La mobilité sociale de la noblesse polonaise aux XVI et XVII siècle // Acta Poloniae Historica 1977. Vol. XXXVI. P. 147—161.
- Eberhardt P.* Przemiany narodowościowe na Ukrainie XX w. Warszawa, 1994.
- Edelman R.* Proletarian Peasants: the Revolution of 1905 in Russia's Southwest. Ithaca, 1987.
- Elementarz dla dzieci polskich, Warszawa, 1862.
- Epsztein T.* Edukacja dzieci i młodzieży w polskich rodzinach ziemiańskich na Wołyniu, Podolu i Ukrainie w II połowie XIX wieku. Warszawa, 1998.
- Epsztein T.* Małżeństwa szlachty posesorskiej na Wołyniu, Podolu i Ukrainie w latach 1815—1880 // Społeczeństwo polskie XVIII i XIX wieku / Red. J. Leskiewiczowa Warszawa, 1991. T. 9. S. 201—239.

- Epsztein T.* W poszukiwaniu nowego obrazu dziejów ziem południowo-zachodnich dawnej Rzeczypospolitej // *Kwartalnik Historyczny*. 2007. № 3. S. 159—171.
- Epsztein T.* Zi piórem i paletą. Zainteresowania intelektualne i artystyczne ziemiaństwa polskiego na Ukrainie w II połowie XIX w. Warszawa, 2005.
- Fabre J.* Stanislas-Auguste Poniatowski et l'Europe des Lumières, Strasbourg, 1952; rééd. Paris, 1984.
- Falkowski J.* Życie towarzyskie w guberniach podolskiej, wołyńskiej i kijowskiej // *Kłósy*. 1887. T. 14.
- Feldman W.* Za wzorem sprzed lat 500 czy 50? // *Krytyka*. 1913. T. 39. Z. 12.
- Flynn J. T.* Uvarov and the 'Western Provinces': A Study of Russia's Polish Problem // *Slavonic & East European Review*. Vol. 64. № 2. April 1986. P. 212—236.
- Frenkel S.* Ukraina w malarstwie polskim // *Pamiętnik Kijowski*. 1966. T. III.
- Gatka B.* Represje carskie wobec ziemian Kresów Wschodnich za udział w ruchu niepodległościowym w II połowie XIX i na początku XX wieku // *Ziemiaństwo a ruchy niepodległościowe w Polsce XIX i XX wieku* / Red. W. Caban, B. Markowski. Kielce, 1994. S. 81—86.
- Giedroyc J., Stempowski J.* Listy 1946—1969. T. II. Warszawa, 1998.
- Gierowski J.A.* Historia Polski 1764—1864. Warszawa, 1984.
- Gierowski J.A.* Sejmik generalny Księstwa Mazowieckiego na tle ustroju sejmikowego Mazowsza. Wrocław, 1948.
- Gierowski J.A.* The Polish-Lithuanian Commonwealth in the XVIIIth Century. Kraków, 1996.
- Giller A.* Historia powstania narodu polskiego 1861—1864. Paryż, 1868. T. II.
- Girault R.* Emprunts russes et investissements français en Russie 1887—1914. Paris, 1973.
- Głębička E.J.* Pojęcia «populis» i «libertas» w politycznych traktatach Andrzeja Maksymiliana Fredry // *Łacina jako język elit* / Red. J. Axer, K. Tomaszuk, M. Janicki. Warszawa, 2004. S. 109—120.
- Głębocki H.* «Co robić z Polską?». Kwestia polska w koncepcjach konserwatywnego nacjonalizmu Michała Katkowa // *Przegląd Wschodni*. T. 4. Z. 4 (16), 1997. S. 853—889.
- Głębocki H.* Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856—1866). Kraków, 1999.
- Gozdawa (pseud.).* Ruśsprzed i po powstaniu zbrojnym 1863 r. Bendlikon, Zürich, 1865.
- Góralski Z.* Encyklopedia urzędów i godności w dawnej Polsce. Warszawa, 2000.
- Grigorianz A.* Les Damnés de la Russie: le déplacement de populations comme méthode de gouvernement. Paris, 2002.
- Grocholska-Brzozowska X.* Pamiętniki. Kraków, 1984.
- Grodzicki S.* Les devoirs et les droits politiques de la noblesse polonaise // *Acta Poloniae Historica*. 1977. T. XXXVI.
- Grodzicki S.* Obywatelstwo w szlacheckiej Rzeczypospolitej. Kraków, 1963.
- Grodzicki S.* Schyłek stanu szlacheckiego na ziemiach polskich // *Społeczeństwo polskie XVIII i XIX w.* / Red. J. Leskiewiczowa. Warszawa, 1987. S. 95—108.
- Groniowski K.* Kwestia agrarna w Królestwie Polskim 1871—1914. Warszawa, 1966.
- Groniowski K.* Realizacja reformy uwłaszczeniowej 1864 r. Warszawa, 1963.
- Groniowski K.* Robotnicy rolni w Królestwie Polskim 1871—1914. Warszawa, 1977.
- Grynwaser H.* Demokracja szlachecka 1795—1831 // *Grynwaser H.* Pisma. Wrocław, 1951. T. 1. S. 173—227.

Hambourg G.M. Land, Economy and Society in Tsarist Russia: Interest Politics of the Landed Gentry during the Agrarian Crisis of the Late XIXth Century. Ph. D. diss. Stanford, 1978.

Handelsman M. Adam Czartoryski. Warszawa, 1948. T. 1—2.

Handelsman M. Ukraińska polityka ks. Adama Czartoryskiego przed wojną krymską. Warszawa, 1937.

Heleniusz E. (Iwanowski E). Wspomnienia lat minionych. Kraków, 1876. T. 2.

Historia Europy Środkowo-Wschodniej. T. 1—2 / Red. J. Kłoczowski. Lublin, 2000.

Historia Polski / Red. A. Gieysztor. Warszawa, 1972.

Horoszkiewicz J. W poleskich zaściankach szlacheckich // Ziemia. 1935. № 6—7.

Horoszkiewicz R. Szlachta zaściankowa na ziemiach wschodnich. Warszawa, 1936.

Hugona Kołłątaja korespondencya listowna z Tadeuszem Czackim. Wyd. F. Kojśiewicz. T. II. Kraków, 1884.

Inglot M. Polskie czasopisma literackie ziem litewsko-ruskich w latach 1832—1851. Warszawa, 1966.

Inglot M. Realia «Fantazego» // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Wrocławskiego. Seria A. 1961. № 32. S. 35—90.

Inglot M. Tymko Padurra, czyli ziemiański romans z Ukrainą // Український календар. 1979. S. 198—202.

Inglot M. U źródle «Fantazego» // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Filologia. 1955. № 1.

Iwanow M. Pierwszy naród ukarany. Polacy w Związku Radzieckim w latach 1921—1939. Warszawa, 1991.

Iwanow M. Polacy w Związku Radzieckim w latach 1921—1939. Wrocław, 1990.

Iwanow M. Polonia w Związku Radzieckim okresu międzywojennego, kontrowersje wokół liczebności // Dzieje Najnowsze. 1987. № 4. S. 29—51.

Iwański A. Pamiętniki 1832—1876. Warszawa, 1928.

Iwaszkiewicz J. Książka moich wspomnień. Kraków, 1957.

Jałowiecki M. Na skraju imperium. Warszawa, 2000.

Janicki M.A. Wolność i równość w języku prawno-politycznym oraz ideologii szlachty polskiej (od XIV do początku XVII w.) // Łacina jako język elit / Red. J. Axer, K. Tomaszuk, M. Janicki. Warszawa, 2004. S. 73—107.

Janowski L. Uniwersytet Charkowski w początkach swego istnienia 1805—1820. Kraków, 1911.

Jedlicki J. Jakiej cywilizacji Polacy potrzebują. Studia z dziejów idei i wyobraźni XIX wieku. Warszawa, 1988.

Jedlicki J. Klejnot i bariery społeczne. Warszawa, 1968.

Jełowicki A. Moje wspomnienia T. I—II. Paryż, 1839.

Jobert A. De Luther à Mohyla, la Pologne dans la crise de la chrétienté, 1517—1646. Paris, 1974.

Jones R.E. The Emancipation of the Russian Nobility, 1762—1785. Princeton, 1973.

Joukovsky A. L'Académie de Kiev, lieu de formation de Skovoroda // Skovoroda philosophe ukrainien: Colloque tenu le 18 janvier 1973 à l'Institut d'études Slaves de Paris à l'occasion de la naissance de Skovoroda Paris, 1976. P. 17—31.

Journal de la Diète confédérée des deux nations. Varsovie, 1789—1791, 24 janvier 1791.

Jurkowski R. Ziemianstwo polskie Kresów Północno-Wschodnich 1864—1904. Działalność społeczno-gospodarcza. Warszawa, 2001.

- Juzwenko A.* Rosja w polskiej myśli politycznej lat 1864—1918 // Polska i jej sąsiedzi. Wrocław, 1975.
- Kaczkowski J.* Konfiskaty na ziemiach polskich pod zaborem rosyjskim po powstaniach 1831 i 1863. Warszawa, 1918.
- Kallas M.* Historia ustroju Polski X—XX w. 3-e wyd. Warszawa, 1999.
- Kamiński H.* Pamiętniki i wizerunki / Oprac. I. Śliwińska Wstęp W. Kula Wrocław, 1951.
- Kamiński A.S.* Historia Rzeczypospolitej wielu narodów 1505—1795. Lublin, 2000.
- Kappeler A.* La Russie, empire multiethnique / Trad. de l'allemand G. Imart. Paris, 1994.
- Kasperek N.* Korpus gen. Dwernickiego i powstańcy z Podola w granicach Austrii (kwiecień — maj 1831 roku) // Echa Przeszłości. 2000. № 1. S. 73—103.
- Kasperek N.* Trudne lata na Podolu 1830—1831 // Pamiętnik Kijowski. T. VII. 2004. S. 90—94.
- Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / Red. A. de Lazari. Warszawa, 2006.
- Kawecka K.* Problemy rozwoju oświaty i kultury Polonii radzieckiej w latach 1921—1929 ze szczególnym uwzględnieniem Ukrainy i Białorusi // Kultura skupisk polonijnych. Warszawa, 1981. S. 255—273.
- Kądziński S.* Wspomnienia wołyńskie. Poznań, 1909.
- Kersten A.* Les magnats, élue de la société nobiliaire // Acta Poloniae Historica 1977. T. XXXVI.
- Kieniewicz S.* Daniel Beauvois o Kresach południowych // Przegląd Historyczny. 1986. Z. 4.
- Kieniewicz S.* Dereszewicze 1863. Wrocław, 1986. S. 98—99.
- Kieniewicz S.* Historia Polski. T. II. Cz. 2. Warszawa, 1958.
- Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972.
- Klamer-Kosińska I.* Wydział Paszportowy Kancelarii Własnej Namiestnika Królestwa Polskiego (1832—1864) // Ziemiaństwo polskie 1795—1945 / Pod red. J. Leskiewiczowej. Warszawa, 1985.
- Klier J.D.* Imperial Russia's Jewish Question 1855—1881. Cambridge, 1995.
- Kolbuszewski J.* Legenda kresów w literaturze polskiej XIX i XX w. // Między Polską etniczną a historyczną. Polska myśl polityczna XIX i XX wieku / Red. W. Wrzesiński. T. VI. Wrocław, 1988. S. 187—206.
- Kołbuk W.* Kościoły wschodnie w Rzeczypospolitej około 1772 roku. Struktury administracyjne. Lublin, 1998.
- Kołodziejczyk R.* Jan Bloch (1836—1902). Szkic do portretu «króla polskich kolei». Warszawa, 1983.
- Konstytucja 3 Maja 1791 w tradycji Towarzystwa Historyczno-Literackiego w Paryżu w latach 1832—1861: obchody, mowy, relacje // Red. R.J. Matura. Paryż, 1991. S. 179—190.
- Kopczyński P.* Powstanie w prowincjach polsko-ruskich w roku 1831 // Ruch Literacki. 1877. T. 2. R. 4. № 42. S. 150—155.
- Kornecki J.* Oświata polska na Rusi w czasie wielkiej wojny. Wstęp S. Zieliński // Pamiętnik Kresowy. 1937. Z. 2.
- Korwin-Milewski H.* Siedemdziesiąt lat wspomnień (1855—1925). Poznań, 1930.
- Korzon T.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794). Kraków, 1882. T. 1.

- Kossak-Szczucka Z.* Pożoga Wspomnienia z Wołynia 1917—1919. Rzeszów, 1990.
- Kozak S.* Ukraina w twórczości T.T. Jeża // *Slavia Orientalis*. 1969. № 4. S. 401—413.
- Kraszewski J.J.* Dwa światy. Kraków, 1967.
- Kraszewski J.J.* Listy do rodziny 1820—1863. Część I. W kraju / Oprac. W. Danek. Kraków, 1982.
- Kraszewski J.J.* Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy. Wilno, 1840. T. I—II.
- Kraszewski J.J.* Wyjątki ze szlachtografii // *Orędownik Naukowy*. 1841. № 36.
- Kraszewski J.L.* Budnik. Wstęp W. Hahn. Kraków, 1923.
- Krawczak T.* W szlacheckim zaścianku. Warszawa, 1993.
- Kriegseisen W.* Sejmiki Rzeczypospolitej szlacheckiej w XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1991.
- Kukiel M.* Dzieje Polski porobiorowej 1795—1921. 3 wyd. Paryż, 1983.
- Kulak T.* Kresy w myśli politycznej J.-L. Popławskiego // *Między Polską etniczną a historyczną. Polska myśl polityczna XIX i XX wieku* / Red. W. Wrzesiński. Wrocław, 1988. T. VI. S. 167—186.
- Kulisiewicz W.* Trzeci Statut litewski w dobie porozbiorowej // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. 1992. T. 44. Z. 1—2. S. 73—89.
- Kumor B.* Granice diecezji i metropolii polskich 968—1939. Lublin, 1969—1971.
- Kumor B.* Kościoł katolicki w Cesarstwie Rosyjskim 1915—1917 // *Zeszyty Naukowe KUL*. R. XXXVII. 1994. № 1—2. S. 21—35.
- Kupczak J.M.* Polacy na Ukrainie w latach 1921—1939. Wrocław, 1994.
- Kutrzeba S.* Historia ustroju Polski. Warszawa Brak daty. T. 3.
- Kwilecki A.* Ziemiaństwo wielkopolskie. Między wsią a miastem. Poznań, 2001.
- Lednicki W.* Pamiętniki. London, 1963. S. 17—18.
- LeDonne J.P.* Frontier Governors General 1772—1825. II. The Southern Frontier // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2000. № 48. P. 170—171.
- LeDonne J.P.* Geopolitics, Logistics and Grain: Russia's Ambitions in the Black Sea Basin 1737—1834 // *The International History Review*. 2006. March. T. XXVIII. P. 9—16.
- Leroy-Beaulieu A.* L'empire des tsars et les Russes. Paris, 1882. T. 1.
- Les confins de l'ancienne Pologne: Ukraine-Lituanie-Biélorussie, XVIe—XXe siècles / éd. D. Beauvois. Lille, 1988.
- Les Juifs de Russie. Recueil d'articles et d'études sur leur situation légale, sociale et économique. Paris, 1891.
- Lévi-Strauss C.* Paroles données. Paris, 1984.
- Lewicka M.* Dzieciństwo. Warszawa, 1973.
- Likowski E.* Dzieje Kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku uważane głównie ze względu na przyczyny jego upadku. Warszawa, 1906. T. 2.
- Liniewicz D.M.* O komasacji i gospodarstwie futurowym. Winnica, 1901.
- Lipicki W.* Szlachta na Ukrainie. Udział jej w życiu narodu ukraińskiego na tle jego dziejów. Kraków, 1909.
- Lipkowski L.* Moje wspomnienia 1849—1912. Kraków, 1913.
- Lipkowski L.* Rzut oka na rozwój przemysłu rolnego i rolnictwa 1849—1912. Kijów, 1913.
- Litak S.* Kościół taciński w Rzeczypospolitej około 1772 roku. Struktury administracyjne. Lublin, 1996.
- Litwin H.* Napływ szlachty polskiej na Ukrainę 1569—1648. Warszawa, 2000.

- Lityński A.* Sejmiki ziemskie 1764—1793, dzieje reformy. Katowice, 1988.
- Liżak W.* Rozstrzelana Polonia: Polacy w ZSRR, 1917—1939. Szczecin, 1990.
- Lord R.H.* The Second Partition of Poland. A Study in Diplomatic History. Cambridge, London, 1915.
- Lord R.H.* The Third Partition of Poland // *Slavonic and East European Review*. 1924—1925. Vol. III.
- Lubkowicz-Urbanowicz T.* Boża podszewka Sejny, 1994.
- Lubomirski J.* Historia pewnej ruiny. Pamiętniki 1839—1871. Warszawa, 1975.
- Lubomirski J.* Mémoires 1839—1871. Paris, 1911.
- Lukaszewicz W.* Szymon Konarski 1808—1839. Warszawa, 1948.
- Łacina w Polsce. 1999. Zesz. 7—9. S. 9—165.
- Łasocki W.* Wspomnienia mojego życia Kraków, 1930.
- Łączyńska A.* Dachy płoną. Powieść ziemiańska z ostatniej doby. Lwów, 1936.
- Łążyński M.* Sto lat bez małta. Warszawa, 1961.
- Łepkowski T.* Społeczne i narodowe aspekty powstania 1831 roku na Ukrainie // *Kwartalnik Historyczny*. 1967. № 6.
- Łojek J.* Dzieje pięknej Bitynki. Opowieść o życiu Zofii Wittowej-Potockiej. 3-e wyd. Warszawa, 1975.
- Łojek J.* Potomkowie Szczęsnego, dzieje fortuny Potockich z Tulczyna Lublin, 1983.
- Łopuszański D.* Stowarzyszenie Ludu Polskiego 1835—1841. Kraków, 1975.
- Łopuszański D.* Ustawa Stowarzyszenia Ludu Polskiego z 1835 // *Przegląd Historyczny*. T. LX. Z. 2. 1969.
- Łowmiański H.* Zaludnienie państwa litewskiego w wieku XVI. Poznań, 1999.
- Łukasiewicz B.* Oświata w dobie ucisku. Warszawa, 1934.
- Łukawski Z.* Ludność polska w Rosji 1863—1914. Wrocław, 1978.
- Łuniewski T.* Drobną szlachta. Przyczynek do poglądu na stan ekonomiczny i potrzeby małej własności ziemskiej w Królestwie Polskim. Warszawa, 1892.
- Macey D.A.J.* Government and Peasant in Russia, 1861—1906: The Prehistory of the Stolypin Reforms. De Kalb, Illinois, 1987.
- Maistre J. de.* Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre, 1811—1817 / Recueillie et publiée par A. Blanc. Paris, 1851.
- Maistre J. de.* Lettres et opuscules inédits du comte Joseph de Maistre. Paris, 1851. T. 2.
- Majewski W.* Granice uzależnienia szlachty od magnaterii w XVII—XVIII w. // *Drobna szlachta podlaska w XVI—XIX wieku. Materiały sympozjum w Hoinach Majera (26—27 maja 1989 roku)* / Red. S.K. Kuczyński. Białystok, 1991. S. 113—127.
- Malec J.* Walka szlachty litewskiej o zachowanie III Statutu w drugiej połowie XVIII w. // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. 1992. T. XLIV. Zesz. 1—2. S. 65—72.
- Mamajew N.* Rosjanin w Polsce w latach 1838—1842. Warszawa, 1909.
- Manning R.T.* The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government. Princeton, 1982.
- Mackowski P.* Pamiętniki / Oprac. Sł. Górzyński. Warszawa, 2002.
- Marczyński W.X.* Statystyczne, topograficzne i historyczne opisanie guberni Podolskiej z rycinami i mappami w trzech tomach. Wilno, 1820—1823.
- Martel A.* La Langue polonaise dans les pays ruthènes / Préface A. Mazon. Lille, 1938.
- Martin A.M.* Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997.
- Materiały do dziejów Sejmu Czteroletniego / Red. J. Wołyński, J. Michalski, E. Rostworowski. T. III. Wrocław, 1969.

Materiały do historii PPS i ruchu rewolucyjnego w zaborze rosyjskim od r. 1893 do r. 1904. T. I. 1893—1897. Kraków, 1907.

Matlakowski W. Wspomnienia ukraińskie // Wiadomości. № 427, 433, 459, 467.

Matuszato K. The Issue of Zemstvos in Right Bank Ukraine 1864—1906. Russian Anti-Polonism Under the Challenges of Modernization // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2003. Bd. 51. H. 2. P. 218—235.

Matuszewicz M. Pamiętniki / Red. A. Pawiński. Warszawa, 1876.

Matuszewska P. Les poètes polonais de la fin du XVIIIe siècle et les confins orientaux // Les confins de l'ancienne Pologne. Ukraine. Lithuanie. Bielorussie XVI—XX siècles / Réd. D. Beauvois. Lille, 1988. P. 39—56.

Mazur K. W stronę integracji z Koroną: sejmiki Wołynia i Ukrainy w latach 1569—1648. Warszawa, 2006.

Mańczak A. The Structure of Power in the Commonwealth of the 16th and 17th Centuries // A Republic of Nobles / Ed. J.K. Fedorowicz. Cambridge, 1982. P. 108—134. Mémoires du prince Adam Czartoryski et Correspondance avec Alexandre 1er. Vol. 1—2. Paris, 1887.

Mémoires du roi Stanislas-Auguste Poniatowski. Vol. 1. Saint-Petersbourg, 1914; Vol. 2. Petrograd, 1924.

Mémoires et documents (Russie). T. XXXVII.

Memorandum w sprawie szlachty zagrodowej na Wschodzie Polski. Warszawa, 1938.

Mencwel A. Wobec Rosji — splot czy gwałt? // Kultura 1998. № 11.

Meysztowicz W. Gawędy o czasach i ludziach. London, 1983.

Mędrzecki W. Województwo wołyńskie 1921—1939. Elementy przemian cywilizacyjnych, społecznych i politycznych. Wrocław, 1988.

Micel M. Spis powstańców 1863 roku więzionych w twierdzy kijowskiej. Przemysł, 1995.

Michalski J. Les diétines polonaises au XVIIIe siècle // Acta Poloniae Historica 1965. T. XII. P. 87—107.

Michalski T. Współczesna umysłowość polska na Ukrainie. Kijów, 1910.

Mickiewicz W. La Pologne et ses provinces méridionales, manuscrit d'un Oukrainien. Paris, 1863.

Miller M. Arystokracja Warszawa, 1998.

Miłkowski Z. [T.T. Jeż]. Od kolebki przez życie. Wspomnienia / Oprac. A. Lewak. Kraków, 1936. T. 1.

Miłkowski Z. Udział Polaków w wojnie wschodniej 1853—1856 z przypisem: O powstaniu ludowym na Ukrainie w 1855 roku. Paryż, 1858

Moszczeński J. Młodzież postępowo-niepodległościowa na terenie Kijowa i Moskwy // Niepodległość. 1958. T. 6. S. 94—111.

Moszyński E. i R. Szkice i wspomnienia z ziemi owruckiej na Wołyniu // Pamiętnik Kijowski. 1963. T. 2.

Mościcki H. Dzieje porozbiorowe Litwy i Rusi. T. 1: 1772—1800. Wilno, 1913.

Mościcki H. Pod berłem carów. Warszawa, 1924.

Mościcki H. Szymon Konarski. Warszawa, 1949.

Mościcki H. Wsiedlenie szlachty polskiej przez rząd rosyjski // Wschód Polski. 1921. № 1.

Mróz T. Liczebność i struktura zbiorowości polskiej w Kijowie na przełomie XIX—XX w. // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. 1990. Z. 92.

- Nathans B.* Beyond the Pale. The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. California, Berkeley, 2002.
- Niesiecki K.* Korona Polska Lwów, 1728—1743.
- Nowak A.* Między carem a rewolucją. Warszawa, 1994.
- Nowicki F.* Wołyń i jego mieszkańcy. Drezno, 1870.
- Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / Ed. R.P. Geraci, M. Khodarkovsky. Ithaca, London, 2001.
- Okolski S.* Orbis polonus. Kraków, 1641—1645.
- Okulicz K.* Opowieści nobliwe i sentymentalne // Zeszyty Historyczne. 1974. Z. 28.
- Olechowicz J.* Polska myśl patriotyczna i postępowca na ziemiach ukraińskich w latach 1835—1863 // Pamiętnik Kijowski. 1963. T. 2.
- Olizar B.* Liga narodowa // Pamiętnik Kijowski. 1966. T. 3.
- Olszamowska-Skowrońska Z.* Pie IX et l'Eglise catholique en Pologne: la suppression des diocèses catholiques par le gouvernement russe après l'insurrection de 1863—1864 // Antemurale. 1965. T. IX.
- Olszamowska-Skowrońska Z.* Tentatives d'introduire la langue russe dans les églises latines de la Pologne orientale 1865—1903 // Antemurale. 1967. T. XI.
- Olszewski H.* Sejm Rzeczypospolitej epoki oligarchii, 1652—1763: prawo, praktyka, teoria, programy. Poznań, 1966.
- Opaliński E.* Kultura polityczna szlachty polskiej. Warszawa, 1995.
- Orman E.* Pułkownika Józefa Poniatowskiego życie codzienne w Tahańcy // Rocznik Biblioteki Naukowej PAU i PAN w Krakowie. R. XLVIII. 2003. S. 291—319.
- Pamiętniki Seweryna Bukara. Dresden, 1871.
- Pamiętniki Zygmunta Kotużyńskiego. Kraków, 1911.
- Paprocki B.* Herby rycerstwa polskiego. Kraków, 1584.
- Pawiński A.* Dzieje Ziemi Kujawskiej oraz Akta historyczne do nich służące. T. 1. Rządy sejmikowe w epoce królów elekcyjnych 1572—1795. Warszawa, 1888 (wznow. Warszawa, 1978).
- Perkowski T.* Legitymacje szlachty polskiej w prowincjach zabranych przez Rosję // Miesięcznik Heraldyczny. 1938. Z. 5. T. XVIII. S. 61—76.
- Pezda J.* Ludzie i pieniądze. Finanse w działalności Adama Jerzego Czartoryskiego i jego obozu na emigracji w latach 1831—1848. Kraków, 2003.
- Piasecki J., Broniewski S.* Kalendarz dla cukrowników na rok 1910—1911. Warszawa, 1910.
- Pipes R.* Karamzin's Memoir on Ancient and Modern Russia. Cambridge (Mass.), 1959.
- Pirmasis Lietuvos Statutas. T. 1—2 / Red. S. Lazutka, I. Valikonys, E. Gudavičius. Vilnius, 1991.
- Podhorski Z.* Wspomnienia // Pamiętnik Kijowski. 1980. T. 4.
- Polacy na Ukrainie. Zbiór dokumentów. Cz. 1: lata 1917—1939. T. I / Red. S. Stępień. Przemysł, 1998; T. II / Red. S. Stępień. Przemysł, 1999.
- Polacy w Kazachstanie. Historia i współczesność / Red. S. Ciesielski, A. Kuczyński. Wrocław, 1994.
- Polski Słownik Biograficzny (PSB)
- Poniatowski St.* Pamiętniki synowca Stanisława Augusta / Przeł. i wyd. J. Łojek. Warszawa, 1979.
- Potocka M.M.* z *Radziwiłłów Franciszkowa.* Z moich wspomnień. Pamiętnik. Londyn, 1983.

- Prochaska A.* Lenna i maństwa na Rusi i na Podolu. Kraków, 1901.
Prochaska A. Przyczynki krytyczne do dziejów Unii. Kraków, 1896.
Przedziewicki A. Podole, Wołyń, Ukraina. Obraz miejsc i czasów. Wilno, 1841. T. I—II.
Przytyłkowski A. Pamiętniki // Pamiętniki Polskie / Red. R. Bronikowski. Paryż, 1844.
- T. I.
Przybylski R. Krzemieniec. Opowieść o rozsądku zwyciężonych. Warszawa, 2003.
Przybylski R. Ogrody romantyków. Kraków, 1978.
Pułaski K. Kronika polskich rodów szlacheckich Podola, Wołynia i Ukrainy. Brody, 1913. T. I.
Pułaski K. Stosunki dzierżawne w południowo-zachodnich guberniach // Niwa 1883. № 199.
Radwan M. Archiwa diecezji łucko-żytomierskiej. Repertorium. Lublin, 2003.
Radwan M. Kościół greckokatolicki w zaborze rosyjskim około 1803 roku. Lublin, 2003.
Radwan M. Kościół katolicki w archiwach Departamentu Wyznań Obcych rosyjskiego MSW. Repertorium. Lublin, 2001.
Raëff M. La noblesse et le discours politique sous le règne de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. Vol. 34 (1—2). (Noblesse, état et société en Russie, XVIe — début du XIXe siècle / Réd. W. Berelowitch). P. 33—46.
Raëff M. Origins of the Russian Intelligentsia: the Eighteenth-Century Nobility. New York, 1966.
Ratchinski A. Napoléon et Alexandre Ier: la guerre des idées / Préf. J. Tulard. Paris, 2002.
Rawita-Gawroński Fr. Konfiskata ziemi polskiej przez Rosję po roku 1831 i 1863. Kraków, 1917.
Rawita-Gawroński Fr. Rok 1863 na Rusi. Lwów, 1902.
Remy J. Higher Education and National Identity: Polish Student Activism in Russia, 1832—1863. Helsinki, 2000.
Riazanovsky N.V. Histoire de la Russie. Des Origines à 1984. Trad. de l'anglais A. Berelowitch. Paris, 1987.
Robbins R.G. Famine in Russia 1891—1892: The Imperial Government Responds to a Crisis. New York, 1975.
Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863—1905). Lublin, 1998.
Rodowicz W., Rodowiczowa S., Iwanicka Z. z *Rodowiczów*. Tryptyk rodzinny. Dzieje rodziny Rodowiczów. Warszawa, 1999.
 Rok 1863 na Ukrainie. Pamiętnik nieznanego autora / Oprac. E. Kozłowski. Kraków, 1979. S. 50—52.
Romer E. Ilu nas jest? Kraków, 1917.
Rosset F., Triaire D. Jean Potocki, Biographie. Paris, 2004.
Rostworowski E. Ilu było w Rzeczypospolitej obywateli szlachty? // Kwartalnik Historyczny. 1988. T. XCIV. Nr 3.
Rostworowski E. Popioły i korzenie. Szkice historyczne i rodzinne. Kraków, 1985.
Rozdolski R. Do historii Stowarzyszenia Ludu Polskiego // Kwartalnik Historyczny. 1936. R. 50.
Różewicz J., Zasztowl L. Polskie Kolegium Uniwersyteckie w Kijowie (1917—1919) // Rozprawy z Dziejów Oświaty. 1991. T. 34.

Rudnicki P. Drobną szlachta podlaska w wojskach radziwiłłowskich w XVII wieku // Drobną szlachta podlaska w XVI—XIX wieku. Materiały sympozjum w Hoinach Majera (26—27 maja 1989 roku) / Red. S.K. Kuczyński. Białystok: то же.

Russia's Great Reforms, 1855—1881 // B. Eklof, J. Bushnell, L.G. Zakharova
Bloomington, 1994.

Ruszczyk M. Dzieje rodu i fortuny Branickich. Warszawa, 1991.

Rychlikowa I. Bojarzy pancerni na pograniczu moskiewskim w XVI—XIX w. // Przegląd Wschodni. 1994. T. III. Zesz. 2 (11). S. 411—449.

Rychlikowa I. Carat wobec polskiej szlachty na ziemiach zabranych w latach 1772—1831 // Kwartalnik Historyczny. 1991. Nr 3. S. 51—83.

Rychlikowa I. Deklasacja drobnej szlachty polskiej w Cesarstwie Rosyjskim. Spór o «Pułapkę na szlachtę» Daniela Beauvois // Przegląd Historyczny. 1988. T. 79. Z. I. S. 121—147.

Rychlikowa I. Tatarzy litewscy 1764—1831 szlachtą? // Kwartalnik Historyczny. 1990. Nr 3—4. S. 92—94.

Rychlikowa I. Ziemianstwo polskie 1789—1864. Zróżnicowanie społeczne. Warszawa, 1983.

Rzewuski A. Jego Żartoczna Mość Burak (szkice ukraińsko-kontraktowe). Kijów, 1912.

Rzewuski A. Książd Marian. Obrazki z życia parafianšczyzny kresowej. Kijów, 1914.

Rzewuski A.C. A travers l'invisible cristal: confessions d'un dominicain. Paris, 1976.

Rzewuski H. Pamiętki Soplicy. Warszawa, 1960.

Samsonowicz H., Tazbir J. Tysiącletnie dzieje Polski. Wrocław, 2001.

Serczyk W. Gospodarstwo magnackie w województwie podolskim w drugiej połowie XVIII w. Wrocław, 1965.

Serczyk W. Historia Ukrainy. Wrocław, 1979. S. 259

Siemieński L. Ogrody i poeci // Dzieła. Warszawa, 1981. T. I.

Sienkiewicz W. Ziemianie zależni w Wielkim Księstwie Litewskim od połowy XVI do połowy XVIII w. Doktorat w Instytucie Historii UW. Warszawa, 1982.

Sikorska-Kulesza J. Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX w. Warszawa, 1995.

Skalski T. Terror i cierpienie. Kościół katolicki na Ukrainie 1900—1932 / Oprac. K.J. Wolczański. Lublin, Rzym, Lwów, 1995.

Skarga ubogiej szlachty podolskiej do Stanów // Materiały do dziejów Sejmu Czteroletniego / Red. J. Wołyński, J. Michalski, E. Rostworowski. Wrocław, 1969. T. III.

Skorka L. Un magnat polonais en Touraine Xavier Branicki 1816—1879 // Bulletin de la Société Archéologique de Touraine. T. 39.

Skowronek J. Antynapoleońskie koncepcje Czartoryskiego. Warszawa, 1969.

Smoleński W. Drobną szlachta w Królestwie Polskim. Pisma historyczne. Kraków, 1901. T. 1.

Snyder T. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569—1999. New Haven; London, 2004.

Spasowicz W. Źródła prawa czynszowego na zachodnich kresach cesarstwa, wedle zwierciadła Saksońskiego i jego komentatorów polskich. St. Petersburg, 1885.

Spółceństwo obywatelskie i jego reprezentacja 1493—1993 / Red. J. Bardach, W. Sudnik. Warszawa, 1995.

Sprawozdanie z konferencji naukowej o drobnej szlachcie na Mazowszu i Podlasiu // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Warszawskiego. Filia w Białymstoku. Humanistyka Prace Humanistyczne. 1977. T. IV. Z. 19.

- Stan polskości na Ukrainie // *Przegląd Wschodni*. T. I. Z. 4. S. 847—851.
- Stankiewicz Z.* Szlachta — ziemianie w świetle ankiety włościańskiej 1814 r. // *Ziemiaństwo polskie 1795—1945* / Red. J. Leskiewiczowa Warszawa, 1985.
- Stempowski S.* Pamiętniki 1870—1914. Wrocław, 1953.
- Stoczewska B.* Litwa, Białoruś, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego. Kraków, 1998. S. 397.
- Stroński H.* Książd Piotr Mańkowski (1866—1933). Biskup diecezji Kamienieckiej / *Pamiętnik Kijowski*. 2004. T. 7.
- Stroński H.* Ostatnie dni Arkadii, zagłada życia gospodarczego i społeczno-kulturowego Polaków na Prawobrzeżu w latach wojny i rewolucji 1916—1919 // *Pamiętnik Kijowski*, 2006. T. 8.
- Stroński H.* Życie religijne Polaków w Kijowie na początku XX w. // *Pamiętnik Kijowski*. 2002. T. 6.
- Stroynowski A.* Pozycja społeczna drobnej szlachty Wielkiego Księstwa Litewskiego w końcu XVIII w. // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Seria I*. 1976. Zesz. 4. S. 97—108.
- Suleja W.* Kresy wschodnie w myśli politycznej polskiej irredenty w okresie popowstaniowym 1864—1914 // *Między Polską etniczną a historyczną. Polska myśl polityczna XIX i XX wieku* / Red. W. Wrześniński. Wrocław, 1988. S. 47—96. T. VI.
- Sysyn F.E.* Between Poland and the Ukraine: The Dilemma of Adam Kysil. 1600—1653. Cambridge, 1985.
- Szczeniowski T.* Bigos hultajski, bzdurstwa obyczajowe.. Wilno, 1844. T. I—III
- Szmyt A.* Plany rozszerzenia powstania styczniowego na ziemie ruskie // *Echa Przeszłości*. 2004. a 5. S. 111—134.
- Szmyt A.* Rola dworów i rezydencji szlacheckich Krzemieńca i okolic w życiu kulturalnym i towarzyskim Wołynia w latach 1805—1831 // *Pamiętnik Kijowski*. 2006. T. VIII. S. 147—162.
- Szostakowicz B.* Materiały dotyczące uczestników konspiracji Szymona Konarskiego zesłanych na Syberię wschodnią (1839—1857) w zasobach Państwowego Archiwum Obwodu Irkuckiego // *Przegląd Wschodni*. 1998. T. 4. Z. 4 (16). S. 769—804.
- Szpoper D.* Pomiędzy caratem a snem o Rzeczypospolitej. Myśl polityczna i działalność polskich konserwatywnych środowisk szlacheckich w guberniach zachodnich Imperium Rosyjskiego w latach 1855—1862. Gdańsk, 2003.
- Szpotkański S.* Konarszczyzna Przygotowania powstańcze w Polsce w 1835—1839. Kraków, b. r.
- Ślękowa L.* L'image des confins du Sud-Est dans la littérature polonaise des XVI et XVII siècles // *Les confins de l'ancienne Pologne. Ukraine. Lithuanie. Biélorussie XVI—XX siècles* / Réd. D. Beauvois. Lille, 1988. P. 21—38.
- Ślusarek K.* Drobną szlachtą w Galicji 1772—1848. Kraków, 1994.
- Ślusarek K.* Szlachta w Galicji Wschodniej na przełomie XVIII i XIX wieku. Rozmieszczenie terytorialne i liczebność // *Studia Historyczne*. 1991. Z. 2 (133).
- Świdarska W.* Polska macierz szkolna na Podolu // *Pamiętnik Kijowski*. 1966. T. 3.
- Tabiś J.* Polacy na Uniwersytecie Kijowskim 1834—1863. Kraków, 1974.
- Talko-Hryniewicz J.* Z przeżytych dni 1850—1908. Warszawa, 1930.
- Tanty M.* Panslawizm, carat, Polacy. Warszawa, 1970.
- Tarnawski A.* Szlachta zagrodowa w Polsce południowo-wschodniej. Materiały do bibliografii. Lwów, 1938.
- Tazbir J.* La Culture polonaise des XVIe et XVIIe s. dans le contexte européen. Rome, 2001.

- Thaden E.* Russia's Western Borderlands, 1710—1870. Princeton, N.Y., 1991.
- Tokarz W.* Wojna polsko-rosyjska 1830—1831. Warszawa, 1930. T. 1.
- Trojanowska de Saint Jouan Z.* La vie quotidienne des familles polonaises établies en Ukraine, 1863—1917 // Antemurale. 1984—1985. P. 141—257.
- Truchim St.* Współpraca polsko-rosyjska nad organizacją szkolnictwa rosyjskiego w początkach XIX wieku. Łódź, 1960.
- Twardowski S.* Woyna domowa z Kozaki i Tatary, Moskwą... za panowania Jana Kazimierza.. tocząca się. 1681, w czterech księgach.
- Tynna C.Z.* Polacy na Ukrainie // Kultura 1989. № 3.
- Ułaszyn H.* Kontrakty Kijowskie. Szkic historyczno-obyczajowy 1798—1898. Petersburg, 1900.
- Urbański A.* Memento kresowe, Warszawa, 1929.
- Ustrzycki M.* Studium postaw ziemian polskich na kresach w XIX w. — przypadek rodziny Rzewuskich (gałąź na Pohrebyszczu) // Studia Historyczne. R. 44. Z. 2. 2001.
- Ustrzycki M.* Ziemianie polscy na Kresach 1864—1914. Świat wartości i postaw. Kraków, 2006.
- Wakar W.* Rozwój terytorialny narodowości polskiej. Kielce, 1917. T. 3.
- Walewski W.* Cukrownictwo na Ukrainie // Pamiętnik Kijowski. 1963. T. 2. S. 167—194.
- Walewski W.* Wspomnienia o Podolu. Typy polskiej własności ziemskiej na Podolu // Pamiętnik Kijowski. 1966. T. 3.
- Walicki A.* The Enlightenment and the Birth of Modern Nationhood. Polish Political Thought from Noble Republicanism to Tadeusz Kościuszko / Transl. E. Harris. Notre-Dame, 1989.
- Walicki A.* S. Brzozowski — drogi myśli. Warszawa, 1977.
- Wańkiewicz M.* Szczenięce lata Warszawa, 1934.
- Weeks T.R.* Defining Us and Them: Poles and Russians in the «Western provinces», 1863—1914 // Slavic Review. Spring 1994. Vol. 53. № 1. P. 26—40.
- Weeks T.R.* Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863—1914. DeKalb, Northern Illinois, 1996.
- Weeks T.R.* The National World of Imperial Russia: Policy in the Kingdom of Poland and Western Provinces, 1894—1914. Berkeley, 1992.
- Weeks T.R.* Ukrainians and Official Russia: A Deafening Silence // South East European Monitor. IV. № 1. 1997. P. 32—41.
- Werner A.* Jan Bloch. Niedoceniany działacz i myśliciel // Przegląd Wschodni. 1999. T. 5. Z. 5 (20). S. 793—800.
- Weryha Darowski A.* Kresy ruskie Rzeczypospolitej. Warszawa, 1919.
- Weyssenhoff J.* Puszcza Ludwigsburg, 1915.
- Whittaker C.* The Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov, 1786—1855. DeKalb, 1984.
- Wieczorkiewicz P.P.* Z genezy projektu wydzielenia Chełmszczyzny // Rocznik Lubelski. 1981—1982. T. XXIII—XXIV. S. 111—126.
- Wielhorski W.* Ziemie ukraińskie Rzeczypospolitej. Zarys dziejów // Pamiętnik Kijowski. Londyn, 1959. T. I.
- Wierzchowski M.* Z dziejów polskich organizacji spiskowych w zaborze rosyjskim 1837—1841 // Przegląd Historyczny. T. III. Z. I. S. 23—41.

Wierzejski W.K. Fragmenty z dziejów polskiej młodzieży akademickiej w Kijowie 1864—1920 // Niepodległość. 1939. T. 19. S. 418—470.

Winiarski B. Ustrój polityczny ziem polskich w XIX wieku. Poznań, 1923.

Witwicka-Dudek A. Przegląd wybranych polskich tytułów prasowych wydawanych w Kijowie na początku XX wieku do roku 1918 // Pamiętnik Kijowski. 2002. T. 6. S. 116—143.

Wojciechowska-Żywułtowska A. Biała Cerkiew, książka pamiątkowa Białocerkwian. Warszawa, 1919.

Wojtasik J. Drobną szlachtą podlaska w wojsku Rzeczypospolitej i w powstaniach narodowych // Drobną szlachtą podlaska w XVI—XIX wieku. Materiały sympozjum w Hoinach Majera (26—27 maja 1989 roku) / Red. S.K. Kuczyński. Białystok, 1991.

Wołoszyński R.W. Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801—1830. Warszawa, 1974.

Wołyń, Podole i Ukraina wobec zmartwychwstańczych usiłowań innych części Polski // Przegląd Rzeczy Polskich. 22.05.1861. S. 27—46.

Wovk J. Aktywność społeczno-kulturalna Polaków na Ukrainie na początku XX wieku // Przeżość, terażniejszość Polaków na Wschodzie. Prace naukowe Światowej Rady badań nad Polonią. T. 7 / Red. M. Szczerbiński, T. Wolsza Gorzów, 2001

Wrotkowi F. Powstanie na Wołyniu, Podolu i Ukrainie w roku 1831. Lipsk, 1875.

Wyczański A. Szlachta polska w XVI w. Warszawa, 2001.

Yidn in Ukraine. New York, 1961.

Z dziejów Ukrainy. Księga pamiątkowa ku czci Włodzimierza Antonowicza, Paulina Święcickiego i Tadeusza Ryłskiego / Red. W. Lipiński. Kijów, 1912.

Z.L.S. (Przyborowski W.) Historia dwóch lat 1861—1862. Kraków, 1896. T. 5.

Zahorski S. Szymon Konarski, życie i czyny. Wilna, 1907.

Zajączkowski A. Główne elementy kultury szlacheckiej w Polsce. Ideologia a struktury społeczne. Wrocław, 1961.

Zajączkowski A. Szlachta polska. Kultura i struktura. Warszawa, 1993.

Zakrzewski A. Marszałek powiatowy Wielkiego Księstwa Litewskiego marszałkiem sejmikowym (XVI—XVIII w.) // Parlament, prawo, ludzie. Studia ofiarowane profesorowi Juliuszowi Bardachowi w sześćdziesięciolecie pracy twórczej. Warszawa, 1996.

Zakrzewski A. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego epoki stanisławowskiej do 1788 r. Zmiany w ustroju i funkcjonowaniu // Ziemie Północne Rzeczypospolitej Polsko-Litewskiej w dobie rozbiorowej 1772—1815 / Red. M. Biskupa. Warszawa-Toruń, 1996.

Zaleski B. Zniesienie poddaństwa na Litwie // Rocznik Towarzystwa historyczno-literackiego. 1868.

Zaliński H. Kształt polityczny Polski w ideologii Towarzystwa Demokratycznego Polskiego 1832—1846. Wrocław, 1976.

Zasztowl L. Drobną szlachtą w guberniach zachodnich cesarstwa rosyjskiego — aneks do dyskusji o liczbie zdegradowanych // Księga pamiątkowa ku czci prof. J. Miąso. Warszawa, 2003.

Zasztowl L. Europa Środkowo-Wschodnia a Rosja XIX—XX wiek. W kręgu edukacji i polityki. Warszawa, 2007.

Zasztowl L. Koniec przywilejów — degradacja drobnej szlachty polskiej na Litwie historycznej i prawobrzeżnej Ukrainie 1831—1868 // Przegląd Wschodni. 1991. T. 1. Z. 3. S. 615—640.

Zasztowl L. Kresy 1832–1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1997.

Zasztowl L. Polskie szkółki ludowe na Ukrainie w latach 1905–1914 // *Rozprawy z dziejów oświaty*. T. 33. 1990. S. 87–105.

Zasztowl L. Procesy karne na ziemiach litewsko-ruskich po likwidacji unii w 1839 r. // *Przegląd Wschodni*. T. II: 1992/1993. S. 611–631.

Zgórnjak M. Podstawy społeczne powstania 1830–1831 na Litwie, Białorusi i Ukrainie // *Struktury, ruchy, ideologie XVIII–XIX w.* / Red. H. Kozłowska-Sabatowska. Warszawa, 1986.

Zhuk S. Russia's Lost Reformation: Peasants, Millennialism and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830–1917. Baltimore, 2004.

Zielińska T. Magnateria polska epoki saskiej. Funkcje urzędów i królewskich w procesie przeobrażeń warstwy społecznej. Wrocław, 1977.

Ziemiański I. Zarys rozwoju POW w Żytomierzu // *Niepodległość*. 1934. T. 9. S. 405–428.

Zięba J. Znad Stochodu. Wspomnienia wołyńskie. Lublin, 2001.

Złotorzycka M. Jarosław Dąbrowski o sprawie ruskiej // *Niepodległość*. 1934. T. 9. S. 455–463.

Żółtowska J. z Puttkamerów. Inne czasy, inni ludzie. London, 1959.

Żychliński T. Złota księga szlachty polskiej. T. I–XXXI. Poznań, 1879–1908.

Żytkowicz L. Rządy Repnina na Litwie w latach 1794–1797. Wilno,

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Абаза А.А. 610, 911
Абамелик, князь 208, 529, 529
Абрамович С. 529
Абрамович Ю. 582
Август II, король Речи Посполитой 22, 53
Август III, король Речи Посполитой 22
Августинович А. 323
Авейде О. 517, 541
Адельгейм 863
Акинфов 759
Аксаков И.С. 452
Александр I, император 11, 22, 25, 27—29, 32, 89, 91—93, 94, 109—111, 113, 114, 116, 123, 125, 126, 129, 133, 136, 138, 141, 142, 172, 174, 176, 179, 189, 190, 194—196, 199, 201, 203—205, 206, 209, 216, 218, 224, 225, 232, 237, 249, 255, 260, 265, 269, 272, 273, 287, 295, 379, 448, 565, 710, 783, 940
Александр II, император 340, 343, 344, 347, 407, 436, 441, 443, 444, 485, 488, 506, 540, 541, 563, 572, 573, 578, 584, 586, 588, 589, 595, 634, 644, 650, 672, 717, 721, 722, 732, 785, 788, 814, 911, 916, 933
Александр III, император 590, 595, 597, 600, 601, 602, 605, 665, 711, 736, 787, 790, 801, 824, 841, 883, 887, 906, 911
Александр Николаевич, вел. кн., цесаревич 785
Александр Ягеллон, вел. кн. Литовский 41
Алексей Михайлович, царь 44, 237
Альбертранди Я.Б. 251
Альбини 332
Анастасевич Б. 217, 237, 238
Анджеёвский А. 833
Анджеёвский Ю. 832, 833, 836
Анисимов Е.В. 13
Андриевский М.А. 589
Анненков Н.Н. 354, 365, 571, 572, 574, 575, 586, 621, 633, 635—637, 704, 810, 811
Антонович В.Б. 343, 541, 542, 631, 648, 841
Антонович П.А. 582
Анфимов А.М. 898
Анчиц В. 839
Апухтин А.Л. 829
Аракчеев А.А. 93, 94, 123—125, 128, 129, 133, 136, 144, 166, 188, 194, 196, 197, 230, 273, 298, 300, 310
Арсений, митрополит 346
Артемьев А.И. 539
Афтаназис Р. 878

Базылев Л. 24
Байковский 437
Байрашаускайте Т. 201
Байрон Дж. Г. 829
Бакунин М.А. 822
Балабан 613
Баладинский 730
Балашов 870
Балашов А.Д. 195, 203
Балицкий Э. 821, 822

¹ Составлен Мариной Алхазовой.

- Балуюкович 761
 Бальзак О. 24, 312, 341, 459, 469, 565, 880, 883
 Баранов Д.О. 92, 93, 116
 Баранов Э.Т. 584, 785
 Барановский 807
Бардах Ю. 42
 Барес М. 882
 Барка В. 698
Бармак М.В. 14, 357
 Баронч 752
 Бартошевич В. 841, 842
 Бартошевич И. 834, 837, 841
Барташевич Я. 775, 791, 890, 903
Башляр Г. 885
 Баршевский Ф. 529
 Бахметьев А.М. 208, 211, 212
 Бахницкий С. 824
 Беднарчик Е. 634
 Бежинский А. 200
 Бежинский В. 508
 Безак А.И. 545, 575, 576, 578—580, 581, 582, 584, 586, 587, 589, 621, 636—638, 643, 644, 705—708, 709, 710, 744, 769, 785, 788, 789, 811—813, 814—816, 817, 933
Безансон А. 266
 Безбородко А.А. 126, 270
 Бек 388
 Бекерский А. 340
 Беклешев А.А. 108
Беккер С. 712
 Белецкий Р. 540
 Белинская Ю. 529
 Бенёвские 839
 Беннигсен Л.Л. 82
 Бенкендорф А.Х. 230, 310, 314, 359, 395, 430, 472, 494, 517
Бенсидун С. 656
 Беньковский 325
 Беньковский С. 338
 Берг Ф.Ф. 785
 Берд К. 456
 Березовский А. 589, 624, 814
 Березовский М. 200
 Березовский Я. 529
Берелович А. 13, 53
 Беретти А.В. 444
 Бернавский А. 634
 Бернатович А. 509
 Бернацкая М. 369
 Бернацкий (Корчак) 821
 Бессер В. 474, 475
 Бехи 392
 Бжезинский Э. 816, 817
 Бжозовские 659
 Бжозовский 212
 Бжозовский З. 443, 529
 Бжозовский К. (Бржозовский, Брозовский) 315, 316, 345, 529
 Бжозовский П. 529
 Бжозовский С. 829
 Бжостовский М. 529
 Бибииков Д.Г. 12, 104, 137, 148, 202, 208, 210, 232, 235, 310, 311, 320, 321, 325—327, 328, 329, 331—333, 334, 336, 338—340, 342, 346, 348, 351, 390—392, 393—395, 396—398, 401, 403—405, 406—407, 416, 428—430, 431—433, 434—436, 438, 439, 453, 455, 460, 480, 481, 487, 494—496, 499, 501, 502, 503, 506, 511, 513, 516, 517, 521—523, 524, 529, 534, 535, 536—538, 545, 559—561, 563—565, 569, 574, 598, 701—703, 709, 739, 774, 891, 940
 Билинский А. 529
 Билошицкие 392
 Бисмарк О. 913, 936
 Бланк Л. 487
 Бламанш Е. 759, 760
 Блендовский 200
 Блюх И.С. (Блох Я.Г.) 856
Блок М. 37
 Блудов Д.Н. 374, 381, 424, 490, 493, 494, 498
 Блудова А.Д. 582
 Бнинская И. 529
 Бнинский Р. 666
 Бобринский А.А. 457
 Бобринский В.А. 855, 872
 Бобровский К. 902
 Бобровский С. 351, 488
 Бобровский Т. 342, 344, 348, 355, 396, 406, 420—422, 438, 443—445, 446, 450, 456, 470, 471, 483, 485, 488,

- 542, 543, 671, 574—576, 580, 581,
583, 639, 640, 819, 889
- Богданович Б. 483, 571
- Боголепов Н.П. 825
- Богущий В. 824
- Бокль Г.Т. 830
- Болецкий А. 830
- Болотов А.Т. 53
- Болсуновские 392
- «Бонавентура» (псевдоним) 859, 868
- Боплан Г.Л. де 47, 106, 454
- Бопре А. 512, 516
- Бопре Я. 514
- Борейко В. 529
- Борейко П. 529
- Борейша Е.* 634
- Борковский Л. 634
- Боровская Х. 716
- Боровский Каспар, епископ 348, 352—
354, 503, 506, 624, 785—787
- Боровский П. 480, 483, 515, 516
- Боровский Ф. 716
- Бороздович Ю. 808, 809
- Босючкова 323
- Бохановский И.В. 646
- Бохенский Ф. 203
- Брайншвейг Р. 446
- Брандес 830
- Брандт Ю. 460, 883
- Браницкая 816
- Браницкая-Энгельгардт А. 654
- Браницкая М. 881
- Браницкие 36, 48, 101, 175, 218, 307, 315,
322—324, 325, 341, 444, 454, 457,
461, 488, 535, 538, 586, 649, 650,
654, 655, 670, 732, 736, 738, 750,
856, 876, 883, 893, 895, 900, 901, 918
- Браницкий А. 447, 529, 579, 585, 594
- Браницкий В. 347, 443, 456, 529, 654,
661, 856, 900, 901
- Браницкий К. 529, 585, 641, 855
- Браницкий Ф.К. 23, 24
- Брадке Е.Ф. фон 474, 475, 478, 498
- Бродовский А. 755
- Бродские, сахарозаводчики 870, 872, 901
- Броэль-Плятер, граф 542
- Брюкнер А.* 51
- Будберг А.А. 118
- Будкевич К. 812
- Букар С. 25
- Булава 768
- Булгаков Б.А. 843
- Бунге Н.Х. 771, 911, 912
- Бурделюк С. 310
- Бурдые П.* 938
- Бурман 673
- Бутковский Ю. 257
- Бутович А. 407, 408, 436
- Бутович В. 421
- Бутовт-Анджейкович М. 151—153, 231
- Бутурлин 894
- Бучинский 237
- Бушинский В. 323
- Буяльский Ю. 483
- Быковский Ш. 173
- Ваза, династия 54
- Вакар В.* 619, 775, 791, 890
- Валевская 734
- Валевская А. 474, 530
- Валевская Ц. 530
- Валевские 887
- Валевский В. 871
- Валевский Т. 529
- Валленрод К. 885
- Валуев П.А. 350, 451, 572, 573, 575, 577,
578, 579, 583, 585, 588, 589, 633,
636, 785, 788, 810—812, 859
- Валютинский Д. 530
- Ван Дейк 461
- Вайнштейн 705, 719
- Ванновский П.С. 825
- Ванькович М. 683, 801
- Вархаловский Ю. 843
- Варыньский Л. 817, 821
- Васильев А.И. 108, 11
- Васильчиков И.И. 286, 287, 346, 348,
349—351, 352—354, 364, 403, 439—
441, 442, 488, 502, 503, 506, 523,
543, 571, 621
- Васильчиковы 940
- Васковичи 392
- Васютинский М. 890

- Васютинский Ю. 679
 Вахновский 322
 Вежбицкий Б. 863
 Вежбицкий Р. 530
 Вежбовский Л. 322
 Вежейский Б.К. 831
 Вежейский В.К. 902
 Вежемский (Веремский) 323
 Вейдемейер И.А. 123, 126
 Вейсенгоф Ю. 884
 Векер 897
 Вележинский А. 590
 Вележинский Ю. 209
 Велёпольский А. 29, 347
 Вельдбрехт 144
 Вельхорский В. 369
 Вельяминов А.А. 370, 374
 Венцкий М. 173
 Вербоци С. (И.) 40
 Верницкий Ю. 590
 Ветрова М.Ф. 824
 Видзач 200
 Вискман В. 509
 Вильгельм II, император 913
 Вильмяновский 395
 Вильчек 202
 Вильчинский 200
 Винницкий С. 480
Винярский Б. 369
 Вистенберг Я. 805
 Витгенштейн К. 530
 Витковский Б. 831
 Витковский С. 52
 Витовт, вел. князь Литовский 41
 Витославский И. 530
 Витославский Ю. 173, 177, 179
 Витте С.Ю. 758, 833, 855, 856, 860—862, 864, 930
 Витте Ф.Ф. 352, 508
 Вишетравка 235
 Вишневецкие 46, 47, 461
 Вишневецкий 322
 Владимир Святославич, кн. 78
 Владимир Ольгердович, кн. 47
 Владислав IV Ваза 50
 Владислав Ягайло 41
 Влодек М.Ф. 145
Воблий К.Г. 873
 Вогуэ Э.-М. де 354
 Водзицкая А. 679
 Воеводская О.Х. 11
 Войниллович Э. 671
 Войткевич 734
 Володковичи 575
 Волошиновский И. 676
 Волошинский 475
 Вольней К.Ф. 31
 Вольский 93
 Вольтер 938
 Вонсович Ф. 719
 Вонсовичи 538
 Воронин 711
 Вороницы 175
 Воронцов С.Р. 83
 Воронцовы 425, 855
 Ворцель 113, 119, 222
 Ворцель М. 200, 257, 530
 Ворцель С. 100, 108, 188, 470
 Врублевский 312
 Выговский И. 254
 Выговский К. 48
 Высоцкий К. 509, 544
 Выспанский С. 10, 808
 Выховский 718, 719
 Вычанский А. 42
 Вычулковский Л. 10
 Вишнеградский И.А. 856
 Вишнеградский И.А. 771, 856
 Вяземский П.А. 219
 Вязмитинов С.К. 130, 131, 215, 220
 Гаас К. 514
 Габсбурги, династия 797
 Гаворовский 724
 Гагарин П.П. 572, 588
 Гадон Л. 843
 Гакстаузен А. 583
 Галаган Г.П. 572, 810
 Галлер И.В. фон 812, 815
 Галецкий О. 509
 Галузин И. 126
 Гальперины 872
 Ган А.Ф. 196
 Ганицкий В. 902

- Ганская Э. 24, 29, 312, 340, 464, 469, 530, 565
Ганский В. 24, 214, 257, 312
Гарибальди Дж. 351, 544
Гащари 894
Гедройц 768
Гедройц Е. 12, 831
Гейкин Г.Э. 820
Гембажевский 674
Генрих Валуа 45
Герард 461
Геровский Ю.А. 51, 61, 81
Геродот 467
Герсон В. 883
Герцен А.И. 292, 329, 343
Гессе Н.П. 646, 650, 722
Гессе П.И. 354, 816
Гете И.В. 467
Гижецкий Ф. 768
Гижицкий 272
Гижицкий Б. 161, 180, 213—215, 220—222, 224
Гижицкий Л. 530
Гижицкий Я. 530
Гизель И. 26
Гилевич А. 864
Гиллер А. 821
Гинзбург Л.Г. 872
Гирс Н.К. 597
Глазов В.Г. 825
Глембоцкий С. 730, 750
Глембоцкий Ю. 509
Глинка М.И. 588
Глинка Ф.Н. 8
Глинский 339
Глюксберг К.Т. 475, 486
Гляер Р. 322
Гнатовский П. 509
Гогенлое М.Л. 611
Говорский К.А. 632
Гоголь Н.В. 9, 114, 202, 308, 369, 393, 460 487, 585
Голембовская Р. 755
Голинский 202
Голинский А. 509
Голицын А.Н. 29, 146, 259, 260, 274
Голицына С.А. 206
Голицыны 82, 270
Головкин Ю.А. 32
Головнин А.В. 364, 849
Голубцов Ф.А. 114, 125, 126, 198, 199
Голынский Я. 515
Гольденберги 872
Гомбрович В. 899
Гомер 265, 467
Гонсовский 665
Гонта И. 170, 462
Гордый 663
Гордон 483
Горизонтов Л.Е. 14
Городецкие 752
Городецкий В. 323
Городецкий Ю. 509
Гороховский 93
Горошенский 137
Горчаков А.М. 581, 586, 785
Гостинский А. 193
Готовцев Ф.В. 722, 725, 728, 733
Гошинский С. 10, 280, 307, 355, 462, 483, 498, 630
Грабовский М. 485, 487, 542
Грабовский Ф. 515
Грабовский Ю. 542
Грабянка К. 530
Грабянка Л. 530
Градовский А.Д. 357
Грессер П.А. 715—717, 721, 722
Грибоедов А.С. 289, 292
Гримстед П. 236
Гродзиский С. 81
Гроиньский К. 831
Громадзкий П. 541
Гронешко В. 514
Грохольская О. 530
Грохольские 679, 847, 883
Грохольский 659, 662, 770, 887
Грохольский А. 530
Грохольский В. 834, 903
Грохольский Л. 530
Грохольский М. (Н.М.) 113, 151—153, 154, 155, 180, 224, 225, 232, 233, 234, 472
Грохольский Ф. 674
Грохольский Х. 530

- Грохольский Я. 530
 Гроттгер 843
 Грузинский М. 509
 Грушевский М. 38
 Грушецкий Г. 530
 Губонин П.И. 856
 Гудим-Левкович 330, 331, 423, 646, 647,
 656, 666, 863
 Гулак Н.И. 337
 Гуменюк 675
 Гурский 324
 Гурский В. 890
 Гурский М. 824
Гурский К. 359
 Гурская Х. 902
 Гурьев А.Д. 387—389, 390
 Гурьев Д.А. 132—134, 135, 165, 195, 199,
 206, 218
 Гусковский С. 902
 Гутовский 645
 Гутовский А. 530
 Гутовский М. 530
 Гюго В. 10

 Давид В. 486
 Давыдовы 872
 Даль В.И. 9
 Данилевич К. 200
 Данте А. 934
 Дарвин Ч. 830
 Даровская К. 530
 Дашков Д.В. 167, 378, 381
 Дверницкий Ю. 200, 359, 367
 Двожачек В. 43
 Двораковский С. 697
 Дейч Л.Г. 646, 732
 Дейша 389, 390
 Делиль Ж. 28, 461
 Делянов И.Д. 814, 825, 893
 Дембовский К. 530
 Демидовы 252
 Денисович И. 238
 Деньский М. 367
 Деревичи 896
 Державин Г.Р. 29, 91—93, 96, 110, 111,
 128, 179, 298
 Дешан А. 219
 Джевецкий М. 888

 Джевицкий 255, 274
 Джевицкий Ю. 272
 Дженни Ф. 456, 770, 872, 917
 Дзедушицкие 460
 Дзеконская А. 530
 Дзеконские 538
 Дзержинские 679
 Дзялинская 313
 Дзялинский Б. 530
 Дидковский 597
 Диккенс Ч. 829
 Димитрович 714
 Диновский 666
 Дирмонт 821
 Длуский А. 818, 821, 822
 Дмовский Р. 839
 Дмоховский 498
 Добенский З. 509
 Добжанский К. 322
 Добжанский М. 210
 Добровольский 235
 Добровольский З. 322
 Добровольский Ю. 509
 Довнар-Запольский Н.В. 47
Долбилов М.Д. 13, 15, 362
 Долгорукие 82
 Долгорукий 395
 Долгоруков А.А. 145, 146, 230, 240, 320
 Долгоруков В.А. 572
 Домбровские 659
 Домбровский 107, 213, 322
 Домбровский Ю. 488
 Домбровский Я. 206, 634
 Домонтович М.А. 571
 Донат 871
 Донго Ф. дель 469
 Дондуков-Корсаков А.М. 545, 589, 591,
 621, 644, 647, 648, 716, 718, 720, 723,
 725, 769, 787, 794, 795, 816, 820, 911
 Дордт 223
 Достоевский Ф.М. 516, 884
 Драгоманов М.П. 648, 711, 787, 819
 Драгомиров М.И. 613, 615, 621, 673,
 754—756, 757, 773, 802, 913
 Дребуш 395
 Дрентельн А.Р. 545, 589, 597—599, 600,
 601, 605, 609, 612, 613, 621, 651, 652,

- 655, 660, 663, 667, 735, 741, 744,
771, 797, 906, 911
- Дружбацкий А. 509
Дружбацкий М. 544
Дружинин Я.А. 145
Друэн-де-Люис 540
Дрэпер Дж.В. 829
Дрюмон Э.А. 654, 918
Дубецкий М. 488, 545
Дубнов С.М. 917
Дубовецкая 661
Дубовский 808
Дуглас 894
Дудинцев М.А. 740
Дунин-Борковский К. 766, 767, 804
Дунин-Вонсович С. 509
Дунин-Карвицкий С. 56, 100
Дурилин 755
Дурново И.Н. 609, 610, 661, 671, 747, 916
Дыбовский С. 833
Дьяков В.А. 12
Дюмурье Ш.Ф. 516
- Евлогий, епископ 796
Едлицкий Е. 14, 37, 58—60, 61, 62
- Екатерина II, императрица 6, 22—24, 25,
26, 30—32, 35, 53, 60, 75, 79—81, 82,
84, 87, 88, 91, 96—98, 100, 119, 120,
126, 171, 176, 204, 219, 222, 234, 259,
274, 287, 295, 297, 306, 366, 369,
378, 379, 424, 434, 497, 507, 519,
566, 569, 710, 798, 915, 928, 934, 940
- Екатерина Павловна, вел. княжна 128
Елена Павловна, вел. княг. 810
Еленский М. 864
Елецкая 659
Елизавета Алексеевна, императрица 22
Елисеев 648
Еловицкая 27
Еловицкие 887
Еловицкий А. 462, 509, 666
Еловицкий Б. 839
Еловицкий В. 509
Еловицкий С. 530
Еловицкий Э. 509, 861
Ергольский 115, 116
Еремеев 402
Ермолов А.П. 92, 196, 197
- Ермолов А.С. 864
Ероминская Г. 323
Ерошкин Н.П. 14
- Жабокрыцкий 200
Жакоб Л.Г. 280
Жарри А. 410
Жевуская Э. 24, 581
Жевуские 175, 454, 510, 538, 879, 880
Жевуский Адам 258, 268
Жевуский Адам, писатель 871, 872
Жевуский (Ржевуский) Адам Адамович,
генерал 632
Жевуский В. 314, 367, 510
Жевуский С. 24, 257
Жевуский Х. (псевд. Ярош Бейла) 24, 55,
63, 241, 324, 421, 431, 437, 464—466,
468, 485, 487, 497, 528, 562, 817
Жевуский Э. 532, 731, 732
Желиговский Е. 486
Желтухин П.Ф. 234—236, 238—240, 261
Желтухины 940
Желябов А.И. 647
Жеромский С. 829
Жилинский П. 786
Житковский 232
Жищевская Ц. 532
Жищевский Г. 532
Жмиевский Х. 509
Жмовский 734
Жорес Ж. 843
Жорж Санд 318
Жуковский 146
Жуковский Б. 590
Жуковский Н.В. 388, 389
Жултовская Я. 680, 801, 879, 882, 885,
896
Журавский 342
Журовская Л. 530
Журовский М. 530
- Забродский П. 717
Заборовский К. 751
Завадзкий 200
Завадовский П.В. 255—257, 264, 290
Завиша А. 507
Завроцкий 208

- Зажичкий Л. 710
Зазеховский В. 530
Зазеховский Ю. 530
Зайончковский П.А. 301, 639
Зайцев В.М. 707
Закшевский (Закревский) 200, 257
Залевский В. 530
Заленский Л. 839
Заленский Ю. 486
Залеская 745
Залеская В. 676, 898, 908
Залеские 721, 879
Залеский 714
Залеский Б. 10, 766
Залеский С. 861
Залеский Я. 515
Заливский Ю. 506
Замброшицкий Я. 322
Замойские 48
Замойский А. 445, 542
Замойский В. 540
Замойский Я. 45, 59, 530
Запольский Ф. 200
Запольский Я. 508
Заремба Я. 750
Заславские 46
Заитовт Л. 14, 418, 478, 762, 809, 832—834
Збараские 46
Зеурняк М. 81
Згурский 58
Здановский Х. 766, 833, 904
Здзеховские 879
Здзеховский 770
Здзеховский В. 327
Зеленой А.А. 576, 578, 583, 589
Зеленские 606
Зелинская Т. 454
Зелинский А. 405
Зелинский С. 822, 833, 834, 838
Зелинский Ю. 514
Зелинский К. 817
Землянский И. 831
Зенгер Г.Э. 825
Злотницкий 436
Злотницкий А. 25
Зноско Я. 238
Золя Э. 830
Зубов В.А. 31, 82, 91, 128
Зубов П.А. 25, 81—83, 84—86, 87, 88, 92, 94, 97, 102, 119, 124, 297, 369, 401, 755
Зубова 769
Зубрицкие 752
Зятко А. 723
Иван Калита 26
Иван IV (Грозный) 26
Иванов М. 698
Ивановская К. 530
Ивановский Д. 530
Ивановский Е. 744
Иванский А. 316, 317, 340, 409, 463, 480, 498, 499, 538
Иванькевич К. 749
Иваньские 880
Иваньский А. 699
Ивашкевич Я. 879, 880, 899, 900
Ивашкевичи 323
Игнатъев А.П. 545, 601, 605, 609, 610—612, 613—615, 616, 621, 666, 669—671, 749, 750, 754, 771, 772, 799, 802, 827, 857, 913, 930, 940
Игнатъев Н.П. 596, 601
Ижицкий М. 530
Избицкий 200, 389
Иконников В.С. 818
Илинские 535
Илинский (Ильинский) А. 107, 110, 188, 213
Илинский В. 515
Илинский Г. 214
Илинский Х. 530
Илинский Я. 395
Ильинский 723
Иллинский Х. 580
Иллинский Ю.А. 29
Имеретинский Н.К. 77, 102, 108, 161, 180
Иозефович А.А. 913
Иосиф II Габсбург, император 270
Исаков 666
Кабузан В.М. 77, 161
Кавелин А.А. 484, 515
Казимир (Великий), король 62, 379
Казнаков Н.Г. 572, 582, 643

- Кайзер З. 509
Калм Л. 531
Калужинский З. 542
Каменский Х. 470,
Комзолова А.А. 15
Каминский А.С. 39, 45, 53
Каминский Х. 319, 409
Канёвский М. 830
Канкрин Е.Ф. 144, 145, 151, 285—287,
294, 314, 377, 382—384, 400, 425,
507, 569
Каракозов Д.В. 588, 814, 849
Карамзин Н.М. 78, 128, 133, 195, 213,
265, 295, 419, 434, 566, 814
Капнист П.А. 786
Карасевич В. 384
Карасевич Я. 384
Карвинский С. 679
Карвицкие 656
Карвицкий В. 430, 430
Карвицкий К. 530
Карвицкий Я. 867—869, 888, 911, 918
Кармелюк У. 309
Карп М.Ф. 65, 121
Карпинские 839
Карпицкий 323
Каррачи 461
Карчев 582
Карчинский 577
Катакази М.К. 582, 815
Катеринич В.С. 151, 153, 232, 235
Катков М.Н. 6, 350, 573, 647, 799, 819,
823, 859, 912
Каутский К. 843
Кауфман (фон Кауфман) К.П. 578, 580,
584, 788
Каханов И.С. 598—600, 602, 611
Качковский З. 817
Качковский К. 486
Кашовский А. 530
Кашовский Т. 531
Квитко-Основащенко Г.Ф. 665
Квятковский К. 200
Кевлич Г. 745
Кейстутович С. (Ж.) 39
Келесинский В. 460
Келесинский К. 309
Кеневич С. 81, 355, 488, 544, 571
Кербедзь С.И. 856
Кибальчич Н.И. 647
Киселев П.Д. 87, 150, 328, 329, 334, 400,
401, 405, 495, 701
Кистяковский Б.А. 674
Китович Е. 174
Кишкой 196
Клейгельс Н.В. 621, 678, 679, 767
Клейндинсты (Юлиан и Альбин) 842
Кленович С. 174
Клецель Я. 705
Клочовский Е. 39
Клюшников В.П. 9
Кнолл Г. 838
Княжнин Б.Я. 311, 377
Князевич К. 197, 272
Кобылинские 392
Ковалев И.Г. 235
Ковалевский 472, 577
Ковальская 650
Коженёвский А. 488
Коженёвский Ю.К. (Джозеф Конрад)
480, 506, 509, 817
Кожуховский В. 717, 763, 764, 794
Козаковский В. 863
Коздровский И. 751
Козловский 861
Козловский В. 488
Козловский Ф. 107, 109, 111—113
Козловский Ш.М. 797, 799, 800
Козловский Я. 322
Кокорев В.А. 856
Козодавлев О.П. 107, 111, 212, 284, 286,
301
Коленкур А. де 123
Коллонтай Г. 60, 65, 111, 119, 251, 254—
256, 264, 473
Колодзейчик Я. 765
Колодкевич М. 822
Кольберг 200
Колянковский Л. 858
Комар 84
Комар А. 531
Комар М. 531
Комбурлей М.И. 124, 125, 186, 193, 195,
197—199, 205, 212—214, 298

- Коморович 424
 Конарский Станислав 56
 Конарский Станислав, брат Ш. Конарского 507
 Конарский Ш. 310, 325, 391, 393, 428, 430, 480, 483, 505, 506, 507, 511, 512, 516, 555, 564, 823
 Концепольские 48
 Концепольский 49
 Константин Павлович, великий князь 25, 30, 133, 145, 205, 206, 216, 218, 223, 225, 230, 233, 234, 300
 Конопашкий 744
 Контрым К. 214, 238
 Кончинский А. 745
 Коперницкий В. 488
 Коптынник А. 804, 840
 Копчинский П. 509
Корелин А.П. 703
 Корвин-Милевский Х. 864, 891
 Коссак З. 882
 Корвин-Петровский К. 540
 Кордашевский Х. 514
 Корещики 46
Корзон Т. 63
 Корнеловский А. 531
 Корнеловский Ю. 339
 Коровай-Метелицкий М. 665
 Короленко В.Г. 9
 Корсак Ю. 510
 Корф М.А. 369, 370
 Корф С.А. 77
 Корчак-Сивицкий 749
 Корчиньский М. 824
 Косецкие 659
 Коссак Ю. 460
 Коссак-Щуцкая 682, 878
 Коссаковская Б. 531
 Коссаковский В. 514, 515
 Коссинский А.А. 203
 Коссовский С. 531
 Костомаров Н.И. 8, 9, 317, 377, 542, 631, 633, 686, 823
 Костышко Т. 22, 25—27, 28, 31, 80, 107, 119, 206, 272, 483, 806
 Котлубицкий (Кутлубицкий) Н.О. 102
 Котляревский И.П. 665, 820
 Котович Я. 530
 Кохановский 467
 Коцубинский К. 322
 Коцубинский (Котюбинский, Коцюбинский) 735
 Кочубей В.П. 88, 91, 93, 109, 113, 114, 116, 118, 119, 181, 183, 188, 221, 235
 Кошкаровы И.Д. и П.А. 799
 Крайовский 744
 Красинская Д. 531
 Красинский З. 530, 611, 641
 Красинский Л. 530
 Красицкий Ю. 340, 467, 595
 Красно-Милашевич В.И. 175
 Крассовский П. 531
 Крашевский Н. 745
 Крашевский Ю. 308, 309, 315, 317—319, 343, 389, 391, 392, 418, 436, 462, 466—468, 470, 485, 486, 540, 542, 546, 562, 630, 817
 Крестовский В.В. 9
 Кречетников М.Н. 25, 97, 170, 214, 519
 Кривошеин А.В. 758
Кривошея И. 176
 Кригсайзен В. 54
Крисань М. 13
 Кроковский А. 531
 Кроненберг Л. 856
 Крупинская 656
 Крушинская М. 897
Кужель М. 81
 Кулеш 22
 Куликовский В. 388
 Кулиш П.А. 337, 631, 825
 Куприн А.И. 9
 Куракин А.Б. 99, 118, 124, 127, 193—195, 197, 200, 203
 Кутьловская Х. 663, 838, 839
 Кутлер И.Н. 680
 Кутузов М.И. 93, 119, 129, 204, 255, 257
Кутшеба С. 417
 Кутьловская Х. 653
 Куцинский А.А. 289
 Кучинский А. 530
 Кушер 716
 Кшевецкий 752

- Кшивицкий Л. 675
Кшижановский (Кржижановский, Крижановский) 323, 430
Кюстин А. де 487
- Лабрюйер Ж. де 877
Лабудзинский Э. 590
Лавров 115
Лада-Заболоцкий Т. 486
Ламанский В.И. 350
Лампи И.Б. (Старший) 23, 82, 461
Ламартин А. 829
Лампедуза Т. 886
Ланской В.С. 226, 232, 504
Ланской С.С. 344, 345
Лашкарев Г.С. 423—425, 426, 428, 514
Лашкевич 863
Леванидова Д. 531
Левашов В.В. 311, 374, 375, 378, 379, 381, 384, 386, 387, 423—425, 427, 431, 472, 475, 476, 506, 508
- Леви-Стросс К.* 883
Левицкая М. 663, 839
Левицкий Т. 310
Левкович Л. 824
Левченко М. 76
Ледницкий Р. 605
Ледуховская М. 531
Ледуховская Х. 748
Ледуховский 220, 439, 450
Ледуховский К. 902
Ледуховский Р. 531
Ледуховский Я. 748
Лелевель И. 238, 254, 367
Ленкевич 475
Ленкевич Г. 379, 381, 384, 386
Ленчицкий Ц. 816
Лепковский Л. 512, 516
Леруа-Больё А. 583, 685, 914, 915
Лескевич А. 515
Лескевич Ю. 200
Лесневичи 752
Лех П.Н. 751
Лешек 102
Лещенко М.Н. 676
Лешинский С. 22, 51, 56
- Лжедмитрий I 214
Либельт К. 487
Ливен К.А. 201, 474, 476, 477
Лизогубова Е. 531
Лимановский Б. 843
Линде С. 237
Липецкий С. 332
Липинский Б. 531
Липинский В. 531
Липинский П. 209
Липинский Ф. 229
Липковские 879, 883
Липковский Л. 617, 680, 681, 684, 857, 879, 880, 889
Липковский П. 861
Липковский Х. 531
Липковский Ю. 356, 447
Липковский Я. 903—905
Липсий Ю. 56
Липский М. 208, 212
Лисецкие 824
Лисецкий М. 759
Лисовская А. 822
Лисовская В. 821
Лисовские 732
Лисовский В. 766, 839
Лисовский Иракий, митрополит 260
Лисовский Х. 821, 822
Литвинов И.Г. 196, 199, 203
Литвинов П.М. 196
Литвинский 200
Лиховский И. 605, 606
Лобанов-Ростовский А.Б. 710
Лобанов-Ростовский Д.И. 137, 139, 287, 288
Лобойко И. 238
Лозинский Э. 380, 590
Лозинский Л. 719
Локателли 498
Лонжинский М. 663, 824, 855, 894
Лопухин Петр В. 115, 116, 118, 121, 122, 125, 127, 128, 130, 203, 237, 425
Лопухин Павел 425
Лопухина Е. 425
Лопухины 872
Лубяновский Ф.П. 369—371, 374—376
Лукавский З. 700

- Луцкевич Б. 663
 Лучинский 270
Лысенко Л.М. 14
 Лысенко Н.В. 665
Лысенко С. 161
 Лыховский И. 743, 824, 888, 903
 Любовидзский С. 25
 Любомирская А. 879
 Любомирская Т. 531
 Любомирская Я. 531
 Любомирские 48, 175, 234, 349, 454, 462,
 488, 606, 659, 876, 887
 Любомирский 84, 86, 99, 864
 Любомирский А. 581
 Любомирский К. 531
 Любомирский С.Г. 55
 Любомирский Ф.К. 27, 100, 209
 Любомирский Ю. 466
 Людовик XIV 877
 Людовик XVI 55, 206
 Люксембург Р. 824
 Лясовский В. 544
 Лясота 723
- Мадейская М. 794
 Мадейский В. 531
 Мадейский Л. 322, 439—441, 443, 531
 Мадейский Я. 531
 Мадзини Дж. 511
 Маевский 210
 Маевский Р. 750
 Мазараки В. 724, 768
 Мазарский 734
 Мазепа И. 6, 10, 291
 Мазуркевич В. 747
 Майков А.А. 9
 Макарий, митрополит 26
 Маковецкий Л. 531
 Маковецкий Н. 531
 Максимович М.А. 891
 Малавский 119
 Малаховский 389, 427, 438
 Малаховский Э. 531
 Малевский П. 531
 Малевский Ф. 238, 270
 Малевский Ю. 531
 Малиновская 200
- Малиновский 222, 257
 Малиновский Ц. 531
 Малиновский Я. 510
 Малыньские 606
 Малышевский 802
 Мальфатти, графиня 581
 Мальчевский К. 204
 Мандельштам Б. 915
 Манковский 204
 Маньковский В. 908, 909
 Маньковский Е. 871
 Мальчевский Я. 883
 Маньковский П., епископ 786, 803, 806
 Маньковский П. 857
 Маньковский Э. 531, 542, 746
 Маньковский Э. сын 861
 Маньковский Я.Л. 638—640, 664, 678,
 752
 Мария Луиза, франц. императрица 199
 Мария Федоровна, императрица 195
 Мариковский 752
 Маркевич 322, 503, 504
 Марковские 659
 Маркс К. 830, 843
 Мархашкий И. 202
 Мархоцкий К. 202, 515
 Марчин Д. 514
 Марчинковский (Марцинковский) А.
 486
 Марэ Х.Б. 203
 Масальский А. 322
 Маслов 391, 479
 Масловы 940
 Матейко Я. 10, 883
 Матерницкий В. 832
 Матлаковский 896
 Матляковский 659, 684
Мацузато К. 14
Мацумуро Т. 362
 Мачеевский 555
 Мачеевский Я. 841
 Мачеёвский 267
 Машевский Б. 341
 Машинский 268, 684, 700
 Машковский К. 512, 514, 516, 555
 Межевский Э. 749
 Мейендорф Ф.К. 785
 Мейштович В. 878, 885—887

- Менжинский Д. 582
Менцвель А. 829, 830
Местр Ж. де 29, 195, 265, 267, 270, 487
Механцев 394, 395, 397
Мешерский В.П. 662
Мёдушевский А. 861
Мёнчинский (Миончинский) К. 108
Миклер Д. (Мак Клэр) 461
Микулич К. 345, 445
Милашевич В.И. 99, 100
Милевский 766
Милевский Е. 421
Милинский 748
Милковский З. 318
Миллер А.И. 15, 225, 240, 355, 362, 631, 810, 940
Миллер И.С. 12
Миллер С. 474
Милль Дж. С. 830
Милютин Д.А. 578, 785, 914
Микловский 544
Минушевский К. 202
Минькевич Ф. 890
Мирабо О. 30
Миркович Ф.Я. 334
Мировский К. 323
Митусов П.П. 107
Михалёвский Т. 837
Михаил Николаевич, великий князь 738
Михаил Павлович, великий князь 205
Михайловский Т. 717, 766
Михаловский Т. 836
Михаловский Ф. 173
Михаловский Э. 582
Михальский 888
Михальский Е. 55
Михальский Л. 515
Михальский Ф. 511, 515, 516
Михальский Ю. 586, 587
Мицкевич Адам 24, 241, 324, 337, 478, 483, 817, 829
Мицкевич Александр 478, 634
Мишле Ж. 487
Млодецкий 577
Млодецкий Ю. 332, 513, 581
Млодецкий Я. 531
Млодзецкий Ф. 746
Мнишек А. 531
Мнишек Е. 531
Мнишек М. 262
Мнишек Марина 214
Мнишеки 252, 454, 461
Могила Петр, митрополит 291
Могильницкие 879
Могильницкий С. 531
Моджевский А.Ф. 44, 45
Модзелевский 714
Модзелевский Л. 531, 890
Модзелевский Ю. 200, 202
Молинари Э. 867, 874, 907
Монтень М. 467, 938
Мончак А. 43
Монюшко К. 283, 284, 288, 289
Моравич 799
Моргов 658
Моргулец 766
Морков А.М. 447
Мостовский Т. 203
Мосщицкий Х. 369
Мосьщицкий Х. 81
Мошинский 475, 684, 863
Мошинский П. 346, 430, 506
Мошинский Э. 356
Мошейские 575
Мошенские 538
Муравьев Мих. Никитич 111, 162
Муравьев Мих. Никол. 15, 107, 573, 576—578, 636, 638, 703, 783, 788, 814
Муравьев Н.А. 768
Муравьев Н.Н. 240, 261
Мышковский 257
Навроцкий 896
Назимов В.И. 350, 362, 364, 451
Наполеон I 27, 29, 31, 32, 92, 93, 107, 114, 116, 119, 120, 121, 123, 125, 126, 129, 130, 136, 188, 189, 194—196, 197, 199, 201, 203—205, 209, 255, 257, 265, 267—269
Наполеон III 540, 572, 588
Нарушевич А.С. 174, 251
Нарышкин Д. 27
Нарышкин К. 27

- Нарышкины 27
 Науменко В.П. 841
 Невенгловский А. 349
 Неверовский 88, 90
 Небольсин 668, 669
 Недзяловский Б. 815
Неклюев Н.Н. 107, 111
 Немцевич 28
 Немцевич Ю.У. 480
 Несецкий 77
 Несецкий К. 392, 464
 Несмировский Л. 515
Неупокоев В.И. 161
 Николай I 94, 95, 134, 142, 143, 146, 147, 225, 229, 230, 234, 238, 240, 255, 261, 278, 288, 295, 298, 300, 310, 320, 328, 333, 334, 337, 339, 340, 343, 367, 370, 374, 391, 393, 395, 396, 399, 410, 423, 425, 427, 429, 431—433, 436, 439, 443, 474, 483, 484, 487, 488, 493—495, 503, 504, 506, 508, 513, 515, 517, 521, 522, 536, 538, 541, 563, 566, 710, 783, 823
 Николай II 613—615, 619, 671, 679, 754, 796, 806, 807, 824, 827, 828, 856, 887, 913, 940
 Николай Николаевич, великий князь 844
 Новацкие (Даниэль и Ян) 749
 Новицкий 363, 768
 Новицкий А. 323
 Новицкий В.Д. 824
 Новицкий О. 487, 812
 Новицкий Ф. 575
 Нововейский М. 531
 Новосельский В. 89, 90
 Новосильцов Н.Н. 89—91, 118, 119, 122, 123, 133, 144, 145, 219, 233, 234, 284, 285
 Норов А.С. 8
 Ностиц фон 602
 Обольянинов П.Х. 103, 104, 107, 108, 110
 Одровонж-Пенёнжек Ю. 697
 Одынецкий 388
 Ожаровская Ц. 532
 Оже М. 883
 Ожеровская 313
 Ожеровский 27
 Ожеховский С. 46
 Ожешко Э. 391, 696, 882
 Ожешко Ю. 532
 Окольский С. 664
 Олдаковский Е. 843
 Олег, князь 214
 Оленин А.Н. 129, 294
 Олехневич А. 323
 Олехнович В. 815
 Олеша Е. 514
 Олизар 475, 714
 Олизар Г. 223, 224, 531
 Олизар К. 514
 Олизар Л. 63
 Олизар Н. 430
 Олизар Ф. 515
 Олизары 252
 Ольшанский 322
 Опытов 213
 Орачевский Я. 515
 Орда С. 514
 Оржевский П.В. 797, 797
 Орликовский Т. 890
 Орловская А. 532
 Орловская Я. 838
 Орловский 232, 887
 Орловский А. 531, 836
 Орловский К. 208, 212
 Орловский М. 173
 Орловский С. 531
 Орбоев 131
 Осецкий 388
 Оскерко В. 531
 Оскерко К. 531
 Оссолинские 175, 454
 Остапович 353, 506
 Остен-Сакен Ф.В. фон дер 310
 Островский А.Н. 625, 884
 Островский Я.Н. 510
 Острожские 46
 Оттмарштейн М. 661
 Павел I, император 23, 25, 27 —29, 31, 82, 88, 91, 93, 96, 98, 99, 101—103, 197, 111, 119, 124, 171, 172, 174—176, 188, 213, 497
 Павлишев Н. 540

- Павлов 732
Павловская 720
Павловский М. 748
Павловский С. 135, 207, 208
Павловский Т. 514
Падлевский В. 589
Падлевский З. 488
Падура Т. 343
Пайков 311
Пален П.А. 82
Пален К.И. 916
Палий С. 51
Палмер Ф.Г.Е. 583
Пальмери А. 808
Панин В.Н. 345
Панковская 641
Панкратьев П.П. 108, 111, 112, 115, 116,
181—183, 186—188, 191, 234, 256,
257, 261, 300, 891
Панкратьевы 940
Пантелеева 715
Папроцкий Б. 48, 464
Парандье П. 117
Паскевич И.Ф. 145, 429, 429, 534
Пенёнжкевич 639
Пентковский 388
Пеньковский 200
Перадовский 84
Перетяткович 841
Перковский Т. 81
Петлюра С. 6
Петр I, император 26, 53, 284, 286, 287,
291, 376, 519, 583
Петр III, император 519, 565
Петрашкевич А. 768
Петров В.П. 8
Петровская Ю. 597
Петровский (Петриковский) А. 200
Петрусевич К. 824
Петшковский Ю. 200
Пёнтковская 899
Пивницкий М., епископ 476
Пий IX, папа римский 468, 785, 808
Пилсудский Ю. 824
Пилсудский Я.-Х. 201
Пильховский С.А. 509
Пининский 516
Пирогов Н.И. 347, 363, 488, 811
Писарев Д.И. 343
Писарев Н.Э. 513, 516
Пискорский 322
Пихно Д.И. 598, 665, 797, 818, 867
Пильц Э. 663
Платон, митрополит 539, 797, 799
Платонов В.П. 785
Плачковский Я. 750
Плевако Ф.Н. 738
Плеве В.К. 757, 833, 888, 916
Плесневич 714
Плутарх 56, 467
Плуховский 650
Плятер В. 582
Плятер И. 331, 332, 532
Плятер К. 581, 582
Плятер Л. 258
Плятер Ф. 135, 136, 180, 200, 213, 214,
257, 259, 266—268, 269—271, 273,
274, 300
Плятеры 252, 606, 887
Победоносцев К.П. 545, 596, 605, 662,
797, 823, 826, 912
Повинский А. 55
Повстанский А. 237
Повша А. 509
Погодин М.П. 891
Погожельский (Погоржельский, Пого-
рельский) Л. 504
Подвысоцкий 311
Подгоренский М. 515
Подгородинский В. 532
Подгорский В. 663
Подольский 820
Подхородецкий (Подхородеский) В. 502
Подхорский Б. 532
Подхорский В. 604, 684, 800, 801, 896,
899
Подхорский Я. 532
Подчашинский 283
Позняк 102
Пойда Д.П. 570, 629, 656, 657, 667, 702,
735
Покарт 341
Половцов А.А. 650
Поляков С.С. 856

- Поляновский 389
Поляновский Л. 532
Поляновский Я. 532
Помяловский Н. Г. 829
Понагловский 200
Понинские 606
Понинский К. 177—179, 186
Понинский-Валевский 759
Понятовские 575
Понятовский Д.
Понятовский Л. 332, 333, 384, 421, 441, 450, 532
Понятовский М. 834
Понятовский *См.* Станислав Август Понятовский
Понятовский Ц. 532, 542
Понятовский Ш. 903
Понятовский Ю. 126, 195, 197, 257, 450
Поповский П. 200
Порембская Т. 594
Порчинский С. 507
Поструцкий А. 200
Потапов А.Л. 706
Потебня А.А. 648
Потемкин Г.А. 27, 83, 97
Потемкин Я. 472
Потоцкая А. 348, 532
Потоцкая З. 253
Потоцкая М. 579, 838
Потоцкая С. 532
Потоцкая Т. 222, 532, 900
Потоцкая Ю. 532
Потоцкие 36, 48, 307, 454, 510, 538, 659, 665, 669, 679, 847, 855, 876, 887
Потоцкий 324, 736, 874
Потоцкий А. 508, 579
Потоцкий Альфред 611, 870
Потоцкий Анджей 611
Потоцкий Б. 478, 479, 488, 535
Потоцкий В. 198, 200, 456, 508, 510, 532
Потоцкий Г. 508
Потоцкий И. 30, 61
Потоцкий К. 532
Потоцкий Л. 29
Потоцкий М. 318, 461, 532, 797
Потоцкий П. 130, 141, 175, 223
Потоцкий Северин 29, 30
Потоцкий Станислав 213
Потоцкий Станислав Костка 255
Потоцкий Станислав Шенсны 23, 28, 30, 32, 91, 92, 97, 101, 175, 176, 222, 253, 461
Потоцкий Т. 173, 532
Потоцкий Х. 426
Потоцкий Ш. 834
Потоцкий Ю. 173, 508, 878
Потоцкий Я. 29—31, 32, 270, 273, 461
Поттер П.С. 461
Почей (Потий) 222, 232
Прадт Д. де 31
Пражмовский К. 367
Пражмовский К. 532
Прокопович М. 200
Пролевич 430
Проскура С. 311
Протасов Н.А. 495
Протопопов М. 323
Прохаска А. 52
Прохоцкий К. 209
Пруст М. 880
Прухницкий 897
Прушинские 606, 720
Прушинский А. 200
Прушинский З. 889
Прушинский К. 200
Прятко 646
Пулаский 806
Пулнарлович В. 697
Пусловский А. 145, 233
Пусловский З. 506
Путятин Е.В. 363
Пушкин А.С. 9
Пуффафнус С. 834
Пшездзецкий (Пшездзецкий) К. 146, 224, 225, 229, 230, 378, 423
Пшездзецкий А. 458, 460, 461, 506, 528
Пшездзецкий М. 173
Пшечецкий (Пржешецкий) 597
Пшибыльский Р. 251, 272
Пшилуцкий М. 532
Пыпин А.Н. 892
Рабцевич В. 515
Равита-Гавронский Ф. 447, 878

- Радван М. 843
Радзейовский С. 208
Радзивилл А. 532
Радзивилл Б. 52
Радзивилл В. 582
Радзивилл К. 443, 464
Радзивилл Ф. 887
Радзивилл Ц. 532
Радзивилл Я. 48, 322, 879
Радзивилл, княг. 313, 331
Радзивилл, кн. 340
Радзивиллы 252, 459, 887
Радищев А.А. 521
Радищев А.Н. 80, 329
Разумовский А.К. 215, 258, 259, 264—
266, 267—269, 270, 272, 281, 282,
284
Раковин К. 768
Раковский Т. 589
Рамы 538
Рафаэль 255, 461
Рачиборовский А. 532
Рачиборский Л. 178, 179
Рачиборовский Л. 208
Ревич 202
Ревякины 632
Резвов 714
Рей М. 174, 467, 890
Рейналь Г.Т. 31
Рембрандт 461
Рейтерн М.Х. 859
Рени Г. 255
Ренненкампф Н.К. 665, 823, 917
Репин И.Е. 8, 460
Репнин Н.В. 24, 447, 735, 860, 861
Решетов Г.С. 113
Римский-Корсаков А.П. 477
Рихтер Д.Г. 639, 645
Ришелье А.Э. дю Плесси 206, 270
Ровита-Гавронская 878
Рогальский 330, 331
Рогинский Р. 602, 632
Роговские 659
Роговский К. 200
Рогожинский 752
Рогозинский 200, 770
Рогозинский И. 532
Рогозинский К. 670
Родзевич М. 821, 678
Розен 475
Розенберг А.Г. 177—179
Розенталь Ю. 342
Ролле Ю. (псевд. Antoni J.) 486
Романович-Словатинский А. 161
Ростворовский М. 532
Ростворовский Э. 60, 62, 171
Ростишевский 424
Ростопчин Ф.В. 82
Ротшильды 855
Рошковский А. 514
Рубенс 255, 461
Рудзкий 271, 273
Рудзкий П. 47
Рудзкий 271, 274
Рудзкий Ф. 269
Рудницкий 863
Рудченко И. 570, 778
Ружицкий К. 367
Ружицкий Э. 544, 545, 590
Руликовский Ф. 532
Румянцев Н.П. 118, 122, 123, 127, 238
Русановский А. 532
Руссау 655
Руссо Ж.-Ж. 56, 295, 448, 830, 883
Рутковский С. 483
Ручинский Ю. 514
Рушицова Х. 843
Рыбчинские 606
Рьдель Л. 808
Рьжинская Р. 380
Рьжинский С. 380
Рыльский Т. 339, 631
Рыхликова И. 57, 59, 81, 99, 106, 161, 414,
696, 702, 703
Рышковский 200
Рюльер К.Д. 55
Рязановский Н.В. 78
Сабатини В.К.А. 510
Сабинский Ю. 515
Савари Р. 123
Савицкий М. 833
Савич Ф. 511, 760
Садовский А. 445, 889

- Салтыков-Щедрин М.Е. 343
 Салтыковы 82
Самсонович Х. 774
 Самушь С. 51
 Сангушко, князя 46, 457, 460—462, 478, 586, 587, 668, 673, 679, 847, 875, 876, 879, 887
 Сангушко В. 586
 Сангушко Е. 272, 579, 587
 Сангушко И. 204
 Сангушко М. 533
 Сангушко Р. 426, 456, 506, 579, 586, 839, 904, 919
 Сангушко Ф. 46
 Сангушко Э. 204, 262
 Сан-Донат 581
Самбук С.М. 703
 Сапега 255
 Сапега А. 272
 Сапега М. 200
 Сарнацкий Т. 200
 Сарнецкий В. 533
 Сарцевич Х. 824
 Святополк-Четвертинский Г. 735
 Свентожецкий З. 634
 Свентоховский А. 830, 895
 Свенцкий К. 509
 Сверчевский 322
 Светоочки 752
 Свидерские 349
 Свидерская В. 838
 Святополк-Мирский П.Д. 833
 Семенский Л. 462, 509
 Седлецкий С. 831
 Селецкий П.Д. 447
 Семирадский Х. 883
 Семякин М.К. 672, 673
 Сенгайло А. 509
 Сенека Луций Анней 56
 Сенкевич Х. 10, 497, 878
 Сенкевич Я. 405
 Сенковский 745
 Сен-При А.-Э.-Ш 206, 207, 210, 213, 300
 Сен-Симон А. 511
 Сенькевич К. 509
 Сетон-Уотсон Х. 796
 Сераковский З. 488
 Сераковский К. 200
 Сераковский Я. 200
 Сиверс Ф.Ф. 213
 Сигизмунд I Старый, король Польши 41
 Сигизмунд II Август, король Речи Посполитой 62
 Сигизмунд III Ваза, король Речи Посполитой 50, 497
 Сидкевич В. 405
Сикорска-Кулеша И. 81, 161
 Силич М. 717
 Сипягин Д.С. 757, 773, 934
 Скальский 808
 Скаржинский Л. 824
 Скибковский 498
 Скибневские 676
 Скибневский 611, 656
 Скибневский В. 533
 Сковорода Г. 358
 Скоропинский П. 719
 Славинский 730, 731
 Славка Б. 824
 Сливинский Я. 710
 Словацкая С. 309
 Словацкий Ю. 10, 202, 280, 309, 367, 410, 447, 461
 Смит А. 280
 Смородинов 571
 Снядецкий Я. 251, 255, 257, 262, 263, 269, 281, 282, 473
 Собанская 24
 Собанская В. 750
 Собанская М. 533
 Собанская Р. 533, 881
 Собанские 667, 673, 732
 Собанский 648, 674
 Собанский 338, 345
 Собанский Г. 510
 Собанский Е. 532
 Собанский И. 311, 461, 510
 Собанский Л. 532
 Собанский М. 209, 263, 461
 Собанский П. 532
 Собанский Ф. 345, 348, 443, 585, 660, 894
 Собанский Х. 532
 Собеские 48

- Собешевский И. 533
Собешанский К. 200
Соболевские 659
Совинский Л. 541
Соколовский 200
Сокольников М. 206
Солженицын А.И. 7, 21, 376
Соловинский Я. 719
Соловьев В. 808
Солтан Й. 824
Солтан Ф. 509
Сорбье Ф. 456
Сорочинский 312
Сосновский К. 821
Сотников 522
Сохачевский А. 115
Спасович В.Д. 737
Сперанский М.М. 93, 118, 126, 128, 190, 195, 200, 237, 249, 265, 278, 280, 287, 289, 301
Стадницкий К. 199, 533
Стадницкий П. 173, 533
Стажинский 338
Стажинский Б. 744, 745
Стажинский Е. 533
Сталин И.В. 95, 132
Станислав Август Понятовский, король Речи Посполитой 22, 23, 27, 28, 30, 53, 56, 80, 98—100, 101, 115, 117, 254, 461
Станкевич П. 836
Старицкий М.П. 665
Старожилова 213
Старорыпинский З. 889
Старорыпинский Ю. 744, 766
Старчевский 389
Сташиц 892
Стемпковский И. 533
Стемповский Е. 829, 830
Стемповский В. 509
Стемповский С. 209, 657, 663, 674—676, 746, 761, 763, 829, 830, 836, 876
Стендаль 883
Стефанович 575, 732
Стефанович Я.В. 646
Стецкие 461, 462, 606, 721
Стецкие (Кароль, Эразм, Эдмунд) 443
Стецкий 271
Стецкий А. 200, 214, 262
Стецкий Р. 270
Стецкий Я. 59
Столыпин П.А. 619, 681, 691, 804, 839, 842, 905
Стояновский 394
Строганов А.Г. 333, 334, 391, 392, 400, 401, 517
Строганов А.С. 107, 111, 127, 188, 495
Строганов С.Г. 278, 433
Стройновский 255
Стройновский В. 27, 64, 191
Стройновский Г. 250, 280
Стройновский И. 251
Стройновский Л. 591
Струтинский М. 749
Суворин А.С. 803
Сулатицкие 659
Сулатицкий (Сулатыцкий) Я. 344, 423, 443, 533
Сулатицкий К. 533
Сулима 908
Сулятицкий Л. 533, 649
Сумароков С.П. 572
Сумовские 679
Сумцов 168
Сухачевский 649
Суходольский А. 64
Суходольский С.П. 827, 828
Сухомлинов В.А. 617, 618, 621, 678, 804, 805, 858, 914
Сушманов Ф.Д. (псевд. Квитко) 655
Счиборский (Сциборский) 268, 270, 272, 283
Сырокомля В. 817
Сэй Ж.Б. 280
Сю Э. 487, 829
Табинский 340
Табш Я. 482
Тазбир Я. 51, 52, 774
Талейран Ш.М. де 117
Талько-Хринцевич Я. (псевд. Ян Илговский) 581, 699, 701, 737, 790, 796, 800, 818, 863, 892, 894, 895, 918
Тарновская В. 533

- Тарновские 659
Тарновский М. 533
Тарновский С. 506
Тарновский 199, 200
Тартини 332
Таубе Г. 456
Тацит 56, 467
Твардовский С. 308
Телешинский К. 200
Тенирс 461
Теплов А. 107
Терещенко А. 620, 861, 870, 872, 902
Терпигоров С.Н. (псевд. Атава) 625
Тимашев А.Е. 589, 722, 786, 911
Тит Ливий 56, 467
Тит Флавий Веспасиан 190
Тициан 461
Токажевский 766
Толли И. 581
Толстая 27
Толстой Д.А. 588, 597—599, 600, 609, 795, 797, 825, 830, 893
Толстой Л.Н. 343, 804, 830, 861, 884, 932
Томашевский Ю. 508
Томара Л.П. 742, 918
Торбач А. 717
Торбеев 107
Тормасов А.П. 115, 116, 119, 129
Тоцицкий 503, 506
Траугутт Р. 355, 545
Трембецкий С. 28
Трембицкий М. 509
Трентовский Б. 487
Трепка В.Н. 43
Трепов Ф.Ф. 582, 618, 621, 668, 768, 805—807, 841, 914
Тржецкая Т. 533
Трипольские 323, 575
Трипольский 438
Троицкий С.М. 77, 161
Трояновская З. 878
Трофимова А. 533
Троцкий 389
Трошинский П.Д. 131
Трояновский 65
Трубейца 443
Трубейской Г. 808
Трушинский В. 532
Трушинский Ю. 532
Тургенев И.С. 343, 467, 884
Турович 477
Тутолмин Т.И. 77, 97, 98, 114, 119, 171, 214, 519
Тушинский Т. 322
Тшаска М. 592, 901
Тшечецкий 666
Тшечецкий (Третецкий, Трещецкий) А. 199, 200
Тшечяк 200
Тшечяки 656
Тычальский 755
Тышкевич 864
Тышкевич Б. 679
Тышкевич В. 510, 533
Тышкевич М. 770
Тышкевич Х. 225, 378, 384, 417, 421, 423, 427, 428, 430, 439
Тышкевичи 917
Тэн И. 830
Тютчев Ф.И. 7, 21, 588
Уваров С.С. 405, 474, 481, 483, 513, 555, 783
Уваров Ф. 325
Удалов С.В. 539
Узембло 439
Уланицкий 577
Уминский В. 515
Унгерн-Штернберг 855
Урановская Е. 533
Урбанские 606
Урбанский 744
Урбанский А. 878
Уруска-Собанская 407
Урусский К. 173
Успенский Г.И. 343, 829
Устицкий М. 14, 878
Феваль П. 829
Федорович 834
Фелинская Э. 514
Фелинский А. 272, 273
Фельдман 635

- Фельёли 855
Феминица 745
Фенш А.С. 107, 109
Феокрит 265
Фердинанд Карл Иосиф фон Габсбург д'Эсте 195
Ферзен И.Е. 119
Фиалковский Антоний, епископ Каменецкий 350—352, 504, 785
Фиалковский Антоний Мельхиор, архиепископ Варшавский 586
Филатьев В.И. 474, 476
Философов М.М. 124, 125, 136, 188, 298
Фихте Я. 31
Фиш З. (псевд. Т. Падалица) 485, 542
Флиге 861
Флиз Д. де ля 414
Флорковский 744
Франко И. 674
Франковский М. 324, 340
Франц Иосиф I Габсбург, император Австро-Венгрии 808
Фредро А.И. 46
Френкель 576
Фроленко М.Ф. 647
Фролов И. 646
Фудаковский И. 542
Фудаковский К. 831
Фуко М. 938
Фундуклей И.И. 523
Фурье Ш. 487
- Хадий 620
Хамец Э. 542, 707
Хандельсман М. 540
Ханенко Б.И. 861
Ханькевич Т. 734, 735
Харленский И. 47
Хелминский 734
Хельмонский Ю. 10
Хлодовский 349
Хлопицкий Л. 510
Хлопицкий Э. 664
Хмелевский Я. 823, 832
Хмельницкий Б. 8, 48, 49, 112, 126, 630, 823, 883
Хованский Н.Н. 141, 166
- Ходкевич А. 262, 263
Ходкевич Б. 533
Ходкевич И. 510
Ходкевич К. 533
Ходкевич М. 197, 533
Ходкевичи 538
Хоецкий П. 533
Хоецкий Я. 307, 311
Хоинский 280
Хоиньска-Мика И. 54
Холовинские 575
Холовинский (Головинский) И. 487
Холовинский З. 456, 533, 542, 543
Холоневская Е. 533
Холоневский С. 332
Хомяков А.С. 9
Хонский М. 475
Хорак А. 697
Хорватт (Горватт) А.А. 352, 445, 447, 575, 669, 670
Хрептович Ю. 864
Хруш 200
Хрушев О.Д. 213
Хряков 870
Хузовский 720
Хшановский 752
- Цандер 101
Цехонский 590
Цивинская 330
Цивинский 424
Цицерон 45
Цицианов П.Д. 32
Цыкер 577
- Чайковский 322
Чайковский Л. 209, 338
Чайковский М. (Садык-Паша) 540
Чапская 580
Чапская М. 881
Чапский 664
Чарнак П. 200
Чарнецкий К. 200
Чарнецкий М. 902
Чарнецкий Матеуш 533
Чарнецкий Миколай 533
Чарнецкий Т. 209

- Чарновская Е. 824
 Чарновский В. 542, 890
 Чарновский Ю. 861, 863
 Чарномские 880
 Чарномский А. 533
 Чарномский Л. 533, 579
 Чарторыйская И. 480
 Чарторыйская М. 331, 332, 533, 770
 Чарторыйские (Чарторижские, Чарторыжские) 22, 24, 46, 55, 58, 83, 175, 454, 510, 538, 917
 Чарторыйский А.Е. 22, 24, 26, 29, 32, 90—93, 96, 111, 113, 116, 117—121, 123, 127—129, 134, 141, 176, 188, 205, 210, 234, 237, 251—252, 256—258, 259, 260, 262, 263, 265, 267—269, 270—272, 273, 274, 276, 277, 282—285, 292, 293, 295, 298, 301, 347, 407, 471, 509, 540, 596
 Чарторыйский А.К. 22, 454
 Чарторыйский Б. 26
 Чарторыйский К. 22
 Чацкие 349, 461
 Чацкий В. 533
 Чацкий Т. (Фаддей Феликсович) 51, 63, 115, 119, 120, 127, 135, 141, 189, 197, 203, 213, 250—254, 255—257, 258, 259, 261, 262—264, 266—268, 290, 298, 301, 331, 472, 473, 475, 861, 915
 Чацкий Феликс, племянник Т. Чацкого 271, 533
 Чацкий Феликс 666, 864, 870
 Чевкин В.И. 127, 177—179
 Чеконский Л. 590, 633
 Черемыс В. 648
Черкасов В.В. 357
 Червинский З. 889
 Черниловский Л. 126
 Чернышев А.И. 151, 374
 Чернышевский Н.Г. 830
 Чертков М.И. 573, 586, 593, 621, 650, 732, 811, 812, 820
 Червиньский 766
 Чесляк Т. 697
 Чесновские 879
 Четвертинская-Жевуская 900
 Четвертинская К. 533
 Четвертинская М. 27
 Четвертинские 46, 460, 879, 887
 Четвертинский 26
 Четвертинский (Святополк-Четвертинский) А.С. 25, 26
 Четвертинский Д. 267, 293, 380
 Четвертинский Е. 533
 Четвертинский Ю. 208
 Чехов А.П. 625, 874
 Чечели 879
 Чечель Я. 533
 Чечерская 580
 Чечишовский Каспер, епископ 367
 Чешковские 349
 Чиж 108
 Чижевский 808
 Чинский Я. 511
 Чихачев Н.М. 855
 Чишевский 222
 Чорба 341
Чубинский П.П. 648, 711, 768, 787, 819
 Чудовская Х. 533
 Чулков 498
 Шадурский В. 405
 Шайноха 340
Шандра В.С. 13, 357
 Шарамович А. 590
 Шашкевич А. 471
 Шашкевич Ю. 533
 Шварценберг К.Ф. 203
 Швейковская А. 533
 Швейковский Я. 173, 200
 Шевченко Т.Г. 115, 542, 631, 665, 686, 823
 Шекспир 467
 Шембек Ю. 346
 Шембек 533
 Шептицкий Андрий, митрополит 808
 Шереметьев 214
 Шиллер Ф. 467, 829
 Шимановские 880, 899
 Шимановский 384
 Шимановский К. 872, 899
 Шимоновский Ю. 206
 Шипов С.П. 539
 Ширинский-Шихматов А.П. 582, 811, 813, 814
 Шишков А.С. 213, 260, 277, 497, 783

- Шкляревич 659
Шмыт А. 291
Шостаковский Ф. 345, 632, 638
Шпаковский 503
Шпотер Д. 14
Штакельберг 745
Штейн 863
Шуазель Г.А. 533
Шувалов П.А. 786
Шульгин В.Я. 818
Шушерин 577
- Щеневские 902
Щеневский И. 857
Щеневский Т. 317, 472
Щенявский 212
Щенёвский Т. 464—466, 472, 766
Щепковский В. 515
Щербицкий 231
- Эдуэн 480
Эйдельман Р. 625
Эйлер А.А. 618, 679, 803, 805, 806, 814, 904
Эйсмонт 231
Энгельгардт А. В. 23
Энгельгардты 425, 569
Энгольм 146
Эпельбойм 830
Эпштейн Т. 14
- Юзефович М.В. 572
Юргенс Э. 446
Юревич А. 534, 766
Юренев С.П. 95, 146, 149, 297
Юркевич 340
Юркевич Ю. 485
Юрковский Р. 886
- Яблоновские 454, 462, 669
Яблоновский 271
Яблоновский А. 534, 885
Яблоновский В. 534
Яблоновский К. 534
Яворский 93, 200
- Ягеллоны, династия 635
Ягелович К. 510
Яжина Н.Л. 515
Яковенко Н.Н. 13, 38, 39, 46, 47, 49, 50, 52
Якович Е. 201
Якубовский К. 443
Янион М. 885
Яницкий М.А. 45
Янишевский А. 480
Янишевский Л. 515
Янишевский П. 841
Янковская А. 534
Янковский Д. 894
Янковские 606
Янковский Л. 542, 824, 832, 890, 901
Яновский Е. 456
Яновский Л. 485, 893
Яновский Ф. 533
Янцовская 822
Янушевский Я. 309
Ярковские 270
Ярмунд С. 634
Ярошевский 752
Ярошевич А.И. 905
Ярошинская А. 857
Ярошинские 575, 879
Ярошинский 645
Ярошинский А. 173, 534
Ярошинский О. 443, 450, 534
Ярошинский С. 210
Ярошинский Ф. 534
Ярошинский Х. 534
Ярошинский Ч. 173
Ярошинский Э. 345, 534
Ярошинский Ю. 585
Ярошинский Я. 534, 871
Ясинский И. 509
Ясинский С. 324
Ясинский Ф. 534
Ястшембский К. 209
Яцковский М. 759
Ячевская Ю. 814, 815
Ячевский Д. 421

ОГЛАВЛЕНИЕ

От переводчика	5
Введение	6
Карты	16

Часть I. 1793—1830 годы

Глава 1. О стоящих и нестоящих внимания путях исследования	21
Соблазн красивых историй об интеграции и ассимиляции	21
Исторический фон	33
Состояние исследований о шляхте	37
Глава 2. Как поступить с такого рода людьми?	75
Последствия разделов Речи Посполитой	75
Намерения «чистки рядов»	80
Три возможных пути решения статуса безземельной шляхты:	
Павел I, Державин, Чарторыйский	96
Вершина благих намерений властей	116
Подготовка деклассирования еще до начала Польского восстания	133
Как бы все обернулось, не будь Ноябрьского восстания?	147
Глава 3. Польские помещики под оком Петербурга	169
От сеймиков к первым шляхетским собраниям	170
Указ о выборах 1805 года и видимость диалога	181
Антифранцузская реакция и волна конфискации	195
Проблемы интеграции 1815 года: излишняя придиричивость в Подолье и великодушие на Волыни	207
Недоверие властей к польской полиции на селе	219
Остатки шляхетской автономии накануне 1830 года	226
Глава 4. Горе от ума на Украине	249
Шляхетская нация, польское самосознание, российское подданство	250
Учебные заведения Украины и шляхетский патернализм	265
Шляхетские учебные заведения: окно в открытое общество или тупик?	278
Подведение итогов: 1793—1830 годы	295

Часть II. 1831—1863 годы

Глава 1. Крепостной и его господа. Украинское крестьянство	305
Продолжительная колонизация	305
Ужесточение крепостничества	309
Чего ждать от патернализма?	313
Умелое использование злоупотреблений	320
Как облегчить крестьянскую долю?	325
Вырвать крестьян из-под польского влияния	329
«Инвентарные правила» и их применение	333
Горькое завершение царствования Николая I	339
Кому выгоден либерализм?	343
Глава 2. Западня для шляхты. Деклассированная шляхта	366
Козлы отпущения	366
Всех на Кавказ!	369
Как от них избавиться?	376
Долой шляхетскую солидарность!	386
Мясорубка для шляхты	390
Социально-культурная смерть	399
Глава 3. «... с остальными частями Империи в одно тело, в одну душу»	415
Роль дворянских собраний	415
Пособники русификации	422
Российское право и особые правила	428
Высокомерные у себя в уезде и покорные перед лицом властей	436
Последние иллюзии создания автономии	442
Глава 4. Аркадия под угрозой: Землевладельческая шляхта	453
Прелести застоя: Помешики крупные и мелкие	454
Культурный террор: Учебные заведения и пресса	471
Религиозный террор: Католики и униаты перед лицом православия	489
Политический террор: Репрессии после 1831 года и «заговора» Ш. Конарского	505
Попытки ассимиляции: Вербовка богатой шляхты на государственную службу	518
Польские помешики накануне 1863 года	540
Подведение итогов: 1831—1863 годы	559

Часть III. 1864—1914 годы

Глава 1. Русско-польский антагонизм в земельном вопросе	569
Годы слепой ненависти: 1863—1865	569
Злоба, укрошенная разумом: 1865—1875 годы	578

	Русская одержимость и польское противодействие: 1875—1888 годы	591
	Итоги изъятия земельной собственности к концу века	601
Глава 2.	Польско-украинский антагонизм в земельном вопросе	629
	Между отрицанием и покровительством	630
	Драма межвания	642
	Земельный голод	651
	Обострение ситуации в 1890-х годах	663
	От крестьянских волнений к революции?	674
Глава 3.	Беднейшие из бедных	694
	Связующее звено	694
	Упразднение категории однодворцев	702
	Земля как капитал	710
	Как утихомирить взбунтовавшихся чиншевиков?	721
	Двусмысленность положения 1886 года	738
	Забвение и социальное разложение	747
	1905 год, или неискреннее раскаяние землевладельцев	758
	Забывтая городская шляхта	769
Глава 4.	Как управлять душами?	783
	А. — Религиозные антагонизмы	783
	Ограничение власти высшего католического духовенства на Украине	784
	Затирание признаков католицизма	787
	Ограничение численности приходского католического духовенства	790
	Усиленная экспансия православной церкви	794
	Религия и национализм	798
	Указ о религиозной терпимости 1905 года и его применение на практике .	803
	Религия — источник национального антагонизма	805
	Б. — Школьное дело	809
	Одержимость властей польским вопросом	810
	Российско-польское антиправительственное сближение студентов	820
	Политические иллюзии поляков в 1905—1908 годах	831
Глава 5.	Экономическая интеграция в Российскую империю	854
	А. — Новое обогащение польских землевладельцев Украины	854
	Развитие транспорта	855
	Производство зерна	858
	Винокуренное производство	862
	Сахарные заводы	865
	Лесная промышленность	973
	Накопление капитала	975

Б. — Новое польское общество Украины и его окружение	877
Престиж владения землей и общественная жизнь	877
Интеллигенция и официалисты	890
Сезонные рабочие, иностранные колонисты и евреи	905
Подведение итогов: 1864—1914 годы	928
Заключение	937
Перечень архивов и библиотек, содержащих архивные материалы	942
Список литературы и опубликованных источников	943
Именной указатель	971

УДК 94(477. 4)"1793/1914"
ББК 63.3(2)52
Б72

**Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA**
*Е. Анисимов, В. Живов, А. Зорин,
А. Каменский, Ю. Слёзкин, Р. Уортман*

Бовуа Д.

Б 72 Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793—1914) / Авторизованный перевод с французского Марии Крисань. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 1008 с.: ил.

Охватывающее более чем вековой период исследование выдающегося французского историка-слависта, профессора Даниэля Бовуа, преподававшего в университетах Нанси, Лиля, Париж I Пантеон-Сорбонна, посвящено истории Правобережной Украины — Киевщины, Вольны, Подолии — в составе Российской империи. В центре внимания — борьба между российским самодержавием и польскими элитами за господство в этом регионе и контроль над украинским крестьянством. В равной мере глубоко анализируя социальные, экономические и культурные процессы, автор показывает трудности интеграции бывших земель Речи Посполитой в империю Романовых; объясняет, почему польская землевладельческая аристократия вопреки росту русского национализма оставалась до 1917 года привилегированной и преуспевающей группой; освещает драматическую судьбу тех почти забытых историками «промежуточных» категорий населения, которые не вписались в жесткую сословную иерархию российского общества. Доказывая, что все проекты как колонизации, так и русификации основной массы населения днепровского Правобережья были нереалистичны, книга представляет формирование украинской нации закономерным продуктом сложившихся на этих землях исторических условий.

УДК 94(477.4)"1793/1914"

ББК 63.3(2)52 + 63.3(4Укр)52

ISBN 978-5-86793-829-1

© Д. Бовуа, 2011

La bataille de la terre en Ukraine 1863—1914 © Presses Universitaires de Lille
Pouvoir russe et noblesse polonaise en Ukraine, 1793—1830 © CNRS ÉDITIONS, 2007.
All rights reserved

Le noble, le serf et le revizor: la noblesse polonaise entre le tsarisme et les masses ukrainiennes, 1831—1863 © Éditions des Archives contemporaines

© М. Крисань, перевод, 2011

© «Новое литературное обозрение», 2011

Даниэль Бовуа
ГОРДИЕВ УЗЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине
(1793—1914)

Научный редактор *М. Долбилов*
Редактор *И. Жданова*
Художник *Д. Черногаев*
Корректор *Э. Корчагина*
Верстка *С. Пчелинцев*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 63. Тираж 1000. Заказ № 2683
Отпечатано в ОАО «Типография “Новости”»
105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46